

КГБ. ПРЕДСЕДАТЕЛИ
ОРГАНОВ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Л. МЛЕЧИН

СПб

КГБ

ПРЕДСЕДАТЕЛИ
ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
РАССЕКРЕЧЕННЫЕ СУДЬБЫ

КГБ — одна из самых
знаменитых и загадочных
аббревиатур XX столетия,
до сих пор заставляющая
содрогаться многих.

ЛЕОНИД

МЛЕЧИН

Леонид Млечин

КГБ

**ПРЕДСЕДАТЕЛИ
ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ**

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ СУДЬБЫ

*Издание четвертое,
дополненное*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 351.746
ББК 67.401.212
М72

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Млечин Л.М.
М72 КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассек-
реченные судьбы. 4-е изд., доп. — М.: ЗАО Издательство
Центрполиграф, 2011. — 918 с.

ISBN 978-5-227-03135-8

Таинственные хозяева Лубянки неизменно привлекают наш интерес. Среди них были фигуры яркие и посредственности, люди, поистине определявшие политику страны, и простые исполнители приказов высшей власти. Каждого пятого из них расстреляли. Но двое — Юрий Андропов и Владимир Путин — стали руководителями государства.

Чекисты — закрытая и очень влиятельная корпорация. Какую роль органы госбезопасности играли в истории нашей страны? Виновны ли они в драмах и трагедиях России XX века? Что происходит на Лубянке в наши дни? Рассказ об этом ждет читателя в новом, дополненном издании книги Л. Млечина.

УДК 351.746
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-227-03135-8

© Млечин Л.М., 2011
© Художественное оформ-
ление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

От автора

Предыдущее издание этой книги вышло, когда эпоха Владимира Владимировича Путина только начиналась. За прошедшее десятилетие многое изменилось и в жизни страны, и в работе ведомства госбезопасности, появились новые люди, имеющие право занять место в списке героев книги, поэтому я счел своим долгом ее дописать.

Хочу сразу предупредить недоуменные вопросы читателей: Комитет государственной безопасности СССР существовал с 1954 по 1991 год, поэтому, возможно, не совсем корректно пользоваться аббревиатурой КГБ, поскольку в книге речь идет обо всех руководителях госбезопасности от Октябрьской революции до наших дней.

Но именно эти три буквы — КГБ — стали синонимом отечественных органов госбезопасности. Мы по-прежнему говорим «КГБ», хотя это ведомство часто меняло название: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Государственное политическое управление, Объединенное государственное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат государственной безопасности, Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности, Межреспубликанская служба безопасности, Агентство федеральной безопасности, Министерство безопасности, Федеральная служба контрразведки. И нынешнее название службы — Федеральная служба безопасности — не обязательно последнее, хотя эпоха Путина — эпоха стабильности и для ведомства госбезопасности время восстановления утраченных позиций.

Чаше, чем название службы, менялись на Лубянке начальники. С 1917 по 2010 год сменилось двадцать шесть председателей, наркомов, министров и директоров. Для сравнения — наркомов и министров иностранных дел было почти вдвое меньше.

Служба в ведомстве госбезопасности влечет к себе людей, но часто оказывается для них губительной. Некоторые герои этой книги возглавляли ведомство совсем недолго — несколько месяцев, год. Рекорд поставил Юрий Владимирович Андропов: он был председа-

телем КГБ пятнадцать лет. Николай Платонович Патрушев проработал на посту директора ФСБ без малого десять лет.

Многие входили в известное здание на Лубянке под аплодисменты, обретали там власть и награды. Но мало кто уходил с Лубянки по своей воле или на повышение. Из госбезопасности в основном увольняют или убирают. Пятерых расстреляли. Другие попали в тюрьму или в опалу. В лучшем случае их отодвигают в сторону. Правда, двое героев этой книги — Юрий Андропов и Владимир Путин — стали руководителями государства.

Нам со стороны кажется, что эти люди, наделенные огромной властью, наслаждались жизнью. Реальность далека от нашего воображения. В истории Лубянки отразилась трагическая история нашей страны в XX столетии.

Эта книга представляет собой попытку нарисовать портреты всех хозяев Лубянки. Одни уже вошли в историю, другие продолжают участвовать в современной политике. Об одних известно больше, о других меньше. Книга основана не только на воспоминаниях очевидцев и архивных документах, преданных гласности в последние годы, но и на многочисленных беседах автора с участниками событий — отставными или действующими сотрудниками госбезопасности, партийными работниками и политическими деятелями, равно как и с историками, которые пытаются осмыслить наше недавнее прошлое.

Исключение — фигуры последнего времени. Ситуация изменилась. Хозяевами Лубянки вновь стали люди сугубо непубличные. Они сами мало что рассказывают о себе и своей службе, и подчиненные следуют их примеру. Более того, молчат и отставники.

В нынешней жизни высшие чиновники если и уходят — на пенсию или в другие сферы деловой жизни, — то мемуаров не пишут. Характерный пример. Из команды Путина в оппозиции оказались только двое: глава правительства Михаил Михайлович Касьянов и советник президента по экономическим вопросам Андрей Николаевич Илларионов. Оба высказываются достаточно часто, но практически избегают описания механизмов принятия решений в Кремле и Белом доме, расстановки сил в системе высшей власти, личных оценок влияния тех или иных ключевых фигур.

Что уж говорить о таких закрытых фигурах, как руководители ведомства госбезопасности последнего десятилетия! Тут мы можем основываться только на тех материалах, которые просочились в открытую печать.

Часть первая

ЭПОХА ДЗЕРЖИНСКОГО

Глава 1

ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ ДЗЕРЖИНСКИЙ

Никто в России сначала не оценил по достоинству декрет о создании ВЧК. А между тем эти три буквы стали одной из самых знаменитых аббревиатур XX столетия.

Впрочем, в первые послереволюционные месяцы были и другие комиссии и комитеты, наводившие страх. Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем создавали в основном для того, чтобы справиться с армией чиновников, которые бойкотировали новую власть. Но вскоре в стране с ужасом заговорили о «кожаных людях».

Сотрудники ВЧК носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для летчиков. Это был подарок Антанты, найденный большевиками на складах в Петрограде. Куртки чекистам нравились не потому, что они предчувствовали моду на кожу. Все проще: в кожаных куртках не заводились вши. В те годы это было очень важно: вши переносчики тифа, который косил людей и на фронте, и в тылу.

В январе 1918 года знаменитая писательница Зинаида Гippiус написала в дневнике: «Очень странен и подозрителен этот комитет на Гороховой «по борьбе с контрреволюцией и саботажем». Главные буйства идут оттуда... Левые эсеры признались, в частном разговоре, что Гороховая, 2, — это их «охранное отделение». Там, конечно, есть уже и опытные филеры, из старых. Всякий день строятся какие-нибудь «заговоры».

В Санкт-Петербурге на углу улицы Гороховой и Адмиралтейского проспекта и поныне стоит дом, где в декабре 1917 года расположилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Сейчас в этом здании находится музей, где воссоздана обстановка, в которой работал председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

До революции там помещалось управление Санкт-Петербургского градоначальника, в первые дни после Октябрьской революции заседала

Чрезвычайная комиссия по охране города во главе с будущим маршалом и наркомом обороны Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Тогда Ворошилов казался более важным и опасным человеком, чем Феликс Эдмундович Дзержинский.

ГЛАВНОЕ ЗАДАНИЕ

Как только его не именовали! И козлобородым палачом в кавалерийской шинели. И кровопийцей. И маньяком. И садистом. Кем же он был в действительности? Дзержинский родился 30 августа 1877 года в имении Держиново Ошмянского уезда Виленской губернии (ныне Столбцовский район Минской области) в семье мелкопоместного дворянина. У его матери Хелены было восемь детей — Альдона, Станислав, Казимир, Ядвига, Игнатий, Владислав, Феликс, Ванда. Рассказывают ужасную историю. Однажды Феликс и Станислав решили пострелять по мишени, и вдруг появилась сестренка Ванда... Ей было четырнадцать лет, чья пуля ее убила — Феликса или Станислава — осталось неизвестным. В 1917 году бандиты зарезали Станислава Дзержинского. Он работал в банке, вернулся домой, и его убили — хотели ограбить. Феликс учился в гимназии, но учебу не закончил. В восемнадцать лет вступил в социал-демократический кружок, затем в партию «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы». С этого момента и до 1917-го Дзержинский занимается только одной партийной работой. Профессиональный революционер — так это тогда называлось.

В 1897 году он был арестован в первый раз и выслан на три года в Вятскую губернию. Через год бежал, вернулся в Вильню, оттуда перебрался в Варшаву, где агитировал рабочих присоединяться к социал-демократам.

В начале 1900 года он вновь арестован. Сидел в Варшавской цитадели и в Седлецкой тюрьме. В 1902-м его выслали на пять лет в Сибирь. По дороге он бежал и перебрался за границу: в те времена это было несложно. Однако вскоре вернулся. В июле 1905-го новый арест. Но тут началась первая русская революция, и осенью он подпал под октябрьскую амнистию. В конце 1906-го его снова арестовали, но отпустили под залог.

Через год опять арест, суд и ссылка в Сибирь, в Енисейскую губернию. Однако вскоре Дзержинский вновь бежал, после чего работал в Польше.

После побега из ссылки Феликс записал в дневнике: «Жизнь такова, что требует, чтобы мы преодолели наши чувства и подчинили их холодному рассудку». Ради революции он заставил себя забыть о любимой женщине.

В 1912 году его арестовали и теперь уже взялись за него по-настоящему: приговорили к трем годам каторги. Отбывал он ее в Орле. Когда этот срок закончился, его повезли в Москву и в 1916-м стали

судить за старое. Добавили еще шесть лет каторги. Отбыть этот срок он не успел: его, как и других политических заключенных, освободила Февральская революция.

Дзержинский участвовал в том историческом заседании ЦК партии большевиков 10 октября 1917 года в Петрограде, где было принято решение о подготовке вооруженного восстания. Именно Дзержинский в тот день предложил «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК». Предложение Дзержинского понравилось: политбюро существовало до августа 1991 года.

За неделю до революции Горький опубликовал в газете «Новая жизнь» статью под названием «Нельзя молчать!». Он требовал от большевиков заявить, что они не собираются устраивать восстание. Если это произойдет, предупреждал писатель, «вспыхнут все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухой жизни, ложью и грязью политики, люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости». Предупреждение Горького большевики с возмущением отвергли.

Дзержинского включили в состав Петроградского военно-революционного комитета и военно-революционного партийного центра по руководству Октябрьским вооруженным восстанием. 24 октября ему поручили руководить захватом почты и телеграфа. Временное правительство не сопротивлялось. Власть перешла к большевикам.

Дзержинский отвечал за охрану Смольного. В качестве коменданта Смольного Дзержинский подписал пропуск американскому журналисту Джону Риду, автору знаменитой книги об Октябрьской революции «Десять дней, которые потрясли мир».

А 20 декабря Дзержинский получает свое главное задание сформировать и возглавить ВЧК.

«ПРАВО РАССТРЕЛА ДЛЯ ЧК ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО»

Пробыв одиннадцать лет в тюрьмах и на каторге, Дзержинский лучше других знал, как действует репрессивный аппарат. Какие уроки он извлек из собственного опыта? С одной стороны, он брезговал опускаться до уровня царской охранки и ненавидел провокаторов. С другой — хорошо помнил, с какой легкостью ему и его товарищам удавалось обманывать царских полицейских и тюремщиков, и не хотел повторять ошибок своих противников.

На заседании коллегии ВЧК 18 февраля 1918 года было принято решение использовать «секретных сотрудников только по отношению к спекулятивным сделкам, к политическим же врагам эти меры не принимаются. Борьба ведется чисто, идейным содействием советских элементов».

Ровно через месяц на новом заседании коллегии было принято постановление, которое запрещало ВЧК использовать прово-

кации. Но благие намерения испарились при столкновении с реальностью.

Дзержинский считается непрофессионалом, но это он ввел внутрикамерную «разработку» заключенных. К ним подсаживались агенты, которые выведывали то, о чем на допросах арестованные не говорили. «Подсадными утками» пользуются и по сей день.

Следствие по политическим делам с первого дня было основано на внедрении в ряды противников агентов-provokatorov. Настоящего расследования не проводили, для этого не было ни времени, ни умения, поэтому от следователя требовалось добиться от виновного признания. Доносчиков, осведомителей, секретных агентов ценили как главный инструмент следствия.

Дзержинский не считал ВЧК специальной службой, контрразведкой или политической полицией. Он видел в ВЧК особый орган, имеющий право самостоятельно уничтожать врагов. Он писал: «Работники ЧК — это солдаты революции, и они не могут пойти на работу розыска-шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

12 июня 1918 года партийная фракция на конференции местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем приняла такое решение:

1. Секретными сотрудниками пользоваться.
2. Изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых эсеров, меньшевиков.
3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав, клубы, кружки, школы и т. д.
4. Расстреливать видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников.
5. В провинции пресечь распространение буржуазной, соглашательской и бульварной печати.
6. Предложить ЦК отозвать т. Урицкого с его поста в Петроградской ЧК и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими Советскую власть и революцию...»

Моисей Соломонович Урицкий, которого чекисты-партийцы потребовали убрать из Петроградской ЧК, был уважаемым человеком среди большевиков. Он много лет провел в тюрьме и в ссылке, в эмиграции был близок к Троцкому.

25 октября 1917 года Урицкого назначили комиссаром при министерстве иностранных дел. На следующее утро после революции он приехал в МИД, где провел беседу с дипломатами. Но дипломатическими делами занимался всего несколько дней: он получил новое задание — руководить Всероссийской комиссией по делам о выборах в Учредительное собрание. В феврале 1918-го его включили в состав

Комитета революционной обороны Петрограда, в марте он возглавил Петроградскую ЧК.

Урицкий был одним из немногих большевиков, которые тяготились работой в ЧК и не хотели брать на себя грех репрессий,— в отличие от последующих поколений руководителей-чекистов, гордившихся своей работой. Встав во главе Петроградской ЧК, он тут же добился решения не применять смертной казни даже в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления. Это и вызвало негодование коллег.

Через месяц с небольшим Урицкого застрелил студент-эсер Леонид Канегиссер. На следующий день, 30 августа 1918 года, в Москве стреляли в Ленина — после его выступления на митинге у завода Михельсона.

Подозреваемую схватили на месте преступления. Это была двадцативосьмилетняя Фаня Ефимовна Ройдман, молодая женщина с богатой революционной биографией. В шестнадцать лет она примкнула к анархистам и взяла себе фамилию Каплан. В 1906-м была ранена при взрыве бомбы в Киеве и приговорена к бессрочным каторжным работам.

Дознание прошло в рекордно быстрые сроки. Никто не сомневался в ее виновности. Ее расстрелял лично комендант Кремля Мальков. Тело сожгли. В последние годы участие Каплан в покушении на Ленина вызывает большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, никак не могла попасть в Ленина. Осталось также невыясненным, по чьему заданию она действовала.

Несмотря на попытки провести новое расследование, подлинные обстоятельства этого покушения так и остались неразгаданной тайной, как и история с убийством президента Джона Кеннеди. Возможно, Фанни Каплан и в самом деле стреляла в Ленина. Но так ли это было или нет, уже не установишь...

После убийства Урицкого и покушения на Ленина был провозглашен «красный террор». К тому же 4 августа 1918 года войска стран Антанты высадились под Архангельском. Это тоже побудило большевиков на жестокие меры.

В результате в Петрограде пятьсот человек расстреляли и столько же взяли в заложники. Списки заложников публиковались в «Красной газете» в сентябре 1918 года под заголовком «Ответ на белый террор».

Петроградский совет постановил: «Довольно слов: наших вождей отдаем под охрану рабочих и красноармейцев. Если хоть волосок упадет с головы наших вождей, мы уничтожим тех белогвардейцев, которые находятся в наших руках, мы истребим поголовно вождей контрреволюции».

«Красная газета» писала: «Старое офицерство, главные кадры всех белогвардейских восстаний, не очень многочисленно. И если революция того потребует, если старое офицерство не бросит своих безумных попыток вернуть свои привилегии и царя, оно, за ис-

ключением тех отдельных честных из их среды, которые порвали с ними, поголовно будет уничтожено».

Министр внутренних дел Григорий Петровский разослал всем местным органам власти циркулярную телеграмму: «Применение массового террора по отношению к буржуазии является пока словами. Надо покончить с расхлябанностью и разгильдяйством. Надо всему этому положить конец. Предписываем всем Советам немедленно произвести арест правых эсеров, представить крупной буржуазии, офицерства и держать их в качестве заложников».

Начались массовые аресты. Хватали всех, кто внушал подозрение. Но в те времена иногда еще можно было добиться освобождения арестованного, найдя ключик к влиятельному человеку или попав на незлого следователя...

Видный царский дипломат Владимир Борисович Лопухин тоже был арестован в те дни. Его отвезли на Гороховую. Следователь ВЧК сказал бывшему сотруднику МИД:

— Садитесь. Что вы, батенька, по спекулянтам шляетесь? Бросьте. Займитесь другим делом.

Лопухин ответил, что связался с этой публикой совершенно случайно. Тогда следователь произнес:

— Ладно, я вас отпущу. Только я устал и проголодался, а надо написать протокол вашего допроса. Хотите, сделаем так: я пойду поужинаю, а вы садитесь в мое кресло и напишите сами протокол? Допросите сами себя вот по этому образцу.

Лопухин написал протоколы мнимых допросов не только за себя, но и за товарищей. Вернулся следователь, просмотрел протоколы и всех отпустил.

Такое тоже бывало...

ВМЕСТЕ С ТРОЦКИМ

Первый кризис в правительстве большевиков разразился из-за войны с немцами. Дзержинский тогда резко разошелся с Лениным во взглядах.

7 ноября народный комиссар по иностранным делам Лев Давидович Троцкий, исполняя главное обещание большевиков покончить с войной, предложил всем воюющим государствам заключить мир. В дипломатической ноте, с которой он обратился к послам союзных стран, говорилось:

«Сим честь имею известить Вас, господин посол, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов организовал 26 октября новое правительство Российской республики в виде Совета народных комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин. Руководство внешней политикой поручено мне в качестве народного комиссара по иностранным делам.

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, честь имею просить Вас смотреть на указанный документ как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров...»

Послы Англии и Франции игнорировали обращение Троцкого: они не верили, что большевистское правительство продержится долго. Страны Антанты отказались вести переговоры. Немцы и австро-венгры согласились: они терпели поражение и хотели заключить сепаратный мир на востоке, чтобы продолжить войну на западе.

22 ноября Троцкий подписал соглашение о приостановке военных действий на фронте.

Принять грабительские требования немцев Троцкий считал невысказанным для себя и позором для России. Он говорил, что подписывать мир с немцами можно, только уступая силе и только тогда, когда положение станет безвыходным. Но продолжать войну тоже нельзя: солдаты должны вернуться домой. Это было мнение не одного лишь Троцкого, но и Ленина.

Борьба вокруг заключения мира с немцами шла не между Лениным и Троцким, а между Лениным и Троцким, с одной стороны, и значительной частью членов партии, требовавших воевать во что бы то ни стало, — с другой. Среди последних был и Дзержинский.

Затягивать переговоры, не заключая как можно дольше мира, — такова была линия Ленина.

24 января 1918 года на заседании ЦК большинством голосов была принята формула Троцкого: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Через два дня такое решение подтвердило объединенное заседание ЦК большевиков и их союзников левых эсеров.

10 февраля на переговорах с немцами и австро-венграми в городе Брест-Литовске Троцкий говорил:

«В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны.

Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина.

Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство...

Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Однако Ленин и Троцкий просчитались: немецкие войска перешли в наступление. Опасаясь, что немцы возьмут и Петроград, и Москву, Ленин потребовал подписать мир на любых условиях. Дзержинский с Лениным не согласился и вместе с группой членов ЦК написал заявление против мира с немцами, считая это капитуляцией.

Но, как выразился сам Дзержинский, бороться на трех фронтах против германского империализма, против российской буржуазии и против «части пролетариата во главе с Лениным» опаснее, чем заключить мир. Проголосовать за мир Дзержинский по принципиальным соображениям не мог, поэтому при окончательном голосовании воздержался вместе с Троцким. Это позволило принять резолюцию Ленина о мире.

3 марта 1918 года был подписан Брест-Литовский мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой.

27 августа в Берлине было подписано дополнительное соглашение о выплате Германии огромной контрибуции. Это соглашение Россия в значительной степени успела выполнить. Все территории, захваченные Германией, той же осенью, после немецкой революции, вновь отошли к России, а вот отданное в качестве контрибуции золото так и осталось у немцев.

ОТСТРАНЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ

Больше всех миром с немцами возмущались левые социалисты-революционеры, единственные политические союзники большевиков. Первое время Ленин дорожил союзом с эсерами, которых поддерживало крестьянство. Но это сотрудничество постепенно сходило на нет, потому что они все больше расходились с большевиками. После того как эсеры вышли из правительства, они оставались только в ВЧК и в армии.

4 июля 1918 года в Москве открылся V съезд Советов. Нарком по военным и морским делам Троцкий потребовал расстреливать всех, кто ведет враждебные действия на демаркационной линии с немцами: раз уж подписали мир, не надо постоянно провоцировать немцев.

Эсеры, требовавшие войны с немцами, приняли слова Троцкого на свой счет. С револьвером на боку член ЦК эсеров Борис Камков, заместитель председателя ВЦИК, обрушился с бранью на немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха и назвал большевиков «лакеями германского империализма». Камков, отражая настроения эсеров,

которые были крестьянской партией, сказал большевиком: «Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот».

6 июля днем члены ЦК эсеров демонстративно покинули Большой театр, где шел съезд Советов, и собрались в штабе левоэсеровского кавалерийского отряда в Большом Трехсвятительском переулке.

В тот же день в два часа дня сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат, на котором была подпись Дзержинского и печать ВЧК, и потребовали встречи с послом Мирбахом. Когда посол вышел к ним, они его убили.

Через час Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил об убийстве посла: ВЧК не была тогда еще такой всевластной организацией и многие новости узнавала со стороны.

Импульсивный Дзержинский сразу же поехал в посольство, а оттуда бросился в подчиненный ему отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Попов, поскольку полагал, что там, вполне возможно, укрылись убийцы Мирбаха. Но Попов не только отказался выдать Блюмкина и Андреева председателю ВЧК Дзержинскому, но и арестовал самого Феликса Эдмундовича.

После подавления эсеровского мятежа было проведено следствие, в связи с чем Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК, которые вернул себе в августе.

Эти два месяца обязанности председателя исполнял Ян Христович Петерс, сидевший в тюрьме во время царизма. Впоследствии он был представителем ВЧК в Туркестане, в 1930 году из ОГПУ перешел на партийную работу, в 1938-м его расстреляли. В циркуляре № 47, подписанном Яном Петерсом, говорилось, что ВЧК «в своей деятельности совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК».

По указанию Ленина 10 июля допросили и самого Дзержинского: он тоже был под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор? Дзержинский рассказал на допросе:

«Приблизительно в половине июня мною были получены сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти.

Членами германского посольства был дан список адресов, где должны были быть обнаружены преступные воззвания и сами заговорщики. Это дело мною было передано для расследования товарищам Петерсу и Лацису. Предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили. В конце июня мне был передан новый материал о готовящихся заговорах... Я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует нас и германское посольство».

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Дзержинский объяснил: «Александрович был введен в комиссию в декабре месяце

прошлого года по категорическому требованию эсеров. У него хранилась большая печать, которая была приложена к подложному удостоверению от моего якобы имени, при помощи которого Блюмкин и Андреев совершили убийство. Блюмкин был принят в комиссию по рекомендации ЦК левых эсеров».

О своих действиях в день мятежа Дзержинский рассказал следующее:

«Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил 6 июля, около трех часов дня от Председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство с отрядом, следователями и комиссаром для организации поимки убийц.

Лейтенант Миллер встретил меня громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага-удостоверение, подписанное моей фамилией...

Тогда я с тремя товарищами (Трепаловым, Беленьким и Хрусталевым) поехал в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина. В комнате штаба было около десяти—двенадцати матросов. Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, стал бросать обвинения, что наши декреты пишутся по приказу «его сиятельства графа Мирбаха»...»

Подобное поведение было расценено как восстание левых эсеров. Большевики арестовали их фракцию на съезде Советов. В ответ вооруженные эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, печатали свои листовки, члены ЦК разъехались по воинским частям и заводам.

Но поднять Москву эсерам не удалось: рабочие и солдаты довольно спокойно относились к Брестскому миру.

Военные, присоединившиеся к левым эсерам, предлагали взять Кремль штурмом, пока у восставших перевес в силах. Но руководители эсеров удерживали военных: их задача — оборона штаба! Эсеры действовали нерешительно, потому что боялись, что прямая схватка с большевиками пойдет на пользу мировой буржуазии.

Левые эсеры хотели показать большевикам, а заодно и немецкому военному командованию свою силу. Они пользовались поддержкой и в армии, и среди крестьянства (на выборах в Советы им достались голоса почти всех крестьян) и, учитывая это, всерьез полагали, что смогут развернуть революционное движение в Германии.

Эсеры исходили из того, что без поддержки мировой революции в России подлинный социализм не построить. Лидер эсеров Мария Спиридонова, объясняя, что Брестский мир задержал германскую революцию на полгода, писала Ленину после 6 июля: «В июле мы не свергали большевиков, мы хотели одного — террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустихийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Сравнительно пассивная позиция эсеров позволила большевикам взять инициативу в свои руки. Наркомвоенмор Троцкий вы-

звал из-под Москвы два латышских полка, верных большевикам, подтянул броневики и приказал обстрелять штаб отряда Попова из артиллерийских орудий. Через несколько часов левым социалистам-революционерам пришлось сложить оружие.

К вечеру 7 июля мятеж был подавлен. Заместителя Дзержинского по ВЧК В.А. Александровича и двенадцать сотрудников из отряда Попова расстреляли.

Убийцы Мирбаха начальник отдела ВЧК по борьбе с международным шпионажем Яков Блюмкин и его напарник Николай Андреев получили по три года, но и этого срока не отсидели.

Блюмкин так объяснил причины теракта:

«Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир...

Но кроме общих и принципиальных моих, как социалиста, побуждений, на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты, многие из которых германофилы, с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами.

Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист беру на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

19 мая 1919 года президиум ВЦИК реабилитировал Блюмкина и вернул его в ВЧК. Потом он служил в разведке, но через десять лет, 3 ноября 1929 года, был расстрелян за то, что встретился с уже высланным из страны Троцким. Это преступление было пострашнее убийства германского посла...

В целом к эсерам отнеслись достаточно снисходительно. Эсеры считали, что Ленин испытывает к ним симпатию, помня о старшем брате — эсере Александре, повешенном в 1887-м за покушение на императора Александра III.

Июльский мятеж имел трагические последствия для нашей истории. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и из государственного аппарата и, таким образом, уже не имели возможности влиять на судьбы страны. Позднее, уже при Сталине, всех видных эсеров уничтожат, российское крестьянство лишится своих защитников, а советская власть станет однопартийной и получит дополнительный повод для репрессий.

ВЧК стала орудием уничтожения всех, кроме большевистской, социалистических партий в России, которые в 1917 году объединяли больше миллиона человек. Эсеры и меньшевики фактически были поставлены вне закона: их судьбу решали закрытые инструкции ВЧК, в суд дела социалистов не передавали.

Политбюро поручило чекистам сделать упор «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях». Меньше-

виков и социалистов-революционеров методично уничтожали. Последних расстреляли 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом. Это уже были старики и старухи, но Сталин все равно их боялся.

В орловской тюрьме провели остаток жизни многие лидеры эсеров. Среди них была и легендарная Мария Александровна Спиридонова. 29 января 1906 года двадцатилетняя Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины, из револьвера смертельно ранила жандармского полковника Луженовского, который беспощадно усмирал крестьянские бунты в Тамбовской области. Спиридонову приговорили тогда к смертной казни через повешение, но заменили бессрочной каторгой.

После Февральской революции она стала вождем левых эсеров. В 1917-м Спиридонову называли самой популярной и влиятельной женщиной в России. Ее тоже расстреляли 11 сентября 1941-го. Она потеряла все, включая свободу, поскольку выступала против сотрудничества с немцами, и тем не менее ее уничтожили из опасения, что она перейдет на сторону немцев!

«ДЕЛО ЛОККАРТА»

Умело действовавшие агенты-provokatory помогли Феликсу Дзержинскому в 1918 году ликвидировать разведывательную сеть западных стран в Советской России.

Летом 1918-го в Москве был разоблачен так называемый «заговор послов», хотя самих послов в Москве и не было: никто в мире Советскую Россию еще не признал.

Главным заговорщиком был английский дипломат Роберт Брюс Локкарт. После революции его отправили в Москву для налаживания неофициальных контактов с большевиками. Он установил неплохие отношения с первым наркомом иностранных дел Троцким и его заместителем и будущим преемником Георгием Васильевичем Чичериным.

Локкарт вспоминал, что оказался бок о бок с людьми, которые работали восемнадцать часов в сутки и в которых жил дух самопожертвования и аскетизма, вдохновлявший пуритан и ранних иезуитов.

Но в Англии к Локкарту относились скептически, его сообщениям из Москвы не верили. Один из чиновников английского министерства иностранных дел говорил: «Может быть, господин Локкарт и давал нам негодные советы, но нас нельзя обвинить в том, что мы им следовали».

Локкарт даже в те трудные времена жил в Москве в свое удовольствие, посвящая большую часть времени своей знаменитой любовнице баронессе Будберг.

Роберт Брюс Локкарт оставил интересный портрет председателя ВЧК: «Дзержинский — человек с корректными манерами и спо-

койной речью, но без тени юмора. Самое замечательное — это его глаза. Глубоко посаженные, они горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными».

Локкарта допрашивал Ян Христофорович Петерс, в то время заместитель председателя ВЧК.

Он показал англичанину свои ногти в доказательство тех пыток, которым подвергся в застенках дореволюционной России, пишет Локкарт. Ничто в его характере не обличало бесчеловечное чудовище, каким его обычно считали. Петерс говорил Локкарту, что каждое подписание смертного приговора причиняет ему физическую боль.

«Я думаю, — писал Локкарт, — это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком, он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости... Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа...»

После заключения Брестского мира, когда стало ясно, что Советская Россия не станет более воевать с немцами, союзники решили, что большевиков надо свергнуть и привести к власти новое правительство, которое возобновит войну с Германией.

Локкарт прежде всего установил отношения с Борисом Викторовичем Савинковым и переслал в Лондон план этого лидера эсеров-боевиков: «убить всех большевистских лидеров в ночь высадки в России войск Антанты». Сами англичане, конечно, не собирались убивать вождей революции: для этого у них была местная агентура.

Во время Первой мировой войны английская разведка добилась больших успехов и по праву считалась самой эффективной в мире спецслужбой. Но в России действовали скорее дилетанты. Во всяком случае, самой крупной фигурой из них был родившийся в России английский подданный Сидней Рейли, авантюрист и фантазер.

Локкарт и Рейли проиграли Дзержинскому, который подослал к ним двух чекистов-латышей под видом командиров Красной армии, разочаровавшихся в революции и предложивших англичанам убить Ленина и Троцкого. Однако Сидней Рейли считал, что убивать не надо, достаточно выставить их на посмешище — снять с Ленина и Троцкого брюки и провести их в нижнем белье по улицам Москвы.

После убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого и покушения на Ленина с «заговором послов» было покончено. Английское посольство было захвачено, Локкарта и других англичан арестовали, а потом выслали из страны.

Сидней Рейли в 1925-м заманили в Советский Союз обещанием устроить встречу с лидерами антисоветского подполья. 28 сентября он перешел границу и под наблюдением чекистов приехал в Москву, где и был арестован. Он дал все показания, которые от него требовали. Но судить его не стали: 5 ноября 1925 года его просто убили. Четыре чекиста вывезли его за город будто бы на прогулку

и затем выстрелили ему в спину. После контрольного выстрела в грудь привезли труп обратно и на следующий день закопали во дворе внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке.

ДВА РОМАНТИКА

При Дзержинском возник конфликт между разведкой и дипломатией, который не улажен и по сей день.

В конце 1921 года народный комиссариат по иностранным делам переехал в дом бывшего страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту (дом номер 21/5), где располагался до 1952 года, когда дипломатам передали только что отстроенное высотное здание на Смоленской площади.

От наркомата до здания ГПУ (впоследствии ОГПУ) на Лубянке буквально два шага, и дипломаты несколько иронически называли чекистов «соседями». Это словечко прижилось и употребляется до сих пор.

Но отношения у двух ведомств были отнюдь не добрососедскими, тем более что второй в истории Советской России нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин позволял себе то, на что не решатся его преемники, он открыто спорил с чекистами и возмущался применявшимися ими методами работы.

Нарком Чичерин вообще был человеком не от мира сего. Идеалист, глубоко преданный делу, он вошел в историю как трагическая фигура, не приспособленная для советской жизни. И этот человек, в котором не было ничего советского, установил основные принципы советской дипломатии, продолжавшие действовать почти до самого распада Советского Союза.

Между Дзержинским и Чичериным было много общего. Дворяне из образованных семей, они были неутомимыми и добросовестными тружениками, идеалистами, преданными делу людьми. Но их взгляды на пути построения коммунизма сильно разошлись.

8 марта 1925 года Дзержинский обиженно писал члену политбюро Григорию Евсеевичу Зиновьеву: «Для ОГПУ пришла очень тяжелая полоса. Работники смертельно устали, некоторые до истерии. А в верхушках партии известная часть начинает сомневаться в необходимости ОГПУ (Бухарин, Сокольников, Калинин, весь наркомат иностранных дел».

Главным своим внутренним врагом Чичерин называл Коминтерн. У Советского Союза в 20-х годах были две политики: государственная, которую осуществляли Чичерин и наркомат иностранных дел, и коминтерновская.

Призывы руководителей Коминтерна и Советского Союза к мировой революции, обещания поддержать вооруженное восстание пролетариата, откровенная помощь компартиям подрывали усилия советской дипломатии поладить с окружающим миром.

Скажем, Москва деньгами и оружием помогала немецким коммунистам, полагая, что мировая революция начнется в Германии. Одновременно Москва тесно сотрудничала с правительством Германии и с рейхсвером, который сокращал коммунистов.

Вторым своим врагом Чичерин считал ГПУ:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты... Аресты иностранцев без согласования с нами вели к миллионам международных инцидентов, а иногда после многих лет оказывалось, что иностранца незаконно расстреляли (иностранцев нельзя казнить без суда), а нам ничего не было сообщено.

ГПУ обращается с НКВД как с классовым врагом... Ужасная система постоянных сплошных арестов всех частных знакомых инопосольств... Еще хуже вечные попытки принудить или подговорить прислугу, швейцара, шофера посольства и т. д. под угрозой ареста сделаться осведомителями ГПУ... Некоторые из самых блестящих и ценных наших иностранных литературных сторонников были превращены в наших врагов попытками ГПУ заставить путем застрашивания их знакомых или родственников их жен осведомлять об них ГПУ...

Внутренний надзор ГПУ в НКВД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом...»

Скандалы между двумя ведомствами возникали на каждом шагу, и Чичерин был возмущен тем, что чекисты не церемонятся с наркоматом иностранных дел.

В марте 1921 году сотрудники ЧК арестовали сотрудника НКВД, подозревая его в шпионаже. Дзержинский сообщил об аресте Ленину, но Чичерину ничего не сказал. Нарком даже не мог узнать, за что именно задержали его подчиненного.

Чичерин написал Дзержинскому злое письмо:

«Или надо окружить Россию китайской стеной, или надо признать, что ее международные интересы являются коренными интересами ее, и действия во вред им бьют по республике.

Если это не останавливает некоторых Ваших агентов, не позволяйте им этого. Мы знаем их уровень... Думаю, что имею политическое и моральное право настаивать, чтобы мне, наконец, сообщили, в чем дело».

ОГПУ старалось проникать в иностранные посольства в Москве, расшифровывать телеграммы, которыми посольства обменивались со своими странами. Часто действовали неумело, и, когда посольства это обнаруживали, возникал скандал. Объясняться приходилось наркомату иностранных дел.

Политбюро не один раз создавало комиссии для разрешения споров между НКВД и ОГПУ. В 1923 году такую комиссию возглавлял секретарь ЦК Вячеслав Молотов, в 1928-м председатель Центральной контрольной комиссии Серго Орджоникидзе.

В те времена с чекистами еще можно было спорить. Госбезопасность не была всевластной.

«Между разведкой и наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние... Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой... Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границей и продолжается за границей между послом и резидентом», — отмечал Георгий Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад.

Георгий Агабеков был резидентом советской разведки в Афганистане, Иране и Турции. Свои воспоминания он написал еще в 1930 году, они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика».

«Борьба за границей между послом и резидентом выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности резидента. Страх перед ним служащих за границей сильнее страха перед послом. Посол сам чувствует над собой постоянный контроль и всегда ожидает какой-нибудь пакости со стороны резидента», — отмечал Георгий Агабеков.

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Наркомат иностранных дел, а затем МИД получали отказ на стандартном бланке с грифом «Совершенно секретно». Даже руководители наркомата, а затем министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек...

Резиденты бдительно следили за послами и о всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

Но во времена Агабекова, когда наркомом иностранных дел был Чичерин, дипломаты могли ответить тем же.

«Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу, — вспоминает Агабеков. — Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял».

Когда Агабеков уже был резидентом в Афганистане, посол требовал показывать ему все телеграммы, уходившие в Москву. Потом это стало невозможным. Послы, смирившись, стали придерживаться принципа, что с резидентом не ссорятся.

БРОНИРОВАННЫЙ КУЛАК

1 декабря 1921 года политбюро обсуждало проект нового положения о Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности

при Совнаркоме. Проект доработала комиссия в составе Каменева, министра юстиции Курского и Держинского. 6 февраля 1922 года президиум ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов».

Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая подчинялась непосредственно правительству, была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при наркомате внутренних дел. Это понижение статуса карательного ведомства казалось логичным: война закончилась, врагов стало меньше. За пару лет штат ведомства Держинского сократился втрое.

На положении Держинского это преобразование никак не сказалось, потому что он-то и был наркомом внутренних дел, так что в качестве начальника ГПУ подчинялся сам себе.

Остальным чекистам, особенно работавшим далеко от Москвы, это не понравилось, ведомственная обида взяла верх, и через полтора года, в ноябре 1923-го, ГПУ преобразовали в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) на правах самостоятельного наркомата.

В 1922 году вступил в действие новый Уголовный кодекс. ГПУ лишилось права выносить смертные приговоры и отправлять политических заключенных в административную ссылку. Но Держинский все-таки добился для себя права без суда ссылать членов запрещенных политических партий и тех, кого обвиняли в контрреволюционной деятельности.

В 1923 году Держинский возглавил ОГПУ и оставил пост наркома внутренних дел. Он по должности входил в Совет народных комиссаров, но с правом совещательного голоса. В каждой республике было собственное ГПУ, которое подчинялось не местному правительству, а непосредственно Москве.

Это была принципиальная линия: госбезопасность не подчиняется местным органам власти, которые всегда были этим недовольны. Партийным секретарям не нравилось, что рядом существует какая-то тайная сила, которая исполняет только команды из Москвы, не дает им отчета в своей деятельности и даже приглядывает за ними.

Но попытки местной власти обрести власть над чекистами не удались, потому что ЦК сразу понял цену органам госбезопасности как важнейшему инструменту контроля над страной.

16 октября 1918 года Ян Петерс, временно исполняя обязанности председателя ВЧК, подписал циркулярное письмо всем губернским комитетам партии:

«За последнее время под слухом массового террора, который проводят всюду Чрезвычайные Комиссии, обывательская масса, мелкая и крупная буржуазия завывала самым настоящим образом. Период террора против буржуазии после покушения на тов. Ленина и убийства тов. Урицкого был единственный, пожалуй, пе-

риод, когда пролетариат на деле применил этот террор, от резолюции перешел к настоящему его осуществлению.

И вот под влиянием этого страха и воплей пострадавшей буржуазии в целом ряде советских учреждений, среди отдельных советских работников и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии начался поход против ЧК.

Начинается подчинение их отделам местного управления, начинаются перевыборы и назначения председателей комиссии, поднимается кампания в газетах и т. д.

Не отрицаю того, что в некоторых комиссиях, главным образом уездных, творятся безобразия, но это не значит, что из-за той или иной комиссии надо обескрылить боевой орган пролетариата.

ЦК нашей партии встал на точку зрения ВЧК, вынеся 2 октября с. г. постановление, что «Чрезвычайные Комиссии суть органы центральной власти. ВЧК подчинена Совнаркому и ВЦИК, все местные ЧК подчинены ВЧК, а исполкомам подотчетны».

Правда, чуть позже чекистам объяснили, что они не смеют ставить себя выше партийного аппарата.

В декабре 1921 года заместитель председателя ВЧК Уншлихт, начальник секретно-оперативного управления Менжинский и начальник административно-организационного управления Реденс подписали директиву, адресованную местным ЧК:

«Напоминаем, что всякая слежка за ответственными губернскими, областными и центральными парторботниками строго воспрещается. Виновные в нарушении этого приказа будут строго караться».

С самого начала стало ясно, что ВЧК мешает развитию экономики страны. Леонид Борисович Красин, уважаемый в партии человек, талантливый инженер, хорошо знавший западную жизнь, пытался после революции наладить внешнеторговые отношения Советской России с внешним миром.

Он писал Ленину 8 ноября 1921 года, что нормальное экономическое сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, недвусмысленно объяснил Красин, это деятельность ВЧК:

«Пока некомпетентные и даже попросту невежественные в вопросах производства, техники и т. д. органы и следователи будут гнать по тюрьмам техников и инженеров по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях — «техническом саботаже» или «экономическом шпионаже», ни на какую серьезную работу иностранный капитал в Россию не пойдет... Ни одной серьезной концессии и торгового предприятия мы в России не установим, если не дадим каких-то определенных гарантий от произвола ВЧК».

Ленин велел ознакомить с этим письмом всех членов политбюро. Но на этом, как мы теперь знаем, дело и закончилось. Политическому руководству аппарат госбезопасности был важнее внешней торговли.

Тогдашний заместитель наркома юстиции Николай Васильевич Крыленко, которого никто не рискнет назвать большим гуманистом, писал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной неприкосновенностью для чьего бы то ни было взгляда».

Крыленко предлагал передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы и на местах чекисты были под контролем гурьских юристов.

Дзержинский был, разумеется, категорически против: «Отдача ВЧК под надзор наркомата юстиции роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях»... Это акт не надзора, а акт дискредитации ВЧК и ее органов... ЧК находятся под надзором партии. Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против ЧК, так как Губюсты это органы формальной справедливости, а ЧК органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Крыленко продолжал считать, что чекисты нарушают закон. В 1925 году он написал записку в политбюро, в которой отметил, что ОГПУ превышает данные ему полномочия, и предложил «ограничить строго и жестко права ГПУ на внесудебный разбор дел особым совещанием...». Крыленко считал, что прокуратура должна наблюдать за следствием в органах ОГПУ.

Дзержинский вновь с порога отверг предложения Крыленко. Он руководствовался иной логикой: «Текущий политический момент не позволяет сокращать права ОГПУ в борьбе с контрреволюционерами и шпионами».

В этих стычках Дзержинский неизменно выходил победителем. Его ведомство было важнее и наркомата юстиции, и прокуратуры, вместе взятых. Даже недовольство высших партийных начальников ему было не опасно, хотя он должен был как-то реагировать на критику.

В конце 1924 года работу ОГПУ на политбюро критиковал член политбюро, главный редактор «Правды» и, говоря словами Ленина, любимец партии Николай Иванович Бухарин. Дзержинского на заседании не было. Бухарин, чтобы объясниться, написал председателю ОГПУ личное письмо:

«...Так вот, чтобы у Вас не было сомнений, милый Феликс Эдмундович, прошу Вас понять, что я думаю. Я считаю, что мы должны скорее переходить к более «либеральной» форме Соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления...

Поэтому я иногда выступаю против предложений, расширяющих права ГПУ и т. д. Поймите, дорогой Феликс Эдмундович (Вы знаете, как я Вас люблю), что Вы не имеете никакейших оснований подозревать меня в каких-либо плохих чувствах и к Вам лично, и к ГПУ как к учреждению. Вопрос принципиальный, вот в чем дело...

Так как Вы человек в высшей степени страстный в политике, но в то же время можете быть беспристрастным, то Вы меня поймете. Крепко Вас обнимаю, крепко жму Вашу руку и желаю Вам поскорее поправиться.

Ваш *Н. Бухарин*».

Дзержинский переслал письмо своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому и приписал:

«Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься...

Нам необходимо пересмотреть нашу практику, наши методы и устранить все то, что может питать такие настроения. Это значит, мы (ГПУ) должны, может быть, стать потише, скромнее, прибегать к обыскам и арестам более осторожно, с более доказательными данными; некоторые категории арестов (нэпманство, преступления по должности) ограничить и производить под нажимом или при условии организации за нас общественного партийного мнения; более информировать Московский комитет о всех делах, втягивая плотнее парторганизацию в эти дела».

«ОТДЕЛ ПО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»

18 августа 1919 года решением оргбюро ЦК Дзержинский был утвержден еще и начальником Особого отдела ВЧК, на который возлагался контроль над армией. А с октября 1919-го стал к тому же и председателем военного совета внутренних войск.

Дзержинский считал, что ВЧК должна иметь собственные боевые части. Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий был против: он не считал, что нужно создавать какие-то отдельные армии, лично ему не подчиненные.

Хотя Дзержинский в конце концов настоял на своем, войска ВЧК стали все же находиться под контролем Реввоенсовета Республики, то есть Троцкого. Осенью 1920-го Дзержинский добился того, чтобы сотрудники ВЧК были приравнены по своему положению к бойцам и командирам Красной армии. До того чекисты получали меньшее жалованье, чем военные.

В 1921 году Дзержинский создал отряд особого назначения, охранявший Ленина, потом Мавзолей Ленина, а также такие важнейшие объекты, как народный комиссариат финансов, Госбанк. Впоследствии отряд был преобразован в дивизию особого назначения имени Дзержинского, существующую, правда под другим названием, и поныне.

ВЧК задумывалась как орган защиты революции и борьбы с особо опасными преступлениями. Но превратилась в инструмент тотального контроля и подавления.

В декабре 1920 года заведующий секретным отделом ВЧК Т.П. Самсонов писал Дзержинскому: «До сих пор ВЧК занималась

только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего не достаточно, так как на территории республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви».

21 апреля 1921 года Дзержинский отправил в ЦК протест против ходатайства Наркомпроса, который просил разрешить выезд за границу отдельным деятелям культуры и театрам.

Дзержинский писал: «До сих пор ни одно из выпущенных лиц не вернулось обратно, некоторые, в частности Бальмонт, ведут злостную кампанию против нас. Такое послабление с нашей стороны является ничем не оправданным расхищением культурных ценностей и усилением рядов наших врагов».

3 апреля 1801 года, после убийства императора Павла I Александр I разрешил свободный выезд за границу. Большевики вновь запретили людям уезжать из страны и возвращаться домой — все только с разрешения органов госбезопасности. 6 июня 1920 года наркомат иностранных дел утвердил инструкцию о заграничных паспортах, которая фактически действовала до 1991 года. «В обстоятельствах исключительного времени» требовалось разрешение Особого отдела ВЧК. Потом выдача паспортов перешла к НКВД.

В 1922 году, побывав у Ленина в Горках, Дзержинский приказал методично собирать сведения обо всех наиболее заметных представителях интеллигенции от писателей и врачей до инженеров и агрономов. Вся информация он распорядился концентрировать в «отделе по интеллигенции»:

«На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещена всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения...»

Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвигание тех, кто готов без оговорок поддерживать Советскую власть...»

В июне 1922 года на политбюро заместитель председателя ГПУ Уншлихт сделал доклад «Об антисоветских группировках среди интеллигенции». Было решено создать несколько комиссий, которые должны были составить списки тех, кого следовало выслать за границу. В июле комиссия политбюро в составе члена политбюро Каменева, министра юстиции и тоже Уншлихта свела воедино все предложения и составила общий список. Потом интеллигенцию стали выгонять из страны.

Правда, для некоторых особо ценных специалистов было сделано исключение. В ГПУ под председательством Дзержинского существовала комиссия, которая рассматривала просьбы различных

учреждений оставить того или иного специалиста, крайне необходимого для народного хозяйства.

Привычка искать повсюду руку врага, и особенно зарубежного врага, тоже появилась при Дзержинском.

В момент восстания в Кронштадте в газетах было опубликовано правительственное сообщение «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось, что происходящее в Кронштадте «несомненно подготовлялось французской контрразведкой». Это была ложь, прикрытые для расправы.

Приказ был такой: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться». Будущий маршал Тухачевский приказал: «Не позже завтрашнего дня атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» душительными газами и ядовитыми снарядами».

Не стоит думать, что верхушка партии не знала реального положения. Расследованием ситуации в Кронштадте занимался особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, видный чекист, которому очень доверял Ленин.

Агранов составил секретный доклад, в котором, в частности, говорилось: «Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности...»

«ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ВЫ УМРЕТЕ...»

На посту главы карательного ведомства Дзержинский был жесток и беспощаден. Почему?

В юности врач сказал ему, что через три года он умрет от туберкулеза. И с тех пор Дзержинский дорожил каждой прожитой минутой. Бежав из ссылки, он жил в Польских Татрах, в Закопане, и целительный горный воздух помог вылечиться от туберкулеза. Но отношение к жизни осталось прежним.

Доктор экономических наук Отто Рудольфович Лацис, который много писал о Дзержинском, считает так:

— Когда говорят «железный Феликс», то имеют в виду человека, который железной рукой громит врага. А друзья называли его «железным», имея в виду его чудовищную требовательность к себе и к близким.

У Отто Лациса вызвал ужас эпизод, с умилением описанный племянницей Дзержинского. В самое голодное время, в 1919 году, Феликс Эдмундович забежал в гости к сестре. Худой, изможденный... Сестра, зная его вкусы, испекла ему оладьи. Он скинул шинель, сел за стол и вдруг спрашивает:

— А ты где муку взяла?

Сестра говорит:

— Как где? Муку можно купить только у спекулянтов.

Он возмутился:

— Я с ними день и ночь сражаюсь, а ты...

Схватил олады и выбросил в форточку.

Отто Лацис:

— Эпизод восхищения не вызывает. Мог бы олады сестре оставить. Но как человек он искренен...

Дзержинский был фанатично предан революции, и этим все объясняется. С того момента, как в семнадцать лет он пришел в революционную деятельность, на свободе он почти не был. Шесть лет провел на каторге и пять в ссылке. Он сидел бы в тюрьмах вечно, но его освободила революция. Его единомышленников пороли розгами, вешали. Разве мог он об этом забыть?

Известный писатель Лев Эммануилович Разгон, прошедший лагеря и не имеющий оснований любить ведомство госбезопасности, напомнил мне о забытом многими факте:

— Сталинский закон от 1 декабря 1934-го, который предусматривал немедленное исполнение смертного приговора, был скопирован с закона, введенного царским премьер-министром Столыпиным. Это он издал закон о военно-полевых судах. Они состояли только из офицеров. Судили сразу после ареста, без прокуроров, защитников и без допроса свидетелей. И приговор приводили в исполнение немедленно. Причем вешали не террористов, которые убивали губернаторов, министров, их всего-то было десятка два. А повесили сотни мужиков, которые пустили красного петуха в помещичьи усадьбы....

Дзержинский не имел оснований быть снисходительным в Гражданской войне к тем, кто держал его и его единомышленников на каторге, поэтому он был беспощаден. И в этой борьбе он не считал себя связанным какими-то нормами морали.

Г.И. Мясников, старый большевик, организатор так называемой «Рабочей группы», в мае 1923 года за критику партийного руководства был арестован и выслан в Берлин. То есть все его преступление состояло в том, что он, будучи большевиком, не соглашался с какими-то действиями партийного руководства. Этого оказалось достаточно для того, чтобы его сторонников, входивших в «Рабочую группу», посадили.

В Москве думали, что, оказавшись в эмиграции, Мясников перестанет заниматься политикой. Но он, напротив, продолжал активно выступать и критиковать советское партийное руководство. Тогда было решено заставить его замолчать.

7 сентября 1923 года Дзержинский отправил письмо полпреду в Германии Крестинскому:

«Прошу Вас по возможности лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР.

Отмена высылки совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установления им контакта с левым крылом германской компартии. Необходимость постоянного возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами.

Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно создаться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал».

Мясников угодил в расставленную ему ловушку и с радостью вернулся на родину. Ему обещали, что ЦК проведет с ним переговоры и он сможет нормально работать. Он и предположить не мог, что его просто обманывают.

19 ноября 1923 года Дзержинский писал Молотову:

«Считаю пребывание Мясникова на свободе сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и является доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в отношении «Рабочей группы». Затем Мясников, вернувшись сюда и не находя того, за чем сюда приехал (переговоров и договора с ЦК), теряет всякую почву и, будучи психически неуравновешенным, может выкинуть непоправимые вещи...

Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован. О дальнейшем необходимо решить после его ареста. Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно было ему бежать».

Так и было сделано. Мясникова арестовали и упрятали за решетку...

Дзержинского называли святым убийцей. Да, это так, он был очень противоречивый человек, а вовсе не одномерная личность, какой его представляют. В нем странно сочеталось стремление к добру и способность творить зло.

Он служил революции. Но, по мнению Отто Лациса, он предпочел бы работать не в ВЧК, а в Высшем совете народного хозяйства, который он возглавил в 1924 году.

Дзержинский не руководил подавлением Кронштадтского мятежа и антоновского восстания, хотя это ему по должности полагалось. В этих самых позорных и кровавых карательных деяниях он не участвовал. За него все сделали другие...

Сохранился датированный 11 июня 1921 года приказ полномочной комиссии ВЦИК, отправленной в Тамбов для ликвидации антоновского восстания:

«1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. В селениях, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой скрывается бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК *Антонов-Овсеенко*.
Командующий войсками *Тухачевский*».

Академик Александр Николаевич Яковлев, которому не только собственный опыт работы в политбюро, но и руководство Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий помогает лучше осмыслить особенности сознания этих людей, говорил мне:

— Если пытаться понять Ленина, Троцкого, Сталина и других руководителей, то ключевое слово — власть. Есть люди, для которых власть — это все. И на пути к власти люди пренебрегают своим достоинством, чужими страданиями. Они оседлали идею строительства коммунизма счастливого общества. Хотите быть счастливыми? А кто не хочет. Значит, надо идти на жертвы. Сказали: достичь этой цели надо любыми средствами... Вот пятнадцать миллионов в Гражданскую и погибло. К примеру, заложничество: детей брать от родителей в заложники — нормальный ум может такое придумать?

Сидя в тюрьме в ожидании каторги, Дзержинский писал: «Здесь, в тюрьме, часто бывает тяжело, по временам даже страшно... И тем не менее, если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня органическая необходимость».

Вот какую характеристику дал Дзержинскому один из ближайших его соратников Мартын Иванович Лацис (настоящее имя Ян Фридрихович Судрабс), фигура сама по себе примечательная. В 1918—1921 годах он являлся членом коллегии ВЧК, возглавлял секретно-оперативный отдел этого учреждения и Чрезвычайную комиссию на Украине. Отличался беспримерной жестокостью. После того как вместе с Дзержинским стал заниматься промышленностью, ведал Главсолью, работал в наркомземе, руководил Институтом народного хозяйства имени Плеханова. В 1938-м был расстрелян.

Мартын Лацис так писал о своем начальнике: «Феликс Дзержинский не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он сам жаждет действовать. И мы нередко видели, как он сам допрашивает обвиняемого и роется в изобличительных материалах. Его настоль-

ко захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит тут же, в кабинете за ширмой. Он и столуется тут же, курьер приносит ему еду, какой питаются все сотрудники ВЧК».

Дзержинский не был патологическим садистом, каким его часто изображают, кровопийцей, который наслаждался мучениями своих узников. Он не получал удовольствия от уничтожения врагов, но считал это необходимым. А после окончания Гражданской войны сам сдерживал карательную деятельность своих подчиненных.

17 января 1920 года ВЦИК и Совет народных комиссаров по предложению Дзержинского приняли решение «отменить применение местной меры наказания (расстрелы) как по приговорам ВЧК и ее местных органов, а так же и по приговорам трибуналов».

Через месяц, 28 февраля, Дзержинский подписал приказ президиума ВЧК № 21:

«Прежде чем арестовывать того или иного гражданина, необходимо выяснить, нужно ли это. Часто можно не арестовывая вести дела, избрав мерой пресечения: подписку о невыезде, залог и т. д. и т. п., а дело вести до конца. Этим ЧК достигнет того, что будут арестованы только те, коим место в тюрьме, и не будет ненужной и вредной мелочи, от которой только одни хлопоты, загромождение ЧК, что лишает ЧК возможности заниматься серьезным делом...»

8 января 1921 года Дзержинский подписал приказ «О карательной политике органов ЧК»:

«Держать в тюрьме толпы крестьян и рабочих, попавших туда за мелкие кражи или спекуляцию, недопустимо... Если заставить провинившегося рабочего вместо тюрьмы работать на своем же заводе, то такое пребывание на всем честном народе, который будет ждать: украдет Сидоров или Петров еще раз, опозорит он опять завод или станет настоящим сознательным товарищем, такой порядок будет действовать гораздо сильнее и целесообразнее, чем сидеть под следствием и судом. Рабочая среда сумеет выправить слабых, мало-сознательных товарищей, а тюрьма их окончательно искалечит».

Одновременно Дзержинский отправил в ЦК письмо:

«ВЧК полагает возможным отменить высшую меру наказания по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний. В области уголовных преступлений ВЧК считает необходимым применять высшую меру наказания к бандитам и шпионам, но в особенности настаивает на сохранении высшей меры наказания для тех должностных преступлений, которые резким образом препятствуют Советской власти восстановить производительные силы РСФСР...»

Относительно тюремной политики ВЧК издала приказ № 10 от 8 января с. г., в основу его лег принцип создания специального режима для буржуазии и передача рабочих на поруки заводских комитетов. Причем особенное внимание обращено на то, что ЧК прибегала к арестам лишь в случаях действительной необходимости.

Кроме того, приказом № 186 от 30 декабря прошлого года ВЧК указывает, что арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества, и условия их содержания не должны иметь карательного характера».

После Гражданской войны масштабы репрессий действительно сократились. Но жестокость, ничем не сдерживаемая, широко распространилась в аппарате госбезопасности. Тем более, что беспощадность поощрялась с самого верха. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить.

Ленин писал председателю Петроградского совета Григорию Евсеевичу Зиновьеву после убийства комиссара по делам печати, пропаганды и агитации Петрограда Володарского: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает».

Ленин приказывал и брать заложников. Эту идею охотно брали на вооружение.

Заместитель председателя ВЧК Ян Петерс приказал арестовывать жен и всех взрослых членов семей офицеров, которые из Красной армии перешли на сторону Белой армии.

Каждый город в первые годы сам решал, кого арестовывать и расстреливать. ЧК вместе с партийной властью хватала бывших офицеров, иностранцев, подозреваемых в шпионаже.

Для расстрела было достаточно одних только анкетных данных. По телефонным и адресным книгам составлялись списки капиталистов, бывших царских сановников и генералов, после чего всех поименованных в них лиц арестовывали.

Николай Иванович Бухарин, который считался самым либеральным из большевистских руководителей, писал в 1920 году: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Многое зависело от местных руководителей ЧК. Кто-то из них многое сделал для того, чтобы обуздать преступность. ЧК боролись и со взяточничеством — преступлениями по должности, как это тогда называлось. Взятки сразу же после революции и в 20-х годах брали везде.

Сурово относились и к самим чекистам, совершившим преступления, например в тех случаях, когда они пытались присвоить деньги, конфискованные при обысках. В сотрудники ЧК нередко попадали весьма сомнительные люди, в том числе и совершенно малограмотные.

В учетной карточке одного из председателей Петроградской ЧК Семена Семеновича Лобова в графе «Образование» было написано: «Не учился, но пишет и читает». Это не мешало его успешной карье-

ере. Лобов пошел в гору после того, как в одну ночь арестовал в Петрограде три тысячи человек. Стал членом оргбюро ЦК и наркомом пищевой промышленности. В октябре 1937 года был расстрелян.

ЖЕРТВОЙ МОГ СТАТЬ ЛЮБОЙ

8 июля 1919 года ВЧК по обвинению в участии в контрреволюционной белогвардейской организации арестовала главнокомандующего Вооруженными силами Советской России Иоакима Вацетиса. Бывший полковник царской армии, он сразу же перешел на сторону советской власти. В 1918-м сформировал Латышскую дивизию, что уже само по себе немалое дело: ведь латышские стрелки считались самым надежным отрядом революции. Особо отличился Вацетис при подавлении мятежа левых эсеров. В Гражданскую командовал Восточным фронтом. 6 сентября 1918 года был назначен главнокомандующим Вооруженными силами республики. Но через год его арестовали. Поскольку выдвинутые против него обвинения не подтвердились, его освободили. И все же ему не удалось избежать судьбы многих других военачальников: в 1938-м командарма второго ранга Вацетиса расстреляли.

В марте 1921 года в ЦК пришло заявление от коммунистов — сотрудников Кушкинского отделения Особого отдела Туркестанского фронта. Это был поразительный документ:

«Коммунист, попадая в карательный орган, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в движение автоматически. Даже механически мыслит, так как у него отнимают право не только свободно говорить, но свободно индивидуально мыслить. Он не может свободно высказать свои взгляды, излить свои нужды, так как за все грозят расстрелом...

Благодаря долгому пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в искании преступников и в уничтожении, они постепенно против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью.

В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и т. д., и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов... Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии...»

При этом чекисты не в состоянии были совладать с настоящей преступностью.

Ольга Львовна Барановская-Керенская, первая жена главы Временного правительства Александра Керенского, которая впоследствии тоже уехала, оставила воспоминания о послереволюционной России. Вот как описала зиму 1919/20 года:

«В городе начались ограбления квартир и убийства. Прислуги почти никто уже, кроме коммунистов, не держал, дворники были упрямлены, охранять дома и квартиры было некому...

Мы понимали, что все идет прахом и цепляться за вещи незачем, что надо только стараться сохранить жизнь, не быть убитыми грабителями, не умереть с голоду, не замерзнуть... В течение нескольких месяцев, а может быть, и больше, пока дети не достали мне чугунную печку, я жила, не раздеваясь, и никогда не спала на кровати...

В голове никаких мыслей и никаких желаний, кроме мучительных дум о том, что еще продать и как и где достать хоть немного хлеба, сахара или масла... Тротуаров уже не было, и не было ни конного, ни трамвайного движения (лошади все были съедены), улицы не чистились, снег не сгребался, по улицам плелись измученные, сгорбившиеся люди. И как горькая насмешка на каждом шагу развевались огромные плакаты: «Мы превратим весь мир в цветущий сад».

В марте 1919 года сотрудник наркомата по иностранным делам, оказавшийся на Украине, написал возмущенное письмо своему непосредственному начальнику — наркому Чичерину и, прекрасно понимая пределы его компетенции, непосредственно Ленину. Он попал на заседание украинского правительства, где обсуждалась судьба двух сотрудников Всеукраинской чрезвычайной комиссии, и это стало поводом для обсуждения ситуации в чекистском ведомстве:

«Эти трехстепенные персонажи позволили себе утаить известную сумму казенных денег, были повинны в мелком взяточничестве и в мелком вымогательстве в то время, как в учреждении, в котором работали эти «стрелочники», все насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев...

Перед собранием предстала возмутительнейшая картина диктатуры этого официально подчиненного учреждения — картина полного игнорирования им всех законов и распоряжений правительства.

В продолжение долгого времени наркомюст Хмельницкий тщетно добивался от ВЧК сведений о содержащихся в заключении и о расстрелянных по постановлениям ЧК...

Оказалось, что более половины «дел» о лицах, давно уже содержащихся под стражей, заключали в папке лишь приказ об аресте. Никакими способами ни Хмельницкому, ни самим руководителям ЧК не удалось установить мотивов ареста подавляющего большинства заключенных...

Между тем ЧК оказывает сильнейшее сопротивление малейшей попытке разгрузить тюрьмы от лиц, которым упорно не предъявляется никакого обвинения, а предъявить обвинения большинству никак не может, запутавшись в густых сетях произвольных и совершенно беспричинных арестов, произведенных ее агентами...

В Екатеринославе вооруженные с головы до ног люди от имени ЧК, комендатуры города, уголовно-розыскной милиции и других учреждений производят обыски, аресты, подбрасывают фальшивые деньги, напрашиваются на взятки, шантажируют этими взятками, заключая в тюрьму тех, кто эту взятку дал, чтобы в конце концов освободить человека из-под страха смерти за удешевленную или удвадцатеренную взятку...

В Екаринославе повторилось то, что имело уже место и в других областях: восторженно встретившее наши войска население, с нетерпением ждавшее наступления благоприятных перемен с организацией Советской власти, к величайшему нашему несчастью видит лишь активность Чрезвычайной Комиссии, которая, очевидно, призвана разочаровывать окрыленное надеждами измученное население...»

К концу эпохи Дзержинского госбезопасность старалась контролировать все стороны жизни общества.

В 1926 году заместитель Дзержинского Генрих Григорьевич Ягода подписал циркуляр, запрещающий публиковать сведения о маршрутах поездок и местах выступлений членов правительства и ЦК. ОГПУ было недовольно тем, что некоторые редакции посылали не только репортеров, но и фотографов: «Появление заранее этих сведений в печати облегчало работу всякого рода шпионов и крайне затрудняло работу по охране членов правительства».

ОГПУ постановило:

«Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами правительства, как равно и в месте пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (отдел политконтроля) запрещается.

Редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, будут подвергаться штрафу, а репортеры, фотографы и пр. аресту».

Председатель Всероссийского союза журналистов Михаил Андреевич Осоргин был арестован, когда он вошел во Всероссийский комитет помощи голодающим Поволжья. Следователь задал ему обычный в те годы вопрос:

— Как вы относитесь к советской власти?

— С удивлением, — ответил Осоргин, — буря выродилась в привычный полицейский быт.

МОНЕТАРИСТ И РЫНОЧНИК

В 1922 году на съезде транспортников выступал Феликс Эдмундович Дзержинский. Он говорил:

«Полагают некоторые товарищи, что если напечатать достаточное количество денег, то это разрешило бы стоящие перед нами проблемы. Но это глубочайшее заблуждение, это иллюзия, ибо печатный станок только тогда в условиях нашей новой экономичес-

кой политики может себя оправдать, если он станет печатать такое количество денег, какое необходимо для товарообмена между городом и деревней, между одной отраслью промышленности и другой, между транспортом и промышленностью.

Но если в стране нет хлеба, если нет готовых изделий, то никакая напечатанная бумажка не может этого хлеба, этих изделий создать. Необходимо создать листовое железо, необходимо отлить чугун, необходимо возделывать поля, сжать и смолоть хлеб для того, чтобы печатный станок мог выполнить свою миссию...»

Читая сейчас эти слова, можно подумать, что это выступает современный либеральный экономист, а не председатель ГПУ. После окончания Гражданской войны работа в госбезопасности отходит у Дзержинского на задний план.

В эти годы Дзержинский выполнял безумное количество обязанностей: он был председателем Главного комитета по всеобщей трудовой повинности, председателем комиссии по борьбе со взяточничеством, председателем комиссии по улучшению быта московских рабочих, председателем общества друзей кино, председателем комиссии по улучшению жизни детей, председателем комиссии по пересмотру структуры всех ведомств СССР, членом президиума общества изучения проблем межпланетных сообщений...

Но все это были второстепенные должности. В большой политике Дзержинский не преуспел. Он так и не стал членом политбюро, остался кандидатом, менее авторитетные в партии люди легко обошли его. По непонятным причинам Ленин не особо его жаловал и не выдвигал в первый ряд.

В апреле 1920 года Дзержинского отправили на Украину руководить борьбой с бандитизмом. Несколько месяцев он был начальником тыла Юго-Западного фронта. Он страдал от нервного и физического переутомления, ему предписали курс лечения.

26 июня 1920 года он писал Ленину из Харькова:

«Дорогой Владимир Ильич!

Спешу ответить, что я не подчинился только букве предписания ЦК, я не на даче, но я усиленно лечусь водолечением. Врачи нашли только нервное переутомление, а все остальное в полном порядке, в том числе и легкие. И я лечусь усердно — желая еще поработать...

С Махно мне не везет. С ним можно было скоро расправиться, имея конницу. У меня ее не было. Только теперь удастся мне сколотить полк из эскадронов, которые удалось выклянчить. Надеюсь через неделю пустить этот полк в действие.

Я хотел бы, чтобы ЦК решил, как долго мне здесь оставаться. Мое пребывание здесь усиливает темп работы ЧК, и мне кажется, что дальнейшее пребывание необходимо. Но из Москвы т. Ксенофонтов и другие по ВЧК и Главкомтруду жалуются, что я слишком засиделся на Украине и от этого там работа страдает. Мне самому трудно решить. Я думаю побыть здесь еще недели две, потом на

неделю вернуться в Москву, чтобы затем приехать сюда обратно. Буду ждать решения ЦК».

Секретарь ЦК Крестинский по просьбе Ленина сообщил Дзержинскому: «Ждем Вас в Москву к пленуму, здесь, вероятно, придется пробыть недели две (пленум, Интернационал, совещание Комтрудов), потом можете вернуться на Украину».

Ленин, надо понимать, исходил из того, что в Москве он может обойтись без Феликса Эдмундовича.

Троцкий вспоминал позднее:

«Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его. Но этих качеств не всегда хватало для тех задач, которые на него ложились. В эпоху Ленина не могло быть и речи о включении его в политбюро...

Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком, по крайней мере при Ленине. По разным поводам он неоднократно говорил мне: «Я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек». В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу. Политически Дзержинский всегда нуждался в чьем-нибудь непосредственном руководстве...

В 1921-м или, может быть, в 1922-м Дзержинский, крайне самолюбивый, жаловался мне с нотой покорности к судьбе в голосе, что Ленин не считает его политической фигурой. «Он не считает меня организатором, государственным человеком», — настаивал Дзержинский.

Ленин был не в восторге от работы Дзержинского на посту наркома путей сообщения. Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова. Он привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью, но не своим методом... В 1922 году Орджоникидзе и Дзержинский чувствовали себя неудовлетворенными и в значительной степени обиженными. Сталин немедленно подобрал обоих».

Троцкий несколько раз в своих книгах, написанных уже в эмиграции, возвращался к личности Феликса Эдмундовича:

«В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина. В хозяйственной работе он брал темпераментом: призывал, подталкивал, увлекал. Продуманной концепции хозяйственного развития у него не было...

Охлаждение между Лениным и Дзержинским началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина. Тут уж Ленин счел нужным ударить по Дзержинскому как по опоре Сталина».

Троцкий, скорее, ошибался: Дзержинский не был в прямом смысле человеком Сталина. Просто ОГПУ по указанию партии вело борьбу с оппозицией. В 1923 году Дзержинский предложил

вменить в обязанность всем членам партии сообщать органам госбезопасности о любых фракционных выступлениях. Это было воспринято с энтузиазмом. Недостатка в доносах не было.

Дзержинский жестко критиковал Зиновьева и Каменева, потому что не разделял их экономическую программу, предусматривавшую использование жестких административных мер вместо экономических рычагов. Он еще не знал, что их программа вскоре станет линией Сталина. До этого Дзержинский не дожил.

Отношение Ленина к Дзержинскому совсем испортилось в 1922 году. Ленин назначил его председателем комиссии, которая должна была разобраться с жалобами грузинских коммунистов на первого секретаря Закавказского крайкома Сергея Орджоникидзе, который попросту ими командовал, не допуская самостоятельности, и, ведя себя очень грубо, даже ударил члена ЦК компартии Грузии Кабахидзе, который назвал его «сталинским ишаком». Кабахидзе подал жалобу. Но ходу ей не дали.

Начальник сталинской канцелярии Амаяк Назаретян написал другу Серго, что Матвей Шкирятов, председатель Центральной комиссии по проверке и чистке рядов партии, «хохотал и говорил: жаль, мало попало, только один раз ударил!».

Грузины предлагали, чтобы Грузия напрямую входила в состав СССР, минуя ненужную надстройку — Закавказскую Федерацию, как это и произошло потом. Дзержинский решительно встал на сторону Орджоникидзе. Феликс Эдмундович был против всего, что можно толковать как национализм и сепаратизм.

Прочитав доклад комиссии, Ленин зло обвинил Дзержинского вместе со Сталиным и Орджоникидзе в великорусском шовинизме, добавив обидное: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения».

Ленин распорядился перепроверить все материалы комиссии Дзержинского «на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются». И приписал: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Уже стоял вопрос о том, чтобы снять Дзержинского, но Ленину внезапно стало крайне плохо — его частично парализовало, он потерял речь, и на этом все закончилось.

После смерти Ленина комиссию по увековечению памяти вождя возглавил Дзержинский. Именно он поставил вопрос о том, что надо сохранить облик Ленина и после смерти. Дзержинский говорил, что уж если царей бальзамировали, то не забальзамировать Ленина — преступление. Под руководством Дзержинского в сжатые сроки был построен первый мавзолей.

Похороны Ленина, что бы мы сейчас о нем ни думали, были тогда событием огромного политического значения. В записках моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который учил-

ся тогда в Москве в Высшем техническом училище, позже получившем имя Баумана, я нашел описание этого дня:

«27 января я пришел на Красную площадь, где пылали костры. У костров грелись милиционеры, их было очень мало, красноармейцы, тоже немногочисленные, люди, которые пришли попрощаться с Лениным.

Кто догадался в те дни привезти топливо и в разных местах разложить костры? Это был человек, сам достойный памятника. И не только потому, что спас от обморожения сотни, а может быть, тысячи и тысячи человек. Он показал наглядно, что должно делать даже в такие минуты, когда все текущее, бытовое, житейское кажется неважным, преходящим, третьестепенным.

К Колонному залу, потом на Красную площадь мы двинулись вдвоем с Мироном Борисовичем Вольфсоном. Революционер старого закала, он не то дважды, не то трижды убегал из гиблой верховянской ссылки через сотни километров нехоженой тайги, где не было ни угрева, ни укрытия.

Мы жили в одном доме, часто играли в шахматы, вечерами ходили по кольцу «Б» — тогда это означало обойти почти вокруг всей Москвы. Когда я выразил сомнение, что, может быть, на Красную площадь и не удастся попасть, слишком много будет народу, да и мороз жестокий, Мирон Борисович иронически посмотрел на меня: чего же ты, мол, стоишь, если в двадцать два года боишься московской стужи?

На Красную площадь мы попали. Народу было много, но никакой давки, никакого беспорядка. И милиции-то было мало. Порядок как-то складывался сам по себе. Это были не толпы, шли тысячи и тысячи граждан, и каждый инстинктивно знал свое место, не толкался, не напирая на других, не пытаюсь проскочить вперед.

Такого, как будто никем не организованного, естественно сохранявшегося порядка я после этого уже никогда не видел ни на парадах, ни во время демонстраций, которые с каждым годом поражали все большим числом блюстителей порядка и все меньшей внутренней дисциплиной и самоорганизацией масс. Людей с жестоким упорством отучали самостоятельно двигаться по жизни... И по улице тоже».

В лице наркома внутренних дел, а Дзержинский занимал этот пост четыре года (с 30 марта 1919-го до начала июля 1923-го), он мало себя проявил: был полностью занят ВЧК. Зато успешно работал наркомом путей сообщения (с апреля 1921-го по февраль 1924-го) и особенно блестяще на посту председателя Высшего совета народного хозяйства СССР (с 1924 года и до смерти).

Из Дзержинского-чекиста получился прекрасный хозяйственник, хотя у него не было экономического образования.

В письме Ленину от 10 апреля 1922 года, опубликованном после перестройки, Дзержинский пишет: «Я не политик и не экономист» — и называет себя всего лишь «администратором». Дзержин-

ский писал Ленину, что реформа на транспорте требует поставить во главе наркомата путей сообщения «авторитетного и смелого политика-экономиста... Я к этой роли не гожусь, не будучи ни политиком, ни экономистом».

Феликс Эдмундович недооценивал себя.

— Дзержинский был очень способный человек, с блестящим экономическим чутьем, фантастической работоспособностью, хотя и без высшего образования. По взглядам — сверхрыночник. Он был ярким врагом эмиссии и распределительной деятельности, — рассказывал мне Отто Лацис.

Доктор экономических наук Лацис написал книгу о работе Дзержинского в промышленности. Он пишет, что, когда Дзержинский пришел в наркомат путей сообщения, то начал с того, что призвал на помощь всех старых специалистов. Своим заместителем сделал человека, который занимал этот пост при царе. До Дзержинского считалось, что поезда стоят, потому что не хватает паровозов. Когда же грохнули остатки золотого запаса на закупку мощных локомотивов, то оказалось, что мосты эти мощные паровозы не выдержат. Начинать надо было с путей, разрушенных по всей стране.

Он понял, что на мизерную зарплату железнодорожник прожить не может и бороться с воровством и взятками надо путем повышения зарплаты. За два года он сумел добиться своего: железнодорожники стали жить прилично по тем временам.

Когда Алексей Иванович Рыков стал главой правительства, Дзержинский занял его место председателя Высшего совета народного хозяйства.

Отраслевых наркоматов тогда не было: они возникли в 1932 году, и ВСНХ, подразделявшийся на главные управления, занимался всей промышленностью. Дзержинский руководил еще и Главметаллом, замещенным в последующую эпоху примерно полутора десятками министерств черной металлургии, цветной металлургии, машиностроения, приборостроения — словом, всего, что связано с металлом и изделиями из него.

Расцвет нэпа пришелся на тот момент, когда промышленностью руководил Дзержинский. Он понимал, что в экономике надо действовать экономическими методами, хотя часто возникало ощущение решить любую проблему с помощью ОГПУ.

28 марта 1923 года Дзержинский писал своему заместителю по ОГПУ Генриху Ягоде:

«На почве товарного голода НЭП, особенно в Москве, принял характер ничем не прикрытой, для всех бросающейся в глаза спекуляции, обогащения и наглости. Этот дух спекуляции уже перебросился и в государственные, и в кооперативные учреждения и втягивает в себя все большее количество лиц вплоть до коммунистов. Этому надо положить конец».

Дзержинский приказал Ягоде подготовить доклад в ЦК и принять ряд мер:

«1. Выселение из крупных городов с семьями... 2. Конфискация имущества и выселение из квартир. 3. Ссылка с семьями в отдаленные районы и в лагеря — колонизация ими безлюдных районов...»

Сталину Дзержинский обещал: «Я уверен, что в месячный срок мы оздоровим Москву от этих элементов и что это скажется, безусловно, на всей хозяйственной жизни».

Политбюро приняло предложение Дзержинского, и началась кампания выселения из Москвы. Она прекратилась решением политбюро в марте 1924 года — об этом попросил нарком финансов Сокольников. Репрессии мешали наркомату финансов проводить валютные операции.

Феликс Эдмундович привлекал спецов и вовсе не видел в них врагов, которых надо давить. Напротив, радовался, что они оценили успехи советской власти. Самых толковых чекистов Дзержинский перевел к себе в ВСНХ, не врагов народа искать, а в промышленности работать.

Отто Лацис:

— Дзержинский пришел в ВСНХ не зная ничего, но стал слушать знающих людей, вникал. Ждали: сейчас придет чекист, железная рука, всех разгонит. А он собрал руководителей промышленности и сказал: «Помогайте, я пришел учиться».

Он сразу выступил против государственного монополизма и взвинчивания цен. Монополия очень удобна для производителя: назначил любую цену, и покупателю деваться некуда. При капитализме конкуренция мешает взвинчивать цены, а при советской власти кто может помешать?

Но случилось непредвиденное: промышленную продукцию никто не покупал. Деревня обеднела, и у нее просто не было денег. Снижать цены промышленность не хотела, добивалась государственного заказа. Но у государства денег тоже не было. Это был кризис сбыта, пришедшийся на 1922—1924 годы. А если точнее, кризис, вызванный неумением торговать.

Дзержинский жаловался в политбюро: «Цены не являются, как раньше, критерием для оценки, так как они определяются Госпланом и в других кабинетах «на кофейной гуще». Рынка же у нас нет».

При капитализме тот, кто взвинтил бы непомерно цены, разорился бы. А при социализме в результате такой политики разориться может только само государство.

Сельское хозяйство было тогда частным, и Дзержинский предупреждал: государство рухнет, если будете так драть с крестьянина. И сами рухнем...

Склады были забиты, машины не продавались. И лишь после того, как Дзержинский добился, чтобы цены стали рыночными, произведенные за год машины распродали за несколько недель.

Он на практике применял сугубо рыночные методы. Ленин заявил, что социализм — это советская власть плюс электрификация всей страны. Дзержинский же утверждал, что при проведении

политики следует исходить из формулы «советская власть плюс рынок».

Феликс Эдмундович был крайне эмоциональным человеком. Для исполнения министерских обязанностей ему не хватало терпения, цинизма и некоего равнодушия, которые спасают профессиональных чиновников от перегрузок.

3 августа 1923 года Дзержинский, после столкновения на заседании Совета труда и обороны (СТО) с Рыковым, написал сгоряча письмо Сталину, жалуясь на отношение к нему членов правительства:

«В обстановке борьбы, полного игнорирования и недоверия ко мне со стороны председателя и членов СТО я работать не в состоянии по физическим своим свойствам — эти свойства Вам известны. Я не гожусь в государственные люди, а потому моя просьба — снять меня с наркомпутевства, со СТО и СНК, или оставить в НКПС в должности члена коллегии, или, если это невозможно, совершенно меня убрать оттуда, поручив заняться целиком ГПУ».

Это письмо Дзержинский, оступив, все-таки отправлять не стал.

За три недели до смерти Дзержинский написал личное письмо члену политбюро и заместителю главы правительства Валериану Владимировичу Куйбышеву.

Он признавался, что не знает, что делать. Его выступления против существующих порядков помогут оппозиции, а этого он не хочет. Но если ничего не делать, «страна найдет своего диктатора — похоронщика революции, — какие бы красивые перья ни были на его костюме. Все почти диктаторы ныне бывшие красивые — Муссолини, Пилсудский.

От этих противоречий устал и я.

Я столько раз подавал в отставку. Вы должны скорее решить. Я не могу быть председателем ВСНХ при таких моих мыслях и муках. Ведь они излучаются и заражают. Разве ты этого не видишь? Я так, ей-ей, не могу быть в ВСНХ. Я умоляю вас всех снять меня и поставить своего человека, т. е. такого, которому не пришлось бы испытывать столько сопротивления по всякому вопросу».

И Дзержинский приписал поразительную для председателя ОГПУ фразу: «Мне уже стало так тяжело постоянно быть жестким хозяином».

В политическом смысле он находился между двумя лагерями. Он был против оппозиции, потому что Каменев и Зиновьев взяли на вооружение прежние троцкистские лозунги, которые двумя годами позднее стали лозунгами Сталина.

Оппозиция предлагала раздеть крестьянина: больно богат стал. Дзержинский отвечал им: разденете крестьянина — сами останетесь без штанов.

Но он не принадлежал и к сталинскому лагерю. Чувствовал, что чужой и тем и другим. Если бы он прожил еще два года, его записали бы в правые вместе с Бухариным. В сталинском окружении его не считали своим.

Молотов — уже на пенсии — объяснял своему преданному биографу Феликсу Чуеву: «Дзержинский, при всех его хороших, замечательных качествах — я его лично знал очень хорошо, его иногда немножко слащаво рисуют, — и все-таки он, при всей своей верности партии, при всей своей страстности, не совсем понимал политику партии».

Феликс Эдмундович безумно много работал, совсем не умел наслаждаться жизнью. До революции жил очень скудно, не позволяя себе тратить партийные деньги на личные удовольствия, хотя другие революционеры, оказавшиеся за границей, начиная с Ленина, жили очень недурно. И после революции заставлял себя думать только о работе. Даже не ходил в театры и кино, чтобы не отвлекаться от дела.

Вот как писал об этом Троцкий:

«Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти. Его энергия поддерживалась в напряжении постоянными электрическими разрядами. По каждому вопросу, даже и второстепенному, он загорался, тонкие ноздри дрожали, глаза искрились, голос напрягался и нередко доходил до срыва. Несмотря на такую высокую нервную нагрузку, Дзержинский не знал периодов упадка или апатии. Он как бы всегда находился в состоянии высшей мобилизации.

Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом, в которых, однако, не было ничего личного: Дзержинский бесследно растворялся в деле».

Отношения с женой у Дзержинского были не лучшие. Семейная жизнь не удалась. Засиживаясь за полночь с бумагами, он часто просил постелить ему в кабинете.

Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича, после войны жила в Кремле, где все еще находились квартиры руководителей страны. Там же обитала и вдова Дзержинского — Софья Сигизмундовна, «суховатая, строгая, подтянутая». Она регулярно ходила на партийные собрания в организацию, которая включала неработающих членов семей, а также сотрудников прачечной и горничных с воинскими званиями (все они были сотрудниками госбезопасности). «Была Софья Сигизмундовна уже пожилой, но энергичной. Рассказывала о дореволюционном прошлом, — вспоминает Нами Микоян. — Она строго, нравоучительно излагала свои мысли о том, что девушку с юности нужно учить домашнему хозяйству, труду...»

Дзержинский был человеком больным. Его здоровье было подорвано тюрьмой и каторгой. В последние годы жизни его постоянно наблюдали врачи. Он жил на даче рядом со своим заместителем Менжинским. Они вместе ездили на курорты в Крым, в Кисловодск. От обильной еды Дзержинский даже как-то расплел и обрюзг.

Советская власть организовала своим вождям усиленное питание.

14 июня 1920 года Малый Совнарком утвердил «совнаркомовский паек». Ответственным работникам ЦК полагалось на месяц (в фунтах, один фунт — четыреста граммов): сахара — 4, муки ржаной — 20, мяса — 12, сыра или ветчины — 4. Два куска мыла, 500 папирос и 10 коробков спичек. Наркомам и членам политбюро давали больше. Ленину и Троцкому, скажем, полагалась красная и черная икра. Сталину не полагалась. Он это запомнил...

В последующие годы пайки для руководящего состава все увеличивались и увеличивались. Но переедание тоже вредно, тем более для таких тяжелых сердечников, как Дзержинский.

Сохранилась короткая переписка Куйбышева и Рыкова о Дзержинском (она датируется июлем 1926 года, жить Феликсу Эдмундовичу оставалось совсем немного).

Дзержинский написал Рыкову письмо с просьбой освободить его от руководства ВСНХ. Тогда Куйбышев предложил, что он уступит Дзержинскому свое место наркома рабоче-крестьянской инспекции: «Инициативы у него много и значительно больше, чем у меня... Дело с ним настолько серьезно (ведь он в последнем слове прямо намекал на самоубийство), что соображения о моей амбиции должны отойти на задний план».

Рыков предложил другой вариант: «А что, если его назначить председателем Совета Труда и Оборона и возобновить опыт двух правительств?»

Куйбышев не согласился: «Это исключено. Система двух правительств должна быть похоронена навсегда. Не говоря уже о том, что для руководителя СТО не годится ни нервная система Феликса, ни его импрессионизм. У него много инициативности, но нет черт руководителя (системы в работе, постоянного осязания всей сложности явлений и их взаимоотношений, точного чутья к последствиям той или другой меры и т. д.). В ВСНХ преимущества инициативности еще могут перевешивать недостатки Феликса как руководителя, но в СТО это уже не выйдет».

Рыков тревожно заключил: «Я боюсь, что его нервность и экспансивность без какого-либо крупного шага может довести до беды».

Феликсу Эдмундовичу стало плохо на пленуме ЦК 20 июля 1926 года, где он, выступая против наркома Каменева и оппозиции в защиту деревни и крестьянина, доказывал, что крестьянство грабить нельзя.

Разногласия между Каменевым и Дзержинским имели принципиальный характер. Каменев упрекал Дзержинского в том, что он делает уклон в сторону стихии рынка. Дзержинский же стремился регулировать рынок, но как! Завалить рынок товарами, манипулировать запасами, чтобы диктовать низкие цены. А Каменев считал, что рынком надо просто командовать.

Любопытно, что глава карательного органа спокойно относился к самому факту существования политической оппозиции. Он спорил с оппозиционерами по экономическим вопросам. В частности, его

серьезно беспокоили их антикрестьянские воззрения. Но никаких административных мер против своих оппонентов он не принимал.

Его терпимость к подобным людям подтверждается и тем фактом, что у него в ВСНХ работал уже свергнутый с вершины власти, но все еще популярный Троцкий в роли начальника научно-технического отдела. И Дзержинский не затевал против него никаких козней. По-настоящему ОГПУ возьмется за Троцкого лишь на следующий год после смерти Дзержинского.

Троцкий на пленуме ЦК в 1927 году очень точно откликнулся на слова Сталина насчет того, что надо вымести оппозицию из партии: «Как метлы коснется, вы в своей тарелке. Еще бляху вам и метлу, вот и вся ваша платформа полностью».

Дзержинский говорил Каменеву: «Вы удивляетесь, что крестьянин не хочет продавать хлеб, и считаете, что в наших трудностях виноват кулак. А беда в том, что крестьянин не может купить товары, цены на которые слишком высоки. Чтобы забрать хлеб, придется вернуться к старым временам, то есть насадить помещиков».

Дзержинский еще не знал, что вскоре Сталин ограбит деревню, хлеб заберут, а умелых и работающих крестьян погонят в Сибирь. Рынок исчезнет, товарное хозяйство развалится. Страна перейдет к административной системе управления экономикой, что вызовет необходимость создания множества отраслевых наркоматов. Но чем больше управленцев, тем меньше товаров. Все необходимое становится дефицитом.

Впрочем, распределение дефицитных товаров — это система, весьма удобная некоторым слоям общества и тем, кто распределяет, и тем, кому дефицит достается.

Но вернемся к пленуму 1926 года. Придя после него к себе домой, Дзержинский упал. Вызвали врача. Тот сделал укол камфары. Но это уже не помогло. Дзержинский умер, когда ему еще не было и сорока девяти лет.

Отто Лацис сказал мне полусерьезно-полушутя:

— Если предложат поставить памятник Дзержинскому на Варварке, где когда-то находился Высший совет народного хозяйства, я обеими руками проголосую «за». Он это заслужил. Если захотят восстанавливать на Лубянке, пойду сносить...

ДЗЕРЖИНСКИЙ — ПОЛЬСКИЙ ШПИОН?

В 1920 году, когда Красная армия надеялась разгромить польскую армию и войти в Варшаву, Ленин уже прикинул состав будущего польского правительства, включив в него первым номером Дзержинского.

В 1939-м нечто подобное сделает Сталин, начав войну с Финляндией. Нападение на Финляндию вызвало осуждение во всем мире. Нужно было какое-то пропагандистское прикрытие. И в советских

газетах появилось сообщение о создании в финском городе Териоки, куда вошла Красная армия, правительства Финляндской Демократической Республики, которое, мол, приветствовало наступление советских войск.

2 декабря 1939 года в газетах было опубликовано новое сообщение: нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов подписал договор о взаимопомощи и дружбе с Отто Вильгельмовичем Куусиненом, возглавлявшим правительство и одновременно исполнявшим обязанности министра иностранных дел Финляндской Демократической Республики. Однако в действительности никакой такой республики не существовало, сам же Куусинен был секретарем исполкома Коминтерна.

Затем Молотов написал в Лигу Наций, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы».

Но поляки в 1920-м и финны в 1939-м сумели отстоять свою независимость. Ни Дзержинскому, ни Куусинену так и не удалось возглавить правительства у себя на родине, о чем они, впрочем, и не жалели. Они считали себя, соответственно, не поляком и финном, а членами прекрасного братства народов. Во всяком случае, Дзержинский думал так до последнего дня своей жизни.

Корни жестокости Дзержинского, как и некоторых других руководителей ВЧК—ОГПУ—НКВД, будут потом искать в его нерусском происхождении: дескать, поляку чужих не жалко, вот своих он бы не сажал.

Говорить так — значит вовсе не понимать этих людей. Дзержинского этническое происхождение не интересовало. Если бы в 1920 году Красной армии больше повезло на Западном фронте и Польша вошла бы в состав Советской России, Дзержинский навел бы в Варшаве порядок той же железной рукой.

Полякам досталось бы от него еще больше, потому что в Варшаве у него было много непримиримых идеологических оппонентов. Дзержинский был яростным противником польских националистов, которые мечтали о самостоятельном государстве. Он искренне верил, что полякам лучше было бы оставаться в составе единой Советской России.

В 1917-м он выступал против требования большевиков о праве наций на самоопределение. Дзержинский был искренним интернационалистом: «Национальный гнет может быть уничтожен только при полной демократизации государства, борьбой за социализм».

Сепаратистские стремления направлены против социализма, говорил Дзержинский, поэтому «мы против права наций на самоопределение».

Выступая на II Всероссийском съезде Советов, он говорил: «Польский пролетариат всегда был вместе с русским. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это пролетариат, который борется за социализм».

Неукоснительно выступая против отделения Польши от революционной России, Дзержинский утверждал: «У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров».

В той среде, в которой вырос Дзержинский, национальные чувства были очень сильны: польская интеллигенция стремилась к независимости, к отделению от России, к созданию своего государства.

Но у Дзержинского было больше общего с Розой Люксембург, которая принадлежала к основателям небольшой социал-демократической партии Польши и Литвы. Они вместе, неуклонно отстаивая единство польских и русских рабочих, боролись с националистической партией будущего маршала Юзефа Пилсудского.

Уже в конце жизни Дзержинский в одном из писем напишет: «Я в жизни своей лично любил только двух революционеров и вождей — Розу Люксембург и Владимира Ильича Ленина — никого больше».

Лев Троцкий писал о Дзержинском: «В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 году он примкнул к большевикам. Ленин мне говорил с восторгом: никаких следов старой борьбы не осталось».

Влияние Люксембург на Дзержинского не было таким уж дурным, каким оно представлялось когда-то Ленину и Троцкому.

Некоторые фразы Люксембург словно написаны сегодня: «Со всех сторон нации и малые этнические группы заявляют о своих правах на образование государств. Истлевшие трупы, исполненные стремления к возрождению, встают из столетних могил, и народы, не имевшие своей истории, не знавшие собственной государственности, исполнены стремления получить свою страну. На националистической горе Вальпургиева ночь».

Дзержинский и Люксембург ставили вопрос так: полезна ли национальная независимость для самого народа, для его соседей и для социального прогресса? Есть ли экономические условия для возникновения нового государства?

На свете существуют тысячи языков, но меньше двухсот государств. Роза Люксембург опасалась средневековой анархии, к которой может вернуться Европа, если каждая этническая группа потребует себе собственную страну. В регионах со смешанным населением экономическая жизнеспособность одной этнической группы зависит от других.

Спустя много лет после смерти Розы Люксембург, когда мы видим, как народы, живущие в одной стране, безжалостно убивают друг друга, приходится признать, что она была права.

Но Дзержинский разошелся с Розой в оценке русской революции. Вот что она писала, наблюдая за Советской Россией: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. От этого зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией».

«Свобода — это прежде всего свобода инакомыслия», — с подобной формулой Розы Люксембург Дзержинский не был согласен, и в этом заключалась его ошибка.

А исторический спор о праве наций на самоопределение Дзержинский и Люксембург проиграли Юзефу Пилсудскому, который в юности тоже разделял социалистические идеи.

Пилсудский был еще более жестким человеком, чем Феликс Эдмундович. Он вовсе не признавал компромиссов и переговоров. Пилсудский родился на десять лет раньше Дзержинского и еще успел примкнуть к народовольцам. За участие в покушении на Александра III его отправили в Сибирь.

Многие поляки в Первую мировую сражались на стороне России в надежде после войны добиться независимости. С той же целью Пилсудский перешел на сторону немцев и австрийцев. Но в 1917 году он отказался присягнуть германскому императору, за что его посадили в тюрьму. В 1918-м после краха Германской империи он вернулся в Варшаву, чтобы взять власть, которая валялась под ногами.

В 1920-м войска Пилсудского нанесли неожиданный удар по Красной армии, стоявшей у ворот Варшавы, и таким образом остановили «победоносное шествие коммунизма». В историю эта военная победа вошла как «чудо на Висле».

На Пилсудского поляки смотрели как на героя. Те, кто слышал его выступления, были заморожены их магией. Вдохновленные его речами, польские легионеры в 1920 году захватили столицу Литвы Вильнюс. Это был подарок любимому лидеру, который родился и ходил в школу в Вильно. Сталин вернул Литве Вильнюс лишь в 1939-м, после раздела Польши.

В тот год, когда умер Дзержинский, Юзеф Пилсудский по-своему решил польские проблемы, организовав военный переворот и установив режим «управляемой демократии». Пилсудский умер почти на десять лет позже Дзержинского.

Памятник Дзержинскому в Москве снесли в 1991 году. А Пилсудскому в 1998-м поставили в Варшаве уже второй памятник. На открытии присутствовал президент страны Александр Квасьневский.

Ненависть к Пилсудскому и польскому национализму не спасла бы Феликса Дзержинского, проживи он чуть дольше.

Бывший заместитель наркома внутренних дел Казахстана Михаил Павлович Шрейдер вспоминал, как в начале 1939 года во время допроса начальник следственного отдела Ивановского уп-

равления НКВД, обвинявший его в работе на польскую разведку, вдруг сказал:

— А мы располагаем данными, что к вашей организации приложил руку и Дзержинский. Вот почему он расстреливал честных следователей, которые били врагов. Случайно ли получилось, что Дзержинского, когда он находился в Варшавской цитадели, не казнили? Ленин и Сталин были им обмануты. Сейчас мы располагаем такими материалами.

Шрейдер был потрясен его словами. В этот момент в кабинет зашел начальник областного управления НКВД, который многозначительно подтвердил:

— Еще год назад и я бы не поверил относительно Дзержинского. Но сейчас мы в этом уже убедились. Я лично слышал об этом из уст Берии, и да будет вам известно, что вся родня Дзержинского арестована и все они дали показания.

26 апреля 1936 года Совнарком принял постановление о высылке с Украины поляков как политически неблагонадежных. Поляков отселяли из пограничной зоны. Первую группу в 35 тысяч человек отправили в Казахстан.

Нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов скажет уже потом на допросе (это когда уже его будут допрашивать, а не он): «Я начал свою работу с разгрома польских шпионов, которые пролезли во все отделы органов ЧК, в их руках была советская разведка».

9 августа 1937 года Политбюро утвердило приказ НКВД «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ (Польской организации войсковой)».

Вот в эту мифическую организацию двумя годами позже вписали и бывшего заместителя наркома внутренних дел Казахстана Шрейдера, который на допросе узнал, что идет по одному делу с Дзержинским.

В приказе Ежова говорилось: «Почти с самого момента возникновения ВЧК на важнейших участках противопольской работы сидели проникшие в ВЧК крупные польские шпионы — Уншлихт, Мессинг, Пиляр, Медведь, Ольский, Сосновский, Маковский, Логановский, Баранский и ряд других, целиком захвативших в свои руки всю противопольскую разведывательную и контрразведывательную работу ВЧК—ОГПУ—НКВД».

Такие дела фабриковались по всей стране. По одному только «польскому делу» посадили 18 тысяч человек. В Москве группу студентов-поляков обвинили в том, что они собирались под видом осовахиимовцев пронести оружие на Красную площадь во время демонстрации 7 ноября 1937 года и расстрелять стоявших на мавзолее руководителей страны и партии. Цель же подобной акции состояла, мол, в том, чтобы ослабить Советский Союз накануне войны с Польшей. В Москве все еще готовились воевать с польскими панями!

Нарком внутренних дел Ежов приказал арестовать всех политэмигрантов, бежавших в СССР, то есть польских коммунистов, дру-

зей России, единомышленников Дзержинского. Как польского шпиона расстреляли профессионального чекиста Станислава Францевича Реденса, бывшего секретаря Дзержинского и родственника Сталина.

Если бы сам Феликс Эдмундович Дзержинский дожил до Николая Ивановича Ежова, его бы тоже расстреляли вместе с тысячами поляков, которые предпочли Россию независимой Польше и в результате пали жертвами чекистов.

Глава 2

ВЯЧЕСЛАВ РУДОЛЬФОВИЧ МЕНЖИНСКИЙ

Во втором издании Большой Советской Энциклопедии написано, что Вячеслав Рудольфович Менжинский погиб на боевом посту: он был злодейски умерщвлен по заданию главарей антисоветского контрреволюционного «право-троцкистского блока».

Несколько человек были приговорены в 1938-м к смерти за соучастие в убийстве, которого не было. Так что и после смерти Менжинский продолжал служить своему делу.

Впрочем, его родственники по-прежнему полагают, что Вячеслав Рудольфович был убит. Внук Менжинского Михаил Розанов уверен, что когда на даче поменяли обои, то на них нанесли яд. Он рассказывал мне, что и по сей день помнит эти обои, такие красивые...

МЕЖДУ ЛЕНИНЫМ И ТОЛСТЫМ

Из всех руководителей госбезопасности Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил ОГПУ восемь лет — дольше, чем Ягода и Ежов, вместе взятые, и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек — таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким образом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступающей к нему от его первого заместителя Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, — миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, отправлял террористические группы за границу для уничтоже-

ния врагов советской власти и подготовил первые московские судебные процессы, которые потрясли не только страну, но и весь остальной мир.

Масштабы содеянного Менжинским не те, что у его преемников, но это лишь потому, что другого Сталин еще не требовал.

Менжинский родился 19 августа 1874 года в Петербурге в дворянской семье. Его отец преподавал историю в Петербургском кадетском корпусе. Гимназию Вячеслав Рудольфович окончил с золотой медалью. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, работал адвокатом.

Жизнь его могла пойти иным путем. Летом 1902 года, вспоминает его внук, Менжинский поехал в Ясную Поляну на встречу с Львом Толстым...

Менжинский очень рано присоединился к социал-демократической партии — еще в 1902 году, но, в отличие от Дзержинского, старался закон не нарушать.

Менжинский служил в Управлении строительством Вологодско-Вятской железной дороги в Ярославле и вел занятия в вечерней школе для рабочих. Во время первой русской революции сотрудничал в редакции большевистской газеты «Казарма». В июле 1905-го всех сотрудников редакции арестовала полиция. Четыре месяца он просидел в тюрьме. Когда объявил голодовку, его выпустили на поруки.

Он тут же бежал в Финляндию, где действовали свои законы. В 1907-м эмигрировал, жил в Бельгии, Швейцарии, Франции и Америке. Пребывание в Париже использовал для того, чтобы учиться в Сорбонне.

Страсть к революции соединялась в нем с любовью к литературе. Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный и поныне поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Кузмин, интимный друг Георгия Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Для этого сборника Менжинский написал «Роман Демидова». Менжинский, опять же вместе с Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (издан в Санкт-Петербурге в 1907 году).

Лев Троцкий писал, что познакомился с Менжинским во Франции в 1910 году. Будущий председатель ГПУ примыкал к группе ультралевых социал-демократов, или впередовцев. В группу входили также Александр Александрович Богданов (после революции директор Института переливания крови) и будущий нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Менжинский в те годы писал под псевдонимом Степинский.

В Болонье они открыли марксистскую школу для рабочих из России. Здесь Троцкий и увидел Менжинского:

«Впечатление, какое он на меня произвел, будет точнее всего выражено, если я скажу, что он не произвел никакого впечатления. Он казался больше тенью какого-то другого человека, не-

осуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаненная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности».

Троцкий писал эти строки уже будучи в эмиграции, когда Менжинский возглавлял ОГПУ, боровшееся с оппозицией, так что автор, возможно, пристрастен.

Георгий Александрович Соломон, известный в предреволюционные годы социал-демократ, который хорошо знал семью Ленина и дружил с Менжинским в эмиграции, вспоминал:

«После первой русской революции с явкой от Ленина в Брюссель перебрался на жительство Вячеслав Рудольфович Менжинский. В день прибытия Ленина Менжинский вызвался встретить его на вокзале...

Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним Ленина. Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег. Мне удалось найти ему врача. Он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид с набалдашниками под глазами, распухшими ногами...

Меня поразило, что Менжинский, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес от самого трамвая огромный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик. Я бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно носить тяжести, накинулся на Ленина с упреками:

— Как же вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище. Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин. — Разве он болел? А я и не знал... Ну ничего, поправится...

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

А Менжинский улыбался своею милой, мягкой улыбкой. Этот элемент самопожертвования является отличительной чертой характера Менжинского в его сношениях с близкими людьми. Тот же Менжинский, прибыв из Киева в Москву, страдая сильной грыжей, стал перетаскивать свой и своих товарищей багаж, в то время как молодые товарищи спокойно шли налегке. Он поплатился за это болезнью, которая продержала его несколько недель в постели. И он сносил свои страдания без ропота, с присущей ему мягкой улыбкой.

Мне было странно отношение Ленина к Менжинскому, его старому товарищу и другу. Я несколько раз говорил Ленину о тяжелом положении Менжинского, человека крайне застенчивого, который сам предпочел бы умереть (я его застал умирающим от своей болезни, в крайней бедности, но он никому не говорил о своем положении), но ни за что не обратился бы к своим друзьям или товарищам. Но Ленин ничего для него не сделал.

Сразу после Октябрьской революции Ленин говорил о Менжинском как о прекрасном человеке, который совершенно не понимает, что к чему и как нужно воплощать в жизнь великие идеи.

Похоже, Владимир Ильич ошибался насчет своего старого знакомого. Менжинский до работы в госбезопасности и во время этой работы — два разных человека. Не очень понятно: это служба так меняет человека? Или же в нем проявились доселе скрытые черты характера?

НОЧЬ В СМОЛЬНОМ

В июле 1917 года Менжинский вернулся в Россию. Его, сугубо штатского человека, включили в состав Бюро военной организации при ЦК РСДРП.

25 октября Менжинского назначили комиссаром Петроградского военно-революционного комитета в Госбанке. Он прибыл в главную контору банка с требованием выдать новой власти десять миллионов рублей на текущие нужды. Служащие Госбанка большевиков не признали и высокомерно отказались выполнять приказы Совнаркома. Тогда банк заняли красногвардейцы, но денег им все равно не дали.

Ленин утвердил Менжинского в должности заместителя наркома финансов РСФСР: наркомом стал известный публицист Иван Иванович Скворцов-Степанов, вероятно, потому, что он перевел на русский язык «Капитал» Маркса.

Получив назначение в наркомат финансов, Менжинский, еще не подобрав ни одного сотрудника, лег спать на диване в Смольном, прикрепив над головой записку «Наркомфин».

Почему Ленин определил его по денежным делам? Может, он вспомнил, что Менжинский, находясь в эмиграции в Париже, нашел работу в банке? Теперь от него требовалось только одно — выбить из банков деньги.

В Смольном 8 ноября Менжинского увидел американец Джон Рид, описавший революцию во всех подробностях: «Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во французском банке».

Через несколько дней Менжинский дал короткое интервью Джону Риду:

«Без денег мы совершенно беспомощны. Необходимо платить жалованье железнодорожникам, почтовым и телеграфным служащим... Банки закрыты; главный ключ положения — Государствен-

ный банк — тоже не работает. Банковские служащие по всей России подкуплены и прекратили работу.

Но Ленин распорядился взорвать подвалы Государственного банка динамитом, а что до частных банков, то только что издан декрет, приказывающий им открыться завтра же, или мы откроем их сами!»

Вместе с Лениным Менжинский подписал «Постановление об открытии банков»:

«Рабочее и крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы... В случае если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары временным заместителем народного комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать фабрично-заводского комитета».

Только 17 ноября Менжинскому удалось получить первые пять миллионов рублей для нужд Совнаркома, который принял решение вскрыть сейфы частных банков. В каждый из них был отправлен вооруженный отряд.

Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы и объединены вместе с Госбанком в единый Народный банк. Банковские акции аннулировались, а сделки по ним объявлялись незаконными. Со всем этим Менжинский справился за несколько месяцев. Но особого впечатления на Ленина не произвел и высокой должности не сохранил.

Это подтверждает и Троцкий в своих записках: в наркомате финансов Менжинский «не проявил никакой активности или проявил лишь настолько, чтобы обнаружить свою несостоятельность».

Правительство переехало в Москву, а Менжинский остался в Петрограде в роли члена президиума Петроградского совета и члена коллегии комиссариата юстиции Петроградской трудовой коммуны. Это было понижение.

В апреле 1918 года, после заключения Брестского мира с немцами, его, как знающего иностранные языки и жившего за границей, отправили генеральным консулом в Берлин.

Советским полпредом в Германии был Адольф Иоффе, друг и соратник Троцкого. Потом их судьбы разойдутся, но тогда они вполне ладили, и Менжинский поддерживал Иоффе в его стычках с наркоматом иностранных дел. Дочь Иоффе пишет, что Менжинский «был человек несколько мрачный, неразговорчивый и необыкновенно вежливый — даже мне, девчонке, он говорил «вы».

Работа в Берлине оказалась недолгой. Накануне ноябрьской революции германское правительство разорвало дипломатические отношения с Россией. Советское полпредство обвинили в том, что оно ведет антигосударственную пропаганду, сославшись на то, что в со-

ветском дипломатическом багаже обнаружались пропагандистские листовки.

Менжинского перебросили на Украину, где он несколько месяцев служил заместителем наркома советской социалистической инспекции.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Осенью 1919 года Менжинский вернулся в Москву. Дзержинский нашел ему работу в ВЧК. Еще 6 февраля ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». Они должны были бороться с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

Но ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого подчеркивалось, что особые отделы будут действовать под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменят в 1931-м, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии).

Так появилась военная контрразведка, которая не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии.

Кроме того, поскольку при ВЧК еще не было Иностранного отдела, заниматься разведывательной работой за границей и на территориях, занятых Белой армией и иностранными державами, должен был Особый отдел.

Первым этот отдел возглавил сам Дзержинский. 15 сентября 1919-го Менжинского назначили особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Через полгода он — уже заместитель начальника отдела, а еще через несколько месяцев возглавил его. В июле 1922-го его утвердили членом коллегии ВЧК.

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии и не только в армии и Дзержинскому, и Троцкому. При чем Троцкий был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. Лишь после ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится. А в Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать начальника Особого отдела, если у них не складывались отношения.

Менжинский был исключительно лоялен к наркому по военным и морским делам. Троцкий вспоминает:

«Он явился ко мне в вагон с докладом по делам особых отделов в армии.

Закончив с официальной частью визита, он стал мяться и переминаться с ноги на ногу с той вкрадчивой своей улыбкой, которая вызывает одновременно тревогу и недоумение. Он кончил вопросом: знаю ли я, что Сталин ведет против меня сложную интригу?

— Что-о-о? — спросил я в совершенном недоумении, так был далек тогда от каких бы то ни было мыслей или опасений такого рода.

— Да, он внушает Ленину и еще кое-кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина...

— Да вы с ума сошли, Менжинский, проспитеесь, пожалуйста, а я разговаривать об этом не желаю.

Менжинский ушел, перекосив плечи и покашливая. Думаю, что с этого самого дня он стал искать иных осей для своего кру-
воращения».

Так что традиция докладывать высшему руководству о политической ситуации и о поведении политиков заложена была в органах госбезопасности еще в те годы.

Доверительность отношений Менжинского с Троцким не стоит переоценивать. Тут не было ничего личного. Начальник Особого отдела ответственно исполнял свои обязанности, не более того.

После смерти Дзержинского борьба с Троцким и с оппозицией будет поручена ОГПУ. Люди Менжинского совершенно не стеснялись в средствах. Была устроена настоящая провокация.

Агент ОГПУ, который потом во всех документах будет фигурировать как «бывший офицер врангелевской армии», получил задание близко познакомиться с человеком, который работал в типографии, где оппозиция печатала свои материалы.

Однажды к кому-то из окружения Троцкого пришел человек, предложивший помочь распечатать документы оппозиции на гектографе: до появления ксероксов это была высоко ценимая услуга. Но тут же нагрянуло ОГПУ, и оказалось, что доброхот — бывший врангелевский офицер. Типографию тут же прикрыли.

Политбюро и президиум Центральной контрольной комиссии (партийная инквизиция) сообщили всей стране о том, что троцкисты связаны с белой эмиграцией, с контрреволюционерами. Оппозиционеров обвинили в создании организации, готовившей военный переворот. Это уже не внутривнутрипартийные споры, а антигосударственное преступление.

Оппозиционеры требовали опровергнуть это вранье. Председатель ОГПУ Менжинский признал, что «врангелевский офицер» — на самом деле агент ОГПУ. И Сталин это прекрасно знал. Но, как говорилось в заявлении лидеров оппозиции, дело сделано: «легенда о «врангелевском офицере» гуляет по стране, отравляя сознание миллиона членов партии и десятков миллионов беспартийных».

В октябре 1927 года Троцкого и Зиновьева вывели из ЦК, их соратников исключили из партии. К концу 1927 года оппозиция была разгромлена. В течение года всех видных оппозиционеров, в общей сложности почти полтора человека, выслали из Москвы в отдаленные города страны под надзор представителей ОГПУ. В 1929-м Менжинскому поручили организовать высылку Троцкого из России.

СОБОЛИНЫЕ ШКУРКИ И ТРАДИЦИИ РАЗВЕДКИ

20 декабря 1920 года Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела ВЧК»:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особого отдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешшторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностраный отдел».

Менжинский руководил разведкой с момента ее возникновения, тем более что 18 сентября 1923 года его назначили первым заместителем председателя ГПУ. Дзержинский все больше занимался хозяйственными проблемами, оставляя ГПУ на своих заместителей.

Вячеслав Рудольфович сыграл важную роль в том, что советская разведка в 20—30-х годах стала самой сильной в мире.

Преимущество разведки ВЧК состояло в том, что, во-первых, в нее пришли работать опытные люди — большевики, прошедшие школу подполья, конспирации, борьбы с царской полицией и тюрем. Во-вторых, первое поколение советских разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома или в прямом смысле дома.

И наконец, самое главное. До появления Советской России считалось, что разведка и контрразведка нужны только во время войны, а в мирное время их распускали, довольствуясь обычной полицией.

Немецкие спецслужбы вообще перестали существовать после поражения в Первой мировой. Соединенные Штаты до Второй мировой войны не имели разведывательной службы и стали создавать ее с помощью англичан лишь после начала Второй мировой войны. Англичане сократили штаты спецслужб донельзя, то же сделали и французы. И только аппараты ВЧК и советской военной разведки росли как на дрожжах. Этим и объясняются успехи в 20—30-х годах.

Ни одна другая страна не тратила на это столько денег и сил. Советская Россия считала себя в состоянии войны чуть ли не со всем миром, поэтому вполне естественно для нее было и вести подпольную войну по всему земному шару.

Первое поколение советских разведчиков во многом состояло из идеалистов, преданных идее мировой революции. Они шли в раз-

ведку не ради поездки за границу. Они служили делу, которое считали великим. Сначала они обратились за помощью к естественным союзникам — иностранным компартиям, но быстро поняли, что открыто действующий член коммунистической партии не может быть агентом: он на учете в полиции, и ему никуда нет ходу.

Тогда вербовщики советской разведки стали искать агентов «на вырост» — перспективную молодежь левых убеждений. Молодых людей, которые соглашались сотрудничать, убеждали не афишировать свои истинные взгляды и искать место в государственном аппарате, желательно в специальных службах.

Таких идейных волонтеров было недостаточно, поэтому искали и агентов, которые соглашались работать за деньги.

Вербовщики советской разведки, наверное, первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, те, кто вынужден вести двойную жизнь, умеют хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства: в постели выведываются любые секреты. В-третьих, в среде гомосексуалистов были распространены социалистические идеи. В Англии в 30-х годах братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном.

Ценность таких людей разведка поняла, воспользовавшись услугами одного из знаменитых своих агентов англичанина Гая Берджесса, друга и соратника Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника английского военного министерства, что Берджесс и сделал, вступив с ним в интимную связь.

Ветераны советской разведки искренне обижаются, когда о Филби и его друзьях пишут не в самых восторженных тонах. С профессиональной точки зрения Филби был гениален — что верно, то верно. Но, увы, подлинные документы из архива советской Службы внешней разведки рисуют Филби и его друзей в весьма непривлекательном виде.

Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, сифилисом, который тогда плохо лечили, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что их не оценили, не признали, трудности с карьерой, желание тайно повелевать окружающими, — вот что привело целую когорту молодых англичан в сети московских вербовщиков. Не желая взглянуть правде в глаза, эта публика находила успокоение в мыслях о том, что все они служат великому делу.

Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег. Бессребреники, занимавшиеся подделкой казначейских билетов. 20-е и 30-е годы были временем, когда в разведку шли и ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Благородная мужская забава, почище охоты на диких зверей!

Историю отечественной разведки специалисты ведут от Посольского приказа, созданного царем Иваном IV в 1549 году, когда еще не делалось различий между дипломатией и разведкой. При Иване

Грозном начались и репрессии против разведчиков: в 1570-м жестоко казнили посольского дьяка Ивана Висковатого, заподозренного в измене и заговоре против трона. А ведь Висковатый умело приобретал «агентов влияния», которых уже в наше время так боится председатель КГБ Владимир Александрович Крючков.

Царь Алексей Михайлович создал Приказ тайных дел, в ведение которого была передана и разведывательная деятельность. Любопытно, что Приказ тайных дел вскоре стал заниматься также и обслуживанием царской семьи, совсем как КГБ. Начальник спецслужбы, который состоял тогда не в генеральском звании, а был просто дьяком, сопровождал царя на охоту и богомолье. И, подобно генерал-лейтенанту Александру Васильевичу Коржакову, начальнику службы охраны Ельцина, приобрел при дворе необыкновенное влияние — даже подписывал за царя указы.

При Алексее Михайловиче уже был первый перебежчик на Запад, причем из числа доблестных разведчиков. Это тоже, выходит, давняя традиция.

Как и сейчас, труднее всего было поладить с ближайшими соседями. Дипломату и разведчику Артамону Матвееву поручили разработку Богдана Хмельницкого, «человека неизвестного происхождения, объявившего себя «гетманом Украины», вступившего в вооруженную борьбу с Речью Посполитой и обратившегося к московскому царю с просьбой принять его со всем войском казачьим в российской подданство», как написано в «Очерках истории российской разведки».

Хмельницкий выдавал себя за дворянина. Бдительный Матвеев вывел Богдана на чистую воду: отцом «гетмана Украины» был еврей-мясник, а сам Хмельницкий начинал жизнь с того, что содержал кабак.

Еще одна традиция — не доверять своим агентам. Знаменитый Талейран, министр иностранных дел Франции, тоже был платным агентом российской разведки. Он предупредил императора Александра I о том, что Наполеон готовится напасть на Россию. И это предупреждение так же пропало втуне, как и многочисленные предупреждения Сталину в 1941-м.

Привычка к тотальной слежке, когда казенных денег не жалеют, тоже не с КГБ началась. За террористом Борисом Викторовичем Савинковым во Франции следило около сотни агентов царского департамента полиции. А толку? Помешать террористической деятельности эсеров полиция не смогла.

Что касается методов вербовки агентов, то один из самых первых российских разведчиков Афанасий Ордин-Нащокин открыл универсальный способ — побольше золота!

Практичный Петр I не жалел для своих разведчиков денег на подкуп иностранных дипломатов, тоже заложив одну из важных традиций разведки. В те времена, как и сейчас, агенты рублями не брали, а поскольку долларов еще не было, то выручали шкур-

ки горностаия и соболя. В те времена это называлось «дачными делами» от глагола «давать».

Научно-техническая линия разведки — то, что чаще называется промышленным шпионажем, — ведется от приказа Алексея Михайловича послу в Англии привезти «семян всяких» для питомника в Измайлове. Методы научного шпионажа тоже давно придуманы: знаменитый разведчик граф Николай Игнатьев начал свою карьеру с того, что просто украл в Лондоне новейший образец патрона, выставленный в Британском музее.

Самый высокопоставленный из сбежавших на Запад чекистов Александр Орлов, бывший резидент советской разведки в республиканской Испании, утверждал, что именно он украл в Германии технологию изготовления промышленных алмазов.

Москва первоначально хотела купить патент и договориться с Крупном о строительстве завода в СССР. Но на заседании политбюро Сталин сказал Менжинскому: «Эти ублюдки хотят слишком много денег. Попытайтесь выкрасть это у них. Покажите, на что способно ОГПУ!»

Берлинская резидентура советской разведки выкрала все описание технологии да еще и доставила немецкого изобретателя в Москву, чтобы он присутствовал при пуске завода...

ДЕЗИНФБЮРО

В январе 1923 года заместитель председателя ГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт предложил создать для ведения активной разведки специальное бюро по дезинформации. Уншлихт был на два года моложе Дзержинского и примкнул к революционному движению пятью годами позже. Они состояли с Дзержинским в одной партии — Социал-демократии Польши и Литвы. Выдвигая свою идею, Уншлихт и не подозревал, что всего лишь продолжает старые традиции.

В наше время сын уездного предводителя дворянства Яков Толстой, которому Пушкин посвятил когда-то «Стансы», надевал бы в праздничные дни генеральский мундир и руководил в разведке службой «А» — «активные мероприятия». Так на профессиональном языке именуется дезинформация противника.

Якову Толстому, который предпочитал жить в Париже, пришла в голову гениальная мысль: он предложил царскому правительству подкупать французскую прессу, чтобы она благоприятно писала о России. В Санкт-Петербурге идею подхватили. И точно так же 11 января 1923 года политбюро одобрило предложение Уншлихта.

Постановлением политбюро было создано межведомственное Бюро по дезинформации (Дезинфбюро), в которое вошли представители не только ГПУ, но и ЦК, наркомата иностранных дел, Реввоенсовета, Разведывательного управления штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Бюро должно было составлять ложные сведения и документы, дающие превратное представление о внутреннем положении России. Этими материалами предполагалось снабжать противника с помощью разведки.

Бюро должно было готовить статьи и заметки для периодической печати, передавать газетам разного рода фиктивные материалы — в каждом отдельном случае с санкции секретаря ЦК.

Эти операции по дезинформации стали частью общей тактики органов госбезопасности. Чекисты создавали мнимую подпольную контрреволюционную организацию, которая связывалась с эмиграцией. Бежавшие из России военные и политики хотели верить — не могли не верить! — в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. И некоторые лидеры эмиграции, поддавшись на уговоры, ехали в Россию, чтобы убедиться в силе нового движения. Их арестовывали.

Широкой публике известна так называемая операция «Трест». Но только потому, что было решено частично ее рассекретить. Сперва появилась книга писателя Льва Вениаминовича Никулина «Мертвая зыбь», а затем многосерийный фильм кинорежиссера Сергея Николаевича Колосова. Но таких операций было проведено множество. Занимался этим, помимо Москвы, и Особый отдел ГПУ Украины, который тоже боролся с эмиграцией.

Считается, что именно Менжинский разработал тактику выманивания из-за рубежа врагов, которых ловили на территории России.

Летом 1924 года таким образом заманили в Москву Бориса Викторовича Савинкова, которого считали чуть ли не самым опасным врагом советской власти.

Менжинский получил редкий по тем временам орден Красного Знамени. А Савинков в мае 1925-го то ли покончил с собой, то ли был убит чекистами. Сидя в тюрьме, он вроде бы раскаялся и писал русским эмигрантам письма с предложением «последовать его примеру и вернуться в Россию». По своей воле или под давлением чекистов — точно не известно.

Попутно в ходе операции «Трест» использовалось то самое Бюро по дезинформации (Дезинфбюро). Целый ряд западных разведок обратился к мифической российской подпольной организации с просьбой раздобыть данные о Красной армии и положении в стране. Они получали ответы, которые готовились офицерами штаба РККА и военными разведчиками. Эту работу санкционировал начальник штаба РККА Михаил Николаевич Тухачевский, что со временем ему дорого обойдется.

В начале 20-х годов известному эмигранту Василию Витальевичу Шульгину, бывшему депутату Государственной думы, чекисты устроили целое путешествие по Советской России. Ему позволили приехать, а потом отпустили из страны в надежде, что он убедился: большевики крепко держат в руках власть и попытки эмигрантов свергнуть их иллюзорны. План сработал. Шульгин написал

книгу «Три столицы. Путешествие в красную Россию», которой в Москве были довольны.

Павел Анатольевич Судоплатов, генерал-лейтенант госбезопасности, занимавшийся позднее подготовкой убийства Троцкого, а в годы войны руководивший диверсионной деятельностью в немецком тылу, вспоминал, что Менжинский отдал приказ о подготовке плана нейтрализации активных украинских националистов: имелось в виду их физическое уничтожение. Сам Судоплатов убил лидера Организации украинских националистов Коновальца.

Со временем Менжинский создаст Особую группу при председателе ОГПУ — самостоятельное и независимое от Иностранного отдела подразделение. Оно готовило диверсионные операции на случай войны и внедряло агентуру на важнейшие объекты вероятного противника.

Возглавлял группу Яков Серебрянский, человек авантюрного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать лет. Он отделался высылкой, работал электромонтером на витебской электростанции, с 1912 года служил в армии.

После революции наступило его время. В 1919 году он оказался в Персии (теперь Иран). Там его взяли в Особый отдел Персидской Красной армии. В 1920-м он служил в центральном аппарате ВЧК в Москве, но после окончания Гражданской войны его демобилизовали. Он опять примкнул к эсерам, за которыми теперь охотились его сослуживцы из ВЧК. На квартире одного из эсеровских руководителей его арестовали. Он провёл за решеткой несколько месяцев.

В марте 1922 года президиум ГПУ освободил его из-под стражи «со взятием на учет и лишением права работы в политических, розыскных и судебных органах». От тоски он пристроился в канцелярию нефтетранспортного отдела Москватоба, там его арестовали по подозрению в получении взятки. Но о нем вспомнил другой бывший эсер — Яков Блюмкин, убийца немецкого посла Мирбаха. Серебрянского отправляют на нелегальную работу за границу. Полтора десятка лет он проработал под различными крышами в Бельгии, Франции и Соединенных Штатах.

Самой удачной его акцией стало похищение бывшего белого генерала Кутепова, который возглавил Российский общевоинский союз. Эту организацию бывших офицеров Белой армии в Москве считали самой опасной. Серебрянский похитил Кутепова в январе 1930 года прямо в центре Парижа. За это его наградили орденом Красного Знамени. В 1936-м он получил еще и редкий тогда орден Ленина.

После того как наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия и на Лубянке началась большая чистка, Серебрянского в ноябре 1938 года посадили. Он провел в тюрьме три года. В июле 1941 года Военная коллегия Верховного суда приговорила его к высшей мере

наказания. Но расстрелять его не успели — вмешался Судоплатов. Он уговорил Берия освободить Серебрянского как опытного организатора террористических акций. В августе Президиум Верховного Совета СССР освободил его и амнистировал.

Всю войну Серебрянский прослужил в Четвертом (диверсионном) управлении НКВД—НКГБ под руководством Судоплатова, получил звание полковника, еще два ордена. Но после войны его уволили в запас. Когда в 1953 году Берия вновь возглавил органы госбезопасности и Судоплатов стал собирать своих людей, вспомнили и о Серебрянском. Его взяли во Второе управление МВД. Эти несколько месяцев дорого ему обошлись.

После расстрела Берии его тоже арестовали. Постановление Президиума Верховного Совета от августа 1941 года было отменено — над ним нависла угроза приведения в исполнение смертного приговора. Но расстреливать его не спешили, началось новое следствие. Но в марте 1956 года Серебрянский умер в Бутырской тюрьме.

Его заместителем стал Наум Эйтингон, тот самый, который позднее организовал убийство Троцкого. Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов.

ЛЕЖА НА ДИВАНЕ

30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Вячеслав Рудольфович Менжинский был назначен председателем ОГПУ и занимал этот пост восемь лет.

Троцкий вспоминал:

«Никто не замечал Менжинского, который корпел в тиши над бумагами. Только после того, как Дзержинский разошелся со своим заместителем Уншлихтом, он, не находя другого, выдвинул кандидатуру Менжинского. Все пожимали плечами.

— Кого же другого? — оправдывался Дзержинский. — Некого!

Но Сталин поддержал Менжинского. Сталин вообще поддерживал людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Менжинский стал верной тенью Сталина в ГПУ. После смерти Дзержинского Менжинский оказался не только начальником ГПУ, но и членом ЦК. Так на бюрократическом экране тень несостоявшегося человека может сойти за человека».

Менжинский был по-прежнему очень вежлив и даже деликатен. Выслушав рапорт очередного сотрудника, любезно протягивал ему руку и говорил: «Здравствуйте, как поживаете?»

Его сестра Людмила Рудольфовна работала в наркомате просвещения и иногда, обращаясь к брату, помогала выручать арестованных: с помощью влиятельных людей еще можно было кого-то спасти.

Вячеслав Рудольфович часто болел и, даже приезжая на Лубянку, принимал посетителей лежа. Никого это не удивляло.

Писатель Илья Григорьевич Эренбург пишет, как в 1920 году он решил поехать в Париж. Заполнил в наркоминделе анкету. Через несколько недель его вызвали в ЧК, предупредили: «С главного подъезда к товарищу Менжинскому».

«Вячеслав Рудольфович Менжинский был болен и лежал на чересчур короткой кушетке, — вспоминал Эренбург. — Я думал, что он начнет меня расспрашивать, не путался ли я с врангелевцами, но он сказал, что видел меня в Париже, спросил, продолжаю ли я писать стихи. Я ответил, что хочу написать сатирический роман. Поскольку разговор зашел о литературе, я поделился с ним сомнениями: печатается слишком много ходульных стихов, а вот Блок замолк... Менжинский иногда улыбался, кивал головой, иногда хмурился...»

На прощание Менжинский сказал Эренбургу: «Мы-то вас выпустим. А вот что вам скажут французы, не знаю...»

Илья Эренбург получил паспорт. Он не знал, что через год именно Менжинский будет решать судьбу Александра Блока.

В июле 1921-го нарком просвещения обратился к Ленину с просьбой отпустить поэта Александра Александровича Блока на лечение за границу: тот тяжело болен. Ленин запросил мнение начальника Особого отдела Менжинского.

Менжинский ответил в тот же день: «Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории».

Пока решали, что делать с Блоком, 7 августа 1921 года великий поэт умер.

Сейчас нам кажется, что настоящий террор был только во время Гражданской войны, а потом возобновился уже в 1937-м. Но это не так, террор начался сразу же после революции и закончился только 5 марта 1953 года со смертью Сталина.

Осенью 1927 года в Москву приехал знаменитый французский писатель Анри Барбюс, симпатизировавший Советской России. 16 сентября его принял Сталин. Барбюс спросил его: «Как мне противодействовать западной пропаганде насчет красного террора в СССР?»

Сталин объяснил все просто:

«Расстрелы шпионов, которые происходят, это, конечно, не красный террор. Мы имеем дело со специальными организациями, база которых в Англии или во Франции... Эти организации финансируются, очевидно, капиталистами, английской разведкой...»

Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить весь съезд Советов, на котором присутствует три—пять тысяч человек. Было задание отравить газами весь съезд. Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь, и тут просто вопрос об экономии жизней. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии... или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей».

10 мая 1927 года на Варшавском вокзале был убит советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков.

«У нас в ответ на это было расстреляно двадцать белогвардейцев, — говорил Сталин Барбюсу. — Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляно, что у нас много еще таких паразитов шляется...

Тут нужно ставить вопрос о том, против кого направлена смертная казнь. Кто встречается в списках лиц, приговоренных к смертной казни? Только дворяне, князья, царские генералы, царские офицеры, которые воевали с Советской властью. Очень редко, я не знаю такого случая, когда встречаются в этих списках представители неэксплуататорских классов, может быть, один-два случая среди шпионов... Когда нас упрекают, что мы не защищаем всех одинаково, то на это нужно ответить, что мы и не собирались защищать всех. Мы ведь говорим открыто, что у нас классовый строй».

Сталин за словом в карман не лез и откровенно врал, глядя собеседнику прямо в глаза. Под пули и в лагеря давно шли рабочие и крестьяне, с каждым годом их будет становиться все больше... Хотя и представителям «эксплуататорских классов» доставалось. Во всех учреждениях шли бесконечные чистки: чуждый элемент нещадно изгонялся.

Лица, подпадавшие под чистку, разбивались на категории. Тем, кто включался в третью категорию, запрещалось работать в каком-то определенном месте. Гражданам, отнесенным ко второй категории, вообще нельзя было найти работу, а это, в свою очередь, означало, что у них отбирали хлебные карточки, лишали права голосовать.

Таким лишенцем стал сам Константин Сергеевич Станиславский, когда вспомнили, что он сын купца. Но он-то легко отделался. Основателя Московского Художественного театра быстро восстановили в правах. Менее нужным и полезным гражданам пришлось значительно хуже.

Николай Григорьевич Егорычев, бывший член ЦК и бывший первый секретарь Московского горкома партии, рассказывал:

— Мой дед был самым богатым мужиком в Митине, теперь это микрорайон Москвы. Он на свои деньги построил церковь, она и сейчас еще действует. Его еще в 1919-м хотели арестовать, а митинские мужики за него встали горой: не отдадим, это наш! В 1930-м, когда эту церковь пытались закрыть, дядя выступил на собрании в Митине и сказал: «Граждане, может, нам не закрывать церковь? Все-таки при церкви кладбище, наши предки похоронены. Кто за ними ухаживать будет?»

Его судили по 58-й статье, дали пять лет ссылки, послали в Архангельскую область. И тогда еще его дочь добилась его оправдания. Решили, что напрасно его сослали. Она его поехала выручать. А он где-то в лесу под Архангельском гнал лесной уголь, совсем истощал и умер у нее на руках.

Другой мой дядя, — вспоминал Егорычев, — в Рублеве заведовал хозяйством водопроводной станции. Их там было двести человек, обслуживали станцию. Половину, сто человек, репрессировали и почти всех расстреляли. В том числе и дядю...

«ПРОМПАТИЯ» И ДРУГИЕ

В некрологе, помещенном в «Правде» 13 мая 1934 года, говорилось: «Здесь в этом зале дописывались последние страницы в тех привлекавших внимание всего мира делах, первые страницы которых набрасывались в кабинете т. Менжинского».

С Менжинским прошались в Колонном зале Дома союзов, где проходили все громкие судебные процессы, спланированные председателем ОГПУ и его помощниками. Это «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса» — 1928 год), процессы по делу «Промпартии» («вредительство в промышленности» — 1930 год), Трудовой крестьянской партии («вредительство в сельском хозяйстве» — 1930 год), «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» («реставрация капитализма в стране» — 1931 год).

Все процессы были одинаковыми. Они должны были показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители — бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них — прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию...

По мнению американского ученого Питера Соломона, изучавшего историю советской юстиции, постоянный поиск виновных, на которых можно было бы все свалить, — это характерная черта Сталина. Он тем самым инстинктивно снимал с себя ответственность.

При этом в политбюро обыкновенно знали цену этим делам.

Когда в 1928 году затевалось печально знаменитое «шахтинское дело», туда отправили комиссию, которую возглавлял член политбюро и секретарь ВЦСПС Михаил Павлович Томский. Когда он вернулся, нарком обороны Ворошилов написал ему записку:

«Миша!

Скажи откровенно: не вляпаемся мы на открытом суде в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?»

Томский счел нужным ответить, что дело ясное. Но, выходит, Ворошилов чувствовал, что все это было липой...

Сталин, пишет доктор исторических наук Олег Витальевич Хлевнюк, обнаруживал вредительство там, где был обычный хозяйственный спор, и требовал крови. Сталин обвинял старых спецов —

«вредителей и саботажников» — во всех экономических провалах и одновременно обвинял «правых» в покровительстве вредителям.

В 30-х годах аварии и выпуск некачественной продукции становились поводом для возбуждения уголовного дела. Обвинения в саботаже и вредительстве приобретали политическую окраску, и даже плохого повара при желании могли обвинить в троцкизме. Вина за аварии и брак была переложена на плечи руководителей производства, пишет Питер Соломон в своей книге «Советская юстиция при Сталине», хотя реальной причиной была форсированная индустриализация и требование выполнить план любой ценой.

Все началось с «шахтинского дела», о котором страна узнала, прочитав 12 марта 1928 года газету «Известия»:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района...

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

В реальность обвинений верили почти все за малым исключением. В октябре 1928 года умер известный ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, брат еще более знаменитого географа. Его предсмертное письмо было опубликовано в эмигрантской печати: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте... Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

ОГПУ получило указание найти вредителей во всех отраслях народного хозяйства. Менжинский указание выполнил.

В начале августа 1930 года Сталин в письме Молотову написал, что надо «обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясопродукту, опубликовав при этом в печати». В конце сентября было принято постановление политбюро: опубликовать показания обвиняемых «по делам о вредителях по мясу, рыбе, консервам и овощам». А 25 сентября появилось сообщение о том, что коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 48 «вредителей рабочего снабжения» и приговор приведен в исполнение...

Летом 1930 года ОГПУ «раскрыло» контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию». Председателем никогда не существовавшей партии назвали профессора Николая Дмитриевича Кондратьева, бывшего эсера, бывшего товарища министра продовольствия во Временном правительстве.

При советской власти Кондратьев возглавлял Конъюнктурный институт наркомата финансов. ОГПУ сообщало, что ЦК «Трудовой крестьянской партии» состоял в «информационно-контактной связи» с инженерно-промышленным центром. В центре состояли: Л.К. Рамзин, директор Теплотехнического института, В.А. Ларичев, член президиума Госплана СССР, А.А. Федотов, председатель коллегии Научно-исследовательского текстильного института, и С.В. Куприянов, технический директор Оргтекстиля ВСНХ СССР.

Это был мостик к следующему и самому громкому из «вредительских» процессов.

11 ноября 1930 года в московских газетах было опубликовано обширное обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»). Самым известным из обвиняемых был профессор Леонид Константинович Рамзин. Его и остальных обвиняли по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Читая обвинительное заключение, подписанное Прокурором России Николаем Крыленко, советские люди узнавали о том, что Объединенное государственное политическое управление выявило наконец центр всей вредительской деятельности в стране.

«Промпартия», согласно этому документу, объединила «все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти».

Деятельностью вредителей из-за рубежа руководил, утверждало ОГПУ, Торгпром — находящееся в Париже объединение «крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставившее своей задачей политическую работу по борьбе с Советской властью за возвращение своих бывших предприятий». Руководители Торгпрома Денисов и Третьяков были в списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности в будущем правительстве России.

Трагическая ирония состояла в том, что к моменту начала процесса над «Промпартией» Сергей Николаевич Третьяков уже два года работал на советскую разведку под псевдонимом Иванов. Его личное дело я читал в известном здании на Лубянке. Третьяков работал на советскую разведку больше десяти лет.

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ

По счастливой для Москвы случайности дом, который арендовал в Париже Российский общевоинский союз (РОВС), главный объект интереса советской разведки, принадлежал семье Третьяко-

ва. Правда, сам Третьяков из семьи ушел, но представители советских спецслужб уговорили его вернуться.

В кабинете председателя РОВС генерала Миллера советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, и несколько лет подряд Сергей Третьяков каждодневно проводил несколько часов с карандашом в руках, надев наушники и записывая все, что ему удавалось услышать. Затем он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки. В 1942 году немцы, которые оккупировали Францию, нашли это оборудование. Третьяков был арестован как советский шпион, в конце 1943-го его казнили...

А началась его работа на советскую разведку с процесса над «Промпартией».

Сергей Николаевич Третьяков был одним из крупнейших российских промышленников, бесспорным лидером московских деловых людей. В октябре 1917 года он возглавил Экономический совет при Временном правительстве. В ночь с 25-го на 26 октября его арестовали красногвардейцы вместе с другими министрами Временного правительства и отправили в Петропавловскую крепость.

В начале 1918-го усилиями Политического Красного Креста удалось Третьякова и еще трех министров перевести из крепости в тюремную больницу. Там еще не было красногвардейцев, и они спаслись. Третьяков уехал из Петрограда и стал министром в сибирском правительстве адмирала Колчака, потом оказался в эмиграции в Париже.

Бежавшие из России промышленники создали Российский финансовый торгово-промышленный союз (Торгпром). Третьяков был избран заместителем председателя союза. Судя по картотеке Иностранного отдела ОГПУ, в начале 20-х годов Торгпром помогал деньгами Борису Савинкову, и вроде бы деньги Савинкову на террористическую деятельность передал Третьяков.

Менжинский поставил перед Иностранным отделом задачу проникнуть в руководящие круги Торгпрома, чтобы быть в курсе возможных антисоветских акций.

В мае 1929 года один из советских агентов в Париже, по кличке Ветчинкин, назвал фамилию Третьякова как подходящего для вербовки человека. Третьяков, по его словам, нуждался, потому что обнищавший Торгпром не имел возможности платить ему жалованье.

Обстоятельства личного характера благоприятствовали вербовке. Третьяков от семьи отошел, жил отдельно. Не скрывал своего разочарования в эмигрантском движении.

Другой агент сообщил: «Сергей Николаевич Третьяков — человек, обладающий большими знаниями и широким кругом знакомств в различных сферах русской эмиграции. Ввиду резкого контраста между той ролью, которую он играл в промышленных кругах России, и нынешним своим положением Третьяков в 1926 году впал в отчая-

ние и сделал попытку покончить жизнь самоубийством. Его в последний момент вынули из петли. Этот факт известен крайне ограниченному кругу лиц».

Третьяков легко согласился работать на советскую разведку и сразу поднял денежный вопрос: запросил двести долларов ежемесячно и двадцать пять тысяч франков единовременно. Советскому разведчику, который его вербовал, сумма показалась несуразной. Они стали торговаться. Третьяков отстаивал каждый доллар. Наконец договорились.

Ему был присвоен псевдоним Иванов. Он получил первые сто долларов и на следующую встречу принес свою исповедь:

«После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок: впереди ничего определенного, советская власть справилась с белым движением. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. И если некоторые террористические акты против советской власти имели место как за границей, так и в России, это дело рук отдельных лиц или маленьких группировок, но не эмиграции как таковой».

Сейчас эмиграция окончательно утратила свое значение, с ней никто не считается, ее никто не слушает. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник.

Торгово-промышленный союз (Торгпром) был создан в конце 1919 года Н.Х. Денисовым. Цель — объединение торгово-промышленного класса с заграницей, защита своих интересов и борьба с большевиками. Денисов, нажившийся на войне, уехал из России накануне большевистского переворота. Он сумел сделать деньги в Англии. Он продал большой пакет акций Сибирского банка и получил почти миллион фунтов стерлингов.

Веря в скорое падение большевиков, этот человек стал бросать деньги направо и налево. В течение ряда лет Торгпром пользовался большим влиянием в эмигрантских, а иногда и во французских правящих кругах.

В настоящее время союз не имеет никакого значения, он захирел, денег у него нет, находится он в маленьком помещении, служащих трое, да и те не знают, получают ли они жалованье первого числа».

КАК СОБИРАЛИСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТРЕТЬЯКОВА?

Из Москвы в парижскую резидентуру поступила шифровка: «Считаем полезным возобновление переписки «Иванова» с его московскими приятелями. Мы рассчитываем, что москвичи сообщат «Иванову» о своих перспективах, о размахе своей работы и назовут тех, кто, может быть, нам еще неизвестен».

Третьяков передал связному различные документы Торгпрома, в том числе свою переписку с оставшимися в России бывшими промышленниками Нольде и Суздальцевым — совершенно невинную. От Третьякова требовали назвать имена и адреса вредителей, которые действовали по указанию эмиграции, а Третьяков уверял, что ему ничего не известно.

В ОГПУ хотели, чтобы Третьяков написал своим знакомым, оставшимся в России, и предложил им сотрудничество. Объяснил бы им, что за вредительскую работу им хорошо заплатят. Потом этих людей можно было бы обвинить в антисоветской деятельности и сотрудничестве с иностранными разведками.

Связной получил новое указание из Иностранного отдела ОГПУ: «Ваша задача вернуть его к активной работе в Торгпроме, заставить выявлять вредителей... Необходимо, чтобы он выяснил, существует ли, и если да, то в каком виде, тот центр, который объединяет и руководит деятельностью вредителей. Мы полагаем, что Торгпром таким центром не является».

Эта фраза из письма Иностранного отдела ОГПУ в парижскую резидентуру многого стоит: через несколько месяцев в обвинительном заключении по делу «Промпартии» именно Торгпром будет назван главным центром вредительства в СССР.

Иначе говоря, в ОГПУ знали, что к чему, но продолжали сооружать абсолютно липовое дело. Но именно этого ждали от чекистов. Сталин потребовал от Менжинского, чтобы арестованные по делу никогда не существовавшей «Промпартии» дали показания о связях с европейскими правительствами ради подготовки вторжения в Советский Союз. Об этом свидетельствует, в частности, следующая записка генсека:

«ОГПУ т. Менжинскому. Только лично. От Сталина

Тов. Менжинский! Письмо от 2/Х и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции вообще и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию в 1930 г., но отложили на 1931-й или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно.

Это тем более важно, что исходит от первоисточника, то есть от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительствами.

Может показаться, что «Трудовая крестьянская партия», или «Промпартия», или «партия Милюкова» представляют главную силу. Но это неверно. Главная сила — группа Рябушинского—Денисова—Нобеля, то есть «Торгпром».

ТКП, «Промпартия», «партия» Милюкова — мальчики на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке ин-

тервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина вопрос о сроке интервенции:

1) почему отложили интервенцию в 1930 г.?

2) не потому ли, что Польша еще не готова?

3) может быть, потому, что Румыния не готова?

4) может быть, потому, что лимитрофы (так называли Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию. — Л. М.) еще не сомкнулись с Польшей?

5) почему отложили интервенцию на 1931 г.?

6) почему «могут» отложить на 1932 г.?

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов ЦК «Промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который, по показанию Рамзина, заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.».

г) Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно) интервенционистами, и строжайше допросить о сроках интервенции (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милюков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом материал мы сделаем достоянием секций Коммунистического Интернационала и рабочих всех стран, поведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки интервенции на ближайшие 1—2 года, что для нас немаловажно. Понятно?

Привет!

И. Сталин».

Менжинский все понял. Во время процесса «Промпартии» сотрудник советской разведки встретился с Третьяковым, который изумленно сказал ему:

— Должен вам заметить, что вы совершаете ошибку. Ту работу, которую вы приписываете Торгпрому, он не ведет.

— Разве вы не следите за разоблачениями, сделанными во время процесса «Промпартии»? — спросил советский разведчик.

Третьяков покачал головой:

— Я сильно сомневаюсь в правдивости того, что написано в советских газетах. Поверьте, это просто невозможно, чтобы чле-

нам «Промпартии» пересылались такие большие суммы. Помилуйте, господа, откуда, откуда? Ведь не только я, даже такие люди, как глава Торгпрома Денисов, сейчас перебиваются с хлеба на воду, не могут себе на жизнь заработать.

— Я должен вам сказать, — заявил затем Третьяков, — что к делу «Промпартии» я никакого отношения не имел и до начала процесса даже не слышал о ней.

— И ни с кем из этих людей не виделись? — спросил советский разведчик.

— Нет, — ответил Третьяков. — Я читал в ваших газетах, что мне приписывают оказавшиеся на скамье подсудимых люди, но все это плод их фантазии.

Ваш страх интервенции, подготовляемой Францией, — продолжал Третьяков, — ни на чем не основан. Бриан, министр иностранных дел, — сторонник мира. Кто же будет против вас воевать? Югославия? Нет. Италия? У нее нет никаких интересов в этой части Европы. Германия? В нынешней ситуации и речи быть не может. Чехословакия? Нет. Кто же, кто же?..

Сотрудник советской разведки был раздражен тем, что Третьяков все отрицал. Ведь в обвинительном заключении по делу «Промпартии» цитировались показания главного обвиняемого, профессора Рамзина: «При следующей встрече, кажется в Париже, Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, Прибалтийских стран и врангелевской армии около 100 тысяч человек интервенция будет располагать [столь] прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией».

Вот вопрос, на который сейчас уже, видимо, невозможно получить ответ: неужели председатель ОГПУ Менжинский, который читал эти шифровки и все знал, искренне верил в реальность «Промпартии»?

25 ноября 1930 года в Москве начались заседания Специального присутствия Верховного суда СССР. Председательствовал Андрей Януарьевич Вышинский. Обвинение поддерживал Крыленко. Все восемь обвиняемых безоговорочно признали свою вину. Они нарисовали грандиозную картину разрушения «вредителями» экономики страны, создавая Сталину роскошное алиби, которого хватило на десятилетия.

В студенческие годы я еще встречал людей старшего поколения, которые помнили процесс «Промпартии» и, глубокомысленно покачивая головой, говорили о том, какой ущерб нанесли стране такие вредители, как профессор Рамзин.

Переписка со старыми знакомыми, оставшимися в России, Нольде и Суздальцевым, переданная Третьяковым советской разведке, видимо, пригодилась.

На вечернем заседании 1 декабря Вышинский попросил коменданта пригласить свидетеля Александра Нольде, который сообщил

суду, что по указанию Торгпрома занимался вредительской деятельностью в льняной промышленности, и, в свою очередь, назвал инженера Суздальцева, якобы также участвовавшего во вредительстве.

Тем временем в Париже Сергей Третьяков на очередном свидании с советским разведчиком повторил: «Я утверждал и утверждаю, что никого из обвиняемых по делу «Промпартии» я лично не видел и разговоров с ними не вел».

Использование на процессе в Москве имени Третьякова чуть было не привело к его провалу.

На вечернем заседании 4 декабря после окончания судебного следствия специальное присутствие перешло к прениям сторон. Первым словом было предоставлено государственному обвинителю.

По классическим правилам Крыленко должен был проанализировать доказательства и улики, подтверждающие преступную деятельность обвиняемых. Ему уже было известно: за рубежом с изумлением констатировали, что все обвиняемые сознались, хотя на процессе не представлено ни единого доказательства! Обвинение не располагало ни одной объективной уликой, только признаниями обвиняемых.

«Какие улики вообще могут быть? — задавал сам себе вопрос Крыленко. — Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Конечно, такие документы, как письма Торгпрома и другое, были уничтожены... Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы щетно на это надеяться...»

Преступник, естественно, уничтожает улики. А почему он преступник? Потому что арестован и сознался, объясняет обвинитель. Ни с того ни с сего ОГПУ не арестовывает...

Председательствующий Вышинский вполне удовлетворен логикой главного обвинителя. Это же его главная идея — признание подсудимого и есть царица доказательств.

Но Крыленко лихо выбрасывает свой главный козырь: «Но все же не все документы были уничтожены... В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова Лопатину и Лопатина Третьякову».

Лопатин умер в 1927 году, за три года до процесса, поэтому он не попал на скамью подсудимых, но на процессах его фамилию называли среди главных вредителей.

Московские газеты приходили в Париж с опозданием. 11 декабря в полпредство доставили газеты с обвинительной речью Крыленко. Один из руководителей парижской резидентуры, занимавшийся Третьяковым, решил почитать газету на сон грядущий. Когда он добрался до фразы о письмах Третьякова, то буквально похолодел (так написано в шифровке, которая хранится в архиве российской внешней разведки).

Утром он отправил письмо в центр:

«Почему, принимая решение о том, чтобы Крыленко сделал на процессе такое заявление, вы не сочли нужным предупредить нас?»

Если бы нас поставили в известность, мы бы успели подготовиться: или порвать все отношения с «Ивановым», раз таково решение центра, или, если центр, несмотря на заявление Крыленко, рвать с ним не намерен, то предупредить самого «Иванова». Ведь ему предстоит ответить Торгпрому, каким образом его переписка с Лопатыным попала в руки ОГПУ.

Принимая во внимание всеобщую подозрительность эмиграции ко всем и то обстоятельство, что эти письма — единственные документы, которые были названы на процессе, не подлежит никакому сомнению, что отношение к нему со стороны эмиграции станет более чем настороженным».

Но в Иностранном отделе ОГПУ ничего поделаться не могли. Процесс по делу «Промпартии» куда важнее судьбы какого-то агента парижской резидентуры.

Поразительным образом все обошлось. В Париже никто не рискнул предположить, что ОГПУ получило письма непосредственно от Третьякова. Эмиграция решила, что их переписка была конфискована после смерти Лопатина.

7 декабря 1930 года в Москве завершился проходивший при большом стечении иностранных корреспондентов двухнедельный судебный процесс по делу придуманной ОГПУ «Промпартии».

Восемь крупных инженеров и руководителей промышленности были признаны виновными как «главари подпольной контрреволюционной шпионско-диверсионной» организации, по сговору с Западом занимавшейся вредительством в советской промышленности.

Всех подсудимых приговорили к расстрелу, но президиум ЦИК, учитывая их «полное признание» в совершенных преступлениях, заменил высшую меру наказания десятилетним тюремным заключением. Эти люди так убедительно сыграли свою роль, что получили обещанную награду: их не убили.

Сталина интересовали более крупные фигуры, хотя пока что он к ним только примеривался. Менжинский знал, чего от него ждет Сталин. Следователи ОГПУ выбивали из «вредителей» показания о связях с так называемыми «правыми».

В показаниях, полученных ОГПУ, значились имена двух членов политбюро — председателя ЦИК Михаила Ивановича Калинина и главы правительства Алексея Ивановича Рыкова. Калинин не имел никакого политического веса и Сталина не интересовал. А вот на Рыкова, пользовавшегося в стране уважением, Сталин уже стал копить материалы.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Поклонники булгаковского романа «Мастер и Маргарита» весело смеются, читая сцену, описывающую сдачу валюты («Сон Никанора Ивановича»): «Вот уже полтора месяца вы сидите здесь,

упорно отказываясь сдать оставшуюся у вас валюту, в то время как страна нуждается в ней, а вам она совершенно ни к чему».

В глазах сегодняшнего читателя страницы, посвященные валютчикам, носят юмористический характер, но при первой публикации романа эту сцену цензура убрала, потому что она почти списана с натуры.

В те годы происходило массовое изъятие ценностей у всех, у кого еще что-то осталось. Человека — обычно по доносу соседей или коллег — арестовывали и держали до тех пор, пока он не отдавал все, что у него было. Ценности нужны были для ускоренной индустриализации. Но в городе взять было практически нечего, поэтому грабили деревню.

Доктор экономических наук Алексей Улюкаев, который был заместителем Гайдара в Институте экономических проблем переходного периода, а в правительстве Касьянова стал заместителем министра финансов, считает:

— То, что происходило в конце 20-х годов, можно назвать просто террором, а можно увидеть в этом реализацию импортозамещающей модели в условиях изоляции страны. Главным ликвидным средством было зерно. Его надо было сконцентрировать в руках государства, а поскольку добровольно крестьяне зерно не отдавали, то власти прибегли к помощи продотрядов и раскулачиванию кулака. Раскулачивание, говоря современным языком, — это своеобразная процедура ускоренного банкротства.

Так что террор в конце 20-х начался не в силу злой воли (впрочем, в ней недостатка тоже не было), а потому что руководители государства приняли простое решение: «У нас нет времени убеждать частный капитал, нам нужно сконцентрировать все ресурсы и бросить их на развитие страны».

Организаторов колхозов в январе 1930 года напутствовали такими словами: «Если в порученном вам деле вы перегнете и вас арестуют, то помните, что вас арестовали за революционное дело!»

Местные партийные секретари по всей стране устроили соревнование: кто скорее добьется стопроцентной коллективизации. В первом сборнике исторических документов и материалов «Неизвестная Россия» подробно описано, что за этим последовало.

Зерно начали отбирать у тех, у кого оно было, то есть у справных хозяев. Их назвали кулаками и, по существу, объявили вне закона. Сначала всего лишь предполагалось выселить их на худшие земли и отобрать «лишнее». Председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин объяснил, что делать с кулаками: «Выселять на отдельные участки с плохими землями и отчуждать у них лишние орудия производства».

Но этого оказалось недостаточно: партийная пропаганда превратила кулаков в прирожденных убийц и негодяев. Для начала их просто ограбили, забрали все имущество, запретили снимать деньги со своих вкладов в сберегательных кассах.

30 января 1930 года политбюро приняло решение «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». 60 тысяч глав кулацких хозяйств предполагалось посадить в концлагеря или расстрелять, а их семьи выслать. Еще 150 тысяч семей решили просто выслать. Но масштабы борьбы с кулаками превысили предполагаемые цифры.

Приказ по ОГПУ о ликвидации кулачества как класса был подписан 2 февраля 1930 года. Перед госбезопасностью поставили задачу ликвидации контрреволюционного кулацкого актива, поставившего людей в действующие контрреволюционные и повстанческие организации.

Дела на кулаков предписывалось рассматривать в срочном порядке. Большинство арестованных подлежали отправке в концлагерь. В отношении наиболее злостных следовало применять высшую меру наказания. Наиболее богатых кулаков, бывших помещиков, местных кулацких авторитетов, актив церковников и их семьи приказано было высылать в отдаленные северные районы, а имущество конфисковывать.

За два года, в 1930—1931-м, пишет Олег Хлевнюк, больше полутора миллионов крестьян и их родных были высланы в лагеря ОГПУ и трудовые поселения. Примерно полмиллиона крестьян сами бежали в города и на стройки. Еще около двух миллионов были выслены по третьей категории, то есть в пределах своей области, но они лишились всего имущества, крестьянствовать не могли, и большинство ушло в город, надеясь там как-то прокормиться. Вот так было фактически уничтожено сельское хозяйство страны.

Имущество ограбленных кулаков уходило в доход государства, но часть распределяли среди односельчан: люди охотно брали то, что отняли у их соседей.

Писатель Лев Эммануилович Разгон, который прошел лагеря, говорил мне:

— Все действия Сталина мне понятны. Они подчиняются строгой логике. У него была цель. А как заглянуть в черные души его подручных, которые убивали, выполняя приказы? Тут нужно возвращаться в страшную эпоху коллективизации, раскулачивания, когда соседи приходили к человеку, с которым они годами жили рядом, бывали у него в гостях. И они только потому, что он считался кулаком, а они числились бедняками, забирали все его имущество, выкидывали его вместе с детьми на подводы и отправляли в Сибирь. Можно понять этих людей или нет? И те и другие были крестьянами...

Половину ссыльных крестьян отправили в лесную, горнорудную и строительную промышленность, то есть на самые тяжелые работы. Стариков, подростков и детей использовали на лесозаготовках. Женщин — на раскорчевке земель.

Ссыльных селили в бараках, шалахах и землянках. Медицинской помощи они почти не получали. Денег у них не было, продуктов им не выдавали. Зимой они остались без теплой одежды. Появилась

масса сирот, которым еды вообще не полагалось. Зарплату ссыльным не платили по пять-шесть месяцев. Местные власти относились к ним как к животным. Обо всем этом можно узнать из докладных записок ОГПУ.

В этих спецпоселениях люди жили как в гетто, лишённые права не только уехать, но и просто выйти с территории. Они не могли ни поехать учиться, ни сменить работу. Эти ограничения были сняты только в 1947 году.

Менжинскому было дано указание заставить крестьян сдать зерно и довести крепкие хозяйства до банкротства. Крестьян сажали за убой скота (новая статья, введенная в начале 1930 года), за невыполнение плана посевной, за спекуляцию и сокрытие зерна. В 1931-м ввели в Уголовный кодекс статью «за порчу трактора».

Главной причиной уголовного наказания было невыполнение личных обязательств по сдаче зерна. Эти санкции предусматривались для кулаков. Но кулаки убегали, не дожидаясь, пока их посадят. Тогда местные власти принимались за середняков, и с тем же результатом: их хозяйства разрушались.

Репрессии обрушивались на середняка с такой же легкостью, как и на богатого крестьянина. Любого недовольного тем, что происходит, могли обвинить в контрреволюционной агитации. Пьяная драка с местным чиновником классифицировалась как терроризм. Суды рассматривали дела, не вызывая свидетелей, не слушая доводов защиты и не соблюдая процедурные нормы.

По секретной инструкции 1932 года обо всех смертных приговорах полагалось сообщать в комиссию политбюро, которая их утверждала. Но 7 августа появился один из самых варварских законов сталинского времени — так называемый «закон о пяти колосках». Это было постановление ЦИК и Совнаркома «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Постановление, принятое для борьбы с голодающим крестьянством, приравнивало хищение государственной и общественной собственности к преступлениям, за которые приговаривают к смертной казни. Причем тройкам ОГПУ разрешили приводить в исполнение смертные приговоры без утверждения их комиссией политбюро.

За кражу зерна любой колхозник получал десять лет. Даже у многих судей не поднималась рука отправить крестьянина в лагерь на десять лет за кражу нескольких колосков.

Ускоренная индустриализация и насильственное объединение крестьян в колхозы ввергло страну в состояние Гражданской войны, пишет Олег Хлевнюк. Голодные люди не давали вывозить хлеб. Крестьяне восставали по всей стране. В 1929 году в стране было 1300 мятежей — по четыре мятежа каждый день. В январе 1930-го в волнениях участвовало 125 тысяч крестьян. В феврале — 220 тысяч. В марте около 800 тысяч...

Политбюро удержало власть над страной только благодаря террору. В 1930-м по делам, расследованным ОГПУ, было расстреляно больше 20 тысяч человек. Была проведена мобилизация в органы госбезопасности, в штат вернули бывших чекистов, которые ушли со службы, когда ВЧК преобразовали в ГПУ и аппарат сократили.

Разрозненные восстания крестьян едва не переросли в повстанческое движение по всей стране. Причем Сталин запретил прибегать к помощи Красной армии в борьбе с восставшими, поскольку армия сама была крестьянской и он боялся, что вчерашние крестьяне повернут оружие против власти.

Увидев масштаб сопротивления, Сталин и его окружение, видимо, и задумали идею массовой чистки, искоренения всех тех, кто хотя бы теоретически может быть нелоялен.

В 1933 году ввели паспортную систему, чтобы контролировать передвижение населения. До 1923 года в разных городах пользовались самыми разными документами, чаще всего трудовыми книжками, но и после 1923-го, когда декрет ВЦИК предписал ввести единые удостоверения личности, можно было предъявлять любые документы — справки из домоуправления, служебные удостоверения, профсоюзные и военные билеты.

В записках моего дедушки я нашел упоминание о том, что он получил в милиции свидетельство на «право жительства во всех городах и селениях РСФСР». На оборотной стороне поставили штамп о прописке и о вступлении в брак.

В 1932 году политбюро создало комиссию во главе с заместителем председателя ОГПУ Всеволодом Аполлоновичем Балицким. Повод для введения паспортов сформулировали так: ввиду необходимости очистить Москву, Ленинград и другие крупные города «от лишних, не связанных с производством и работой учреждений, а также от скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов».

Постановление Совнаркома от 28 апреля 1933 года о выдаче паспортов запрещало выдавать их «гражданам, постоянно проживающим в сельских местностях», то есть крестьянам, с тем чтобы не дать им возможность уйти из деревни. Крестьянина советская власть держала на положении крепостного. Этот запрет был отменен только в 1974 году.

Тех, кто не имел паспорта, рабоче-крестьянская милиция выселяла из Москвы и Ленинграда.

ДЕЛА О ЛЮДОЕДСТВЕ

Разрушение деревни привело зимой 1932/33 года к голоду. Хуже всего ситуация была на Украине и в Казахстане, который, может быть, пострадал больше других республик. Их-за голода и

последовавшей за ним эпидемии тифа погибло 1700 человек. Это 40 процентов всего казахского населения. Еще несколько сотен тысяч казахов бежали в соседние Китай, Монголию, Афганистан...

Голодающие крестьяне пытались украсть немного зерна, чтобы накормить детей. И тут уже вступало в действие ОГПУ. В 1932-м по закону от 7 августа вынесли тысячу смертных приговоров. Столько же казнили за первую половину 1933-го.

Корней Иванович Чуковский, замечательный детский писатель и литературовед, 14 октября 1932 года записал в дневнике:

«Вчера парикмахер, брея меня, рассказал, что он бежал с Украины, оставил там дочь и жену. И вдруг истерично:

— У нас там истребление человечества! Истребле-ние чело-вечества. Я знаю, я думаю, что вы служите в ГПУ, но мне это все равно: там идет истреб-ле-ние человечества. Ничего, и здесь то же самое будет. Я буду рад, так вам и надо!»

В мае 1933 года местные органы госбезопасности и прокуратуры получили секретное письмо ОГПУ, прокуратуры и наркомата юстиции:

«Ввиду того что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, все дела по обвинению в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ.

Если людоедство предусматривало убийство, предусмотренное статьей 142 Уголовного кодекса, эти дела также должны быть изъяты из судов и следственных органов системы Наркомюста и переданы на рассмотрение коллегии ОГПУ в Москве».

Ситуация в промышленности была не лучше, чем в деревне, отмечает Олег Хлевнюк. Деньги вкладывали в незавершенное строительство, в то время как действующие предприятия не получали сырья и оборудования. Финансовая система разрушилась. Правительство подняло цены, ввело обязательные займы и печатало деньги. Продовольствие выдавали по карточкам.

Магазины были пусты. Продукты продавались только в магазинах Торгсина (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами), где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты.

В августе 1930 года в Москве были введены закрытые распределители продовольствия для рабочих наиболее важных предприятий. Эта идея понравилась, и распределители продовольственных и промышленных товаров распространились по всей стране. Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель — для других закрытый.

Голод 1932—1933 годов унес от четырех до пяти миллионов жизней. И вот что потрясает. Члены политбюро, как показывает анализ поступавших к ним документов, были прекрасно осведомлены о масштабах голода, о страданиях людей. Но историки отмечают,

что нет ни одного документа, в котором Сталин и другие руководители страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан.

В политбюро не знали, как выйти из кризиса. В партии многие тихо роптали. В 1929—1931 годах провели очередную чистку партии, исключили четверть миллиона человек.

10 декабря 1932 года было принято решение о новой чистке членов и кандидатов в члены партии. Чистка продолжалась до весны 1935 года. Прием в партию и перевод из кандидатов в члены партии возобновился только с 1 ноября 1936 года.

Зато XVII съезд партии в феврале 1934 года разрешил создавать группы сочувствующих при партийных организациях. Для этого нужно было получить две рекомендации. Сочувствующие посещали открытые партсобрания, но имели только совещательный голос.

В политическом смысле это привело к росту авторитета «правых», иначе говоря, сторонников умеренной политики в городе и в деревне — главы правительства Алексея Ивановича Рыкова, партийного идеолога Николая Ивановича Бухарина, обратившегося к крестьянам с лозунгом «Обогащайтесь!», бывшего главы профсоюзов Михаила Павловича Томского.

Сталину эти люди мешали. Но ему было трудно побороть Рыкова, достойного человека, умелого администратора, который вполне мог претендовать на руководство страной. Но в таких делах Сталин мог рассчитывать на помощь органов госбезопасности.

ЗАСТРЕЛИЛСЯ МАЯКОВСКИЙ ИЛИ ЕГО УБИЛИ?

Вот уже несколько лет некоторые исследователи уверяют, что Владимир Маяковский вовсе не покончил с собой, а был убит чекистами Менжинского по приказу Сталина. И число сторонников этой версии все увеличивается.

Правда, литературоведы, знатоки жизни и творчества Маяковского, реагируют на нее скептически. Они охотнее цитируют Бориса Пастернака, который с присущей гениальным поэтам прозорливостью предположил когда-то: «Мне кажется, Маяковский застрелился из гордости, оттого, что осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие».

Но многим версия об убийстве Маяковского кажется весьма убедительной. Публика скорее готова поверить в тайное убийство, в заговор, в существование неких секретных сил. Но к смерти Маяковского — это редкий случай — ОГПУ не причастно.

Ведь российскую публику убеждают в том, что и Сергей Есенин вовсе не повесился, а был повешен. Несколько писателей и один бывший милиционер самостоятельно провели расследование и без труда выявили гнусных убийц...

Правда, проведенная уже в наши дни профессиональная и всеобъемлющая экспертиза патологоанатомического заключения о

смерти Сергея Есенина категорически опровергает возможность насильственной смерти: поэт повесился сам, без чужой помощи.

Думая и о трагической судьбе Маяковского, некоторые исследователи приходят к выводу, что поэт не по своей воле покинул сей мир. Отправная точка рассуждений — странный интерес чекистов к поэту. Ближе всех к Маяковскому был член коллегии ОГПУ и начальник секретно-политического отдела Яков Саулович Агранов.

Давно отмечено странное взаимное тяготение людей искусства и офицеров секретных служб. Рыцарям плаща и кинжала льстит внимание властителей дум. А поэтов, артистов и художников волнует мистическая притягательность тайной власти. А может быть, просто сюжеты ищут в рассказах бывалых людей...

Яков Агранов был чекистом-интеллектуалом. Когда в 1922 году Ленин приказал выставить из страны «контрреволюционных» ученых, он просил Дзержинского поручить это дело толковому чекисту. Поручили Агранову. Ленин к Агранову благоволил.

Сибарит Рудольф Менжинский, в высшей степени амбициозный Генрих Ягода, ошалевший от стремительного взлета на Олимп власти Николай Ежов и их высокопоставленные подчиненные, включая Агранова (высшая точка его карьеры — должность первого заместителя наркома внутренних дел) охотно участвовали в богемной жизни Москвы, дружили с мастерами искусств, как тогда говорили, изображали из себя меценатов.

Генрих Григорьевич Ягода торчал в доме Горького не потому, что следил за пролетарским писателем. Ему, как уверяют, нравилась жена Пешкова-младшего, а еще больше нравился интерес, с которым ему внимал цвет художественной интеллигенции России. А следить за писателями было кому и помимо наркома и его заместителей. На недостаток агентов и осведомителей это ведомство в России никогда не жаловалось.

Автор «Конармии» Исаак Бабель водил компанию с Яковом Блюмкиным, который принимал участие в убийстве германского посла Мирбаха. Маяковский — с Аграновым. Кстати говоря, эта традиция из 20—30-х годов перешла и в наши дни.

Так что исследователи оказываются в плену собственной схемы, когда пишут: «Ясно, что операцией по уничтожению Маяковского руководил опытный агент ЧК Агранов». Не зря же Агранов занимался похоронами поэта. Он должен был во время похорон замести какие-то следы... Какие? Художница Лавинская вроде бы видела в руках Агранова снимок мертвого Маяковского, но не тот, который всем известен, а совсем другой: «Распростертого, как распятого, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Самоубийство тоже сопровождается болью, страданием, так что в последние секунды жизни Маяковский вполне мог так выглядеть. Но если Агранов должен был скрыть эту фотографию, то зачем же «опытный агент» позволил увидеть ее художнице Лавинской?

Вот еще один вопрос: почему Маяковскому прислали с Лубянки пистолет? «Это было приглашением к самоубийству. Ему пистолет был не положен». Очень даже положен. И в наши-то дни министерство внутренних дел и министерство обороны крупным деятелям культуры охотно дарят личное оружие, а уж в те времена это было достаточно широкой практикой.

Присылать пистолет как приглашение к самоубийству — это уж очень романно. Не стоит так хорошо думать о чекистах, они все-таки были в первую очередь чиновниками, бюрократами.

Достаточно представить себе, как оперуполномоченный ОГПУ составляет на имя Менжинского бумагу с предложением послать «поэту Маяковскому В.В. пистолет, чтобы он понял, что ему следует застрелиться», как сразу станет ясной нелепость сего предположения.

В этом ведомстве всегда действовали самым простым образом: если поступала команда уничтожить, то уничтожали — сажали, судили, отправляли в лагерь, расстреливали, вешали, на худой конец проламывали голову ледорубом или ломом. Зачем сложные-то пути искать, когда столько простых?

Полагают: «В 30-м году Маяковского надо было убрать во что бы то ни стало. И его убрали».

Ставить себя на место другого человека — полезно. Но все-таки трудно поставить себя на место Сталина, причем именно в 1930-м, и понять, почему Маяковского надо было «убрать во что бы то ни стало».

Криминальность мышления Сталина не подлежит сомнению. Но самым главным врагом его был Троцкий. Приказ об убийстве Троцкого был отдан не в 1930 году, а позже. Так что же, выходит, Маяковский был более опасен, чем Троцкий?

Проживи Маяковский подольше, он бы, скорее всего, угодил в ежовско-бериевскую мясорубку. Но не в 1930-м, а в 1936—1938 годах.

Не стоит и переоценивать роль Маяковского для Сталина и партийной верхушки. Это сейчас он представляется самой крупной вершиной, а на литературно-политическом ландшафте 20—30-х были другие величины, в большей степени интересовавшие хозяев Старой площади и Лубянки. В 1930-м Владимир Маяковский вовсе не был поэтом номер один. «Лучшим и талантливейшим» Сталин прикажет считать его после смерти.

«А что, если чай с чекистами были отнюдь не безвредными? — задается вопросом один из авторов версии о убийстве Маяковского. — Психотропными средствами обработки ЧК по-настоящему овладело к моменту показательных процессов 1937-го года... Похоже, что плохое физическое самочувствие поэта было вызвано каким-то отнюдь не безвредным средством, которое нетрудно было подсыпать в еду таким мастерам этого дела, как Эльберт или Агранов».

Не знаю, как насчет Льва Гиляровича Эльберта, начальника отделения Иностранного отдела ОГПУ, фигуры весьма неясной, но

для члена коллегии ОГПУ Якова Агранова подсыпать яд в чай было бы в новинку. Он был мастером своего дела, но другого. Он принял участие в убийстве десятков тысяч человек, но опосредованно, подписывая приказы, а не стреляя или подсыпая яд. В 1930-м он был уже одним из руководителей ОГПУ, а вовсе не агентом-оперативником, которого отправляют на мокрое дело.

Кроме того, на сегодняшний день нет никаких оснований утверждать, что в 30-х годах ОГПУ—НКВД использовало психотропные средства — по той простой причине, что эффективных средств такого типа еще не было. Эта отрасль прикладной химии появилась после того, как в 1942 году один швейцарский химик синтезировал препарат ЛСД.

Производные этого препарата и некоторые другие сложные химические соединения в 50—60-х и в начале 70-х годов активно изучались в лабораториях всех спецслужб. На психотропные средства возлагались большие надежды в плане манипуляций человеческим мозгом. Надежды, кстати, не оправдались.

Конечно, поразительные признания обвиняемых на московских процессах 30-х годов казались неразрешимой загадкой. И скажем, ЦРУ в начале 50-х годов тоже подозревало, что Москва каким-то образом научилась контролировать поведение людей.

Поведение подсудимых на процессах 30-х годов, или саморазоблачительные признания венгерского кардинала Миндсенти, над которым устроили суд в 1949 году, или антиамериканские речи, которые внезапно стали произносить попавшие в плен к северным корейцам в 1950—1953 годах американские летчики, казалось, имеют только одно объяснение — применение особых препаратов.

В одном из докладов ЦРУ 50-х годов говорилось о возможности использования русскими чекистами лоботомии, электрошока, таких препаратов, как инсулин, метазол и кокаин, применения гипноза в сочетании с наркотиками.

Почти четверть века ЦРУ вело исследования на эту тему, но практически безуспешно. Ответы следует искать не в химических лабораториях.

Почему люди, попавшие в руки чекистов, в конце концов говорили все, что от них требовалось? Многочасовые допросы, бессонные ночи, угрозы арестовать членов семьи действовали значительно сильнее, чем мистические психотропные средства...

Вот еще основание для подозрений: «Размер депрессии Маяковского не соответствовал масштабу происходящего».

Вообще говоря, депрессия как таковая свидетельствует о том, что организм человека не способен адекватно реагировать на обстоятельства жизни, это болезненная реакция.

Нужно ли говорить, что поэты — самый ранимый род людей? То, что со стороны кажется малозначительным, для них трагедия все-ленских масштабов.

А на Маяковского в последние годы и месяцы его жизни обрушилось столько оскорблений, что в этом смысле можно говорить о доведении до самоубийства. Такой была атмосфера 30-х годов, в которой уничтожалось все талантливое, неординарное.

В подкрепление своих слов позволю себе сослаться на свидетельство очевидца. На записки моего дедушки — Владимира Михайловича Млечина, театрального критика, который знал Маяковского и оставил свои воспоминания.

Он работал над воспоминаниями несколько лет — до самой смерти в январе 1970 года. Помню, что, когда готовился сборник «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», ему предложили включить в книгу свои записки. Он отказался: «К родным Маяковского не имею чести принадлежать, а другом называть себя не смею».

Кажущиеся мне неубедительными толки о смерти Маяковского навели меня на мысль предать гласности эти воспоминания.

Считается, что Сталин приказал уничтожить Маяковского, сочтя его пьесу «Баня» своего рода издевкой над генеральным секретарем. Диспут вокруг «Бани» занимает центральное место в публикуемых воспоминаниях.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С МАЯКОВСКИМ

Сразу после выступления Маяковский шепнул мне:

— Поедем отсюда.

Я спустился в вестибюль, и мы вышли на улицу. Маяковский был сумрачен и молчалив. Шел двенадцатый час ночи. Маяковский махнул проезжавшему свободному извозчику. Мы сели.

— Может, в «Националь»? — спросил я, полагая, что Маяковский хочет поиграть на бильярде.

— Нет уж, давайте в «Кружок».

Так в обиходе московской литературно-театральной богемы именовался Клуб мастеров искусств в Старопименовском переулке. В клубе в тот вечер не было ничего, что могло бы заинтересовать Маяковского. Я подумал, что он хочет поужинать, поиграть на бильярде — ради этого, собственно, и ездили в «Кружок»: здесь был отличный и сравнительно недорогой ресторан, хорошие бильярдные пирамидки и приветливый маркер Захар, который знал всех посетителей и отлично их обслуживал.

Но мы не ужинали. Не играли.

— Давайте посидим где-нибудь, поболтаем.

Устроились в коридорчике, который вел к ресторану. Дважды, может быть трижды, подходил к нам официант, предлагая поесть, потом сообщая о предстоящем закрытии кухни. Маяковский благодарил, но в ресторан не пошел.

Мы приехали не позже двенадцати. Мы ушли последними, когда клуб закрывался, стало быть, не ранее четырех часов утра. О чем

же мы говорили целых четыре часа? И почему Маяковский выбрал в собеседники именно меня — далеко не самого близкого к нему человека?

Мы познакомились летом 1926 года, когда я стал работать в издательстве «Молодая гвардия».

Сейчас трудно себе представить, что человек десять управлялись с громадным объемом разнообразнейшей литературы. По-видимому, большие штаты, которыми ныне располагают издательства, не являются обязательной предпосылкой успешной работы.

Однажды из комнаты редакторов донесся изрядный шум. Какой же молодой (и неопытный) администратор потерпит беспорядок в своем учреждении! Я зашел в комнату и увидел картину в общем юмористическую: маленький редактор, задрав голову, стоял перед Маяковским, который с высоты своего без малого двухметрового роста смотрел куда-то в потолок и то сердито, то саркастически отводил шаткие аргументы собеседника.

Вяснилось, что поэт сдал в издательство сборник стихов, а рукопись потеряли. Я увел Маяковского к себе в кабинет и кое-как уладил конфликт.

Через несколько дней я вновь увидел Маяковского, который сразу зашел ко мне, уселся на край стола и деловито сказал:

— Тезка, дайте денег.

— За что, Владимир Владимирович?

— Не за что, а на что. Еду в Крым.

— Без договора финотдел не даст.

— Значит, ничего нельзя придумать?

— Есть одна мысль, — сообразил я. — Если одобрите, органиую аванс. Напишите для нас детскую книжку.

Прошло месяца два, и я вновь увидел Маяковского. Просто, точно вчера растались, он протянул свою мощную руку, уселся на тот же стол, вытащил небольшую записную книжку и прочитал: «Эта книжечка моя про моря и про маяк».

Мы тут же оформили договор.

Только после этих встреч я стал более или менее регулярно ходить на его литературные вечера. Затем я сам стал писать о театре, из издательства перешел в «Вечернюю Москву», мы виделись в некоторых домах, в частности у Луначарского. Вскоре нашлось и еще одно поле для встреч — бильярдное.

Играл Маяковский очень хорошо — для любителя, разумеется. Делаю эту оговорку, потому что даже сильнейшие любители не могли на равных состязаться с профессионалами, уровень игры которых в те годы достигал высокого совершенства. Бильярдных было много, крупная игра шла почти всюду. Еще в полной силе были дореволюционные мастера.

Маяковский с профессионалами играл редко. И не потому, что боялся их: игру всегда можно было уравновесить форой. Ему претили ухищрения профессиональной игры, обязательно связанной

со сложными тактическими ходами и с известной долей коварства. Но не любил он и «пустой» игры, то есть без всякой ставки. Исключения он делал только для партнеров заведомо слабых. Так он играл с Луначарским, который бильярд очень любил, но играл чрезвычайно слабо.

Анатолий Васильевич, человек, вообще говоря, исключительной тонкости и пронизательности, в бильярдной становился простодушным до наивности: он искренне верил, что играет неплохо — только ему очень не везет.

У Маяковского был поразительно точный и сильный удар. Особенно хорошо он играл угловые шары, но и в середину любил положить шар «с треском».

«Человек — это стиль» — говорят французы. И в стиле бильярдной игры, в каждом движении Владимира Владимировича сквозило то своеобразие, которое было свойственно всем проявлениям его неповторимой индивидуальности, — прямота, напор, смелость, порой дерзость, и вместе с тем отличная выдержка, стойкость, поразительная корректность.

Вообще корректность, да и подлинное рыцарство были свойствами натуры Маяковского. Но неверно думать, что Маяковский всегда был вежлив, сдержан и мягок. Отнюдь нет, он бывал очень резок и весьма напорист, когда речь шла о серьезном деле, тем паче если доводилось отстаивать творческие или общественные позиции, принципы, убеждения. Тут он становился беспощадным, превращался в непреклонного борца.

Тем более удивительным, непохожим на себя показался мне Маяковский в тот памятный мне день нашей последней встречи.

Вечером 27 марта 1930 года мне предстояло вступительным словом о пьесе Маяковского «Баня», поставленной театром Мейерхольда, открыть диспут в Доме печати.

А днем у нас в редакции «Вечерней Москвы» для обсуждения пьесы и мейерхольдовской постановки собралась рабочая бригада. Значительная часть этой бригады состояла из студентов, в частности ГИТИСа. Впрочем, было и несколько заводских рабочих. Время от времени газета приглашала бригаду на общественные просмотры, затем устраивала обсуждение.

После просмотра «Бани» хор негодующих был яростным, стройным, а голоса защитников звучали неуверенно, даже робко. Над пьесой и спектаклем пронесся критический ураган в двенадцать баллов.

Наиболее резко против постановки выступила «Рабочая газета»: «То, что у Александра Безыменского в «Выстреле» является подлинной советской сатирой, за которой чувствуется большая взволнованность и боль за наши недочеты, — здесь превращено в холодный и грубый гротеск, цинично искажающий действительность».

Не пощадила Маяковского и «Комсомольская правда»: «Продукция у Маяковского на этот раз вышла действительно плохая, и уди-

вительно, как это случилось, что театр имени Мейерхольда польстился на эту продукцию».

Эти оценки были результатом недопонимания Маяковского, который воспринимался лишь как главарь одного из борющихся литературных течений. К тому же он не был членом партии, а всего лишь попутчиком.

Если говорить о «Бане», то лишь один критик после ее появления заговорил о «театре Маяковского». Мне же казалось тогда, что его пьесы, включая «Баню», носят преходящий характер, безотносительно к достоинствам, которые я видел и гласно признавал. «Баню» я считал произведением талантливым, самобытным, но в чем-то незавершенным, не нашедшим вдобавок полноценного, адекватного сценического воплощения.

Перед началом совещания в «Вечерней Москве» мне пришлось отлучиться. Вернувшись, я увидел такую картину: Маяковский стоял в коридоре, прислонившись к притолоке у двери комнаты, где происходило совещание, и слушал, явно не желая показываться собравшимся.

По голосу я узнал критика, который нередко выступал на страницах «Вечерней Москвы». Он критиковал пьесу и спектакль аргументированно и довольно едко. Маяковский буквально серел, но пресекал всякие мои попытки войти в комнату и вмешаться в ход обсуждения.

Я ощутил необыкновенно болезненную реакцию Владимира Владимировича на критику пьесы, хотя кто-кто, а он, казалось, привык к таким разносам и разгромам, к таким критическим тайфунам, по сравнению с которыми эта речь старого театрала могла показаться благодушной. Но таково уж, видимо, было настроение Владимира Владимировича в те дни, такова была степень его ранимости, которую обычно он умел великолепно прикрывать острой шуткой, едкой репликой, а то и явной бравадой. Маяковский был явно угнетен и подавлен.

Когда возвращаешься мысленно к той далекой поре, кажутся непостижимыми равнодушные, слепота и глухота, которые овладели людьми, знавшими поэта близко, его друзьями и соратниками.

На открытии Клуба мастеров искусств я впервые услышал, как Маяковский читал вступление к поэме «Во весь голос».

Обстановка была парадная, банкетная, легкомысленная. Собравшиеся сидели за столиками. Самые прославленные представители различных муз соревновались в умении развлекать узкий круг (зал маленький, от силы полтора-два человека) изощренных ценителей.

На полукапустническом фоне стихи Маяковского резанули по сердцу.

«Наших дней изучая потемки...» Какие потемки? Это кому же темно в светлые дни ликвидации кулачества как класса и всеобщей победы, одержанной Российской ассоциацией пролетарских писа-

телей над иноверцами, в том числе над самим неукротимым Маяковским?

Меня поразили глубокое беспокойство, невысказанная боль, охватившие сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников. Как можно было пройти мимо его трагической настроенности?!

Бас Маяковского рокотал, некогда было оценить всю силу и глубину образа, неповторимую инструментовку стиха, изумительное искусство звукописи — совсем другое ощущение охватило меня: внутренняя дрожь, неосознанное чувство тревоги, беспокойства.

Наступила та тишина, о которой мечтает каждый актер, каждый режиссер, тишина завороченности, зачарованности, которая дороже всяких шумных оваций. И когда на последней ноте замер голос чтеца и отзвучала неслыханная в этом зале тишина, когда отгремели аплодисменты, вдруг за одним из столиков раздался до противности рассудительный голос:

— Маяковский пробует эпатировать нас, как некогда эпатировал петроградских курсисток.

Говорил директор крупного московского театра, известный своей военной выправкой и познаниями в теории пулеметной стрельбы...

Я долго не мог отделаться от чувства тревоги, как я был уверен, беспричинной, вызванной только смелостью, насыщенностью произведением и покоряющей силой исполнения.

В конце концов не так близко знал я Маяковского, не знал брени обрушившихся на него бед и не мог постичь невероятной боли, которая уже не дни, а, наверное, недели и месяцы точила сердце поэта.

Да и весь привычный облик Маяковского, всегда собранного, всегда настроенного как бы воинственно, агрессивно, не вязался с мыслью о назревающей, если уже не вполне созревшей трагедии.

Народу на диспуте о «Бане» было немного. И уже во время моего вступительного слова обозначились две группы слушателей разной численности. Пока я говорил — более или менее сочувственно — о пьесе, иронические реплики подбрасывала группа рапповцев, а подбадривали меня мейерхольдовцы. Когда я заговорил о недостатках спектакля, заволновались мейерхольдовцы, а поддерживать стали рапповцы.

Речь Маяковского была не очень похожа на его обычные речи — наступательные, часто агрессивные, иногда веселые, задиристые. После диспута в Доме печати Маяковский и повлек меня в Клуб мастеров искусств, где проговорили почти всю ночь.

Чувство глубокой горечи, недоумения, можно сказать, обиды слышалось едва ли не в каждой фразе, в каждом жесте, даже в междометиях Маяковского. Нельзя забыть и ощущения растерянности, которая явно владела им в тот день и так не вязалась с его обликом.

Маяковский спросил меня, почему «Вечерняя Москва» вопреки обычаю откликаться на премьеры на следующий же день до сих пор не выступила. Я сказал откровенно, что в редакции нет единодушия в оценке спектакля.

— Но в редакции же есть статья о «Бане»?

— Кто вам сказал об этом? — ответил я вопросом.

— Ну, в редакциях секреты не хранятся. Так почему вашу статью не печатают?

Я ответил, что моя статья не очень удалась и товарищам показалась расплывчатой.

— То есть недостаточно резкой? Товарищи боятся не попасть в тон разгромным статейкам «Рабочей газеты» и «Комсомолки»? Скажите, чем объясняется это поветрие? Вы можете вспомнить, чтобы так злобно писали о какой-либо пьесе? О «Днях Турбиных», даже о «Зойкиной квартире» не писали в таком разносном тоне. И все — как по команде. Что это — директива?

Я попытался убедить Владимира Владимировича в том, что никакой директивы нет и быть не может, что рецензии — результат неблагоприятного настроения, сложившегося на премьере, что пьеса трудна для понимания, что Мейерхольд не проявил свойственной ему изобретательности...

— Да при чем тут Мейерхольд! — прервал меня Маяковский. — Удар наносится по мне — сосредоточенный, злобный, организованный. Непристойные рецензии — результат организованной кампании.

— Организованной? — удивился я. — Кем? Кто заинтересован в такой кампании против вас?

Маяковский говорил даже о травле. Он утверждал, что этот поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности.

— Я много езжу, выступаю, хотя у меня больные связки и временами выступать совсем не следует, — говорил Маяковский.

Он рассказал мне, что давно убедился: форма его стиха лучше воспринимается на слух. Он сам таким образом создает себе читателя. Теперь он может на вечерах продавать огромное число своих книг, даже тома собрания сочинений. Попутно он ведет общекультурную работу, которую, кроме него, никто не ведет. И вот в разгар этой работы ему наносится удар за ударом, с явным намерением подорвать доверие к нему, вывести его из строя.

— С восемнадцатого года меня так не поносили. После первой постановки «Мистерии-буфф» в Петрограде писали: «Маяковский продан большевикам».

Я сделал попытку перевести беседу в юмористический план:

— Так чего вам сокрушаться, Владимир Владимирович? Ругались прежде, кроют теперь...

— Как же вы не понимаете разницы! Теперь меня клеймят со страниц родных мне газет!

— Но все-таки к вам хорошо относятся, — попробовал я возразить.

— Кто?

— Например, Анатолий Васильевич Луначарский сказал мне, что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений.

— Да, Луначарский мне помогал. Но с тех пор много воды утекло.

Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить и то, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, что все литературное начальство было представлено одним Александром Фадеевым, что на выставку не откликнулись большие газеты, а журнал РАПП «На литературном посту» устроил ему «очередной разнос».

— А почему эту разносную статью перепечатала «Правда»? Что это означает? Булавочные уколы, пустяки? Нет, это кампания, это директива! Только чья, не знаю.

— Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве? — переспросил я.

— А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Нет, дорогой.

— Вы, мне кажется, все преувеличиваете. Статья в «Правде»? Модно говорить об уклонах — как не найти уклоны в литературе. Вот и статья о «левом уклоне».

— Вы правы в одном: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, почему выставку превратили в Голгофу для меня. Почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота.

Я знал, что на выставке бывало много народу, что у Маяковского много друзей, последователей, целая литературная школа. Все это я с большой наивностью и высказал.

— Друзья? Может, и были друзья. Но где они? Кого вы сегодня видели в Доме печати? Есть у меня друзья — Брики. Они далеко. В сущности, я один, тезка, совсем один...

Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения — следствие мнительности или, пуще того, необоснованных претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского — итог всей трудной жизни и он вправе, именно вправе ждать признания.

И я задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

— Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, Ворошилов?

Ответ последовал вполне для меня неожиданный:

— А почему бы им и не прийти? Отметить работу революционного поэта — обязанность руководителей советского государства.

Или поэзия, литература — дело второго сорта? Сталин принимает рапповцев, без них ничего существенного не делается...

Что я мог сказать Маяковскому? Я не знал, как относятся к нему руководящие деятели партии тех лет, в частности Сталин. И главное, я вовсе не был уверен в том, что Владимир Владимирович прав и государственные деятели обязаны оказывать внимание поэту.

Тогда, если не ошибаюсь, еще не принято было награждать писателей орденами за достижения в литературе. Правда, орденом Красного Знамени был награжден Демьян Бедный. Но то Демьян и за Гражданскую войну.

В течение всей беседы мне очень хотелось задать Маяковскому один вопрос, но я никак не решался, опасаясь чрезмерно острой реакции. Наконец я набрался духу:

— Владимир Владимирович, если вы так не жалуете рапповцев, воюете с ними, почему вы вступили в РАПП?

Маяковский ответил спокойно:

— Не путайте РАПП и рапповцев, людей и принципы. Меня ничто не разделяет с партией, с революцией. Этот путь мне никто не навязывал, я давно его выбрал сам. И если партия считает, что РАПП ближе всего выражает ее взгляды и приносит пользу — я с РАППом. Время надвигается острое... И позднее, — вдруг добавил он. — Вон служащие ресторана расходятся.

Маяковский поднялся и зашагал к гардеробу.

Мы вышли во двор. Светало, надвигалось утро. Мы отправились к Малой Дмитровке. На углу стояли извозчики.

— Поедем, — предложил я Владимиру Владимировичу.

— Нет, я, пожалуй, пройду пешком.

Мы распрощались, я уехал.

Больше я Маяковского не видел.

Утром 14 апреля мне домой позвонил сотрудник «Вечерней Москвы»:

— Маяковский застрелился.

КОНТОРА С ВЫВЕСКОЙ

В частном разговоре Менжинский сказал наркому иностранных дел Чичерину: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе, начиная от политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

Менжинский имел все основания гордиться своей работой. За восемь лет он создал разветвленную систему органов госбезопасности, подавил крестьянские волнения в период коллективизации, успешно провел громкие процессы над «вредителями» и сформировал сильную разведывательную сеть за рубежом.

Менжинский, в отличие от своего предшественника, понял, что надо служить лично генеральному секретарю. При Менжинском высший командный состав ОГПУ при назначении на должность стал утверждаться в партийной канцелярии. Сотрудники госбезопасности тоже проходили чистку, как и все остальные члены партии.

С началом коллективизации оказалось, что ОГПУ не располагает достаточным аппаратом на селе. К концу жизни Менжинского аппарат госбезопасности резко увеличили.

В политбюро знали, что представляют собой любимые ими органы, пишет Олег Хлевнюк. В 1931 году Молотов говорил: «До сих пор есть постоянные дежурные ГПУ, которые ждут, когда можно будет привлечь того или иного специалиста к ответственности. Ясно, что в таких случаях создают дело».

Сталин говорил еще жестче: «Не надо допускать, чтобы милиционер был техническим экспертом по производству... Не надо допускать того, чтобы на заводе была специальная контора ОГПУ с вывеской, где сидят и ждут, чтобы им дела подали, а нет — так будут сочинять их...»

Эти выступления не публиковались.

Вячеслав Рудольфович Менжинский умер от сердечного приступа 10 мая 1934 года на даче «Шестые Горки» в Архангельском. Ему было шестьдесят лет.

14 мая под гром артиллерийского салюта урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Не так давно историки отыскали постановление политбюро, которым президиуму ЦИК СССР поручалось «организовать специальное помещение в Институте Мозга с соответствующим оборудованием для хранения слепков, иллюстративного и научно-исследовательского материала мозгов умерших выдающихся деятелей Союза, находящихся в Институте».

В этом списке Менжинский на первом месте. Уже за ним шли народный артист республики Леонид Витальевич Собинов, французский писатель Анри Барбюс, Циолковский, Маяковский, академик Иван Петрович Павлов...

Преемника Менжинскому Сталин выбирал необычно долго. Только через два месяца после смерти Менжинского его кресло получил Генрих Григорьевич Ягода. Это была последняя смена руководства органов госбезопасности, которая прошла спокойно и тихо. Впоследствии каждый новый хозяин Лубянки уничтожал и своего предшественника, и его клеветов.

Часть вторая

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Глава 3

ГЕНРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯГОДА

Город Рыбинск подарил стране двух начальников госбезопасности — Андропова и Ягodu. Только Андропов на самом деле родился на Северном Кавказе, а в Рыбинске лишь учился.

А вот Генрих Григорьевич Ягода родился 7 ноября (по старому стилю) 1891 года именно в Рыбинске. Полностью интерес к его биографии еще не удовлетворен. О нем много чего написали, но по большей части это какие-то мифы.

Его отец, Григорий Филиппович, был двоюродным братом Михаила Свердлова — отца Якова. Так что Ягода и Яков Михайлович Свердлов, председатель ВЦИК и предшественник Сталина на посту секретаря ЦК, были троюродными братьями. Яков Михайлович Свердлов умер в 1919 году и особенно помочь дальнему родственнику не успел. Но тот в протекции и не нуждался.

У будущего наркома внутренних дел было пятеро сестер и двое братьев. Племянница Генриха рассказала уже в годы перестройки, что один из братьев, Михаил Ягода, был зарублен казаками во время сормовских событий — ему не было и шестнадцати. Другого брата, Льва Ягodu, мобилизовали в армию адмирала Колчака и казнили вместе с другими солдатами, отказавшимися, как и он, расстреливать рабочих.

Впрочем, родственные связи не много значили для Генриха Ягоды. В эпоху террора он, не раздумывая, подписал ордер на арест своей племянницы Дины.

В партию он вступил в 1907 году, в шестнадцать лет, после первой русской революции, когда многие, разочаровавшись, совершали обратный шаг — выходили из партии. Партийные клички — Темка, Сыч, Одинокий, Галушкин.

В Нижнем Новгороде он познакомился с Максимом Горьким, с которым дружил всю жизнь.

Генрих экстерном окончил восемь классов гимназии, работал в подпольной типографии, вступил в Сормово в боевую дружину. Как цело-

века действия, его тянуло к анархистам. За революционную деятельность в 1911 году его арестовали, но отпустили. Он уехал в Москву к сестре Розе, состоявшей в партии анархистов, жил под фамилией Галушкин — это одна из его партийных кличек. В мае 1912 года его вновь арестовали и на два года выслали в Симбирск под гласный надзор полиции.

Потом перебрался в Петроград, работал в больничной кассе Путиловского завода и в журнале «Вопросы статистики». В 1915-м призван в армию. Ефрейтор Ягода служил в 20-м стрелковом полку, был ранен на фронте.

После Февральской революции он вернулся в Петроград. Активно участвовал в октябрьском вооруженном восстании, которое позволило большевикам взять власть. В ноябре он стал редактировать газету «Крестьянская беднота».

В апреле 1918 года энергичного Ягоду направили управляющим делами Высшей военной инспекции Красной армии. Он часто бывал на Южном и Юго-Восточном фронтах. Рассказывают, что в Царицыне Ягода познакомился со Сталиным, который оценил энергию, инициативность и надежность молодого человека. Это обстоятельство сыграло ключевую роль в судьбы Ягоды. Те, кто был рядом со Сталиным в Царицыне, потом пошли в гору. И среди них — Ягода и его будущий первый заместитель в наркомате внутренних дел Яков Агранов.

Будучи в 1919—1922 годах членом коллегии наркомата внешней торговли, Ягода стал работать одновременно и в Особом отделе ВЧК.

ФАВОРИТ ДЗЕРЖИНСКОГО

29 июля 1920 года Ленин утвердил коллегию ВЧК из тринадцати человек в следующем составе: Дзержинский, Кедров, Петерс, Аванесов, Ксенофонтов, Манцев, Медведь, Лацис, Зимин, Мессинг, Корнев (начальник войск ВЧК), Менжинский и Ягода. Дзержинский и Менжинский успели умереть своей смертью. Остальных уничтожил Сталин.

В ВЧК, а затем в ГПУ—ОГПУ Ягода, управляющий делами ГПУ, был правой рукой Дзержинского, который его отличал и отмечал. 18 сентября 1923 года он назначил Ягоду вторым заместителем председателя ОГПУ. Генрих Григорьевич сменил Менжинского на посту начальника Особого отдела ГПУ—ОГПУ, то есть стал следить за порядком в армии. Потом вместо Менжинского возглавил и все секретно-оперативное управление, то самое, которое занималось борьбой с антисоветскими элементами.

Едкий в оценках наркомвоенмор Троцкий так характеризовал приходившего к нему на доклад нового начальника Особого отдела: «Ягода очень точен, чрезмерно почтителен и совершенно безличен. Худой, с землистым цветом лица (он страдал туберкулезом), с коротко подстриженными усами, в военном френче, он производил впечатление усердного ничтожества».

Троцкий, как это бывало с ним часто, недооценивал других. Ягода не был ничтожеством.

После смерти Феликса Эдмундовича председателем ОГПУ назначили Менжинского, как старшего по возрасту и партийному стажу и просто как более опытного человека. Но Ягода становится не просто первым заместителем Менжинского, но и фактически главным человеком в этом ведомстве. Он ведет все практические дела, руководит аппаратом, поскольку шеф подолгу болеет.

В 1930 году Ягода получает второй орден Красного Знамени. За строительство Беломорско-Балтийского канала он получит еще и орден Ленина.

Но дорога наверх не была усыпана розами. У Ягоды внутри ОГПУ нашлось немало врагов. Против него выступил заместитель председателя Михаил Абрамович Трилиссер, но его Сталин убрал из органов. Недовольство Ягодой выразили и заместитель начальника контрразведывательного отдела Артур Христианович Артузов, начальник секретно-оперативного управления Ефим Григорьевич Евдокимов, начальник Иностранного отдела Станислав Адамович Мессинг.

Это произвело впечатление на Сталина. Положение Ягоды стало шатким. В 1931 году его из первых заместителей перевели во вторые. Его место занял Иван Алексеевич Акулов, но в конце 1932-го он ушел из органов и уехал в Киев секретарем ЦК компартии Украины.

Сталин не был милостив к своим чекистам, если они осмеливались его разгневать.

Летом 1932 года он написал Кагановичу:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопущении подпольной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?..

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Ягода так и не был возвращен на пост первого зампреда, но на съезде партии его избрали членом ЦК. Это был знак сталинского расположения.

10 мая 1934 года от паралича сердца скончался Менжинский. Два месяца Ягода, ожидая решения своей судьбы, был в подвешенном состоянии: на этот пост рассматривались разные кандидатуры. Ходили слухи, что новым председателем ОГПУ станет кандидат в члены политбюро, нарком снабжения Анастас Иванович Микоян, к которому относились с уважением. Он часто выступал перед чекистами, и его темпераментная и остроумная речь всегда имела успех.

С февраля работала комиссия, которая рассматривала разные варианты преобразования органов безопасности. Решили повысить статус ОГПУ. Спустя два месяца ЦИК принял постановление об образовании народного комиссариата внутренних дел СССР.

НКВД существовал с первых дней советской власти (Дзержинский сам несколько лет возглавлял это учреждение), но в 1930-м наркомат распустили, только для того, чтобы через четыре года создать его вновь.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР

10 июля наркомом внутренних дел назначили Ягоду. Это было повышение. Структура НКВД немногим отличалась от ОГПУ. Оперативные отделы, на которые возлагались разведка, контрразведка, борьба с враждебными партиями и охрана высшего руководства страны, объединили в Главное управление государственной безопасности.

Начальника главка не назначили, руководил оперативной работой первый заместитель наркома Яков Саулович Агранов.

Но когда воссоздали НКВД, многие решили, что этот шаг означает уменьшение роли органов госбезопасности, которые перестали быть самостоятельным ведомством. Тем более, что права НКВД в смысле репрессий были урезаны: наркомат не унаследовал от ОГПУ право выносить приговоры по большинству политических дел. Судебная коллегия ОГПУ была упразднена, все дела по расследуемым преступлениям НКВД должен был отправлять в суд. Возникла видимость торжества правопорядка.

Например, Ягода самолично, без санкции ЦК, распорядился создать в лагерях НКВД отделения областных и краевых судов для рассмотрения дел по преступлениям, совершаемым в лагерях. Заместитель прокурора СССР Андрей Януарьевич Вышинский опротестовал его решение. К прокуратуре прислушались, и политбюро отменило решение Ягоды. Но все эти послабления закончились после убийства Кирова, 1 декабря 1934 года.

Ягода ввел специальные звания начальствующего состава Главного управления государственной безопасности — от сержанта госбезопасности до комиссара государственной безопасности первого ранга. По его указанию были разработаны форма и специальные знаки различия.

Ягода добился решения о том, что для начальствующего состава специальные звания будут пожизненными. Лишить специального звания имел право только суд. И ни одно лицо начальствующего состава Главного управления госбезопасности не могло быть подвергнуто аресту без особого разрешения наркома. Наверное, Генрих Григорьевич наивно полагал, что позаботился о своем будущем...

26 ноября 1935 года в соответствии с постановлением ЦИК и Совнаркома самому Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное к маршальскому. На XVII съезде его избрали в ЦК.

Имя Ягоды гремело по стране. Именно он превратил систему исправительно-трудовых лагерей в мощную производительную силу. За колючей проволокой находилось огромное количество рабочих рук. Этим людям не надо было платить, и они не могли отказаться от самой тяжелой работы или ночных смен, протестовать против безмерного удлинения продолжительности рабочего дня или требовать соблюдения правил безопасности труда.

Специальное постановление Совнаркома возложило на органы госбезопасности задачу развития хозяйственной жизни наименее доступных, но обладающих огромными естественными богатствами окраин Союза. Это постановление означало, что чем больше заключенных, тем выше будут производственные успехи наркомата внутренних дел.

В приказе, подписанном Ягодой, говорилось, что чекисты не раз показали себя энтузиастами всякого нового дела. Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря, играющие большую положительную роль в деле промышленного и культурного развития далекого Севера. Новые лагеря под руководством чекистов, отмечалось в этом документе, должны будут сыграть преобразующую роль в хозяйстве и культуре далеких окраин.

Госбезопасность располагала самыми сильными кадрами инженерно-технических работников из числа заключенных. Еще 15 мая 1930 года Ягода и председатель ВСНХ Валериан Куйбышев подписали «Циркуляр Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного государственного политического управления» об «использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». Причем было записано, что «использование вредителей следует организовать таким образом, чтобы работа их проходила в помещениях органов ОГПУ». Иначе говоря, все придуманное, разработанное, созданное арестованными и осужденными инженерами считалось достижением госбезопасности.

ОБЕДЫ И УЖИНЫ У НАРКОМА

Что за человек был Генрих Григорьевич Ягода? Владимир Филиппович Некрасов, профессор и генерал, автор книг о наркоматах и министрах внутренних дел, считает так:

— Ягода был хорошей рабочей лошадкой. Много трудился, быстро схватывал суть дела. Для своего времени он был достаточно грамотным, все-таки имел среднее образование. Или почти среднее. Правда, писал Ягода с большим количеством ошибок. Но это не главное. Главное, что их всех объединяет, и Ягоду, и Ежова, и Бе-

рию, — это служение Сталину. В них во всех черты типичных исполнителей...

Я спросил профессора Некрасова:

— Когда речь идет о таких людях, возникает классический вопрос: для того чтобы всем этим заниматься, надо было родиться с определенным характером или сама служба заставляла быть жестоким?

— Говорят, что Берия арестованного мог и дубинкой огреть, — говорит профессор Некрасов. — Ежов допрашивал арестованных, чтобы выбить нужные показания. Но сами они никого не убивали, они превратили органы в молотилку. Поэтому трудно предположить, что это какая-то генная кровожадность. Думаю, сыграла роль общая обстановка психоза.

Я читал документы Ягоды, его приказы. Вот обратились к нему с письмом: в одной из колоний какой-то начальник, недовольный тем, что плохо план выполняется, в наказание вывел заключенных раздетыми на мороз, в том числе и женщин. Ягода приказал срочно расследовать. Написал резолюцию: «Где вы находите таких мерзавцев? Женщин на мороз! Кто позволил?» Так что рисовать его одной краской было бы неправильно...

Да и сама власть, партийная и советская, требовала от Ягоды только жестоких мер. Иван Михайлович Гронский, который в начале 30-х годов был главным редактором «Известий», много позже рассказывал о том, как он пытался наставить на путь истинный крестьянского поэта Николая Алексеевича Клюева, а тот все не желал вести себя как положено.

«Тогда, — вспоминал Гронский, — я позвонил Ягоде и попросил убрать Н.А. Клюева из Москвы в двадцать четыре часа.

Ягода меня спросил:

— Арестовать?

— Нет, просто выслать из Москвы.

После этого я информировал И.В. Сталина о своем распоряжении, и он его санкционировал».

Николая Клюева расстреляли в томской тюрьме в октябре 1937-го, уже при Ежове.

Писатель Леонид Максимович Леонов вспоминал о том, что Ягода умел внушать страх:

— Однажды у Горького мы пили вместе за одним столом. И вот Ягода тянется ко мне через стол, пьяный, налитый коньяком, глаза навывкате, и буквально хрипит: «Слушайте, Леонов, ответьте мне, зачем вам нужна гегемония в литературе. Ответьте, зачем нужна?» Я тогда увидел в его глазах такую злобу, от которой мне бы не поздоровилось, если бы он мог меня взять. Но не мог тогда...

Михаил Павлович Шрейдер, который служил в центральном аппарате ОГПУ, оставил любопытные воспоминания о Ягоде. По его словам, Генрих Григорьевич был крупным хозяйственником и прекрасным организатором. Под его руководством заключенными строились такие важные объекты, как Беломорско-Балтийский ка-

нал. В тюрьмах и лагерях с конца 20-х до середины 30-х годов, по мнению Шрейдера, был образцовый порядок. Неплохо была поставлена работа с беспризорниками и малолетними преступниками, начавшаяся еще при Дзержинском. Однако по натуре Ягода был невероятно высокомерен и тщеславен.

После смерти Менжинского и назначения на пост наркома Ягода совершенно распоясался, пишет Шрейдер, вел себя грубо и развязно, нецензурно выражался на больших совещаниях, терпеть не мог возражений, зато обожал подхалимов и любимчиков. Ягода устраивал у себя на квартире обеды и ужины со своими подхалимами, упивался славой.

Вначале он жил на улице Мархлевского, в доме номер 9, в котором получили квартиры многие видные чекисты, потом переехал в Кремль, где провел последние годы. В доме на улице Мархлевского частенько собирались писатели и журналисты — друзья генерального секретаря Российской ассоциации пролетарских писателей Леопольда Леонидовича Авербаха, шурина Ягоды.

Авербаха потом расстреляли, хотя по матери он был племянником Якова Свердлова. Его жену Елену, дочь Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который при Ленине был управляющим делами правительства, посадили, а самого Бонч-Бруевича не тронули.

После ареста Ягоды его жену, Иду Авербах, приговорили к пяти годам. А через год, уже в лагере, расстреляли. Она была юристом и написала книгу «От преступления к труду» — о роли трудовых лагерей.

При Ягоде в печати полно было очерков и статей об успехах на строительстве объектов, где использовался труд заключенных, а также о модной тогда перековке преступников.

Когда в 1928 году из Италии возвратился Горький, Ягода сблизился с ним, играл на любви Алексея Максимовича к детям, рассказывал писателю о достижениях ОГПУ в работе с беспризорниками и малолетними преступниками.

20 декабря 1927 года, когда отмечалось десятилетие органов ВЧК—ОГПУ, в лучших ресторанах Москвы — а ими считались «Националь», «Гранд-отель», «Савой» — гуляли различные подразделения госбезопасности. Ягода объехал рестораны и всех поздравил.

Стало практиковаться совещание работников ОГПУ в Кремле под руководством Сталина, который тем самым подчеркивал личную роль в руководстве органами. Всему командному составу внушалось, что госбезопасностью лично руководит Сталин. Постепенно сотрудники органов стали пренебрежительно относиться к местным партийным и советским организациям на местах, считать себя выше их.

В июне 1935 года в Москву приехал известный французский писатель Ромен Роллан. Его принял Сталин. С ним беседовал нарком Ягода, стараясь произвести выгодное впечатление. Роллан записал в дневнике о Ягоде: «Загадочная личность. Человек по виду утончен-

ный и изысканный... Но его полицейские функции внушают ужас. Он говорит с вами мягко, называя черное белым, а белое черным, и удивленно смотрит честными глазами, если вы начинаете сомневаться в его словах».

УБИЙЦА-ОДИНОЧКА ИЛИ ЗАГОВОР?

1 декабря 1934 года в Смольном был убит член политбюро, секретарь ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, первый секретарь Северо-Западного бюро ЦК Сергей Миронович Киров (это псевдоним, его настоящая фамилия Костриков).

Это убийство до сих пор не расследовано до конца, хотя ученые и следователи много раз брались за него. Создавались целые комиссии. Почему же не удалось все выяснить?

Убийство Кирова в 1934-м очень похоже на убийство американского президента Джона Кеннеди в 1963-м. В обоих случаях есть надежные доказательства вины только самих убийц — Леонида Николаева и Ли Харви Освальда. И в обоих случаях есть веские основания полагать, что действовал не убийца-одиночка, а существовал заговор.

В Кирова стрелял бывший мелкий работник партийного аппарата Николаев, человек экзальтированный и болезненный. Он убил Кирова выстрелом в затылок в нескольких шагах от кабинета первого секретаря в Смольном.

Подробные воспоминания оставил Михаил Васильевич Росляков, который руководил в Ленинграде областным финансовым отделом. Он прошел через лагерь и выжил. В момент убийства Росляков находился в кабинете второго секретаря обкома Михаила Семеновича Чудова, где шло совещание.

В 16 часов 37 минут они услышали два выстрела, выскочили в коридор и увидели неподвижно лежащего на полу Кирова. А рядом с ним бился в истерике человек, в правой руке которого был револьвер. У него сразу отобрали оружие, записную книжку и партийный билет на имя Леонида Васильевича Николаева.

Кирова перенесли в кабинет Чудова, вызвали врачей, которые диагностировали смерть. Сразу позвонили в Москву, доложили. Николаева сотрудники Ленинградского управления НКВД отвезли в дом предварительного заключения.

На следующий день в Ленинград приехал Сталин. С ним были глава правительства Вячеслав Михайлович Молотов, нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов и новый секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов, которого через несколько дней сделают первым секретарем в Ленинграде вместо Кирова: Жданов в те годы очень нравился Сталину.

Высшее партийное руководство сопровождали профессионалы — Прокурор РСФСР Андрей Януарьевич Вышинский, заместитель

председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Николай Иванович Ежов, нарком внутренних дел Ягода и его первый заместитель Агранов.

Как же произошло убийство?

Приехав в Смольный, Киров поднялся на третий этаж, прошел по длинному коридору и свернул в боковой коридорчик, ведущий к его кабинету.

Личный охранник первого секретаря Юрий Борисов, немолодой уже человек, шел, как полагалось, сзади. На какой-то момент он потерял Кирова из виду. В боковом коридорчике должны были установить дополнительный пост охраны. Но его не оказалось. Убийца и жертва остались один на один.

Профессор, доктор исторических наук Владимир Павлович Наумов, который тщательно изучал обстоятельства смерти Кирова, рассказывал:

— Я вообще не понимаю, как мог посторонний человек болтаться в этом коридорчике, где всякий на виду. Это особая зона. Почему никто не обратил внимания на Николаева, не спросил у него: «Что ты здесь делаешь?..»

Я спросил Наумова:

— Ну а если бы охранник первого секретаря не отстал, а в решающий момент оказался рядом и застрелил бы Николаева, то и Киров был бы спасен, и история нашей страны пошла бы иным путем, менее кровавым?

Профессор Наумов покачал головой:

— Киров был обречен. Все было очень хорошо продумано. Киров в принципе не любил, чтобы охранник приближался к нему слишком близко, и Борисов держался поодаль. Но когда Киров свернул в этот коридорчик, то, даже если бы Борисов отстал всего на два шага, все равно на какой-то момент Киров оставался один...

Убийца стрелял в Кирова в самом удобном для этого месте. Схема убийства была продумана так тщательно, что спастись Киров не мог. Но в состоянии ли был малограмотный и неумелый Николаев разработать такой план в одиночку? Или же это творение более опытного и изощренного ума?

Профессор Наумов:

— Как мы теперь знаем, Николаев мог убить Кирова несколько раз. Он постоянно носил с собой оружие, причем заряженное. Но было сделано так, чтобы Кирова убили не ночью на дороге, а именно в Смольном, на пороге его кабинета. Как это прозвучало на всю страну! Киров убит в Смольном! Смольный — это почти что Кремль. Страна содрогнулась...

В день убийства Киров появился в Смольном довольно неожиданно, никто не знал, приедет ли он вообще, и если приедет, то когда. А Николаеву, выходит, вовремя сообщили, что Киров направился в Смольный. Незадолго до убийства Николаев звонил жене. Совсем недавно удалось установить, что звонил из помеще-

ния охраны Смольного. Он дождался появления Кирова вместе с чекистами?

Потом выяснилось, что убийца уже давно вертелся возле Кирова, что он свободно проникал в Смольный, что он знал, где и когда Сергей Миронович бывает.

15 октября 1934 года, за полтора месяца до убийства Кирова, Николаева задержали возле дома Кирова на проспекте Красных Зорь. Его допросил и обыскал начальник отделения охраны правительства Ленинградского управления НКВД. Но по указанию начальника оперативного отдела УНКВД Николаева почему-то освободили.

У доктора исторических наук Олега Витальевича Хлевнюка своя точка зрения:

— Бытует версия о том, что Николаева дважды задерживали и дважды отпускали. Это Хрущев рассказал — в подтверждение его слов о заговоре против Кирова. Но, судя по документам, Николаева возле дома, где жили Киров и другие городские руководители, задерживали только один раз. Дело в том, что там постоянно собирались десятки людей, они приносили петиции, письма, обращения. Время от времени милиция устраивала там облавы, их забирали, но не сажали, а проводили с ними воспитательную работу и отпускали. В такую облаву попал и Николаев. Ему сделали соответствующее внушение и отпустили...

Но Николаева задержали с оружием в руках! Это в те времена, когда и меньшего повода было достаточно для ареста. А ведь пистолет в то время достать было очень трудно. Оружие у тех, у кого оно сохранилось с Гражданской войны, уже изъяли. И тем не менее его отпустили.

Есть доказательства того, что Николаев серьезно готовился к убийству. Он тренировался в стрельбе, стрелял довольно метко. Патроны — это потом установили — он получил на базе спортивного общества «Динамо», которая принадлежала НКВД.

ЛЮБОВНАЯ ВЕРСИЯ

Леонид Васильевич Николаев родился в 1904 году. Тщедушный, слабый, он рос без отца, в полной нищете. С детства болел, и недуги тоже наложили отпечаток на его психику. Он был неудачником, начисто лишенным способности ладить с окружающими. Николаев окончил шесть классов городского училища и совпартшколу. За пятнадцать лет он сменил одиннадцать мест работы, так и не удержавшись нигде. Четыре года работал учеником слесаря-механика, потом его взяли в Выборгский райком комсомола, а затем в Лужский уездный комитет комсомола. Назначили его управляющим делами, но в реальности он служил просто техническим секретарем.

Три месяца Николаев проработал референтом в промышленном отделе обкома. Не сработался с коллективом. Его перевели инструктором

тором в рабоче-крестьянскую инспекцию, оттуда переправили инспектором в Институт истории партии Ленинградского обкома. Но и там от него поспешили избавиться. Когда он отказался перейти в политотдел на транспорте, его не только уволили, но и исключили из партии. Потом восстановили в партийных рядах, хотя и объявили строгий выговор с занесением в личное дело. Это произошло в апреле 1934 года.

Работы он себе больше не нашел. Как члену партии, райком партии предлагал ему несколько мест, но он отказывался от малооплачиваемых должностей, надеялся на возвращение в партийный аппарат, жаловался на несправедливость, пытался пробиться к начальству.

Его жена, Мильда Петровна Драуле, работала в обкоме партии, но в 1933 году ее перевели в аппарат уполномоченного наркомата легкой промышленности по Ленинградской области.

Говорили, что Мильда дежурила в обкоме вечерами и в выходные дни, и тогда ее заметил Киров, который более чем симпатизировал красивой женщине. Но Михаил Васильевич Росляков, который работал в Ленинграде, утверждает, что сотрудники аппарата обкома отрицали возможность романа между Кировым и женой Николаева.

Однако Николаеву все же вроде бы намекали, что жена ему неверна. Ненависть к удачливому сопернику и заставила его выстрелить — вот наиболее популярная сейчас версия. В самом ли деле Сергей Миронович был дамским угодником? Насколько обосновано предположение, что Николаев ревновал свою жену к Кирову?

Доктор исторических наук Хлевнюк:

— Нельзя исключать, что этот неуравновешенный, физически неполноценный, обиженный жизнью человек вдруг решил отомстить счастливому сопернику. Николаева отовсюду выбрасывали, он со всеми конфликтовал и писал тому же Кирову с просьбой принять его и помочь.

Профессор Наумов:

— Киров — мужчина в расцвете сил. Наверное, оказывал знаки внимания. Но вообще-то эта версия потом родилась. И мне представляется, что ее запустил сам НКВД...

После убийства Кирова Николаев не прожил и месяца. 29 декабря 1934 года Военная коллегия Верховного суда признала Николаева виновным. Его сразу же расстреляли, а вместе с ним еще тринадцать человек, раньше входивших в оппозицию.

Еще через две недели, в январе 1935-го, судили «организаторов убийства» — недавнего ленинградского лидера, бывшего члена политбюро и председателя исполкома Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева, бывшего члена политбюро и председателя Совета Труда и Оборона Льва Борисовича Каменева, бывшего члена оргбюро и секретаря ЦК Григория Еремеевича Евдокимова, бывшего члена оргбюро ЦК и секретаря Ленинградского губ-

кома Петра Антоновича Залуцкого и еще одиннадцать человек, некогда входивших в ближайшее окружение Зиновьева.

Всех арестовали через две недели после убийства Кирова и сразу же исключили из партии. Все они давно отошли от политической деятельности. Но Сталин помнил каждого, кто пытался ему перечить.

Любопытнейшие заметки оставил писатель Корней Иванович Чуковский. 5 декабря, через несколько дней после убийства Кирова, он был приглашен к Каменевым поужинать. Бывший член политбюро и заместитель Ленина в правительстве Лев Борисович Каменев работал директором Института мировой литературы.

У Каменевых Чуковский застал еще одного бывшего члена политбюро — Григория Евсеевича Зиновьева, который писал статью «Пушкин и декабристы». Весь вечер они оживленно обсуждали литературные темы. Эти люди не только не имели никакого отношения в заговору против Кирова, но и были настолько наивны, что не предвидели своего будущего.

Все вместе они пошли прощаться с Кировым, тело которого доставили в Москву. К Колонному залу выстроилась очередь.

«Каменев приуныл: что делать? — вспоминал Чуковский. — Но, к моему удивлению, красноармейцы, составляющие цепь, узнали Каменева и пропустили нас — нерешительно, как бы против воли. Но нам преградила дорогу другая цепь. Татьяна Ивановна кинулась к начальнику: «Это Каменев». Тот встрепенулся и даже пошел проводить нас к парадному входу.

Татьяна Ивановна:

— Что это, Лева, у тебя скромность такая, сказал бы сам, что ты Каменев.

— У меня не скромность, а гордость, потому что вдруг он мне скажет: «Никакого Каменева я знать не знаю».

В Колонный зал нас пропустили вне очереди. Толпа идет непрерывным потоком, и гэпэушники подгоняют ее:

— Скорее, скорее, не задерживайте движения.

Промчавшись с такой быстротой мимо гроба, я, конечно, ничего не увидел. Мы остановились у лестницы, ведущей на хоры, и стали ждать, не разрешит ли комендант пройти мимо гроба еще раз, чтобы лучше его разглядеть. Процессия проходила мимо нас, и многие узнавали Каменева...»

Это показывает, что в восприятии широких масс Каменев и Зиновьев, несмотря на все усилия сталинской пропаганды, не были врагами. К ним сохранилось определенное уважение. Вот почему Сталину понадобилось обвинить их в убийстве Кирова, чтобы возбудить в стране ненависть к «врагам народа».

Через несколько дней Каменева арестовали. Ошеломленный Чуковский записал в дневник: «Неужели он такой негодяй? Неужели он имел какое-нибудь отношение к убийству Кирова?.. К гробу Кирова он шел вместе со мною в глубоком горе, негодюя против гнусного убийцы...»

Когда появился обвинительный акт против Каменева и Зиновьева, Корней Чуковский был поражен: «Мне казалось, что Каменев полностью ушел в литературу. Все знали, что в феврале он будет избран в академики, что Горький наметил его директором Всесоюзного института литературы, и казалось, что его честолюбие вполне удовлетворено этими перспективами. По его словам, Зиновьев до такой степени вошел в литературу, что даже стал детские сказки писать, и он даже показывал детскую сказку Зиновьева с картинками... очень неумелую, но трогательную».

В 1935 году Каменева, Зиновьева и других приговорили к разным срокам лишения свободы. Это был первый шаг: политическую оппозицию приравнили к террористам, уголовным преступникам. Сам Зиновьев никак не мог понять, что происходит.

Сидя в тюрьме, он писал, обращаясь к Сталину: «Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение».

Сталина такие послания только веселили. Сентиментальным он никогда не был. Все, кого он приказывал уничтожить, были в его глазах преступниками, и он не нуждался в судебном подтверждении их вины. Он сам решал, кто виновен, а кто еще нет.

Когда Сталин приехал в Ленинград после убийства Кирова, по его указанию правительственная комиссия подняла все архивные материалы, имеющие хоть какое-то отношение к этому делу. Среди них нашли заявление М.Н. Волковой, молодой малограмотной женщины, работавшей уборщицей и одновременно платным секретным сотрудником одного из райотделов НКВД.

Она писала в органы госбезопасности, что в Ленинграде готовится контрреволюционный заговор с целью убить Кирова, Ворошилова и Молотова. Ее допросил оперуполномоченный Особого отдела Ленинградского управления НКВД. Проверка показала, что ее обвинения ничем не подтверждаются, а сама она производит впечатление психически ненормального человека. Но оперуполномоченного потом посадили за потерю бдительности.

Волкову привезли к Сталину в Смольный. Она рассказала Сталину, что присутствовала на собраниях контрреволюционеров, что вместе с Николаевым дважды ходила в немецкое консульство, где ему дали двадцать пять тысяч рублей, что она обо всем предупредила сотрудников НКВД. А они не только не прислушались к ней, а заставляли отказываться от показаний и пытали — загоняли каленые иголки под ногти. Начальник Ленинградского управления НКВД Медведь хотел ее упрятать в сумасшедший дом, а его заместитель Запорожеч обо всем предупредил Николаева...

После беседы вождь распорядился оказать ей материальную помощь, выделить отдельную квартиру и позаботиться о ее здоровье.

Все было выполнено. По ее показаниям арестовали больше шести-десяти человек, в том числе пять сотрудников ленинградского управления НКВД, которые не обращали внимания на ее слова. Она продолжала доносить на всех, кого знала, и до 1956 года ее заявления внимательно рассматривались.

Только в 1956-м уже более объективная проверка, проведенная КГБ, установила, что Николаева она просто никогда не видела, а Сталину рассказывала то, что прочитала в газетах.

Вот что важно иметь в виду: почти ни у кого в стране причастность Зиновьева, бывшего члена политбюро, близкого Ленину человека, к убийству Кирова сомнений не вызвала. Даже бывшие эсеры, отбывавшие ссылки, даже русская эмиграция в 1934-м поверили, что Кириши убили оппозиционеры.

Уже на следующий год, 24 августа 1936 года, Военная коллегия Верховного суда пересмотрела дела Зиновьева, Каменева и других «по вновь открывшимся обстоятельствам» и приговорила всех к расстрелу. Ночью того же дня их всех расстреляли. При исполнении приговора присутствовали нарком Ягода и его будущий сменщик секретарь ЦК Николай Иванович Ежов. Пули, которыми убили Зиновьева и Каменева, Ежов будет хранить у себя в письменном столе. Сувенир на память.

После убийства Кирова в аппарате госбезопасности по всей стране были сформированы подразделения, которые занимались троцкистами и зиновьевцами. Эти подразделения сохранились до 60-х годов.

Несчастную Мильду Драуле первым делом исключили из партии «за абсолютную потерю партийной бдительности, что выразилось в неразоблачении контрреволюционной деятельности своего мужа Николаева и брата последнего, дезертировавшего из рядов Красной армии для контрреволюционной террористической деятельности».

11 марта 1935 года председатель Военной коллегии Верховного суда Василий Васильевич Ульрих доложил Сталину:

«9 марта с. г. выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера.

Мильда Драуле на мой вопрос: какую она преследовала цель, добываясь получения пропуска на собрание партактива Ленинграда 1 декабря прошлого года, где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что «она хотела помогать Леониду Николаеву». В чем? «Там было бы видно по обстоятельствам». Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении теракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. В ночь на 10 марта приговор приведен в исполнение. Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу».

Репрессировали мать Николаева, его брата и сестер, двоюродного брата. Протоколы их допросов направлялись Сталину. От такого чтения он никогда не отказывался.

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ИГРА

На XX съезде Хрушев на закрытом заседании сказал, что к смерти Кирова причастен Сталин. На чем основаны эти подозрения? Косвенных признаков, свидетельствующих о причастности Сталина к убийству, действительно немало. Сталин сразу же после сообщения о смерти Кирова, еще не имея никакой информации, уверенно заявил, что убийство — это дело зиновьевцев.

Об этом позднее на пленуме ЦК рассказал Николай Иванович Бухарин. Сталин сразу же ему возразил и сказал, что это было на седьмой-восьмой день, раньше же нельзя было узнать, кто стрелял.

Но Анастас Иванович Микоян подтверждает в своих воспоминаниях, что слова о виновности зиновьевцев были сказаны в первые же минуты, как только их собрал Сталин. Возникает ощущение, что Сталин был готов к сообщению об убийстве Кирова. Сталин конечно же прекрасно помнил, когда он рассказал о зиновьевцах, но он не хотел, чтобы на это обратили внимание. Он предпочитал, чтобы его слова считались результатом проведенного расследования.

Правда, есть и сторонники той версии, что Сталин ничего не знал, что стрелял убийца-одиночка и все происшедшее цепь случайностей. Но как же много случайностей!

Профессор Наумов:

— Версию убийцы-одиночки я отвергаю. Эту версию всегда отстаивал КГБ, защищая свою честь и репутацию Сталина. В 1956 году Хрушев поручил председателю КГБ Серову провести новое расследование. Еще можно было узнать правду, еще были живы последние уцелевшие свидетели. Но Серов загубил эту возможность. Он надавил на этих свидетелей, требуя, чтобы они не отрекались от прежних показаний.

Но неужели нет в самом секретном, самом закрытом архиве того самого документика, который все прояснит?

Профессор Наумов:

— Все говорят: покажите бумагу, где Сталин приказывает Ягоде расстрелять Кирова, желательно в Смольном такого-то числа. Нет таких бумаг! Их и не могло быть! Мы знаем, как Сталин выражал свои мысли и пожелания. Он был очень осторожный человек.

На документах, которые его смущали, он никаких следов не оставлял. Брал листочек, что-то на нем писал и прикалывал к документу. Сталин постоянно чистил свой архив. Приближенные научились угадывать по разным признакам настроения и желания Сталина. Все делалось намеками, опосредованно...

Но как же все-таки это происходило? Если пытаться реконструировать события, то что именно Сталин мог приказать людям из НКВД? Сказал нарком Ягоде, что Кирова пора убирать?

Профессор Наумов:

— Я думаю, что никому из них он прямо не говорил об убийстве. Ни глупым, ни наивным он не был. У него были способы

выразить свои пожелания. Три самых близких к Сталину человека — начальник охраны Паукер, затем Власик и помощник генсека Поскребышев — ловили каждое его слово и передавали главе ведомства госбезопасности. Скажем, Сталин, садясь в машину, что-то говорил. А каждое утро с начальником охраны Власиком встречался нарком, спрашивал, какое настроение у хозяина, о чем он говорил, какие высказывал пожелания...

Профессор Наумов полагает, что ленинградской операцией непосредственно занимался первый заместитель наркома внутренних дел Яков Агранов.

Характерно, что доклад о роли зиновьевцев в убийстве Кирова делал не нарком Ягода, не председатель комиссии по расследованию Николай Иванович Ежов, а первый замнаркома Агранов. Он пользовался особым доверием Сталина. Во время Гражданской войны он был со Сталиным в Царицыне, а впоследствии имел возможность встречаться с вождем в нерабочей обстановке.

В кремлевском кабинете велась запись всех посетителей генерального секретаря. А наиболее доверительные беседы Сталин вел на даче, где посетителей никто не записывал. Агранов научился понимать намеки Сталина.

Леонид Николаев был не единственным кандидатом на роль убийцы, имелись, похоже, и другие. Первоначально собирались обвинить в убийстве Кирова не Зиновьева с Каменевым, а белую эмиграцию, Российский общевоинский союз. После убийства Ягода отдал указание искать еще и скрытых белогвардейцев.

Но Сталин уже принял другое решение и приказал Ягоде не терять времени. «А то дам в морду», — обещал Сталин. Это он часто так разговаривал с начальниками госбезопасности: чуть что — «дам в морду».

Профессор Наумов:

— Игра шла для Сталина беспроегрешная. Если бы один вариант не получился, запустили бы другой. Киров был обречен. Может быть, он что-то чувствовал? Он, между прочим, незадолго до смерти говорил в своем кругу, что ему не жить...

Ольга Григорьевна Шатуновская, член Комитета партийного контроля и участник первой комиссии по изучению сталинских преступлений (отрывки ее воспоминаний были опубликованы в 1997 году в «Общей газете»), рассказывала, что видела в архиве Сталина листок, на котором генеральный секретарь собственноручно изобразил два террористических центра — московский и ленинградский. Сначала Сталин поместил Зиновьева и Каменева в ленинградский центр, потом зачеркнул и переставил их в московский.

Шатуновская рассказывала, что они нашли сотрудника госбезопасности, который в декабре 1934 года охранял камеру Николаева. Он присутствовал и при его допросе Сталиным. Как будто бы Николаев жаловался Сталину: «Меня четыре месяца ломали сотрудники НКВД, доказывали, что надо во имя дела партии стрелять в

Кирова. Мне обещали сохранить жизнь, я согласился. Они меня уже дважды арестовывали и оба раза выпускали. А вот теперь, когда я совершил — для пользы партии! — дело, меня бросили за решетку, и я знаю, что меня не пощадят!»

И вроде бы в эту минуту в камеру вошли сотрудники госбезопасности. Николаев показал на них рукой: «Вот они, это же они меня уламывали!»

Допросить охранника Кирова Юрия Борисова не удалось. Он пережил Кирова всего на один день.

2 декабря, когда Борисова везли на допрос к срочно приехавшему в Ленинград Сталину, он погиб при очень странных обстоятельствах, настолько странных, что никто не сомневается в том, что его убили. Машина будто бы попала в аварию.

Автомобиль ехал со скоростью всего тридцать километров в час. Ни у кого ни царапины, а Борисову — единственному из всех, кто был в машине! — насмерть разmozжило голову. По свидетельству врачей, повреждения головы скорее похожи на удар ломом.

С помощью компьютера, зная скорость, маршрут, состояние шин, можно восстановить ход движения машины и определить, возможен ли был такой удар. Это делается в Соединенных Штатах, однако у нас нет денег на такие эксперименты.

ПОЧЕМУ ИМЕННО КИРОВ?

Возникает и такой вопрос: почему на роль жертвы был выбран именно Киров?

Профессор Наумов:

— Сталин выбрал человека, который ему не очень был нужен, но который по рангу был высок. Время отстреливать более важные фигуры еще не пришло. А Киров не был такой уж крупной личностью и в руководящее ядро вокруг Сталина не входил...

Считается, что Сергей Миронович Киров был лидером либеральной оппозиции Сталину, что многие в партии мечтали заменить им Сталина. Это действительно так?

Доктор исторических наук Олег Хлевнюк, который написал очень интересную книгу о взаимоотношениях внутри политбюро в 20—30-х годах, считает, что вокруг Кирова слишком много ни на чем не основанных мифов:

— Киров напрасно считается лидером либерального крыла в политбюро, человеком, которого прочили на смену Сталину и который осмелился спорить с генеральным секретарем, противостоять ему... Документы этого не подтверждают.

Киров не был политическим оппонентом Сталина, и генеральный секретарь не видел в нем конкурента. Не найдено ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что Киров где-то

выступал вразрез с линией Сталина, что он противостоял Сталину. Не был Киров и либеральным политиком.

В Ленинграде Киров квартирный вопрос решил просто: десятки тысяч людей непролетарского происхождения были выселены из города и отправлены в Сибирь. Вот квартиры освободились. Киров произнес речь, в которой призывал расстреливать тех, кто уличен в воровстве колхозного добра. И говорил, что «каждый член партии должен сейчас любого оппозиционера бить в морду». И это сторонник умеренной линии?

Если бы Кирова не убили, он остался бы в истории такой же малозаметной фигурой, как, скажем, Андрей Андреевич Андреев, который двадцать лет состоял в политбюро и двенадцать лет в секретарях ЦК. Кого теперь интересует, что в юности Андреев был близок к меньшевикам и вовсе не походил на ортодоксального большевика, каким он потом стал?

Если посмотреть протоколы заседаний политбюро, то видно, что Киров крайне редко принимал участие в заседаниях. Как ленинградский секретарь, он прежде всего занимался городскими и областными делами. Он, если можно так выразиться, был городским завхозом.

В его посланиях нет никаких политических инициатив вроде: «Давайте облегчим положение крестьян» или «Давайте смягчим репрессии». Такого не существует в природе.

Доктор исторических наук Хлевнюк:

— Я одновременно изучал жизнь Орджоникидзе, который тоже закончил жизнь трагически — застрелился. По слухам — в результате острого конфликта со Сталиным. Так вот Орджоникидзе действительно сдержанно относился к перспективе всеобщего террора, курс на который держал Сталин. У них на этой почве были конфликты. В архивах сохранилось огромное количество подтверждений этого конфликта, прямых и косвенных.

К сожалению, нет свидетельств о том, что произошло в тот трагический день. Так и останется неизвестным: сам Орджоникидзе стрелял в себя или... Но документами о его конфликтах со Сталиным архивы переполнены. И на этом фоне нет даже косвенных намеков на противоречия между Кировым и Сталиным...

Киров не мог быть Сталину соперником: неравноценные они фигуры. Киров в партии был человеком малозначительным. Он поздно пришел к большевикам, а до того был сотрудником кадетской газеты, что ему в 1929 году припомнили. Ленинградские партийные функционеры обвинили его в том, что он не настоящий большевик. Конфликт разбирали в Москве. За него вступился Сталин. Кирова оставили на месте, но эта история его скомпрометировала.

Сталин любил собирать вокруг себя людей с подмоченной репутацией. В эту категорию входили и Киров, и Берия, и Вышинский. И Киров помнил, что он всем обязан Сталину, что без Сталина он никто. Сталин забрал Кирова из Закавказья и настоял на том, что-

бы он возглавил ленинградскую партийную организацию после Зиновьева. Кирову не хотелось покидать Баку. И он согласился, лишь получив обещание, что через несколько лет ему разрешат вернуться на Кавказ.

Ворошилов писал Серго Орджоникидзе о первых шагах Кирова в Ленинграде: «Кирыч работает в Питере неплохо, но душой в нефти и, конечно, с наслаждением плюнул бы тридцатиградусному морозу в рожу и помчался бы в свой «благоухающий» и манящий Баку».

Что касается известной истории о том, что на XVII партийном съезде много делегатов проголосовало против Сталина и что какие-то делегаты даже предлагали избрать генеральным секретарем Кирова, то это тоже миф. Фактов нет, одни лишь достаточно противоречивые воспоминания. Подтвердить их оказалось невозможным.

Киров был всего лишь политиком областного масштаба. А в тот момент у Сталина уже был наследник — Молотов, человек номер два в стране и партии. И тогда никому не приходило в голову, что может быть другой номер два.

Олег Хлевнюк:

— Есть косвенные данные, которые убеждают меня в том, что это был акт террориста-одиночки, террориста-неудачника, несчастного человека. Но это не оправдание Сталина. Это не значит, что Сталин не мог убить Кирова. Сталин убил миллионы. Даже если он не причастен к смерти Кирова, это не изменит оценку его преступной деятельности. В любом случае убийство Кирова Сталин использовал на полную катушку...

А зачем Сталину могла понадобиться смерть Кирова? Скольких людей он погубил безо всякого повода, а тут, выходит, целый спектакль устроил?

Профессор Наумов:

— К моменту убийства Кирова уже была подготовлена законодательная база, которая позволила развернуть массовые репрессии. Весь комплекс уголовных наказаний был готов заранее. Нужен был только повод.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК

В декабре 1934 года понадобилось издать только один указ, и начала действовать целая система уже принятых репрессивных законов.

За полгода до этого, 8 июня, ЦИК СССР включил в «Положение о государственных (контрреволюционных) преступлениях» статьи об измене Родине. Изменой считались «шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». За это полагался расстрел. Если изменял Родине военнослужащий, всю его семью выслали в отдаленные районы сроком на пять лет.

Был принят закон об усилении ответственности за сохранение государственной тайны. Создавались возможности для привлечения к ответственности любого чиновника — за небрежное обращение с секретной бумагой можно было получить от восьми до двенадцати лет. Пропажа секретной бумаги становилась катастрофой.

Через десять дней после смерти Кирова областное управление НКВД уже составило списки тех, кто подлежал высылке из Ленинграда, — около одиннадцати тысяч человек, не внушающих политического доверия.

На следующий день после суда над Николаевым Сталин разослал членам политбюро текст написанного им письма ко всем партийным организациям: «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова».

Это была идеологическая установка для работы НКВД.

4 декабря 1934 года газеты сообщили о постановлении президиума ЦИК: дела обвиняемых в терроризме вести в ускоренном и упрощенном порядке, прошения о помиловании по таким делам не принимать, приговоренных к высшей мере наказания сразу же казнить. На следующий день в Уголовные кодексы республик были внесены соответствующие изменения.

Постановление президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» было отменено только 19 апреля 1956 года. По этому закону еще успели казнить Берию. Удобный был закон.

После убийства Кирова над страной пронесся кровавый вихрь, люди затаились в испуге.

Владимир Бонч-Бруевич, который давно был вне политики и занимался музейным делом, написал письмо Ягоде:

«События 1 декабря, конечно, каждого партийца... насторожили до последней степени и заставили оглянуться кругом самым пристальным образом, чтобы десять раз проверить ту обстановку, в которой он находится, и сделать все так, чтобы не было никакой возможности проскочить классовому врагу, врагу правительства и партии в какое бы то ни было учреждение и окопаться и укрепиться там».

Бонч-Бруевич сообщил наркому, что решил «не принимать на работу ни одного меньшевика или члена какой бы то ни было оппозиции, считая заранее его в моем мнении абсолютно раз и навсегда политически скомпрометированным».

Анкеты всех беспартийных лиц, которые принимаются мною на работу, будут присылаться Вам. Моя просьба заключается в том, чтобы Вы приказали эти анкеты проверить и сигнализировать мне лично по моему домашнему телефону (2-90-32) или путем сообщения другим образом, нет ли среди тех лиц, которые поступают на работу в Музей, заведомо опасных в политическом отношении».

Бонч-Бруевич позаботился о том, «чтобы во вверенном мне учреждении не могли устраиваться какие бы то ни было свидания со-

трудников Музея с третьими лицами, а потому мной совершенно запрещены посещения сотрудников Музея их знакомыми, причем каждый, кто переступает порог Музея, обязан внизу получить пропуск, а ответственный секретарь или его помощник должны сделать отметку на пропуске, к кому это лицо направлялось, его фамилию и время ухода из музея, а в особой ведомости отметить, для чего данное лицо приходило в Музей.

В самом Музее так расставлены некоторые силы, что имеется постоянное наблюдение, чтобы не было никаких разговоров или свиданий сотрудников с третьими лицами...

Я сделал распоряжения, чтобы вся проходящая в Музей почта, в том числе письма, адресованные на сотрудников, поступала бы ко мне, и я лично ее вскрываю...»

Через неделю после убийства Кирова, 8 декабря 1934 года, было опубликовано постановление правительства «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания технических культур». Так было покончено с карточной системой. Но людей это не очень порадовало. Дело в том, что новые цены были значительно выше тех, по которым приобретался хлеб по карточкам.

До начала судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым в августе 1936 года членов партии ознакомили с закрытым письмом ЦК «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», в котором говорилось, что зиновьевцы убили Кирова, а собирались убить еще и Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова...

В текст обвинительного заключения Сталин вписал, что Кирова убили «по прямому указанию Зиновьева и Троцкого». Сталин вписал в текст и новых обвиняемых. Их расстреляли.

Постановлением ЦИК и СНК от 5 ноября 1934 года было учреждено печально известное особое совещание при народном комиссаре внутренних дел. Это значительно упростило жизнь аппарата госбезопасности. Судебный процесс даже в сталинские времена требовал соблюдения минимальных формальностей. А тут свое же начальство без лишних разговоров подписывало приговор.

Первоначально особое совещание получило право без суда ссылать или отправлять в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет лиц, признанных общественно опасными, а также выселять из страны иностранных граждан.

В 1937-м особое совещание получило право отправлять в лагеря на срок до восьми лет обвиняемых в принадлежности к право-троцкистским, шпионско-диверсионным и террористическим организациям, а также членов семей приговоренных к высшей мере.

С 17 ноября 1941-го особое совещание уже могло выносить любые приговоры вплоть до смертной казни.

После войны особое совещание получило право отправлять на бессрочное поселение тех, кто отбыл заключение, выселять из Литовской, Латвийской, Эстонской ССР и западных областей Украи-

ны в отдаленные местности членов семей участников националистического подполья.

Берия 15 июня 1953 года предложил ограничить права особого совещания, ссылаясь на то, что министерство государственной безопасности злоупотребляло своими правами. Упразднили особое совещание в сентябре 1953-го, уже после Берии.

Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 года были созданы областные тройки НКВД, которые располагали правами особого совещания. В тройки входили: начальник местного управления НКВД или его заместитель, начальник управления милиции и начальник отдела УНКВД, который разбирал соответствующее дело.

Приказом НКВД от 30 июля 1937 года, согласованным с ЦК, создавались тройки по другому принципу: в них входили республиканские наркомы или начальники управлений НКВД, партийные секретари и прокуроры. Они имели право применять любые меры наказания, вплоть до расстрела. Тройки были упразднены приказом НКВД от 26 ноября 1938-го.

Зачем вообще Сталин это затеял?

Профессор Наумов:

— Он расстрелял всю партийную верхушку, потому что видел, что его решения вовсе не воспринимаются в стране так уж безоговорочно. Ему нужно было вселить во всех страх. Без страха система не работала. Как только приоткроешь дверь, сразу начинается разрушение режима.

ГЕНИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТОР

Сталин хотел освободиться от тех людей, которые работали с Лениным, которые помогли ему одолеть оппозицию. Не любит диктатор, когда рядом стоит человек, который ему помог.

Вокруг Сталина уже появились молодые работники, которые воспринимали его как полубога, так что он осуществил смену поколений, причем по всей стране, до последнего сельского райкома.

До убийства Кирова партийные руководители могли свободно встречаться, приехав на съезд в Москву, что-то обсуждать. После убийства был установлен новый порядок: первый секретарь обкома выезжает в Москву на пленум ЦК или в командировку, только получив разрешение Сталина.

Всякое общение партийных секретарей между собой было перекрыто: оно ставило под сомнение верность Сталину. Встречи, разговоры только с его санкции. Даже когда Сталин был в отпуске на юге, туда шли шифровки с просьбой разрешить выехать в Москву или в другой город и с объяснением зачем.

Политбюро решало, кому и куда ехать в отпуск. Так, например, командующего войсками Белорусского военного округа командарма первого ранга Иеронима Петровича Уборевича насильно отправили

отдыхать за границу. Он не хотел, но его заставили ехать, а потом приписали ему работу на разведки тех стран, где он побывал.

Николая Ивановича Ежова, который лечился в Германии, тоже обвинят, что он работал на немецкую разведку.

У Сталина все было продумано до мелочей. Он действительно обладал даром администратора. Не случайно Ленин именно Сталина поставил на пост генерального секретаря. Ленину он нравился твердый, решительный, последовательный. Не понравилось Ленину, когда Сталин против него повернулся. Зиновьев и Каменев тогда уговаривали Ленина: он еще молодой, мы все уладим. Уладили...

Убийство Кирова вождь использовал для того, чтобы убрать очень многих людей.

В ночь на 27 июля 1936 года был арестован бывший член политбюро, а в тот момент первый заместитель наркома лесной промышленности Григорий Яковлевич Сокольников.

Его жена писательница Галина Серебрякова написала большое письмо Сталину и Ежову.

Вдруг раздался телефонный звонок.

— Галина Иосифовна? — спросил незнакомый голос по телефону. — Говорит Агранов. Вы ведь писали Сталину и Ежову? Мне поручено поговорить с вами. Сегодня в десять вечера выходите на угол Спасо-Песковской площади и Трубниковского переулка. Увидите машину. Подойдите к шоферу и скажите, что вы — Семенова. Понятно?

В назначенный час Серебрякова подошла к поджидавшему ее автомобилю и назвалась Семеновой. Шофер, не говоря ни слова, распахнул дверцу. Они приехали на Лубянку. В приемной она просидела целых пять часов, и лишь поздней ночью ее провели в огромный ярко освещенный кабинет. За столом, уставленным вазами с пирожными и фруктами, сидели Агранов и Ягода.

— Мы хотим спасти вас от страшной катастрофы, которая неизбежна, — сказал ей Агранов. — Мы молоды, даровиты...

— Что я должна сделать?

— Все рассказать.

— Но в том, что я расскажу, нет признака чьей-либо вины, иначе я давно бы сообщила об этом партии.

— Расскажите о себе и о вашей семье все.

Серебрякова говорила четыре часа. Иногда Ягода или Агранов прерывали ее, шеголяя знанием деталей, которые она упустила.

— И тем не менее, — сказал ей Агранов, — вы говорите неправду, вы скрываете главное.

Дверь открылась, и вошел секретарь ЦК Ежов. Его крошечный рост и лицо старого карлика ужаснули Серебрякову.

— Все еще не хочет помочь нам? — спросил он улыбаясь, отчего все его лицо еще больше исказилось и сморщилось.

— Так вот, подведем итог, — продолжал Агранов. — Самого главного вы нам так и не сказали. В декабре 1934 года, после убийства

Кирова, вы проходили по коридору своей квартиры и остановились у дверей кабинета мужа. Вы услышали, как ваш отец...

— Но позвольте, — закричала Серебрякова, — отца в это время не было в Москве! Он за всю зиму ни разу, слышите, ни разу не был у нас!

— Не прерывайте меня, вспомните все и подтвердите. Ваш отец говорил: «Мы убрали Кирова, теперь пора приняться за Сталина».

— Ложь!

— Поймите, — сказал Ежов мягко. — Мы хотим сохранить вас как писателя. Вы ведь стоите на краю бездны. Дайте правдивые показания, и вас не арестуют. Через несколько месяцев мы восстановим вас в партии и вернем в литературу. Вы снова выйдете замуж, будете счастливы. Ваши дети вырастут в человеческих условиях...

Галина Серебрякова сначала попала в больницу, потом ее все-таки арестовали и отправили в ссылку. Она отбыла свой срок, вышла на свободу, вернулась в Москву, но долго не могла обустроить свою жизнь.

Она обивала пороги разных учреждений, пока не попала на прием к моему отчиму — Виталию Александровичу Сырокомскому, который в начале 60-х работал помощником первого секретаря Московского горкома. Человек с обостренным чувством справедливости, готовый помочь всякому, кто нуждается в помощи, он был потрясен ее трагической историей. Он буквально заставил своего шефа принять Серебрякову, за этим последовал звонок в Моссовет и ордер на квартиру. Она много писала и издавалась, хотя воспоминания об аресте и ссылке увидели свет только после ее смерти...

Если Кирова действительно убили сотрудники НКВД, неужели им не страшно было братья за такое дело?

Профессор Наумов:

— Насколько я могу судить, Николаеву не говорили, что он должен убить Кирова. Он должен был просто выстрелить, инсценировать покушение. Летальный исход исключался. Я этим объясняю то истеричное состояние, в какое впал Николаев. Хотел попугать, а попал Кирову в затылок. Врач понадобился не Кирову, а самому Николаеву. Он бился в конвульсиях. Его в себя не могли привести. Организаторы, может быть, и сами испугались. Но уже было поздно...

МЕДВЕДЬ И ЗАПОРОЖЕЦ

Какова судьба сотрудников Ленинградского управления НКВД, которые могли точно знать, что и как было?

Почти всех уничтожили тех, кто знал, что произошло. Они, естественно, не думали, что с ними так поступят. Сначала наказание было достаточно мягким: не уследили, служебное упущение. Их потом уже в лагере сгноили, в том числе известных по роману Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» начальника Ленинградско-

го управления НКВД Филиппа Демьяновича Медведя и его заместителя Ивана Васильевича Запорожца.

Медведь к революционному движению примкнул в Варшаве, два года сидел в царской тюрьме. Он был близким к Дзержинскому человеком, по его рекомендации Медведя в 1907-м приняли в партию большевиков.

С 1919 года Медведь был членом коллегии ВЧК, в том же году четыре месяца возглавлял ЧК в Петрограде. Он сменил немало должностей в аппарате госбезопасности — возглавлял Особый отдел Западного фронта, заведовал концлагерями НКВД РСФСР, руководил Особым отделом Московского военного округа. Затем был начальником Московского губернского отдела ГПУ, председателем ГПУ Белоруссии и начальником Особого отдела Западного фронта, полномочным представителем ОГПУ по Западному краю и председателем ГПУ Белоруссии, с 1926 года — представителем по Дальневосточному краю.

В январе 1930-го его вновь назначили в Ленинград. Киров тоже благоволил к Медведю. Это был, судя по рассказам, симпатичный человек, жизнелюб. Он устраивал ужины, на которых пел специально приглашенный им из Москвы Леонид Утесов.

По инициативе Кирова на Литейном проспекте было построено в 1932 году огромное девятиэтажное здание для полномочного представительства ОГПУ в Ленинграде. Тогда это было самое высокое здание в городе, поэтому его называли Большой дом. Официальное название — административное здание Главного политического управления. Архитектор Ной Троцкий, в то время сам сидевший в тюрьме. Дом представляет собой замкнутый квадрат с закрытым для посторонних глаз внутренним двором. В его подвалах в 30-х годах расстреливали приговоренных к смерти.

Присланный в 1932 году из Москвы Иван Запорожец привез своих людей, вел себя необычно самостоятельно, по всякому поводу высказывал свою точку зрения и понемногу оттеснял потерявшего хватку Медведя. Агроном по образованию, Запорожец входил в партию боротьбистов (левые эсеры Украины). Потом партия самоликвидировалась, а большинство боротьбистов перешло к большевикам.

Иван Васильевич Запорожец родился в 1885 году в Мелитопольской области, работал в 20-х годах за границей, потом служил в центральном аппарате госбезопасности, возглавлял 4-е отделение (внешняя торговля) экономического управления ОГПУ, затем отдел информации и политконтроля. В марте 1931 года его отдел влили в секретно-политический отдел. Начальником отдела был Яков Саулович Агранов. Запорожец стал его заместителем и с этой высокой должности уехал заместителем к Медведю.

Все понимали, что он набирается опыта и вскоре заменит Медведя на посту начальника областного управления. Так не зря именно Запорожца подозревают в организации убийства Сергея Кирова?

Но во время убийства Кирова Запорожца в Ленинграде не было. В конце августа Запорожца положили в военный госпиталь, и там в гипсе он пролежал до ноября, после чего отправился долечиваться в санаторий в Сочи.

Медведя сначала не арестовали, а только лишь освободили от должности, и он приехал в Москву. Сидел на квартире под домашним арестом и ждал решения своей судьбы. Один из его знакомых позвонил со словами сочувствия и готовности помочь.

Медведь сказал: «Спасибо, парень, большое спасибо. Мне ничего не надо, и помочь мне ничем нельзя. Но если останусь жив, твоего звонка не забуду».

В январе 1935 года Медведя приговорили к трем годам исправительно-трудовых работ по статье Уголовного кодекса 193—17а («преступная халатность к своим обязанностям по охране государственной безопасности»).

Его в отдельном вагоне отправили на Колыму, где он работал начальником Южного горно-промышленного управления Дальстроя, ожидая, что вскоре его вернут на прежнюю службу. Это было вполне комфортное существование. Коллеги по НКВД относились к нему сочувственно. Но когда арестовали Ягоду, пришли новые люди, для которых и Медведь, и Запорожец были такими же врагами народа, как и все остальные зэки.

В мае 1937 года Медведя вызвали в Москву, а в сентябре арестовали. Теперь с ним обращались как со всеми остальными «врагами народа».

На него завели новое дело: его обвиняли в том, что он «являлся активным участником «Польской организации войсковой», в которую был завербован бывшим заместителем председателя ОГПУ Иосифом Станиславовичем Уншлихтом, и до 1934 года проводил диверсионную и террористическую деятельность в интересах Польши, а также в том, что знал от Уншлихта о готовящемся покушении на Кирова, но не принял надлежащих мер по предотвращению покушения».

Это было то самое дело, по которому проходил уже покойный Феликс Эдмундович Дзержинский.

29 ноября 1937 года Медведя расстреляли. В 1957 году приговор был отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Но родственникам даже не сообщили, что Медведя расстреляли, выдали справку, что умер в 1946 году, отбывая наказание.

Запорожца приговорили к смертной казни чуть раньше, в августе, и в день вынесения приговора расстреляли. Им некому было напомнить о своих заслугах и об обещаниях, которые им дали. И захоти они что-то рассказать, кто бы их стал слушать?.. Пришла разнарядка, вот их и ликвидировали. Тайну убийства Кирова Медведь и Запорожец унесли с собой в могилу.

Так что же, выходит, мы так и не узнаем никогда, как все это было организовано?

Владимир Павлович Наумов посмотрел на меня с улыбкой, которая у него отнюдь не означает хорошего расположения духа, и ответил коротко:

— Нет... Нет.

БОЕВАЯ МОЛОДЕЖЬ

Ягода меньше, чем Менжинский, интересовался разведкой. За границей он, в отличие от своих предшественников, не жил, иностранных языков не знал. Но и не трогал разведчиков, давая им возможность работать. Поэтому при Ягоде советская разведка действовала очень эффективно. Проблемы возникнут при Ежове, который начнет чистить разведывательный аппарат.

В те годы российская белая эмиграция все еще считалась источником постоянной опасности. В Москве исходили из того, что офицеры Белой армии по-прежнему готовятся к вооруженному выступлению против советской власти. Конечно, в 30-х годах остатки Добровольческой армии, рассеянные по всей Европе, лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны.

Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо призовут под свои знамена полки бывшей Добровольческой армии. Тем более, что ее структура сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной армии. Кроме того, военная эмиграция пыталась устраивать террористические акции на территории Советского Союза.

Вот почему основные усилия европейских резидентур советской разведки были сосредоточены на борьбе с эмигрантскими боевыми организациями.

В начале 30-х годов резидентуры советской разведки в Европе обратили внимание на новую силу в среде русской эмиграции — на молодежь, повзрослевшую уже за пределами Советской России. Дети эмигрантов испытывали сильное недовольство бездействием отцов, которые проиграли Гражданскую войну большевикам, позволили выставить себя из России и ничего не предпринимали для того, чтобы вернуть себе страну. Возник политический конфликт поколений.

Эмигрантская молодежь готова была взяться за оружие. Это и насторожило советскую разведку, которая занялась созданием агентуры среди активистов новой организации.

Еще в 1928 году Национальный союз русской молодежи в Болгарии и Союз русской национальной молодежи в Югославии предложили молодому поколению эмигрантов объединиться. В 1929 году был создан Национальный союз русской молодежи за рубежом. От-

деления союза появились в городах, где сконцентрировалась эмиграция.

На конференции этих групп, которая проходила с 1-го по 5 июля 1930 года в Белграде, молодые эмигранты из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Нидерландов образовали Национальный союз русской молодежи. Был принят устав, исполком возглавил бывший офицер Виктор Михайлович Байдалаков.

В мае 1931 года Петр Бернгардович Струве, редактор газеты «Россия и славянство», согласился предоставлять на ее страницах трибуну лидерам новой организации. Струве до революции боролся с партией Ленина, после революции — с советской властью. В 1941 году немцы, оккупировав Югославию, его арестовали, потом выпустили, памятуя о его антикоммунистических заслугах. Но Струве, как любой европейский либерал, ненавидел национальный социализм куда больше, чем коммунизм. В годы войны он был на стороне России против нацистской Германии.

На конференции в декабре 1931 года эмигрантская молодежь приняла новое название — Национальный союз нового поколения. А в 1936-м он стал называться Национально-трудовым союзом нового поколения — НТС. Под этим названием эта эмигрантская организация, просуществовавшая до наших дней, и вошла в историю.

В 1932 году новопоколенцы, или солидаристы, как их называли тогда в эмиграции, основали газету «За Россию».

В союз вступали молодые люди, которые изъявляли готовность сражаться с коммунистическим режимом. НТС начал активно издавать пропагандистскую литературу, которую пытался переправлять в СССР.

Но чтобы попасть в СССР, членам союза были нужны деньги, паспорта и помощь для перехода границы. Такую помощь им предложила польская разведка. Спор о том, вправе ли были русские патриоты сотрудничать с иностранной разведкой и на каких условиях, продолжается и по сей день. Официально НТС утверждает, что шпионажем члены союза не занимались.

Я расспрашивал об этом бывшего члена руководства НТС Бориса Георгиевича Миллера, сына эмигрантов.

— Члены НТС проникали в СССР, — говорил мне Миллер, — но не ради террора, а для того, чтобы понять, что происходит в стране, и создать опорные точки для подпольной работы.

— Кто обеспечивал их заброску в Советский Союз?

— Эту возможность открыл начальник русского отдела польского генерального штаба Рышард Врага.

— Что польская разведка требовала взамен?

— Польские военные, естественно, были заинтересованы в любой работе против коммунистического правительства в Москве. Разведывательной или военной информации мы им не давали, только политическую.

— Советский Союз всегда гордился своей пограничной службой. Неужели ваши люди находили лазейки?

— Несколько групп погибло на границе. Других взяли уже внутри страны. Но кому-то удавалось переиграть НКВД, побывать в России и благополучно вернуться...

Историки пишут, что нет надежной информации относительно предвоенной подпольной деятельности НТС против Советского Союза. Какие-то люди действительно засылались, но не следила ли за ними советская контрразведка с той самой минуты, как они пересекли границу?

Европейские резидентуры советской разведки пристально наблюдали за действиями активистов НТС, изучали программу союза, пересылали в Москву важнейшие выступления лидеров солидаристов.

НТС не участвовал в постоянных в то время дебатах эмиграции относительно формы переустройства России — республика или монархия, считая такие споры преждевременными. Сначала нужно свергнуть коммунистов. Молодая эмиграция отвергала любые формы федерализма и право наций на отделение от России. Им не нравилось и существование различных политических партий, демократия. НТС объявил поиски третьего пути. Третий путь привел НТС к национальному социализму.

РУССКИЕ ФАШИСТЫ

Историк Роберт Джонсон в книге «Новая Мекка, Новый Вавилон. Париж и русская эмиграция. 1920—1945» пишет:

«Движение солидаристов основал в Белграде в начале 30-х годов атлетически сложенный казачий офицер из армии Врангеля Байдалаков. Он с энтузиазмом реагировал на приход к власти в Германии нацистов. Его не беспокоили антиславянские устремления Гитлера, и он разделял антисемитизм нацистов.

Солидаристы приняли решение в случае войны нанести удар по Советскому Союзу изнутри... Очевидное восхищение Адольфом Гитлером свидетельствовало о профашистской ориентации солидаристов».

В отличие от обосновавшихся в Харбине русских эмигрантов, прямо называвших себя фашистами, члены НТС не были стопроцентными нацистами. Но они видели, что демократии отступают под натиском коммунизма и движений фашистского толка, победивших в Италии, Германии, Испании, Португалии, Латвии.

Михаил Георгиевский, генеральный секретарь исполнительного бюро НТС, писал: «В национал-социализме, выдвинувшем идею служения национальным интересам, спасение поверженного аварией корабля. И в фашизме, приблизившемся к идее трудового солидаризма, мы видим убедительные доказательства возможности и успешности этой борьбы».

«На НТС некоторые черты фашизма бесспорно произвели сильное впечатление, в особенности борьба фашизма против коммунизма и марксистской идеологии, — пишет историк Кэтрин Андреева. — Опыт 30-х годов утвердил членов НТС во мнении, что демократия слаба и не в состоянии защитить экономические и политические потребности людей.

Еще менее демократия была любезна с эмигрантскими общинами. Как иностранцы, они первыми страдали от политических или экономических проблем, их увольняли, чтобы дать работу своим гражданам.

Фашизм в первые годы своего существования казался мощным средством восстановления чувства национальной гордости и успешного решения многих проблем европейских государств».

Хорошо исследовано увлечение европейской молодежи 20—30-х годов марксизмом. Гораздо меньше известно о том, что в те же годы другая часть молодежи в не меньшей степени увлекалась и национальным социализмом. Слово «фашизм» для многих ушей звучало тогда сладкой музыкой.

В 1939 году в одном из номеров газеты «За Родину», официальном органе НТС, который тогда еще назывался Национально-трудовым союзом нового поколения, было опубликовано приветствие от Российского фашистского союза, действовавшего среди русских эмигрантов в Маньчжурии:

«Соратники!

Четвертый Съезд Российских Фашистов, собравшийся в Харбине со всех пунктов Манчжурской Империи, Ниппон и Китая, с границ родной земли, представляющий в совокупности организации РФС во всех странах, поручил мне приветствовать газету «За Родину», как выдающийся и яркий орган Нового Российского Национализма.

На нашем Съезде, на котором среди Российских фашистов присутствовал и представитель Национально-Трудового Союза Нового Поколения — особо уполномоченный НТСНП при РФС К.М. Алексеев, было еще раз закреплено единство идеологии, программы и тактики наших организаций, и Съезд единогласно вынес постановление о дальнейшем углублении этого единства.

Съезд выразил уверенность, что на путях Национальной Революции Российский Фашистский Союз и Национально-Трудовой Союз Нового Поколения образуют единую Русскую силу, — вместе со всеми организациями Российского Национального Фронта.

Председатель Съезда, Глава Российского Фашистского Союза

К.В. Родзаевский.
Секретарь К.В. Арсеньев».

Редакция энтээсовской газеты поблагодарила «за приветствие, дающее нам основание видеть в Российском Фашистском Союзе соратника и союзника».

Отдельно было опубликовано приветствие Российского фашистского союза руководителю НТС Виктору Байдалакову:

«Глубокоуважаемый Виктор Михайлович!

IV Съезд Российских Фашистов настоящим имеет честь приветствовать в Вашем лице Российский Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, как молодую Русскую силу Национальной Революции и грядущего Национального Созидания.

Съезд отметил единство мировоззрения НТСНП и РФС, единообразную формулировку нашей идеологии (Бог, Нация, Труд — у Российского Фашистского Союза и идеализм, национализм и солидаризм — у НТСНП), сходство наших программ (Единая Трудовая Организация Нации, называемая нами Российским Корпоративным Строем) и поручил избранному им центральному руководству продолжить работу по сближению — на путях Национальной Революции в будущей России.

Не откажите передать Российский фашистский привет всем новопоколенцам.

Слава России!

Председатель Съезда, Глава Российского Фашистского Союза

К.В. Родзаевский.
Секретарь *К.В. Арсеньев*».

Фашистская тема была одной из самых заметных в энтээсовских дискуссиях 30-х годов. В газете НТС «За Родину» в большой статье «Фашизм и освобождение России» говорится:

«Слово «фашизм» пользуется у нас большой популярностью. Хотя фашизм в своей социальной и политической сущности еще не определен, но только определяется, многие возлагают на него надежды в деле спасения России.

Сила идей несомненна. Они часто являются первопричиной действий. И многим фашистские идеи кажутся именно теми идеями, которым суждено уничтожить коммунизм».

В февральском номере 1933 года на первой полосе печатается заметка о приходе к власти «Адольфа Хитлера, вождя германских национал-социалистов, вождя национальной революции, проповедника социальных реформ» и торжествующая приписка о том, что «германским коммунистам не сдобровать».

В № 62 появляется большая статья под заголовком: «Новая Германия. Современный солидаризм»:

«Наше время — время творческих поисков на пути социальной реформы... Либерально-капиталистическая система изжила себя, социалистическое изуверство грозит самому дорогому — нации. Нужны иные решения. На наших глазах вдруг вырастают люди, взявшие на себя смелость и тяжесть найти решение.

Хитлер перестраивает Германию. Он пришел к этому со своей программой. Что дало ему в руки власть? Пламенный призыв бороться против очевидного разложения и упадка внутри, за сохране-

ние национального достоинства извне. Чем бороться? Уничтожением и обезоружением врагов нации: марксистского социализма, либерализма и хищнического капитализма. Но он сам сказал, что «бороться с идеей можно лишь во имя другой идеи, более справедливой и провозглашаемой с неменьшей фанатичностью». Его идеей стал национал-социализм.

Немецкая нация имеет свою миссию, свой дух, свою судьбу. Надо объединить немецкую нацию, надо сохранить ее чистоту. Отсюда расизм, законодательство, преследующее браки с неарийцами».

Советская разведка фиксировала попытки эмиграции наладить сотрудничество с Германией.

Эмигрантский писатель Иван Лукаш, чьи книги о Белом движении теперь переизданы в России, предлагал командировать к Гитлеру кого-либо из относительно молодых генералов Белой армии, чтобы уговорить фюрера создать международный добровольческий корпус для борьбы с коммунизмом.

К этой идее Гитлер пришел и без подсказки Ивана Лукаша. Таким корпусом станут добровольческие войска СС, сформировавшиеся из представителей разных народов Европы. В воинские части СС будут брать прибалтов, украинцев, казаков, крымских татар и калмыков. Русских не примут...

В предвоенные годы в газете НТС появляется рубрика «Новая жизнь». Чаще всего пишут о Муссолини. Вот отрывок из статьи «Достижения итальянского фашизма» (№ 55):

«Что сделал итальянский фашизм для трудящихся?»

Характерным для всех его реформ является обуздание хищнических инстинктов собственника и сохранение нормальных и человеческих форм собственности...

Фашистский Национальный Институт Предупредительных Социальных Мер делает обязательным страхование против безработицы, болезней, старости...

При его посредстве выдается 415 000 пенсий... В его санаториях имеются 15 000 кроватей для одних только туберкулезных... Всего этим институтом построено по всей стране 42 санатория. Посмотрели бы вы оборудование этих гигантов, и часто целых городков, разбросанных по всей стране, часто в лучших курортных местностях!

Фашистский Национальный Институт Защиты Материнства страхует помощь при родах, болезнях детей, распределяет нуждающимся молоко... Через его аппарат прошли свыше 700 000 детей.

Заработная плата итальянского рабочего сравнительно ниже некоторых других стран. Но она является лишь номинальной величиной. Реальная ее величина определяется лишь в дополнении со всеми возможностями, даваемыми ему перечисленными институтами... Миллионы здоровых и достаточно сытых людей живут здоровой человеческой жизнью...»

Учеба на таких выдающихся образцах, как Муссолини и Гитлер, быстро дала плоды.

Михаил Георгиевский, генеральный секретарь исполнительного бюро, вторая фигура в НТС, излагая на страницах партийной газеты программу союза, писал о «величественном построении национал-социалистов»:

«Нарождается новый порядок и требует новых форм для себя. В каждой стране этот эксперимент ставится по-разному. Муссолини увенчивает свой корпоративный строй корпоративным парламентом. Гитлер, мобилизующий нацию для завоеваний, пробует сделать долговечной партию, слить ее с Нацией...

В просторечии все эти новые течения принято объединять под общим названием «фашизм». Либеральствующие, неустойчивые и умственно робкие, не заметившие того существенного, что несет с собой этот современный солидаризм, часто третируют «фашизм» и «тоталитарное государство», говорят о «диктатуре партии» и преследовании инакомыслящих, также о терроре и концлагерях.

Забывают прежде всего о том, что миллионные жертвы большевицкого террора, надругательства, истязания, беспросветный ужас советских концлагерей не может идти ни в какое сравнение с мерами исключительного порядка, направленными обычно против тех, кто сам готовил гнойную яму и стенку всякому инакомыслящему.

Тот, кто одинаково не приемлет как анархического либерализма, породившего хищнический капитализм и разложившего нацию, так и социализма, зачеркнувшего человеческую личность, тот принадлежит к лагерю фашизма. Ибо другого ничего нет...»

Энтээсовцы отвергли и марксизм, и представительную демократию, и капитализм. Они выбрали фашизм.

Они не отвергли фашизм даже после того, как им пришлось почти сразу после прихода нацистов к власти закрыть отделение НТС в Германии. Они все надеялись, что Гитлер признает в них «своих».

Митрополит Анастасий, первоиерарх Русской православной церкви за границей, направил приветственный адрес Гитлеру. Анастасий называл Гитлера «Богом посланным... будущим спасителем от большевизма, за которого молится вся Россия... Моления о Вас будут возноситься во всех православных церквях. Ибо не один только германский народ поминает Вас горячей любовью и преданностью перед Престолом Всевышнего: лучшие люди всех народов, желающие мира и справедливости, видят в Вас вождя в мировой борьбе за мир и правду».

Многие молодые эмигранты сделали выбор в пользу Гитлера еще до нападения Германии на Россию. Когда началась война, они не изменили своих взглядов.

Вся эта информация поступала наркомуну внутренних дел Ягоде вот в таком виде:

«Совершенно секретно

НКВД СССР

Главное управление государственной безопасности

Иностраннный отдел

Спецсообщение 1. т. Ягоде 2. т. Агранову 3. т. Прокофьеву 4. т. Гаю 5. т. Молчанову 6. т. Миронову 7. т. Паукеру 8. т. Фриновскому 9. Начальникам оперативных отделов Иностранным отделом ГУГБ получены сведения, что председатель Российского общевойскового союза генерал Миллер в беседе сообщил своему заместителю адмиралу Кедрову, что при свидании с немецким журналистом он указывал последнему, что Германия может справиться с ненавистным ей коммунизмом коротким ударом по большевистской головке.

Если Германия изберет этот путь борьбы, вся эмиграция будет на ее стороне, больше того — пусть Германия дает средства, эмиграция даст необходимый людской материал...

В данный момент РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть.

Зам. нач. ИНО ГУГБ НКВД».

Советская госбезопасность долгие годы — и в войну, и после войны — будет заниматься НТС...

УВОЛЬНЕНИЕ И АРЕСТ

25 сентября 1936 года Сталин, находившийся на отдыхе, прислал из Сочи телеграмму членам политбюро, которую вместе с ним подписал кандидат в члены политбюро и член оргбюро ЦК Андрей Александрович Жданов: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей наркомвнудела».

Почему Сталин приказал убрать Ягоду? По той же причине, по которой он постоянно менял все руководство: он нанимал людей для выполнения определенной задачи, потом ставил новую задачу и подбирал новых людей. Фавориты у него менялись быстро. В тот момент ему очень нравился на диво исполнительный и работающий Николай Иванович Ежов.

Ягода слишком долго сидел в органах госбезопасности, потерял хватку, успокоился, не видит, сколько вокруг врагов. Новый человек на этом посту сделает больше. Так и получилось. Ежов развернулся...

В 1934—1935 годах, при Ягоде, арестовали 260 тысяч человек. А в 1936—1937 годах, при Ежове, — уже 1,5 миллиона человек и половину из них расстреляли.

Началась подлинная вакханалия преступлений.

Поначалу многое зависело от личности местного партийного руководителя и начальника управления НКВД: кто усердствовал, а кто действовал осторожнее. Когда Ягоду сменил Ежов, началась плановая работа по уничтожению людей.

Генрих Григорьевич Ягода был последним человеком на этой должности, с кем еще можно было договориться, что-то объяснить и спасти невинного человека. Ягода мало когда признавал ошибки своего ведомства — это была большая редкость, но при Ежове подобное просто станет невозможным.

Ежов приказал закрыть Политический Красный Крест (он именовался также в разное время Комитетом помощи политическим ссыльным и заключенным, или, сокращенно, Помполитом, и Ассоциацией помощи политическим заключенным), который существовал с 1918 года.

При Ягоде Политический Красный Крест еще существовал. Руководила комитетом Екатерина Павловна Пешкова (1876—1965), жена Максима Горького, бывшая до революции членом партии эсеров.

В ее приемной на Кузнецком, 24, всегда была огромная очередь. Родственники арестованных бежали к ней за помощью, потому что больше обращаться было не к кому. Поговорив с Дзержинским, ей удавалось кого-то спасти. Беседуя с Пешковой, председатель ВЧК даже иногда соглашался: да, кажется, мы много лишнего делаем.

После смерти Дзержинского возможности Политического Красного Креста сократились: люди боялись жертвовать деньги на заключенных из числа так называемых «врагов народа». Пешкова и ее помощники могли только узнать, где находится арестованный, и посоветовать, что делать родным.

Но Ягода все-таки дружил с Горьким, и ему трудно было отказать Екатерине Павловне Пешковой во встрече. А встретившись с Ягодой, Пешковой удавалось иной раз смягчить приговор. Ягода в каких-то случаях признавал ее правоту и говорил: «Пожалуй, мы перехватили».

По мнению доктора исторических наук Олега Хлевнюка, судьба Ягоды была решена, когда 22 августа 1936 года покончил с собой бывший член политбюро и глава профсоюзов Михаил Павлович Томский. Он оставил предсмертное письмо Сталину с неожиданным постскриптумом: «Если хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 года, спроси мою жену лично, только тогда она их назовет».

Сталин отдыхал на юге. Оставшийся на хозяйстве секретарь ЦК Лазарь Моисеевич Каганович и член политбюро Серго Орджоникидзе отправили к вдове Томского любезного и обходительного Николая Ивановича Ежова как председателя Комиссии партийного контроля.

Вернувшись, Ежов доложил, что Томский имел в виду Ягоду, который «играл очень активную роль в руководящей тройке «правых», регулярно поставлял им материалы о положении в ЦК и всячески активизировал их выступления».

Это совершенно мистическая версия, каких много в истории Лубянки. Ягода никак не мог быть близок Бухарину и Рыкову. Но Ежов, который рвался к большому делу, написал докладную Сталину: «В НКВД вскрылось так много недостатков, которые, по-моему, терпеть дальше никак нельзя... В среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства. Вместо того чтобы сделать выводы из троцкистского дела и покритиковать свои собственные недостатки, исправить их, люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело».

Ежов доложил, что выполнил поручение Сталина и организовал пересмотр списков всех арестованных по последним делам на предмет вынесения новых приговоров: «Стрелять придется довольно внушительное количество. Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью».

26 сентября 1936 года Ягоду назначили наркомом связи вместо Рыкова (в следующем году судить их будут вместе). Через три дня к Ягоде первым заместителем перевели его заместителя из НКВД Георгия Евгеньевича Прокофьева. Его тоже расстреляют. Агранова пока оставили в НКВД, чтобы он передавал дела Ежову.

Смысл перевода Ягоды в другой наркомат был ясен только посвященным. Многие наивно думали, что его, как умелого администратора, отправили наводить порядок в другом ведомстве: тогда часто перебрасывали руководителей с одного места на другое.

Сам Ягода уже, видимо, понимал, что его ждет. Он знал излюбленный метод Сталина. Сначала человека вырывали из привычной среды, переводили на другую, менее заметную должность, потом его имя возникало в делах госбезопасности, НКВД отправлял собранные материалы Сталину, и политбюро принимало решение снять обвиняемого с должности, исключить из партии и передать дело в прокуратуру. Он много раз участвовал в этих играх. Теперь настала его очередь оказаться фишкой в руках других.

29 января 1937 года ЦИК отправил в запас генерального комиссара государственной безопасности Ягоду. Он больше не был защищен своим маршалским званием.

18 марта новый нарком Ежов, выступая перед руководящими сотрудниками НКВД, сказал, что Ягода был агентом царской охранки, вором и растратчиком.

3 апреля «Правда» сообщила, что «ввиду обнаруженных преступлений уголовного характера» нарком связи Ягода отстранен от должности, его дело передано в следственные органы. На следующий день, 4 апреля, его арестовали.

Ордер на арест Ягоды подписал его сменщик Ежов.

В протоколе обыска говорилось:

«1937 года, апреля 8 дня

Мы, нижеподписавшиеся, комбриг Ульмер, капитан госуд. безопасности Деноткин, капитан госуд. безопасности Бриль, ст. лейтенант госуд. безопасности Березовский и ст. лейтенант госуд. безопасности Петров, на основании ордеров НКВД СССР за №№ 2, 3 и 4 от 28-го и 29 марта 1937 года в течение времени с 28-го марта по 5 апреля 1937 года производили обыск у Г.Г. Ягоды в его квартире, кладовых по Милютинскому переулку, дом 9, в Кремле, на его даче в Озерках, в кладовой и кабинете Наркомсвязи СССР.

В результате произведенных обысков обнаружено:

1. Денег советских 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.;
2. Вин разных, большинство из них заграничные и изготовления 1897, 1900 и 1902 гг. — 1229 бут.;
3. Коллекция порнографических снимков — 3904 шт.;
4. Порнографических фильмов — 11 шт.;
5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких — 11 075 шт.;
6. Табак заграничный — 9 короб.;
7. Пальто мужск. разных, большинство из них заграничных — 21 шт.;
- ...
61. Пластинок заграничных — 399;
62. Четыре коробки заграничных пластинок ненаигранных;
- ...
92. Револьверов разных — 19;
93. Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок — 12;
94. Винтовок боевых — 2;
95. Кинжалов старинных — 10;
96. Шашек — 3;
97. Часов золотых — 5;
98. Часов разных — 9;
99. Автомобиль — 1;
100. Мотоцикл с коляской — 1;
101. Велосипедов — 3;
102. Коллекция трубок курительных и мундштуков (слоновой кости, янтарь и др.), большая часть из них порнографических — 165;
103. Коллекция музейных монет;
104. Монет иностранных желтого и белого металла — 26;
105. Резиновый искусственный половой член — 1;
- ...
116. Посуда антикварная разная — 1008 пред.;
- ...
129. Контрреволюционная, троцкистская, фашистская литература — 542;
130. Чемоданов заграничных и сундуков — 24».

Камеру Ягода делил с популярным в 30-х годах драматургом Владимиром Михайловичем Киршоном, которого потом тоже расстреляют. У него было несколько пьес. Они шли по всей стране, самая известная из них — комедия «Чудесный сплав».

С Киршоном дружил мой дедушка Владимир Михайлович Млечин, писал о его пьесах. После XX съезда Киршона реабилитировали, издали сборник его пьес. Мой дедушка часто вспоминал о Киршоне, но конечно же не подозревал о том, как прошли последние недели его жизни.

От несчастного Киршона потребовали доносить, о чем говорит в камере бывший наркомвнудел. Наверное, Киршон надеялся на снисхождение. Впрочем, ломали всех, за очень немногим исключением. С Ягодой они были знакомы — нарком любил общаться с творческими людьми.

Репорты Киршона сохранились:

«Майору государственной безопасности тов. Журбенко

Ягода заявил мне: «Я знаю, что вас ко мне подсадили. Не сомневаюсь, что все, что я вам скажу или сказал бы, будет передано. А то, что вы мне будете говорить, будет вам подсказано. А кроме того, наш разговор записывают в тетрадку у дверей те, кто вас подослал».

Поэтому он говорил со мной мало, преимущественно о личном. Я ругал его и говорил, что ведь он сам просил, чтоб меня подсадили. «Я знаю, — говорит он, — что вы отказываетесь. Я хотел просто расспросить вас об Иде (жена Ягоды. — Л. М.), Тимоше (так звали невестку Горького — жену Максима Пешкова, в которую, как говорят, был влюблен Ягода. — Л. М.), ребенке, родных и посмотреть на знакомое лицо перед смертью».

«На процессе, — говорит Ягода, — я, наверное, буду рыдать, что еще хуже, чем если б я от всего отказался». Однажды, в полубредовом состоянии он заявил: «Если все равно умирать, так лучше заявить на процессе, что не убивал, нет сил признаться в этом открыто». Потом добавил: «Но это значит объединить вокруг себя контрреволюцию, это невозможно».

Ягода часто говорит о том, как хорошо было бы умереть до процесса. Речь идет не о самоубийстве, а о болезни. Ягода убежден, что он психически болен. Плачет он много раз в день, часто говорит, что задыхается, хочет кричать, вообще раскис и опустился позорно...»

ОТРАВЛЕННЫЕ СТЕНЫ

Недавние подчиненные предъявили бывшему наркому множество обвинений в контрреволюционной троцкистской деятельности, в шпионаже в пользу Германии, в организации убийств Горького, Куйбышева, Менжинского, в покушении на жизнь его преемника Николая Ивановича Ежова.

Ягода, уходя из НКВД, будто бы приказал опрыскать стены наркомовского кабинета сильнейшим ядом, испаряющимся при комнатной температуре.

На допросах Ягоду заставили играть в ту же игру, которую вел он в те времена, когда сидел по другую сторону стола. Вот какие показания он подписывал:

«В 1931 году наша контрреволюционная организация стала на путь террора и организации кулацких восстаний. Разумеется, я, как член этой же организации, полностью разделял эти позиции и должен отвечать за это...

Подтверждаю также данные мною ранее показания о своем участии в убийстве С.М. Кирова. О том, что убийство С.М. Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе (Авель Сафронович Енукидзе — секретарь президиума ЦИК СССР. — Л. М.). Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью мною был вызван из Ленинграда Запорожец, которому я дал указания не чинить препятствий готовившемуся террористическому акту над С.М. Кировым.

После совершения убийства С.М. Кирова с моей стороны была попытка «потушить» расследование по этому делу. Однако в этом мне помешал Н.И. Ежов, который осуществил по поручению ЦК неослабный контроль за ходом расследования по делу об убийстве С.М. Кирова.

Я подтверждаю, что был осведомлен Караханом (Лев Михайлович Карахан — заместитель наркома иностранных дел. — Л. М.) о переговорах, которые он вел по поручению блока с германскими фашистскими кругами. Я также осведомлен и о том, что правотроцкистский блок дал свое согласие и обещание на территориальные уступки Германии после прихода блока к власти...

Должен добавить, что ускорение смерти Горького, т. е. фактически его убийство путем заведомо неправильного лечения, было организовано мною по решению центра блока, переданному мне Енукидзе. Это решение было вызвано тем, что Горький был известен как активный сторонник политики ЦК и близкий друг Сталина...

Никаких жалоб и претензий я не имею.

Протокол мне прочитан, записано верно.

Г. Ягода».

Предположение о том, что Максима Горького действительно убили по указанию Сталина, высказывается и по сей день. Некоторые исследователи в этом просто уверены. Другие полагают, что Ягода убил сына Горького — Максима Пешкова, поскольку был влюблен в его жену Тимошу.

Иван Михайлович Гронский оставил в своем дневнике запись разговора с невесткой Горького Надеждой Алексеевной Пешковой. Разговор состоялся в 1963 году.

«Пешкова, — пишет Гронский, — попросила о беседе с глазу на глаз. Она очень волновалась. Ее интересовал вопрос: был ли Горький отравлен или умер естественной смертью?»

Ответил ей, что с этим вопросом я должен обратиться к ней, так как в эти дни она все время находилась около Горького.

Надежда Алексеевна рассказала, что примерно за два или три дня до смерти с Алексеем Максимовичем сделалось плохо: лежать он не мог, поэтому сидел или, правильнее сказать, полулежал в кресле. Говорить он уже не мог. Дежуривший врач (М.П. Кончаловский) вышел из комнаты, где лежал Горький, и сказал членам семьи:

— Алексей Максимович кончается. Можете пойти попрощаться.

Мы вошли в конату. По одному подходили к писателю. Он смотрел на нас, но сказать что-либо уже не мог. Я, помню, подошла, поцеловала его в лоб, взяла его руку. Он посмотрел на меня и как-то нежно-нежно погладил мне руку.

Медицинская сестра (Олимпиада Дмитриевна) предложила впрыснуть камфору. Я набрала камфору в шприц и передала Олимпиаде Дмитриевне, которая тотчас же и сделала инъекцию. А в это время П.П. Крючков позвонил по телефону в Кремль Сталину и сообщил о том, что Алексей Максимович кончается.

Вскоре к нам приехали Сталин, Молотов и Ворошилов.

К их приезду Горький как бы воскрес. Видимо, сказала камфора. Он стал разговаривать. Более того — потребовал шампанского и вместе с приезжими выпил целый бокал вина.

На другой день он встал, ходил по комнате и играл с нами в карты — в подкидного дурака. Мы все воспрянули духом. Думали, что кризис миновал, что и на этот раз писатель выбрался из болезни и будет жить. Так продолжалось два дня.

За это время Сталин, Молотов и Ворошилов приезжали еще раз. Сталин рассматривал лекарства, находившиеся на столе, копался в них. Через некоторое время после его отъезда Горькому сделалось плохо, он потерял сознание и вскоре умер. У меня создалось впечатление, что его отравили. Об этих своих догадках я никому не говорила.

Как вы думаете, мог Сталин его отравить? — спросила Надежда Алексеевна. — Врачей я не подозреваю. Они Горького любили и пойти на такое преступление не могли.

Я ответил, что в отравление не верю. Стал разубеждать ее в ее подозрениях. Но, откровенно говоря, моя аргументация действовала на нее слабо. У меня создалось впечатление, что в отравление она верит. Да и как не верить, когда все факты последних дней жизни Горького подтверждают эту ее оценку.

После разговора я долго думал о сообщенных мне Надеждой Алексеевной фактах, взвешивал их и в конце концов пришел к выводу: она права. Человек, организовававший убийство Кирова и многих своих друзей, мог, разумеется, убить и Горького. Тем более, что он ему мешал...

Сталин неоднократно говорил мне:

— Не понимаю, почему Горький цепляется за оппозиционеров? Он все время добивается выдвижения их на руководящую работу».

Сталин, разумеется, мог убить Горького, как он убил миллионы других людей. Но фактов, свидетельствующих о том, что Горький был убит, а не умер своей смертью, все же нет. Да на самом деле не было ему нужды торопить смерть писателя, который в последние годы жизни своим пером изрядно помог Сталину.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Процесс над правотроцкистским блоком начался в марте 1938 года. Главным судьей был председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих. Обвинителем — Прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский.

На скамье подсудимых сидели бывший член политбюро, «любимец партии» Николай Иванович Бухарин, бывший глава правительства Алексей Иванович Рыков, бывший наркомвнудел Генрих Григорьевич Ягода, бывший секретарь ЦК, а в последние годы заместитель наркома иностранных дел Николай Николаевич Крестинский, бывший член Реввоенсовета Республики и бывший нарком внешней торговли Аркадий Павлович Розенгольц и другие известные в стране люди, а также несколько крупнейших врачей. Медиков обвиняли в том, что они по заданию правотроцкистского блока умышленно довели до смерти своих знаменитых пациентов: Менжинского, Куйбышева, Горького и его сына Максима Пешкова. «Врачами-убийцами» руководил Ягода.

Вот как об этом со всей силой своего красноречия рассказывал прокурор Вышинский: «Ягода выдвигает свою хитроумную мысль: добиться смерти, как он говорит, от болезни... Подсунуть ослабленному организму какую-либо инфекцию... помогать не больному, а инфекции, и таким образом свести больного в могилу».

Врачи рассказывали, как Ягода затянул их в свои преступные сети.

«Л е в и н. Он сделал мне весьма ценный подарок: предоставил в собственность дачу в подмосковной местности... Давал знать на таможду, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра... Я привозил вещи жене, женам своих сыновей... Он сказал мне: Макс (Максим Пешков — сын Горького. — Л. М.) не только никчемный человек, но и оказывает на отца вредное влияние...» Он дальше сказал: «Вы знаете, руководитель какого учреждения с вами говорит? Я ответствен за жизнь и деятельность Алексея Максимовича, а поэтому, раз нужно устранить его сына, вы не должны останавливаться перед этой жертвой». Он сказал:

«Раз вам оказывается доверие в этом деле, вы это должны ценить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят».

Левин «признавался», что убил Менжинского и Максима Пешкова, и после этого Ягода потребовал совершить новое преступление.

«Ягода сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и должны идти на гораздо более серьезное и важное — убить Горького... И вы пожнете плоды приходе новой власти...»

Это было первое «дело врачей». Второе Сталин затеял на склоне жизни, но не успел довести до конца, потому что умер.

И в обоих случаях люди верили в рассказы о «врачах-убийцах» и охотно доносили на знакомых врачей. Вот пример. По делу «антисоветского правотроцкистского блока» судили и профессора Института функциональной диагностики, консультанта Лечебно-санитарного управления Кремля Плетнева.

Платон Керженцев, председатель Комитета по делам искусств, 8 марта 1938 послал записку Молотову и Вышинскому:

«В связи с привлечением Д. Плетнева к суду я считаю нужным напомнить обстоятельства смерти т. Ф. Дзержинского.

После сердечного припадка его положили в соседней с залой заседания комнате.

Через несколько часов доктора позволили ему самому пойти к себе на квартиру. Когда он пришел и наклонился над квартирой, он упал и умер.

Известно, что после сердечного припадка больному воспрещается абсолютно всякое движение (а особенно воспрещается ходить, наклоняться).

Среди вызванных к т. Дзержинскому докторов был и Плетнев. Разрешив т. Дзержинскому пойти, он этим убил его».

Подсудимые обвинялись в том, что они «составили заговорщическую группу под названием «правотроцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана...»

Подсудимые охотно подтверждали обвинения.

Б у х а р и н. Летом 1934 года Радек (Карл Бернгардович Радек — член ЦК и исполкома Коминтерна. — *Л. М.*) мне сказал, что Троцкий уже обещал немцам целый ряд территориальных уступок, в том числе Украину. Если мне память не изменяет, там же фигурировали территориальные уступки и Японии».

К р е с т и н с к и й. В одном из разговоров Тухачевский назвал мне несколько человек, на которых он опирается: Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана (видные советские военачальники, мы вернемся к их судьбе в следующей главе. — *Л. М.*). Затем... поставил вопрос

о необходимости ускорения переворота... Переворот приурочивался к нападению Германии на Советский Союз...»

«Р о з е н г о л ь ц. Тухачевский указывал срок, полагая, что до 15 мая ему удастся этот переворот осуществить... Один из вариантов — возможность для группы военных собраться у него на квартире, проникнуть в Кремль, захватить кремлевскую телефонную станцию и убить руководителей...»

«К р е с т и н с к и й. Троцкий предложил мне... предложить главе рейхсвера Секту, чтобы он оказывал Троцкому систематическую денежную субсидию... если Сект попросит оказание ему услуг в области шпионской деятельности, то на это нужно и можно пойти. Я поставил вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марк золотом в год. Сект дал согласие...»

Главные показания против Ягоды дал старший майор госбезопасности Павел Петрович Буланов, бывший глава секретариата НКВД и первый помощник бывшего наркома, пользовавшийся полным его доверием. По отзывам коллег, Буланов был подхалимом и занимался распределением среди высшего руководящего состава перехваченной контрабанды и ценностей, конфискованных у арестованных.

На суде Буланов рассказал, что Ягода опасался, что новый нарком Ежов сможет выявить его роль в организации убийства Кирова, и решил убить Ежова.

«Когда Ягода был снят с должности наркома внутренних дел, он предпринял уже прямое отравление кабинета и той части комнат, которые примыкают к кабинету, здания НКВД, там, где должен был работать Николай Иванович Ежов.

Он дал мне лично прямое распоряжение приготовить яд, а именно взять ртуть и растворить ее кислотой. Я ни в химии, ни в медицине ничего не понимаю, может быть, путаюсь в названиях, но помню, что он предупреждал против серной кислоты, против ожогов, запаха и что-то в этом духе...

Это поручение Ягоды я выполнил, раствор сделал. Опрыскивание кабинета, в котором должен был сидеть Ежов, и прилегающих к нему комнат, дорожек, ковров и портьер было произведено Саволайненом (сотрудник НКВД) в присутствии меня и Ягоды.

Я приготавливал большие флаконы этого раствора и передавал их Саволайнену. Распыскивал тот из пульверизатора. Помню, это был большой металлический баллон с большой грушей. Он был в уборной комнате Ягоды, заграничный пульверизатор».

Этот фантастический рассказ произвел сильное впечатление на современников. Михаил Афанасьевич Булгаков в «Мастере и Маргарите» не мог пропустить такого сюжета. В главе «Великий бал у сатаны», где описывается, как Маргарита вынуждена встречать всех самых отвратительных преступников, среди последних гостей появляется новенький, который получил «совет, как избавиться от одно-

го человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом...».

Точка в этой истории с мнимым отравлением ртутью была поставлена только в наши дни. Генеральная прокуратура в 1988 году установила:

«Террористический акт в отношении Н.И. Ежова (ртутное отравление) был фальсифицирован им самим и бывшим начальником контрразведывательного отдела НКВД Николаевым.

Перед разработкой легенды Николаев получил консультацию об условиях возможного отравления ртутью у начальника химакадемии РККА Авиновичко, после чего в обивку мягкой мебели кабинета Ежова втер ртуть и дал на анализ.

Работник НКВД Саволайнен, имевший доступ в кабинет Ежова, в результате систематического избиения «сознался» в подготовке ртутного отравления Ежова. После ареста Саволайнена в подъезд его дома была подброшена банка с ртутью, которую потом обнаружили и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства».

По словам Буланова, Ягода намерен был после государственного переворота возглавить страну.

«Б у л а н о в. Он увлекался Гитлером, говорил, что его книга «Моя борьба» действительно стоящая... Он подчеркивал, что Гитлер из унтер-офицеров выбрался в такие люди... Он говорил, что Бухарин будет у него не хуже Геббельса... Он, председатель Совнаркома, при таком секретаре, типа Геббельса, и при совершенно послушном ему ЦК, будет управлять так, как захочет».

Люди, сидевшие в Колонном зале Дома союзов, да и вся страна, которая читала стенограммы процесса, этому верили.

Павла Петровича Буланова арестовали на пять дней раньше Ягоды — 29 марта 1937-го, а расстреляли их в один день.

Ягода только раз возразил обвинителю: «Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это неверно. Я — не шпион и не был им».

Бывший нарком логично отметил, что если бы он был шпионом на самом деле, то «десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую сеть шпионов, которая сейчас переловлена».

В последнем слове Ягода просил о снисхождении: «Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек. Я смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы...»

Слова обвиняемых не имели никакого значения. Мера наказания была определена Сталиным еще до начала процесса.

13 марта 1938 года суд приговорил Ягоду к высшей мере наказания. Ему разрешили написать просьбу о помиловании:

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ

Вина моя перед родиной велика. Не искупив ее в какой-либо мере, тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь.

Г. Ягода 13.03.1938 г.».

Президиум Верховного Совета СССР тут же прошение отклонил. В ночь на 15 марта его расстреляли.

ЧИСТИЛЬЩИКИ В ГОРОДЕ

Вслед за Ягодой был арестованы, а затем и расстреляны его бывшие заместители Яков Саулович Агранов и Георгий Евгеньевич Прокофьев, начальники ведущих отделов: Иностранного — Артур Христианович Артузов, Спецотдела (шифровальная служба) — Глеб Иванович Бокий, Особого отдела (контрразведка в армии) — Марк Исаевич Гай, транспортного (борьба с диверсиями на транспорте) — Владимир Александрович Кишкин (до ареста заместитель наркома путей сообщения) и Александр Михайлович Шанин, экономического (борьба с диверсиями и вредительством в промышленности) — Лев Григорьевич Миронов, секретно-политического (борьба с враждебными политическими партиями) — Георгий Андреевич Молчанов, Оперативного отдела (охрана политбюро, наружное наблюдение, аресты и обыски) — Карл Викторович Паукер.

Даже Паукер, охранявший генерального секретаря, разонравился Сталину. Карл Викторович попал в органы госбезопасности самым странным образом. Он родился во Львове, который до Первой мировой войны входил в состав Австро-Венгрии. Паукер вообще никогда и ничему не учился, работал в парикмахерской отца, затем на кондитерской фабрике.

После начала Первой мировой войны его мобилизовали в австро-венгерскую армию. В апреле 1915 года фельдфебель 1-го уланского полка Паукер попал в русский плен и оказался в Туркестане. Он приветствовал революцию и в мгновение ока из военнопленного превратился в активного борца за советскую власть. В 1917 году он уже председатель полевого трибунала в Самарканде, а на следующий год становится чекистом.

В 1920-м его взяли в Иностраннный отдел ВЧК, но быстро перевели в Оперативный отдел, созданный для производства обысков, арестов и наружного наблюдения. Со временем Оперативному отделу поручили и охрану руководителей партии и государства. В мае 1923 года Паукер стал начальником оперативного отдела.

Карл Викторович был весельчаком и балагуром, он немало веселил вождя и стал очень близким к Сталину человеком, который сделал его комиссаром госбезопасности второго ранга (это приравнивалось к армейскому званию генерала-полковника), наградил несколькими орденами. Но барская любовь рано или поздно заканчивается. В апреле 1937 года Паукер был арестован. Через месяц его приговорили к высшей мере наказания и сразу расстреляли.

Паукера сменил Николай Сидорович Власик, который был образованнее Паукера — окончил церковно-приходскую школу. До революции он работал на бумажной фабрике, в Первую мировую — унтер-офицер запасного пехотного полка. После революции пошел в милицию, а в 1919-м его взяли в ВЧК. Как и Паукер, он в оперативном отделе госбезопасности, с 1931 года был поставлен охранять вождя и, в конце концов, сменил Паукера.

Агранов, связанный со Сталиным особыми отношениями, был уверен, что его минует чаша сия: в должности понизят, но оставят на свободе. 16 мая 1937 года он был назначен начальником УНКВД по Саратовской области. Но на новом месте ему удалось поработать всего два месяца.

В середине июня в Саратов приехала бригада чистильщиков — секретарь ЦК Андреев и заведующий отделом руководящих партийных кадров Маленков. Они объезжали город за городом, планомерно уничтожая местные партийные кадры.

19 июля Андреев и Маленков доложили Сталину из Саратова, что партийное руководство области они сменили, что снятый с должности бывший первый секретарь обкома должен быть арестован, а чистку необходимо продолжить:

«Ознакомление с материалами следствия приводит к выводу, что в Саратове остается до сих пор неразоблаченной и неизъятой серьезная правотроцкистская шпионская организация.

Агранов, видимо, и не стремился к этому... Сам аппарат Саратовского УНКВД до сих пор остается нерасчищенным от врагов... Агранов ничего в этом отношении не сделал. На основании этого считаем целесообразным Агранова сместить с должности и арестовать».

Пожелание Андреева и Маленкова было исполнено.

Жену Ягоды приговорили сначала к шести годам лагерей, а через несколько месяцев после расстрела мужа и ее расстреляли. Эта же судьба ждала и других родственников опального наркома.

Родители Ягоды пытались спастись от неминуемой расправы, настигавшей родственников врага народа. Его отец написал покаянное письмо Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Наш старший сын, Михаил, в возрасте 16 лет был убит на баррикадах в Сормове в 1905 году, а третий сын, Лев, в возрасте 19 лет

был расстрелян во время империалистической войны царскими па-
лачами за отказ идти в бой за самодержавие.

Их память и наша жизнь омрачена позорным преступлением
Г.Г. Ягоды, которого партия и страна наделили исключительным
доверием и властью. Вместо того, чтобы оправдать это доверие,
он стал врагом народа, за что должен понести заслуженную кару.

Лично я, Григорий Филиппович Ягода, на протяжении многих лет
оказывал партии активное содействие еще до революции 1905 года
(в частности, помогал еще молодому тогда Я.М. Свердлову) и по-
зднее. В 1905 г. на моей квартире в Нижнем Новгороде (на Ковали-
хе, в доме Некрасова) помещалась подпольная большевистская ти-
пография...

Обращаясь к Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, с осуждени-
ем преступлений Г.Г. Ягоды, о которых нам известно лишь из пе-
чати, мы считаем необходимым Вам сказать, что он в личной жизни
в течение десяти лет был очень далек от своих родителей и мы ни
в малейшей мере не можем ему не только сочувствовать, но и не-
сти за него ответственность, тем более что ко всем его делам ника-
кого отношения не имели.

Мы, старики, просим Вас, чтобы нам, находящимся в таких тя-
желых моральных и материальных условиях, оставшихся без всяких
средств к существованию (ибо не получаем пенсию), была бы обес-
печена возможность спокойно дожить нашу, теперь уже недолгую
жизнь в нашей счастливой Советской стране.

Мы просим оградить нас, больных стариков, от разных при-
теснений со стороны домоуправления и Ростокинского райсовета,
которые уже начали занимать нашу квартиру и подготавливают,
очевидно, другие стеснения по отношению к нам...»

Родителей Ягоды, разумеется, тоже арестовали. Они умерли в
заключении.

В 1991 году в журнале «Огонек» было опубликовано письмо че-
ловека, который сидел вместе с отцом бывшего наркома Ягоды:
«Судьба старого Ягоды была трагической... Через неделю его уже
не было в живых... Хотя я просидел в заключении и ссылке 17 лет
по милости Генриха Ягоды, но к его отцу и детям я вражды не
имею. Все мы жертвы сталинского режима и системы...»

Глава 4

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ

*Я имел удовольствие беседовать с человеком, который знал Нико-
лая Ивановича Ежова, сиживал с ним за одним столом. Это извест-
ный писатель Лев Эммануилович Разгон. Он прошел лагерь, выжил.
Был зятем Ивана Михайловича Москвина, который в конце 20-х го-
дов стал вестать в ЦК всеми руководящими партийными кадрами и
сделал Ежова своим помощником.*

ОБЕД ДЛЯ «ВОРОБЫШКА»

Вот что Лев Разгон рассказал мне о Москвине и Ежове:

— Иван Михайлович Москвин работал в Ленинграде и презирал ленинградского вождя Зиновьева, называл его трусом. Москвин был одним из немногих ленинградцев, резко выступивших против Зиновьева. И сразу стал любимчиком Сталина, который перевел его в Москву. Но его роман со Сталиным не состоялся: они были люди разного сорта. Москвин был ригорист, человек дореволюционной партийной скромности.

Дом Москвина славился гостеприимством: его жена Софья Александровна Бокий, женщина удивительной доброты и душевной щедрости, слыла хлебосольной хозяйкой.

Днем Москвин приезжал домой обедать и привозил с собой Ежова, к которому хорошо относился.

— Мне Ежов нравился, — говорил Разгон. — Он был очень маленького роста и вызывал, как все маленькие люди, жалость, даже нежность. Он был очень тихий, всегда одет одинаково в синюю сатиновую косоворотку и довольно мятый костюм. Он был очень молчалив, худ, и поэтому Софья Александровна его опекала и безумно за него беспокоилась. Она называла его «воробышком»: «Воробышек, вам нужно побольше есть!»

Воробышек тихо клевал и помалкивал...

Разгон однажды спросил Москвина:

— А что, Ежов такой хороший работник? Вы его высоко цените.

Москвин подумал и ответил:

— Ежов, вероятно, лучший работник из тех, кого я знаю.

А знал он очень многих.

— Это редкий человек в том смысле, что, отдав ему приказание, можно его не проверять, — сказал Москвин. — Он все сделает. У него только один недостаток, и его все-таки надо проверять.

— А, значит, он что-то может сделать не так?

— Нет, он все сделает как надо. Но он никогда не остановится. Во всяком деле есть известный предел, когда надо остановиться. Ежов никогда не останавливается...

И Москвин, и его жена Софья Александровна были арестованы, вспоминает Лев Разгон:

— Об Иване Михайловиче, еще будучи на воле, мы ходили справляться на Кузнецкий, 24, где располагалась справочная НКВД. Нам отвечали: «Десять лет удаленных лагерей без права переписки». А мы тогда не знали, что это означает расстрел. Думали, что действительно созданы лагеря для ответственных работников, которых нельзя держать в общих лагерях. Мы еще ничего тогда не понимали...

Москвина расстреляли в 1937 году. А что касается судьбы Софьи Александровны, то Разгон был уверен, что она погибла в Мордовии, в Потье, в тех лагерях, где держали жен членов семьи «врагов народа»...

Прошли годы, и на Лубянке Льву Разгону показали дело Софьи Александровны. Он увидел постановление об ее аресте. Это был, собственно, ордер на арест Москвина. На нем обычная резолюция прокурора Вышинского: «Согласен». И резолюция Ежова: «К исполнению. Арестовать». Нарком подписал ордер и потом вдруг написал: «И жену его тоже».

Все следственные дела состоят обычно из двух-трех протоколов допроса. Первый состоит из сплошных восклицательных знаков: «Что вы! Да никогда!» — и негодующих заявлений... Проходит два-три месяца, и появляется еще один протокол, в котором арестованный признается абсолютно во всем, в любой глупости.

В деле Софьи Александровны Разгон нашел два протокола. Первый: она сознается в том, что, будучи женой Москвина, знала о всех его преступлениях. Обычный протокол допроса члена семьи «врага народа».

Потом долгий перерыв. И вдруг на допросе она признает, что пыталась отравить Ежова... Такое задание получила от агента английской разведки...

В отличие от многих, кого расстреляли без суда, ее судила Военная коллегия. Сохранился коротенький протокол: она признается во всех грехах и просит ее пощадить. Ее приговорили к высшей мере по закону от 1 декабря 1934 года. Приговор приведен в исполнение.

После XX съезда она была реабилитирована. Следовательно, который ее допрашивал, дал показания. Он пишет, что она была арестована как ЧСИР — член семьи изменника Родины. Но следователей вызвал Ежов и приказал: «Получите от нее показания о том, что она хотела меня отравить».

И Софья Александровна умерла не в мордовских лагерях как член семьи (а она бы там наверняка умерла, будучи нездоровым человеком), а была вытащена на эту Военную коллегия и сразу расстреляна.

— Почему Ежов решил расстрелять женщину, которая была к нему так добра? — задавался вопросом Лев Разгон. — Это тоже одна из тайн его странной и страшной души...

ДОЛГАЯ ДОРОГА В КРЕМЛЬ

Петербургские авторы Борис Борисович Брюханов и Евгений Николаевич Шошков написали очень подробную биографию Ежова, хотя все равно в истории его жизни остаются темные пятна.

Не удалось толком выяснить, кто были его родители. Да это и не так важно. Известно, что учился будущий нарком совсем мало — один класс начального училища (потом еще курсы марксизма-ленинизма при ЦК партии) и остался необразованным, малограмотным человеком, зато обладал каллиграфическим почерком.

Он начинал учеником в слесарно-механической мастерской, учился портняжному делу, трудился на кроватной фабрике.

Ежов писал в автобиографии, что работал в Петрограде на Путиловском заводе, — в те годы это звучало почетно, но подтверждений сему факту нет. Он несколько лет прослужил в армии — в запасном полку, потом в артиллерийских мастерских.

В годы его взлета писали, что он занимался активной революционной работой, чего, судя по всему, тоже не было. Но все-таки 5 мая 1917 года, до Октябрьской революции — что потом особенно ценилось, — он вступил в партию большевиков.

В первом издании «Краткого курса истории ВКП(б)» говорилось так: «На Западном фронте, в Белоруссии, подготовлял к восстанию солдатскую массу т. Ежов». Поскольку Ежова расстреляли, эта фраза из последующих изданий «Краткого курса» исчезла.

В Гражданскую войну служил комиссаром базы, где обучали военных радистов и электромехаников. Причем Ежов был назначен приказом начальника политуправления Реввоенсовета Республики — попал в номенклатуру.

База находилась в Казани, и Ежов стал одновременно работать заместителем заведующего агитационно-пропагандистским отделом Татарского обкома партии, а потом заместителем ответственного секретаря Татарского обкома.

В те же годы он женился на образованной женщине — Антонине Алексеевне Титовой, которая не только окончила гимназию, но и поступила в Казанский университет. Она отправилась в Москву и нашла себе неплохую работу заведующей культотделом профсоюза химиков.

Вслед за ней в столицу приехал и Николай Иванович. И в ЦК обратили внимание на молодого партийца: через полгода, в феврале 1922-го, оргбюро ЦК отправило его секретарем обкома в Марийскую автономную область. На решении подпись секретаря ЦК Вячеслава Михайловича Молотова.

Историки тщетно пытаются понять, кто ворожил Ежову, кто включил его в партийную элиту, кто давал ему высокие партийные должности. Связи и знакомства, конечно, большое дело в карьере. Но в те времена ощущался очевидный голод на партийные кадры, не хватало элементарно грамотных людей для исполнения секретарских функций, каждый толковый человек был нужен. А Николай Иванович Ежов был толковым работником.

По мнению профессора Некрасова, Ежова отличали природная сметка и рабоче-крестьянский практический ум, чутье, умение ориентироваться. А позднее бесконечная преданность Сталину — не показная! Искренняя!

В марте 1922 года Ежов с женой поехали в Краснококшайск, который сейчас называется Йошкар-Ола. Жена Ежова возглавила бюро по истории партии при обкоме. Она, видимо, и написала за мужа несколько статей в областном журнале. Но работа в Краснококшай-

ске у Ежова не сложилась. Он вел себя грубо, высокомерно, поссорился с местными работниками, и уже осенью ЦК его отозвал.

Неприятная история сошла Ежову с рук. Следующего назначения ему, правда, пришлось довольно долго ждать, но в марте 1923 года его рекомендовали секретарем Семипалатинского губернского комитета партии. Там у Ежова тоже не заладилось. Он переехал в Оренбург с понижением — на должность заведующего отделом обкома, а потом все же стал секретарем крайкома в Кзыл-Орде (этот город был тогда столицей Казахской АССР). Видимо, была в Ежове организаторская жилка.

Летом 1927 года его вызвали в Москву: заведующий организационно-распределительным отделом ЦК Иван Михайлович Москвин предложил ему должность инструктора. Этот низший в цеховской иерархии пост стал для Ежова трамплином. На Старой площади Ежов понравился. Москвин вскоре сделал его своим помощником, а затем заместителем. Он приобрел славу человека, умеющего работать с людьми.

Тут уж Ежова стали сватать на разные должности — то секретарем Татарского обкома, то заместителем наркома земледелия по кадрам, куда его и направили в декабре 1929 года, накануне кампании коллективизации и раскулачивания.

Тогда же Ежов по-новому устроил свою жизнь. С Антониной Алексеевной Титовой разошелся — это и спасло ей жизнь, ее никто не тронул — и женился на женщине, с которой познакомился на Кавказе. Для Евгении Халютиной-Гладун, общительной и веселой женщины, это был третий брак.

В ноябре 1930 года Ежов был назначен заведующим распределительным отделом ЦК, то есть стал ведать всеми партийными кадрами страны. Заведующий этим важнейшим отделом подчинялся непосредственно Сталину. Москвина к тому времени из партийного аппарата убрали. Ежовский отдел вскоре переименовали в отдел руководящих партийных кадров.

При этом Ежов, судя по воспоминаниям, вел себя скромно, казался доступным и приятным человеком, держался весьма демократично, любил выпить и погулять, хорошо пел и сочинял стихи. Бухарин считал его человеком «доброй души». Потом Ежова будут называть «кровавым карликом».

Писатель Юрий Домбровский, который был в ссылке в Казахстане, писал, что среди его знакомых «не было ни одного, который сказал бы о Ежове плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек».

ГЛАВНЫЙ ИНКВИЗИТОР

В 1933 году Николая Ивановича назначили председателем Центральной комиссии по чистке партии. На XVII съезде избрали заместителем председателя Комиссии партийного контроля, а вскоре

он сменил Кагановича на посту председателя Комиссии партийного контроля.

24 ноября 1934 года Лиля Брик, в которую был влюблен Маяковский, отправила письмо Сталину. Она писала, что о Маяковском пытаюсь забыть, а это несправедливо.

Сталин написал на письме резолюцию, адресованную Ежову: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти — преступление... Привлеките к делу Таля и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов».

Ежов тут же позвонил Лиле Брик в Ленинград: не может ли она приехать в Москву?

— Четвертого буду в Москве.

— Нельзя ли раньше?

Лиля взяла билет и приехала днем раньше. Ежов принял ее незамедлительно:

— Почему вы раньше не писали в ЦК? Я Маяковского люблю, но как гнусно его издают, на какой бумаге.

— На это-то я и жалуюсь, — сказала Лиля Брик.

Сталин попросил заняться этим делом именно Ежова, потому что точно знал: Николай Иванович сделает все мыслимое и неммыслимое. И Ежов не подвел: принятых им решений о почитании Маяковского хватило до самой перестройки.

В перестроечные годы был опубликован интереснейший дневник бывшего партийного работника профессора Александра Григорьевича Соловьева, который в середине 30-х работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Институтом руководил академик Евгений Варга, уважаемый даже партийным руководством.

В марте 1935 года Соловьев спросил у заведующего отделом науки ЦК Карла Яновича Баумана, «что за причина такого быстрого выдвижения Ежова, ведь до недавнего времени совсем не было известно его имя. Бауман улыбнулся, говорит: он показывает себя очень твердым человеком с огромным нюхом. За него горой Каганович. Очень доверяет и т. Сталин».

Ежов, став главным партийным инквизитором, взялся и за институт Варги. Ему повсюду виделись враги.

На совещании у секретаря ЦК Жданова Ежов насмешливо спросил у академика Варги, «почему в таком квалифицированном аппарате свободно гнездились и, наверное, гнездятся враги народа. Он сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей... Ежов добавил, что т. Сталин учит: бдительность требует обязательного выявления антипартийных и враждебных элементов и очищает от них».

Руководителей института вызвали в НКВД, сказали, что чекисты считают институт засоренным чужими людьми. Академик Варга запротестовал. Тогда его повели к Ежову, сказав ему, что Варга считает НКВД помехой в работе.

«Ежов рассердился, сказав, что мы забываем призывы великого вождя и учителя гениального Сталина к высокой бдительности... Среди сотрудников — эмигрантов и бывших за границей, — наверное, имеются завербованные американской, английской, французской и другими контрразведками и агенты фашистского гестапо. Ежов приказал немедленно представить на каждого всестороннюю характеристику и особый список близко соприкасавшихся с Зиновьевым, Каменевым, Сафаровым, Радеком, Бухариным...»

Руководство академического института пыталось отстоять свое право заниматься своим непосредственным делом. Академик Варга не понимал, что наступают новые времена, что предстоит тотальная чистка и именно поэтому на первые роли выдвинут Николай Иванович Ежов.

«Нас вызывал Ежов, — вновь записывает в дневник профессор Соловьев. — Щуплый, несколько суетливый и неуравновешенный, он старался держаться начальственно. Он сказал, что мы должны помогать ему в раскрытии контрреволюционного подполья. Варга возразил, что мы научная организация, а не охранный орган. Ежов нервно напомнил, что наш институт наполнен темными личностями, связанными с заграницей, значит, тесно связан с органами охраны, вылавливающими шпики и заговорщики».

Варга возмутился, сказал, что институт никогда не будет разведывательным филиалом, просил не мешать заниматься научной работой. Ежов рассердился и потребовал представить секретные характеристики на каждого сотрудника с подробным указанием его деятельности и связей с заграницей...»

Уверенный в себе Варга, не желая покоряться, пошел в ЦК жаловаться на Ежова. Он был уверен, что его поддержат и велят Ежову оставить его в покое.

«Бауман сказал, что он не судья члену политбюро, и повел к Жданову, — записывает Соловьев. — Узнав суть жалобы, Жданов позвонил т. Сталину. Скоро пришел т. Сталин. Спросил Варгу, чем его обидел Ежов. Варга ответил: ничем, но требует не свойственной институту работы».

Тов. Сталин нахмурился, но спокойно объяснил. Вероятно, Варга не представляет всей трудности работы Ежова. Он сказал, что Варга, несомненно, большой уважаемый ученый, много помогает ЦК, СНК, Коминтерну, его очень ценят, но он недостаточно ясно понимает всю сложность современной внутривнутриполитической обстановки. А от этого выигрывает враг. Мы ушли, поняв, что надо выполнять требования Ежова...»

1 февраля 1935 года Ежова избрали секретарем ЦК.

Секретарей ЦК, помимо Сталина, было всего трое: Жданов, работавший в Ленинграде, Каганович, больше занимавшийся наркоматом путей сообщения, и Ежов, который фактически и ведал всеми партийными делами. Сталин вызывал к себе Ежова чаще других членов партийного руководства, доверял ему, ценил его надежность,

безотказность и преданность. Чаше Сталин принимал только Молотова, главу правительства и второго человека в стране.

По указанию Сталина Ежов понемногу влезает в дела НКВД. Сталин, осторожничая, не любил напрямую давать органам всякого рода сомнительные поручения, предпочитал передавать их через кого-то. В последние годы его жизни это будет Берия. В середине 30-х годов эту роль исполняет Ежов, который объясняет чекистам, что и как следует делать.

«МУДРОЕ РЕШЕНИЕ НАШЕГО РОДИТЕЛЯ»

26 сентября 1936 года Николая Ивановича назначили наркомом внутренних дел вместо Ягоды. Ежов сохранял все свои партийные должности, оставался секретарем ЦК и председателем Комиссии партийного контроля. Но политбюро обязало его «девять десятых своего времени отдавать НКВД».

Лазарь Каганович написал наркому тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе: «Главная наша последняя новость это назначение Ежова. Это замечательное мудрое решение нашего родителя назрело и встретило прекрасное отношение в партии и в стране. У Ежова наверняка дела пойдут хорошо».

В следующем письме Каганович пишет: «Могу еще сказать, что у т. Ежова дела выходят хорошо! Он крепко, по-сталински, взялся за дело».

Назначение в наркомат внутренних дел не было для Ежова повышением. Его партийные должности были неизмеримо выше. Политические решения принимались в ЦК, наркомы были просто высокопоставленными исполнителями. Вот такого суперреволюционного исполнителя Сталин нашел в лице Ежова. Он был человеком со стороны, ни с кем на Лубянке не связанным, никому не обязанным. Он, по мнению Сталина, мог и должен был действовать в тысячу раз активнее Ягоды, который слишком врос в аппарат госбезопасности.

А в партийном аппарате Сталин ищет себе в помощь человека поумнее и находит его в лице молодого Георгия Максимилиановича Маленкова, который возглавил отдел руководящих партийных кадров.

Ежов сохранил за собой кабинет на пятом этаже здания ЦК на Старой площади и старался бывать здесь почаще. Для входа на пятый этаж даже сотрудникам аппарата ЦК требовался особый пропуск.

Дмитрий Трофимович Шепилов, будущий министр иностранных дел и секретарь ЦК при Хрущеве, в те годы работал в отделе науки ЦК. Однажды его вызвали к Ежову. На имя Сталина пришло письмо, в котором говорилось, что в Астраханском рыбном заповеднике окопались бывшие дворяне и белые офицеры. Письмо положили

Сталину на стол. Он написал на нем: «Тов. Ежову — очистить от мусора».

«И вот мы у грозного и всемогущего Ежова, — вспоминает Шепилов. — Перед нами — маленький, шуплый человек, к наружности которого больше всего подходило бы русское слово «плюгавый». Личико тоже маленькое, с нездоровой желтоватой кожей. Каштаново-рыжеватые волосы торчат неправильным бобриком и лоснятся. На одной щеке рубец. Плохие, с желтизной зубы. И только глаза запомнились надолго: серо-зеленые, впивающиеся в собеседника буравчиками, умные, как у кобры...»

В ходе беседы он тяжело и натужно кашлял. Ходили слухи, что Ежов чахоточный. Он кашлял и сплевывал прямо на роскошную ковровую дорожку тяжелые жирные ошметки слизи.

23 февраля 1937 года в Москве начал работу печально известный февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б).

— За несколько месяцев, — зловещим голосом сказал с трибуны Ежов, — не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Товарищ Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей.

Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». Троцкистов он назвал «оголтелой и беспринципной бандой вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Сталин подвел идеологическую базу под террор:

— Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство «обреченных».

В резолюции пленума говорилось: «Продолжить и завершить реорганизацию аппарата Наркомвнудела, в особенности аппарата Главного управления государственной безопасности, сделав его подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности в нашей стране».

Михаил Павлович Шрейдер вспоминал, как, собрав руководящий состав наркомата, Ежов сказал:

— Вы не смотрите, что я маленького роста. Руки у меня крепкие — сталинские. — При этом он протянул вперед обе руки, как бы демонстрируя их сидящим. — У меня хватит сил и энергии, чтобы покончить со всеми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами...

Он угрожающе сжал кулаки. Затем, подозрительно вглядываясь в лица присутствующих, продолжал:

— И в первую очередь мы должны очистить наши органы от вражеских элементов, которые, по имеющимся у меня сведениям, смазывают борьбу с врагами народа...

Сделав выразительную паузу, он с угрозой закончил:

— Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, невзирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа.

Ежов рьяно взялся за дело. Один из членов политбюро зашел в ЦК к Ежову, который только что вернулся с Лубянки, и увидел, что у того на гимнастерке пятна крови, спросил:

— Что случилось?

— Такими пятнами можно гордиться, — ответил Ежов. — Это кровь врагов революции.

В марте 1937 года на пленуме ЦК Ежов выступил с докладом, в котором жестоко обрушился на работу НКВД, говорил о провалах в следственной и агентурной работе. Ежов начал с массовой чистки аппарата госбезопасности. Он привел туда новых людей, которые взялись за дело не менее рьяно, чем сам нарком.

Ежов убрал из органов госбезопасности 5 тысяч человек, столько же взял. А всего тогда, по сообщению историков Александра Кокурина и Никиты Петрова, в аппарате государственной безопасности трудилось 25 тысяч оперативных работников. Высшее образование имел 1 процент, 70 с лишним процентов — низшее.

Еще при Ягоде, в июле 1936-го, отдел кадров НКВД предписал «принимать на оперативную работу в органы ГУГБ только членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ, отслуживших или вовсе освобожденных от службы в РККА и имеющих образование не ниже семилетки». Более образованная публика появится на Лубянке только после войны.

САНКЦИЯ ПРОКУРОРА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

На пленуме ЦК в июне 1937-го с докладом выступал Ежов. Он сказал, что «существует законспирированное контрреволюционное подполье, страна находится на грани новой Гражданской войны, и только органы госбезопасности под мудрым руководством Иосифа Виссарионовича Сталина способны ее предотвратить».

В начале июня ЦК нацреспублик, обкомы и крайкомы получили из ЦК телеграмму за подписью Сталина, в которой говорилось, что кулаки, которые возвращаются в родные места после ссылки, «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений».

ЦК предлагал поставить всех бывших кулаков на учет для того, чтобы «наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и

расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки». Остальных предлагалось подготовить к высылке. Для проведения операции ЦК требовал образовать во всех областях тройки из секретаря партийного комитета, начальника управления НКВД и прокурора.

Это было началом большого террора. Ежов в те месяцы бывал в кабинете Сталина чаще любого другого руководителя страны.

В июле 1937-го все партийные комитеты, органы НКВД и прокуратуры получили инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским, «О порядке проведения и масштабности акций по изъятию остатков враждебных классов бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников».

Затем Ежов подписал приказ № 00447 о начале 5 августа 1937 года операции, которую следовало провести в течение четырех месяцев. Все края и области получили разнарядку: сколько людей им следовало арестовать.

Арестованных делили на две категории. Арестованных по первой категории немедленно расстреливали, по второй — сажали в лагерь на срок от восьми до десяти лет.

Прокурор СССР Вышинский отправил шифротелеграмму прокурорам по всей стране: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова от 30 июля 1937 г. за номером 00447... Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются».

Расстрелять по всей стране предполагалось почти 76 тысяч человек, отправить в лагеря около 200 тысяч. Приказ о чистке вызвал невиданный энтузиазм на местах — областные руководители просили ЦК разрешить им расстрелять и посадить побольше людей. Увеличение лимита по первой категории утверждал лично Сталин. Он никому не отказывал.

Помимо этого составлялись списки высокопоставленных «врагов народа», которые подлежали суду военного трибунала. Приговор объявлялся заранее: расстрел. Эти расстрельные списки Ежов посылал на утверждение Сталину, Молотову и другим членам политбюро. Выглядели они так:

«Товарищу Сталину

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.

20 августа 1938 г.

Ежов».

Найдено 383 таких списка. Сталин обязательно заставлял всех членов политбюро подписывать эти расстрельные списки.

Он знал цену круговой поруке, чистеньким никто не остался. Скажем, Особый отдел ЦК 4 декабря 1937 года разослал всем чле-

нам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) письмо за подписью Сталина:

«На основании неопровержимых данных Политбюро ЦК ВКП(б) признано необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа:

Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука В., Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами, Иванова В., и Яковлева Я., оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки, Михайлова М., связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым. Все эти лица признали себя виновными.

Политбюро ЦК просит санкционировать вывод из ЦК ВКП(б) и арест поименованных лиц».

Каждый из членов ЦК писал «за» и расписывался. «Против» — не было. Письма возвращались во вторую часть Особого отдела ЦК.

«ВСЬ ИХ РОД ДО ПОСЛЕДНЕГО КОЛЕНА»

15 августа Ежов подписал новый приказ № 00486, означавший начало операции по аресту «жен изменников Родины, членов правотроцкистских, шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям». Детей тоже ждала печальная судьба родителей: тех, кто постарше, отправляли в исправительно-трудовые колонии, маленьких отдавали в детские дома.

В приказе говорилось:

«Жены осужденных изменников родины подлежат заключению в лагерь на сроки, в зависимости от степени социальной опасности, не менее как 5—8 лет.

Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагерь или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима...

При производстве ареста жен осужденных дети у них изымаются и вместе с их личными документами в сопровождении специально наряженных в состав группы, производящей арест, сотрудника или сотрудницы НКВД, отвозятся:

а) дети до 3-летнего возраста — в детские дома и ясли Наркомздравов;

б) дети от 3- до 15-летнего возраста — в приемно-распределительные пункты;

в) социально-опасные дети старше 15-летнего возраста в специально предназначенные для них помещения...

Наблюдение за политическими настроениями детей осужденных, за их учебной и воспитательной жизнью возлагаю на наркомов внут-

ренных дел республик, начальников управлений НКВД краев и областей».

Зачем Сталину понадобилось так жестоко расправляться с семьями репрессированных? Не только для того, чтобы внушить стране дополнительный страх. Он не хотел, чтобы жены и дети арестованных оставались на свободе, жаловались соседям и коллегам и рассказывали о том, что их мужья и отцы невиновны. Зачем же позволять им сеять сомнения в правильности сталинских решений?

Я спрашивал Вячеслава Алексеевича Никонова, внука Молотова, сожалел ли потом Вячеслав Михайлович о репрессиях, о том, что он сам подписывал расстрельные списки?

— Они боялись интервенции и новой гражданской войны, — полагает Вячеслав Никонов. — Страх перед надвигающейся на Советский Союз войной был главным двигателем репрессий. Они считали, что надо убрать всех, кто вызывает сомнения, чтобы исключить угрозу нападения изнутри. Когда маховик был запущен, степень виновности каждого проверить было невозможно...

Сталин сам боялся «пятой колонны», внутренних врагов, и других пугал этой опасностью.

«Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих, — говорил Сталин. — А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику».

Доктор исторических наук Олег Хлевнюк считает, что главной целью этой чистки было уничтожение потенциальной «пятой колонны» в преддверии войны. Чистили по анкетным данным по карточкам бывших врагов. Это было своего рода подведение итогов.

Гражданская война, чистки партии, аресты оппозиционеров, раскулачивание и коллективизация — все это затронуло миллионы людей. В число обиженных попала значительная часть населения страны. Их боялись. Сталин и его окружение помнили, что в Гражданскую их власть висела на волоске. Они хотели наперед обезопасить себя.

Михаил Павлович Шрейдер пересказал в воспоминаниях разговор со Станиславом Реденсом, наркомом внутренних дел Казахстана и родственником Сталина. Реденс говорил:

— Вот я нарком, член Центральной ревизионной комиссии, депутат Верховного Совета, не в состоянии противостоять этой грозной буре. Москва все время нажимает и нажимает, и я чувствую, что кончится тем, что и меня самого скоро посадят и расстреляют.

— Почему же вы, Станислав Францевич, не поставите вопрос перед самим Сталиным? — удивился Шрейдер. — Вы же его родственник, близкий человек.

— Неужели ты не понимаешь, что ставить подобный вопрос перед Иосифом Виссарионовичем — значит ставить вопрос о нем самом, — удивился Реденс наивности своего заместителя. — Разве может Ежов без его санкции арестовывать членов политбюро?

В Бутырской тюрьме арестованные боялись говорить с соседями, считая себя невиновными и подозревая в других настоящих врагов народа или секретных осведомителей.

Большинство были убеждены, что взяты по ошибке, и верили: как только об этом узнает Сталин, их сейчас же освободят. Почти все наперебой требовали бумагу, чтобы немедленно писать заявления и жалобы.

Но попытки кого-то спасти уже не удавались. Иван Михайлович Гронский, который был главным редактором «Известий» и журнала «Новый мир», возглавлял Союз писателей и, что важнее всего, долгое время имел прямой доступ к Сталину, пытался спасти талантливого поэта Павла Николаевича Васильева, арестованного в феврале 1937-го: «Когда его арестовали, я звонил дважды, трижды даже Ежову. Мы рассорились. Я позвонил И.В. Сталину, произошел резкий разговор. Мы поругались. Затем я ходил к М.И. Калинин, А.И. Микояну, В.М. Молотову. Мы оптом все пытались его спасти, особенно А.И. Микоян. Но ничего поделать не смогли. И этот яркий, талантливый поэт, может быть, самый выдающийся после В.В. Маяковского, погиб».

Сталину, должно быть, дико досаждали эти просьбы кого-то освободить, помиловать. Неужели его приближенные не понимали, что так надо? Что весь смысл репрессий, всесоюзной зачистки, говоря современным языком, заключается в тотальности? Никаких исключений! Дела есть на всех, скажем, на всех членов политбюро, в любой момент каждый из них может быть арестован. И нелепо задавать вопрос: почему именно он?

Генеральный секретарь исполкома Коминтерна Георгий Димитров 7 ноября 1937 года записал в дневнике, что на обеде у Ворошилова после праздничной демонстрации Сталин сказал:

— Мы не только уничтожим всех врагов, но и семьи их уничтожим, весь их род до последнего колена...

Анастас Иванович Микоян вспоминает, что без разрешения Сталина нельзя было звонить в НКВД. Было принято решение, которое запрещало членам политбюро вмешиваться в работу наркомата внутренних дел. Имелось в виду, что члены политбюро не смеют ни за кого вступаться.

Молотов приказал своим помощникам письма репрессированных не включать в перечень поступивших бумаг. Он не считал нужным кого-то миловать. Ведь массовые репрессии не были для него ошибкой. Это была политика, нужная стране.

Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Василий Васильевич Ульрих потом доложит, что за два ежовских года Военная коллегия приговорила «к расстрелу 36 514 человек, к тюремно-

му заключению 5643 человека. Всего 42 157 человек». Любое дело они рассматривали не более 10—15 минут, иначе не сумели бы достичь такой фантастической производительности.

Ульрих расстреливал почти исключительно знакомых. Это были люди, с которыми он сидел на совещаниях и пленумах, вместе проводил выходные дни, отдыхал в Соснах, в Барвихе...

В 1937 году было арестовано за контрреволюционные преступления 936 750 человек, в 1938-м — 638 509. В 1937-м расстреляли 353 074 человека (то есть больше, чем каждого третьего). В 1938-м — 328 618 (каждого второго).

В лагерях и тюрьмах сидело миллион триста тысяч человек. Органы НКВД только за шпионаж в 1937 году осудили 93 тысячи человек. Сколько же шпионов было в стране!

Каждый начальник управления действовал в меру своей фантазии. Например, в Новосибирске был отдан приказ арестовать как германских шпионов всех бывших солдат и офицеров, которые в Первую мировую войну попали в немецкий плен...

ХОТЕЛ ЛИ МАРШАЛ СТАТЬ ДИКТАТОРОМ?

Под руководством Сталина Ежов провел массовую чистку Красной армии. Она началась с расстрела маршала Тухачевского и еще семи крупных военачальников.

Есть люди, которые и по сей день считают, что маршал Тухачевский поддерживал тесные отношения с изгнанным из страны Троцким, готовил государственный переворот и свержение Сталина, собираясь стать диктатором. Материалы суда над маршалом и его товарищами они читают как подлинный документ. Многие из тех, кто был возмущен расстрелом Тухачевского, тоже, насколько его не осуждая, полагают, что нет дыма без огня: наверняка амбициозный маршал строил какие-то политические планы.

Имели ли эти подозрения и предположения реальную основу?

Фамилия Тухачевского замелькала в делах госбезопасности задолго до его расстрела. Доктор исторических наук Олег Хлевнюк нашел в рассекреченных теперь архивах документы, свидетельствующие о том, что в первый раз Тухачевского чекисты предложили арестовать еще в 1930 году.

Работники ОГПУ раскрыли очередной «заговор» — на сей раз в Военной академии. Выбили из арестованных показания о том, что глава заговора — Тухачевский. Обвинение то же: заговорщики собирались убить Сталина и захватить власть.

10 сентября 1930 года председатель ОГПУ Менжинский доложил Сталину, отдыхавшему на юге: «Арестовывать участников группы поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, что-

бы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».

Сталин не спешит с ответом. Он пишет Орджоникидзе: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими материалами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено».

Потрясающая реакция. Сталин фактически признает, что чекистские материалы могут быть подлинными, а могут быть фальшивыми, то есть ОГПУ ничего не стоит сфабриковать заговор... Осенью Сталин, Орджоникидзе и Ворошилов устроили Тухачевскому очную ставку с арестованными и признали его невиновным. Тухачевский был еще нужен.

23 октября 1930 года в письме Молотову Сталин написал: «Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 процентов. Это очень хорошо».

Характерно, что ОГПУ выговора за фабрикацию дела не получило. За что ругать-то? Чекисты действовали по установленной для них методологии: органы выбивали показания на всех, а Сталин выбирал, что ему нужно в данный момент. Ненужное ждет своего часа...

Самое интересное, что ряд сотрудников ОГПУ открыто говорили в 1931 году, что арест военных — это дутое дело. Но Сталин приказал считать это «групповой борьбой против руководства ОГПУ», 6 августа 1931 года политбюро приняло решение убрать из госбезопасности «сомневающихся».

Сталин в тот же день подписал директивное письмо для ЦК нацреспублик, крайкомов и обкомов:

«Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

1. Тт. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления на том основании, что...

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ...

ЦК отмечает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы как слухи, идущие без сомнения из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-«коммунистами».

Разработка Тухачевского продолжилась. Причем некоторые сообщения были фантастическими. Агент Зайончковская, дочь быв-

шего генерала царской армии, сообщила в 1934 году: «Из среды военной должен раздаться выстрел в Сталина... Выстрел этот должен быть сделан в Москве и лицом, имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду своих служебных обязанностей».

Тогдашний начальник Особого отдела ГУГБ НКВД Гай написал на донесении:

«Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума». Но ее донесения продолжали ложиться в дело Тухачевского.

Подлинную цену Тухачевскому Сталин знал, и талантливый военачальник становится заместителем наркома обороны, потом первым заместителем, получает маршальские звезды, избирается кандидатом в члены ЦК.

Но в 1937-м настала очередь военных.

Многие историки полагают, что если Тухачевский и не был немецким шпионом, то уж точно пал жертвой немецкой разведки, которая подсунула чекистам умело сфабрикованную фальшивку, так называемую красную папку, а подозрительный Сталин ей поверил... Однако Сталин не был легковерным человеком.

Маршал Тухачевский, разумеется, не являлся немецким шпионом, но был германофилом, поклонником немецкой армии, как и почти все высшее руководство Красной армии в те годы.

В те годы германский военный опыт тщательно изучался советскими военачальниками. Сменивший Троцкого на посту наркома по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, высоко ценивший генеральный штаб немецкой армии, писал: «Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощной, стройной системой организации вооруженных сил».

Советским военачальникам нравился ярко выраженный наступательный дух немецкой армии. Историки говорят об уважительном, а то и восхищенном, с оттенком зависти отношении командиров Красной армии к немецкой армии.

Когда немецкие танкисты и летчики летом 1941-го обрушились на Красную армию, отступающие советские командиры не подозревали, что оружие, которым немцы воевали против России, создавали для немцев сами русские. И что немецкие генералы, которые в 1941-м вторглись в Россию, учились военному делу в нашей стране.

Первое соглашение о сотрудничестве Красной армии и рейхсвера было подписано в августе 1922 года. Версальский договор лишил разгромленную Германию права создавать современное оружие. Политбюро предоставило немецкой армии право строить военные объекты на территории Советской России, проводить испытания военной техники и обучать личный состав. В ответ немцы щедро делились с Красной армией своими военными достижениями.

В Липецке закрыли летную школу Красной армии, и там теперь стали учиться немецкие летчики. Многие знаменитые немецкие асы прошли через эту школу.

В Самарской области построили для немцев школу химической войны, но, к счастью, химическое оружие не было применено во Второй мировой войне.

В Казани создали танковую школу для немцев. Проверять ее работу приезжал самый известный немецкий танкист Хайнц Гудериан, который командовал танковой армией, дошедшей осенью 1941-го до Москвы.

Даже в 1933 году, уже после того, как немецкое правительство сформировал новый канцлер Адольф Гитлер, военное сотрудничество продолжалось. В мае на приеме в честь немецких гостей заместитель наркома обороны Тухачевский сказал: «Нас разделяет политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной армии к рейхсверу. Вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе».

Сталину эта формула нравилась. Он, как и Ленин, был сторонником стратегического сотрудничества с Германией. Тут у него с Тухачевским разногласий не было.

Главный секрет Сталина? Есть еще одна версия. Советская военная разведка получила на Западе материалы о связях Сталина с царской охранкой. Тухачевский, Якир, Уборевич, Гамарник и некоторые другие военачальники и пришли к выводу, что Сталина нужно убрать, потому что предатель и провокатор не должен стоять во главе партии. Но их выдал один из офицеров, надеясь на этом предательстве сделать карьеру...

Сходную версию в 1956 году в американском журнале «Лайф» изложил бывший резидент НКВД в Испании Александр Орлов, который убежал на Запад раньше, чем его расстреляли.

Орлов писал: «Когда станут известны все факты, связанные с делом Тухачевского, мир поймет: Сталин знал, что делал... Я говорю об этом с уверенностью, ибо знаю из абсолютно точного источника, что дело маршала Тухачевского было связано с самым ужасным секретом, который, будучи раскрыт, бросит свет на многое, кажущееся непостижимым в сталинском поведении».

Орлов писал, что Сталин был осведомителем охранного отделения. А ему это известно от его двоюродного брата Зиновия Кацнельсона, комиссара госбезопасности второго ранга, который специально приехал в Париж в феврале 1937 года, чтобы рассказать обо всем Орлову. Он умолял Орлова в случае чего позаботиться о его маленькой дочери.

Орлов пишет: «Я содрогался от ужаса на своей больничной койке, когда слышал историю, которую Зиновий осмелился рассказать мне лишь потому, что между нами всю жизнь существовали доверие и привязанность...»

По словам Кацнельсона, Сталин предложил Ягоде подготовить свидетельства, что обвиняемые на московских процессах были агентами царской охранки.

Ягода поручил своим людям найти бывшего сотрудника охранного отделения, который это подтвердит. Сотрудник НКВД Штейн стал рыться в документах и нашел папку, в которой Виссарионов, заместитель директора департамента полиции, хранил особо важные документы. Там была анкета Сталина с его фотографиями и его собственноручные донесения полиции.

Штейн не знал, что делать с этой информацией. Он взял папку и уехал с ней в Киев, к своему другу, наркому внутренних дел Украины комиссару госбезопасности первого ранга Всеволоду Балицкому. Тот рассказал своему заместителю Кацнельсону. Проверив документы, они передали их первому секретарю ЦК компартии Украины Станиславу Коссиору и командующему Киевским военным округом Ионе Якиру.

Якир рассказал о документах Тухачевскому, тот — первому заместителю наркома обороны и начальнику политуправления Красной армии Яну Гамарнику. Они решили убедить Ворошилова созвать совещание, на которое придет Сталин. Два полка Красной армии должны были взять под контроль центр Москвы и блокировать войска НКВД. Заговорщики собирались предъявить Сталину обвинение и расстрелять, но не успели...

Трудно определить ценность воспоминаний Орлова. Он написал в эмиграции книгу о своей работе в НКВД, но не выдал ни одного советского агента. Он не рассказал ничего, что могло повредить его родному ведомству.

Слухи о том, что Сталин сотрудничал с охранкой, ходили всегда, даже назывались его агентурные клички — Семинарист, Фикус, Василий. Какие-то же есть основания для таких подозрений?

Скажем, во всех энциклопедиях и официальных биографиях написано, что Иосиф Виссарионович Джугашвили родился 21 декабря (по новому стилю) 1879 года. Но есть документы, из которых следует, что он родился на год и три дня раньше, чем считалось. Не в 1879-м, а в 1878-м.

В метрической книге Горийской Успенской соборной церкви для записи родившихся и умерших написано, что Иосиф Джугашвили родился в 1878 году. Эта же дата значится в свидетельстве об окончании им Горийского духовного училища, в документах департамента полиции и в анкете, которую Сталин заполнил в 1920 году собственноручно. А вот потом год его рождения был изменен.

Когда Сталин сам заполнял анкету, год рождения он вообще опускал, не писал. Если кто-то писал с его слов, то указывал: ему, к примеру, сорок пять лет и опять-таки пропускал год рождения...

Историки считают, что этому есть объяснение.

— Похоже, за этим стояло желание скрыть следы общения с жандармским управлением во время пребывания в тюрьме, — считает профессор Наумов. — Как ищут человека в картотеке? Нужно знать фамилию, имя, отчество и дату рождения. Когда год и день рождения другие — человек теряется.

Значит, у историков все-таки остаются подозрения, что Сталин состоял в каких-то отношениях с жандармским ведомством?

Профессор Наумов:

— Это не сенсация. Кто знает, как вел себя человек, попав в тюрьму? На свободе, с товарищами — герой. А там — иной. Особых отношений, скорее всего, не было, но какие-то колебания, желание поскорее выйти на свободу — могло быть. А Сталин не хотел, чтобы кто-то об этом узнал.

На допросах в полиции многие будущие партийные руководители вели себя не самым достойным образом.

После смерти Орджоникидзе, который в свое время возглавлял партийную инквизицию — Центральную контрольную комиссию — в его архиве нашлись два запечатанных пакета. На пакетах Серго написал: «Без меня не вскрывать».

Там находились документы царского департамента полиции. В том числе показания Михаила Ивановича Калинина от февраля 1900 года. На допросе будущий всесоюзный староста сказал: «Будучи вызванным на допрос вследствие поданного мной прошения, желаю дать откровенные показания о своей преступной деятельности». И он рассказал все, что ему было известно о работе подпольного кружка, в котором он состоял. Орджоникидзе заинтересовался делом Калинина и получил другие документы, связанные с поведением Михаила Ивановича после ареста.

В архиве Орджоникидзе лежала и заботливо приговоренная справка о члене политбюро Яне Эрнестовиче Рудзутаке, которого когда-то прочили в генеральные секретари. Рудзутак в конце 1909 года был приговорен к десяти годам тюремного заключения по делу виндавской организации Латышской социал-демократической рабочей партии. Во время следствия Рудзутак назвал имена и адреса членов своей организации. Основываясь на его показаниях, полиция провела обыски, изъяла оружие и подпольную литературу...

Все эти материалы Орджоникидзе получил еще в 20-х годах, когда архивы царской полиции были изучены самым тщательным образом. Если там нашлось нечто, компрометирующее имя Сталина, это было немедленно извлечено и уничтожено.

Сталин на протяжении всей своей жизни делал все, чтобы в архивах не осталось ни одного документа, опасного для его репутации. В зарубежных архивах, как теперь уже ясно, никаких материалов о сотрудничестве Сталина с охранкой тоже нет. Так что в руки военных никакие документы, свидетельствующие против вождя, попасть не могли.

Упомянутые Орловым чекисты Балицкий и Кацнельсон тоже были уничтожены, поскольку Ежов чистил не только военные, но и собственные кадры.

Балицкого в мае 1937 года внезапно назначили начальником управления НКВД по Дальневосточному краю, но уже через месяц освободили от этой должности и через две недели он был аре-

стован. Следствие продолжалось пять месяцев. 27 ноября 1937 года его приговорили к расстрелу.

Кацнельсона отозвали из Киева чуть раньше Балицкого и 29 апреля 1937 года назначили заместителем начальника ГУЛАГ НКВД и одновременно заместителем начальника строительства канала Волга—Москва. 17 июля был арестован. 10 марта 1938 года его приговорили к высшей мере наказания.

Следствие в обоих случаях шло — по тем меркам — медленно. Если бы они действительно что-то знали о Сталине, их бы ликвидировали моментально.

КРАСНАЯ ПАПКА ГЕЙДРИХА

Первым о красной папке сказал Никита Сергеевич Хрущев в заключительном слове на XXII съезде партии. По его словам, Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку ловко подбросил Сталину фальшивку о том, что Тухачевский и другие высшие командиры Красной армии — агенты немецкого генерального штаба.

Тухачевский ездил в Германию шесть раз, не считая плена в Первую мировую. У немцев остались какие-то документы, подписанные им. Эти подписи будто бы и использовали немецкие спецслужбы, готовя для Сталина красную папку с фальшивками.

Эту версию подтвердил руководитель гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг, известный нам в основном по фильму «Семнадцать мгновений весны», где его блистательно играл Олег Табаков. Шелленберг, правда, знает эту историю из вторых рук — он ссылается на Райнхарда Гейдриха, своего начальника, возглавлявшего Главное управление имперской безопасности.

Гейдрих вроде бы говорил Шелленбергу, что «в середине декабря 1936 года бывший царский генерал Скоблин, который работал как на советскую, так и на немецкую разведку, сообщил, что группа высших командиров Красной армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом Тухачевским готовит заговор против Сталина и при этом поддерживает постоянные контакты с генеральным штабом вермахта».

Немцы решили «поддержать Сталина, а не Тухачевского, и было приказано изготовить поддельное досье Тухачевского и передать его в Москву». Досье переправили через тогдашнего президента Чехословацкой республики доктора Бенеша, который поддерживал доверительные отношения с советскими руководителями.

Вальтер Шелленберг, как один из самых заметных разведчиков XX столетия, воспринимается всеми всерьез. Но не надо забывать, что он рассказывает о деле с чужих слов. Досье, о котором пишет Шелленберг, не найдено ни в немецких архивах, ни в советских. И белый генерал Скоблин в этом деле не участвовал.

«Дело Тухачевского» тщательно проанализировано созданной при Ельцине президентской комиссией по реабилитации. Нигде, ни на одной странице этого многотомного дела нет и упоминания о том, что следствие в 1937 году располагало таким важнейшим доказательством, как «досье Тухачевского» из немецкого генерального штаба.

Само предположение о том, что машине репрессий нужны были доказательства, свидетельствует о непонимании сталинского менталитета. Для того чтобы провести гигантскую чистку армии, Сталин не нуждался в немецких папках. У него были более веские основания уничтожить военных.

Армия не могла избежать судьбы, уже постигшей все общество. Ценнейшее свидетельство на сей счет — записи разговоров с Молотовым, сделанные поэтом Феликсом Чуевым. В подлинности суждений бывшего председателя Совнаркома сомневаться не приходится. То, что другим кажется преступлением, Феликс Чуев полагал за добродетель, поэтому ничего не приукрашивал, записывал за Молотовым дословно.

Молотов и сорок лет спустя продолжал говорить, что считает Тухачевского «очень опасным военным заговорщиком, которого только в последнюю минуту поймали».

Что же Молотов считал главным преступлением Тухачевского? «Создавал группу антисоветскую».

«Но ему приписывали, что он был немецким шпионом», — подает реплику автор книжки.

Если бы существовало досье, указывавшее на связь Тухачевского с немецким генеральным штабом, мог ли Молотов, в предвоенные годы второй после Сталина человек в кремлевской иерархии, не знать о нем? Память у Молотова была прекрасная. Но он не обнаруживает знакомства с немецким досье. Вот что он отвечает: «Тут границы-то нет. До 1935 года Тухачевский побаивался и тянул, а начиная со второй половины 1936-го или, может быть, с конца 1936-го он торопил с переворотом. И откладывать никак не мог. И ничего другого, кроме как опереться на немцев. Так что это правдоподобно...»

Точное слово нашел Вячеслав Михайлович Молотов: «правдоподобно». То есть все это — липа, но сделали так, что люди поверили.

В царской армии Михаил Николаевич Тухачевский дослужился до поручика. В Гражданскую командовал армиями и фронтами, в том числе Западным — в войне против Польши в 1920-м.

В 1935 году, когда было введено звание маршала, Тухачевский получил большие звезды в петлицы вместе с наркомом Ворошиловым, командующим Особой Дальневосточной армией Василием Константиновичем Блюхером, инспектором кавалерии РККА Семенов Михайловичем Буденным и начальником генерального штаба Александром Ильичом Егоровым. Из пяти первых маршалов троих

расстреляют, Сталин сохранит только своих старых друзей Ворошилова и Буденного — они оба звезд с неба не хватали, но были преданы вождю до мозга костей.

Как стратег Тухачевский был на голову выше своих боевых товарищей. Маршал был честолюбив, он хотел быть первым, лучшим, он жаждал славы и побед, званий и отличий. Его называли молодым Бонапартом. Может быть, он видел себя диктатором Советской России и опасения Сталина не напрасны?

В руководстве Красной армии действительно были две группировки. Старая гвардия — Ворошилов, Егоров, Буденный, Блюхер — собиралась воевать так, как воевали в Гражданскую, шашкой и винтовкой, и ни в коем случае не соглашалась сменить коня на танк.

В противоположность им Тухачевский, первый заместитель наркома обороны Ян Борисович Гамарник и командующий войсками Киевского военного округа командарм первого ранга Иона Эммануилович Якир, образовавшие вторую группировку, следили за современной военной мыслью. Они были сторонниками внедрения новой боевой техники, танков, авиации, создания крупных моторизованных и воздушно-десантных частей.

Но спор двух групп не носил политического характера. Это была скорее профессиональная дискуссия.

Максимум того, что Тухачевский и его друзья себе позволяли, — это были кухонные разговоры о том, что необразованный Ворошилов, который никогда и ничему не учился и считал, что опыта Первой конной армии хватит и на будущую войну, не годится в наркомы.

Через три года к этому же выводу придет и сам Сталин. После неудачной и неумелой финской войны Сталин снимет своего друга с поста наркома. В Отечественную войну Ворошилов не осилит и командование фронтом. Сталин назначит его на ничего не значащий пост главнокомандующего партизанским движением и навсегда отодвинет от себя.

Судя по всем имеющимся документам, Тухачевский был чужд политики. Свои планы он связывал с чисто военной карьерой. Наркомом он хотел быть, главой страны — нет.

Сталин серьезно отнесся к желанию Тухачевского и других сместить Ворошилова. Сталин исходил из того, что если сейчас маршалы и генералы готовы сместить назначенного им наркома, то в следующий раз они пожелают сменить самого генерального секретаря. Может ли он им доверять? А ведь вся чистка 1937—1938 годов была нацелена на уничтожение «сомнительных» людей.

Мог ли в такой ситуации уцелеть маршал Тухачевский, а с ним и большая группа высших командиров Красной армии? Раз Сталин решил, что Тухачевский готовит заговор, то дело следователей было найти правдоподобное обоснование и выбить из обвиняемых признания.

РАПОРТ АРТУЗОВА

Решениями президиума ЦК от 5 января и 6 мая 1961 года была создана комиссия для изучения материалов о причинах и условиях возникновения дела Тухачевского и других видных военных деятелей. Летом 1964 года член президиума ЦК и председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил записку Никите Хрущеву. Это объемный документ, основанный на всех материалах, которые в тот момент были найдены во всех архивах.

Тухачевского действительно загубила разведка.

Только не немецкая, а наша.

Умело снятый многосерийный телефильм «Операция «Трест» обессмертил одну из операций советской разведки. Но таких операций было множество. Советская разведка создавала мифические подпольные организации и от их имени заманивала в страну лидеров белой эмиграции, которых затем арестовывали.

В ходе операции «Трест» чекисты активно занимались дезинформацией. Они передавали на Запад фальсифицированную информацию — прежде всего о Красной армии. Эту дезинформацию специально готовили офицеры штаба Красной армии и военные разведчики.

Согласие на эту работу дал заместитель наркома Тухачевский. После ареста его обвинят в том, что он выдавал врагу сведения о Красной армии.

Более того, желая придать авторитет мифической монархической организации, чекисты сообщили эмиграции, что в число подпольщиков входит и Тухачевский. Потом сообразили, что это уж слишком. В дальнейшем его имя не упоминалось при проведении операции «Трест», но было уже поздно.

На Западе запомнили, что молодой маршал Тухачевский возглавляет военную оппозицию Сталину. Эту тему уже открыто стала обсуждать западная пресса, о чем советская разведка сообщала Сталину, укрепляя его в том мнении, что Тухачевский опасный для него человек...

Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния, о дьявольских замыслах иностранных разведок, которые будто бы способны на все, могут даже государство развалить.

Нет уж, ни одна иностранная разведка не способна нанести такой ущерб стране, как собственные спецслужбы. История Тухачевского это подтверждает.

Маршала называли немецким шпионом вовсе не потому, что были какие-то документы. Первоначально вообще предполагалось обвинить Тухачевского в шпионаже в пользу Англии, потому что он ездил в Лондон. Могли назвать японским шпионом. Или польским — все равно «правдоподобно».

В январе 1937 года бывший руководитель Иностранного отдела НКВД Артузов написал письмо руководителю Иностранного отдела Ежову, в котором писал, что

в архивах Иностранного отдела находятся донесения закордонных агентов, сообщавших об антисоветской деятельности Тухачевского и о существовании в Красной армии троцкистской организации.

Что можно сказать об этом поступке Артузова? Он в свое время руководил операцией «Трест» и прекрасно знал, каким образом на Запад ушли сведения о том, что Тухачевский будто бы настроен антисоветски. Ему даже было приказано прекратить распространять такие слухи, чтобы не компрометировать Тухачевского... Но в 1937-м судьба самого Артузова висела на волоске, и он был готов любыми средствами доказать своему начальству, что он еще может пригодиться.

Вслед за этим начальник Особого отдела НКВД Леплевский составил план активной разработки крупных военных:

«Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять их разработки под повседневный непосредственный контроль начальника 5-го отдела...

Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая сотрудники Особого отдела представили наркому Ежову справку по материалам, имевшимся в НКВД, на маршала Тухачевского. Вот так и родилось это дело.

Почему никто из командиров Красной армии не сопротивлялся и вообще даже не попытался спастись, убежать? Они же видели, что происходит и как расправляются с людьми? И у них было оружие.

Лев Эммануилович Разгон пишет так:

«Я думаю, они не то что верили в хороший исход, они действительно считали, что сумеют высказаться, спросить, понять... На что-то они надеялись — на логику, на элементарную логику — что нет необходимости их убивать.

Отвага, хладнокровие и мужество, проявленное военачальниками на поле боя, могли испариться, когда их арестовывали. И упрекать за это нельзя».

Многие удивляет, что Тухачевский и другие, судя по протоколам допросов, так быстро признали себя виновными. Теперь мы знаем, как добывались признательные показания.

«После смерти Сталина, — вспоминает Никита Хрущев, — я обратился с просьбой найти того, кто допрашивал Чубаря (до ареста — член политбюро, заместитель главы правительства и нарком финансов. — *Л. М.*), кто вел следствие. Меня интересовало, в чем же его обвиняли. Генеральный прокурор Руденко сказал мне, что Чубарь ни в чем не виноват и никаких материалов, которые могли бы служить против него обвинением, не имеется.

И вот на заседание президиума ЦК пришел человек, еще не старый. Он очень растерялся, когда мы стали задавать ему вопросы. Я спросил его:

— Вы вели дело Чубаря?

— Да, я.

— Как вы вели следствие и в чем Чубарь обвинялся? И как он сознался в своих преступлениях?

— Я не знаю. Меня вызвали и сказали: «Будешь вести следствие по Чубарю». И дали такую директиву: бить его, пока не сознается. Вот я и бил его, он и сознался...»

На Никольской улице, по левой стороне от Кремля, сохранилось неприметное здание в три этажа.

11 мая 1937 года здесь собралось специальное судебное присутствие Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Оно рассматривало дело «Антисоветской троцкистской военной организации».

Дело рассматривалось без участия защиты и обвинения, без вызова свидетелей. Председательствовал армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих.

Ему помогали маршалы Семен Михайлович Буденный и Василий Константинович Блюхер, командармы первого ранга — Борис Михайлович Шапошников, командир округа Иван Панфилович Белов, командармы второго ранга — заместитель наркома обороны Яков Иванович Алкснис, Павел Ефимович Дыбенко, командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Николай Дмитриевич Каширин и командир кавалерийской дивизии имени И.В. Сталина Евсей Иванович Горячев.

Судили восемь высших командиров Красной армии во главе с маршалом Тухачевским. Всех обвиняли в измене Родине. 11 июня всех приговорили к расстрелу.

В тот же день сообщили в газетах: органы народного комиссариата внутренних дел изобличили военно-фашистскую организацию, действующую в Рабоче-Крестьянской Красной армии. В нее входили Маршал Советского Союза М. Тухачевский, командармы первого ранга И. Якир, И. Уборевич, командарм второго ранга А. Корг, комкомы В. Примаков, В. Путна, Б. Фельдман и Р. Эйдеман.

На следующий день после вынесения приговора осужденных расстреляли там же, в подвалах дома на Никольской, где заседала Военная коллегия Верховного суда.

До революции в этом доме располагалась текстильная компания, в подвалах хранились тюки с мануфактурой. Из подвалов на поверхность вели пандусы, по ним крючьями вытаскивали тюки и грузили на подводы. Эти пандусыгодились, когда крючьями стали вытаскивать трупы расстрелянных.

Об этом мне тоже рассказал писатель Лев Разгон.

Я спросил:

— Почему расстреливали в подвале, а не где-нибудь за городом в более комфортных для расстрельной команды условиях?

— А им было вполне удобно,— ответил Разгон. — Двор был закрыт со всех сторон. Трупы забрасывали в кузов грузовика, под тентом они не видны. Потом их закапывали на разных отдален-

ных кладбищах. Уже потом для этого приспособили кладбище в Бутове — там экскаваторами копали траншеи и зарыли полсотни тысяч убитых...

Тела Тухачевского и других вывезли на Ходынку, свалили в траншею, засыпали негашеной известью, затем завалили землей. «Вы стреляете не в нас, а в Красную армию», — будто бы сказал Тухачевский перед расстрелом.

Судьба судей на этом процессе сложилась так: комдив Горячев покончил с собой, маршал Шапошников умер в 1945-м, маршал Буденный дожил до глубокой старости, остальных вскоре расстреляли.

Жен Тухачевского и Уборевича — Нину Евгеньевну Тухачевскую и Нину Владимировну Уборевич — арестовали в 1937-м и приговорили к восьми годам лагерей как членов семей изменников Родины. 16 октября 1941 года, когда в Москве была паника и казалось, что столицу не удержать, их расстреляли.

«НЕ НАДО БОЛЬШЕ КРОВИ»

Армия оказалась под полным контролем органов госбезопасности. Ни одно крупное назначение не могло состояться без санкции НКВД. 2 сентября 1937 года Ворошилов писал Сталину: «Вчера т. Ежов принял тов. Грибова. После этого я говорил с т. Ежовым по телефону, и он заявил мне, что против Грибова у него нет никаких материалов и дел. Считаю возможным назначить т. Грибова командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Прошу утвердить». В июле 1937 года Ежов представил Сталину список на 138 высших командиров с предложением пустить их по первой категории — то есть расстрелять. Сталин список утвердил.

Примерно за полтора года Сталин лично подписал 362 подобных списка — каждый назывался так: «Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР...» Там сразу указывался и приговор. В общей сложности в них перечислено больше 44 тысяч фамилий, из них почти 39 тысяч приговорены были к смертной казни до суда. То есть практически каждый день Сталин утверждал один расстрельный список, причем читал он их внимательно, вносил исправления. Работал напряженно... Такого планомерного уничтожения собственного офицерского корпуса история не знает.

Массовые расстрелы офицеров Красной армии в предвоенные годы по существу привели к катастрофе лета 1941 года. Высшие командиры были уничтожены почти все, командиры среднего звена наполовину...

Цифры такие: были репрессированы 34 бригадных комиссара из 36, 221 комбриг из 397, 136 комдивов из 199, 25 корпусных комиссаров из 28, 60 комкоров из 67, 15 армейских комиссаров второго ранга из 15, 2 флагмана флота первого ранга из 2, 12 командармов

второго ранга из 12, 2 командарма первого ранга из 4, 2 армейских комиссара первого ранга из 2, 3 маршала Советского Союза из 5.

29 ноября 1938 года на заседании военного совета при наркомате обороны Климент Ефремович Ворошилов подвел итоги кампании репрессий в Красной армии: «Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек. Это цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный командный и политический состав».

На самом деле репрессии в армии продолжались. Последних крупных командиров расстреляли осенью 1941-го, когда немецкие войска уже подошли к Москве. Сталин предпочел уничтожить военачальников, которых так не хватало на фронте... Своих боялся больше, чем немцев?

Доктор исторических наук Вадим Захарович Роговин пишет, что поначалу Ворошилов шадил тех, кого знал, и не давал согласия на их арест. А после процесса Тухачевского нарком уже без возражений подписывал списки и приказывал арестовать того или иного офицера.

Ворошилов записывал: противясь увольнению из армии или аресту отдельных командиров, «можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом».

Командиры Красной армии обращались за помощью прежде всего к Ворошилову. Писали родственники арестованных командиров. Иногда они сами — из тюрем и лагерей. Некоторым удавалось сообщить, что их подвергают пыткам, они напоминали о совместной службе, просили помочь, выручить из беды.

После ареста всех своих заместителей, многих высших командиров, Ворошилов понял, какой ущерб нанесен армии.

Он записал для себя: «Авторитет армии в стране поколеблен... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя как наркома потерпели сокрушительный крах».

Никита Сергеевич Хрущев вспоминал, что во время финской войны Сталин во всех неудачах обвинял Ворошилова: «Один раз Сталин во время нашего пребывания на его ближней даче в пылу гнева остро критиковал Ворошилова. Тот тоже вскипел, покраснел и в ответ на критику Сталина бросил ему: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры».

Впоследствии Ворошилов словно вычеркнул из памяти свое участие в репрессиях. На пленуме ЦК в 1957 году он зло сказал Кагановичу, когда тот пытался напомнить, что все члены политбюро подписали постановление о применении пыток: «Я никогда такого документа не только не подписывал, но заявляю, что, если бы что-нибудь подобное мне предложили, я бы в физиономию плюнул. Меня били по [царским] тюрьмам, требуя признаний, как же я мог такого рода документ подписать?»

Забыл, потому что страстно хотел забыть. По прошествии лет сам не верил, что мог принять в этом участие.

Зять Хрущева, известный журналист Алексей Иванович Аджубей, вспоминал: «Летом 1958-го или 1959-го на дачу в Крыму, где отдыхал Хрущев, приехал Ворошилов. Он выпил горилки с перцем, лицо его побагровело. Он положил руку на плечо Хрущеву, склонил к нему голову и жалостливым, просительным тоном сказал: «Никита, не надо больше крови...»

ВЕЧНЫЙ ДОБРОВОЛЕЦ

Каждая заграничная операция была трудным и дорогостоящим делом. Но средств не жалели. В связи с одним из таких убийств, совершенных по приказу наркома Ежова, называются имя поэтессы Марины Цветаевой и ее мужа Сергея Эфрона.

Любовь Марины Цветаевой к мужу была бесконечна. Она уехала за ним из ленинской России в 1922 году, чтобы разделить горький хлеб эмиграции, и вернулась вслед за ним в сталинскую Россию в 1939-м, чтобы носить ему передачи в тюрьму.

Сергей и Марина встретились совсем юными и сразу полюбили друг друга. Сын известной левой террористки, Сергей Эфрон рано ощутил отчуждение, отверженность от общества — чувство, которое будет сопровождать его всю жизнь. Окружающим он всегда будет казаться «чужим». Рядом с ним останется очень мало «своих».

Сам Эфрон вспоминал, что «еще в семь лет прятал бомбу в штанах». В 1910 году его мать повесилась в Париже на одном крюке со своим младшим сыном — братом Сергея. Мог ли он предположить, что таким же образом через тридцать один год уйдет из жизни и его обожаемая жена Марина Цветаева?

Когда началась Первая мировая война, Эфрон оставил университет и поехал на фронт с санитарным поездом, потом поступил в военное училище. После большевистской революции в ноябре 1917 года он присоединился к Белой армии и вынужден был бежать из России в 1920-м.

Во время Гражданской войны Марина и Сергей потеряли друг друга. Цветаева ничего не знала о муже. Окружающие скрывали от нее слух о том, что белого офицера Эфрона красные расстреляли в Крыму.

В 1920 году в голодной Москве детей нечем было кормить. Старшая — Ариадна — была тяжело больна. Марина устроила дочерей в приют, опекаемый Красной армией. Для этого ей пришлось написать заявление о том, что дети не ее, а беженцев, и она нашла их у себя в квартире.

Старшую спасли, младшая — трехлетняя Ирина — умерла от голода. «Спаси обеих я не могла — нечем было кормить, — расска-

жет потом Марина сестре. — Я выбрала старшую, более сильную, чтобы помочь ей выжить».

В 1922 году Марина узнала: Сергей Эфрон жив! Он в Чехословакии, учится в университете. Она немедленно решила ехать к нему. С трудом получила разрешение уехать — в 1922 году из Советской России еще выпускали.

В 1925 году семья перебралась в Париж. Во Франции ее поэзия имеет большой успех. Эфрон, напротив, не может найти себя. В эмиграции таким, как он, стало казаться, что они совершили роковую ошибку, выступив против новой власти в России, — ведь служение Родине превыше всего.

Сергей Эфрон присоединился к евразийцам, выступавшим против слепого подражания Западу, за особый путь России, который соединил бы все лучшее, что можно взять и у Европы, и у Азии.

Евразийцы распались на три группы, одна из них, возглавляемая князем Святополк-Мирским, признала большевистскую революцию и стремилась к возвращению в Россию. Князь преподавал русскую литературу в Лондонском университете, вступил в Коммунистическую партию Великобритании и вернулся в Россию в 1932-м. В 1937 году как «иностранный шпион» он был осужден и погиб в одном из сталинских лагерей.

В Париже Сергей Эфрон вступил в Союз возвращения на Родину. Этот союз, опекаемый советским посольством, был создан в 1924 году (в 1937-м переименован в Союз друзей Советской Родины). Полагают, что в этой среде у Эфрона и завязались отношения с агентами НКВД. Более того, его считают причастным к убийству пытавшегося укрыться на Западе советского разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка Людвиг, был одним из самых известных перебежчиков.

С 1920 года он работал в советской военной разведке. В начале 30-х годов стал заместителем Вальтера Кривицкого (настоящее имя — Самуил Гершевич Гинзберг). В середине 30-х годов Кривицкий возглавлял крупную нелегальную резидентуру советской военной разведки в Западной Европе.

Летом 1937 года Игнатий Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в котором был орден Красного Знамени (странно, что орден оказался у Порецкого с собой — разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и письмо Сталину.

В письме говорилось: «Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу... Только победа социализма освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого Интернационала!»

Сейчас это письмо кажется смешным и нелепым. Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий, как и Вальтер Кривицкий, всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая его подлинным наследником ленинского дела.

Для Сталина письмо Игнатия Порецкого было личным оскорблением — высланный из России и утративший всякое влияние Лев Троцкий оставался для Сталина врагом номер один.

Порецкий был убит 4 сентября 1937 года. Подлинные обстоятельства его смерти до сих пор достоверно не установлены, хотя швейцарская полиция предала гласности результаты своего добросовестного расследования. Вдова Порецкого Эльза написала воспоминания, которые в 1969 году вышли в Лондоне, а недавно и в Москве — под названием «Тайный агент Дзержинского».

Об истории убийства Рейсса рассказал Александр Орлов (Лев Фельдбин), бывший резидент советской политической разведки в Испании, бежавший на Запад летом 1938 года. Он утверждал, что за Игнатием Рейссом послали передвижную группу сотрудников Иностранного отдела НКВД.

Вальтер Кривицкий, который через месяц после убийства своего заместителя тоже решил бежать на Запад, написал в своей книге «Я был агентом Сталина»: в Париж срочно приехал крупный чекист Сергей Михайлович Шпигельглас, который и руководил операцией по уничтожению Рейсса.

Недостаток всех этих книг состоит в том, что их авторы пишут об убийстве Порецкого с чужих слов или строят предположения, выдавая их за бесспорную истину.

Расследуя убийство Порецкого, швейцарская полиция установила следующее.

В ночь на 4 сентября 1937 года в стороне от дороги, ведущей из Лозанны на Шамбланд, обнаружили тело неизвестного мужчины в возрасте примерно сорока лет. Пять пуль ему всадили в голову и семь в тело.

Полиция быстро нашла брошенный автомобиль со следами крови в кабине и арестовала женщину, которая взяла этот автомобиль напрокат. К удивлению полиции, она не пыталась скрыться после убийства.

Эту женщину звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль. Полиция идентифицировала «друзей» Штайнер и восстановила предполагаемую картину убийства Порецкого. Но никого, кроме Ренаты Штайнер, полиции найти не удалось.

Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах (урожденная Нойгебауэр), член компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти. Шильдбах дружила с Порецким.

Полиция пришла к выводу, что Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они поехали в загородный ресторан. После обеда вышли погулять, и тут на заброшенной дороге появился автомобиль, из которого выскочило несколько человек. Они запихнули Порецкого в машину, где застрелили его. Труп выбросили на дорогу.

На допросе Рената Штайнер назвала и имя Сергея Эфрона. По ее словам, он был агентом НКВД.

Швейцарский историк Петер Хубер, который много лет занимается расследованием убийства Порецкого, в перестроечные времена приезжал в Москву в поисках архивных документов и приходил ко мне в редакцию журнала «Новое время», где я тогда работал.

Он рассказывал, что Рената Штайнер в 1934-м пробыла шесть недель в Москве. Возможно, ее завербовал НКВД.

Штайнер на допросе сообщила, что Эфрон участвовал в слежке за Порецким. Швейцарская полиция обратилась за помощью к французским коллегам. Но к этому времени Сергей Эфрон уже покинул Францию, и допросить его не смогли.

Зато допросили Марину Цветаеву, которая заявила, что Эфрон через пять недель (а не сразу, как поступил бы преступник!) после убийства Порецкого уехал в Испанию, а те недели, когда шла подготовка к убийству, и во время убийства они вместе находились на берегу Атлантического океана. Алиби для мужа?

«Лично я не занимаюсь политикой, — сказала Цветаева полицейским, — но мне кажется, что мой муж связан с нынешним русским режимом».

То есть Цветаева не сочла нужным скрыть, что ее муж поддерживает открытые отношения с официальными представителями СССР. Было бы возможным такое признание, если бы Эфрон работал на советскую разведку?

«Мы с мужем не высказывали по поводу дела Рейсса ничего, кроме возмущения, осуждая любой акт насилия, с какой бы стороны он ни исходил», — сказала Цветаева на допросе.

Непросто представить себе, что великая поэтесса Марина Цветаева, человек, пребывающий в мире высоких чувств, изворачивается, врет, выгораживает мужа по заранее составленному плану. Может быть, Марина просто не знала, чем занимался ее муж? И это трудно предположить. Как показывает история разведки, жена всегда знает о том, что муж занимается тайными делами.

Версия убийства Игнатия Порецкого, которой полвека оперируют историки, в принципе вызывает серьезные сомнения. Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность Москве тщательно планировать и организовывать эти убийства.

Такого рода акции, требующие сложной подготовки, выполнялись профессионалами, кадровыми работниками госбезопасности —

и вовсе не из разведки, как Сергей Шпигельглас (о котором еще пойдет речь в этой главе), а из другого управления НКВД, как Эйтингон, организовавший убийство Льва Троцкого в Мексике в 1940-м.

Только два года прожил Эфрон в Советской России. 10 октября 1939 года его арестовали в Москве вместе с группой бывших эмигрантов, вернувшихся на родину.

Ему предъявили стандартное обвинение по 58-й статье Уголовного кодекса, которая поставляла основной контингент заключенных ГУЛАГа: измена Родине, террор, призывы к свержению советской власти...

В обвинительном заключении говорилось:

«В НКВД СССР поступили материалы о том, что из Парижа в Москву по заданию французской разведки прибыла группа белых эмигрантов, с заданием вести шпионскую работу против СССР...

Обвиняемый по этому делу Эфрон в 1920 году бежал за границу и принимал там активное участие в антисоветской работе белогвардейских организаций.

Эфрон, занимая руководящее положение в так называемой про-советской организации в Париже — в «Союзе возвращения на Родину» — и пользуясь исключительным к себе доверием со стороны бывшего вражеского руководства 5-го отдела НКВД, по заданию французской разведки засылал в СССР шпионов, диверсантов и террористов».

Итак, в приговоре сталинского суда тоже говорится о сотрудничестве Эфрона с разведкой! Значит, правда?

В этом утверждении, скорее всего, столько же правды, сколько и во всем обвинительном заключении, в котором соответствуют истине только имена и даты рождения обвиняемых.

Тех, кто допрашивал Эфрона, уже тоже нет в живых. Но по опыту множества других таких процессов можно предположить, что о связях с советскими чиновниками в Париже говорил следователям сам Эфрон, наивно пытаясь убедить следователей в нелепости предъявленного ему обвинения. И следователи охотно подхватили эти слова!

В архиве КГБ я читал дело агента-вербовщика советской разведки Петра Ковальского, тоже бывшего офицера Белой армии. Он несколько лет работал на советскую разведку в разных европейских странах.

В 1937 году, в разгар массовых репрессий в СССР, его арестовало местное управление НКВД в украинском городе, где он жил в промежутке между выполнениями заданий московской разведки, и обвинило в шпионаже в пользу Польши.

Ковальский, разумеется, ссылался на свою службу в ОГПУ—НКВД, но малограмотный следователь, плохо владевший родным языком, и не подумал обратиться за справкой к коллегам в разведку, а просто написал в обвинительном заключении: «Видно, что Ковальский при использовании по линии Иностранного от-

дела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши».

Отсутствие доказательств вины при Сталине никак не могло помешать вынесению смертного приговора...

Ковальского расстреляли, а центральный аппарат разведки еще целых два года искал его по всему Советскому Союзу, чтобы отправить за границу с новым заданием!

В то время, когда шло следствие по делу Эфрона, в соседних кабинетах НКВД заканчивалось уничтожение руководящих кадров внешней разведки.

Любые слова «французского шпиона» Эфрона о контактах с советскими людьми в Париже, среди которых каждый второй работал на разведку, должно быть, встречались следователями на ура. Слова в эфроновском приговоре о «бывшем вражеском руководстве 5-го отдела НКВД» были нужны не для того, чтобы усугубить вину Эфрона; это была заготовка следователей НКВД для расправы над сослуживцами из разведки.

Свою лепту в создание образа «Эфрона—агента НКВД» сыграла его дочь Ариадна, арестованная с ним по одному делу.

В июле 1940 года ее приговорили как агента французской разведки к восьми годам лагерей. Когда этот срок кончился, ей добавили новый и отправили в ссылку в Сибирь.

В 1954-м, через год после смерти Сталина, началась реабилитация сталинских жертв. Ариадна Эфрон написала Генеральному прокурору СССР с просьбой сообщить о судьбе отца. На это письмо ссылаются, когда ищут доказательства работы Эфрона на советскую разведку:

«В 1939 году в Москве был арестован органами государственной безопасности мой отец Сергей Яковлевич Эфрон, бывший долгие годы работником советской разведки за границей, в частности во Франции. Его дальнейшая участь мне неизвестна.

Зная своего отца как человека абсолютно честного и будучи уверенной в его невиновности, прошу вас, товарищ Генеральный прокурор, сообщить мне то, что о нем было известно, то есть жив ли он, статью, по которой он был осужден, и срок наказания».

Пытаясь что-то узнать о своем отце, она тоже использует аргумент, который в тот момент казался ей убедительным: предполагаемую службу отца на советскую разведку.

Впоследствии, когда хлопоты по реабилитации отца закончились, Ариадна Эфрон признается друзьям, что на самом деле ей ничего не известно о работе отца на НКВД...

Вернувшись из ссылки в Москву, Ариадна Эфрон встретила женщину, которая знала ее родителей. Это Елизавета Алексеевна Хенкина, дочь генерала царской армии Нелидова, в прошлом актриса. Она уехала из Советской России в 1923 году, а вернулась в 1941-м.

В Париже, в Союзе возвращения на Родину она руководила кружком любителей театра и, как впоследствии уверяла московских знакомых, оказывала особые услуги советским представителям.

Обрадованная неожиданной встречей с человеком, который может засвидетельствовать преданность ее отца советской власти, Ариадна Эфрон пишет письмо помощнику главного военного прокурора:

«Елизавета Хенкина знала Шпигельгласа, хорошо помнит, как и кем выполнялось задание, данное Шпигельгласом группе, руководимой моим отцом, как и по чьей вине произошел провал этого дела. Помнит она и многое другое, что может представить интерес при пересмотре дела отца...

Второй человек, знавший моего отца приблизительно с 1924 года, может быть, и ранее, это Вера Александровна Трайл, также принимавшая большое и активное участие в нашей заграничной работе. Сейчас она находится в Англии. Адрес ее имеется у Хенкиной...»

Имена, которые называются в этом письме, кажутся веским подтверждением причастности Эфрона к делам НКВД.

Расстрелянный перед войной Сергей Шпигельглас был, несомненно, умелым и эффективным разведчиком, он дорос до должности заместителя начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД.

Его отчеты, подписанные псевдонимом «дуче», хранятся в личном деле крупного советского агента, бывшего генерала Белой армии Николая Скоблина, которое я имел возможность изучить в архиве КГБ.

Бумаги, подписанные Шпигельгласом, выдают в нем смелого и решительного оперативника и резко отличаются от сухих и лишенных признаков интеллекта донесений его коллег по разведке. Многие годы Сергей Шпигельглас руководил борьбой с русской эмиграцией и в середине 30-х годов подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже.

Но могли ли Сергей Эфрон и Елизавета Хенкина действительно знать Шпигельгласа?

По своему положению руководителя крупной нелегальной резидентуры Шпигельглас непосредственно общался только с самыми важными агентами, такими, как генерал Скоблин, поставлявшими первоклассную информацию о планах эмигрантской верхушки. Ни Эфрон, ни Хенкина, даже если принять версию об их сотрудничестве с советской разведкой, к числу таких агентов не относились. Советская разведка имела в Париже огромный и разветвленный аппарат, с мелкими агентами (только в среде эмиграции это многие десятки людей) встречались столь же мелкие работники.

Шпигельглас жил за границей под чужим именем. Его настоящую фамилию в Париже знали только несколько кадровых работников резидентуры советской разведки, которые работали под дипломатическим прикрытием.

А Елизавета Хенкина и все остальные услышали эту фамилию только после того, как ее назвал бежавший на Запад Вальтер Кривицкий (Шпигельглас к этому времени уже был расстрелян), и она замелькала в газетах.

Веру Гучкову-Трайл, упоминающуюся в письме Ариадны Эфрон, тоже считают причастной к убийству Игнатия Порецкого.

Вера была дочерью крупного российского промышленника Александра Ивановича Гучкова, председателя III Государственной думы, военного и морского министра в первом после Февральской революции российском правительстве.

В 1935 году Вера вышла замуж за Роберта Трайла, сына промышленника из Глазго. Роберт принадлежал к известному типу британских левых интеллектуалов, искавших счастья в коммунистических идеях. В 1934—1936 годах он жил в Москве и работал в газете «Москоу ньюс» («Московские новости»). Это, видимо, и дало основание полагать, что Вера была связана с чекистами. Но Эфрон хорошо знал Веру не «по совместной службе в НКВД», а потому, что ее первым мужем был евразиец Петр Сувчинский, с которым Эфрон издавал журнал «Версты»...

В деле генерала Скоблина, хранящемся в архиве советской разведки, я нашел секретный документ, имеющий отношение к Сергею Эфрону.

Когда-то один из советских журналистов обратился в КГБ с просьбой разрешить ему написать о «замечательном советском разведчике Сергее Эфроне». Это письмо по установленному порядку попало в пресс-бюро КГБ. Начальник пресс-бюро сообщил о просьбе своему начальнику — заместителю председателя КГБ, тот переадресовал просьбу в Первое главное управление (разведка).

В секретном письме заместитель начальника разведки сообщил руководителю КГБ, что «Сергей Эфрон по картотеке учета советской внешней разведки не числится».

Этот документ предназначался только для глаз высшего руководителя КГБ (журналисту ответили стандартно-бессмысленной формулой: «Публикация о Сергее Эфроне не представляется целесообразной»).

Итак, Сергей Эфрон кадровым сотрудником советской разведки не был. Что же тогда было?

Эфрон искал возможности что-то сделать для своей страны. В советском посольстве ему объяснили: «Вы очень виноваты перед Родиной. Прежде чем думать о возвращении, вам нужно искупить грехи и заслужить прощение».

Он и пытался искупить свои грехи и заслужить прощение. Распросы о положении дел внутри эмиграции, о настроениях тех или иных эмигрантов казались совершенно естественными. Ведь ему задавал вопросы официальный представитель Советского Союза. Наивный в таких делах Эфрон слишком поздно понял, что его использует НКВД.

Сталинский суд приговорил «французского шпиона» Эфрона к смертной казни, когда нацистская Германия уже напала на Советский Союз. Судьба страны висела на волоске, но машина репрессий продолжала действовать.

31 августа 1941 года Марина Цветаева в состоянии тяжелой депрессии повесилась в провинциальном городке Елабуге, куда эвакуировалась из Москвы, к которой стремительно приближались немцы. В Елабуге Цветаева жила в доме на улице, названной именем члена политбюро Андрея Жданова, который прославился гонениями на писателей.

Марина не разделяла увлечения Эфрона Советской Россией. Но и она никак не ожидала, что ее мужа и дочь арестуют по нелепому обвинению, а она сама будет снимать угол в чужом доме, оставшись без денег, работы, друзей и надежды.

Сына Марины и Сергея, Георгия Эфрона, в начале 1944-го призвали в армию. Как хорошо умеющего писать и рисовать его назначили в штаб писарем — это был шанс выжить. Но ему было стыдно отсиживаться в штабе, и он попросился на передовую. В июле 1944 года он был смертельно ранен.

Георгий Эфрон тоже стал добровольцем, как и его отец. Желание служить честно и бескорыстно — самое важное в их семейном характере.

В 1929 году Марина Цветаева написала поэму «Перекоп» — о последних эпизодах борьбы Красной и Белой армий в Крыму. Главным источником поэтического вдохновения был бывший офицер Белой армии и ее муж Сергей Эфрон. Ему и посвящена поэма (как и многие другие ее стихотворения) — «Моему дорогому и вечному добровольцу».

Эти слова кажутся мне самым точным определением личности Эфрона. Сергей Эфрон бескорыстно сражался под тем знаменем, которое казалось ему символом чести и справедливости. Он, как и его жена, стал жертвой трагических событий русской истории XX века.

БАРСКАЯ ЛЮБОВЬ К ЕЖЕВИЧКЕ

Известный врач и писатель Виктор Давидович Тополянский пишет, что Ежов был тшедушный и низенький — всего сто шестьдесят сантиметров. Задержка физического развития при сохранении детских пропорций тела именуется инфантилизмом. Нарушение функций желез внутренней секреции могло быть вызвано врожденным сифилисом, туберкулезом, алкоголизмом родителей, черепно-мозговой травмой или недоеданием в раннем детстве.

«Не была ли сопряжена его физическая неполноценность с определенной инфекцией или травмой черепа, оставившей небольшой шрам на лице, с бедностью и алкоголизмом родителей, отправивших его на завод в четырнадцать лет, или с каким-то заболеванием щитовидной железы либо гипофиза?» — задается вопросом доктор Тополянский.

Он пишет о задержке психического развития наркома, о незрелом, ограниченном мышлении: «Его интеллект и эмоции застыли

на уровне ребенка и зацементировались фантастическим невежеством... Нуждается в пояснении и феноменальный садизм Ежова. Чувство собственной неполноценности и потребность в компенсации породили в нем особую жестокость испорченного и недоразвитого ребенка, готового при условии безнаказанности бесконечно мучить любое живое существо слабее себя».

Кстати говоря, анализ руководящего состава госбезопасности времен большого террора показывает большой процент людей с искаленным детством, обиженных на весь свет. Возможно, накопленный в детстве и юности запас ненависти к окружающему миру создал дополнительный психологический фон для массовых репрессий.

Сталин называл наркома Ежовичкой. Ежов ему нравился тем, что не гнушался черновой работы. Один из следователей секретно-политического отдела НКВД с гордостью рассказывал товарищам, как к нему в кабинет зашел нарком. Спросил, признается ли подследственный. «Когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии. И разъярил: «Вот как их надо допрашивать!»

Сталин часто приглашал Ежова к себе, играл с ним в шахматы. Но барская любовь, тем более любовь диктатора, недолга.

27 января 1937 года Ежову присвоили звание генерального комиссара государственной безопасности. На следующий день «Правда» напечатала его парадный портрет. 17 июля «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственного задания» Ежова наградили орденом Ленина.

27 июля орден ему вручил Калинин, который сказал, что «Николай Иванович проявил исключительно широко свои способности и добился превосходных результатов». Ежов, принимая орден, говорил: «Если человек работает в органах НКВД, значит, это наиболее преданный большевик, он беспредельно предан своей родине, своему правительству, своей партии, вождю партии товарищу Сталину».

В его честь небольшой город Сулимов на Северном Кавказе переименовали в Ежово-Черкесск. Имя Ежова гремело по всей стране. Его славили газеты. О нем слагали стихи:

Кто барсов отважней и зорче орлов?
Любимец страны, зоркоглазый Ежов.

20 декабря 1937 года, по случаю 20-летия ВЧК—ОГПУ—НКВД, в Большом театре состоялось собрание актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, которое превратилось в чествование Ежова.

В президиуме — Ворошилов, Микоян, Андреев, Ежов, Жданов, Хрущев, Димитров. Собрание открыл секретарь МГК Братановский.

Потом на вечере появился Каганович, которого встретили овацией. А уж когда пришел Молотов, весь зал встал, приветствуя главу правительства возгласами:

— Ура Вячеславу Михайловичу Молотову!

Доклад произнес Анастас Иванович Микоян:

— НКВД — это не просто ведомство! Это организация, наиболее близкая всей нашей партии, нашему народу. Наркомвнудельцы во главе со сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым стоят на передовой линии огня, занимают передовые позиции в борьбе со всеми врагами нашей родины.

Партия поставила во главе советских карательных органов талантливого, верного сталинского ученика Николая Ивановича Ежова, у которого слово никогда не расходится с делом. Славно поработал НКВД за это время!

Он разгромил подлые шпионские гнезда троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок, очистил нашу родину от многих врагов народа. Наркомвнудел спас жизнь сотен тысяч тружеников нашей страны, спас от разрушения многие заводы, фабрики. Наркомвнудел поступал с врагами народа так, как этому учит товарищ Сталин, ибо во главе наших карательных органов стоит сталинский нарком товарищ Ежов.

Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учится у товарища Сталина! Сегодня НКВД и в первую очередь товарищ Ежов являются любимцами советского народа...

Микоян рассказывал о том, как в самых различных уголках Советского Союза рабочие, колхозники, инженеры, взрослые и пионеры помогают НКВД распознавать врагов народа — подлых троцкистско-бухаринских фашистских шпионов, потому что у нас каждый трудящийся — наркомвнуделец!..

После Микояна выступали рабочий автозавода имени Сталина Максимов, мастер завода имени Менжинского Гожаев, работница Трехгорной мануфактуры Кондрашева.

От имени чекистов выступил первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский, недоучившийся семинарист, прикннувший к анархистам. Он был в Гражданскую помощником начальника Особого отдела Первой конной армии, участвовал в операциях по захвату штаба Нестора Махно и ликвидации отрядов генерал-хорунжего Тютюника на Украине, командовал пограничными войсками.

После перерыва был концерт, на котором уже появился сам Сталин.

НИКТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫШЕ ПАРТИИ

Николай Иванович Ежов находился на вершине карьеры — кандидат в члены политбюро, член оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля, заместитель председателя Комитета резервов Совета Труда и Оборона, член исполкома Коминтерна, председатель комиссии ЦК по заграникомандировкам,

член военно-промышленной комиссии при Комитете обороны при Совнаркоме.

Ежова избрали депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР, а также Верховных Советов нескольких автономных республик — Татарской, Башкирской, Удмуртской и немцев Поволжья.

В деле Ежова хранятся сбереженные им письма от товарищей. Вот записка Серго Орджоникидзе:

«Здравствуй, дорогой Ежов.

О тебе идет плохая молва: не спишь, не обедаешь и всякие подобные прелести. Я должен по-дружески тебе сказать, что, ежели ты свалишься, поставишь себя, партию и всех нас в дурацкое положение...

Твой *Серго*».

Кадровая работа партийных комитетов от райкома и выше шла в сотрудничестве с чекистами. Была установлена практика получения партийными органами документальных справок на назначаемых работников. Без санкции НКВД на высокие должности не назначали.

В декабре 1937 года на выборах в Верховный Совет СССР депутатами избрали начальников областных управлений, в республиканские Верховные Советы избирали их заместителей. Наркомвнуделы национальных республик и начальники областных управлений НКВД при Ежове превратились в главных людей в стране. Шрейдер вспоминает, что рассказал ему его тогдашний начальник — Станислав Францевич Реденс, свояк Сталина, в 1938 году наркомвнудел Казахстана.

По словам Реденса, после выпивки на даче Ежов разоткровенничался с подчиненными: «Чего вам бояться? Ведь вся власть в наших руках. Кого хотим — казним, кого хотим — милуем. Вот вы — начальники управлений, а сидите и побаиваетесь какого-нибудь никчемного секретаря обкома. Надо уметь работать. Вы ведь понимаете, что мы — это все. Нужно, чтобы все, начиная от секретаря обкома, под тобой ходило. Ты должен быть самым авторитетным человеком в области...»

Если Ежов действительно вел такие разговоры, то о них наверняка сразу же доносили Сталину, которого это могло убедить в том, что нарком внутренних дел — очень неумный человек, раз говорит такие вещи. Никто, даже НКВД, не может быть выше партии...

К началу 1938 года Сталин, вероятно, уже считал, что Ежов свою задачу выполнил. 16 февраля Президиум Верховного Совета СССР присвоил имя Ежова школе усовершенствования командного состава пограничных и внутренних войск НКВД. Наверное, это было приятно Ежову, но подарок был невелик — на сей раз его именем назвали не город, а всего лишь подчиненную ему ведомственную спецшколу. И партийный рост его остановился: в политбюро Ежов так и не был избран, остался кандидатом.

Ежов отправил Сталину рукопись своего труда «От фракционности к открытой контрреволюции» с короткой запиской: «Очень прошу просмотреть посылаемую работу. Это первая глава из книги о «зиновьевщине», о которой я с Вами говорил. Прошу указаний».

Сталину писательские амбиции Ежова, похоже, не понравились. Он не для того назначал Ежова наркомом, чтобы тот писал книги. Книги и без него есть кому писать. Очевидно, Сталин увидел, что и Ежов уже больше думает о своем положении, своем престиже, словом, о своих делишках, вместо того чтобы полностью отдаться делу. Этот вывод не мог не привести к роковым для Ежова последствиям.

Ежов захотел еще и стать ответственным редактором журнала «Партийное строительство». Его самолюбию малограмотного человека льстило сознание, что он теперь вроде как редактирует журнал. И это тоже не могло понравиться Сталину.

В 1938 году Ежов написал в ЦК, Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР записку с предложением переименовать Москву в Сталинодар. Хотел услужить хозяину, сделать ему приятное, но не угадал. Сталин этого не захотел: чувствовал, что это будет плохо воспринято. И разозлился на Ежова. Хорошо, когда есть преданный и неутомимый исполнитель, но неумный Ежов стал его раздражать. Сталину нужен был новый человек. Столь же безжалостный, но более толковый.

21 января 1938 года секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов выступал в Большом театре на торжественном собрании, посвященном годовщине смерти В.И. Ленина. Он сказал: «1937 год войдет в историю как год, когда наша партия нанесла сокрушительный удар врагам всех мастей, когда наша партия стала крепкой и сильной в борьбе с врагами народа, добившись этого благодаря укреплению нашей советской разведки во главе с Николаем Ивановичем Ежовым».

На самом же деле Ежов уже был не в фаворе.

9 января 1938 года ЦК принял постановление «О фактах неправильного увольнения с работы родственников лиц, арестованных за контрреволюционные преступления».

14 января пленум ЦК принял еще одно постановление — «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Доклад прочитал преемник Ежова на посту начальника отдела партийных кадров Георгий Маленков.

Маленков, скажем, критиковал первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова:

— Ты расстреливаешь списками, даже фамилий не знаешь...

Тот быстро нашел оправдание:

— Окопавшиеся в аппарате Азербайджанского НКВД враги сознательно пугали документы.

Выступавшие на пленуме призывали «не обвинять людей огульно, отличать ошибающихся от вредителей». Все это для людей понимающих означало, что работой Ежова недовольны, что его эра заканчивается и что он будет выставлен виновником всех несправедливостей.

На этом же пленуме расправились с Павлом Петровичем Постышевым, вывели его из числа кандидатов в члены политбюро. Вскоре его арестуют. Но перед этим он сам успел подвести под арест множество невинных людей. Его лишили должности хозяина Украины и перевели в Куйбышев первым секретарем обкома и горкома. Стараясь показать свое рвение, в Куйбышевской области он распустил руководство тридцати четырех районов:

— Руководство советское и партийное было враждебное, начиная от областного и кончая районным.

Микоян удивился:

— Что, все руководство?

— Что тут удивляться? — ответил Постышев. — Я подсчитал, и выходит, что двенадцать лет сидели враги. Например, у нас в облисполкоме, вплоть до технических работников, сидели самые материальные враги, которые признались в своей вредительской работе. Все отделы облисполкома были засорены врагами. Теперь возьмите председателей райисполкомов — все враги, шестьдесят шесть председателей райисполкомов — все враги. Подавляющее большинство вторых секретарей, я уже не говорю о первых, — враги, и не просто враги, там много сидело шпионов: поляки, латыши, они подбирали всякую махровую сволочь... Уполномоченный Комиссии партийного контроля — тоже враг, и оба его заместителя — шпионы. Возьмите советский контроль — враги.

Булганин спросил его:

— Честные люди хоть были там?

— Из руководящей головки — из секретарей райкомов, председателей райисполкомов — почти ни одного честного не оказалось.

Но не надо принимать всерьез возмущение членов политбюро. Постышев был обречен, и его обвинили в том, что другим в то же самое время ставили в заслугу.

Постышева на пленуме добивал один из секретарей Куйбышевского обкома Николай Григорьевич Игнатов, вскоре занявший его кресло. Так началось восхождение Игнатова, который станет потом секретарем ЦК и кандидатом в члены президиума и в 1964 году примет активное участие в свержении Хрущева...

В эти же месяцы на крови делал карьеру будущий кандидат в члены политбюро Александр Сергеевич Щербаков. Летом 1937 года его командировали в Иркутск навести там порядок. 18 июня он докладывал члену политбюро Жданову об уже проделанной работе:

«Должен сказать, что людям, работавшим ранее в Восточной Сибири — верить нельзя. Объединенная троцкистско-«правая» контрреволюционная организация здесь существовала с 1930—1931 года...

Партийное и советское руководство целиком было в руках врагов. Арестованы все руководители областных советских отделов, заворготделами обкома и их замы (за исключением пока двух), а также инструктора, ряд секретарей райкомов, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т. д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате.

Трудно было вообразить что-либо подобное.

Теперь начинаем копать органы НКВД.

Однако я не только не унываю, но еще больше укрепился в уверенности, что все сметем, выкорчем, разгромим и последствия вредительства ликвидируем. Даже про хворь свою и усталость забыл, особенно когда побывал у т.т. Сталина и Молотова».

В апреле 1938 года Щербакова утвердили первым секретарем Иркутского (Восточно-Сибирского) обкома, где он провел массовую чистку, а вскоре его перевели в столицу — первым секретарем Московского горкома и обкома.

В НКВД опять начались аресты: на этот раз брали людей, которых возвысил Ежов, его заместителей, начальников оперативных отделов.

В аппарат НКВД для укрепления кадрового состава перевели группу инструкторов из отдела руководящих партийных органов ЦК (то же будет сделано и в 1952-м). Сталин не хотел неожиданностей при смене власти в чекистском аппарате.

В августе у Ежова появился новый первый заместитель — Лаврентий Павлович Берия. Для первого секретаря ЦК Грузии назначение было явным понижением: оно имело смысл только в том случае, если Берия собирался в самом скором времени сменить Ежова и должен был просто перенять дела. В ноябре приказы по наркомату — невиданное дело! — издавались уже за двумя подписями — Ежова и Берии. Ежов не был более властен даже над собственным аппаратом.

Тем временем нарастала критика наркомата.

17 ноября 1938 года ЦК и правительство приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о «крупнейших недостатках и извращениях в работе органов НКВД»: «Враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, стараясь всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД».

Работников НКВД упрекали в том, что они «отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы, вошли во вкус упрощенного порядка производства дел... следовательно ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными».

Постановление ликвидировало тройки и требовало производить аресты только с санкции суда или прокурора.

Это постановление обычно трактуется как сигнал к прекращению массовых репрессий. Это не так. Репрессии продолжались и при Берии. Более того, постановление помогало находить новых врагов внутри самого НКВД. Ордера на арест прокуратура выдавала бесперебойно. А Особое совещание при НКВД работало столь же эффективно, как и тройки...

Но постановление создавало алиби для Сталина и политбюро и звучало как смертный приговор Ежову. Надо думать, он это понимал.

ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРКОМ

8 апреля 1938 года Ежова назначили по совместительству еще и наркомом водного транспорта. Так было и с Ягодой. Сталин действовал по испытанной схеме: убирал главного чекиста в сторону, готовя к аресту и суду. Но опять же не все в стране это поняли, потому что одновременно второй наркомат был поручен и Кагановичу.

Жену Ежова Евгению Соломоновну 29 октября 1938 года госпитализировали в подмосковный санаторий имени Воровского. У нее тяжелая депрессия. Жене Ежова тоже шили дело.

Несколько недель лечения ей не помогли. Она проглотила большую дозу снотворного — люминала — и 21 ноября умерла. Похоронили ее на Донском кладбище. Ежов на похоронах не присутствовал. Ему уже было не до этого. Истекали его последние дни на свободе.

Из ее предсмертного письма мужу:

«Очень прошу тебя, Колюшенька, и не только прошу, а настаиваю, проверь всю мою жизнь, всю меня. Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве и в каких-то несодеянных преступлениях... Я ни в чем не виновата перед страной и партией. За что же, Коленька, я обречена на такие страдания, которые человеку и придумать трудно. Остаться одной, запятнанной, опозоренной, живым трупом. Все время голову сверлит одна мысль: «Зачем жить? Какую вину я должна искупить нечеловеческими страданиями?»

Если бы можно было хоть пять минут поговорить с этим дорогим мне до глубины души человеком (Сталиным. — *Л. М.*). Я видела, как чутко он заботился о тебе. Я слышала, как чутко он говорил о женщинах. Он поймет меня, я уверена, он не может ошибиться в человеке и дать ему потонуть».

А тем временем Сталин вызвал Ежова и посоветовал ему развестись с женой, у которой подозрительные связи.

Потом следователи придумают: жена Ежова сама была завербована английской разведкой в 1926 году, потом и его завербовала. А Ежов ее отравил, чтобы она его не выдала.

Евгения Ежова, молодая привлекательная женщина, была легкомысленной особой, которая заинтересовалась творческими людь-

ми. Когда-то она работала машинисткой в советском полпредстве в Берлине, потом увлеклась журналистикой, работала в «Крестьянской газете», потом стала заместителем главного редактора журнала «СССР на стройке».

Сам Ежов утверждал, что и знаменитый полярник Отто Шмидт, и писатель Исаак Бабель, автор «Конармии» и «Одесских рассказов», были ее любовниками.

В деле Ежова есть материалы слежки НКВД за Михаилом Александровичем Шолоховым, который в июне 1938 года приезжал в Москву. Наблюдение зафиксировало, что «Шолохова навещала жена тов. Ежова и они вступили в интимную связь».

Потом Ежов охотно обвинит свою жену в шпионаже: «Особая дружба у Ежовой была с Бабелем, я подозреваю, что дело не обошлось без шпионской связи». Бабеля арестовали и расстреляли. Отто Юльевича Шмидта и Шолохова не тронули. Им в этой лотерее выпал счастливый билет.

Карен Нерсесович Брутенц, родом из Азербайджана, в своей книге «Тридцать лет на Старой площади» отобразил обстановку тех дней. Его отец служил в НКВД. Из госбезопасности его перевели в милицию, назначили начальником ГАИ республики. Однажды он позвонил домой и сказал, что вернется неизвестно когда: из здания никого не выпускают, идут аресты. НКВД сам подвергся погрому — одному из нескольких.

Сотрудники наркомата сидели в своих кабинетах. По коридору шли люди. Если они входили в чей-то кабинет, значит, его хозяина арестовывали...

Спасти пытались немногие. 13 июня 1938 года из СССР убежал начальник УНКВД по Дальневосточному краю Генрих Самойлович Люшков. Перейдя через китайскую границу, он попал к японцам, которые хозяйничали в ту пору в марионеточном государстве Маньчжоу-Го.

Произошло же это так. Люшкова вызвали в Москву, и он, зная, что его ждет, просто перешел границу на участке 59-го погранотряда в Маньчжурию. Это оказалось несложным делом: сказал сопровождавшему его начальнику погранзаставы, что у него встреча с японским агентом, и ушел. Он дал серию газетных интервью о сталинских преступлениях, работал советником штаба Квантунской армии. Но у японцев ему пришлось несладко. Япония — это не та страна, где ищут политического убежища. В августе 1945 года, когда императорская армия потерпела поражение, японцы его убили. Его труп тайно кремировали.

В октябре того же года попытка убежать нарком внутренних дел Украины комиссар госбезопасности третьего ранга Александр Иванович Успенский.

Эту историю описал в своих мемуарах Хрущев.

Ему позвонил Сталин и сказал, что имеются данные, согласно которым надо арестовать Успенского. Слышно было плохо. Хруще-

ву послышалось не Успенского, а Усенко. Усенко был первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины, на него уже тоже собрали показания, и он ждал, как решится его участь.

— Вы можете, — спросил Сталин, — арестовать его?

— Можем.

— Но это вы сами должны сделать.

И Сталин повторил фамилию. Тут Хрущев понял, что надо арестовать не комсомольского вожака Усенко, а главного чекиста Успенского.

Вскоре Сталин опять позвонил:

— Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешайтесь в эти дела...

Хрущев из Киева поехал в Днепропетровск, пошел в обком партии, вдруг — звонок из Москвы, у телефона Берия, первый заместитель Ежова.

— Ты в Днепропетровске, — с упреком сказал Берия, — а Успенский сбежал. Сделай все, чтобы не ушел за границу.

Хрущев сказал:

— Ночь у нас была с густым туманом, поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно.

— Тебе, видимо, надо вернуться в Киев, — посоветовал Берия.

— Хорошо, все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупрежу погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границы.

Хрущев срочно вернулся в Киев, поднял всех на ноги.

Успенский оставил в наркомате записку: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». Его одежду обнаружили на берегу Днепра, и водолазы сетями и крючьями обшарили весь Днепр и речной берег. Нашли утонувшую свинью, а Успенского не оказалось.

Успенский тем временем скитался по стране, но через месяц его все-таки отыскали и через год расстреляли.

Когда Хрущев приехал в Москву, Сталин сказал ему:

— Я с вами говорил по телефону, а Успенский подслушал. Хотя мы говорим по ВЧ и нам объясняют, что подслушать ВЧ нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушать, и он подслушал...

Есть и другая версия, видимо, более точная.

Разговаривая по телефону с Ежовым, Успенский понял по его обреченному тону, что дела плохи и надо спасаться, пока не поздно.

ПОСЛЕДНЯЯ АУДИЕНЦИЯ

Сам Ежов, однако, был не из тех, кто пытался спастись. Да ему это и в голову не приходило. Куда ему бежать? Надеялся, что Сталин его помилует. Он всего лишь ошибался, не всех врагов выявил и уничтожил. Других ошибок за собой не знал.

Рассказывают, что в последние месяцы он сильно пил и плохо владел собой.

За две недели до изгнания Ежова Сталин заставил его своей рукой написать, на кого из крупных работников, прежде всего членов политбюро, в НКВД есть доносы, кто в чем обвиняется, какие предположения есть у работников наркомата и так далее. Получился довольно большой список. Не на машинке отпечатанный документ — это можно подделать, — а рукописный.

Этот документ Сталин хранил в своем архиве до самой смерти. В этих доносах на членов политбюро не было ничего особенного: какие-то сомнительные, двусмысленные высказывания, кем-то заботливо записанные и принесенные в НКВД. Но важно не содержание, а сам факт наличия такого документа. При необходимости он легко обрстал другими такими же доносами и показаниями уже арестованных.

Поводом для ареста Ежова стал донос начальника управления НКВД по Ивановской области Виктора Павловича Журавлева, бывшего сибирского партизана. Скорее всего, он написан под диктовку сверху: уж больно смело Журавлев обвинял наркома в том, что он покровительствовал сомнительным людям.

Такое можно было написать, только будучи уверенным, что судьба Ежова решена. Журавлева похвалил сам Сталин, его перевели в столицу начальником управления НКВД по Московской области, избрали кандидатом в члены ЦК, а при Берии отправили начальником управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря. С этой должности он слетел за незаконное использование продуктов, предназначенных для лагеря. Его, видимо, ждала печальная судьба, но по дороге в Москву он умер.

23 ноября 1938 года Ежов был у Сталина. Он провел в кабинете генерального секретаря почти четыре часа — с 21.15 до часа ночи. Присутствовали также Молотов и Ворошилов, в то время главные доверенные лица Сталина.

В тот же день Ежов написал большое покаянное письмо Сталину, попросил освободить его от работы наркома внутренних дел и перечислил свои ошибки:

«Во-первых, совершенно очевидно, что я не справился с работой такого огромного и ответственного наркомата, не охватил всей суммы сложнейшей разведывательной работы.

Вина моя в том, что я вовремя не поставил этот вопрос во всей остроте, по-большевистски, перед ЦК ВКП(б).

Во-вторых, вина моя в том, что, видя ряд крупнейших недостатков в работе, больше того, даже критикуя эти недостатки у себя в наркомате, я одновременно не ставил этих вопросов перед ЦК. Довольствуясь отдельными успехами, замазывая недостатки, барахтался один, пытаясь выправить дело. Выправлялось туго — тогда нервничал.

В-третьих, во многих случаях, политически не доверяя работнику, затягивал вопрос с его арестом, выжидал, пока подберут друго-

го. По этим же деляческим мотивам во многих работниках ошибся, рекомендовал на ответственные посты, и они разоблачены сейчас как шпионы.

В-четвертых, моя вина в том, что я проявил совершенно недопустимую для чекиста беспечность в деле решительной очистки отдела охраны членов ЦК и Политбюро. В особенности эта беспечность непростительна в деле затяжки ареста заговорщиков по Кремлю...

Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при повседневном руководстве ЦК НКВД погромил врагов здорово. Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед тов. Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе, учесть свои ошибки, исправиться и на любом участке, где ЦК сочтет необходимым меня использовать, оправдать доверие ЦК».

Даже такому человеку, как Ежов, была свойственна некоторая наивность. Уж Николай Иванович должен был бы понимать, что его ждет. И все же верил, что его, такого преданного Сталину человека, пощадят. Ну снимут с должности, ну арестуют, но не расстреляют же! За что его расстреливать?

Но его оправдания никого не интересовали. Ежов и его команда были отработанным материалом. Наркомат внутренних дел уже был поручен новой бригаде во главе с Лаврентием Павловичем Берией. И новая бригада старательно уничтожала своих предшественников.

Смена команды имела для Сталина еще один очевидный плюс — на Ежова и его людей можно было переложить ответственность за все «перегибы» и ошибки. Партия сурово наказала преступивших закон... И люди видели, как справедлив Сталин, как ему трудно, когда вокруг столько врагов.

На следующий день после разговора с Ежовым, 24 ноября, Сталин подписал вполне нейтральное решение политбюро:

«1. Удовлетворить просьбу тов. Ежова об освобождении его от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР.

2. Сохранить за тов. Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта».

Причины освобождения указаны вполне благоприятные для Ежова: «учитывая как мотивы, изложенные в заявлении тов. Ежова, так и его болезненное состояние, не дающее ему возможности руководить одновременно двумя большими наркоматами».

Еще через день, 25 ноября, Берия возглавил наркомат внутренних дел. Давление на Ежова возрастало.

10 января 1939 года глава правительства Молотов подписал постановление Совета народных комиссаров:

«Ввиду того что Наркомвод т. Ежов систематически не является вовремя на работу и, несмотря на неоднократные предупреждения председателем СНК СССР, продолжает приходить в Наркомвод в

3,4 и 5 часов вечера, манкируя работой и исполнением обязанностей Наркома:

1. Объявить выговор за манкирование работой в Наркомате и предупредить о недопущении этого впредь.

2. Обязать т. Ежова вовремя являться в Наркомат и нормально осуществлять руководство Наркоматом».

На XVIII съезд партии его, секретаря ЦК, даже не избрали. 9 апреля 1939-го появился указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении наркомата водного транспорта, который не выполнил плана перевозок, на два — морского и речного флота. Ежов остался без работы.

На следующий день, 10 апреля, Ежова вызвал к себе только что избранный секретарем ЦК и назначенный начальником управления руководящих кадров Георгий Максимилианович Маленков. Он занял кресло, в котором в пору своего расцвета сидел Ежов. Но эпоха Николая Ивановича закончилась. Прямо в кабинете Маленкова после короткого разговора бывшего наркома арестовали. Ордер подписал его сменщик Лаврентий Павлович Берия.

Когда арестовали Ежова, Хрущев находился в квартире Сталина в Кремле. Сталин, как всегда, пригласил его поужинать.

«Как только мы вошли и сели на место, — пишет Хрущев, — Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас.

Он явно нервничал, что случилось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдавал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке, Ежова арестовали, сейчас начнут допрос».

Почему Сталин нервничал? Боялся, что человек, которому еще недавно подчинялись все органы госбезопасности, в том числе и личная охрана вождя, может в последний момент выкинуть какой-нибудь фортель. А вдруг у Ежова остались преданные ему люди и они попытаются то ли отбить бывшего наркома, то ли вообще напасть на самого Сталина? Вот поэтому он так старательно готовил каждый арест, лишая будущую жертву поддержки и опоры.

Ежова отвезли в Сухановскую особую тюрьму НКВД. Там держали ограниченное число особо опасных политических заключенных.

После ареста он написал Берии записку:

«Лаврентий!

Несмотря на суровость выводов, которые заслужил и принимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, т. Сталину останусь до конца.

Твой Ежов».

Чекистская верхушка менялась так быстро, что низовой аппарат госбезопасности едва успевал следить за переменами в руководстве.

Иван Михайлович Гронский, уже упоминавшийся на этих страницах, был арестован 30 июня 1938 года.

Он вспоминает, как во время допроса кто-то зашел в кабинет, и следователь вскочил.

— Кто у вас?

— Гронский Иван Михайлович.

Человек подошел к арестованному вплотную:

— Ну что, Иван, пишешь?

Гронский пригляделся — Ежов. Они познакомились в начале 30-х. Ежов запомнился ему как человек невысокой культуры. Был он небольшого роста, худой. На щеках — постоянный болезненный румянец, из-за которого старые чекисты называли его «чачотчным Вельзевулом».

— Не пишу и не собираюсь писать, — ответил Гронский.

— А я тебе очень советую писать!

— Мало ли что ты мне советуешь! Объективно, ты, Николай, делаешь контрреволюционное дело, и партия тебе этого никогда не простит.

Ежов начал кричать. Гронский его перебил:

— Ну что ты шумишь? Неужели ты не понимаешь, что исполнителей убирают, и вслед за нами ты пойдешь в тюрьму.

Ежов буквально выбежал из кабинета. Следователь покачал головой:

— Иван Михайлович, вы подписали себе смертный приговор!

Но Ежов, по словам Гронского, не обиделся и даже прислал старому знакомому папирос. Возможно, в реальности Гронский все же не беседовал с наркомом так резко...

Через несколько месяцев очередной следователь выколачивал из Гронского показания, ставя ему в вину документы со штампом «секретно», которые у него нашли при обыске.

Гронский решил прибегнуть к последнему аргументу:

— Да что ты ко мне пристаешь? Возьми телефон, позвони Николаю. Он тебе скажет, что я имел право хранить документ любой секретности.

— Кто такой Николай?

— Твой нарком — Ежов.

— Он такая же сволочь, как и ты!

— Как-как? Значит, и он арестован?

Следователь осекся и нажал кнопку:

— Увести!

ПАЦИЕНТ № 1

Ежов болел — у него был туберкулез, псориаз. Когда его поместили в тюремную больницу, там он значился не под своей фамилией: писали «пациент № 1». Бывшего министра госбезопасности

Виктора Семеновича Абакумова в тюремной больнице тоже будут именовать примерно так же — «арестованный № 15».

Ежова обвиняли в «изменческих, шпионских взглядах, связях с польской и германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии», в заговоре, подготовке государственного переворота, намеченного на 7 ноября 1938 года, в подрывной работе.

Ежов признал, что германская разведка завербовала его в 1930 году: «Прикрываясь личиной партийности, я многие годы обманывал и двурушничал, вел ожесточенную и скрытую борьбу против партии и советского народа».

Он признал, что все начальники лагерей — контрреволюционные элементы. Рассказывал о преступной деятельности двух маршалов — инспектора кавалерии РККА Семена Михайловича Буденного и начальника генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова, а также народного комиссара иностранных дел Максима Максимовича Литвинова и заявил о том, что Прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский связан с враждебными элементами.

Это означало, что чекисты и на этих людей подбирали материалы. Сеть закидывалась очень широко — практически на всех сколько-нибудь заметных в стране людей. И как только Сталин проявлял интерес, нужное дело клали ему на стол.

Но эти материалы в ход не пошли, все остались на свободе. Почему Сталин одних помиловал, а других казнил, понять невозможно.

Ежов признал, что готовил теракты против вождя — собирались стрелять в Сталина во время банкета или во время просмотра кинофильма.

Словом, Ежов признавался во всем: «Я не отрицаю, что пьянствовал... Часто заезжал к одному из приятелей на квартиру с девочкой и там ночевал».

Обвинили его и по статье 154-а в мужеложстве, совершенном с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего. Но в приговоре эта статья не значилась. Сам Ежов признал свое «морально-бытовое разложение»: «Речь идет о моем давнем пороке педерастии». Рассказал, что «взаимоактивные связи» начались у него с молодости.

Гонения на гомосексуалистов в Советском Союзе и в Германии начались почти одновременно.

Российские историки обнаружили датированную 13 декабря 1933 года докладную записку Сталину заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды:

«Ликвидируя за последнее время объединение педерастов в Москве и Ленинграде, ОГПУ установило существование салонов и прионов, где устраивались оргии...

Педерасты занимались вербовкой и развращением совершенно здоровой молодежи, красноармейцев, краснофлотцев и отдельных вузовцев...

Закона, по которому можно было бы преследовать педерастов в уголовном порядке, у нас нет... Полагал бы необходимым издать соответствующий закон об уголовной ответственности за педерастию».

Закон приняли, причем гомосексуалистов судили во внесудебном порядке как политических преступников.

Постановление о привлечении Ежова к уголовной ответственности подписал старший следователь следственной части НКВД старший лейтенант госбезопасности Василий Тимофеевич Сергиенко.

В органах госбезопасности Сергиенко начинал фельдъегерем, перед этим работал в Харькове заведующим магазином при спирто-водочном заводе. За девять лет из фельдъегерей он дошел до сотрудника центрального аппарата НКВД и в 1939 году стал начальником следственной части Главного управления госбезопасности НКВД.

После дела Ежова его командировали в Киев заместителем наркома внутренних дел Украины. В начале 1941-го назначили наркомом. По словам Хрущева, это был «оборотистый человек». Сергиенко поспешил доложить в Москву, что Хрущев намерен сдать Киев, не хочет оборонять город. Сталин обвинил Хрущева и командование Юго-Западного фронта в трусости.

После войны всплыли весьма неприятные для наркома факты. Когда немцы подходили к Киеву, Сергиенко, как говорится в документах, «проявил «растерянность и трусость». Попав в окружение, сказал подчиненным:

— Я вам теперь не нарком, делайте что хотите.

В результате 800 человек из аппарата республиканского наркомата либо попали в плен, либо погибли. Сам он некоторое время жил в оккупированном Харькове, потом все-таки перешел линию фронта. В 1946 году Сергиенко перевели в ГУЛАГ и отправили начальником одного из лагерей, где он создал из заключенных оркестр и услаждал себя музыкой. В 1954 году его уволили и лишили генеральского звания.

ПРИГОВОР ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ

Накануне суда в Сухановскую тюрьму приехал Берия и о чем-то говорил с Ежовым. О чем? Вероятно, Лаврентий Павлович проводил с арестованными те же беседы, что вел еще недавно сам Ежов: объяснял, что надо признаваться в своей вине, тогда появится шанс на снисхождение. Так это было или не так, спросить уже некого, поскольку расстреляли и Ежова, и Берию.

Но на следующий день в последнем слове Ежов сказал: «Вчера еще в беседе с Берией он мне сказал: «Не думай, что тебя обязательно расстреляют. Если ты сознаешься и расскажешь все по-честному, тебе жизнь будет сохранена».

На суде Ежов заявил также: «Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я мало их почистил».

По существу он отверг все обвинения и закончил свою последнюю речь так:

«1. Судьба моя: жизнь мне, конечно, не сохранят... Прошу одно: расстреляйте меня спокойно, без мучений.

2. Ни суд, ни ЦК мне не поверят, что я невиновен. Я прошу, если жива моя мать, обеспечить ей старость и воспитать мою дочь.

3. Прошу не репрессировать моих родственников и земляков, так как они совершенно ни в чем не повинны.

4. Прошу суд тщательно разобраться с делом Журбенко, которого я считал и считаю честным человеком и преданным делу Ленина—Сталина.

5. Я прошу передать Сталину, что никогда в жизни политически не обманывал партию, о чем знают тысячи лиц, знающих мою честность и скромность.

Прошу передать Сталину, что все, что случилось, является просто стечением обстоятельств и не исключена возможность, что и враги приложили свои руки, которые я проглядел. Передайте Сталину, что умирать я буду с его именем на устах».

Военная коллегия Верховного суда справилась с его делом за один день.

Его приговорили к смертной казни «за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств неугодных лиц».

В решении суда говорилось: «Приговор окончательный и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно».

На следующий день, 4 февраля 1940 года, Ежов был расстрелян в подвале на Никольской улице.

Его падчерица Наталья, которая попала в детдом в шесть лет, а сейчас живет в поселке Ола Магаданской области, писала в своем обращении с просьбой о его реабилитации: «Ежов — продукт господствовавшей тогда системы кровавого диктаторства. Вина его в том, что он не нашел в себе сил отказаться от рабского служения Сталину, и вина его перед советским народом ничуть не больше, чем вина Сталина, Молотова, Кагановича, Вышинского, Ульриха, Ворошилова и многих других руководителей партии и правительства».

В июне 1998 года коллегия по военным делам Верховного суда отказалась реабилитировать Николая Ивановича Ежова.

Глава 5

ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ

Знаменитый в годы войны авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев, создатель истребителей, вспоминал анекдот, рассказанный ему когда-то членом политбюро Андреем Александровичем Ждановым:

«Сталин жалуется: пропала трубка. Говорит: «Я бы много дал, чтобы ее найти». Берия уже через три дня нашел десять воров, и каждый из них признался, что именно он украл трубку. А еще через день Сталин нашел свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате».

Жданов, рассказывая анекдот, весело смеялся...

Эта славная история, конечно, прежде всего характеризует самого Жданова, но и Берия тоже. Такая, выходит, у Лаврентия Павловича была репутация даже среди своих, товарищей по политбюро. Ради одобрительного слова Сталина ловкий человек готов на все, и жизнь невинных людей для него ничто.

Политическая карьера Берии состоит из двух этапов — три сталинских десятилетия и три послесталинских месяца. Причем именно эти три месяца оказались наиболее яркими, но о том, что происходило после 5 марта 1953 года, мы поговорим отдельно, это уже другая эпоха.

Из всех хозяев Лубянки только Берия и Андропов и по сей день вызывают неподдельный интерес, рождают споры и кажутся многогранными личностями. Их предшественники и преемники представляются более однозначными фигурами.

Берия, хотя и в значительно меньшей степени, чем Андропов, в последние годы обзавелся искренними поклонниками. Или, как минимум, предстал в роли крупного политика, оболганного и несправедливо изображенного кровавым чудовищем.

В реальности Берия обладал сильной волей, был талантливым организатором, умел быстро схватить суть дела и ориентироваться в сложной обстановке.

Некоторые историки исходят из того, что Берия виноват в репрессиях не более, чем остальные члены политбюро — от Молотова до Хрущева. Просто летом 1953-го он проиграл в политической борьбе, и его превратили в козла отпущения, свалив на него все грехи.

ПЕРВЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ОПРАВДАНИЯ

Лаврентий Берия родился 29 марта 1899 года в горном селе Мерхеули Сухумского района Абхазии в крестьянской семье. Он явно был незаурядным ребенком, хотел учиться и добился своего. В 1919 году окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище (специальность — архитектор-строитель) и еще два года проучился в Политехническом институте. Это довольно высокий образовательный ценз для партийно-чекистских кадров того времени.

Люди, которые интересовались его судьбой, говорят, что это был разносторонне одаренный человек, он любил музыку, пел, интересовался архитектурой. Но быструю карьеру в те времена можно было сделать только в политике.

В 1918—1919 годах он работал в Грузии и в Азербайджане практикантом в главной конторе нефтяной компании Нобеля, техником гидротехнического отряда. Остался в Баку, когда город был оккупирован турецкими войсками, работал конторщиком на заводе «Каспийское товарищество Белый город».

В партию большевиков вступил в марте 1917 года и быстро вовлекся в политическую деятельность. Причем по свойству своего характера занялся весьма деликатным, чтобы не сказать сомнительным, делом: по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где с 1918-го по весну 1920-го у власти находилась партия «Мусават» («Равенство»).

С осени 1919 года по март 1920 года Берия официально служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики.

Товарищей по партии эта история смущала. Об этом можно судить по письму, которое Берия в 1933 году из Тифлиса написал в Москву Сергею Орджоникидзе, который по инерции все еще считался куратором Закавказья и в силу близких отношений со Сталиным был особо влиятелен.

Письмо Берии построено очень ловко. На нескольких страницах он отчитывается о своей работе, потом сообщает, что нашел работу для брата Сергея — Папулии, и только потом переходит к главному:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе (первый секретарь ЦК компартии Грузии. — Л. М.). По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусаватской разведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

Между тем Вам хорошо известно, что в мусаватскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухуллы Ахундова, Буниат-Заде и других.

В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, так как факт моей работы в контрразведке с ведома партии был подтвержден заявлениями т.т. Мирза Давуд Гусейнова, Касум Измайлова и др.».

Потом будут говорить, что Берия работал на мусаватистов и англичан или в лучшем случае был агентом-двойником. Но никаких документов на сей счет найдено не было даже в те времена, когда их явно искали по всем архивам, чтобы понадежнее замазать Берия. Лаврентий Берия всегда служил одной власти.

Из Баку Берия отправили на нелегальную работу в независимую Грузию, где у власти находилось меньшевистское правительство, в качестве уполномоченного кавказского крайкома. Почти сразу он

был арестован в Тифлисе. От него потребовали в трехдневный срок покинуть Грузию. Но он остался и под чужой фамилией работал в полпредстве РСФСР в Грузии.

Его вновь арестовали и поместили в кутаисскую тюрьму.

В собрании сочинений Сергея Мироновича Кирова помещен любопытный документ. Киров в 1920 году был полномочным представителем РСФСР при правительстве самостоятельной тогда Грузии. В июле Киров направил грузинскому правительству официальную ноту:

«По сведениям, имеющимся в моем распоряжении, в Кутаисской тюрьме содержатся под арестом Николай Нозадзе, Ной Тодуа, Георгий Чубанидзе, Баграт Цамае и Лаврентий Берия.

Все они были осуждены военно-полевым судом Грузинской Демократической Республики за участие в вооруженном выступлении в октябре прошлого года.

Так как все поименованные граждане имеют право на основании статьи X договора между Россией и Грузией на освобождение от отбывания наказания, я не могу не рассматривать дальнейшее их пребывание в тюрьме как нарушение договора».

Берию освободили и выслали в Азербайджан, где власть уже принадлежала большевикам. Два месяца он проработал управляющим делами ЦК компартии Азербайджана, а потом стал ответственным секретарем республиканской Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих.

В апреле 1921 года он, как уже опытный подпольщик, оказался на работе в ЧК. Причем, будучи человеком грамотным, обладая быстрой реакцией и незаурядным умом, он стал делать карьеру. В его послужном списке одни повышения.

ГЛАВНЫЙ ЧЕКИСТ НА КАВКАЗЕ

Начал он с должности заместителя начальника секретно-оперативного отделения Азербайджанской ЧК, а уже через месяц он возглавил секретно-оперативную часть и сразу стал заместителем председателя республиканской ЧК.

В ноябре 1922 года его перевели на ту же должность в Грузинскую ЧК. На этой должности он проработал четыре года, пока в декабре 1926-го не стал заместителем председателя Закавказской ЧК — органа, который руководил госбезопасностью трех республик: Азербайджана, Грузии и Армении. Параллельно он возглавил ГПУ Грузии и получил пост наркома внутренних дел республики.

В начале 1931 года он возглавил Закавказское ГПУ, стал начальником Особого отдела Кавказской краснойзнаменной армии и полномочным представителем ОГПУ в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике. Это означает, что

он понравился высокому начальству в Москве и его поставили надзирать над работой чекистов трех республик.

В том же году Берия переводят на партийную работу — вторым секретарем Закавказского крайкома и одновременно первым секретарем ЦК компартии Грузии и Тбилисского горкома.

После выступления Хрущева на XX съезде принято считать, что ключевой шаг в карьере Берии — назначение его в конце 1931 года вторым секретарем Заккрайкома — был сделан наперекор мнению местных партийных руководителей волей Сталина.

Это не совсем так. Закавказская Федерация, объединившая Грузию, Азербайджан и Армению, существовала с 1922-го по 1936 год. Партийное руководство республик непрерывно конфликтовало между собой, и не Берия был в этих интригах главным, хотя именно он вышел из этой склоки победителем.

Его предшественник на посту первого секретаря Закавказского крайкома Мамия Орахелашвили 1 августа 1932 года писал Серго Орджоникидзе, в руках которого сходились все нити управления Кавказом:

«У нас отношения все хуже и нетерпимее. Тов. Берия не бывает у меня, между нами нет даже общения по телефону. Это не значит, конечно, что он не занимается закрайкомовскими делами, иногда — наоборот, держит себя как некий комиссар Лиги Наций в подмандатной стране...

Я писал т. Сталину с месяц тому назад, просил освободить меня, так как я не смогу обеспечить выполнение минимального долга перед ЦК. Он не реагировал никак на письмо, не вызвал... Все равно, Серго, вы меня снимете потом — что не добился обеспечения твердого режима в работе, не лучше ли теперь освободить меня?»

9 октября 1932 года политбюро удовлетворило «просьбу т. Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Закавказского крайкома». Через неделю этот пост занял Лаврентий Павлович.

Но путь Берии наверх не был простым и легким. Партийная элита жила в мире интриг, где все друг друга ненавидели и объединялись против удачливого соратника.

18 декабря 1932 года встревоженный Берия писал Орджоникидзе из Сухуми:

«Дорогой Серго!

Только что приехавший из Москвы Багиров передал мне в присутствии товарищей Ваш разговор с ним обо мне.

Сообщенные товарищем Багировым вещи были настолько чудовищны, что мне трудно было ему поверить.

Дорогой Серго, как могли Вы хоть на минуту допустить мысль о том, что я когда-либо, где-либо или кому-либо, в том числе и Нестору Лакобе, мог говорить столь нелепые, фантастические и

даже контрреволюционные вещи вроде: «Серго в двадцать четвертом году в Грузии перестрелял бы всех грузин, если бы не я...»

Я знаю, что болтунов из числа тех, кто уехал из Закавказья, много, запретить болтать глупости невозможно, знаю, что обо мне и о нашей нынешней работе в Закавказье ходит много кривотолков, но я никак не могу понять, чем руководствовался т. Лакоба, какие цели он преследовал, когда сообщал Вам заведомо ложные вещи...

Дорогой Серго, Вы меня знаете больше десяти лет. Знаете все мои недостатки, знаете, на что я способен.

Я ни разу не подводил ни ЦК, ни Вас и убежден — не подведу и в будущем.

Я отдаю все свое время работе, желая оправдать доверие ко мне партии и Центрального Комитета, я уже четыре года не пользовался отпуском, не находя возможным оторваться от дел. Сейчас нахожусь в Абхазии, нажимая на заготовки табаков...

Я прошу только одного: не верить никому. Не верьте и мне без проверки того, что я говорю и делаю. Проверьте и Вы сами убедитесь, насколько лживы и гнусны те инсинуации, которыми меня пытаются очернить в Ваших глазах...»

Своей карьерой Лаврентий Павлович обязан прежде всего Серго Орджоникидзе, который ему покровительствовал. Но уж и Берия не упускал случая доставить удовольствие московскому начальнику.

11 августа 1936 года Берия из Тифлиса писал Орджоникидзе: «Дорогой Серго!

Получил Ваше письмо о сборнике, посвященном Вашему 50-летию. Решение об издании такого сборника в связи с Вашим юбилеем есть твердое решение бюро Закрайкома ВКП(б) и руководящего коллектива республик, поэтому убедительно просим Вас не возражать...

Ваши доклады и статьи также обязательно необходимо в сборник включить. Многое в них сохраняет свою полную силу и для сегодняшнего дня. Это необходимо также для воспитания масс молодежи. Просим дать Вашу санкцию на опубликование намеченных докладов и статей в сборнике к юбилею...»

Нелепо было бы недооценивать природные дарования Лаврентия Берия.

БЛЮДА С ПЕРЦЕМ

Нами Микоян, невестка члена политбюро Анастаса Ивановича Микояна, племянница первого секретаря ЦК компартии Армении Григория Артемьевича Арутинова и дочь заместителя председателя Совнаркома Грузии Артема Григорьевича Геуркова, вспоминает молодого Берию:

«Берия, по-видимому, привлекал всех тогда своей внутренней силой, каким-то неясным магнетизмом, обаянием личности. Он

был некрасив, носил пенсне — тогда это было редкостью. Его взгляд был пронзительным, ястребиным. Бросалось в глаза его лидерство, смелость и уверенность в себе, сильный мингрельский акцент. Даже я, пяти-шестилетняя девочка, тогда с восторгом смотрела, как он заплывал дальше всех в бурное море, как лучше всех играл в волейбол.

Берия увлекался фотографированием, и на его даче в Гаграх, где мы часто бывали в гостях, он фотографировал и меня. Эти снимки у меня сохранились. Он много со мной разговаривал, часто как бы всерьез обсуждал серьезные философские вопросы и книги...

Берия в домашнем кругу был спокойным и строгим, к нам, детям, всегда приветливый.

Родившийся в бедной семье в глухой мингрельской деревне, рано потерявший отца, Берия рос на руках матери, которая зарабатывала шитьем. В школе он учился очень хорошо. Потом на деньги села, как лучший ученик, гордость односельчан, поехал учиться в Сухуми. По-видимому, им всегда двигало тщеславное желание выдвинуться, стать первым любой ценой. Но откуда у него было чувство красоты и хороший вкус, проявившийся в стиле жизни, в сдержанной элегантности комфорта?..

У Берии была большая двухэтажная дача. Комнаты были красиво обставлены, к столу все подавалось обслугой. Это был другой мир. Как правило, по воскресеньям Берия собирал коллег-соседей играть в волейбол...

К обеду Берия как всегда ждал гостей. Стол был накрыт. Еда готовилась в основном его родная, мингрельская: гоми — горячая каша из кукурузной муки с ломтями молодого сыра — стояла у каждого прибора, на первое был суп — лобио, помню иногда борщ. Все это сам Берия сильно перчил и заставлял гостей есть маленький зеленый огненный перчик, особенно тех, кто не привык к острому. Видя испуганное, красное лицо «отпробовавшего», он удовлетворенно смеялся...»

Всесоюзная слава Берии началась с доклада, прочитанного им в Тбилиси и изданного потом отдельной книгой — «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», где до мифологических масштабов была раздута выдающаяся роль Сталина в революционном движении.

Сталину это явно было приятно, но умело составленный доклад был не единственным достижением Берии. Он проявил себя толковым и надежным администратором, способным выполнить задание любой ценой. А Сталин ценил именно это точное выполнение его приказов.

Люди, которые не справлялись с делом по неумению или потому, что считали немыслимым платить слишком высокую цену — иногда в человеческих жизнях, у него долго не работали.

Берия показал себя и преданным человеком — летом 1933 года, когда на отдохавшего в Абхазии Сталина вроде бы было соверше-

но покушение, Берия громко крикнул: «Защитим вождя!» — и прикрыл собой Сталина. А кто в него стрелял, так и осталось неизвестным, потому что человека, который лежал на берегу с ручным пулеметом, охранники растерзали. Берия был большой мастер всякого рода интриг.

Одно представляется несомненным: Берия понравился Сталину. Но он был не единственным любимчиком генерального секретаря. Сталин многих выдвигал и окружал заботой. Когда надобность в них миновала, без сожаления отказывался от их услуг. Часто за этим следовал арест и расстрел. Берия — один из немногих, кто сумел пережить Сталина.

Иногда кажется, что Сталин доверял Берии потому, что они оба грузины. В этом предположении сразу две ошибки: во-первых, Сталин не доверял и Берии, во-вторых, национальная принадлежность Сталина мало интересовала. Если бы Серго Орджоникидзе не покончил с собой, от него избавились бы иным путем. Других выходцев с Кавказа рядом с генеральным секретарем не было, кроме Микояна, а он никогда не был близок к Сталину.

Равным образом национальная принадлежность Сталина и Берии не означала каких-либо поблажек для Грузии.

А Берия старательно выстраивал отношения со всеми членами политбюро. 20 июля 1933 года он писал из Тифлиса в Москву Калинин:

«Дорогой Михаил Иванович!

Приехавший из Москвы тов. Тодрия сообщил мне, что из разговора с Вами у него сложилось впечатление, будто Вы чем-то недовольны нами.

Мне очень больно узнать об этом, так как при моем искреннем уважении к Вам — одному из руководителей нашей партии, старейшему большевику и представителю лучшей части старой гвардии — я даже не допускаю мысли, чтобы хоть чем-нибудь сознательно мог вызвать Ваше недовольство.

Я специально поручил т. Мусабекову, едущему в Москву, выяснить, в чем мы провинились, чтобы сейчас же исправить свою вину и добиться восстановления Вашего всегда хорошего отношения к нам...»

И когда решался вопрос о переводе Берии в Москву, никто в политбюро не был против. Многие уже воспользовались приглашением Лаврентия Павловича, побывали в Тифлисе или в Сухуми и убедились в том, какой он любезный, заботливый и гостеприимный хозяин.

«Мне Берия понравился: простой и остроумный человек, — вспоминает Никита Хрущев, познакомившийся с ним в начале 30-х. — Поэтому на пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обменивались мнениями, а другой раз и зубоскалили в адрес оратора».

Берия умел веселиться и развлекаться и предпочитал делать это в большой компании, так что в приятелях у него недостатка не было.

Уже упоминавшийся на страницах этой книги профессор Александр Григорьевич Соловьев, бывший партийный работник с широкими связями, оставил интереснейший дневник. В 1936 году он встретил старого приятеля Жбанкова, который как бывший чекист жил в Троицком переулке в доме НКВД.

«Под ним квартира, закрепленная за Берией для проживания по время приездов Москву, — записал Соловьев в дневнике. — Приезжает он часто. Говорят, любимец т. Сталина. Но в быту ведет себя очень распушенно. Жбанков жалуется, когда приезжает Берия, то нет никакого покоя. Пьянка, крики, женщины, песни, танцы, дым коромыслом. Раз Жбанков позвонил, чтобы я пришел к нему. Поднимаясь по лестнице, я был оглушен. С обеих сторон двери в квартиру открыты. Берия занимал обе квартиры. Пьяные мужики и женщины орала, не обращая никакого внимания. Жбанков позвал, чтобы я увидел, как безобразничают Берия и его гости. Впечатление очень тяжелое».

Уже тогда среди людей, близко знавших Берию, ходили разные слухи. После дружеского ужина у Берии в декабре 1936 года внезапно скончался глава Абхазии Нестор Аполлонович Лакоба. Ему было всего сорок три года. Берия его не любил. Рассказывают, что, умирая, Лакоба прошептал родным:

— Отравил меня проклятый Лаврентий.

Говорят, что Лакобе Сталин предлагал пост наркома внутренних дел, желая сменить Ягоду. Но Лакоба вроде бы не захотел покидать Абхазию. Тогда должность наркома досталась Берии... После смерти Лакобы арестовали его сына Рауфа, ему году было всего пятнадцать лет, и четырнадцатилетнего племянника Тенгиза.

Сына Лакобы приговорили к расстрелу за «участие в контрреволюционной организации». Приговор был приведен в исполнение в страшные дни осени 1941 года, когда Сталин и Берия расстреливали тех, кого боялись оставлять наступавшим немцам. Тогда было расстреляно 500 человек, среди них крупные военачальники.

«ЛУЧШЕ БЫ МНЕ ОСТАТЬСЯ В ГРУЗИИ»

Хрущев рассказал, как именно Берия был переведен в Москву. Сталин как бы невзначай заметил:

— Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя. — И обратился к Ежову: — Кого вы хотите в замы?

Тот ответил:

— Если нужно, то дайте мне Маленкова.

Сталин умел делать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ, хотя у него давно каждый вопрос был обдуман.

— Да, — сказал Сталин, — конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос, кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры.

На этом разговор вроде закончился. А через какое-то время он опять поставил перед Ежовым прежний вопрос:

— Кого вам дать в замы?

На этот раз Ежов никого не назвал. Тогда Сталин предложил сам:

— А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берия?

Берия находился там же, в кабинете Сталина.

Ежов резко встрепенулся, но сдержался и ответил:

— Это — хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать и не только заместителем. Он может быть и наркомом.

Тогда Берия и Ежов находились в дружеских отношениях. Как-то в воскресенье Ежов пригласил Хрущева и Маленкова к себе на дачу, там был и Берия. Когда Лаврентий Павлович приезжал в Москву, то всегда гостил у Николая Ивановича...

Сталин сухо ответил:

— Нет, в наркомы Берия не годится, а заместителем у вас будет хорошим.

И тут же продиктовал Молотову проект постановления.

Хрущев после заседания подошел к Берии и поздравил его. Тот ответил:

— Я не принимаю твоих поздравлений.

— Почему?

— Ты же не согласился, когда тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии.

Назначение Берии в наркомат внутренних дел было для него, судя по всему, малоприятным сюрпризом. Все-таки он возглавлял крупную партийную организацию и в случае перевода в Москву мог рассчитывать на пост в ЦК, а не в отраслевом наркомате. Уход с партийной работы выглядел понижением. Тем более, что утвердили его даже не наркомом, а всего лишь первым заместителем, хотя наверняка ему намекнули, что это назначение с перспективой.

В литературе бытует такая версия, будто Ежов, узнав, кто определен ему в могильщики, попытался отсрочить казнь и отдал распоряжение арестовать Берию. Шифровку получил нарком внутренних дел Грузии Сергей Арсеньевич Гоглидзе. Но он не выполнил распоряжение взять первого секретаря под стражу, а показал шифровку Берии. Тот срочно вылетел в Москву, пробился к Сталину и вымолил себе жизнь.

Это не более чем анекдот. Своевольия Ежов никогда не проявлял. А выписать ордер на арест Берии нарком просто не имел права:

первых секретарей ЦК нацреспублик брали только с санкции политбюро, то есть Сталина.

Сын Георгия Максимилиановича Маленкова пишет, что, по словам отца, именно ему Сталин поручил найти для наркомата внутренних дел первого зама, имеющего опыт партийной работы. Маленков перепоручил это своему заместителю. Тот и предложил кандидатуру Берии. Сталину назвали семь фамилий. Сталин выбрал Лаврентия Павловича.

22 августа 1938 года Берия был утвержден первым заместителем наркома внутренних дел СССР и засел на Лубянке вникать в дела и разбираться с кадрами. Он знал, что ему, как и всем его предшественникам, предстоит начать с чистки руководящего аппарата.

Берии сразу присвоили специальное звание комиссара государственной безопасности первого ранга (это приравнивалось к армейскому званию генерала армии).

Еще через месяц, 29 сентября, его назначили по совместительству начальником Главного управления государственной безопасности НКВД. В это управление входили все оперативные отделы, в том числе охрана политбюро. Ежов формально еще оставался наркомом, и Сталин не хотел никаких неприятных сюрпризов.

Берия привел с собой несколько доверенных лиц. Они потом разделят его судьбу.

Владимир Георгиевич Деканозов работал с ним в ГПУ Грузии. Берия сделал его секретарем ЦК Компартии Грузии по транспорту, затем наркомом пищевой промышленности Грузии и, наконец, председателем республиканского Госплана. Он возглавлял 3-й (контрразведывательный) и 5-й (особый) отделы ГУГБ НКВД. Летом 1940-го наводил порядок в Литве, которая была присоединена к Советскому Союзу после договора с Гитлером. В мае 1939-го — заместитель наркома иностранных дел, с ноября 1940-го посол в Германии. После смерти Сталина в 1953-м получил портфель министра внутренних дел Грузии.

Богдан Захарович Кобулов работал с Берией в ГПУ Грузии с 1925 года. На Лубянке он быстро вырос до первого заместителя наркома. Он был самым близким к Лаврентию Павловичу человеком. Кобулов ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами, огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене. Его брат Амаяк тоже займет высокие должности в наркомате.

Всеволод Николаевич Меркулов работал с Берией с 1922 года. В 1941-м он станет наркомом госбезопасности СССР. Подробнее о нем в следующей главе.

Лаврентий Фомич Цанава (настоящая фамилия — Джанджгава) работал с Берией с 1921 года. В 1922 году его исключили из партии по обвинению «в умыкании невесты», через год восстановили. Вслед за Берией Цанава в 1933 году ушел из органов госбезопасности, возглавил виноградное управление Самтреста, потом

стал первым заместителем наркома земледелия Грузии. Он много лет был наркомом внутренних дел Белоруссии. Во время войны возглавлял Особый отдел Западного фронта, был заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения. После войны стал заместителем министра госбезопасности.

Степан Соломонович Мамулов работал с Берией с начала 20-х. Он больше десяти лет был на партийной работе, в том числе в Казахстане и Днепропетровске, в середине 30-х стал секретарем Тбилисского горкома, заведовал сельхозотделом ЦК Грузии. Берия забрал его в Москву, сначала сделал его начальником секретариата НКВД, а затем заместителем министра внутренних дел.

И сразу Лаврентий Павлович стал набирать в органы новых людей. Будущий генерал госбезопасности Евгений Петрович Питовранов рассказывал в газетном интервью, как в 1938 году его, секретаря парторганизации Московского института инженеров транспорта, попросили назвать четырех надежных человек для службы в НКВД. Через несколько дней всех пригласили на Лубянку. Заседание вел Берия. Ежов сидел молча. Понравились все четверо, которых назвал Питовранов. И его самого тоже взяли на работу, хотя он еще учился и ему предстояло защищать диплом.

— Ничего, — махнул рукой Берия, — здесь университеты пройдут.

Три месяца Берия принимал дела на Лубянке, а 25 ноября 1938 года был утвержден наркомом и провел массовую чистку. В 1939 году из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник), пишут историки Александр Кокурин и Никита Петров. Аппарат обновился наполовину: в том же 1939-м на оперативные должности было взято 14,5 тысячи человек, абсолютное большинство — из партийных и комсомольских органов.

Берия сменил три четверти руководящих работников госбезопасности — он, видимо, получил от Сталина директиву радикально обновить аппарат за счет призыва партийно-комсомольских кадров. Чекистский аппарат значительно помолодел. Изменился национальный состав руководящего состава — исчезли поляки, латыши, немцы (представители «иностранных национальностей», как тогда говорили), резко сократилось число евреев. Кроме того, Берия убрал всех чекистов, которые в молодости состояли в каких-то других партиях — были эсерами или анархистами — или принадлежали к враждебным классам, то есть родились не в пролетарских семьях.

ПРИКАЗАНО: ИЗБИВАТЬ

Считается, что с приходом Берии массовые ежовские репрессии прекратились и кое-кого даже выпустили из тюрем и лагерей. 9 ноября 1939 года новый нарком действительно подписал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД» с требованием стро-

го соблюдать уголовно-процессуальные меры. Несколько сотрудников наркомата были арестованы за «неправильные» методы ведения следствия.

В Молдавии был устроен процесс над сотрудниками республиканского НКВД, которых судили за «провокацию в следствии, вымогательство от арестованных ложных показаний и подлоги в протоколах допросов». Арестовали и наркома капитана госбезопасности Ивана Широкого. Он покончил с собой в тюрьме.

Все, что творилось в органах, в политбюро прекрасно знали. Время от времени устраивались показательные проверки.

1 февраля 1939 года Прокурор СССР Вышинский доложил Сталину и Молотову о расследовании «серьезнейших преступлений, совершенных рядом сотрудников Вологодского УНКВД», проведенного Главной военной прокуратурой по просьбе секретаря Вологодского обкома.

Они «составили подложные протоколы допросов обвиняемых, якобы сознавшихся в совершении тягчайших государственных преступлений... Сфабрикованные таким образом дела были переданы на рассмотрение во внесудебном порядке на тройку при УНКВД по Вологодской области, и более ста человек были расстреляны... Во время допросов доходили до изуверства, применяя к допрашиваемым всевозможные пытки. Дошло до того, что во время допросов этими лицами четверо допрашиваемых были убиты».

Вышинский доложил, что за эти преступления арестованы десять чекистов. Он предложил «настоящее дело заслушать в закрытом заседании Военного трибунала Ленинградского военного округа, но в присутствии узкого состава оперативных работников Вологодского управления НКВД и вологодской прокуратуры».

И, как водится, приговор был известен еще до начала суда: «Обвиняемых Власова, Лебедева и Роскурякова, являющихся зачинщиками и организаторами изложенных выше вопиющих преступлений, полагал бы приговорить к высшей мере наказания — расстрелу, остальным — к длительным срокам лишения свободы».

В 1939-м из лагерей было освобождено 223,6 тысячи человек, из колоний — 103,8 тысячи.

Однако одновременно было арестовано 200 тысяч человек, не считая депортированных из западных областей Белоруссии и Украины после раздела Польши осенью 1939 года. Права Особого совещания при НКВД СССР, которое выносило внесудебные приговоры в тех случаях, когда не было никаких доказательств, по настоянию Берии были расширены.

И знаменитое указание Сталина разрешить пытать и избивать арестованных появилось в письменном виде не при Ежове, а при Берии.

Речь идет о шифротелеграмме секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий нацреспублик от 10 января 1939 года, подписанной

Сталиным: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Евгений Гнедин, бывший заведующий отделом печати НКВД, арестованный в мае 1939 года, прошел через лагеря, выжил и оставил воспоминания. Он описал, как его привели к Кобулову:

«Передо мной за солидным письменным столом восседал тучный брюнет в мундире комиссара первого ранга — крупная голова, полное лицо человека, любящего поесть и выпить, глава навывкате, большие волосатые руки...

Кобулов заканчивал разговор по телефону. Заключительная реплика звучала примерно так:

— Уже сидит и пишет, да-да, пишет, а то как же!

Кобулов весело и самодовольно хохотал, речь шла, очевидно, о недавно арестованном человеке, дававшем показания.

Обернувшись ко мне, Кобулов придал лицу угрожающее выражение. Не отводя глаз, он стал набивать трубку табаком из высокой фирменной коробки «Принц Альберт». Я сам курил трубку и очень ценил этот превосходный американский табак, который в Москве нельзя было достать... Грозным тоном Кобулов заявил мне, что я разоблачен и вскоре буду расстрелян... Он потребовал, чтобы я рассказал ему о моих «связях с врагами народа»...

Поскольку Гнедин не желал раскаиваться, то утром, часа через четыре после окончания первого ночного допроса, его снова вызвали:

«Через площадку парадной лестницы, через приемную и обширный секретариат меня провели в кабинет кандидата в члены политбюро, наркома внутренних дел Л.П. Берия.

Пол в кабинете был устлан ковром, что мне вскоре пришлось проверить на ощупь. На длинном столе для заседаний стояла ваза с апельсинами. Много позднее мне рассказали истории о том, как Берия угощал апельсинами тех, кем он был доволен. Мне не довелось отведать этих апельсинов.

В глубине комнаты находился письменный стол, за которым уже сидел Берия и беседовал с расположившимся против него Кобуловым. Меня поместили за стол рядом с Кобуловым, а слева, рядом со мной, — чего я сначала в волнении не заметил, — уселся какой-то лейтенант...

Кобулов официальным тоном доложил:

— Товарищ народный комиссар, подследственный Гнедин на первом допросе вел себя дерзко, но он признал свои связи с врагами народа.

Я прервал Кобулова, сказав, что я не признавал никаких связей с врагами народа... Добавил, что преступником себя не признаю.

Кобулов со всей силой ударил меня кулаком в скулу, я качнулся влево и получил от сидевшего рядом лейтенанта удар в левую скулу. Удары следовали быстро один за другим. Кобулов и его помощник довольно долго обрабатывали мою голову — так боксеры работают с подвешенным кожаным мячом. Берия сидел напротив и со спокойным любопытством наблюдал, ожидая, когда знакомый ему эксперимент даст должные результаты...

Убедившись, что у меня «замедленная реакция» на примененные ко мне «возбудители», Берия поднялся с места и приказал мне лечь на пол. Уже плохо понимая, что со мной происходит, я опустился на пол... Я лег на спину.

— Не так! — сказал нетерпеливо кандидат в члены политбюро Л.П. Берия.

Я лег ногами к письменному столу наркома.

— Не так, — повторил Берия.

Я лег головой к столу. Моя непонятливость раздражала, а может быть, и смутила Берию. Он приказал своим подручным меня перевернуть и вообще подготовить для следующего номера задуманной программы. Когда палачи (их уже было несколько) принялись за дело, Берия сказал:

— Следов не оставляйте!..

Они избивали меня дубинками по обнаженному телу. Мне почему-то казалось, что дубинки резиновые, во всяком случае, когда меня били по пяткам, что было особенно болезненно, я повторял про себя, может быть, чтобы сохранить ясность мыслей: «Меня бьют резиновыми дубинками по пяткам». Я кричал — и не только от боли, но наивно предполагая, что мои громкие вопли в кабинете наркома, близ приемной, могут побудить палачей сократить операцию. Но они остановились, только когда устали».

То же самое происходило по всей стране.

Писатель Кирилл Анатольевич Столяров цитирует в своей книге о министре госбезопасности Абакумове рапорт заместителя начальника райотдела НКВД в Гаграх В.Н. Васильева (начальником отдела был будущий министр госбезопасности Грузии Рухадзе):

«Арестованных на допросах били до смерти, а затем оформляли их смерть как умерших от паралича сердца и по другим причинам...

Арестованного били по несколько часов подряд по чему попало... Делалась веревочная петля, которая надевалась на его половые органы и потом затягивалась... Майор Рухадзе дал сотрудникам установку: «Кто не бьет, тот сам враг народа!»

Однажды я зашел в кабинет следователя, который допрашивал арестованного эстонца по подозрению в шпионаже на немцев. «Как он ведет себя?» — спросил я. «Молчит, не хочет признаваться во вражеских намерениях», — ответил следователь, заполняя протокол. Я внимательно посмотрел на арестованного и понял, что тот мертв. Обойдя вокруг него, я заметил кровь на разбитом затылке... Тогда я спросил следователя, что он с ним делал, и он мне показал свер-

нутую проволочную плетть, пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв...

Словом, в помещении райотдела днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стон...»

Арестованный Рухадзе скажет потом, что его бывший заместитель преувеличивает: избивали только по ночам, днем в райотдел приходили посетители и бить было невозможно.

Репрессии с назначением Берии вовсе не закончились. А приказы об исправлении ошибок и увольнение из аппарата проштрафившихся были обычной практикой взваливания вины за прошлое на предшественников. И людям казалось, что худшее позади, что пришли наконец справедливые люди и наведут порядок. Авральнотурмовая работа госбезопасности при Ежове сменилась планомерной чистой при Берии.

Василий Иванович Бережков, автор книги о начальниках Ленинградского управления госбезопасности, цитирует обращение секретаря Псковского окружкома партии Игнатова от 27 января 1939 года к первому секретарю обкома Жданову: начальник Псковского окружного отдела НКВД «Карпов и его подчиненные не сделали для себя никаких выводов, вытекающих из решения ЦК... Вместо того чтобы организовывать беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, по существу ослабили, если не прекратили борьбу со врагами народа... Если с 17 сентября по 18 ноября 1938 года было разоблачено и арестовано 1193 человека, то с 18 ноября 1938 года по 14 января 1939 года только 12 врагов народа».

Сталину нравилось, как Берия решает любые проблемы. Вождь поручил ему покончить с преступностью в столице. В феврале 1940 года Берия обратился к Сталину с предложением:

«1. Арестовать и решением Особого совещания НКВД заключить в исправительно-трудовые лагеря сроком до 8 лет нелегально проживающих в Москве и области 5—7 тысяч человек уголовно-преступного элемента.

2. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР расстрелять 300 человек профессиональных бандитов и грабителей, имеющих неоднократные судимости...»

Предложение было принято.

В марте 1939 года на XVIII, последнем перед войной партийном съезде Берия был избран кандидатом в члены политбюро. На съезде Сталин с удовольствием говорил, что за последние пять лет на руководящие посты в стране выдвинуто больше полумиллиона новых работников.

В 1939 году в номенклатуре ЦК числилось примерно 33 тысячи человек — от наркомов до парторгов ЦК на заводах и стройках. Из них половина вошла в номенклатуру в годы большого террора.

За эти годы сменилось девять десятых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных республик. Выдвинулись молодые работники, которые совсем недавно вступили в партию. Прёжние ограни-

чения, требовавшие солидного партстажа для выдвижения на крупную должность, были сняты. Молодые люди, не получившие образования, совершали головокружительные карьеры, поэтому они подерживали репрессии, которые освобождали им дорогу наверх.

Сталин не доверял старому поколению и не считал его пригодным для работы. А чиновники нового поколения были всем обязаны Сталину, испытывали к нему признательность, были энергичны и желали доказать свою пригодность.

Полковник внешней разведки Владимир Борисович Барковский, сыгравший важную роль в атомном шпионаже и удостоенный в 1996 году звания Героя Российской Федерации, вспоминал в газетном интервью, как он перед войной в числе выпускников спецшколы НКВД впервые увидел Берия: «Берия принял выпускников, говорил в течение пяти минут. Я ожидал увидеть нечто могучее, а за столом сидел маленький человек в пенсне без оправы, похожий на старого российского интеллигента, держался уверенно. Заявил нам, что мы все должны оправдать доверие Родины, правительства и товарища Сталина».

ПАРТИЯ В БИЛЬЯРД

Писатель Корнелий Люцианович Зелинский оставил крайне любопытные воспоминания о своих разговорах с Александром Александровичем Фадеевым. Они опубликованы в пятом сборнике документов «Минувшее», которые стали выходить после начала перестройки.

Генеральный секретарь Союза советских писателей Фадеев пользовался особым расположением генерального секретаря партии. Сталину он нравился даже чисто по-человечески.

Фадеев рассказал о том, что он был в качестве гостя на съезде партии Грузии в 1937 году и покритиковал потом в письме Сталину культ первого секретаря Берии. Берия это запомнил. Прошло время, Лаврентий Павлович стал наркомом внутренних дел. Аресты продолжались. Фадеев был очень лояльным человеком, но иногда пытался вступить за кого-то из тех, кого знал и любил.

Сталин сказал ему:

— Все ваши писатели изображают из себя каких-то недотрог. Идет борьба, тяжелая борьба. Ты же сам прекрасно знаешь, государство и партия с огромными усилиями вылавливают всех тех, кто вредит строительству социализма, кто начинает сопротивляться. А вы вместо того, чтобы помочь государству, начинаете разыгрывать какие-то фанатерии, писать жалобы и тому подобное.

Тем не менее, когда арестовали женщину, которую он хорошо знал, Фадеев поручился за нее. Прошло несколько недель, прежде чем ему ответили. Позвонили ему домой:

— Товарищ Фадеев?

— Да.

— Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого вы лично ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме того, Лаврентий Павлович просил меня — с вами говорит его помощник — передать вам, что он удивлен, что вы как писатель интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая ответа.

— Мне дали по носу, — заключил Фадеев, — и крепко.

Но совсем ссориться с писателем номер один Берия не хотел и однажды позвал Фадеева в гости на дачу. После ужина пошли играть в бильярд. Берия заговорил о том, что в Союзе писателей существует гнездо крупных иностранных шпионов.

Фадеев поругался с Берией, стал говорить, что вообще нельзя так обращаться с писателями, как с ним обращаются в НКВД, что требования доносов нравственно ломают людей.

Берия зло сказал ему:

— Я вижу, товарищ Фадеев, что вы просто хотите помешать нашей работе.

Фадеев, по его словам, ответил не менее жестко:

— Довольно я видел этих дел. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа.

Берия разозлился. Фадеев улучил минуту и сбежал с дачи, пошел в сторону Минского шоссе. Внезапно он увидел машину, отправленную ему вдогонку: «Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян». Фадеев спрятался в кустах, дождался, когда преследователи исчезнут, потом долго шел пешком и сел на автобус...

УБИЙСТВО ТРОЦКОГО

Убить Троцкого, который после изгнания из России жил в Мексике, было страстным желанием Сталина. Мало кого он ненавидел так сильно, как Троцкого. Тут было много личного. Троцкий от души презирал Сталина, считал посредственностью и не скрывал своих чувств.

Лев Троцкий был одним из отцов-основателей Советского государства. Ему судьба щедро отпустила славы и бесславия, взлетов и падений. Он видел, как осуществились его самые смелые мечты, как мгновенно реализовывались его идеи, он был триумфатором. И он видел крушение всех своих надежд и полный крах своей карьеры.

Пока был жив Ленин, Троцкий считался в партии человеком номер два и мог претендовать на первое место. В то время как Сталин чем дальше, тем с большей уверенностью полагал, что именно он должен возглавить страну и партию после неминуемого ухода Ленина.

Сталин с раздражением видел, что окружающие почему-то не замечают его достоинств и продолжают восхищаться революционными заслугами, военными успехами, ораторскими и литературными достоинствами Льва Троцкого.

В решающие дни 1917 года Троцкий вел себя очень мужественно. Когда Временное правительство начало преследовать большевиков, Ленин и Зиновьев спрятались, Троцкий не скрывался. Его арестовали и продержали два месяца в тюрьме, но вынуждены были отпустить.

Он сыграл ключевую роль в Октябрьской революции, в захвате власти большевиками. Он был необыкновенно популярен, его выступления завораживали слушателей.

Сам Троцкий мечтал быть писателем, журналистом. Власть пришла к большевикам так быстро и неожиданно, что Троцкий еще не успел решить, чем он станет заниматься. От предложенного ему поста наркома по внутренним делам отказался. По предложению Свердлова стал наркомом по иностранным делам.

Троцкий возглавлял наркомат по иностранным делам ровно шесть месяцев и после подписания Брестского мира с немцами с чувством облегчения подал в отставку. Ленин поручил Троцкому куда более важное для страны дело — создавать армию в качестве наркома и председателя Реввоенсовета.

Несмотря на сопротивление товарищей-коммунистов, Троцкий привлек к созданию Красной армии офицеров царской армии. Это и обеспечило ей окончательную победу. Высокомерный по характеру, он не боялся конкуренции. Ему не нужны были безмолвные исполнители, и он окружал себя не посредственностями, а талантливыми людьми. Он выдвинул всю плеяду полководцев времен Гражданской войны. Со временем это сыграло роковую роль в их судьбе: выдвигенец Троцкого — это было равносильно смертному приговору.

В роли создателя армии он был на месте — тут-то и пригодилась его бешеная энергия, природные способности к организаторской деятельности, мужество и решительность. К ним добавилась еще и жестокость. Ленин и Троцкий победили в Гражданской войне, но какой кровавой ценой!

Потом многие годы будут писать, что жестокость Троцкого объясняется его еврейским происхождением: он не жалел ни России, ни русских. На самом деле национальность имела для Троцкого столь же малое значение, как и для Дзержинского или Сталина. Эти люди не чувствовали себя ни евреями, ни поляками, ни грузинами.

Они считали себя выше национальностей и ставили перед собой задачи всемирного характера. Выбирая себе друзей и врагов, они отнюдь не руководствовались этническими принципами. Поздний антисемитизм Сталина явление другого порядка, о нем пойдет речь дальше.

В начале 1918 года в газете «Петроградский голос», критически относившейся к большевикам, тогда это еще позволялось, публицист А. Амфитеатров, известный своим острым пером, опубликовал статью «Троцкий-великоросс».

Не соглашаясь с обычной оценкой Троцкого — «инородец», чужой, он писал, что Троцкому, напротив, не хватает традиционных еврейских черт осторожности, образования, умения приспособляться к обстоятельствам. По его мнению, беда заключалась как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста: «похвальбу, драчливость, нахрапистость, легкомыслие, злобу». Той же точки зрения придерживался и Ленин, уверенный, что представители национальных меньшинств хотят быть большими русскими, чем сами русские.

Победа в Гражданской войне прибавила Троцкому восторженных поклонников. На XII съезде партии выступление Троцкого было встречено такой бурной овацией, что Сталин и другие члены политбюро позеленели от зависти. А тогдашний любимец вождя и будущий нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов зло сказал:

— Подобные овации просто неприличны, так можно встречать только Ленина.

Сталин и другие твердо решили, что от Троцкого нужно избавиться. В 1925 году его сняли с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.

Два года он работал под руководством Дзержинского в ВСНХ, ведал научно-техническим управлением промышленности и Главконцессомом. Но эта работа занимала у него не много времени. В основном он безуспешно сражался со Сталиным и сталинской политикой, пока не потерпел поражение. В 1926 году он перестал быть членом политбюро, в октябре 1927-го его вывели из состава ЦК, а через месяц исключили из партии.

Сталин не знал, что делать с Троцким: страна еще не была готова признать ближайшего ленинского соратника врагом. Троцкого отправили в ссылку в Алма-Ату, а затем выслали из страны. Его сторонники были постепенно уничтожены. Но Троцкий и в эмиграции продолжал выступать против Сталина.

Троцкий писал очень много и не всегда верно. Но несколько его исторических прогнозов сбылись. В 1931 году он предсказал, что фашисты могут прийти к власти в Германии. В 1933-м — что Гитлер готовится к войне.

Он высмеивал Сталина, который не понимал, что такое фашизм, и считал, что социал-демократия не лучше фашизма. Весной 1939 года Троцкий писал, что Сталин созрел для союза с Гитлером. Осенью этот союз, вызвавший изумление во всем мире, был заключен. 2 сентября 1939 года Троцкий предупреждал, что через два года Гитлер нападет на Советский Союз. И двух лет не прошло, как и этот трагический прогноз оправдался.

Сторонников по всему миру у Троцкого было не так уж много, притягательная сила его идей слабела. Он ведь не был ни крупным теоретиком, ни народным вождем, он был революционером-практиком. Но Сталину казалось, что Троцкий по-прежнему опасен. Или, скорее всего, он просто считал, что враг должен быть уничтожен.

Сталин не мог простить себе, что позволил Троцкому уехать. Достать Троцкого за границей, в Мексике, на другом конце света, оказалось трудновато.

23 мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого, организованное НКВД. Группа боевиков ворвалась в его дом, поливая все вокруг из пулеметов. Троцкий остался жив, но с того дня жил в атмосфере обреченности. Каждое утро он говорил жене:

— Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Но, как говорил товарищ Сталин, нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики-ленинцы. Берия поручил убить Троцкого Павлу Судоплатову, умелому организатору диверсионных акций.

Непосредственно операцией руководил будущий генерал Наум Эйтингон (обычно его называли Леонидом Александровичем). Бывший эсер, он некоторое время был заместителем Серебрянского, возглавлявшего особую группу при председателе ОГПУ. Потом Эйтингона перевели в Иностранный отдел, он руководил отделением, которое ведало работой нелегальных резидентур.

На роль исполнителя нашли испанца Рамона Меркадера. Его мать, Мария Кариада Меркадер, тоже была агентом НКВД. В годы Гражданской войны в Испании она примкнула к анархистам. Ее старший сын погиб в бою, Рамон тоже участвовал в войне.

Один из самых знаменитых боевиков XX столетия, Меркадер прожил пятьдесят девять лет, из них двадцать — треть жизни — провел в тюрьме. Отсидел свой срок от звонка до звонка.

Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Троцкого, выдавая себя за сторонника Льва Давидовича. Он называл себя Жаком Морнараром, сыном бельгийского дипломата, но пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

Незадолго до своей гибели Троцкий записал в дневнике: «Прошлой ночью мне приснилось, что я разговаривал с Лениным. Он с тревогой спрашивал о моей болезни: «У вас нервное утомление, вы должны отдохнуть. Вы должны серьезно посоветоваться с врачами». Я рассказал Ленину о своей поездке в Берлин на лечение в 1926 году и хотел добавить: это случилось после вашей смерти, но сдержался и заметил: это было после вашей болезни».

Как странно: в конце жизни в своих снах и грезах Лев Давидович Троцкий, бывший железный нарком, видел себя под защитой Ленина!

20 августа Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жаркую погоду, в плаще и шляпе и попросил прочитать его статью. Когда Троцкий взялся за чтение, Меркадер вынул ледоруб и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого. Он надеялся убить Троцкого с одного удара и убежать.

Но Троцкий вступил с ним в борьбу. Меркадер, растерявшись, не воспользовался пистолетом, который у него был. Его схватили и передали полиции.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришло триста тысяч человек.

Убили и почти всю семью Троцкого. Это тоже был сталинский принцип: за врага отвечают все его родные.

Один из сыновей Троцкого, инженер Сергей Седов (оба сына, соратники Ленина, носили фамилию матери, поскольку не хотели незаслуженно пользоваться славой отца), занимался не политикой, а наукой. Он отказался уехать с отцом, остался в Советской России. Преподавал в Высшем техническом училище в Москве, подчеркнуто не участвовал даже в разговорах на политические темы, наивно полагая, что к нему у власти претензий быть не может.

Разумеется, это его не спасло. Виновен, не виновен, это Сталина и его подручных не интересовало. В 1936 году Сергея Седова для начала отправили в ссылку в Воркуту. Потом новый арест, и в 1937-м его расстреляли.

Расстреляли также обоих зятьев Троцкого. Одна дочь Льва Давидовича умерла от чахотки в 1927-м в Москве, вторая — в 1933-м в Берлине. Третью посадили в 1937-м, но она выжила. Только в 1961 году КГБ перестал за ней следить — ей тогда было уже восемьдесят семь лет.

Второй сын Троцкого, Лев Седов, унаследовавший от отца бойцовский характер, предпочел эмигрировать вместе с родителями. Верный помощник Льва Троцкого, он, проживая в Париже, пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки. Вся его переписка, все архивы троцкистских организаций оказались в Москве.

В начале 1938 года его оперировали по поводу аппендицита. Операция прошла благополучно, но через несколько дней, 16 февраля, Лев Седов умер в парижской клинике. Мало кто сомневался в том, что это дело советской разведки, но документальные свидетельства насильственного характера смерти не обнаружены.

Через два дня после странной кончины Льва Седова в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян известный физик-теоретик, один из основоположников квантовой теории гравитации Матвей Петрович Бронштейн. Его арестовали как троцкиста, потому что однажды этот талантливый ученый неудачно пошутил, что он — родственник Троцкого, настоящая фамилия которого Бронштейн.

Женой несчастного однофамильца Троицкого была Лидия Корнеевна Чуковская, дочь знаменитого писателя и сама писательница, человек исключительно мужественный и честный. Ей сообщили, что муж приговорен к десяти годам лагерей без права переписки. Только потом она узнала, что этот приговор означал на деле расстрел.

Рамон Меркадер на суде в Мексике не признался, что работает на Советский Союз. Это понравилось в Москве. НКВД даже пытался его выволочь из тюрьмы. Профессор Анатолий Павлович Судоплатов, сын генерала Судоплатова, рассказывал мне, со слов отца, что вначале Меркадера хотели выкупить и лишь потом отказались от этой идеи.

Он отсидел свой срок полностью.

4 мая 1960 года Меркадера освободили. Его переправили на Кубу, а оттуда на теплоходе — в Советский Союз. 25 мая КГБ СССР доложил Хрущеву об освобождении Меркадера. 31 мая появился закрытый указ президиума Верховного Совета СССР: «За выполнение специального задания и проявленный при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Меркадера доставили в Москву, где 8 июня председатель КГБ Александр Шелепин вручил ему Звезду Героя Советского Союза. В Москве ему выдали советский паспорт на имя Рамона Ивановича Лопеса. Устроили на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его опекал Комитет государственной безопасности. Относились к нему вежливо-холодно.

Меркадер женился на женщине, которая в Мексике носила ему в тюрьму передачи.

К тому времени, когда он появился в столице Советского Союза, его друзья и наставники — генералы Леонид Эйтингон и Павел Судоплатов — уже сидели в тюрьме: их посадили как людей Берии.

Я спросил Судоплатова-младшего, который в 60-х годах хорошо знал Меркадера и часто бывал у него дома: сожалел ли тот о своем прошлом? О том, что убил Троицкого?

— Нет, — сказал профессор Судоплатов, — он сожалел о том, что жизнь его так сложилась, что ему пришлось столько лет провести в тюрьме.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где не было снега и надоедливых аппаратчиков, где говорили по-испански и где ему нашли дело.

На Кубе Меркадер умер от саркомы в 1978 году. Его тело доставили в Советский Союз и похоронили в Москве, на Кунцевском кладбище. Большую часть своей жизни он выдавал себя за другого человека. И похоронили его тоже под чужим именем.

РАССТРЕЛ В КАТЫНИ

В августе 1939 года Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении. Это развязало Гитлеру руки, и он напал на Польшу. К советско-германскому пакту прилагался дополнительный секретный протокол, который подписали Молотов и нацистский министр иностранных дел Риббентроп. Этот протокол зафиксировал договоренность Гитлера и Сталина о разделе Польши. Сталин обещал немцам вступить в войну с Польшей, чтобы ускорить ее разгром.

Густав Хильгер, советник немецкого посольства в Москве, описал прием в Кремле, после которого довольный Риббентроп произнес свою знаменитую фразу:

— В Кремле я чувствовал себя так хорошо, словно находился среди старых партийных товарищей.

Нарком внутренних дел Лаврентий Берия неустанно подливал Хильгеру перцовки. Советник Хильгер пытался сохранить трезвую голову.

— Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может, — снисходительно сказал Хильгеру Сталин.

— Даже шеф НКВД? — шутливо спросил Хильгер.

— За этим столом даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-либо другой, — серьезно ответил Сталин.

Сталин не лукавил: для него Берия был всего лишь одним из подручных, и не самым близким. Но ему Сталин поручал самые грязные и кровавые дела, в том числе расстрел польских пленных в Катыни.

Нападение немецких фашистов на Польшу стало началом Второй мировой войны, поскольку Франция и Англия в ответ объявили Германии войну.

Сталин, который считал, что его этот пожар не опалит, сказал 7 сентября 1939 года генеральному секретарю исполкома Коминтерна Георгию Димитрову:

— Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга.

Польшу Сталин назвал фашистским государством:

— Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что, плохо было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население?

Вступать в войну Сталин не спешил: поляки продолжали отчаянно сражаться. Вторжение в Польшу предполагалось осуществить в ночь с 12-го на 13 сентября, потом его перенесли на 17-е.

Польскому послу в Москве заместитель наркома иностранных дел Владимир Петрович Потемкин вручил ноту советского правительства: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. Варшава как столица Польши

не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать».

Посол ноту отверг: Варшава еще не пала, и польское правительство продолжало существовать.

17 сентября, выступая по радио, глава правительства и нарком иностранных дел Молотов сказал, что советские войска с освободительной миссией вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Это была территория истекающей кровью Польши.

Главнокомандующий польской армией маршал Эдвард Рыдз-Смигли приказал не оказывать Красной армии сопротивление. Поляки продолжали сражаться с немцами, но вступление в войну Советского Союза лишило их последней надежды.

Советские и немецкие войска, встречаясь, приветствовали друг друга, даже устроили совместный парад: это называлось «братство, скрепленное кровью».

Когда Польша будет разгромлена, Молотов с удовольствием скажет на сессии Верховного Совета СССР:

— Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мошью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...

Польша была оккупирована, поделена и перестала существовать как государство. Раздел Польши был назван в советско-германском договоре о дружбе и границе «надежным фундаментом дальнейшего развития дружественных отношений между советским и германским народами».

Отдельные польские части, не получив приказа главнокомандующего, встретили Красную армию как захватчиков и вступили с ней в бой. Город Гродно сопротивлялся два дня. Когда красноармейцы взяли город, триста поляков сразу же расстреляли без суда. В некоторых районах части вермахта и Красной армии вместе уничтожали очаги польского сопротивления.

Красная армия заняла территорию с населением двенадцать миллионов человек. В советский плен попало около двухсот пятидесяти тысяч польских солдат и офицеров. Армия не знала, что делать с таким количеством военнопленных. Не было ни конвойных войск, чтобы их охранять, ни продовольствия, чтобы их кормить. Нарком обороны Ворошилов и начальник Генерального штаба Шапошников высказывались за то, чтобы, как минимум, рядовых солдат бывшей польской армии распустить по домам.

Сталин нашел другое решение: пленных поручили наркомату внутренних дел. 19 сентября 1939 года нарком Берия подписал приказ об образовании Управления по делам о военнопленных (во время Великой Отечественной оно станет Главным управлением

по делам военнопленных и интернированных) и создании сети приемных пунктов и лагерей-распределителей.

Уже через неделю первых военнопленных приказом Берии отправили на строительство шоссейных дорог. А в октябре — на добычу железной руды и на известковые разработки. Пленных ставили на самые тяжелые работы, но это еще было не худшее, что их ждало.

Лагеря создавались на скорую руку, пленные спали на голом полу, бараки не отапливались, еды не хватало, как, впрочем, и одежды, воды, посуды.

Берия командировал в лагеря лучших работников из центрального аппарата наркомата — в первую очередь для сортировки пленных. В Козельском лагере бригаду следователей возглавлял майор госбезопасности Василий Михайлович Зарубин, разведчик, участвовавший потом в похищении атомных секретов в Соединенных Штатах.

Начальник политотдела и комиссар Управления по делам военнопленных Семен Васильевич Нехорошев оповещал своих подчиненных, что «сотрудники Старобельского лагеря включились в предоктябрьское социалистическое соревнование и вызывают на соревнование сотрудников Козельского лагеря». Социалистическое соревнование развернулось во всех лагерях.

Уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины формально освободили, но отправили не домой, а на строительство дорог и предприятий наркомата черной металлургии. Лагеря назывались трудовыми, но условия содержания были ужасными.

Сорок с лишним тысяч уроженцев центральных областей Польши, которые оказались под немецкой оккупацией, передали Германии, хотя многие пленные — особенно коммунисты и евреи — просили оставить их в Советском Союзе.

Офицеров, генералов, чиновников, полицейских, видных представителей интеллигенции, священников, судей, промышленников собирали отдельно. Они разместились в трех лагерях — в Козельске, Старобельске и Осташкове. Среди офицеров было много учителей и врачей, мобилизованных в армию с началом войны. Среди полицейских основную массу составляли рабочие и крестьяне, которых мобилизовали в полицию, потому что они не могли в силу возраста или здоровья служить в регулярной армии. Лагерное начальство предлагало распустить их по домам. Берия отверг это предложение.

Польские военные врачи обратили внимание на то, что по Женевской конвенции после окончания войны их должны немедленно освободить из плена. Сбитый с толку начальник Старобельского лагеря отправил обращение военных врачей своему начальству в Москву.

Через неделю он получил ответ: «Женевская конвенция не является документом, которым вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам о военнопленных».

В лагеря поступали новые арестованные: оперативные группы НКВД на Западной Украине и в Западной Белоруссии выявляли «чуждые элементы», «антисоветски настроенных лиц», которых тут же арестовывали, а их семьи выселяли в Казахстан. Еще примерно сто сорок тысяч поляков были насильственно вывезены на Крайний Север и отправлены на лесоразработки.

На Украине этим занимался нарком внутренних дел республики комиссар госбезопасности третьего ранга Иван Александрович Серов, будущий первый председатель КГБ, в Белоруссии — нарком внутренних дел Лаврентий Фомич Цанавя.

8 октября 1939 года Берия подписал директиву особым отделениям лагерей для военнопленных, приказав им настойчиво выявлять среди военнопленных «контрреволюционные формирования». Сотрудники особых отделений вербовали себе агентуру среди пленных и сообщали в Москву о настроениях среди польских офицеров.

А какие были настроения? Поляки не понимали, почему их не выпускают, почему не разрешают связаться с родными и получать письма. Большинство хотело воевать с немцами и просило разрешить им уехать в Англию или Францию. Советский Союз как союзника нацистской Германии они не любили и своих чувств не скрывали.

Особисты, выполняя приказ Берии, начали выявлять «контрреволюционные и антисоветские организации». Поступавшая от них информация, видимо, укрепила Сталина в мысли, что от польских офицеров надо избавиться: враги они и есть враги. Выпускать их нельзя, держать в лагере до бесконечности себе дороже...

После обсуждения вопроса в политбюро в первых числах марта 1940 года Берия направил Сталину подробное письмо с предложением дела военнопленных офицеров «рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела».

Берия писал, что «все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю... Они пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти».

Сталин написал на письме Берии — «за». Вопрос был решен. Его оформили решением политбюро от 5 марта 1940-го:

«1. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

2. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представленным Управлением по делам военнопленных НКВД СССР;

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе Меркулова, Кобулова, Баштакова».

Меркулов и Кобулов были заместителями Берии.

Леонид Фокиевич Баштаков, бывший счетовод-конторщик, в день, когда политбюро приняло окончательное решение, был произведен в майоры госбезопасности и назначен начальником 1-го спецотдела НКВД (учет и статистика). Этой тройке предстояло подготовить расстрельные списки и их утвердить.

Через два дня в Москве в наркомате внутренних дел началась серия совещаний с руководством трех лагерей и начальством конвойных войск, которые усилили охрану пленных.

Дела на пленных поступали в Москву, обрабатывались в первом спецотделе НКВД, на их основе составлялись расстрельные списки, которые передавались на утверждение Берии и Меркулову. В основном этим занимался Меркулов.

Польские офицеры уже были приговорены к смерти, но не подзревали об этом. Начальники лагерей получали списки, которые оформлялись как наряды на вывоз пленных, и отправляли обреченных людей поездом в город. Начальникам Калининского, Харьковского и Смоленского областных управлений НКВД присылали приказ о приведении приговоров в исполнение.

В каждом подобном случае пленных привозили во внутреннюю тюрьму УНКВД. Расстреливали в камере, обитой кошмой, чтобы не было слышно. Расстрелом руководил начальник комендантского отдела НКВД. Делали это по ночам. Все было просто: пленного приводили в камеру, надевали на него наручники и стреляли ему в голову. Расстреливали из немецких «вальтеров» — их отправили из Москвы целый чемодан.

Трупы на грузовиках вывозили за город и закапывали в районе дач областного НКВД: сюда чужие люди не зайдут. Часть пленных из Козельского лагеря расстреляли прямо в Катинском лесу. Эти братские могилы и обнаружили потом немцы, заняв Смоленск.

Начиная с 1 апреля 1940 года, каждый день в лагеря поступали списки на несколько сотен человек. После каждого расстрела в Москву лично заместителю наркома Меркулову шла короткая шифротелеграмма такого, скажем, содержания: «Исполнено 292». Это означало, что за ночь расстреляли 292 человека.

К концу мая расстреляли 21 857 человек. Эту цифру в марте 1959 года назвал, ознакомившись с опасными документами, но-

вый председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в написанном от руки особо секретном письме Хрущеву.

Обнаружив массовые захоронения расстрелянных поляков, немцы были счастливы: какой прекрасный аргумент в борьбе за мировое общественное мнение! Эксгумацией трупов и идентификацией останков занимались не только немцы, но и польские патологоанатомы по просьбе польского Красного Креста.

В ответ в Советском Союзе была создана комиссия под председательством академика Николая Ниловича Бурденко, главного хирурга Красной армии и первого президента Академии медицинских наук. Она утверждала, что это немецкая провокация, на самом деле поляков расстреляли сами немцы. Единственным реальным аргументом комиссии Бурденко было то, что всех поляков убили из оружия немецкого производства.

Комиссии Бурденко на Западе не поверили, но Россия была союзником в борьбе с Гитлером, поэтому на преступление в Катынском лесу просто закрыли глаза. В Нюрнберге, где судили главных нацистских преступников, по требованию советской делегации эта тема не возникала.

Правда, польское правительство в эмиграции допытывалось у Молотова: а куда делись офицеры, взятые вами в плен? В тот момент поляки вновь стали союзниками. Одна часть поляков из бывших военнопленных воевала вместе с Красной армией, другой части разрешили уехать из Советского Союза, и они сражались вместе с англичанами. Что же касается тех, кого расстреляли, то Сталин велел Молотову ответить, что исчезнувшие польские офицеры убежали куда-то в сторону Китая. Он мог позволить себе такой хамский ответ, потому что твердо решил, что никакие эмигранты к власти в Варшаве больше не придут: новое польское правительство может быть только просоветским.

О Катыни заговорили после войны. В социалистической Польше это было запретной темой, но польская эмиграция хотела узнать судьбу двадцати двух тысяч соотечественников. Рассказы уцелевших поляков, дневники пленных, найденные при раскопках в Катынском лесу, документы захваченного немцами архива Смоленского обкома партии позволили установить, что с ними произошло. В Москве твердо решили ни в чем не признаваться и держались до последнего.

Вот характерный пример. 15 апреля 1971 года на заседании политбюро принимается решение «О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так называемого «Катынского дела».

Советскому послу в Лондоне дается указание:

«Посетите МИД Англии и заявите следующее: по имеющимся у посольства сведениям телевизионная компания Би-Би-Си намеревается показать подготовленный ею враждебный Советскому Союзу фильм о так называемом «Катынском деле». К этому же времени

приурочено опубликование в Англии клеветнической книги о Ка- тынской трагедии.

Английской стороне хорошо известно, что виновность гитлеров- цев за это преступление неопровержимо доказана авторитетной спе- циальной комиссией, которая провела на месте расследование этого преступления тотчас же после изгнания из районов Смоленска не- мецких оккупантов.

В 1945—1946 годах Международный военный трибунал в Нюрн- берге признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частно- сти, в расстреле польских военнопленных в Ка- тынском лесу.

В этой связи не может не вызывать удивления и возмущения стремление некоторых кругов в Англии вновь вытащить на свет инсинуации геббельсовской пропаганды с тем, чтобы очернить Советский Союз, народ которого своей пролитой кровью спас Ев- ропу от фашистского порабощения...»

Все документы о расстрелах хранились в КГБ. Это досье было опечатано с предостерегающей пометкой: «Вскрытию не подлежит».

3 марта 1959 года председатель КГБ Александр Шелепин обра- тился к Хрущеву с предложением уничтожить учетные дела расстре- ланных польских офицеров, которые для советских органов «не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценно- сти. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная слу- чайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Ка- тынском лесу су- ществует официальная версия.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решения троек. Эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке».

Основные документы были уничтожены, а оставшиеся, включая записку Берии Сталину, решение политбюро о расстреле от 5 марта 1940 года и письмо самого Шелепина, хранились в запечатанном пакете в личном сейфе заведующего общим отделом ЦК КПСС Кон- стантина Устиновича Черненко. Получив повышение, он передал пакет в VI сектор общего отдела, который ведал архивом политбю- ро. Эти документы показывали Андропову и Горбачеву, когда они становились генеральными секретарями.

Но Горбачев, уже в разгар перестройки, когда и поляки требо- вали сказать им наконец правду, и в нашей стране хотели того же, делал вид, что ничего не знает.

Он передал пакет с этими документами Ельцину в декабре 1991-го, когда происходила официальная передача власти. И толь- ко Ельцин распорядился предать документы гласности.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СТАЛИНА

В начале 1941 года Берия был назначен заместителем главы правительства. Формально это было повышением, фактически Сталин отстранял его от руководства системой госбезопасности. Это произошло 3 февраля. В тот день НКВД был разделен на два наркомата — госбезопасности и внутренних дел. Разведка, контрразведка, все оперативные отделы были переданы в НКГБ, который возглавил Всеволод Николаевич Меркулов.

Берия остался наркомом внутренних дел. В его хозяйство вошли милиция, пожарная охрана, пограничные, внутренние и конвойные войска, а также весь ГУЛАГ, превращенный в строительно-промышленную империю.

В тот же день он стал и заместителем председателя Совета народных комиссаров. Он курировал наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. С этого момента он все больше занимается народным хозяйством, строительством и производством, правда, действуя в основном привычными ему чекистскими методами и широко используя осужденных — дармовую и бессловесную рабочую силу.

В качестве утешительного приза 30 января Берии было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, замененное 9 июля 1945 года на звание Маршала Советского Союза. Только три человека имели это звание — Ягода, Ежов и Берия. Всех троих расстреляли.

Окончательно из системы госбезопасности Берия не ушел. С началом войны два наркомата опять объединили в единый НКВД под его руководством. Однако в 1943-м НКВД снова разделили, причем военную контрразведку выделили в самостоятельную структуру под названием СМЕРШ (с непосредственным подчинением Сталину как наркому обороны). Берии остался ГУЛАГ, и то только до конца 1945 года.

Постоянные реорганизации свидетельствовали о том, что Сталин недоволен органами и их руководителями. И он подыскивал Берии смену.

Но Сталин сохранил за ним странную роль связного. Даже после того, как Берия перестал быть наркомом внутренних дел 29 декабря 1945-го, Сталин именно ему поручал передавать те или иные указания наркомам, а затем и министрам госбезопасности. Неизменно речь шла о темных и грязных делах. Вождь использовал его как пугало, и Берия знал, что именно в этой роли он больше всего нужен.

Лаврентий Павлович тоже несет личную ответственность за военную катастрофу лета 1941-го — меньшую, разумеется, чем Сталин. Берия, которому подчинялась разведка, тоже исходил из того, что нападения Германии не ожидается, во всяком случае в ближайшее время.

У всякой разведки бывают удачи и провалы. Вот пример неудачной операции.

После подписания договора с немцами в Ленинград пригнали немецкий крейсер «Лютцов», который назвали «Петропавловск», а в 1944 году переименовали «Таллин». Его достраивали в Ленинграде. Приехали немецкие специалисты. Среди них был крупный военно-морской чин.

«Наша разведка обставила квартиру этого специалиста подслушивающими и фотографирующими аппаратами; кроме того, он оказался любителем женского пола, и разведка подбросила ему девицу, — вспоминает Никита Хрущев. — В одну из ночей его сфотографировали вместе с нею, чтобы уличить в непристойном поведении. Но наша техника, видимо, была плохая, и он услышал шум — щелчки работавшего аппарата. Стал искать, в чем дело, и нашел. На стене висела большая картина, в ней искусно было вырезано окно и вставлен фотоаппарат.

Он заявил протест. Немцы оказались безразличны к его вѣстречам с девицей, а наши-то чекисты думали, что фотографии дадут возможность завербовать его. Сталин тогда критиковал Берию за неудачу...»

Но это было обычным делом. Берия же и его помощники виновны в том, что они не сумели и не захотели правильно осмыслить поступавшую от разведаппарата информацию, которая свидетельствовала о приближении войны. А ведь информации такой было хоть пруд пруди. 14 мая 1941 года нарком госбезопасности Меркулов доложил Сталину, Молотову и Берии, что «начиная со второй половины апреля с. г. ряд сотрудников германского посольства отправляет из СССР в Германию членов своих семейств и особо ценные вещи». Что же тут непонятного?

В первые недели и даже месяцы после начала войны, когда Красная армия, неся огромные потери, отступала, Сталин вновь поставил Берию во главе госбезопасности и включил в состав образованного 30 июня 1941 года Государственного комитета обороны, высшего органа власти в стране.

Председательствовал в ГКО Сталин, Молотов был его заместителем. Еще в ГКО вошли Ворошилов (выведен в 1944-м), секретарь ЦК Маленков, первый заместитель главы правительства и председатель Госплана Николай Алексеевич Вознесенский (с 1942-го), нарком путей сообщения Лазарь Каганович, председатель Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной армии Анастас Микоян, председатель правления Госбанка и одновременно заместитель наркома обороны Николай Александрович Булганин (с 1944-го).

На Берию возлагался контроль за производством вооружений, боеприпасов и минометов, а также, вместе с Маленковым, контроль за выпуском самолетов и моторов.

Начиная с июля большую часть заключенных из московских тюрем эвакуировали из столицы. Сталин боялся, что Москву не удержать, и не хотел, чтобы его враги оказались в руках немцев.

В страхе, что собственные сограждане повернут оружие против советской власти, Сталин велел Берии уничтожить «наиболее опасных врагов», сидевших в тюрьмах.

16 октября 1941 года по приказу наркома Берии 138 заключенных Бутырской тюрьмы были расстреляны, среди них видные в прошлом чекисты, например начальник личной охраны Ленина Абрам Яковлевич Беленький. 17 октября расстреляли бывшего члена коллегии ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова. В июле он был оправдан Военной коллегией Верховного суда, но приказ наркома Берии значил больше, чем вердикт Верховного суда.

28 октября 1941 года были расстреляны Герой Советского Союза генерал-полковник Григорий Михайлович Штерн, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Владимирович Смушкевич, генерал-лейтенант авиации Павел Васильевич Рычагов, Герой Советского Союза заместитель наркома обороны и начальник Пятого (разведывательного) управления Красной армии генерал-лейтенант Иван Иосифович Проскуров... Сталин предпочел расстрелять их, а не отправить на фронт.

В разгар войны в НКВД по-прежнему действовали подразделения, которые боролись с остатками «антисоветских политических партий», «правотроцкистского подполья», разрабатывали исключенных из партии по политическим мотивам и семьи репрессированных.

Специальный отдел занимался борьбой с антисоветскими группировками в среде академической, научно-технической, художественной интеллигенции, вел агентурно-оперативную работу среди учащейся молодежи. Имелся также и отдел, который отвечал за борьбу с церковно-сектантской контрреволюцией и ведал выявлением антисоветских групп среди сельскохозяйственной интеллигенции и студентов сельскохозяйственных вузов. И еще один отдел искал авторов контрреволюционных листовок, анонимок и надписей антисоветского содержания...

В критические дни, когда немцы рвались к Москве, Берия получил от Сталина указание попытаться заключить с Гитлером мир путем больших территориальных уступок.

Маршал Жуков рассказывал военному историку Виктору Александровичу Анфилову, что 7 октября 1941 года он по приказу Сталина срочно вылетел в Москву. Сталин был болен, и Жукова повезли в Кунцево. По словам Жукова, Сталин был в смятении после киевской катастрофы.

Маршал вошел в комнату и услышал разговор Сталина и Берии. Сталин, не замечая появления Жукова, продолжил говорить Берии, чтобы тот, используя свою агентуру, прозондировал возможность заключения мира с немцами.

Сталин не верил, что удастся удержать Москву. 15 октября было принято постановление Государственного комитета обороны «Об эвакуации столицы». Берия лично отвечал за уничтожение всех важнейших объектов в городе.

Аппарат наркомата внутренних дел был эвакуирован с семьями из Москвы. Остались только оперативные группы. Чекисты вернулись в столицу в марте 1942-го.

16 октября 1941 года Сталин предполагал сам покинуть Москву. Но уверенность Жукова в том, что столицу удастся отстоять, удержала Сталина. После контрнаступления под Москвой Сталин пришел в себя, обрел прежнюю уверенность и расставил соратников по местам.

Берия выжимал все, что было в силах, из производственных возможностей ГУЛАГа. 30 сентября 1943 года ему присвоили звание Героя Социалистического Труда — за особые заслуги в области усиления производства вооружений и боеприпасов в трудных условиях военного времени.

КОМАНДИРОВКА НА КАВКАЗ

«Вспоминая тяжелые дни осени 1942 года, — говорили ораторы на митинге в Тбилиси 9 мая 1945 года, — мы с благодарностью проносим имя верного сталинца, организовавшего разгром немцев на Кавказе, нашего Лаврентия Павловича Берии».

Берия действительно выезжал на Северо-Кавказский фронт, в основном помогая в области снабжения. Фронтowymi делами он не занимался. Ему поручались другие задачи, с которыми не всякий бы справился.

10 мая 1944 года нарком Берия отправил Сталину докладную записку: «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше усмотрение проект решения Государственного Комитета Обороны о выселения всех татар с территории Крыма...»

Такие дела решались быстро.

На следующий день, 11 мая, Государственный комитет обороны принял постановление № 5859сс о выселении крымских татар из Крыма и переселении их в Среднюю Азию.

Из Крыма заодно выселили еще и греков, болгар и армян.

Такая же массовая чистка была проведена на Северном Кавказе, который считался неблагополучным районом давно — еще со времен коллективизации. Чеченцы и ингуши сопротивлялись, наиболее активных расстреливали. НКВД три года создавал дело о «буржуазно-националистической, контрреволюционно-повстанческой, бухаринско-троцкистской, антисоветской вредительской организации».

31 января 1944 года Государственный комитет обороны принял постановление № 5073 о выселении чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию.

В секретной «Инструкции о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» говорилось: «Выселению подлежат все жители Чечено-Ингушской Республики по национальности чеченцы и ингуши», в том числе члены партии, партийные и хозяйственные руководители, даже секретари обкома.

Чеченки и ингушки, которые вышли замуж за представителей других национальностей, выселению не подлежали. А русские женщины, которые вышли замуж за чеченцев и ингушей, должны были следовать за мужьями. Но если они расторгали брак, то могли остаться.

23 февраля 1944-го началась депортация чеченцев и ингушей. Спустя две недели 7 марта появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР: «В период Великой Отечественной войны, особенно во время действий немецко-фашистских войск на Кавказе, многие чеченцы и ингуши изменили родине, переходили на сторону фашистских оккупантов...»

25 июня 1944 года Президиум Верховного Совета РСФСР задним числом опубликовал свой указ: «Многие из чеченцев и ингушей, подстрекаемые немецкими агентами, присоединились добровольно к организованным немецким формированиям и выступили с оружием в руках против Красной армии. Большая часть населения Чечено-Ингушской Республики не оказала этим предателям никакого сопротивления. Поэтому Чечено-Ингушская АССР ликвидируется с выселением ее населения».

Операцией руководил нарком внутренних дел Берия и его заместитель Богдан Захарович Кабулов, Сергей Никифорович Крутлов, Аркадий Николаевич Аполлонов и Иван Александрович Серов.

Операция началась ранним утром 23 февраля. Берия докладывал лично Сталину. Его шифровки сохранились:

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину

Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459 486 человек, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией, и в городе Владикавказе.

Берия, 17.02.44».

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину

Сегодня, 23 февраля, на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально. Заслуживающих внимания происшествий нет. Имели место 6 случаев попытки к сопротивлению со стороны отдельных лиц, которые пресечены арестом или применением оружия. Из намеченных к изъятию в связи с операцией лиц арестовано 842 человека. На 11 часов утра вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, т. е. свыше 20 процентов, подлежащих выселению, погружены в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тысяч 23 человека.

Берия, 23.02.44».

Профессор Наумов рассказывает:

— Накануне начала выселения по всей Чечне выпал снег. Слой снега был настолько глубоким, что стало ясно: старики, женщины и дети из высокогорных районов не успеют спуститься за один день к железнодорожным составам, стоявшим в долине. В нескольких районах стариков и женщин согнали в большие помещения, расстреляли и сожгли...

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину

Операция по выселению чеченцев и ингушей проходит нормально. К вечеру 23 февраля погружены в железнодорожные эшелоны 352 тысячи 647 человек. Со станции погрузки отправлено к месту нового расселения 86 эшелонов.

Берия, 25.02.44».

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину

По 29 февраля выселены и погружены в железнодорожные эшелоны 478 479 человек, в том числе 91 250 ингушей. Погружены 177 эшелонов, из которых 157 эшелонов уже отправлены к месту нового поселения... Из некоторых пунктов высокогорного Галанчожского района оставались невыселенными 6 тысяч чеченцев в силу большого снегопада и бездорожья, вывоз и погрузка которых будет закончена в два дня. Операция производится организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов... За время проведения операций арестовано 1016 антисоветских элементов из числа чеченцев и ингушей.

Берия, 1.03.44 г.».

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину

В проведении операции принимали участие 19 тысяч офицеров и бойцов НКВД, стянутые с различных областей, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будут участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев...

В результате проведенных трех операций выселены в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев.

Берия, 7.03.44 г.».

5 марта 1944-го ГКО принял постановление № 5309 о выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР. В Казахстан и Киргизию эшелонами отправили 37 103 балкарца. Отдельно выселяли еще и калмыков.

Потом еще из действующей армии были отчислены и высланы почти все чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и калмыки — за исключением самых известных, Героев Советского Союза.

При переселении погибло больше 130 тысяч человек. Те, кто выжил, находились на положении «врагов народа».

31 июля 1944-го Государственный комитет обороны принял постановление о выселении месхетинских турок, курдов, хемшилов (хемшидов) из пограничных районов Грузии. Примерно восемьдесят тысяч человек, которые жили вдоль советско-турецкой границы, были переселены в Узбекистан, Казахстан и Киргизию.

Дети в школе слышали в свой адрес «фашист», «предатель», «спецпереселенец»... В ссылке эти народы пробыли тринадцать лет. Поколения выросли в сознании своей вины перед страной. Потом им не упустили случая напомнить, что они не реабилитированы, а помилованы; их простили, но преступление, выходит, было...

24 ноября 1956 года появилось постановление президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». 9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР».

Заместители наркома внутренних дел Серов и Круглов, нарком госбезопасности Меркулов и начальник СМЕРШ Виктор Семенович Абакумов получили ордена Суворова I степени. Всего за проведение депортации были награждены 714 работников НКВД и НКГБ. Они все были лишены наград указом Верховного Совета от 4 апреля 1962 года.

Лаврентий Павлович Берия в мае 1944 года стал заместителем Сталина в Государственном комитете обороны. К концу войны он стал одним из самых влиятельных людей в стране.

ПЕРЕВОДЧИК СТАЛИНА

Заместителю главы правительства и заместителю председателя Государственного комитета обороны Берии вроде бы не до мелочей. Но о своих обязанностях главы карательного ведомства он не забывает. Между делом его жертвой становится переводчик Сталина и Молотова Валентин Михайлович Бережков.

Счастливо одаренный от бога, с шапкой вьющихся волос, аристократической осанкой и манерами джентльмена, Бережков всегда был предметом всеобщего восхищения. Только мало кто знал причины внезапного крушения его дипломатической карьеры.

Будущий переводчик Сталина ходил в немецкую школу в Киве (не в спецшколу, а в школу для советских немцев), вечерами дважды в неделю занимался немецким и английским языками с репетиторами. «Я противился этим занятиям, не подозревая, какую важную роль знание иностранных языков сыграет в моей судьбе, — вспоминал Валентин Бережков. — Но родители твердо держали меня в узде, будучи убеждены, что, кем бы я ни стал, это мне в жизни пригодится».

Английский и немецкий языки сослужили ему прекрасную службу. Товарищи-краснофлотцы стоят на вахте, матрос Бережков пре-

подает английский командующему флотом. Коллеги-инженеры разъезжаются по заводам необъятной родины, Бережкова берет к себе нарком внешней торговли Анастас Иванович Микоян и отправляет в Германию — то были предвоенные годы дружбы и сотрудничества. Затем он становится референтом наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова.

У Валентина Бережкова дома висело групповое фото. Самого хозяина на снимке узнать нелегко, так он молод, зато остальные хорошо известны: Гитлер, Молотов, Риббентроп... Двадцатичетырехлетний Бережков был переводчиком Молотова, который в ноябре 1940 года приехал на последние переговоры с Гитлером.

Бережков сопровождал советского посла Деканозова в ночь на 22 июня 1941 года, когда Риббентроп объявил о войне. Бережков переводил Молотова, который накануне войны вел переговоры с послом Германии в Москве графом Шуленбургом. Шуленбурга расстреляли в 1944-м за участие в заговоре против Гитлера, Деканозова в 1953-м — как человека Берии.

В конце войны поговаривали, что Бережков поедет послом или получит не менее значительный дипломатический пост. Вместо этого его внезапно убрали из министерства иностранных дел, где он был помощником Молотова, и назначили заведующим немецкой и английской редакциями журнала «Война и рабочий класс» (теперь «Новое время»). Рассказывали, что причиной послужил его уход из семьи.

На самом деле Бережкова убрал Лаврентий Берия. Отец Бережкова был арестован перед войной, но, к счастью, его вскоре освободили. Родители оказались в оккупации. Когда немцы уходили, они тоже ушли на Запад, боясь вновь оказаться в руках НКВД. Эта информация легла на стол Берии. Он распорядился убрать Бережкова из наркомата иностранных дел.

27 декабря 1945 года указом президиума Верховного Совета СССР генеральный комиссар безопасности Лаврентий Павлович Берия был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел.

Преемником Берии назначили его заместителя и кандидата в члены ЦК ВКП(б) тридцативосьмилетнего генерал-полковника Сергея Никифоровича Круглова, рыцаря ордена Британской империи и кавалера американского ордена «Легион Достоинства», полученного за обеспечение охраны участников Потсдамской конференции в 1945 году.

Об этой кадровой перестановке «Правда» сообщила лишь двумя неделями позже, пояснив, что заместитель председателя Совета народных комиссаров Лаврентий Павлович Берия сам попросил освободить его от этой должности «ввиду перегруженности другой центральной работой».

Разумеется, это была не его воля, но что касается перегруженности, то он действительно был сильно занят.

ОТЕЦ АТОМНОЙ БОМБЫ

Николай Константинович Байбаков, который много лет возглавлял Госплан, пишет в своих воспоминаниях, что Берия курировал важнейшие отрасли народного хозяйства и, в частности, был председателем Бюро правительства по топливу.

Однажды Байбаков простудился, лежал дома с высокой температурой. Позвонил злой Берия:

— Каждый дурак может простудиться — нужно носить калоши!

Когда Байбаков с трудом взял трубку, Берия приказал ему немедленно вылететь вместе с заместителем наркома внутренних дел Кругловым в Уфу, где произошла серьезная авария на нефтеперерабатывающем заводе.

Тот же Байбаков вспоминает, как в предвоенный 1940 год он, заместитель наркома нефтяной промышленности, оказался в ресторане, где отмечался день рождения коллеги.

Утром ему позвонил Берия:

— Байбаков, где ты был вчера?

— Как — где? Я был на работе.

— А после работы?

— Был в «Национале» на дне рождения моего товарища.

— Что за бардак! Нам только не хватало, чтобы наркомы и их замы шлялись вечерами по ресторанам!

— Но что особенного я себе позволил?

— Чтобы этого больше не было! Такой порядок. Все.

Байбаков пишет: вымыслы о том, что Берия умел Сталина обольщать, играть на потайных струнах его души, нелепы. Завоевать доверие Сталина можно было только реальными результатами. А Берия способен был достигать важных для государства результатов.

В требовательности к подчиненным Берия отличался мертвой хваткой, не допуская никаких просьб «войти в положение, в обстоятельства». Он излучал грозную, беспощадную властность. В руководстве страны сложилось твердое убеждение, что успех любого дела обеспечен, если его возглавляет Берия.

3 декабря 1944 года Государственный комитет обороны постановил поручить Берии «наблюдение за развитием работ по урану». Берия был знаком с атомными делами, потому что первыми о возможности создать атомную бомбу узнали разведчики.

С сентября 1941 года о ядерных исследованиях в военной сфере в Москву докладывал резидент внешней разведки НКВД в Англии Анатолий Горский. Его агентом был Джон Кэрнкросс, который в 1941 году был личным секретарем лорда Хэнки, министра без портфеля и председателя Научно-консультативного комитета при кабинете министров. Лорд Хэнки председательствовал на всех совещаниях по оборонным работам, в том числе он ведал выделением денег на атомный проект.

К концу 1941 года у советской разведки появился еще один агент в атомной сфере — немецкий коммунист и талантливый физик Клаус Фукс, который в 1933 году бежал в Англию из Германии. Фукс предложил свои услуги военному разведчику Симону Давидовичу Кремеру, который служил в кавалерии Красной армии с 1918 года. В 1938—1942 годах Кремер был помощником военного атташе в Великобритании. Но дипломатическая работа ему не понравилась. Он упрямил отпустить его на фронт. В 1943-м получил под командование механизированную бригаду, сражался храбро и получил в 1944-м звание Героя Советского Союза.

Но осенью 1941 года в Москве некому было вникать в британские ядерные проекты. В марте 1942 года Берия в письме Сталину предложил создать научно-консультативный орган при ГКО по проблемам урана, а с материалами разведки ознакомить наиболее заметных советских ученых. Но ответа не получил. Сталину было не до того. Только через год Молотов поручил эту сферу Михаилу Первухину, заместителю председателя правительства и нарком химической промышленности.

Сталин, вероятно, не очень верил в эти эксперименты, но поскольку и немцы, и американцы с англичанами вели такие работы, то хотел на всякий случай гарантировать себя от возможных неприятностей на будущее. Но масштаб работ был не очень большим.

29 сентября 1944 года профессор Игорь Курчатов, недовольный равнодушным отношением Молотова к атомным исследованиям, обратился за помощью к Берии. Он писал, что «за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов. У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943—1944 годах, положение дел остается совершенно неудовлетворительным».

Но обращение Курчатова к Берии результата не дало. В мае Первухин и Курчатов написали Сталину записку с просьбой ускорить работы над атомной проблемой. Ответа не было. Судя по всему, Сталин и Берия не очень верили сообщениям разведки — думали, не дезинформация ли это. Выяснилось, что успехи Германии были незначительны. Так, может быть, все это напрасные хлопоты?

Атомная бомбардировка Хиросимы была для Сталина неприятным сюрпризом. Потому что одно дело — сообщения разведки, к которым всегда относятся осторожно, другое дело — реально действующее оружие.

20 августа 1945-го был создан специальный комитет при ГКО (потом при правительстве), на который возлагалось «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана». Председателем комитета назначили Берия.

25 января 1946 года Сталин пригласил к себе Курчатова. Приступовали Молотов и Берия. Сталин сказал Курчатову:

— Работы надо вести широко, с русским размахом, вам будет оказана самая широкая всемерная помощь. Не надо искать более дешевых путей.

Сталин обещал позаботиться о благосостоянии тех, кто займется этим проектом:

— Наши ученые очень скромны, и они иногда не замечают, что живут плохо. Наше государство сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, а несколько тысяч человек жило еще лучше со своими дачами, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

Сталин сформулировал задачу: создать ядерную бомбу, не считаясь с затратами.

В марте 1946-го на пленуме ЦК Берия утвердили членом политбюро одновременно с Маленковым.

По словам Байбакова, с приходом Берии к руководству атомным проектом дело получило размах. Берия был мастер не только нажимать, торопить и подстегивать людей, но и обеспечивать успех дела. Он смог снабдить ученых всем необходимым, доставать требуемое из-под земли.

По словам многолетнего министра среднего машиностроения Ефима Славского, «Берия не разбирался в научных и инженерных проблемах, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался. В организации и выполнении задач, в мобилизации людей и ресурсов он, пользуясь огромной властью, помогал проводить решения в жизнь».

Специальному комитету подчинялось Первое главное управление, которое непосредственно занималось созданием ядерного оружия. Первое главное управление возглавлял Борис Львович Ванников. До войны он был наркомом вооружений. Летом 1941-го его посадили. А когда началась война, освободили.

Его привели к Сталину прямо из тюрьмы. На предложение вернуться в наркомат Ванников неуверенно ответил:

— А будут ли со мной товарищи работать? Ведь я в тюрьме сидел?

Сталин махнул рукой:

— Пустое. Я тоже сидел в тюрьме.

Ванников вырос в Баку, как и Берия. Они вместе учились в Бакинском техническом училище и дружили в юные годы. Поэтому после ареста Берии Ванникова сняли, но как опытного и талантливого организатора оставили в ядерном ведомстве, но не начальником, а первым замом. В порядке компенсации сделали его трижды Героем Социалистического Труда...

Его заместителем по режиму стал бывший заместитель начальника ГУКР СМЕРШ генерал-лейтенант Павел Яковлевич Мешик (бывший начальник экономического управления НКВД и будущий министр внутренних дел Украины). За работу над атомной бомбой он получил Сталинскую премию II степени.

Другим заместителем стал заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант Авраамий Павлович Завенягин, будущий министр среднего машиностроения.

Завенягин окончил Московскую горную академию, работал инженером-доменщиком. В 30-х годах он был директором Магнитогорского металлургического комбината. Потом его перебросили в Норильск строить стратегически важный горно-металлургический комбинат. Строили его заключенные, и Завенягин стал по совместительству начальником лагеря НКВД.

А в марте 1941-го его вызвали в Москву и назначили заместителем наркома внутренних дел. Завенягин курировал Главное управление лагерей металлургической промышленности, Дальстрой, управление лагерей тяжелой промышленности и управление лагерей по строительству предприятий черной металлургии. После войны его подключили к созданию ядерного оружия. В мае 1945 года Завенягин повез в поверженную Германию группу советских физиков, чтобы определить, каковы успехи немцев в ядерных делах.

19 декабря по записке Берии правительство приняло постановление о привлечении немецких специалистов для работы в СССР по урановой проблеме. Поручили это Завенягину. Всего из Германии доставили около трехсот специалистов.

В Советский Союз отправили на работу около трехсот немцев, среди них было несколько видных ученых, в том числе один лауреат нобелевской премии. Но особой роли в советском ядерном проекте они не сыграли, потому что Курчатов хотел, чтобы все было сделано руками советских ученых.

Завенягин возглавлял образованное в январе 1946 года Управление специальных институтов НКВД, работавших на атомный проект.

Он оставался заместителем министра внутренних дел, потому что вся ядерная империя создавалась руками заключенных.

Строило объекты атомной промышленности Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой) НКВД. Разведкой, добычей и переработкой урана занималось Спецметуправление, входящее в состав Главного управления лагерей горно-металлургической промышленности (ГУЛГМП) НКВД. Иначе говоря, атомная бомба делалась руками заключенных. Все они были в распоряжении Берии, и он не знал недостатка в безотказной и дешевой рабочей силе.

Комбинат по добыче урановой руды в Таджикистане, комбинат по обогащению урановой руды на Урале, завод по получению плутония и все другие объекты тоже строились заключенными. Привозили заключенных, создавали лагерь и строили...

Первую советскую атомную бомбу создали в городе Сарове (Мордовия), где тоже был размещен лагерь Министерства внутренних дел СССР.

Профессор Наумов:

— В распоряжении Берии был свой ГУЛАГ. Мы до сих пор не можем получить сведения, сколько там было людей, и я понимаю почему. Не хотят раскрывать масштабы этой атомной империи. Сколько заключенных работали на урановых рудниках? Мы не знаем. Конечно, организаторская жилка у него была. Но не трудно быть организатором, имея за спиной все финансы, всю промышленность и необъятные ресурсы. Всякий, кто занимался атомным проектом, знал, что его жизнь зависит от настроения Лаврентия Павловича. Сегодня он работает, паек особый получает, а завтра его Берия в лагерную пыль превратит...

Богатейшие запасы урана нашли на границе Восточной Германии и Чехословакии. Добыча урановой руды была поручена советско-германскому акционерному обществу «Висмут». В его распоряжении находились урановые рудники и обогатительная фабрика. По соглашению между СССР и Восточной Германией первые десять лет уран отправлялся только в Советский Союз, после чего право на уран получали немцы. Но за десять лет основные запасы выбрали...

Один только академик Петр Леонидович Капица попросил Сталина избавить его от участия в атомном проекте, мотивировав свою просьбу невозможностью работать под хамским и невежественным руководством главы Спецкомитета Лаврентия Берии. Но и Капица отдавал должное его организаторским данным.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал, что всеми атомными делами Берия занимался сам и даже Маленкова, который стал человеком номер два в стране, к ним не подпускал. Его подписи было достаточно, чтобы оформить любое принятое им решение как постановление ЦК и Совета министров. Никто не смел с ним спорить. Он внушал страх.

Сахаров до конца жизни помнил, как на одном совещании по атомным делам Берия обратился к чиновнику, который провалил производство нужного материала:

— Мы, большевики, когда хотим что-то сделать, закрываем глаза на все остальное. Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас не будем наказывать. Мы надеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много...

Берия говорил «турма» вместо «тюрьма», пишет Сахаров, и это звучало еще страшнее. Человек, которому Берия это сказал, был в прединфарктном состоянии. Он знал, что Лаврентий Павлович может осуществить свою угрозу.

Он внушал страх всем, кто с ним соприкасался.

Академик Анатолий Петрович Александров, которого привлекли уже к созданию водородной бомбы, уже много позже описал, как проходило одно из заседаний Специального комитета. Присутствовали Курчатов, Ванников, Первухин, Мешик...

Докладывает секретарь Спецкомитета генерал Махнев:

— Вот, Лаврентий Павлович, товарищ Александров предлагает построить завод для получения дейтерия.

Берия обращается к Махневу:

— А товарищ Александров знает, что опытная установка взорвалась?

— Да, знает.

— А товарищ Александров свою подпись не снимает?

— Не снимает.

К Александрову Берия не обращается. Разговаривает только с Махневым.

— А товарищ Александров знает, что, если завод взорвется, он поедет туда, куда Макар телят не гонял?

Александров не выдержал:

— Я себе представляю.

Только тогда Берия к нему повернулся:

— Подпись свою не снимаете?

— Нет, не снимаю.

Завод был построен и работал благополучно...

Берии Сталин поручил возглавить государственную комиссию при проведении первого атомного взрыва.

29 августа 1949 года было взорвано первое советское ядерное устройство. На испытаниях Берия переживал, как и все остальные, понимая, что при неудачном исходе и его голова могла полететь.

Когда бомба взорвалась, Берия расцеловал Курчатова и Харитона и добавил:

— Было бы большое несчастье, если бы не вышло!

Все понимали, что он имеет в виду.

Когда радостный Берия, надеясь услышать слова благодарности, позвонил в Москву, чтобы доложить об успехе, Сталин сонным голосом ответил:

— Я уже знаю.

И повесил трубку. Берия долго потом пытался выяснить: кто же первым дозвонился до вождя?..

Специальным постановлением ЦК и Совета министров «за организацию дела производства атомной энергии и успешное проведение испытания атомного оружия» Берии выражалась благодарность. Он получил орден Ленина и Сталинскую премию первой степени. Некоторые называют Лаврентия Павловича «отцом советской атомной бомбы».

Глава 6

ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ МЕРКУЛОВ

В 1941 году в городе Краснодаре в разгар войны один драматург с пышным именем Всеволод Рокк закончил пьесу с простым названием «Инженер Сергеев». Ему не пришлось долго обивать театральные пороги, как его коллегам по творческому цеху, и уговаривать завлитов

и режиссеров. На современную драматургию всегда был голод, и уже в 1942-м пьесу начали ставить то в одном, то в другом театре.

«Инженера Сергеева» поставили в Тбилиси (на русском и грузинском языке), в Баку и Ереване, в Риге (после освобождения Латвии), в Улан-Удэ, Якутске, Вологде, Сызрани, Архангельске, Костроме. С каждым годом число постановок росло. В феврале 1944-го пьесу поставили и на сцене Малого театра.

Ее отметила вся советская печать.

Театральные критики, часто резко критиковавшие слабости современных драматургов, встретили пьесу на ура.

Хвалебные рецензии были и в «Правде», и в «Известиях», и в тогдашнем офицере управления пропаганды ЦК «Литература и искусство».

В «Литературе и искусстве» особенно превозносился спектакль Малого театра: «Большая задача — сыграть образ инженера-патриота, всецело отдавшего себя на службу партии и народу. Пьеса Всеволода Рокка, поставленная в филиале Малого театра, дает богатый и благодарный материал для проявления актерского мастерства... Беззаветно преданный делу своего народа, советский человек смело смотрит в глаза смерти и выполняет задание Родины, жертвуя жизнью».

Возможно, рецензентам действительно понравилась пьеса. А может быть, они просто знали, кто скрывался под псевдонимом Всеволод Рокк. Драматургом-любителем был Всеволод Николаевич Меркулов. Когда Малый театр обратился к его творчеству, Меркулов занимал пост народного комиссара государственной безопасности СССР.

«МЫ ВАС РАССТРЕЛЯЕМ»

Меркулов, который полжизни провел на чекистской работе, увлекался литературным творчеством. Он писал пьесы. «Инженер Сергеев» была самой удачной. Меркулов поведал о том, что было ему близко.

Действие пьесы происходит в июле—сентябре 1941 года. Сюжет простой: советские войска отступают, и директор электростанции Сергеев должен взорвать свое детище — станцию, которую сам и построил. Немцы пытаются ему помешать — им нужна электростанция — и подсылают к нему своих агентов: сына кулака, которого раскулачили и бросили в тюрьму, где он и умер, и инженера с дореволюционным стажем, давшего согласие работать на немцев еще в 1918-м, когда те были на Украине.

Одного агента ловит НКВД, другого инженер Сергеев ударяет два раза кувалдой по голове. Тот падает замертво, как говорится в авторской ремарке.

Немецкие офицеры в пьесе тоже говорят по-русски. Один из них родом из Риги: его отец владел имением в Тульской губернии, и генерал вспоминает, как каждое утро он ходил осматривать скотный двор, псарню и мельницу...

Автор вывел в пьесе и коллегу — начальника райотдела НКВД, старшего лейтенанта госбезопасности. Он рассказывает главному герою, что немецкая агентура распространяет слухи, а наши по глупости их подхватывают.

— В результате иной вполне советский человек становится, по сути дела, невольным врагом, сеет панику, неуверенность. Ко мне в отделение довольно часто таких болтунов приводят.

Далее старший лейтенант госбезопасности замечает:

— Конечно, без курьезов дело не обходится.

В том смысле, что хватают тех, кого и на свободе еще можно было бы поддержать.

Но главным образом попадают настоящие враги:

— Посадим, разберемся, смотришь — немецкий агент. Сволочи!

Тут Меркулов точен в деталях, он своих коллег знает: сначала сажают, потом начинают разбираться, и тут уж мало кто не признается в том, что шпион.

По ходу дела старший лейтенант госбезопасности задерживает подозрительного человека по фамилии Сойкин, но доказательств его вины нет. Чекист сам говорит:

— Наш районный прокурор все приставал ко мне: освободи Сойкина, у тебя, мол, нет достаточных оснований держать его под арестом. Вот я и отправил его в распоряжение областного управления, в город. Мне бы время выиграть... Я нутром чувствую, что у него нечистые дела.

Конечно же старший лейтенант госбезопасности оказывается прав: он поймал переметнувшегося к немцам предателя. Но представления тех лет о том, как и кого можно арестовывать, переданы точно...

Герой пьесы, инженер Сергеев, несмотря на то что ему до слез жалко построенной им электростанции, взрывает ее вместе с немецкими оккупантами и при этом погибает и сам.

Газета «Литература и искусство» писала: «Сергеев готов пожертвовать, если это нужно Родине, своей жизнью, детьми. Он не сразу понял, почему необходимо во имя Родины разрушить такое великодушное сооружение, как его гидроэлектростанция, чтобы оно не досталось врагу. Но в первую, самую трудную минуту, когда мысль о возможности разрушения впервые вошла в его сознание, он говорит в раздумье: «Если нужно будет, взорвем».

Меркулов знал не только, как работает госбезопасность. Он знал, как при отступлении взрывались электростанции, заводы и нефтяные вышки.

Николай Константинович Байбаков, который многие годы возглавлял Госплан, а в начале войны был уполномоченным Государственного комитета обороны по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, описал, как он получил такого рода задание.

Его вызвал Сталин:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам.

И, чуть-чуть ужесточив голос, Сталин добавил:

— Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

Сталин не спеша прошелся туда-сюда вдоль стола и после некоторой паузы добавил:

— Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Поразительно, что и полвека спустя Байбаков вспоминает жутковатые слова Сталина с восхищением.

На помощь Байбакову пришел чекист Меркулов. Он даже привез Байбакову английских специалистов, которые поделились опытом, как они уничтожали скважины на острове Борнео, чтобы нефть не досталась японцам. Английские методы Байбаков отверг, наши специалисты придумали свои.

Немецкие агенты Байбакова не пугали. Если он чего и боялся, так это не выполнить приказ Сталина. Ведь в таком случае он поступил бы в распоряжение Меркулова, но не драматурга, а в тот момент первого заместителя Берии по наркомату внутренних дел. Поэтому нефтепромыслы и электростанции, вспоминает Байбаков, они взрывали, когда немцы уже были рядом и слышна была автоматная стрельба.

НАРКОМ-ТЕОРЕТИК

Всеволод Николаевич Меркулов был на четыре года старше Берии, но в их отношениях Лаврентий Павлович всегда был старше. И не только по должности. Меркулову не хватало решительности и безжалостности Берии, да и его организаторских талантов тоже.

Меркулов родился в 1895 году в небольшом городе Закаталы в Азербайджане. Его отец служил в царской армии, выйдя в отставку, стал учителем. Всеволод Николаевич окончил в Тифлисе мужскую гимназию и, в отличие от Берии и его окружения, продолжил образование. Он поехал в столицу и в 1913 году поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Так что он был самым образованным в окружении Берии, если не во всем руководстве госбезопасности.

Меркулов сильно выделялся среди малограмотных товарищей. Сменивший его на посту министра госбезопасности Виктор Семенович Абакумов окончил четыре класса. Зато Меркулов позже дружить вступил в партию — только в 1925 году.

Он успел послужить в царской армии — в октябре 1916 года его призвали в студенческий батальон в Петрограде и почти сразу отправили в Оренбургскую школу прапорщиков. Он служил в 331-м

Орском полку, а в январе 1918 года по болезни был отпущен домой в Тифлис. Несколько месяцев он сидел без работы, потом нанялся учителем в школу для слепых.

В октябре 1921 года его взяли в Грузинскую ЧК помощником уполномоченного. В этом ведомстве он проработал десять лет. Возглавлял экономический отдел, был начальником отдела информации, агитации и политического контроля ГПУ Грузии, председателем ГПУ Аджарии, начальником секретно-политического отдела ГПУ Закавказья.

В ноябре 1931 года Берия, избранный вторым секретарем Закавказского крайкома и первым секретарем ЦК Грузии, перевел Меркулова к себе помощником, потом поставил заведовать особым сектором.

Меркулов нравился Берии не только образованностью и исполнительностью. Меркулов написал о Берии брошюру под названием «Верный сын партии Ленина—Сталина».

В 1937 году Меркулов стал заведовать промышленно-транспортным отделом ЦК компартии Грузии. На следующий год Берия забрал его с собой в Москву и доверил ему важнейший пост. Сам Лаврентий Павлович еще в роли первого заместителя наркома возглавил и Главное управление госбезопасности НКВД. А Меркулова сделал своим заместителем. Ему сразу присвоили высокое звание комиссара госбезопасности третьего ранга: в армейской иерархии — это генерал-лейтенант.

После назначения Берии наркомом 17 декабря 1938 года Меркулов становится первым заместителем наркома и начальником Главного управления госбезопасности. Ему подчинялись и разведка, и контрразведка, и охрана политбюро.

В момент присоединения Прибалтики Меркулов тайно приехал в Ригу, чтобы руководить процессом советизации Латвии.

После раздела Польши осенью 1939 Меркулов выехал во Львов и лично руководил операцией по выявлению и изоляции враждебных элементов, иначе говоря, провел массовую чистку Западной Украины. Весной 1940-го интеллигентный комиссар третьего ранга Меркулов непосредственно занимался подготовкой расстрела пленных польских офицеров в Катynie, утверждал и подписывал все расстрельные списки и лично руководил ликвидацией.

С началом войны в лагеря хлынул новый поток заключенных. Особое совещание, например, давало десять лет за невыполнение постановления правительства о сдаче личных радиоприемников, которые надо было отнести в райисполком. Другая волна заключенных — это распространители «ложных слухов» о наступлении немцев и немецких победах, а также арестованные за «восхваление немецкой техники».

Решением Государственного комитета обороны особому совещанию предоставлялось теперь право определять любую меру наказания вплоть до расстрела.

При этом Меркулов был не худшим в своем кругу. Он был вежлив, разговаривал спокойно, без крика. И старался быть разумным, если это не шло вразрез с его служебными обязанностями.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминает, что, когда Берия арестовали, членам партии дали почитать закрытое письмо ЦК КПСС. Сахаров, хотя и не был членом партии, ознакомился с ним. Там среди прочего говорилось, что Берия заставлял своих подчиненных собственноручно избивать арестованных. Один Меркулов отказывался наотрез. Берия издевался над ним: теоретик!

Меркулова можно было хоть в чем-то убедить. Когда арестовали будущего академика и лауреата Нобелевской премии гениального физика Льва Давидовича Ландау, академик Петр Леонидович Капица бросился его выручать. Его принял Меркулов и показал Капице следственное дело. Ландау обвинялся во всех антисоветских грехах.

— Я гарантирую, что Ландау больше не будет заниматься контрреволюционной деятельностью, — сказал Капица.

— А он очень крупный ученый? — спросил Меркулов.

— Да, мирового масштаба, — убежденно ответил Капица.

Ландау освободили.

3 февраля 1941 года, в день, когда НКВД разделили на два наркомата, Меркулов был назначен наркомом госбезопасности. Первым заместителем у него стал Иван Александрович Серов. Меркулову достались разведка и контрразведка, секретно-политическое управление, следственная часть. Берии остались милиция, пожарные, пограничники, ГУЛАГ и вся работа в промышленности.

Через полгода, 20 июля, когда началась война, НКВД и НКГБ поспешно слили в один наркомат. Меркулов вновь стал первым заместителем Берии. В феврале 1943-го он получил звание комиссара государственной безопасности первого ранга (генерал армии). А еще через два месяца, 14 апреля 1943 года, наркомат внутренних дел вновь поделили, и Меркулов опять возглавил наркомат госбезопасности.

РАБОТАЛ ЛИ ШТИРЛИЦ У МЕРКУЛОВА?

Возможно, это всего лишь легенда, миф, красивая сказка, но многие даже весьма компетентные люди верят в нее и считают правдой.

Ее рассказал мне известный германист, профессор, доктор исторических наук Всеволод Дмитриевич Ежов:

— Где-то на берегу Рижского залива, в Юрмале, неподалеку от столицы Латвии еще недавно жил советский разведчик, который скрывался не только от чужих, но и от своих. В 20-х годах его внедрили в нацистскую партию. Он сделал большую карьеру, участвовал во всем, что творили СС. В конце войны его арестовали американцы и собирались судить как военного преступника, и наши с трудом его выцарапали.

История этого человека как будто бы и легла в основу знаменитого романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны», по которому поставлен еще более знаменитый фильм.

Во всяком случае, эту красивую легенду рассказывает главный научный консультант фильма профессор Ежов. А главным консультантом фильма был некий генерал-полковник С.К. Мишин. На самом деле это псевдоним первого заместителя председателя КГБ СССР Семена Кузьмича Цвигуна, очень близкого к Брежневу человека. В присутствии Цвигуна чувствовал себя не очень уверенно и сам Юрий Андропов.

Так был ли Штирлиц?

Покойный Юлиан Семенович Семенов, которого я хорошо знал и любил, написал серию романов о советском разведчике Штирлице—Исаеве. Семенов писал настолько убедительно, что Штирлиц воспринимается многими почти как реальная фигура.

Сам Юлиан Семенов говорил, что одним из прототипов Штирлица был знаменитый разведчик Норман Бородин, сын Михаила Марковича Бородина, который в 20-х годах был главным политическим советником в Китае.

Генерал-лейтенант Сергей Александрович Кондрашов, который всю жизнь проработал на немецком направлении, полагает, что прототипом был создатель нелегальной разведки Александр Михайлович Коротков.

Так был ли Штирлиц в реальности? Вернее, существовал ли у этого литературного и киногероя прототип? Работал ли в нацистской Германии на высокой должности советский разведчик, русский человек, один из подчиненных комиссара госбезопасности первого ранга Всеволода Меркулова?

Мнение специалистов однозначно: Штирлица не было и не могло быть. Русский человек или обрусевший немец мог, конечно, попытаться выдать себя за коренного жителя Германии, но на очень короткое время и до первой проверки: у немцев тоже были отделы кадров, и не менее бдительные. Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов довольно успешно действовал в немецком тылу, но он был не столько разведчиком, сколько диверсантом. Он появлялся в разных местах, брал немцев, что называется, на арапа и исчезал раньше, чем им успевали заинтересоваться.

Разведчик из советских граждан не мог занять заметное место в нацистской Германии, потому что его бы неминуемо разоблачили. К этому в разведке и не стремились. Задача состояла в другом: вербовать немцев, готовых работать на Советский Союз.

В конце 20-х — начале 30-х годов в Германии находилась одна из самых крупных резидентур советской разведки с большим количеством агентов. Почему же тогда Советский Союз был застигнут врасплох 22 июня 1941 года?

В 1936 году началась массовая чистка советской разведки. Работавших за границей разведчиков вызывали в Москву, арестовыва-

ли и либо расстреливали, либо отправляли в лагеря. В военной разведке происходило то же самое.

В декабре 1938-го руководство Разведывательного управления армии, пишет историк Валерий Яковлевич Кочик, доложило наркому обороны: «Рабоче-Крестьянская Красная армия фактически осталась без разведки. Агентурная нелегальная сеть, что является основой разведки, почти вся ликвидирована».

Генерал-майор Виталий Никольский, который накануне войны служил в Разведывательном управлении Красной армии, рассказывал мне:

— Репрессии, которые развернулись после «дела Тухачевского», нанесли армии такой удар, от которого она не успела оправиться к началу войны. К 1940 году в центральном аппарате военной разведки не осталось ни одного опытного сотрудника. Все были уничтожены. Нашими начальниками становились наскоро мобилизованные выдвигенцы, в свою очередь менявшиеся, как в калейдоскопе.

Когда в Москве арестовывали офицера центрального аппарата, то разведчики, которые на нем замыкались, — легальные и нелегальные, автоматически попадали под подозрение. Сначала их информации переставали доверять. Потом отзывали в Москву и уничтожали.

Бывало, нашего разведчика отзывали так стремительно, что он не успевал передать свою агентуру сменщику...

Таким образом, основной ущерб разведке был нанесен не вражеской контрразведкой, а собственным начальством.

— Мы были лучше осведомлены о планах лидеров европейских стран, чем о намерениях собственного правительства, — говорил генерал Никольский. — Заключение пакта с Германией, вступление советских войск на территорию Польши было неожиданностью для военной разведки. Мы не успели передислоцировать дальше на Запад всю агентуру из восточных областей Польши, и все наши ценные информаторы при стремительном продвижении Красной армии к Бугу оказались в советском плену. Это была большая потеря для агентурной разведки накануне страшной войны.

Мы начали войну с очень низким техническим оснащением, — продолжал генерал Никольский. — Радиостанции были стационарные, тяжелые, ими могли пользоваться только постоянно работающие в каком-то районе агенты. А маршрутники — агенты, которые под благовидным предлогом двигались по интересующему разведку маршруту, — были лишены оперативной радиосвязи. Впрочем, это их спасало от неминуемого провала.

После начала войны от постоянных агентов требовали такое количество информации, что им приходилось часами сидеть на ключе. В результате их засекали пеленгаторы, и они становились добычей контрразведки...

В феврале 1941 году в разведуправлении в Москве было большое совещание, на котором офицеры из округов откровенно говорили:

страна на грани войны, а разведслужба к ней совершенно не готова. Нет ни радиостанций, ни парашютов, ни автоматического оружия, пригодных для диверсионных и разведывательных групп. В первые месяцы войны отправляли в тыл противника группы, вооруженные только пистолетами: автоматов не было.

Летнее отступление первого года войны было губительным для разведки. Потеряны были все разведывательные пункты, кадры разведчиков, радистов. Словом, все пришлось создавать заново: искать людей, обучать радистов.

— Мы сначала даже не знали, как найти обладателей этой дефицитной специальности: перед войной такого учета не существовало, — вспоминал Никольский. — Радиста готовят четыре месяца, а нам нужно было каждый день отправлять группы в немецкий тыл. Не было и учета знающих немецкий язык. Искали по всей стране радистов-любителей, выпускников филологических и педагогических факультетов, учивших немецкий.

Не было у разведки и своей авиации, приспособленной для заброски разведывательно-диверсионных групп. 105-ю эскадрилью создали только в 1943 году. А до этого сбрасывали группы с первого попавшегося самолета. Много было неудач, трагедий. Парашютисты уничтожались прямо в воздухе.

— Тем не менее как вы в целом оцениваете деятельность военной разведки в первый период войны? — спросил я у генерала Никольского.

— Мы справились со своей задачей, потому что смогли воспользоваться неразберихой, суматохой у немцев. Оккупационное командование еще не успело ввести учет населения, создать местную полицию. А мы все-таки действовали на своей земле. Наш агент на оккупированной территории в девяти случаях из десяти мог рассчитывать на помощь любого человека из местных. Уж кусок хлеба всегда давали, если имели его, конечно. Работать стало трудно, когда на оккупированных территориях развернулись немецкая полевая жандармерия, гестапо, когда появилась созданная немцами полиция и начались репрессии за помощь партизанам.

Потери разведывательных групп были настолько велики, что поневоле возникают вопросы: оправданы ли эти потери? Стоила ли информация, приносимая армейской разведкой, того, чтобы ради нее людей посылали чуть ли не на верную гибель?

— Стоила. В противном случае мы не смогли бы воевать. Иногда средства для достижения цели были ужасными, но выиграть бой без разведки нельзя...

В эти решающие годы Сталин постоянно менял структуру специальных служб. Наркомат внутренних дел то делился на два учреждения, одним из которых становился самостоятельный наркомат госбезопасности, то опять воссоздавался как единая организация.

Армейская контрразведка подчинялась то наркомату обороны, то НКВД, то вновь наркомату обороны. Реорганизации не обошли и военную разведку.

В октябре 1942 года Сталин подписал приказ о реорганизации военной разведки:

«1. Выделить из состава Генерального штаба Красной армии ГРУ, подчинив его Народному комиссару обороны.

2. На ГРУ Красной армии возложить ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР.

3. Войсковую разведку изъять из ведения ГРУ.

4. Для руководства и организации работы войсковой разведки создать в составе Генерального штаба управление войсковой разведки, подчинив ему разведотделы фронтов и армий».

Это приказ раздробил и фактически парализовал военную разведку. Но самое страшное состояло в том, что Сталин распорядился: оперативную агентурную разведку в звене «армия—фронт» расформировать, поскольку она засорена «двойниками», провокаторами и руководят ею неграмотные командиры. Всех разведчиков — передать органам НКВД. Младших офицеров — послать для пополнения войск.

— Приказ застал меня в Сталинграде, где был создан новый фронт, для которого мы только что наладили с огромными усилиями разведывательный аппарат, — вспоминал Никольский. — И тут выясняется, что вся наша работа насмарку. Командующие армиями и фронтами писали целые петиции Сталину с просьбой восстановить разведку. В конце концов вышел приказ о восстановлении войсковой разведки и создании разведывательного управления генерального штаба...

Последствия удара, который был нанесен разведке осенью 1942 года, ощущались долго. Профессионалы, отправленные в войска, уже погибли в боях. Пока новые офицеры набирались опыта, гибли агенты, армия не получала жизненно важной информации.

А ведь Сталин любил разведку и при этом руками Ежова почти полностью ее уничтожил. В 1938 году в берлинской резидентуре осталось всего три сотрудника. Один из них не говорил по-немецки.

Берлинская резидентура начала восстанавливаться только в 1939 году, когда Главное управление государственной безопасности возглавил Меркулов, но прежних успехов новое поколение разведчиков добиться уже не смогло.

Агентурную сеть сформировали обширную, но агенты были невысокого уровня. Такой агент знает лишь то, что происходит в ведомстве, в котором он служит. Но он не в состоянии проникнуть в мысли и намерения руководителей правительства, а ведь на самом деле только это и имеет значение.

Советская агентура не имела информации из первых рук, из окружения Гитлера. В Москве не знали, что же на самом деле

думали и говорили руководители Германии. Строили предположения и ошибались.

К тому же руководителем резидентуры в Берлине назначили не имевшего разведывательного опыта Амаяка Захаровича Кобулова — брата Богдана Кобулова, заместителя Меркулова в наркомате госбезопасности.

По словам Валентина Бережкова, если старший Кобулов был отталкивающе-уродливым, низеньким, толстым, то Амаяк был высоким, стройным, красивым, с усиками, обходительным и обаятельным, душой общества и прекрасным тамадой. Но этим достоинства Амаяка Кобулова исчерпывались.

Ни немецкого языка, ни ситуации в Германии резидент Кобулов, который начинал свою трудовую деятельность кассиром-счетоводом в Боржоми, не знал. Он рос в чекистском ведомстве благодаря старшему брату. Перед назначением в Берлин был первым заместителем наркома внутренних дел Украины.

Немецкая контрразведка успешно подсовывала Амаяку Кобулову говоривших по-русски агентов-двойников, которые на самом деле работали на Главное управление имперской безопасности. Кобулов легко глотал наживку. В этой большой игре участвовал Гитлер. Он сам просматривал информацию, предназначенную для Кобулова.

Через него немцы подсовывали Сталину успокоительную информацию: Германия не собирается нападать на Советский Союз. А в Москве Меркулов шифровки Кобулова докладывал Сталину.

25 мая 1941 года Меркулов отправил на имя Сталина, Молотова и Берии записку, построенную на донесениях агента советской разведки в Берлине — выходца из Латвии Орестеса Берлингса, который в реальности был агентом немецкой контрразведки по кличке Петер. Но ему верил Амаяк Кобулов.

Так вот в записке Меркулова говорилось: «Война между Советским Союзом и Германией маловероятна... Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если ее к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет более сговорчивым и прекратит всякие интриги против Германии, а главное — даст побольше товаров, особенно нефти».

Многие агенты советской разведки были людьми левых убеждений, антифашистами, которые считали Советский Союз союзником в борьбе с Гитлером. Другие просили за информацию деньги. Работа аккордная — чем больше принесешь, тем больше получишь. И получалось, что за дезинформацию платили больше.

Еще одна проблема состояла в том, что полученную информацию в Москве не могли правильно осмыслить. Сталин не доверял аналитическим способностям своих чекистов, предпочитал выводы делать сам и требовал от Меркулова, чтобы ему клали на стол подлинники агентурных сообщений. Поэтому Меркулову не было нуж-

ды создавать в разведке информационно-аналитическую службу. Такая служба появилась только в 1943 году.

Фильм «Семнадцать мгновений весны» рисует забавную картину: разведчики указывают политикам, что им делать. В реальном мире все иначе: решения принимают политики, а разведчики подыскивают оправдание этим решениям.

До 22 июня 1941 года Сталин и его окружение верили в возможность долговременного сотрудничества с Гитлером. Поэтому в спецсообщениях разведки, которые приносил Меркулов, Сталин видел только то, что хотел видеть.

Несколько лет назад Служба внешней разведки вдруг сообщила, что настоящий прототип Штирлица — немец по имени Вилли Леман, сотрудник гестапо, который с 1929 года под псевдонимом Брайтенбах работал на советскую разведку. Будто бы Юлиану Семенову дали дело Брайтенбаха, но посоветовали переделать немца в русского.

Это не так. В те времена дело Брайтенбаха было засекречено, его раскрыли совсем недавно. О Брайтенбахе Юлиан Семенов не подозревал.

Сотрудник гестапо Вилли Леман, оперативный псевдоним Брайтенбах, действительно был самым высокопоставленным советским агентом. Судьба его трагична. В 1938 году, когда советская резидентура в Германии была уничтожена Сталиным, связь с Вилли Леманом прекратилась.

Два года он ничем не мог помочь Советскому Союзу, потому что к нему никто не приходил. Связь была восстановлена в начале 1941-го и прервалась с нападением Германии на Советский Союз.

В 1942 году то ли от отчаяния, то ли по глупости Вилли Лемана погубили. Пароль для связи с ним дали неумелому и неподготовленному парашютисту, которого перебросили через линию фронта. Гестапо его сразу поймало. Он выдал Вилли Лемана, которого судьба обделила удачей, неизменно сопутствовавшей штандартенфюреру Штирлицу...

К началу войны Советский Союз располагал в Германии обширной разведывательной сетью, включавшей агентов в военно-воздушных силах, министерстве иностранных дел, министерстве экономики, в гестапо и на оборонных предприятиях.

Наркомат госбезопасности имел мощную нелегальную организацию в Берлине, которой руководили ставшие потом известными антифашисты Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак. Обладая широкими связями, они поставляли в Москву полноценную информацию, которой Меркулов мог гордиться.

Военная разведка располагала нелегальными группами в Бельгии, Голландии и Франции.

Советские агенты давали много информации, особенно в первые месяцы войны. Но их быстро начали ловить, довольно часто из-за ошибок центра, которыми воспользовалось гестапо.

Наркомат госбезопасности, как и разведывательное управление Красной армии, требовали самой свежей информации, и немедленно. Но связь была слабым местом. Радисты сидели в эфире часами, радиции засекались, и разведчиков арестовывали одного за другим.

Возглавлял гестапо тот самый Генрих Мюллер, которого в фильме «Семнадцать мгновений весны» блестяще сыграл Леонид Броневой. В жизни Мюллер не был таким ярким и интересным человеком. Он был просто квалифицированным полицейским, который действовал методично и основательно.

В Берлине я прошел по той улице, где будто бы работал штандартенфюрер Штирлиц.

От здания Главного управления имперской безопасности в немецкой столице мало что осталось — только разрушенный бункер, в котором сидели эсэсовцы из охраны. Само здание снесли до основания и устроили там музей, посвященный жертвам гестапо, с подземными камерами и множеством внушающих ужас фотографий.

Сейчас даже трудно представить себе, что когда-то здесь находилась немецкая контрразведка, которая действовала очень эффективно, несмотря на то что германская государственная тайная полиция была немногочисленной — особенно в сравнении с гигантским аппаратом НКВД, НКГБ и военной контрразведки СМЕРШ.

В 1944 году в гестапо насчитывалось 32 тысячи сотрудников. Перед войной гестаповцев было еще меньше. Скажем, в 1937-м в Дюссельдорфе, городе с четырехмиллионным населением, в местном отделении гестапо служил 291 человек. В городе Эссене, в котором проживало около миллиона человек, было 43 гестаповца.

Не так уж много у гестапо было и информаторов: обычно в большом городе несколько десятков человек. Были, конечно, и добровольные помощники, которые с помощью доносов в гестапо сводили личные счеты с недругами и тешили свое самолюбие.

Сила гестапо заключалась не в количестве людей в черной форме, а в пугающем ощущении их всемогущества и вездесущности. Немцев убедили в том, что никто и ничто не может укрыться от глаз гестапо.

Как и в Советском Союзе, в нацистской Германии была военная разведка (абвер), контрразведка (гестапо) и политическая разведка, входившая в состав Главного управления имперской безопасности. Абвер возглавлял адмирал Вильгельм Канарис, политическую разведку — молодой генерал СС Вальтер Шелленберг, которого в фильме «Семнадцать мгновений весны» играет Олег Табаков. Между Шелленбергом и Табаковым есть даже внешнее сходство...

Аппараты военной и политической разведки в Германии были значительно меньше, чем в Советском Союзе. Немецкая разведка не могла похвастаться особыми успехами и в предвоенные годы, и в годы войны. У немцев почти совсем не было агентуры на территории Советского Союза. Немцы пытались компенсировать это

путем заброски парашютистов, но безуспешно: их почти сразу ловили.

Контрразведка в этой войне оказалась сильнее разведки, и только к концу войны положение сравнялось. Гестапо выследило все нелегальные резидентуры советской разведки, и агентурная сеть в Германии была потеряна. Но советская разведка продолжала давать ценную информацию: люди Меркулова, который в апреле 1943 года вновь возглавил наркомат госбезопасности, выводывали ее не у врага, а у союзников.

Если на то пошло, Штирлиц был не немцем и не русским, а скорее англичанином. Причем английских Штирлицев было много. Самых умелых и удачливых было пятеро. Имя одного из них известно всем — это Ким Филби.

Долгое время считалось, что вместе с Филби на советскую разведку работали еще трое: его друзья Дональд Маклин и Гай Берджесс, которые после разоблачения в 1951-м бежали в Советский Союз, и Энтони Блант, решивший все же остаться в Англии. Вот они все вместе и заменили собой никогда не существовавшего Штирлица.

О коллективном Штирлице мне рассказывал полковник внешней разведки Юрий Иванович Модин. Сам он проработал в разведке сорок пять лет. Его взяли в разведку в войну, узнав, что он немного знает английский. Он провел в Англии в общей сложности около десяти лет: с 1947-го по 1953-й и с 1955-го по 1958-й.

— Я работал с Энтони Блантом и Гаем Берджессом, — говорит Модин. — Меньше с Филби: во время моей командировки его не было в Лондоне. Все они были высококвалифицированными политиками. Они без наших или моих указаний знали, что актуально, а что нет, какая внешнеполитическая проблема требует дополнительного освещения, а какая — нет. Мое вмешательство иногда даже было вредным...

Однажды из центра было получено указание представить информацию по какому-то вопросу англо-французских отношений. Берджесс сказал Модину, что дело запутанное, и лучше, если он сам напишет краткую и понятную справку. Модин отказался и просил принести все документы. Берджесс сделал это.

Ни Модин, ни специалисты в центре не в состоянии были разобраться и в конечном счете вынуждены были попросить Берджесса разъяснить положение дел и внести ясность...

В годы войны поток информации от советских агентов в Англии был настолько велик, что резидентура не успевала ее обрабатывать. Секретные документы приносили буквально чемоданами. И тогда в Москве приняли решение: материалы, получаемые от пяти наиболее ценных агентов, обрабатывать в первую очередь. Так и появилась знаменитая пятерка.

И все равно резидентура из-за нехватки времени была не в состоянии их все освоить, целые кипы бумаг так и остались неразобранными.

— Хороша же была система безопасности, если из здания министерства иностранных дел Великобритании можно было спокойно вынести массу секретных материалов, — сказал я Юрию Ивановичу Модину.

— В Англии верят своим чиновникам, и в принципе, по-моему, правильно делают, — ответил он. — То, что пятерка работала на нас, историческая случайность. Доверие же является залогом эффективной работы...

Филби, Берджесс, Маклин, Блант согласились работать не на советскую разведку, а принять участие в борьбе против фашизма. В 30-х годах они смотрели на Россию как на форпост мировой революции. Они происходили из аристократических семей, но учились у преподавателей, известных своими марксистскими взглядами. Тогда это считалось модным.

Филби был левым социалистом. Университетский преподаватель свел его с коммунистами.

Берджесс открыто заявлял о своей принадлежности к компартии и изучал Маркса. Он, по словам Модина, блестяще знал историю КПСС.

Блант своих левых взглядов не афишировал, но пришел к марксизму через свой предмет — историю искусств. Он полагал, что искусство в нашу эпоху погибает из-за отсутствия меценатов, какие существовали в эпоху Возрождения. Рыночные отношения — смерть искусства. Его могут спасти только дотации социалистического государства...

Маклин, сын министра в одном из британских правительств, пришел к коммунизму через сложнейшую комбинацию чувственного восприятия тяжелого положения рабочих-шотландцев, национализма и личной склонности к проповеднической и благотворительной деятельности.

До войны они помогали России, потому что верили, что наша страна — единственный бастион против фашизма. Когда началась война, они и вовсе сочли своим долгом помогать нам. При этом они отнюдь не были в восхищении от того, что происходило в Советском Союзе, в частности считали совершенно негодной нашу внешнюю политику.

Филби обладал способностью безошибочно анализировать любую проблему и предлагать единственно верное решение, говорил Юрий Модин. Этим он сделал себе карьеру в разведке: какое дело ему ни поручат, все получается.

— Думаю, — говорит полковник Модин, — Филби за всю жизнь не сделал ни одной ошибки. Он был фактически пойман и все равно вывернулся!

— Почему же пятерка провалилась?

— Американцам удалось расшифровать телеграммы советской разведки. Анализируя их, они установили личность советского агента. Это был Дональд Маклин, заведующий американским отделом

министерства иностранных дел Великобритании, а до этого сотрудник английского посольства в Вашингтоне, который занимался в том числе и англо-американским сотрудничеством в создании атомной бомбы...

Каким же образом американцам удалось расшифровать советские радиотелеграммы?

В 1944 году Управление стратегических служб США приобрело у финнов полубогоревшую советскую шифровальную книгу, которую те подобрали на поле боя. Государственный секретарь Соединенных Штатов Эдвард Стеттиниус, который считал невозможным шпионить против союзников, приказал вернуть шифровальную книгу русским, но американские разведчики ее, естественно, скопировали. Нарком госбезопасности Меркулов и не подозревал, какой удар вскоре будет нанесен его ведомству.

После войны эта книга и помогла расшифровать телеграммы, которыми обменивались наркомат госбезопасности и резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке. Считается, что и советская резидентура в Нью-Йорке, в свою очередь, допустила непростительную ошибку, дважды используя одноразовые шифровальные таблицы. Так или иначе, расшифровка телеграмм вскоре привела к громким провалам.

Первым был разоблачен Дональд Маклин, который очень преуспевал по служебной линии. Его назначили начальником департамента в министерстве иностранных дел. В Лондоне хорошо к нему относились, ведь его отец когда-то был министром.

— И что же произошло? — спросил я у Юрия Модина.

— Филби, который в этот момент находился в Соединенных Штатах в роли офицера связи с ЦРУ, в силу своего служебного положения узнал об этом и отправил Берджесса в Лондон, чтобы предупредить о провале и советскую резидентуру, и самого Дональда Маклина.

— И тогда было принято решение вывезти Маклина в Советский Союз?

— Маклин сразу предупредил Берджесса: «Если меня арестуют, я расколуюсь». На Маклине сказались нервные напряжения. Он был вынужден пройти курс лечения от алкоголизма. Значит, Маклина надо было вывозить. Но отправить его одного не решались. Ему предстояло проехать через Париж. С этим городом у него были связаны самые романтические воспоминания. Боялись, что если он попадет в Париж, то напьется. А если напьется, то его поймут. Словом, Берджесс поехал с ним.

Но исчезновение неуправляемого и экстравагантного Берджесса и неуравновешенного и страдающего Маклина погубило Кима Филби и Энтони Бланта. Все знали, что они близкие друзья, и первым делом их тоже заподозрили в шпионаже.

Филби заставили уйти из разведки, но еще несколько лет он оставался в Англии. Блант отказался бежать в Москву. Он при-

знался властям, что работал на советскую разведку, но детали рассказал только после смерти Берджесса, которого очень любил.

— А как в пуританской Москве отнеслись к Берджессу с его гомосексуальными наклонностями?

— Ему объяснили, что на этот счет у нас строгие законы и их придется выполнять. Тем не менее он как-то выходил из положения. Но на самом деле он мог жить только в Лондоне. Ему позарез надо было вечером, часов в семь, зайти в пивную. Берджесс — он был заводной, хулиган. Я помню, что в Ирландии во время отпуска он насмерть задавил человека. Но выкрутился: у него везде было полным-полно дружков, любую дверь открывал ногой. В Англии ему все прощали. Нет, в Москве он жить не мог...

Имена Дональда Маклина и Гая Берджесса, которые в 1951 году бежали в Москву, первым в советской печати назвал журнал «Новое время».

В № 40 за 1953 год анонимная заметка, опубликованная в журнале под рубрикой «Против дезинформации и клеветы», клеймила «рыцарей «холодной войны» и мошенников капиталистической прессы», имевших наглость утверждать, что какие-то Берджесс и Маклин перебрались в Москву и что за Дональдом Маклином даже последовала его жена Мелинда.

Это сообщение, писало «Новое время», «вызвало веселое оживление в нашей редакции, где о Берджессе и Маклине знают только по визгливым рассказам западной печати».

В Англии решили, что советское руководство устроило очередную пропагандистскую игру, гадали, в чем ее смысл, и ошиблись. Статья о Берджессе и Маклине была инициативой редакции: ведь никто в журнале понятия не имел, о ком идет речь. Привычка давать отпор Западу по всякому поводу на сей раз подвела журналистов. На следующий день после выхода журнала главному редактору позвонил разгневанный Вячеслав Михайлович Молотов, после смерти Сталина возвращенный на пост министра иностранных дел:

— Кто вам поручал делать такие заявления?

Только в 1956 году Москва официально признала, что Гай Берджесс и Дональд Маклин получили убежище в Советском Союзе, но еще долго отрицала их работу на советскую разведку.

Гай Берджесс был самым несчастливым из лучших агентов советской разведки на Британских островах. В Москве он получил паспорт на имя Джима Андреевича Элиота. Советской жизни он не выдержал и попросил у КГБ разрешения вернуться в Англию, но этого никто не хотел. Он недолго прожил в Москве и умер, можно сказать, от тоски.

Дональд Дональдович Маклин, более спокойный по характеру, не обращался к руководству КГБ с такими наивными просьбами. Он работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук до самой смерти, писал книги и тихо возмущался социалистической действительностью.

Гарольд (Ким) Филби был прирожденным разведчиком. С 1939 года он служил в английской разведке, успешно делая карьеру. В отличие от своих товарищей, он не был гомосексуалистом и скрывал коммунистические убеждения, если они у него были. Он, несомненно, наслаждался ролью человека, который водит за нос крупнейшие разведки мира (английскую и американскую), и дорожил похвалами, отпускаемыми ему в КГБ.

Он достиг вершины своей карьеры в 1945-м, возглавив в английской секретной службе отдел, работающий против Советского Союза. Филби передал в Москву имена всех агентов, которых в те годы с ведома английской разведки пытались заслат в социалистические страны. Вероятно, речь идет о сотнях людей, которых поймали и расстреляли. Когда Филби говорили об этом, он небрежно отмахивался: на войне как на войне.

Впрочем, он знал, что ему самому смертная казнь не угрожает даже в случае разоблачения: в Англии в мирное время шпионов не казнят.

Впервые реальная угроза для него возникла в тот момент, когда сотрудник советской резидентуры в Турции Константин Волков встретился с английским консулом и попросил политического убежища, обещая взамен назвать имена трех высокопоставленных советских агентов, двое из которых работают в министерстве иностранных дел Англии, а третий — в разведке.

Нерасторопный и несамостоятельный консул отправил запрос в Лондон: как ему быть?

Телеграмма из Стамбула легла на стол Киму Филби, и он сообщил о ней своему советскому связному. Сотрудники КГБ немедленно вывезли Волкова в Москву. Можно представить себе его судьбу...

Британское правительство, лояльное к своим соотечественникам, даже после побега Берджесса и Маклина отстаивало невиновность Филби. В специальных службах, разумеется, понимали, что Филби шпион, но доказательств его работы на советскую разведку контрразведчики не нашли. А без доказательств в Англии не судят.

Мужество, хладнокровие, ум и профессиональные таланты Филби внушают уважение. Но любопытно, что он отказался служить стране, где так уважают права личности, и всю жизнь служил стране, где расстреливали, не утруждая себя поисками доказательств вины.

После длительного расследования осенью 1955 года министр иностранных дел Гарольд Макмиллан, истинный джентльмен, заявил в палате общин, что Филби исполнял свои обязанности добросовестно и умело и нет никаких доказательств того, что он предал интересы Англии.

Филби позволили уехать корреспондентом в Ливан. А в 1962 году, когда им вновь заинтересовалась контрразведка, он все-таки бежал в Москву. Здесь его прекрасно встретили, вручили ордена, но к реальным делам не подпустили. Его мечта сидеть в штаб-квартире со-

ветской разведки и быть главным консультантом развеялась как дым. Как и все перебежчики, он уже никому не был нужен. Кроме того, на Лубянке не все ему доверяли: особо бдительные чекисты считали, что он обманывает КГБ и хранит верность Англии.

В любом случае за каждым его шагом следили, в его квартире была установлена аппаратура прослушивания. Безделье, невозможность играть в любимые им шпионские игры были для Филби самым тяжким испытанием. В порыве отчаяния он пытался покончить с собой.

Только в последние годы ему нашли дело: он стал заниматься со слушателями разведывательной школы, которые готовились к работе в Англии. В 1977 году ему разрешили приехать в штаб-квартиру советской разведки в Ясенева, чтобы он мог выступить на торжественном собрании аппарата Первого главного управления КГБ.

Его третья жена Элеонора, последовавшая за ним в Москву, писала в воспоминаниях, что Филби сильно пил и «отбил жену у Дональда Маклина, страдавшего импотенцией». С Элеонорой Филби тоже расстался и женился вновь. Этот, четвертый по счету, брак оказался удачным и скрасил ему последние годы жизни.

Четвертый советский агент — Энтони Блант, один из самых известных британских искусствоведов, хранитель Королевской галереи, устроил свою жизнь несколько лучше. Он пошел на сотрудничество с английской контрразведкой, многое рассказал, благодаря чему остался на родине и сохранил свободу.

«Мне доставляло огромное удовольствие сообщать русским имя каждого сотрудника английской контрразведки», — признался Энтони Блант. С 1940 года он служил в контрразведке и одно время состоял офицером связи при штабе объединенных сил союзников. В 1945-м в поверженной Германии он выполнял особое задание королевской семьи, после чего стал хранителем Королевской галереи.

Энтони Блант был элегантным, очаровательным и в высшей степени образованным человеком. Он знал пять языков. Занимался не только искусством — первую научную степень в Кембридже он получил по математике.

В 1956 году Бланта удостоили дворянского титула, хотя его уже подозревали в шпионаже. В 1964-м он признался, что работал на советскую разведку, — в обмен на освобождение от наказания. Правительство сочло, что не располагает достаточными уликами для уголовного преследования, и обещало держать его признания в секрете и не мешать его искусствоведческой деятельности.

Занятия искусством вознесли Бланта на невиданную высоту, и он не желал ни бежать в Москву, ни сидеть в тюрьме.

В 1979 году премьер-министр Маргарет Тэтчер вынуждена была признать, что правительству известна шпионская деятельность Бланта. Он был лишен дворянства... Это было самое жестокое наказание, которое на него обрушилось.

Так сложилась судьба четырех лучших агентов советской разведки военного времени. Потом стали говорить, что четверка на самом деле была пятеркой. Пятый агент передавал в Москву информацию, перехваченную англичанами, которые научились расшифровывать немецкие коды.

В годы войны немцы пользовались купленными в Швейцарии шифровальными машинами «Энигма». Первую информацию об устройстве этих машин англичанам сообщил немец Ганс Тило Шмидт, работавший на французскую разведку.

Польский инженер, который участвовал в установке «Энигмы», в 1938 году восстановил конструкцию шифровальной машины. Поляки первыми начали расшифровку немецких кодов. После поражения в войне в сентябре 1939-го все разработки они передали англичанам.

Польские агенты переправили в Англию «Энигму». Пять с половиной лет английские дешифровальщики читали самые секретные документы рейха.

Англичане понимали, что напали на золотую жилу, поэтому изо всех сил старались не дать немцам понять, что их шифротелеграммы читаются врагом. Прежде чем использовать перехваченную информацию, англичане всякий раз тщательно продумывали, как обосновать свою осведомленность. И немцы ничего не заподозрили.

Некоторые историки утверждают, что премьер-министра Уинстона Черчилля даже заранее предупредили о том, что немцы собираются бомбить Ковентри, но он запретил принимать дополнительные меры для защиты города, чтобы немцы ни о чем не догадались. Ковентри был практически полностью разрушен.

По тем же причинам англичане передавали Сталину только малую часть перехватываемой ими информации. Но в Москве не печалились по этому поводу: нарком Меркулов приносил Сталину почти все, что добывали англичане.

— Накануне битвы на Курской дуге пятый агент передал нам сведения о количестве немецких дивизий, о толщине брони нового танка «тигр», — рассказывал мне в 1992 году полковник Модин. — Эта информация поступила в наркомат госбезопасности за три месяца до начала битвы.

— Это был один из пятерки?

— Да, пятый, чье имя я не могу пока назвать.

— Тогда это, наверное, Джон Кэрнкросс, работавший в годы войны в английском центре радиоперехватов и дешифровки? — предположил я, имея в виду Государственную школу кодирования и шифровального дела в Блетчли, как назывался официально упомянутый мною центр. — В конце 1991 года Кэрнкросс признался, что был пятым.

— Откуда он может знать: пятый он или нет? Пятого знаю только я, — широко улыбаясь, ответил мне Юрий Модин.

«Если меня считают пятым, то так оно, наверное, и есть», — сказал тогда Кэрнкросс. Шотландец из рабочей семьи, он сумел поступить в Кембридж, где не скрывал своих коммунистических взглядов.

Кэрнкросса стали подозревать еще в 1951 году, когда в брошенной лондонской квартире Гая Берджесса полиция обнаружила материалы из министерства финансов. Кэрнкросс признал, что делился с Берджессом некоторыми сведениями, но не секретными.

Многие годы английская разведка пыталась узнать, кто же был пятым. Эту загадку раскрыл бывший полковник советской внешней разведки Олег Гордиевский, который перебежал к англичанам.

Когда об этом написали английские газеты, Джон Кэрнкросс был потрясен. Он думал, что о нем забыли. После того как в 1964 году он признался британской контрразведке МИ-5 в своих грехах, он заключил с властью пакт о молчании и не хотел его нарушать. Но ему пришлось заговорить. Он рассказал, что накануне сражения на Курской дуге передал в Москву огромное количество информации о немецких войсках, стянутых для наступления. Кэрнкросс даже считал, что он изменил ход Второй мировой войны, потому что помог русским выиграть танковую битву под Прохоровкой.

Юрий Модин с некоторой горечью сказал, что наградили Кэрнкросса за это всего лишь орденом Красной Звезды:

— Не умеют у нас ценить людей...

Меркулов никому не говорил о том, откуда пришла столь точная информация о готовящемся сражении на Курской дуге. По приказу наркома с ней ознакомили военных и сказали, что сведения получены от партизан.

Информация о немецких вооружениях — не единственное, что Кэрнкросс сообщил Москве. По словам Модина, первые сведения о работе англичан и американцев над атомной бомбой тоже пришли от Кэрнкросса. Вот об этом ему не очень хотелось вспоминать: это уже не общая борьба против фашизма, а чистой воды шпионаж.

Кэрнкросс работал на советскую разведку с 1937-го по 1951-й. За это время он успел поработать в министерстве иностранных дел, министерстве финансов, в секретариате члена кабинета министров, в службе дешифровки и в английской разведке. Его называют пятым человеком, хотя, по словам Олега Гордиевского, в КГБ его звали первым по значению.

Кэрнкросса это раздражало. Он не хотел быть в одном ряду с людьми, которых не любил и которых именовал снобами и патрициями: с Филби, Макклином, Берджессом и Блантом.

Филби и другие работали не из-за денег и от денег отказывались. Кэрнкросс не отказывался. И уж совсем ему не хотелось, чтобы его называли одним из первых атомных шпионов.

Кэрнкросс перед смертью написал книгу, чтобы снять с себя обвинения в тривиальном шпионаже ради денег. Он считал себя человеком, который передал союзнику, Советскому Союзу, неко-

торые секреты только ради победы над общим врагом, нацистской Германией.

Он пишет о том, что не был коммунистом и дистанцировался от Москвы, потому что знал о преступлениях коммунизма. Почему же он тогда не отказался от сотрудничества с советской разведкой? Возможно, потому, что разведка давала ему хорошие деньги.

Джон Кэрнкросс работал на советскую разведку четырнадцать лет, пока пятерка не провалилась. Когда это случилось, рассказывает полковник Модин, из Москвы пришел приказ дать ему деньги и попрощаться.

Джону Кэрнкроссу пришлось уехать из Англии. Он жил в разных странах, работал в международных гуманитарных организациях и, похоже, бедствовал. Но в Советский Союз не просился... Впрочем, это произошло уже после того, как Всеволод Николаевич Меркулов перестал быть министром госбезопасности.

А сюжет для романа «Семнадцать мгновений весны» Юлиан Семенов отыскал в двухтомном сборнике писем, которыми в годы войны Сталин обменивался с союзниками — премьер-министром Англии Черчиллем, американским президентом Рузвельтом и сменившим его Трумэном.

До самого конца войны Сталин боялся, что немцы все-таки договорятся с американцами и англичанами, капитулируют на Западном фронте и перебросят все войска на Восточный фронт, против Красной армии.

Такие сепаратные переговоры действительно проходили.

В марте 1945 года англичане и американцы начали переговоры с немецким командованием о капитуляции частей вермахта в Италии и отказались допустить советских представителей на эти переговоры. Резидент американской разведки Аллен Даллес вел в Швейцарии переговоры с высокопоставленными чиновниками третьего рейха.

Будущий директор ЦРУ Аллен Даллес, адвокат по профессии, еще во время Первой мировой войны работал агентом американской разведки в Швейцарии. Он любил рассказывать, что однажды получил записку от русского эмигранта с предложением встретиться и поговорить. Он считал этого человека малоперспективным политиком и от встречи отказался. Звали эмигранта Ленин...

Узнав о переговорах, которые вел Даллес, Сталин заподозрил, что американцы сговариваются с немцами за его спиной, и возмутился. Но это не был заговор против России. Американцы хотели избежать потерь во время операции в Италии.

Получив послание Сталина, новый президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн приказал прекратить все переговоры, чтобы не злить русских. Но потом было найдено разумное решение. 28 апреля в присутствии советских представителей была подписана капитуляция немецких войск в Северной Италии.

Когда Юлиан Семенов писал роман «Семнадцать мгновений весны», а затем сценарий будущего фильма, он мало что знал о работе

советской разведки в нацистской Германии. К секретным документам его не подпускали, да они и не были ему нужны.

Он придумал лучше, чем было в жизни.

Юлиан Семенов был просто талантливым писателем. А Татьяна Лиознова, которая поставила фильм, — не менее талантливым режиссером. Любовь к Штирлицу, восхищение Штирлицем, в которого люди поверили, достались разведке. Дело историков решить — заслуженно или незаслуженно.

ОХОТА НА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

Когда Всеволод Николаевич Меркулов во второй раз возглавил наркомат госбезопасности, у него появилось задание особой важности — уничтожить перешедшего на сторону немцев бывшего генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Андреевича Власова.

Командующего 2-й ударной армией Власова взяли в плен 13 июля 1942 года. Это сообщение немецкого радио не произвело особого впечатления в Москве. Он был далеко не единственным генералом, попавшим в плен. В Москве забеспокоились, когда немцы стали сбрасывать над расположением Красной армии листовки с обращением Власова и выяснилось, что генерал встал на сторону Гитлера. О том, что генерал Власов повернул оружие против советской власти и формирует из военнопленных собственную армию, быстро узнали на всех фронтах, пошли всякие разговоры, и перебежчик стал восприниматься как опасный враг.

Тем более, что Власова в войсках знали — его награждали, продвигали и хвалили.

На Хрущева Власов произвел впечатление своим спокойствием, бесстрашием и знанием обстановки. В трагические дни 1941 года, когда казалось, что все рушится, он вселял в окружающих уверенность. Хрущев, как член военного совета фронта, и генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос, командующий Юго-Западным фронтом, назначили его командовать 37-й армией, оборонявшей Киев.

Киев не удержали, но Власов был виноват в этом меньше других. Зато он отличился в боях под Москвой.

Зимой 1941 года, после завершения контрнаступления под Москвой, писатель Илья Эренбург побывал в расположении 20-й армии, которая сыграла важную роль в битве за Москву. «Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением, — писал в «Красной звезде» Эренбург. — У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык».

Генерал Петр Григоренко писал в своей книге воспоминаний: «Запомнился 1940 год. Буквально дня не было, чтобы «Красная звезда» не писала о 99-й дивизии, которой командовал Власов. У него была образцово поставлена стрелковая подготовка. К нему

ездили за опытом мастера стрелкового дела. Я разговаривал с этими людьми, и они рассказывали чудеса. Вторично я услышал о Власове в ноябре 1941-го... Снова о нем заговорили как о выдающемся военачальнике».

Хрущев вспоминал, как Сталин искал командующего Сталинградским фронтом:

— Очень хорошим был бы там командующим Власов, но Власова я сейчас не могу дать, он с войсками в окружении. Если бы можно было его оттуда отозвать, я бы утвердил Власова. Но Власова нет. Называйте вы, кого хотите.

Переход Власова на сторону немцев был для Сталина личным ударом. Ему нравился этот генерал.

Оперативники наркомата государственной безопасности стали искать подходы к соратникам Власова, надеясь, что кто-то из них согласится помочь уничтожить бывшего командарма. Одним из ближайших к нему людей был Георгий Николаевич Жиленков, который называл себя генералом. В Красной армии он как политработник имел звание бригадного комиссара и был членом военного совета 32-й армии. Жиленков в октябре 1941 года пропал без вести, в действительности же попал в плен.

Быстро выяснилось, что до войны Жиленков был секретарем Ростокинского райкома Московской области. В НКГБ решили вербовать Жиленкова и с его помощью убить Власова. План операции утвердил сам нарком Меркулов.

Газета «Совершенно секретно» в 1996 году опубликовала архивные документы госбезопасности, посвященные попыткам добраться до Власова.

Чекисты нашли жену Жиленкова и заставили ее написать письмо мужу. С этим письмом в район Пскова забросили оперативную группу НКГБ СССР. Послание из дома должно было доказать Жиленкову, что его семья пока не репрессирована и ее благополучие зависит от его поведения. Бывшему секретарю райкома обещали прощение, если он поможет ликвидировать генерала Власова.

Меркулов приказал использовать для уничтожения Власова, которого в оперативных документах именовали Вороном, все возможности НКГБ на оккупированных территориях.

Среди тех, кто перешел к Власову, искали людей, готовых, чтобы замолить свои грехи, оказать помощь в ликвидации главного предателя.

Но организовать покушение на Власова Меркулову так и не удалось. Да и ликвидация генерала мало что изменила. Русские люди надевали немецкую военную форму с нашивками Русской освободительной армии не ради Власова. Но подлинные причины перехода советских людей на сторону Гитлера Меркулов и наркомат государственной безопасности анализировать не смели.

В течение войны в немецкий плен попали 5,24 миллиона советских солдат. Из них 3,8 миллиона — в первые месяцы войны. Чу-

довищенная цифра. Они попадали в «котлы», которые летом 1941-го блестяще задумывали и осуществляли немецкие генералы, умело используя танковые и моторизованные части.

Сталин не признавал сдачи в плен. В Советском Союзе не существовало понятия «военнопленный», только — «дезертиры, предатели Родины и враги народа».

Приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной армии (от 16 августа 1941 года), подписанный Сталиным, требовал от красноармейцев в любой ситуации стоять до последнего и не сдаваться в плен. Командиры получали право расстреливать тех, кто смел предпочесть плен смерти.

Вот что говорилось в приказе № 270, который долго оставался секретным:

«...Можно ли терпеть в рядах Красной армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать...

Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров...

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть находится в окружении, драться до последней возможности, чтоб пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности... переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев...»

Приказ вместе со Сталиным подписал Молотов как заместитель председателя Государственного комитета обороны и маршалы Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, генерал армии Жуков.

58-я статья Уголовного кодекса РСФСР позволяла предавать суду семьи попавших в плен красноармейцев и высылать их в Сибирь. Иначе говоря, Сталин требовал, чтобы несколько миллионов красноармейцев, которые из-за ошибок и преступлений самого Сталина оказались в окружении, предпочли плену смерть.

Жестокие приказы, которые, по мысли их авторов, должны были помешать сдаче в плен, приводили к противоположным результатам. Попавшие в плен боялись возвращения на родину, где их считали предателями (так оно и получилось в 1945-м, когда из немецких лагерей они переместились в советские).

Немцы делили пленных на несколько категорий. В привилегированное положение попадали представители среднеазиатских народов, жители Кавказа и казаки, которых сразу предполагалось привлечь на свою сторону.

Уже в 1941 году несколько сот тысяч русских людей служили вермахту. Они именовались «хильфсвиллиге» («добровольные помощники») и носили немецкую форму без знаков отличия. Использовались в роли шоферов и механиков. Потом появились русские охранные части и полицейские батальоны.

Почему же огромное число русских людей помогало немецким войскам воевать с Россией? Причины этого поразительного явления истории и писатели пытаются понять все послевоенные десятилетия.

На IX съезде эмигрантского Союза борьбы за освобождение народов России, который состоялся в 1982 году в Канаде, докладчик говорил: «Это было продолжение Освободительного движения, это был ответ нашего народа на узурпацию народной власти, на кровавое подавление всех народных восстаний, на принудительную коллективизацию, на великие и малые чистки, на тысячи тюрем и концлагерей, на миллионы расстрелянных и замученных, на попрание всех человеческих свобод и обречение всех народов России на нищенское, полуголодное существование. Народ не желал защищать все эти «блага» советской власти... Русский народ пошел воевать против ненавистой советской власти».

Это звучит слишком патетично, чтобы быть правдой. Действительность была сложнее и запутаннее.

По последним подсчетам, два с половиной миллиона советских военнопленных погибли в немецком плену.

Немецкий военный историк Иоахим Хоффман, не склонный особенно винить вермахт в массовой гибели советских военнопленных, пишет: «Солдаты попадали в плен в состоянии крайнего истощения. Иногда они по шесть—восемь дней во время боя ничего не ели». 8 декабря 1941 года квартирмейстер командующего тыловым районом группы армий «Центр» доложил: «Даже когда им дают еду в достаточном количестве, они не в состоянии принимать пищу. Почти из всех лагерей поступают сообщения, что военнопленные после первого приема пищи просто теряют сознание и умирали».

Это звучит сомнительно. Немцы относились к пленным бесчеловечно. Только потом они некоторым категориям сделали послабление.

Только часть военнопленных, отмечает Хоффман, пользовалась «особенно привилегированным положением, питанием и жильем, а именно представители нерусских национальных меньшинств: среднеазиатские народы и жители Кавказа, а также казаки. Все они могли быть приняты в ряды вермахта как «полноправные солдаты», и для них устанавливались немецкие нормы питания».

Англичанин Николас Бетелл, автор книги «Последняя тайна», о судьбе советских военнопленных, говорит: «Помимо тех, кто добровольно сражался на стороне нацистов, гораздо большее число советских граждан надело немецкую форму под влиянием голода, непосильной работы и угрозы смерти... Трудно было отказаться от работы в немецких трудовых батальонах, в которых питание и содержание были несколько лучше... Они помогали при уборке урожая или на строительстве дорог... Но как только русский соглашался работать на врага, он становился на скользкую дорожку, и заставить его пойти на более тесные контакты с немецкой военной машиной было лишь вопросом времени... Во многих случаях русские становились перед страшным выбором: либо присоединиться к немцам, либо быть расстрелянным на месте».

Военнопленные, констатирует один из бывших лидеров эмигрантской организации НРС Юрий Чикарлеев, в победу Красной армии не верили:

«Во время бесконечных бесед под открытым небом, у проволоки, обсуждали перспективы на будущее, говорили о судьбе России после победы немцев над Сталиным, но главным образом думали о том, как выбраться из лагеря, ибо лагерь означал почти неминуемую смерть...

Потом распространились слухи о наборе добровольцев из числа военнопленных во вспомогательные соединения немецкой армии. Само собой разумеется, что «добровольцами» готовы были идти почти все по разным мотивам.

Нетрудно себе представить, что в таких условиях появление в лагерях «комиссии восточного министерства рейха» по набору в оккупационную административную организацию, возглавлявшейся Владимиром Поремским, будущим председателем НТС, неизбежно вызывало ажиотаж, теплило надежду на возможность выжить.

Желающих приводили в помещение, где Поремский с ними мило беседовал, задавал различные вопросы и в зависимости от ответов ставил в списке над фамилиями какие-то значки. Кандидаты с замирающим сердцем гадали о значении поставленных над их фамилиями в списке значков, ибо эти значки Поремского означали жизнь или смерть».

Скорее всего, и для самого генерала Власова первоначальным импульсом к сотрудничеству с немцами было желание остаться в живых.

Разумеется, уже освоив политическую роль, он заговорил о другом: «Разве не было бы преступлением проливать еще больше крови? Разве не большевизм, и в частности Сталин, главные враги русского народа? Разве не первый и святой долг каждого русского встать против Сталина и его клики? Там, в лесах и болотах, я окончательно пришел к заключению, что мой долг поднять русский народ на борьбу с большевистской властью за создание Новой России».

Едва ли эти мысли пришли ему в голову в те дни, когда он еще командовал обреченной 2-й ударной армией Волховского фронта. Обстоятельства пленения Власова описал переводчик 38-го немецкого корпуса зондерфюрер Клаус Пельхау, принимавший в этом участие.

Пельхау вспоминает: «По дороге Власов спросил, должен ли, по мнению немцев, генерал в его положении застрелиться, на что капитан Швердтнер ответил, что для генерала, сражавшегося до последней минуты со своими войсками, плен не является позором».

Если бы Власов сознательно сдался в плен, чтобы вести борьбу со Сталиным, он бы вряд ли задавал такие вопросы... Все свои идеи он вынашивал уже в лагере для военнопленных офицеров и генералов. К генералам лагерная администрация относилась с некоторым пиететом, но все равно это была тяжкая жизнь с неопределенной перспективой. Когда Власов попал в плен, военная удача клонилась в сторону немцев. В лагере, который постоянно пополнялся все новыми пленными, разгром Красной армии, должно быть, казался неминуемым.

Трудно обвинять в чем-либо рядовых пленных, которые, умирая от голода в немецких лагерях, выбирали жизнь и говорили немецким вербовщикам «да».

Власов же решил, что Красной армии конец, и предпочел начать новую жизнь, а не сидеть за колючей проволокой в лагере для старших офицеров и генералов.

В своем открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?» генерал-лейтенант Власов писал:

«Призывая всех русских людей подняться на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия... Двадцать четыре года я прослужил в рядах Красной армии. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я был награжден орденами Ленина, Красног Знамени... С 1930 года я был членом ВКП(б)...

Я увидел, что ничего из того, за что боролся Русский народ в годы Гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил. Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхоз, как миллионы русских людей исчезали, арестованные без суда и следствия...

Система комиссаров разлагала Красную армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партий-

ных чиновников в гражданском костюме или в военной форме... Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ...

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания Русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией...

Я пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призывать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, ненужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание Новой России, в которой мог бы быть счастлив каждый русский человек...

Интересы Русского народа всегда сочетались с интересами Германского народа, с интересами всех народов Европы... Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы... В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия.

В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину — в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы...»

Надо заметить, что лишь незначительная часть российской эмиграции, ненавидевшей коммунистов и советскую власть, сочла возможным сотрудничать с немецким национал-социализмом, с вермахтом.

Немцы не хотели, чтобы на территории Европы сохранилось русское государство.

Гитлер повторял вновь и вновь: «Я не желаю иметь с русскими ничего общего... Мы заинтересованы в том, чтобы эти русские не слишком сильно размножились; ведь мы намерены добиться того, чтобы в один прекрасный день все эти считавшиеся ранее русскими земли были бы полностью заселены немцами».

Для Гитлера Россия была подобна бубонной чуме, способной заразить и погубить весь западный мир: «Что будет с русскими или чехами, меня совершенно не интересует... Если десять тысяч русских баб издохнут от изнеможения, копая противотанковый ров, то это интересует меня только в смысле того, закончен ли этот ров, нужный Германии, или нет».

Все пропагандистские ведомства Германии трудились над созданием отвратительного образа России и русских.

В апреле 1942 года в Берлине по указанию имперского министра пропаганды Йозефа Геббельса была устроена выставка «Советский рай», которая должна была показать жизнь людей в России как примитивную и убогую. После закрытия выставки министерство выпустило большой альбом, распространявшийся по всей Германии.

Русский солдат изображался в виде животного без чувств и без интеллекта. Газеты получали указание от министерства пропаганды сообщать о реакции немецких солдат, стремительно продвигавшихся на восток, на бедственные условия жизни в России. Геббельса раздражало упорное сопротивление русских, и он именовал их крысами: «Крысы больше приспособлены для борьбы, чем домашние животные, потому что они живут в таких ужасных условиях, что им необходимо уметь драться, чтобы выжить».

Весной 1943 года по поручению Гиммлера главное управление СС издало брошюру «Унтерменш» («Недочеловек») о русских. Ее предполагалось использовать в качестве учебного пособия для немецких солдат на Восточном фронте.

Цель этого издания состояла в том, чтобы показать русских в образе монголоидных чудовищ, которые должны быть уничтожены: «Недочеловек, биологически как будто бы совершенно такое же существо, является тем не менее другим, ужасным созданием, с человекоподобными чертами лица, но в духовном отношении стоящим ниже, чем животное».

Гитлер не верил, что русские, зная о планах нацистов в отношении России, могут искренне служить нацистской Германии. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в своем окружении называл Власова «свиньей и изменником», имея в виду его переход на сторону немцев.

После первого публичного выступления генерала Власова в оккупированном Пскове в 1943-м фельдмаршал Кейтель издал жесткий приказ:

«Ввиду неквалифицированных, бесстыдных высказываний военнопленного русского генерала Власова во время поездки, проходившей без разрешения фюрера и без моего ведома, приказываю перевести русского генерала Власова немедленно под особой охраной в лагерь для военнопленных, который он не смеет покидать».

Фюрер не желает больше слышать имени Власова. Впредь оно может, если этого требуют обстоятельства, использоваться для чисто пропагандных целей, для проведения которых требуется имя, а не личность генерала Власова. Если же генерал Власов еще раз выступит где-либо лично, то следует позаботиться о том, чтобы он был передан тайной государственной полицией и обезврежен».

Гитлер действительно не желал слышать имени Власова и любых других русских, которые лезли к нему с предложением услуг. Гитлер высказался совершенно определенно: вести пропаганду с помощью русских военнопленных можно сколько угодно «при условии, что из нее не будет выведено никаких практических заключений, а главное, не будут создаваться те нежелательные настроения, которые, к сожалению, я заметил уже у некоторых... Я могу сказать, что мы никогда не создадим русской армии, это фантазия... Русские нам нужны только как рабочие в Германии».

А вот многие лидеры Народно-трудового союза (НТС), считавшие себя русскими националистами, продолжали сотрудничать с немцами. Характерно, что пакт Сталина с Гитлером в 1939 году возмутил НТС. Но обиделись солидаристы не за Сталина, а за Гитлера.

В редакционной статье «Задачи, работа и цели союза» орган Народно-трудового союза газета «За Россию» писала: «Мы приветствовали образование социал-реформаторского лагеря в мире — фашизма. Но он скомпрометировал себя союзом с марксизмом, обнаружив при этом свою идейную незрелость».

22 июня Гитлер преодолел свою незрелость, и солидаристы поехали в Россию с командировочными удостоверениями оккупационной администрации. Они работали в различных учреждениях: в министерстве пропаганды Геббельса, в отделе пропаганды главного командования вермахта и, прежде всего, в восточном министерстве Альфреда Розенберга, которое управляло оккупированными советскими территориями.

Возможно, они и в самом деле считали себя спасителями России, но они принимали идеологию и практику нацистского государства, им не претил фашизм, они разделяли некоторые идеи национал-социализма.

18 ноября 1944 года в Берлине состоялся торжественный вечер по случаю создания Комитета освобождения народов России. Самым заметным было выступление офицера власовской армии Дмитриева: «Агенты НКВД и вся большевистская пропаганда будут стараться оклеветать нас, изобразить безыдейными наймитами немецкой армии. Но мы спокойны. Мы не наймиты Германии и не собираемся ими быть. Мы союзники Германии, вступившие в борьбу для выполнения наших собственных национальных задач, для осуществления наших народных идей, для создания свободного независимого отечества».

«В зале вспыхнула такая овация, — пишет растроганный протоирей Александр Киселев, духовник штаба армии Власова, — что Дмитриев долго не мог продолжать свою речь. Многие плакали. Это была минута высокого и редко встречаемого патриотического подъема. Русское движение сразу начинало перехлестывать через те рамки, в которые его хотели втиснуть немцы».

Протоирей Киселев и не думал о том, что равно позорно быть как наймитом, так и союзником нацистской Германии... А скорее всего, циничный ландскнехт заслуживает большего снисхождения, чем сознательный союзник Гитлера.

Только в последние месяцы существования рейха Берлин уже был готов на все. 16 сентября 1944 года после встречи с рейхсфюрером СС Гиммлером Власов получил разрешение создавать свою армию.

28 января 1945 года Гитлер назначил генерала Власова главнокомандующим русскими вооруженными силами. РОА (Русская освободительная армия) получила статус армии союзной державы, подчиненной в оперативном отношении вермахту.

18 января 1945 года между правительством Великой Германской империи, представленной статс-секретарем министерства иностранных дел, и председателем Комитета освобождения народов России генерал-лейтенантом Власовым было подписано в торжественной обстановке соглашение, в котором третий рейх заявлял о своей готовности предоставить комитету необходимые денежные средства.

Власов надеялся превратить комитет в своего рода правительство в изгнании. Власову даже, наверное, удалось облегчить участь миллионов полугодных пленных и «восточных рабочих». «Смертность в лагерях резко понизилась, и начиная с 1943 года попавшие в плен имели шансы остаться в живых», — пишет один из соратников генерала.

Тогда даже Геббельс решил, что пропагандистски глупо продолжать изображать русских как «недочеловеков», разумнее всячески поощрять русский национализм. В 1944 году его кинодокументалисты, к удивлению немецких зрителей, стали показывать «героического генерала Власова» в выпусках кинохроники.

Весной 1945-го Йозеф Геббельс записал в своем дневнике: «В полдень у меня была обстоятельная беседа с генералом Власовым. Генерал Власов в высшей степени интеллигентный и энергичный русский военачальник; он произвел на меня очень глубокое впечатление. Он считает, что Россия может быть спасена только в том случае, если она будет освобождена от большевистской идеологии и усвоит идеологию вроде той, которую имеет немецкий народ в виде национал-социализма...»

К середине 1943 года, утверждает Хоффман, в вермахте насчитывалось 90 русских батальонов, 140 боевых единиц, равных по численности полку, 90 полевых батальонов и другие мелкие подразделения. Они использовались для борьбы с партизанами. В частях вермахта находилось также от 400 до 600 тысяч добровольцев, которые занимались обслуживанием немецких частей.

Под германским командованием находилось несколько крупных формирований — 1-я казачья дивизия, несколько казачьих полков и Калмыцкий кавалерийский корпус.

Некоторые части носили русскую форму и назывались соответственно. Скажем, Русская национальная народная армия (РННА); она насчитывала около 10 тысяч человек.

Русская освободительная народная армия (РОНА) — около 20 тысяч человек, 5 пехотных полков, танковый батальон, зенитный дивизион.

120-й (потом переименованный в 600-й) полк донских казаков — численность 3 тысячи человек.

Бригада «Дружина» — численность восемь тысяч, сформирована эсэсовской службой безопасности.

Эти части занимались охраной тыла немецких войск и боролись с партизанами...

А какова была численность собственно власовской армии?

1-я дивизия РОА начала формироваться еще в конце 1943 года. Командиром стал бывший полковник Красной армии, бывший командир 389-й танковой дивизии Сергей Буняченко. Дивизия была окончательно сформирована в марте 1945-го — по модели немецкой народно-гренадерской дивизии: численность 18 тысяч человек, артиллерийский полк, истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, саперный батальон...

2-я дивизия начала формироваться в январе 1945-го. Ее командиром стал полковник Г.А. Зверев, занимавший в Красной армии такую же должность.

3-я дивизия, командиром которой стал бывший генерал-майор Красной армии Михаил Шаповалов, бывший командир стрелково-го корпуса, так и не была до конца сформирована.

Кроме того, в РОА входили запасная бригада, противотанковая бригада, офицерская школа.

РОА обладала и собственной авиацией. На немецкую сторону, утверждает Хоффман, перелетело не менее 80 советских летчиков на своих самолетах. Из них сформировали боевую группу, которой командовал бывший полковник Красной армии Виктор Мальцев. Группа участвовала в боевых действиях вместе с тремя эстонскими и двумя латышскими эскадрильями.

19 декабря 1944 года рейхсмаршал Великого германского рейха и главнокомандующий военно-воздушными силами Герман Геринг подписал приказ о создании ВВС РОА.

В середине апреля 1945-го были сформированы истребительная эскадрилья (16 «мессершмиттов») под командованием бывшего капитана Красной армии Героя Советского Союза Бычкова и эскадрилья ночных бомбардировщиков (12 «юнкеров») под командованием бывшего старшего лейтенанта Героя Советского Союза Антилевского. Началось формирование еще одной эскадрильи бомбардировщиков, транспортной эскадрильи, зенитного полка...

По подсчетам Хоффмана, личный состав РОА достигал 50 тысяч человек. Это были бывшие солдаты и офицеры Красной армии. Русские из белой эмиграции поначалу шли к Власову неохотно, но в конце войны и они присоединились к РОА. Прежде всего это казались казачьих частей.

Генерал Краснов, который в нацистской Германии возглавил Главное управление казачьего войска, относился к Власову настоятельно и отстаивал независимость казачьих частей. Генерал Краснов ссылаясь на заявление немецкого правительства от 10 ноября 1943 года, в котором казаки объявлялись союзниками нацистской Германии и им гарантировалось сохранение всех прав и привилегий.

В 1945-м казакам уже было не до выяснения вопроса о самостоятельности. Первой присоединилась к Власову казачья группа генерала Туркула (ее преобразовали в бригаду), который жил в эмиграции в Париже. Ее примеру последовал казачий отряд быв-

шего майора Красной армии Доманова. Последним под знамена Власова стал казачий корпус генерала Паннвица. Корпус насчитывал 40 тысяч человек и входил в состав войск СС.

Присоединился к Власову и русский корпус генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона, который начал формироваться на территории Сербии из числа эмигрантов еще в сентябре 1941 года. Шестнадцатитысячный корпус участвовал в боях с партизанами Тито и понес большие потери.

От сотрудничества с Власовым отказался бывший капитан царской армии Хольмстон-Смысловский, который еще в июле 1941-го сформировал русский батальон и участвовал в боях на Восточном фронте. Вермахт не стал переподчинять Власову 599-ю бригаду (13 тысяч человек), 4-й русский добровольческий, 3-й украинский добровольческий полк, а также 14-ю дивизию войск СС, сформированную из украинцев.

Первая группа власовских войск участвовала в реальных боях на Восточном фронте 9 февраля 1945 года, когда немцы уже стремительно откатывались на запад.

В феврале—марте 1-я дивизия Буняченко участвовала в оборонительных сражениях вермахта на Одере. К концу апреля Буняченко потерял всякое желание лить кровь на Восточном фронте. Он отказывается выполнять приказы генерал-фельдмаршала Шернера и движется на юг, чтобы соединиться с другими частями РОА в районе Альп. Ставка Власова находилась в Карлсбаде.

На сотрудничестве с немцами был поставлен крест. Власов и его окружение надеялись теперь заинтересовать своим антибольшевизмом союзников. Весной 1945-го штаб Власова пытался связаться с нейтральными странами — Швецией и Швейцарией, чтобы заручиться их поддержкой, но ничего не выходило.

РОА оказалась в Чехословакии как раз в тот момент, когда там началось вооруженное восстание. Однако партизаны не рассчитали свои силы. Руководители восстания передали по радио призыв о помощи.

В советской историографии принята такая версия: на помощь пражанам пришла войска маршала Конева, которые освободили столицу Чехословакии.

В реальной истории было иначе.

В штаб 1-й дивизии РОА прибыла делегация чешских офицеров. Они попросили власовцев помочь им. Командир дивизии Буняченко ухватился за эту идею. Он убеждал Власова: будущее чехословацкое правительство в знак благодарности предоставит РОА политическое убежище и замолвит за них слово перед союзниками.

5 мая дивизия Буняченко достигла соглашения с партизанами о «совместной борьбе с национал-социализмом и большевизмом». Вечером передовые части РОА вошли в Прагу, где тяжелые бои продолжались. Жители Праги встретили власовцев как освободителей. К вечеру 7 мая РОА овладела основной частью города и

рассекла группировку немецких войск надвое. Власовцы дрались хорошо и спасли Прагу. Та готовность, с которой РОА повернула оружие против немцев, говорит о многом.

РОА спасла Прагу, но ее собственное дело было проиграно. Командующий войсками союзников американский генерал Дуайт Эйзенхауэр отклонил предложение танкового генерала Паттона взять Прагу. Сюда шли советские танки. В ночь на 8 мая Буняченко отдал приказ покинуть город. Войска маршала Конева достигли Праги 9 мая.

11 февраля 1945 года в Ялте Рузвельт, Черчилль и Сталин подписали соглашение о выдаче Москве всех попавших в англо-американскую зону советских граждан, особенно взятых в плен в немецкой военной форме.

Власовцев, капитулировавших перед американской армией, отправили в Советский Союз. Верхушку РОА во главе с Власовым повесили. Других отправили в лагерь...

В процессе пересмотра прошлого возник соблазн поменять оценку на противоположную: вместо Власова-предателя появился Власов-патриот, борец против сталинского режима. А и действительно — чем Сталин лучше Гитлера?

Но в 1941-м это не Сталин сражался против Гитлера, а народы Советского Союза, которые защищали свою землю, свои дома и свои семьи. Поэтому и победили они, а не Гитлер с Власовым. Конечно, победа Красной армии привела и к тому, что еще больше укрепился сталинский деспотизм, распространившийся и на страны Восточной Европы. Но гитлеровская оккупация, гитлеровский режим не были лучшей альтернативой. Ни для Советского Союза, ни для Восточной Европы.

АЛЕН ДЕЛОН НАПРАСНО ПОГИБ ЗА СТАЛИНА

Эта хрестоматийная история рассказана в популярном некогда фильме «Тегеран-43». Немецкая разведка решила убить Сталина, Рузвельта и Черчилля, когда в конце 1943 года они встретились в Тегеране. Но легендарный советский разведчик Николай Кузнецов узнал от пьяного эсэсовца в Ровно о замысле врага и сообщил в Москву. Люди Меркулова в Тегеране обезвредили диверсантов и спасли «Большую тройку».

Американский президент Франклин Делано Рузвельт жил в Тегеране не в своем посольстве, внушавшем тревогу с точки зрения безопасности, а в советском, надежно охраняемом офицерами Шестого управления НКГБ...

В реальности это громкое дело нарком госбезопасности Меркулов не мог поставить себе в заслугу. Немецкий заговор против «Большой тройки» не был сорван. Его просто не существовало. И все киножертвы были напрасны. Игорь Костолевский мог бы побережь себя в

Тегеране, а Алену Делону не стоило умирать в Париже в схватке с немецкими диверсантами.

Профессор-иранист Даниил Семенович Комиссаров в годы войны был пресс-секретарем советского посольства в Иране. Встреча в Тегеране происходила на его глазах.

Он рассказывал мне, что накануне войны в Иране действительно обосновалось большое количество немцев. Но уже осенью 1941 года немецкую колонию изгнали из Ирана и арестовали практически всех, кто сотрудничал с немецкой разведкой.

Когда в Тегеране встретились Сталин, Рузвельт и Черчилль, никто из немецких агентов даже не подал признаков жизни, пишет Юрий Кузнец, автор интересной книги «Длинный прыжок» в никуда. Как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране».

В радиообмене между Германией и ее иранской агентурой не было выявлено ни одной шифротелеграммы, которая бы нацеливала агентов на работу в Тегеране в связи с приездом «Большой тройки».

«Некому было принять и прикрыть группы десантников, — пишет Юрий Кузнец, — даже если бы им удалось благополучно и незаметно приземлиться. Некому было организовать их взаимодействие с прогерманским подпольем, поскольку оно было фактически разгромлено. И тем более некому было осуществить террористический акт против Рузвельта, Черчилля и Сталина».

Почему же после начала войны симпатии немалого числа иранцев оказались на стороне Германии? Дело в том, что в конце августа 1941 года советские и английские войска с двух сторон вошли в Иран, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу. Но эта акция бесконечно унизила иранцев, особенно иранское офицерство.

Англичане выловили и посадили практически всех прогермански настроенных иранцев. Москва, кстати говоря, не торопилась давать согласие на эти аресты. Резидентура советской разведки в Тегеране пришла к выводу: англичане «хотят обеспечить наше участие в ликвидации антианглийски настроенной политической и военной верхушки».

Советская резидентура в Тегеране, которая составляла больше ста оперативных работников, занималась не только германской агентурой, но и по приказу наркома госбезопасности Меркулова следила за англичанами. Резидентом в Иране был знаменитый (среди профессионалов) Иван Агаянц. Многие ветераны считают его лучшим советским разведчиком.

Я спросил профессора Комиссарова:

— Предупреждали накануне приезда Сталина в Тегеран сотрудников посольства, немалую часть которых составляли разведчики, что возможно покушение на жизнь великого вождя, призывали к бдительности?

— Конечно же нет, — рассмеялся профессор. — Никаких немецких парашютистов в Иране тогда не было. А если бы кто-то и появился, ничего сделать бы не смог.

Лидеры трех стран чувствовали себя в Тегеране вполне комфортно. Сталин покинул территорию посольства и преспокойно нанес визит шаху Ирана.

Профессор Комиссаров:

— Сталин проехал через весь центр Тегерана, и ничего. Если бы была хотя бы малейшая опасность, он бы не поехал.

Для охраны встречи в Тегеране отправили 131-й мотострелковый полк пограничных войск НКВД СССР, который сформировали из наиболее отличившихся солдат и офицеров.

Полк охранял советское посольство, консульство, торгпредство, комендатуру, дворец шаха, почту, телеграф, военные склады и аэропорт. Командир полка Герой Советского Союза полковник Н. Кайманов подписывался как «командир гарнизона советских войск в Тегеране».

Известный российский историк-германист Лев Александрович Безыменский изучал немецкие документы того периода. В них нет упоминаний о подготовке операции в Тегеране.

Считается, что руководить операцией в Тегеране Гитлер назначил своего любимца, командира диверсионной группы войск СС Отто Скорцени. Это почти легендарная личность. Скорцени приписывают различные подвиги, хотя у него было больше неудач, чем побед. Но все перекрыла история с Муссолини.

Летом 1943 года король Италии приказал арестовать вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини, чтобы поскорее закончить войну. Тогда Гитлер поручил Скорцени организовать операцию по спасению Муссолини, и тот со своими парашютистами вызволил дуче из заключения и доставил его на встречу с Гитлером.

Лев Безыменский:

— Сохранились все документы, по которым можно точно установить, где был Скорцени и чем занимался. Весной 1943-го перед ним действительно поставили задачу подготовить диверсии в Иране. Но он ничего не успел сделать.

Несколько немецких парашютистов сбросили в Иране, но далеко от Тегерана: они должны были организовать диверсии на нефтепроводах.

Историк разведки Виталий Геннадьевич Чернявский считает, что немецкие спецслужбы такую операцию и не планировали и уж тем более ничего не мог узнать о ней, находясь в Ровно, знаменитый Николай Кузнецов.

— В архивах германских спецслужб, которые попали к нам или к союзникам, нет и упоминания о подготовке операции «Длинный прыжок».

Во время войны и в первые послевоенные годы подполковник Виталий Чернявский служил в том отделе советской внешней раз-

ведки, который занимался операциями в Германии и Австрии. Он, в частности, разбирал архивные документы немецкой разведки.

Зачем же Москва решила напугать американского президента мифическим заговором? Задача состояла в том, чтобы уговорить Рузвельта поселиться в советском посольстве в Тегеране.

Профессор Комиссаров рассказал мне, что это его комнату за сутки переделали в квартиру и передали Рузвельту. В ней он и жил.

Сын Лаврентия Павловича Берии Серго утверждает, что все разговоры Рузвельта в нашем посольстве прослушивались. Записи разговоров передавались Сталину. Подтверждений этому нет, да и не это главное.

Лев Безыменский:

— Главное было отделить Рузвельта от Черчилля. Когда Рузвельт остался в советском посольстве, Сталин подчинил его своему влиянию.

Странно видеть на старых фотографиях дружески беседующих между собой Сталина, Черчилля и Рузвельта.

Они обменивались поздравлениями и дружескими посланиями, встречались, договаривались о совместной стратегии и будущем переустройстве Европы. Их называли «Большой тройкой». Для остального мира они были даже единомышленниками.

На самом деле их объединял только общий враг. Они относились друг к другу с сомнением и подозрительностью.

Из них троих Уинстон Черчилль был самым старомодным. Он жил идеалами исчезнувшей Британской империи. Несмотря на свойственный ему цинизм, он не был лишен благородных чувств. У Черчилля легко зарождалась эмоциональная привязанность ко всем, с кем ему приходилось сотрудничать, временами даже к Сталину.

Черчилль был как-то неустойчив в своем отношении к России и к Сталину. Он то уговаривал Рузвельта выработать единую стратегию против России, то отправлялся в Москву, чтобы договориться о разделе послевоенной Восточной Европы на сферы влияния. Когда Сталин поддержал его идею, Черчилль вернулся в Лондон окрыленный и заявил в палате общин в октябре 1944 года:

— Наши отношения с Советской Россией никогда еще не были столь тесными, близкими и сердечными, как в настоящий момент.

Франклин Рузвельт был наиболее загадочным. Мелкие уловки и высокие принципы — все сочеталось в нем самым невероятным образом. Несмотря на его приветливые манеры, у него не было никаких политических привязанностей.

В России к Рузвельту относились заметно лучше, чем к Черчиллю, чье имя было связано с интервенцией стран Антанты после Октябрьской революции. Выступления Рузвельта широко печатались в советской прессе и комментировались самым благоприятным образом. И Рузвельт, в отличие от Черчилля, был склонен доверять Сталину. Так что история с мифическими немецкими парашютистами себя оправдала.

Неужели создатели фильма «Тегеран-43» не знали, что на самом деле никакого покушения не было?

Даниил Комиссаров:

— Авторы фильма хотели, чтобы я был консультантом. Меня пригласили в студию, показали сценарий. Я им сказал: все не так. Особенно глупо с колодцами, в которых будто бы расположился немецкий диверсант — его играл Армен Джигарханян. По тегеранским колодцам нельзя бродить: они очень узкие. Я обо всем этом рассказал и ушел...

Но как же родилась легенда? Скорее всего, эту историю придумал бывший подчиненный Меркулова и тоже драматург Михаил Борисович Маклярский. Он служил в Управлении НКВД по делам военнопленных, занимался поляками, которых расстреляли в Катюни. Во время Великой Отечественной его перевели в Четвертое управление (террор и диверсии в тылу врага), которое возглавлял генерал Судоплатов. Подполковник Маклярский занимался радиоиграми с немцами, что требовало большой изобретательности.

После войны Маклярского уволили из Министерства госбезопасности. Он был человеком талантливым, переквалифицировался в драматурги, по его сценарию поставили знаменитый фильм «Подвиг разведчика». Меркулов, должно быть, завидовал бывшему подчиненному.

АТОМНЫЕ ШПИОНЫ

Несколько лет назад ко мне пришел один отставной генерал-разведчик. В годы Второй мировой войны он работал в советском посольстве в Японии в должности помощника советского военного атташе.

Он рассказал мне следующую историю.

В августе 1945 года, на следующий день после того, как американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, из Москвы в советское посольство пришла шифротелеграмма с приказом немедленно отправиться в Хиросиму и посмотреть, что за бомбу применили американцы.

Советский Союз еще не вступил в войну с Японией, и два молодых офицера с дипломатическими паспортами — сотрудники военного атташата — отправились в Хиросиму. Сколько могли проехали на поезде, потом добирались на перекладных. В Хиросиме они застали то, что мы все потом увидели в кинохронике: развалины, трупы, мертвый, уничтоженный город.

Выполняя приказ, они набили привезенные с собой мешки землей, городским мусором, пеплом. Оторвали у одного трупа голову и тоже сунули в мешок. Мешки потом срочно отправили в Москву нашим ученым, которые сами создавали атомную бомбу.

Один из двух офицеров, побывавших в Хиросиме, умер от лучевой болезни, поскольку об опасности облучения их не предупредили. Второй, который приходил ко мне, говорил, что тяжело болел, и тогда еще врачи не знали, что с ним и как его лечить. Но спасло крепкое сибирское здоровье и выпитая им там же, в Хиросиме, бутылка виски. А напарник, говорил мне отставной генерал, виски не пил, поэтому с болезнью не справился.

Миссия в Хиросиму была частью огромной разведывательной операции, цель которой состояла в похищении атомных секретов. Советские разведчики искали эти секреты и в Канаде, и в Англии, но главным образом, разумеется, в Соединенных Штатах, где создавалось первое ядерное взрывное устройство.

В военные годы и, пожалуй, до конца 1945-го советская разведка работала в Соединенных Штатах совершенно свободно. Нарком Меркулов мог докладывать Сталину об одном достижении за другим. Федеральное бюро расследований русскими не интересовалось.

В сентябре 1945 года бежал шифровальщик посольства СССР в Канаде Игорь Гузенко. Он был сотрудником разведки, долго готовился к побегу и передал канадской полиции много секретных материалов. Канадцы были потрясены тем, что Советский Союз шпионил за своими союзниками.

2 марта 1956 года Военная коллегия Верховного суда СССР заочно приговорила к высшей мере наказания Игоря Гузенко, «по сговору с женой отказавшегося вернуться в СССР и передавшего канадским спецслужбам ряд совершенно секретных документов».

Главное, что Гузенко рассказал о советском проникновении в американские атомные лаборатории. Меры безопасности в атомных центрах были усилены. Но американским контрразведчикам понадобилось несколько лет, чтобы нащупать советскую разведывательную сеть. И у них до сих пор нет уверенности, что они нашли всех агентов.

В атомном шпионаже участвовали и военная, и политическая разведка. Но Первое управление НКГБ играло первую скрипку. Люди Меркулова обеспечили огромный поток информации о том, как идет работа над ядерным оружием в американских лабораториях.

Спор о том, какую именно роль сыграла разведывательная информация в создании советской атомной бомбы, не окончен. Заинтересованные стороны остались при своем мнении.

Покойный академик Юлий Борисович Харитон, который долгие годы руководил созданием ядерного оружия, утверждал: «Разработка советской водородной бомбы от начала и до конца опиралась на идеи и соображения, высказанные советскими физиками, и на проведенные ими совместно с математиками расчеты».

Руководитель атомного проекта Игорь Курчатов считал, что славу ученые и разведчики должны поделить пополам.

Сам Курчатов в феврале 1943 года еще не знал, может ли быть создана атомная бомба. Но ему показали материалы разведки, и они произвели на него серьезное впечатление.

Разведчики скромно говорят, что они всего лишь помогали ученым. Но помогли серьезно. Рассекречены донесения, которые разведка передавала непосредственно Курчатову. Это были многостраничные отчеты, испещренные формулами, о ходе американских разработок. Курчатов показывал донесения своим коллегам. Они говорили, что бы им еще хотелось узнать, и через некоторое время им приходил точный ответ на запрос.

Даже если наши физики, как они говорят, не получали от разведки ничего нового, то, как минимум, они убеждались в верности выбранного пути.

Главным информатором советской разведки был немецкий физик Клаус Фукс. Он вступил в компартию Германии в двадцать один год. В 1933-м бежал от нацистов в Англию. В конце 1941 года предложил свои услуги советской разведке. Через два года переехал из Англии в Соединенные Штаты. А в 1944-м приступил к исследованиям в самой главной и самой секретной атомной лаборатории в Лос-Аламосе.

Полковник внешней разведки Александр Семенович Феклисов рассказывал мне, что он встречался с Фуком шесть раз. Практически он работал по заданиям Курчатова.

Когда физика арестовали в 1950-м, ТАСС заявил, что «ни о каких фуках» в Советском Союзе ничего не знают. Суд приговорил Фука к четырнадцати годам тюремного заключения. За примерное поведение в 1959 году его освободили, и он уехал в Восточную Германию, где работал в одном из академических институтов.

Клаус Фукс и не подозревал, что одновременно с ним на советскую разведку работали многие другие ученые...

Несколько же лет назад президент Ельцин устроил праздник разведке — присвоил звание Героя Российской Федерации пятерым разведчикам, принимавшим участие в атомном шпионаже: Владимиру Барковскому, Леониду Квасникову, Анатолию Яцкову, Александру Феклисову и Леонтине Коэн, муж которой, Морис Коэн, тоже стал Героем, но по другому указу.

Супруги Коэн — оба американцы — с 1943 года были важнейшим звеном советской разведывательной сети. Они были связными, получали материалы от американских атомщиков и передавали их советским разведчикам. Их арестовали в Англии, судили, приговорили к большим тюремным срокам. Советская разведка выменяла их на западных шпионов и вывезла в Москву.

Советские разведчики старшего поколения с самого начала убедили себя в том, что Соединенные Штаты и Англия — откровенный и опасный враг, а вовсе не союзники в общей борьбе.

Американская разведка стала работать против Советского Союза уже после войны, когда стало очевидным противостояние двух стран и масштабы советского шпионажа.

Геройские Звезды получили те немногие, кто дожил до наших времен. Прежде разведчиков вознаграждали не очень щедро. Гене-

ральского звания ни один из тех, кто помогал создавать ядерное оружие, не получил.

Во времена Меркулова самый талантливый разведчик мог дослужиться максимум до полковника.

— Разведчиков тогда считали тыловиками, — сказал мне Александр Семенович Феклисов.

Зато сейчас в Службе внешней разведки больше генералов, чем раньше было во всем КГБ.

«ТЫ СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЕШЬ»

Меркулов возглавлял органы госбезопасности в годы расцвета разведки. Но успехи разведки — это было не главное, что интересовало Сталина. Важнее был твердый контроль над собственной страной. Тут всегда было много недочетов. А Сталин считал, что не бывает неразрешимых задач, бывают неумелые и недостаточно твердые люди.

Общение с генеральным секретарем вселяло тревогу в душу. Всякий раз, когда надо было ему докладывать, становилось страшно. Сталин производил такое впечатление не только на своих подчиненных, которые были полностью в его власти.

Неприятные воспоминания о встрече со Сталиным сохранил и президент Франции генерал Шарль де Голль, который, будучи тогда лидером временного правительства только что освобожденной от нацистской оккупации своей страны, приезжал в Москву в декабре 1944 года.

После официальных переговоров, писал де Голль в своих мемуарах, Сталин стал произносить тосты за каждого из присутствующих. Обращаясь к командующему авиацией, он говорил:

— Ты руководишь нашей авиацией. Если будешь плохо использовать самолеты, сам знаешь, что тебя ждет.

Обращаясь к командующему тылом Красной армии, Сталин сказал:

— Начальник тыла обязан доставлять на фронт материальную часть и людей. Делай это как следует, иначе будешь повешен, как это делается в нашей стране.

Заканчивая тост, Сталин кричал тому, кого называл:

— Подойди!

Маршал или генерал торопливо подбегал к Сталину, чтобы чокнуться с ним. Французский гость покинул ужин при первой возможности. Провожая де Голля, Сталин мрачно посмотрел на переводчика Бориса Подцероба, помощника Молотова, и вдруг сказал ему:

— Ты слишком много знаешь. Мне хочется отправить тебя в лагерь.

«Вместе с моими спутниками, — пишет в воспоминаниях де Голль, — я вышел. Обернувшись на пороге, я увидел Сталина, в одиночестве сидевшего за столом. Он снова что-то ел».

По случаю победы над Германией Сталин смилоствовался над женой члена политбюро и председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

Екатерина Ивановна Калинина к тому времени уже почти семь лет находилась в заключении.

В 1939 году в Свердловске в пересыльной тюрьме писательница Галина Серебрякова, имя которой уже упоминалось в этой книге, встретила много москвичек, осужденных как члены семьи изменника Родины.

— Вы знаете, кто вон там в углу сидит на мешке с вещами и пьет кипяток? Не узнаете? — спросила ее одна из давнишних знакомых.

Серебрякова внимательно посмотрела на высокую худую простосую женщину:

— Не знаю.

— Да что вы! Это же Екатерина Ивановна Калинина, жена Михаила Ивановича Калинина.

Серебрякова была поражена.

— Ну да, она самая. Муж — наш президент, а она осуждена как шпионка. Вот судьба... А ведь прожили они всю-то жизнь в согласии! Каково ему теперь?..

Серебрякова в прежней жизни была знакома с женой Калинина. Ей всегда нравилась эта простая, жизнерадостная женщина, говорившая с легким приятным эстонским акцентом.

— Главное, не горюй, — говорила ей жена Калинина. — Быть не может, чтобы нас скоро не выпустили, год потерпи, не больше. Убедили Сталина пробравшиеся в органы враги из иностранных разведок, что кругом измена, но он скоро разберется в этом. Партию не обманешь.

9 мая 1945 года жена президента обратилась к Сталину:

«Я, Калинина Екатерина Ивановна, была арестована и осуждена по ст. 58 к заключению в ИТЛ в 1938 году сроком на 15 лет. Я совершила тяжкую ошибку, усугубленную тем, что Вы свое-времененно мне на нее указывали, а я эти указания не учла. Такое несознательное отношение к своему положению и к окружающим людям повлекло за собой тяжкие поступки, за которые я несую суровое наказание.

Я полностью сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Эти проступки совершены мной не из сознательной враждебности, а из-за непонимания обстановки и некритического отношения к окружающим меня людям. Уже несколько лет я нахожусь на полной инвалидности. Моя единственная надежда на Ваше великодушие: что Вы простите мне мои ошибки и проступки и дадите возможность провести остаток жизни у своих детей».

12 мая она отправила письмо на имя председателя Верховного Совета РСФСР Николая Михайловича Шверника:

«Я, Калинина Екатерина Ивановна, рождения 1882 года, была арестована 25 октября 1938 года и осуждена по ст. 58 на 15 лет ИТЛ.

Я совершила тяжкие проступки, за которые понесла суровое наказание. Я сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Но я никогда не была враждебна коммунистической партии и советской власти и эти проступки совершены мной несознательно.

Сейчас мне 63 года. Уже несколько лет медицинской комиссией я переведена на полную инвалидность. Прошу Вас о снисхождении к моему искреннему раскаянию и тяжелому положению и о помиловании меня».

24 мая это письмо нарком госбезопасности Меркулов переслал адресату — то есть Швернику, но оно не могло иметь никаких последствий. Судьбы членов политбюро и их жен решал сам Сталин.

Письмо, адресованное вождю, 5 июня Меркулов передал Поскребышеву. Тот показал Сталину. Среди бумаг, полученных вождем, была и справка НКВД о деле Калининой:

«Калинина Екатерина Ивановна, 1882 года рождения, уроженка города Вейсенштейна Эстонской ССР, эстонка, гражданка СССР, бывший член ВКП(б), была арестована 25 октября 1938 года 2-м отделом ГУГБ НКВД СССР по обвинению в антисоветской деятельности и связях с троцкистами и правыми.

Следствием установлено, что Калинина с 1929 года была организационно связана с участниками антисоветской вредительской и террористической организации правых и содействовала им в их антисоветской деятельности.

Сблизившись с рядом враждебных ВКП(б) лиц: бывшим директором Института советского права Мишель А.О., бывшим зам. директора Зернотреста Герчиковым М.Г., бывшим работником Главного управления гражданского воздушного флота Остроумовой В.П., бывшим работником ЦК ВКП(б) Островской Н.Ф. и другими участниками этой организации, осужденными впоследствии за правотроцкистскую деятельность, Калинина представляла им свою квартиру для контрреволюционных сборищ, на которых обсуждались вопросы антисоветской деятельности организации, направленные против политики и руководства ВКП(б) и Советского правительства.

Имея тесное общение с Остроумовой В.П., информировала последнюю по вопросам секретного характера, что Остроумовой было использовано в шпионских целях. Работая с 1936 года членом Верховного Суда РСФСР, Калинина поддерживала связи с правыми: бывшими работниками Верховсуда Берман и бывшим работником Института советского права Пашуканис (осуждены).

Кроме того, следствием установлено, что Калинина до 1924 года скрывала о том, что ее брат Лорберг Владимир (осужден) являлся агентом царской охраны.

В предъявленных обвинениях Калинина Е.И. виновной себя признала.

Осуждена Военной Коллегией Верховного Суда СССР 22 апреля 1939 года по статьям 17-58-6, 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР к за-

ключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет».

На письме Калининой Сталин написал: «Нужно помиловать и немедленно освободить, обеспечив помилованной проезд в Москву».

11 июня Президиум Верховного Совета СССР постановил: «Калинину Екатерину Ивановну помиловать, досрочно освободить от отбывания наказания и снять поражение в правах и судимость».

Внезапное милосердие вождя объяснялось тем, что дни смертельно больного Михаила Ивановича Калинина были сочтены. Его жена, сидевшая в лагере, была своего рода заложником — все члены политбюро понимали, что никто не застрахован от гнева вождя.

Еще в начале 30-х годов члены политбюро чувствовали себя уверенно и самостоятельно, они вели реальные дискуссии между собой и даже спорили со Сталиным. Ему приходилось учитывать их мнение и договариваться с ними. Споры в большинстве своем носили не принципиально-политический, а ведомственный характер. Это была борьба за интересы собственного ведомства, за влияние и ресурсы.

Арест жен, заместителей и помощников членов политбюро поставил их в уязвимое положение перед Сталиным, им пришлось оправдываться, объясняться, доказывать собственную невиновность. Члены политбюро утратили уверенность в себе, потеряли даже относительную самостоятельность. А Сталин даже перестал собирать политбюро, оно стало ему ненужным. Ему больше не надо было убеждать своих соратников. Они заранее были согласны с любым его предложением.

Сталин Калинина ни в грош не ставил. И тот так и не посмел попросить вождя о снисхождении к жене. Но теперь, когда Калинин умирал, Сталин ее отпустил.

Но вместе они прожили недолго.

15 марта 1946 года Калинин был освобожден от должности, которую занимал почти тридцать лет. В июне он скончался...

«ПОЙДЕТЕ ДИРЕКТОРОМ ЧАЙНОЙ?»

11 июля 1945 года в «Правде» появился указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменял специальные звания для начальствующего состава органов госбезопасности. Для начальствующего состава НКВД и НКГБ вводились воинские звания, установленные для офицерского состава и генералов Красной армии, та же форма одежды и те же знаки различия.

На первой полосе «Правды» был напечатан роскошный портрет Берии и Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Маршала Советского Союза. Указ подписали Калинин и секретарь президиума Александр Федорович Горкин.

Чуть ниже была помещена фотография Меркулова и указ о присвоении ему звания генерала армии. Указ подписали Сталин как председатель Совета народных комиссаров СССР и управляющий делами правительства Яков Ермолаевич Чадаев.

Рядом был помещен также подписанный Сталиным длинный список чекистов, получивших воинские звания.

Звание генерал-полковника получили: начальник военной контрразведки СМЕРШ Абакумов, первые заместители наркоматов внутренних дел и госбезопасности — Круглов, Серов, Кобулов, Чернышов, уполномоченный НКГБ по Дальнему Востоку Гоглидзе, начальник Главного управления строительства шоссейных дорог НКВД Карп Александрович Павлов (при Хрущеве он застрелился).

Звание генерал-лейтенанта получил пятьдесят один человек. Среди них такие заметные люди, как начальник сталинской охраны Николай Сидорович Власик, начальник следственной части по особо важным делам НКГБ Лев Емельянович Влодзимирский, начальник управления НКГБ по Приморскому краю Михаил Максимович Гвишиани (его сын станет зятем Косыгина), Кобулов-младший, едва не ставший министром госбезопасности Сергей Иванович Огольцов, Павел Судоплатов, начальник разведки Павел Михайлович Фитин, Лаврентий Фомич Цанава...

Звание генерал-майора получили почти полтора десятка чекистов. В этот день на Лубянке был большой праздник — Сталин уважил своих чекистов.

15 марта 1946 года Верховный Совет принял закон «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик».

Наркоматы переименовали в министерства. Через неделю НКГБ стал министерством государственной безопасности. Но Меркулов был министром всего лишь полтора года. 4 мая 1946 года его сместили с поста министра госбезопасности.

Нелепо даже задаваться вопросом, почему Сталин его убрал. Меркулов продержался целых три года, а для такой должности это большой срок. К тому же его не арестовали. Он ушел с Лубянки на своих ногах и свободным человеком.

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, возглавлявший одно из управлений МГБ, писал в воспоминаниях, что Сталину не понравился представленный Меркуловым план реорганизации органов госбезопасности.

По словам Судоплатова, Сталин хотел назначить министром Сергея Ивановича Огольцова, первого заместителя министра госбезопасности. Генерал-лейтенант Огольцов окончил двухклассное училище и работал до революции письмоношцем. А после революции он сразу стал следователем уездной ЧК в Рязанской губернии. Потом он оказался в Полтавской ЧК, где заведывал бюро

обысков. В 1923-м его перевели в систему особых отделов в армии, и он год проучился в Высшей пограничной школе ОГПУ. В 1939 году он возглавил ленинградское управление НКВД. Во время войны был начальником управления в Куйбышеве и наркомом госбезопасности в Казахстане.

В декабре 1945 года его вызвали в Москву и назначили первым заместителем к Меркулову. От поста министра он отказался, сославшись на то, что у него нет ни опыта, ни знаний для такого поста. Тогда Сталин назвал имя Абакумова, который в войну руководил военной контрразведкой СМЕРШ.

Абакумов, приглашенный на заседание политбюро, тоже стал вроде как сомневаться в своих силах:

— Товарищ Сталин, ведь у меня нет опыта...

Это легкое кокетство обычно прощается. Но Сталин почему-то пришел в плохое настроение и оборвал кандидата в министры:

— У нас, товарищ Абакумов, сейчас много свободных мест директоров чайных. Если вы в себе не уверены, может, назначить вас директором чайной?

Абакумов стал министром госбезопасности.

Эта история кажется не очень правдоподобной. Сталин заранее продумывал кадровые назначения, а начальников госбезопасности он менял постоянно, чтобы не теряли хватки и не обрастали связями в аппарате. Абакумов был в фаворе. Сталин считал, что он хорошо себя проявил во время войны, и поручил ему министерство.

Через несколько дней под председательством нового секретаря ЦК, курирующего госбезопасность, Алексея Александровича Кузнецова комиссия рассмотрела ошибки прежнего руководства министерства госбезопасности. Меркулову предъявили грозное обвинение в том, что он прекратил преследование троцкистов во время войны.

Но карьера его не закончилась. Подержав его немного без работы, Меркулова назначили заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей по Австрии. Вскоре он получил повышение — 25 апреля 1947 года стал начальником Главного управления при Совете министров СССР по управлению советским имуществом за границей.

Через три года, 27 октября 1950 года, он стал министром государственного контроля СССР. На этом посту Меркулов сменил знаменитого Льва Захаровича Мехлиса, который прежде был помощником Сталина.

Когда Берию арестовали, Меркулов в качестве члена ЦК еще участвовал в работе пленума, где его патрона обвиняли во всех грехах. После пленума его пригласил к себе Хрущев.

Никита Сергеевич пишет:

«Я, признаюсь, раньше с уважением относился к Меркулову. Он был культурным человеком и вообще нравился мне. Поэтому я сказал товарищам: «Тот факт, что Меркулов являлся помощником Бе-

рии в Грузии, еще не свидетельствует о том, что он его сообщник. Может быть, все-таки это не так? Ведь Берия занимал очень высокое положение и сам подбирал себе людей, а не наоборот. Люди верили ему, работали с ним. Поэтому нельзя рассматривать всех, кто у него работал, как его соучастников по преступлениям. Вызовем Меркулова, поговорим с ним. Возможно, он нам даже поможет лучше разобраться с Берией».

Вызвал я Меркулова, сообщил, что нами задержан Берия, что ведется следствие. «Вы много лет с ним проработали, могли бы помочь ЦК». Я с удовольствием, говорит, сделаю все, что смогу.

Меркулов написал обширное покаянное письмо, предал Берию анафеме и заявил, что готов работать на любом месте, где партия сочтет возможным его использовать. Но советское руководство спешило избавиться от людей Берии.

Своей блистательной карьерой Всеволод Николаевич Меркулов был обязан Берии. В качестве платы за это ему пришлось разделить с Берией его судьбу.

«Когда я послал его материалы генеральному прокурору Руденко, — продолжает Хрущев, — тот прямо сказал, что Меркулова надо арестовать, потому что следствие по делу Берии без ареста Меркулова затруднится и окажется неполным. ЦК партии разрешил арестовать Меркулова. К моему огорчению, выяснилось, что зря я ему доверял. Меркулов был связан с Берией в таких преступлениях, что сам сел на скамью подсудимых и понес одинаковую с ним ответственность.

В своем последнем слове, когда приговор был уже объявлен судом, Меркулов проклинал тот день и час, когда встретился с Берией».

22 мая 1953 года распоряжением Совета министров ему был предоставлен отпуск по состоянию здоровья. Но он не успел им воспользоваться — его освободили от должности министра государственного контроля и на следующий день арестовали.

Часть третья

СТАЛИНСКИЙ ЗАКАТ

Глава 7

ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ АБАКУМОВ

Министр государственной безопасности Виктор Семенович Абакумов любил вечерами ходить по улице Горького пешком, со всеми любезно здоровался и приказывал адъютантам раздавать старухам по сто рублей. Они крестились и благодарили. Абакумов любил также фокстрот, футбол и шашлыки — их ему привозили из ресторана «Арагви».

Когда его арестуют в июле 1951 года, то при обыске у бывшего министра найдут 1260 метров различных тканей, много столового серебра, 16 мужских и 7 женских часов, 100 пар обуви, чемодан подтяжек, 65 пар запонок...

Пока Виктор Семенович был на свободе, он наслаждался жизнью — насколько это было возможно по тем временам. Вероятно, это была компенсация за невеселое и несytое детство.

«ФОКСТРОТЧИК»

Абакумов родился в Москве в 1908 году. Сын больничного истопника и прачки, он проучился в школе всего четыре года. Меньше его учился только Ежов. Им обоим это не помешало в карьере.

Писатель Кирилл Анатольевич Столяров, изучивший дело Абакумова и написавший о нем не одну книгу, рассказывал мне, что, когда Виктор Семенович стал уже начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ наркомата обороны, он ни одной неграмотной бумаги не подписывал, сам все правил. И его обращения к Берии и Маленкову, отправленные из тюрьмы, были написаны абсолютно грамотным человеком...

Абакумов отслужил два года рядовым 2-й Московской бригады частей особого назначения. После армии был разнорабочим, упаковщиком, грузчиком, стрелком военизированной охраны. В 1930 году, когда он стал заместителем заведующего торгово-посылочной кон-

торы наркомата торговли РСФСР, его приняли в партию, и с этой минуты началась карьера. В октябре того же 1930-го он перешел на штамповочный завод «Пресс», его избрали секретарем комсомольской ячейки, а на следующий год сделали заведующим военным отделом и членом бюро Замоскворецкого райкома комсомола.

В январе 1932 года по партийной путевке Абакумова взяли в аппарат НКВД практикантом экономического отдела полномочного представителя ОГПУ по Московской области. Год он проработал оперативным уполномоченным экономического отдела (борьба с диверсиями и вредительством в народном хозяйстве). В 1933-м его перевели в экономическое управление центрального аппарата госбезопасности. Но на этой должности он продержался всего год.

Чуть ли не единственное свидетельство о начале работы Абакумова принадлежит Михаилу Павловичу Шрейдеру, у которого в экономическом отделе ОГПУ и начинал Виктор Абакумов. Его взяли по рекомендации большого начальства, которое выразилось так: хороший парень, хотя звезд с неба не хватает.

Его первые начальники в ОГПУ Московской области презрительно называли его «фокстротчиком». Будущий министр и в самом деле увлекался танцами и больше всего любил модный тогда фокстрот — бальный танец, пришедший из Америки.

Еще больше он увлекался женщинами и пользовался взаимностью. Он вербовал молодых женщин и развлекался с ними на конспиративных квартирах, а потом писал от их имени донесения с обвинениями врагов народа.

После того как все это вскрылось, пишет в своих воспоминаниях Михаил Шрейдер, он написал руководству рапорт о необходимости немедленного увольнения Абакумова как разложившегося и непригодного к оперативной работе, да и вообще к работе в органах. Абакумов был из экономического отдела уволен. Но чья-то сильная рука снова поддержала его, и он был переведен в ГУЛАГ...

Проверить подлинность этого рассказа трудно, но Абакумова действительно перевели из экономического отдела и назначили оперативным уполномоченным 3-го отделения отдела охраны Главного управления лагерей НКВД. На этой незавидной должности он просидел три года. В декабре 1936 года получил специальное звание младшего лейтенанта госбезопасности.

В 1937 году его перевели в 4-й (секретно-политический) отдел Главного управления госбезопасности НКВД, а на следующий год назначили во 2-й (оперативный) отдел ГУГБ, занимавшийся обысками, арестами, наружным наблюдением и установкой подслушивающей техники. Физически очень крепкий, Абакумов идеально подходил для такой работы. Кирилл Столяров считает, что Абакумова заметил Богдан Захарович Кобулов, близкий к Берии человек, в 1938-м заместитель начальника ГУГБ НКВД.

Через несколько дней после утверждения Берии наркомом внутренних дел и начавшейся чистки аппарата Абакумов получил пер-

вое самостоятельное назначение. 5 декабря 1938 года он поехал начальником управления в Ростов.

В те годы начальники областных управлений, с головокружительной быстротой взлетавшие вверх по служебной лестнице, делали свою карьеру с помощью больших кулаков и бесконечного цинизма.

Ежов обвинял аппарат НКВД в том, что враги народа содержатся чуть ли не в санаторных условиях, что следователи допрашивают их в белых перчатках. Это возымело действие. Тем не менее новые методы работы с арестованными скрывались, то есть все понимали, что совершают пусть и санкционированное, но все же преступление. Избивали по ночам, когда технических работников в здании не было. Вслух об избиениях не говорили.

Каждой области выделялся лимит, предположим, на полторы тысячи человек по первой категории, то есть тройке под председательством начальника областного управления внутренних дел предоставлялось право без суда и следствия расстрелять полторы тысячи человек.

Составлялась «повестка», или так называемый «альбом», на каждой странице которого значилось: имя, отчество, фамилия, год рождения и совершенное «преступление» арестованного, после чего начальник УНКВД писал большую букву «Р» и расписывался, что означало: расстрел. И в тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Остальные члены тройки — первый секретарь обкома и прокурор, чтобы не отвлекаться от своих дел, подписывали незаполненную страницу «альбома-повестки» на следующий день авансом.

Или начальник управления звонил первому секретарю и говорил, что сам рассмотрит дела на таких-то лиц, а потом даст приговор на подпись. И первый секретарь соглашался: настолько непререкаемы были авторитет и сила власти, которой наделили начальника УНКВД.

Быстро израсходовав лимит, начальник управления просил Москву увеличить его. Просьба удовлетворялась, а начальник управления заслуживал похвалы за рвение в борьбе с врагами народа. Существовали еще и тройки милицейские, чтобы помочь гражданским судам, которые не успевали переваривать огромное количество дел по уголовным преступлениям. Милицейские тройки не имели права осуждать больше чем на пять лет.

Абакумов возглавил Ростовское областное управление, когда авральная чистка, устроенная Ежовым, уже закончилась. Работа при Берии приобрела более спокойный, методичный характер. И начальники управлений перестали меняться каждые несколько месяцев, поэтому Абакумов просидел на своем посту два с лишним года и сумел произвести наверху самое выгодное впечатление. Он получил знак «Почетный работник ВЧК—ОГПУ» в 1938-м и орден Красного Знамени в 1940-м.

3 февраля 1941 года НКВД поделили на два наркомата — внутренних дел и госбезопасности — в связи с чем понадобилось вдвое больше высших чиновников. Берия вызвал Абакумова в Москву, и 25 февраля он был назначен заместителем наркома внутренних дел вместе с другим будущим министром — Сергеем Никифоровичем Кругловым.

Со временем они сами возглавят органы, Абакумов — министерство госбезопасности, Круглов — внутренних дел...

В роли заместителя Берии Абакумов курировал Главное управление милиции, Главное управление пожарной охраны и 3-й отдел (оперативно-чекистское обслуживание пограничных и внутренних войск). Но этим он занимался всего несколько месяцев.

После начала войны, 19 июля 1941 года, Сталин поставил Абакумова во главе Управления особых отделов НКВД СССР — военной контрразведки.

Особый отдел ВЧК в армии и на флоте был создан в декабре 1918 года. Отдел возглавлял сам Дзержинский, потом Менжинский. Двадцать с лишним лет военная контрразведка находилась в составе органов госбезопасности ВЧК—ОГПУ—НКВД. 8 февраля 1941 года совместным постановлением ЦК и правительства был ликвидирован Особый отдел ГУГБ НКВД СССР и созданы органы военной контрразведки в наркоматах обороны и военно-морского флота — Третьи управления НКО СССР и НКВМФ СССР. Военная контрразведка перешла в руки военных. Но ненадолго.

Через несколько недель после начала войны, 17 июля 1941 года, Государственный комитет обороны передал военную контрразведку из наркомата обороны назад в НКВД, где было создано Управление особых отделов. Видя, что армия отступает, Сталин вернул контроль над вооруженными силами в руки НКВД. Начальником управления стал заместитель наркома внутренних дел Виктор Абакумов. Начальники особых отделов фронтов назначались приказами Берии.

Реорганизация сперва коснулась только сухопутных войск. Но в январе 1942 года Третье управление наркомата военно-морского флота преобразовали в 9-й отдел Управления особых отделов НКВД. Однако на этом перекройка органов контрразведки не закончилась.

Через год, 19 апреля 1943 года, особые отделы из НКВД опять забрали, и на их основе были созданы Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ наркомата обороны и Управление контрразведки СМЕРШ наркомата военно-морского флота. Один из отделов контрразведки СМЕРШ присматривал за войсками наркомата внутренних дел.

Начальником ГУКР СМЕРШ был назначен Абакумов. По должности он стал заместителем наркомата обороны и подчинялся напрямую самому Сталину. Впрочем, через месяц, 25 мая, он перестал быть заместителем наркомата, но подчинялся все равно только Верховному главнокомандующему.

В 1946 году военную контрразведку в виде особых отделов вернули в систему госбезопасности...

НАЧАЛЬНИК СМЕРШ

СМЕРШ обладал собственной следственной частью и благодаря широким полномочиям и личному покровительству Сталина превратился в мощное ведомство.

1-й отдел СМЕРШ контролировал Генеральный штаб Рабоче-Крестьянской Красной армии, штабы фронтов и армий, Главное разведывательное управление и разведорганы фронтов и армий.

2-й отдел ведал противовоздушной обороной, авиацией и воздушно-десантными войсками.

3-й отдел — танковыми войсками, артиллерией, гвардейскими минометными частями.

4-й отдел руководил агентурно-оперативной работой фронтов. 2-е отделение занималось борьбой с дезертирством, изменами и самотрелами и организацией заградительной службы, 4-е — ведало редакциями военных газет, трибуналами, военными ансамблями и военными академиями.

5-й отдел отвечал за интендантское снабжение, военную медицину, военные перевозки.

6-й отдел занимался оперативным обслуживанием войск НКВД (пограничники, внутренние и конвойные войска, части по охране тылов фронтов).

7-й отдел вел оперативный учет изменников Родины, шпионов, диверсантов, террористов, трусов, паникеров, дезертиров, самострельщиков и антисоветского элемента. 2-е отделение проверяло высший командный состав — тех, кто входил в номенклатуру ЦК, наркоматов обороны и военно-морского флота, а также шифровальщиков. Кроме того, оно давало допуск к секретной работе и проверяло командируемых за границу.

Первыми заместителями Абакумова были генерал-лейтенант Исай Яковлевич Бабич, который встретил войну заместителем начальника Особого отдела Северо-Западного фронта, и генерал-лейтенант Николай Николаевич Селивановский, до этого начальник Особого отдела Сталинградского фронта.

В центральном аппарате СМЕРШ служило 646 человек. Размещались сотрудники в доме номер 2 на площади Дзержинского на четвертом и седьмом этажах.

Офицеры СМЕРШ получали такие же продовольственные и промтоварные карточки, как и армейские офицеры, вспоминает генерал госбезопасности Борис Гераскин, который начинал службу под началом Абакумова. Карточки отоваривались в магазинах на Кузнецком мосту и на улице Горького. Обедали офицеры по талонам в ведомственной столовой на Малой Лубянке.

Весной 1944 года молодой контрразведчик Гераскин докладывал лично Абакумову: «В большом, обшитом деревом кабинете возле письменного стола стоял Абакумов. Запомнилось его крепкое телосложение, правильные черты лица, высокий лоб и темные воло-

сы, гладко зачесанные назад. На нем ладно смотрелась серая гимнастерка и синие бриджи с лампасами, заправленные в сапоги. Пальцы обеих рук он держал за широким военным ремнем...»

Абакумов получал от особых отделов фронтов отчеты о допросах пленных немцев, анализ захваченных на поле боя писем, адресованных немецким солдатам из дома, офицерских дневников. Особые отделы выбирали исключительно негативную информацию о состоянии немецкой армии и положении в Германии. Абакумов усиливал эти акценты и отправлял спецсообщения членам политбюро. Эти сообщения годились для пропаганды, но создавали искаженное представление о реальном состоянии немецкой армии и настроениях в Германии...

О своей работе в СМЕРШ мне подробно рассказывал Николай Николаевич Месяцев, который после войны был секретарем ЦК комсомола, работал в ЦК, возглавлял телевидение и был послом в Австралии.

В 1941 году он окончил Военно-юридическую академию Красной армии (морской факультет) и был назначен младшим следователем Третьего (контрразведывательного) управления наркомата военно-морского флота, а затем следователем Управления особых отделов НКВД СССР. Два года служил в отделе контрразведки СМЕРШ 5-й гвардейской танковой армии. А после войны — еще полгода в Главном управлении контрразведки СМЕРШ.

— Я доволен тем, что мне пришлось пройти школу контрразведки СМЕРШ, — рассказывал Николай Месяцев. — Почему? Во-первых, я был на пике борьбы во время Великой Отечественной войны — на пике борьбы двух мощных разведок и контрразведок, нашей и германской. Во-вторых, я научился разбираться в человеческой натуре. Можете мне не верить, но, когда я распрощался с органами, мне иногда было неудобно разговаривать с людьми. Я видел, что человек говорит неправду, я чувствовал. Мой профессиональный опыт позволял слышать шорох скрытых мыслей сидящего передо мной...

К сожалению, даже в центральном аппарате контрразведки СМЕРШ было недостаточно людей с юридической подготовкой. На местах тоже. Составлялись протоколы, вызывавшие смех. Например, начальник контрразведки Кронштадтской военно-морской базы допрашивает, скажем, Иванова. И записывает в протокол: «Иванов (т. е. арестованный) странно реагирует на мои патриотические убеждения. Смотрел в сторону и двусмысленно произносил: «М-да...» И вот это расценивалось как антисоветские настроения...

— Или попало мне дело одного журналиста из газеты «Морской флот», — вспоминал Месяцев. — Симпатичный мужик. Никакой там антисоветчины не было. Болтнул что-то «под мухой», его агентура зацепила, и все. Я разобрался, освободили... Некоторые начальники увлекались незаконными арестами, приходилось серьезно поправлять.

Тактика вражеской разведки состояла в том, чтобы организовать массовую заброску своей агентуры за линию фронта. Немцы доводили пленных до такого состояния, когда человек ломался и давал согласие на вербовку. Как правило, вербовка под таким диким нажимом не приносила им успеха. Люди переходили линию фронта и сразу все нам рассказывали. Лучших своих агентов немцы готовили в разведывательных школах — и тех, кто должен был немедленно включиться в работу, и тех, кто должен был вживаться и только через некоторое время начать действовать.

Подготовленная в Борисовской разведшколе агентура попадала в нашу армию и в наши тылы. И мы знали эту школу, следили за ее передвижениями, за ее агентурой. Знали манеру работы этой агентуры — то, что называется «почерком агента». Однажды во время боев мы взяли в плен Владимира Трясова, который признался, что был завербован немцами и учился в Борисовской школе. В тот момент она находилась в небольшом городке на берегу Вислы.

Договорились с командованием, была разработана операция, чтобы стремительным ударом захватить этот городок. Нам удалось взять все документы, но агентура ушла. Когда ворвались в разведшколу, Трясов говорит:

— Капитан, вот здесь я спал.

Я говорю:

— Мне не важно, где ты спал, нужна канцелярия.

Нашли канцелярию. И в одном из сейфов в замке сломанный ключ, не смогли они его открыть. Так что мы получили личные дела немецких агентов за все время существования школы. Это было богатство для нашей контрразведки.

Я представил всех, кто участвовал в операции, к наградам, и все получили, а фронтовое начальство удостоило себя высокими орденами. В Гданьске, который немцы называли Данцигом, взяли мы начальника местного гестапо.

Он был связан с одной полькой, и на любви к этой польке он раскололся и стал давать показания... Раскрыл свои связи не только в Советском Союзе, но и во многих странах Западной и Восточной Европы, Африки и Латинской Америки. Гданьск был портовым городом, и агентурная работа там шла особенно активно, среди моряков и торговцев находились люди, которых можно было вербовать. Начальника гестапо быстро у меня забрали, передали сначала во фронт, а потом в центральный аппарат Главного управления СМЕРШ.

Когда меня после войны перевели на работу в центральный аппарат, я как-то шел по Лефортовской тюрьме, и попадается паренек, следовательно:

— Коль, ты начальника данцигского гестапо допрашивал? Он у меня сидит.

Я говорю:

— Можно на него посмотреть?

— Да, конечно.

Заходим в камеру... Немец уже такой похудевший, плечи опущены, лицо тоже потеряло прежний блеск и ухоженность... Увидел меня, поднялся и говорит:

— О привидение, ты ли это?

Ну, поздоровались...

— Как дела?

— Медленно идут, со мной можно было бы активнее работать.

Он просился, чтобы его куда-то забросили для опознания своей агентуры. Но этого нельзя было делать, потому что руки его в крови наших людей были по локоть.

А мне на Лубянке поручили дело одного из руководителей всей немецкой военной разведки и контрразведки — абвера.

Сидел генерал в Лефортовской тюрьме. Его хорошо кормили, потому что он был нужен. И когда мне передавали дело, предупредили, что его предстоит подготовить в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс.

Очень интеллигентное лицо. Пенсне. Худошавый, с серыми глазами, внимательный взгляд, хорошая речь, чувство собственного достоинства, за чем он внимательно следил, чтобы в моих глазах не уронить свое генеральское достоинство. Я же капитан, а он генерал.

Он долгое время не верил в то, что мы разбили немцев и заключили мир. Я ему давал газеты. Он говорит:

— Да мы сами такие газеты выпускали!

С разрешения Абакумова я с ним прошелся по Москве. Переодели его в штатское платье, нас прикрывали... Вышли из Лубянки, из второго подъезда, пересекли Красную площадь. Я его спросил:

— Хотите пива выпить?

— Хочу.

Завел его в бар, угостил пивом с раками. Вот тогда он поверил. Он много дал интересных показаний.

Я его внутренне сравнивал с Абакумовым. И подумал, что Абакумов крупнее как человек. Мне казалось, что немец гораздо мягче, может быть, я ошибаюсь, но Абакумов выглядел решительнее, самостоятельнее в своих действиях.

Дисциплина у него была железная. Он был строг и вместе с тем понимал, что сотрудников надо беречь. В 1943 году у меня от воспаления легких умерла мама в городе Вольске. Я узнал через месяц. И обратился к Абакумову, чтобы он мне дал отпуск четыре дня побывать на могиле. Он вызвал меня, дал мне десять дней и сам подписал командировочное удостоверение и сказал:

— Обратитесь в горотдел, вам там помогут.

Абакумов не обязан был проявлять такую заботу — звонить в горотдел госбезопасности, лично подписывать командировку, с которой я стрелой летел во всех поездах, кому ни покажешь, все берут под козырек... Надо знать, что такое голодный тыл во время

войны. И когда я приехал в Вольский горотдел наркомата госбезопасности, мне помогли с продуктами.

— Какое впечатление производил Абакумов? — спросил я Месяцева.

— Он мужик был статный, красивый, военная форма ему шла. Разговор всегда носил спокойный деловой характер. Он не заставлял стоять навтыжку и приглашал сесть. У меня с ним еще одна встреча была. Посадили двух профессоров-кораблестроителей. Один специалист в области плит, которые навешиваются на борта как броневая защита, а другой специалист в области рулевых вспомогательных устройств. Их допрашивали жестко и потом одного передали мне. Я с ним разговаривал по-человечески. И чайку вместе попьем на ночь, и поесть ему разрешу дополнительно...

И он стал давать показания. Что он, будучи мичманом на царской яхте «Штандарт», когда Николай II побывал в Германии у кайзера Вильгельма, сошел на берег, где его завербовали. И с тех пор он работает на немецкую разведку. Признал, что занимался вредительством на наших военных кораблях. Объяснил, что именно делал во вред. Его показания изучили эксперты, подтвердили: да, все так... Он признался, что занимался вредительством не один, и назвал многих видных флотоводцев.

Месяцев допросил его вместе с начальником следственной части — профессор подтвердил свои показания.

Вдруг Месяцева вызвали к Абакумову. Пришел к Абакумову, доложился, смотрит: у него в кабинете сидит арестованный профессор. Абакумов взглянул на профессора и спросил его:

— Так почему же вы обманывали следствие?

Он ответил:

— Знаете, следователь мне очень понравился. Я уже старый, пенска моя спета, а на моем деле он может отличиться.

Когда Месяцев услышал это, у него в глазах потемнело.

Профессора увели. Абакумов сказал Месяцеву:

— Арестованных нельзя бить. Но и нельзя умасливать, уговаривать. Вы его уговорили. Он полюбил вас и дал липовые показания... Уважали Абакумова в контрразведке?

— Если к младшим чинам он относился с заботой, по отечески, то высших он держал в кулаке, — говорил Месяцев. — Я видел, как начальник следственной части Павловский дрожал, когда его Абакумов распекал, стал весь белый, коленки тряслись! Думаю, что ж ты цепляешься так за должность?

Кирилл Столяров:

— Абакумов занимался разведкой и контрразведкой в тылу противника. СМЕРШ переиграл абвер и знал о расположении немецких частей больше, чем немцы о Красной армии. Не зря Сталин, склонный к быстрым кадровым перемещениям при малейших признаках неумения справиться с делом, всю войну продержал Абакумова на этой должности.

Николай Григорьевич Егорычев, бывший член ЦК КПСС и бывший первый секретарь Московского горкома, доброволец, прошедший всю войну, не раз раненный, очень смелый человек, рассказывал мне такую историю.

На Северо-Западном фронте он был заместителем политрука стрелковой роты. Вызывают его в штаб батальона. Это в трехстах метрах от передовой. На берегу чудесного озера Селигер в землянке его ждет холеный подполковник из СМЕРШ:

— Вот вы заместитель политрука, хорошо знаете наш полк. Вы, пожалуйста, докладывайте мне о тех, у кого неправильные настроения, кто может подвести, сбежать.

Егорычев ему ответил:

— Товарищ подполковник, я замполитрука и каждого бойца знаю. Мы каждый день подвергаемся смертельной опасности. И я ни о ком из них вам ничего говорить не буду. Эти люди воюют на самой передовой. Почему вы не пришли к нам в окопы и там меня не расспрашивали? Почему вы здесь, в безопасности, со мной беседуете?

Подполковник возмутился:

— Ах, вы так себя ведете? Я вам покажу!

Егорычев обозлился и на «ты» к подполковнику:

— Ну, что ты мне сделаешь? Куда ты меня пошлешь? На передовую? Я и так на ней...

Подполковнику, видимо, стало стыдно, и он решил прийти в расположение роты дня через два. Она занимала высоту. Подходы к ней немцами просматривались и простреливались. Поэтому отрыли глубокий ход сообщения, чтобы в случае обстрела укрыться. Вдруг видят: кто-то от самой церкви ползет по ходу сообщения. Ребята стали хохотать. Показался тот самый подполковник — и к Егорычеву:

— Что они смеются?

Егорычев честно ответил, что солдаты смеются из-за того, что подполковник трусоват:

— Мы-то ходим в полный рост, укрываемся только в случае обстрела, а вы ползете, когда опасности нет...

После того как личный состав роты сменился раза три, тяжкие были бои, нас отвели на несколько дней отдохнуть, продолжал Егорычев:

— У нас был мастер с Урала. Он брал запалы от противотанковых гранат и делал из них мундштуки. Они получались очень красивые. Но однажды запал взорвался у него в руках. Ему оторвало два пальца на правой руке.

Трибунал рассматривал это дело и приговорил его к расстрелу. Заявили нам, что он это сознательно сделал. Было решено расстрелять его перед строем. Отрыли ему на болоте яму метр глубиной, она сразу водой заполнилась — это было начало ноября. Раздели его до нижнего белья — обмундирование потом тоже пошло в дело...

А он твердит одно и то же:

— Товарищи, простите меня. Я же не нарочно. Я буду воевать.

Стоит перед нами солдат, — говорит Егорычев, — которого мы знаем как смелого бойца, а ему приписали самострел. Построили отделение автоматчиков. Комдив скомандовал. Стреляют. На нижней рубашке одно красное пятно. Одна пуля в него попала. Никто не хотел в него стрелять.

Он стоит. Помните «Овод»?.. Стреляют еще раз. Еще два пятна на рубашке. Он падает. Но живой! Еще просит его пощадить. Подходит командир дивизии, вынимает пистолет и стреляет ему в голову.

Мы все были страшно возмущены. До сих пор я вспоминаю это как страшный сон. Тыловые службы СМЕРШ, прокуратура тоже хотели показать, что воюют, делают правое дело. Война все списала, к сожалению...

Штрафные роты были созданы после приказа № 227, запрещающего войскам отступать без приказа. Положение о штрафных ротах 26 сентября 1942 года подписал заместитель наркома обороны генерал армии Жуков. В роты направлялись на срок от одного до трех месяцев рядовые и младшие командиры, виновные «в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, чтобы искупить кровью свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий».

Вслед за этим появились и штрафные батальоны. В них за те же прегрешения на срок от одного до трех месяцев отправлялись лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава...

Николай Егорычев считает, что надо бы разобраться с приговорами, вынесенными военными трибуналами, и реабилитировать тех, кого расстреляли несправедливо:

— На девяносто процентов несправедливо это было, в штрафные батальоны отправляли офицеров за неудачно проведенную операцию. Так ведь это же война, противник не ждал нас с поднятыми руками. За что же отдавать офицера под суд? Можно понизить в должности, если у него не удастся, но не судить. Мы же все не умели воевать, когда в первый раз шли в бой. По белому снегу в темных шинелях... Немцы брали на мушку и стреляли нас по одному. Командиры не умели командовать, потом только научились. Сами гибли, а то отдали бы под суд и в штрафную роту...

Не у каждого на фронте выдерживали нервы, но ведь это не предательство, — говорит Егорычев. — Трудно сохранить хладнокровие в бою. Помню: ночью при луне в полный рост идет на нас группа немецких солдат — молча. Солдаты запаниковали: где командир, где политрук? Я говорю: здесь политрук! Огонь! Удалось удержать позицию, а то убежали бы наши солдаты. Но обвинять их в том, что не выдерживали, нельзя, тем более расстреливать...

Один из офицеров КГБ, ушедший в отставку в звании полковника, рассказывал мне о своем отце, офицере ГУКР СМЕРШ.

Специалист по Германии, он в 1943 году попал в СМЕРШ переводчиком. Последний год войны прослужил в центральном аппарате Главного управления, переводил самому Абакумову.

Когда он попал в Германию, у него были противоречивые чувства. С одной стороны, он мечтал попасть в Германию, потому что боготворил немецкий язык и литературу. С другой — он поразился, какое количество немцев охотно шло на сотрудничество со СМЕРШ. Он считал немцев менее восприимчивыми к посубничеству. Но подумал, что, может быть, они просто хотят откататься побыстрее от наследия того режима.

Он рассказывал сыну, как в первые дни оккупации Германии его вызвали в кинозал. Там сидели Абакумов, несколько его офицеров в окружении каких-то женщин, повсюду бутылки шампанского, пиво. Абакумов смотрел трофейный фильм:

— Ну-ка, Колька, переводи, что там они говорят!

На него сильное впечатление произвело противоречие между официально проповедуемым стилем поведения и реальностью. Он называл Абакумова бабником и хапугой.

В 1946 году его тоже перевели из СМЕРШ в министерство госбезопасности. После ареста Абакумова и его взяли: дескать, знал о преступлениях бывшего министра, но молчал. На допросах спрашивали о поведении Абакумова в Германии, о связях с иностранными разведками. Его не били и, в отличие от ближайшего окружения Абакумова, освободили, вернули в министерство госбезопасности и сказали, что он должен искупить свою вину кровью. Это вызвало в нем душевный надлом. Какую вину он должен был искупать? И чьей кровью — сограждан, что ли? Он ушел с Лубянки и занялся научной работой...

МИНИСТР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Абакумов получил в войну два ордена Суворова — I и II степени (один за участие в депортации целых народов с Северного Кавказа в 1944-м), орден Кутузова I степени, ордена Красной Звезды и Красного Знамени. 9 июля 1945 года он был произведен в генерал-полковники. Еще через год назначен министром госбезопасности.

Считается, что этим назначением Сталин создавал противовес Берии, который контролировал силовые министерства.

В реальности Берия был полностью отстранен от этих дел, а в конце 1945 года даже перестал быть наркомом внутренних дел. Берия презирал Абакумова. Абакумов это знал и платил взаимностью, но боялся Берии. Сталин был всевластен, и ему не нужны были противовесы. Он выдвинул Абакумова, потому что был обеспокоен ростом авторитета военных, которые вернулись с войны героями. А кто лучше военной контрразведки сумеет с ними разобратся?

Тем более, что Абакумов понравился вождю тем, как он умело справился с фильтрацией военнопленных.

В конце войны СМЕРШ в значительной степени занимался солдатами Красной армии, попавшими в немецкий плен, и советскими гражданами, оказавшимися на территории Германии то ли по своей воле, то ли по принуждению. Почти все они прошли через фильтрационные лагеря. Бывших военнопленных отправляли на самые тяжелые работы. Последние фильтрационные лагеря закрылись только после смерти Сталина...

— Что касается еды, — сказал премьер-министр Уинстон Черчилль в октябре 1944 года в Москве, — то Англия по просьбе маршала Сталина обеспечила отправку в СССР сорока пяти тысяч тонн солины. Мы, кроме того, отправляем в СССР одиннадцать тысяч бывших советских военнопленных, чтобы было кому эту солонину есть.

Замысел был гуманный. На встрече в Ялте в 1945 году союзники договорились поскорее вернуть на родину попавших в немецкий плен или насильственно вывезенных в Германию людей. Но у Запада возникла проблема: некоторые русские предпочитали покончить с собой, только бы не возвращаться в Советский Союз. Эту малоизвестную страницу истории восстановил живущий в Англии граф Николай Толстой, внучатый племянник великого писателя и автор книги «Жертвы Ялты».

В Англии нашим людям выдавали карманные деньги, которые они пропивали в лагерной пивной. Оставшись без денег, отправлялись в соседний городок и выпрашивали в аптеках спирт, уверяя, что страдают радикулитом.

Для отправляемых в холодный Мурманск советских людей заботливое армейское интендантство выделило шерстяные жилеты, кальсоны, носки, шинели, ботинки, расчески. Но остаться в Англии не позволяли, депортировали насильно.

Николай Толстой цитирует одного британского офицера, который руководил отправкой казаков в СССР: «Когда мы прибыли в лагерь, стало ясно, что огромное большинство казаков вовсе не намерено никуда ехать. Я приказал 11-му взводу примкнуть штыки, чтобы заставить казаков сдаться, но это не возымело успеха. Они только сняли рубашки и стали просить английских солдат заколоть их».

Москве выдали два миллиона человек. Англичане не понимали, что солдат и офицеров, освобожденных из немецкого плена, на родине вновь отправят в концлагеря.

Среди них были и пособники нацистов. Всех, кто служил во владимирской армии или немецкой вспомогательной полиции, бывших старост и сотрудников оккупационной администрации судили. Но в лагеря попали и просто бывшие пленные.

Кроме того, органы СМЕРШ занимались выявлением предателей и пособников среди жителей территорий, временно оккупированных немцами. Эти люди оказались под фашистами не по

собственной вине, а в результате неспособности государства спасти их от наступавшего врага. Но они тем не менее объявлялись виновными. Часто карали тех, кто всего лишь хотел выжить...

Это была большая работа. Абакумов с ней справился и заслужил расположение Сталина. Абакумов понадобился еще и потому, что вождь решил прежде всего приструнить военных.

4 мая 1946 года Абакумов сменил Всеволода Николаевича Меркулова на посту министра госбезопасности. Главное управление контрразведки СМЕРШ было включено в состав министерства на правах Третьего главного управления.

Личный состав СМЕРШ, вспоминает генерал Гераскин, собрали в актовом зале дома номер 2 на площади Дзержинского. Выступал заместитель Абакумова генерал-лейтенант Исая Яковлевич Бабиш. Он сказал, что военная контрразведка нанесла поражение немецко-фашистским спецслужбам. За годы войны немцам не удалось ни одно сколько-нибудь значительное разведывательное мероприятие. ЦК и правительство высоко оценивают деятельность военных чекистов в годы войны. Но в связи с переходом на военное время необходимость в органах СМЕРШ отпала, партия приняла решение об их реорганизации. Учитывая заслуги Абакумова в руководстве военной контрразведкой, он по личному предложению Сталина назначен министром госбезопасности. Зал громко зааплодировал.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков вспоминает, что в министерстве Абакумова встретили хорошо: профессионал, начинал с рядовых должностей, был заместителем Сталина. Говорили, что он настолько близок к Сталину, что даже гимнастерки шьет из одного с ним материала. Министр мог неожиданно заглянуть к рядовому сотруднику, посмотреть, как тот ведет дело, расспросить о подробностях, все проверить, вплоть до того, насколько аккуратно подшиваются бумаги. Абакумов часто выступал перед чекистами, говорил воодушевленно, порой с пафосом, старался произвести впечатление человека доступного и скромного.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛ ОТЦУ ВАСИЛИЙ СТАЛИН

В министерстве госбезопасности Абакумов закончил дела, затеянные еще в СМЕРШ. Василий Сталин пожаловался отцу на плохое качество самолетов. Сталин поручил проверить это дело своему Абакумову. Именно СМЕРШ отвечал за все, что происходило в армии, и следил за генералитетом.

Первым в начале 1946 года арестовали командующего 12-й воздушной армией маршала авиации Сергея Александровича Худякова. Для начала его обвинили в том, что он скрыл свое подлинное имя. Звали его Арменак Артемович Ханферянц. Он всего лишь ру-

сифицировал свое армянское имя; это делали тогда многие, чтобы к ним проще было обращаться.

Затем его заставили признаться в том, что он давний английский агент и был причастен к расстрелу 26 бакинских комиссаров. Из Худякова выбили показания на командование ВВС и руководство авиапромышленности, которое, дескать, принимало на вооружение дефектные самолеты и моторы.

16 марта 1946 года Совет министров принял решение снять Главного маршала авиации Александра Новикова с должности командующего ВВС как «не справившегося с работой».

23 апреля Новикова арестовали у подъезда собственного дома. У чекистов даже не было ордера, его просто схватили и засунули в автомобиль.

На основании материалов, подписанных Абакумовым, были арестованы нарком авиационной промышленности Алексей Иванович Шахурин, офицеры штаба ВВС. Им вменялось в вину нанесение вреда воздушному флоту посредством поставки на вооружение некачественных самолетов и моторов.

На основе полученных от них показаний уже можно было брать всех крупных авиаконструкторов — Яковлева, Туполева, Илюшина, Лавочкина. Это было перспективное дело.

Сталин разослал членам политбюро письмо, в котором говорилось, что преступления в авиапромышленности вскрыты с помощью летчиков-фронтвиков. Но в делах нет ни одной ссылки на мнение летчиков. Отсюда и возникло предположение о том, что таким летчиком мог быть только Василий Сталин, пожаловавшийся отцу на плохие самолеты.

Авиационным делом занимался новый выдвиженец Сталина — секретарь ЦК и начальник управления кадров Алексей Александрович Кузнецов, выходец из Ленинграда.

Куратором авиационной промышленности был член политбюро и секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков. Весной 1946 года Сталин решил заменить Маленкова Кузнецовым.

Кузнецов и вскрыл все недостатки Маленкова как в руководстве авиапромышленностью, так и в партийных делах. Были арестованы два сотрудника управления кадров ЦК, которые занимались авиационной промышленностью и непосредственно подчинялись Маленкову.

Эти аресты подорвали позиции Маленкова. В тот же самый день, когда Абакумов стал министром госбезопасности, Маленкова вывели из состава политбюро. А еще через день Георгия Максимилиановича лишили должности секретаря ЦК специальным постановлением политбюро: «Тов. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнала-

лизовал о них в ЦК. Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК».

Судьба Маленкова висела на волоске. В министерстве государственной безопасности уже стали собирать показания на Маленкова, готовясь к его аресту. Следователи, занимавшиеся авиационным делом, не без удовольствия говорили: «Маленков погорел».

Сын Маленкова пишет: «Некоторое время он находится под домашним арестом, а потом Сталин решает послать его на хлебозаготовки в Сибирь. Маленков остается в должности заместителя председателя Совета министров, но до конца 1947 года он устранен от работы в ЦК».

Опала Маленкова не была результатом интриг Жданова, как принято считать, хотя в политбюро все друг друга ненавидели. Абакумов Жданов не подчинялся, и Жданов знал, что не имеет права давать какие-то указания министру госбезопасности или вообще вести с ним какие-то беседы без прямого поручения Сталина.

Сталин сам был недоволен Маленковым. Вероятно, с подачи своего сына-летчика, пожаловавшегося отцу на плохое качество самолетов.

Но Сталин передумал и через несколько месяцев вернул Маленкову свое расположение. Сталин вновь ввел его в состав политбюро и назначил своим заместителем в правительстве. А позиции Жданова вскоре ослабли.

Маленков потерпел поражение, но навсегда возненавидел своих обидчиков — молодого Сталина, Алексея Кузнецова и Абакумова. Он будет ждать возможности рассчитаться. Через два года, в 1948 году, такая возможность представится...

11 мая 1946 года Шахурин, Новиков, член военного совета ВВС Н.С. Шиманов, заместитель командующего ВВС А.К. Репин, начальник Главного управления заказов ВВС Н.П. Селезнев, заведующие отделами управления кадров ЦК А.В. Будников и Г.М. Григорьян были осуждены Военной коллегией Верховного суда на разные сроки тюремного заключения.

Маршала Новикова использовали для более крупного дела — из него выбивали показания на маршала Жукова. Он подписал показания, в которых говорил, что Жуков «очень хитро и в осторожной форме... пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им».

На основе этих показаний Жукова сняли с поста главнокомандующего Сухопутными войсками. Начали сажать генералов, связанных с Жуковым. По его делу взяли больше семидесяти человек.

Дело было липовое, и после смерти Сталина, в мае 1953 года, Военная коллегия Верховного суда отменила свой приговор и прекратила уголовное дело «за отсутствием состава преступления». 12 июня по предложению Берии будет принято постановление

президиума ЦК «О результатах проверки материалов следствия по делу А.И. Шахурина, А.А. Новикова, А.К. Репина и др.». Всех восстановят в партии, им вернут воинские звания и награды...

Очередной удар был нанесен по морякам.

В 1947 году Сталин подписал постановление Совмина СССР о предании «суду чести» четырех высших руководителей флота, включая заместителя наркома военно-морского флота по кораблестроению и морскому вооружению Льва Михайловича Галлера. Моряков обвинили в передаче союзникам во время войны секретной документации.

После «суда чести» дело четырех адмиралов передали уже как уголовное в Военную коллегия Верховного суда СССР. Всех признали виновными и приговорили к разным срокам тюремного заключения. После смерти Сталина приговор был отменен за отсутствием состава преступления. Но адмирал Галлер в 1950-м умер в тюрьме.

Следующими на очереди были артиллеристы. Дело было подготовлено при Абакумове, но ордера на арест уже подписывал его преемник.

31 декабря 1951 года Совет министров принял постановление «О недостатках 57-мм автоматических зенитных пушек С-60». От должности были освобождены заместитель министра вооруженных сил маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев и несколько его подчиненных. В феврале 1953-го их арестовали по обвинению во вредительстве. Освободили артиллеристов уже после смерти Сталина по предложению Берии...

«ПИСАРИ» И «ЗАБОЙЩИКИ»

В апреле 1948 года оперативники министерства госбезопасности устроили целое представление с министром морского флота Александром Александровичем Афанасьевым.

Он отправился на работу. Вдруг его машина остановилась, потому что оказались проколотыми шины. Возле затормозила другая машина. Оттуда выскочили какие-то люди, скрутили министра и увезли. Его доставили на конспиративную квартиру МГБ (о чем он не подозревал) и сказали:

— Нам известно, что вы работаете на английскую разведку. Мы хотим, чтобы вы работали еще и на нас, на американскую разведку.

Афанасьев категорически отказался. Его с завязанными глазами вывезли и бросили возле Моссовета. Афанасьев попросился на прием к Сталину. Принял его Берия.

Об этом эпизоде потом расскажет Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко:

«Берия при Афанасьеве позвонил Абакумову и приказал явиться к нему. Для вида Берия стал ругать Абакумова:

— Что же ты за министр? Что у тебя делается? Американские разведчики до того обнаглели, что на улицах хватают людей. Вот схватили Афанасьева и заставляют вести шпионскую работу.

Берия приказал Абакумову «разыскать американских разведчиков», похитивших Афанасьева. Через несколько дней Абакумов «разыскал» того сотрудника МГБ, который выдавал себя за американского разведчика. Была проведена очная ставка между Афанасьевым и этим провокатором, который, назвавшись американским агентом и «раскаявшись», сообщил, что по указанию «американцев» он втянул Афанасьева в шпионаж.

26 апреля министра морского флота арестовали. Следователи МГБ избивали Афанасьева, добиваясь, чтобы он подписал нужные им показания. 14 мая 1949 года Особое совещание при министерстве госбезопасности приговорило его к двадцати годам исправительно-трудовых работ.

После XX съезда Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел ряд дел бывших работников НКВД МГБ. Вот, в частности, что обнаружили партийные контролеры:

«В 1941—1949 годах в краевом управлении НКВД—МГБ применялись провокационные методы в агентурно-оперативной работе. В 50 километрах от Хабаровска близ границы с Маньчжурией был создан «ЛЗ» (ложный закордон), состоявший из советской погранзащиты, так называемого «Маньчжурского пограничного полицейского поста» и «уездной японской военной миссии».

Советских граждан, подозреваемых в шпионаже или антисоветской деятельности, работники краевого управления провокационным путем вербовали якобы для посылки за границу с заданием от органов госбезопасности, а затем с целью провокации инсценировали их переход через границу в Маньчжурию.

В действительности они попадали не за границу, а в так называемую «уездную японскую миссию», где сотрудники НКВД, переодетые в японскую военную форму, под видом белогвардейцев-эмигрантов учиняли допросы с применением мер физического воздействия и добивались от «задержанных» признания «японским властям» об их связи с советской разведкой и даже согласия работать в пользу японской разведки.

После этого их возвращали в район советской погранзащиты, где они арестовывались и отправлялись в Хабаровскую тюрьму. Таким путем были фальсифицированы дела на 148 человек».

Избивать арестованных начали еще на заре советской власти, и так продолжалось до смерти Сталина. Когда Абакумова арестуют, он скажет на допросе:

— Мы можем бить арестованных. В ЦК меня и моего первого заместителя Огольцова многократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно.

В следственной части у Абакумова было разделение труда. Одни, малограмотные, выбивали показания из арестованных. Другие, с образованием, писали протоколы. Они так и назывались: «забойщики» и «писари».

После войны Сталин быстро закрутил гайки. Он не допускал послаблений, напротив, то на одном, то на другом направлении требовал принятия крайних мер.

Абакумов написал Сталину докладную записку, предлагая повторно водворить в лагеря тех несчастных, осужденных за «контрреволюцию», «шпионаж», «вредительство», которым после десятилетней отсидки удалось выжить. Сталин одобрил предложение. Директива МГБ и Прокуратуры СССР обязывала органы госбезопасности вновь арестовывать отбывших наказание и освобожденных. Им предъявляли то же обвинение. Если следствие не могло найти в их действиях ничего антисоветского, «повторников» отправляли в ссылку.

21 февраля 1948 года был принят закрытый указ президиума Верховного Совета СССР:

«Всех отбывающих наказание в особых лагерях и тюрьмах шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности, по истечении срока наказания направлять по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов МГБ».

Пленум Верховного суда СССР разрешил приговаривать к ссылке или высылке лиц, «признанных социально опасными, также и в том случае, когда они по обвинению в совершении определенного преступления будут судом оправданы». То есть Верховный суд разрешил считать виновными тех, кто заведомо невиновен.

Теперь, после войны, в лагеря попали и повзрослевшие дети тех, кто был осужден в 1937—1938 годах. Тогда они были слишком маленькими...

Министр госбезопасности Абакумов и министр внутренних дел Круглов в 1948 году выполнили директиву политбюро о высылке с Украины «вредных элементов в деревне, которые могут подорвать трудовую дисциплину в сельском хозяйстве, угрожать своим пребыванием в селе благосостоянию колхоза».

Фактически это было решение о новом раскулачивании, принятое по предложению первого секретаря ЦК Украины Никиты Сергеевича Хрущева. На сей раз раскулачивали Западную Украину. Ее присоединили в конце 1939 года и до войны не успели очистить от «вредных элементов».

В западных областях Украины было арестовано после 1944 года 130 тысяч человек, выслали из республики 200 тысяч...

Высылали в Сибирь из Прибалтики, западных областей Белоруссии и Молдавии. Численность спецпоселенцев после войны достигла двух с половиной миллионов человек.

26 ноября 1948 года по предложению госбезопасности президиум Верховного Совета СССР принял указ, гласивший: немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары и другие народы переселены в отдаленные районы навечно. Самовольный выезд с мест поселения карается каторжными работами сроком до двадцати лет.

УБИЙСТВО МИХОЭЛСА

В годы террора были уничтожены миллионы людей. Их судили ускоренным порядком и либо ставили к стенке, либо отправляли в лагеря, где они по большей части погибали. И только в нескольких случаях Сталин словно не решался действовать открыто. Устраивал целое представление. Маскировал политическое убийство под уголовное.

Так, судя по всему, убили Кирова.

Точно так же в январе 1948 года был убит выдающийся артист, художественный руководитель Государственного еврейского театра, председатель Еврейского антифашистского комитета, народный артист СССР Соломон Михайлович Михоэлс.

Михоэлс не арестовали, а убили, инсценировав наезд. Почему именно Михоэлса убрали таким сложным путем? Ведь он не имел никакого отношения к политике?

Соломон Михоэлс был гениальным актером. Кроме того, он был замечательным человеком с большим сердцем, бесконечно обаятельным, открытым, готовым помочь и помогавшим людям. Его смерть была страшным ударом для советских евреев, которые им искренне гордились.

В 1946 году Михоэлс получил Сталинскую премию. Он и сам был членом Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы, членом художественного совета Комитета по делам искусств при Совете министров СССР, членом президиума Всероссийского театрального общества и Центрального комитета профессионального союза работников искусств.

Михоэлс сам понимал, что он ширма. Когда западные корреспонденты говорили, что в Советском Союзе процветает антисемитизм, партийные руководители отвечали: а Михоэлс?

Соломон Михоэлс был убит в ночь на 13 января 1948 года в Минске. Вместе с ним погиб театральный критик Владимир Голубов-Потапов. Они вдвоем поехали в командировку и были найдены на заметенной снегом улице. Официальная версия — случайный наезд грузовика.

На следующий день, 13 января, министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов доложил Сталину, Молотову, Берии, Воро-

шилову и Жданову о том, что органы милиции начали следствие. Но сразу же по Москве пошли слухи: Михоэлса убили. Не так трудно было предположить, кто мог отдать такой приказ и почему. Еще до того, как открылись архивы, авторы многих детективных романов братья Аркадий и Георгий Вайнеры написали художественную версию убийства Михоэлса «Петля и камень в зеленой траве».

После того как начали открываться архивы, писатель Александр Михайлович Борщаговский написал книгу «Обвиняется кровь» о суде над членами Еврейского антифашистского комитета и об убийстве Михоэлса.

Молодой тогда театральным критик Александр Борщаговский 7 января 1948 года провожал Михоэлса в его последнее путешествие в Минск...

Как именно его убили, известно.

2 апреля 1953 года после смерти Сталина Лаврентий Павлович Берия, который вновь взял на себя руководство госбезопасностью, написал письмо председателю Совета министров Георгию Максимилиановичу Маленкову. В нем излагаются обстоятельства смерти Михоэлса. Убийство Михоэлса, по словам Берии, организовал бывший министр государственной безопасности Белоруссии Лаврентий Фомич Цанава по указанию бывшего министра государственной безопасности Абакумова, к тому времени уже давно сидевшего в тюрьме.

Абакумов на допросе рассказал:

— Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса под видом несчастного случая. Непосредственно операцией по убийству Михоэлса руководил первый заместитель Абакумова генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов.

Убийство произошло 12 января 1948 года. Вечером, после ужина, Голубову позвонили и попросили вместе с Михоэлсом прийти на еврейскую свадьбу. Машину за ними прислал министр госбезопасности Белоруссии генерал-лейтенант Лаврентий Цанава. Два чекиста доставили их на дачу Цанавы.

Это было примерно в 10 часов вечера. Там, на даче, их убили дубинкой и для маскировки раздавили грузовой машиной. В полночь трупы отвезли в город и бросили на одной из глухих улиц. Утром трупы обнаружили.

Светлана Аллилуева, дочь Сталина, в своих воспоминаниях рассказывает, что помнит тот момент, когда Сталину доложили о смерти Михоэлса: «В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, он сказал:

— Ну, автомобильная катастрофа.

Я отлично помню эту интонацию это был не вопрос, а утверждение, ответ».

Дочь Сталина добавляет: «Автомобильная катастрофа» была официальной версией, предложенной моим отцом, когда ему доложи-

ли об исполнении... Отцу везде мерещился «сионизм» и заговоры. «Сионисты подбросили тебе твоего первого муженька, — сказал мне некоторое время спустя отец. — Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат».

Спорить было бесполезно, пишет Светлана Аллилуева. Сталин повсюду видел врагов: «Это было уже патологией, это была мания преследования от опустошения, от одиночества... Он был предельно ожесточен против всего мира».

Один из исполнителей, полковник Федор Григорьевич Шубняков, награжденный за это специальным указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1948 года орденом Красной Звезды, после смерти Сталина написал рапорт об убийстве Михоэlsa. Огольцова и Цанаву, получивших ордена Красного Знамени, лишили орденов и арестовали.

Огольцова после ареста Берии выпустили на свободу и в 1954-м уволили в запас. Правда, в 1959 году он был постановлением правительства лишен генеральского звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала».

Цанава умер в октябре 1955 года в тюрьме.

Писатель Александр Борщаговский считает, что показания Абакумова скрывают реальную картину. Убийство Михоэlsa было задумано не в один день, а готовилось долго и тщательно.

За два дня до поездки Всероссийское театральное общество вместо театрального критика, уже оформившего командировку, послало Голубова, который вырос в Минске и который был тайным осведомителем МГБ. Голубов ехать не хотел, обмолвился, что его очень попросили...

По мнению Борщаговского, Михоэlsу уже давно была уготована роль главы антисоветского еврейского националистического центра, проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США. А устранили Михоэlsa потому, что министерство госбезопасности и Абакумов боялись выводить Михоэlsa на уже готовившийся процесс над еврейской интеллигенцией. Михоэls не стал бы играть по указке следователей. Его характер и сила воли, мощь его личности сорвали бы процесс. Мертвый Михоэls был удобнее...

Мог ли всесильный Абакумов опасаться непослушания одного из арестованных?

Мог. Пытки и издевательства над самим министром, вскоре арестованным, не сломили Абакумова. Он проявил силу воли перед лицом смерти. Мог подозревать такую силу воли и в других. Но он ли решал, от кого и как избавляться?

В момент убийства Михоэlsa еще не до конца было решено, какую роль ему отвести. Его похоронили с почетом.

24 мая 1948 года был вечер памяти Михоэlsa. Выступал писатель Илья Эренбург. Он говорил о роли Михоэlsa в жизни еврейского

народа и с симпатией отозвался об Израиле (еврейское государство еще не стало для Сталина врагом):

— На сегодняшнем вечере, посвященном памяти большого актера и большого человека Соломона Михайловича Михоэлса, я хочу еще раз напомнить — бессмертная жажда: это сухие губы народа, который издавна мечтал о справедливости, который, запертый в душных гетто, добивался правды, за других пел и для других бунтовал...

Сейчас, когда мы вспоминаем большого советского трагика Соломона Михоэлса, где-то далеко рвутся бомбы и снаряды: то евреи молодого государства защищают свои города и села от английских наемников. Справедливость еще раз столкнулась с жадностью. Кровь людей льется из-за нефти. Я никогда не разделял идеи сионизма, но сейчас речь идет не о идеях, а о живых людях... Я убежден, что в старом квартале Иерусалима, в катакомбах, где сейчас идут бои, образ большого советского гражданина, большого художника, большого человека, вдохновляет людей на подвиги...

Только через несколько месяцев после убийства Михоэлса в документах МГБ великого артиста стали изображать агентом сионизма, жалким заговорщиком, который торгует родиной, русской землей, который желает оторвать от России Крым и отдать его американцам. Михоэлса уже задним числом подверстывали к создаваемому на Лубянке «еврейскому заговору».

Так почему же его убили в ночь на 13 января?

Профессор Наумов считает, что толчком послужили сообщения о личной жизни Сталина, появившиеся в американской прессе. Сталин был взбешен и потребовал от МГБ выяснить, от кого американцы получают эти сведения.

Найти реальный источник информации министерству госбезопасности было не под силу. В МГБ придумали вариант, который явно устроит Сталина: сведения о великом вожде распространяет семья Аллилуевых, родственники покойной жены Сталина, которых он не любил. Аллилуевых и так арестовывали одного за другим.

А как информация от Аллилуевых попала за границу? Через Еврейский антифашистский комитет, который с военных времен по решению ЦК снабжал мировую печать статьями о жизни в Советском Союзе. В МГБ составили досье: Михоэлс настойчиво интересуется жизнью Сталина.

Арестовали человека, близкого к Аллилуевым, а у него был знакомый, который бывал в Еврейском антифашистском комитете. Вот и преступная цепочка. А тут еще у Светланы Сталиной появился новый муж, Григорий Мороз, который не нравился Сталину, потому что он еврей.

Судя по документам, 10 января Сталину представили справку о том, что мир узнает о его личной жизни через Михоэлса. Сталин расщипал и приказал уничтожить артиста.

Абакумов доложил:

— Михоэлс едет в Минск.

— Там все и сделайте, — приказал Сталин.

Костоломы из МГБ совершили двойное убийство в Минске так грубо и кустарно, что уже на следующий день люди почти открыто стали говорить, что Михоэлс убит.

«ЧТО ОН, ИНСТИТУТКА?»

Почему же Сталин так болезненно реагировал всего-навсего на статью в американской прессе?

Дело в том, что была уже одна история с американской прессой. В 1945 году, после окончания войны, Сталин уехал отдыхать на юг и пробыл там достаточно долго. На хозяйстве остался глава правительства Молотов, который вдруг утратил привычную осторожность, расслабился.

На приеме в Кремле он сказал иностранным корреспондентам, что в стране будут перемены, ослабнет цензура. Американские журналисты еще от себя написали, что теперь, может быть, Молотов вновь станет главой правительства, потому что Сталин стар, болен и скоро покинет свой пост.

Сталин узнал о том, что сказал Молотов, практически сразу. Ему каждый день представляли обзор советских газет и краткую сводку наиболее интересных публикаций мировой печати. Когда вождю показали перевод статей из американской прессы, он остервенел. Он потребовал наказать Молотова и вывести его из политбюро. Он так разозлился на Молотова, что фактически оборвал с ним отношения. И не простил его до самой смерти.

Члены политбюро пытались как-то выручить Молотова. Они написали Сталину, что Вячеслав Михайлович каялся, просил прощения и плакал. Сталин брезгливо сказал: «Что он, институтка, плакать?»

Молотов остался в политбюро. Но Сталин больше никогда не называл его на «ты». И вообще стал подозревать: а не является ли Молотов скрытым врагом?

Долгое время Молотов был правой рукой Сталина. Он оказывал на Сталина заметное влияние. Молотов внешне держался на равных со Сталиным, иногда возражал, когда знал, что вождь не уверен и готов выслушать другое мнение. Но у Сталина не было вечных друзей. У него был только вечный интерес — сохранение полной и единоличной власти. А друзья и соратники менялись по мере необходимости.

Сталин умел отстранить людей от власти, ловко тасуя колоду. Он не собирал политбюро в полном составе, а создавал для решения тех или иных проблем пятерки, шестерки, тройки. И получалось, что, скажем, член политбюро Молотов не входил в эти тройки и пятерки. Это означало, что ему не присылали никаких материалов, не звали на совещания, не спрашивали его мнения. А вне Кремля об этом

никто не подозревал: портреты председателя Совета министров на демонстрациях носят, на фотографиях Молотов по-прежнему рядом со Сталиным. Но в реальности Молотов уже был далек от власти...

По указанию Сталина Абакумов готовил новую кампанию репрессий. Все делалось, как в 1937-м, по известному шаблону. Только на сей раз главная жертва — евреи.

По плану министерства госбезопасности жену Молотова еврейку Полину Семеновну Жемчужину предполагалось сделать одной из обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета. Но Жемчужина, начальник Главного управления текстильно-галантерейной промышленности министерства легкой промышленности РСФСР, мелкая фигура.

А МГБ конструировало заговор огромных масштабов, который должен напугать страну. Чекисты собирали материалы о связях самого Молотова с Еврейским антифашистским комитетом. Речь шла о том, чтобы сделать руководителем антисоветского заговора самого Вячеслава Михайловича.

Когда было опубликовано сообщение о разоблачении «врачей-убийц», Молотов был растерян. Дело в том, что среди тех, на кого «враги» готовили покушение, его фамилия не значилась. Хорошо зная, кто составлял этот список, Молотов понял, что он среди обреченных...

Сталин пришел к выводу, что Молотов — американский шпион, что американцы завербовали его во время поездки в Америку. Зачем иначе американцам надо было выделять ему особый вагон? Там, в вагоне, с ним вели тайные разговоры и завербовали. Молотов ждал ареста. Понимал, что в лагерь его не пошлют. Выведут вместе с женой, которую уже посадили, на большой процесс как главу шпионского заговора против советской власти и расстреляют.

Историки пытаются понять: зачем все это понадобилось Сталину? Что это было крайним выражением давней ненависти к евреям? Паранойей? Результатом мозговых нарушений?

Все это сыграло свою роковую роль. Но главное было в другом. Он готовился к новой войне.

Понятие «холодная война» с течением времени утратило свой пугающий смысл. Но ведь это было время, когда обе стороны психологически уже находились в состоянии войны.

Эта подготовка к новой войне велась примерно с 1946 года. Подлинная причина преследования советских евреев, убийства Михоэлса, процесса над членами Еврейского антифашистского комитета, ареста «врачей-убийц» состоит в том, что Сталин считал всех евреев американскими шпионами. Он говорил об этом следователям министерства государственной безопасности.

В 1948 года на совещаниях политработников прямо объяснялось, что следующая война будет с Соединенными Штатами. А в Америке тон задают евреи. Значит, советские евреи — это пятая колон-

на, будущие предатели. Они уже и сейчас шпионят на американцев или занимаются подрывной раббтой...

Долгое время не удавалось отыскать доказательств того, что это говорил сам Сталин. Но недавно нашли подробный рабочий дневник Вячеслава Александровича Малышева, заместителя председателя Совета министров по машиностроению. Он тщательно записал слова вождя, сказанные на заседании президиума ЦК 1 декабря 1952 года: «Любой еврей — националист, это агент американской разведки. Евреи-националисты считают, что их нацию спасли США... Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов».

А как же публичные выступления Сталина против антисемитизма? Это и есть одна из характерных черт его политики — изощренное фарисейство.

После смерти Михоэlsa и до смерти Сталина было уничтожено все, что можно было уничтожить: еврейские театры, еврейские газеты и журналы, книжные издательства. Предполагалось уничтожить и всех носителей еврейской культуры.

Процесс по делу Еврейского антифашистского комитета был процессом над людьми, которых объединяло только одно: они были евреями.

На судебном процессе им в вину ставили то, что еврейские писатели писали на еврейском языке, хранили старые книги, просили оставить школы с преподаванием на еврейском языке. Арестованных били смертным боем. Некоторые умирали прямо в тюрьме. Следствию нужно было что-нибудь серьезное — подготовка покушения на Сталина, шпионаж, диверсии, а эти люди, даже когда их били, ничего такого придумать не могли. Они играли в театре, писали стихи, лечили больных.

Занимались ими отборные кадры министерства госбезопасности. Один из них, полковник Комаров, позднее арестованный, напоминал о своих заслугах: «Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злых врагов. Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я исполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу вас, дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству».

Следователи были уверены в изначальной вине евреев, в их природной склонности к совершению преступлений, в готовности предать родину. Это объяснил им Сталин. Они действовали по его личному указанию.

Профессор Наумов:

— Один из обвиняемых по делу, профессор медицины Этингер, в юности учился в гимназии в Витебске. Многие его соученики тоже стали врачами. Сталин потребовал принести ему список выпускников витебской гимназии и сам пометил, кого допросить, а кого арестовать...

Чистка шла по всей стране. Евреев изгоняли из науки, медицины, государственного аппарата, армии, отовсюду. Борьба с «сионистами» и «космополитами» оказалась выгодным делом. После подметных писем и открыто антисемитских выступлений освобождались места и должности. Карьеры стали делаться почти так же быстро, как и в 1937-м, когда расстреливали вышестоящих, открывая дорогу другим.

Удушающая, отравленная атмосфера, в которой все это стало возможно, ударила не только по евреям. Тихон Николаевич Хренников, который многие годы возглавлял Союз композиторов СССР, рассказывал мне, как он каждый день находил в своем почтовом ящике мерзкие письма: «Тиша — лопух, Тиша попал под влияние евреев, Тиша спасает евреев».

Деистинительно ли Сталин верил, что евреи представляют для него опасность? На него, как ни странно, произвела впечатление поездка Михоэlsa в Америку в 1943 году. Сталин послал Михоэlsa агитировать американцев помогать Советскому Союзу. Великий артист блестяще справился с этой задачей.

После его выступлений американцы собрали большие деньги на помощь России. Подозрительному Сталину это показалось опасным: слишком легко советские евреи могут договориться с американцами... И опять-таки не это главное. Просто нужен был внутренний враг.

СТО ДИВИЗИЙ ДАЛЬНОЙ АВИАЦИИ

Сталин внимательно читал сводки МГБ, потому что хотел знать, что в реальности думают люди. Он видел, что с окончанием войны люди связывали огромные надежды: они жаждали спокойной и сытной жизни. Крестьяне надеялись, что распустят колхозы. Говорили, что этого требуют союзники и что Молотов с ними согласился.

Но надежды на сытую жизнь не сбылись. В конце 1946 года начался жестокий голод. Во всем обвинили самих колхозников, «разбазаривавших государственный хлеб». В 1946 году посадили почти десять тысяч председателей колхозов.

16 сентября 1946 года из-за засухи и неурожая были подняты цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября появилось новое постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие.

Лишиться карточек — это было тяжким ударом. Чтобы изменить настроения в обществе, с 1946 года стали проводить снижение цен. Фактически ничего в жизни людей не менялось, отмечают историки, но люди были благодарны Сталину. А в реальности в эти годы цены на продовольствие выросли в 2 — 2,5 раза.

Сталин видел, кто больше всех недоволен положением в стране: те, кто побывал на Западе и хотя бы краем глаза увидел западную жизнь, — то есть военные, бывшие военнопленные и те, кого немцы увезли на принудительные работы. Вот тогда и началась борьба с «низкопоклонством перед иностранщиной».

Константин Симонов вспоминает, как в мае 1947 года писателей принимал Сталин, обсуждая текущие дела. И вдруг он заговорил:

— Есть тема, которая очень важна. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше...

Даже пронизательный Симонов и тогда, и потом думал, что в словах Сталина был какой-то резон, что такое искусственное разжигание патриотических чувств полезно для страны. Он не понимал, что атмосфера «холодной войны», враждебности к Западу помогла сбить волну недовольства, критики власти.

Как только людям сказали, что придется ждать новой войны, настроения изменились. Ради сохранения мира люди были готовы на новые жертвы. Понятно, что понадобились и «внутренние враги», которых надо было разоблачить и обезвредить.

Теперь нам кажется, что после победы в Великой Отечественной советское руководство думало только об одном: лишь бы не было войны. Это ошибка. Сталин думал о другом. Он широко раздвинул границы Советской империи, он позаботился об установлении социализма в Восточной Европе. По существу, у социалистического лагеря был только один серьезный противник — Соединенные Штаты. Победа над Америкой означала бы победу социализма во всем мире.

Поэтому Сталин и после войны держал такую огромную армию, которую потом с трудом сократили. Новые дивизии шли не на Запад, а на Восток. Театр военных действий должен был развернуться на Аляске. Это вообще мало изученная часть послевоенной истории, которая чуть было не стала предвоенной.

Сталин не боялся ядерной войны. Американцы обладали тогда не таким уж большим количеством ядерного оружия. Ракет еще не было, единственное средство доставки — тяжелые бомбардировщики. Генералы убедили Сталина в том, что система противовоздушной обороны сможет перехватить большую часть американских бомбардировщиков.

Уничтожить Советский Союз с воздуха американцам не удастся, считал Сталин. Потери в результате ядерного удара, конечно, будут большими, но это Сталина не беспокоило: страна огромная, народа хватит.

Генерал-лейтенант Н.Н. Остроумов описал в «Военно-историческом журнале», как весной 1952 года Сталин неожиданно для самих ВВС принял решение срочно сформировать сто дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации. Цифра показалась фантастической самими летчикам. Для такого количества бомбардировщиков неоткуда было взять достаточного количества ядерных бомб.

Главком ВВС маршал авиации Павел Федорович Жигарев провел срочное совещание. Он выглядел очень озабоченным, откровенно удивлялся:

— Откуда взялась такая цифра, никто не знает. В генштабе руками разводят. Не могут объяснить, на основании каких расчетов нужно сформировать такую армаду. Да и с нами никто не посоветовался, не поинтересовался, под силу ли ВВС решить такую задачу...

Чуть позже главком собрал у себя руководство оперативного управления:

— Просчитайте по всем параметрам, сколько дивизий нам реально нужно. В том числе и на случай войны с учетом действия бомбардировочной авиации на всех операционных направлениях.

Расчеты показали, что на случай войны стране нужно не более шестидесяти бомбардировочных дивизий.

А ведь в помощь такому количеству бомбардировщиков нужно создавать примерно тридцать дивизий истребителей и примерно десять полков разведывательной авиации.

Но Сталин требовал только бомбардировщики! Как же быть? Главком поехал со всеми выкладками к министру вооруженных сил маршалу Василевскому. Доложил свои сомнения. Министр и слушать ничего не стал:

— Это приказ самого товарища Сталина — выполняйте!

Помимо всего прочего предстояло развернуть сеть военно-учебных заведений, чтобы в кратчайшие сроки предстояло подготовить минимум десять тысяч летчиков, столько же штурманов и стрелков-радистов. Кроме того, нужен был инженерно-технический персонал, аэродромные работники, немалое число штабных работников, которых в училище не подготовишь — это же офицеры с опытом.

Офицеры разъехались по стране искать удобные места базирования — в том числе на Чукотке, на Камчатке.

Специальному стройуправлению предстояло построить сотни аэродромов. Авиапромышленность должна была сверх плана произвести более десяти тысяч бомбардировщиков.

«Исподволь шла обработка общественного сознания, целенаправленно велась подготовка страны к грядущим испытаниям, а точнее — к войне, — пишет генерал Остроумов. — Во всяком случае, мы именно так расценивали ситуацию, работая над выполнением сталинского приказа. Бесспорно, приказа во многом странного.

Им предусматривалось лишь однобокое развитие ВВС, что носило ярко выраженный авантюрный характер. Нашему народу, еще не оправившемуся от тяжелых последствий Великой Отече-

ственной войны, навязывались новые, ничем не оправданные трагедии. Только что появившиеся у нас реактивные бомбардировщики были еще далеко не совершенны как самолеты — носители ядерного оружия. А следовательно, вскоре встал бы вопрос и об обновлении громадного парка авиатехники».

На Чукотке строили казармы для воздушно-десантных частей и аэродромы для бомбардировщиков дальнего радиуса действия, в Игарке — военную базу, в бухте Провидения — военные склады. Вдоль всего Северного Ледовитого океана тянули железную дорогу, подтягивали железнодорожные пути к Камчатке. Задача состояла в том, чтобы сразу перенести войну на территорию Соединенных Штатов.

Любой ядерный удар по Соединенным Штатам, по его мнению, был бы для американцев сокрушительным. Возникла бы паника, и американцы бы капитулировали. Сталин не считал их хорошими солдатами, полагал, что американцы трусы, привыкли прятаться за чужой спиной.

Война на Корейском полуострове, разгоревшаяся в 1950 году, была прекрасным полигоном для советских летчиков, переброшенных на помощь великому вождю Ким Ир Сёну. Советские военно-воздушные силы не только проходили боевую обкатку в Корее, но и привыкали стрелять в американцев.

Войну Сталин собирался вести на паях с китайским вождем Мао Цзэдуном, чьи дивизии в Корее тоже учились сражаться с американскими войсками. Мир и не знал, как близко была третья мировая война.

Валентин Михайлович Фалин, бывший посол в ФРГ и бывший секретарь ЦК по международным делам, пишет: «Когда-нибудь по документам мы, возможно, узнаем, насколько далеко продвинулось создание советского потенциала для упреждающего удара. На основании того, что через вторые руки доходило до меня, замечу лишь — диктатор усоп кстади».

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ КАЗНЬ

По этому делу арестовали, судили и расстреляли тех, кто в войну отстоял Ленинград. Это был, пожалуй, самый загадочный процесс из всех, устроенных Сталиным. Об арестованных ничего не писали, о суде и приговоре не сообщали. Родные и не подозревали, что их отцов и мужей уже расстреляли.

А расстреляли по этому делу не врачей-вредителей, не троцкистов-зиновьевцев, а молодых партийных работников, организаторов обороны Ленинграда. Все это были люди, замеченные Сталиным и назначенные им на высокие посты. Среди них секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, член политбюро, председатель Госплана и заместитель главы правительства Николай Алексеевич Возне-

сенский, член оргбюро ЦК и председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов.

Ленинградцев обвинили в том, что они проводили вредительско-подрывную работу, противопоставляя ленинградскую партийную организацию Центральному Комитету. Говорили, что они хотели создать компартию России, чтобы поднять значение РСФСР внутри Советского Союза, и перенести российское правительство из Москвы в Ленинград.

В газетах о «ленинградском деле» не было ни слова. Но в огромном партийном аппарате знали, что наказана целая партийная организация. Посадили в тюрьму, сняли с работы сотни партработников из Ленинграда, которые к тому времени работали уже по всей стране. И партийный аппарат понял, что неприкасаемых в стране нет и не будет. Это была показательная расправа.

После XX съезда начнут говорить, что Кузнецов, Вознесенский и другие стали жертвой Маленкова и Берии. Они разделались с молодыми и талантливыми соперниками. Маленков и Берия скомпрометировали Кузнецова и других в глазах Сталина, который хорошо к ним относился, продвигал.

На закрытом пленуме ЦК в 1957 году Хрущев говорил, обращаясь к Маленкову:

— Сталин был против ареста Вознесенского и Кузнецова, а иезуитские звери, Берия и Маленков, внушили Сталину и подвели Вознесенского, Кузнецова и Попкова к аресту и казни. Твои руки, Маленков, в крови, совесть твоя нечиста. Ты подлый человек!

За организацию «ленинградского дела» к смертной казни приговорили бывшего министра государственной безопасности Виктора Абакумова и трех его подручных. Их и судили в Ленинграде. Казалось бы, дело закрыто? Но это не так...

«Ленинградское дело» было задумано самим Сталиным, как и все другие крупные дела. Без его ведома в Кремле и дворника не могли тронуть, не то что секретаря ЦК и члена политбюро. Конечно, в Кремле все друг другу гадили и при случае топили. Но это не самодеятельность Маленкова, Берии и министра госбезопасности Абакумова.

Сталин был самым верным последователем теории Троцкого о перманентной революции.

После войны Сталин одернул сначала военных на примере маршала Жукова. Его сняли с поста заместителя министра, вывели из ЦК, и он ждал ареста. Несколько генералов из его окружения посадили, чтобы военачальники не заблуждались: мол, раз они войну выиграли, то им теперь все можно.

Сталин одернул чекистов — назначил министром Абакумова, который стал вычищать людей Берии.

Потом настала очередь партийного аппарата.

В 30-х годах Сталин уничтожал тех, кто был реально связан или мог быть связан с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. А теперь

весь партийный аппарат состоял из его собственных ставленников. Но «ленинградское дело» Сталин все-таки организовал.

Все акции были показательными, чтобы все видели: даже Жукова наказали! Даже целую ленинградскую партийную организацию не пожалели! Это впечатляло.

Ленинградцы вообще воспринимались как оппозиция по отношению к Москве, и это пугало Сталина, он не доверял ленинградцам. Массовые репрессии ленинградских партработников были сигналом всей стране: никакой самостоятельности! По каждому поводу просить разрешения у ЦК, а то будет как в Ленинграде. А по «ленинградскому делу» в общей сложности арестовали около трехсот человек, не говоря уже о тех, кого просто сняли с работы.

Но дальше раздувать такие партийные чистки Сталин не пожелал. Хрущев пишет в мемуарах, что Сталин хотел затеять дело и в Москве, но он, Хрущев, за москвичей заступился. Скорее это преувеличение. Сталин удовлетворился «ленинградским делом».

При этом Сталин, великий артист, сохранял позу верховного арбитра, который вынужден наказывать провинившихся товарищей. Когда по его указанию министерство госбезопасности уже готовило расстрельное дело Николая Вознесенского, Сталин прилюдно спрашивал:

— А что у нас Вознесенский без работы сидит? Талантливый экономист, найдите ему дело...

Николай Алексеевич Вознесенский был способным экономистом и умелым организатором, поэтому еще перед войной он стал первым заместителем Сталина в правительстве. Вождь прислушивался и доверял ему еще и потому, что Вознесенский был предан ему до мозга костей. И это была не показная преданность.

Я уже цитировал дневник профессора Соловьева, который в середине 30-х встречался со многими заметными людьми того времени. Он оставил заметки и о Вознесенском:

«Он работает в Госплане, уже заведует отделом сводного планирования. Очень восхищен Сталиным. Называет величайшим гением, непревзойденным организатором, вдохновителем партии и народа, не допускающим никаких ошибок...

Вознесенский сказал, что запоминает каждое слово Сталина как великую ценность. Только его гений мог так несокрушимо сплотить партию и народ и сокрушить врагов.

На мое замечание, что все-таки главная роль принадлежит партии, без нее нельзя было бы ничего сделать, Вознесенский обругал меня независимцем и настаивает, что без т. Сталина партия не достигла бы таких успехов. Спорить было бесполезно. Я знаю Вознесенского как очень умного, но крайне упрямого и неуступчивого».

Через некоторое время новая встреча. Соловьев зашел к Вознесенскому, который уже возглавил Госплан:

«Он жаловался на обилие в народном хозяйстве неполадок, ошибок, неувязок, диспропорций. Все это, по его мнению, дело рук

вредителей. Я спросил, действительно ли шпионаж и вредительство приняли такие необъятные масштабы, что поразили все народное хозяйство. Он очень резко реагировал. «А ты что, не веришь?» — спросил грубо. И сказал, что верит в гений Сталина. Пояснил: «Теперь очень часто приходится видеть и слышать его и все больше убеждаюсь в его гениальности. Он не может ошибаться».

Константин Симонов в 1948 году наблюдал Николая Вознесенского на заседании Комиссии по присуждению Сталинских премий. Вознесенский удивил Симонова «тем, как резковато и вольно он говорил... В том, как он себя вел там, был некий диссонанс с тональностями того, что произносилось другими, — и это мне запомнилось».

Вознесенский был один из немногих, кто позволял себе возражать вождю и спорить с ним. И Сталин ему это прощал, потому что до определенного момента безусловно ему доверял.

Вознесенский довольно смело докладывал Сталину реальную ситуацию в экономике страны, ничего не пытался скрыть, а это вождь ценил, он не любил, когда от него что-то утаивают.

Бывший министр путей сообщения Иван Владимирович Ковалев рассказывал Симонову, как Сталин высоко отзывался о Вознесенском:

— Чем Вознесенский отличается в положительную сторону от других заведующих? — «Заведующими» Сталин иногда иронически называл членов политбюро, курировавших деятельность нескольких подведомственных министерств. — Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. А Вознесенский, если не согласен, не соглашается согласовывать на бумаге. Входит ко мне с возражениями, с разногласиями. Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле. Вот почему я предпочитаю их согласованиям возражения Вознесенского...

Считается, что Кузнецова и других на высокие посты в Москву перетянул главный ленинградец Андрей Александрович Жданов, в тот период второй человек в партии. Но это не так.

Отношения между Ждановым и Кузнецовым были сложные. Перед началом войны первый секретарь уехал отдыхать. Вернулся не сразу. А в решающие дни обороны Ленинграда Жданов, питавший пристрастие к горячительным напиткам, вовсе вышел из строя.

Сын Георгия Максимилиановича Маленкова утверждает, со слов отца, что тот осенью 1941 года прилетел в осажденный Ленинград и застал Жданова «в роскошном бункере опустившегося, небритого, пьяного». Историки, правда, утверждают, что в документах нет следов поездки Маленкова в Ленинград.

Но сын расстрелянного секретаря ЦК Кузнецова Валерий Алексеевич Кузнецов рассказывал мне, что в начале войны у Жданова

действительно был нервный срыв. Он не мог работать, ему нельзя было появляться на людях.

Кузнецов вынужден был изолировать Жданова в его резиденции и взять на себя руководство осажденным городом. Именно в военные годы он привык принимать решения сам и брать на себя ответственность. Тогда Сталин очень высоко оценил его заслуги. Он забрал Кузнецова в Москву, потому что ему нужны были молодые и деятельные люди.

Но Сталин играл сразу на нескольких досках. Никто в его ближайшем окружении не был уверен в завтрашнем дне.

Нравы, царившие в политбюро, на ленинградца-новичка произвели сильное впечатление. Сын Кузнецова говорит, что отец был поражен, когда после ужина на даче Сталина Берия засунул Молотову морковку под ленту шляпы, и тот так и поехал домой. Никто не посмел ничего сказать.

Кузнецов удивлялся: как можно допускать такие хамские шутки? Но вождю они, видимо, нравились. В гостях у Сталина позволительно было незаметно подложить соседу на стул зрелый помидор, а потом весело смеяться, наблюдая, как член политбюро счищает с брюк помидорную жижу.

Живой, открытый и импульсивный Кузнецов так и остался белой вороной среди московского начальства. Он привык в Ленинграде к относительной свободе и образ жизни не менял, дружил с артистами, ходил в театры. Однажды собрался на премьеру, позвонил соседу по даче секретарю ЦК и главному редактору «Правды» Михаилу Андреевичу Сулову: «Давайте ходим вместе, говорят, интересный спектакль». Сулов был поражен: «А вы посоветовались с товарищем Сталиным?»

Сталин сталкивал своих подручных лбами, следуя древнему принципу: разделяй и властвуй. Назначил Кузнецова курировать министерство госбезопасности чисто формально, потому что этим ведомством занимался только сам. Но это назначение сразу же сделало министра Абакумова врагом Кузнецова. В архивах найдены три доноса Абакумова, в которых говорится, что секретарь ЦК Кузнецов не занимается делами, а к нему лично относится с презрением.

Однажды в присутствии Маленкова, Берии и Молотова вождь вдруг стал говорить, что он становится стар и генеральным секретарем партии вместо него может стать Кузнецов, а главой правительства Николай Вознесенский. Сталин не собирался никому уступать свое место, и его слова были поняты правильно. Именно тогда на Кузнецова и другого известного ленинградца Николая Вознесенского стали готовить дело.

Неясно было, как поступить с Андреем Ждановым, который долгое время руководил Ленинградом. Посадить всех ленинградцев, а его оставить на воле нельзя. Но Сталин трогать Жданова не хотел. Имя Жданова было связано с крупными идеологическими акциями вроде постановления о журналах «Звезда» и «Ле-

нинград». Подозрительная скорая смерть Жданова в 1948 году решила все проблемы.

Валерий Кузнецов говорит, что отец ничего не подозревал, хотя мог бы догадаться, что происходит:

— Однажды отец, приехав с работы, рассказал матери странную историю. Утром в лифте он встретился с Маленковым, поздоровался с ним, а тот отвернулся...

А началось все, казалось бы, с пустяка.

В Ленинграде в январе 1949 года провели оптовую ярмарку. Маленков сигнализировал Сталину: ярмарка проведена без санкции Москвы. Ленинградские руководители самовольничают, ЦК им не указ. Все решают сами, а их покрывают выходцы из Ленинграда — Алексей Кузнецов, Николай Вознесенский и Михаил Родионов, председатель Совета министров России.

Тут, как по заказу, в ЦК поступило анонимное письмо, из которого следовало, что на конференции ленинградской парторганизации фамилии двух-трех руководителей были вычеркнуты в нескольких бюллетенях, а объявили, что они избраны единогласно. Ах, ленинградцы еще и обманывают Москву!

15 февраля Алексея Кузнецова сняли с работы и назначили председателем бюро ЦК по Дальнему Востоку, которое так и не было создано.

Валерий Кузнецов:

— Бюро действительно существовало только на бумаге, но отец насколько не сомневался, что поедет туда работать, готовился к новому делу, радовался, изучал край. Мы дома читали книжки о Дальнем Востоке.

29 июля 1949 года министр госбезопасности Абакумов направил Сталину сообщение о том, что бывший второй секретарь Ленинградского горкома Яков Федорович Капустин подозревается в связях с английской разведкой. Но собранные на него материалы бывший начальник Ленинградского областного управления МГБ Петр Николаевич Кубаткин приказал уничтожить.

Ныне покойный полковник Федосеев, который в войну служил с генералом Кубаткиным в Ленинграде, опубликовал в газете «Новости разведки и контрразведки» воспоминания.

Кубаткин начал работу в ОГПУ в Одессе после службы в пограничных войсках. Потом его взяли в Центральную школу НКВД в Москве и оставили в центральном аппарате наркомата.

По словам Федосеева, именно Кубаткин, работая в 4-м (секретно-политическом) отделе НКВД, обнаружил документы о Вышинском, который оставил свою подпись на приказе найти и арестовать Ленина. Кубаткин подготовил справку, которая легла на стол Ежова. Ежов отдал справку Сталину, который вызвал Вышинского, и разговор продолжался втроем к неудовольствию Ежова. После воспоминаний о том, как Вышинский и Сталин сидели в Баку в одной тюремной камере, насмерть перепуганного Вы-

шинского отпустили, а Ежов уехал, поняв, что Андрея Январевича трогать нельзя.

После устроенной Берией чистки аппарата госбезопасности старший оперативный уполномоченный Кубаткин из секретарей парткома ГУГБ НКВД сразу стал начальником Московского областного управления.

Аппарат НКВД, вспоминал Кубаткин, лишился старшего состава и состоял из сержантов и младших лейтенантов госбезопасности. В декабре 1938 года в аппарат управления прислали большую группу комсомольских работников Москвы вместо уничтоженных, арестованных и изгнанных. Они окончили годичную школу Главного управления государственной безопасности НКВД.

В конце августа 1941 года Кубаткина перевели в Ленинград начальником управления НКВД.

В июне 1946-го Абакумов назначил генерал-полковника Кубаткина исполнять обязанности руководителя Первого главного управления МГБ (разведка). Кубаткин уверял, что отказывался от этого предложения, говорил, что не справится. Абакумов на него рассердился и через три месяца снял с должности.

Два месяца Кубаткин провел в резерве управления кадров МГБ, а в ноябре того же 1946-го отправился начальником областного управления в Горький.

Когда затеялось «ленинградское дело», в марте 1949 года, Кубаткина уволили из органов госбезопасности «за невозможностью дальнейшего использования и с передачей на общевоинский учет». Его утвердили заместителем председателя Саратовского облисполкома.

Его преемник в Ленинграде, генерал Дмитрий Гаврилович Родионов, раскопал материалы о том, что второй секретарь Ленинградского горкома Яков Капустин в 1935 году, когда он был помощником начальника цеха на Путиловском заводе, стажировался в Англии на заводах «Метрополитен-Виккер». У Капустина как будто бы сложились близкие отношения с англичанкой, которая учила его языку и предлагала остаться. Генерал Родионов доложил, что эти факты «заслуживают особого внимания как сигнал возможной обработки Капустина английской разведкой».

Материалы докладывались первому секретарю обкома Жданову в 1939 году и были сочтены недостойными внимания. Кубаткин материалы оперативного учета приказал уничтожить, поскольку по инструкции не имел права собирать документы подобного рода на партийных работников такого ранга. Теперь это решение было сочтено попыткой скрыть шпионскую деятельность Капустина.

21 июля 1949 года министр Абакумов отправил рапорт генерала Родионова Сталину, и тот дал санкцию на арест Кубаткина и Капустина.

Дело Кубаткина рассмотрело Особое совещание при МГБ, и за «преступное бездействие» ему дали двадцать лет. Но это было лишь

начало, потому что его пристегнули к основной ленинградской группе и начали новое дело.

27 октября 1950 года Военная коллегия приговорила Кубаткина к расстрелу, и в тот же день его предали смерти. Осудили его жену и сына-студента, мать и сестру выслали из родных мест как социально опасных...

А Кузнецов и не подозревал, что им уже занимается министерство государственной безопасности. Чтобы его изолировать, недавнего секретаря ЦК вдруг отправили на военную переподготовку. Он с удовольствием надел форму и отправился на военные курсы, все экзамены сдал на пятерки. Преподаватели не могли понять, как к нему относиться.

Однажды в субботу Кузнецову позвонил заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК Матвей Федорович Шкирятов и сказал, что его просит зайти Маленков.

Валерий Кузнецов вспоминает:

— Отец обрадовался, думал: вспомнили о нем, значит, дадут новое назначение, будет работать. Он пошел пешком, до Кремля недалеко. Выйдя на улицу, он оглянулся, помахал рукой, и больше мы его не видели.

Через два с половиной часа в квартире Кузнецовых начался обыск. Кузнецова арестовали прямо в кремлевском кабинете Маленкова и посадили в особую тюрьму, которая принадлежала не министерству госбезопасности и не министерству внутренних дел, а Комиссии партийного контроля при ЦК партии. Особую тюрьму создали в 1950 году по личному указанию Сталина, который и чекистам не доверял.

Организацией тюрьмы занимался сам министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов.

«В 1950-м, — рассказывал потом Круглов, — по указаниям Маленкова, который давал их от имени ЦК партии и со ссылкой на тов. Сталина, МВД было предложено освободить отдельное тюремное помещение, назвать начальника этой тюрьмы, укомплектовать тюрьму надзирателями и вахтерами и в дальнейшем этой тюрьмой не заниматься, так как она будет подчинена ЦК и КПК».

Тюрьма была рассчитана на 30—40 заключенных с особыми условиями содержания. Оборудовали 35 кабинетов для следователей. Начальником тюрьмы был назначен полковник Александр Петрович Клейменов, бывший матрос и заведующий радиостанцией. В НКВД он пришел по партийному набору в 1937 году. С 1944 года он был заместителем начальника тюремного управления НКГБ—МГБ—МВД (а в 1954 году возглавит тюремный отдел КГБ). Заместителем Клейменову прислали сотрудника аппарата ЦК. Им объяснили, что отныне они подчиняются непосредственно Маленкову и заместителю председателя Комиссии партийного контроля Матвею Федоровичу Шкирятову.

В этой тюрьме содержались арестованные по ленинградскому делу. И там же установили «вертушку», чтобы следователи могли напрямую докладывать Маленкову о ходе допросов. Со временем сюда доставят и бывшего министра Абакумова...

Валерий Кузнецов:

— Мама не хотела верить в случившееся. Она почему-то думала, что отца отправили в Испанию делать революцию, поэтому муж не может ни позвонить, ни написать. Маму вскоре арестовали, а мы с сестрой ходили, пытались хоть что-нибудь узнать о родителях, но нас отовсюду гнали. Потом выставили из квартиры.

Семью Кузнецова не оставили в покое. Каждый день сына арестованного секретаря ЦК встречал у школы чекист в штатском, вырывал у него из рук портфель и вытряхивал все учебники и тетрадки на землю. Причем старался, чтобы они попали в лужу. Валерий Кузнецов стал прятать тетрадки за пояс: неудобно было перед учителями, что все грязное.

Арестованную жену Кузнецова заставляли подписать показания, что ее муж враг народа. Она отказывалась.

Валерий Кузнецов:

— Маму пытали, часами держали в железном шкафу. Она рассказала об этом только через много лет после того, как ее отпустили...

С Вознесенским разделались иначе. Один из заместителей председателя Госснаба написал в Бюро Совета министров, что Госплан занижает план промышленного производства.

Совет министров и политбюро приняли 5 марта 1949 года постановление: «Признать нетерпимыми факты обмана Госпланом правительства, преступную практику подгонки цифр, осудить неправильную линию Госплана в планировании темпов роста промышленного производства, недобросовестное отношение к выполнению директив партии и правительства».

В тот же день Вознесенский был освобожден от должности заместителя главы правительства и председателя Госплана. Через день его вывели из политбюро.

В Госплан назначили уполномоченного ЦК. В июле он представил в ЦК записку о том, что «в период работы Вознесенского Н.А. председателем Госплана пропало большое количество секретных материалов, составляющих по своему содержанию государственную тайну».

В 1943-м была введена уголовная ответственность за случайную утерю секретных документов. В 1947-м закон «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утерю документов; содержащих государственную тайну» ужесточил наказание: за разглашение секретной информации отправляли в лагерь на срок от десяти до пятнадцати лет. Утвердили и новый, очень широкий список сведений, который составлял государственную тайну.

7 сентября Бюро Комиссии партийного контроля предложило ЦК «за нарушение советских законов об охране государственной

тайны» исключить Вознесенского из ЦК и предать суду. Через неделю его вывели из состава ЦК, а 27 октября 1949 года арестовали.

В Ленинграде прошли массовые аресты. Самых заметных людей расстреляли. Из видных ленинградцев уцелел только будущий глава правительства Алексей Николаевич Косыгин, кстати родственник Кузнецова.

Валерий Кузнецов:

— Ни о суде, ни о смертном приговоре мы не знали. Только через год или полтора Микоян сказал моей сестре: «Скажи своим, что Алексея Александровича больше нет...»

Алла Кузнецова вышла замуж за сына Микояна Серго, и Анастас Иванович не возражал, хотя такое родство в те годы могло оказаться губительным.

Зато в трудную минуту исчезли другие родственники Кузнецовых — будущий глава правительства Алексей Николаевич Косыгин и его семейство. Испугались. Когда вдову Кузнецова (уже в хрущевские времена) выпустили, жена Косыгина Клавдия Андреевна прислала ей шубу и записку: «Зина, ты меня должна понять, я боялась за судьбу Алеши».

Под Косыгиным, тоже выходцем из Ленинграда, кресло зашаталось, но все обошлось. Сталин Косыгина привечал, называл Косыгой:

— Ну как, Косыга, дела?

Будущему главе правительства в голову не приходило обидеться на барский тон вождя, который называл его, как дворового человека, кличкой...

Дочь Косыгина вышла замуж за Джермена Гвишиани, сына крупного чекиста — начальника личной охраны Берии Михаила Максимовича Гвишиани. Он родился в Тифлисской губернии, окончил двухклассное училище и больше нигде не учился, работал помощником повара и сторожем в больнице.

Летом 1928 года его взяли помощником оперуполномоченного в Ахалцихский райотдел ГПУ Грузии. Через семь лет он уже работал в аппарате НКВД Грузии и получил орден Трудового Красного Знамени Грузинской ССР.

Его служебный взлет начался в 1938 году. В его личном деле хранится такой документ:

«В связи с установленными нашими органами неоднократными намерениями участников антисоветских формирований Грузии совершить террористический акт в отношении секретаря ЦК КП(б) Грузии тов. Берия — Гвишиани был назначен руководителем личной охраны тов. Берия и членов Правительства ГрузССР. На этой работе проявил себя как исключительно инициативный и энергичный работник и четко выполнял все задания».

Никто на Берию не покушался, это он себе набивал цену. Но Гвишиани заметил и назначил первым заместителем наркома внутренних дел Грузии, а в конце все того же 1938-го забрал с собой в Москву. Михаил Гвишиани получил внеочередное специальное звание —

майор госбезопасности — и постановлением политбюро — должность начальника 3-го спецотдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР (обыски, аресты, наружное наблюдение).

И почти сразу же Берия дал Гвишиани самостоятельную работу — он уехал начальником управления НКВД по Приморскому краю. Там он проработал много лет. Его сын Джермен без стеснения рассказывал о том, что в доме была прислуга — из числа заключенных.

Гвишиани-младший появился на свет в 1928 году, когда его отец поступил на службу в органы госбезопасности. Поэтому он придумал сыну такое имя — Джермен, сложив первые буквы фамилий Держинского и Менжинского.

После расстрела Берии Михаила Гвишиани уволили в запас, в 1954 году он лишился звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». Звания тогда лишали немногих — в основном тех, кто основательно запачкался кровью. Говорили, что от суда и расстрела его спас заместитель главы правительства Алексей Николаевич Косыгин. Помочь несчастному семейству Алексея Кузнецова испугался, а бериевского палача поддержал...

Бывший генерал вернулся в Тбилиси, где работал в Государственном научно-техническом комитете при Совете министров Грузинской ССР. Можно сказать, под началом своего сына.

Карьера Джермена Гвишиани, зятя Косыгина, сложилась на редкость удачно. Он стал заместителем председателя Госкомитета по науке и технике, курировал Управление внешних сношений — замечательная выездная работа. Потом еще и стал академиком. Бывший заместитель министра внешней торговли Владимир Сушков пишет, что косыгинского зятя западные фирмачи принимали с особой щедростью, не жалея денег на развлечения, так, одевался Гвишиани, знавший толк в жизни, только в Лондоне.

Все помнят, что сын Брежнева стал первым заместителем министра внешней торговли, а зять — первым замом в МВД. Зять Косыгина, как мы видим, был устроен не хуже, а дочь Косыгина вдруг возглавила крупнейшую Государственную библиотеку иностранной литературы, хотя прежде не имела никакого отношения к библиотечному делу...

Прошли годы, и в брежневские времена сына расстрелянного Алексея Кузнецова пригласили на работу в ЦК. Член политбюро и секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко, человек, близкий к генсеку, отказался подписать бумагу о назначении:

— Зачем он нам здесь нужен? Будет здесь ходить, напоминать о себе. Зачем ворошить старое?

После начала перестройки Валерий Кузнецов получил возможность увидеть дело расстрелянного отца:

— Меня потрясло то, что их так сильно пытали. Сохранились показания врача, к которому везли отца. У него был перебит позвоночник.

Только теперь он узнал, как именно ушел из жизни его отец. Судьба Кузнецова и других ленинградцев решилась не на суде, который был фарсом. Сталин заранее утвердил предложение министра госбезопасности Абакумова: шестерых обвиняемых расстрелять, остальных приговорить к различным срокам тюремного заключения.

Вообще-то смертную казнь после войны Сталин отменил.

26 мая 1947 председатель Президиума Верховного Совета Шверник и секретарь президиума Горкин подписали указ «Об отмене смертной казни»:

«Историческая победа Советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и, прежде всего, исключительную преданность Советской Родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить в мирное время смертную казнь, установленную за преступления действующими в СССР законами.

2. За преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, применять в мирное время заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет».

Но Сталин вскоре увидел, что он погорячился. Он не мог лишиться себя возможности расстреливать врагов. Для Сталина не было ничего невозможного. По просьбам тех же самых трудящихся смертную казнь восстановили.

12 января 1950 года «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры» Президиум Верховного Совета СССР постановил «в виде изъятия» из указа от 25 мая 1947 года допустить применение высшей меры наказания к «изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

1 октября 1950 года в час ночи Кузнецову, Вознесенскому и другим объявили приговор и через час расстреляли.

Валерий Кузнецов:

— Час им понадобился, чтобы довести их до места расстрела на электричке. Захоронили их в четыре утра. Видимо, яму не успели заранее выкопать...

Министр Абакумов преданно исполнял указания Сталина, проявлял рвение и активность, и до поры до времени вождя это устраивало.

Генерал-полковник Дмитрий Антонович Волкогонов нашел в архивах политбюро документ, подписанный Абакумовым, относительно одного американского гражданина, которого обвинили в шпионаже. Он просидел восемь лет. Посольство США сообщило, что готово переправить его на родину. Но Абакумов доложил Сталину: «Нельзя выпускать. Пробыл столько лет в наших лагерях, столько видел... Надо ликвидировать». Сталин написал: «Согласен». Американца убили...

Абакумов сосредоточил в МГБ все оперативные подразделения, даже милицию, уголовный розыск и военизированную охрану. В МВД остался только ГУЛАГ. Правда, у Абакумова забрали разведку, чтобы создать единый разведывательный орган.

В мае 1947 года постановлением правительства был создан Комитет информации при Совете министров. Его возглавил Молотов, потом сменивший его на посту министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. В комитет вошли: политическая разведка (Первое главное управление МГБ), и военная (Главное разведывательное управление), а также информационные структуры ЦК партии, министерства иностранных дел и министерства внешней торговли.

Это была, среди прочего, попытка ослабить МГБ — вождь не хотел излишнего усиления Абакумова.

Сталин предполагал, что такое объединение создаст мощный разведывательный организм. Но Комитет информации тяготел к политическим делам, и первыми стали жаловаться военные, что их отрезали от разведывательной информации. Сталин пошел военным навстречу.

Через два года, в январе 1949-го, Главное разведывательное управление вернули в министерство вооруженных сил. А в ноябре 1951-го и политическая разведка вернулась в МГБ. Но Абакумов уже не был министром.

Из Комитета информации изъяли оперативные подразделения, остались аналитики — примерно полторы сотни, которые писали свои доклады для политбюро. Среди них были люди, которые заняли видное место в политическом истеблишменте — например, Валентин Фалин, который с явным сожалением пишет, что после смерти Сталина Комитет информации стал чисто мидовским подразделением. Но в министерстве обороны и в КГБ на него смотрели ревностно-раздраженно, в 1958-м по предложению председателя КГБ Ивана Серова комитет упразднили.

На должности министра Абакумову пришлось трудно: не хватало ни образования, ни опыта. Начались проколы.

Сталин ведь редко давал прямые указания. Он предпочитал ронять намеки, считая, что подчиненные поймут его правильно. Абакумов, видимо, не сразу понимал.

Льва Романовича Шейнина, который многие годы работал в союзной прокуратуре, потом спрашивали: как именно Сталин давал указание кого-то уничтожить?

— Товарищ Сталин — не пахан, чтобы выражаться таким образом, — раздраженно ответил Шейнин. — Он исходил из того, что окружение должно его правильно понимать. А кто не понимал — сам исчезал.

Сталин, решив кого-то убрать, делал это филигранно и чужими руками. В разговоре с министром госбезопасности ронял какое-то неодобрительное слово о высоком чиновнике или генерале. Министр тут же приказывал начать разработку жертвы. Оперативные службы собирали весь материал, который у них был, обычно показания арестованных. Показания выбивались впрок, в том числе на тех, кого еще и не собирались сажать. В МГБ знали, что рано или поздно пригодятся все показания.

Материалы приносили Сталину. Он предлагал политбюро рассмотреть их и выразить свое мнение. Мнение всегда было одно: снять со всех постов, исключить из партии и арестовать. Сталин выслушивал товарищей и вроде как соглашался с общим мнением. Да еще добавлял: жаль, хороший организатор. Сталин сам был талантливейшим артистом и режиссером...

По мнению писателя Кирилла Анатольевича Столярова, Абакумова выдвинул Жданов, который теснил остальных членов политбюро, и сделал министром. И после смерти Жданова Абакумов был обречен.

Кирилл Столяров:

— Люди Маленкова сняли Абакумова и посадили своего человека — партийного чиновника Семена Денисовича Игнатьева, а Берия подсунил ему первым замом Сергея Гоглидзе...

Вообще говоря, Абакумов, как и все его предшественники на Лубянке, заранее мог считать себя обреченным, потому что рано или поздно наступал момент, когда Сталин приходил к выводу, что ему нужен новый человек. Абакумов и так слишком долго — четыре года — сидел на этом месте.

Кирилл Столяров:

— Абакумов считался любимцем Сталина. Но Сталин никого, кроме себя, по-настоящему не любил. Его любовь к остальным была недолгой...

Абакумов окончательно потерял доверие Сталина, когда выполнил одну личную просьбу Берии. Лаврентий Павлович позвонил министру госбезопасности и заступился за арестованного врача, который лечил его семью. Разговоры Берии и Абакумова записывались, ведь сам читал записи.

Сталину не понравилось, что Абакумов откликнулся на просьбу Берии. Министр госбезопасности обязан исполнять только

его, Сталина, указания. Выходит, Абакумов ненадежный человек?..

Поводом для ареста наркома Ежова стал донос начальника управления НКВД по Ивановской области Валентина Журавлева.

Против Абакумова использовали письмо старшего следователя следственной части по особо важным делам подполковника Михаила Рюмина о том, что Абакумов и его люди не расследуют деятельность вражеской агентуры, не протоколируют все допросы заключенных, чтобы скрыть от Сталина собственные промахи, что Абакумов обогатился за счет трофейного имущества и потратил большие государственные средства на оборудование себе новой квартиры в Колпачном переулке.

Донос не был личной инициативой следователя. Рюмин просто уловил настроения начальства и обвинил своего министра в серьезных политических ошибках. А у самого Рюмина рыльце было в пушку.

Кирилл Столяров:

— Рюмин не указал в анкете, что у него с родственниками не порядок. Кроме того, он потерял в автобусе следственное дело, да и вообще плохо себя зарекомендовал. Понимая, что терять ему нечего: его все равно вытурят, он и написал донос на Абакумова...

Как недавно выяснилось, Рюмин писал свое заявление прямо в цеховском кабинете Игнатьева, который станет преемником Абакумова на посту министра. Потом донос Рюмина несколько раз перекладывали в приемной Маленкова, пока хозяин его не одобрил.

Рюмин написал свое заявление 2 июля. Его сразу принесли Сталину. Он прочитал и остался доволен:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

Абакумова обвинили в том, что он обманывал ЦК. Его исключили из партии.

ИСТОРИЯ ПРОФЕССОРА ЭТИНГЕРА

4 июля 1951 года Абакумова отстранили от дел, 12 июля вызвали в прокуратуру, арестовали и отправили в «особую тюрьму».

Он жил в доме номер 11 по Колпачному переулку. Отсюда вывели шестнадцать семей, чтобы министр мог разместиться с комфортом. В тот день окна на втором этаже этого особняка были плотно зашторены. Шел обыск, недавние подчиненные Абакумова описывали невиданное по тем временам имущество — мебельные гарнитуры, холодильники, радиоприемники, и все в больших количествах!

Против него возбудили дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 58-16 Уголовного кодекса («измена Родине, совершенная военнослужащим»), и арестовали. Его отвезли в Со-

кольниковскую тюрьму, известную как «Матросская Тишина». Поместили в одиночку, именовали «заключенный № 15».

Арестовали и его жену Антонину Николаевну, которая работала в отделе военно-морской разведки министерства госбезопасности, и с двухмесячным сыном посадили в Сретенскую тюрьму МГБ.

Кирилл Столяров:

— Провели обыск и у тещи Абакумова. Там нашли две книги, выпущенные для служебного пользования, о работе английской контрразведки и американского Федерального бюро расследований. Хранение секретной литературы было поставлено в вину его жене. После ареста у нее пропало молоко. Но мальчик выжил. Ему смели метрику. Он перестал числиться сыном врага народа.

Жену Абакумова выпустили только в марте 1954 года.

4 июля Сталин сформировал комиссию по проверке письма Рюмина. В нее вошли секретарь ЦК Маленков, заместитель главы правительства Берия, заместитель председателя Комиссии партийного контроля Шкирятов, заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК Семен Денисович Игнатьев. Комиссия допросила несколько сотрудников министерства, но выводы были сделаны заранее.

11 июля политбюро приняло постановление «О неблагоприятном положении в МГБ СССР», а через день ЦК разослал закрытое письмо республиканским, краевым, областным комитетам партии, а также республиканским МГБ и областным управлениям госбезопасности.

В письме говорилось, что 2 июля ЦК получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ Рюмина, который сигнализирует о неблагоприятном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел и обвиняет в этом министра госбезопасности Абакумова. В ходе проверки «факты подтвердились», поэтому ЦК немедленно освободил Абакумова от обязанностей министра и поручил первому заместителю министра Огольцову временно исполнять обязанности министра.

В письме говорилось, в частности: «Абакумов встал на путь гоголого отрицания установленных фактов, свидетельствующих о неблагоприятном положении в работе МГБ, при допросе пытался вновь обмануть партию, не обнаружил понимания совершенных им преступлений и не проявил никаких признаков готовности раскаяться в совершенных им преступлениях».

В материалах комиссии возникла тема «врачей-вредителей» — это дело станет одним из важнейших для нового руководства министерства госбезопасности.

Первым — 18 ноября 1950 года — был арестован один из самых заметных советских кардиологов профессор Яков Гиляриевич Этингер. А «дело врачей» как таковое возникнет много позже. Официальное сообщение ТАСС будет опубликовано 13 января 1953 года. В нем говорилось о том, что органами госбезопасности «раскрыта

террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР».

В сообщении перечислялись арестованные врачи — шесть еврейских фамилий, три русские. В списке был уже мертвый профессор Этингер.

Еще до его ареста взяли его сына — Якова Яковлевича, студента исторического факультета МГУ (ныне известного профессора-историка, который по документам и восстановил всю эту историю). В июле 1951 года арестовали жену профессора. Ее приговорили к десяти годам тюремного заключения, сына к десяти годам лагерей.

Профессор Этингер окончил естественно-математический факультет Кенигсбергского университета и медицинский факультет Берлинского университета. В Первую мировую войну служил в военном госпитале. Он заведовал кафедрой 2-го мединститута и был консультантом лечебно-санитарного управления Кремля.

Госбезопасность стала заниматься им с лета 1948 года. В квартире была установлена подслушивающая аппаратура, и два года все беседы записывались. А отец с сыном вели очень откровенные разговоры на политические темы — о Сталине, о расцветающем антисемитизме. Санкцию на арест Этингера дал Булганин, Сталин в ноябре 1950 года еще отдыхал в Сочи.

Но на первом же допросе 20 ноября старший следователь следственной части по особо важным делам подполковник Михаил Рюмин предъявил Этингеру обвинение во «вредительском лечении» руководителей страны, в первую очередь — Александра Щербакова. Этингер отвечал, что тяжело больного Щербакова лечил Виноградов, он же был всего лишь консультантом.

Абакумов в конце декабря 1950 года пришел к выводу, что обвинение это липовое, и приказал «прекратить работу с Этингером о вредительском лечении», достаточно и антисоветской деятельности.

Профессора избивали, не давали спать. Один сердечный приступ следовал за другим. Медчасть Лефортовской тюрьмы предупредила следователя: «В дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы, сопровождающийся сердечной слабостью, может привести к неблагоприятному исходу». После одного из допросов в марте 1951-го Яков Этингер скончался.

Рюмин обвинил Абакумова в том, что он хотел «положить на полку» обвинение Этингера во вредительском лечении Щербакова и потому установил для арестованного «более суровый режим и перевел из Внутренней тюрьмы в Лефортовскую, в самую холодную и сырую камеру, что и привело, особенно после приступов грудной жабы, к смерти Я.Г. Этингера».

Теперь комиссия установила, что «арестованный еврейский националист врач Этингер признал, что при лечении т. Щербакова А.С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь».

Абакумов не сообщил ЦК о показаниях Этингера и помешал тем самым выявить «законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства».

Кроме того, в январе 1951 года в Москве были арестованы участники еврейской антисоветской молодежной организации. При допросе некоторые из арестованных признались в том, что имели террористические замыслы в отношении руководителей партии и правительства. Однако в протоколах допроса участников этой организации, представленных в ЦК ВКП(б), были исключены, по указанию Абакумова, признания арестованных в их террористических замыслах».

ЦК принял решение «возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера и еврейской антисоветской молодежной организации».

Абакумов конечно же не пытался ничего скрыть. Он просто не уловил, что Сталину будет угоден большой процесс над евреями — врагами советской власти. Теперь его бывшие подчиненные сделают самого Абакумова участником такого заговора.

Из министерства госбезопасности уволили всех офицеров-евреев, некоторых посадили как участников «сионистского заговора». Вслед за Абакумовым арестовали начальника следственной части по особо важным делам МВД генерал-майора А. Леонова, трех его заместителей — М. Лихачева, В. Комарова, и Л. Шварцмана, начальника секретариата министра полковника И. Чернова и его заместителя полковника Я. Бровермана.

Сталин любил инициативных, хватких работников и тут же, 20 октября 1951 года, назначил малограмотного Рюмина заместителем министра госбезопасности и начальником следственной части по особо важным делам. Сталину понравилось, что Рюмин, как и когда-то Ежов, сам допрашивал арестованных и охотно пускал в ход кулаки, чтобы выбить нужные показания. Рюмин чувствовал себя героем.

«Я ВСЕ, ВСЕ НАПИШУ В ПОЛИТБЮРО...»

Следствие по делу Абакумова сначала вела прокуратура — до февраля 1952 года. Абакумов обвинений не признавал. Тогда Рюмин получил от Сталина согласие передать ему Абакумова для проведения следствия. И с наслаждением сам его допрашивал. Он добился ареста двух заместителей министра госбезопасности, нескольких начальников управлений МГБ и их заместителей. Они обвинялись в участии в сионистском заговоре, который возглавлял Абакумов. Рюмина не смущало то, что и Абакумов, и его заместители были русскими...

Кирилл Столяров:

— Рюмин придумал еврейский заговор и во главе поставил своего бывшего министра. По Рюмину выходило, что евреи решили сделать Абакумова марионеточным диктатором, а на самом деле собирались править страной сами. Рюмин нарисовал такую схему. Евреи-заговорщики наступали тремя колоннами. Первая — деятели культуры и искусства, которые установили связи с американцами. Вторая — евреи—офицеры министерства госбезопасности, которые должны были непосредственно захватить власть. Третья колонна — врачи-убийцы, которые устраняли лидеров страны, открывая путь Абакумову. Сталину схема понравилась...

Начались аресты врачей, которые признавались в том, что по заданию английской разведки они «неправильно диагностировали заболевание товарища А.А. Жданова, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим и в итоге умертвили его».

Но карьера Рюмина была недолгой — он продержался чуть больше года. Идея насчет еврейского заговора оказалась удачной, но работник он был бездарный.

В ноябре 1952 года, когда ускоренными темпами шло следствие по делу врачей, Рюмин написал Сталину, что профессор медицины Владимир Харитонович Василенко скрывает свое участие в оппозиции, но он, Рюмин, негодяй разоблачил. Сталин сразу увидел, что этот дурак только все дело испортит. Он написал Рюмину: «Нас не интересует политическая биография Василенко. Какое это сейчас имеет значение? Нам нужно знать, на какую иностранную разведку он работает, кто ему дает указания...»

14 ноября 1952 года Рюмина уволили и отправили старшим контролером в министерство государственного контроля, к Меркулову. После смерти Сталина, 17 марта, его арестовали, 7 июля 1954 года ему вынесли смертный приговор, а через две недели расстреляли...

Абакумова обвиняли в работе на иностранные разведки. В том, что он плохо расследовал «ленинградское дело», потому что дружил с секретарем ЦК Кузнецовым. И в том, что он сколотил в министерстве преступную группу из еврейских националистов.

В Лефортовской тюрьме в кабинете № 29 по указанию Рюмина избивали арестованных Абакумова, Бровермана, Шварцмана, Белкина. Избивающим выдали резиновые палки, обещали путевки в дом отдыха, денежное пособие и внеочередное присвоение воинских званий.

Абакумова заковали в кандалы. Держали в карцере-холодильнике, давали кусок хлеба и две кружки воды в день. Его били плетьюми, предварительно раздев. И быстро превратили в полного инвалида. Бывший министр еле стоял на ногах, не мог ходить. Но не признавал себя виновным.

Николай Месяцев:

— Абакумова арестовали, когда я ушел из органов. Когда я вернулся в МГБ в январе 1953 года, он сидел. И допрашивал его мой

товарищ: нас троих зачислили в следственную часть по особо важным делам. Абакумов находился сначала в Лефортовской тюрьме. Там применяли по отношению к нему недозволенные методы, в частности сажали в охлажденную камеру. А когда я пришел, он уже сидел в Бутырской тюрьме. В нормальных условиях. Тюремных, но нормальных, с нормальным питанием.

Кирилл Столяров пишет иначе. Когда Абакумова перевели в Бутырскую тюрьму, из соседних камер заключенных убрали. Установили специальный пост. Абакумова круглосуточно держали в наручниках, которые снимали только на время еды. Днем руки заводили за спину, ночью разрешали держать на животе.

— Абакумова допрашивал Василий Никифорович Зайчиков, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, — вспоминает Месяцев. — Вася рассказывал мне, как Абакумова в первый раз привели. Абакумов говорит: «А, мне следователя-новичка дали». — «Как вы определили?» — «Вы были депутатом Верховного Совета, у вас еще на лацкане след от значка, ботинки из-за границы...» Абакумов его сразу раскусил. Вася его допрашивал, Абакумов отрицал измену Родине, говорил, что были ошибки, недостатки, промахи. «За них я готов отвечать. Я Родине не изменял».

Сталин успел одобрить первое обвинительное заключение по делу Абакумова: он обвинялся в создании сионистской организации в министерстве госбезопасности, которая развалила всю работу.

После смерти Сталина по указанию Берии Абакумова стали обвинять в том, что он сфабриковал «мингрельское дело», авиационное дело и скомпрометировал Маленкова. Абакумов ответил, что все аресты были проведены по прямому указанию Сталина, без предварительных предложений Главного управления контрразведки СМЕРШ или министерства госбезопасности.

После ареста Берии Абакумова стали обвинять в том, что он уничтожал партийные кадры, и судили уже за «ленинградское дело». Он просидел очень долго. Уже расстреляли тех, кто был арестован после него, а Абакумов все ждал решения своей судьбы.

Суд над Абакумовым, а также над Леоновым, Лихачевым, Комаровым, Черновым и Броверманом (Шварцмана судили отдельно в марте 1955-го) открылся 14 декабря 1954 года в Доме офицеров в Ленинграде. Абакумов виновным себя не признал. Он настаивал на том, что все решения принимались ЦК, он же был всего лишь исполнителем:

— Сталин давал указания, я их исполнял.

Но как только Абакумов это произнес, обвинитель тут же встал и сказал, что это к делу не относится, и попросил председательствующего лишить обвиняемого слова. И Абакумову ничего не позволили сказать о тех указаниях, которые он получал от Сталина. Таково было распоряжение, данное Хрущевым обвинителю на процессе Роману Андреевичу Руденко.

Такие же указания судьи и прокуроры получали и позже.

В 1956 году в Москве рассматривалось дело бывшего генерал-лейтенанта госбезопасности Райхлина. Женщина, чье дело он когда-то состряпал, теперь выступала в роли свидетеля. Она описала процесс: «Молодой военный с густой шевелюрой, маниакально упоенный следственной деятельностью, наделенный властью так подавать дела, чтобы для людей оставалось два пути: тюрьма — лагерь или тюрьма — расстрел. День и ночь он преследовал одну цель: сломить волю, сломать жизнь... Он был достаточно изощрен, крайне бессовестен, напорист и неумолим».

На суде выяснилось, что у него всего два класса образования. Председательствующий спросил:

— И такое образование дало вам право на звание генерал-лейтенанта?

— Очевидно, дало. Люди в МГБ и на более высоких должностях имеют четырехклассное образование...

В какой-то момент Райхлин вскочил с места и стал кричать:

— А вы знаете, кто давал нам такие указания? Так я вам скажу. Именно в это время приехали из Москвы Каганович и Шкирятов и совместно со Ждановым передали работникам НКВД список. Это был длинный список лиц, на которых в течение нескольких дней должен был быть собран материал и представлено обвинительное заключение...

Ему тут же заткнули рот, приказали замолчать, обещав в противном случае вывести из зала суда...

Это произошло в 1956 году, когда Хрушев уже произнес свой знаменитый доклад о сталинских преступлениях, а уж в 1954-м Абакумов и подавно не мог сослаться на приказы Сталина и других его подручных.

Обвинение стояло на своем: «Подсудимый Абакумов, будучи выдвинут Берией на пост министра госбезопасности, являлся прямым соучастником преступной заговорщической группы, выполнял вражеские задания Берии».

Нелепо, конечно, было обвинять Абакумова в том, что он — соучастник преступной заговорщической группы Берии. Он просто верно и преданно служил Сталину, ради этого злоупотреблял властью, фальсифицировал дела, что влекло за собой смерть невинных людей.

Если уже расстрелянный к тому времени Рюмин обвинял Абакумова в том, что он покрывал Кузнецова, Вознесенского и других врагов народа, то Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко винил Абакумова в том, что он был инициатором «ленинградского дела» и уничтожил выдающихся государственных деятелей...

Его признали виновным в измене Родине, вредительстве, совершении терактов, участии в контрреволюционной организации. Его расстреляли 19 декабря 1954 года, буквально через час после вынесения приговора, не дав возможности обратиться с просьбой о по-

миловании. По словам начальника внутренней тюрьмы, последние слова Абакумова были:

— Я все, все напишу в политбюро...

Договорить он не успел.

В 1994 году Военная коллегия Верховного суда изменила приговор в отношении Абакумова и его подельников и переквалифицировала действия осужденных на статью 193-176 Уголовного кодекса РСФСР (в редакции 1926 года) — «воинско-должностные преступления». Теперь Абакумова нельзя считать государственным преступником.

В декабре 1997 года Верховный суд пересмотрел дела Абакумова и казенных вместе с ним бывшего начальника следственной части по особо важным делам МГБ Александра Леонова и двух его заместителей — Михаила Лихачева и Владимира Комарова и, как ни выглядит это фантазмагорически, всем им, уже убитым, заменил расстрел тюремным заключением сроком на двадцать пять лет без конфискации имущества. Последнее имеет некоторое значение для наследников.

Глава 8

СЕМЕН ДЕНИСОВИЧ ИГНАТЬЕВ

Семен Денисович Игнатъев родился в 1904 году в Херсонской губернии в бедной крестьянской семье. Работать начал чуть ли не в десять лет. Отец бросил деревню, уехал на хлопкоочистительный завод в Термез. Там же четыре года работал и будущий министр.

Потом он устроился подручным слесаря Эмир-Абадских железнодорожных мастерских. В конце 1919 года Игнатъев стал секретарем комсомольской ячейки главного депо Бухарской железной дороги.

В 1920 году активного комсомольца взяли в политотдел Бухарской группы войск, в следующем году перевели в военный отдел Всебухарской ЧК, а затем в Главное управление милиции Бухарской республики.

В эти годы из Бухары был изгнан эмир, и Бухара перешла под власть Москвы: сначала формально провозгласили Бухарскую Народную Советскую Республику, в 1924-м ее назвали Бухарской Социалистической Республикой, а через несколько месяцев территорию бывшего Бухарского эмирата поделили между Туркменией, Узбекистаном и Таджикистаном. Бухарцы долго сопротивлялись советской власти. Их называли басмачами и планомерно уничтожали.

РАЗГОВОР С МАЛЕНКОВЫМ

Игнатъев тем временем сделал первый шаг в своей долгой и успешной административной карьере. Сначала его взяли в организационный отдел Коммунистического союза молодежи Туркестана.

Потом он перешел на профсоюзную работу — сначала в Узбекистане, потом в Киргизии. В 1926 году Игнатъева приняли в партию. В 1931-м он поступил во Всесоюзную промышленную академию имени И.В. Сталина, получил специальность инженера-технолога по самолетостроению, но строить самолеты ему не пришлось.

Сразу после окончания академии его приняли на работу в промышленный отдел ЦК. Он трудился под началом известного в ту пору секретаря ЦК Андрея Андреевича Андреева. Став сотрудником партийного аппарата, Игнатъев нашел наконец себя.

Через два года, в октябре 1937 года, когда благодаря усилиям Ежова вакансии возникали буквально каждый день, Игнатъева отправили первым секретарем Бурят-Монгольского обкома (с 1923-го по 1958-й Бурятия называлась Бурят-Монгольской Автономной Республикой). Войну Семен Денисович провел в тылу. В январе 1943 года был переведен с повышением первым секретарем Башкирского обкома.

В 1946 году, после очередной реформы центрального партийного аппарата, в ЦК образовали управление по проверке партийных кадров и собрали в нем опытных провинциальных секретарей. Начальником управления назначили секретаря ЦК Николая Семеновича Патоличева. Его первым заместителем стал Семен Игнатъев.

Патоличев пишет в своих воспоминаниях, что Сталин относился к Игнатъеву с доверием, хорошо о нем отзывался. Через год Семена Денисовича отправили в Белоруссию секретарем ЦК по сельскому хозяйству и заготовкам. Потом повысили во вторые секретари.

В 1949 году Игнатъева перебросили в другой конец страны и назначили секретарем Среднеазиатского бюро ЦК и уполномоченным ЦК по Узбекской ССР.

Бывший первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Нуриддин Акрамович Мухитдинов вспоминает, что Игнатъев прибыл в Ташкент вместе со своим аппаратом — несколько десятков человек. Они подготовили обширную записку о положении в сфере культуры, науки и искусства Узбекистана. Был составлен длинный список самых заметных деятелей науки и культуры, которых обвинили в том, что они ведут активную националистическую и антипартийную деятельность: встречаются, обсуждают положение дел в республике и вербуют себе сторонников среди интеллигенции и молодежи...

Эти обвинения вполне тянули на большое дело, а приехавшим из Москвы чиновникам хотелось заявить о себе какими-то громкими разоблачениями.

Мухитдинова, в тот момент секретаря ЦК республики по идеологии, вызвали в Москву. Он попросил на прием к Маленкову. Тот принял его на следующее утро. Грозно спросил:

— Что же это у вас в Узбекистане слабо ведется работа по осуществлению курса на решительные изменения в идеологической

работе? Завтра хотим обсудить на секретариате записку Игнатьева о фактах проявления национализма, местничества, восхваления прошлого, игнорирования достижений советского народа и партии.

Мухитдинов ловко повел разговор:

— Товарищ Маленков, аппарат уполномоченного ЦК по Узбекистану всесторонне изучил данные вопросы. Товарищи, прибывшие из Москвы, тщательно разобрались. Мы все это рассматриваем как помощь. Вместе с тем нельзя согласиться с грубыми обобщениями и огульными обвинениями. Такой подход вызовет обиду не только интеллигенции, но и всего народа, у которого тысячелетняя история и древняя культура. Обсуждение на секретариате ЦК и решение, которое будет принято, — это очень полезно. Но может быть, было бы лучше передать эти записки на рассмотрение ЦК компартии Узбекистана? Это повысило бы ответственность работников республики...

И дальше:

— Разрешите мне поднять еще один вопрос. После войны был создан институт уполномоченного ЦК по Узбекистану. Его возглавляет Семен Денисович Игнатьев. У него работает группа высококвалифицированных специалистов. В личном плане у меня нет претензий к кому-либо из них. Но меня как молодого партийного работника беспокоит другая сторона. Существует уполномоченный ЦК только по Узбекистану, в других республиках нет такого органа. Возникает недопонимание на сей счет. Национальные чувства могут дать о себе знать, если их задевать и унижать.

Слова Мухитдинова Маленков запомнил. Записку об идеологической работе в Узбекистане не стали рассматривать на секретариате ЦК, что повлекло бы за собой крутые кадровые меры, а передали на рассмотрение в Ташкент. А вскоре Мухитдинову позвонил Игнатьев:

— Хочу попрощаться с тобой.

— Что случилось?

— С твоей легкой руки ликвидирован аппарат уполномоченного. Я уже снят с работы.

— Семен Денисович, — ответил Мухитдинов, — сколько времени общаемся, но в первый раз слышу, что вы, оказывается, можете говорить неправду.

Игнатьев рассмеялся:

— Меня назначают заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК.

Идеальный, немногословный аппаратчик приглянулся Маленкову, и он посадил Игнатьева на ключевой пост главного кадровика страны, который еще недавно занимал сам.

Два года, а 1950-го по 1952-й, Игнатьев заведовал отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК.

«ПОПРАВИМ СВОЮ ОШИБКУ»

После ареста Абакумова несколько недель обязанности министра госбезопасности исполнял его первый заместитель Сергей Иванович Огольцов. Из всех заместителей Абакумова он производил впечатление самого разумного и толкового человека. Казался и менее других запятанным грязными делами, пока не стало известно, чем он занимался.

Огольцов, как и другой заместитель министра Евгений Петрович Питовранов, получил выговор за то, что не сигнализировал ЦК о неблагополучии в работе министерства.

Сталин не сделал Огольцова министром, потому что ему был нужен не кадровый чекист, а человек со стороны, свежая кровь, умелый организатор, который заставит госбезопасность работать в нужном темпе.

А Питовранов вскоре был арестован. 29 октября 1951 года в четыре часа утра ему позвонил только что назначенный первым заместителем министра госбезопасности Сергей Гоглидзе, и по его тону Питовранов все понял. Его держали в Лефортово, он был заключенным «№ 3». Но ему повезло. Он успел понравиться Сталину. Уже после ареста Абакумова в МГБ позвонил сталинский помощник Поскребышев — у Сталина был срочный вопрос, и никого, кроме Питовранова, на месте не оказалось. Он поехал к Сталину, который уже собирался на отдых в Цхалтубо. Он стал подробно расспрашивать Питовранова о системе работы разведки и контрразведки.

Его особенно интересовала система вербовки агентуры. Спросил, сколько всего агентов. Услышав ответ, удивился, зачем так много? Сказал, что в свое время у большевиков был только один агент среди меньшевиков, но такой, что они знали все!

Питовранов провел у Сталина больше часа. Вернулся на Лубянку поздно ночью. Ему сказали, что, пока он ехал, звонил Поскребышев: утром, без четверти двенадцать Питовранов должен быть на Курском вокзале, чтобы проводить товарища Сталина. Питовранов приехал. Платформа совершенно пустая. У поезда стоит министр путей сообщения Борис Павлович Бешев. Потом появились две машины. В одной охрана во главе с Власиком, во второй — Сталин. Он подошел к вагону. Питовранов и Бешев пожелали ему счастливого пути, и поезд тронулся.

Помня об этой беседе, Питовранов написал Сталину письмо не с просьбой его помиловать, а с перечнем предложений о реорганизации разведки и контрразведки, понимая, что о таком письме вождю обязательно доложат. Так и получилось. Сталин сказал Игнатьеву:

— Я думаю, что Питовранов человек толковый. Не зря ли он сидит? Давайте через какое-нибудь время его выпустим, сменим ему фамилию и вновь возьмем на работу в органы госбезопасности.

После этого, рассказывал Питовранов журналистам, отношение к нему в тюрьме изменилось. Ему стали давать книги и подсадили со-

камерника — Льва Романовича Шейнина, писателя и бывшего начальника следственного отдела союзной прокуратуры. Питовранов по профессиональной привычке представился ему инженером, который работал в Германии и потерял важные документы... 2 ноября 1952 года прямо из тюрьмы Питовранова привезли к Игнатьеву, который поздравил его с освобождением и передал слова Сталина:

— Не будем менять Питовранову фамилию. Поправим свою ошибку. Нас поймут. Пусть пока немного отдохнет. Скоро он понадобится.

Через десять дней Питовранова вызвали в Кремль и поставили во главе разведки. Чекисты были уверены, что он станет следующим министром. После смерти Сталина Питовранов потерял свой высокий пост, но он, счастливчик, в отличие от большинства своих коллег прожил достаточно удачную жизнь и умер на восемьдесят пятом году жизни...

«СНЯТЬ БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ»

Заведующий отделом партийных и комсомольских органов ЦК Игнатьев специальным постановлением от 11 июля 1951 года был назначен представителем ЦК в министерстве государственной безопасности. В августе он уже стал министром.

Он стал первым после Менжинского главой органов госбезопасности, который на этом посту остался штатским человеком: звания он не получил. Игнатьев сменил руководство министерства. По указанию Сталина взял на работу два десятка секретарей обкомов, которые получили воинские звания и возглавили различные подразделения в аппарате МГБ. Материальные условия им были сохранены — не хуже, чем у секретаря обкома, всем дали квартиры в Москве.

Скажем, заместителем начальника Седьмого управления был назначен секретарь Херсонского обкома компартии Украины Виктор Иванович Алидин.

В здании ЦК на Старой площади, где еще сидел Игнатьев, он встретил секретаря Тульского обкома Серафима Николаевича Лялина, секретаря Кировоградского обкома Николая Романовича Миронова и других партийных работников. Всех брали в МГБ.

Игнатьев приглашал их по одному и вводил в курс дела:

— Я подбираю руководящие кадры министерства, тех, с кем будем исправлять положение. В связи с этим вызвали и вас.

В составе Седьмого управления МГБ находилось отделение арестов и обысков. Оно состояло из семнадцати человек. Возглавлял его полковник Петр Шепилов. Он ходил по коридорам с большой книгой ордеров на аресты и обыски в красном переплете. Приказы ему отдавал непосредственно министр или его заместитель по следствию. Один из сотрудников отделения со странным блеском в глазах говорил Алидину:

— Я люблю свою работу, мне нравится брать людей ночью.

Ключевую должность заместителя министра по кадрам занял бывший первый секретарь Одесского обкома Алексей Алексеевич Епишев, который потом многие годы будет возглавлять Главное политическое управление армии и флота. Епишев изгонял с Лубянки военных контрразведчиков как людей Абакумова.

6 мая 1952 года в клубе имени Дзержинского проводили отчетно-выборное собрание коммунистов Управления военной контрразведки. В партком выдвинули человека, недавно пришедшего в министерство с партийной работы. И тут один из офицеров-контрразведчиков сказал, что варяги не нужны, в управлении есть свои достойные кандидатуры.

На следующий день членов парткома собрал Игнатъев, угрюмый и сердитый. Он сказал:

— Прежде чем вы приступите к решению организационных вопросов, обстоятельства вынуждают меня высказать свое негативное отношение к состоявшемуся вчера в главке отчетно-выборному собранию. Как мне доложили, прошло собрание безобразно. Со времени разгрома в партии троцкистско-зиновьевской оппозиции ничего подобного еще не было. Группа коммунистов осмелилась восстать против линии партии...

Кроме того, Епишев рьяно принялся очищать органы госбезопасности от евреев: их всех подозревали в соучастии в сионистском заговоре, во главе которого стоял Абакумов. На партийной конференции аппарата Епишев предложил избрать в партком такого заслуженного человека, как новый заместитель министра Рюмин...

По мнению генерала Алидина, Игнатъев, «по характеру мягкий, полностью подчинялся требованиям вышестоящего руководства, особенно робел перед Сталиным и беспрекословно выполнял любое указание. Этим был и опасен». Мягкость Игнатьева не распространялась на арестованных, которых он приказал бить и пытаться.

Сталин, назначая его министром, сказал:

— Вот вы, товарищ Игнатъев, доложили после проверки работы МГБ о вероятности существования террористической группы среди врачей. Теперь вам и карты в руки. Надеемся, что вы эту террористическую группу раскроете.

«Игнатъев, — пишет Алидин, — взвалил на себя задачу отрабатывать для Сталина это грязное дело, имея на руках всего лишь разоблачительное письмо врача Центральной кремлевской больницы Лидии Тимошук...»

Но Игнатъев бросился исполнять указание вождя. Сформировал следственную группу, которая занялась проверкой персонала Лечебно-санитарного управления Кремля и нашла его «засоренным» антисоветскими элементами.

«Лечение тов. Щербакова, — докладывал Игнатъев, — велось рассчитанно преступно... Лечение товарища Жданова велось так

же преступно... Вражеская группа, действовавшая в Лечсанупре Кремля, стремилась при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь».

За этим последовали аресты врачей и административного персонала. Следователи выбили из профессоров нужные показания о вражеской террористической группе. Она «враждебно относилась к партии и Советской власти, действовала по указаниям врага народа А.А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова».

Кадровые перемены, интерес вождя к работе органов безопасности вызвали приступ энтузиазма на Лубянке, усилилось соперничество между подразделениями госбезопасности. Главным было первым сообщить начальству о своих достижениях. Награды и повышения доставились тем, кто был на виду.

Алидин вспоминает, как ловили американского шпиона, который должен был появиться на улице Двадцать пятого октября возле известной аптеки.

От аптеки вплоть до четвертого подъезда здания МГБ и дальше по коридорам до приемной министра, где в тот момент находился начальник Второго (контрразведка) главного управления МГБ генерал-лейтенант Федотов, расставили сотрудников госбезопасности. Задача их состояла в том, чтобы чтобы Федотов первым получил сообщение о задержании и немедленно доложил об успехе министру.

Машина репрессий заработала на повышенных оборотах.

Прибавилось работы Особому совещанию, которое выносило приговоры в тех случаях, когда не хотели проводить даже формальное заседание суда.

Заседания Особого совещания проводил один из заместителей министра госбезопасности. Ему вручали проект протокола, в котором содержались краткие сведения об обвиняемом: фамилия, имя, отчество, год рождения, формулировка обвинения и предлагаемая мера наказания.

Сотрудники местного управления госбезопасности или центрального аппарата коротко докладывали дело. Самого обвиняемого на Особое совещание не вызывали. Как правило, выносились три варианта приговора — расстрел, десять лет лагерей, пять лет ссылки. Впрочем, меру наказания заместитель министра мог назначить любую.

Первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков пишет в своих воспоминаниях, что новый министр Игнатьев открыто выразил недоверие офицерам госбезопасности. Сотрудникам министерства прочитали директивное письмо ЦК, в котором говорилось, что чекисты работают плохо, не замечают террористических гнезд, что они утратили бдительность, работают в белых перчатках и так далее.

Рюмин, который вел «дело врачей», получил от Игнатьева указание бить арестованных «смертным боем».

«Министр госбезопасности тов. Игнатъев сообщил нам на совещании, что ход следствия по делам, находившимся в нашем производстве, оценивается правительством как явно неудовлетворительный, и сказал, что нужно «снять белые перчатки» и «с соблюдением осторожности» прибегнуть к избиениям арестованных, — сообщал в рапорте от 24 марта 1953 года полковник Федотов из следственной части по особо важным делам МГБ СССР. — Говоря это, тов. Игнатъев дал понять, что по этому поводу имеются указания свыше. Во внутренней тюрьме было оборудовано отдельное помещение для избиения, а для осуществления пыток выделили группу работников тюрьмы...

В феврале 1953 года т. Игнатъев, вызвав меня к себе и передав замечания по представленному товарищу Сталину протоколу допроса Власика, предложил применить к нему физические меры воздействия. При этом т. Игнатъев заявил, что товарищ Сталин, узнав, что Власика не били, высказал упрек в том, что следствие «жалует своих»...

СУДЬБА ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ

Генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик считался одним из самых доверенных людей вождя. Он не только охранял Сталина, но и отвечал за его быт.

Власик был по-собачьи предан Сталину, который наградил его не только званием генерал-лейтенанта, но и многими орденами — в том числе полководческим орденом Кутузова I степени, хотя Власик ничем, кроме личной охраны вождя, не командовал и на фронте не был. Власик обожал фотографировать, и в «Правде» печатались его снимки, на которых был запечатлен вождь. Власик был могущественным человеком. Он даже к партийной верхушке обращался на «ты». Перед ним все заискивали.

Светлана Аллилуева вспоминает:

«Власик считал себя чуть ли не ближайшим человеком к отцу, и будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым, но вельможным, — дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина» — так как полагал, что он их хорошо знает и понимает...

Наглости его не было предела, и он благосклонно передавал деятелям искусства — «понравилось» ли «самому», — будь то фильм, или опера, или даже силуэты строившихся тогда высотных зданий...»

Власик жил весело, пил и гулял на казенный счет, гонял машину на сталинскую дачу за коньяком и продуктами для пьянки с веселыми женщинами. Привозил женщин на правительственные дачи, иногда устраивал стрельбу прямо за обеденным столом — стреляя по хрустальным бокалам. Обарахлился трофейным имуществом — собрал четырнадцать фотоаппаратов, золотые часы, кольца, драгоценности, ковры, хрусталь в огромных количествах. Из

Германии он привез фарфоровый сервиз на сто предметов. И в своей безнаказанности он зарвался.

Видимо, кто-то аккуратно обратил внимание Сталина на разгульный образ жизни его главного охранника и заметил: а можно ли такому ненадежному человеку, который увлекся личными делами, поручать охрану вождя?

Но не это было главной причиной, по которой Власик лишился расположения вождя. Власика, как и своего помощника Поскребышева, он считал связанным с Берией, они постоянно встречались. А Сталин хотел отрезать Лаврентия Павловича от столь важных источников информации. Он понимал, что Берия — не тот человек, который, когда его придут арестовывать, возьмет зубную щетку и позвонит увезти себя в Лефортово. Потому и не хотел, чтобы Лаврентий Павлович успел приготовиться к аресту.

В апреле 1952 года Сталин сказал, что в Главном управлении охраны не все благополучно, и поручил Маленкову возглавить комиссию по проверке работы управления.

Власика обвинили в финансовых упущениях — продукты, выделяемые для политбюро, нагло разворовывались многочисленной челядью. Власик говорил в оправдание, что он малограмотный и не способен разобраться в финансовых документах. Его освободили от должности. Одновременно разогнали почти все руководство Главного управления охраны министерства госбезопасности. Обязанности начальника управления охраны взял на себя сам министр Игнатьев.

Для начала Власика убрали из Москвы — отправили на Урал в город Асбест заместителем начальника Баженовского исправительно-трудового лагеря. В ноябре его вызвали в Москву, а 16 декабря арестовали уже по «делу врачей». Его обвиняли в том, что он, получив письмо Тимашук, не принял мер и покрывал враждебную деятельность «врачей-убийц», затеявших заговор против политбюро и самого вождя.

В проекте обвинительного заключения, который был представлен Сталину, говорилось: «Абакумов и Власик отдали Тимашук на расправу иностранным шпионам-террористам». Сталин отредактировал заключение и добавил:

— Жданов не просто умер, а был убит Абакумовым...

Еще в 1948 году был арестован офицер управления охраны — комендант ближней дачи подполковник И.И. Федосеев. Теперь он дал показания, что Власик приказал ему отравить Сталина. Следствием по делу Федосеева занимался Маленков. Он сам его допрашивал. Федосеева избивали и мучили, чтобы он поскорее дал нужные показания.

Следствие по делу Власика шло два с лишним года. В разработке министерства госбезопасности Власик фигурировал в качестве участника заговора с целью убить Сталина и члена шпионской сети британской разведки. С 1946 года в министерстве госбезопасности шел поиск людей, связанных с британской разведкой, в непосред-

ственном окружении вождя. Игнатъев доложил Сталину, что подозрения падают на Власика и Поскребышева.

Власика обвинили в связи с художником Владимиром Августовичем Стенбергом, который многие годы оформлял Красную площадь ко всем праздникам. А того считали шпионом, потому что до 1933 года он был шведским подданным.

Власика обвиняли в том, что он вел секретные разговоры в присутствии Стенберга и даже однажды при нем разговаривал со Сталиным. Он разрешал своему приятелю летать самолетами управления охраны в Сочи. Показывал ему фотографии, в том числе снимки сталинской дачи на озере Рица. Власик хранил дома топографическую карту Кавказа с грифом «секретно», карту Подмосковья с таким же грифом. Кроме того, дома он держал агентурную записку о лицах, проживавших на Метростроевской улице в Москве, и записку о работе Сочинского горотдела, графики движения правительственных поездов...

Хуже того: Власик объяснил Стенбергу, что его приятельницы, с которыми он весело проводит время, — на самом деле секретные агенты МГБ.

Заместитель министра госбезопасности Василий Степанович Рясной показал Власику агентурное дело на Стенберга, сказав, что там есть и материал на самого Власика. В МГБ уже решили арестовать Стенберга и его жену. Власик сообразил, что это его сильно скомпрометирует, и пошел к министру Игнатъеву. Тот не стал ссориться со сталинским охранником и разрешил отправить дело в архив, но сказал Власику, чтобы тот поговорил со Стенбергом и объяснил, как тому следует себя вести.

Власик позвал к себе Стенберга и сказал:

— Я тебя должен арестовать, ты — шпион. — И показал на лежавшую перед ним папку. — Вот здесь собраны все документы на тебя. Тебя с женой хотели арестовать, но мой парень вмешался в это дело.

После этого Власик объяснил Стенбергу, кто в его окружении стучит в МГБ.

На допросах Власика спрашивали:

— Что сближало вас со Стенбергом?

— Сближение было на почве совместных выпивок и знакомств с женщинами.

— Вы выдавали пропуска для прохода на Красную площадь во время парадов своим друзьям и сожительницам?

— Да, выдавал... Но я прошу учесть, что давал я пропуска только лицам, которых хорошо знал.

— Но вами давался пропуск на Красную площадь некоей Николаевой, которая была связана с иностранными журналистами?

— Я только сейчас осознал, что совершил, давая ей пропуск, преступление...

По словам дочери Власика, «его все время держали в наручниках и не давали спать по несколько суток подряд. А когда он терял

сознание, включали яркий свет, а за стеной ставили на граммофон пластинку с истошным детским криком».

Когда Сталин умер, интерес к Власику пропал. Его судили по статье 193—17 Уголовного кодекса («злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, халатное отношение к службе»), приговорили к десяти годам ссылки в отдаленные районы без лишения гражданских прав, лишили генеральского звания и наград и выслали в Красноярск. Но буквально через полгода помиловали, освободили от отбытия наказания со снятием судимости. Но воинское звание ему не восстановили.

УБИТЬ ТИТО!

Американский исследователь советской юстиции Питер Соломон отмечает, что в эти годы началась борьба против оправдательных приговоров, но называлось это борьбой против неоправданного привлечения к ответственности.

Судей, которые допускали слишком много оправдательных приговоров, освобождали от должности. Доставалось прокурорам и следователям, если дела возвращались на доследование или если арестованных ими лиц потом освобождали. Поэтому судьи старались вынести максимально суровый приговор.

Генерал-лейтенант госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов пишет в своих воспоминаниях, что, встречаясь с Игнатьевым, он всякий раз поражался, насколько этот человек некомпетент. Каждое агентурное сообщение воспринималось министром как открытие Америки.

Министр госбезопасности Игнатьев и министр вооруженных сил Александр Михайлович Василевский утвердили план действий против натовских и американских военных баз. Первый удар предполагалось нанести по штаб-квартире НАТО.

Игнатьев приказал Судоплатову вместе с военной разведкой подготовить план диверсионных операций на американских военных базах на случай войны. Игнатьев и его заместители хотели ликвидировать глав эмигрантских группировок в Германии и Париже, чтобы доложить о громких делах Сталину. Они приказали резидентурам усилить проникновение в меньшевистские организации, считая их главным противником...

В 1952 году возникла бредовая идея убить бывшего председателя Временного правительства Александра Федоровича Керенского, который собирался сформировать «Антибольшевистский блок народов». Потом решили престарелого Керенского, который не пользовался никаким влиянием, оставить в покое.

Игнатьев обсуждал со своими заместителями идею уничтожить югославского лидера Иосипа Броз Тито, посмеявшегося выступить против Сталина. В советской прессе его именовали «кровавой собакой Тито».

Предлагалось поручить это советскому нелегалу Иосифу Ромульдовичу Григулевичу, послу Коста-Рики в Италии и по совместительству в Югославии. Он должен был либо застрелить Тито, либо заразить его легочной чумой. Но план был отвергнут как фантастический. Это спасло жизнь не только югославскому лидеру, но и Григулевичу. Он вернулся в Москву, занялся наукой, написал несколько книг и удостоился избрания членом-корреспондентом Академии наук.

В октябре 1952 года в знак особого доверия Игнатъева ввели в состав президиума ЦК. Из всех его предшественников на посту шефа госбезопасности только Берия поднялся на партийный Олимп.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ ЖДАНОВА

Лидия Феодосьевна Тимашук получила диплом врача в 1926 году, и тогда же ее взяли в лечебно-санитарное управление Кремля. В 1948-м она заведовала кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы, которая тогда находилась в известном здании на улице Грановского.

Имя этой женщины связано с одной грандиозной интригой, подлинный смысл которой до сих пор не до конца ясен. С ее письма в ЦК началось в 1952 году так называемое «дело врачей». Но каков был подлинный смысл этого печально знаменитого дела? И естественной ли смертью умер Андрей Александрович Жданов, второй после Сталина человек в стране и в партии?

В конце лета 1948 года политбюро приняло решение отправить Жданова в отпуск: он очень плохо себя чувствовал. Жданов поехал на Валдай, но это ему не помогло. У него случился острый сердечный приступ.

Из Москвы, из лечебно-санитарного управления Кремля, вызвали лучших врачей. Они осмотрели высокопоставленного больного, сделали электрокардиограмму, но не нашли ничего опасного и посоветовали Жданову побольше гулять на свежем воздухе. С кремлевскими светилами не согласилась кардиограф Лидия Тимашук, которую вместе с оборудованием доставили на Валдай спецсамолетом.

Она поставила диагноз «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но врачи, которые обследовали Жданова, сказали ей, что диагноз ошибочный, инфаркта у Жданова нет, и велели переписать заключение.

Лидия Тимашук не стала отстаивать свою правоту в медицинских дискуссиях с коллегами-врачами, а обратилась с жалобой к человеку, который заботился о быте и здоровье всех членов политбюро, к начальнику Главного управления охраны МГБ СССР Николаю Сидоровичу Власику.

29 августа 1948 года Тимашук написала ему письмо и передала через майора госбезопасности, прикрепленного к Жданову сотрудника охраны. «Считаю, что консультанты и лечащий врач недооценивают безусловно тяжелое состояние А.А. Жданова, разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу», — писала Тимашук.

О состоянии Жданова каждый день по телеграфу докладывали в Кремль.

29 августа у Жданова повторился приступ. Тимашук опять доставили из Москвы на Валдай, но кардиограмму не сделали. В тот же день, по ее словам, «больной встал и пошел в уборную, где у него вновь повторился тяжелый приступ сердечной недостаточности с последующим отеком легких, резким расширением сердца, что и привело больного к преждевременной смерти». Жданов умер 30 августа.

А 7 сентября Тимашук написала письмо секретарю ЦК ВКП(б) Алексею Александровичу Кузнецову. На сей раз она писала совершенно определенно. Электрокардиограмма показывала, что Жданов перенес инфаркт миокарда. Но врачи не согласились с ее диагнозом, Жданову «не был создан особо строгий постельный режим, который необходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин».

Впоследствии историки попытаются понять мотивы такой настойчивости Лидии Феодосьевны. Одни увидят в этом желание свести счеты с коллегами, другие — стремление снять с себя ответственность за неоказание должной медицинской помощи члену политбюро. Она боялась, что за смерть Жданова захотят наказать кого-то из врачей, и не хотела попасть в их число.

Результаты вскрытия подтвердили, что Тимашук была права. Начальник Главного управления охраны генерал Власик сообщил о письме Тимашук Сталину, тот отправил послание в архив: смерть Жданова его вполне устраивала.

Тогда Власик переправил письмо Тимашук ее начальнику и своему другу Петру Ивановичу Егорову, который с 1947 года возглавлял лечебно-санитарное управление Кремля. Руководство лечебно-санитарного управления Кремля было недовольно жалобами Тимашук. Ее перевели в филиал больницы. Казалось, эта история забыта.

Но почти одновременно затевается новое политическое дело, в котором вскоре всплывет имя Жданова.

20 ноября 1948 года политбюро поручило министерству госбезопасности «немедля распустить Еврейский антифашистский комитет... органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать». Аресты начнутся в 1952 году. Тогда и понадобится Тимашук.

О ней вспомнили в августе 1952-го. Ее письмо не пропало: в ведомстве государственной безопасности всегда была чудесная картотека. Письмо Тимашук достали из архива, и оно легло в основу дела «врачей-убийц».

Ее вызвали в следственную часть по особо важным делам министерства государственной безопасности и попросили подробно описать обстоятельства смерти Жданова. Ее допрашивали несколько раз, а 20 января 1953 года ее пригласил к себе в Кремль секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков и от имени товарища Сталина и советского правительства поблагодарил за бдительность.

На следующий день, 21 января, в очередную годовщину смерти В.И. Ленина, в центральных газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР: «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Феоодосьевну орденом Ленина».

Почти до самой смерти Сталина все газеты будут писать о враче-патриоте. В один день она стала самым популярным человеком в стране.

Тем временем арестовали всех, кто лечил Жданова: начальника лечсанупра Кремля Егорова, академика Владимира Никитовича Виноградова, который с 1934 года заведовал терапевтическим отделением Кремлевской больницы, профессора-консультанта больницы Владимира Харитоновича Василенко, лечащего врача Гавриила Ивановича Майорова.

Арестовали и нескольких других знаменитых врачей. Всех обвинили в том, что они по заданию иностранных разведок путем вредительского, неправильного лечения убивали советских руководителей.

Письмо Тимашук оказалось поводом для начала всесоюзной кампании по выявлению убийц в белых халатах — изуверов-врачей. Дело сразу приобрело антисемитский характер, поскольку большинство арестованных были евреи. Страну охватила настоящая истерия. Люди отказывались лечиться, принимать лекарства. Каждый врач был под подозрением.

В советском представительстве в Париже посольского врача посадили под домашний арест, хотя ее муж был сотрудником госбезопасности. А тут, как назло, заболел заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который был в Париже проездом. Пришлось все-таки позвать врача. Она осмотрела больного — грипп. Протянула Громыко лекарство. Будущий министр резко отстранил ее руку:

— Вашего лекарства я принимать не буду!

Академик Борис Васильевич Петровский, один из крупнейших советских хирургов, вспоминает, что в день, когда появилось сообщение о «врачах-убийцах», он собрал коллег-хирургов и они решили отменить все назначенные на этот день операции. В палатах больные жарко обсуждали сообщение ТАСС.

Петровский сказал больным, что в коллективе вредителей нет, тем не менее, учитывая происхождение, решено отменить операции. Больные твердо ответили:

— Мы вам верим и просим операции не отменять.

Через два дня Петровскому позвонили из ЦК. Инструктор прочитал письмо рабочего, которого Петровский три года назад успешно оперировал по поводу рака желудка. Рабочий писал: «Видимо, профессор Петровский тоже является вредителем. Он зашил мне во время операции какую-то опухоль под кожу».

Инструктор ЦК попросил принять рабочего и поговорить с ним. Петровский осмотрел пациента: все было в порядке, в месте пересечения, а затем сращения реберного хряща прощупывалось небольшое уплотнение. Петровский объяснил ему, что к чему, и предложил сделать маленькую операцию, чтобы ликвидировать уплотнение.

На следующее утро пациент оказался в кабинете Петровского с кровоподтеком под глазом: это в палате, когда он рассказал свою историю, ему таким образом выразили свое отношение к доносчикам.

Петровского в ЦК попросили в составе комиссии срочно выехать в Рязань. Секретарь обкома Алексей Николаевич Ларионов позвонил в ЦК и попросил прислать комиссию для расследования «преступлений хирургов». Группа врачей приехала в Рязань. Они остановились в Доме колхозника и на троллейбусе поехали в обком. Рядом сидели пожилые женщины. Одна рассказывала другим:

— А Жмур вчера опять зарезал больного!

Петровский прекрасно знал хирурга В.А. Жмура, ученика академика Бакулева.

В обкоме Ларионов сообщил, что вредительством занимаются четыре руководителя кафедр Рязанского мединститута — профессора В.А. Жмур, М.А. Егоров, Б.П. Кириллов и И.Л. Фраерман. Причем по инициативе обкома Егоров уже арестован. На очереди остальные.

Петровский стал беседовать с рязанскими врачами. Очень быстро у него возникло подозрение, что все четыре хирурга стали жертвой доноса, а доносчик — некий врач, который работал у каждого из этих профессоров и отовсюду был отчислен как плохой хирург. Потом устроился в обкомовскую поликлинику, поближе к начальству, и стал сводить счеты с обидчиками.

Две недели Петровский обследовал работу рязанских хирургов и пришел к выводу, что это прекрасные специалисты, которые работают в очень трудных условиях — нет медикаментов, инструментов, шовного материала.

Опытный Петровский ввел вероятного жалобщика в состав комиссии, которая подписала заключение. Итоги работы комиссии рассматривались на бюро обкома. Оно началось в три часа ночи.

Секретарь обкома Ларионов был крайне недоволен, услышав, что в действиях врачей отсутствует состав преступления, а городс-

кие власти, напротив, не проявляют внимания к медицине. Ларионов прервал Петровского:

— А вот у нас имеется другая информация. Мы знаем, что профессора Кириллов и Жмур плохо оперируют. Из-за них пострадала женщина — член партии, которая после плохо проведенной операции погибла от метастазов рака грудной железы.

Этот случай Петровскому был известен. Он сказал, что рак был очень запущен и печальный исход предотвратить было невозможно. Петровский попросил назвать фамилию врача, который информирует обком. Ларионов без желания назвал имя. Тогда Петровский с возмущением произнес:

— Очевидно, вы не знаете, что этот врач был введен в состав нашей комиссии и подписал акт, который я только что огласил? Иначе как двуршничеством поведение этого, с позволения сказать, врача назвать нельзя.

Ларионов с угрозой в голосе сказал, что обком во всем разберется. Когда поехали назад на машине, водитель включил радиоприемник, и все услышали сообщение о болезни Сталина, о том, что состояние тяжелое, отсутствует сознание и наблюдается дыхание типа Чейн-Стокса.

Водитель спросил, что означают эти симптомы. Петровский ответил:

— Это конец...

Первый секретарь Рязанского обкома Ларионов отличится еще раз. Когда Хрущев в мае 1957 года обещал «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», он распорядился увеличить поставки мяса, чтобы накормить страну. Ларионов обещал увеличить производство мяса в колхозах и совхозах в 3,8 раза. И выполнил свое обещание! Никита Сергеевич восхищался Ларионовым, в 1959 году вручил ему «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда, звал на работу в ЦК, хотя не мог не понимать, что законы биологии не позволяют за один год почти в четыре раза увеличить производство.

А потом выяснилось, что Ларионов пошел на аферу: людей заставляли передавать личный скот в колхозы и совхозы. Поскольку не было кормов, скот просто пустили под нож. Кроме того, гонцы Ларионова скупали скот в соседних областях и отправляли на забой. Когда это вскрылось, Ларионов пустил себе пулю в лоб... Нечто подобное делали и другие первые секретари, в результате сельскому хозяйству страны был нанесен непоправимый ущерб.

Счастье Тимашук тоже было недолгим. После смерти Сталина все эти дела рассыпались.

3 апреля 1953 года президиум ЦК КПСС отменил указ президиума Верховного Совета СССР о награждении Тимашук «как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами». На этом же заседании президиума ЦК было принято решение о прекращении судопроизводства по делу «врачей-

убийц» как сфабрикованному и об освобождении из-под стражи и реабилитации 37 обвиняемых по этому делу.

4 апреля сообщение о лишении ордена Лидии Тимашук напечатали газеты. Через два дня появилось сообщение о том, что бывший министр госбезопасности Игнатьев лично виновен в истории с врачами. Многие вздохнули с облегчением.

Корней Чуковский записал в те дни в дневнике разговор с женой классика советской литературы Леонида Леонова Татьяной Михайловной. Она говорила, что невозможно было обратиться к врачам:

— Вы же понимаете, когда врачи были объявлены отравителями... Не было и доверия к аптекам, особенно к Кремлёвской аптеке: что, если все лекарства отравлены!

Чуковский ошеломленно записал: «Оказывается, были даже в литературной среде люди, которые верили, что врачи — отравители!!!»

И все же остается загадкой: почему лучшие врачи страны не сумели поставить Жданову правильный диагноз?

Андрей Жданов был в стране вторым человеком. Считается, что он оттеснил Маленкова и Берию. Зато после его смерти они взяли реванш. Они посадили в тюрьму Абакумова и устроили «ленинградское дело», чтобы уничтожить всех ставленников Жданова. Так принято думать.

В реальности все было иначе. Уничтожение ленинградских партработников вовсе не было результатом конкурентной борьбы внутри аппарата, хотя многие наверняка радовались, что освободились высокие кресла. «Ленинградское дело» готовилось еще при жизни Жданова. И при определенных условиях главным обвиняемым по «ленинградскому делу» шел бы сам Андрей Александрович Жданов.

Его время закончилось до того, как истек его земной срок. В воспоминаниях Дмитрия Трофимовича Шепилова, тогда заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК, описано заседание политбюро, где Сталин резко нападал на Жданова.

Но Сталин, видимо, не хотел трогать Жданова, потому что с его именем были связаны все послевоенные идеологические акции. Если его посадят, то надо выбросить в корзину громкие постановления о литературе, музыке, кино.

Жданов перестал быть нужным Сталину и даже мешал. По мнению историков, есть основания полагать, что Жданову помогли покинуть этот мир.

Он был очень больным человеком. Тот же Шепилов вспоминает, что Жданов себя очень плохо чувствовал, на заседания политбюро приходил с трудом, падал в обморок. И лицо как у покойника. Но вопрос о том, идти ли Жданову в отпуск и куда именно ему ехать отдыхать, решали не врачи, а политбюро.

Предлагались разные варианты, куда ему поехать. По предложению Сталина его отправили на Валдай. Хотя если он так болен, то

почему бы не положить его в больницу? Что касается Валдая, то сейчас многие врачи говорят, что это место неблагоприятное для сердечников.

Шепилов сказал Жданову:

— Вам надо немедленно лечь в больницу!

Жданов ему ответил:

— Нет, политбюро решило, что мне надо ехать на Валдай. Товарищ Сталин сказал, что там очень хороший воздух для сердечников.

Сталин напутствовал врачей:

— Вы его гулять водите почаще. А то у него вес лишний...

Свидетелей, которые могли бы рассказать подлинные обстоятельства смерти Жданова, нет. Первой через семь дней после смерти Жданова повесилась его экономка. Потом был уничтожен лечащий врач, который делал вскрытие вместе с профессором Виноградовым. В 1951 году застрелился комендант государственной дачи, на которой умер Жданов. В черепе у него обнаружили два пулевых отверстия...

МОЛОДЕЖЬ В МГБ

Последние годы и особенно последние месяцы своей жизни Сталин занимался делами министерства государственной безопасности больше, чем делами ЦК партии или Совета министров. Следователи МГБ, министр госбезопасности приходили к Сталину практически каждый день. Огромная страна впала в нищету, деревня голодала, а его теперь уже старческий ум замкнулся на заговорах и интригах.

Генерал Алидин вспоминает, что Сталин вдруг заинтересовался работой наружной разведки МГБ (это слежка и наблюдение за подозреваемыми). Вождь дал указание подготовить этот вопрос к рассмотрению на президиуме ЦК. Седьмое управление не играло столь значительной роли в деятельности министерства госбезопасности, но указание Сталина — закон.

В министерстве подготовили докладные записки и проект постановления президиума ЦК «О состоянии и мерах совершенствования деятельности наружной разведки МГБ СССР». Все эти документы отправили в ЦК партии. Там по аппаратным правилам образовали комиссию. Она заседала несколько раз, готовя доклад Сталину, но изучить работу топтунов вождь так и не успел, потому что скончался...

Готовилось сразу несколько крупных дел, которые планировали закончить публичными процессами, как в 30-х годах.

Перед смертью Сталина, в начале 1953 года, было принято решение увеличить число мест в лагерях и тюрьмах. Министерству путей сообщения было приказано подготовиться к переброске большого числа заключенных.

Министерство госбезопасности при Абакумове, а затем при Игнатъеве собирало материалы на маршала Жукова. Посадили все окружение Жукова от водителей до приближенных генералов.

В опалу мог попасть любой. У Сталина не было вечных привязанностей. 25 марта 1942 года Государственный комитет обороны принял постановление «О НКПС».

В нем говорилось, что нарком путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович «не сумел справиться с работой в условиях военного времени», и его освободили от поста наркома. Он оставался членом политбюро, членом Государственного комитета обороны, заместителем главы правительства, но это ничего не означало.

Сталин отправил его на маленький пост начальника политуправления Северо-Кавказского фронта. Оттуда он писал Сталину рабочие письма, напоминая о себе, просил присылать «какие-нибудь материалы, чтобы я хоть немного был в курсе и не так оторван».

Но опала оказалась недолгой. Повезло Кагановичу. В 1943 году Сталин вернул его в Москву и вновь назначил наркомом...

В иностранные шпионы были зачислены Молотов, Микоян и Ворошилов. После смерти Сталина они будут риторически вопрошать: как ему могло прийти в голову называть их шпионами? Но они сами-то называли своих товарищей по политбюро Троцкого, Зиновьева, Каменева агентами иностранных разведок. Почему же они, зная вождя, думали, что их минует чаша сия?

В 1960 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов по поручению Хрущева беседовал с Василием Сталиным. Ворошилов отчитывал Василия за алкоголизм. Заговорил о старшем Сталине:

— В последние годы у твоего отца были большие странности, он спрашивал меня, как мои дела с англичанами. Называл меня английским шпионом...

Проживи Сталин подольше, Молотов и другие тоже попали бы в очередной список на расстрел. Но еще раньше Сталин собирался расправиться с Берией. Из всего своего окружения он боялся именно Лаврентия Павловича, решительного и авантюрного по характеру человека, который не питал никаких иллюзий.

Сталин не терпел связей между своими приближенными. Всех высших руководителей страны подслушивали, в том числе и министра госбезопасности. Один неосторожный разговор мог стоить карьеры и жизни. Берия это знал лучше других. Игнатъев потом вспоминал, что Берия в разговорах отделялся односложными фразами, боялся лишнее слово сказать.

В последние месяцы жизни Сталин сменил всю прислугу и охрану на даче в Волынском. Теперь он считал, что его охрана не связана ни с Берией, ни с кем-либо еще из бывших руководителей госбезопасности. Новым министром вместо Абакумова назначил партийного аппаратчика Семена Игнатъева — чужого для чекистов человека.

Следственную часть министерства государственной безопасности по особо важным делам сформировали из совсем новых людей, молодых партийных работников.

Помощником начальника следственной части назначили Николая Николаевича Месяцева. Во время войны он служил в СМЕРШ, после войны работал в комсомоле, потом поступил на учебу в Академию общественных наук, но с первого курса его во второй раз призвали на работу в органы госбезопасности.

Месяцев рассказывал:

— Где-то в начале 1953 года нас, троих работников из комсомола, пригласили в ЦК. Разговаривал Маленков с каждым в отдельности. Я катался в Останкине на катке, подхожу к дому — стоит этот здоровый кабриолет, в котором ездят члены политбюро. Думаю, к кому же это? Оказалось за мной: «Вас товарищ Маленков ждет, вы срочно должны поехать». Поднялся я на секретарский этаж к Маленкову, у него в кабинете секретарь ЦК Аверкий Борисович Аристов и министр госбезопасности Семен Денисович Игнатьев. Я представился, Маленков вышел из-за стола, поздоровался; «Николай Николаевич, мы решили просить вас прийти на работу в следственную часть МГБ по особо важным делам. У вас за плечами опыт, вы профессиональный юрист — помогите Семену Денисовичу разобраться». Как снег на голову. Я не думал возвращаться. У меня стезя уже другая определилась в жизни. Ну, что скажешь? Говорю: я согласен. Зашел к Игнатьеву. Договорились, что я внимательно прочитаю те донесения, которые составлялись на основании протоколов допросов по «делу врачей» и по делу Абакумова. Когда я начал читать, у меня волосы встали дыбом.

Следователь брал историю болезни, например, того же председателя комиссии партийного контроля Андреева и внимательно читал. Ну какой из следователя специалист в области уха, горла, носа? Результат понятен. Андрееву, у которого сильно болело ухо, давали небольшую дозу опиума, чтобы смягчить боль. Так следователь приписал лечащему врачу, что тот приучал члена политбюро к опиуму и доводил до сумасшествия. Было ясно, что это липа.

Когда Сталин скончался, врачей моментально выпустил Берия, который пришел на место Игнатьева. У Игнатьева был инфаркт, его положили в больницу.

Я спросил Месяцева:

— Что за человек был Игнатьев?

— Работать в органах — это нужно призвание, как во всяком деле. Если я тачаю сапоги, я должен это любить и хорошо делать. Я последняя инстанция, я решаю, сажать человека в тюрьму или не сажать. И я думаю, что мягкость, недостаточная твердость по отношению к своим товарищам в президиуме ЦК побуждала Игнатьева склоняться в сторону незаконных действий...

С молодежью из МГБ Сталин работал как хороший профессор с аспирантами, подающими надежду. Приглашал к себе на дачу и

объяснял, что и как надо делать. Сам редактировал документы, рассказывал, как надо составлять обвинительное заключение. Сидел со следователями часами. Он сам придумывал, какие вопросы должны задавать следователи своим жертвам на допросах. Сам решал, кого и когда арестовать, в какой тюрьме держать. И естественно, определял приговор.

Можно сказать, что Сталин исполнял на общественных началах обязанности начальника следственной части по особо важным делам министерства госбезопасности. Он заботился о молодежи, которую собрал в МГБ. Новым следователям по его указанию предоставляли номенклатурные блага, которыми одаривали чиновников высокого ранга, например, их прикрепляли к лечебно-санитарному управлению Кремля, хотя это им по должности не полагалось.

Черный нал, раздачу денег в конвертах, тайком, придумали не при Ельцине. Это придумал сам Сталин, когда всему высшему чиновничеству выдавали вторую зарплату в конвертах, с которой не только налоги не платились, но и партийные взносы...

Сталин, чтобы сделать приятное чекистам, решил вновь ввести специальные звания для офицеров госбезопасности. 21 августа 1952 года появился указ Президиума Верховного Совета СССР, и все лейтенанты, капитаны, майоры и полковники МГБ добавили к воинскому званию слова «государственной безопасности».

«Дело врачей», удачно начатое Сталиным с помощью Лидии Тимашук, было частью глобального замысла. Предполагалось провести несколько судебных процессов, где бы все подсудимые признались в том, что они американские шпионы и террористы.

Процесс по делу Еврейского антифашистского комитета министерству госбезопасности пришлось сделать закрытым. Обвиняемые шпионами себя не признали. Это был 1952 год.

Все подсудимые были евреями: актер Вениамин Зускин, академик Лина Штерн, писатели Перец Маркиш, Лев Квитко, Семен Галкин, Давид Гофштейн, главный врач Боткинской больницы Борис Шимелиович, бывший член ЦК ВКП(б) Соломон Лозовский... Это был этнический судебный процесс. Судили не за преступление, а за происхождение.

Приговор по делу Еврейского антифашистского комитета, созданного в 1941 году для борьбы с нацизмом, должен был показать, что все евреи американские шпионы и работают на заокеанских хозяев. Но процесс провалился.

В перестроечные времена приоткрылись архивы и были рассекречены 42 тома следственного дела и 8 томов стенограммы судебного заседания. Изучивший их писатель Александр Михайлович Борщоговский написал книгу о процессе «Обвиняется кровь».

Председательствовавший на процессе генерал-лейтенант юстиции Чепцов быстро и без колебаний выносил смертные приговоры по делам, подготовленным следователями министерства госбезопасности. В 1950 году он приговорил к смерти за шпионаж и измену

Мириам Железнову (Айзенштадт) и Самуила Персова. Тогда генерал вполне удовлетворился «доказательством» их вины — отправленными за рубеж статьями о Московском автозаводе имени И.В. Сталина, очерками о евреях — Героях Советского Союза.

Но когда по решению ЦК был устроен двухмесячный процесс над руководителями Еврейского антифашистского комитета, с подробными допросами обвиняемых, дело рухнуло. И генерал Чепцов увидел это первым. Он, пишет Борщаговский, даже проникся уважением к подсудимым.

Сидевшие на скамье подсудимых актеры, писатели, врачи не участвовали в подготовке террористических актов против товарища Сталина, не занимались шпионажем и предательством и даже не вели антисоветской пропаганды.

Только одно преступление признал за своими подсудимыми генерал-лейтенант Чепцов. Он уличил их в желании писать на родном языке, издавать книги на идиш, хранить памятники национальной культуры, сохранять свой театр и ставить в нем старые пьесы. Генерал Чепцов упрекал одного из подсудимых:

— Зачем коммунисту, писателю, марксисту, передовому еврейскому интеллигенту связываться с попами, раввинами, мракобесами, консультировать их о проповеди, о маце, о молитвенниках, о кошерном мясе? Власть требовала от евреев полной ассимиляции, как требуют ее сейчас от русских в республиках бывшего СССР. Малограмотный следователь, увидев, что писатель Абрам Коган правит ошибки в тексте собственного допроса, избил его: знает, подлец, русский язык, а пишет на еврейском! Забота о национальной культуре признавалась вредной и антипатриотичной. Но расстреливать за это генерал и его заседатели не хотели.

Рискуя партбилетом, карьерой, а может быть, и жизнью, генерал Чепцов попросил у ЦК разрешения вернуть дело на доследование.

Но член политбюро Георгий Маленков не дал этого сделать: «Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками, приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро занималось три раза, выполняйте решение политбюро». И обвиняемые были расстреляны за несколько месяцев до смерти Сталина. Если бы дело отправили на доследование, они были бы спасены.

Искоренению подлежали самые преданные режиму люди. Почти одновременно с книгой Борщаговского в США изданы мемуары бывшего генерала КГБ Павла Судоплатова. В главе о советском атомном шпионаже он упоминает умело вербовавшего американцев сотрудника разведки Григория Хейфеца. Вернув в Москву, Хейфеца назначили заместителем ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета с поручением докладывать обо всем в министерство госбезопасности.

Летом 1948 года Хейфец составлял списки евреев, которые приходили в антифашистский комитет и просили отправить их добровольцами в Палестину — воевать против арабских реакционеров,

которых тогда клеймила советская печать. Списки он передавал в министерство госбезопасности для «принятия мер».

Дело Хейфеца выделили в отдельное производство, вместо расстрела 25 лет лагерей...

Несмотря на пытки и издевательства, эти далеко уже не молодые и не очень здоровые люди явили образец силы духа и мужества. Александр Борщаговский: «Если бы не пуля в финале, не кровь, можно было бы и порадоваться отваге подследственных...»

13 января 1953 года «Правда» и «Известия» сообщали о раскрытии «заговора кремлевских врачей».

Следствие по «делу врачей» приняло в последние месяцы перед смертью Сталина лихорадочный характер. Это наводит на мысль о том, что была установлена какая-то дата открытого судебного процесса. Арестованному профессору Раппопорту следователь с профессиональной обидой в голосе говорил:

— Ну что же вы даете такие показания? С ними же нельзя выйти на открытый процесс!

Следователи МГБ спешили с врачами: скорее надо было получить сведения, на какую разведку они работали.

На процессе обвиняемые должны были признаться в связи с Молотовым и Микояном, которые были обречены. После приговора планировались публичные казни. Булганин позже рассказывал сыну профессора Этингера, что осужденных намеревались казнить прямо на Красной площади.

Булганин рассказывал о том, что евреев предполагалось выслать из крупных городов, причем на эти товарные поезда планировалось нападение «негодующих толп».

Правда, нельзя точно сказать, действительно ли Сталин собирался выселить всех евреев, как он уже поступил с некоторыми народами. Многие историки говорят: нет таких документов. Нет зафиксированных на бумаге указаний Иосифа Виссарионовича.

И верно. Сталин избегал ставить автографы на сомнительных документах. Предпочитал или ответить устно, или писал резолюцию на отдельном листке бумаги, который подкалывали к документу. Он думал, что листок потом выбросят, а документ будет храниться всегда. И ошибся. При всей своей опытности, знании делопроизводства, всей этой аппаратной жизни, он не сообразил, что никто, а тем более Маленков, не решится выбросить лист бумаги со словами Сталина. Вот поэтому некоторые его резолюции все-таки сохранились.

Профессор Наумов считает, что надо продолжать работу в архивах. Одно только решение президиума ЦК в январе 1953 года о строительстве новых лагерей на 150—200 тысяч человек о многом говорит. Для кого они предназначались?.. В решении президиума говорилось, что для «особо опасных иностранных преступников». Не было столько иностранцев в стране!

Известно, что в качестве обоснования высылки евреев готовилось письмо, которые должны были подписать видные евреи. Окон-

чательный текст так и не был подготовлен, но найдены несколько вариантов, различия между которыми носят стилистический характер. Под одним из них уже стали собирать подписи, и многие успели его подписать:

«Ко всем евреям Советского Союза

Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников... Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза.

Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками...

Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и всему советскому народу».

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминал, как в начале 1953 года он обедал в столовой для руководителей атомного проекта. Рядом обедали Курчатов и Николай Иванович Павлов, генерал госбезопасности, работавший в Первом главном управлении при Совете министров, которое занималось созданием ядерного оружия.

В этот момент по радио передали, что в Тель-Авиве брошена бомба в советское посольство — в знак протеста против антисемитской кампании в Советском Союзе.

«И тут я увидел, — пишет Сахаров, — что красивое лицо Павлова вдруг осветилось каким-то торжеством.

— Вот какие они — евреи! — воскликнул он. — И здесь, и там нам вредят. Но теперь мы им покажем».

Академик Игорь Евгеньевич Тамм представил Павлову список талантливейшей молодежи. Генерал Павлов сказал ему:

— Что же тут у вас все евреи! Вы нам русачков, русачков давайте!

Готовился и второй процесс над офицером кремлевской охраны, который будто бы вошел в контакт с американцами.

Генерал Алидин вспоминает, что в начале 1952 года сотрудник управления охраны Журавлев будто бы проговорился о намерении убить Сталина. Он сразу скрылся. Его искали и нашли в квартире на Арбате. Мимо этого дома каждый день проезжал Сталин.

Все шло к тому, чтобы предъявить Соединенным Штатам серьезные обвинения. Не только во вмешательстве во внутренние дела Советского Союза, но и в подготовке террористических актов против Сталина и других руководителей страны. В частности, выдвигали

галось обвинение в том, что из окон американского посольства на Манежной площади собирались обстрелять Кремль, когда там соберутся Сталин и другие.

Американского посла фактически объявили персоной нон гра-та. Он уехал в отпуск, а вернуться не мог: в Москву его не пустили. Посольство было обезглавлено. Двух сотрудников посольства требовали выдать советскому правосудию. Американцы вспоминали, что они жили в Москве как в осажденной крепости, у них было ощущение, что их в любую минуту могли арестовать.

Советским людям иностранные шпионы мерещились на каждом шагу. Зять Хрущева Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как летом 1952 года они с первым секретарем белорусского комсомола Петром Мироновичем Машеровым, Героем Советского Союза, партизаном, были отправлены в Австрию на слет молодежи в защиту мира. В Вене им повсюду виделись агенты ЦРУ. Машеров, едва шевеля губами, говорил Аджубею:

— Это шпик, запоминай его, Алексей, заметаем следы...

Профессор Наумов:

— Арестованные в 1950-м вспоминали, что лестница в «Лефортово», которая вела в следственный корпус, где проходили допросы, была настолько стерта, что посередине ходить было невозможно, жались по стенке. И закрыть на ремонт тюрьму было нельзя: поток новых арестованных шел непрерывный...

Сталин собирался повторить большую чистку 1937 года. Тогда искали немецких шпионов, теперь американских. Историки не могут прийти к единому мнению, в какой степени Сталин был охвачен старческой паранойей, а в какой руководствовался циничным расчетом, объявляя время от времени кого-то из высших руководителей виновным во всех проблемах страны.

Я уже цитировал воспоминания писателя Корнелия Люциановича Зелинского о его разговорах с Фадеевым. Однажды Фадеева после войны вызвал Сталин:

— Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь. Вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в борьбе с врагами. Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь Союза писателей СССР», а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы.

— А кто же эти шпионы?

Сталин улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которая, как Фадеев знал, не предвещала ничего хорошего.

— Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И наконец,

в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала?..

Сталин хотел повторить ту схему, которая, с его точки зрения, обеспечила ему успех чистки 1937 года. Как он тогда действовал? Сменил кадрового чекиста Ягоду на секретаря ЦК Ежова, очистил аппарат госбезопасности от старых работников и направил туда профессиональных партийных сотрудников. А людей, которых арестовывали, зачисляли в немецкие шпионы, потому что народ чувствовал угрозу со стороны Германии.

Теперь чекиста Абакумова сменил заведующий отделом ЦК КПСС Игнатьев, в министерство госбезопасности мобилизовали партийно-комсомольскую молодежь. Арестованных называли американскими шпионами. Но поскольку настроения в обществе в 1952 году отличались от того, что было в 1937-м, нужны были открытые процессы. Они бы подняли накал ненависти в стране, создали необходимый фон для массовой чистки.

Но Сталин не успел их провести...

ТРИ ВЕРСИИ СМЕРТИ СТАЛИНА

В тот мартовский день, у тела вождя, Василий Сталин первым закричал, что его отца убили. Так думал не он один.

Сталин даже в старости казался крепким человеком. И ничто не предвещало неожиданной смерти, хотя в последние годы он постоянно болел. У него, судя по сохранившимся документам, было два инсульта. Но об этом нельзя было говорить.

Когда он себя плохо чувствовал, он никого к себе не допускал. Болел он на юге. Во время второго инсульта Берия хотел приехать его навестить, Сталин запретил.

Он не только не нуждался в чисто человеческом сочувствии, но и не хотел, чтобы кто-то знал о его недугах. Его болезни были страшной государственной тайной. Все считали, что вождь здоров и работает. Работает даже в отпуске.

Этот человек, о котором каждый день писали советские газеты, позаботился, чтобы соотечественники знали о нем только то, что им позволено знать.

Таким же секретом была личная жизнь и состояние здоровья Сталина. До войны он был здоровым человеком. Только часто болел гриппом и ангиной.

Личный фонд Сталина, хранившийся в архиве политбюро, кто-то изрядно почистил, полной истории болезни нет. Есть отдельные страницы, которые хранились в опечатанных конвертах. Найдены записи врачей о бесконечных простудах, ангинах, поносах, которые мучили Сталина (иногда он буквально не мог далеко отойти от туалета). Но ни слова о сердечно-сосудистых заболеваниях.

ниях. Вождь жаловался окружающим на головные боли, что естественно для гипертоника, а медицинских записей о жалобах нет.

После войны он стал болеть всерьез — высокое давление, атеросклероз. После войны он ежегодно проводил на юге три-четыре месяца. Возвращался обыкновенно к 21 декабря, к дню рождения. Там, на юге, подальше от людей, его и лечили. Сохранились результаты анализов, которые у него брали. Только выписывались направления на другое имя, обычно охранника, который их приносил. В 1952 году все анализы записаны на его главного охранника Хрусталева.

Профессор Наумов:

— Когда говорят, что Сталин не заботился о своем здоровье, гнал докторов и лечил его Поскребышев, это не соответствует действительности. Поскребышев отвечал за приглашение врачей. И он первым глотал все таблетки, которые прописывались Сталину!..

— Не свидетельствует ли этот средневековый способ избежать отравления о том, что Сталин очень боялся за свою жизнь?

— Сталин боялся, как и все в его империи. Боялся покушений, боялся, что его отравят. Он существовал в мире уголовных преступников. Если он убивал, то почему же его не могли убить? Он и у себя на даче за столом не спешил чем-то угоститься. Каждое блюдо кто-нибудь должен был попробовать. Считалось, что это проявление заботы о госте...

Бывший генеральный секретарь ЦК Компартии Венгрии Матьяш Ракоши, который много лет жил в Советском Союзе, вспоминает, что Сталин ужинал обыкновенно в компании членов политбюро:

«Еда и напитки ставились на большой стол, и каждый обслуживал себя сам, в том числе и Сталин, который с любопытством приподнимал крышки блюд и обращал мое внимание на то или иное кушанье. По вечерам Сталин даже выпивал.

Я нередко наблюдал, как из длинной, не подходящей для шампанского рюмки он мелкими глотками пил красное цимлянское вино или шампанское. Но этот процесс у Сталина был похож на то, как он курил, значительно больше времени тратя на распечатывание папирос «Герцеговина», набивку трубки и на постоянное ее прикуривание, чем на сам процесс курения...

Обстановка на таких ужинах была непринужденной, рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих...

Когда после трех часов утра Сталин вышел из комнаты, я заметил членам политбюро:

— Сталину уже семьдесят три года, не вредят ли ему подобные ужины, затягивающиеся до поздней ночи?

Товарищи успокоили меня, говоря, что Сталин знает меру. Действительно, Сталин вернулся, но через несколько минут встал, и компания начала расходиться».

Никита Хрущев описал в воспоминаниях, как Сталин встречал свой последний в жизни Новый год на «ближней» даче:

«Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он поставил танцевальную музыку и все начали танцевать.

У нас имелся «признанный» танцор — Микоян, но любые его танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, и все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я, как говорится, ног не передвигал. Булганин вытопывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим.

Потом появилась Светлана. Приехала трезвая молодая женщина, и отец ее сейчас же заставил танцевать. Дочь стала упрямитесь, и папаша Сталин от всей души оттаскал ее за волосы».

Спустя два месяца вождь скончался.

Министерство государственной безопасности в те мартовские дни составляло отчеты о настроениях в связи с болезнью Сталина. Отчет о настроениях в армии, датированный 5 марта 1953-го, рассекречен:

«В тяжелой болезни т. Сталина виновны те же врачи-убийцы. Они дали т. Сталину отравляющие лекарства замедленного действия».

«У т. Сталина повышенное давление, а его враги направляли на юг лечиться. Это тоже, видимо, делали врачи».

«Возможно, т. Сталин тоже отравлен. Настала тяжелая жизнь, всех травят, а правду сказать нельзя. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев».

Впрочем, нашлись и тогда люди, которые говорили: «Туда ему и дорога». Этих людей было дано указание арестовать.

И по сей день многие люди уверены, что Сталина убили. Версий множество.

Версия первая:

Сталина убил Берия, потому что он знал, что Сталин готовится его устранить, и опередил вождя.

Берия будто бы заранее убрал всех преданных Сталину людей, в частности его помощника Поскребышева и начальника охраны генерала Власика, и окружил вождя своими людьми.

Берия же посадил личного врача Сталина, специально ради этого организовал «дело врачей», а другим врачам Сталин не доверял, не подпускал к себе. И в нужный момент Берия приказал сотруднику управления охраны министерства госбезопасности Хрусталеву сделать Сталину смертельный укол.

Правда, Берия в те годы не имел власти над министерством госбезопасности, не он подбирал кадры сталинской охраны, и не он устроил «дело врачей». Но слухи существуют и без фактов.

Версия вторая:

Сталина убил Лазарь Моисеевич Каганович, потому что Сталин хотел выслать всех евреев в Сибирь.

Во время разговора на даче Каганович потребовал объективно расследовать «дело врачей», возник скандал. Сталин хотел вызвать охрану, но Микоян не дал ему нажать на кнопку звонка. У Сталина случился припадок, и он умер.

Есть другой вариант этой версии. Каганович сделал свою племянницу Розу любовницей Сталина, и она подменила таблетки в аптечке вождя.

Но никакой Розы Каганович никогда не существовало, сам Лазарь Каганович до самой своей смерти оставался преданнейшим слугой Сталина и был настолько труслив, что в жизни не посмел бы ему возразить. Но есть люди, готовые поверить, что так и было.

Версия третья:

В кабинете Сталина стоял электрический чайник, в который одной из членов президиума ЦК (политбюро переименовали в президиум на XVIII съезде в 1952 году) мог подсыпать отраву. Проводив товарищей, Сталин решил попить чаю, а выпил отраву.

Когда Хрущев и другие вернулись утром, Сталин еще был жив. Увидев Сталина на полу, они стали его душить. И добились старика. А охранников расстреляли, чтобы никто не узнал. Это самая фантастическая версия...

Судя по документальным сведениям, собранным за последние годы, в мартовские дни 1953 года все происходило иначе.

Многолетний главный редактор «Правды» Виктор Григорьевич Афанасьев вспоминал, что деревянная дача в Кунцеве, известная как «ближняя» дача Сталина, была одноэтажной, затем пристроили второй этаж. К даче примыкало одноэтажное здание охраны и обслуживающего персонала. Одна из комнат была диспетчерской. На стене — табло с цифрами. Каждой цифре соответствовало какое-то помещение в доме или участок дачи. На табло загоралась лампочка, чтобы охрана знала, где именно находится Сталин. Он постоянно был под присмотром...

С ВРАЧАМИ ИЛИ БЕЗ ВРАЧЕЙ?

В последний раз Сталин побывал в Кремле 17 февраля, когда принимал индийского посла. 27 февраля он в последний раз покинул дачу — в Большом театре посмотрел «Лебединое озеро».

28 февраля вечером он пригласил к себе Маленкова, Хрущева, Берию и Булганина. Они вместе поужинали. Сталин был в прекрасном расположении духа, выпил больше обычного. Гости разъехались после пяти утра.

Эта веселая вечеринка оказалась последней в его жизни.

На следующий день, 1 марта, Сталин вообще не вышел из комнаты. Охранники долго не решались его побеспокоить. Потом один из них с почтой в руках все-таки вошел в комнату Сталина и уви-

дел вождя лежащим на полу. Он был без сознания и только хрипел. Было уже одиннадцать часов вечера.

Авторы всех версий утверждают, что охрана доложила о случившемся Берии. «А почему ему?» — задаются вопросом некоторые историки.

На самом деле охранники, следуя инструкции, позвонили министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву. А он испугался, сказал охранникам: звоните Берии или Маленкову. Дозвонились до Маленкова. Он был как бы старшим. В два часа ночи он приехал вместе с Берией.

Охранники доложили, что нашли Сталина на полу, подняли его и положили на диван. Теперь он вроде как спит. Маленков с Берией испугались и не вошли в его комнату: вдруг Сталин проснется и увидит, что они застали его в таком положении. Они уехали.

Утром сотрудники охраны доложили, что товарищ Сталин так и не пришел в себя. Тогда приехали Маленков, Берия и Хрушев. Но только вечером 2 марта у постели Сталина появились врачи. Все это были новые люди, потому что лечившие Сталина врачи уже почти все были арестованы. Эти тоже не были уверены, что благополучно вернутся домой.

Первый подошедший к Сталину доктор боялся взять его за руку. Приехал министр госбезопасности Игнатьев и боялся войти в дом уже умирающего Сталина.

Вождь был на волосок от смерти, а они все еще трепетали перед ним. Никто не смог бы поднять на него руку. Сталин убил себя сам. Он создал вокруг себя такую атмосферу страха, что его собственные помощники и охранники не решились помочь ему в смертный час.

Все члены президиума ЦК боялись Сталина. И понятно почему. Хрушев вспоминал, как во время одного из последних приездов на дачу Сталина он сел за стол с краю. Его закрывала кипа бумаг, и вождь не видел его глаза. Он сказал Хрущеву:

— Ты что прячешься? Я тебя не собираюсь арестовывать. Подвинь бумаги и сядь ближе...

Говорят, что в последние недели и месяцы своей жизни Сталин остался без врачей, без медицинской помощи. Я спросил об этом профессора Владимира Павловича Наумова, который разбирал личные документы вождя.

— Нет, — ответил профессор Наумов, — врачи рядом с ним были. Они присутствовали и при последней болезни. Другое дело, что в обстоятельствах последних часов его жизни еще много неясного. Но уже удалось установить, что Сталин в ту ночь не ложился спать. Когда его нашли, он был в одежде. И он не снял зубные протезы. Если бы он ложился спать, снял бы их обязательно: всякий, кто носит зубные протезы, знает, почему на ночь их обязательно снимают.

Почему на дачу приехали именно Маленков, Берия и Хрушев? Только их, да еще Булганина, в последние недели своей жизни Сталин приглашал к себе. Остальным дороги не было. Молотов, Мико-

ян, Каганович и даже старый друг Ворошилов висели на волоске. На дачу к себе Сталин их не пускал. Он не шутил, когда называл Молотова американским шпионом, а Ворошилова — английским.

Когда Сталин на последнем при его жизни XIX съезде партии набрал в президиум ЦК неожиданно много новых людей, это означало, что он хотел к ним присмотреться. Он собирал новичков, беседовал с ними, объяснял, как должен работать секретарь ЦК, что должен делать член президиума. Он готовился заменить ими старое руководство.

Услышав от врачей, что Сталин плох, тройка отправилась в Кремль. В сталинском кабинете собралось уже все партийное руководство. Сразу решили вызывать в Москву членов ЦК, чтобы в ближайшее время провести пленум.

Теперь твердо установлено и то, что Маленков, Молотов, Берия и Хрущев поспешили поделить власть, когда Сталин еще был жив и врачи даже сообщали о некотором улучшении в его состоянии.

Вот почему в мартовские дни 1953 года у тела впавшего в беспамятство Сталина Берия не смог скрыть своей радости. Но когда ему показалось, что Сталин чуть шевельнул бровью, он в страхе бросился на колени... К счастью для его соратников, Сталин так и не выздоровел.

5 марта в восемь вечера открылось совместное заседание пленума ЦК, Совета министров и Президиума Верховного Совета. На этом совещании Берия предложил «в связи с тем, что в руководстве партий и страной отсутствует товарищ Сталин, назначить председателя Совета министров СССР. Мы уверены — вы разделите это мнение, что в переживаемое нашей партией и страной время у нас может быть только одна кандидатура — кандидатура товарища Маленкова».

Затем были поделены все остальные должности. Сталин умер только через час с небольшим после того, как дележ руководящих кресел закончился.

НА ВОЛОСОК ОТ АРЕСТА

Семен Игнатьев перестал быть министром — министерство госбезопасности слили с МВД, и министром стал Берия. Игнатьева, правда, 5 марта избрали секретарем ЦК по правоохранительным органам, но просидел он в этом кресле всего месяц.

3 апреля на заседании президиума ЦК, где было решено прекратить «дело врачей» и арестованных освободить, в решение третьим пунктом записали:

«Предложить бывшему министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С.Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов».

А шестым пунктом определили и судьбу бывшего министра:
«Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС:

«Ввиду допущения т. Игнатьевым С.Д. серьезных ошибок в руководстве бывшим Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС».

5 апреля Игнатьева вывели из секретариата ЦК.

Но это было только начало. 28 апреля Игнатьева вывели и из состава ЦК КПСС. Это означало, что Берия твердо собирался его посадить.

25 июня Лаврентий Павлович отправил Маленкову копию показаний арестованного Рюмина.

«Рюмин, — говорилось в сопроводительной записке Берии, — с ведома и одобрения Игнатьева ввел широкую практику применения мер физического воздействия к необоснованно арестованным гражданам и фальсификации следственных материалов».

Берия, может быть, и посадил бы Игнатьева, но не успел. На следующий день, 26 июня, его самого арестовали.

Игнатьев вздохнул свободно. Маленков сразу дал ему место первого секретаря Татарского обкома.

Маленков защищал Игнатьева, потому что это был его человек. Арест Игнатьева повлек бы за собой и падение Маленкова. Игнатьев бы сразу рассказал, что всего лишь исполнял указания Георгия Максимилиановича.

Когда Берию арестовали, Игнатьев оказался «пострадавшим от Берии». И главное, Игнатьев вовремя переориентировался с Маленкова на Хрущева.

В последний день работы пленума ЦК, который рассматривал дело Берии, Хрущев получил слово по организационному вопросу.

— Товарищи, — сказал он, — 28 апреля 1953 года было принято решение пленума о выводе из состава членов ЦК товарища Игнатьева. Вы знаете этот вопрос, докладывать подробно вряд ли нужно. Есть предложение сейчас пересмотреть этот вопрос и восстановить товарища Игнатьева в правах членов ЦК КПСС. Потому что это было сделано по известному навету, и сейчас надо это дело пересмотреть и исправить.

Проголосовали единогласно, хотя Игнатьев участвовал в создании «дела врачей», «ленинградского дела» и дела Еврейского антифашистского комитета.

Правда, в самый напряженный момент у него случился сердечный приступ. Потом поставили диагноз — инфаркт. Это понятно: он попал в такую мясорубку, что и здоровое сердце не выдержит. Поэтому всю переписку МГБ по этим делам вел замещавший Игнатьева первый заместитель министра Гоглидзе. Он же и докладывал Сталину. Так что Игнатьеву повезло.

Он был обыкновенный партийный функционер, чинуша. Сталин рассчитывал, что найдет в его лице второго Ежова, который разогнал органы, привел новых людей, сам ходил по камерам, допрашивал арестованных и бил их. Игнатьев надежд не оправдал, оказался слабаком. Он пунктуально исполнял все указания вождя, требовал от подчиненных, чтобы те выбивали нужные показания, а сам сидел за письменным столом.

Разочарованный Сталин ему прямо сказал:

— Ты что, белоручкой хочешь быть? Не выйдет. Забыл, что Ленин дал указание расстрелять Каплан? А Дзержинский сказал, чтобы уничтожили Савинкова. Будешь чистоплюем, морду набью. Если не выполнишь моих указаний, окажешься в соседней камере с Абакумовым.

Об этом вспомнил Хрущев, выступая на закрытом заседании XX съезда:

— Здесь вот сидит делегат съезда Игнатьев, которому Сталин сказал: если не добьетесь признания у этих людей, то с вас будет голова снята. Он сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, а методы единственные — это бить...

Вот у Игнатьева и случился инфаркт, что не удивительно в такой мясорубке.

Хрущев писал в своих воспоминаниях:

«Я лично слышал, как Сталин не раз звонил Игнатьеву. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо. В то время у него случился инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знаем, в каком физическом состоянии Игнатьев находится) и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы».

Если бы Сталин не умер, Игнатьев последовал бы в тюрьму за Абакумовым. Так что у тех, кто лил слезы у гроба Сталина, это были слезы радости за свою жизнь.

На похороны Сталина с Лубянки пришла делегация — члены коллегии МГБ и партийного комитета с венком «И.В. Сталину от сотрудников государственной безопасности страны».

Высшим чиновникам, вспоминает ветеран госбезопасности Виктор Алидин, выдали именные пропуска для прохода на Красную площадь «на похороны Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина».

Впереди процессии шел первый заместитель министра внутренних дел СССР Иван Серов, за ним генералы, которые на красных подушечках несли награды Сталина, затем ехала машина с орудийным лафетом, на котором стоял гроб, закрытый сверху стеклянными

колпаком. На гранитной лицевой панели, изготовленной для мавзолея на Долгопрудненском камнеобрабатывающем заводе, уже были слова «Ленин — Сталин»...

В центральный аппарат Хрушев Игнатъева не вернул, но тот четыре года проработал первым секретарем Башкирского обкома и еще три года первым секретарем Татарского обкома. В октябре 1960 года Хрушев отправил кавалера четырех орденов Ленина на пенсию. Игнатъеву было всего пятьдесят шесть лет, но Хрущеву он уже был не нужен. Двадцать с лишним лет бывший министр госбезопасности наслаждался своей персональной пенсией.

Он умер 27 ноября 1983 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. В «Правде» появился небольшой некролог, извещающий о смерти «персонального пенсионера союзного значения, члена КПСС с 1926 года Семена Денисовича Игнатъева». В некрологе говорилось, что «его отличали скромность и чуткое отношение к людям».

Глава 9

ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Этот человек оказал большое влияние на судьбу нашей страны. Но оценивают его по-разному. Одни считают его ищадием ада, другие — выдающимся организатором, которому не дали развернуться.

История явно могла пойти иным путем. Если бы Никита Сергеевич Хрушев не оказался таким ловким и умелым политиком, после сталинская «оттепель» была бы связана не с его именем, а с именем Лаврентия Павловича Берии. Именно Берия в те неполные четыре месяца, которые были ему отведены после смерти Сталина и до его расстрела, предстал главным зачинщиком радикальных реформ.

Все, что тогда гневно ставили Берии в вину, теперь можно бы поставить ему в заслугу: борьба с культом личности Сталина и со всевластием партийного аппарата, амнистия, выдвижение национальных кадров, стремление восстановить отношения с Югославией и не мешать воссоединению Германии.

Сделанное Берией нельзя игнорировать. Но надо ответить на главный вопрос: он оборотень, который после смерти Сталина пытался отмежеваться от того, что сам же и сделал? Или у него действительно был какой-то план преобразований?

СТАЛИН ЕГО БОЯЛСЯ

5 марта 1953 года маршал Берия стал одним из руководителей страны — первый заместитель председателя Совета министров, член президиума ЦК партии, министр внутренних дел. А уже 26 июня он был арестован. У власти он находился 114 дней.

За это короткое время он приступил к реанимации уже почти совсем загубленной страны: были выпущены первые политзаключенные, ослаблена атмосфера страха, во внешней политике мелькнули признаки разрядки. Было закрыто несколько позорных дел, заведенных министерством госбезопасности, и наказаны те, кто их организовал. Начались переговоры о перемирии в Корее, где три года шла война.

Врачи еще не диагностировали смерть Сталина, а его соратники уже поделили власть. Пост председателя Совета министров, который занимал Сталин, отдали Маленкову. На сессии Верховного Совета с предложением назначить Маленкова главой правительства выступил именно Берия.

При Сталине Маленков был фигурой номер два, сейчас по логике вещей становился номером первым. Иосиф Виссарионович, правда, сохранял за собой и пост секретаря ЦК, а Маленков 14 марта на пленуме от него отказался, «имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС».

Четыре самые крупные фигуры стали первыми заместителями главы правительства: Берия, он же министр внутренних дел; Молотов, он же министр иностранных дел; Булганин, он же военный министр, и Каганович. Эти же четверо вместе с Маленковым и Хрущевым составляют костяк нового президиума ЦК.

Секретариат ЦК избрали всего из пяти человек, причем пятого — Семена Денисовича Игнатъева — почти сразу с позором вывели. Возглавлял партийную работу Хрущев, но первым секретарем он станет только в сентябре 1953 года. Берия и Маленков считали, что правительство важнее ЦК. Так было при Ленине, так было и в последние годы при Сталине. Ключевые вопросы решал президиум Совета министров.

Тем более, что, за исключением Хрущева, секретари ЦК были неавторитетными аппаратчиками, которые не могли и не смели спорить с Берией или Маленковым. Хрущев потом на пленуме расскажет, как в Москву приехал глава партии и правительства Венгрии Матяш Ракоши, который вежливо спросил у советских товарищей:

— Я прошу дать совет: какие вопросы следует решать в Совете министров, а какие в ЦК?

Тогда Берия пренебрежительно сказал:

— Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой...

8 мая в правдинской передовой «Совершенствовать работу государственного аппарата» говорилось: «Партийные комитеты подменяют и обезличивают советские органы, работают за них... Берут на себя несвойственные им административно-распорядительные функции...» Передовую заметили все.

5 марта было принято решение об образовании единого министерства внутренних дел, объединившего собственно МВД и быв-

шее министерство госбезопасности. Первыми заместителями Берия были назначены Сергей Никифорович Круглов, Богдан Захарович Кобулов и Иван Александрович Серов.

Берия выпустил из тюрьмы примерно половину арестованных при Игнатьеве сотрудников МГБ — тех, кому доверял, кто ему был нужен. Зато разогнал партработников, которых привел на Лубянку Семен Денисович. У них отобрали машины, всех попросили освободить кабинеты.

Серафим Лялин, которого взяли в МГБ заместителем начальника 2-го главка, рассказывал потом друзьям:

— Глубокой ночью вызвал Берия. В его приемной находилось три-четыре человека, как и я, направленных в органы с партработы. Берия грубо сказал: «Ну что, засранцы, вы чекистского дела не знаете. Надо вам подобрать что-то попроще». И объявил, кто куда убывает. Мне было предложено поехать заместителем начальника управления МВД по Горьковской области...

Николая Миронова, заместителя начальника военной контрразведки, Берия — и тоже с большим понижением — отправил заместителем начальника Особого отдела Киевского военного округа.

Виктор Алидин два месяца сидел без работы. Потом его перевели в малозначительный отдел «П», который занимался поселениями, то есть ссыльными, начиная с кулаков.

Чекисты со смешанными чувствами встретили возвращение Берии. С 1945 года, когда он покинул Лубянку, прошло много времени, его людей осталось не так много. Кадровые перетряски и слияние двух министерств породили недовольство.

Николай Николаевич Месяцев, который при министре Игнатьеве стал заместителем начальника следственной части МГБ по особо важным делам, рассказывал мне, что, когда умер Сталин, он был за границей в Англии, куда ездила молодежная делегация:

— Я вернулся в Москву, на хозяйстве уже сидел Берия. Он два раза меня вызывал, предлагал остаться в органах. Я сказал, что по натуре я не чекист, а пропагандист. Он сказал: «Мы с тобой такую пропаганду развернем, все удивляться будут». Принимал он меня под Первое мая, сидел в рубашке, до пупа расстегнутой, галстук спущен, рукава засучены, руки волосатые с толстыми пальцами. Разговор на мате-полумате, и я думаю: «Коля, как же ты носил по Красной площади его портрет?! Кого ты носил? Это же хулиган, политический авантюрист способный, но авантюрист».

— Неужели вы тогда это подумали?

— Подумал. И о другом еще подумал: не сотвори себе кумира, а живи собственным умом. Я сказал, что просил бы отпустить меня снова на учебу в Академию общественных наук. Он сказал: «Иди и подумай». Я позвонил товарищам. Они говорят: «Уходи, а то в тюрьму попадешь. Мы сейчас ничего сделать не можем». Через неделю он меня вызвал во второй раз: «Ну как?» Я говорю: «Товарищ первый заместитель председателя Совета министров, прошу отко-

мандировать меня снова на учебу в Академию общественных наук». — «Это окончательно?» — «Окончательно». — «Походишь по Москве с котомкой, пособираешь милостыню...» Меня ребята из ЦК комсомола спрятали на даче далеко от Москвы, а когда Лаврентия посадили, восстановили в академии...

Берия собирает под своим крылом все, что было в старом НКВД. У него большие планы. Ему, как выразится позднее другой член политбюро, чертовски хочется поработать.

Бывший министр госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов, которого арестуют вслед за Берией, напишет в своих показаниях:

«Накануне похорон т. Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и попросил приехать к нему в Кремль.

Оказывается, надо было принять участие в редактировании уже подготовленной речи Берии на похоронах т. Сталина. Во время нашей общей работы над речью, что продолжалось часов восемь, я обратил внимание на настроение Берии. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то.

Я был подавлен смертью т. Сталина и не мог себе представить, что в эти дни можно вести себя так весело и непринужденно. Теперь я делаю вывод, что Берия не только по-настоящему не любил т. Сталина как вождя, друга и учителя, но, вероятно, даже ждал его смерти (разумеется, в последние годы), чтобы развернуть свою деятельность».

Это бесспорно. Берия не любил и боялся Сталина, хотя тот высоко поднял Лаврентия Павловича, и в президиумах, и за обеденным столом сажал рядом с собой.

«На банкетах в Кремле, — вспоминает Валентин Бережков, — за столом обычно рассаживались в следующем порядке: посредине садился Сталин, по его правую руку — главный гость, затем переводчик и справа от него — Берия. Он почти не прикасался к еде. Но ему всегда ставили тарелку с маленькими красными перцами, которые он закидывал в рот один за другим, словно семечки.

— Это очень полезно. Каждый мужчина должен ежедневно съедать тарелку такого перца, — назидательно поучал Берия».

Алексей Иванович Аджубей писал в воспоминаниях, что во время сталинских застолий на даче в Волынском Сталин назначал Берию тамадой, именуя его почему-то прокурором. Сталину нравилось наблюдать, как Берия спаивает членов политбюро, издевается над ними. В сентябре 1945 года было образовано оперативное бюро правительства в составе: Берия (председатель), Маленков (заместитель), Микоян, Каганович, Вознесенский, Косыгин. Берия оказался во главе всей промышленности страны.

Но уже к концу года настроение Сталина изменилось. Берия лишился ключевой должности наркома внутренних дел. И это было

сигналом к тому, что при очередном повороте Берия может отравиться вслед за своими предшественниками в небытие.

В 1951 году председатель Совета министров Узбекистана Нуритдин Мухитдинов приехал в Москву с перечнем накопившихся в республике проблем. Пришел к заместителю главы правительства Вячеславу Малышеву. Тот посмотрел привезенные записки и посоветовал:

— Лучше было бы тебе побывать у товарища Берии, если он примет. Имей в виду, что все документы по линии Совета министров докладываются товарищу Сталину после его визы.

Мухидинов позвонил в приемную Берии, попросил о приеме. Ему перезвонили, назначили на пять часов вечера. Несколько минут ждал в приемной. Из кабинета Берии вышел офицер, просил его фамилию, сказал:

— Пойдемте.

Берия кивнул и предложил сесть. Сам расположился во главе длинного стола для заседаний. Справа от него сел офицер, который все записывал.

— Молодой ты, — сказал Берия.

— В ноябре будет тридцать пять.

— Провалили план хлопка?

— Принимаем меры, чтобы наверстать в этом году упущенное.

— Ну, с чем приехал?

— С просьбой помочь в решении накопившихся в Узбекистане проблем.

Мухитдинов протянул папку. Ее взял офицер, раскрыл и положил перед Берией. Тот бегло посмотрел и вернул:

— Товарищ Сталин определит, кто будет изучать и готовить предложения по вашим письмам.

Опять спросил:

— Ты узбек?

— Да.

— Где родился?

— В Ташкенте.

На этом прием закончился. Беседа длилась пятнадцать минут. Потом Мухитдинова принял Сталин и дал указание решить его вопросы. Но это всевластие Лаврентия Павловича было обманчивым.

В недрах грузинского министерства госбезопасности с санкции Сталина вызрело дело «мегрельской националистической группы» во главе с секретарем ЦК компартии Грузии Барамией. Мегрелы — одна из этнических групп, населяющих Грузию, и данное «дело» было направлено против мегрела Берии. Сталин, напутствуя следователей, говорил:

— Ищите большого мегрела.

Любые слова вожда воспринимались как приказ. Берия был недалек от ареста. Министр госбезопасности Рухадзе уже собирал материалы на Берию. В квартире его матери в Тбилиси установили аппаратуру прослушивания.

В конце 1951 года было принято постановление ЦК «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия», за которым последовало постановление правительства «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов». Несколько десятков партийных работников в Тбилиси арестовали, больше десяти тысяч человек выселили в Казахстан. Арестовали и бывшего министра госбезопасности Грузии Авксентия Рапаву, который работал под руководством Берии еще в Тбилиси. Сначала Рапаву уволили из органов под тем предлогом, что его брат, полковник, во время войны попал в плен и сотрудничал с немцами.

Профессор Владимир Павлович Наумов рассказывал:

— В практике министерства госбезопасности было заведено так. Если арестованный заговаривал о каком-либо члене президиума ЦК, то по существовавшему порядку допрос прекращался. Следователь докладывал начальнику следственной части по особо важным делам, тот министру госбезопасности. Потом все отправлялись к министру, и только там продолжался допрос. Когда потом составлялась справка для Сталина, имя члена президиума не упоминалось, а писали так: «военный, претендующий на власть в государстве». Это о Жукове. Или: «крупный государственный деятель, монополизировавший внешние сношения Советского Союза». Это о Молотове...

Если Сталин санкционировал дальнейшую разработку члена президиума, то на следующем этапе в документах возникает его имя. Машинистка, даже имеющая доступ к секретным материалам, печатает текст с пропусками, а специальный человек от руки вписывает имя. И последняя стадия, предшествующая аресту, это когда в протоколе допроса открыто называется имя. В 1952 году в документах министерства госбезопасности имя Берии встречается и по грузинским делам, и по «делу врачей».

В документах МГБ о нем писали как о человеке, настроенном националистически и готовящемся к свержению советской власти и захвату власти.

Берия видел, что Сталин убрал из своего окружения всех, кого привел он, Берия. Знал, что его разговоры прослушивались и записывались. Так что же случилось? Он перестал быть нужным Сталину?

Уже в 1941 году Сталин фактически отставил Берию от госбезопасности. То, что он постоянно менял структуру органов, переставлял людей, означало, что Сталин был не удовлетворен и работой органов, и их руководством, то есть Берией.

Профессор Наумов:

— Исследователей вводит в заблуждение то, что Сталин часто поручал Берии передать то или иное указание министру госбезопасности Игнатьеву. В реальности Игнатьев заранее знал, что ему скажет Берия, о чем будет разговор. Ведь с министром госбезопасности Сталин встречался чаще, чем с членами политбюро. Но таков был ритуал, и Игнатьев аккуратно записывал: «Звонил тов. Берия, пе-

редал слова тов. Сталина, что по такому-то делу обвиняемых надо приговорить к высшей мере наказания».

Разговоры Берии и Игнатьева записывались и докладывались Сталину, чтобы ему было легче понять, какие у них отношения. Берию проверяли и надеялись поймать на неосторожном слове. Он это знал. Поэтому несколько раз Игнатьев помечал, что на эту тему тов. Берия отказался разговаривать...

Сталин убрал Берию с Лубянки, но использовал его как пугало. Берия, уже ничем не руководя, олицетворял карательные органы. Лаврентий Павлович понимал, что его жестокость вызывает одобрение Сталина. Вождь был невысокого мнения о соратниках, считал, что товарищи по партии могут проявить мягкотелость все, кроме Берии.

— За что Сталин ценил Берию?

Профессор Наумов:

— Он был надежным и беспощадным человеком. Все кровавые дела Иосиф Виссарионович поручал Берии, знал, что у него рука не дрогнет. Но Сталин подготовил ему смену в органах госбезопасности. Что касается атомных и ракетных дел, то они были налажены, и Берия уже не так был нужен. Тем более, что Сталин его боялся.

— Боялся?

— Сталин боялся покушений. Боялся, что его отравят. И, зная это, следователи госбезопасности на всех процессах, даже над школьниками, включали в обвинительное заключение подготовку террористического акта. Если можно было организовать убийство Троцкого, то почему кто-то не возьмется организовать убийство Сталина? Поэтому в последние годы на даче в Волынском он сменил всю охрану и прислугу за исключением трех человек. Он хотел убрать людей, связанных с теми, кого он выгнал, ведь они могли затаить ненависть и отомстить. Он расстался со своим многолетним помощником Поскребышевым и начальником охраны Власиком, потому что подозревал, что они делились информацией с Берией. А он этого не хотел.

(Адмирал Иван Степанович Исаков рассказывал Константину Симонову, как однажды он удостоился чести ужинать у Сталина в Кремле. Они шли длинными кремлевскими коридорами. И на каждом повороте стояли офицеры НКВД. И вдруг Сталин сказал:

— Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...)

Я спрашивал профессора Наумова:

— Значит, Сталин думал, что Берия может рискнуть?

— Он считал его авантюрным человеком, который может пойти на все. Берия чувствовал, что кольцо вокруг него сжимается. Министр госбезопасности Игнатьев рассказывал потом, что, когда он звонил Лаврентию Павловичу, тот отделивался короткими «да» или

«нет». Боялся даже вступать в разговор. Это после того, как засекали его разговор с тогдашним министром госбезопасности Абакумовым и через несколько недель Абакумова отправили в тюрьму.

— Сознавал Берия, что его ждет?

— Конечно! Под топором ходили и другие члены президиума ЦК, но каждый питал какие-то надежды, что вождь смирится. Берия надеялся только на то, что Сталин уйдет из жизни раньше, чем успеет его посадить. Информация о состоянии здоровья вождя у него была точная. Ведь на разных должностях сидели его люди.

Каганович скажет позднее:

— Берия нам говорил, что, если бы Сталин попробовал его арестовать, чекисты устроили бы восстание...

В этом он, конечно, сильно заблуждался. Но товарищи по президиуму ЦК его слова запомнили. Именно поэтому в июне 1953 года они не рискнут просто снять Берия с должности, а арестуют его. Они хотели обезопасить себя.

ПЕРВЫЕ РЕАБИЛИТАЦИИ И «ОТТЕПЕЛЬ»

На первой роли в стране и партии оказался Маленков. Но ему не хватало воли, властности, силы, чтобы стать первым. Поэтому он вступил в союз с Берией, чтобы удержать власть. Хрущева они пока всерьез не принимали и не считали конкурентом. Маленков, Берия и Хрущев образовали руководящую тройку.

Но Берия с товарищами не считался и действовал самостоятельно. Разница между ними и Берией состояла в том, что они сомневались: а справятся ли они с такой огромной страной? Они так долго привыкли исполнять приказы Сталина, что у многих наступил паралич воли. А у Берии сомнений не было: он справится с любой задачей.

Пока остальные руководители страны с трудом осваивались с новой ролью, он начал действовать самостоятельно и самоуверенно. У него в руках все рычаги, аппарат госбезопасности всемогущ, и никто не смел спросить: а с какой стати вы этим занимаетесь?

Став министром внутренних дел, Берия сразу образовал четыре группы: по проверке «дела врачей», «мегрельского дела», дела сотрудников МГБ, которых обвиняли в создании контрреволюционной сионистской организации, и дела арестованных работников Главного артиллерийского управления военного министерства СССР. А потом еще назначил комиссию, которая проверяла обвинения против руководства Военно-воздушных сил Советской армии и работников министерства авиационной промышленности.

Группы быстро доложили, что все дела фальсифицированы. В приказе, подписанном Берией, говорилось: следствие проводилось бывшим Главным управлением контрразведки СМЕРШ министерства вооруженных сил СССР необъективно и поверхностно.

Сразу после этого началась реабилитация видных военачальников, которых посадили после войны.

2 апреля Берия отправил в ЦК записку об обстоятельствах убийства художественного руководителя Государственного еврейского театра народного артиста СССР Соломона Михайловича Михоэлса.

3 апреля по инициативе Берии президиум ЦК принял решение реабилитировать арестованных по делу «врачей-убийц»:

«Принять предложение МВД СССР:

а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому «делу о врачах-вредителях» в количестве 37 человек;

б) о привлечении к уголовной ответственности работников бывшего МГБ СССР, особо изощрившихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов».

4 апреля Берия подписал приказ по министерству «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия»:

«Установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер.

По указанию руководства бывшего министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц из числа тюремных работников с применением всевозможных орудий пыток.

Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

Подобные порочные методы ведения следствия направляли усилия оперативного состава на ложный путь, а внимание органов государственной безопасности отвлекалось от борьбы с действительными врагами Советского государства...»

Пересмотрены были только те дела последнего времени, к которым Берия не имел отношения. О других несправедливо арестованных он не вспоминал.

Но когда 4 апреля 1953 года «Правда» напечатала сообщение МВД о реабилитации «врачей-убийц», это произвело огромное впечатле-

ние на страну. Это было первое публичное признание в том, что органы госбезопасности совершают преступления. Напряжение в обществе разрядилось. Мрачная атмосфера, сгустившаяся в последние месяцы жизни Сталина, рассеялась. Именно в те дни появились ростки того, что потом, используя название известного романа Ильи Григорьевича Эренбурга, назовут «оттепелью».

Потом, после ареста Берии, эти газетные сообщения товарищи по партийному руководству поставят Берии в вину: «дело врачей» надо было прекратить, но зачем об этом писать, подрывать авторитет партии и органов?

На пленуме ЦК после ареста Берии это скажет секретарь Николай Николаевич Шаталин:

— Взять все известный вопрос о врачах. Как выяснилось, их арестовали неправильно. Совершенно ясно, что их надо освободить, реабилитировать и пусть себе работают. Нет, этот вероломный авантюрист добился опубликования специального коммюнике Министерства внутренних дел, этот вопрос на все лады склонялся в нашей печати и так далее... Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу...

Этими разоблачениями были крайне недовольны и сотрудники госбезопасности, им не понравилось, что об их преступлениях говорили публично. И они не понимали, чем им теперь заниматься, если прекратятся политические дела?

Но пока что все происходит стремительно. Берия активен, энергичен и напорист. Товарищи по руководству молча хлопают глазами и послушно голосуют за предложения Берии. Ни возразить, ни оспорить его идеи они еще не смеют.

10 апреля президиум ЦК решил: «Одобрить проводимые товарищем Берией Л.П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР...»

АМНИСТИЯ 1953 ГОДА

По инициативе Берии 9 мая президиум ЦК принял сенсационное, хотя и секретное постановление «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений, организаций в дни государственных праздников». Оно запрещало использовать на демонстрациях портреты вождей, как мертвых, так и живых. Через два месяца, уже после ареста Берии, президиум ЦК спохватился и отменил это беспрецедентное решение. Как же это люди пойдут на демонстрацию без портретов членов президиума?..

Берия превратил министерство внутренних дел в центр власти. Он подчинил себе в эти несколько месяцев 1953 года все, что мог. Даже Управление уполномоченного Совета министров по охране

военных и государственных тайн в печати (цензура) и непонятно зачем Главное управление геодезии и картографии.

Зато он освободил МВД от производственно-хозяйственной деятельности, раздал отраслевым министерствам все строительные управления и промышленные предприятия, на которых использовался труд заключенных. Ему просто надоело заниматься хозяйственными делами. Он хотел быть политиком.

Главпромстрой и Главспецстрой перешли в Первое главное управление при Совете министров, занимавшееся производством ядерного оружия.

Заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, а также работников лагерного аппарата и военизированной охраны, то есть все Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) и отдел детских колоний, он отдал министерству юстиции.

Он отказался от всего, кроме особых лагерей и тюрем для особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, эсеров и националистов) и военных преступников из числа бывших военнопленных (немцев и японцев). В общей сложности в особых лагерях МВД содержалось 220 тысяч человек. Их освободит только Хрущев.

Берия подготовил амнистию 1953 года. Эта амнистия воспринимается исключительно негативно. В действительности она открыла дорогу на свободу людям, сидевшим за преступления, за какие позже уже не сажали.

26 марта Берия написал в президиум ЦК, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях сидят два с половиной миллиона человек. Большое число заключенных не представляют серьезной опасности для общества: это женщины, подростки, престарелые и больные люди.

Такое количество объясняется жестокостью советской юстиции с предвоенных времен, когда стали сажать за самовольный уход с работы, за должностные и хозяйственные преступления, мелкую спекуляцию, кражи.

А указ от 15 июня 1939 года еще и запрещал досрочное освобождение за хорошую работу. Это произошло после того, как на закрытом заседании Президиума Верховного Совета СССР Сталин сказал:

— Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Нельзя ли, чтобы эти люди остались на работе — награды им давать, ордена, может быть? Досрочно сделать их свободными, но чтобы они остались на строительстве как вольнонаемные... Это, как у нас говорилось, добровольно-принудительный заем, так и здесь добровольно-принудительное оставление.

Начиная с середины 30-х годов большинство изменений, внесенных в Уголовный кодекс, были либо собственной инициативой Сталина, либо готовились по его указанию.

15 февраля 1942 года был принят указ Президиума Верховного Совета СССР об уголовном наказании колхозников, которые не выработывали установленного числа трудодней.

С 1940 года от 5 до 8 лет давали директорам заводов, которые выпускают недоброкачественную продукцию. За изнасилование стали давать больше, чем за убийство.

В 1947 году были приняты указы об усилении уголовной ответственности за воровство. Осужденных приговаривали к длительным срокам заключения. За эти преступления сидели 1200 тысяч человек. Подростков за маленькую кражу осуждали на несколько лет. В Москве приговорили к пяти годам тринадцатилетнего подростка за кражу у соседа по коммунальной квартире двух банок варенья и хлеба.

В лагерях находились 30 тысяч человек, осужденных на срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления — в основном это были председатели колхозов и бригадиры, инженеры, руководители предприятий.

Сидели 400 тысяч женщин, из них 6 тысяч беременных и 35 тысяч с детьми в возрасте до двух лет. Сидели 240 тысяч пожилых людей и 31 тысяча несовершеннолетних, осужденных за мелкие кражи и хулиганство.

Берия предложил освободить около миллиона человек. Не подлежали амнистии получившие срок больше 5 лет, осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения и умышленное убийство.

При этом Берия предложил немедленно пересмотреть законодательство, смягчить уголовную ответственность за нетяжкие преступления, а за хозяйственные, бытовые и должностные преступления карать административными мерами.

В год суды рассматривают дела полутора миллионов человек, писал Берия, из них 650 тысяч приговариваются к тюремному заключению, половина за преступления, не представляющие особой опасности для государства. Если не изменить законодательство, через год-другой в лагерях опять будут сидеть около 3 миллионов человек...

26 марта Берия направил в президиум ЦК записку с приложением проекта указа Президиума Верховного Совета «Об амнистии». Проект подготовили МВД вместе с министерством юстиции и Генеральным прокурором. Предложение Берии мгновенно утвердили. 28 марта был опубликован указ «Об амнистии».

На свободу вышли 1200 тысяч заключенных, и были прекращены следственные дела на 400 тысяч человек. Амнистию в тот момент называли ворошиловской, потому что под указом стояла подпись председателя Президиума Верховного Совета Климента Ефремовича Ворошилова...

Виктор Адамский, физик-теоретик, трудившийся вместе с Сахаровым в закрытом городе Сарове (Арзамас-16), вспоминает, что в городе на строительстве работали заключенные. Однажды физики проходили вдоль забора, который ограждал строительную зону, и

обратили внимание на необычное возбуждение среди заключенных. Они не работали, кричали «Ура Ворошилову!», подбрасывали вверх ушанки. Офицер охраны пояснил, что заключенным только что зачитали указ об амнистии, подписанный Ворошиловым.

ВОЕННЫЕ ОСТАЛИСЬ БЕЗ ДЕНЕГ

Генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, младший брат первого заместителя Берии, говорил весной 1953 года одному из своих подчиненных:

— Ты и представить себе не можешь, что замыслил Лаврентий Павлович. Он будет решительно ломать существующие порядки не только в нашей стране, но и в странах народной демократии.

Берия отказался увеличить финансирование оборонных расходов («Вы тратите слишком много денег», — сказал генералам Берия). 27 марта Берия отправил в Совет министров записку с предложением отказаться от многих дорогостоящих строек, которые поглощали средства из бюджета. Эта идея понравилась многим секретарям обкомов.

Прекратилось строительство объектов, сооружавшихся силами МВД и требовавших большого количества материалов и рабочей силы, — Главного Туркменского канала, самотечного канала Волга—Урал, Волго-Балтийского водного пути, гидроузлов на Нижнем Дону, железных и автомобильных дорог на Севере.

Маленков и Берия явно хотели облегчить бремя крестьянина, децентрализовать управление экономикой, проводить более либеральную политику.

Повысили закупочные цены на продукты сельского хозяйства, был сделан упор на производство товаров широкого потребления, за что потом Маленкова, когда дойдет до него очередь, будут критиковать. 1 апреля 1953 года в газетах был опубликован длинный, на целую полосу, список товаров, на которые были снижены цены.

Берия занимался и международными делами.

Начались переговоры о перемирии — в Корею война шла уже три года. В Венгрии закончилась эпоха сталинизма, премьер-министром в первый раз стал Имре Надь, который возглавит страну и в 1956-м. Венгерский кризис со временем приведет к власти другого главу госбезопасности — Юрия Владимировича Андропова.

Берия попытался восстановить отношения с Югославией, разорванные при Сталине. Он поручил своим разведчикам устроить ему конфиденциальную встречу с Александром Ранковичем, который в югославском руководстве занимал такие же, как он, должности. Ранкович был членом политбюро, заместителем главы правительства и министром внутренних дел. Но встретиться они не успели.

Летом 1953 года ухудшилась ситуация в Восточной Германии. Неумелая политика ее лидеров, низкий уровень жизни, особенно по

сравнению с Западным Берлином, куда еще был свободный доступ, привели к народному восстанию 17 июня. Охватившее все города ГДР, оно было подавлено советскими танками. Это вселило сомнения в правильности курса на строительство в Восточной Германии социализма.

Мнения в Москве разделились. Берия считал, что «незачем заниматься строительством социализма в ГДР, необходимо, чтобы Западная и Восточная Германия объединились как буржуазное, миролюбивое государство». Молотов, который вновь стал министром иностранных дел, ему резко возражал. Спор решился в пользу Молотова, потому что 26 июня Берия был арестован. Но исторически Берия был ближе к истине.

Незадолго до своего ареста он вызвал в Москву основных резидентов разведки, чтобы поставить перед ними новые задачи. И заменил всех руководителей представительств МВД в странах народной демократии. Отправил совсем молодых людей. Всем прежним руководителям представительств был устроен экзамен на знание языка страны пребывания. Кто сдал, возвращались назад, хотя и с понижением в должности. Не сдавших зачисляли в резерв. А язык знали далеко не все — привыкли работать с переводчиком.

Историк Никита Петров пишет, что Берия почти в десять раз сократил аппарат уполномоченного МВД в Восточной Германии, где работали 2200 чекистов. Берия пришел к выводу, что советские офицеры подменяют органы госбезопасности ГДР и мешают им работать. В Восточной Германии осталось 300 чекистов, и они уже исполняли чисто советнические функции.

Виталий Геннадьевич Чернявский, который в 1953 году руководил отделом во Втором главном управлении МВД (внешняя разведка), рассказал мне, как его неожиданно вызвал Берия и отправил в Румынию старшим советником сразу при двух румынских министрах — госбезопасности и внутренних дел.

— Вы пользовались особым доверием Берия?

— Я был для него новым человеком. Последние годы Берия не руководил непосредственно НКГБ и НКВД, и все это время я был вне поля его зрения. В 1953-м сыграли роль моя хорошая служебная аттестация, положительные отзывы руководителей Первого управления.

— А почему он послал вас в Румынию?

— Впервые меня отправили туда в начале сентября 1944-го. Я пробыл там три года, хорошо изучил страну, быт и нравы, психологию народа, свободно владел румынским языком, так что в случае необходимости выступал в качестве заправского румына, чему способствовала и моя внешность. Но мне не хотелось оставлять работу в центральном аппарате. Попытался уговорить начальника управления отвести мою кандидатуру. Но куда там: перечить Берии никто не решался.

— Какое впечатление он на вас произвел?

— Это был хитрый, коварный и безжалостный царедворец, идущий по множеству трупов к вершинам власти. Ум у Берии был острый, расчет точный. Он хорошо разбирался в искусстве разведки и контршпионажа.

После прихода в МВД Берия подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. Он обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе молодых и деятельных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков.

Считая, что отношения с нашими союзниками должны быть более уважительными и доверительными, он настаивал на том, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, дабы ни у кого не было ни малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы по указанию советских товарищей.

— Какие указания вы получали от Берии?

— Едва я успел немного осмотреться в румынской столице, как 17 июня в Берлине начались выступления рабочих против политики правительства ГДР, которые были подавлены Советской армией. Берия позвонил мне по ВЧ и предупредил: «Головой ответите за то, чтобы такого не случилось в Бухаресте». И приказал каждый день докладывать лично ему или его первому заместителю Кобулову, на котором замыкалась внешняя разведка, об обстановке в Румынии. К Бухаресту подтянули части отборных дивизий румынской армии, которые были сформированы во время войны на территории Советского Союза, подразделения пограничных войск, было усилено патрулирование столицы и окрестностей... В Румынии тогда ничего не произошло.

В день, когда был арестован Берия, у меня умолк аппарат ВЧ. Я не мог дозвониться в Москву. А примерно через месяц меня, как и других старших советников, отозвали: «Вы были назначены без согласования с ЦК КПСС, поэтому вас освобождают от должности. Ждите нового приказа...»

У РУЛЯ ГОСУДАРСТВА

Думать, что тогда все Берию ненавидели, неверно. Когда освободили «врачей-убийц» и наказали тех, кто их посадил, трижды Герой Социалистического Труда академик Яков Борисович Зельдович сказал Андрею Дмитриевичу Сахарову не без гордости:

— А ведь это наш Лаврентий Павлович разобрался!

Были такие настроения среди некоторых людей: «Лаврентий Павлович — единственный защитник и опора».

Алексей Аджубей слышал его выступление на торжественном собрании, посвященном очередной годовщине Октября. Внешне расплывшийся, с одутловатым, обрюзгшим лицом, он был похож на рядового служащего. Одежда сидела на нем мешковато. Но говорил он хорошо, почти без акцента, четко и властно. Умело держал паузы, вскидывал голову, дожидаясь аплодисментов. Доклад ему составили нестандартно.

Профессор и генерал Владимир Филиппович Некрасов, в те годы молодой офицер МВД, вспоминает:

— Лаврентий Павлович — тогда это для меня была фигура безупречная. Песня такая была: «Вперед за Сталиным ведет нас Берия», «Марш чекистов». Авторитет его, по-моему, был непререкаем. Я работал в Казанском военном училище, рядом служили суворовцы из Ташкентского суворовского училища, те вообще боготворили Лаврентия Павловича...

Или, скорее, боялись?

Плана переустройства жизни страны у него не было. Но он жаждал власти и понимал, что надо найти опору в партии в лице секретарей ЦК национальных республик и обкомов. Ему это было труднее, чем Хрущеву. Хрущева первые секретари знали и, хотя относились к нему, может быть, с некоторой иронией, считали его все же своим человеком. А Берия мог их заставить только бояться себя. Но нельзя на одном лишь страхе держать всю страну.

Весной 1953 года возникло ощущение политического вакуума. Правило коллективное руководство, и партийная пропаганда не знала, кого выделять. Страна впервые осталась без вождя.

Фамилии основных политических руководителей почти не упоминались, о том, что они делали, не сообщалось. В газетах мелькало только имя министра иностранных дел Молотова, который в одиночку посещал дипломатические приемы, получал письма из-за рубежа и на них отвечал. И еще новый председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ефремович Ворошилов исправно награждал передовиков.

Партийные секретари не знали, на кого ссылаться, чьим именем козырять, кому докладывать, и чувствовали себя неуверенно. Слишком сложный пасьянс в Кремле пугал их и раздражал: они хотели определенности.

Берия сделал ставку на национальные республики, союзные и автономные. Он считал, что им должно быть предоставлено больше прав — прежде всего в продвижении местных кадров. Республики злились из-за того, что им на роль всяких начальников присылали людей с другого конца страны, которые не знали ни местных условий, ни языка и не хотели знать, но вели себя по-хозяйски.

Кроме того, его предложения означали бы прекращение борьбы с национализмом, когда, скажем, выдающегося кинорежиссера Александра Петровича Довженко за фильм об Украине отлучили от творческой деятельности. Берия предлагал, напротив, расширить

преподавание на родных языках, хотел ввести национальные орден. Это грело душу местных секретарей. Они могли бы назначать вторыми секретарями не тех, кого им присылали из Москвы, а своих людей.

Он направил в президиум ЦК записки о положении на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. В них говорилось о репрессиях и раскулачивании в Литве и Западной Украине, о насильственной русификации и ошибках в кадровой политике. По его запискам немедленно принимались решения о выдвижении национальных кадров, о том, что ведущие республиканские работники должны знать местный язык и на нем вести делопроизводство.

Вилис Круминьш, в 50-х годах второй секретарь ЦК Компартии Латвии, позднее вспоминал, что в июне 1953 года к ним в Ригу поступила записка первого заместителя главы правительства Берии и указание: перевести делопроизводство на латышский язык. Номенклатурных работников, не знающих латышского, откомандировать в распоряжение ЦК КПСС.

Составили список партработников из ста семи человек, которых следовало отправить домой. Позвонили в Москву: как же можно отсылать этих людей, ведь мы только что пригласили их в Латвию? В ЦК угрожающе сказали:

— Не выполняйте указание, будете нести партийную ответственность. А может быть, и не только партийную.

Некоторые партработники сразу же забыли русский язык. Секретарь республиканского ЦК по идеологии Арвид Янович Пельше, будущий член политбюро, умевший держать нос по ветру, сказал:

— Кадры надо латышизировать.

Но тут Берию арестовали, и все прежние указания отменили. Теперь уже в Латвии не спешили с нововведениями. И Арвид Пельше превратился в твердокаменного борца со всеми проявлениями «национализма».

В здании ЦК Латвии памятник Сталину стоял до середины 1959 года Круминьш говорил управляющему делами:

— Убери ты его!

Управляющий, в свою очередь, ходил с тем же самым к секретарю ЦК по идеологии Арвиду Яновичу Пельше. Но тот отвечал опасно:

— Подождем еще.

В 1959-м в Ригу приехал Хрущев. Увидел статую, сказал первому секретарю Яну Эдуардовичу Калнберзину:

— У вас что, тягача нет ее убрать?..

8 июня 1953 года Берия отправил в президиум ЦК письмо о национальном составе аппарата МВД Белоруссии. Он писал, что в аппарате министерства и местных органах на руководящих постах почти совсем нет белорусов: «Примерно такое же положение с использованием белорусских кадров имеет место в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях», в

западных областях почти совсем нет белорусов — местных уроженцев. В институтах преподавание ведется только на русском языке, хотя в 30-х годах учили и на белорусском. Попутно он отмечал бедственное положение крестьян: в западных областях в колхозах люди совсем мало получают на трудодни...

Берия своей властью сменил в Минске министра внутренних дел и его заместителей. Сменить партийный аппарат должен был президиум ЦК.

По такой же записке Берии в Киеве состоялся пленум ЦК Компартии Украины, который признал неудовлетворительной работу республиканского политбюро по руководству западными областями, отменил «порочную практику» выдвижения на руководящую работу в западных областях работников из других областей, перевод преподавания в вузах на русский язык.

Первого секретаря республиканского ЦК сняли за грубые ошибки. Вместо Леонида Георгиевича Мельникова, который, хотя и работал долгие годы в Полтаве, Донецке и Киеве, был русским, назначили украинца Алексея Илларионовича Кириченко.

Теперь Берия предлагал сменить первого секретаря в Белоруссии Николая Семеновича Патоличева на белоруса Михаила Васильевича Зимянина.

Патоличев оставил воспоминания, изданные уже после его смерти. О грозящей опасности Патоличева предупредил министр внутренних дел республики генерал-майор Михаил Иванович Баскаков. Он был сиротой, его совсем маленьким подобрали в Москве. Он не знал своего имени. Его воспитывала одна женщина в Гжатском уезде, которая за это получала до революции в месяц шесть рублей казенных денег. Он окончил четырехклассную школу и после революции работал слесарем и кочегаром на лесопильном заводе. В 1933 году его взяли в ОГПУ. Он успешно продвигался по служебной лестнице, в 1938-м стал наркомом внутренних дел Карело-Финской АССР, войну провел начальником управления госбезопасности в Горьком.

В Минск Баскакова перевели в начале 1952 года. У него сложились хорошие отношения с министром внутренних дел Петром Павловичем Кондаковым. Кондаков был заместителем у Игнатьева, и у него сохранились крепкие связи на Лубянке. Кондаков ездил в Москву, был на приеме у Берии и случайно услышал, что на Патоличева собирают материал. Кондаков предупредил Баскакова, а тот Патоличева.

Николай Семенович сразу поехал в Москву. Там он встретил уже освобожденного от работы бывшего первого секретаря ЦК Компартии Украины Леонида Георгиевича Мельникова. Его оформляли послом в Румынию. Мельников поделился горьким опытом. Патоличев обошел всех, кто принимал решения: секретарей ЦК Хрущева и Николая Николаевича Шаталина, главу правительства Маленкова. Никто не признался, что есть планы освободить Патоличева от должности. Умные люди посоветовали проситься на прием к Берии.

Патоличев позвонил ему. Но Берия сослался на перегруженность работой и от встречи уклонился. Это уже многое сказало опытному Патоличеву. А через несколько дней Патоличеву в Минск позвонил Хрущев и сказал, что его освобождают от должности «за нарушение ленинской национальной политики».

Но Патоличеву невероятно повезло. Пленум ЦК Компартии Белоруссии, на котором первого секретаря обвиняли в неправильном подборе и расстановке кадров, крупных ошибках в управлении народным хозяйством, начался 25 июня 1953 года, накануне ареста Берии, о чем ни Патоличев, ни другие участники пленума конечно же не подозревали.

Зачитали доклад с критикой первого секретаря. Выступил Патоличев, сказал:

— Я сюда приехал по указанию Центрального Комитета, по его указанию и уезжаю.

На следующий день пленум продолжается. Но пока в Минске продолжали критиковать первого секретаря, в Москве арестовали Берию. Ситуация полностью переменялась. Патоличева зовут к телефону. Звонят Маленков и Хрущев. Они говорят, что Берия арестован, просят пока держать это в секрете, но сообщают главное:

— Если пленум ЦК Компартии Белоруссии попросит ЦК КПСС, решение о вашем отзыве может быть отменено.

И те же люди, которые только что собирались снять своего первого секретаря, немедленно проголосовали за то, чтобы он остался. Через три года Патоличева снимет Хрущев и отправит на дипломатическую работу — назначит заместителем министра иностранных дел...

ЗАГОВОР

Принято говорить, что арест Берии — это поворотный момент в истории страны, начало борьбы с культом личности Сталина. К этим идеям Хрущев придет значительно позже. А в 1953-м это была просто борьба за власть. Товарищи по партии избавились от опасного соперника и одиозной личности.

Сталин убирал членов политбюро постепенно. Собирал на них показания, знакомил с материалами других членов политбюро, спрашивал их мнения. Потом вопрос выносился на пленум ЦК. Жертву выводили из политбюро, освобождали от всех должностей, исключали из партии, вызывали к следователю и арестовывали.

Но с Берией было по-другому. Соратники не чувствовали себя уверенно. Им нечего было ему предъявить. Вернее, его можно было обвинить в том, к чему и они все были причастны.

Никаких свидетельств, подтверждающих версию о том, что Берия готовился свергнуть партийное руководство, всех арестовать, так и не нашли. Хрущев откровенно сказал:

— Товарищи, с таким вероломным человеком только так надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немного раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Он это умел... Он способен подлить отраву, он способен и на все гнусности... Мы считали, что если он узнает о том, что на заседании будет обсуждаться о нем вопрос, то может получиться так: мы на это заседание придем, а он поднимет своих головорезов и черт его знает, что сделает.

Хрущев, Маленков и другие в 1953 году поступали так, как призывали действовать при Сталине. Они просто арестовали Берия без предъявления обвинений, без ордера на арест. Это был не заговор Берии, а заговор против Берии.

Но в перестроечные годы появились рассказы отставных офицеров о том, как в день ареста Берии их части подняли по тревоге и приказали подготовиться к бою. И вроде бы офицеры Третьего управления МВД (контрразведка в вооруженных силах) пытались помешать войскам развернуться... Ходили слухи, будто летом 1953 года дивизия МВД была подтянута к Москве и ждала только приказа Берии войти в столицу, чтобы помочь ему взять власть.

Профессор Наумов:

— Дивизия и сейчас там стоит — это бывшая дивизия внутренних войск имени Дзержинского... Нет доказательств, что Берия готовился к захвату власти. А ему и не надо было. Он их всех держал в руках благодаря своим досье. Каждого мог в любую минуту обвинить в чем-то преступном. Но не торопился. Он считал, что еще не созрел этот плод. Ждал, пока власть сама упадет к его ногам...

Если Берия не собирался убирать товарищей по президиуму ЦК, то почему же тогда Хрущев и другие его арестовали?

Профессор Наумов:

— У него стремительно рос авторитет в стране. Маленков, Булганин, Молотов, Хрущев на его фоне казались слабыми как государственные деятели. Он в силу своего характера всех подавлял, на заседаниях никому не давал говорить, сам открывал обсуждение, сам подводил итоги, прерывал других ораторов, мог оскорбить грубым словом. Они его боялись и отпора дать не могли.

У членов президиума были крупные разногласия по ключевым вопросам, они бы скоро перессорились. Они это сами понимали. Пока была у них почва для объединения — страх перед Берией, они и предприняли такой шаг...

Заговор созрел в начале июня 1953 года. Такое дельце не всякий смог бы повернуть. И Хрущев головой рисковал, и Маленков, и Жуков. Молотов, Хрущев и Маленков по одному обрабатывали членов президиума ЦК. Вячеслав Михайлович Молотов сыграл особую роль — это он уговорил стариков в президиуме ЦК. Хрущев не об-

ладал еще таким авторитетом, Маленкову они не верили, а Молотов был фигурой.

Все важные разговоры они вели только на улице, не рисковали пользоваться телефоном или обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах.

На июньском пленуме в 1957 году Маленков, выставляя себя жертвой, говорил, что госбезопасность его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих.

Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и назначил на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

Записью разговоров занималось Девятое управление МВД (охрана правительства). Аргумент — обеспечение безопасности членов президиума ЦК: вдруг им позвонит какой-то преступник?

Товарищи по партийному руководству свергли Берия не только потому, что он претендовал на первую роль. Они боялись, что Лаврентий Павлович вытащит на свет документы, свидетельствующие об их причастности к репрессиям. Он-то знал, кто в чем участвовал. А виноваты были все. Одни подписывали уже готовые списки, другие сами кого-то требовали арестовать. Теперь Берия их всех держал в руках.

Необходимость перемен понимали и другие члены партийного руководства, только они медлили, трусили, боялись. Доктор исторических наук Юрий Жуков опубликовал любопытнейший документ. Георгий Маленков, новый глава советского правительства, предложил собрать в апреле 1953 года пленум ЦК, чтобы осудить культ личности Сталина.

Сохранился проект его выступления:

«Товарищи! По поручению Президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и советского государства.

Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас, и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является не чем иным, как эсеровщиной.

Сила нашей партии и залог правильного руководства, важнейшее условие дальнейшего движения вперед, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства состоит в коллективности и монолитности руководства...

Руководствуясь этими принципиальными соображениями, президиум ЦК КПСС выносит на рассмотрение пленума ЦК КПСС следующий проект решения:

«Центральный комитет КПСС считает, что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства партии и правительства».

Но пленум не собрался. Маленков не решался назвать имя Сталина, а Берия прямо говорил о культе Сталина, о сталинских ошибках и преступлениях, ознакомил членов ЦК со своей запиской по «делу врачей». Это объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ и резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных. Они произвели впечатление разорвавшейся бомбы.

Когда Берия заговорил о репрессиях, он тем самым снимал с себя ответственность и намерен был призвать к ответственности других. Это больше всего напугало партийный аппарат.

Он приказал арестовать бывшего заместителя министра госбезопасности Рюмина («учитывая, что Рюмин являлся организатором фальсификаций и извращений в следственной работе») и хотел арестовать бывшего министра Игнатьева, рассчитывая, что они дадут показания на Маленкова и Хрущева как соучастников репрессий, санкционировавших аресты и расстрелы.

Поэтому Хрущев и Маленков, снимая с себя вину, предпочли обвинить Берия во всех преступлениях.

Как же получилось, что такой опытный человек, такой умелый интриган, который выжил при Сталине, позволил себя арестовать? Расслабился, потерял бдительность, недооценил товарищей, в особенности Никиту Сергеевича Хрущева.

— Он считал нас простаками, — скажет потом на пленуме Маленков.

— Но мы не такие простаки оказались, — довольно отзовется Хрущев.

Судьбу Берии решил деятельный и напористый Хрущев. После свержения Берии он выдвинулся на главные роли и был избран на пленуме первым секретарем ЦК.

Другие члены партийного руководства не собирались расстреливать Берия.

Профессор Наумов:

— Мы нашли написанный от руки текст выступления Маленкова. В нем судьба Лаврентия Павловича предполагалась иной — снять с поста министра внутренних дел и первого заместителя председателя Совета министров, а назначить министром нефтяной промышленности.

Хрущев и Молотов были сторонниками полного устранения Берии. Микоян и Ворошилов предлагали использовать Берию на другой работе. Молотов и Хрущев взяли верх.

На заседании выступили Маленков и Хрущев, после чего Берии объявили, что он арестован. Вошли офицеры во главе с Жуковым и генералом Москаленко. Жукова выбрали еще и потому, что он был физически крепким. Кирилл Семенович Москаленко, командующий войсками Московского округа ПВО, был тщедушным, его Берия мог бы с ног сбить. Но применять силу не понадобилось. Жуков только резким движением отбросил лежавшую перед Берией папку, думая, что в ней оружие. Папка полетела в сторону Хрущева, и тот испуганно отодвинулся.

Берию увели. Сам он сказать ничего не успел, поэтому ответил на предъявленные ему обвинения в первом письме, написанном в заключении.

Лаврентий Павлович, даже когда его выводили из зала заседаний, не предполагал, что ему предстоит суд и расстрел.

На заседании президиума его обвинили в том, что он поставил министерство внутренних дел над партией и правительством, что он был высокомерен и груб с товарищами. За это не расстреливают, справедливо считал Берия. Но он забыл, что сам расстреливал и за меньшее.

О том, что сейчас произойдет, поставили в известность далеко не всех участников заседания, спешно собранного в Кремле. Микояну об этом сказал Хрущев по дороге на заседание: они ехали в одной машине. Некоторые узнали только в тот момент, когда началось заседание. Им надо было быстро сориентироваться, сделать правильный выбор, но политический инстинкт их не подвел. Когда Берию увели, заседание продолжилось. Так что у всех было время оправиться от шока и занять правильную партийную позицию...

Члены президиума ЦК сидели в Кремле до поздней ночи, пока не получили сообщения о том, что Берия доставлен на гауптвахту. Тогда только разошлись. Но беспокоились они напрасно. Никто и не попытался прийти Берии на помощь.

В Москву приехал кандидат в члены президиума ЦК, первый секретарь Компартии Азербайджана Мир-Джафар Аббасович Багиров, друг и соратник Берии еще по Азербайджанской ЧК. Сначала он помогал Лаврентию Павловичу, потом тот ему покровительствовал.

Удивленный Багиров позвонил Микояну:

— Я звоню Лаврентию, но ни один телефон не отвечает. Что у вас случилось?

Микоян знал, что его телефон прослушивается, и ответил осторожно:

— Завтра зайдешь в ЦК и все узнаешь.

Даже кандидат в члены президиума ЦК пребывал в полнейшем неведении.

ОПЕРА «ДЕКАБРИСТ»

Сын Берии всегда считал, что его отца убили в перестрелке в день ареста. Лаврентий Павлович жил в особняке на Малой Никитской улице (еще недавно она называлась улицей Качалова). Теперь здесь расположено посольство Туниса.

Сыну Берии даже рассказывали, что верные люди вывезли Лаврентия Павловича в Аргентину, и показывали фотографию, на которой будто бы запечатлен бывший глава госбезопасности в Буэнос-Айресе. Но в эту версию верил только его сын...

Арест Берии взял на себя министр вооруженных сил Николай Александрович Булганин. Непосредственное руководство поручил своему первому заместителю маршалу Жукову. Жуков подбирал людей, которым верил и которые не испугались. Ведь были и такие, как один военачальник, упавший в обморок, когда ему объяснили, что предстоит сделать.

Жуков отобрал четверых: командующего Московским округом противовоздушной обороны генерал-полковника Москаленко, первого заместителя командующего генерал-лейтенанта Батицкого, начальника штаба округа ПВО генерал-майора Баксова и начальника политуправления округа Ивана Григорьевича Зуба.

Из них только генерал-майор Зуб прожил достаточно долго, чтобы в перестроечные времена успеть рассказать, как именно это произошло.

Всех собрали с оружием у Булганина. Булганин и Жуков в своих машинах, не подлежащих проверке, привезли офицеров в Кремль будто бы для доклада о ситуации в системе противовоздушной обороны. Только здесь им объяснили, что им предстоит.

Они вывели Берию в комнату отдыха, где сидели до позднего вечера. В Кремле сменили охрану, но Берию рискнули вывезти только тогда, когда стемнело.

Арестованного отправили на гауптвахту штаба Московского округа. Начальник гауптвахты полковник Сергей Петрович Гаврилов в перестройку рассказал, как это происходило, в газете «Советский спорт».

В семь вечера приехал министр Булганин, осмотрел гауптвахту, сам выбрал камеру, велел срезать отопительную батарею, о которую можно разбить голову, и оплести окно проволокой, чтобы нельзя было разбить окно и осколками перерезать вены. В половине второго ночи привезли Берию. Перед тем как отправиться в путь, его завернули в ковер и положили в огромный лимузин Булганина.

Гауптвахту очистили от всех задержанных. Караул сменили. Отрыли траншеи, бронетранспортеры были готовы к бою. Тут Берия пробыл неделю. В ночь со 2-го на 3 июля его увезли в штаб округа противовоздушной обороны, где держали в подземном бункере. Там он находился до самой смерти. Ордера на арест, санкции на содержание под стражей никто не давал...

Берию арестовали в пятницу. Редакторы газет получили указание из ЦК убрать всякое упоминание о нем, местные партийные органы снять его портреты.

В воскресных газетах на первой полосе сообщалось, что руководители партии и правительства присутствовали в субботу, 27 июня, в Большом театре на втором спектакле новой оперы композитора Юрия Александровича Шапорина «Декабристы» (автор либретто Всеволод Александрович Рождественский). Дирижировал народный артист СССР Александр Шамильевич Мелик-Пашаев. Спектакль поставил народный артист СССР Николай Павлович Охлопков. Берия отсутствовал.

Что-то символическое было в том, что президиум ЦК пошел смотреть именно оперу «Декабристы», сюжет которой восстание против императора. История этой оперы фантастична. Юрий Шапорин сел ее писать в 1925 году. В 1937-м было забракковано либретто, написанное Алексеем Николаевичем Толстым. Новое либретто писал Рождественский. В январе 1953 года постановление ЦК считало оперу все еще непригодной для постановки в Большом театре. Поставить ее смогли только после смерти Сталина.

Сразу после ареста Верховный Совет лишил Берию полномочий депутата Верховного Совета, он был снят с должности заместителя главы правительства и министра внутренних дел, лишен всех званий и наград.

2—7 июля 1953 года в Кремле заседал пленум ЦК КПСС.

В повестке дня пленума было три вопроса:

«1. О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии (докладчик тов. Маленков Г.М.);

2. О созыве очередной сессии Верховного Совета СССР (докладчик тов. Ворошилов К.Е.);

3. Организационные вопросы (докладчик тов. Хрущев Н.С.)».

Берии припомнили все.

Маленков рассказывал на пленуме ЦК:

— Мы все пришли к заключению, что в результате неправильной политики в ГДР наделано много ошибок, среди немецкого населения имеет место огромное недовольство, что особенно ярко выразилось в том, что население из Восточной Германии стало бежать в Западную Германию.

Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен. Берия при обсуждении германского вопроса предлагал не поправить курс на форсированное строительство социализма, а отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию.

Маленкову вторил Хрущев:

— Это означало отдать восемнадцать миллионов немцев под господство американских империалистов. Он говорил: «Надо создать нейтральную демократическую Германию». Разве может быть ней-

тральной и демократической буржуазная Германия? Берия говорил: «Мы договор заключим». А что стоит этот договор? Мы знаем цену договорам. Договор имеет свою силу, если он подкреплён пушками. Если договор не подкреплён силой, то он ничего не стоит, над нами будут смеяться, будут считать наивными. А Берия не наивный, не глупый, не дурак. Он умный, хитрый и вероломный. Он вел себя не как коммунист, а как провокатор, черт его знает, может быть, он получал задания резидентов иностранных разведок...

Бывший член политбюро Андрей Андреевич Андреев:

— Он начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина... Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает из печати упоминание о товарище Сталине... Появился откуда-то вопрос о культуре личности.

Министр металлургической промышленности Иван Федорович Тевосян:

— Этот мерзавец Берия возражал против того, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина называть имя товарища Сталина. Вот до чего дошел этот мерзавец...

Первый секретарь Компартии Украины Алексей Илларионович Кириченко:

— В записке Берии непонятно почему фигурируют такие термины: «западноукраинская интеллигенция», «западноукраинские кадры», «русакки», «русификация»... И это в то время, когда на Украине давно вышли из употребления эти слова. Украинский и советский народ единая семья, и нет в ней западных украинцев и восточных украинцев...

Берию всячески старались смешать с грязью.

Когда-то Ежова обвинили в гомосексуализме. Теперь секретарь ЦК КПСС Николай Николаевич Шаталин рассказывал о связях Берии с женщинами. Прямо на пленуме он обильно цитировал показания начальника охраны Берии полковника Саркисова:

«Мне известны многочисленные связи Берии со всевозможными случайными женщинами... Берия сожительствовал со студенткой института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берии и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18—20-летней девушкой Лялей. От Берии у нее родился ребенок, с которым она сейчас живет на бывшей даче Обручникова.

По указанию Берии я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал. *(Смех в зале.)* Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов более 25 таких женщин. Этот список находится на моей квартире в кармане кителя.

Год или полтора тому назад я совершенно точно узнал, что в результате связей Берии с проститутками он болел сифилисом».

О личной жизни Берии ходило немало слухов. Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича Микояна, которая была знакома с Берией, вспоминает:

«Где-то в конце 40-х — начале 50-х годов в Москве в числе многочисленных тайных романов у Берии возникла связь с юной девушкой — красавицей Лялей. Она родила дочь, и Берия дал девочке имя своей матери.

Позже маленькая Марта, став взрослой и красивой, в 70-х годах вышла замуж за члена политбюро брежневской эпохи Гришина».

Одновременно на пленуме были впервые сказаны слова в осуждение Сталина и сталинизма.

В заключительном слове Маленков говорил:

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к беспечности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Но все слова, сказанные на пленуме, остались секретом, ничего не было опубликовано. В газетах через несколько дней появилось короткое, в несколько строк, сообщение о том, что пленум ЦК исключил Берию из партии как врага коммунистической партии и советского народа. А Президиум Верховного Совета передал дело о преступных действиях Берии на рассмотрение Верховного суда. По стране пошла гулять частушка:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
И товарищ Маленков
Надал ему пинков.

Многие поверили и в то, что Берия шпион. И в одну секунду все согласилось с тем, что он негодяй и преступник. Это работала инерция сталинских времен, когда не сомневались: раз арестовали, значит, виновен.

А вот миллионы заключенных, которые спокойно восприняли смерть Сталина, расценили арест Берии как давно ожидаемый поворотный пункт в их судьбе...

Никто в аппарате госбезопасности не попытался освободить своего шефа, как этого опасались в Кремле.

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов вспоминал, что 26 июня, возвращаясь с работы на дачу, с удивлением увидел на шоссе колонну танков. Утром обратил внимание на то, что исчез портрет Берии, который висел у него в приемной. Через час руководство министерства собрали в конференц-зале. Руководили собранием первые заместители министра Круглов и Серов.

Круглов сообщил, что бывший министр Берия арестован за провокационные антигосударственные действия. Круглов сказал, что доложит товарищу Маленкову: органы и войска МВД верны правительству и партии.

Арест Берии вызвал вздох облегчения у партийного аппарата по всей стране. Они боялись и его самого, и местных ставленников Берии, боялись аппарата госбезопасности, который показывал, что следит и за партийным руководством, держится на равных, партийной власти над собой не признает. Ни первый секретарь обкома, ни секретарь ЦК республики, никто не был гарантирован от внезапного ареста. Они все боялись местного чекистского начальника, знали, что за ними следят, но не знали, что именно начальник областного управления или республиканский министр сообщает в Москву.

В передовой «Правды» под названием «Нерушимое единение партии, правительства, советского народа» говорилось: «Любой работник, какой бы пост он ни занимал, должен находиться под неослабным контролем партии. Партийные организации должны регулярно проверять работу всех организаций и ведомств, деятельность всех руководящих работников. Необходимо, в том числе, взять под систематический и неослабный контроль деятельность Министерства внутренних дел».

29 июня президиум ЦК принял постановление «Об организации следствия по делу о преступных, антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Прежнего Генерального прокурора уволили, назначили нового — Романа Андреевича Руденко. Он был прокурором Украины, и Хрущев ему доверял.

Летом 1953 года все подписчики Большой Советской Энциклопедии получили конверты со свежееотпечатанными страницами, которые предлагалось вклеить в пятый том вместо страниц 21—23, где была статья о Берии. Он должен был исчезнуть из истории.

10 декабря 1953 года президиум ЦК КПСС принял постановление «О рассмотрении дела по обвинению Берии и его соучастников». Дело должно было слушаться в закрытом судебном заседании без участия сторон в порядке, предусмотренном законом от 1 декабря 1934 года.

Президиум ЦК утвердил текст обвинительного заключения и решил разослать его по партийным организациям.

Арестованный сидел в камере без окна. Свет в ней не выключался даже ночью. Рядом с Берией неотлучно находился офицер, которому было приказано его убить, если на бункер кто-то попытается напасть. В президиуме ЦК все еще боялись, что его захотят освободить.

Берия говорил этому офицеру, что он ни в чем не виновен и что его скоро освободят. Не верил, что товарищи поступят с ним так же, как он поступал с другими.

Во втором письме, написанном в заключении, Берия напомнил Маленкову и Хрущеву о том, как он защищал их от Сталина. Ему

тут же запретили писать и отобрали у него бумагу, пенсне и карандаш. Не дай бог, напишет что-то из того, что он о них знает...

А какова же судьба досье, которые Берия долгие годы собирал на своих товарищей? Члены президиума сговорились, и одиннадцать мешков с документами были сожжены. Что в них было? Это осталось неизвестным.

Следствию пришлось непросто. Члены президиума неделю не знали, как составить обвинительное заключение, потом обвинили Берия в антипартийной деятельности. Но прокурор Руденко сказал, что такой статьи в Уголовном кодексе нет. Тогда написали, что он занимался антигосударственной деятельностью. Но какой именно? То, в чем Берия был виновен, — массовые репрессии, — ему нельзя было инкриминировать. Свидетельств его заговора не обнаружилось.

Поэтому на всякий случай его обвинили в изнасиловании. Это в любом случае позволяло расстрелять Берия по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Так всегда делали в министерстве госбезопасности — предъявляли обвинение сразу по нескольким статьям. Одно сорвется, другое останется.

Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, которое с 18-го по 23 декабря решало судьбу Берии и его сотрудников, состояло из маршала И.С. Конева, председателя ВЦСПС Н.М. Шверника, генерала армии К.С. Москаленко, секретаря Московского обкома Н.А. Михайлова, председателя профсоюзов Грузии М.И. Кучавы — первого заместителя министра внутренних дел К.Ф. Лулева и двух юристов — первого заместителя председателя Верховного суда СССР Е.Л. Зейдина и председателя Московского городского суда Л.А. Громова.

Вместе с Берией на скамье подсудимых сидели его многолетние сотрудники:

Всеволод Николаевич Меркулов — бывший министр госбезопасности, в последнее время министр государственного контроля СССР, генерал армии;

Владимир Георгиевич Деканозов — бывший министр внутренних дел Грузии;

Богдан Захарович Кобулов — бывший первый заместитель министра внутренних дел, генерал-полковник (его брата генерал-лейтенанта Амаяка Кобулова расстреляют через год);

Сергей Арсеньевич Гоглидзе — бывший первый заместитель министра госбезопасности, в последнее время начальник управления МВД СССР, генерал-полковник;

Павел Яковлевич Мешик — бывший министр внутренних дел Украины, генерал-лейтенант;

Лев Емельянович Владзимирский — бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР, генерал-лейтенант.

Судили их по закону от 1 декабря 1934 года, то есть без прокурора и без адвоката, ускоренным порядком, который ввел Сталин на следующий день после убийства Кирова. Обвинение им предъявили по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса.

В приговоре говорилось:

«Персонально суд считает доказанной виновность подсудимого Берия в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и установления господства буржуазии, в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народу политических деятелей, активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в контрразведке контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане и был связан с иностранной разведкой до момента разоблачения и ареста».

На суде Берия обвинили и в том, что в 1942 году, когда он был представителем Ставки на Закавказском фронте, он пытался открыть перевалы через главный Кавказский хребет, чтобы пропустить вражеские войска в Грузию...

А еще Берия пытался подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом. Он саботировал важнейшие мероприятия, направленные на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа.

Всех обвиняемых признали виновными в измене Родине, в организации антисоветской заговорщической группы с целью захвата власти, в совершении террористических актов...

«Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л.П., Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е. на судебном присутствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда тяжчайших государственных преступлений».

Суд над Берией был чистым фарсом. Что его ждет, было ясно и до суда. Расстреляли его 23 декабря, через несколько часов после суда. Приговор привел в исполнение генерал Павел Федорович Батицкий, затем в Берию, уже мертвого, стреляли еще пять офицеров, которые с ним были. Расстрельную команду не приглашали: чем меньше свидетелей, тем лучше.

Профессор Наумов:

— Батицкий написал Хрущеву записку, что застрелили Берия прямо на лестнице. Это немыслимое дело. В бетонном бункере, где небольшие помещения, они могли друг друга перестрелять. Батицкий это написал, чтобы успокоить Хрущева: Берия ничего не успел рассказать, только он вышел после суда, и его сразу расстреляли. На самом деле принесли доски, обшили помещение, чтобы пули в них застревали.

Берии разрешили переодеться в чистое белье, принесли ему из дома черный костюм. На руки надели наручники. Как будто бы он держался достойно, не плакал и ни о чем не просил. Тело Берии отвезли в Донской крематорий и сожгли. Прах развеяли.

Батицкий стал потом маршалом, главнокомандующим ПВО страны и заместителем министра обороны. В 1965 году ему присвоили звание Героя Советского Союза. Другие офицеры — Алексей Иванович Баксов (впоследствии генерал-полковник), Иван Григорьевич Зуб (впоследствии генерал-майор), Виктор Иванович Юферев (впоследствии полковник) были награждены в январе 1954 года орденами Красного Знамени. Говорят, они рассчитывали на «Золотые Звезды» Героя. Во всяком случае, работу они исполнили с душой и ощущали себя героями.

Из Грузии — по предложению республиканского ЦК — совершенно по-сталински выселили около двадцати родственников Берии и его жены. Причем его матери и теще было уже за восемьдесят, но их все равно вывезли в глухие места. Мать выслали за то, что она каждый день молится «за здоровье врага народа Берии». Остальных родственников обвиняли в том, что они ведут антисоветские разговоры, в том числе глухонемую сестру Лаврентия Павловича. Такая же судьба постигла родных Кобулова, Гоглидзе и Деканозова. Все это было сплошное беззаконие...

Генеральный прокурор СССР Руденко и министр внутренних дел Кружлов обратились в президиум ЦК с предложением «запретить членам семей и близким родственникам указанных врагов народа проживание в городах Москве, Ленинграде, Тбилиси и других режимных городах и местностях Советского Союза, а также на территории Кавказа и Закавказья».

Маленков и Хрущев одобрили это предложение.

«Социально опасных» родственников по списку, составленному в МВД, выслали в Красноярский край, Свердловскую область и Казахстан. Органам госбезопасности было приказано взять «социально опасных» под надзор.

В сентябре 1955 года председатель КГБ генерал Серов докладывал в ЦК, что «некоторые родственники Берии продолжают и ныне восхвалять Берию, утверждать о его невиновности и высказывать недовольство решением об их выселении... Настроены явно антисоветски, допускают злобную клевету по адресу руководителей партии и Советского государства, изыскивают способы для установления связи с остальными высланными родственниками врага народа Берии с целью проведения организованной враждебной деятельности, направленной против Советского государства...

Принято решение привлечь их к уголовной ответственности за злобную антисоветскую агитацию».

Жену Берии и его сына арестовали.

Корней Чуковский 12 июля 1953 года записал в дневник: ...

«Мне вспоминается сын Берии — красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный; я видел его 29 марта, у Надежды Алексеевны Пешковой.

Тамара Владимировна (жена Всеволода) подняла тогда бокал за «внуков Горького» — то есть за Берию и мужа Дарьи. Что теперь с его надменностью, холеностью, спокойствием? Где он? Говорят, Марфа беременна. Говорят, Катерина Павловна тщетно пытается к ней дозвониться.

Дикая судьба у горьковского дома — от Ягоды до Берии, — почему их так влечет к гепеушникам такого — растленного — образа мыслей, к карьеристам, перерожденцам, мазурикам. Почему такие милые — простодушные — женщины, как Катерина Петровна и Надежда Алексеевна, — втянуты в эту кровь?..»

Нина Теймуразовна Гегечкори-Берия после расстрела ее мужа в начале 1954-го отправила письмо Хрущеву. Она писала, что ее исключили из партии и обвинили «в антисоветском заговоре с целью восстановления капитализма в Советском Союзе». Кроме того, ее обвиняли в переписке с якобы ее родственником, грузинским меньшевиком Гегечкория.

«Я его не знала, никогда не видела, он не является моим родственником, и я ни в какой переписке с ним не находилась и не могла находиться...

Действительно страшным обвинением ложится на меня то, что я более тридцати лет (с 1922 г.) была женой Берии и носила его имя. При этом, до дня его ареста, я была ему предана, относилась к его общественному и государственному положению с большим уважением и верила слепо, что он преданный, опытный и нужный для Советского государства человек... Я не разгадала, что он враг Советской власти, о чем мне было заявлено на следствии. Но он в таком случае обманул не одну меня, а весь советский народ, который, судя по его общественному положению и занимаемым должностям, также доверял ему...

С 1942 г., когда я узнала от него же о его супружеской неверности, я отказалась быть ему женой и жила с 1943 г. за городом сначала одна, а затем с семьей моего сына».

Нина Берия писала, что она тяжело больна, проживет недолго и просила не дать ей «умереть одинокой, без утешения сына своего и его детей в тюремной камере или где-либо в ссылке».

Письмо Хрущев разослал всем членам президиума ЦК, но только почти через год, в конце ноября 1954-го, президиум ЦК решил судьбу сына и вдовы Берии: их отправили на административное поселение. Это тоже было вполне сталинское решение...

Серго Лаврентьевич Берия лишился своей фамилии: у него отобрали все документы и выписали новые на материнскую фамилию. Его лишили научного звания, и пришлось ему начинать жизнь заново. Серго Берия занимался системой противоракетной обороны Москвы. Он был несомненно одаренным человеком,

хотя грозное имя его отца играло решающую роль в его стремительной карьере.

Серго Берию еще помнят в его бывшем конструкторском бюро. Рассказывают, как он собирал представителей заводов, спрашивал, когда они могут поставить необходимое оборудование. Любый представитель завода жаловался на кучу проблем, объяснял, как трудно исполнить заказ. Серго вызывал секретаршу, как бы между прочим просил:

— Соедините с Лаврентием Павловичем.

Испуганный представитель завода вскакивал:

— Не надо звонить Лаврентию Павловичу! Я сейчас понял, что мы можем все сделать еще быстрее!..

В стране прошло несколько процессов над бывшими сотрудниками органов госбезопасности.

В июле 1954 года расстреляли бывшего заместителя министра госбезопасности Рюмина.

Затем судили людей Берии: его бывшего помощника по вопросам внешней политики Петра Афанасьевича Шарюю (получил десять лет), бывших начальников секретариата НКВД и МВД С.С. Мамулова и Б.А. Людвигова (пятнадцать лет), бывшего заведующего секретариатом первого заместителя председателя Совета министров Г.А. Ордынцева и заведующего приемной Берии Муханова (их признали виновными в недонесении о государственном преступлении и отправили в ссылку).

7—19 сентября 1955 года в Тбилиси Военная коллегия Верховного суда судила бывших министров госбезопасности Грузии Рапаву, Рухадзе и заместителя министра внутренних дел Грузии Церетели, а также исполнителей — бывших сотрудников НКВД МВД Савицкого, Кримяна, Хазана, Парамонова, бывшего коменданта внутренней тюрьмы НКВД Грузии, а затем охранника Берии Надарая. Кроме Парамонова и Надарая, всех приговорили к расстрелу.

В 1956 году настала очередь бывшего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова, бывшего начальника Берии в ЧК и бывшего наркома внутренних дел республики. Карен Нерсесович Брутенц, автор книги «Тридцать лет на Старой площади», начинавший в Баку, пишет о Багирове: если оставить за скобками этические категории и оценки, следует признать — речь идет о сильной, незаурядной и яркой личности, человеке с ясным умом, недюжинным организаторским талантом, с широким кругозором и неординарным политическим инстинктом, волевым и решительным.

Его сняли на объединенном пленуме Бакинского и Центрально-го комитетов ЦК компартии Азербайджана. Из Баку убрали и назначили заместителем начальника объединения «Куйбышевнефть» по кадрам. Летом 1956 года его судили в Баку и расстреляли.

В феврале 1959 года судили бывшего начальника охраны Берии полковника Рафаэля Семеновича Саркисова. Он получил десять лет.

Сто четырнадцать дней правления Берии в 1953 году оставляют исследователей в некоторой растерянности. Может ли главный палач страны быть реформатором? Такое сочетание функций только на первый взгляд кажется странным.

Социалистическое государство с помощью аппарата госбезопасности создает мощный военно-промышленный комплекс и даже превращается в супердержаву. Накачивание военной мощи продолжается до почти полного истощения страны.

Тогда наверху понимают, что нужны ограниченные реформы во имя спасения державы. К этой мысли первым приходит глава госбезопасности, более других осведомленный о реальном положении страны, будь то Лаврентий Берия или Юрий Андропов. Они боялись, что если немного не отпустить вожжи, то скоро вовсе некем будет управлять.

«Если бы Горбачева не пустили к власти, социализм можно было спасти», — горюют поклонники сталинского социализма. Но ересь началась до Горбачева. Надо было в таком случае остановить Косыгина с его экономической реформой... Впрочем, нет, все началось еще раньше — с хрущевской «оттепели». Вот если бы остановить Хрущева...

Если бы Хрущева остановили, был бы Лаврентий Берия.

Бериевские реформы 1953 года, испугавшие других руководителей страны, были всего лишь попыткой самосохранения. После короткого периода реформ страна вновь вернулась бы к ГУЛАГу. Любая попытка либерализации реального социализма ведет к его краху, что и произошло в 1991 году.

Часть четвертая

ЭПОХА ХРУЩЕВА

Глава 10

СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ КРУГЛОВ

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров вспоминает, что в один из летних дней 1953 года обитатели секретного объекта, на котором создавалось ядерное орудие, увидели, что табличка с надписью «Улица Берии» снята. На ее место повесили картонку с надписью «Улица Круглова».

Сергей Никифорович Круглов был министром внутренних дел десять лет: семь лет при Сталине, три после него. В последних числах 1945 года Круглов сменил Берию на посту наркома внутренних дел.

10 января 1946 года Берия и Круглов подписали акт приема-сдачи дел по НКВД СССР, где было записано: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1945 года об освобождении Л.П. Берии от обязанностей Наркома внутренних дел СССР и о назначении Народным комиссаром внутренних дел СССР С.Н. Круглова состоялся прием и сдача дел Наркомата внутренних дел СССР по состоянию на 30 декабря 1945 года. Сдал дела Маршал Советского Союза Л.П. Берия, принял дела генерал-полковник С.Н. Круглов».

С его появлением в главном кабинете карательного ведомства наступила эпоха служаков. Круглов и первый председатель КГБ Иван Александрович Серов не были ни политиками, ни профессиональными чекистами. Они попали в НКВД по партийному набору и служили, по-армейски неукоснительно выполняя все приказы.

В определенном смысле им повезло. Они попали в НКВД, когда волна ежовских репрессий закончилась, и уцелели в последующих чистках. Они оба были заместителями у Берии, но к кружку его преданных помощников не принадлежали и в 1953-м не последовали за ним на скамью подсудимых. Но потом старые грехи им все равно припомнили. Серов, как близкий к Хрущеву человек, пострадал меньше, Круглов больше.

СМЕНЩИК БЕРИИ

Круглов родился в 1907 году в Тверской губернии в семье рабочего-молотобойца. В четырнадцать лет нанялся пастухом, всего полтора года проучился в школе. В семнадцать лет его взяли секретарем Никифоровского сельского совета, потом сделали председателем сельсовета. Там же, в селе Никифоровка, он еще и заведовал избой-читальней. Три года был ремонтным рабочим и слесарем в совхозе «Вахново», потом его взяли членом правления в потребительское общество «Созвездие». Здесь его и приняли в партию.

В конце 1929-го Круглова призвали в армию. Прослужил он всего год, командовал отделением, потом его назначили автомехаником в танковом полку. Специальность, полученная в армии, пригодилась. Демобилизовавшись, он работал инструктором-механиком в учебно-опытном зерносовхозе в Кустанайской области. Сергей Круглов — первый после Менжинского глава ведомства, получивший полноценное образование. Значит, хотел учиться и был не без способностей.

В ноябре 1931 года его зачислили в Индустриально-педагогический институт имени Карла Либкнехта в Москве. Активный студент сначала стал секретарем партячейки факультета, а потом секретарем парткома всего института. Правда, едва ли это помогало ему учиться. Но во всяком случае, его заметили и в марте 1934 года зачислили слушателем особого японского сектора Института востоковедения, где он проучился чуть больше года. И наконец, он попал в такое солидное учебное заведение, как Институт красной профессуры.

Из него вполне мог получиться профессиональный преподаватель. Но в партийном аппарате образовалось так много вакансий, что доучиться ему не дали: в 1937 году взяли в аппарат ЦК — ответственным организатором отдела руководящих партийных кадров ЦК ВКП(б). А через год перевели в НКВД — вместе с целой группой партийных работников — в помощь новому наркому Лаврентию Павловичу Берии.

20 декабря 1938 года, в день, когда чекисты отмечают свой профессиональный праздник, Сергей Никифорович Круглов был назначен особоуполномоченным НКВД СССР, ответственным за расследование дел сотрудников аппарата наркомата, совершивших проступки.

Круглов Берии понравился, и через два месяца Сергея Никифоровича назначили заместителем наркома и начальником отдела кадров НКВД. Круглов стал замнаркома всего в тридцать два года! Карьеры тогда делались быстро.

После раздела НКВД на два наркомата в начале 1941 года Берия сделал Круглова своим первым заместителем и передал в его ведение то, чем не любил заниматься сам: ГУЛАГ и производственно-строительные управления. Оперативной работой Круглов занимался мало, это и спасет его в 1953-м.

После объединения НКВД и НКГБ в июле 1941 года Круглов назначается уже не первым, а простым заместителем Берии, но в

работе практически не участвует. Он отправляется в действующую армию членом военного совета Резервного, а затем Западного фронта. В октябре 1941-го, когда немецкие войска подошли к Москве, он получил под командование 4-ю саперную армию и 4-е управление Главного управления оборонительного строительства НКВД. За участие в боевых действиях получил в феврале 1942 года орден Красной Звезды.

Еще один заместитель Берии, отправленный на фронт, Иван Иванович Масленников, вовсе перешел в Красную армию, стал генералом и получил под свое командование Северо-Кавказский фронт. Круглов остался в НКВД.

4 февраля 1943 года вместе с другими заместителями наркома внутренних дел он получил звание комиссара госбезопасности второго ранга — это было приравнено к генерал-полковнику в армейской иерархии. Через два месяца, в конце апреля, после очередного разделения НКВД, он вновь был назначен первым заместителем наркома внутренних дел.

8 марта 1944 года за проведение операций по выселению карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей в восточные районы СССР Круглов был награжден орденом Суворова I степени.

20 октября 1944 года за «очистку западных областей Украины от оуновцев» Круглов получил орден Кутузова II степени. Орден Кутузова I степени ему вручили в 1945-м. Это все полководческие ордена, которые на фронте давали только за крупные воинские операции.

В конце 1944 года Круглов был командирован в Литву для проведения там большой чистки. В первые месяцы после освобождения Литвы органами НКВД—НКГБ было арестовано 12 449 человек, убито — 2574 человека.

Депортациями Круглов будет заниматься и став министром. 30 ноября 1948 года министр внутренних дел СССР генерал-полковник Сергей Круглов направил Сталину, Молотову и Берии докладную об успешном завершении депортации немецкого населения из Калининградской области в советскую зону оккупации Германии: бывший Кенигсберг включили в состав Советского Союза, и немцы там оказались лишними...

Весной 1945 года Круглова в составе советской делегации, возглавлявшейся будущим министром иностранных дел Андреем Андреевичем Громыко, командировали в Сан-Франциско, где тогда разрабатывался Устав Организации Объединенных Наций. Поездка в длительную зарубежную командировку в годы войны была просто подарком судьбы.

Круглов занимался охраной советских правительственных делегаций на Крымской (в Ялте) и Потсдамской конференциях. Американцы и англичане наградили его своими орденами.

15 января 1946 года в «Известиях» было написано в разделе «Хроника»: «Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил

просьбу заместителя председателя СНК СССР т. Л.П. Берии об освобождении его от обязанностей наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой. Народным комиссаром внутренних дел назначен т. С.Н. Круглов».

Круглову было тридцать восемь лет.

Весной 1946 года наркомов переименовали в министров.

Профессор Владимир Филиппович Некрасов, лучший знаток истории отечественного министерства внутренних дел, так говорил мне о Круглове:

— Способный, умный, образованный, особенно на фоне предшественников. Крутоват. Когда он в двенадцать ночи созвал совещание и генерал-лейтенанта Кривенко, начальника главка по делам военнопленных и интернированных, не нашли, то родился грозный приказ: всего двенадцать часов, а генерал-лейтенанта на месте нет! Непорядок! Уходишь — должны знать замы и секретарь, где ты находишься.

Когда Круглов стал министром, ведомство оказалось усеченным. В конце 40-х — начале 50-х годов из МВД передали в министерство государственной безопасности не только все оперативные подразделения, управление правительственной связи и охрану правительственных объектов, но и внутренние войска, пограничников, милицию, уголовный розыск. По существу, МВД осталось лагерным министерством.

ХОЗЯИН ГУЛАГА

Масштаб ГУЛАГа становится ясным, когда читаешь подготовленное Берией в 1953-м постановление о передаче другим министерствам производственных управлений МВД:

Главное управление строительства Дальнего Севера (Дальстрой);

Главное управление по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае (Енисейстрой);

Норильский комбинат цветных и редких металлов;

Аффинажные заводы № 169 — в г. Красноярске, 170 — в г. Свердловске, 171 — в г. Новосибирске;

Вярсильский металлургический завод;

Управление строительства Куйбышевской гидроэлектростанции (Куйбышевгидрострой);

Управление строительства Сталинградской гидроэлектростанции (Сталинградгидрострой);

Управление проектирования, изысканий и исследований для гидротехнических строок (Гидропроект);

Главное управление по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива (Главспецнефтестрой);

Ухтинский комбинат по добыче и переработке нефти;
Главное управление шоссейных дорог (Гушосдор);
Главное управление железнодорожного строительства;
Управление строительства Главного Туркменского канала (Сред-азгидстрой);

Управление Нижне-Донского строительства оросительных и гидротехнических сооружений;

Главное управление асбестовой промышленности;

Главное управление слюдяной промышленности;

Промышленные комбинаты Печорского угольного бассейна — комбинат «Воркутуголь», комбинат «Интауголь»;

Промышленный комбинат по добыче апатито-нефелиновых концентратов («Апатит»);

Управление строительства Кировского химического завода;

Главное управление лесной промышленности;

Главное управление строительства Волго-Балтийского водного пути (Главгидроволгобалтстрой);

Промышленный комбинат по добыче и обработке янтаря в Калининградской области (комбинат № 9)...

Все эти производственные монстры существовали за счет рабского труда заключенных. Министерство внутренних дел не только предоставляло строительным и производственным ведомствам эту бесплатную и безропотную рабочую силу, но и само превратилось в производственно-строительное министерство.

В течение нескольких лет хозяином этого «архипелага ГУЛАГ», описанного Александром Исаевичем Солженицыным, и был Сергей Круглов.

Архипелаг строился долго. Поначалу его хозяева вовсе не собирались морить заключенных.

В книге профессора Некрасова «Тринадцать «железных» наркомов» приводится рапорт Дзержинскому начальника секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонова, который побывал в Лефортовской тюрьме и ознакомился с условиями содержания политических заключенных. Это 1921 год:

«В камерах: грязь, сырость, вонь, испарения и главное — дым, абсолютно на дающий возможности дышать... В камерах примитивные дымные железные печки, тяги в них никакой нет; арестованные жалуются на плохое питание и отсутствие книг. В коридорах непроницаемый дымный мрак, на полу вода и грязь... Объявляемые здесь голодовки политическими с требованием перевода в Бутырки надо считать правильными. Так обращаться дальше с живыми людьми и содержать их в таких условиях нельзя, это преступление.

Выводы: разогнать и отдать под суд администрацию Лефортовской тюрьмы за бесчеловечное содержание арестованных, причиной чего является их бездельность и нерадение».

После революции были люди, которые реально выступали против власти большевиков и не боялись репрессий, хотя риск был

ясен. Многих из политических противников, с которыми не расправлялись на месте, отправляли в ссылку на два-три года. Потом давали тот же срок, но уже в лагере на Соловках или в политизоляторе. Затем к политизолятору добавляли ссылку и запрещали жить в крупных городах («минус»). В общем, был создан своего рода конвейер: лагерь—ссылка—«минус». Как только политзаключенные освобождались, их тут же опять брали, создавали новое дело и вновь отправляли в лагерь.

История отечественной пенитенциарной системы описана авторами коллективного труда «Органы и войска МВД России» (1996). После революции контроль за местами лишения свободы был возложен на местные Советы. Советы создавали комиссии, которые должны были решать, нужно ли держать заключенного за решеткой или его следует освободить. В официальных заявлениях новой власти говорилось о том, что она собирается не столько наказывать, сколько воспитывать, для чего и организуются, мол, сельскохозяйственные исправительно-трудовые колонии.

Но 5 сентября 1918 года появилось постановление Совнаркома РСФСР «О красном терроре». Декретом ВЦИК от 21 марта и постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 года были созданы концентрационные лагеря ВЧК и лагеря принудительных работ НКВД. В 1920-м на Соловецких островах появился первый лагерь особого назначения для активных врагов советской власти.

После окончания Гражданской войны все места заключения подчинялись НКВД. В них сидели около 70 тысяч человек. Примерно с 1925 года сажать стали больше. К концу 20-х вызревает идея широко использовать заключенных для созидательного труда. В 1929 году создается система исправительно-трудовых лагерей. Они должны не просто стать самоокупаемыми, но и давать прибыль. ОГПУ получило право вести следствие, выносить приговоры, сажать и использовать труд заключенных.

27 июня 1929 года политбюро приняло постановление об использовании труда заключенных. Концентрационные лагеря ОГПУ переименовывались в исправительно-трудовые. Туда переводили всех, кто был осужден к заключению на срок не меньше трех лет. Остальных оставляли в сельскохозяйственных или промышленных колониях, подчиненных наркоматам внутренних дел союзных республик.

11 июля 1929 года правительство приняло постановление, которое возложило на ОГПУ задачу развития хозяйственной жизни труднодоступных, но богатых естественными ресурсами окраин страны путем использования труда опасных элементов. Предлагалось строить новые лагеря в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии.

В приказе, который подписал заместитель председателя ОГПУ Ягода, говорилось, что новые лагеря под руководством чекистов

должны сыграть преобразовательную роль в хозяйстве и культуре далеких окраин...

Уже в середине 1930 года ОГПУ заняло важное место в промышленной жизни: заключенные строили железные дороги, обеспечивали геологоразведку, вели лесные работы, возводили химические и целлюлозно-бумажные комбинаты, занимались лесозаготовками и разделывали рыбу. Заключенные, с которыми еще недавно не знали, что делать, превратились в важнейший источник рабочей силы.

Первым 5 августа 1929 года появилось управление северных лагерей особого назначения. В феврале 1931-го было создано управление лагерей при ОГПУ. А в апреле его переименовали в Главное управление трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ).

В 1937-м стали создавать для содержания подследственных и осужденных за контрреволюционные преступления так называемые внутренние тюрьмы, подчиненные 10-му отделу ГУГБ НКВД СССР. Центральный аппарат наркомата использовал четыре тюрьмы: внутреннюю тюрьму на 570 заключенных, Бутырскую — на 3500, Лефортовскую — на 625 и Сухановскую — на 225 мест.

Положение о внутренних тюрьмах НКВД, принятое в 1939 году, запрещало извещать родственников о смерти подследственных и выдавать им трупы для похорон.

В предвоенные годы ГУЛАГ постоянно расширялся. Правительство ставило перед НКВД очередную задачу, под нее создавался очередной лагерь. Заключенные строили военные заводы, прокладывали дороги, сооружали аэродромы и работали на тяжелых и вредных производствах в горно-металлургической, топливной, химической, целлюлозно-бумажной промышленности.

Например, появляется постановление правительства о строительстве Архангельского и Соликамского целлюлозно-бумажных комбинатов, и тут же в районе предстоящих новостроек создаются лесозаготовительные лагеря на 140 тысяч заключенных.

Можно только поражаться тому, что люди нашли в себе силы выжить в страшных, нечеловеческих условиях. Писатель Виктор Петрович Астафьев говорил в одном из интервью: «Все эти кулаки, выселенные в Игарку, вымирали, а бились, старались защитить ребятишек грамотой. Грамота была всё. Учебники были не были, а все учились жадно».

Только в 1947 году министр внутренних дел Круглов представил в правительство предложение освободить оставшихся на спецпоселении бывших кулаков. Освободили 115 тысяч семей (320 тысяч человек). Трагедия этих людей еще толком не описана. Даже когда их освобождали, политическое недоверие к ним сохранялось.

Когда началась война, осужденных за бытовые преступления и прогулы освободили и отправили в армию. В первые три года в Крас-

ную армию ушло 975 тысяч вчерашних заключенных. Это примерно треть общего числа обитателей ГУЛАГа.

Вдвое больше попали в лагеря. Кроме того, два с лишним миллиона человек находились в спецпоселениях, из них полтора миллиона — это депортированные в годы войны чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

Генерал Алидин, который одно время руководил отделом, занимавшимся поселенцами, вспоминает, что «в местах поселений творилось бесправие, беззаконие и произвол. Лицам сосланных национальностей предписывалось проживать в новых местах вечно. Всякое передвижение за пределы населенного пункта считалось побегом... Молотов подписал распоряжение о том, что все младенцы, родители которых поселенцы, становятся после рождения также поселенцами и подлежат взятию на учет».

В НКВД к концу войны служило 850 тысяч человек. Они охраняли заключенных вместо того, чтобы сражаться на фронте.

Во время войны НКВД построил несколько сотен аэродромов, авиационные заводы, доменные печи, угольные шахты, химические заводы, проложил тысячи километров железных и шоссейных дорог, добывал все необходимые полезные ископаемые от золота до нефти.

Во время войны внутренний распорядок в лагерях и колониях ужесточился, охране разрешили применять оружие даже при отказе заключенных приступить к работе. Условия содержания были таковы, что только в 1942 году в лагерях от непосильной работы, голода и болезней умерло 248 877 человек.

НКВД и прокуратура дважды — 22 июня 1941-го и 29 апреля 1942 года — издавали совместные директивы, на основании которых заключенные, чей срок заканчивался, не выходили на свободу, а продолжали трудиться на прежних местах на положении вольнонаемных. Разница состояла в том, что они ходили без конвоя и им платили. Уехать или сменить работу они не могли.

Обе эти директивы были секретными, и люди, подпадавшие под их действие, даже не знали, почему их освободили только в 1946-м, когда Сталин наконец разрешил отпустить их по домам.

Когда Красная армия перешла в наступление, в ГУЛАГ стали поступать советские граждане, которые на оккупированных территориях сотрудничали с немецкими властями.

Николай Константинович Байбаков, который многие годы возглавлял Госплан, вспоминает, как Сталин в конце войны поручил ему, как наркому нефтяной промышленности, строить комбинаты по производству синтетического моторного топлива. И дал распоряжение направить на эти стройки заключенных. «Это была безотказная и мобильная сила, — с восхищением пишет Байбаков. — Люди жили в наскоро сделанных бараках и утепленных палатках, в землянках, работали в любую погоду, в снег и дождь, мороз и жару, по двенадцать часов в сутки».

Заключенные работали за право выжить, за усиленный паек, за надежду поскорее освободиться. Поначалу в ГУЛАГе даже самых талантливых и знающих специалистов ставили на общие работы, в результате чего они погибали один за другим. Потом в НКВД сообразили, что эти будущие академики могут принести наркомату славу, если займутся созданием новой техники, о которой можно будет рапортовать Сталину.

Характерна судьба Сергея Павловича Королева, создателя боевых ракет, первым отправившего человека в космос. В 1938 году Военная коллегия Верховного суда приговорила его к десяти годам тюремного заключения за «участие в антисоветской террористической и диверсионной деятельности».

Его отправили на Колыму. Он мог там погибнуть, но за него вступились знаменитые в те годы летчики Валентина Степановна Гризодубова и Михаил Михайлович Громов. Оба были Героями Советского Союза и депутатами Верховного Совета СССР.

По их депутатскому запросу 13 июня 1939 года Верховный суд отменил приговор в отношении Королева, его дело отправили на новое рассмотрение. Бериевские послабления? Вот им цена! 10 июля 1940 года Особое совещание при НКВД приговорило его к восьми годам исправительно-трудовых лагерей.

Но в лагерь все-таки не отправили.

Ежова на Лубянке уже сменил Берия, который радовал вождя не только цифрами расстрелов, но и экономических достижений НКВД. Он создавал «шарашки», в которых бесплатно трудились арестованные специалисты, а лавры доставались Берии.

Начальник Главного экономического управления НКВД Богдан Захарович Кобулов предписал перевести Королева в Особое техническое бюро при НКВД для использования по специальности. И на свободу не пустили, и для дела использовали.

Королев работал под руководством осужденного авиаконструктора Туполева, будущего академика и лауреата всех премий. А осенью 1942 года его перевели в казанскую тюрьму, где сидел его бывший сослуживец Валентин Петрович Глушко, тоже будущий академик и лауреат. Зэка Глушко был главным конструктором двигательных установок для самолетов, а зэка Королев — его заместителем.

Фамилии у Глушко не было, был номер, он подписывал чертежи не фамилией, а номером, зэка номер такой-то.

Работал Глушко без отдыха, не отвлекаясь на посторонние разговоры, не обращая внимания на то, что творится вокруг него, педантично и успешно. Его ракетные двигатели ставили на самолеты, которые развивали невиданную скорость.

В конце июля 1944 года Глушко привезли к Сталину. Вождю доложили, что ракетные двигатели — это очень перспективное направление, что немцы уже создают реактивные самолеты.

Вождь был весьма доброжелателен с человеком, которого едва не погубил. Сказал, что Глушко может составить список сотрудников, которые заслуживают досрочного освобождения. Глушко назвал тридцать пять фамилий.

Нарком внутренних дел Берия подписал обращение на имя Сталина, в котором отметил работу заключенных специалистов и попросил досрочно освободить отличившихся. 27 июля последовал указ Президиума Верховного Совета. Глушко, Королев и еще тридцать с лишним человек обрели свободу.

Глушко с Королевым работали как сумасшедшие, не только потому, что работа составляла существо их жизни. Еще долго Королев и Глушко оставались, с юридической точки зрения, врагами народа, которых всего лишь досрочно выпустили из заключения. Но не простили и не оправдали.

В 1955 году они написали заявления в Главную военную прокуратуру с просьбой их реабилитировать. Глушко получил справку о реабилитации осенью 1956 года, Королев — весной 1957 года, в год, когда он отправил в космос первый искусственный спутник Земли. И даже в ореоле своей славы главный конструктор ракетной техники робко спрашивал у Хрущева:

— Ну вы-то хотя бы верите, что я ни в чем не виноват?

Особое техническое бюро, переименованное в 1941 году в 4-й спецотдел НКВД, использовало осужденных специалистов для создания военной техники: самолетов, двигателей, боевых кораблей и артиллерийского вооружения. Работало там почти 500 заключенных, которых распределяли по важнейшим оборонным заводам и научно-исследовательским институтам.

Историки Александр Кокурин и Никита Петров составили длинный перечень того, что за годы войны было создано заключенными 4-го спецотдела НКВД. В списке упоминались, в частности, три бомбардировщика, созданных под руководством конструкторов Туполева, Петлякова и Мясишева, авиационные моторы, пушки, торпедный катер, радиостанции... Нетрудно представить себе, сколько бы могли сделать эти выдающиеся ученые, если бы их не держали в лагерях.

«Прежде чем подписать бумагу, убедись, что если из-за нее начнут сажать в тюрьму, то ты будешь в конце списка» — этот девиз главного артиллериста страны маршала Николая Дмитриевича Яковлева, когда-то до смерти напуганного Сталиным, вспоминает в своей книге «Секретная зона» Григорий Васильевич Кисунько, главный конструктор противоракетных систем.

Сам же Григорий Кисунько прославился созданием зенитно-ракетного комплекса, который 1 мая 1960 года сбил американский самолет-разведчик «У-2». Он стал академиком, лауреатом, генералом, депутатом, но большую часть жизни провел в тревоге: узнают или не узнают в кадрах и органах, кто его отец?

А отец главного конструктора, паровозный машинист, был расстрелян в апреле 1938 года по мифическому обвинению — за «уча-

стие в контрреволюционной повстанческой организации». Сын это скрывал. И много лет главному конструктору представлялись кошмарные видения: бдительный кадровик обнаруживает в его личном деле строчку, вписанную другими чернилами, вслед за чем происходит его разоблачение и рушится вся жизнь — он лишается работы, а то и свободы.

И еще не мог он забыть дядины слова, сказанные много позже под коньяк:

— За твоего отца один поганец-стукач с помощью двух твоих дядей очень даже нечаянно и надежно угодил под колеса поезда...

После войны молодого Кисунько взяли в Специальное бюро № 1 министерства вооружения СССР. Здесь под началом Берии-младшего — Серго Лаврентьевича — создавалось советское реактивное оружие. Главными специалистами были вывезенные из Германии немецкие ракетчики и наши ученые — те, что по-прежнему сидели в лагерях и на работу доставлялись под конвоем.

Описанные Кисунько исключительно благоприятные условия, в которых находился военно-промышленный комплекс, объясняют, почему создатели оружия так тоскуют по советским временам. Основы успешного функционирования ВПК заложил Сталин. Он говорил создателям ракетной техники: «Вы будете иметь право привлекать к выполнению работ любые организации любых министерств и ведомств, обеспечивая эти работы материальными фондами и финансированием по мере необходимости без всяких ограничений».

Все им давали — и домик в лесу, и спецстоловую, и спецбольницу, и машины. Нужно отметить приятное событие на полигоне? Сгоняем самолет в Среднюю Азию за арбузами, дынями и виноградом. И генеральный секретарь после удачных испытаний говорил главному конструктору: «Посылайте по всем столицам союзных республик за продуктами, вином, водкой, пивом, коньяком, чтобы было все на все вкусы. И закатите там от имени правительства такой банкет, какого еще свет не видывал».

Один из министров обращался к конструкторам с такими примерно словами: «Вам все давали, что вы просили. Думаю, что вам отдали бы даже коней с Большого театра, если бы попросили. Теперь вы давайте».

Как только та или иная разработка приобретала статус особой важности, для нее открывалось ничем не ограниченное финансирование, на которое, как мухи на мед, пишет Григорий Кисунько, слетались желающие вкусить от казенного пирога. Поэтому ракеты и прочая техника получались буквально золотыми, разорительными для страны.

Но нравы в среде создателей оружия были крайне жестокие. Кисунько вспоминает, как его звал к себе в машину сам Сергей Павлович Королев и, опустив стеклянную перегородку, отделавшую пассажирский салон от водителя, зло спросил:

— До каких пор мы будем терпеть этого бандита?

«Бандитом» был столь же знаменитый конструктор, которому в тот момент улыбнулась фортуна, потому что он благоразумно взял на работу сына одного из вождей партии и народа.

Дети членов политбюро любили работать в империи ВПК. Устинов-младший строил боевые лазеры на гусеничном ходу, Суслов-младший возглавлял закрытый институт радиоэлектронных систем.

Конструкторы безжалостно топили конкурентов, чтобы не делиться «сено-соломой» — так они между собой называли ордена и прочие знаки отличия. И безумно боялись офицеров госбезопасности, которые легко могли сломать им жизнь.

Рассказывают, что Берия однажды посетил сидевшего в заключении авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева, будущего академика, генерал-полковника, лауреата Ленинской и пяти Сталинских премий и трижды Героя Социалистического Труда. Туполев пытался объяснить наркомку, что ни в чем не виноват. Берия его перебил:

— Я сам знаю, дорогой, что ты ни в чем не виноват. Вот твой самолет взлетит в воздух, выйдешь на свободу.

Уже при Хрущеве, увенчанный всеми наградами страны, академик Туполев жаловался первому секретарю, что тянется за ним тюремный след и тень ложится и на его детей. И Хрущев успокоил авиаконструктора:

— Товарищ Туполев, можете идти и спокойно работать. Даю вам слово, что мы обсудим этот вопрос и прикажем уничтожить документы, относящиеся к вам, чтобы нигде и ни в каких анкетах вам не пришлось писать, что вы подвергались аресту.

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТАЙНУЮ ПОЛИЦИЮ НЕ ПОЙДЕТ

Вспомнив историю Туполева, академик Андрей Дмитриевич Сахаров задумался над судьбой тех, кто управлял ГУЛАГом: «Я иногда задавался мыслью: что движет подобными людьми — честолюбие? страх? жажда деятельности? власти? убежденность? Ответа у меня нет».

На этот вопрос писатели, историки и психологи пытаются ответить вот уже полвека.

Писатель Лев Эммануилович Разгон, который многие годы провёл за колёчей проволокой, о надзирателях и вообще о служащих ГУЛАГа пишет так: «Они не такие, как мы. Не такие, какими мы были, и уж вовсе не такие, какие мы сейчас и какими будем. С этими людьми нельзя вступать в человеческие отношения, нельзя к ним относиться как к людям, они людьми только притворяются, и к ним нужно тоже относиться, притворяясь, что считаешь их за людей. Но будучи в полной и непоколебимой уверенности, что людьми они только притворяются...»

Матяш Ракоши, до войны работавший в Москве, в Коминтерне, а затем возглавлявший долгое время компартию и правительство Венгрии, оставил интересные воспоминания. В частности, он при-

водит слова академика Варги, известного в те годы ученого, который сказал ему:

— Порядочный человек работать следователем или в тайную полицию не пойдет. Идут туда только отбросы общества, и, естественно, такие элементы смотрят не на дело, а следят за своей собственной карьерой, пытаются заподозрить как можно больше людей, посадить их в тюрьмы, пока наконец не создастся такая атмосфера, при которой все будут казаться подозрительными, подозреваемыми и подозревающими.

Профессиональный партийный работник Михаил Федорович Ненашев пишет: «НКВД возник в моем сознании первый раз зимой 1937 года как нечто зловещее, способное лишить нашу семью отца и даже того скромного бытия, в котором мы пребывали. Большой деревянный дом районного НКВД расположен был невдалеке от землянки моей тети (сестры отца), у которой я жил в райцентре все годы учебы в школе, и ежедневно, проходя мимо его окон, всегда закрытых плотными шторами, часто думал о том, какие тайны скрываются за ними. Не многое тогда я мог понять, но, как маленький зверек, инстинктом чувствовал, что от этого дома исходит нечто недоброе, опасное для меня, для других людей...»

Чекисты работали при Сталине вахтовым методом. Формировалась группа, которая выполняла свою часть работы. На это время они получали все — материальные блага, звания, должности, ордена, почет, славу, право общения с вождем. Ценные вещи, конфискованные у арестованных, передавались в спецмагазины НКВД, где продавались сотрудникам наркомата. Когда они свою задачу выполняли, наступала очередь следующей бригады. Прежнюю команду уничтожали, а все блага доставались уже новой смене.

Где-то в этой страшной империи встречались иногда приличные люди — следователь, который не бил, вахтер в тюрьме, который не был злым от природы, надзиратель в лагере, который не лютовал. Они попадались крайне редко, но встреча с ними была счастьем.

В основном же хозяева Лубянки делились на две категории. Очевидные фанатики беззаветно верили Сталину, расстреливали с его именем и умирали с его именем на устах. А карьеристы легко приспособивались к любому повороту партийной линии: кого надо, того и расстреливали. Со временем первых почти не осталось.

Но стоит ли считать хозяев ГУЛАГа и всей Лубянки суперзлодеями? Исчадиями ада, опутавшими своими сетями всю страну? Заманчиво возложить вину на какого-нибудь одного человека, родившегося с дьявольской отметиной, сказать с облегчением: «Все дело в нем!»

Но ведь каждый из них был таким человеком, который требовался тому ведомству, которое он возглавлял. Другой на его месте делал бы то же самое. Или выбрал бы иное место службы... В какой-то степени могущественный министр или нарком был всего лишь одним из винтиков этой гигантской системы, которая существовала как бы сама по себе.

Но он же и подкручивал, налаживал и заводил весь этот механизм, который на самом деле мог работать только потому, что многие тысячи кадровых сотрудников госбезопасности и еще большее число добровольных помощников сознательно выбрали себе эту службу и гордились ею.

Они превратили страну в полицейское государство, на огромное число людей завели досье, и все структуры общества были пронизаны сотрудниками госбезопасности.

Они развратили людей, добились того, что приличные, казалось бы, граждане, спасаясь от страха или за деньги, квартиру, поездки за границу, а то и просто в надежде на благосклонность начальства, доносили на родных, соседей и сослуживцев.

Страх перед арестом, лагерем выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность.

Но мог ли человек избрать иную судьбу, без страха сгинуть в ГУЛАГе? Не слишком ли жестокий приговор выносим людям, которые жили в то время? Ведь чекисты должны были исполнять приказания или погибнуть. Если винтик ломался, его тотчас заменяли другим.

Академик Александр Михайлович Панченко в одном из интервью заметил: «Лакеи и холопы говорят: «Такое было время». Время всегда плохое, а справляемся мы с ним или нет — зависит от нас. Остаться порядочным человеком при советской власти было позволительно, хотя и не для всех. Один из моих любимых учителей, Борис Викторович Томашевский, говорил: «Не беспокойтесь, при любом самом гнусном режиме два-три места для порядочных людей зарезервировано».

Надо еще учесть, что немалому числу людей служба в ГУЛАГе и на Лубянке не просто предоставляла средства к существованию, но и создавала привилегированный образ жизни. В те годы в системе НКВД служил примерно миллион человек, вместе с семьями это несколько миллионов, для них в существовании ГУЛАГа нет ничего ужасного. А если еще учесть партийный и государственный аппарат и их семьи? Что же удивляться, если у нас в обществе существуют прямо противоположные точки зрения на сталинские репрессии, ГУЛАГ и органы госбезопасности?

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО В СТАЛИНСКОМ СЕМЕЙСТВЕ

Сколько в стране было генералов НКВД—МГБ—КГБ, сколько было надзирателей в лагерях и тюрьмах, сколько следователей клепало расстрельные дела! Но что произошло с их детьми? Кем они

выросли? Как относятся к своим отцам? Осуждают? Проклинают? Или, напротив, восхищаются ими?

Нет таких книг. Никто не нашел «лубянских» детей и не спросил их. Тут не беллетристика нужна, а суровая документальная проза Светланы Алексиевич.

Почему же у нас таких книг нет? Да потому, что такую прозу не только читать, но и писать страшно.

Леонида Максимовича Леонова, писателя, чей талант, похоже, полностью не реализовался, спросили еще в советские времена, почему же он больше ничего не пишет. Он ответил:

— Пробовал, копнул поглубже, ахнул, закопал и ногами затоптал.

Владимир Аллилуев, племянник жены Сталина, составил родословную Аллилуевых—Сталиных и написал книгу «Хроника одной семьи».

Его отца расстреляли, когда мальчику было всего три года. Ровно через десять лет посадили его мать. От отца, которого он почти не помнит, осталось только судебное дело. Мать через шесть лет выпустили. Она вернулась домой другим человеком, тяжело страдая от психического заболевания.

Но удивительным образом мальчик сохранил наилучшие воспоминания о детстве и отрочестве. Горестные годы для мемуариста настали позже, когда уже никого не расстреливали.

В книге масса любопытного: оценка оказавшегося неудачным брака Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой, отношение в семье к ее самоубийству, неудачная личная жизнь Светланы и Василия Сталина. Нет в книге только одного — сочувствия к несчастным родителям и попытки понять, почему у автора отняли сначала отца, а потом мать.

Вернее, ответ у автора есть. Отца убрал Берия. Он же посадил и мать. Когда Берия расстреляли, мать еще целый год держал в лагере Хрущев. Никита Хрущев, нынешние демократы, а также сионисты — главные виновники всех бед.

Отец Владимира Аллилуева — Станислав Францевич Реденс, бывший секретарь Дзержинского. В январе 1938 года Реденса отправили наркомом внутренних дел в Казахстан, в ноябре арестовали, обвинили в шпионаже на панскую Польшу и в январе 1940 года расстреляли.

Владимир Аллилуев пишет: «Мать добралась до Сталина и попросила его вмешательства в дело отца. «Хорошо, — сказал он, — я приглашу Молотова, а ты приезжай с Сергеем Яковлевичем. Сюда доставят Реденса, и мы будем разбираться». Но дед отказался поехать к Сталину, и мать отправилась к нему вдвоем с бабушкой. Отсутствие деда раздосадовало и сильно задело Сталина, он крупно поссорился с моей матерью и бабушкой, никакого разбирательства так и не было, и судьба отца была предрешена».

Но ни Сталин, ни система, при которой можно расстреливать невинных людей, по мнению автора, в смерти его отца не виноваты.

Система вообще была замечательная: «В те годы торговля работала исправно, надежно, цены снижались, одно время в столовых хлеб даже подавался бесплатно, люди видели, что жизнь их постоянно улучшается... Система обеспечивала людям надежную жизнь, страна двигалась вперед... Совсем еще недавно наши газеты пестрели материалами о затоваривании обувью, телевизорами, холодильниками».

Это суждение подкреплено личным опытом автора. Несмотря на расстрел отца, ни будущего автора книги, ни его семейство не лишили ни кремлевской поликлиники, ни так называемой «столовой лечебного питания», которую обычно именовали «кормушкой», ни машин из правительственного гаража — «линкольнов», «мерседесов», после войны — «ЗИС-110». Жили в известном доме на набережной, квартира пятикомнатная, примерно сто квадратных метров, с удовольствием вспоминает Владимир Аллилуев. Лето проводили на сталинской даче. В аспирантуру его устраивал адъютант Василия Иосифовича Сталина, который популярно объяснил ректору МГУ, кто у него будет студентом.

При этом автор искренне уверен, что «образ жизни у нас был, как мне кажется, вполне демократичным... Тогда действительно считалось неприличным жить лучше других».

Сталин оставил автора без отца, но дал взамен незабываемое чувство причастности к великому человеку. Если в книге и есть герой, то это Иосиф Виссарионович Сталин. Аллилуев и не замечает, как странно звучит такая фраза: «После гибели отца, уже после войны, мы с мамой также любили быть в театрах. В Большом театре, помню, сидели в сталинской ложе».

Незабываемы секунды, когда на будущего автора обращал внимание сам великий человек. Увидев маленького Аллилуева, Сталин сказал его матери:

— Ну вот, за такого сына с тобой и помириться можно!

Отец этого замечательного сына уже расстрелян...

«Больше всего Сталин тогда уделил внимания нам, детям, о многом расспрашивал, шутил, поддразнивал. За ужином все время подбрасывал мне в тарелку кусочки печенья, апельсиновой кожуры. Мы смеялись, повизгивали от восторга».

Первой воспоминания о «кремлевском» детстве написала Светлана Иосифовна Аллилуева. Пожалуй, ее литературный опыт и по сей день остается самым удачным: книга была откровенной и серьезной. Правда, у нас в стране больший успех выпал на долю более поздней книги, написанной Сергеем Никитовичем Хрущевым об отце — благодаря умело закрученному, почти детективному сюжету.

Хрущев-младший положил начало литературе оправданий, когда «кремлевские» дети взялись защищать честь отцов. Андрей Георгиевич Маленков в книге «О моем отце Георгии Маленкове» уверяет, что Георгий Максимилианович Маленков не имел отношения к репрессиям, напротив, пытался остановить Берию.

Серго Лаврентьевич Берия, которому после расстрела отца пришлось носить материнскую фамилию, в книге «Мой отец Лаврентий Берия» тоже выражает уверенность, что отец только и сделал, что спасал людей.

Желание не замечать грехи отцов по-человечески понятно. Но книга Владимира Аллилуева, пожалуй, первая, написанная в защиту не убитого отца, а того, кто позволил его убить.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Недоверие к красноармейцам, попавшим в плен к врагу, сформировалось во время финской войны 1939—1940 годов. После окончания боевых действий финны вернули 5,5 тысячи пленных. Всех судили и отправили в лагерь.

В 1941 году попало в немецкий плен 2 миллиона солдат и офицеров Красной армии, в 1942-м — 1300 тысяч, в 1943-м почти полмиллиона и в 1944-м 200 тысяч. Выжило из них около 40 процентов.

Кроме того, осенью 1941 года немецкие власти начали вывозить в Германию работоспособное население оккупированных территорий. За годы войны вывезли 5 миллионов человек. Из них около 250 тысяч — этнические немцы, пожелавшие вернуться на историческую родину.

28 июня 1941 года был издан совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР «О порядке привлечения к ответственности изменников Родины и членов их семей».

Плен рассматривался как преднамеренно совершенное преступление. Тех, кто попал в плен, судили за измену родине. Солдат, которые вырывались из окружения, встречали как потенциальных предателей.

За годы войны военные трибуналы осудили около миллиона военнослужащих, из них 157 тысяч расстреляли, то есть 15 дивизий уничтожили сами. В основном это были солдаты и офицеры, которые вышли из окружения или бежали из плена.

27 декабря 1941 года Государственный комитет обороны издал постановление о проверке и фильтрации «бывших военнослужащих Красной армии». На следующий день появился приказ № 001735 наркома внутренних дел Берии «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника», предписывавший выявлять среди них «изменников Родины, шпионов и диверсантов».

Причем попавшими в плен красноармейцами занималось управление НКВД по делам военнопленных и интернированных, то есть к ним относились как к солдатам вражеской армии. В 1943-м фильтрационные лагеря передали в ГУЛАГ.

С 1944 года освобожденных из плена или вышедших из окружения офицеров стали отправлять рядовыми в штурмовые батальоны.

После ранения или награждения орденом им возвращали офицерское звание, но остаться в живых в штурмовых батальонах удавалось немногим. Их бросали в атаку на самых гиблых направлениях. Через штурмовые батальоны прошли 25 тысяч офицеров. Этого числа хватило бы на формирование офицерского состава 22 дивизий.

В августе 1944 года Государственный комитет обороны принял решение о создании сети проверочно-фильтрационных пунктов для возвращающихся из Германии. Пока пленных и угнанных на работы в Германию проверяли, их использовали на самых трудных работах.

Павел Васильевич Чистов, который служил в органах госбезопасности с 1923 года, в годы ежовской чистки возглавил областное управление в Челябинске, затем в Донецке, получил звание майора госбезопасности, орден Ленина и был избран депутатом Верховного Совета СССР, сразу после начала войны был назначен заместителем начальника Главного управления строительства оборонительных сооружений.

В конце августа 1941 года ему поручили руководить строительством оборонительных сооружений на Юго-Западном фронте.

3 сентября, когда Чистов выехал к городу Конотопу, его машину обстреляли внезапно появившиеся немецкие танки. Он был ранен и попал в плен. Сам Чистов потом рассказывал, что немцы сорвали с него ордена Ленина и «Знак Почета» и ремень с револьвером. Значок депутата Верховного Совета он сам сорвал и выбросил. Допросивший его немецкий капитан плохо разбирался в советских реалиях и вернул ему партийный билет со словами:

— Личный документ пусть пока будет при вас.

Партбилет Чистов сразу уничтожил. Он назвался майором Красной армии, инженером по специальности, поэтому его отправили в обычный лагерь. Но в газете «Новое слово», которая выходила в Берлине, был написано, что Чистов на допросах рассказал все, что знал о строительстве оборонительных учреждений. Он сидел в лагере в Восточной Пруссии, там немцы сделали его руководителем команды по строительству барачков, бани и прачечной.

В декабре 1943 года его арестовало гестапо за антифашистскую агитацию и отправило в концлагерь Штугоф, а летом 1944 года — в лагерь уничтожения Маутхаузен. Он выжил, его освободили американцы и передали советским войскам.

Целый год, с июля 1945-го по сентябрь 1946-го, его держали в Подольском проверочно-фильтрационном лагере. Следователи пришли к такому выводу: «В лагере вел себя пассивно по отношению к подпольной работе и только в 1945 году, незадолго до освобождения, примкнул к подполью». Особое совещание МГБ приговорило его к пятнадцати годам лагерей. После смерти Сталина, в 1955-м его освободили досрочно.

Уже после победы, 18 августа 1945 года было принято постановление Государственного комитета обороны «О направлении на ра-

боту в промышленность военнослужащих Красной армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста». Так появились рабочие руки в Печорском угольном бассейне, на Норильском и Ухтинском комбинатах НКВД.

22 октября 1945 года Совнарком принял секретное постановление «О лишении офицерских званий лиц, служивших в немецкой армии, специальных немецких формированиях «власовцев» и полицейских». Этим людям ждали лагеря — вне зависимости от того, действительно ли они совершили какое-то преступление или же просто пытались выжить в немецком плену...

НЕМЦЫ И ЯПОНЦЫ

В лагерях НКВД для военнопленных сидели 1600 тысяч военнопленных немцев и 600 тысяч японцев.

Ими занималось Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД, созданное 19 сентября 1939 года для попавших в плен польских солдат и офицеров.

Война с Японией была совсем недолгой, но в плен попала практически полностью Квантунская армия, располагавшаяся на севере Китая.

Кампания августа 1945 года была стремительной и обеспечила Сталину военные базы в Китае, контроль над северной частью Корейского полуострова, возвращение Южного Сахалина, получение Курильских островов и свободный выход в открытый океан для советских боевых кораблей.

Советские танковые клинья стремительно рассекали Квантунскую армию, и японцы оказывались в окружении. Отступавшим тоже некуда было деваться: их родина осталась за морем, а японский флот уже перестал существовать.

Японцы попали в плен и к англо-американцам, которые сражались с императорской армией четыре года, но после подписания акта о капитуляции Японии их стали возвращать домой. К концу 1947-го вернулись все. Кроме тех, кто оказался в Сибири.

О том же, что ожидало их у нас, можно судить по судьбе одного из них, военнопленного Сигэо Янагавы.

10 декабря 1948 года в пять часов вечера с ним произошел несчастный случай: его завалило землей. Когда Янагаву откопали, он был без сознания.

В истории болезни № 143 лагерный врач записал диагноз: ушиб грудной клетки. Через день Сигэо Янагаву оперировали. Произвели резекцию ребра, вскрыли флегмону: у Янагавы обнаружили гнойный левосторонний плеврит и миокардит.

Операция не помогла. Пролежав в госпитале месяц, 13 января бывший старший ефрейтор умер.

15 января, как следует из его личного дела, произведено «вскрытие трупа японца Янагава Сигэо, поступившего из 117 лагпункта». Претензий к хирургам не было.

16 января инспектор по учету кадров филиала госпиталя № 1339, заместитель начальника филиала по охране и режиму и начальник службы материального обеспечения составили акт: «Труп Сигэо Янагава захоронен в квадрате № 1, могила № 4. На могиле поставлен опознавательный знак — столбик с дощечкой, надпись на табличке нанесена несмываемой краской».

В инструкции к банке с краской эта маслянистая жидкость действительно именовалась «несмываемой», но мокрый снег и дождь быстро смыли с лица земли последнее упоминание о крестьянском сыне из далекой Японии.

Впрочем, и стандартный столбик, установленный привычными к смерти руками бойца госпитальной похоронной команды, возвышался недолго. Таким образом, родители Сигэо Янагавы навсегда лишились возможности узнать не только когда и при каких обстоятельствах умер их сын, но и найти его могилу.

Таких могил в Сибири и на Дальнем Востоке более 60 тысяч. В 1959 году советские власти передали японскому правительству данные только о 4 тысячах погибших пленных, хотя известна судьба каждого из шестидесяти с лишним тысяч: на всех, без единого исключения, были заведены личные дела, хранившиеся в Главном управлении по делам военнопленных и интернированных министерства внутренних дел.

Сигэо Янагава родился в деревне, не окончил школы, работал, в 1945 году был призван на военную службу. Попал в Квантунскую армию, где служил писарем в отдельном батальоне связи...

Допрашивавший его старший инспектор лагерного управления лейтенант Буров не затруднился со словесным портретом: рост 165 сантиметров, волосы черные, глаза карие, нос приплюснут, лицо широкое, типично японское...

Янагава был одним из многих молодых японцев, которые в августовские дни 1945-го стали военнопленными. Батальонный писарь, он не принадлежал к числу военных преступников, которых победители решили примерно наказать. Почему же и он, и еще шестьдесят тысяч японцев не вернулись домой сразу после капитуляции Японии?

Документы, в которых зафиксирована точка зрения Сталина и его ближайшего окружения на этот счет, неизвестны. Можно предположить, что Сталин считал пленных своего рода заложниками — козырной картой при подготовке мирного договора с Японией. Или в самом деле боялся, что американцы их вновь вооружат и двинут против Советского Союза?

Пленных использовали на тяжелых физических работах — на шахтах, лесоповалах, строительстве, прокладке дорог. Этот труд в

Москве, вероятно, считали формой компенсации за понесенные в войне потери.

В течение первых трех месяцев 1946 года заместитель начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР генерал-лейтенант Петров совершил большую поездку по лагерям Сибири и Дальнего Востока. Какую картину он нарисовал в своем многостраничном отчете?

Военнопленных доставляли практически на голое место. Власти решили, что лагерники сами построят себе жилье, но не дали им ни средств, ни материалов. Военнопленных оставили на зиму в шалашах, палатках и не приспособленных для жилья бараках. Из-за отсутствия железнодорожного и автомобильного транспорта пленных гнали из Маньчжурии и Кореи пешком. После двухтысячекилометрового тяжелейшего перехода ставили на работу в шахты или вели на лесоповал.

Первая зима была самой тяжелой. При отсутствии теплой одежды, при непригодности летнего японского обмундирования и непригодности самих японцев к таким холодам многие заболели и умирали. Госпитали еще только разворачивались, больные попадали к врачам не тогда, когда заболели, а когда освобождалась койка.

Те, кто имел дело с пленными японцами, запомнили прежде всего их работоспособность и дисциплинированность. Если политработники-воспитатели пытались вбить клин между японскими солдатами и офицерами, то хозяйственники, напротив, охотно пользовались привычкой японского солдата подчиняться старшему. Но труд военнопленных не был эффективным. Секретные подсчеты экономистов свидетельствуют: лагеря были нерентабельными. Разоренному войной Советскому Союзу было просто не по карману содержать в плену столько японцев.

Лагеря для пленных не входили в состав ГУЛАГа. Относились к японцам, как и к пленным немцам, итальянцам и другим, значительно лучше, чем к советским заключенным.

В отличие от коллег из ГУЛАГа, сотрудники Главного управления по делам военнопленных специально своих узников не морили. Другое дело, что жизненные стандарты в Советском Союзе были настолько низки, что лагерники погибали от тяжелой работы, холода, недоедания. Да и самого понятия «ценность человеческой жизни» не существовало.

Тем не менее в приказе министра внутренних дел СССР Сергея Круглова о мерах по предупреждению побегов специально говорилось: «Применение оружия по военнопленным при всех обстоятельствах есть крайняя мера, и к ней следует прибегать, когда все остальные меры воздействия оказались безрезультатными. Во всех случаях применения оружия производить специальное расследование правильности и необходимости его применения».

Нормы питания дифференцировались — это была школа ГУЛАГа: действовать на лагерников через желудок. Рядовые,

офицеры, генералы, дистрофики и больные, слушатели антифашистских школ, отказавшиеся от работы и находящиеся под следствием — каждый получал свою норму в зависимости от того, к какой группе военнопленных его относили. В 1948 году таких норм было десять.

По меркам послевоенной голодной жизни в Советском Союзе нормы казались терпимыми (впрочем, в лагерную миску конечно же попадала лишь часть того, что полагалось по норме). Но это слабое утешение для японских солдат, которые несколько лет голодали и мерзли в Сибири.

Полегче было тем, кто шел на контакт с чекистами и офицерами-политработниками. Политработники-воспитатели с помощью переводчиков и пропагандистской литературы на японском языке, издаваемой в Москве, должны были выполнять свою задачу, заключающуюся в том, чтобы «обеспечить неуклонный рост числа военнопленных — активных сторонников демократического преобразования своей страны и укрепления дружественного отношения к СССР».

Появились школы антифашистского актива, самодеятельность. Овладевающих марксизмом поощряли увеличением нормы питания, отправляли на 10—12 дней в так называемые комнаты отдыха, где пленным давали чистое белье, пижамы и прилично кормили.

Показуха пышно расцветала в лагерях. По указанию офицеров-пропагандистов пленные демонстрировали «перековку» и верность идеям марксизма. Составлялись фотоальбомы, где помещались одни и те же фотографии: пленные в столовой, в парикмахерской, на приеме у зубного врача, во время занятий спортом. Фотографии сопровождалась словами о счастливой жизни пленных и клятвами в верности Сталину.

Ожидания пропагандистов не сбылись. Даже те, кто числился в антифашистском активе, скорее умело притворялись, стараясь выжить, чем всерьез принимали то, что им рассказывали о преимуществах социализма.

24 мая 1950-го министр внутренних дел Круглов доложил Сталину, Молотову, Берии, Маленкову, Микояну, Кагановичу, Булганину «об итогах работы с военнопленными и интернированными по их содержанию, трудовому использованию, политической и оперативной работе среди них и о репатриации»:

«Для содержания военнопленных и интернированных было организовано 267 лагерей с 2112 лагерными отделениями, 392 рабочих батальона и 178 специальных госпиталей...»

С 1945-го началось массовое использование труда военнопленных в народном хозяйстве СССР... Значительное количество их было занято на работах в угольной промышленности СССР на добыче угля, строительстве и восстановлении шахт, а также на строительстве новых предприятий тяжелой индустрии — Владимирского

тракторного завода, Челябинского и Закавказского металлургического комбинатов, завода «Амурсталь»...

Военнопленные принимали участие в строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и в работах по реконструкции и восстановлению асфальтобетонных дорог в разных районах СССР. На строительстве ряда гидроэлектростанций, в том числе Севанской, Мингечаурской, Дзауджикаусской, Фархадской, Сочинской, Кураковской и других, военнопленные составляли от 40 до 90 процентов общего количества рабочих, занятых на этих стройках...

В результате агентурно-следственных мероприятий, проводившихся среди военнопленных и интернированных, выявлено 6136 агентов и информаторов противника из числа граждан СССР, из которых 1554 человека были установлены и материалы на них переданы органам Министерства государственной безопасности СССР. Среди военнопленных выявлено и осуждено 983 человека советских граждан — изменников Родины, служивших в гитлеровской армии и при пленении выдававших себя за граждан Германии.

Допросами военнопленных — бывших сотрудников разведывательных органов Германии — выявлено 819 агентов из числа граждан стран народной демократии. Об этой агентуре через Министерство иностранных дел СССР информировались власти заинтересованных стран народной демократии...

Получены также данные о 553 крупных немецких закордонных агентах, в том числе в США 18, Англии 20, Франции 27, Югославии 21, Турции 41, Испании 27, Бельгии 10, в других капиталистических странах 84, в странах народной демократии 186, в русских, армянских и грузинских белоэмигрантских кругах 78, среди религиозных деятелей разных стран 41. Материалы об этой агентуре переданы Комитету информации и Министерству государственной безопасности.

Органами МВД отобрано из числа завербованной среди военнопленных и интернированных агентуры 986 человек, перспективных по своим связям и возможностям в Германии и других странах. Эта агентура передана Комитету информации, Главному разведывательному управлению Генерального штаба Советской Армии, Морскому генеральному штабу и Министерству государственной безопасности...»

22 апреля 1950 года ТАСС передал сообщение о репатриации японских военнопленных. А 5 мая об окончательной репатриации немецких военнопленных.

В состав Главного управления по делам военнопленных и интернированных министерства внутренних дел входило и оперативное управление. Его возглавлял бывший резидент советской военной разведки в Берлине, комиссар госбезопасности третьего ранга (за тем генерал-лейтенант) Амаяк Захарович Кобулов.

В 1945-м и в начале 1946 года оперативный аппарат в лагерях занимался попавшими в плен жандармами, полицейскими, сотрудниками японской разведки. Задача состояла не столько в том, что-

бы наказать их как военных преступников, сколько в том, чтобы выяснить, была ли у японцев агентура на территории Советского Союза.

Быстро удалось установить, что никакими успехами в проникновении в советские тайны японская разведка похвастаться не могла, поэтому оперативники Кобулова через два с половиной года после окончания войны получили новое указание: создавать среди пленных свою агентуру.

Бывших офицеров немецкой и японской армии, которые стали в лагерях осведомителями НКВД, старались завербовать, чтобы они работали на советскую разведку после возвращения на родину. Офицеры, готовые на все, лишь бы выжить и вернуться на родину, соглашались.

В конце 50-х годов резидентуры советской разведки в ФРГ и Японии получили указание встретиться с несколькими десятками из них. Выбрали самых перспективных. Результаты были плачевными. Одни вовсе отказались встречаться. Другие обращались к полиции. Шантажировать их данным в советском лагере обязательством работать на НКВД было уже бессмысленно.

АМНИСТИЯ БЫЛА НЕИЗБЕЖНОЙ

По случаю победы в войне объявили амнистию. Указом от 7 июля 1945 года отпустили 300 тысяч заключенных. С 1947 года в лагерях начались некоторые послабления: разрешили получать продуктовые посылки, за хорошую работу стали освобождать досрочно. Но одновременно под личным руководством Сталина ужесточалось уголовное законодательство, в результате число осужденных росло. Работы для них было много.

ГУЛАГ продолжал расширяться.

Как это происходило? Правительство, например, принимало решение о мерах по оказанию помощи слюдяной промышленности, и тут же создавалось Главное управление по добыче и переработке слюды — Главслюда МВД. Или принималось постановление об увеличении добычи и производства асбеста, и тотчас же организуется Главное управление исправительно-трудовых лагерей асбестовой промышленности — Главасбест МВД.

Постановление правительства о развитии геологоразведочных работ сопровождалось директивой о создании Геологического управления МВД СССР.

В январе 1948 года министр госбезопасности Абакумов и министр внутренних дел Круглов представили Сталину план организации тюрем и лагерей для содержания особо опасных государственных преступников в общей сложности на 100 тысяч человек. Тех, у кого срок заключения заканчивался, решили не освобождать, а отправлять в ссылку в Сибирь и Казахстан.

Министерство государственной безопасности работало с полным напряжением сил: готовились большие процессы, массовые посадки, мест за колючей проволокой могло не хватить...

1 февраля 1948 года появилось постановление Совета министров о строительстве лагерей на 180 тысяч человек. Оказалось недостаточно.

21 февраля Совет министров принял постановление «Об организации лагерей и тюрем для содержания особо опасных категорий преступников». Особо опасными считались шпионы, диверсанты, националисты, белоэмигранты, троцкисты, меньшевики, анархисты, эсеры, а также бывшие военнопленные и гражданские репатрианты.

5 марта 1950 года Круглов написал докладную Сталину с просьбой увеличить емкость лагерей до 250 тысяч человек. Особые лагеря Круглов создавал в Коми АССР, в Воркуте, в районе Норильска, в Мордовии, рядом с Карагандой, в Кемеровской и Павлодарской областях и на Колыме. Особые тюрьмы по приказу Круглова строились во Владимире, в Иркутской области и в Верхнеуральске.

Обычные исправительно-трудовые лагеря предназначались для осужденных по уголовным статьям. Политические сидели в особых лагерях, использовались преимущественно на тяжелых работах. Здесь вместо деревянных заборов была колючая проволока. Заключенные носили номера на спинах. На окнах бараков решетки. Двери бараков на ночь запирались.

В 1954 году особые лагеря МВД были преобразованы в исправительно-трудовые, с одежды заключенных сняли номера, а при обращении к сотрудникам лагерной администрации они могли называть свою фамилию, а не номер, как это описано у Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича».

В 1949 году Круглов получил орден Ленина за участие в создании ядерного оружия. Ему подчинялось Девятое управление МВД, которое занималось атомными делами. Его заместитель Артемий Завенягин был полностью занят атомным проектом.

На XIX съезде партии Круглова избрали членом ЦК.

Министром внутренних дел он оставался до 5 марта 1953 года. В этот день Берия подчинил себе все специальные службы. Круглов вновь стал его первым заместителем — на сей раз одним из трех, вместе с Серовым и Кобуловым.

Во время второго пришествия Берии Круглов себя ничем особенно не проявил. Он был надежным службистом, Берия на него полагался, но в свои главные замыслы не посвящал. Круглову Берия поручил возглавить группу по проверке дел бывших чекистов, арестованных при Игнатьеве. Несколько генералов были освобождены и сразу же назначены на высокие должности в министерстве внутренних дел.

Берия успел избавиться от ГУЛАГа и передать его министерству юстиции. После его ареста решение было пересмотрено, и постановлением Совета министров от 21 января 1954 года система лаге-

рей вернулась в министерство внутренних дел. Круглов получил свой ГУЛАГ назад.

В момент ареста Берии Сергей Никифорович повел себя очень лояльно к новой власти, сразу же доложил о своей верности Хрущеву и Маленкову. Его и сделали министром. Выбирать особо было не из кого.

Первыми заместителями были назначены лично известный Хрущеву Иван Александрович Серов и секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин — человек Маленкова. Шаталин был вроде комиссара, сидел в здании ЦК на Старой площади, но без него ни один вопрос не решался. Возможно, предполагалось, что Шаталин, немного освоившись на Лубянке, быстро из первых замов станет министром. Но планы у Хрущева переменились, и Шаталин фактически так и не приступил к работе в МВД.

С Лубянки убрали тех, кого Берия успел расставить на ключевые должности, и вернули людей Игнатьева, которых Берия разогнал. Они требовали отменить решения Берии о прекращении «дела врачей» и других политических разработок, настаивали на том, что все отпущенные на свободу после 5 марта должны быть арестованы вновь. Аппарат госбезопасности был уверен, что с арестом Берии все вернется на круги своя.

Настроения эти были известны и беспокоили новое руководство страны. Поэтому из министерства внутренних дел уволили 4 тысячи человек — в соответствии с подготовленной отделом административных органов ЦК запиской «О работе по искоренению последствий вражеской деятельности Берии».

Пришли люди со стороны из партийного аппарата и вооруженных сил. Заместителем министра по кадрам и начальником управления кадров назначили заведующих секторами отдела административных органов ЦК КПСС. Круглову приказали сократить штаты и упростить структуру путем слияния управлений.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

Всего полгода Круглов держал в своих руках все спецслужбы, стянутые Берией в один кулак. Интерес к этим органам у нового руководства страны отнюдь не угас.

После расстрела Берии в 1953 году Хрущев подписал постановление ЦК о создании при Втором главном управлении (внешняя разведка) МВД СССР 12-го спецотдела для проведения диверсий на важных военно-стратегических объектах и коммуникациях США, Англии и других враждебных капиталистических стран и актов террора в отношении наиболее активных врагов советской власти.

Среди таких врагов числились руководители Организации украинских националистов, начиная со Степана Бандеры, и эмигрантского Национально-трудового союза. Для их уничтожения готовили

оперативных офицеров. Один из них, капитан Хохлов, будет отправлен в Западную Германию, где во Франкфурте-на-Майне жил один из руководителей НТС Георгий Сергеевич Околович. Командировал Хохлова Круглов, а прогремит эта история уже при Серове, первом председателе КГБ...

Почти сразу же, осенью 1953 года, в Кремле возникла мысль о том, что такой монстр, как МВД, надо раздробить. Да и не тот человек был Круглов, чтобы ему доверили и разведку, и контрразведку, и контроль над армией, и охрану правительства. На таком посту держат только особо доверенное лицо.

Предлагались разные проекты, и в результате 10 февраля 1954 года президиум ЦК принял предложение о создании Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР и о передаче ему всех оперативных подразделений. Председателем КГБ был назначен первый заместитель Круглова генерал-полковник Иван Александрович Серов.

Круглову оставили милицию, пожарную охрану, пограничные и внутренние войска.

«Архипелаг ГУЛАГ» разрушится в 1956 году, когда и само управление назовут поприличнее. Но фактически лагеря неуклонно освобождались с 1953 года.

Проведенная Берией широкая амнистия имела большое социально-экономическое значение, поскольку уменьшала базу рабской системы принудительного труда. После ареста Берии освобождение заключенных продолжалось. Это было неизбежным, считает профессор Владимир Павлович Наумов. И не только по соображениям гуманности и справедливости.

— В начале 50-х годов советское общество находилось накануне социального взрыва. Терпение миллионов людей было на пределе. Смерть обожещаемого вождя ослабила страх перед государством и породила надежды на улучшение жизни. Волнения в лагерях начались еще при жизни Сталина. В марте 1946 года вспыхнули бунты заключенных на Колыме, в Коми и Казахстане. А с марта 1953-го их число резко увеличилось. Восстания подавлялись с применением тяжелой военной техники, танков, артиллерии.

Заключенных было так много, что если бы они поднялись, то смели бы охрану лагеря и устроили бог знает что. А рядом с лагерями жили вчерашние зеки, недавно освобожденные, — либо им не разрешили вернуться домой, либо они встретили женщину, женились. Возникла критическая масса, опасная для власти. Фактически все крупные индустриальные города были окружены лагерями заключенных и бывшими заключенными, без которых промышленность не могла обойтись. Если бы они поднялись, то смели бы любую власть.

— Вы не переоцениваете сейчас такую перспективу? — спросил я профессора Наумова. — Десятки лет держали страну в стальном корсете, и вдруг вы говорите, что они все могли восстать...

— Можно держать страну в страхе десять лет, двадцать, но не всегда. Сталин воспринимался как высшее существо, которое все предвидит, все знает. А когда на этом месте оказались другие лица, магия верховной власти развеялась. На новых руководителей смотрели без пиетета и думали: «Ха, так и я смогу». Исчез страх, сковавший страну.

Бериевская амнистия была попыткой разрядить обстановку, снять напряжение, но попытка оказалась неудачной. Освободили шантрапу, мелких уголовников, которые не знали, куда им деться, поэтому и прокатилась по стране волна грабежей и краж. А те, кто давно ждал свободы, остались в заключении, поэтому и начались восстания, в которых участвовали бывшие военнопленные, то есть люди, умеющие держать в руках оружие. Когда они увидели, что их обошли, это еще больше прибавило желания освободиться любой ценой...

Постановление ЦК и Совмина от 25 октября 1956 года предусматривало либерализацию системы содержания лиц, отправленных в места лишения свободы, меньшие сроки заключения, более приличные условия содержания, ставку на воспитание, разделение заключенных в зависимости от степени общественной опасности.

Но это уже происходило без Круглова. Он перестал быть министром. Хрущев постепенно избавлялся от старых кадров. Люди из бериевского НКВД на министерских постах его только компрометировали.

Он готовился к XX съезду. Ему на стол безостановочно клали документы о сталинских репрессиях. Там мелькало и имя Круглова. И там же значились и другие имена не менее заметных людей, сохранявших высокие посты. Никита Сергеевич, как политик, делал циничный выбор: тех, кто еще был нужен, оставлял, с остальными расставался. Круглов не мог похвастаться личными отношениями с первым секретарем ЦК КПСС.

На место Круглова Хрущев, как поступал в подобных же случаях и Сталин, присмотрел партийного чиновника — заведующего отделом строительства ЦК КПСС Николая Павловича Дудорова.

После десяти лет работы, в январе 1956 года, Круглов, сдав дела, навсегда покинул министерство внутренних дел. Все прошло тихо и незаметно.

Профессор Некрасов:

— Его освобождение от должности проходило, я бы сказал, ступенчато. Не то чтобы сразу отрубили «не соответствует» и уволили; его освободили сравнительно мягко, хотя и придали этому характер чрезвычайный: создали комиссию по передаче дел от одного министра к другому. Не было такого раньше. Никита Сергеевич Хрущев, желая освободиться от этой энкавэдистской косточки, решил устроить образцово-показательный процесс отстранения Круглова от должности.

Аверкий Борисович Аристов, секретарь ЦК, возглавлял эту комиссию. Семь подкомиссий проверяли работу министерства по разным направлениям...

Сняв с поста министра, Круглова назначили заместителем министра строительства электростанций. Но проработал он там недолго. В следующем году его отправили из Москвы заместителем председателя совнархоза в Киров.

Круглов стал болеть, получил в 1958 году инвалидность, уволился, летом оформил пенсию. Ему долго не разрешали вернуться в Москву к семье. Он уже попал под прицел Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, который по поручению Хрущева рассматривал дела бывших руководящих работников НКВД МВД.

В 1959-м его лишили генеральской пенсии и выселили из большой квартиры. Получал он в собесе сначала шестьдесят рублей, потом вообще сорок, нищенствовал. Через год, 6 января 1960 года, его исключили из партии. В записке Комитета партийного контроля говорилось:

«Круглов, будучи долгое время заместителем Берии, проявил себя как лично преданный Берии человек, грубо нарушал социалистическую законность.

Занимаясь в 1944-м выселениями чеченцев и ингушей, он допустил произвол по отношению к выселяемым, применял расстрелы невинных людей, больных стариков и женщин с детьми.

Он обманывал партию и правительство, докладывая о полнейшем порядке с переселением чеченцев и ингушей и о якобы хороших условиях, созданных переселенцам по новому местожительству в республиках Средней Азии. По указанию Маленкова принимал активное участие в создании так называемой «особой тюрьмы» для руководящих партийных и советских работников».

Круглов просил не исключать его из партии, писал в ЦК: «Я принимал участие в создании оборонной промышленности, ядерной промышленности, прошу учесть это при рассмотрении вопроса о моей партийности. Прошу меня направить на строительство Братской ГЭС». Но его судьба была решена. Когда-то и он так же распоряжался жизнями других людей...

Ходили слухи, что Круглов застрелился. На самом деле 6 июня 1977 года бывший министр, в то время больной пенсионер, находясь за городом, попал под поезд и трагически погиб.

Профессор Некрасов:

— И неизвестно еще, сам ли он попал под поезд, или толкнули его. Разные версии были...

Глава 11

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ

20 апреля 1954 года в Западной Германии разгорелся грандиозный скандал. Корреспондентам, собравшимся со всего мира, представили бывшего капитана Комитета государственной безопасности СССР Николая Хохлова, который рассказал, что ему поручили убить Геор-

гия Сергеевича Околовича, руководителя эмигрантского Народно-трудового союза.

Хохлов продемонстрировал корреспондентам специальную технику, которой его снабдили в КГБ для проведения террористического акта.

Хохлов не стал убивать Околовича, а предпочел остаться на Западе. Он сдался западногерманской полиции еще в феврале, когда Комитет государственной безопасности существовал только на бумаге. Боевое задание Хохлову подписал министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов. Но к моменту пресс-конференции перебежчика Хохлова КГБ уже появился, его создание оживленно комментировалось, и все интересовались фигурой нового начальника советской спецслужбы Ивана Александровича Серова. Таким образом, первый председатель КГБ сделался известен всему миру.

Незадолго до августовского путча 1991 года бывший капитан Хохлов как ни в чем не бывало приехал в Москву. Он произвел тогда на меня несколько странное впечатление. Хохлов давно перебрался за океан и был профессором психологии в Калифорнийском университете. Кажется, его больше интересовала парапсихология. Впрочем, и само его появление в Москве было чем-то сверхъестественным. Он даже сходил на Лубянку, где в центре общественных связей КГБ с ним поговорили вполне вежливо. Возможно, потому, что Комитету государственной безопасности существовать оставалось всего несколько месяцев.

А тогда, в 1954-м, все только начиналось.

В одном из романов англичанина Яна Флеминга, создателя Джеймса Бонда, «Из России с любовью», советский генерал госбезопасности размышляет о выдающейся роли Серова в жизни страны:

«Серов, Герой Советского Союза и талантливый ученик создателей ЧК, ОГПУ, НКВД и МВД, во всех отношениях был более крупной фигурой, чем Берия. Это он руководил устранением неугодных советскому руководству миллионов людей в 30-х годах. Он был режиссером большинства московских показательных процессов. Он организовал кровавый геноцид народов Кавказа. Именно он, генерал Серов, был вдохновителем депортации населения Прибалтийских республик и похищения немецких ученых-атомщиков, позволивших России достичь такого стремительного технического прогресса в послевоенные годы.

Генерал армии Серов вместе с Булганиным и Хрущевым правит страной. Возможно, наступит день, когда Серов будет стоять выше всех на сверкающей вершине власти...»

Герой Яна Флеминга был страшно далек от реальной жизни, нарисованный им портрет имел мало общего с оригиналом, да и будущее Серова он предсказал неудачно. Но это не единственный миф, который возник вокруг имени Ивана Александровича Серова.

Как пишет профессор Владимир Некрасов, считается, что отец Серова Александр Павлович до революции был урядником в Кадомской тюрьме для политических заключенных в Вологде, где в 1912-м отбыл срок Сталин. После революции отец Серова бесследно исчез...

Однако будь это так, Иван Александрович вряд ли смог бы сделать столь блистательную карьеру в НКВД.

Согласно Роберту Конквесту, автору знаменитой книги «Большой террор», которая познакомила Запад с историей сталинских преступлений, маршал Тухачевский и другие военачальники «были расстреляны во дворе здания НКВД на улице Дзержинского, дом 11, средь белого дня. Руководил этим бледный и потрясенный маршал Блюхер, а командиром отделения палачей, расстреливавших командармов, называют Ивана Серова, в то время молодого офицера».

Тухачевского, как теперь известно, расстреляли не на Лубянке, а в подвале здания Военной коллегии Верховного суда на Никольской улице. Это произошло 11 июня 1937 года. Серов был тогда еще слушателем Военной академии, а не сотрудником НКВД. Ни ему, ни маршалу Блюхеру, ни кому бы то ни было другому из военных такое деликатное дело бы не поручили.

ТОВАРИЩ СТАРШИЙ МАЙОР

Иван Александрович Серов родился в крестьянской семье в 1905 году в Вологодской губернии. После школы несколько месяцев заведовал избой-читальней в селе Покровское, два года был председателем Замошского сельсовета.

В 1925 году его призвали в армию и осенью отправили учиться в Ленинградскую пехотную школу. Там он вступил в партию. После окончания школы служил командиром огневого взвода. Видимо, служба в артиллерии у него получалась, потому что его командировали на артиллерийские курсы усовершенствования командного состава РККА. После курсов он получил под командование батарею, со временем стал помощником начальника штаба полка, а потом исполнял обязанности начштаба.

С этой должности его в январе 1935 года отправили в Военно-инженерную академию, откуда через год в звании майора перевели в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую он успешно окончил в январе 1939 года.

Серов собирался быть кадровым военным. На фотографиях того времени запечатлен молодой бравый офицер. Военная служба ему нравилась. Но из академии приказом Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной армии его распределили не в войска, а в народный комиссариат внутренних дел.

Известный писатель Эдуард Анатольевич Хруцкий, зять Серова, рассказывал мне, что все произошло в один день:

— Часть выпускников уже разъехалась в места назначения, а Иван Александрович, который получил назначение на Дальний Восток, задержался на один день. И тут всех, кто не уехал, собрали в зале академии, пришел заместитель наркома обороны и

начальник Главпура Лев Захарович Мехлис и сказал: весь выпуск поступает в распоряжение НКВД.

Это был бериевский призыв: НКВД укрепляли свежими людьми, партийными работниками и военными. Серова принял сам новоиспеченный нарком Берия и в одну минуту решил его судьбу. Серов был майором, Берия тут же произвел его в майоры госбезопасности.

Специальные звания, которые присваивались сотрудникам НКВД, были на две ступени выше соответствующих воинских званий. Иначе говоря, Серов из майоров сразу же оказался комбригом, а через два с половиной месяца он получил звание старшего майора, равное генерал-майору (до мая 1940 года комдиву).

И службу в наркомате Серов начинал сразу с высшей руководящей должности. 9 февраля 1939 года он приступил к исполнению обязанностей заместителя начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. А уже через девять дней стал начальником всей советской милиции.

Жена Серова страшно переживала, когда он вместо военной формы, которая ему очень шла, надел милицейскую. Михаил Павлович Шрейдер, который в 30-х годах служил в милиции и был в ежовщину арестован, пишет, что однажды, когда его допрашивали, вошел Серов, назначенный начальником Главного управления милиции НКВД, и попросил его о помощи:

— Вы могли бы помочь мне, новому в органах человеку, если бы разоблачили работников Главного управления милиции, участвующих в вашем контрреволюционном заговоре. Поймите, я чувствую, что окружен врагами, и не знаю их. А вашим чистосердечным признанием вы могли бы помочь мне.

В 1958 году на торжественной встрече в клубе КГБ чекист-ветеран Шрейдер напомнил об этом председателю КГБ Серову. Тот сказал, что не помнит такого случая, и снисходительно добавил: о прошлом надо постараться забыть...

После прихода Берии началась чистка наркомата от людей Ежова, и Серов стремительно продвигался по служебной лестнице. В милиции он проработал всего полгода.

В последних числах июля 1939 года его перевели в Главное управление государственной безопасности заместителем начальника главка и начальником 2-го (секретно-политического) отдела. Это было важнейшее подразделение, занимавшееся борьбой с антисоветскими элементами. До Серова отдел возглавлял один из ближайших к Берии людей Богдан Захарович Кобулов, ушедший на повышение.

НАШИ И ГЕСТАПОВЦЫ ВО ЛЬВОВЕ

2 сентября 1939 года, на следующий день после начала Второй мировой войны, Серов стал наркомом внутренних дел Украинской ССР. И его тут же произвели в комиссары госбезопасности третьего ранга.

До него наркомом был Успенский — тот самый, который, пытаясь избежать неминуемого расстрела, бежал из Киева и несколько месяцев скрывался под чужой фамилией.

Нового наркома долго не могли подобрать, пока не остановились на кандидатуре Серова. До его приезда обязанности главы наркомата исполнял младший брат Богдана Кобулова Амаяк, который потом поедет резидентом разведки в Берлин.

В Киеве жизнь связала Серова с первым секретарем ЦК компартии Украины, первым секретарем Киевского обкома и горкома партии Никитой Сергеевичем Хрущевым.

А весной 1940-го он познакомился еще и с Георгием Константиновичем Жуковым, только что произведенным в генералы армии и назначенным командующим войсками Киевского особого военного округа. Эти два человека сыграют в его жизни ключевую роль, в особенности, конечно, Хрущев.

Через две недели после переезда Серова в Киев советские войска вступили в войну с Польшей. Западную Украину включили в состав Советского Союза, и органы НКВД ускоренными темпами проводили чистку новых областей от антисоветских элементов.

Важнейшей задачей была организация лагерей для польских пленных и аресты бывших польских офицеров, полицейских, политиков, польской интеллигенции и вообще сколько-нибудь заметных людей. Работу, которую чекисты на территории Советского Союза выполняли уже двадцать лет, на новоприсоединенных областях требовалось провести в сжатые сроки.

Помимо польских офицеров, убитых в Катыни, немалое число поляков, арестованных оперативными группами НКВД, расстреляли прямо в тюрьмах западных областей Украины.

Чекисты под руководством Серова арестовали и выслали из западных областей Украины и Белоруссии 380 тысяч человек. В августе 1941 года, когда в результате нападения нацистской Германии политическая ситуация изменилась, почти все поляки — кто выжил! — были амнистированы.

Для непосредственного руководства операциями Серов из Киева перебрался во Львов, культурный и исторический центр Западной Украины.

Валентин Бережков был на Украине, когда Западную Украину присоединили. То, что он увидел, потрясло его:

«Началось раскулачивание, насильственная коллективизация, ликвидация частных предприятий и кустарных мастерских... Наши офицеры и работники различных советских ведомств, нахлынувшие в освобожденные районы, скупали все, что в Москве являлось дефицитом. Мелкие лавочки и кустари разорились. Цены на все, включая и продовольствие, подскочили до небес, а заработная плата у местного населения оставалась прежней. Все это, естественно, вызвало протесты, вспыхнули студенческие демонстрации...

Начались аресты, жестокие расправы с участниками демонстраций, депортации...

Наши органы госбезопасности занимали в освобожденных районах помещения бывшей жандармерии, что многим украинцам и белорусам, ненавидевшим секретную службу панской Польши, представлялось особенно зловещим. Использовать такие здания было, видимо, удобно, ибо там имелись подземные тюрьмы. Однако с политической точки зрения это было конечно же недопустимо, ибо оскорбляло чувства населения».

Серов как нарком внутренних дел Украины, вспоминает Хрушев, «установил тогда контакты с гестапо. Представитель гестапо официально прибыл по взаимной договоренности в Львов со своей агентурой... Предлогом был «обмен людьми» между нами и Германией». Это было время союзнических отношений с нацистской Германией.

В апреле 1940 года Серов получил первый орден Ленина.

Серов прослужил на Украине полтора года. В феврале 1941 года, после разделения НКВД на два наркомата, его отозвали в Москву и 25 февраля назначили первым заместителем наркома госбезопасности СССР, наркомом был Всеволод Николаевич Меркулов. Через полгода НКВД и НКГБ слили, и Серова назначили заместителем наркома внутренних дел.

Серов курировал милицию, пожарную охрану, тюремное управление, штаб истребительных батальонов и управление по делам о военнопленных и интернированных.

Вместе с другими заместителями Берии Иван Александрович занимался крупномасштабными операциями по депортации целых народов. 12 августа 1941 года Сталин приказал ликвидировать Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья и вывезти всех немцев подальше от линии фронта в Сибирь, на Алтай, в Киргизию и Казахстан.

Руководил операцией замнаркома внутренних дел Серов. Справились за два месяца. Для вывоза немцев собрали несколько тысяч сотрудников наркомата внутренних дел, милиции и даже армейские части. В решающие недели осени 1941 года фронт отчаянно нуждался в людях, но Сталин страшно боялся восстания в тылу, того, что недовольные советской властью люди попытаются ее свергнуть.

В дни обороны Москвы Серов командовал войсками НКВД московской зоны, в частности занимался очищением столицы от преступного элемента. В конце 1942 года он получил второй орден Ленина.

В 1944 году вместе со всем наркоматом Серов участвовал в депортации чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар. Руководил этими операциями сам Берия. У каждого из его заместителей был собственный сектор.

За эту работу Сталин всех щедро наградил.

8 марта 1944 года Серов получил орден Суворова I степени. Такие же ордена были вручены Берии, Круглову и Кобулову. Начальнику СМЕРШ Абакумову дали орден Суворова II степени.

В июле Серова наградили орденом Красного Знамени «за проведение операции по очистке территории Крыма от антисоветских и шпионских элементов». Такой же орден получил Богдан Кобулов. Они действовали вдвоем и в ходе операции выселили из Крыма двести с лишним тысяч человек крымских татар, болгар, греков, армян.

Депортации продолжались и после войны — из Прибалтики, Украины и Молдавии. Но уже без участия Серова. Ему досталась более интересная работа.

ПРЕЗИДЕНТ ОТМЕНИЛ УКАЗ

В начале января 1945 года «для обеспечения очистки фронтовых тылов действующей Красной армии от вражеских элементов» был учрежден институт уполномоченных НКВД СССР. Иван Александрович Серов поехал уполномоченным на 1-й Белорусский фронт к Жукову. Можно предположить, что сам маршал и назвал его имя. Они вполне ладили и даже дружили.

Уполномоченным на 2-й Белорусский фронт отправили нарком госбезопасности Белоруссии Лаврентия Фомича Цанаву, при Игнатьеве он станет заместителем министра госбезопасности СССР. 4 апреля 1953 года его арестуют как соучастника убийства Михолэлса. Через два года он умрет в тюрьме.

Уполномоченным при 3-м Белорусском станет начальник СМЕРШ Виктор Абакумов. Он же — заместитель представителя советского правительства при Польском комитете национального освобождения.

Уполномоченным при 1-м Украинском фронте сделали генерал-лейтенанта Павла Яковлевича Мешика, заместителя начальника СМЕРШ. После войны ему поручат заниматься созданием ядерного оружия, в 1953-м Берия назначит его министром внутренних дел Украины, их расстреляют вместе.

Уполномоченным на 1-й Прибалтийский фронте отправили Петра Николаевича Кубаткина, начальника управления госбезопасности Ленинградской области. Его расстреляют в 1950-м по «ленинградскому делу».

Уполномоченным НКВД при 1-м Прибалтийском фронте стал Иван Матвеевич Ткаченко, во время войны начальник управления НКВД по Ставропольскому краю, потом уполномоченный НКВД—НКГБ по Литовской СССР. В 50-х годах служил начальником милиции в Челябинской области. Он еще легко отделался...

Как распределяли между собой обязанности сразу три ведомства — Главное управление военной контрразведки СМЕРШ и наркоматы госбезопасности и внутренних дел?

Историк Никита Васильевич Петров, изучавший документы о Серове, рассказывал:

— СМЕРШ находился в рядах наступающей Красной армии, он противостоял немецким спецслужбам и выявлял крамолу в собственных войсках. НКВД двигался вслед за армией и занимался охраной тыла, в частности выставлял заградительные отряды и одновременно проводил чистку освобожденных от немцев территорий. Затем появлялись органы НКГБ, которые наводили окончательный порядок.

В марте 1945-го Серов был назначен советником НКВД при министерстве общественной безопасности Польши и руководил арестом командиров Армии Крайовой — подпольной боевой организации, которая подчинялась польскому правительству, эмигрировавшему в Англию...

Когда Красная армия вступила на территорию Польши, поляки испытывали смешанные чувства. Они были благодарны за освобождение от немцев, но с учетом опыта 1939 года боялись, что Сталин не даст им возможности жить так, как они хотят. И их опасения оправдались. Поэтому многие подпольные организации в Польше не хотели сдавать оружие, а некоторые даже пытались сопротивляться, прежде всего отряды Армии Крайовой, которая хотела восстановить довоенные границы Польши и вернуть эмигрировавшее правительство в Варшаву.

Сталин же принял решение, что право на существование имеет только Польша, которая станет союзником Советского Союза, поэтому на территории Польши проводились массовые «оперативно-чекистские мероприятия» с целью уничтожить все структуры, связанные с правительством в эмиграции, и боевые отряды, которые сражались против немцев.

Этим занимались подразделения СМЕРШ и части НКВД, которые были переброшены на польскую территорию. Они разоружали отряды польского Сопротивления, поляков арестовывали или вывозили на советскую территорию. Тех, кто не хотел сдавать оружие и сопротивлялся, уничтожали. Причем речь шла о людях, которые с 1939 года мужественно сражались с немцами и воспринимали Красную армию как союзника.

Серов докладывал Берии из Виленского округа: «Вчера, в 20 часов, были собраны в районе деревни командиры бригад и батальонов Армии Крайовой якобы для смотра их командующим фронта. Всего собралось 26 офицеров, из них: 9 командиров бригад, 12 командиров отрядов и 5 штабных офицеров польской армии. На наше предложение сдать оружие офицеры ответили отказом, и лишь когда было объявлено о применении оружия, офицеры разоружились».

Войска НКВД, офицеры СМЕРШ действовали в Польше крайне жестоко. Член военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин 21 ноября 1944 года

вынужден был распорядиться: «Имели место случаи приведения приговоров к высшей мере наказания за незаконное хранение оружия и за враждебную деятельность против ПКНО и Красной армии — публично перед польским населением. Считая такую меру крайним исключением, предлагаю впредь расстрелы публично за подобные преступления проводить только после особого, в каждом отдельном случае, разрешения Военного Совета фронта».

Серов перебирался из города в город, докладывая Берии о чистке в Вильнюсе, Варшаве, Лодзи, Познани... Он предложил изымать радиоприемники, чтобы поляки не могли слушать передачи лондонского радио. Этого не делали даже немцы.

Люди Серова охотились на лидеров подполья. В первую очередь было приказано захватить последнего командующего Армией Крайовой бригадного генерала Леопольда Окулицкого.

Окулицкий после поражения Польши в войне с Германией перешел на подпольное положение и стал организовывать отряды Сопротивления. В январе 1941 года его арестовало львовское НКВД. В августе, когда Германия напала на Советский Союз, его освободили, чтобы он принял участие в формировании польской армии. Он был начальником штаба в армии генерала Андерса, которая была сформирована на территории Советского Союза, но перебросена на Ближний Восток.

В середине 1944 года по решению эмигрантского правительства генерал Окулицкий был перебросен на оккупированные земли. Он стал заместителем командующего Армии Крайовой, участвовал в Варшавском восстании. После поражения восстания возглавил Армию Крайову.

Гестапо его не поймало, а оперативники НКВД легко заманили Окулицкого в ловушку. Ему и другим руководителям подполья сообщили, что с ними желает встретиться для переговоров «представитель командования 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Иванов». Это был псевдоним Серова.

Полякам передали, что «генерал Иванов» имеет особые полномочия от Сталина для ведения переговоров, а после переговоров им предоставят самолет, чтобы они могли вылететь в Лондон и согласовать свои действия с правительством в эмиграции. Причем советское командование гарантировало польским участникам переговоров полную безопасность. Они имели наивность поверить этим обещаниям.

Серов 27 марта 1945 года докладывал Берии: «Нами установлено, что эти лица пришли одни без охраны и оружия, заявив оставшимся, что они едут по деловым вопросам к военному командованию. Одновременно с этим они предупредили о необходимости явки на «совещание», где они тоже будут присутствовать. Таким образом, их исчезновение не вызовет подозрения».

Полякам сказали, что сначала им надо вылететь в Москву, а оттуда они уже отправятся в Лондон. В Москве их поместили во внут-

ренною тюрьму НКВД. И сразу же стали готовить суд над «организаторами диверсий против Красной Армии».

Британское правительство просило Москву объяснить, куда делись все эти люди. Молотов ответил британскому послу: «Советским властям не поручалось вести переговоры с представителями польского правительства в Лондоне... Советские органы, перегруженные срочной работой, не имеют возможности заняться в настоящее время проверкой разного рода сообщений относительно арестов в Польше тех или иных поляков...»

Однако вся эта история стала известна и вызвала бурю возмущения среди поляков, не ожидавших такого вероломства от союзников по совместной борьбе с фашистской Германией.

Ставленник Москвы генеральный секретарь Польской рабочей партии Владислав Гомулка, которого Сталин поставил во главе страны, в апреле 1945 года подписывал в Москве договор о дружбе. Он все-таки задал Сталину вопрос о судьбе арестованных. Гомулка настаивал на том, что НКВД действовал незаконно и арестованные должны быть переданы польским органам безопасности. На что Сталин сказал:

— Они стреляли в наших.

Гомулка попытался возражать:

— Они приказывали стрелять не только в ваших, но в еще большей степени в наших людей.

И Сталин — так, во всяком случае, много позже рассказывал Гомулка — сказал:

— А может быть, вы и правы. Глупец Серов, уберу его.

Серова действительно перевели в Германию, но репрессивная политика на территории Польши продолжалась.

Над арестованными поляками в Москве организовали суд. Всех приговорили к различным срокам тюремного заключения. Большинство потом освободили по просьбе польского правительства — все это были известные в стране люди. Трое, в том числе генерал Окулицкий, по официальным данным, умерли в советской тюрьме.

В 1944—1945 годах в лагерях и тюрьмах НКВД сидело 27 тысяч поляков.

В 1946 году правительство социалистической Польши наградило его орденом Виртути милитари IV степени. В 1995-м президент Польши Лех Валенса отменил этот указ.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

29 мая 1945 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и достигнутые при этом успехи» по представлению Жукова Серов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с Жуковым они вошли в Германию и вместе там остались. Жуков возглавил советскую военную администрацию в Германии. Политическим советником к нему был назначен заместитель министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский.

Серов 2 мая был утвержден заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации, а через месяц он стал называться заместителем Главного начальствующего советской военной администрации в Германии по делам гражданской администрации.

Одновременно Серов оставался заместителем наркома внутренних дел и руководил оперативной работой органов НКВД на территории оккупированной Германии. В июле он из комиссаров госбезопасности второго ранга превратился в генерал-полковника.

Многолетний начальник разведки Восточной Германии генерал-полковник и заместитель министра госбезопасности ГДР Маркус Вольф вспоминает, что Серов всегда был в мундире и в буквальном, и в переносном смысле этого слова. Серов сформировал структуры госбезопасности в Восточной Германии и назначил представителей госбезопасности во всех округах ГДР.

Один из создателей космической техники академик Борис Евсевич Черток, ближайший сотрудник Королева, вспоминает, как в начале октября 1946 года советских ученых, которые приехали в Германию изучать немецкие ракеты «Фау-2», собрал генерал-полковник Серов.

Серов попросил составить списки немецких специалистов, которых есть смысл отправить в Советский Союз, чтобы они там продолжили свои работы. Лишних не брать — только тех, кто нужен.

— Мы разрешаем немцам брать с собой все вещи, — сказал Серов, — даже мебель. С этим у нас небогато. Что касается членов семьи, то это по желанию. Если жена и дети желают остаться — пожалуйста. Если глава семьи требует, чтобы они ехали, — заберем. От вас не требуется никаких действий, кроме прощального банкета. Напоите их как следует — легче перенесут такую травму. Об этом решении ничего никому не сообщать, чтобы не началась утечка мозгов.

Вечером 22 октября в ресторане был устроен банкет якобы по случаю успешных испытаний первых ракет. Немцы действительно веселились, русские, лишенные возможности выпить под такую прекрасную закуску, были мрачными.

В четыре часа утра сотни военных машин разъехались по городу. Сотрудники Серова практически одновременно постучались в двери всех немецких специалистов, которых решено было взять в Советский Союз. Переводчица будила хозяев, объясняя, что у нее срочный приказ Верховного Главнокомандования Красной армии. Дисциплинированные немцы беспрекословно начинали собираться. Никто и не пробовал сопротивляться. Люди Серова вели себя корректно, охотно шли навстречу любым просьбам — захватить еще что-то из

вещей или захватить с кем-то попрощаться. Немцев погрузили в эшелоны, снабдили обильными пайками и отправили в Советский Союз.

Но настроения в Москве вскоре изменились, и немцев фактически не подпустили к серьезным разработкам. Один из руководителей советского ракетного проекта откровенно сказал Чертоку:

— Борис Евсеевич, неужели вы еще не поняли, что немцы ни в коем случае не будут нашими режимными органами допущены к настоящей совместной работе? Они находятся под контролем органов НКВД, которым в каждом из них чудится фашист, перешедший на службу к американской разведке. А кроме того, что бы они ни сотворили, это будет не созвучно нашей теперешней тенденции в идеологии — все созданное в науке и технике сделано без всякой иностранщины...

В 1950-м немцев вернули на родину.

Генерал Серов по приказу Берии был утвержден членом Специального комитета по реактивной технике при Совете министров (Спецкомитет № 2; его возглавил член политбюро Георгий Маленков), то есть занимался ракетными делами.

Первая задача состояла в том, чтобы воспроизвести немецкие ракеты «Фау-2» и «Вассерфаль» (зенитные управляемые ракеты). Это долго не получалось.

В сентябре 1947 года Сергей Павлович Королев и его сотрудники приехали на еще строящийся ракетный полигон Капустин Яр, это старинный городок в низовьях Волги.

18 октября в 10 часов 47 минут утра там была запущена первая баллистическая ракета.

Председателем государственной комиссии по пускам немецких ракет «А-4», они вошли в историю под названием «Фау-2» (это сокращение от немецких слов «Vergeltungs Waffe» — оружие возмездия), был назначен маршал артиллерии Николай Яковлев, его заместителем — Дмитрий Устинов, членом комиссии был Серов.

Несколько дней не удавалось запустить двигатель ракеты, установленной на испытательном стенде. Не срабатывали электрические устройства, которые воспламеняют горючее. Электрика была еще несовершенной. Серов, раздраженный задержками, сказал ученым:

— Слушайте, чего вы мучаетесь? Найдем солдата. На длинную палку намотаем паклю, окунем ее в бензин, солдат сунет ее в сопло, и пойдет ваше зажигание!

Ученые вежливо замяли разговор.

Потом все-таки нашли неисправное реле, которое стояло в цепи включения зажигания.

— А кто отвечает за это реле? — спросил Серов.

— Товарищ Гинзбург.

— А покажите мне этого Гинзбурга, — грозно сказал Серов.

Один из заместителей Королева, прикрыв собой стоявшего там же Гинзбурга, невинным голосом сказал, что показать Гинзбурга сейчас никак невозможно.

20 октября запустили еще одну ракету, но она сильно отклонилась от намеченной трассы. Полигонные наблюдатели с горьким юмором сообщили:

— Пошла в сторону Саратова.

Это услышал Серов.

Когда собралась государственная комиссия, Серов сказал:

— Вы представляете, что будет, если ракета дошла до Саратова? Я вам даже рассказывать не стану, но вы сами можете догадаться, что произойдет с вами со всеми.

Он не знал, что до Саратова было значительно дальше, чем могла пролететь ракета...

БОРЬБА С АБАКУМОВЫМ

— На территории Германии столкнулись все три ведомства — СМЕРШ, НКВД и НКГБ, — рассказывает Никита Петров. — И всем стало тесно. Постепенно верх взял начальник СМЕРШ Абакумов. С начальником СМЕРШ, а затем министром госбезопасности Абакумовым у Серова развернулась настоящая война. Абакумов жаловался, что Серов командует структурами военной контрразведки СМЕРШ, хотя не имеет на это права: «Серов со свойственным ему нахальством раздражался потоком самых непристойных ругательств, в которых похабнейшими словами отзывался обо мне».

Эта вражда усилилась после того, как Серов вернулся в Москву, в центральный аппарат министерства внутренних дел.

Первым заместителем, как тогда говорили, по общим вопросам у Круглова стал Василий Степанович Рясной, еще один бывший нарком внутренних дел Украины. В конце февраля 1947 года Рясной и Серов поменялись местами. 25 февраля Иван Александрович стал первым замом. Он будет занимать эту должность семь лет до 13 марта 1954 года, после чего возглавит КГБ. Рясной же был назначен «просто» замом.

Между МГБ и МВД шла борьба не на жизнь, а на смерть. Абакумов забрал у министерства внутренних дел все, что мог, но хотел еще и избавиться от непокорных конкурентов. Абакумов жаловался Берии: «Тов. Серов известен своими провокационными выходками и склоками, которые он иногда допускает, поэтому пора положить конец этому и предупредить его».

Серов не сдавался. Он проявил бойцовский характер.

Абакумов писал на Серова Сталину, сообщал, что заместитель наркома внутренних дел возит из Германии барахло целыми вагонами, что Звезду Героя Советского Союза Жуков дал ему по дружбе. Обычно такие доносы ломали карьеры. Но Сталин ценил Серова, и его не тронули.

Серов не оставался в долгу и писал на Абакумова.

«Осенняя операция министерства государственной безопасности по украинским националистам, — сообщил Сталину заместитель министра внутренних дел Серов, — была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А Абакумов за операцию представил сотни сотрудников к наградам».

В феврале 1948 года Серов обратился к Сталину с личным письмом:

«Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет Абакумов. Несомненно, что Абакумов будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. Федотовым, Кругловым, Мешиком, Рапава, Мильштейном и другими.

Мне Абакумов в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь Мешика застрелит. Ну а теперь на должности Министра имеется полная возможность найти другой способ мести. Мешик это знает и остерегается. Также опасаются и другие честные товарищи.

Сейчас под руководством Абакумова созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь Абакумов на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д. Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует.

Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память Ленина, а проводили отдельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь Абакумов навел такой террор в министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20—25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-нибудь из работников МГБ требуется по делу прийти ко мне, то нужно брать особое разрешение от Абакумова. Об этом мне официально сообщили начальник отдела МГБ Грибов и другие. Везде на руководящие должности назначены работники СМЕРШ, малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнением с работы и расследованиями».

Никита Петров:

— Сталин ценил откровенность. Серов и Абакумов честно выкладывали друг про друга все, что знали плохого. Сталин мог быть только доволен. Благодаря этому соперничеству он узнал, у кого какие слабые места...

В 1951 году Абакумова отстранили от должности и арестовали. Серова Сталин сохранил.

А после ареста Берии в 1953-м Серова спас Хрущев.

Никита Петров:

— Хрущев был ангелом-хранителем Серова, который вполне мог пополнить ряды «бериевской банды». Но когда Хрущеву надо было на кого-то опереться в органах, он выбрал Серова...

Наверное, в первые часы и дни после ареста Лаврентия Павловича Серову было сильно не по себе, как и другим руководителям МВД.

Никита Петров:

— Другой заместитель министра внутренних дел Герой Советского Союза генерал армии Иван Иванович Масленников застрелился, видимо боясь последовать за Берией. Серову, похоже, объяснили, что у него проблем не будет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

В январе 1954 года во исполнение постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» был создан Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

Окончательное решение было принято 8 февраля президиумом ЦК. На этом заседании была рассмотрена записка МВД, в которой отмечалось, что структура министерства громоздка и «не в состоянии обеспечить на должном уровне агентурно-оперативную работу». Поэтому предлагалось выделить оперативно-чекистские управления и отделы из МВД и на их базе создать Комитет по делам государственной безопасности при Совете министров СССР, пишут историки Александр Кокурин и Никита Петров.

Сразу было решено, что оперативные подразделения, которые передадут из МВД в КГБ, будут сокращены на двадцать процентов. Президиум постановил «принять в принципе проект постановления ЦК о выделении из МВД органов государственной безопасности». Детали документа доработала комиссия в составе секретарей ЦК Николая Николаевича Шаталина и Михаила Андреевича Сулова, министра внутренних дел Круглова и его первых заместителей Серова и Константина Федоровича Лунева.

13 марта появился Указ Президиума Верховного Совета об образовании КГБ. Хрущев вывел партаппарат из-под постоянного контроля спецслужб. Он вообще не хотел усиления чекистского ведомства, поэтому оно не стало министерством, а получило второразрядный статус госкомитета. Впрочем, роль и влияние КГБ определялись не его формальным статусом.

Председателем КГБ в тот же день был назначен генерал-полковник Серов. Через год ему присвоили звание генерала армии, 25 августа 1955 года в честь пятидесятилетия наградили еще одним орденом Ленина.

Первым заместителем председателя был назначен Константин Лунев, профессиональный партийный работник. Он учился в Промышленной академии и Текстильном институте и много лет работал в Московском обкоме партии, последняя должность — заведующий административным отделом. На следующий день после ареста Берии его перебросили в МВД.

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, который всю жизнь прослужил в КГБ, вспоминал, что вскоре после создания комитета Хрущев приехал в Центральный клуб имени Дзержинского и выступил с большой речью — она продолжалась больше двух часов — перед руководящим составом органов и войск КГБ.

Никита Сергеевич говорил, что роль контрразведки раздута, что нет необходимости держать такие большие штаты. Он предложил сократить аппарат госбезопасности, превратить комитет в обычное общегосударственное министерство, отказаться от воинских званий, а то в Москве и так полно генералов...

После первого секретаря выступил Серов:

— Вы убедились, насколько товарищ Хрущев глубоко знает нашу работу и насколько четко, предельно ясно дал указание по агентурно-оперативной работе и по всей работе. Вот что значит человек громадного ума и большой практики. Ведь многие из вас также работают по десять—пятнадцать лет, а иной раз скатываются на всякие глупости. Поэтому вы должны четко, ясно продумать, вспомнить все указания, которые были даны товарищем Хрущевым.

Руководству КГБ было предписано «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей».

Начались ликвидация райотделов, сокращения в городских и областных отделах и управлениях. Чекистов частично переводили в милицию, частично увольняли. Воинские звания сохранялись, но отменялись льготы. Это вызвало недовольство аппарата. Начальство пугали разговорами о том, что разочарованные сотрудники органов госбезопасности станут объектом вербовки со стороны иностранных разведок.

После войны в органы в большом количестве брали офицеров-фронтовиков — людей, привыкших выполнять приказы и сражаться с врагом. Понемногу стал расти образовательный уровень работников госбезопасности, большинство которых раньше даже школу не заканчивали.

За два года Серов уволил из КГБ 16 тысяч человек «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников». Две тысячи убрали из центрального аппарата, 40 человек лишили генеральских званий.

«Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата, — говорилось в одном из документов. — На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы».

Расставание со старыми кадрами шло трудно.

Бывший первый секретарь Московского горкома партии Николай Григорьевич Егорычев рассказывал мне:

— У меня в школе была любимая девушка, и я дома у нее бывал. Ее отец в Гражданскую командовал полком у Тухачевского. Его вслед за маршалом посадили и расстреляли. За что? Он сказал: «Я не верю, что Тухачевский — враг народа. Когда Сталин клялся у гроба Ленина, он много сказал хорошего, но ничего не вытолкнул...» Когда я уже в хрущевские времена был вторым секретарем МГК КПСС, она ко мне пришла и говорит:

— Моего отца не хотят реабилитировать.

— Почему?

— Не знаю.

Егорычев запросил через госбезопасность дело и посмотрел. Оказывается, вопрос о реабилитации попал к тому же самому следователю, который вел его дело...

Филипп Денисович Бобков пишет, что в 1954 году на заседании парткома в КГБ они рассматривали персональное дело некоего генерал-лейтенанта Жукова. В 30-х годах он был начальником дорожно-транспортного отдела НКВД на Западной железной дороге. В 1937-м или 1938-м на угольном складе станции Орша была раскрыта «шпионская группа, работавшая на Польшу». По делу арестовали около ста человек (сто шпионов на одном складе угля!), многим из которых были изменены фамилии с добавлением шипящих, что делало их похожими на польские, это придавало достоверность доказательствам шпионажа в пользу Польши. Серов предполагал назначить Жукова зампредом КГБ в одной из республик. Но назначение не состоялось, Жукова исключили из партии и лишили генеральского звания.

Генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, который всю жизнь прослужил в разведке, пишет в своей книге, что Серов, небольшого роста, быстрый в движениях, не мог долго сидеть на одном месте. Любил сам водить иномарки по Москве. Говорили, что внешне и по характеру он похож на Суворова, это Серову очень нравилось.

С назначением Серова в КГБ у оперативного состава исчез страх за свою жизнь. Но разведчики, которых он вызывал к себе, поражались его неосведомленности во внешней политике, небогатому словарному запасу. Иностранных языков он не знал.

«Во время многочисленных совещаний, заседаний и собраний актива, — вспоминает Вадим Кирпиченко, — Серов громил и рабоблачал Берию и его окружение, то есть занимался привычным ему делом — все время надо было кого-то разоблачать, клеймить позо-

ром «врагов народа» и призывать к повышению классовый, революционной и чекистской бдительности. Одновременно выдвигались требования соблюдать законность и партийные нормы в работе.

Когда кампания по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников несколько утихла, Серов начал заниматься и делами разведки, которые находились в запущенном состоянии вследствие волюнтаристских действий Берии. Руководители отделов разведки стали получать какие-то осмысленные указания по работе, началось заново формирование резидентур, поиски сотрудников на роль резидентов...»

По мнению историков, Серов провел большую чистку архивов госбезопасности в первую очередь от наиболее одиозных материалов, компрометирующих партию и правительство. Те, кто осенью 1954 года сидел во внутренней тюрьме КГБ на Лубянке, рассказали потом, что нельзя было открыть окно — такой шел дым. Во дворе жгли секретные бумаги.

Несколько дней машинами вывозили документы из архива Московского горкома партии, которым прежде руководил Хрущев. Занималась этим созданная в секретном порядке группа, состоявшая из сотрудников секретариата Серова, и новое руководство спецдела (архивы) КГБ, переведенные на Лубянку из аппарата ЦК КПСС.

В результате исчезли документы, которые свидетельствовали о причастности Хрущева к репрессиям. Поэтому Никита Сергеевич и решился подготовить и произнести знаменитую антисталинскую речь на XX съезде. Помимо его очевидного желания сбросить груз прошлого и освободить невинных людей, эта речь играла и сугубо прагматическую роль — подрывала позиции его соперников: Маленкова, Молотова, Кагановича, чьи подписи на расстрельных документах сохранились.

Почему секретный доклад был прочитан после формального завершения работы съезда? Считалось, что Хрущев решил в последний момент. Это не так. Доклад долго готовился, этот вопрос много раз обсуждался на президиуме ЦК. Ворошилов удрученно сказал, что после такого доклада никого из них не выберут в ЦК, делегаты проголосуют против. Поэтому доклад и был произнесен уже после выборов руководящих органов партии.

Берия хранил у себя досье на всех руководящих работников. Эти документы Серов перенес из КГБ в ЦК, чтобы никто из чекистов в них не заглянул. Хрущев пишет, что он эти досье не читал. Вероятно. Но их читал Серов. После чего члены президиума ЦК договорились все уничтожить. Это было одиннадцать больших бумажных мешков. Правда, кое-какие документы остались, и по ним можно предположить, что хранилось в остальных досье.

После поездок членов политбюро по стране в госбезопасность поступали доносы. Они были оформлены в виде рапортов о ходе поездок, но содержали такие детали, которые легко могли стать

поводом для освобождения кое-кого из них от работы. Партийные руководители тоже люди: вдали от дома и бдительного ока коллег они, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо все фиксировали и сообщали начальству на Лубянку. Этим занималась большая команда.

ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 ГОДА

Народное восстание в Венгрии началось 23 октября 1956 года. Днем по Будапешту с пением «Марсельезы» и «Интернационала» прошла массовая демонстрация. Демонстранты требовали отстранения от власти сталинистов и возвращения опального премьер-министра Имре Надя. Партийное руководство бросилось в советское посольство за помощью: введите войска!

В Венгрию разбираться прибыли члены президиума ЦК — первый заместитель главы правительства Анастас Иванович Микоян и секретарь ЦК Михаил Андреевич Сулов. И вместе с ними председатель КГБ Иван Александрович Серов.

Демонстранты напали на здание будапештского горкома. Погибло несколько десятков человек. А тут еще премьер-министр Имре Надь потребовал вообще вывести советские войска с территории Венгрии и сообщил, что страна выходит из Варшавского Договора.

Хрущев приказал Жукову подготовить операцию «Вихрь». 1 ноября в Москву на смотрины привезли члена политбюро и секретаря ЦК Яноша Кадара. Были и другие кандидатуры, но Хрущев поговорил с Кадаром и решил, что ему можно доверить Венгрию. Никита Сергеевич не промахнулся.

4 ноября началась операция «Вихрь»: советские танки вошли в Будапешт и другие города и подавили народное восстание. Первым делом арестовали министра обороны Венгрии Пала Малетера и начальника генштаба Иштвана Ковача, которые прибыли на переговоры о выводе советских войск.

Это было повторение операции, проведенной в 1945-м в Польше. Посол СССР в ВНР Юрий Владимирович Андропов сказал, что переговоры будут долгими, и предложил перенести их на советскую военную базу вне Будапешта. Но вести переговоры с венгерскими военными никто не собирался. Серов приказал их арестовать.

Серов дал указание особым отделам дивизий, вступивших в Венгрию, арестовывать всех организаторов мятежа, оказывающих сопротивление Советской армии с оружием в руках, а также тех, кто подстрекал и разжигал ненависть народа к коммунистам и сотрудникам органов госбезопасности.

Кадар пожаловался, что советская госбезопасность задерживает рядовых участников повстанческого движения. На это Серов ответил, что «могут быть арестованы отдельные лица, не принадлежа-

щие к перечисленным категориям. Поэтому все арестованные тщательно фильтруются, те, которые не играли активной роли в мятеже, освобождаются».

Серов доносил в Москву, что «по ряду областей руководящие работники обкомов партии и облисполкомов чинят препятствия в аресте контрреволюционного элемента, принимавшего руководящее участие в выступлениях».

Кадар обратился к советским эмиссарам с просьбой освободить бывшего заместителя премьер-министра Ференца Эрдеи. Эрдеи во главе группы парламентариев пригласили в ставку советского командования и арестовали. Кадар ручался, что академик Эрдеи — не контрреволюционер.

Серов доложил в Москву: «Считаю, что делать уступки в этих вопросах не следует, так как практика показывает, что малейшая уступка реакционерам влечет за собой ряд дополнительных требований и угроз».

Кадар пришел в ужас, когда по стране распространились слухи о том, что арестованных венгров отправляют в Сибирь. Председатель Серов и посол Андропов объяснили Москве: «Небольшой эшелон с арестованными был отправлен на станцию Чоп. При продвижении эшелона заключенные на двух станциях выбросили в окно записки, в которых сообщали, что их отправляют в Сибирь. Эти записки были подобраны венгерскими железнодорожниками. По нашей линии дано указание впредь арестованных отправлять на закрытых автомашинах под усиленным контролем».

Заместитель министра внутренних дел СССР Михаил Николаевич Холодков, который прибыл в Ужгород для приема арестованных, доложил в Москву: Серов сообщил, что арестованных будет 4—5 тысяч человек. Поступило несколько десятков несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет, в том числе 9 девочек. На большинство арестованных не было надлежаще оформленных документов, неясно, за что их арестовали.

Холодков был переведен на службу в МВД всего за несколько месяцев до начала венгерских событий с должности секретаря одного из московских райкомов, до этого он работал на заводе и с чекистскими методами был еще незнаком.

Заместитель министра доложил своему начальству, что произведены явно необоснованные аресты. Серов в ответ сообщил в Москву, что виноват один из командиров дивизий, который отправил учащихся ремесленного училища в Чоп «без согласования с нами». Что касается остальных, то ведь враги никогда не признают свою вину...

Серов докладывал, что восставшими руководили югославы и с ними встречались американские дипломаты, в частности военный атташе. В последующем эти сообщения не подтвердились.

Серов предлагал похитить кардинала Йожефа Миндсенти, который укрылся в американском посольстве. КГБ СССР направил к

нему агента с предложением нелегально вывезти его из страны. Но кардинал на провокацию не поддался.

За участие в венгерских событиях 26 военнослужащих получили звание Героя Советского Союза. Серов был награжден вторым орденом Кутузова I степени.

СЕРОВ СПАСАЕТ ХРУЩЕВА

Венгерские события серьезно напугали советское руководство. Они в определенном смысле погасили волну либерализации, которая пошла после XX съезда. Комитету государственной безопасности было приказано выявлять и арестовывать «клеветников» и «ре-визионистов». Было арестовано несколько сотен человек.

В декабре 1956 года все партийные организации получили письмо ЦК «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». Это был серьезный шаг назад от антисталинских решений XX съезда и идеологическая платформа для действий КГБ.

Великая балерина Майя Плисецкая вспоминает, как КГБ сделал ее невыездной: не выпускали на гастроли, за ней следили. Не помогло и обращение к главе правительства Николаю Александровичу Булганину, поклоннику балета и балерин. Знающие люди посоветовали Плисецкой: надо поговорить с самим Серовым. Из министерства культуры по вертушке Плисецкая позвонила председателю КГБ.

Серов сам взял трубку и неприятно удивился:

— Откуда вы звоните? Кто дал мой номер?

— Звоню из министерства культуры...

— Что вам от меня надо?

— Я хотела с вами поговорить...

— О чем?

— Меня не выпускают за границу.

— А я тут при чем?

— Все говорят, что это вы меня не пускаете.

— Кто все?

— Все...

— А все-таки?

Плисецкая сослалась на жену тогдашнего министра культуры Николая Александровича Михайлова:

— Раиса Тимофеевна Михайлова...

— А ей больше всех надо!.. Все решает Михайлов, я здесь ни при чем...

И председатель КГБ бросил трубку. История фантастическая. Никто — ни до, ни после — не решился обвинить самого председателя КГБ в том, что он делает людей невыездными.

Через полчаса в министерство культуры приехали сотрудники отдела «С» (правительственная связь) КГБ и сняли аппарат, кото-

рым воспользовалась Плисецкая. Секретаршу, позволившую Плисецкой добраться до вертушки, уволили.

Выездной Плисецкая стала уже тогда, когда Серова в КГБ сменил Александр Николаевич Шелепин. Она написала письмо Хрущеву, и оно возымело действие. Ее письмо обсуждалось на президиуме ЦК. Хрущев, как он сам вспоминает, предложил:

— Давайте разрешим ей поехать за границу.

— Она не вернется. Она останется за границей, — слышались возражения.

— Так нельзя относиться к людям, — доказывал Хрущев свою точку зрения. — Мы сослужим хорошую службу нашему государству, если покажем миру, что больше не придерживаемся сталинских взглядов, доверяем людям. Возьмем крайний случай — она останется. Советская власть от этого не перестанет существовать, хотя нашему искусству будет нанесен чувствительный ущерб.

Точка зрения первого секретаря возобладала.

Шелепин пригласил Майю Михайловну:

— Никита Сергеевич вам поверил. У нас тоже оснований не доверять вам нет. Многое из того, что нагородили вокруг вас, — ерундистика. Недоброжелательность коллег. Если хотите, профессиональная зависть. Но и вы много ошибок совершили. Речь и поступки следует контролировать...

В «Независимой газете» опубликована записка председателя КГБ Серова о том, как на события в Венгрии отозвался гениальный физик, будущий лауреат Нобелевской премии Лев Давидович Ландау:

«Ландау родился в семье инженера. Отец его в 1930 году арестовывался НКВД СССР за вредительство, о чем Ландау скрывает. В 1939 году Ландау Л.Д. арестовывался НКВД СССР за участие в антисоветской группе, но был освобожден как видный ученый в области теоретической физики...»

Ландау является весьма крупным ученым в области теоретической физики с мировым именем, способным, по мнению многих специалистов, к новым открытиям в науке. Однако его научная и особенно практическая работа сводится главным образом к выполнению конкретных заданий, которые он выполняет добросовестно.

По своим политическим взглядам на протяжении многих лет он представляет из себя определенно антисоветского настроенного человека, враждебно относящегося ко всей советской действительности и пребывающего, по его заявлению, на положении «ученого раба».

Так, положение советской науки Ландау в 1947 году определил следующим образом:

«У нас наука окончательно проституирована и в большей степени, чем за границей, там все-таки есть какая-то свобода у ученых...»

Науку у нас не понимают и не любят, что, впрочем, и неудивительно, так как ею руководят слесари, плотники, столяры. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуются сверху...»

Феликс Эдмундович Дзержинский

Вячеслав Рудольфович
Менжинский

Генрих Григорьевич
Ягода

Николай Иванович Ежов

Лаврентий Павлович Берия

Всеволод Николаевич
Меркулов

Виктор Семенович Абакумов

Сергей Никифорович Круглов

Семен Денисович Игнатьев

Иван Александрович Серов

Александр Николаевич
Шелупин

Владимир Ефимович
Семичастный

Юрий Владимирович
Андропов

**Виталий Васильевич
Федорчук**

**Виктор Михайлович
Чебриков**

Владимир Александрович
Крючков

Леонид Владимирович
Шебаршин

Вадим Викторович Бакагин

Виктор Павлович Баранников

Николай Михайлович Голушко

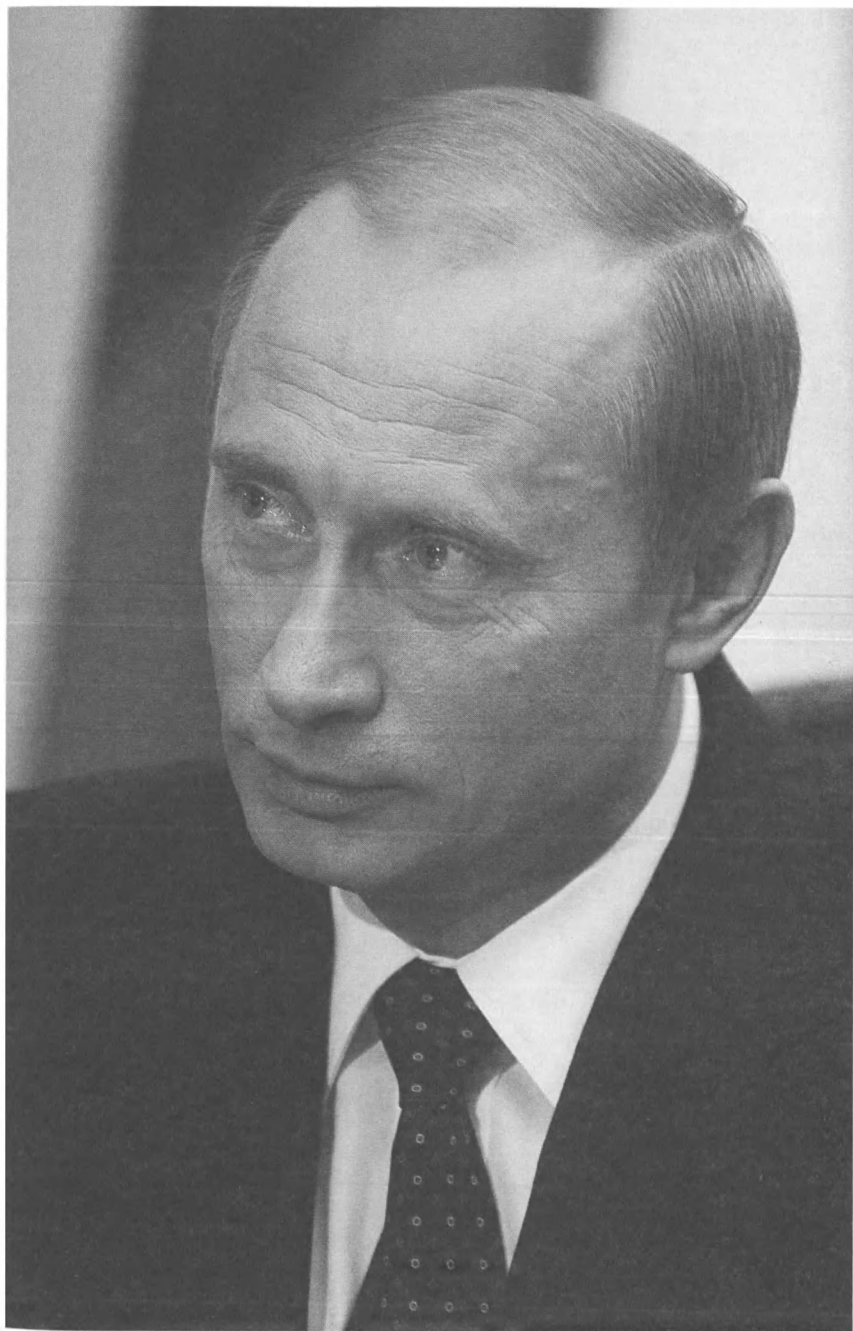
Сергей Вадимович Степашин

Михаил Иванович Барсуков

Николай Дмитриевич
Ковалев

Владимир Владимирович Путин

**Николай Платонович
Патрушев**

**Александр Васильевич
Бортников**

Отождествляя мятежников с венгерским народом и рабочим классом, происходящие события в Венгрии он характеризовал как «венгерскую революцию», как «очень хорошее, отраднейшее событие», где «народ-богатырь» сражается за свободу...

«Наши в крови буквально по пояс. То, что сделали венгры, это считаю величайшим достижением. Они первые разбили, по-настоящему нанесли потрясающий удар по иезуитской идее в наше время...»

«Я считаю, что наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система, и она такой осталась и измениться так просто не может. Поэтому вопрос стоит о двух вещах. Во-первых, о том, в какой мере внутри этой фашистской системы могут быть улучшения... Во-вторых, я считаю, что эта система будет все время расшатываться. Я считаю, что, пока эта система существует, питать надежды на то, что она приведет к чему-то приличному, никогда нельзя было, вообще это даже смешно. Я на это не рассчитываю...»

В марте 1956 года в Грузии в Тбилиси, Гори, Сухуми и Батуми прошли массовые выступления по случаю годовщины смерти Сталина. В основном это была молодежь, которая не соглашалась с критикой великого вождя... Было решено подавить возмущение. Военные разогнали манифестации. Погибло двадцать человек. КГБ задержал почти четыреста человек.

Признаки вольнодумства в Советском Союзе усилили антихрущевские настроения в руководстве страны. Критика Хрущевым Сталина, считали его противники, разрушительна для социализма, и эту критику надо остановить.

В 1957 году в Москве разгорелась борьба за власть между Хрущевым и его молодыми сторонниками, с одной стороны, и старой гвардией — с другой.

Председатель Совета министров Николай Александрович Булганин, первые заместители главы правительства Вячеслав Михайлович Молотов и Лазарь Моисеевич Каганович, заместитель председателя правительства Георгий Максимилианович Маленков считали, что Хрущев забрал себе слишком много власти, не считается с товарищами по президиуму ЦК, подавляет инициативу и самостоятельность, поэтому его надо освободить от должности первого секретаря. Да и вообще пост первого секретаря не нужен, партийное руководство должно быть коллективным.

18 июня 1957 года на заседании президиума ЦК Хрущеву предъявили все эти претензии. Расклад был не в пользу Хрущева. Семью голосами против четырех президиум проголосовал за освобождение Хрущева с поста первого секретаря.

Но Хрущев и не думал подчиниться этому решению. Серов и Жуков сыграли ключевую роль в его спасении.

С помощью председателя КГБ Серова и министра обороны Жукова в Москву самолетами военно-транспортной авиации со всей

страны были доставлены члены ЦК — сторонники Хрущева. Они заставили президиум собрать пленум ЦК, на котором люди Хрущева составляли очевидное большинство. Остальные, увидев, чья берет, тотчас присоединились к победителю.

Молотов, Маленков, Булганин, Каганович думали, что партия автоматически примет их точку зрения, и ошиблись.

И ведь, казалось бы, разумные вещи говорили они в 1957-м: что формируется культ личности Хрущева, что нужна демократия и коллегиальность в партии, что лозунг «Догнать и перегнать Америку по мясу и молоку» просто глупый. Никто не стал их слушать, как они прежде не слушали других, пытавшихся критиковать партийный аппарат и вождей.

Молотов и другие так и не разобрались в характере партийного функционера. Всю жизнь занимались партийной работой, а сути созданной ими же самими партийной системы так и не поняли.

Первые секретари обкомов не хотели никакого либерализма в духовной жизни, но еще больше они боялись возвращения к сталинским временам, когда никто не был гарантирован от ареста. Молотов и другие в их глазах олицетворяли именно такую жизнь. Поэтому июньский пленум поддержал Хрущева. Никита Сергеевич тоже не у всех вызывал симпатии, но он открывал молодому поколению дорогу наверх, освобождая кабинеты от прежних хозяев.

Возможность опереться на КГБ была очень важной для Хрущева. Не зря он держал на этой должности лично преданного ему человека. Булганин и вся старая гвардия возражали против того, что КГБ подчиняется ЦК, то есть Хрущеву, а не Совету министров, то есть им, и что секретные документы КГБ поступают только в ЦК.

На это Хрущев говорил, что Комитет государственной безопасности — это политический орган и должен тяготеть к Центральному комитету партии. Что касается материалов госбезопасности, то Хрущев сообщил на пленуме ЦК: за три года в ЦК было получено от КГБ 2508 документов, в Совете министров 2316 документов. То есть правительство никто не обижает.

Хрущев сказал:

— Я прочел бумаг Серова больше, чем произведений Маркса, Энгельса и Ленина.

Это позволило Серову даже пошутить на одном из партийных активов КГБ: Никита Сергеевич постоянно жалуется, что он ничто лишен возможности изучать марксистскую литературу, так как все его время уходит на чтение разведывательной информации за подписью Серова!..

На пленуме член президиума ЦК, первый заместитель председателя Совета министров Сабуров рассказал, что антипартийная группа хотела сместить Серова с поста председателя КГБ и назначить на это место бывшего первого секретаря ЦК Белоруссии Николая Семеновича Патоличева или самого Булганина.

Кстати, Булганин начинал когда-то в ВЧК. Прослужил четыре года, в том числе в Особом отделе Туркестанского фронта, дослужился до должности заместителя начальника информационного отдела по транспорту ГПУ РСФСР, а в октябре 1922 году ушел из органов госбезопасности в Электротрест Высшего совета народного хозяйства.

— Мы ехали с Булганиным на Внуковский аэродром кого-то встречать, — рассказывал Сабуров на пленуме, — и он мне говорит, что не доверяет Серову, он на нас доносит, наверное. Я ему сказал: ты близок с товарищем Хрущевым, вместе с ним живешь, скажи ему, что надо принимать какие-то меры. И я в этом отношении не доверяю КГБ.

В стенограмме записано, что при этих словах Сабурова в зале зашумели. Раздались голоса:

— Если ничего не делаешь, пусть следят.

И кто-то ответил:

— Значит, что-то сделали, если боитесь доноса. Нечего бояться своих органов.

— Я говорил и Жукову, — продолжал Сабуров, — а он мне ответил: пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется.

Это были крайне опасные для Жукова слова, и Хрущев их запомнил...

Все противники Хрущева были выброшены из политики. Оставили только героя Гражданской войны Ворошилова, который занимал номинальную должность председателя Президиума Верховного Совета СССР и никакой власти не имел. Молотова отправили послом в Монголию, Маленкова — директором гидроэлектростанции в Усть-Каменогорск на Алтае, Кагановича — управляющим трестом «Союзасбест» в город Асбест Свердловской области, Булганина — председателем Ставропольского совнархоза.

Они находились под наблюдением местных органов КГБ.

Генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, бывший начальник одного из управлений НКВД, был арестован после крушения Берию. Его тоже судили как бериевца. Он пишет, что после суда осенью 1958 года его привели в кабинет Серова. Председатель КГБ сказал:

— Вас отправят во Владимирскую тюрьму. Если вы вспомните там о каких-нибудь подозрительных действиях или преступных приказах Молотова и Маленкова, сообщите мне.

ДЕЛО МАРШАЛА ЖУКОВА

Алексей Иванович Аджубей вспоминал, как летом 1957 года, на отдыхе в Крыму, за дружеским застольем министр обороны Жуков вдруг произнес здравицу в честь старого приятеля — председателя КГБ Серова, сказав при этом:

— Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!

Хрущев реагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко сказал:

— Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии.

Смысл этой реплики стал ясен позднее, когда Хрущев расстался сначала с Жуковым, а потом и с Серовым. Жукова, как более сильную фигуру, убрали с поля первым...

Принимать парад победы в Москве 24 июля 1945 года должен был Верховный главнокомандующий. Но возникла техническая трудность. Объехать войска, выстроенные на Красной площади, надо было на коне. Говорят, что Сталин даже пробовал ездить верхом, ему подводили смиренного коня. Но не получилось. Все-таки ему было шестьдесят шесть лет, а в кавалерии он не служил в отличие от маршала Жукова, чья военная карьера начиналась с драгунского эскадрона.

За несколько дней до парада Сталин вызвал Жукова и приказал ему принять парад. Жуков поблагодарил, но дипломатично сказал, что эта честь по праву принадлежит Верховному главнокомандующему. Сталин ответил: «Я уже стар, а вы помоложе».

В Параде Победы участвовали сводные полки всех фронтов от Карельского до 4-го Украинского и сводный полк Военно-морского флота. Не повезло летчикам: из-за нелетной погоды они не смогли пролететь над Красной площадью.

Небо заволочли тучи, моросил дождь. По лицам солдат и офицеров с козырьков фуражек стекали струйки воды. Но на кадрах сохранившейся хроники это совершенно незаметно. Участники парада, как и вся страна, были счастливы.

Под барабанный бой двести солдат бросили к подножию мавзолея двести знамен разгромленной немецкой армии. Это был миг торжества для всех, воевавших и невоевавших. Может быть, только у Верховного главнокомандующего настроение было подпорчено тем, что не он на этом параде оказался главным...

Вокруг маршала Жукова ходит множество слухов. И по сей день многие уверены, что он собирался совершить военный переворот и что армия была готова его поддержать. И только в последний момент его остановил Хрущев.

Но и те, кто не верит в эту версию, не могут понять, почему все послевоенные годы Жукова, который имел все основания почивать на лаврах, словно преследовал злой рок.

До самой его смерти им восхищался почти весь мир. Он навсегда обеспечил себе место в истории. И если можно назвать человека, которого любит народ, то это именно он.

И тем не менее значительную часть жизни маршал прожил в опале, несколько лет ждал ареста. Долгие годы его имя старались упоминать пореже, ему было запрещено появляться в общественных местах, он был изолирован от старых друзей и сослуживцев.

живцев. Что же случилось с Жуковым после Парада Победы в 1945 году?

На следующий день Жуков собрал у себя на даче несколько близких ему генералов. Счастливые военачальники с радостью пили за Георгия Константиновича как за выдающегося полководца, одолевшего фашистскую Германию. Все разговоры на даче Жукова записывались, а записи показали Сталину. Он был крайне раздражен, потому что настоящим победителем считал себя, а вовсе не Жукова.

Не прошло и года после того, как маршал Жуков, увенчанный славой, принимал в Москве Парад Победы, а уже над ним сгустились тучи.

В 1946 году, вернув маршала Жукова из поверженной Германии, Сталин назначил его главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных сил. Жукова избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Но отношение Сталина к Жукову после войны изменилось. Министерство госбезопасности приступило, как это называется на профессиональном языке, к оперативной разработке маршала. Иначе говоря, на него стали собирать показания и конечно же следили за каждым шагом.

Заказ был исполнен очень быстро.

Сталину представили показания арестованных военачальников, из которых следовало, что Жуков зазнался, политически неблагонадежен, враждебен к партии и Сталину. Первый заместитель министра Вооруженных сил Булганин доложил Сталину, что задержаны семь вагонов с мебелью, вывезенной из Германии для Жукова.

1 июня 1946 года на заседании Высшего военного совета Жуков подвергся публичной экзекуции. Его вину сформулировали так: «Маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным главнокомандующим высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства... Маршал Жуков, утратив всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывал себе разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной».

Военный совет предложил освободить Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных сил. 3 июня Совет министров принял это предложение. Жукова отправили командовать войсками второстепенного Одесского военного округа.

На пленуме ЦК в феврале 1947 года Жукова вывели из числа кандидатов в члены ЦК. Когда пленум проголосовал, Жуков встал, несколько помедлил, затем повернулся направо и четким строевым шагом вышел из зала. Обычно вслед за исключением из ЦК следовал арест...

Положение Жукова в Одессе было очень тяжелым. Местные власти и политорганы вели себя с ним самым оскорбительным обра-

зом. После отъезда Жукова на его даче был обыск. Кончилось это тем, что маршал свалился с инфарктом.

20 января 1948 года специальным постановлением ЦК «вынес т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания. Одновременно ЦК ВКП(б) освободил т. Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа для назначения командовать одним из меньших военных округов».

Создается такое ощущение, будто Иосиф Виссарионович ревновал Жукова, завидовал его славе. Но ведь солнце не может завидовать луне? Сталин — такой великий — вдруг завидует простому маршалу?

Профессор Владимир Павлович Наумов:

— Сталин пытался закрыть историю войны. Ему многое хотелось забыть из того, что было. Он потому и пленных загнал в Сибирь, чтобы они не рассказывали, как все было, не напоминали о поражениях, о том, как миллионы людей попадали в окружение.

Сталин запретил генералам и маршалам писать мемуары. И постепенно сделал так, что ветераны войны перестали носить ордена. Сказал: пора гордиться орденами, полученными за восстановление страны.

Жуков командовал округом, а по всей стране одного за другим брали его бывших подчиненных и людей из его окружения. Будущий генерал госбезопасности, а тогда сотрудник военной контрразведки Борис Гераскин 31 декабря 1947 года был включен в оперативную группу для проведения обыска на квартире бывшего водителя маршала Жукова. Самого водителя уже арестовали в гараже военного министерства.

Семья водителя жила в бараке в Хамовниках. Жена готовилась в Новому году, двое детей играли на полу. В буфете нашли пистолет, о котором были предупреждены заранее.

Еще две оперативные группы в тот же день отправились на квартиры двух близких Жукову офицеров.

Арестованных обвиняли в том, что они участвовали в заговоре, во главе которого стоял Жуков.

Профессор Наумов:

— В переписке министерства государственной безопасности Жуков именовался так: «человек, претендующий на особое положение». Это был первый шаг к аресту.

Жукова пытались обвинить в тривиальном уголовном преступлении — мародерстве.

Министр госбезопасности Абакумов доложил Сталину, что арестованные сотрудники госбезопасности, работавшие в советской военной администрации в Германии, на допросах рассказывают, как вывозили оттуда ценности на советских военных самолетах. В их показаниях значился и Жуков, которому передавались самые ценные вещи.

Бывший адъютант маршала дал показания о том, что Жуков вывез из Германии много трофейных ценностей. В январе 1948 года на квартире Жукова в Москве был проведен негласный обыск. Цель обыска, докладывал министр госбезопасности Виктор Абакумов Сталину, состояла в том, чтобы «разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями...».

«В процессе обыска чемодан обнаружен не был, — доложил Абакумов, — а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате. Дача Жукова представляет собой по существу антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что четыре картины висят даже на кухне...»

Сталин поручил секретарю ЦК Андрею Александровичу Жданову вызвать к себе Жукова и получить от него объяснения.

Жуков все серьезные обвинения отрицал, но признавался в ошибках: «Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи, которой я пользовался. Я считал, что все это поступает в фонд Министерства госбезопасности, т. к. дача и квартира находятся в ведении МГБ».

Иначе говоря, своего у маршала ничего не было, все, чем он пользовался, оказалось казенным.

Имущество у него отобрали. Сохранился «Акт о передаче Управлению делами Совета Министров Союза ССР изъятых Министерством государственной безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г.К. Жукова незаконно приобретенного и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов».

Неужели маршал был таким любителем красивых вещей?

Профессор Наумов решительно отменил это предположение:

— Нет, нет! Это потом выяснилось. Обвинения были сняты.

Дело, заведенное в МГБ на Жукова, пухло, а он по-прежнему оставался на свободе, его отправили командовать Уральским военным округом. Зато продолжали брать людей из его окружения.

Одним из них был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Владимир Крюков, бывший командир кавалерийского корпуса. Он был очень близок к маршалу Жукову, поэтому его посадили — в сентябре 1948-го. Вслед за ним арестовали его жену Лидию Андреевну Русланову, замечательную исполнительницу русских народных песен.

Генерала Крюкова арестовали для того, чтобы он дал показания о враждебной деятельности Жукова. Его привезли в министерство государственной безопасности.

Следователь сразу предупредил:

— Ты уже не генерал, а арестант, станешь запираяться, будем бить тебя как сидорову козу.

Крюков возразил:

— Я еще подследственный, и из генералов меня не разжаловали. Следователь подвел его к окну и сказал:

— Вот видишь там народ? Вот они подследственные. А ты уже осужден. От нас на свободу возврата нет. От нас дорога только в лагерь.

Крюкова доставили к самому министру госбезопасности Абакумову. Министр объяснил:

— Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь.

Обвиняли Крюкова в том, что он участвовал в заговоре, во главе которого стоял маршал Жуков, и в том, что он вывез из Германии много трофейного имущества. Крюкова избивали до потери сознания, требуя, чтобы он дал показания о предательстве Жукова. Крюкова приговорили к 25 годам. Вслед за ним отправили в лагерь и его жену Лидию Андреевну Русланову.

Будущий генерал госбезопасности Борис Гераскин участвовал в начале февраля 1948 года в обыске квартиры Руслановой в Лаврушинском переулке. Гераскин и по сей день возмущается тем количеством картин, антиквариата, украшений, вещей, которые он увидел. Когда чекисты после трехчасового обыска уходили, старший оперативной группы опечатал квартиру и снял с двери медную табличку с надписью «Л.А. Русланова».

Русланову осудили не только по 58-й политической статье, но и по указу от 7 августа 1932 года («хищение государственной собственности»).

После смерти Сталина Крюкову удалось переправить письмо Жукову. Жуков передал письмо Хрущеву, и тот на следующий же день предложил президиуму ЦК пересмотреть дело Крюкова и Руслановой. Их освободили...

В общей сложности по делу Жукова сидело около сотни генералов — без суда. Новый министр госбезопасности Игнатьев, принимая дела, спросил Сталина: что с ними делать? Некоторые сидят по двенадцать лет, может быть, пропустить их через Особое совещание и отправить в лагерь?

Сталин ответил министру через Берию. Игнатьев добросовестно записал: «Товарищ Сталин, как передал товарищ Берия, сказал: пусть еще посидят».

Эти генералы были арестованы только на основании материалов прослушивания их разговоров. Поэтому их дела не хотят раскрывать и по сей день. Аресты среди окружения Жукова шли почти до самой смерти Сталина. И маршал понимал, на какой тонкой веревочке он подвешен.

Сталин очень ловко представил Жукову дело так, что Берия и Абакумов собираются его посадить, а он за маршала заступился.

Константин Симонов в книге «Глазами человека моего поколения» приводит слова Жукова:

«Был арестован целый ряд офицеров, встал вопрос о моем аресте. Берия и Абакумов дошли до такой наглости и подлости, что по-

пытались изобразить меня человеком, который во главе этих арестованных офицеров готовил военный заговор против Сталина. Но, как мне потом говорили присутствовавшие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берии о моем аресте, сказал:

— Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя.

Так мне передали этот разговор, после которого попытка Берии покончить со мной провалилась».

Неясно, действительно ли Георгий Константинович поверил вождю, но в высшем эшелоне министерство государственной безопасности по своей воле никого не сажало — только с санкции товарища Сталина. И если бы все дело было в Абакумове, то почему после его ареста Сталин не отменил приказ о слежке за Жуковым? Но уничтожать маршала Сталин не хотел — а вдруг новая война... Маршал мог еще понадобиться, поэтому на XIX съезде в 1952 году его опять избрали кандидатом в члены ЦК.

Абакумов передал Сталину запись разговора Жукова с женой. Маршал считал, что на него капает министр Вооруженных сил Булганин:

— Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь скажет, и он верит. Вот ему про меня сказали, и я в немилости. Ну, х... с ними, пусть теперь другие повоюют.

За несколько дней до смерти Сталин неожиданно вызвал Жукова в Москву. Зачем — маршалу не сказали. Может быть, Сталин хотел дать Жукову какой-нибудь особый приказ? Теперь это выяснить уже невозможно.

В Москве Жуков оказался вовремя. После смерти вождя все претензии к нему были забыты. Министерство госбезопасности, которое завело на него дело, было ликвидировано. Бывший министр госбезопасности Абакумов уже сидел. Другого бывшего министра, Игнатьева, освободили от должности, и он тоже ждал ареста. В одну минуту жизнь маршала преобразилась. Все собранные на него госбезопасностью материалы были уничтожены.

Жукова назначили первым заместителем министра обороны, а через два года министром. Новая власть нуждалась в его авторитете. А Жукова, несмотря на то что замалчивали его имя, народ продолжал любить.

Жуков модернизировал армию. Он создавал мобильные части, внедрял новую технику, наращивал воздушно-десантные войска. Потом его выставили самодуром, а он завоевал уважение офицерского корпуса тем, что поднял зарплаты, навел порядок. При этом он радикально сократил вооруженные силы почти на полтора миллиона человек.

Армия была очень большой, Сталин ведь опять воевать собирался. Но при Жукове армию уменьшали медленно, поэтому в памяти

людей это не сохранилось, а хрущевское сокращение было резким, и ему это поминают и по сей день. Впрочем, и жуковские увольнения были трагедией для многих военных. Участники войны, храбрые командиры, награжденные множеством орденов, но не имеющие высшего образования, должны были покидать армию и уступать места молодым офицерам, окончившим академию.

Жуков первым поставил вопрос о том, что пора изменить отношение к военнопленным. До него Серов предложил амнистировать тех, кто сотрудничал с немцами. Его предложение было принято. Осенью 1955-го был принят указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Под амнистию не попали только бывшие красноармейцы, очутившиеся в немецком плену и потом осужденные за это советской властью. Для решения их судьбы в апреле 1956 года образовали комиссию во главе с Жуковым. Маршал в докладной записке в ЦК рассудил по справедливости:

«В силу тяжелой обстановки, сложившейся в первый период войны, значительное количество советских военнослужащих, находясь в окружении и исчерпав все имевшиеся возможности к сопротивлению, оказалось в плену у противника. Многие военнослужащие попали в плен ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев...

Как во время войны, так и в послевоенный период в отношении военнопленных и лиц, вышедших из окружения и фактически не находившихся в плену, были допущены грубейшие нарушения советской законности, массовый произвол и различные незаконные ограничения их прав...

С 1941 года военнослужащие... направлялись через сборно-пересыльные пункты под конвоем войск НКВД в тыловые лагеря НКВД для спецпроверки, проводившейся органами НКВД. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях были приказами НКВД установлены примерно такие же, как для лиц, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях.

В результате применения при спецпроверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену...»

Жуков предложил отказаться от политики недоверия к попавшим в плен, изъять из анкет пункт о пребывании в плену или на оккупированных территориях, восстановить всем звания, время пребывания в плену включить в стаж воинской службы. А тех, кто совершил побег из плена, был ранен, наградить.

Жукова сняли, и ничего из этого не было сделано. Вопросы в анкетах: были ли в плену или на оккупированных территориях? — отменили только в 1992 году...

Летом 1957 года Жуков спас Хрущева, когда Молотов, Маленков и Каганович попытались снять его с поста первого секретаря. Твердый голос Жукова и мощь стоявшей за ним армии были лучшей поддержкой Хрущеву.

Жукова сразу же избирают членом президиума ЦК, Хрущев подчеркнuto демонстрирует свою дружбу с прославленным маршалом, никуда его от себя не отпускает, даже отдыхают они вместе. Жукову в голову не приходит, что против него организован настоящий заговор. Что он и пяти месяцев не пробудет членом президиума ЦК.

Хрущев в воспоминаниях пишет:

«Члены президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда».

4 октября 1957 года Жуков вылетел в Севастополь, а оттуда на крейсере «Куйбышев» отправился с официальным визитом в Югославию и Албанию.

А Хрущев выехал в Киевский военный округ на учения. Он разговаривал с генералами, прощупывал настроения в войсках. Потом Хрущев на пленуме скажет:

— Вы думаете, я там охотился на оленей? У меня там была политическая охота на крупную дичь...

Хрущев обвинит Жукова в лицемерии и вероломстве, хотя все было наоборот.

Профессор Наумов:

— Жуков проявил поразительную наивность. Маршал, уезжая, думал, что он в Москве друга оставил. А Хрущев за его спиной беседует с командующими округами, объясняет им ситуацию. И они все правильно поняли.

Пока Жуков находится за границей, президиум ЦК принимает постановление «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». По всей стране проходят партийные собрания, где резко критикуется министр обороны. Жуков об этом не подозревает, хотя ему доложили, что связь с Москвой внезапно прервалась. Опытный человек, мог бы сообразить, что это означает...

Рассказы о том, что начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Сергей Матвеевич Штеменко обо всем сообщил министру по своим каналам, за что и пострадал, — это миф. Когда Жуков вернулся в Москву, он не знал, что его ждет. Штеменко уже был бит и учен. И рисковать своей карьерой он бы не стал даже ради маршала Жукова.

В первый раз Штеменко наказали после ареста Берии — сняли с должности и понизили в воинском звании на две ступени с генерала армии до генерал-лейтенанта. Булганин обвинил его в том, что Штеменко через Берию передавал Сталину «разные сплетни на некоторых руководящих военных лиц».

После свержения Жукова Штеменко опять сняли с должности, но вскоре вернули в Москву и назначили с повышением, значит, Хрущев большой вины за ним не видел...

В аэропорту в Москве Жукова встречали его первый заместитель маршал Иван Степанович Конев и родные.

Дочери написали ему записку о том, что по всей стране идут партийные собрания и его осуждают. В аэропорту Конев сказал Георгию Константиновичу:

— Вас просили сразу ехать на заседание президиума в Кремль, вас ждут.

Но дочери упростили разрешить Жукову заехать домой, попить чаю. Конев вынужден был согласиться. Родные успели что-то рассказать маршалу.

В Кремле на Жукова сразу обрушился поток обвинений.

Профессор Наумов:

— Он какие-то ошибки признал, другие отверг. И говорит: «Мне надо посмотреть на документы, чтобы вам ответить». А ему заявляют, что он уже освобожден от обязанностей министра и в министерство обороны его больше не пустят...

После президиума сразу же собрали пленум ЦК, где на Жукова навалилась уже вся партийная верхушка. Жукова буквально топтали ногами.

Профессор Наумов:

— Они друг друга чуть ли не нецензурной бранью крыли, как на базаре. Хрущев кричал: «Если Жуков головой роль партии не понимает, мы ему через зад объясним!»

Жуков даже не понял, что он противопоставил себя всей партийной власти. Уж очень он был уверен в себе. А они давно сговорились убрать его с политической арены. Жуков проявил благодушие, которое не должен был проявлять. Он недоуменно говорил:

— Три недели назад, когда я уезжал, вы все со мной так душевно прощались, а теперь... Что же произошло за три недели?

Жукова обвинили в том, что он пытается вывести армию из-под контроля ЦК, сократил политорганы, что он все решал сам, что он груб, жесток и вообще готовил военный переворот. Насколько реальны эти обвинения?

Когда шло сокращение армии, Жуков старался сохранить побольше строевых командиров, увольняя тыловиков и политработников. В реформируемой армии нелюбовь к прохлаждающимся политработникам была очевидной. Строевые офицеры целый день в поле на учениях, а политработники в клубе газеты читают, к лекции готовятся... Жуков считал их просто бездельниками.

На пленуме Суслов цитировал слова Жукова:

— Политработники привыкли за сорок лет болтать, потеряли всякий нюх, как старые коты... Им, политработникам, только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы — они перерезали бы командиров.

У начальника Главного политуправления генерал-полковника Александра Сергеевича Желтова отношения с Жуковым сразу не сложились. Желтов считал, что Жуков недооценивает значение политорганов, слишком амбициозен и не сделал для себя выводов из прошлого. Желтов старался не ходить к министру на доклады, посылал заместителя. И постоянно жаловался на Жукова в ЦК.

Это отношение к политработникам сыграло свою роль при обсуждении на пленуме вопроса о Жукове. Ведь в зале сидели такие же политработники, только в штатском.

Жукову особо поставили в вину то, что в армии тайно формируются специальные диверсионно-штурмовые части и школа диверсантов. Школу предполагалось со временем развернуть в дивизию особого назначения. А зачем Жукову такая дивизия? Чтобы Кремль штурмовать?

Профессор Наумов:

— Во всех округах по стране было семнадцать разведывательных рот. Жуков свел их воедино и стал учить. Вот и все. Жуков на пленуме напомнил Хрущеву: «Я же тебе два раза об этом говорил, обещал потом прислать подробную докладную. И ты согласился...»

Создать армейское училище для подготовки диверсантов незаметно для КГБ и для местной партийной власти было невозможно. Особые отделы, подчиненные ведомству госбезопасности, знали все, что происходило в армии...

Некоторые историки ссылаются на показания генерал-полковника Хаджиомара Мамсурова, известного разведчика, Героя Советского Союза, назначенного начальником этой диверсионной школы, в подтверждение версии о коварных замыслах маршала Жукова. Но в реальности генерал Мамсуров ничего о заговорщических планах Жукова не говорил по причине их отсутствия.

Генерал всего лишь обратился в отдел административных органов ЦК КПСС с резонным вопросом, почему так долго его не утверждают в должности. А не утвердили его, потому что Жуков еще не написал соответствующей записки, а только обговорил с Хрущевым все на словах.

Принимавший генерала Мамсурова сотрудник ЦК ничего о школе диверсантов не знал, обратился с вопросом к своему начальнику, тот переадресовал вопрос дальше, а тут как раз Жукова стали снимать и сказали, что вот все молчали, один генерал Мамсуров проявил бдительность. Генерал был достаточно опытен, чтобы не опровергать эту версию...

Этим эпизодом просто воспользовались для того, чтобы подкрепить приписываемую Жукову идею военного путча: дескать, Жуков

уже готовил и части специального назначения для того, чтобы совершить военный переворот.

А может быть, все-таки Жуков хотел стать первым человеком в стране?

Профессор Наумов:

— Хрущев понимал, что Жукова могут выдвинуть. Он пользовался в стране авторитетом. Но нет фактов, свидетельствующих о том, что Жуков готовил путч!..

Дочери Жукова рассказывали, что маршалу действительно звонили какие-то люди, уговаривали взять в стране власть и навести порядок. А все его разговоры КГБ подслушивал. Так что эти звонки были либо сознательной провокацией, либо желанием выяснить: а как он отреагирует на такие слова?

Хрущев конечно же рассматривал Жукова как вероятного политического соперника. Жесткий характер маршала, его полнейшая самоуверенность пугали Никиту Сергеевича. Но неверно представлять себе происшедшее личным столкновением Хрущева и Жукова. Главным было другое. Жуков напугал членов ЦК еще на предыдущем пленуме, когда заговорил о репрессиях и о том, что в них виновны все лидеры партии.

Когда Жуков выступал против Молотова, Маленкова, Кагановича, он напомнил об их ответственности за репрессии:

— Мы верили этим людям, говорил Жуков, носили их портреты, а с их рук капает кровь. Если бы люди знали правду, они бы их камнями закидали.

То есть Жуков прямо сказал, что все члены высшего партийного руководства, включая Хрущева, виновны. Каганович возразил Жукову: это политическое дело. А раз политическое, значит, они неподсудны. Жуков резко ответил: нет, это уголовное преступление!

Из его слов следовало, что члены партийного руководства могут быть привлечены не только к политической, но и к уголовной ответственности. Эту угрозу они запомнили. Он и не понял, что противопоставил себя всему партийному аппарату.

Профессор Наумов:

— Жуков не был диссидентом. Он был военным и думал об укреплении армии, а политработники ему мешали. Двоевластие вредит армии. Партийные секретари удивлялись Жукову. Они ему говорили: неужели ты не понимаешь, что армия — это инструмент партии и важнее всего удержать власть? А Жуков считал, что задача армии — защищать государство от внешнего врага.

Всякий раз, когда руководству страны нужно было выбирать, что важнее: лояльность военачальника партии или интересы безопасности страны, выбор делался в пользу первого: верность партийной линии важнее обороноспособности государства.

Маршал Жуков был смещен со всех постов и уволен в отставку. Пленум ЦК принял постановление: «Жуков нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, прово-

дил линию на свертывание работы партийных организаций, полит-органов и военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и военно-морским флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства».

Между прочим, тогда увольнение Жукова многими в стране, кто не знал, что же произошло в реальности, воспринималось как восстановление ленинских принципов, как отказ от администрирования и диктаторства, от подавления критики...

После пленума в Кремле прошло собрание партийного актива Московского гарнизона и центрального аппарата министерства обороны, участвовал Хрущев. Доклад делал Жуков. Резче других Жукова осуждал Малиновский. Он говорил, что предупреждал ЦК о властолюбии и непредсказуемости Жукова. В фойе организовали выставку — привезли картины, на которых был изображен Жуков. На самой большой из них Жуков был в парадном маршальском мундире, на вздыбленном коне, с обнаженным клинком, а внизу пылал Берлин. Эта картина должно было символизировать властолюбие свергнутого маршала...

«Правда» опубликовала статью первого заместителя министра обороны маршала Конева, который подверг своего недавнего начальника резкой критике, заявив при этом, что Жукову приписывают заслуги, которых он не имел.

Конев рассчитывал стать министром, однако новым министром обороны назначили маршала Родиона Яковлевича Малиновского, который со времен войны многим был обязан Хрущеву. Правда, Малиновский через семь лет первым предаст Хрущева.

На приеме 7 ноября 1964 года, когда Хрущева уже отправили на пенсию, Малиновский, выпив лишнего, сказал главе китайской делегации Чжоу Эньлаю:

— Давайте выпьем за советско-китайскую дружбу. Мы своего дурачка Никиту выгнали, вы сделайте то же самое с Мао Цзэдуном, и дела у нас пойдут наилучшим образом.

Возмущенный Чжоу ушел с приема. «Дурачком» маршал Малиновский назвал человека, который в прямом смысле его спас.

В конце 1942 года Сталин направил Хрущева членом военного совета к Малиновскому, насчет которого у вождя возникли сомнения. Исчез адъютант Малиновского, и считалось, что он убежал к немцам. И застрелился член военного совета. Над Малиновским нависли тучи. Хрущев его спас, благопрятно отозвавшись о нем Сталину. Никита Сергеевич был уверен, что уж Малиновский будет ему предан до гроба...

Жукову обещали дать какую-нибудь работу, однако даже не включили в группу генеральных инспекторов министерства обороны, куда он, как маршал, автоматически попадал...

Но вот поразительный факт. Через несколько лет, незадолго до того, как его свергли, Хрущев, понимая, что теряет опору, вдруг вспомнил об опальном маршале.

Летом 1964 года он вдруг сам позвонил Жукову. Фактически он извинился перед маршалом за то, что в 1957-м отправил его в отставку. Хрущев говорил:

— Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя в голове, но ко мне приходили и говорили: «Жуков — опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии...»

Жуков с обидой заметил:

— Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?

— Сейчас я крепко занят, — сказал ему Хрущев. — Вернусь с отдыха — встретимся и по-дружески поговорим.

И его помощник записал: после отпуска в Пицунде запланировать встречу Никиты Сергеевича с Георгием Константиновичем. Речь шла о восстановлении отношений и о новой работе. Хрущев таким образом упрочил бы свой авторитет в армии. Но из отпуска Никита Сергеевич вернулся пенсионером.

Можно точно сказать: если бы Жуков оставался министром обороны, армия в свержении Хрущева участия бы не приняла.

Почему Жукова не восстановили после падения Хрущева? Потому что руководство армии и политорганов было настроено против него. Жуков возражал против отхода от антисталинского курса, считал, что нельзя не говорить о причинах катастрофы 1941 года, а Главпул и ЦК категорически возражали против этого. Генералы брали курс на восстановление культа личности Сталина. Жуков им мешал. Поэтому маршалы жаловались в ЦК, что он по-прежнему выступает против партии.

Сохранилась непроизнесенная речь маршала Жукова о Сталине. Он подготовил ее к пленуму ЦК, который в 1956 году на волне XX съезда должен был осудить культ личности Сталина.

Речь Жукова — это обвинительный акт Сталину. Он считал, что неподготовленность к войне «явилась одной из решающих причин тех крупных военных поражений и огромных жертв, которые понесла наша Родина в первый период войны...».

«Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не было, — писал Жуков. — О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты...»

С первых минут войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую противник прочно захватил инициативу...

У нас не было полноценного Верховного командования. Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным... Он, не зная в деталях положения на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал неквалифицированные указания...

Сталин принуждал представителей Ставки Верховного Главнокомандования и командующих фронтами без всякой к тому необходимости проводить наспех организованные операции, без достаточно материального и технического их обеспечения, что приводило к чрезмерно большим потерям... Можно привести еще немало отрицательных фактов из оперативного творчества Сталина, чтобы оценить, чего стоят на самом деле его полководческие качества и «военный гений»...

Пленум, на котором Жуков собирался произнести речь, не состоялся.

После увольнения Жукова Хрущев распорядился возобновить оперативное наблюдение за Жуковым и сам знакомился с материалами слежки. Впоследствии КГБ докладывал о настроениях и разговорах Жукова лично Брежневу.

В 1959 году умер генерал Крюков. На поминки пришли маршалы Жуков и Буденный, а также осведомители КГБ.

После чего председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин отправил в ЦК КПСС записку о нездоровых, политически вредных разговорах, которые вел на поминках Жуков.

Была создана комиссия под руководством Брежнева, которая побеседовала с Буденным и Жуковым. Буденный сказал, что ничего плохого не говорил и не слышал. Он комиссию и не интересовал. Им нужен был Жуков. Жукова вызывали в ЦК КПСС и воспитывали.

На судьбе вдовы Крюкова Руслановой это отношение к Жукову тоже отразилось. Петать ей, конечно, не мешали. Но она жаловалась, что власть ее недолюбливает. Лидия Андреевна Русланова так и осталась всего лишь заслуженной артисткой. Это звание присвоили ей еще в 1942 году.

На даче маршала Жукова была установлена аппаратура прослушивания, записывались даже его разговоры с женой в спальне. Он был лишен всех постов, исключен из политической жизни, а КГБ держал маршала под постоянным контролем. Его все еще боялись и завидовали его славе и всенародной любви.

В 1963 году председатель КГБ Владимир Семичастный докладывал Хрущеву: «В беседах с бывшими сослуживцами Жуков во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности министра обороны, и допускает резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК...»

7 июня сообщение КГБ рассматривалось на заседании президиума ЦК. Решили: «Вызвать в ЦК Жукова и предупредить. Если не поймет, тогда исключить из партии и арестовать».

Жукова в 1957 году, по существу, обвинили в преступной антигосударственной деятельности, в попытке совершить военный переворот. Его, к счастью, не судили, однако эти обвинения с него так и не сняты. Фактически Жуков до сих пор не реабилитирован.

Жукова и Серова не назовешь близкими друзьями. Они были скорее соратниками. В столкновении Хрущева и Жукова Серов благоразумно принял сторону первого секретаря. Но, помня дружбу двух генералов, Хрущев вскоре и Серова убрал с ключевой должности.

8 декабря 1958 года Серов был освобожден от обязанностей председателя КГБ и через день назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР и заместителем начальника Генштаба по разведке.

Филипп Денисович Бобков считает, что Серова сбросили со всех постов, потому что против него были настроены в отделе административных органов ЦК.

Серова не любил его бывший подчиненный Николай Романович Миронов, который стал заведовать отделом административных органов. Миронов был из Днепродзержинска. В 1941-м он ушел на фронт, после войны вернулся на партийную работу, стал на Украине секретарем обкома. В 1951-м, при Игнатъеве, его взяли в министерство госбезопасности заместителем начальника Главного управления военной контрразведки. Берия в марте 1953 года отправил его в Киев. После ареста Берии его вернули на прежнее место. Потом Миронов возглавил управление госбезопасности в Ленинграде. В 1959-м возглавил отдел административных органов ЦК.

До Миронова отдел курировал еще медицину и спорт. И ему приходилось разбираться во взаимоотношениях между футбольными командами. Миронов добился, чтобы ему оставили только силовые структуры. Он представил Хрущеву записку об упрощении структуры и о сокращении штатов центрального аппарата и периферийных органов КГБ, что не встретило понимания у Серова.

По мнению историка Никиты Петрова, причинами этого были «ведомственный патриотизм» Серова и нежелание идти на серьезное сокращение аппарата КГБ.

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко пишет, что об уходе Серова из КГБ никто не сожалел:

«Люди, одинаково виноватые в организации массовых репрессий, разделились на две неравные категории. Те, кто оказались на вершине власти, расправились с теми, кто был в их подчинении, свалив на них всю ответственность за беззакония и репрессии. А Серов к тому же был известен в стране как главный исполнитель приказов о депортации народов.

Дальше все пошло по известной схеме: начал падать — будешь падать до самого конца, и тебя будут все время раздвигать, снимут звезды, лампасы, вышлют из Москвы, исключат из энциклопедических словарей твое имя и похоронят голеньким...

Трагедия Серова вызывает жалость и чувство протеста. Свой позор и падение ему пришлось пережить при жизни. В основном

же у нас все-таки разоблачают людей уже после их смерти, впрочем, равно как и реабилитируют тоже после...»

Вопрос о личной ответственности Серова за то, что творили органы госбезопасности, возник после XX съезда. Академик Борис Черток вспоминает, как в закрытом НИИ-88, где создавались советские ракеты, состоялся партийно-хозяйственный актив. Доклад по поручению ЦК делал генерал Серов.

Выступление Серова о сталинских преступлениях подействовало на аудиторию угнетающе. Когда он закончил, в зале раздался срывающийся женский голос:

— Иван Александрович! Объясните, вы-то где были? Вы кем были, что делали? Наверное, громче всех кричали: «Слава Сталину!» Какое право вы имеете говорить о злодействе Берии, если были его заместителем?

Это говорила пожилая работница листоштампового цеха.

Серов долго молчал. Потом встал и сказал:

— Я во многом виноват. Но виноваты и все, все здесь сидящие. Вы разве не славили Сталина на всех своих собраниях? А сколько раз каждый из вас вставал и до усталости аплодировал, когда упоминали имя Сталина на ваших конференциях и собраниях? Всем нам трудно, не будем предъявлять счета друг другу.

Но Серову счет был предъявлен.

Профессор Наумов:

— Когда Серова назначали председателем КГБ, возражал весь президиум ЦК. Есть запись заведующего общим отделом ЦК Малина, который присутствовал на всех заседаниях президиума и составлял краткий протокол. Но Хрущев тогда настоял и не промахнулся. Но потом переправил его в ГРУ, что было сильным понижением. Конечно, его участие в репрессиях тоже играло роль, но дело не только в этом. Должно быть, Хрущев беспокоился, что у Серова есть контакты с Жуковым.

В аппарате эти настроения быстро уловили.

Начальник следственного управления КГБ Михаил Петрович Маляров обратился непосредственно к Хрущеву с жалобой на своего начальника. Он не решился бы на это, если бы не чувствовал, что позиции председателя КГБ ослабли.

«В некоторых архивных материалах, хранящихся в КГБ при СМ СССР, — сообщал Маляров, — были прямые указания на то, что в практике т. Жукова имеются диктаторские тенденции, что он чрезмерно честолюбив и переоценивает свою роль в Отечественной войне (в этих же материалах указывается на наличие таких же пороков и у т. Серова), однако т. Серов в 1956 году приказал тушью вымарать фамилии Жукова и Серова и все, что говорилось о них в этих документах...»

Я не провожу никакой аналогии между практикой т. Жукова и практикой т. Серова, однако полагаю, что грубость к подчиненным, администрирование, нетерпимость к критике, игнорирование прин-

ципов коллективного руководства, стремление сохранить в кадрах КГБ явных нарушителей социалистической законности, повысить их в должностях и наградить, а также чрезмерное честолюбие т. Серова, являются достаточными основаниями к тому, чтобы обратить внимание на его поведение и потребовать от него изжития этих недостатков.

Докладывая о вышеизложенном, прошу ЦК КПСС принять соответствующие меры и восстановить справедливость».

Но были, видимо, и другие причины, предопределившие падение Серова. Должность у него была такая, что не предполагала друзей. Напротив, товарищи по партийному руководству его недолюбливали и побаивались, потому что он знал все и обо всех.

В начале 1958 года в правительственном аэропорту новый секретарь ЦК Нуритдин Мухитдинов участвовал во встрече очередного иностранного гостя. Пока ждали самолет, к нему подошел председатель КГБ Серов, сказал:

— Ты ухаживаешь за хозяйкой своего особняка.

Мухитдинов вспоминает, что был ошеломлен словами председателя КГБ:

— Ты откуда это взял?

— Она сама заявила.

— Врешь! Это ложь!

— Хочешь, допрошу и ее запротоколирую?

— Наверняка уже сделал это, а протокол у тебя в кармане.

— Я хотел просто предостеречь тебя.

— Не предостеречь, а прибрать таким образом к рукам. Ты сам организовал эту провокацию, принудил эту бедную женщину дать ложные показания. Не стыдно тебе?

Вернувшись к себе в кабинет, Мухитдинов позвонил Хрущеву и попросил принять его.

Никита Сергеевич спросил:

— Очень срочно?

— Да.

Мухитдинов пришел к Хрущеву. Тот спросил:

— Что случилось?

Мухитдинов пересказал беседу с Серовым. Хрущев слушал внимательно, не перебивая, и, что удивило Мухитдинова, спокойно. Из этого можно было сделать вывод, что Серов его уже информировал. А может быть, и вовсе выполнял поручение Хрущева.

Никита Сергеевич рассудительно сказал:

— Многие работники обслуживающего персонала избалованы, так как купились в роскоши. Сейчас обновляем их состав, приучаем действовать в пределах утвержденных смет расхода средств, продуктов. Вот они и проявляют недовольство. Поэтому будьте с ними поосторожнее, отношения пусть будут равные, официальные. Я и сам иногда побаиваюсь, но что же делать? Такова жизнь.

Мухитдинов сказал:

— Никита Сергеевич, разрешите мне вернуться в Узбекистан. На любую должность!

— Почему? В связи с чем?

— Если уже сейчас, буквально через несколько месяцев после переезда в Москву, со мной так поступают, что же будет дальше?

— Отношение к вам сложилось хорошее, так в обиду вас не дадим. Разговор с Серовым близко к сердцу не принимайте, не горячитесь. Но то, что я сказал, надо учесть.

Хозяюку особняка от Мухитдинова забрали. Мухитдинову объяснили, что ее перевели на другую работу из-за инфекционного заболевания.

Но в январе 1961 года, когда Мухитдинов ехал к себе в особняк, рядом с новым зданием Московского университета, самосвал ударил его «Чайку». Не пострадали ни жена Мухитдинова, ни дети. Мухитдинову диагностировали ушиб головы, прописали постельный режим и отправили в кремлевскую больницу, оттуда перевели в санаторий «Барвиха». Мухитдинов жаловался на сильные головные боли, головокружения, светобоязнь... На работу он вышел только через два месяца.

Его водителя задержали, выясняя обстоятельства аварии. Потом отпустили. Мухитдинов полагает, что эта авария была делом рук Серова, хотя в 1961 году тот уже не возглавлял КГБ. И сравнивает с аварией, в которой погиб белорусский первый секретарь Петр Миронович Машеров. Но смерть Машерова, что бы ни говорили, была трагической случайностью. Такой же случайностью, надо полагать, был наезд самосвала на «Чайку» Мухитдинова.

Но история с Мухитдиновым свидетельствует о том, как складывались отношения председателя КГБ с высшим партийным руководством.

Судя по всему, генерал Серов стал еще и жертвой ловкой аппаратной интриги.

Анастас Иванович Микоян вспоминает, что, когда речь заходила об участии Серова в репрессиях, Хрущев защищал его, говоря, что тот «не усердствовал, действовал умеренно». У Микояна иное объяснение: «Скорее всего, поскольку Хрущев самому приходилось санкционировать аресты многих людей, он склонен был не поднимать шума о прошлом Серова. Это возможно, хотя точно сказать не могу».

Председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил Хрущеву документы о том, что Серов вывез из Германии огромное количество имущества. Но Хрущев склонен был ему все прощать:

— Нельзя устраивать шум. Ведь многие генералы были в этом грешны во время войны.

Но Серов, судя по рассказу Микояна, совершил одну непростительную ошибку. Он сблизился с секретарем ЦК Николаем Григорьевичем Игнатовым. Ныне совершенно забытая фигура, он в свое время играл очень заметную роль, а претендовал на большее.

Игнатов никогда и ничему не учился. После революции попал в Первую конную армию, потом сражался с басмачами в Средней Азии. В 1930 году его сделали секретарем партийной организации полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии. Потом отозвали на двухгодичные курсы марксизма-ленинизма при ЦК, а потом отправили на партийную работу в Ленинград. Там после убийства Кирова и массовых арестов появилось множество вакансий. Игнатова сделали секретарем райкома. С тех пор он упрямо карабкался по карьерной лестнице.

В октябре 1952 года Сталин сделал его секретарем ЦК. Но после смерти вождя его отправили назад в Ленинград, и пришлось все начинать заново. Когда Хрущева попытались свергнуть, Игнатов, вовремя сориентировавшись, бросился на его защиту. В благодарность за это в декабре 1957-го Хрущев вновь сделал его секретарем ЦК.

Игнатов жаждал дружбы с председателем КГБ, потому что рассчитывал на большую карьеру. Но тем самым он настроил против себя второго секретаря ЦК Алексея Илларионовича Кириченко, который бдительно оберегал свои владения и ходу Игнатову не давал.

Кириченко, пишет Микоян, и обратил внимание на то, что Серов постоянно приезжает к Игнатову на Старую площадь, хотя по работе ему это не нужно, потому что председатель КГБ выходит непосредственно на Хрущева.

— Конечно, это не криминал, — заметил Кириченко. — Просто как-то непонятно. Несколько раз искал Серова и находил его у Игнатова.

Игнатов стал яростно оправдываться, утверждал, что ничего подобного не было, он с Серовым не общается.

В другой раз опытный Кириченко завел разговор об этом в присутствии Хрущева. Это был безошибочный ход.

— Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? — спросил Кириченко Игнатова. — Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК. Стали искать в отделе административных органов — не нашли. В конечном итоге оказалось, что он опять сидит у тебя в кабинете.

Игнатов стал возражать:

— Нет, он у меня не был!

Хрущев ничего не сказал, но искоса посмотрел на Игнатова. Дело было сделано.

Хрущеву не понравилось, что председатель КГБ за его спиной ищет поддержки у кого-то из секретарей ЦК. Пострадали оба — и Серов, которого переместили в ГРУ, и Игнатов, которого Хрущев вскоре убрал из ЦК.

Сначала он назначил Игнатова заместителем председателя Совета министров и председателем госкомитета заготовок. Но и на этой должности он не удержался. В декабре 1962 года его сделали председателем президиума Верховного Совета РСФСР. Это уже была со-

всем незавидная должность. Вот поэтому он принял активное участие в заговоре против Хрущева, но вожаденного повышения не получил. Товарищи по партийному руководству его не любили...

Перевод в Главное разведывательное управление был оформлен самым благоприятным для Серова образом. Хотя бы на словах Хрущев не хотел его обижать. В бумагах президиума ЦК говорилось о необходимости «укрепить руководство» военной разведки, о сохранении за Серовым «материального содержания, получаемого по прежней работе». Это касалось не столько зарплаты, сколько известных благ, предоставлявшихся номенклатуре: снабжения продуктами, медицинское обслуживание...

Своему зятю, Эдуарду Хруцкому, Серов потом говорил, что был счастлив, получив назначение в ГРУ.

— Как же так? — удивился Хруцкий. — Вы перестали быть членом ЦК, депутатом.

— Зато я вернулся в армию, — ответил Серов.

В военной разведке Серов прослужил четыре с небольшим года. Он оставался еще членом ЦК, но коллеги в военной разведке видели, что Серов уже не тот.

8 января 1960 года Хрущеву написал письмо генерал-майор Большаков, секретарь парткома ГРУ. Он жаловался на Серова, фактически это был опасный для Ивана Александровича политической донос:

«Никакого участия в работе партийного комитета т. Серов И.А. не принимает. Баллотироваться в состав парткома отказался. Вместо опоры на партийную организацию проявляет администрирование. На пленумах парткома не бывает. За шесть месяцев существования партийного комитета не дал ему ни одного направляющего указания или совета. Своих заместителей упрекает в том, что они идут на поводу у парткома...

Все это не содействует повышению делового и политического авторитета т. Серова среди зрелого партийного коллектива, а также создает большие трудности в работе партийной организации и партийного комитета...»

Хрущев 23 января распisał бумагу секретарям ЦК Суслову, Игнатову и Брежневу: «Надо побеседовать с т. Серовым в участии т. Большакова»

10 марта 1960 года Серов написал Сулову объяснительную записку:

«Содержание заявления тов. Большакова для меня явилось неожиданным, так как противоречит фактам... За прошедший год работы в ГРУ Генштаба я выступал 15 раз на партийных собраниях в управлениях, частях, научно-исследовательских институтах, в Военно-дипломатической академии, подчиненных ГРУ...

Я утверждаю, что ни одного месячного плана работы парткома без рассмотрения со мной тов. Большаковым не проводилось. Более того, он говорил мне, что работа в ГРУ пошла лучше... Выхо-

дит, что он во всех случаях двурушничал. Думал и писал одно, а говорил другое. Так не должен поступать секретарь парторганизации...

Кстати должен доложить, что тов. Большаков и ранее допускал поспешные, непродуманные действия. Так, работая по подготовке нелегала-женщины, женился на ней, бросив семью. Будучи военным атташе в США, не сумел организовать работу, создал склоку с сотрудниками, в связи с чем был через год отчислен и направлен в гражданский ВУЗ...

Я должен объективно доложить, что у нас в ГРУ имеются еще недостатки, над устранением которых мы коллективно работаем, но вместе с этим за последнее время с помощью ЦК КПСС решены серьезные вопросы, которые не решались ряд лет. Генералы и офицеры стали более ответственно подходить к выполнению поставленных ЦК КПСС задач, повысилась конспирация...

Коротко о себе. У меня, как у всякого человека, имеются недостатки в характере, во взаимоотношениях и т. д. Эти недостатки чаще всего проявляются в то время, когда на работе не так получается, как хотелось бы, поэтому проявляется невыдержанность и резкость. Я стараюсь устранить эти недостатки, но на нашей ответственной и острой работе не всегда удается...»

ВОЕННЫЕ РАЗВЕДЧИКИ И ЧЕКИСТЫ

Каждый год 4 ноября большая группа офицеров российской армии, которые, судя по знакам различия, несут службу в различных родах войск, тихо и скромно, в узком кругу отмечают свой профессиональный праздник. Это офицеры-разведчики. Они ходят в форме танкистов, летчиков или артиллеристов. Они не в больших чинах, но принадлежат к закрытому для посторонних разведывательному сообществу. Здание военной разведки с легкой руки Виктора Суворова теперь именуют «Аквариумом».

4 ноября 1918 года приказом председателя Реввоенсовета Республики Троцкого в составе Полевого штаба Красной армии было образовано Регистрационное управление. Так скромно называлась военная разведка, которая теперь именуется Главным разведывательным управлением Генерального штаба Вооруженных сил. Первым начальником военной разведки был назначен член Реввоенсовета Республики Семен Иванович Аралов.

Военная разведка, как и многие другие ведомства, тоже часто меняла название.

Выросшее из Регистрационного управления Разведывательное управление штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии было переименовано в Четвертое управление РККА. В 1934 году разведка, несколько месяцев именовавшаяся Информационно-статистическим управлением, опять стала разведывательным управлением, под-

чиненным непосредственно наркому обороны. В 1939-м оно уже называется Пятым управлением РККА.

В феврале 1942 года появилось нынешнее название — Главное разведывательное управление Генерального штаба. Однако в сентябре Сталин разделил военную разведку. ГРУ он вывел из состава Генштаба и подчинил непосредственно наркому обороны, то есть самому себе. А в Генштабе появилось Управление войсковой разведки. Впрочем, в апреле 1943-го все вернулось на круги своя.

История военной разведки будет написана не скоро. Известны лишь немногие ее блистательные удачи и оглушительные поражения. Военная разведка дорого дала бы за то, чтобы о ее существовании вообще забыли. Но люди компетентные знают, что она существует и действует.

Обнаружить военного разведчика не так уж сложно. Военные атташе всех стран — это и есть военные разведчики. Они считаются дипломатами, но все знают, что в действительности они служат по иному ведомству. А иногда, когда видишь в посольстве или в торговом представительстве молодого человека с широкими плечами, короткой стрижкой, военной выправкой, странно молчаливого для обычного заграничника, то можно предположить, что это военный разведчик, который работает под официальным прикрытием.

Политическая разведка в нашей стране, и когда она входила в состав КГБ, и когда стала уже самостоятельной, всегда подчинялась главе государства — генеральному секретарю или президенту.

Военная разведка всегда была ведомственной, при министерстве обороны, за исключением короткого периода после Второй мировой войны, когда Сталин приказал объединить в Комитете информации все разведывательные органы страны.

В военной разведке тоже были предатели и перебежчики, которые, оказавшись на Западе, рассказали о том, что происходит в этом ведомстве, но о ГРУ все равно известно меньше, чем о разведке КГБ.

Политическая разведка, говорили мне бывшие офицеры Первого главного управления КГБ, всегда ощущала себя на полголовы выше военной:

— Но неприязни к военным соседям мы не испытывали. Отношения были деловые, товарищеские. Конечно, возникали соперничество, конкуренция. Все хотели первыми доложить начальству в ЦК КПСС важную информацию. А шефы на Старой площади, когда возникали споры между двумя разведывательными службами, обычно брали сторону Лубянки. Так, мы получали от ГРУ любых агентов, в которых были заинтересованы.

Виталий Геннадьевич Чернявский, бывший начальник 4-го отдела внешней разведки КГБ СССР, вспоминает:

— Я, например, работал с несколькими первоклассными агентами, которых мы получили от военных соседей.

— Военные пытались протестовать?

— Такого не припомню. Нужно учитывать, что с самого начала военная разведка контролировалась политической. После войны контроль, пожалуй, смягчился, но за госбезопасностью все равно оставалась роль контролера. Тем более, что контрразведывательное обеспечение ГРУ и других органов военной разведки всегда оставалось в руках госбезопасности...

С 20-х годов начальник военной разведки назначался только с согласия Лубянки. В разведку не брали без проверки в органах госбезопасности. Перед отправкой в зарубежную командировку военного разведчика проверяли еще раз.

Генерал-майор Виталий Никольский, бывший резидент военной разведки в Швеции, рассказывал мне:

— КГБ — часть всемогущего аппарата, который подозревает всех и вся, а мы те, кого они вправе подозревать. Вот так обстояли дела. Трагедия нашей службы состояла в том, что все побывавшие за рубежом автоматически попадали под подозрение, и, следовательно, ими начинала интересоваться госбезопасность.

Внутри военной разведки находились уполномоченные наркомата внутренних дел. Они иногда выступали у нас на собраниях, говорили о необходимости усилить бдительность, соблюдать конспирацию. Один из них, — вспоминает Никольский, — как-то пригласил меня на конспиративную квартиру неподалеку от Новодевичьего монастыря. После обеда и небольшой выпивки он мне и говорит:

— Поступай к нам на службу, не пожалеешь.

Я говорю:

— Да я и так уже в разведке работаю.

Он стал хитрить:

— У нас другая служба, нужно выявлять внутренних врагов.

Словом, вербовал меня в осведомители, но я сумел открутиться...

— А после войны институт уполномоченных сохранился? — спросил я Никольского.

— Люди из КГБ остались. Они присматривали за нами. Мы знали всех своих «опекунов».

— Офицеры военной разведки между собой осуждали действия «соседей»?

— Мы считали, что это в порядке вещей.

— Военные разведчики такие же проверенные люди, как и сотрудники госбезопасности, но вам почему-то все равно не доверяли. Вас это не раздражало?

— Вызывало, скажем так, легкую неприязнь. Кому же приятно знать, что на него доносы строчат? Но на практике все зависело от конкретного человека, а среди низовых работников во все годы немало было порядочных людей. Жандармской сволочи было не так много. Я всегда исходил из того, что у контрразведчиков есть свои задачи.

— Подозрительность контрразведки не была напрасной?

— К сожалению, известно немало случаев, когда офицеры военной контрразведки бежали на Запад. В Австрии, когда я там служил, американцы завербовали офицера Попова. Но разоблачили его уже позже, когда он вернулся из заграникомандировки и успешно работал в центральном аппарате ГРУ.

— У ГРУ было больше или меньше провалов, чем у КГБ?

— Неприятная особенность нашей службы состоит еще и в том, что собственные промахи у нас стараются преуменьшить, а заслуги преувеличить. Мне кажется, что у КГБ провалов и побегов было больше. Но у них и аппарат значительно больше, чем у военной разведки.

— В роли резидента военной разведки вы с «соседями» ладили?

— Я прежде всего старался не давать в обиду мой коллектив. Ведь разведка КГБ норовила «раздеть» военных — отобрать агентуру и выдать наши достижения за свои. Это у нас часто случалось: «соседи» умели кусок из-под носа урвать.

— Как это происходило?

— Резидентуры КГБ и ГРУ сотрудничали. Например, я работаю долгое время с каким-то ценным для нас человеком, у нас установились человеческие отношения, чувствую: он готов к вербовке. Но прежде чем оформить отношения, я шел к «соседям». На всякий случай надо удостовериться, что он не состоит в их картотеке. Прихожу к резиденту внешней разведки КГБ, а он делает удивленные глаза и заявляет: «Да мы с этим человеком два года работаем!»

А я вижу, что «сосед» просто блефует. Ему захотелось самому завербовать этого человека, тем более что подготовительная работа вся проделана. Такие замашки — перехватить, забрать себе — вызвали озлобление.

— Соперничество заканчивалось не в вашу пользу?

— Чаще всего КГБ своего добивался. Мы были в неравноправном положении. Они были первыми докладчиками у начальства. Так с самого начала пошло: военные разведчики получали задания и отчитывались не только у себя в управлении, но и в политической разведке. После войны эту практику пытались изменить. В Комитете информации при Совете министров мы были на равных правах, но просуществовал комитет недолго. Нас опять развели по разным ведомствам. А руководители ГРУ сами ставили себя в подчиненное положение.

— Чувствовали себя неуверенно?

— Да, почему-то на этом месте долго не задерживались. Каждый новый хозяин, ясное дело, стремился начисто изменить все порядки. Во время войны и после нее шли нескончаемые реорганизации, штаты то сокращали, то спешно увеличивали. Опытных увольняли, неумелых набирали. У нас есть своя академия. Вакансии заполнить недолго, но любая реорганизация для разведки чрезвычайно болезненна. Впрочем, наши начальники об этом не думали. Все это были люди со стороны, строевые или штабные офицеры, кто угодно,

только не профессионалы. Считалось, видимо, что руководить разведкой можно, не имея ни знаний, ни опыта.

— Это касалось только высших руководителей?

— Если бы! В свое время у меня был прекрасный агент в Западной Германии — депутат бундестага. Однажды мы встретились в Восточном Берлине, на нашей конспиративной квартире. Он пришел, отстучал на машинке все, что мог сообщить о ситуации с бундесвером, и мы сели закусить.

А перед встречей мой начальник предупредил, что зайдет к нам, посмотрит на агента. И действительно пришел. Мрачный, недовольный. Не поздоровался. Сел, закинув ногу на ногу. Посмотрел на меня, прохрипел что-то вроде: «Ты тут поосторожнее». И ушел.

Я депутату говорю:

— Вы моего начальника извините, его страшная зубная боль скрутила.

А депутат ухмыльнулся в ответ:

— Бросьте, не оправдывайтесь. Я вырос в местечке, где говорят по-польски, так что я все понял.

Пришлось мне краснеть за своего генерала...

— Говорят, маршал Жуков, когда он был министром обороны при Хрущеве, пытался придать своей разведке больший вес, уравнять ее в правах с КГБ, укрепив тем самым и свое положение, и авторитет армии?

— По-моему, КГБ никогда не сдавал своих позиций. Еще раз повторю: с КГБ мы ни в чем сравниться не можем.

— Вы были начальником факультета в специальной академии. Как попадают в систему военной разведки?

— Обычно делают так: посылают в штаб округа двух-трех человек. Они приходят к командующему округом, докладывают, что прибыли отбирать офицеров для учебы в спецакадемии. Командующий дает указание кадровикам подобрать подходящие кандидатуры. Смотрят личные дела, беседуют с начальниками тех, кто подходит по анкетным данным. Потом возможных кандидатов вызывают для окончательного разговора.

— Кто-нибудь отказывается от предложения?

— Очень редко. Учеба в Москве сама по себе открывает возможность для продвижения по службе, а переход в разведку — это еще и перспектива поехать за границу.

— Если вы встречали коллегу в том же звании, но, скажем, из оперативного управления Генерального штаба, кто из вас ощущал себя более удачливым в плане карьеры?

— У строевиков и штабистов служба более видная, карьера более прямая, звания идут быстрее.

— Будущих обитателей «Аквариума» учили на ходу спрыгивать с поезда и стрелять с обеих рук?

— Единственное, чему нас учили, — это прыгать с парашютом. А потом это изъяли из программы спецподготовки. Зачем развед-

чику все эти фокусы? Руководить партизанскими отрядами сейчас никого не посылают. Единственное, что понадобилось в оперативной работе, — это умение фотографировать...

Генерал Серов, в отличие от других начальников ГРУ, был профессионалом. Но он находился под властью стереотипов того времени.

Будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица в феврале 1960 года был назначен послом в Пакистан. В то время в Москве выражали обеспокоенность военным сотрудничеством Пакистана с Соединенными Штатами.

Накануне поездки начальник ГРУ генерал Серов рассказал Капице, что на территории Пакистана есть десять американских баз — опорная база возможной агрессии против Советского Союза.

В ответ на заявление Капицы президент страны Айюб-хан спокойно объяснил Капице:

— На территории Пакистана нет американских военных баз. Давайте вместе с вами побываем на всех «базах», которые названы в нотах МИД СССР, и вы в этом убедитесь.

Посол Капица сам вскоре убедился: в Пакистане не было иностранных военных баз. По двустороннему договору об обороне американцы имели право лишь использовать пакистанские порты и аэродромы.

Откуда же взялась информация об иностранных военных базах? Ее, видимо, подбросила индийская разведка, чтобы настроить Советский Союз против Пакистана. А в Москве поверили.

ПЕНЬКОВСКИЙ, СЛУГА ТРЕХ РАЗВЕДОК

Но 22 октября 1962 года карьеру Серова сломал арест полковника военной разведки Олега Владимировича Пеньковского. Для Серова это было тяжелым ударом, и не только потому, что для любого начальника разведки такой провал равносильен катастрофе. Серов имел несчастье однажды помочь Пеньковскому. Впоследствии он был за это жестоко наказан.

Олег Владимирович Пеньковский родился в 1919 году. Перед войной окончил Киевское артиллерийское училище, воевал. Полковником стал в тридцать один год. В 1953-м окончил Военно-дипломатическую академию и продолжил службу в Главном разведывательном управлении.

Работал в резидентуре ГРУ в Турции, поссорился с резидентом, счел себя обиженным, жаловался в Москву. Начальство, как это обычно бывает, встало на сторону резидента, его отозвали и убрали из аппарата ГРУ.

Во время войны Пеньковский был порученцем Сергея Сергеевича Варенцова, Главного маршала артиллерии, Героя Советского

Союза, назначенного в январе 1961 года командующим Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск.

У Варенцова еще с военных времен сохранились хорошие личные отношения с Хрущевым. Говорят, что Хрущев то ли шутя, то ли всерьез замечал: вот и готовый министр обороны.

Варенцов привечал Пеньковского и, когда тому пришлось туго, замолвил за него словечко перед Серовым, который стал начальником ГРУ.

Пеньковского включили в действующий резерв ГРУ и отправили на работу в управление внешних сношений Госкомитета по науке и технике Совета министров СССР. В ноябре 1960 года он предложил свои услуги ЦРУ, а в апреле 1961-го еще и английской разведке МИ-6.

В начале мая 1963 года после открытого судебного процесса Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор привели в исполнение 16 мая.

После ареста Пеньковского Хрущев не пожалел своих любимцев. Маршала Варенцова лишили всех наград, разжаловали в генерал-майоры и тут же уволили из Вооруженных сил. Его вывели из состава кандидатов в члены ЦК и лишили полномочий депутата Верховного Совета СССР. Причем в деле Пеньковского он фигурировал всего лишь в роли свидетеля.

Серова же обвинили в том, что он помог разоблаченному английскому агенту Пеньковскому вторично устроиться на работу в ГРУ, а жена и дочь Серова при посещении Лондона были под опекой Пеньковского и пользовались его услугами.

Причем его дочь говорит сейчас, что ничего подобного не было, все это придумано. Они действительно летали в Лондон с туристической группой, но обошлись без помощи полковника Пеньковского...

Тогда Хрущев был вне себя: Пеньковский нанес ему удар в спину, раскрыв истинную картину советского ракетного потенциала. 2 февраля 1963 года Серов был освобожден от своих должностей, его место занял Петр Иванович Ивашутин, первый заместитель председателя КГБ.

7 марта президиум ЦК принял решение «О работе ГРУ», которое поручало секретарю ЦК Виталию Николаевичу Титову, занимавшемуся организационно-партийными вопросами, начальнику Генерального штаба маршалу Сергею Семеновичу Бирюзову и Ивашутину разобраться в работе Серова и дать оценку.

Комиссии понадобилось всего несколько дней, чтобы вынести вердикт. «За потерю политической бдительности и недостойные поступки» генерал армии Серов был разжалован в генерал-майоры. 12 марта 1963 года его лишили звания Героя Советского Союза, о чем он особенно сожалел.

Говорили, что Хрущев не хотел слишком сильно наказывать Серова, но члены президиума ЦК хотели сквитаться с бывшим председателем КГБ.

«Серов в свое время был наказан и освобожден от должности, так как проявил неосторожность, — вспоминал потом Никита Сергеевич. — Но он при всех своих ошибках — честный и неподкупный человек. Я относился к нему с уважением и доверием».

Возможно, но в тот момент Хрушев невероятно разозлился на Серова из-за Пеньковского. Никогда еще начальника разведки не наказывали так сурово за предательство одного из его подчиненных.

Его отправили из Москвы помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям, через полгода на ту же роль перевели в Приволжский военный округ. Как только ему исполнилось шестьдесят лет, он был уволен по болезни на пенсию. На этом его неприятности не закончились.

За «утрату политической бдительности и ошибки при подборе кадров ГРУ, а также за грубые нарушения законности во время работы в органах НКВД—КГБ и злоупотребления, допущенные во время службы в Германии» в апреле 1965 года его исключили из КПСС. Еще раньше, когда он был начальником ГРУ, у него отобрали некоторые ордена, полученные во время службы в госбезопасности.

После отставки Серов прожил четверть века, наслаждаясь жизнью военного пенсионера.

Эдуард Хруцкий:

— Я много видел военных отставников, из них словно выпустили воздух. Они не знали, чем заняться и вообще как жить. Серов жил на даче, всегда был подтянут, летом ходил в военный санаторий «Архангельское» играть в теннис, зимой подолгу бегал на лыжах. Он не курил и мало пил. Машину перестал водить в восемьдесят один год. Он никогда не сожалел о том, что было, и в отличие от других погорельцев точно знал, что ничего не вернется. Жена говорила, что, выйдя в отставку, он стал веселее, словно у него тяжелый груз с плеч свалился...

— Рассказывал он что-то о своей службе в органах госбезопасности? О Сталине, Хрущеве?

— От всех разговоров он уходил. Ничего не говорил о своей работе. Он был человеком старой школы. Вспоминал разные эпизоды войны. Или как он боролся с бандитизмом после бериевской амнистии 1953 года. Любил рассказывать историю о том, как у него, председателя КГБ, угнали машину. Он же без охраны ездил. Он приехал на улицу Грановского, где находилась спецбольница и столовая для начальства. Пока он там находился, какая-то молодежь вскрыла его машину и уехала. Потом уж они увидели, что угнали какую-то особую машину, там была специальная связь, и бросили ее...

— А об обстоятельствах его увольнения?

— Он мне однажды сказал о Пеньковском: «Я этого человека никогда в глаза не видел». Серова обижало, когда о нем рассказывали небылицы. Он нам говорил, что не участвовал в депортациях кавказских народов. Это делал Кобулов...

— За Серовым, когда он вышел на пенсию, следили?

— Когда он гулял по Москве, за ним «хвост» по пятам следовал. Телефон всегда прослушивался. «Жучки» на даче сняли после его смерти. Однажды приехал мой приятель на только что купленной машине, на которой еще были старые иностранные номера. Тут же появилась «группа товарищей», якобы милиционер и двое в штатском, стали проверять документы. Они же боялись, вдруг Серов организует заговор, соберет старых маршалов, сядут они на коней...

Они с Жуковым как-то отдыхали в военном санатории «Архангельское», — вспоминает Эдуард Хруцкий. — За обоими следили, номера их прослушивались. И они, если хотели что-то обсудить, писали друг другу записки. А потом их жгли... Серов был отважный человек. В 1941-м если бы сдали Москву, он должен был остаться в подполье. Ему уже выдали водительские права на фамилию Васильев и справку об освобождении из мест заключения. Хотя немцы наверняка знали его в лицо...

Иван Александрович Серов умер в июле 1990 года. Его смерть стала поводом для еще одного мифа. Олег Гордиевский и его английский соавтор по книге «КГБ» написали, что Серов после запоя «застрелился в одном из арбатских дворов».

Глава 12

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ШЕЛЕПИН

Этот человек обладал счастливым даром спланировать вокруг себя людей. Некоторые из них остаются его искренними поклонниками и по сей день. Этого человека в пору его расцвета и стремительной карьеры за глаза называли «железным Шуриком», с намеком на «железного Феликса».

Его имя гремело. И в нашей стране, и за рубежом многие были уверены, что он вот-вот станет главой государства. Он приехал в Москву худеньким школьником поступать в институт и сделал фантастическую карьеру. Он выиграл множество схваток, но одну все-таки проиграл. Его изъяли из большой политики. Исчезли его фотографии, перестали упоминать его имя.

И если бы не популярный несколько лет назад фильм «Серые волки» о кремлевском заговоре в октябре 1964 года, то современный читатель, может, уже и не вспомнил бы, кем был Александр Николаевич Шелепин.

Шелепин вошел в историю как человек, организовавший свержение Никиты Хрущева и считавшийся самым реальным кандидатом на пост первого человека в стране. Но он им не стал...

Я познакомился с Шелепиным, когда он был в опале. Люди, которые прежде заискивали перед ним, теперь даже с ним не здоровались. И он инстинктивно сторонился людей. Но в глазах, в походке, в креп-

ком рукопожатии было нечто, выдававшее в нем человека сильной воли, который так и не реализовался.

Я застал его на излете. А у молодого Шелепина было очень выразительное интересное лицо, губы сомкнуты, взгляд внимательный.

Шелепин был совсем другим человеком, чем Брежнев. Если бы он возглавил страну, застоя, скорее всего, не было бы. Возможно, не было бы и перестройки. Вся история нашей страны пошла бы иным путем...

НА ДАЧЕ СО СТАЛИНЫМ

Имя Шелепина страна впервые услышала, когда ему было всего двадцать четыре года. Осенью 1941-го в столице, к которой чуть ли не вплотную придвинулся фронт, секретарь Московского городского комитета комсомола по военной работе Александр Шелепин отбирал добровольцев для партизанских отрядов, для диверсий в тылу врага.

Сам он, к слову, не воевал в ту лихую годину. Несколько месяцев провел на финской войне — заместителем политрука, комиссаром эскадрона, а в Великой Отечественной не участвовал, за что потом кто-то его и упрекнет: других отправлял в бой, а сам отсиживался в Москве...

К Шелепину пришла проситься в партизаны ученица 201-й московской школы Зоя Космодемьянская. Он не сразу определил ее в отряд. Ему показалось, что она боится, что не сможет провести операцию, и он ей отказал. А потом все-таки включил Зою в отряд.

Судьба Зои была трагической. Сделать она фактически ничего не успела — немцы ее сразу поймали и как поджигательницу в первых числах декабря 1941-го казнили.

Посмертно ей присвоили звание Героя Советского Союза. И тогда же Маргарита Алигер написала получившую громкую известность, удостоенную Сталинской премии поэму «Зоя», патетически воспев в ней в духе тех лет и секретаря горкома комсомола Александра Шелепина. Это уже была всесоюзная слава.

Октябрьским деньком, невысоким и мгlistым,
В Москве, окруженной немецкой подковой,
Товарищ Шелепин, ты был коммунистом
Со всей справедливостью нашей суровой...
Ты не ошибся в этом бойце,
Секретарь Московского комитета...

Александр Шелепин родился в августе 1918 года. Вырос в Воронеже в семье железнодорожника. Качества лидера проснулись в нем рано. Он и секретарем комитета комсомола стал, и школу закончил с отличием, получив в награду карманные часы фирмы «Павел Буре».

Валерий Иннокентьевич Харазов, бывший второй секретарь ЦК Компартии Литвы, дружил с Шелепиным с пятого класса.

— Саша даже написал письмо Сталину по вопросу возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Ответа не получил. Но в газетах появился ответ Сталина другому человеку на тот же самый вопрос, и Шелепин был доволен...

Как и многие в те годы, Саша Шелепин любил кататься на коньках, на велосипеде, увлекался футболом — болел за «Динамо». Мальчиком бегал на танцы, а спиртным не увлекался — редкое для советских руководителей качество.

Валерий Харазов:

— Мы с ним не выпили даже после окончания десятого класса. Он к вину и к водке относился пренебрежительно...

Закончив школу, Шелепин поехал в Москву и поступил в знаменитый до войны Институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), кузнице гуманитарных кадров. Здесь Шелепина сразу избрали секретарем комитета комсомола.

Карьера Шелепина началась 2 октября 1940 года. Как раз в этот день вышел указ о том, что высшее образование становится платным, стипендии будут платить только отличникам. А Шелепин ушел добровольцем на финскую войну. Когда вернулся в институт, у него, естественно, были «хвосты», и по новому закону стипендия ему не светила.

Он сидел в институтском комитете комсомола, думал, что делать. Тут приехал Николай Красавченко, секретарь Московского горкома комсомола, и решил судьбу Шелепина. Он сказал:

— А для тебя, Шурик, у меня есть работа. Пойдешь к нам в горком?

Сначала он был инструктором, потом заведовал отделом, а в 1941-м стал секретарем горкома.

В 1942 году его наградили орденом Красной Звезды, на следующий год перевели в ЦК комсомола — секретарем, вторым секретарем.

Характер у Шелепина проявился уже тогда, вел он себя смело, не юлил и перед начальством не заискивал.

Константин Симонов вспоминал, как осенью 1947 года он возглавил небольшую делегацию, отправившуюся в Югославию. В нее входили секретарь ЦК комсомола Шелепин и Ольга Александровна Хвалебнова, секретарь парторганизации Союза писателей и жена министра черной металлургии Ивана Федоровича Тевосяна. В белградском аэропорту делегацию из посольства никто не встретил, о ситуации в стране не информировал. «Шелепин, — вспоминает Симонов, — со свойственной ему прямоотой высказал послу Лаврентьеву все, что он думал о том, что нас не встретили и не позаботились проинформировать, и пообещал об этом безобразии рассказать в Москве...»

За год до смерти Сталин решил поручить комсомол своему зятю Юрию Жданову, сыну покойного члена политбюро Андрея Алек-

сандровича Жданова. Молодой Жданов, возглавлявший тогда отдел науки в ЦК партии, приехал в ЦК комсомола знакомиться.

Владимир Ефимович Семичастный, который был тогда одним из секретарей ЦК, рассказывает:

— Нас собрали. Жданов говорит: «Сталин просит меня стать первым секретарем. Расскажите, что вы делаете». Мы рассказали. Жданов: «Ребята, милые, я в этом ничего не понимаю и не могу вами руководить. Я пойду к Иосифу Виссарионовичу и откажусь».

Тогда Сталин сделал первым секретарем Шелепина.

Он вызвал Шелепина к себе на дачу. Это была их единственная встреча. Сталин усадил Шелепина, а сам шагал по кабинету и задавал вопросы. Время от времени подходил к Шелепину, нагибался и заглядывал ему в глаза. Смотрел внимательно... Шелепин потом признался своему лучшему другу Валерию Харазову, что ему было страшно...

В октябре 1952 года он стал первым секретарем.

В сталинские времена комсомол был суровой школой.

Владимир Семичастный, шедший за Шелепиным, можно сказать, след в след, — возглавил после него комсомол, а потом сменил его и на Лубянке, — сформулировал это так:

— Чем отличались советские кадры? Чтобы продвинуться и занять пост, надо семь сит пройти, шишки и синяки набить. Через семь сит прошел, а на восьмом застрял...

В комсомольском аппарате многие делали карьеру, сочиняя доносы на своих начальников, зная, что это лучший способ продвигаться.

Бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Вячеслав Иванович Кочемасов вспоминает, как и на него написали донос: сам, дескать, сын кулака, а жена его — дочь врага народа. Ее отец между тем был секретарем обкома. Его расстреляли, мать посадили в тюрьму, а девочку отправили в Горький, где она и познакомилась с Кочемасовым.

Донос передали на рассмотрение Шелепина.

Вячеслав Кочемасов:

— Однажды он приглашает меня: «Ты занят?» — «Нет». — «Зайди на минуту». Поговорили, потом он перешел к делу: «Я тебе одну бумагу покажу». Открыл сейф, достал этот донос. Я прочитал. Шелепин говорит: «Ты не обращай внимания». И при мне разорвал его — и в корзину. Так два раза было...

По словам Кочемасова, Александр Николаевич был простым и достойным человеком и тяготился бюрократическим стилем прежнего руководства комсомола, не терпел тяготных заседаний и не читал нотаций.

Но лучшие комсомольские годы Шелепина пришлись на хрущевские времена. Хрущев делал ставку на молодежь и многое позволял своим комсомольцам. Шелепин сократил платный аппарат — оставил в райкомах двух освобожденных работников, все остальные трудились на общественных началах.

Николай Николаевич Месяцев, уже упоминавшийся в этой книге, бывший офицер СМЕРШ и работник МГБ СССР, тоже был избран секретарем ЦК комсомола:

— Приходили министры к нам на ЦК комсомола, мы их так прижимали за равнодушие к быту молодежи, что кости трещали...

Шелепин, молодой член ЦК, принадлежал к той группе партийных руководителей, которые летом 1957 года не дали старой гвардии — Молотову, Булганину, Маленкову и Кагановичу — снять Хрущева. Шелепин активнее, решительнее, напористее других подержал Хрущева.

Разгневанный маршал Ворошилов кричал на Шелепина:

— Это тебе, мальчишке, мы должны давать объяснения? Научись сначала носить длинные штаны!

Зато Хрущев оценил молодого соратника по достоинству. Через полгода, в апреле 1958-го, Шелепин возглавил отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, но проработал в аппарате всего несколько месяцев. 25 декабря 1958 года в сорок лет он стал председателем КГБ.

В этот же день Верховный Совет СССР принял новые Основы уголовного законодательства, в которых впервые отсутствовало понятие «враг народа». Уголовная ответственность наступала не с 14, а с 16 лет. Судебные заседания стали открытыми, присутствие обвиняемого — обязательным.

НА ВСЕХ ШПИОНОВ НЕ ХВАТИТ

В отличие от своих предшественников и наследников, Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Хрущева раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разлам-пасить» госбезопасность, поэтому Шелепин отказался от воинского звания, о чем на склоне лет пожалеет.

Еще в 1953 году на июльском пленуме ЦК, посвященном делу Берии, Хрущев откровенно выразил свое отношение к органам госбезопасности:

— Товарищи, я в первый раз увидел жандарма, когда мне было уже, наверно, двадцать четыре года. На рудниках не было жандарма. У нас был один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника, не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, оперуполномоченные. Начальник МВД получает самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

Кто-то из зала подтвердил:

— В два раза больше, чем секретарь райкома!

— Но если у него такая сеть, — продолжал Хрущев, — то нужно же показывать, что он что-то делает. Некоторые работники начинают фабриковать дела, идут на подлость...

Хрушев публично требовал «разумного сокращения» КГБ. Выступая перед избирателями с традиционной речью, Никита Сергеевич заявил:

— Мы и внутренние силы — наши органы государственной безопасности — значительно сократили, да и еще нацеливаемся их сократить.

Шелепин откликнулся на пожелание первого секретаря служебной запиской: «Вы, Никита Сергеевич, совершенно правильно говорили в своем выступлении перед избирателями Калининского избирательного округа о необходимости дальнейшего сокращения органов госбезопасности». И предложил сократить аппарат на 3200 оперативных работников. Предложение было принято.

В феврале 1960 года Шелепин издал приказ, в котором говорилось: «Не изжито стремление обеспечить чекистским наблюдением многие объекты, где, по существу, нет серьезных интересов с точки зрения обеспечения государственной безопасности». Иначе говоря, чекистам просто не хватало работы. Они ее придумывали. Шпионов мало, чекистов много.

Николай Месяцев:

— Он во всех областях, краях и республиках сократил осведомительную сеть, стукачей, которые поставляли ложную информацию, а из-за нее люди страдали. Он прежде всего усиливал превентивную работу. Сболтнул человек антисоветчину — не арестовывать, а поговорить и объяснить, что так говорить не надо.

Для того времени это был большой прогресс. Выяснилось, что за «сомнительные» разговоры можно и не сажать. Или, как минимум, сажать не сразу...

Шелепин предложил ликвидировать в КГБ тюремный отдел и сократить число тюрем, которые принадлежали госбезопасности.

Владимир Семичастный:

— Как раз в бытность Шелепина и мою было самое низкое количество заключенных по политическим мотивам. Внутренняя тюрьма на Лубянке пустовала.

Когда Шелепин был председателем, в тюрьмах КГБ сидело 1388 арестованных. В 1961 году за антисоветскую агитацию осудили 207 человек, в 1962-м — 323 человека. Хотя в те годы, вспоминает бывший первый заместитель председателя КГБ Филипп Денисович Бобков, в стране несколько раз вспыхивали массовые беспорядки — во Владимирской области, в городах Муром и Александров, где люди были возмущены местными властями, в Грузии, в городе Зугдиди.

Протоколом № 200 заседания президиума ЦК КПСС от 9 января 1959 года было утверждено положение о КГБ и его органах. Этот документ оставался в силе до самой перестройки:

«Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и

Правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР.

Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства...

Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Руководящие работники органов государственной безопасности, входящие в номенклатуру ЦК КПСС, утверждаются в должности Центральным Комитетом КПСС. Работники, входящие в номенклатуру местных партийных органов, утверждаются в должности соответственно ЦК компартий союзных республик, крайкомами и обкомами КПСС».

Шелепин вслед за своим предшественником Серовым продолжал чистку архивов госбезопасности от опасных документов.

Сохранилось написанное от руки письмо Шелепина Хрущеву с предложением уничтожить все документы по Катыни, чтобы поляки никогда не получили подтверждения, что их офицеров, попавших в плен в 1939-м, расстрелял вовсе не Гитлер, а Сталин. Шелепин считал, что нужно уничтожить эти документы, чтобы избежать «расконспирации проведенной операции и нежелательных для нашего государства последствий». Это письмо — один из самых циничных документов, которые открылись в последние годы. Впрочем, столь же цинично поведение всех советских руководителей, включая Горбачева, которые прекрасно знали правду о Катыни, но продолжали врать. И только Борис Ельцин не пожелал в этом участвовать.

КАК ВСТРЕТИЛИ ШЕЛЕПИНА В КГБ?

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, бывший первый заместитель председателя КГБ, считает, что серьезной ошибкой Шелепина было то, что он не скрывал недоверия к кадровым сотрудникам госбезопасности, убирал опытных чекистов, заменял их молодыми ребятами из комсомола. Впрочем, можно увидеть и нечто положительное в этом обновлении кадров — вместо тех, кто участвовал в сталинских репрессиях, пришли новые люди. Другое дело, что они слишком быстро осваивались на Лубянке и наследовали худшие традиции этого ведомства.

В 1950-е управление военной контрразведки возглавлял генерал-лейтенант Дмитрий Сергеевич Леонов, который служил в армии с 1922 года и во время войны был членом военных советов Калининского, 1-го Прибалтийского и 2-го Дальневосточного фронтов.

Отсутствие у него высшего образования и специальных знаний, вспоминает его бывший подчиненный Борис Гераскин, ставило контрразведчиков в трудное положение. В апреле 1959 года его отправили на пенсию. Он заплакал.

Его заместитель генерал-майор Анатолий Михайлович Гуськов растроганно сказал:

— Дмитрий Сергеевич, сегодня такой необычный и памятный день. Давайте вечером соберемся в ресторане и вас тепло проводим.

Леонов задумался, его лицо приобрело обычный суровый, отрешенный вид. Он ответил:

— Что еще придумали! Толкаете меня на организацию коллективной пьянки. Нет, увольте...

Начальником Девятого управления (охрана высшего руководства страны) Шелепин тоже назначил бывшего комсомольского работника — Владимира Яковлевича Чекалова.

Шелепину потом поставят в вину, что он сразу начал перекраивать структуру комитета, не посоветовавшись со специалистами. До Шелепина в КГБ каждой отрасли народного хозяйства соответствовало свое подразделение. Одно управление занималось экономикой, другое — идеологией, третье — транспортом и так далее. Он ликвидировал все эти самостоятельные управления, превратил их в отделы и свел в единое Главное управление контрразведки, а заодно и сократил аппарат. При Андропове пойдет обратный процесс.

Военную контрразведку из главного управления он сделал просто управлением, Все это больно ударило по амбициям чекистского начальства, которое лишилось больших должностей. Понятно, что многие генералы затаили обиду на Шелепина.

Зато Шелепин сделал упор на электронную разведку и работу дешифровщиков, которые читали иностранную шифропереписку. При нем в 1959 году появилась служба «Д», которая потом стала службой «А» — «активные мероприятия», то есть дезинформация. Ее главной мишенью стала Западная Германия, которую обвиняли в неонацизме и реваншизме.

Рядовые сотрудники КГБ обижались на Шелепина: он лишил аппарат ведомственных санаториев, домов отдыха, еще каких-то привилегий. Он упразднил несколько учебных заведений, сократил хозяйственные структуры, ликвидировал самостоятельное медицинское управление и управление снабжения и вооружение.

Шелепин, по мнению Бобкова, готов был выполнить любое распоряжение начальства, но желал при этом выглядеть принципиальным. Может быть, это и так, хотя жизненный путь Александра Николаевича свидетельствует о том, что он не был таким уж послушным исполнителем приказов сверху...

Николай Григорьевич Егорычев, бывший первый секретарь Московского горкома партии:

— Чтобы менять курс, надо было иметь большое мужество. Он начал преобразовывать комитет, пригласил в КГБ молодежь. Ше-

лепин привел в комитет образованных ребят из комсомола. Им не хватало профессионального опыта, зато руки были чистые.

До Шелепина в КГБ работали оперативники, которые даже школы не закончили. Кадровые чекисты обижались, что новичкам сразу присваивали высокие звания, назначали на руководящие должности. Шелепин вернул культ Дзержинского, чекиста-идеалиста, который надежно защищает советского человека.

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко:

— Иногда Шелепин демонстрировал интерес к мнению рядовых сотрудников. Это был как бы стереотип поведения, элемент показной демократии. Так, однажды, когда после обсуждения у председателя КГБ очередного вопроса по Африке я попросил разрешения покинуть его кабинет и, получив таковое, уже направился к двери, как вдруг Шелепин остановил меня словами:

— Извините, товарищ Кирпиченко, я забыл спросить ваше личное мнение по данной проблеме!

Помню, мне было очень приятно, что моим мнением поинтересовался лично председатель КГБ.

Второй известный мне случай, когда Шелепин поинтересовался личным мнением оперативного сотрудника, носил вообще сенсационный характер. Во время доклада одного из руководителей разведки председателю последний вдруг совершенно неожиданно задал ему вопрос, что он думает о развитии обстановки в Сомали. Докладчик не смог ответить и попросил некоторое время на изучение вопроса, но Шелепин проявил нетерпение и заявил, что ему надо знать мнение разведки немедленно. И тут же велел своему помощнику разыскать номер телефона разведчика, который непосредственно занимается этим государством.

Через несколько минут помощник доложил, что Сомали в ПГУ занимается Виталий Иванович П., и назвал номер его телефона. И здесь Шелепин преподнес руководству разведки еще один урок своей демократичности в сочетании с оперативностью. Он самолично набрал нужный номер и представился сотруднику:

— Вас беспокоит председатель КГБ Шелепин. Не могли бы вы ответить на следующий вопрос?..

Весть об этом телефонном разговоре быстро разнеслась по коридорам разведки, и все не переставали удивляться новым демократическим порядкам.

Будущий генерал Борис Гераскин, который в те годы занимал высокую должность, вспоминает, как ему позвонил председатель КГБ.

В 1959 году был арестован подполковник генерального штаба Петр Попов, который в 1953-м служил в группе советских войск в Австрии и там стал работать на американцев. После ареста Попова Шелепин сам позвонил Гераскину, служившему в военной контрразведке.

— Вы могли бы доложить оперативную обстановку в генеральном штабе?

— Конечно.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы собраться с мыслями?

— Достаточно тридцати минут.

— Через тридцать минут жду вас с докладом.

Шелепин принял без задержки, своего мнения не навязывал, соображения подчиненных выслушал внимательно.

ДВА ВЫСТРЕЛА ИЗ ГАЗОВОГО ПИСТОЛЕТА

При Шелепине продолжались операции по устранению убежавших на Запад врагов советской власти.

Его предшественник Серов подписал приказ об уничтожении главного идеолога Народно-трудового союза Льва Ребета. Он был убит офицером КГБ Богданом Сташинским 12 октября 1957 года. Через два года Сташинский убил в Мюнхене Степана Бандеру, лидера Организации украинских националистов. Когда Бандера открывал дверь своей квартиры, прятавшийся в подъезде убийца выстрелил ему в лицо.

Степан Андреевич Бандера родился в 1908 году в семье грекокатолического священника, который некоторое время служил в петлюровской армии.

Степан Бандера окончил польскую гимназию, собирался стать агоронном, но недоучился. Он рано вовлекся в борьбу за национальную независимость украинского народа. Западная Украина входила в состав Польши, и первые годы Бандера боролся против поляков.

В 1932 году двадцатитрехлетний Бандера уже стал заместителем председателя Организации украинских националистов — после нескольких терактов, в первую очередь после убийства комиссара львовской полиции.

Летом 1934 года Бандера организовал в Варшаве убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Другие лидеры украинского движения осудили этот теракт, потому что убийство министра стало поводом для репрессий против украинцев на территории Польши. Бандера был арестован, приговорен к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением. Его освободили немцы, оккупировавшие Польшу в 1939-м.

Пока он сидел, другие люди возглавили ОУН, это больше всего злило Бандеру. Нового руководителя ОУН Андрея Мельника он просто ненавидел.

Степан Бандера неверно истолковал намерения немцев, которые отнесли к нему благожелательно как к врагу Польши и Советского Союза.

30 июня 1941 года Бандера, не спросив у немцев разрешения, провозгласил в Львове «Акт возрождения Украинского государства». Правительство возглавил его друг Ярослав Стецько. Гитлера это ра-

озлило. Создание независимой Украины не входило в его планы, территорию Советского Союза он предполагал превратить в немецкую колонию. На следующий день Бандеру арестовали. Впрочем, ему еще повезло. Люди Андрея Мельника попытались создать свое правительство в Киеве, тоже взятом немецкими войсками. Их гестапо расстреляло.

Три года, до 1944 года, Бандера просидел в концлагере Заксенхаузен. Два его брата погибли в немецком концлагере. Отец погиб в тюрьме НКВД в 1941 году, сестер — уже после войны — тоже отправили в ГУЛАГ.

В судьбу Бандеры вмешался Альфред Розенберг, министр по делам оккупированных восточных территорий. Он был сторонником широкого привлечения и прибалтийских, и украинских националистов на сторону Германии. В конце сентября 1944 года Бандеру освободили, он уже был очень больным человеком, часто попадал в больницу.

На сторону Германии перешло достаточное число украинцев. Часть из них вступила в дивизии войск СС «Галичина». Украинские ээсовцы именовали себя сечевыми стрельцами и считали, что сражаются за независимую Украину.

14-я гренадерская дивизия войск СС, которой командовал генерал Фрайтаг, одновременно являлась 1-й дивизией Украинской освободительной армии (Украинске вызвольне вийско) и в этом качестве формально подчинялась Украинскому национальному комитету, созданному 12 марта 1945 года.

Генерал Андрей Власов предложил Бандере официальное сотрудничество в борьбе против советской власти. Бандера ответил, что после такого долгого заключения он не имеет права принимать единоличные решения и должен проконсультироваться с руководством Украинской повстанческой армии.

К сотрудничеству с Власовым УПА готова была только при условии, что он признает будущую независимость Украины.

Власов отказался признать независимость Украины, сославшись на манифест Комитета освобождения народов России, который провозгласил единую и неделимую Россию. Но все это в любом случае были пустые хлопоты — неостановимое наступление Красной армии положило конец надеждам и генерала Власова, и его украинских партнеров.

Но борьба украинских националистов на территории Западной Украины продолжалась еще долго. Для Восточной Украины приход Красной армии был освобождением, а Западную Украину восстановление советской власти радовало значительно меньше. Раскулачивание, выселение крепких хозяев и репрессии НКВД создавали питательную почву для действий бандеровцев. В рядах ОУН сражались десятки тысяч людей.

В последний год войны и после нее под руководством Бандеры отряды украинских националистов вели кровавую борьбу против

наступающей Красной армии и советской власти. На его совести тысячи убитых людей: бандеровцы стреляли не только в чекистов и красноармейцев...

В 1947 году наконец сбылась мечта Бандеры — он возглавил ОУН. Но через несколько лет движение украинских националистов было подавлено. Бандера обосновался в Мюнхене под вымышленным именем.

Богдан Сташинский получил в КГБ специальный газовый пистолет, который распылял содержимое капсулы с цианистым калием. Газ приводил к остановке сердца. Расчет был на то, что патологоанатом решит, будто причина смерти — сердечная недостаточность.

За ликвидацию Бандеры Шелепин вручил ему орден Красного Знамени. Но у Богдана Сташинского была любимая женщина, немка, которая переманила его на другую сторону. Через два года, 12 августа 1961 года, Богдан Сташинский сбежал на Запад и обо всем рассказал западногерманской полиции.

После этого в Москве было решено подобные акции проводить только в самом крайнем случае.

Владимир Семичастный:

— У Сташинского был роман с немкой. Он попросил разрешения встретиться с ней. И в знак благодарности Шелепин разрешил ему на неделю поехать к любимой женщине, а он остался и все выдал. Я говорил потом Шелепину: «Зачем ты его отпустил?» Вот вам и «железный Шурик»...

Богдана Сташинского немцы судили, но суд признал его исполнителем и вынес сравнительно мягкий приговор, а организатором убийства назвал председателя КГБ Александра Шелепина. Эта история создала Шелепину дурную репутацию на Западе. Со временем она станет поводом для того, чтобы убрать Шелепина из политики.

МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ ХРУЩЕВА

В 1961 году на XXII съезде КПСС председатель КГБ Шелепин выступил с резкой антисталинской речью, говорил о репрессиях, называл цифры. Он заявил:

— Органы государственной безопасности реорганизованы, значительно сокращены, освобождены от несвойственных им функций, очищены от карьеристских элементов... Органы государственной безопасности — это уже не пугало, каким их пытались сделать в недалеком прошлом враги Берия и его подручные, а подлинно народные политические органы нашей партии в прямом смысле этого слова... Теперь чекисты могут с чистой совестью смотреть в глаза партии, в глаза советского народа.

На первом пленуме после съезда, 31 октября 1961 года, Шелепин был избран секретарем ЦК. Это стало началом стремительной

партийной карьеры. В КГБ он проработал меньше трех лет. Через две недели после его ухода с поста председателя КГБ на освободившееся место был назначен его друг и товарищ Владимир Ефимович Семичастный, который до этого был вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана.

Николай Егорычев:

— Хрущев опирался на новых людей, начал нас, молодых, выдвигать. Александр Николаевич, как негласно считалось, среди нас, партийной молодежи, занимал самое высокое положение и в какой-то мере влиял на наше поведение, взгляды.

Через год Шелепин получил еще два поста. В ноябре 1962 года пленум ЦК по предложению Хрущева принял решение об образовании Комитета партийно-государственного контроля. Создавался орган с огромными, почти неограниченными полномочиями, который получил право контролировать и партийные органы, и правительство, и Вооруженные силы, и даже КГБ.

Структура комитета дублировала и правительство, и аппарат ЦК. Комитет получил право проводить расследования, налагать взыскания на провинившихся и передавать дела в прокуратуру и суд.

Говорят, что этому пытались помешать два первых заместителя главы правительства Косыгин и Микоян, понимая, что создание нового комитета существенно ослабляет власть Совета министров.

Председателем комитета Хрущев назначил Шелепина. А заодно сделал его и заместителем главы правительства:

— Ему надо будет иметь дело с министрами, с государственными органами и надо, чтобы он имел необходимые полномочия.

Такой набор должностей сделал Шелепина одним из самых влиятельных в стране людей. Историки даже делают вывод, что реальная власть в стране постепенно переходила от Хрущева к Шелепину.

Леонид Замятин:

— Хрущеву нравилась его требовательность, ум. Шелепин не высказывал, держался скромно, на вторых ролях...

Ни к кому Хрущев не относился с таким доверием и никого не поднимал так быстро, как Шелепина. Первый секретарь доверял Александру Николаевичу, ценил его деловые качества, поручал ему самые важные дела, в частности партийные кадры и контроль над аппаратом.

Почему же в 1964 году именно «молодежь» во главе с Шелепиным выступила против Хрущева?

Хрущев был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Но отсутствие образования часто толкало его к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна.

А с другой стороны, окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Солженицыну и Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

У партийных секретарей были личные причины не любить Хрущева. Они жаждали покоя и комфорта, а Хрущев проводил перманентную кадровую революцию. Он членов ЦК шпынял и гонял, как мальчишек.

Поэт Андрей Вознесенский пишет о Хрущеве: «Пройдя школу лицедейства, владения собой, когда, затаив ненависть к тирану, он вынужден был плясать перед ним «гопачок» при гостях, он, видимо, как бы мстя за свои былые унижения, сам, придя на престол, завел манеру публично унижать людей, растаптывать их достоинство».

Группа партийных руководителей, среди них Шелепин и Семичастный, договорилась убрать Хрущева. Но, вероятно, тот все-таки что-то почувствовал, недаром хотел вернуть в политику, а точнее, призвать себе на помощь маршала Жукова.

Леонид Митрофанович Замятин, который тогда работал в министерстве иностранных дел, рассказал мне, как незадолго до своего снятия Хрущев на обеде в честь президента Индонезии произнес неожиданно откровенную речь. Хрущев говорил:

— Вот интересно. Я недавно приехал из отпуска, а все меня уговаривают, что я нездоров, что мне надо поехать подлечиться. Врачи говорят, эти все говорят. Ну ладно, я поеду. А когда вернусь, я всю эту «центр-пробку» выбью.

И он показал на сидевших тут же членов президиума ЦК:

— Они думают, что все могут решить без меня...

Самоуверенность подвела Хрущева. Его отправили на пенсию раньше, чем он успел убрать более молодых соперников.

Свержение Хрущева не вызвало недовольства в стране. Напротив, люди были довольны. Возникла надежда на обновление и улучшение жизни. Появились молодые и приятные лица. Старое-то партийное руководство за небольшим исключением представляло собой малосимпатичную компанию.

Борис Пастернак писал тогда:

И каждый день приносят тупо,
Так что и вправду невтерпеж,
Фотографические группы
Сплошных свиноподобных рож.

Шелепин вспоминал позднее, что после пленума, на котором Хрущева отправили на пенсию, все члены президиума ЦК собрались с ним попрощаться. Все стояли. Никита Сергеевич подходил к каждому, пожимал руку. Когда подошел к Шелепину, вдруг сказал:

— С тобой они сделают так же, если не хуже...

Шелепин тогда, наверное, только усмехнулся. Но опытный Хрущев не ошибся. Слова оказались пророческими...

Может, Шелепин и Семичастный зря приняли участие в свержении Хрущева? Им было бы лучше, если бы он остался. Не жалели ли потом Шелепин и его друзья, что все это сделали?

Владимир Семичастный:

— Нет. Хрущев к нам хорошо относился, он даже не поверил, когда ему сказали, что мы с Шелепиным участвовали. Но дело не в этом. Обстановка в стране была такая, что нельзя было больше этого терпеть. Мы ошиблись с Брежневым, хотя объективно у него все данные были. Косыгин бы подошел, но он всегда был на вторых ролях. А Брежнев подходил по всем данным. Вторая роль в партии, занимался космосом, ракетными делами. Симпатичный, общительный...

«КОМСОМОЛЯТА» И БРЕЖНЕВ

Брежнева поначалу считали руководителем слабым, временным. А стране нужна крепкая рука, вот и думали, что Брежневу придется уступить место более сильному лидеру — Шелепину.

Зять Хрущева Алексей Аджубей, который дружил с Шелепиным и не терял надежды вернуться во власть, таинственно всем говорил:

— Скоро все переменится. Леня долго не усидит, придет Саша Шелепин.

Многие тогда верили, что Брежнев — временная фигура, отзывались о нем очень небрежно.

Леонид Замятин:

— Так и Шелепин его воспринимал. Брежнев — работник максимум областного масштаба, а не руководитель огромного государства, примитивный, две-три мысли связать не в состоянии, теоретических знаний никаких. Ему все речи писали...

Шелепин после отставки Хрущева получил повышение, вошел в президиум ЦК. В отличие от Брежнева, который никогда не горел на службе, Шелепин вкалывал. Как же у них складывались отношения?

Валерий Харазов:

— Вначале они были едины. Они даже семьями встречались, а потом возникли разные мелкие проблемы, оставившие, однако же, неприятный осадок.

Между Брежневым и Шелепиным быстро пробежала черная кошка.

Леонид Замятин:

— Брежневу сначала был нужен сильный человек, который бы имел ключи к КГБ и поддержал его как лидера партии и государства. Образовался тандем Брежнев—Шелепин. Но потом Брежнев стал присматриваться к Шелепину. И доброхотов много оказалось, которые о Шелепине разное рассказывали...

Внешне Брежнев вел себя очень дружелюбно, многозначительно намекал Шелепину, что, дескать, ты меня будешь заменять во время отпуска или командировок. А потом оставлял на хозяйстве других. Шелепину не доверял.

Как-то Кочемасов заехал в ЦК к Шелепину, спросил, какие у него теперь обязанности? Все думали, что Шелепин будет вторым секретарем. Шелепин развел руками:

— Постоянных обязанностей у меня нет, есть только постоянные разговоры.

Владимир Семичастный:

— На несколько месяцев Шелепин был выдвинут на вторую роль, Брежнев вручил ему оргдела, кадры, все самое важное. Шелепин этим занимался. Затем кадры Брежнев передал новому секретарю ЦК Капитонову и замкнул его на себя. А Шелепину поручил легкую и пищевую промышленность, финансы.

Это было столкновение не только двух личностей. Молодые партийные руководители, которые свергли Хрущева, быстро обнаружили, что Брежнев их тоже не устраивает. Они ждали больших перемен в политике, экономике, личной судьбе, а получилось, что они убрали Хрущева только для того, чтобы Брежнев мог наслаждаться властью.

Николай Егорычев:

— Мы разошлись с тем руководством, которое возглавлял Брежнев, в наших политических взглядах.

Владимир Семичастный:

— Мы с Шелепиным занимали довольно критическую позицию с момента прихода Брежнева к власти. Это убеждало его, что мы куда-то рвемся. Его напугало, что операция с Хрущевым была проведена так тихо и спокойно.

Наверное, у Леонида Ильича возникала неприятная мысль: а вдруг они и нового первого секретаря захотят убрать, как убрали Хрущева?

ТАК БЫЛ ЛИ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗАГОВОР?

Брежнева принято только ругать. Но может быть, он был не так уж плох? Его считают сравнительно либеральным, мягким, приличным человеком, зла особого он никому не делал. Может быть, и к лучшему, что Брежнев, а не Шелепин стоял во главе страны?

Люди, которые знали их обоих, говорят, что Брежнев только казался добродушным. Он мягко стелил, но спать было жестко. Александр Николаевич Шелепин был немногословным, волевым, организованным, держал себя в руках, не любил расхлябанности. Но едва ли он был таким уж крутым и жестким, каким его изображали.

Николай Месяцев:

— «Железный» — значит, все должен подминать под себя, так? А он был демократичный по натуре человек. Милый, симпатичный парень. И он не был мстительным. У нас ведь принято: как попал в беду, так вколачивают в землю по уши. А он не мстил людям.

Николай Егорычев:

— Разговоры, что он был очень крутой, думаю, завели, чтобы его дискредитировать. А не было этого на самом деле. Он был демократичным и доступным. Я знаю только двух человек в руководстве страны, которые сами снимали телефонную трубку, — Косыгина и Шелепина. К остальным надо было пробиваться через помощников и секретарей. Причем если Шелепин был на совещании и не мог разговаривать, он всегда потом сам перезванивал...

Вокруг Шелепина собрались деятельные, динамичные, преданные ему люди. Молодая часть партийного и государственного аппарата вся ему симпатизировала.

Птенцы гнезда Шелепина, выходцы из комсомола реально занимали важнейшие должности в стране. Госбезопасность, министерство внутренних дел, телевидение, ТАСС — там везде сидели друзья Шелепина.

— Когда нас всех разогнали, — рассказывает Николай Месяцев, — нам часто говорили: не может быть, чтобы у вас не было организационной спайки. Но ее не было, мы всегда оставались просто друзьями и единомышленниками.

Но старые друзья в своем кругу откровенно говорили, что Брежнев не годится в лидеры государства и что именно Шелепин должен стать первым секретарем. «Комсомолята» с гордостью произносили: вот у нас растет «железный Шурик», он и сменит Брежнева.

Николай Месяцев:

— Часто собирались у меня на даче. Но не было таких разговоров, что надо Брежнева свергать и ставить Шелепина. Я знал, что все это прослушивается или может прослушиваться. Я же сам в госбезопасности работал... Хотя были и среди нас дурачки, которые, поддав, вставали на стол и кричали: «Да здравствует Шелепин!»

А что сам Шелепин? Он намекал, что хотел бы стать первым секретарем? Ведь плох солдат, который не мечтает стать маршалом.

Николай Егорычев:

— Александр Николаевич любил беседовать с глазу на глаз. Но мы не говорили о том, что он должен занять место первого. Разговоры сводились к тому, что страна остановилась в развитии, пятится назад. Вот что нас беспокоило...

Неужели группа молодых руководителей, которая сплотилась вокруг Шелепина, не хотела получить возможность воплотить свои идеи на практике?

Владимир Семичастный:

— Нет, мы просто еще не созрели для того, чтобы брать на себя ответственность за государство. Рядом с Микояном, Подгорным, Сусловым мы были комсомольцами в коротких штанишках. Нам на что-то претендовать было смешно...

Но разговоры в Москве шли о том, что Шелепин и его друзья уже даже составили некий теневой кабинет министров, распреде-

дили должности. Член политбюро Дмитрий Степанович Полянский остановил на сессии Верховного Совета Месяцева и ернически спросил:

— Ну, как дела, член теневого кабинета?

Месяцев был тогда председателем Государственного комитета по телевидению и радиовещанию.

Считается, что даже будущий член политбюро и академик Александр Николаевич Яковлев принадлежал к команде Шелепина. Я спросил Яковлева: действительно ли его планировали назначить на высокий пост, если бы к власти пришел Шелепин?

— Это полнейшая чепуха, — ответил Александр Николаевич. — Когда стали разбираться с этой молодежной группой, у них вроде бы действительно какой-то список нашли. И якобы в одном списке была и моя фамилия. Но я-то тут при чем? Мне что-то импонировало — например выступления Шелепина против привилегий. Что я Шелепину симпатизировал, не скажу, что я к нему относился отрицательно, тоже не скажу.

Так был ли все-таки комсомольский заговор против Брежнева?

Александр Яковлев:

— Я думаю, это миф. По пьяной лавочке где-то что-то сказали. Но кто у нас по пьяной лавочке групп не создает? Протрезвеют, а группы нет.

— А что же было на самом деле?

— Была группа влиятельных людей, которая хотела поставить во главе страны Алексея Николаевича Косыгина. С ним связывали прогрессивные экономические реформы, возможность проведения более здоровой линии. Я бы тоже не возражал, если бы Брежнева сменил Косыгин.

— А мог все-таки Александр Шелепин стать первым человеком в стране?

— Его слабым местом считалось отсутствие опыта практической работы. Из комсомола он перешел сразу в КГБ, а затем в ЦК. Он никогда не руководил каким-то регионом, не занимался вопросами народного хозяйства.

С одной стороны, он не был своим для первых секретарей обкомов. Говорят, что они бы его не поддержали. С другой стороны, в областях и краях многие партийные руководители были выходцами из комсомола. Они с уважением относились к Шелепину. Он был самым молодым членом политбюро и, возможно, самым умным. Так что у него был шанс стать первым.

Солженицын писал тогда: «Готовился крутой возврат к сталинизму во главе с «железным Шуриком»...»

Шелепин представлялся Солженицыну монстром: «Железный Шурик» не дремлет, он крадется там, по закоулкам, к власти, и из первых его движений будет оторвать мне голову».

Александр Яковлев:

— Он не глупый был человек, с хорошим образованием. Способный, но догматик. На секретариате ЦК однажды он выступил в защиту Лысенко. Тошнехонько было его слушать.

У Шелепина было сложное отношение к Сталину. На посту председателя КГБ он многое сделал для процесса реабилитации незаконно осужденных. Он безусловно осуждал репрессии 1937 года. Но за остальное, по мнению Шелепина, особенно за победу над Германией, Сталин достоин глубокого уважения. Тут он радикально расходился с Хрущевым.

Леонид Замятин:

— Александр Николаевич был своего рода сталинистом. Получилось, что Хрущев, когда начал борьбу со сталинизмом, оперся на человека, который был против самого Хрущева.

Александр Яковлев:

— Он был прожженный сталинист, андроповского типа, может быть, даже жестче. А положительное в нем было то, что он говорил: начинать обновление надо с партии, чтобы аппарат вел себя прилично. Мне нравилось, что он говорил о привилегиях как о заболевании партийно-государственного аппарата...

Шелепин настаивал на том, чтобы в партийных документах акцентировался классовый подход, требовал давать отпор империализму и добиваться взаимопонимания с маоистским Китаем. Интеллигенция и даже часть аппарата ЦК боялись его прихода, считая, что это станет возвращением к сталинским порядкам.

Шелепин (да и Семичастный), с его характером и решительностью, внушал страх не только самому Брежневу, но и многим другим высшим чиновникам, вцепившимся в свои кресла. Им куда больше нравился Брежнев с его основополагающим принципом: живи и давай жить другим.

Говорят о том, что Шелепин возражал против решений XX съезда, требовал жестких мер в экономике.

Валерий Харазов:

— Это не так. Он был сторонником того, чтобы открыть частные парикмахерские, часовые мастерские. Считал глупостью ликвидацию промкооперации... А то еще был период, когда выпускали только большегрузные автомобили, а возили на них три ящика. Но была линия, и никто не хотел от нее отходить. А он понимал: это глупость...

Шелепин представлял молодую, образованную часть аппарата, которая пришла на государственные должности после войны. Она исходила из того, что экономика нуждается в обновлении, в реформах и прежде всего в технической модернизации. Она хотела экономических реформ при жесткой идеологической линии. Это примерно тот путь, который избрал Китай при Дэн Сяопине. Молодые партийные руководители поддерживали Косыгина и Шелепина. Если бы Шелепин возглавил страну, страна пошла бы, условно говоря, по китайскому пути.

ТАКИЕ ЛЮДИ И БЕЗ ОХРАНЫ?

Шелепин совершил тактическую ошибку, настроив против себя других членов президиума ЦК, которые стали его врагами.

Владимир Семичастный:

— Шелепин, когда стал членом президиума, не взял охрану. Брежнев меня спросил: почему Шелепин без охраны ездит? Я говорю: он же отказывается от охраны. Пусть скажет, я ему завтра хоть взвод поставлю. Тут Шелепин встает и говорит: «Леонид Ильич, а зачем нас охранять? Я считаю, что нужно охранять трех первых лиц первого секретаря, председателя Президиума Верховного Совета и главу правительства. А нас-то чего охранять? От кого?»

Заодно Шелепин выступил против «иконостасов». Он сказал, что ему стыдно, когда во время демонстрации он стоит на мавзолее, а рабочие несут его портрет. Зачем повсюду выставлять портреты вождей?

Члены президиума ЦК замолкли. Но тут вмешался секретарь ЦК Суслов, ведавший идеологией:

— Это традиция такая. В этом проявляется авторитет партии. Нас не поймут, если отменим.

На этом обсуждение вопроса закончилось.

Председатель КГБ Семичастный встал:

— Ну так как, ставить Шелепину охрану?

Шелепин махнул рукой:

— Ставь...

Валерий Харазов:

— Он переезжал с квартиры на квартиру. Однажды ему сделали ремонт. Он спросил, сколько стоит ремонт. Ему принесли документы. Он их просмотрел и попросил помощника заплатить. Об этом узнали его коллеги. Не бывало еще такого! Члены политбюро обиделись: в какое положение их поставил Шелепин! Что же, и им теперь за все платить? Не привыкли.

А Шелепин к тому же говорил, что члены политбюро оторвались от масс. Кому такое понравится?

Он высказался также против того, чтобы члены политбюро сами себя награждали орденами. Ну, тут уж он и вовсе задел товарищей за живое...

Вячеслав Кочемасов:

— На политбюро он выступил за пересмотр всей системы привилегий для начальства. Речь шла и о зарплате, и о дачах, и о специальном питании, машинах, охране. Он говорил твердо, убежденно. Он все это высказал. Воцарилось молчание. Никто не берет слово. Наконец Подгорный говорит: «Ну, вот Саша у нас народник, придумал все...» Члены политбюро с облегчением заулыбались и все его предложения благополучно похоронили...

Была такая знаменитая история. «Комсомольская правда» опубликовала невиданно резкую статью писателя Аркадия Сахнина, в

которой расписала художества обласканного властью капитан-директора Одесской китобойной флотилии Алексея Соляника, чье имя гремело по всей стране.

Соляник оказался и самодуром, и хамом, и занимался фантастическими по тем временам махинациями.

Главным редактором «Комсомольской правды» был известный журналист и поэт Юрий Воронов, который прошел блокаду. Он когда-то работал в калининградской «Смене». Туда приехал Шелепин, обратил на него внимание и сразу перевел в «Комсомолку» заместителем главного редактора. Воронов вскоре стал главным, он очень хорошо вел газету — смело и интересно.

Флотилия Соляника была приписана к Одессе, и руководство Украины возмутилось, потребовало наказать газету. Секретарь ЦК, отвечавший за идеологию, Михаил Андреевич Сулов поручил отделу пропаганды и Комитету партийного контроля разобраться и доложить.

Отдел пропаганды, которым руководил Александр Николаевич Яковлев, изучил всю ситуацию с флотилией, привлек прокуратуру и составил служебную записку: за исключением некоторых мелочей статья правильная. КПК поддержал эти выводы. Первый заместитель председателя КПК Зиновий Сердюк, в прошлом секретарь Компартии Украины, не очень любил новое киевское начальство, поэтому не горел желанием наказывать газету.

Вопрос обсуждался на секретариате ЦК.

Сулов первому дал слово Алексею Солянику.

Тот говорил, что статья в «Комсомолке» — это клевета, подрыв авторитета руководства, оскорбление коллектива... Требовал наказать газету и тех, кто ее поддерживает.

Вдруг открылась дверь, и появился Брежнев. Генеральный секретарь никогда не приходил на заседания секретариата — это не его уровень. Он председательствует на политбюро. Брежнев молча сел справа от Сулова. И стало ясно, что генеральный секретарь пришел поддержать Соляника. Известно было, что у Брежнева особо тесные отношения с украинским руководством.

Все выступавшие осудили выступление газеты и поддержали Соляника. А относительно записки отдела пропаганды дипломатично говорили: отдел не разобрался, не глубоко вник. Обсуждение шло к тому, чтобы наказать газету и реабилитировать Соляника.

И тут слово взял Александр Шелепин, тогда еще секретарь ЦК и член политбюро:

— У нас получилось очень интересное обсуждение. Но никто не затрагивал главного вопроса: а правильно в статье изложены факты или неправильно? Если неправильно, то давайте накажем и главного редактора «Комсомолки», и тех, кто подписал записку. А если факты правильные, то давайте спросим у товарища Соляника: в состоянии он руководить делом или нет? У него во флотилии самоубийство, незаконные бригады... Давайте решим главный вопрос.

В зале заседаний секретариата наступила гробовая тишина. Тут как ни в чем ни бывало заговорил Сулов. Его выступление было шедевром аппаратного искусства:

— Вопрос ясен. Правильно товарищи здесь говорили, что товарищ Соляник не может возглавлять флотилию.

Но никто этого не говорил! Все, кроме Шелепина, наоборот, пытались его защитить!

— Здесь звучали предложения исключить товарища Соляника из партии, — продолжал Сулов, — но этого не надо делать.

Опять-таки никто этого не говорил!

— Вместе с тем мы не можем допустить, чтобы существовали незаконные бригады, — гневно говорил Сулов.

И карьера Соляника закончилась.

Потом выяснилось, что Соляник незаконно продавал изделия из китового уса в Новой Зеландии, Австралии, привозил из-за границы дорогие ковры и дарил их членам политбюро Компартии Украины. Московских начальников он тоже не обделил вниманием.

Брежнев не выступил в защиту Соляника, хотя пришел, чтобы его спасти. Промолчал.

«НАДО ЗНАТЬ, КАКИХ ДРУЗЕЙ ВЫБИРАТЬ...»

Бывший член политбюро Вадим Медведев вспоминает, как, перебравшись из Ленинграда в столицу, он обнаружил, что в центральных органах власти, в правительстве и в аппарате ЦК, было поразительно мало москвичей. Тон задавали напористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики.

Причем Брежнев не любил столичных жителей, потому что среди них оказалось много сторонников Шелепина.

На ключевые должности Брежнев расставлял тех, кого знал много лет и кому доверял.

К власти пришла брежневская южная когорта, которую знающие люди делили на разные группы — днепропетровскую, молдавскую и казахстанскую — в зависимости от того, где тому или иному чиновнику посчастливилось поработать с Леонидом Ильичом. В особом фаворе были те, кто познакомился с Брежневым еще в годы его юности и молодости, когда он начинал свою карьеру в Днепропетровске.

В «днепропетровский клан» входили будущий глава правительства Николай Тихонов, заместитель главы правительства Игнатий Новиков, управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов, министр внутренних дел Николай Щелоков, первый заместитель председателя КГБ Георгий Цинев. Они все даже окончили одно и то же учебное заведение — Днепропетровский металлургический институт. А в соседнем Днепродзержинске вместе с Брежне-

вым заканчивал металлургический институт его будущий помощник Георгий Цуканов. Все это были преданные Брежневу люди, его надежная команда.

И в Москве невесело шутили, что история России делится на три этапа — допетровский, петровский и днепропетровский.

Брежнев не забывал старых знакомых, помогал им, он вообще обладал завидным даром поддерживать добрые отношения с нужными людьми, и они ему преданно служили.

Он стал вводить в руководство новых людей — в качестве противовеса «комсомольцам» Шелепина. Так секретарем ЦК по сельскому хозяйству в 1965 году был избран Федор Давыдович Кулаков, который своим возвышением был обязан только Брежневу.

А он нуждался в поддержке, особенно в первые годы, пока его позиции не окрепли. Ему ведь понадобились годы на то, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. Только тогда он смог успокоиться. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева.

В августе 1965 года Шелепин резко выступил против влиятельной «украинской группировки», вспоминает Анастас Микоян. На заседании президиума стали обсуждать письмо первого секретаря ЦК Компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста. Он просил разрешить Украине самостоятельно выступать на внешнем рынке.

Письмо поступило в отсутствие Брежнева, который отдыхал на юге. Замещавший его секретарь ЦК Николай Викторович Подгорный, тоже выходец с Украины, разослал письмо Шелеста в различные ведомства с просьбой дать заключение.

Но решительно все возразили против такого предложения. Микоян сказал, что еще сорок лет назад был решен вопрос о монополии внешней торговли и его пересмотр невозможен.

Увидев такую реакцию, Шелест сказал, что он теперь видит ошибочность своего письма и готов взять его обратно.

Микоян добавил:

— Товарищ Шелест, ваш долг, приехав в Киев, сообщить обо всем членам президиума ЦК Компартии Украины, навести настоящую самокритику в связи с той политической ошибкой, которая вытекает из вашего предложения, и сделать необходимые выводы.

Затем выступил секретарь по идеологии Петр Нилович Демичев, который завел разговор о том, что на Украине и в самом украинском ЦК вообще процветает национализм, что в аппарате ЦК в Киеве почти не осталось русских.

А потом еще жестче выступил Шелепин, который сказал, что за политическую ошибку Шелеста несет ответственность не только сам Шелест, но и Подгорный, который, пользуясь своим положением второго человека в партии, никому не позволяет вмешиваться в дела Украины.

Шелепин сказал:

— Дело дошло до того, что в Севастополе при вручении награды Черноморскому флоту, флоту русской славы, все выступления были на украинском языке. В Крыму русских больше, но передачи по радио, по телевидению ведутся на украинском языке. И вообще украинский язык насаждается в ущерб русскому. Так что националистическая линия просматривается не только во внешней торговле, но в политике, в идеологии.

Шелепин сказал, что необходимо провести пленум ЦК Компартии Украины и по-настоящему разобраться.

Но Брежнев постарался спустить это дело на тормозах. Он сказал, что сомневается, надо ли проводить пленум, наверное, достаточно, что члены президиума обменялись мнениями, а товарищ Шелест все замечания учтет.

Анастас Микоян видел в этом обсуждении проявление великодержавного шовинизма. Но за этой схваткой стояла попытка подорвать позиции влиятельной «украинской группы», на которую первоначально опирался Брежнев.

Зачем же, интересно, Шелепин противопоставлял себя остальным членам партийного руководства?

Владимир Семичастный:

— Он больше противопоставлял себя Брежневу. А почему резко выступал? Да по-другому нельзя было пробить вопросы. Там надо характер показывать.

Характер у Шелепина был резкий, лавировать он не умел. Члены политбюро стали его сторониться, чувствуя, что он в опале, что Брежнев к нему плохо относится.

Чем же Брежнев был лучше Шелепина? У Брежнева была завидная биография — работал на заводе, воевал, прошел целину, был первым секретарем обкома, первым секретарем в Молдавии, в Казахстане. Он наладил хорошие отношения с военными и промышленниками. Это имело значение.

А у Шелепина в послужном списке — комсомол, КГБ и Комитет партийно-государственного контроля. Это не те должности, которые прибавляют друзей. Партийного контроля боялись еще больше, чем КГБ. Шелепин был человеком с характером: строгий, по долгу службы суровый. А рядом улыбающийся симпатичный Леонид Брежнев, который умел ладить с людьми.

Николай Месяцев:

— Молодой Брежнев — уважительно относящийся к людям, добрый, умный, красивый парень. Не только женщины от любви к нему трещали по всем швам, но и мужчины в него влюблялись. Но когда он почувствовал, что такое власть, он стал другим человеком. Слаще власти ничего нет и быть не может.

Брежневу не хватало образования, но он был искусственным политическим бойцом и мастером аппаратной интриги. Его недооценили. У Брежнева было чутье на людей. Он четко представлял, кто за него, а кто против. Это он точно знал.

Николай Егорычев:

— Мы, кто помоложе, были доверчивы. Если бы не были доверчивы, может, Шелепин и занял бы его место... Когда освободили Хрущева, Брежнев нас обвел вокруг пальца. Он клялся и божился, что будет проводить линию XX и XXII съездов. Мы были с ним предельно откровенны. У меня с Леонидом Ильичом было много разговоров. Он все знал о моих настроениях. И когда пришел к власти, он уже знал, с кем ему не по пути. Делал вид, что хорошо к нам относится, а в душе был готов с нами распрощаться. Нам пришлось очень трудно...

Устранением Шелепина и его команды занялось умелое брежневское окружение.

Николай Месяцев:

— Там были крупные мастера закулисной игры, знатоки кадровой кухни. Зайдешь в кабинет — стол совершенно пустой, ни одной бумаги, будто нет в государстве дел. А они по телефону орудуют: этого надо убрать, того назначить, третьего загнать куда-нибудь подальше. Действовали Суслов и Кириленко — это костолом был такой, что будь здоров. Вот они постепенно и вытащили из-под Шелепина все властные структуры...

Брежнев видел, что должность председателя Комитета партийно-государственного контроля дает Шелепину слишком большую власть, и ловким ходом предложил этот комитет расформировать. В декабре 1965 года комитет разбили на два — партийного контроля и народного контроля. Заодно лишили Шелепина поста заместителя главы правительства. Он перестал быть вторым по влиянию человеком в президиуме ЦК.

Михаил Степанович Капица, который со временем станет заместителем министра иностранных дел СССР, вспоминал, как в январе 1966 года в Ханой отправили делегацию. Поездка была секретной. Делегацию возглавлял Шелепин, который, казалось, занимал второе место в партийной иерархии, с ним поехали секретарь ЦК Дмитрий Федорович Устинов, отвечавший за вооружения и оборону, и генерал Владимир Федорович Толубко, тогда первый заместитель главнокомандующего Рaketными войсками стратегического назначения.

«Времени до поездки оставалось мало, — вспоминал Капица, — и мы часто работали вместе с Шелепиным, который требовал подготовить весомые директивы, яркую речь на приеме.

Шелепин был взвинчен, потому что как раз в это время западные разведки и печать ежедневно подбрасывали вымыслы о том, что он намеревается отстранить Брежнева и стать во главе партии и государства.

Брежнев заходил в кабинет Шелепина, и они обменивались мнениями о предстоящем визите Брежнева в Монголию и Шелепина — во Вьетнам.

Я вспоминаю сейчас об этом, и в голову приходит мысль, что эти одновременные поездки не были случайными: Брежнев, который

побаивался Шелепина, не хотел оставлять его в Москве во время своего отсутствия. В СССР уже испытывалась практика устранения руководителей во время их отсутствия в столице...

В Ханое перед ужином ко мне подошел прикрепленный к делегации вьетнамец и предложил подать на ужин лягушек. Он поведал, что недавно Фидель Кастро прислал Хо Ши Мину лягушек, так называемых «быков», весом в пятьсот граммов.

Хо Ши Мин распорядился запустить их в пруд у дворца президента. Но по ночам лягушки поднимали такой бычий рев, что Хо Ши Мин распорядился поскорее отправить их на кухню. Предложение мне понравилось. Шелепин и Устинов спросили, что за необычное блюдо им подали, я пояснил, что это — полевая курочка (так зовется блюдо в Китае).

Все остались довольны ужином. Но когда мы вернулись в кабинет посла И.С. Щербакова, я проговорился, что мы ели; посол спокойно подтвердил: поужинали мы кастровскими лягушками... После этого Шелепин при встречах всегда жаловался, что я его лягушками накормил...

По пути из Ханоя в Москву мы сделали остановку в Иркутске, чтобы подождать прилета из Улан-Батора Брежнева и возглавляемую им делегацию, в которую, в частности, входили член политбюро, первый секретарь Компартии Казахстана Кунаев, министр иностранных дел Громыко и министр обороны Малиновский.

Тогда-то состоялась известная «вечеря», во время которой Шелепин жаловался, что на него, дескать, возводят напраслину, что он вовсе не стремится узурпировать власть и стать руководителем партии и государства, что он искренне поддерживал и поддерживает Леонида Ильича...»

Брежнев и его сподвижники оказались хитрее в политике, чем Шелепин и его друзья.

Николай Месяцев:

— Они переиграли нас. Мне во время поездки в Монголию Цеденбал говорит: «Что вы себя ведете как дети? Вам, как курам, головы отвернут». Что они и сделали. В политике нельзя ходить в рубашке нараспашку...

Шелепинское окружение даже предупреждали, что готовится расправа. Один певец пришел к Николаю Месяцеву, вывел его будто бы погулять и на улице по-дружески рассказал, что накануне пел на даче у члена политбюро Андрея Павловича Кириленко, очень близкого к Брежневу. И случайно услышал, как Кириленко кому-то говорил: «Мы всех этих молодых загоним к чертовой матери». Дескать, имейте в виду...

Шелепинскую команду подслушивали, хотя Семичастный был председателем КГБ.

Николай Месяцев:

— Мне рассказали, что помимо той службы подслушивания, которая подчиняется Семичастному, как председателю КГБ, есть

еще особая служба, которая подслушивает и самого Семичастного. Я Владимиру Ефимовичу об этом сообщил. Он говорит: «Этого не может быть!» А я говорю: «Может...»

СХВАТКА ИЗ-ЗА ЩЕЛОКОВА

Пробой стал вопрос о назначении Николая Анисимовича Щелокова союзным министром охраны общественного порядка. Брежнев хорошо знал Щелокова.

Еще перед войной Николай Анисимович работал в Днепропетровске, там был избран секретарем райкома, потом председателем горисполкома. А Леонид Ильич Брежнев был тогда секретарем Днепропетровского обкома.

В июле 1941 года Щелоков ушел в армию. Военная карьера сложилась скромно: заместитель начальника тыла группы войск, начальник политотдела дивизии, корпуса.

Но главным в его военной карьере оказалось то, что уже после войны он оказался в политуправлении Прикарпатского военного округа. А начальником у него был Брежнев.

После демобилизации Щелокова оставили на Украине. Сталин отправил в Киев первым секретарем Лазаря Кагановича. Каганович с его бешеным темпераментом снимал тех, кто ему не нравился, и продвигал новых людей. Щелокова поставили заведовать промышленным отделом республиканского ЦК.

В 1951 году его перебросили в соседнюю Молдавию и назначили первым заместителем председателя Совета Министров республики. А главой Молдавии был Леонид Ильич Брежнев. Щелоков нравился Брежневу.

Брежнева вскоре забрали из Молдавии, и они расстались на долгие пятнадцать лет. Но когда Леонид Ильич возглавил страну, он вспомнил всех своих молдавских друзей.

Константин Устинович Черненко стал заведовать общим отделом ЦК КПСС, Сергей Павлович Трапезников — отделом науки и учебных заведений. Семен Кузьмич Цвигун стал первым заместителем Андропова. А Щелокова Брежнев в 1966 году сначала сделал вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии, а потом решил перевести в Москву.

Решения в политбюро принимались только единогласно. А против назначения Щелокова министром решительно возразил Шелепин. Председатель КГБ Семичастный в политбюро не входил, но влияние имел большое. Он тоже отговаривал Брежнева назначать Щелокова министром.

Семичастный говорил:

— Я знал его по Украине, знал его делишки. Да и вообще: получается, что Брежнев повсюду таскает за собой Щелокова. Зачем он вам нужен? К тому же есть готовый министр — Вадим Тикунув.

Видя сопротивление Шелепина и Семичастного, Брежнев даже отозвал проект решения Политбюро о назначении Щелокова. Но он не отказался от своей кандидатуры, а стал готовить почву для назначения Николая Анисимовича. Брежнев подолгу беседовал с членами Политбюро, убеждая их в своей правоте.

В январе 1960 года Хрущев упразднил союзное министерство внутренних дел, решив, что вполне достаточно иметь республиканские министерства. А в 1962 году республиканские МВД были переименованы в министерства охраны общественного порядка. Для Хрущева аббревиатура МВД ассоциировалась с Берией, и он хотел перевернуть эту страницу истории.

С 1961 года российским министром был Вадим Степанович Тикунов, генерал внутренней службы второго ранга. Он окончил Алма-Атинский юридический институт — единственный юрист среди всех министров внутренних дел с 1917 года. Тикунов работал в комсомоле, в административном отделе ЦК КПСС, который курировал все силовые ведомства. Когда Александр Шелепин в 1959 году стал председателем КГБ, он взял себе Тикунова замом, а уходя в 1961-м, добился назначения Вадима Степановича министром внутренних дел России.

Когда Тикунова назначили министром охраны общественного порядка РСФСР, он пожаловался начальнику Седьмого управления КГБ Виктору Алидину:

— Очень не хочется идти на работу в систему МВД, но Шелепин настаивает, говорит, что эту должность может занять Серов. А он нам совсем не подходит.

Генерал армии Иван Александрович Серов был человеком Хрущева. В тот момент он возглавлял военную разведку, но Шелепин, видно, опасался, что Хрущев сделает его министром.

Тикунов оставил о себе приличную память среди профессионалов. Он добился у правительства разрешения работникам милиции бесплатно пользоваться городским и пригородным транспортом. По его предложению каждый год 10 ноября стали отмечать День милиции. На первый праздник пришел Никита Сергеевич Хрущев и выступил.

На XXIII съезде Тикунова сделали кандидатом в члены ЦК, избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали орден Ленина. Все это сулило продолжение удачной карьеры.

В июле 1966-го был решен вопрос о воссоздании союзного министерства охраны общественного порядка. Предполагалось, что министром останется Тикунов, он уже принимал поздравления. Но решения Политбюро все не было.

В сентябре 1966-го Тикунова вызвал в ЦК Брежнев. Генерального секретаря интересовали два вопроса. Не способна ли милиция вмешаться в политическую жизнь? И насколько милиция взаимодействует с КГБ (госбезопасностью еще руководил Владимир Семичастный). Борьба Брежнева с Шелепиным была в самом разгаре, и

Леонид Ильич, видимо, побаивался оставлять в руках «комсомольцев» оба силовых ведомства.

Тикунов твердо ответил, что милиция не способна на авантюризм. Даже если бы нашлись отдельные личности, милиция бы на это не пошла. А с КГБ министерство взаимодействует не так уж часто — во время массовых мероприятий и в борьбе с валютчиками.

Брежнев сказал, что есть мнение назначить министром свежего человека — Шелокова, а Тикунову предложил остаться в союзном МВД первым замом. Тикунов не мог спорить с генеральным секретарем и согласился. Но Брежнев не захотел оставлять шелепинского человека на второй по значению должности в МВД.

Шли месяцы, а Тикунов не получал назначения. Он звонил в отдел административных органов: что происходит? Ему отвечали: не торопись, подожди, все решится. Потом предложили место заместителя председателя Комитета народного контроля. Тикунов отказался. Он стал добиваться приема у генерального секретаря.

Брежнев принял его, сказал, что в МВД ему нет смысла возвращаться, и предложил работу в отделе кадров дипломатических и внешнеторговых органов (отдел заграничных кадров) ЦК КПСС. Через два года Тикунова отправили советником-посланником в Румынию. Должность была маленькая, но его снова принял Брежнев — оказал внимание. Он всегда действовал по принципу: ни с кем без нужды не ссориться.

Тикунов прекрасно понимал, что сломало ему карьеру, и пытался объяснить, говорил, что его отношения с Шелепиным и этой группой не носят политического характера. Они просто друзья, не может же он с ними вдруг порвать отношения.

Брежнев ни на чем не настаивал.

После Румынии Тикунова сделали послом — в Верхней Вольте, потом в Камеруне. Эти небольшие африканские государства практически не интересовали советскую внешнюю политику, и работа была просто ссылкой. К тому же это страны с тяжелым климатом. Умер Вадим Степанович Тикунов в пятьдесят девять лет...

НЕУДАЧНАЯ ПОЕЗДКА В АНГЛИЮ

Брежнев стал отодвигать Шелепина и дискредитировать его команду. Пошли разговоры о том, что вот «комсомольцы» пытаются захватить власть в стране, в партии. Леонид Ильич был внешне доброжелателен, но с особой брежневской хитростью всех разогнал.

Брежнев первым делом нашел повод снять с поста председателя КГБ Владимира Семичастного и услав его на Украину. Потом еще человек тридцать—сорок из окружения Шелепина разогнали кого куда, большей частью послами в малозначимые государства. Николай Егорычев уехал послом в Данию. Николай Месяцев вернулся из командировки в Хабаровск, а ему в аэропорту говорят: вас только

что освободили от должности. Месяцева отправили послом в Австралию.

И наконец, самого Шелепина Брежнев убрал из партийного аппарата. 26 сентября 1967 года пленум ЦК КПСС освободил от обязанностей секретаря ЦК Александра Николаевича Шелепина, полководца без армии. Он остался членом политбюро, но был переброшен на второразрядный пост председателя ВЦСПС.

Впрочем, в роли главы профсоюзов энергичный и популярный Шелепин тоже был неудобен Брежневу.

Леонид Замятин:

— Шелепин, как человек большой энергии, стал бывать на заводах, общаться с рабочими. Выдвинул программу социальной поддержки рабочего класса, занялся строительством санаториев для рабочих. Популярность его росла.

Николай Егорычев:

— Пришел Шелепин в профсоюзы, люди вздохнули свободно. Другой климат: можно прийти к человеку, он примет, выслушает, поможет... Но работать Шелепину уже было трудно. Когда его перевели в ВЦСПС, он на каждом шагу чувствовал, что его оттирают.

Владимир Семичастный:

— У него уже вообще не ладилась отношения с Брежневым. Все предложения, которые он вносил, работая в ВЦСПС, либо маринвались, либо отклонялись. Шелепин оказывался в глупом положении перед своим активом. Он действовал энергично, но его идеи благополучно проваливались. Брежнев сбивал его авторитет и опускал до уровня обычного чиновника.

Брежнев по-прежнему воспринимал Шелепина как соперника. Тесные контакты с Шелепиным стали опасным делом. Возникла идея построить дом отдыха для тассовцев с помощью профсоюзов. Вдруг генерального директора ТАСС Замятина срочно вызывают в Барвиху к Брежневу. Генеральный секретарь сказал ему прямым текстом:

— Всех идеологов, которые окружали Шелепина, мы отослали за рубеж или в другие места. Сейчас он ищет новых людей на идеологическом фронте. Он, видишь, не бросил своих идей. Так что тебе надо знать, каких друзей выбирать...

В 1975 году Шелепин во главе профсоюзной делегации поехал в Англию. Его плохо встретили — демонстрациями, протестами. Устроили ему настоящую обструкцию. Для англичан он оставался бывшим председателем КГБ, который отдавал приказы убивать противников советской власти за рубежом. Вспомнили историю убийства Бандеры и приговор западногерманского суда, который назвал организатором убийства Шелепина.

Причем заранее было известно, что Шелепину в Лондон лучше бы не ездить. Руководство британских профсоюзов говорило советскому послу, что лучше было бы командировать кого-то другого. Но в Москве на эти предупреждения внимания не обратили.

Возле здания британских профсоюзов собралась протестующая толпа. Бывший сотрудник лондонского бюро АНП Владимир Добкин вспоминает, что пришлось Шелепина вывозить через черный ход, а посольского водителя, который вышел к лимузину, приняв, видимо, за Шелепина, закидали яйцами и пакетами с молоком.

На пресс-конференции Шелепин счел необходимым произнести ритуальные слова, предназначавшиеся не для английских, а для советских журналистов:

— Товарищи, я искренне счастлив, что работаю под руководством верного ленинца, одного из выдающихся деятелей коммунистического движения, неутомимого борца за мир во всем мире Леонида Ильича Брежнева...

Но все это уже не имело значения. Его судьба была решена. Неудачная поездка в Англию стала для Брежнева желанным поводом вывести Шелепина из политбюро. У них произошел очень резкий разговор. Шелепин сказал:

— В таком случае я уйду.

Брежнев моментально согласился:

— Уходи.

Шелепин сел и тут же написал заявление. Брежнев сразу обзвонил всех членов политбюро, и через несколько часов решение было принято.

ОТПРАВЛЕН НА ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

Отправлять Шелепина на пенсию было рано, и ему подыскали унизительно маленькую должность заместителя председателя Комитета по профессионально-техническому образованию, который ведал в основном производственно-техническими училищами (ПТУ) для молодежи.

Владимир Семичастный:

— Это, конечно, было издевательством. Когда Суслов пригласил его и сказал, что ему предлагается такая должность, он говорит: «Я же молотка никогда в руках не держал, не говоря уж о чем-то более серьезном. Как я буду учить будущий рабочий класс?» Это сделали для того, чтобы показать, что большего он не заслуживает...

В Госкомитете по профтехобразованию работал еще один выходец их комсомола — Вадим Аркадьевич Саюшев. Он был первым заместителем председателя. Он рассказывал мне, что, когда Шелепина перевели в комитет, Суслов вызвал председателя — Александра Александровича Булгакова и прямым текстом объяснил: вокруг Шелепина должен быть вакуум, поручить ему надо что-то малозначимое и позаботиться о том, чтобы у него не было никаких внешних связей.

Булгаков, бывший второй секретарь Харьковского обкома, а затем секретарь ВЦСПС, вернулся от Сулова, собрал заместителей, пересказал им весь разговор. Он был горд поручением — ему дове-

рили заниматься перевоспитанием оторвавшегося от народа бывшего члена политбюро...

Шелепину поручили заниматься учебниками. Более всего его поражала и возмущала необязательность чиновников, с которыми он теперь имел дело. Он, находясь на высоких должностях, привык, что его поручения немедленно исполняются. А тут вступила в дело бюрократическая необязательность, да и чиновная опасливость: зачем сломя голову исполнять поручение Шелепина, если даже соприкасаться с ним опасно?

Не жалел ли потом Шелепин, что поссорился с Брежневым, не говорил: «Эх, не надо было мне так?..»

Николай Егорычев:

— Если бы у него в характере такое было, он бы, наверное, изменил свое поведение раньше. Думаю, он был просто честным человеком, иначе себя вести не мог...

Поразительно то, что у Шелепина осталось так много верных ему друзей.

Валерий Харазов:

— Всех «комсомольцев» разогнали. Я последний остался. Мне прямо сказали: «Прекрати связь с Шелепиным». Я ответил: «Нет. Я связан с ним с детства, а вы хотите, чтобы я отказался от такой дружбы?» — «Тогда будет хуже». Я сказал: «Пусть будет хуже, но дружбу с Шелепиным я не порву...»

Партийная карьера Харазова тоже закончилась, его перевели в Комитет народного контроля РСФСР.

Что же такое было в Шелепине, что все его друзья буквально влюблены в него были?

Николай Егорычев:

— Мы все чувствовали, что имеем дело с умным, толковым, порядочным, добрым человеком, который искренне служит своей стране. Он был до щепетильности честным человеком. Ни дачи, ни машины, ничего у него не было...

Может быть, все дело в том, что, находясь на высоком посту, он многое мог сделать для друзей? Хорошо, наверное, иметь друга — члена политбюро?

Валерий Харазов:

— Мы дружили с пятого класса и до гробовой доски. Но никогда на нашу дружбу не влияло его высокое положение. Я занимал куда более скромные посты, но он никогда не способствовал моему продвижению. Я никогда не звонил ему на работу, только домой в воскресенье, в будние дни вечерами. И никогда у меня не возникало желания попросить его помочь. С самого начала у нас была определенная моральная основа. Друга не надо выдвигать, пусть он сам будет выдвигаем людьми, если они увидят качества, достойные выдвижения...

Власть портит. Но друзья уверены, что Шелепин — исключение.

Валерий Харазов:

— Его власть не испортила. Я так смело говорю, потому что я его всю жизнь знал. И проговорили мы за жизнь столько, сколько ни с кем не говорили. Он был скромным и застенчивым человеком, но твердым в делах.

После того как Шелепина и Семичастного убрали из политической жизни, они оказались под контролем госбезопасности. Два бывших председателя КГБ разговаривали друг с другом, зная, что бывшие подчиненные их подслушивают.

Владимир Семичастный:

— Мы выходили на улицу и на свежем воздухе разговаривали. Разговоры, не предназначенные для чужого уха, мы в помещении старались не вести. Мы понимали, что все контролируется и ставится на учет. Хотя иногда мы делали это назло, чтобы знали наше мнение...

Шелепин тяжело переживал случившееся. По мнению Николая Егорычева, ему не хватало фронтовой закалки. Кто через ад войны прошел, тому и на гражданке легче было.

Николай Егорычев:

— Пережить такое не просто. Мне или Месяцеву было легче, мы прошли фронт. Я ходил в атаку, схватывался врукопашную, мерз в окопах, у меня два ранения... Ну, освободили меня, и что? Есть образование, есть работа — будем работать. Александр Николаевич отнесся к этому очень болезненно...

В апреле 1984 года его отправили на пенсию.

Пенсия у Шелепина была маленькая, он трудно жил последние годы, нуждался. Жалел, что, работая в КГБ, отказался от генеральского звания. Генеральская пенсия бы пригодилась.

Незадолго до смерти он съездил на родину в Воронеж, нашел свой дом. Хотел зайти в квартиру, в которой вырос, да хозяйка не пустила. Она уже забыла, кто такой Шелепин.

Валерий Харазов:

— Он стеснялся, уходил от разговоров. Он прихрамывал к концу жизни, и у него плохо было с сердцем. Он умер от сердечного приступа. Позвонил мне из больницы: «Все хорошо, выписываюсь», а через два дня умер.

Это был октябрь 1994 год.

Аппарат показал, что если человек сопротивляется, то найдутся жернова, которые любого сотрут в порошок. К концу жизни Александр Николаевич Шелепин стал другим человеком, сильно изменился. Судьба обошлась с ним жестоко.

Глава 13

ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ СЕМИЧАСТНЫЙ

13 октября 1964 года, когда Хрущева срочно вызвали из Пицунды в Москву, на заседание президиума ЦК, в аэропорту первого секретаря ЦК встретил один только председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный.

Дело было не только в том, что Семичастный должен был сменить охрану Хрущева и вообще проследить, чтобы темпераментный Никита Сергеевич не предпринял каких-то неожиданных действий. Не всякий решился бы в тот момент оказаться один на один с Хрущевым. Он все еще был первым человеком в стране, и его боялись.

По словам Семичастного, Брежнев даже предлагал убить Хрущева, потому что не верил, что им удастся заставить его уйти в отставку. В какой-то момент у Брежнева сдали нервы, он расплакался и с ужасом повторял:

— Никита нас всех убьет.

А Семичастный Хрущева не боялся. Чего-чего, а воли, решительности и властности у Владимира Ефимовича было хоть отбавляй.

Шелепину и Семичастному не нравилось, когда смещение Хрущева называли заговором. На самом деле это был дворцовый переворот. Ему предшествовал долгий подготовительный период, когда руководители партии сговаривались между собой.

Поскольку Семичастный в этом активно участвовал, никакой информации о закулисной деятельности Хрущев от КГБ не получал. Какие-то сведения до него доходили, и он даже собирался обновить президиум ЦК.

Тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Шелест вспоминает, как в марте 1964 года ездил вместе с Хрущевым в Венгрию. Почти каждый вечер они вдвоем гуляли по территории резиденции. Хрущев откровенно говорил о товарищах по партийному руководству — нелестно о Брежневе и совсем убийственно — о Суслове.

Хрущев находился в очень возбужденном состоянии. За ним неотступно следовал сотрудник Девятого управления КГБ. В какой-то момент охранник слишком приблизился к Хрущеву. Никита Сергеевич просто рассвирепел:

— А вам что нужно, что вы подслушиваете, шпионите за мной? Занимайтесь своим делом!

Шелест попытался урезонить Хрущева:

— Никита Сергеевич, он ведь находится на службе.

Хрущев все так же раздраженно ответил:

— Если он на службе, пусть и несет свою службу, а не подслушивает. Знаем мы их.

Никита Сергеевич правильно чувствовал, что опасность исходит от органов госбезопасности, но подозревал не тех людей. Он считал председателя КГБ Владимира Семичастного и его предшественника Александра Шелепина лично преданными ему людьми. Он действительно высоко вознес этих молодых людей, но относительно их настроений и планов он глубоко ошибся.

Генерал-лейтенант Николай Александрович Брусницын, в те годы заместитель начальника Управления правительственной связи КГБ, вспоминает, как его вызвал Семичастный.

Хрущев уже отдыхал в Пицунде. Семичастный сказал, что нужно знать, кто и зачем звонит Хрущеву.

— Владимир Ефимович, — ответил Брусницын, — этого не только я, но и вы не имеете права знать.

Семичастный тут же набрал номер Брежнева:

— Леонид Ильич, начальник правительственной связи говорит, что это невозможно.

Выслушав Брежнева, Семичастный спросил:

— Так что можно?

— А что конкретно надо? — уточнил Брусницын.

— Надо знать, кто названивает Хрущева.

— Это можно, положено иметь такую информацию на спецкоммутаторе.

— Хорошо. Каждый час докладывайте, кто звонил.

Линия правительственной междугородной ВЧ-связи шла через Тбилиси. Ее отключили, сославшись на повреждение аппаратуры. Хрущева соединяли через спецкоммутатор Москвы, так что Семичастный знал о всех телефонных переговорах Никиты Сергеевича...

14 октября Хрущев согласился «добровольно» уйти в отставку, и это решение в тот же день было утверждено пленумом ЦК. Домой Никита Сергеевич вернулся пенсионером.

В газете «Вечерняя Москва» было интервью с личной поварихой Хрущева. Она прекрасно помнит день, когда его сняли:

«14 октября 1964 года мой муж, который работал в охране у Хрущева, пошел, как обычно, поутру на службу и тут же вернулся: «Что-то случилось! Только я приехал, как нас всех посадили в автобус и развезли по домам!» Я испугалась — быстрее на дачу! Приезжаю. Дверь открывает незнакомый человек и говорит: «Вашего хозяина сняли». Председатель Комитета госбезопасности Семичастный ласково так мне и говорит: «Иди и спокойно работай, потому что все это тебя не касается...» А как работать? Нины Петровны нет, она в Карловых Варах отдыхает. В доме паника, слезы... Когда Хрущевы уезжали с дачи, Никита Сергеевич не выдержал — сел в машину и заплакал».

После отставки Хрущева на пленуме председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный был переведен из кандидатов в члены ЦК КПСС. Его поздравляли, ему завидовали. Но в реальности он вступил на лестницу, ведущую вниз.

«ОН БЫЛ ПРОСТО НЕПРИЛИЧНО МОЛОД»

Владимир Ефимович Семичастный родился в Днепропетровской области, но к «днепропетровскому клану» никогда не принадлежал. Он окончил школу накануне войны. От службы в армии он был освобожден из-за порока сердца. В июле 1941 года его взяли председателем Красноармейского райсовета добровольного спортивного общества «Локомотив» Донецкой области. В августе его сделали секретарем узлового комитета комсомола в Красноармейске.

Он эвакуировался в Кемерово, где жила сестра. В декабре поступил в Кемеровский химико-технологический институт, но проучился недолго: на следующий год его сделали секретарем комитета комсомола Кемеровского коксохимического завода. А через два месяца избрали секретарем райкома.

Он вернулся на освобожденную Украину, и там началась его стремительная комсомольская карьера. В двадцать один год он уже был первым секретарем Донецкого обкома комсомола, и почти сразу его забрали в Киев — секретарем ЦК комсомола по кадрам. Весной 1947 года Сталин прислал на Украину первым секретарем Лазаря Кагановича. Он поставил Семичастного по главе республиканского комсомола. На эту должность предлагали более опытного работника и с высшим образованием. Но Каганович категорически сказал:

— Во главе комсомола Украины должен быть украинец.

Каганович в том же году вернулся в Москву, и полным хозяином республики опять стал Хрущев. Никита Сергеевич очень хорошо относился к Семичастному, воспринимал его как своего выдвиженца, воспитывал его и продвигал.

Семичастный помнит, как он однажды позвонил Хрущеву, попросился на прием, а тот говорит:

— Приходи. Я буду министров принимать, а ты посиди.

Хрущев вызывает одного, другого, третьего. Потом стал Семичастному разные вопросы задавать: «А ты что думаешь по этому поводу? Твое какое мнение?» Смотрел, на что молодой человек способен.

Хрущев распорядился, чтобы в аппарате ЦК ни одного вопроса, который касается комсомола, без Семичастного не решали. Но работать с Никитой Сергеевичем было не просто.

Однажды Семичастный пришел к нему с большим перечнем вопросов. А у первого секретаря настроение отвратительное. Комсомольский лидер докладывает — тот все отвергает. Как же быть? Но тут Хрущев смилостивился и говорит:

— Меня разозлили, я на тебе срываюсь. А ты все равно старайся меня убедить. Учись это делать.

В декабре 1949 года Сталин забрал Хрущева в Москву. В январе 1950-го за ним последовал Семичастный — его избрали секретарем ЦК ВЛКСМ. Ему было двадцать шесть лет. Он прошел в столице суровую школу.

Владимир Ефимович рассказывал мне:

— В 1952-м мы с Шелепиным были в Хельсинки на Олимпийских играх. Когда вернулись, нас сразу повезли в Кремль. Там сидят хмурые Маленков, Берия, Каганович и Сулов. И прорабатывали они нас с десяти вечера до шести утра. Главным обвинением был, конечно, проигрыш в футбол югославам. Ведь Сталин футболистам телеграмму послал, надеялся, что победим. Мы с югославами были тогда на ножах, так что эта игра была не спортивная, а политическая. Команду ЦСКА за проигрыш разогнали.

И нам Берия так зловеще говорит: «Вас, наверное, не туда доставили...»

Мы еще из Хельсинки дали шифровку, что опередили американцев по очкам. А в последний момент американцы подали протест по итогам соревнования по пулевой стрельбе, протест удовлетворили. И получилось, что мы не выиграли у американцев, а только сравнялись. Нам это в упрек: «Как вы могли обмануть товарища Сталина!»

Потом Маленков сходил к Сталину, вернулся успокоенный: «Товарищ Сталин сказал, что неплохо выступили, но некоторые виды спорта надо подтянуть». Тогда нас отпустили...

В комсомоле постигались правила бюрократической жизни. Семичастный стал секретарем ЦК комсомола, когда первым секретарем был Николай Александрович Михайлов, который возглавлял молодежь четырнадцать лет — с 1938-го по 1952-й.

Семичастный помнит, как приносил Михайлову служебную записку — страниц семь-восемь. Он первую страницу просмотрит, последнюю глянет и, не читая, говорит:

— Странички на две сократи и отредактируй, ладно?

Хрущев и в роли руководителя государства по-прежнему благоволил к Семичастному.

— Я попросил Хрущева встретиться с комсомольцами, уезжающими на целину, — вспоминает Семичастный. — Он согласился. Собрались в Большом театре. Привел с собой весь президиум ЦК. Мы занимались тогда самой настоящей хозяйственной работой...

Многим Семичастный запомнился громким выступлением по поводу присуждения Нобелевской премии Борису Леонидовичу Пастернаку и публикации за границей его романа «Доктор Живаго». Против поэта была устроена целая кампания травли.

— Даже свинья не гадит там, где ест, в отличие от Пастернака, — заявил Семичастный.

Речь ему, конечно, написали, что именно сказать, продиктовали сверху, но страсть и темперамент были подлинными.

Когда Шелепин в 1958 году ушел в ЦК партии, первым секретарем стал Семичастный. Но руководил он комсомолом недолго. В следующем году его, как прежде Шелепина, утвердили заведующим отделом партийных органов, то есть главным кадровиком. Эту ключевую должность, между прочим, занимали когда-то и Ежов, и Игнатьев.

Семичастный, возглавив отдел парторганов, вместе с аппаратом подготовил записку «О подборе и расстановке кадров в партии и государстве». Речь шла о необходимости обновления и омоложения партийных кадров. Он показал, что идет застой, кадры стареют, а резерва нет, потому что если первому секретарю обкома или райкома — пятьдесят лет, то второму — пятьдесят пять. Записка широко распространилась в аппарате. Кого-то стали оформлять на пенсию.

Вообще при Хрущеве, в частности усилиями Шелепина и Семичастного, выдвинули большое количество молодежи. Это пугало и раздражало старшее поколение, потому что разница в возрасте достигала двадцати лет. И сразу возникло мощное недовольство — «это удар по опытным кадрам, растеряем лучших секретарей».

Суслов был недоволен:

— Вы только пришли и уже разгоняете старые кадры?

Вот с тех пор пошли разговоры, что «комсомольцы», Шелепин с Семичастным, только и думают, как всех разогнать.

Опытные аппаратчики настроили Хрущева против Семичастного, нащептали, что новый заведомо слишком ориентируется на второго секретаря ЦК Алексея Илларионовича Кириченко. Это насторожило Хрущева.

Кириченко Хрущев (взял его в Москву из Киева) приблизил. Но вскоре убедился, что на роль второго человека Кириченко, у которого был тяжелый характер, не тянет, и расстался с ним, отправил первым секретарем Ростовского обкома. А что касается Семичастного, то Хрущев решил, что рано ему еще руководить отделом ЦК.

Когда Семичастный уехал в командировку в Венгрию, из Баку поступило необычное обращение ЦК компартии Азербайджана — обязательно прислать им на помощь Владимира Ефимовича.

Как раз в июле 1959 года был избран новый первый секретарь ЦК Вели Юсуфович Ахундов, врач по образованию. Он за два года сделал стремительную карьеру. С поста министра здравоохранения республики его в январе 1958 года сделали секретарем ЦК, в июле того же года назначили председателем Совета министров, а ровно через год — первым секретарем ЦК республики.

Просьбу ЦК Компартии Азербайджана удовлетворили. Когда Семичастный вернулся из командировки в Венгрию, уже было решено отправить его в Баку вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана. Это было понижение. Семичастный сильно переживал, но ему было всего тридцать пять лет, все впереди.

Его верный друг Шелепин оставался возле Хрущева и ждал возможности напомнить о Семичастном. Подходящий повод представился через два с половиной года, в 1961-м, когда сам Шелепин уходил в ЦК и возник вопрос, кто его сменил в КГБ.

Семичастному только что сделали операцию по поводу аппендицита, и он отдыхал в подмосковном санатории в Барвихе. Вдруг позвонил Шелепин:

— Завтра будь в ЦК.

Семичастного принял Фрол Романович Козлов, исполнявший после Кириченко роль второго секретаря ЦК:

— Мы вас рекомендуем на должность председателя КГБ.

Потом принял и Хрущев, который сменил гнев на милость и рад был видеть своего молодого выдвиженца. Владимиру Ефимовичу было всего тридцать семь лет, в ноябре 1961 года он стал самым молодым главой органов госбезопасности.

Он сразу объяснил Семичастному:

— К тебе будут проявлять интерес все кому не лень. Но имей в виду: для тебя бог и воинский начальник один, это первый секретарь.

Однажды Семичастный что-то неосторожно рассказал одному из секретарей ЦК. Потом пришел с докладом к Хрущеву. Тот раздраженно оборвал его:

— Что ты мне принес старье какое-то? Уже об этом воробьи на крышах чирикают!

Оказывается, тот секретарь ЦК за обедом уже все это пересказал. Хрущев ревновал. Он один мог давать поручения председателю КГБ и желал иметь монополию на секретную информацию. Хрущев, а потом Брежнев решали, о какой информации будут знать они одни, а с какой можно ознакомить политбюро.

— Как вам Шелепин передавал дела? — спросил я Семичастного.

— Ключи от сейфа и от стола отдал, показал, как что открывается, только код сменил: «Сам себе придумай». А что ему еще передавать? Список личного состава? Шелепин пришел на коллегию комитета, представил меня и ушел.

— Неужели ничего не посоветовал?

— Мы с ним настолько близки были и так тесно общались, что я всегда у него мог что-то спросить и посоветоваться. Нравоучений он мне не читал. Охарактеризовал немножечко людей — кого поближе держать, кого подальше, кого поскорее убрать, на кого опираться. Ну, как обычно бывает, когда один уходит, другой приходит...

Как кадровые чекисты отнеслись к Семичастному?

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко:

— Он был просто неприлично молод — тридцать семь лет. В КГБ все начальники отделов были старше Семичастного. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина. Но Семичастный правильно оценил ситуацию и, в отличие от Шелепина, стал вникать в дела службы. Держался он нарочито строго, был самолюбив и властолюбив.

Генерал армии Филипп Бобков:

— Говорили, что он малообразован, но я бы этого не сказал. Он быстро схватывал любую идею, был прост и доступен. Он внимательно относился к профессионалам, не рубил с плеча, вдумчивей, чем Шелепин, расставлял кадры. Не держался за свою идею. Если чьи-то рекомендации находил разумными, не цеплялся за свое мнение. Он был, пожалуй, слишком доверчив...

Судьба его не баловала. Ему мешала молодость. При Брежневе большинство руководителей было почтенного возраста, а тут вдруг комсомолец. Вокруг Семичастного плелись интриги. Он считался человеком Шелепина и, следовательно, нежелательной фигурой. Против него действовали руководители подразделений КГБ, при-

шедшие из партийных организаций Украины и имевшие связи с Брежневым.

Бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф:

— Это был доброжелательный и дружелюбный руководитель. Но за внешней приветливостью скрывался умный, расчетливый, идеологически жесткий человек.

ОДИН ДЕНЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ

— Как складывался день у председателя Комитета государственной безопасности? — спрашивал я Семичастного.

— Во-первых, надо утренние газеты полистать, хотя бы по заголовкам посмотреть что к чему, и сводки ТАСС, где все важное подчеркнуто. Плюс секретариат и помощники подготовили обзор иностранной прессы — это чтобы почувствовать ритм дня, понять, что в стране происходит, что за кордоном.

Потом пошла оперативная информация: сводки министерства внутренних дел, министерства здравоохранения, контрразведки — где что произошло. Это тоже нужно для начала рабочего дня.

Дальше рутинная работа. Принесли первую порцию почты — она требует неотложного рассмотрения и принятия решений. Потом образовалось окно для приема кого-то из сотрудников и представителей других ведомств. Часов в одиннадцать председатель КГБ знакомился с предназначенными для членов политбюро особыми, сверхсекретными материалами разведки и контрразведки, после чего лично подписывал их. Вечером он подпишет вторую порцию спецсообщений для политбюро. Их доставляли в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже помощники членов политбюро.

Бумаги председатель КГБ рассылал по разной разметке: общую информацию — всем членам Политбюро для расширения кругозора, более узкую тем, кто курировал направление, о котором шла речь. Когда информация касалась внешней политики — обязательно Сулову и Громыко. Все, что относилось к социалистическим странам, — Андропову. Он тогда был секретарем ЦК по социалистическим странам.

За разметкой спецсообщений строго следил аналитический отдел разведки. Он предлагал, кому и какую информацию послать, учитывал, кому она раньше посылалась, чтобы не получилось так, что члена политбюро оповестили о начале каких-то событий, а уведомить об окончании забыли. Председатель КГБ вносил коррективы, иногда говорил: давайте расширим круг получателей информации или, наоборот, сузим.

А вслед за этим шли совещания, встречи в широком кругу. Это уже не срочные текущие дела, а более крупные вопросы. И наконец, заседания комиссий, созданных для исполнения того или ино-

го решения ЦК и Совета министров. В понедельник «забивались гвозди» — намечались три-четыре важных дела, которые надо за неделю раскрутить или завершить.

В отличие от предшественников, и особенно от своих преемников, Семичастный имел только четырех заместителей.

— Заместителей надо держать столько, сколько сам можешь переварить. А то наберешь заместителей, а потом не можешь всех занять делом. Заместитель ведь не только помогает, ему надо придумать работу. Если он приходит, его надо сразу принять. А если его в очереди держать или звать, когда окошко появится, то какой он заместитель? Он же не заходит на три минуты, он придет на час, а то и приведет своих подчиненных из подразделений, которые он курирует, для доклада. Так если у тебя десять замов, их за неделю не примешь!

Начальников разведки и контрразведки, командующего пограничными войсками председатель тоже обязан принять немедленно. Другое дело, вспомогательные управления. Например, начальнику управления оперативной техники всегда можно сказать: «Знаешь, друг, подожди. Через два дня появится окно, я тебя позову». Если, конечно, не срочное дело...

Наружная разведка, так называемые «топтуны», или управление правительственной связи — они могут подождать. Если тем более связь хорошая — сними трубку и по телефону все спроси. Зато должна быть возможность встречаться с начальниками ключевых отделов и направлений. У меня была такая привычка, что по многим делам я приглашал начальников главков вместе с руководителями отделов, которые непосредственно занимаются этим делом. Я, во-первых, хочу видеть, на что способен начальник отдела, а во-вторых, он ведет разработку, у него все в голове, он знает все мелочи, тонкости, которые начальник главка мне не доложит. С ними доклад получается интереснее. Я, когда пришел, был совершенно слепой. Я им прямо сказал: без вас не смогу. Пришел начальник разведки Сахаровский на первый доклад, и мне надо принимать решения по нашей работе в Индии или Бангладеш, не помню сейчас. И не просто решать, а сказать, сколько дать денег — пять тысяч долларов или три тысячи. Без моего указания это не оформить.

Вот я прямо спросил: «Твое мнение? Ты как считаешь?» Как он сказал, такое решение я и принял. Нелепо было бы действовать иначе. Между прочим, за шесть лет работы они меня ни разу не подвели. Даже попытки такой не было — проверить меня или специально что-то подсунуть. Боже сохрани!

Начальники разведки и контрразведки Александр Михайлович Сахаровский и Олег Михайлович Грибанов — оба были очень сильные генералы. Сахаровский посуше, официальнее, немногословный. А Грибанов даже с налетом авантюризма, и мне это нравилось, потому что для контрразведчика иметь чуть авантюризма и фантазии — блестяще.

«МЕДОВАЯ ЛОВУШКА»

Начальник Второго главного управления КГБ СССР генерал Грибанов сам осуществил операцию по вербовке французского посла в Москве Мориса Дежана, известного своей любовью к балеринам Большого театра.

Разведке приятно говорить, что агенты служат ей по идеологическим, идейным соображениям. Но идейные агенты — большая редкость. В основном информацию продают. Иногда отдают по любви, если влюбляются в сотрудницу иностранной разведки. Иногда агентов вербуют с помощью шантажа.

Французскому послу устроили «медовую ловушку». Это очень сложная разведывательная операция, когда нужного человека вербуют в постели. Он влюбился в одну актрису из Большого театра. Она казалась недоступной, что только разжигало его чувство.

Убедившись в том, что он прочно сидит на крючке, посла пригласили на дачу, в реальности принадлежавшую КГБ. И тут его пассия вдруг согласилась на интимное свидание, объяснив, что муж уехал в командировку.

Посол был счастлив. Все чудесно. Квартиру, разумеется, оборудовали подслушивающей техникой. В самый неподходящий момент, среди ночи, открыв дверь своим ключом, появился как бы муж, а на самом деле офицер КГБ. Он умело изображал пьяного и ревнивого человека. Увидев, что происходит, он разыграл возмущение, избил посла и выставил его на улицу буквально в одной шляпе.

Когда балерина закричала: «Не бей его! Это же французский посол!» — «муж» гневно завопил, что он подаст в суд, он пожалуется французскому правительству... Это больше всего напугало посла. Он бросился за помощью к человеку, с которым его познакомили, объяснив, что он большая «шишка» в Москве.

«Шишка» сидел в здании Совета министров в собственном кабинете, послу сообщили его номер телефона. Этой «шишкой» был начальник контрразведки Грибанов.

Посол попросил его как-нибудь уладить эту историю, не доводя дело до международного скандала. Грибанов нехотя согласился подействовать, но объяснил, что все могут только люди из КГБ. С ними надо установить контакты, наверное, они захотят поговорить о будущем советско-французских отношений. Никаких секретов, разумеется, просто поговорить...

Посол был согласен на все, лишь бы избежать огласки. Так его и завербовали. Но всю операцию провалил один из перебежчиков, который, оказавшись на Западе, описал приготовленную для французца «медовую ловушку».

Карьера Грибанова закончилась в 1964 году, когда бежал офицер КГБ Юрий Носенко. Начальнику контрразведки пришлось ответить за провал.

Зато при Семичастном был пойман один из самых знаменитых шпионов XX века полковник советской военной разведки Олег Пеньковский, который работал на англичан и американцев. Его арест был большим успехом КГБ.

Арестованного Пеньковского сразу привезли к председателю КГБ Владимиру Ефимовичу Семичастному.

— Я просто хотел на него посмотреть, — рассказывал мне Семичастный. — Пеньковский стал бормотать, что он ничего плохого не сделал, ни в чем не виноват и готов помочь родине. Я приказал его увести...

— Какой вред принес Пеньковский? — спросил я Семичастного.

— Он давал информацию американцам и англичанам и об атомных делах, и о ракетных, об их дислокации. Но это что ему перепадало, так сказать, с маршальского стола. Я имею в виду маршала Варенцова, который командовал артиллерией и ракетными войсками сухопутных войск. Доступа к высшим секретам у Пеньковского не было. Скажем, о переброске ракет на Кубу Пеньковский не знал. Так что Пеньковский не был той фигурой, какой его изображают. Почему же мы его все-таки расстреляли? Потому что он был хорошим для них агентом. И плохим для нас сотрудником...

Пеньковский среди прочего провалил лучшего советского агента в Швеции. Когда советник шведского правительства по вопросам разоружения и друг короля Густава Адольфа, полковник Генерального штаба Стиг Эрик Констанс Веннерстрём был арестован в Стокгольме, он признался, что работал на Москву пятнадцать лет. По объему информации, которую он давал, Веннерстрёма сравнивали с Кимом Филби.

С ним работал генерал Виталий Александрович Никольский из Главного разведывательного управления Генерального штаба. В 1960 году его назначили военным атташе в Швеции.

— Швеция, как таковая, особого интереса не представляла, — рассказывает генерал Никольский. — Практически всю информацию о ее армии и флоте можно было получить из открытых источников. С помощью шведов мы пытались найти ключи к секретам НАТО и США. Веннерстрём и был нам нужен именно для этого. Пять лет он служил военно-воздушным атташе в Вашингтоне, закупал самолеты для шведских ВВС и имел, следовательно, доступ ко всем американским новинкам. Потом он четыре года возглавлял отдел вооружений военно-воздушных сил в министерстве обороны — сами понимаете, какими возможностями он обладал.

Например, наших военных в то время очень интересовала новая американская ракета «Хок». Мы попросили Веннерстрёма, и он добыл то, что нам было нужно.

— Самый опасный для агента момент — передача информации. Где вы встречались с Веннерстрёмом? — спросил я Никольского.

— Мы виделись с ним очень часто, раза два в неделю на всевозможных приемах, куда обязательно приглашают военного атташе.

В этой толчее он передавал мне информацию, а я ему — задания центра. Веннерстрём работал в военном атташате в Москве, хорошо говорил по-русски, и его контакты с русскими выглядели естественно.

— Почему он провалился?

— Информацию о новейших западных вооружениях, которая поступала от Веннерстрёма, Главное разведывательное управление передавало тем, кого она больше всего интересовала, то есть советским производителям оружия. К этой информации имел доступ и полковник Пеньковский, который в конце концов установил, что немалая часть секретных сведений поступает из Швеции, и сообщил об этом своим английским связным.

— Шведская контрразведка, вообще говоря, не известна своими успехами. Как же шведы вышли на Веннерстрёма?

— Незадолго до его провала из центра пришло указание устроить встречу Веннерстрёма с крупным начальником из ГРУ. Но не в Швеции, а в Финляндии. Веннерстрём поехал в Хельсинки — поездки мы ему оплачивали.

Мой коллега в Финляндии получил указание организовать встречу с ним не на конспиративной квартире военной разведки, а у «соседей» — для надежности. Резидент КГБ предоставил свою квартиру. Московский начальник и Веннерстрём мило побеседовали на этой квартире, а через несколько недель «соседский» резидент бежал на Запад и выдал все, что знал.

— А в чем был смысл этой встречи в Хельсинки, которая так дорого обошлась?

— А зачем все наши начальники так любят ездить за границу? — вопросом на вопрос ответил Никольский. — Предмет беседы был самый пустяковый: Веннерстрёма горячо благодарили за проделанную работу. Как будто бы я не мог того же сделать с меньшими для разведки убытками! Веннерстрёму много чего обещали — и пенсию, и орден, но ничего не дали.

Наша привычка обещать невыполнимое тоже сыграла роковую роль в его судьбе.

Секретные материалы, которые нас интересовали, он фотографировал. Я снабжал его специальной фотопленкой, которая называлась «шит». Ее разработали в нашем научно-исследовательском институте и доложили начальству, что, если она попадет в руки врага, никто не сумеет ее проявить.

Веннерстрём свято в это верил и не спешил избавиться от пленок. Но когда его арестовали, шведские эксперты быстро сумели их проявить, и это было неоспоримое доказательство его вины. Взяли его в тот момент, когда он по нашему заданию переснял важные документы Генерального штаба, а отдать пленки не успел.

— Выходит, в его провале виновна советская разведка?

— Разведка существовала не в безвоздушном пространстве. Она страдала теми же болезнями, что и весь наш государственный аппарат.

Однажды я получил из центра указание приобрести два клистрона — детали, необходимые для запуска ракет и, естественно, запрещенные к экспорту в социалистические страны. Обошлись они нам в четыре тысячи долларов каждая.

Когда детали уже были у нас в руках, из центра приходит указание: один клистрон за ненадобностью вернуть. Но сделать это было невозможно! Покупали мы их через подставных лиц, потому что за такую операцию торговца могли запросто упрятать за решетку.

Но в центре наши доводы не принимались и расходы на покупку второго клистрона не утверждались.

Стоимость проклятой детали равнялась двум моим годовым окладам. Попытки предложить второй клистрон чехам и полякам ни к чему не привели. Случайно спросил нашего торгового представителя: не нужен ли кому клистрон? Он запросил министерство внешней торговли и мгновенно получил ответ: «Нарочным выслать деталь в Москву! Примите срочные меры для закупки еще пяти штук, крайне необходимых нашим институтам».

КАК ТРУДНО СТАТЬ ГЕНЕРАЛОМ

— Сколько же времени понадобилось на то, чтобы войти предстоящему в новую работу? — спросил я Семичастного.

— Чтобы разобратся и почувствовать, кто на что способен, — года полтора.

— А что вас больше всего поразило, когда вы пришли в КГБ?

— Все поразило. Никогда еще я не имел такой всеобъемлющей информации, такого обилия материалов, разностороннего и глубокого понимания того, что происходит в мире и в стране. И на меня произвели впечатление кадры. Люди, которые туда подбирались, их через семь сит просеивали. Кадровики примечали подходящих ребят еще на втором курсе института. Сотню брали на учет, а отбирали в конечном итоге трех человек. Отбор был индивидуальный, штучный. Поэтому сложился высокопрофессиональный коллектив.

Из этих людей могли получиться и министры, и писатели, и ученые. В шифровально-дешифровальном управлении у нас начальники были членами-корреспондентами Академии наук, это профессиональные математики.

— Я помню, в Грузии возникло так называемое «винное дело», — продолжал Семичастный. — Не совсем наша забота, но мы за него зацепились. Когда Шелепин и я были председателями, у нас политических дел единицы были, следственный отдел бездельничал, на работу приходили, а делать-то нечего. Мы это грузинское дело взяли в свое производство, и я отправил туда бригаду следователей, человек сорок. Так вот, нашим следователям, чтобы они дело закрыли, предлагали взятки в пятнадцать—двадцать тысяч рублей. Никто не соблазнился!..

Во время поездок по стране Семичастный видел, что лишних людей в системе госбезопасности было предостаточно, некоторым сотрудникам городских отделов просто нечем заняться, они высасывают дела из пальца, чтобы оправдать свое существование. Побывав в одном городе, увидел, что у чекистов совсем нет работы, и распорядился убрать оттуда людей. В городах, где иностранцы вообще не бывают, зачем держать большой аппарат?

Больших сокращений он уже не проводил, но и разрастанию аппарата сопротивлялся. Разрастание начнется после него, при Андропове.

Семичастный любил рассказывать такой анекдот. Отец-чекист ушел на пенсию, сын принял его дела и через день укоризненно говорит отцу:

— Папа, что же ты пятнадцать лет вел это дело? А я его прочитал и сразу закрыл.

Отец огорченно качает головой:

— Эх ты, молодо-зелено, я на этом деле пятнадцать лет кормил-ся, а ты в один день с ним покончил.

— Что касается агентуры, — говорил Семичастный, — то ее не может быть больше, чем я могу переварить. Если оперативник должен работать с пятнадцатью агентами, бессмысленно давать ему пятьдесят. Не выйдет из этого ничего. Это уже будет не агент, а доносчик, стукач. А они мне не нужны. Я не один раз и Хрущеву, и Брежневу говорил: забудьте меня от необходимости давать информацию, которую не КГБ должен поставлять, а комсомольские и партийные органы. Сообщать, кто и как реагирует на решения пленума ЦК, — это не моя обязанность. Конечно, я дам информацию более точную не о том, о чем на собраниях говорят, а что на рынках, в магазинах, в очередях обсуждают. Но в принципе это не дело КГБ...

Нравы в КГБ были строгие. Считалось, что чекист должен получать только то, что ему положено. Все, что сверх, — от лукавого. Семичастному сообщили, что в Воронежском управлении КГБ «увлеклись» приобретением машин, дачных участков и лодок. И еще бильярдную устроили! Выяснилось, что и в центральном аппарате некоторые чекисты завели себе и дачу, и лодку, и еще машину купили.

На партийном активе председатель КГБ по этому поводу высказался более чем резко:

— Завели лодки, машины... Когда же вы работаете? Я тоже человек, куплю себе дачу, потом машину... О чем я буду думать на работе? О том, как написать аналитический доклад или как агента завербовать? Боже сохрани! Я буду доски искать. Или шифер. Или запчасти. Значит, снимается телефонная трубка: «С вами говорят из Комитета государственной безопасности, мне нужно...» Кончайте с этим! Выбирайте: или служба в органах, или все это...

— Но в целом аппарат был блестящий, — говорит Семичастный, — исполнительный, надежный. Подчиненных не надо было контролировать, проверять, перепроверять.

У Семичастного была другая забота.

— Кто-то вбил Хрущеву в голову, что надо с сотрудников оперативных подразделений КГБ снять погоны. Пограничников и военную контрразведку он не трогал — особысты в войсках работали, их в гражданку не оденешь. А остальных он хотел в штатских превратить...

Сталин в последние годы жизни тоже не присваивал генеральских званий офицерам МГБ. Став первым секретарем, Хрущев в мае 1954 года подписал первый список на десять новых генералов. И после этого каждый год примерно двадцать высших офицеров в системе госбезопасности получали право носить брюки с лампасами.

Начиная с 1961 года Хрущев не подписал ни одного представления на генеральское звание. Некоторые начальники управлений и председатели КГБ республик оказались всего лишь полковниками. Звание полковника председатель КГБ мог дать своей властью. А генерала — только решением Совмина и политбюро. Семичастный несколько раз обращался к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, неудобно получается. По всем неписанным положениям председатель КГБ в республике — старший воинский начальник. А он всего лишь полковник. Рядом министр внутренних дел — генерал.

Хрущев обрывал разговор:

— Ничего, обойдешься.

Семичастный с другой стороны зашел. Доказывал Хрущеву, что если снять с сотрудников КГБ воинские звания, то рухнет дисциплина в комитете, да еще придется, как в любом гражданском ведомстве, профсоюз заводить:

— Если я людей в субботу и воскресенье вызываю, так что, мне надо у профсоюза разрешение просить? Двойную оплату вводить? А если нет, мне профсоюз претензии предъявит. Вдруг случится такое, что мне, паче чаяния, понадобится отдать команду более серьезную? Скажем, стрелять надо будет? Тоже с профсоюзами согласовывать? Воинская служба обеспечивает дисциплину. Я отдал приказ и могу забыть. Подчиненный помнит и доложит об исполнении. Лишусь я этой возможности, все пойдет прахом. И он забудет, и я забуду, и дело пострадает.

Хрущев в шутку все переводил. Когда Семичастный опять завел речь о генеральских погонах, Хрущев его прервал:

— Пойдем обедать!

Зашли в Кремле в комнату, где обедали члены президиума ЦК, рядом со Свердловским залом. Хрущев говорит:

— Вот пришел председатель КГБ, просит генеральские звания. Я ему могу только свои генеральские штаны отдать, ну так он в них утонет.

— Никита Сергеевич, да я же не себе прошу...

Хрущев многих против себя восстановил тем, что руководящий состав КГБ держал в черном теле. Как и Вооруженные силы, когда тысячам офицеров пришлось уйти из армии.

Правда, Хрущев удержался от соблазна и себе звание тоже не повысил, в отличие от Брежнева. Как пришел с войны генерал-лейтенантом, так с двумя звездочками и остался. А его тоже уговаривали:

— Как же так, Никита Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, а мы старше вас по званию?

— Ничего, — уверенно говорил Хрущев, — я с вами и так управлюсь.

Вот когда Хрущева убрали, Семичастный внес список — более семидесяти человек получили генеральские звания. И сотни сотрудников КГБ удостоились орденов и медалей. Это был щедрый жест со стороны нового руководства. Брежнев знал, что с людьми в погонах надо ладить, и звездочек не жалел. Тогда и самого председателя КГБ, никогда не служившего в армии и вообще не военно-обязанного, произвели сразу в генерал-полковники.

— А то неудобно было, — вспоминает Семичастный. — Я подписываю приказы о присвоении воинских званий, вручаю погоны подчиненным, а сам остаюсь штатским. У меня начальник секретариата зарабатывал больше, чем я, потому что получал за звание и за выслугу лет. А мне, как гражданскому лицу, полагалась зарплата министра первой категории — семьсот рублей, и все. И аппарат об этом знал. Вот как присвоили мне генерала, тут я и за звание, и за выслугу стал получать.

РАКЕТЫ БЕЗ БОЕГОЛОВОК

Я спросил Семичастного, что на посту председателя КГБ удивило и потрясло его больше всего.

— Много чего такого было. Узнал ситуацию с неприкосновенными запасами. И многие другие вещи, которые я себе и представить не мог. Например, что на боевое дежурство могут поставить ракеты без боеголовок. Министр обороны Родион Яковлевич Малиновский и министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский доложили, что ракеты развернуты, а на самом деле они без боеголовок.

Мне военная контрразведка сообщила, что это Малиновский и Славский между собой втихаря договорились. Я немедленно доложил в президиум ЦК. Малиновский в претензии:

— Зачем сообщил?

Я ему объяснил:

— Мне контрразведка докладывает, а я должен молчать? Соучастником стать? Или ты хочешь сказать, что ничего не знал? Мне доподлинно известно, что вы сговорились, так что ты брось...

Потом открылись секреты взаимоотношений в высшем эшелоне власти, говорит Семичастный. Я и не знал раньше, где какой клан, землячество, из какого хутора кадры подбираются. А тут на-

чинаешь обращать внимание, почему у председателя Совета министров Косыгина пять заместителей из Днепропетровска, откуда и сам Брежнев. Тут уж понимаешь, с кем и как себя вести.

Многое открылось, что для обычного глаза незаметно. КГБ — это та организация, для которой секретов нет.

— Считается, что все телефоны высшего руководства прослушиваются. Это так?

— Не так, — возразил Семичастный. — Вот вы задумайтесь над простой вещью. Ну, соберу я все это. И что дальше? В себе держать не станешь, с кем-то поделишься, доложишь. И начнется такое сталкивание лбами, поедание друг друга. Люди будут вести себя как змеи в банке, а ты в этом главный. Это страшно. Да и технически невозможно. Магнитофоны еще редкостью были. Надо сидеть записывать. А потом всю запись дать машинистке перепечатать. Она сорок страниц перепечатает, да они никому не нужны. Разговор — половина мата. Надо три странички сделать. Сколько же людей надо на это бросить? Так что полстраны не подслушаешь.

— Неужели Хрущев и Брежнев не обращались к председателю КГБ с просьбой послушать того или иного человека?

— Были такие случаи. Например, когда стало известно, что маршал Жуков пишет мемуары, мне прямое поручение: «Ты не мог бы поинтересоваться, о чем он пишет?» Пришлось поинтересоваться. А однажды мне Хрущев поручил вызвать Кагановича и его воспитывать. И я выполнил, хотя Каганович меня вдвое старше и делал меня первым секретарем комсомола на Украине. Это были единичные случаи. Я ведь Хрущева предупреждал: Никита Сергеевич, телефонные разговоры не я слушаю. Это делают двенадцать—пятнадцать человек из аппарата. Платок набросить на каждый роток не удастся. Лишняя информация — она начинает гулять. Хрущев к этому с пониманием относился. Хотя два-три раза он на переговорах очень неосторожно разглашал разведывательные данные, а это грозило потерей источника информации...

Семичастный в наших разговорах несколько раз возвращался к мысли о том, что возможности КГБ были не безграничны:

— Вот говорят, что у КГБ бюджет был безразмерный, что председатель мог получить все, что хотел, что у меня был открытый счет: что ни попрошу все дадут! Хотел бы я в таком КГБ поработать! У меня был ограниченный бюджет. Мне, как и другим министерствам, выделяли то, что могли выделить. Я ходил на заседания комиссии по спорным вопросам в министерство финансов перед утверждением бюджета и выбивал там лишних полмиллиона или триста тысяч рублей. Мне иногда звонил министр финансов Василий Федорович Гарбузов и Христом Богом просил не приходиться на заседание комиссии.

— Почему?

— «Понимаешь, — говорит, — мне тебе отказать трудно, а если придет твой зам, я наберусь смелости и откажу. А ты меня своими разговорами о секретности загонишь в угол, и спорить с тобой труд-

но. А если я в присутствии других министров тебе все же откажу, решат, что я выше КГБ.

Все статьи расходов были настолько регламентированы, что я по одежке протягивал ножки, — говорит Семичастный. — С Гарбузовым были такие отношения, что он помогал, если мог. Но и у меня если в конце года оставалась лишняя копейка — не успели израсходовать, — то я запрещал тратить деньги на какую-то чепуху, покупку кнопок и бумаги. Я звонил Гарбузову: «Забери у меня десять миллионов и имей в виду...»

КГБ отвечал за охрану и быт политбюро. В штате Девятого управления состояли не только офицеры охраны, но и буфетчицы и горничные, которые обслуживали высшее руководство на государственных дачах. Аппетиты росли. Один член президиума просил ему бассейн вместо зимнего сада сделать. Другой — на даче березы срубить и посадить каштаны. Третий захотел дорожки из битого кирпича заасфальтировать, четвертый, наоборот, пожелал асфальт убрать.

Семичастный обратился к Хрущеву:

— Никита Сергеевич, я прошу умерьте аппетиты членов президиума. У меня нет таких возможностей. Тех денег, которые вы мне даете, не хватит, чтобы зимний сад в бассейн превращать. Кроме того, я не сам это делаю, а прошу людей в Мосгорисполкоме. У них есть специальная бригада, которая по нашим заявкам работает. Но эти рабочие насчет бассейнов и каштанов все разнесут по Москве и Подмоскovieю.

И как-то Хрущев, вспомнив слова Семичастного, вдруг на заседании президиума говорит:

— Дошли до меня слухи...

И выдал товарищам по президиуму ЦК на полную катушку за тягу к роскоши. Хотя именно тогда самому Никите Сергеевичу строили бассейн на даче в Крыму.

НОВОЧЕРКАССК И ДИССИДЕНТЫ

На время председательства Семичастного пришлось рабочее восстание в Новочеркасске в июне 1962 года.

Оно стало следствием неудач в сельскохозяйственной политике, усугубленных попыткой лишить крестьян приусадебных участков и скота. Решение бюро ЦК КПСС по РСФСР в 1958 году «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» имело своим результатом то, что людям фактически было запрещено вести личное хозяйство. Это привело к самым бедственным последствиям. Повышение цен на мясо, масло и молоко примерно на 30 процентов 31 мая 1962 года вызвало возмущение в различных городах России.

Рабочие старелитейного цеха крупнейшего в Новочеркасске Электровозостроительного завода имени С.М. Буденного прекратили работу и потребовали повышения расценок.

Дело в том, что накануне повышения цен на заводе еще и пересмотрели нормы выработки, из-за чего резко упала зарплата рабочих. К рабочим присоединились другие горожане. Собралось несколько тысяч человек. Сначала партийные работники с помощью сотрудников областного управления КГБ пытались уговорить всех разойтись. Не получилось. Прибыли двести милиционеров, но они тоже были смяты и бежали. Поздно вечером прибыли бронетранспортеры и грузовики с солдатами. Так как офицеры не знали, что им делать, военные спустя какое-то время повернули назад. Наконец прибыла усиленная танками воинская часть, которая заняла завод.

На следующий день митинг возобновился. К митингующим присоединились рабочие Новочеркасского завода нефтяного машиностроения. С портретом Ленина над колонной манифестанты двинулись в центр города к зданию горкома партии. Они пытались захватить здание, и тогда в них стали стрелять.

Первым секретарем Ростовского обкома партии был все тот же Алексей Кириченко. Он занял жесткую позицию. Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа был генерал Исса Александрович Плиев. Все главные решения принимали срочно прилетевшие из Москвы члены президиума ЦК — Анастас Иванович Микоян, первый заместитель главы правительства, и Фрол Романович Козлов, секретарь ЦК.

На счастье Семичастного, сам он в городе не был. Комитет государственной безопасности там представляли его заместители — Николай Степанович Захаров и Петр Иванович Ивашутин.

В записке КГБ, отправленной в ЦК, говорится, что «после ликвидации массовых беспорядков подобрано 20 трупов, из них две женщины, которые захоронены в разных местах области».

Потом выяснилось, что погибло 25 человек. Полный список Семичастный представит Хрущеву. В городе ввели комендантский час, полторы сотни человек были задержаны органами КГБ, из них 49 арестовали. Потом был устроен судебный процесс.

Более всего боялись, что о происшедшем станет известно за границей. В записке Семичастного в ЦК говорится: «Для выявления и пресечения возможных случаев проникновения за границу нежелательных сообщений через радиолюбителей в Новочеркасск и Шахты направлено пять машин радиоконтрразведывательной службы с радиоприемной и пеленгаторной техникой».

После трагедии в Новочеркасске на заседании президиума ЦК Комитет госбезопасности критиковали за слабую агентурную работу. Приняли постановление, в котором говорилось: «Разрешить КГБ СССР увеличить штатную численность контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ на 400 военнослужащих».

В июле 1962 года в Уголовный кодекс ввели 70-ю статью, сурово наказывавшую за «антисоветскую пропаганду и агитацию». КГБ было приказано особенно бдительно следить за идеологической чистотой в обществе.

Из отчета, подписанного Семичастным 6 августа 1965 года:

«В первой половине 1965 г. на территории СССР зарегистрировано распространение более 6500 антисоветских листовок и анонимных писем, исполненных 751 автором. По сравнению с тем же периодом 1964 г. число лиц, занимавшихся изготовлением и распространением антисоветских анонимных документов, сократилось почти в три раза...

Вскрыта и пресечена преступная деятельность 28 локальных антисоветских групп, в которые входило 125 человек... 405 человек, или более 82 процентов, профилактировано...»

В июне 1964 года Семичастный подписал большое сообщение в ЦК о художнике Илье Сергеевиче Глазунове:

«В Центральном выставочном зале с 15-го по 20 июня действовала организованная Министерством культуры СССР выставка произведений художника И. Глазунова.

Как известно, выставка проводилась, минуя Московское отделение Союза художников, которое рассматривает работы И. Глазунова не отвечающими современным идейно-художественным требованиям.

Используя недозволенные приемы саморекламы, Глазунов способствовал созданию обстановки определенной нервозности и ажитации на выставке. Несмотря на то что отдел изобразительных искусств разрешил отпечатать лишь 300 экземпляров афиши, Глазунов добился в типографии «Красное знамя» изготовления 1500 экземпляров, которые вместе со своими почитателями сам расклеивал в городе. В разговоре с иностранцами Глазунов похвалялся, как в этих целях он разбивал Москву на квадраты, обращая особое внимание на места, где живут знакомые иностранцы. Некоторых иностранцев Глазунов оповестил заранее и пригласил их посетить выставку вместе с родственниками и близкими.

В день открытия выставки, когда были сняты с экспозиции две картины, Глазунов заявил, что «забрали лучшие экземпляры». Среди части посетителей выставки распространен слух, что Глазунов является «мучеником», «борцом за правду», которого не признают в МОСХе. Этому способствовало поведение самого Глазунова на выставке, который нередко обращался к зрителям с жалобой, что он-де влачит жалкое материальное существование, что его не признают...»

В сентябре 1965-го были арестованы писатели Андрей Донатович Синявский и Юлий Маркович Даниэль. КГБ квалифицировал их действия как «особо опасное государственное преступление». Это преступление заключалось в том, что они печатались за границей под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. В феврале 1966-го суд приговорил Синявского к семи, а Даниэля к пяти годам заключения.

В начале октября 1965 года Семичастный и Генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко отправили в ЦК обширную записку:

«Докладываем, что, как свидетельствуют имеющиеся материалы, за последние годы во многих капиталистических странах получили широкое распространение произведения советских авторов, передавших их для публикации по нелегальным каналам. Как правило, это различного рода политически вредные литературные «труды» с закамуфлированной или же прямо выраженной антисоветской тематикой.

Особое место среди этой литературы заняли повести московского писателя ТАРСИСА, страдающего психическим заболеванием, осужденного в свое время НАРИЦЫ из Ленинграда, а также Абрама ТЕРЦА и Николая АРЖАКА, под псевдонимами которых скрывались ныне арестованные старший научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького, член Союза писателей СССР СИНЯВСКИЙ и литератор-переводчик ДАНИЭЛЬ.

Книги этих авторов, изданные массовыми тиражами, активно используются пропагандистскими центрами противника в антисоветской обработке общественного мнения стран Запада, в распространении так называемой «правды об СССР», а также засылаются в Советский Союз с враждебным умыслом...

Вызывает также известные опасения наличие у некоторых писателей весьма серьезных антисоветских произведений, публикация которых, по нашему мнению, в СССР невозможна, а проникновение к ним зарубежных издателей может принести заметный ущерб политическому престижу страны. Речь идет, в частности, о неопубликованном романе А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» и некоторых других его произведениях, обнаруженных при обыске у ТЕУША, о чем ЦК КПСС докладывалось...

Представляется необходимым провести среди творческой интеллигенции, наряду с принятием некоторых административных мер, достаточно широкую разъяснительную и профилактическую работу... Полагаем целесообразным провести следующее:

Комитету госбезопасности информировать о существе дел СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ правления Союзов писателей СССР и РСФСР, руководителей Института мировой литературы им. Горького, а также правления Московского и Ленинградского отделений Союза писателей.

По окончании следствия и после решения вопроса об ответственности арестованных СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ Союзу писателей СССР обеспечить участие писательской общественности в заключительных мероприятиях по делу, вопрос о которых будет решен Прокуратурой СССР, КГБ и судебными органами.

Рукописи романа А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» и его пьес «Республика труда» и «Пир победителей» Прокуратуре СССР и КГБ в порядке исключения подвергнуть конфискации с последующим хранением в архивах КГБ.

Поручить Союзу писателей СССР по согласованию с соответствующими местными партийными органами провести партийные собра-

ния и активы писательской общественности с вопросами повышения идеологической закалки творческих кадров с использованием материалов следствия по уголовным делам на лиц, сотрудничавших в антисоветской прессе. Подготовить материалы для возможной публикации в советской и иностранной прессе по этим вопросам.

Что касается ТАРСИСА, то во изменение ранее принятого решения о его аресте с целью последующего принудительного лечения, в настоящее время представляется более правильным разрешить ему выезд из Советского Союза за границу с закрытием обратного выезда.

Такая мера позволит пресечь различного рода инсинуации о «гонениях» на ТАРСИСА и в обстановке проведения профилактических мероприятий, указанных выше, локализовать действия всяких «комитетов по защите ТАРСИСА», которые в случае ареста последнего, безусловно, ассоциируют его имя с именами СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ, что вряд ли выгодно нам политически».

«КАК ТЫ МОГ ДОПУСТИТЬ ЕГО ПОБЕГ!»

Председатель КГБ в день просматривал несколько сот страниц различных документов.

Владимир Семичастный:

— Я очень часто выступал просто в роли пересыльного пункта: главный читатель был другой. Но я ставил свою подпись, поэтому должен был поправить, отредактировать, что-то попросить доработать. Когда ставишь подпись, отвечаешь. А информации шло море со всего мира. У нас же резидентуры повсюду. Все хотят показать, что работают. Иной раз из местной газеты статью переписут и присылают. Аналитический отдел все это выбрасывает. От шифровки резидента одна строка остается, а две-три страницы — в корзину.

Мне, продолжал Семичастный, начальник разведки показывал: полюбуйте на работу некоторых резидентов. Аналитик, изучавший шифровку, пишет: это уже прошло в газетах две недели назад. А резидент составляет телеграмму, ее шифруют, потом занимают линию связи, здесь ее расшифровывают. Это же в копейку влетает! А он информацию из газеты шлет, причем выбирает либо такое издание, что в Москве вовсе не получают, либо такое, что с большим опозданием приходит. А почему они газеты переписывали? Так спокойнее...

В 1964-м к американцам ушел разведчик Юрий Иванович Носенко, сын бывшего министра судостроительной промышленности. Министр был человеком уважаемым, урну с его прахом захоронили в Кремлевской стене.

Юрий Носенко уехал в командировку в Швейцарию и не вернулся. Он был заместителем начальника американского отдела Первого главного управления КГБ СССР.

Владимир Семичастный:

— Мы сменили тогда триста человек по всему миру. Может, он их и не знал, но мы должны были перестраховаться. Я обратился к Хрущеву: давайте попросим президента Соединенных Штатов Линдона Джонсона, скажем: Носенко — сын министра, вот так получилось, — может, его вернут?

Хрущев очень образно ответил, что ты вот обмазался дерьмом, ты сам и отмывайся. И в присутствии всех членов президиума ЦК завел этот разговор. Тогда Микоян говорит:

— Давай, Никита, сделаем так — Семичастный ведет оперативные дела, а ему от ЦК дадим человека, который бы занялся кадрами.

Никита Сергеевич его тут же отбрил:

— Ты не суй свой нос. Что это еще такое — он оперативник, а кадры ему станет кто-то другой добирать?..

Семичастный ушел. Вдруг догоняет чекист: «Никита Сергеевич просит вас к себе».

Хрущев уже смягчился:

— Я немного нашумел, ты не обижайся.

— Никита Сергеевич, вот вы на меня пошумели, я приду — своим выдам по первое число, те — резидентам. Знаете, к чему мы их приучаем? К тому, что они четыре года сидят и думают только о том, как бы на неприятность не нарваться. Мы им смелость отбиваем, разоружаем разведку. А ведь рисковать надо: не уворуешь — не получишь. Поэтому и газеты переписывают, что за каждый шаг ожидают втык. А надо нам к провалам спокойнее относиться. Мы ведь ведем «холодную войну» — есть победы, есть потери, есть трофеи, но и у нас крадут. Кончилось время, когда противников дурачками выставляли.

Хрущев опять завелся:

— Как ты мог допустить его побег! Он пятнадцать лет проработал в комитете, можно было проверить. Оказывается, его из одного училища выгнали, из другого...

Семичастный возразил:

— Если я начну кадры чекистов заново проверять, а особенно сыновей министров, что вы мне завтра скажете? Как на меня министры будут смотреть, если я даже их детям не доверяю?..

Я в КГБ шесть лет проработал, но где-то на третий год у меня из-за бумаг, которые мне давали, картина мира и жизни в нашей стране стала сугубо отрицательной. Мне же не об успехах писали. Это становилось невыносимо. Я смеялся: мне отпуск три раза в год нужен, чтобы я отключался. И я, уезжая, своему первому заместителю говорил: мне звонить только в особо важных случаях. В остальном доверяю на все сто процентов. В санатории мне аппарат ВЧ устанавливали около кровати и в кабинете. Но он за месяц один-два раза звонил.

У нас после одного случая с первым замом, Николаем Степановичем Захаровым, установилось полное взаимопонимание.

Я как-то выехал из пределов Москвы, дозвониться из машины было невозможно. Потом подъехал поближе к городу, звоню своему первому заместителю Захарову — его нет. На работу приехал — его все нет. Потом появляется.

— Николай Степанович, ты где был?

— Я был в ЦК.

— Так, только я за порог, а ты в ЦК? Не хитри, зайди ко мне и скажи, по какому вопросу.

Заходит:

— У меня был один вопрос, чтобы вас наградили.

— Кто тебя просил? Николай Степанович, мы работаем на доверии. Я уезжаю, оставляю тебя исполнять обязанности — пожалуйста, иди в ЦК. Но когда я в Москве, а ты бегаешь в ЦК, у меня возникает вопрос: в чем дело? Я что-то недоложил или у тебя есть особые вопросы?..

Больше таких проблем у нас не возникало.

МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ БРЕЖНЕВСКОГО СЕМЕЙСТВА

В первые же полгода после прихода к власти Брежнев стал подумывать о смене председателя КГБ.

Семичастный, понимая важность своей позиции, не хотел уходить из КГБ, хотя Леонид Ильич ему довольно прозрачно намекал, что нужно освободить кресло на Лубянке. Однажды он позвонил Семичастному:

— Володя, не пора ли тебе переходить в нашу когорту? Может, в ЦК переберешься?

Семичастный ответил:

— Рано еще. Я в КГБ всего три года. Я думаю, надо повременить.

Больше Брежнев к этому не возвращался, но дал Семичастному понять, что вопрос существует, зреет в голове первого секретаря. Через три года вопрос будет решен.

В 1967 году Брежнев избавится сразу от трех сильных и самостоятельных фигур, которые его недолюбливали. В мае он снял Семичастного с должности председателя КГБ, в июне освободил Николая Григорьевича Егорычева с поста первого секретаря Московского горкома КПСС, а в сентябре Александр Николаевич Шелепин перестал быть секретарем ЦК.

Все они были крайне неосторожны в отношениях с Брежневым. Николай Григорьевич Егорычев рассказал мне такой эпизод. По Москве стали ходить слухи. Только пройдет заседание президиума ЦК, а уже по городу говорят о его решениях, о вопросах, которые обсуждались. Как-то Егорычев зашел к Леониду Ильичу, он говорит:

— Николай, никак не можем понять, что происходит. Утечки идут. Поручи своим ребятам. Может быть, они найдут?

Егорычев пригласил начальника управления КГБ по Москве и Московской области, пересказал разговор с Брежневым и добавил:

— Поищи.

Примерно через неделю он пришел к Егорычеву расстроенный:

— Николай Григорьевич, беда!

— Что такое?

— Нашли мы этот источник. Сидит в гостинице коридорная, молодая девка, и она все это разносит.

— А откуда же она знает?

— Она подруга дочери Леонида Ильича. Днюет и ночует в этой семье.

Егорычев пришел к Брежневу и сказал:

— Нашли!

— Ну и кто?

— Гоните из вашей семьи такую-то.

Он покраснел и молчит. Я не знаю, какие у них там были отношения. Это не мое дело. Я только сказал:

— Леонид Ильич, я дал указание все эти материалы сжечь. Но вы все-таки ее гоните...

По словам Егорычева, при Хрущеве он не замечал, что за ним наблюдают:

— Хрущев был в этом отношении простой человек. Скажем, мы идем по городу, он хочет посмотреть какое-то строительство. Он терпеть не мог охраны. Если видел, что они за ним идут, набрасывался на них. Я при Хрущеве ничего не замечал и не знаю, прослушивали ли меня тогда. А при Брежневе уже заметил.

То, что я ушел в момент расцвета Москвы, было неожиданностью даже для самых близких мне людей, — говорит Егорычев. — А я был к этому готов. Я их всех закрывал своей спиной, и они считали, что у меня с Брежневым отличные отношения. Но все было гораздо сложнее.

Брежнев, видимо, считал, что я претендую на его место. Этого не было. Но так получалось, что у меня в Москве был большой авторитет. В 1966-м на партийной конференции меня тайным голосованием избрали единогласно. Такого в истории не было, обязательно несколько голосов против все получали. Брежневу это не понравилось.

— А у вас не возникало желания сказать Семичастному: ну зачем вы меня прослушиваете? Или такие вещи невозможно сказать вслух?

— Думаю, и Семичастный далеко не всегда знал, кого слушают, потому что эта служба была особо секретной...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗА ОДНО СВИДАНИЕ

Семичастный шесть лет был председателем КГБ. А мог занять еще более крупную должность. Его падение связано с еще одной драматической, а может быть, даже и с ужасной судьбой. Я имею в

виду дочь Сталина Светлану Иосифовну, которая после XX съезда взяла фамилию матери — Аллилуева.

Когда-то ей завидовали миллионы. Люди в мечтах представляли себе ее фантастически счастливую жизнь. Как они были далеки от реальности.

Ей было всего шесть лет, когда ее мать, Надежда Аллилуева, застрелилась после размолвки с мужем. Но о том, что в реальности произошло с матерью, Светлана узнает через много лет. Но после рокового выстрела в Кремле она оказалась в полнейшем одиночестве. Дочь вождя была лишена друзей и подруг, радостей общения с людьми.

Один ее брат, Яков Джугашвили, погиб в немецком плену. Отец мог его спасти, но он, похоже, не испытывал никаких родственных чувств, а Якова, своего первенца, просто не любил. Другой ее брат, Василий Сталин, сильно пил, после смерти отца оказался в тюрьме и умер молодым.

Отношения с отцом у Светланы складывались очень сложно. В детстве она была его любимицей. Потом что-то случилось: то ли он разочаровался в девочке, то ли окружающие вовсе ему опротивели, но дочь стала его раздражать.

Она очень страдала и подсознательно искала мужчину, который бы не только подарил ей свободу, но и был бы в какой-то степени похож на отца. Не потому ли все браки Светланы Сталиной оказались неудачными и быстро распались? Ни один из ее мужчин не принес ей подлинного счастья. Но и ее мужчинам пришлось несладко. Человек, которого она полюбила первым, десять лет провел в местах не столь отдаленных. Суровая плата за одно любовное свидание.

С известным сценаристом Алексеем Каплером, которого помнят как замечательного ведущего «Кинопанорамы», ее познакомил брат Василий. Он привез Каплера на дачу. Это были ноябрьские праздники. Они танцевали модный тогда фокстрот. Светлане так хотелось с кем-нибудь поговорить откровенно. И перед ней был человек, готовый ее слушать.

Между ними была разница в двадцать два года. Светлана еще училась в школе. Он приходил к ее школе, стоял в подъезде соседнего дома. Подойти боялся. Сотрудники 1-го отдела НКВД, ведавшие охраной руководителей партии и правительства, неотступно следовали за дочкой вождя.

Потом уже они вместе ходили в Третьяковку, в театры. Гуляли по заснеженной Москве. Каплер приводил Светлану в просмотровый зал Комитета кинематографии в Гнездииковском переулке, показывал ей новейшие американские фильмы. Ей запомнилась лента «Белоснежка и семь гномов» Уолта Диснея.

Потом Каплер улетел в Сталинград. Однажды в «Правде» Светлана прочитала статью военного корреспондента Каплера, написанную в форме письма с фронта любимой женщине. Она сразу поняла, что это было письмо, адресованное именно ей. Статья за-

канчивалась словами: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из твоего окна видна зубчатая стена Кремля...»

Светлана испугалась, что и отец все поймет. Она не знала, что все ее телефонные разговоры прослушивались и записывались. Начальник сталинской охраны генерал Власик приказал предупредить Каплера, что ему лучше уехать подальше от Москвы. Но тот влюбился по уши и не внял предупреждению.

В последний день февраля 1943 года у Светланы был день рождения. Ей исполнилось семнадцать лет. Они с Каплером пошли в пустую квартиру ее брата Василия возле Курского вокзала. Конечно, не одни — вместе с неизменным сотрудником охраны, который сидел в соседней комнате. Через несколько дней Каплера арестовали как английского шпиона...

Тяжелый, деспотичный характер Сталина не позволял ему примириться с тем, что дочь уже взрослая и имеет право на собственную жизнь, на любовь.

Желание Светланы вырваться из Кремля на свободу только усилилось. Как только ей исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за одноклассника своего брата — Григория Морозова. Ей так хотелось обрести какого-то близкого человека, хоть кого-нибудь, кто будет ее любить и думать о ней.

Отец был недоволен, но пробурчал:

— Черт с тобой, делай что хочешь...

Но потребовал, чтобы она никогда не являлась к нему с мужем. Только когда она развелась, Сталин пригласил ее отдохнуть летом вместе.

Вскоре она вновь вышла замуж — за сына члена политбюро Андрея Александровича Жданова — Юрия, который работал в аппарате ЦК. Но и этот брак быстро развалился.

После XX съезда она встретилась с вернувшимся из ссылки своим дальним родственником Иваном Сванидзе. При рождении его назвали Джонридом в честь американского журналиста, написавшего знаменитую книгу об Октябрьской революции — «Десять дней, которые потрясли мир».

Сванидзе лишился родителей в одиннадцать лет — отца расстреляли, а мать отправили в ссылку, где она умерла. Но и этот брак был недолгим. Две несчастные и истерзаные души не могли дать покоя и утешения друг другу.

После смерти отца личная жизнь Светланы Аллилуевой оставалась предметом постоянного беспокойства высшей власти. Особенно с того момента, когда она познакомилась с иностранцем. Индийский коммунист Раджи Бридж Сингх жил в Москве и работал переводчиком в Издательстве иностранной литературы.

Их роман протекал под неусыпным вниманием оперативных работников 7-го управления КГБ. Это управление занималось наружным наблюдением за выявленными иностранными шпионами и прочими подозрительными лицами, включая дочь Сталина.

За Светланой следили точно так же, как следили за ее братом, Василием Сталиным, до самой его смерти в марте 1962 года. Больше всего боялись контактов с иностранцами. А тут роман с гражданином Индии!

Мешать Светлане, зная ее характер, не решились. Но следили неотступно. Докладывали Семичастному. Читая сводки службы наружного наблюдения, молодой председатель и предположить не мог, какую роковую роль в его собственной судьбе сыграет всего через несколько лет эта женщина. Ей-богу, она была опасна для всех мужчин, с которыми ее сводила жизнь!

Но даже председателю КГБ не дано предвидеть будущее.

В КГБ напрасно опасались, что Светлану Аллилуеву кто-то пытается завербовать. Все, что она делала в своей жизни, она делала, подчиняясь собственным чувствам и желаниям.

Она вообще была человеком очень самостоятельным и, несмотря ни на что, вышла замуж за индийца. Но ей опять не повезло. Ее четвертый муж — он был значительно ее старше — оказался человеком больным. И вскоре умер у нее на руках.

Он завещал похоронить его на родине. Светлана Аллилуева попросила разрешения исполнить его последнюю волю. В политбюро очень не хотели ее выпускать за границу, словно что-то предчувствовали!

Но ее покойный муж был коммунистом, Индия — более чем дружественная страна, и оснований отказать не нашлось. Светлану скрепя сердце отпустили, правда, в сопровождении двух чекистов. Но те не уследили.

7 марта 1967 года, когда в Москве готовились достойно отметить День международной солидарности женщин, Светлана Аллилуева пришла в американское посольство в Дели и попросила политического убежища. Американцы не колебались ни секунды — дочь самого Сталина бежит от социализма! Ее немедленно вывезли в Италию, потом в Швейцарию, а оттуда уже доставили в Соединенные Штаты.

Светлана Аллилуева писала потом о своей никчемной, дурацкой, двойной, бесполезной и бесперспективной жизни, полной жесточайших потерь и горчайших разочарований и утрат. При таких настроениях неудивительно, что она захотела уехать из страны. Но она еще не знала, что и вдали от Кремля ее жизнь тоже не сложится. Последние годы она живет в Англии под именем Лана Петерс. Это фамилия ее последнего, пятого по счету, мужа-американца. Этот брак оказался таким же несчастливым, как и все предыдущие, и распался через два года. Близость к власти может дать человеку комфорт, почести, показное уважение, но не делает человека счастливым...

А тогда, в 1967 году, Брежнев страшно разозлился, но, хорошенько подумав, сообразил, что нет худа без добра. Бегство Светланы Аллилуевой оказалось удобным поводом избавиться от человека,

которого он не хотел видеть рядом с собой. Леонид Ильич давно ждал повода сменить председателя КГБ.

Могли быть у Брежнева реальные основания сомневаться в лояльности КГБ?

Тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Украины Петр Ефимович Шелест пишет, что 5 декабря 1966 года он был в Тернопольской области. Поздно ночью к нему попросился на прием начальник областного управления госбезопасности Л. Ступак. Доложил о ситуации в области, а потом перешел к главному, ради чего пришел.

Он сообщил Шелесту, что в области побывала большая группа работников центрального аппарата КГБ. Московские чекисты, не стеснясь, говорили о Брежневе. По словам начальника областного управления, «москвичи Брежнева не любят и как государственного деятеля всерьез не принимают. Говорят, что он случайный человек, пришел к власти в результате дворцового переворота, потому что его поддержали доверчивые люди. Ни умом, ни организаторскими способностями не блещет, хозяйства не знает. Он интриган и артист, но не для большой сцены, а для провинциальных подмостков. Можно только удивляться, что человек с такими личными качествами оказался во главе ЦК КПСС...».

Шелест оказался в сложном положении. Сделать вид, что ничего не произошло, он не мог. Что мешает тому же Ступаку обратиться непосредственно к Брежневу, заметив, что Шелест пытался скрыть эту историю? Но идти с этим к Брежневу тоже было рискованно: гонцу с плохими вестями в прежние времена рубили голову.

Шелест попросил начальника областного управления изложить все на бумаге. А сам обратился за советом к влиятельному члену политбюро Николаю Викторовичу Подгорному, который ему покровительствовал. Тот выразил сомнение:

— Смотри сам, как поступить. Но имей в виду — тебя могут неправильно понять.

Тем не менее Шелест решил, что окажет новому хозяину большую услугу, если сообщит о настроениях в центральном аппарате госбезопасности. Подгорный передал Брежневу, что у Шелеста есть тема для разговора один на один.

Утром 8 декабря Шелесту позвонил Брежнев и просил завтра же утром быть у него, причем сказал, что высылает за ним самолет «Ил-18», чего раньше не было.

Брежнев повторил:

— Ты, Петр Ефимович, вылетай пораньше, нам надо встретиться и поговорить до заседания политбюро, которое начнется в 13.30.

На следующий день в 12.30 Шелест был на Старой площади. Когда он вошел в приемную генерального секретаря, дежурный секретарь сказал, что Леонид Ильич уже о нем спрашивал. Беседа у них была долгой. Сначала Шелест докладывал о положении в республике, но Брежнев слушал его рассеянно.

Тогда Шелест перешел к главному — пересказал разговор с начальником тернопольского управления госбезопасности и передал написанный им рапорт. Брежнев сразу его прочитал. Вид у Леонида Ильича был растерянный, губы посинели. Шелесту даже стало его жалко.

Брежнев поинтересовался, кто еще об этом знает.

Шелест ответил, что никто, кроме Подгорного, которому изложил это дело без подробностей.

Шелест потом сожалел, что был с Брежневым откровенен. Тот так и не простил Шелесту, что тот все это знает. А Семичастный был обречен. Брежнев исходил из того, что офицеры госбезопасности никогда не позволят себе так откровенно высказываться о генеральном секретаре, если не знают, что таковы настроения руководителя ведомства.

НОЧЬ НА ЛУБЯНКЕ

Это произошло 19 мая 1967 года на заседании политбюро. Петр Шелест подробно описал эту сцену в своих воспоминаниях.

Перед заседанием политбюро примерно за час Шелеста пригласил к себе Брежнев, сказал:

— Имей в виду, что сегодня мы будем решать вопрос об освобождении Семичастного от должности председателя КГБ.

Для Шелеста это было неожиданностью.

— А какая причина?

Брежнев хотел уклониться от разговора:

— Много есть поводов, позже все узнаешь. Я пригласил тебя, чтобы посоветоваться, где лучше использовать на работе Семичастного. Мы не намерены оставлять его в Москве.

— А почему все-таки освобождаем, какая причина? — настаивал Шелест.

Брежнев почти с раздражением сказал:

— Я же тебе говорю, что позже все узнаешь. — И продолжал о своем: — Не хочется его и обижать сильно. Может быть, ты что предложишь на Украине?

Шелест предложил назначить Семичастного первым секретарем обкома, скажем, в Кировоградской области.

Брежнев задумался:

— Нет, на партийной работе использовать его нежелательно. Какие еще могут быть варианты?

Тогда Шелест предложил дать Семичастному должность заместителя председателя Совета министров республики.

Брежнев согласно кивнул:

— Первого заместителя.

Шелест возразил:

— Уже есть два первых.

Брежнев отмахнулся:

— Это не преграда. Пиши записку в ЦК, учредим дополнительную должность первого зама.

На политбюро Брежнев вынул из нагрудного кармана какую-то бумажку, посмотрел и сказал:

— Позовите Семичастного.

Семичастный, который не знал, по какому вопросу его пригласили, казался растерянным...

Брежнев объявил:

— Теперь нам надо обсудить вопрос о Семичастном.

— А что обсуждать? — подал реплику Семичастный.

Последовал ответ Брежнева:

— Есть предложение освободить вас от должности председателя КГБ в связи с переходом на другую работу.

Семичастный подал голос:

— За что? Со мной на эту тему никто не разговаривал, мне даже причина такого перемещения неизвестна...

Последовал грубый окрик Брежнева:

— Много недостатков в работе КГБ, плохо поставлена разведка и агентурная работа... А случай с Аллилуевой? Как это она могла уехать в Индию, а оттуда улететь в США? — Брежнев жестко сказал: — Поедете на Украину.

Семичастный спросил:

— Что мне там делать?

Петр Ефимович Шелест повернулся к нему:

— Мы вам там найдем работу.

Семичастный не сдавался:

— Что вы мне должны искать, Петр Ефимович? Я состою на учете в парторганизации Москвы, а не у вас. Почему же вам искать мне работу? Я член ЦК КПСС, а не ЦК Компартии Украины, не надо путать эти вещи.

Но его уже никто не слушал. Вопрос был решен. Новым председателем КГБ был утвержден секретарь ЦК Юрий Владимирович Андропов.

На политбюро — редчайший случай! — утвердили комиссию по передаче дел в КГБ. В комиссию вошли секретарь ЦК Андрей Павлович Кириленко, председатель Комитета партийного контроля Арвид Янович Пельше, первый заместитель председателя Совета министров Кирилл Трофимович Мазуров, Андропов и Семичастный.

Семичастный уехал на Лубянку, пригласил двух своих заместителей, стал рассказывать, что произошло на политбюро. Всего у него было четыре заместителя. Но один лежал в больнице, другой уехал в Ленинград выступать на партийном активе. Должен был ехать Семичастный. Но в ЦК его неожиданно попросили воздержаться от поездки...

Через полтора часа после политбюро в кабинет председателя заглянул порученец из приемной:

— Товарищ генерал, в здании члены политбюро!

— Сколько их там?

— Много!

— Где они сейчас?

— Вошли через ваш подъезд.

С площади Дзержинского в старое здание КГБ заходили только председатель и его заместители.

Семичастный сказал:

— Приглашай их сюда, в кабинет.

Появились Кириленко, Пельше, Мазуров, Андропов. Кириленко — старший.

Кириленко вроде как с улыбкой говорит:

— О, так вы тут чаек пьете! Можно к вам присоединиться?

— Пожалуйста, располагайтесь, — предложил Семичастный. — Можно и другое гостям предложить, если пожелаете. Это ведь комитет госбезопасности...

— Нет, нет!

Расселись. Семичастный спросил Кириленко:

— Что случилось?

— Вот, дела пришли принимать. Вы же были на политбюро, все слышали.

Испугались, понял Семичастный.

— Вы что, думаете, я ночью заговор учиню? До утра подождать не можете? У меня же здесь второй дом — и документы, и книги, и костюмы, и рубашки, и галстуки... Я утром прихожу в одном, днем в погонах, вечером — на прием — опять переодеваюсь. Мне же все это собрать надо и отвезти домой. Вы ведь меня не предупредили за неделю.

Эта речь их не смутила. У них уже весь сценарий был написан. Кириленко попросил собрать коллегую. На это ушло часа два. Был уже вечер, начальники управлений по дачам разъехались.

Семичастный сказал Кириленко:

— Что же у вас за подход к кадрам такой? Неужели не могли со мной посоветоваться о моей будущей работе? Неужели я не заслужил того, чтобы меня спросили, подходит мне работа или не подходит? Я вот приду домой, там два комсомольца — сын и дочь. Мне же им что-то надо объяснить.

Андропов вдруг подал голос:

— А я что своим объясню?

Семичастный его обрезал:

— Юрий Владимирович, зачем вы это говорите? Ваши поймут, что вас выдвинули на значительно более важный пост. Что, ваши дети не разберутся, куда вас выдвинули? А вот я своим объяснить не смогу...

Эта перепалка продолжалась, пока съезжались члены коллегии КГБ СССР. Начальник секретариата председателя докладывал, кто

уже здесь, а кого нет. Решили пригласить — помимо членов коллегии — начальников отдельных управлений и отделов, непосредственно подчиненных руководству комитета.

Андропов заметил:

— Надо, чтобы Цинев обязательно был.

Георгий Карпович Цинев, начальник Третьего управления (военная контрразведка) не был членом коллегии КГБ, зато он принадлежал к кругу личных друзей генерального секретаря — днепропетровские кадры. Они работали вместе еще до войны. Семичастный решил, что Цинев был нужен на заседании, чтобы в случае чего слово нужное сказать, поддержать назначение Андропова.

Семичастный сказал:

— Цинев в госпитале. Ему операцию сделали.

— Нет-нет, не сделали, — поправил его Андропов.

— Юрий Владимирович, если вы приехали с готовым списком, кто должен прощаться со мной, тогда вы и командуйте!

Андропов замялся.

Начальник секретариата по громкой связи доложил, что Цинева нет. Пельше, которого срочно отозвали из Праги — он был там в составе делегации, — устало сказал:

— Давайте без Цинева!

Семичастный проявил характер:

— Нет, раз есть указание провести коллегию с участием товарища Цинева, то надо обязательно так и сделать.

Минут через десять доставили Цинева.

Председательствовал на коллегии Кириленко. А Пельше, как старейшине, было поручено доложить решение политбюро. А докладывать нечего. Никаких происшествий не случилось. Владимир Ефимович давно работает, политбюро решило перевести его на другую работу. А вместе него рекомендуется Юрий Владимирович Андропов. Вот он здесь присутствует, просим любить и жаловать. Кириленко попросил членов коллегии оказать всяческую поддержку Юрию Владимировичу, чтобы он мог быстрее освоиться в новом для него деле. Затем он предложил Андропову занять председательское место. Юрий Владимирович был краток, он призвал всех к дружной работе и обещал в ближайшее время познакомиться с каждым из руководителей.

После этого члены коллегии разошлись.

Отар Гоциридзе, который был тогда начальником оперативнотехнического управления, рассказывал потом:

— Я был на той коллегии, когда нам неожиданно сообщили, что Семичастный освобожден от должности председателя. И должен сказать, что Владимир Ефимович вел себя с большим достоинством...

Кириленко сказал Семичастному: пиши шифровку всем резидентам нашей разведки.

Семичастный возразил:

— А чего я буду о своих похоронах оповещать? Пусть новый председатель пишет.

— Он еще не знает, как это делать.

— Все он знает! А потом есть секретариат, помощники. Зачем самому сидеть, рисовать? Дайте команду. Шифровки надо отправить не только резидентам, но и начальникам управлений областей. Такой-то сдал, такой-то принял. — Тут Семичастный спохватился: — А чего вы шум подняли, когда еще нет указа президиума Верховного Совета? Меня указом назначали, указом и снять должны, и Андропову указ нужен.

Семичастного успокоили:

— Указ сейчас будет.

А откуда он может взяться, если все члены президиума Верховного Совета разъехались по республикам?

Буквально через двадцать минут заходит порученец из секретариата: приехал фельдъегерь.

— Пусть заходит.

Приносят пакет. Там указ. Ну, это только улыбку могло вызвать.

Андропов с Семичастным ни о чем не говорил; ничего не спрашивая, попросил ключи — и все. Кириленко хотел сразу после коллегии Семичастного выпроводить: можешь уезжать. Владимир Ефимович возмутился:

— Позвольте, мне еще надо с бумагами и с вещами разобраться.

Упирались, но пришлось им согласиться.

Семичастный уехал с Лубянки часа в четыре утра, когда отправил домой коробки с книгами, ненужные бумаги сжег, нужные отдал в секретариат.

Потом Кириленко влетело за то, что он так снисходительно отнесся к бывшему председателю КГБ: оставил Семичастного в здании КГБ одного и не изъял бумаги из его сейфа.

— Они, верно, ожидали, что там план переворота лежит. — До конца жизни Семичастный не мог забыть этой истории.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УКРАИНУ

Перед отъездом на Украину Семичастный позвонил Брежневу, сообщил, что уезжает. Тот спросил:

— Вы хотели бы ко мне зайти? У вас ко мне вопросы?

Семичастный ответил:

— Нет, у меня вопросов к вам нет.

Брежнев обиделся.

23 мая Семичастный приехал в Киев. По словам Шелеста, он был потрясен и растерян. 29 мая появился указ президиума Верховного Совета УССР о назначении Семичастного первым заместителем председателя Совета министров республики.

Это была бессрочная ссылка.

Политическая карьера Семичастного закончилась, когда ему было всего сорок три года. Другие в этом возрасте еще стоят у подножия Олимпа и зачарованно смотрят вверх.

Конечно, он не верил, что все кончено и назад возврата нет. Думал, что все переменится и он сможет вернуться. Тем более, что он был моложе сменявших друг друга генсеков и членов политбюро. Но путь в Москву ему был закрыт.

В правительстве Украины Владимир Ефимович занимался вопросами культуры, спорта. Он, наконец, получил высшее образование — в 1973 году окончил исторический факультет вечернего отделения Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко.

В Киеве Семичастный проработал четырнадцать лет. Его не хотели возвращать в Москву. Так Брежневу было спокойнее.

Летом Шелесту из Крыма позвонил член политбюро Николай Викторович Подгорный, который отдыхал вместе с Брежневым. Вдруг спросил, когда и куда едет в отпуск Семичастный.

«Я понял, — пишет Шелест, — что Брежнев следит за Семичастным. Он опасается его общения с Шелепиным и другими молодыми кадрами. Я лично за Семичастным ничего особенного не замечал, он честный и прямой человек, к делу относится добросовестно, старается вникнуть в малознакомую ему работу.

Безусловно, он был угнетен, ожесточен, при упоминании имени Брежнева, казалось, по его телу проходит ток высокого напряжения, и нетрудно представить, что бы Семичастный мог сделать с Брежневым, если бы ему представилась такая возможность...»

Знакомство с Семичастным становилось опасным.

Когда Михаила Сергеевича Горбачева в 1970 году решили избрать первым секретарем Ставропольского крайкома, первый заместитель председателя КГБ Семен Кузьмич Цвигун вызвал к себе начальника краевого управления госбезопасности Эдуарда Болеславовича Нордмана.

Цвигун принадлежал к узкому кругу особо доверенных людей и выполнял деликатные поручения генерального секретаря. Цвигун спросил Нордмана, насколько бывший комсомольский работник Горбачев связан с Шелепиным и Семичастным?

Нордман, бывший белорусский партизан, сумел убедить Цвигуна, что Михаил Сергеевич к «железному Шурику» никакого отношения не имеет и связей с бывшими комсомольскими лидерами не поддерживает.

Цвигун доложил Брежневу, что Горбачев чист.

Через несколько лет на одном из заседаний политбюро Брежнев вдруг недовольно сказал:

— Зачем на Украине у предсовмина три первых заместителя?

Петр Шелест напомнил ему:

— Должность третьего первого заместителя — для Семичастного — введена по твоей же просьбе.

Брежнев промолчал.

Семичастного — единственного из заместителей главы правительства — не сделали ни депутатом, ни членом республиканского ЦК, хотя это фактически полагалось ему по должности. Шелест сказал Брежневу, что Семичастного нужно избрать в ЦК, потому что он все-таки первый заместитель главы правительства.

Брежнев возразил:

— Да, он первый зам, но не все же заслуживающие того могут быть членами ЦК.

Семичастного даже пытались не пустить на пленум ЦК КПСС, когда он еще оставался членом ЦК. Но он все-таки приехал в Москву. Решил машину не вызывать, пошел пешком.

— Оглянулся, за мной парень идет. Я его знаю, он у меня на инструктаже в КГБ был. На углу я его поймал за руку и сказал: «Передай руководству, что я тебя засек, грубо работаешь». Пришел я на пленум, с одной стороны сел Цуканов, помощник Брежнева, с другой — Цвигун, новый первый заместитель председателя КГБ. Я подумал, что они должны были меня удержать, если бы я захотел на трибуну выйти. Боялись, что я могу выступить на пленуме и рассказать о таких делах Брежнева, которые его не украшали...

Все годы за Семичастным пристально следили.

— Но мы с Шелепиным на это не обращали внимания, общались, хотя Брежнев хотел нас разъединить, поэтому и на Украину усла.

Семичастный тяготился работой на Украине, просил подыскать ему занятие по душе. Отказ следовал за отказом, хотя внешне Брежнев относился к нему доброжелательно. Леонид Ильич вообще предпочитал не ссориться. Снимал с должности, убирал из политики, выставлял из Москвы, но не добивал.

— Брежнев раз или два приезжал на Украину, — вспоминал Владимир Ефимович. — Один приезд хорошо помню. Перед этим он был в Баку, ему перстень вручили. Он сидел на приеме с этим перстнем и весь сиял. Вдруг в аэропорту он меня нашел. Обнял меня и при всем народе ходил со мной. Он же артист был. Анекдоты мы друг другу рассказывали. По Киеву прошел слух, что меня в Москву забирают. Но это был слух.

Когда у Семичастного случился обширный инфаркт, он провалялся в киевской больнице четыре месяца. С больничной койки Брежневу три письма написал. Первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий потом позвонил, сказал, что Брежнев прочитал письма. Семичастного пригласил секретарь ЦК Константин Устинович Черненко и стал подбирать ему работу. Но в политику Семичастный не вернулся.

В мае 1981 года его утвердили заместителем председателя правления Всесоюзного общества «Знание». В апреле 1988-го он вышел на пенсию.

В августе 1991 года по телевидению показывали французский фильм, в котором Семичастный подробно рассказывал, как сняли Хрущева. Когда возник ГКЧП, знакомые шутили: это ты им объяснил, как действовать. Но тогдашний председатель КГБ Владимир Крючков в подметки не годился Семичастному. Он бы не позволил себе так позорно провалиться...

От других председателей КГБ Владимир Ефимович отличался тем, что не отказывался от интервью и не боялся никаких вопросов. Воли и решительности ему было не занимать.

Семичастный умер 12 января 2001 года от обширного инфаркта. Он не дожил трех дней до своего семидесятилетия.

Часть пятая

ЭПОХА БРЕЖНЕВА

Глава 14

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

— Держи ты этих кагэбистов в руках и не давай им вмешиваться в свои дела. — Такой совет раздраженный Юрий Владимирович Андропов дал своему подчиненному в редкую минуту откровенности.

Именно brave чекисты довели своего будущего председателя до сердечного приступа. Эту историю рассказал его тезка и бывший сотрудник по ЦК КПСС Юрий Владимирович Бернов: «Я уже в приемной Андропова почувствовал что-то неладное — в воздухе пахло лекарствами, из кабинета вышли врачи. У Юрия Владимировича был серьезный сердечный приступ, и ему сделали несколько уколов. Я зашел в кабинет Андропова, он лежал на диване и очень плохо выглядел».

Вот тогда-то с трудом отдышавшийся Андропов и дал дельный совет относительно чекистов. В более спокойной ситуации он, вероятно, был бы осторожнее.

Жизнь кремлевских небожителей явно представляется нам в ложном свете. До назначения председателем КГБ Юрий Владимирович Андропов был секретарем ЦК КПСС и отвечал за отношения с братскими социалистическими партиями. В Москве находился высокий гость из Праги. Провожать его в аэропорту по партийной иерархии выпала честь члену политбюро и секретарю ЦК Андрею Павловичу Кириленко, которого никто не решился бы назвать обаятельным и милым человеком.

Кто-то что-то не понял — скорее всего, офицер охраны из Девятого управления КГБ спутал время вылета спецсамолета. Кириленко решил, что он не поспевает в аэропорт, и «в грубой форме», как вспоминает Юрий Бернов, устроил Андропову разнос за срыв политически важного мероприятия. Сидя в своем кабинете на Старой площади, несчастный Андропов никак не мог сам выяснить, когда же точно вылетает самолет с правительственного аэродрома, а злой Кириленко то и дело ему перезванивал, повышая градус своих эмоций.

Это для миллионов советских людей Андропов станет потом высшей властью в стране, ему будут завидовать, перед ним будут тре-

нетать. А для Кириленко он тогда был просто подчиненным. Вот этот разговор с вышестоящим секретарем ЦК и стоил Андропову сердечного приступа.

Можно представить себе, каким хамом и самодуrom был низенький, с наполеоновским комплексом Андрей Павлович Кириленко, которому благоволил Брежнев и который упорно добивался места второго человека в стране, пока тяжелые мозговые нарушения не привели к полному распаду личности.

Но каким же испуганным и несчастным человеком, судя по этому эпизоду, был легендарный Юрий Владимирович Андропов, если окрик члена политбюро — по пустяковому делу! — буквально свалил его с ног? И этот человек считается выдающимся реформатором с железной волей? Скорее этот эпизод рисует Юрия Андропова несамостоятельным, зависимым от чужого мнения и очень неуверенным в себе человеком, который избегал конфликтов и органически не мог перечить вышестоящим.

Кириленко будет первым человеком, с которым расстанется Юрий Владимирович Андропов, когда в ноябре 1982 года станет генеральным секретарем ЦК КПСС. Кириленко был тяжело болен и работать, конечно, не мог. Но Брежнев не отправлял его на пенсию, по своей привычке не желая обижать старого друга. Андропов же потребовал от Кириленко написать заявление об уходе. Поскольку Кириленко боялся, что не осилит такой серьезный документ, заявление Андропов написал вместо него сам. Кириленко только переписал нетвердой рукой...

РАВНЕНИЕ НА БОЦМАНА

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года на станции Нагутская в Ставропольском крае, в семье железнодорожного телеграфиста. Отец умер, когда сыну было всего пять лет. Его мать — учительница музыки — тоже умерла довольно рано — в 1927-м. Юрию Владимировичу пришлось самому пробиваться в жизни.

Нерусская фамилия матери Андропова Евгении Карловны — Файнштейн — послужила основанием для слухов о его еврейском происхождении. Встречавшиеся с Юрием Владимировичем даже находили в его внешности семитские черты. Возможно, они хотели их увидеть...

Бывший помощник Горбачева Валерий Иванович Болдин пишет, что Михаила Сергеевича раздражала популярность Андропова. Однажды он в сердцах сказал Болдину:

— Да что Андропов особенного сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересаженного в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровка, а они своих в обиду не дают.

Представления Горбачева о всемирной еврейской солидарности сходны с подозрениями первого поколения активных русских националистов, которые вроде бы даже посылали на родину Андропова гонцов изучать его генеалогическое древо.

Если Андропов знал, что товарищи считают его анкету не совсем чистой, то он всем своим поведением пытался доказать им, что они ошибаются. Андропов в КГБ вел активную борьбу с «сионизмом», что на практике означало запрет на выезд евреев за границу, всяческое подавление интереса к изучению еврейского языка, культуры и истории народа и строгий контроль за тем, чтобы «лица некоренной национальности» не занимали слишком видные посты. В Пятом управлении КГБ был образован отдел по борьбе с враждебной сионистской деятельностью...

В школе Юрий Владимирович учился в Северной Осетии, в Моздоке — городе, который теперь часто упоминается в газетах из-за событий на Кавказе. В 1932 году Андропов поступил в Рыбинский техникум водного транспорта. В заявлении написал: «Прошу обеспечить меня общежитием и стипендией, так как средств к дальнейшему существованию не имею».

Еще в техникуме Андропов стал комсомольским активистом — распространял билеты Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству).

Уже будучи вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР, в 1950 году он сдал экзамены экстерном в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Без диплома о высшем образовании он чувствовал себя неуютно. Высшая партшкола и создавалась для достигших немалых высот практических работников, не имеющих ни образования, ни времени, а чаще и способностей его получить.

Потом будут ходить легенды о его бесконечной образованности, о том, что он в совершенстве знал английский язык. Чего не было, того не было. Английский он пытался учить, уже будучи председателем КГБ, но в таком возрасте и при такой занятости это оказалось невозможным. Впрочем, работа за границей, чтение книг и справок, общение с интеллигентной публикой в какой-то степени помогли ему компенсировать отсутствие систематического образования.

Андропов работал в Моздоке телеграфистом, учеником кинемеханика. Поплавать по Волге — после техникума — ему не удалось, хотя впоследствии он любил именовать себя волжским матросом, намекая на свое рабочее прошлое. Желание быть моряком, похоже, оказалось не слишком сильным. Окончив техникум водного транспорта, он предпочел остаться там секретарем комитета комсомола. Из своего речного прошлого он любил вспоминать только одного боцмана, который держал в кулаке всю команду. Своего рода идеал руководителя.

ОРДЕН ОТ БЕРИИ

В том же 1936 году его из техникума перевели комсоргом ЦК ВЛКСМ на судовой верфь имени В. Володарского. Ему было двадцать два года, и с тех пор Андропов непрерывно находился на комсомольско-партийно-аппаратной работе — с перерывом на посольскую деятельность и на председательство в КГБ. Никогда не руководил ни реальным производством, ни каким-то регионом. Не имел ни познаний, ни опыта практической работы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах.

В этом смысле его карьера схожа с карьерой Шелепина: из комсомола в партию, из партии в КГБ. Достоинства такого жизненного пути очевидны: точное знание государственного механизма, тайных пружин управления страной, умение привести в действие рычаги власти. Недостаток заключался в том, что все знания о стране почерпнуты из вторых рук — из чьих-то рассказов, справок и аналитических записок подчиненных. Сотни страниц секретных документов, которые каждый день ложились на стол секретаря ЦК и председателя КГБ, создавали, должно быть, ощущение полного знания о происходящем в стране. Скорее всего, это была иллюзия.

При всей откровенности внутренней переписки КГБ основополагающие догмы сомнению не подлежали. Вероятно, поэтому Андропов искренне считал, что страна нуждается главным образом в наведении порядка, дисциплине и борьбе с коррупцией, а вовсе не в экономических и политических реформах.

Комсомольские карьеры в годы чисток делались быстро, надо было только уцелеть. В 1937 году его избрали секретарем, а на следующий год — первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

14 июля 1944 года по докладной записке Берии появился указ президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями инженерно-технического, административно-хозяйственного состава и рабочих Волгостроя НКВД» за «выдающиеся успехи и технические достижения по строительству гидроузлов на реке Волге». Ордена получила большая группа сотрудников ГУЛАГа, заодно орден Красного Знамени вручили и Андропову, как бывшему секретарю Ярославского обкома комсомола.

В 1940-м его перебросили в Петрозаводск и утвердили первым секретарем ЦК комсомола Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

В 20-е и 30-е годы это была просто Карельская Автономная Республика в составе Российской Федерации. Но когда Сталин начал войну с Финляндией, у него возникли далеко идущие планы. Если бы они осуществились и Финляндия капитулировала, то ее территория, видимо, сильно уменьшилась, а Карелии, напротив, увеличилась бы. Карельскую АССР заранее переименовали в Карело-Финскую и повысили ее статус до союзной республики.

Возглавил новую республику один из создателей Компартии Финляндии, многолетний работник Коминтерна Отто Вильгель-

мович Куусинен. Он станет покровителем Андропова. Куусинен был образованным, спокойным и разумным человеком, и общение с ним многое даст молодому комсомольскому секретарю.

В 1935 году Юрий Владимирович в первый раз женился на выпускнице своего же техникума Нине Ивановне Енгальчевой. У них появилось двое детей: дочь (в 1937 году) и сын (в 1940-м).

Дочь Евгения стала врачом и живет в Ярославле. Сын Владимир, названный в честь деда, дважды сидел в тюрьме, потом работал в Тирасполе. Он спился и умер молодым.

Вскоре после рождения сына Андропов уехал в Петрозаводск один, без семьи. Он развелся с Ниной Ивановной и женился во второй раз, в новом браке у него родилось тоже двое детей — сын и дочь.

Детьми от первого брака Андропов почти не интересовался. Воспоминания о прошлом были ему неприятны, он сам практически ничего не вспоминал и не любил, когда другие напоминали ему о том, что хотелось забыть.

В 1940-м он сразу поступил в Петрозаводский университет, но учебе помешала война. Впрочем, фронта Андропов избежал, он был нужнее в тылу — четыре года возглавлял республиканский комсомол. В официальных биографиях написано о его «активном участии в партизанском движении в Карелии». Оно состояло в том, что он, как и Шелепин, отправлял других в партизанские отряды.

В 1944 году Андропова перевели на партийную работу — вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, для тридцатилетнего человека завидная карьера. После войны он становится уже вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР. Здесь по нему косвенно прощло «ленинградское дело», начавшееся в 1949 году.

После ареста главных фигур — секретаря ЦК Кузнецова и первого заместителя главы правительства Вознесенского — министерство госбезопасности стало искать ленинградские кадры по всей стране. Партийных работников, начинавших в Ленинграде, с треском снимали с должности, арестовывали. Буря не обошла и Петрозаводск. Относительно того, что же именно там произошло, мнения людей знающих расходятся. Одни говорят, что во время чистки перепуганный Андропов топил товарищей по партии, чтобы уцелеть самому. Другие утверждают, что Андропов сам оказался на прицеле и спас его все тот же Куусинен.

— По моим данным, из «ленинградского дела» его вытащил Куусинен, — говорит Игорь Синицын, бывший помощник Андропова. — И он же подталкивал его наверх, потому что видел его перспективность и ценил отсутствие у Юрия Владимировича такого первичного хамства, характерного для многих тогдашних руководителей.

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко пишет, что Андропов был незлопаметным человеком. Однажды, уже председательствуя в КГБ, поинтересовался, как работает сотрудник, который в тот момент, когда было сфабриковано «ленинградское дело», занимался Андроповым и чуть не довел его до ареста. Юрий Владимирович не только не пытался наказать этого человека, но даже не отправил его на пенсию...

Незлопамятность и широта души — качества положительные. Но зачем же держать в аппарате госбезопасности следователя, который фабриковал такие гнусные дела? Если этот случай подлинный, то выходит, что Юрий Владимирович Андропов в душе не осуждал своих предшественников на Лубянке?

Без Куусинена не обошелся и перевод Андропова из Петрозаводска в Москву в аппарат ЦК — он стал инспектором, затем заведующим подотделом. Но смерть Сталина и перемены на Старой площади прервали его партийную карьеру — Андропова перевели в министерство иностранных дел. Его намечали послом в Данию, и он некоторое время стажировался в скандинавском отделе МИД — под руководством Андрея Михайловича Александрова-Агентова, который со временем станет его помощником по международным делам.

Потом Андропова перебросили в IV европейский отдел — было решено отправить в социалистические страны опытных партийных работников, и очень скоро он отправился в Будапешт советником посольства. А на следующий год, в 1954-м, его назначили послом в Венгрии.

В Румынию поехал послом Алексей Алексеевич Епишев, бывший заместитель министра госбезопасности по кадрам. В Польшу — бывший секретарь ЦК и бывший первый секретарь Москвы Георгий Михайлович Попов.

Известный самодур, Попов вел себя в Польше как комиссар среди анархистов, по каждому поводу отчитывал главу партии и правительства Болеслава Берута — даже за то, что польские крестьяне не так пашут и не так сеют, и в конце концов сказал, что не взял бы его к себе даже секретарем райкома в Московской области.

Возмущенный Берут не выдержал и, позвонив Хрущеву, заявил, что если он не способен быть даже секретарем райкома, то в таком случае он должен поставить вопрос о своем освобождении. Хрущев поспешил его успокоить. Попова, который и года не усидел в Варшаве, отозвали; его долго перебрасывали с должности на должность и, наконец, отправили директором завода авиационных приборов во Владимир.

Посол Андропов в силу своего характера и темперамента вел себя куда разумнее. Но и он в Венгрии был своего рода наместником.

ТРИДЦАТЬ ТАНКОВ ВОКРУГ ПОСОЛЬСТВА

Обширный сборник документов «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» — плод серьезной работы ученых и архивистов — позволяет точнее оценить роль советского посла в тех трагических событиях.

Три посольских года дали Андропову многое в смысле расширения кругозора. Он увидел, что жизнь может быть не только такой,

какой она была в Ярославле и Петрозаводске. Будапешт всегда был европейским городом. И сама по себе жизнь посла даже в те годы несла в себе некоторую толику удовольствий. Тем более, что начинающему послу было всего сорок лет.

Но Андропов приехал послом в тот момент, когда экономическая ситуация в Венгрии стала ухудшаться в результате ускоренной индустриализации, а крестьяне были возмущены идеей кооперации на селе. Венгры были недовольны тем, что после XX съезда у них не произошло хотя бы такого же очищения, как в Советском Союзе, требовали смены руководства, в первую очередь — единовластного хозяина страны Матьяша Ракоши, и реабилитации всех репрессированных: командированные Сталиным сотрудники министерства госбезопасности в свое время помогли венгерским товарищам устроить кровавую чистку...

Посол Андропов твердо поддерживал Ракоши и подозрительно наблюдал за возвращением в большую политику ранее репрессированного Яноша Кадара, считая его восстановление в политбюро «серьезной уступкой правым и демагогическим элементам».

Кадар после войны был заместителем генерального секретаря компартии и министром внутренних дел. Он сначала участвовал в организации политических процессов, а потом сам по ложному обвинению был приговорен к пожизненному заключению. Впоследствии его реабилитировали, но на нем лежало клеймо недоверия. В Москве боялись, что обида за репрессии приведет Кадара в оппозицию.

При анализе документов видно, что посольство в Будапеште общалось только с узким кругом людей, которые придерживались догматической линии, и на основании полученной от них информации делались выводы, сообщаемые в Москву.

Руководители Венгрии наперебой и в деталях пересказывали Андропову содержание заседаний политбюро и правительства, неформальных разговоров среди руководителей страны. И, пользуясь случаем, старательно капали на своих политических соперников и оппонентов.

Если читать шифровки Андропова из Будапешта, то создается впечатление, будто единственная проблема Венгрии состояла в том, что горстка каких-то «правых» мешает стране нормально работать, надо всего лишь разобраться с ними и добиться единства в политбюро. А потом вдруг выясняется, что восстал народ...

Точно так же не ясно, почему в шифровках постоянно возникает имя Имре Надя, почему все боятся его возвращения в политику, а он все-таки возвращается. Посольство словно парализовано страхом перед возвращением Надя. Только потом становится ясно, что он самый популярный в стране политик и люди хотят видеть его у власти.

Имре Надь — неординарная фигура. В 1916 году, во время Первой мировой войны, он попал в русский плен, приветствовал рево-

люцию, присоединился к большевикам. После Гражданской войны его отправили на нелегальную работу в Венгрию.

В 1930 году он вернулся в Москву, где прожил пятнадцать лет, работал в Международном аграрном институте Коминтерна и в Центральном статистическом управлении СССР. После 1945-го вернулся в Будапешт, был министром, потом возглавил венгерское правительство; как «правого уклониста», его сняли со всех постов и исключили из партии.

Летом 1989 года председатель КГБ Владимир Александрович Крючков передал Горбачеву из архива своего ведомства пачку документов, из которых следовало, что Имре Надь в предвоенные годы был осведомителем НКВД. Он был завербован в 1933 году и сообщал органам о деятельности соотечественников-венгров, которые нашли убежище в Советском Союзе.

Это, возможно, тогда спасло самого Надя. В марте 1938-го его тоже арестовали чекисты из Московского управления НКВД. Но он просидел в кутузке всего четыре дня. За него вступился 4-й (особый) отдел Главного управления государственной безопасности НКВД, и будущего премьер-министра Венгрии освободили.

Зачем Крючков достал документы из архива? Он писал об этом в сопроводительной записке Горбачеву:

«Вокруг Надя создается ореол мученика и бессребреника, исключительно честного и принципиального человека. Особый акцент во всей шумихе вокруг имени Надя делается на то, что он был «последовательным борцом со сталинизмом», «сторонником демократии и коренного обновления социализма». В целом ряде публикаций венгерской прессы прямо дается понять, что в результате нажима Советского Союза Надь был обвинен в контрреволюционной деятельности, приговорен к смерти и казнен».

Крючков, который работал в советском посольстве в Будапеште вместе с Андроповым и, видно, всей душой ненавидел Имре Надя, нарушил святое правило специальных служб и разгласил имя тайного сотрудника. Крючков казался мало эмоциональным человеком. Но не смог удержаться, чтобы не показать венграм: вот он каков ваш национальный герой!

Получив эти документы, венгерские историки возмутились: это фальшивка, документы подделаны. Но, скорее всего, документы подлинные: всех сотрудников Коминтерна заставляли сообщать о врагах. Какой же ты коммунист, если не выявляешь врагов народа? Какой ты большевик, если не помогаешь НКВД?

Еще на XIV съезде партии, в 1926 году, член президиума Центральной контрольной комиссии Сергей Иванович Гусев, не ведая, конечно, что сам попадет в эту мясорубку, говорил:

— Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить... Если мы от чего страдаем, то это не от доноительства, а от недоноительства.

Реформаторские идеи Имре Надя — это была целая концепция переустройства экономики, и венгры хотели претворения этой концепции в жизнь. В Венгрии сформировалась широкая политическая оппозиция, которая видела, что и югославы иначе строят свою экономику и политику, и поляки начинают решать внутренние дела без указки Москвы.

В октябре 1956-го Имре Надя восстановили в партии. Надя вдохновлял пример польских событий: там был реабилитирован и восстановлен в партии Владыслав Гомулка, которого в 1949-м обвинили в право-националистическом уклоне и арестовали.

Гомулку избрали первым секретарем Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) вопреки воле Москвы. Но если Москва согласилась на такие перемены в Польше, то, может быть, согласится на то же и в Венгрии?

События в Польше были не менее острыми. Рабочие вышли на улицы с антисоветскими и антисоциалистическими лозунгами. Маршал Конев получил из Москвы приказ двинуть советские части на Варшаву. Но польские генералы, особенно во внутренних войсках, где было мало советских ставленников, предупредили, что встретят советских солдат огнем.

Хрущев увидел, что лучше не вмешиваться. Маршал Константин Константинович Рокоссовский, которого Сталин в 1949 году отправил служить в братскую Польшу, был выведен из политбюро ЦК ПОРП, потерял пост министра обороны и уехал в Москву с горестными словами:

— В России я всегда был поляком, а в Польше русским.

Для обсуждения польских дел в Москву пригласили венгерскую делегацию, но тут на первый план вышли венгерские дела. Начались перестрелки в Будапеште, демонстранты свергли гигантскую статую Сталина.

Посол Андропов продолжал считать, что причина всех проблем — нерешительность венгерского политбюро, его беспринципные уступки. Посольство ставило на тех, кого народ не поддерживал. Даже коммунисты говорили, что хотят строить не советский, а венгерский социализм.

Посольство знало все, что происходило в руководящем эшелоне, до деталей, до мелочей. Но что говорили и делали лидеры оппозиции — об этом посольство собственной информации не имело, поэтому, по существу, вводило Москву в заблуждение.

Студенческая демонстрация 23 октября, сначала запрещенная, а затем разрешенная, превратилась в массовые выступления против власти.

Посол Андропов напрямую обратился к командиру Особого корпуса советских войск в Венгрии с призывом вступить в Будапешт. Тот сказал, что ему нужен приказ министра обороны.

Андропов связался с Москвой. Начальник Генерального штаба маршал Василий Данилович Соколовский позвонил командиру кор-

пуса по ВЧ междугородной правительственной связи и отдал приказ. Думали, что, как только появятся советские танки, все закончится, как это произошло после советского вмешательства в Берлине в июне 1953 года.

Но венгры стали сопротивляться. Они стреляли в советских солдат, забрасывали танки бутылками с зажигательной смесью. Советские войска не смогли успокоить город. Венгерская армия им не помогала. Бойцов сопротивления становилось все больше, их число достигло нескольких тысяч человек. Расстрел безоружных манифестантов, стрельба из танковых орудий и пулеметов по домам усилили антисоветские настроения.

Главой правительства стал Имре Надь — теперь уже по требованию народа. Он попросил вывести из столицы советские войска.

Мнения в Москве разделились. Хрущев говорил, что мы живем не во времена Коминтерна, нельзя командовать братскими партиями. В Польше Хрущев рискнул положиться на Гомулку: пусть он чуть менее подчинен Москве, зато держит в руках страну. И в отношении Венгрии он решил поддержать правительство Надя и убрать войска из Будапешта. Танки ушли. Хрущев понимал, что наступил кризис в отношениях с соцстранами, прежние принципы надо пересматривать.

Но как только войска ушли, в Будапеште пролилась кровь: толпа расправилась с сотрудниками столичного горкома партии. Офицеров венгерской госбезопасности опознавали по одинаковым желтым ботинкам, которые им выдавали в хозяйственном отделе. Их вешали на деревьях головой вниз.

Это изменило настроения в Кремле.

Как раз в эти дни началась война на Ближнем Востоке. Англия, Франция и Израиль атаковали Египет, который совсем недавно установил близкие отношения с Советским Союзом. На фоне неминуемого поражения Египта Москва не хотела терпеть второго поражения в Венгрии. Тем более, что стало ясно: Соединенные Штаты, Запад не вступятся за Венгрию.

В Кремле решили опять ввести войска и на сей раз действовать решительно. Председатель Совета министров Николай Александрович Булганин первым предложил сформировать в Будапеште надежное правительство, раз нынешнее ведет себя «неправильно». Стали искать кандидатов на пост лидера. Рассматривались две кандидатуры — Яноша Кадара и Ференца Мюнниха, министра внутренних дел. Обоих переправили в расположение советских войск и тайно доставили в Москву на смотрины. Кадар понравился больше, и после некоторых колебаний он согласился возглавить правительство.

А в Будапеште посол Андропов возмущенно сказал Имре Надю, что не имеет никакого отношения к исчезновению Мюнниха и Кадара. Они вернулись уже вместе с советскими частями, находились в ставке маршала Конева, который руководил операцией. В Будапешт Кадара доставили на советском бронетранспортере.

В тайном разговоре с югославским лидером Иосипом Броз Тито Хрущев потом объяснит:

— Мы не можем допустить реставрации капитализма в Венгрии, потому что у нас, в Советском Союзе, люди скажут: при Сталине такого не было, а эти, которые Сталина осуждают, все упустили...

В откровенных беседах между собой, на президиуме ЦК Хрущев и другие и не думали говорить, что события в Венгрии — дело рук Запада, западной агентуры. Они прекрасно понимали, что против них восстал народ, что венгерской компартии больше не существует. И единственное, на что они могут положиться, — это Советская армия и горстка людей во главе с Яношем Кадаром.

Советская армия вторжения составляла 60 тысяч человек. Большая часть венгерской армии не оказала сопротивления, понимая, что это бессмысленно. Но некоторые части предпочли вступить в бой. К ним присоединились тысячи повстанцев. У них было несколько танков, немного артиллерии. Они сбили даже советский самолет из зенитного орудия.

Советское посольство обеспечило свою безопасность, окружив здание тридцатью танками. Чувство пережитого в Будапеште страха надолго запомнилось Андропову и особенно, как говорят, его жене.

1 ноября премьер-министр Имре Надь денонсировал Варшавский Договор и провозгласил нейтралитет Венгрии.

Он заявил по радио о советской военной интервенции:

— Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем посту.

Советские войска один за другим подавили очаги сопротивления массированным применением артиллерии и танков.

Общие потери Советской армии в венгерских событиях — 640 убитых и 1251 раненых. Общие потери венгров — 2652 убитых, 19 226 раненых.

Правительство Кадара расстреляло демонстрацию шахтеров, запретило деятельность рабочих советов, а их руководителей арестовало, распустило союзы писателей и журналистов. Были учреждены военно-полевые суды, которые наделялись правом ускоренного вынесения смертных приговоров. Кадар, не находя поддержки в стране, становился все жестче, что несказанно радовало Москву — советские товарищи первоначально сомневались в его решительности.

Свергнутый Имре Надь, оставшиеся верными ему министры и члены их семей нашли убежище в югославском посольстве в Будапеште. Кадар дал гарантию их неприкосновенности и обещал, что не станет их привлекать к ответственности. Тогда Надь и другие согласились покинуть югославское посольство.

В автобус к ним подсел советский офицер, будто бы для того, чтобы развезти всех по домам. В автобусе находились два югославских дипломата. Но автобус неожиданно остановился возле здания совет-

ской комендатуры, где советский офицер заставил югославских дипломатов выйти. После этого автобус окружили советские бронетранспортеры, и Надя с коллегами и семьями отправили в Румынию. Сначала они находились под надзором сотрудников румынской госбезопасности, потом их посадили в тюрьму, а 17 апреля 1957 года отправили назад в Венгрию. Кадар не сдержал своего слова.

Имре Надь, его министр обороны Пал Малетер и еще несколько человек были приговорены к смертной казни. Остальные получили разные сроки тюремного заключения. Надь отказался просить о помиловании. Говорят, что Кадар сам присутствовал во время казни, потом позвонил Хрущеву, рассказал, что приговор приведен в исполнение. Тут было и что-то личное: Кадара когда-то сильно мучили в тюрьме. Он считал Имре Надя виновником своих страданий...

Главный урок, усвоенный Андроповым в Венгрии, был прост. Он увидел, с какой легкостью коммунистическая партия может потерять власть над страной, если только она позволит себе ослабить идеологический контроль, цензуру, если исчезнет страх. Ничто другое подорвать власть партии не может — ни экономические трудности, ни, уж конечно, вражеские шпионы. Главное — не давать свободы.

Логика существования социалистических режимов состоит в том, что, как только происходит малейшее послабление, режим начинает разваливаться.

Суровость урока состояла еще и в том, что боязнь потерять власть сопровождалась у Андропова чисто физическим страхом. Он видел, как в Венгрии линчевали сотрудников госбезопасности. Он не хотел, чтобы нечто подобное случилось и с ним. Считается, что пережитое в Будапеште очень болезненно сказалось на жене Андропова. Она стала прихварывать, и он постепенно лишился полноценной семейной жизни. Осталась одна работа...

Хирург Прасковья Николаевна Мошенцева, описывая свой более чем тридцатилетний опыт работы в системе Четвертого главного управления при министерстве здравоохранения СССР в книге «Тайны Кремлевской больницы», рассказывает и о жене Андропова: «Она не раз лежала в неврологическом отделении и непрерывно требовала уколов... Она просто придумывала себе разные недомогания и требовала наркотиков. От успокоительных уколов отмахивалась. Видимо, она привыкла к наркотикам с молодых лет. Сейчас мне кажется, что виноваты врачи. Это они уступали ее настойчивым просьбам, подсознательно трепеща пред одним именем ее мужа. Врачи и приучили ее к наркотикам».

СЕКРЕТАРЬ ЦК В НОЧНОЙ БАР НЕ ХОДИТ

Весной 1957 года Андропов вернулся в Москву в ореоле спасителя социализма в Венгрии. Его взяли на работу в ЦК, где единый международный отдел поделили на два.

Борису Николаевичу Пономареву, старому коминтерновцу, оставили компартии в капиталистических и развивающихся странах. А новый отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран возглавил Андропов.

Поначалу все складывалось удачно. Покровитель Андропова Отто Вильгельмович Куусинен к тому времени перебрался в Москву — на июньском пленуме ЦК 1957 года он был избран секретарем и членом президиума ЦК. Он очень благоволил Андропову, помог ему укрепиться в аппарате.

Такое покровительство имело огромное значение для новичка. Проблем у Андропова было больше чем достаточно. Отношения с Югославией, Албанией и особенно Китаем становились все хуже, и нельзя сказать, что Андропову удалось что-то исправить. Хотя тон в таких ключевых вопросах задавал сам Никита Сергеевич Хрущев. А он скорее был готов пойти на компромисс с Соединенными Штатами, чем с братским Китаем.

На новом посту Андропов старался не конфликтовать с коллегами, работал много, подобрал для своего отдела очень толковых людей — из них несколько человек стали потом академиками, например Георгий Аркадьевич Арбатов и Олег Тимофеевич Богомолов. У него работали блистательный журналист Александр Евгеньевич Бовин и видный китаист профессор Лев Петрович Делюсин. Такое сильное интеллектуальное окружение невольно приподнимало и самого Андропова, создавало ему ореол свободомыслящего и либерального политика.

Люди, которые с ним тогда работали, с наслаждением вспоминают, что он создал им атмосферу духовной свободы, иногда вел с ними разговоры на недопустимые в здании ЦК темы. Многие из них идеализируют Юрия Владимировича.

Академик Георгий Арбатов рассказывает, как они собирались в кабинете Андропова, снимали пиджаки, Юрий Владимирович брал ручку и начиналось коллективное творчество. Интересно было, пишет Арбатов, приобщиться к политике через такого незаурядно и умного посредника, как Андропов...

Юрий Владимирович, конечно, сильно отличался от коллег по секретариату ЦК — жестких и малограмотных партийных секретарей, которые привыкли брать нахрапистостью и глоткой.

Андропову, по мнению Арбатова, общение со своими консультантами помогало пополнять знания, притом не только академические. Это общение было и источником информации о повседневной жизни, неортодоксальных оценок и мнений. Он слушал терпеливо даже то, что не могло ему понравиться. Но часто не комментировал услышанное, никак не реагировал, молчал, это выдавало в нем опытного чиновника.

Андропов не пил и не курил, держался ровно, не кричал, писал стихи, не упуская случая вставить в них нецензурное словечко, любил музыку, хорошо пел, знал много народных и казачьих песен.

С коллегами по партийному руководству его сближала любовь к хоккею: он был страстным болельщиком «Динамо».

Его стихотворчество не выходит за рамки любительского, но одно стихотворение весьма забавно. Однажды Бовин и Арбатов послали Андропову письмо с поздравлением по какому-то поводу и высказали легкое опасение насчет того, что власть портит людей. Он ответил стихотворением:

Сбрехнул какой-то лиходей,
Как будто портит власть людей.
О том все умники твердят
С тех пор уж много лет подряд,
Не замечая (вот напасть!),
Что чаще люди портят власть.

Отдел, который Андропов возглавил, был новый, и он получил редкую возможность набрать молодых людей, не прошедших школу партийного аппарата, то есть со свежими, неиспорченными мозгами. Обычно в аппарат ЦК принимали только со стажем освобожденной партийной работы, то есть бывших секретарей райкомов-горкомов-обкомов. Использовать их в интеллектуальной работе было трудно.

Член-корреспондент Академии наук Георгий Хосроевич Шахназаров, который тоже работал у Андропова, пишет, что помощников он все же подбирал себе из числа партийных чиновников, с ними потом перешел в КГБ. С интеллектуалами Юрий Владимирович любил поговорить, подпитывался их знаниями, пользовался их идеями, но держал на расстоянии — как буржуазных спецов, а в работе предпочитал партократов, рассчитывая на их собачью преданность...

В определенном смысле Юрий Владимирович сам был крайне ортодоксальным человеком. Своему врачу, Ивану Сергеевичу Клемашеву, сказал:

— Иван Сергеевич, держитесь Ленина и будете твердо ходить по земле.

При Хрущеве, а потом еще больше при Брежневе, стали высоко цениться умелые составители речей и докладов. Доверить эту работу партийным чиновникам никак было нельзя, искали людей с талантами, с эрудицией, с хорошим пером. И Андропов понимал, что может выделиться, располагая таким сильным штатом. Когда ему поручали работу над документом, он мог порадовать Хрущева, а потом и Брежнева.

Речи писались действительно замечательные, но, к сожалению, на реальной жизни они мало отражались. Речи становились все лучше и лучше, а дела шли все хуже и хуже — вот какой была ситуация в те годы...

Труды не пропали втуне. В ноябре 1962 года Хрущев сделал секретарями ЦК еще одну группу своих выдвиженцев. Среди них был

и Андропов. В аппарате Андропов учился лавировать и стал еще более осторожным, чем прежде.

Уже упоминавшийся Юрий Владимирович Бернов, который работал в отделе у Андропова, вспоминает, как в августе 1963 года Хрущев отправился в Югославию. С собой он взял Андропова, первого секретаря Московского горкома Егорычева и Ленинградского — Толстикова. Вечером, когда Хрущев и Тито пошли отдыхать, Александр Ранкович, второй человек в Югославии, пригласил советскую делегацию в ночной бар. Андропов не пошел, сославшись на усталость.

Наверное, он устал, но и осторожен был до крайности, знал, что секретарю ЦК не следует в ночной бар ходить...

ПРИГОВОР ВРАЧЕЙ

Георгий Шахназаров подметил любопытную деталь — Андропов словно стеснялся своего роста, величины, старался не выпячивать грудь, как это делают уверенные в себе люди. Чуть горбился, не столько от природной застенчивости, сколько от того, что в партийных кругах было принято демонстрировать скромность, это становилось второй натурой.

Чиновный люд на Старой площади передвигался бесшумно, своим поведением и обликом говоря: чту начальство и готов беззаветно следовать указаниям. Не составлял исключения и Андропов, без чего, вероятно, было бы невозможным его продвижение по ступеням партийной иерархии.

Шахназаров описывает, как они с Юрием Владимировичем живо беседовали, пока не зазвонил аппарат прямой связи с Хрущевым. Шахназаров стал свидетелем поразительного перевоплощения. Буквально на глазах живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнить любой приказ командира. В его голосе появились нотки покорности и послушания...

После прихода Брежнева в ЦК роль второго секретаря оспаривали Суслов и Кириленко. Они сражались за право быть рядом с генеральным и рвали друг у друга полномочия.

Андропов пребывал в растерянности: согласовав вопрос с Сусловым, он должен был решить его и с Кириленко, чтобы избежать неприятностей. Но Кириленко мог дать прямо противоположное указание, и тогда Андропов и вовсе оказывался в дурацком положении, не зная, чей приказ выполнять.

Валентин Михайлович Фалин, бывший посол в ФРГ и бывший секретарь ЦК по международным делам, пишет:

«По интеллекту он резко выделялся против других членов руководства, что, пока Андропов пребывал на вторых-третьих ролях, ему не всегда было во благо.

Безапелляционность суждений и наглое поведение коллег его обезоруживало, обижало, побуждало замыкаться в себе. Отсюда

весьма сложные отношения у Андропова с другими членами политбюро, когда он сам вошел в его состав, а также с ведущими министрами...»

Став председателем КГБ, ему все равно приходилось лавировать среди сильных мира сего. Конечно, председатель КГБ был личной номенклатурой генерального секретаря, ни перед кем другим не отчитывался. Но в решении многих вопросов Андропов зависел от секретарей ЦК. И не мог позволить себе забывать об остальных членах политбюро. Его бы быстро съели.

Труднее всего было находить общий язык с Кириленко и Сусловым, которые не ладили между собой и не очень любили Андропова. Что поддерживал один, валил второй. Когда Суслов не было, уходил в отпуск или болел, секретариат ЦК вел Кириленко и иногда даже отменял решения, одобренные Сусловым. А все основные практические, в том числе кадровые, решения принимались на секретариате ЦК. Это уже потом, вступая в спор с кем-то из коллег, Андропов научился мягко, но с уверенностью в голосе произносить:

— Я тоже не последний человек в государстве...

После свержения Хрущева Андропов оказался в исключительно трудном положении. Тем более, что в том же, 1964 году умер его покровитель Куусинен. Андропов остался в неприятном одиночестве и не знал, как сложится его судьба, не избавится ли от него новое руководство?

В мощную группу Шелепина он не входил. С новым председателем правительства Косыгиным у него были и вовсе плохие отношения. Суслов, который стал главным идеологом и обладал большим весом, ему не симпатизировал.

Академик Александр Николаевич Яковлев рассказывал мне:

— Когда я был послом в Канаде, тринадцать человек выгнали из страны за шпионаж. Андропов, который был председателем КГБ, на политбюро потребовал снять меня с работы. Суслов, который, кстати, был причастен к моему удалению из ЦК, жестко сказал: «Товарищ Андропов, насколько я помню, товарища Яковлева послом в Канаду назначал не КГБ». Андропов аж оцепенел. Он боялся Суслова...

Поклонники Андропова считают, что их шеф после прихода к власти Брежнева сильно переживал из-за того, что в стране происходит консервативный поворот. Скорее Андропов переживал из-за того, что его не замечали, нервничал и опасался, что с ним вообще расстанутся. Он вовсе старался понравиться Брежневу.

Георгий Арбатов вспоминает, что Андропов очень расстраивался, даже терялся, когда его критиковало начальство. Он боялся начальства. В январе 1965 года на президиуме ЦК обсуждалась советская внешняя политика. Андропову сильно попало за недостаток классового подхода. Особенно резко его критиковали Шелепин и Косыгин, занимавшие во внешней политике жесткие позиции. Андропов попал в опалу. Эти переживания обошлись ему дорого. Его

положили в Центральную клиническую больницу с диагнозом «гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда». Врачи предложили перевести Андропова на инвалидность, это означало конец политической карьеры.

Именно тогда к Андропову привели молодого тогда врача — Евгения Ивановича Чазова, который со временем станет академиком и возглавит Четвертое главное управление при министерстве здравоохранения СССР — кремлевскую медицину.

Чазов пришел к выводу, что ни инфаркта, ни гипертонической болезни у Андропова нет. Опасные симптомы — результат тяжелой болезни почек. Чазов правильно подобрал лекарства, и через несколько дней кардиограмма нормализовалась.

Андропов, пролежав несколько месяцев в больнице, вышел и к весне 1967-го считал себя здоровым человеком.

Назначение в КГБ было для него сюрпризом, утверждает Александров-Агентов, который был помощником Брежнева. Андропов вышел из кабинета Леонида Ильича совершенно ошарашенный. Александров-Агентов находился тогда в приемной генерального секретаря и спросил:

— Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас — или как?

— Не знаю, — ответил он. — Знаю только, что меня еще раз переехало колесо истории.

Юрий Владимирович, вероятно, искренне не хотел этого назначения. В те годы перейти из секретарей ЦК в председатели КГБ считалось понижением. Он и не догадывался, что эта должность сделает его одним из самых влиятельных в стране людей и со временем приведет в кресло генерального секретаря.

Когда на заседании политбюро Брежнев предложил назначить Андропова председателем КГБ, он промямлил:

— Может быть, не надо этого делать? Я в этих вопросах не разбираюсь, и мне будет очень трудно освоить эту трудную работу.

Разумеется, его слова все пропустили мимо ушей. С основными членами политбюро Брежнев договорился заранее. Фигуры помельче не смели и слова сказать — раз генеральный секретарь решил, значит, так и будет.

По словам его верного помощника Владимира Александровича Крючкова, Андропов узнал о том, что он станет председателем КГБ, только в тот день, когда ему было сделано такое предложение. Крючков считает, что Брежнев убрал Андропова из аппарата ЦК, дабы сделать приятное Косыгину.

У главы правительства и Андропова отношения складывались крайне сложно. У них была какая-то личная несовместимость. Но главное, конфликт между ними имел явную политическую подоплеку: Андропов говорил помощникам, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву социально-политического строя...

Иначе говоря, Андропов боялся даже косыгинских реформ, более чем умеренных и скромных! Как же после этого всерьез полагать, что Андропов, став в 1982 году генеральным секретарем, всерьез собирался реформировать наше общество?

Олег Табаков, блистательно сыгравший в фильме «Семнадцать мгновений весны» роль начальника германской разведки Шелленберга, рассказывал потом, что после просмотра картины Андропов отвел его в угол и прошептал:

— Олег, так играть безнравственно.

Но Брежнев посадил Андропова в кресло председателя КГБ для того, чтобы сделать приятное не Косыгину, а себе самому. Леонид Ильич очень хорошо разбирался в людях, точно определял, кто ему лично предан, а кто нет.

Он поставил на важнейший пост полностью лояльного к нему человека. С этого направления Брежневу до самых последних дней ничего не угрожало. Хотя на всякий случай среди заместителей председателя КГБ Брежнев держал двух верных ему генералов — Цвигуна и Цинева, которые доносили ему о каждом шаге Юрия Владимировича... А нелюбовь Андропова к Косыгину Брежнева больше чем устраивала.

Бывший член политбюро ЦК КПСС Вадим Андреевич Медведев пишет, что Андропов верой и правдой служил Брежневу, отбивая малейшие попытки, в частности со стороны Косыгина, высказывать самостоятельные суждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

18 мая 1967 года Андропова назначили председателем КГБ вместо Семичастного. Он пробыл на этой должности пятнадцать лет — до 1982 года, поставив абсолютный рекорд среди хозяев Лубянки. И ушел из комитета на повышение, до него это удалось только Берии и Шелепину.

Через месяц Андропова на пленуме ЦК избрали кандидатом в члены политбюро. После Лаврентия Павловича Берии и Семена Денисовича Игнатьева он стал первым главой госбезопасности, удостоенным высокого партийного звания.

Это был подарок Брежнева, компенсация за назначение, которого Андропов не хотел, и одновременно аванс на будущее.

На Лубянке Андропов вел себя безукоризненно. Он был верным соратником Брежнева, никогда не позволил себе усомниться в том, что именно Леонид Ильич должен руководить партией и государством.

После Хрущева власть вроде бы поделили на троих: Брежнев возглавил партию, Косыгин — правительство, Подгорный — Верховный Совет. Но все трое друг друга не выносили. Брежнев оказался сильнее соперников. Он расстался с Подгорным. Правда, убрать Косы-

гина, у которого был большой авторитет в стране, он долго не решался, но и его в конце концов заменил своим днепропетровским товарищем, Николаем Александровичем Тихоновым.

Брежнев постепенно устранил всех, кто казался ему недостаточно лояльным и, возможно, претендующим на первую роль. Он избавился от первого секретаря ЦК Компартии Украины Петра Ефимовича Шелеста, от главы правительства РСФСР Геннадия Ивановича Воронова и от первого заместителя председателя Совета министров Дмитрия Степановича Полянского.

Во всех дискуссиях Андропов был всегда на стороне генерального секретаря и следил за тем, чтобы другие тоже были лояльны Брежневу.

Виктор Васильевич Гришин, в те годы член политбюро и первый секретарь Московского обкома, вспоминал: «Ко всем и ко всему он относился недоверчиво, подозрительно. Сугубо отрицательное отношение у него было к тем, к кому не питал симпатий Брежнев...»

При этом Юрий Владимирович с удовольствием топтал тех, перед кем еще недавно трепетал. 25 декабря 1970 года он обратился в ЦК с запиской:

«В последнее время в адрес Хрущева Н.С. направляется большое количество различной корреспонденции от частных лиц из капиталистических стран.

Большая часть корреспонденции представляет собой открытки с поздравлениями с Новым годом и Рождеством. В отдельных из них приводятся изречения религиозного характера, сравнения Хрущева Н.С. с библейскими «героями».

Авторы писем обращаются к Хрущеву Н.С. как «к борцу за мир и противнику антисемитизма», выражают сочувствие с связи с его болезнью...

Учитывая, что подобная корреспонденция носит тенденциозный характер и может инспирироваться зарубежными подрывными центрами, полагаю бы целесообразным ограничить ее поступление на адрес Хрущева Н.С.».

В этой записке есть что-то вовсе мелочное и гнусное. Андропов прекрасно понимал, что «враждебной акцией» здесь и не пахнет. Люди со всего света писали Хрущеву, подчиняясь чисто человеческим эмоциям, искренне желая сказать что-то доброе пожилому человеку, отправленному на пенсию. Но Андропов не упустил случая сделать что-то неприятное бывшему вождю. А ведь когда-то Андропов в разговоре один на один, когда никто не тянул его за язык, восхищенно сказал одному из своих коллег о Хрущеве:

— Вот это — настоящий коммунист с большой буквы!

Гришин писал об Андропове:

«Держал он себя скромно, был внимателен к товарищам, хотя несколько замкнут... Иногда проявлял излишнюю осторожность. Так на работу и с работы он ездил всякий раз по разным маршрутам, менял машины...»

Он не был лишен высокомерия, некоторого зазнайства, излишней самоуверенности и даже надменности...

Был очень близок к Л.И. Брежневу. Вхож к нему в любое время и на работе, и на даче. Все вопросы, предложения докладывал ему лично. Лишь некоторые из них потом шли на политбюро ЦК КПСС...»

Все высшие чиновники исходили из того, что их кабинеты и телефонные разговоры прослушивают, и были очень осторожны — в кабинетах опасных разговоров не вели. Самым опасным было дурно отзываться о генеральном. Это практически всегда приводило к увольнению.

В санатории «Барвиха» был построен корпус для членов политбюро. Его служба должна была постоянно докладывать сотруднику КГБ, который работал в санатории, абсолютно все, что им удавалось услышать и увидеть: как себя вел член политбюро на отдыхе, с кем встречался, что и кому говорил...

Почти каждый день Андропов появлялся в кабинете Брежнева с толстой папкой. Официальные бумаги поступали в ЦК через общий отдел. Но самые важные материалы Андропов докладывал генеральному секретарю лично, без свидетелей.

Виктор Гришин:

«Думаю, что в КГБ вели досье на каждого из нас, членов и кандидатов в члены политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов политбюро Л.И. Брежнева:

— На каждого из вас у меня есть материалы...

Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Ю.В. Андропов сказал:

— У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»

Сотрудники КГБ утверждали, что им запрещено прослушивать телефоны и записывать разговоры сотрудников партийного аппарата. Но эти ограничения можно было легко обойти, когда, например, прослушивались телефоны тех, с кем беседовал сотрудник парторганов.

Валентин Фалин вспоминает, как ему позвонил Андропов и потребовал убрать некоего консультанта из отдела международной информации ЦК, потому что КГБ записал его «сомнительный» разговор с немецким собеседником. Одного посла Андропов сделал невезедным, потому что тот в какой-то компании сказал, что «умный человек на Западе не пропадет». Андропову показали запись разговора, и он тут же принял решение.

Запугав всех, Андропов и сам боялся.

Виктор Гришин:

«Консерватизм Юрия Владимировича Андропова проявлялся и в личной жизни, поведении. Его отличали замкнутость, неразговорчивость, настороженное, недоверчивое отношение к людям, закрытость личной жизни, отсутствие желания общаться с товарищами по работе (только два-три раза я видел его за товарищеским столом по случаю встречи Нового года или дня рождения кого-то из членов политбюро, и то это было только тогда, когда присутствовал Л.И. Брежнев).

Одевался Ю.В. Андропов однообразно. Длинное черное пальто зимой и осенью, темный костюм, неизменная темно-серая фетровая шляпа, даже летом в теплую погоду...»

Внеслужбные отношения на трех верхних этажах власти — члены политбюро, кандидаты в члены, секретари ЦК — исключались. Личного общения между руководителями партии практически не было. Они недолюбливали друг друга и, безусловно, никому не доверяли. Сталин не любил, когда члены политбюро собирались за его спиной, и страх перед гневом генерального сохранился. Никто ни с кем без дела не встречался.

Михаил Сергеевич Горбачев пишет, как, став членом политбюро, он обосновался на даче рядом с Андроповым. Однажды пригласил его с женой Татьяной Филипповной в воскресенье пообедать. Андропов отказался и ровным тоном объяснил:

— Если я к тебе пойду, завтра же начнутся пересуды: кто? где? зачем? что обсуждали? Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать...

Генерал Кирпиченко пишет, что Андропов был человеком очень осторожным. Не брал на себя лишней ответственности, чтобы не создавалось впечатления, что он превышает свои полномочия. По всем мало-мальски серьезным вопросам писал бумагу в ЦК...

Первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов в 1974 году выдал замуж вторую дочь. Свадьба прошла на его загородной даче, но по стране пошли разговоры о небывалой пышности торжества, говорили, что уникальный столовый сервиз был взят из Эрмитажа и пьяные гости разбили драгоценную посуду.

Романов был уверен, что эти слухи, которые были воспроизведены в передачах западных радиостанций, — результат заговора, организованного из-за границы.

Бывший сотрудник отдела организационно-партийной работы Валерий Легостаев пишет, что Романов обратился за помощью к Андропову:

«Тот подтвердил, что радиоакция была санкционирована и осуществлена западными спецслужбами и имела своей целью подорвать позиции ленинградского первого секретаря в составе высшего политического руководства СССР.

На просьбу Г.В. Романова сделать об этом от имени КГБ СССР официальное заявление Ю.В. Андропов ответил:

— Ну, что мы будем на каждый их «чих» откликаться. Не обра-
щай внимания, работай...»

Андропову Романов нравился. Когда Юрий Владимирович стан-
нет генеральным секретарем, он переведет Романова в Москву.
Но в должности председателя КГБ он не хотел проявлять особой
заинтересованности в судьбе одного из членов политбюро. Ведь
у других могло создаться ощущение, что Андропов сколачивает
свою группу. Если бы такое подозрение возникло у Брежнева,
Андропов повторил бы путь Шелепина и потерял свое кресло.

ОТРАВИТЬ СОБАКУ

Через несколько дней после назначения Андропова его замести-
телем стал Семен Кузьмич Цвигун, а членом коллегии — Георгий
Карпович Цинев, возглавивший также Второе главное управление.
На должность начальника Третьего управления (военная контрраз-
ведка), которую занимал до этого Цинев, был назначен Виталий Ва-
сильевич Федорчук. Начальником управления кадров сделали второ-
го секретаря Днепропетровского обкома Компартии Украины
Виктора Михайловича Чебрикова. Сменили, по существу, все руко-
водство комитета, в том числе конечно же и начальника Девятого
управления — личной охраны генерального секретаря и политбюро.

Начальник «девятки» подчинился непосредственно генерально-
му секретарю, получал от него приказания и по собственному ра-
зумению информировал об этом председателя КГБ.

Андропов сразу же сумел правильно поставить себя в комитете.
К пятидесятилетию КГБ в декабре 1967 года многоопытный Семен
Кузьмич Цвигун послал домой новому председателю ящик конья-
яку. Жена Андропова Татьяна Филипповна сказала посланцу:

— Передайте Семену Кузьмичу, что у Юрия Владимировича не
будет возможности воспользоваться этим коньяком. Так что везите
ящик обратно.

Об этом стало известно в комитете, и подарков председателю
больше не возили.

Вадим Кирпиченко пишет, что вместе с Андроповым пришла из
ЦК небольшая группа помощников, которая потом получила гене-
ральские погоны. Эта группа была предана ему лично и следила, не
зреет ли какая крамола и недоброжелательность к председателю.

Он любил в разговорах с сотрудниками вдруг поругать какогото
начальника, ожидая, что тот скажет. Наверное, он нуждался в
дополнительной информации о тех людях, которые стояли вокруг
него...

Новый председатель произвел на подчиненных впечатление сво-
ей находчивостью. Генерал Олег Данилович Калугин, служивший в
Первом главном управлении КГБ, описал одну серьезную опера-
цию. В КГБ получили сведения о том, что американцы хотят завер-

бовать жену советского резидента, сыграв на ее необычных сексуальных пристрастиях: она остановила свой выбор на собаке.

Совешание проводил сам Андропов. Председатель КГБ предложил смелое решение — отравить собаку. Но отечественная химия крепкий собачий организм не взяла, собаку только парализовало к величайшему огорчению ее хозяйки...

Главное, что сделал Андропов в КГБ, он вернул ведомству всеобъемлющий характер. Компенсировал ущерб, нанесенный сокращениями, проведенными при Хрущеве, восстановил численность и затем еще больше увеличил аппарат комитета. Комитет вновь обрел ту тайную власть, которая была подорвана пренебрежительным отношением Хрущева к чекистам и их ведомству.

Из книги бывшего первого заместителя председателя КГБ Филиппа Денисовича Бобкова можно узнать, чем же занимались местные органы КГБ. К примеру: женщина села на скамейку, не подозревая, что рядом присел иностранный турист. Ее тут же занесли в картотеку: связь с иностранцем. А это означало ограничения в приеме на работу, запрет на выезд за границу.

До Андропова КГБ был Госкомитетом при Совете министров. Когда пришел Андропов, КГБ был окончательно выведен из подчинения правительству и стал называться просто: КГБ СССР.

Андропов заботился о материальном благополучии своих подчиненных, и они отвечали ему полнейшей преданностью. Но еще больше были благодарны за то, что вырос престиж комитета. Разговоры о том, что творила госбезопасность при Сталине, отошли в прошлое. В истории органов остался только светлый образ рыцаря революции Феликса Дзержинского, и служба в КГБ стала завидной.

Юрий Владимирович выступал редко, говорил спокойно и медленно. Абсолютное большинство его подчиненных никогда живьем председателя не видели. Им рисовался образ великого человека, сидящего где-то в поднебесье.

Служба в КГБ казалась романтическим делом. Это подкреплялось сознанием собственной исключительности, причастности к чему-то секретному, недоступному другим. Хотя низовых сотрудников ни о чем особом не информировали. Начальство и не хотело, чтобы подчиненные знали что-то выходящее за рамки их прямых обязанностей. Зато им платили неплохую зарплату, давали квартиры, продовольственные заказы, у КГБ были свои поликлиники, госпитали, ателье, дома отдыха и санатории, куда ездили практически бесплатно.

В КГБ при Андропове появилось огромное количество генеральских должностей. В военной контрразведке почти все должности начальников отделов преобразовали в генеральские, такого не было даже во время войны. У Андропова четыре заместителя стали генералами армии. Это полководческое звание — не все знаменитые генералы времен Великой Отечественной его получили, а на Лубянке золотые звезды раздавались щедро.

У Андропова был заместитель по оперативной технике Николай Павлович Емохонов. Он служил в войсках связи, участвовал в Параде Победы в 1945-м, со временем возглавил Центральный НИИ-108, стал доктором технических наук, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Андропов взял его в 1968-м начальником управления, потом сделал своим заместителем и генералом армии...

Андропов расширил сеть местных органов КГБ и образовал новые управления в центральном аппарате, чтобы надежнее охватить все стороны жизни страны. Но он сразу выделил главное, с его точки зрения, звено — контроль над духовным состоянием общества.

Венгерский опыт подсказывал ему, что главная опасность социализма исходит от идеологической эрозии.

На новой должности Андропову открылось множество проблем, скрытых от обычных граждан. Они узнают обо всем только при Горбачеве и решат, что эти трудности, в частности серьезные национальные проблемы, только что появились.

Тогдашний начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф много раз встречался с Андроповым. Однажды он прилетел в Москву за помощью.

Он хотел освободить своего агента Гюнтера Гийома, из-за которого ушел в отставку канцлер Западной Германии Вилли Брандт. Это можно было бы сделать, если бы Москва отпустила Анатолия Щаранского, физика, который упорно добивался выезда в Израиль. Но Щаранского обвинили в шпионаже и дали ему большой срок. Маркус Вольф попытался переубедить Андропова, но увидел, что Кремль просто помешался на Щаранском.

— Товарищ Вольф, — сказал Андропов, — разве вы не понимаете, что произойдет, если мы дадим такой сигнал? Этот человек шпион, но еще важнее то, что он еврей и выступает в защиту евреев. Если мы освободим Щаранского, борца за права евреев, то и другие народности могут последовать этому примеру. Кто будет следующим? Немцы Поволжья? Крымские татары? Калмыки? Чеченцы? Если мы откроем все клапаны и народ начнет вываливать все свои беды и претензии, нас захлестнет эта лавина и мы не сможем ее сдержать.

ПЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ: АНАТОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Через месяц после прихода на Лубянку Андропов отправляет записку в ЦК, в которой живописует действия подрывных сил, направленные «на создание антисоветских подпольных групп, разжигание националистических тенденций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов». И сигнализирует о том, что «под влиянием чуждой нам идеологии у некоторой части политически незрелых советских граждан, особенно из числа интеллигенции и молодежи, формируются настроения аполитичности и нигилизма,

чем могут пользоваться не только заведомо антисоветские элементы, но также политические болтуны и демагоги, толкая таких людей на политически вредные действия».

Андропов предложил создать в центре и на местах подразделения, которые сосредоточились бы на борьбе с идеологическими диверсиями.

В июле 1967 года было образовано Пятое управление КГБ. Первым начальником управления взяли бывшего секретаря Ставропольского крайкома КПСС, но уже через год с небольшим его сменил кадровый чекист Филипп Денисович Бобков. Он проработает в управлении много лет, а потом станет первым заместителем председателя КГБ.

Георгий Арбатов пишет, что Андропов был доволен своей идеей, говорил: теперь интеллигенцией займутся новые люди, толковые, понимающие, а то контрразведка воспринимала их просто как потенциальных шпионов.

Чекисты, освобожденные от необходимости искать шпионов, которых на такой большой комитет все равно не хватало, рьяно взялись за интеллигенцию.

О работе Пятого управления мне подробно рассказывал подполковник Александр Николаевич Кичихин, который работал у Бобкова с 1977 года.

— Из каких отделов состояло Пятое управление?

— Был отдел, который занимался творческой интеллигенцией. Отдел межнациональных отношений, в котором я работал. Отдел студенческой и неорганизованной молодежи — панки, хиппи и первые отечественные фашисты. Отдел религии — один из самых больших. Отдел по розыску анонимов и лиц, вынашивающих террористические планы: эти люди, прежде чем взяться за дело, обычно рассылали письма с угрозами в редакции газет. Существовал отдел по борьбе с сионизмом, который начальник управления курировал лично. Выделился в самостоятельную структуру отдел, который занимался наиболее заметными диссидентами, такими, как Солженицын, Сахаров. Был отдел, который вел борьбу с радиостанцией «Свобода», с Народно-трудовым союзом. И небольшой отдельчик ведал контактами с коллегами из социалистических стран.

— Сколько человек у вас работало?

— Когда я пришел, около двухсот. Это было самое маленькое управление в центральном аппарате КГБ. Другие состояли из многих тысяч. Накануне Московской Олимпиады в 1980 году управление разрослось человек до шестисот. Все отделы были увеличены. Если до Олимпиады, например, существовало маленькое подразделение, занимавшееся спортом и спортсменами, то во время Олимпиады на этом направлении сосредоточили около пятисот сотрудников.

КГБ и Олимпиада — это отдельная тема. Для проведения Олимпиады Московское управление КГБ получило в подкрепление две

тысячи работников центрального аппарата, девятьсот человек с мест, да еще четыреста с лишним курсантов и преподавателей Орловского училища связи.

После Олимпиады многим офицерам вручили ордена. Начальник столичного управления Алидин получил орден Трудового Красного Знамени и значок лауреата Государственной премии СССР.

— Кто работал в Пятом управлении? Выделялись ли они чем-то в аппарате КГБ?

— От всех остальных управлений мы отличались тем, что у нас было очень мало «золотой молодежи», людей со связями, чьих-то сынков.

— Ваше управление считалось непрестижным?

— Ребята со связями оседали в первом главке, в разведке, потому что это был самый верный путь поехать за границу. Но мы свое управление считали более значимым, чем другие.

— Почему?

— Пятое управление лучше всех в комитете знало, что происходит в обществе. Разведка занималась иностранными делами. Контрразведка по большей части тоже была нацелена на иностранцев, иностранных шпионов. И только мы делали всю черновую работу и изучали настроения и процессы в обществе. Мы видели жизнь не из окна персонального автомобиля и изучали ее не по иностранным газетам. Мы верили, что наш анализ процессов в обществе необходим руководству страны, поможет нашим лидерам принять правильные решения, что-то исправить.

— Вы действительно в это верили?

— Нам твердили это на каждом совещании. Ведь внутри комитета велась постоянная психологическая обработка сотрудников. Сверху вниз и снизу вверх. То есть мы промывали мозги друг другу. Наше управление возглавлял Филипп Денисович Бобков. Он руководил Пятым управлением пятнадцать лет и, когда его назначили заместителем председателя КГБ, продолжал нас курировать. Бобков, принимая на работу, сам беседовал с каждым новичком.

— Генерал Бобков считается ответственным за всю кампанию борьбы с инакомыслием.

— Если бы не Бобков, эта борьба велась бы методами тридцать седьмого года. Указания, которые поступали из ЦК КПСС и которые он обязан был выполнять, Бобков все же трансформировал в приказы не уничтожать, а переубеждать. Бобков, с моей точки зрения, высококомпетентный человек. Но он не мог выйти за рамки системы, определявшейся приказами начальства, с одной стороны, и информацией снизу — с другой. Поскольку я в управлении десять лет занимался репрессированными народами, могу привести такой пример. Мы с 1969 года писали в ЦК КПСС докладные записки о том, что необходимо восстановить автономию немцев Поволжья.

— А что изменилось с его уходом?

— Когда Бобкова повысили в зампреды, в управлении появилось много блатных. Рассаживались они исключительно в выездных отделах. Таким, естественно, был отдел по работе с творческой интеллигенцией, потому что с писателями, художниками, музыкантами, как и со спортсменами, можно было ездить за границу. Умелые там подобрались ребята. Они забирали у «проштрафившихся» художников альбомы, буклеты и раздавали нужным людям. Отдел, занимавшийся молодежью, пристраивал нужных детей в университет. Каждый июль в отделе составляли соответствующий список...

— Работники управления реально представляли себе ситуацию в стране?

— Мы обладали достоверной информацией о происходящем. Но, отправляя справки и докладные в ЦК, в Совет министров, мы должны были придавать им форму, соответствующую линии партии. Например, крымские татары активно теребили высший эшелон власти, и мы получили указание «не допускать экстремистские выступления» — то есть террористические акты, дезорганизацию работы транспорта и экономики, забастовки. Все это мы делали. Но мы поняли, что движение крымских татар не утихнет, пока их вопрос не решится. Отправляя в ЦК справку, мы, конечно, писали об экстремистах, но одновременно предлагали пути политического решения. На Старой площади наши бумаги читали, но решать ничего не хотели. А мы получали в устной, естественно, форме указания сажать.

— Но как же компетентный и хорошо, по вашим словам, знающий реальную жизнь сотрудник комитета мог заниматься удушением отечественной интеллигенции?

— Представьте себя на месте любого сотрудника управления. Если вы не считаете опасным то, что считает опасным начальство, вас просто уберут. Многие сотрудники подстраивались под мнение начальства, докладывали то, что от них хотели услышать. Если генерал считает, что писатель N нехорош, как я могу сказать, что он хорош?

— Материалы о деятельности Пятого управления, преданные гласности после преобразования КГБ, рисуют картину массового проникновения агентуры КГБ во все творческие союзы, театры, в кино. Это действительно так?

— Некоторые люди из этой среды шли на сотрудничество с нами и пытались использовать комитет для того, чтобы донести до руководства страны нечто очень важное и как-то улучшить нашу жизнь. Другие надеялись продвинуться в жизни или получить какие-то материальные блага. Мы помогли издать книгу, поехать за границу, получить квартиру, поставить телефон.

— Вы платили большие деньги своим агентам?

— В нашем управлении платная агентура была большой редкостью. Наш контингент нуждался не в деньгах. Ну, женщинам-агентам к Восьмому марта цветы дарили...

Чем действительно занималось Пятое управление? Оно следило за настроениями интеллигенции, окружив заметных людей своими информаторами.

7 сентября 1970 года Андропов отправил в ЦК письмо:

«В Комитет госбезопасности поступили материалы о настроениях поэта А. Твардовского. В частной беседе он заявил: «Стыдно должно быть тем, кто сегодня пытается обелить Сталина, ибо в душе они не знают, что творят. Да, ведают, что творят, но оправдывают себя высокими политическими соображениями: этого требует политическая обстановка, государственные соображения!.. А от усердия они и сами начинают верить в свои писания. Вот увидите, в конце года в «Литературной газете» появится обзор о «Новом мире»: какой содержательный и интересный теперь журнал! И думаете, не найдутся читатели, которые поверят? Найдутся. И подписка вырастет.

Рядовой, как любят говорить, читатель, он верит печатному слову. Прочтет десять статей насчет того, что у нас нет цензуры, а на одиннадцатой поверит...»

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета госбезопасности

Ю. Андропов».

Помимо сообщений о листовках и антисоветских надписях, в документах КГБ — прямые доносы на произведения литературы и искусства, которые «подрывают авторитет власти». Поносились спектакли театра на Таганке, Ленкома — за «двусмысленность», за попытки в «аллегорической форме высмеять советскую действительность». КГБ раздражало даже то, что «моральная неустойчивость отдельных людей стала весьма желательной темой некоторых работников кино и театров».

«Вызывает серьезные возражения разноречивое изображение на экране и в театре образа В.И. Ленина. В фильме «На одной планете», где роль Ленина исполняет артист Смоктуновский, Ленин выглядит весьма необычно: здесь нет Ленина-революционера, есть усталый интеллигент...»

«Трудно найти оправдание тому, что мы терпим, по сути дела, политическую вредную линию журнала «Новый мир»... Критика журнала «Юность», по существу, никем не учитывается, и никто не делает из этого необходимых выводов. Журнал из номера в номер продолжает публиковать сомнительную продукцию...»

Как эти малохудожественные оценки далеки от задач КГБ, верно? Но КГБ именно так пронибал свою роль: шпионов было немного и содержать ради них такой огромный аппарат было бы глупо. Все понимали, что главная угроза для партаппарата и системы исходила от свободного слова.

Андропов докладывает в ЦК о распространении «самиздата»: «В последние годы среди интеллигенции и молодежи распростра-

няются идеологически вредные материалы в виде сочинений по политическим, экономическим и философским вопросам, литературных произведений, коллективных писем в партийные и правительственные инстанции, в органы суда и прокуратуры, воспоминаний «жертв культа личности»...».

Что же в этом плохого? Андропов доказывает, что распространение такой литературы «наносит серьезный ущерб воспитанию советских граждан, особенно интеллигенции и молодежи». Какие меры? «Значительное число причастных к деятельности «самиздата» лиц профилактировано с помощью общественности. Несколько злостных авторов и распространителей документов, порочащих советский государственный и общественный строй, привлечены к уголовной ответственности».

20 декабря 1980 года председатель КГБ Андропов докладывал в ЦК, что некоторые московские студенты намереваются провести митинг в память музыканта Джона Леннона. Комитетом госбезопасности «принимаются меры по выявлению инициаторов этого собрания и контролю над развитием событий».

Многие документы Пятого управления преданы гласности, и можно непредвзято судить о том, чем оно занималось в реальности.

В одном из его отчетов сообщалось, например, о том, что Пятое управление собирало материалы на драматурга Виктора Розова и философа Юрия Карякина, включило в состав олимпийской делегации СССР 16 агентов (агентов! — не охранников, то есть не для обеспечения безопасности спортсменов, а для слежки за ними), получило информацию об обстановке в семье композитора Дмитрия Шостаковича и материалы об идейно незрелых моментах в творчестве Михаила Жванецкого, завело дело на выдающегося ученого Сергея Сергеевича Аверинцева, проверило советских граждан, которые имели контакты со Святославом Николаевичем Рерихом во время его приезда в СССР...

К успехам Пятого управления причислялось и то, что юную спортсменку, которая должна была поехать на матч в ГДР, не пустили туда, потому что она проговорилась, что хотела бы выйти замуж за иностранца...

Кроме того, говорилось в том же документе, проверены абитуриенты, поступающие в Литературный институт имени Горького. На основе компрометирующих материалов к сдаче экзаменов не допущено несколько человек...

За достижение выдавался и факт публикации через агента в журнале «Наш современник» материала о писателе-эмигранте Льве Копелеве, разоблачающего его связи с антисоветскими центрами Запада...

Из этого отчета мы узнаем и о том, что специальный отдел в Пятом управлении занимался эмигрантской организацией НТС.

— Насколько серьезным противником считался НТС среди сотрудников госбезопасности? — Я спросил об этом еще одного быв-

шего сотрудника Пятого управления, который попросил не называть его имени.

— Многие наши сотрудники в кулуарах управления говорили довольно откровенно: если бы КГБ не подкреплял НТС своей агентурой, союз давно бы развалился. А ведь прежде чем внедрять агента, его надо соответствующим образом подготовить, сделать ему диссидентское имя, позволить совершить какую-то акцию, чтобы за границей у него был авторитет. Кроме того, каждый из них должен был вывезти с собой какую-то стоящую информацию, высказать интересные идеи — плод нашего творчества. Вот и получалось, что мы подпитывали НТС и кадрами, и, так сказать, интеллектуально. Точно так же обстояло дело и с Организацией украинских националистов. Если посмотреть списки руководителей ОУН, то окажется, что чуть ли не каждый второй был нашим агентом.

— Но руководители НТС, с которыми я говорил, уверены, что, скажем, в закрытом секторе НТС агентов КГБ не было. Там все друг друга знали чуть ли не с детства.

— Они даже не представляют себе, какими сложными путями внедрялась агентура в русскую эмиграцию. Людей засылали еще до войны, а связь с ними восстанавливали через много лет, когда они абсолютно интегрировались в эмиграцию и ни у кого не могло закрасться сомнение в их надежности.

— А зачем в таком случае КГБ тратил столько сил и средств для борьбы с организацией, которая не представляла опасности?

— Засылая агентуру в НТС или ОУН, комитет фактически обслуживал сам себя: соответствующие подразделения просто обеспечивали себе «фронт работ». И штаты Пятого управления увеличивались именно потому, что засланная агентура делала тот же НТС более значительной организацией, а следовательно, для борьбы с ней требовалось усилить работу КГБ.

Откровенно говоря, если бы на НТС как следует навалились в те годы, когда у комитета была абсолютная власть, с ним можно было покончить за один год. Но комитету было выгодно держать эту структуру в полудохлом состоянии: вреда от нее никакого, а комитет раздувался...

Андропов говорил, что иностранных туристов враг использует для шпионажа и идеологических диверсий, и был против расширения поездок советских граждан за рубеж и возражал против эмиграции.

Зять Брежнева Юрий Михайлович Чурбанов вспоминает, что, когда обсуждался вопрос о выезде из СССР, «Леонид Ильич достаточно резко сказал: «Если кому-то не нравится жить в нашей стране, то пусть они живут там, где им хорошо». Он был против того, чтобы этим людям чинили какие-то особые препятствия. Юрий Владимирович, кажется, придерживался другой точки зрения по этому вопросу...».

Главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола Марк Анатольевич Захаров рассказывал в газетном интервью, как в

1983 году театр поехал в Париж со спектаклем «Юнона и Авось». По Парижу ходили только пятерками, в каждой пятерке свой руководитель.

Примерно за неделю до возвращения к Захарову явился сотрудник КГБ, приставленный к артистам. В гостинице он разговаривать отказался, сказал, что могут подслушать вражеские спецслужбы. Они долго ходили по Булонскому лесу, и чекист показывал главному режиссеру список артистов, которые могут остаться во Франции. Захаров его убеждал, что никто оставаться не собирается, и оказался прав...

Андропов, как и в свое время Семичастный, не обошел вниманием Илью Сергеевича Глазунова. Но в данном случае Андропов предлагал действовать не кнутом, а пряником, далеко выходя за пределы компетенции Комитета государственной безопасности.

Вот его записка в ЦК КПСС:

«С 1957 года в Москве работает художник Глазунов И.С., по-разному зарекомендовавший себя в различных слоях творческой общественности. С одной стороны, вокруг Глазунова сложился круг лиц, который его поддерживает, видя в нем одаренного художника, с другой — его считают абсолютной бездарностью, человеком, возрождающим мещанский вкус в изобразительном искусстве.

Вместе с тем Глазунов на протяжении многих лет регулярно приглашается на Запад видными общественными и государственными деятелями, которые заказывают ему свои портреты. Слава Глазунова как портретиста достаточно велика. Он рисовал президента Финляндии Кекконена, королей Швеции и Лаоса, Индиру Ганди, Альенде, Корвалана и многих других. В ряде государств прошли его выставки, о которых были положительные отзывы зарубежной прессы. По поручению советских организаций он выезжал во Вьетнам и Чили. Сделанный там цикл картин демонстрировался на специальных выставках.

Такое положение Глазунова, когда его охотно поддерживают за границей и настроенно принимают в среде советских художников, создает определенные трудности в формировании его как художника и, что еще сложнее, его мировоззрения.

Глазунов — человек без достаточно четкой политической позиции, есть, безусловно, изъяны и в его творчестве. Чаще всего он выступает как русофил, нередко скатываясь к откровенно антисемитским настроениям. Сумбурность его политических взглядов иногда не только настораживает, но и отталкивает. Его дерзкий характер, элементы зазнайства также не способствуют установлению нормальных отношений в творческой среде.

Однако отталкивать Глазунова в силу этого вряд ли целесообразно. Демонстративное непризнание его Союзом художников углубляет в Глазунове отрицательное и может привести к нежелательным последствиям, если иметь в виду, что представители Запада не толь-

ко его рекламируют, но и пытаются влиять, в частности склоняя к выезду из Советского Союза.

В силу изложенного представляется необходимым внимательно рассмотреть обстановку вокруг этого художника. Может быть, было бы целесообразным привлечь его к какому-то общественному делу, в частности к созданию в Москве музея русской мебели, чего он и его окружение настойчиво добиваются. Просим рассмотреть».

Я хорошо помню, как в те времена в особняке Союза писателей РСФСР на Комсомольском проспекте собрали «актив», и полковник из Пятого управления рассказывал об отдельных представителях творческой интеллигенции, которые продались Западу. Писатели были признательны полковнику и горячо призывали его к самому тесному сотрудничеству и взаимодействию. Это были правильные писатели.

Сколько же в стране было диссидентов, с которыми сражался огромный аппарат госбезопасности. Одна из записок Андропова о диссидентах рассекречена.

В 1976 году был 851 политический заключенный, из них 261 человек сидели за антисоветскую пропаганду. В стране насчитывалось 68 тысяч (!) «профилактированных», то есть тех, кого вызывали в КГБ и предупреждали, что в следующий раз их уже вызовет следователь. Предупреждено, докладывал председатель КГБ, появление 1800 антисоветских групп и организаций — через проникновение агентуры. Выходит, сам Андропов исходил из того, что в стране сотни тысяч людей готовы действовать против советской власти?

Диссидентов сажали по двум статьям Уголовного кодекса. Более жесткая статья 70-я была принята при Хрущеве и называлась «Антисоветская агитация и пропаганда». Она предполагала суровое наказание: лишение свободы на срок от 6 месяцев до 7 лет. Вдобавок можно было получить еще и ссылку на срок от 2 до 5 лет. В благоприятном случае суд мог удовлетвориться просто ссылкой.

В 1966 году, при Брежневе, ввели еще и 190-ю, более мягкую, статью — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Наказание — лишение свободы до 3 лет, или исправительные работы до года, или штраф до ста рублей. По этой статье сажать можно было кого угодно...

Обвиняемых по 70-й и 190-й статьям чекисты отправляли на экспертизу в Институт психиатрии имени В.П. Сербского. Если врачи соглашались с представителями КГБ, то обвиняемого отправляли на принудительное лечение. Для КГБ было выгоднее объявить человека шизофреником, чем судить как врага советской власти.

Анатолий Прокопенко, бывший глава Особого архива, в интервью газете «Труд» рассказывал:

«В докладной записке в ЦК в 1967 году председатель КГБ Андропов, Генеральный прокурор Руденко и министр внутренних дел Щелоков буквально потрясли воображение членов политбюро раз-

махом дерзких общественно опасных проявлений, совершенных, разумеется, психически больными.

В записке, на взгляд ее составителей, приведены примеры «неслыханного» вызова советской власти: это — Крысенков, пожелавший взорвать себя с помощью самодельной бомбы на Красной площади; это — некто, проникший в мавзолей и почти расколовший саркофаг Ильича; это — Дедюк, одержимый поисками «правды» и совершивший акт самосожжения на площади перед зданием КГБ. Одним словом, психбольниц не хватает, а потому вскоре психиатрический ГУЛАГ расширился еще на 5 больниц.

В 1978 году высшее партийное руководство поручило комиссии во главе с председателем Совета министров Косыгиным изучить психическое состояние советского общества. Комиссия пришла к выводу, что «за последние годы число психических больных увеличивается». Вывод: необходимо, кроме 80 психиатрических больниц обычных, построить 8 специальных.

Конец политической психиатрии наступил только в 1988 году, когда в ведение министерства здравоохранения из МВД передали 16 тюремных психбольниц, а 5 вообще ликвидировали. С психиатрического учета спешно сняли около 800 тысяч пациентов...».

По предложению КГБ было принято решение снести дом в Свердловске, в котором была расстреляна царская семья.

В июле 1975-го КГБ отправил в ЦК секретную записку: «Анти-советскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города... Представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому партии решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города».

Политбюро согласилось с предложением Андропова, и первый секретарь Свердловского обкома Борис Николаевич Ельцин получил указание снести Ипатьевский дом.

«ЭТО ВАМ НЕ ТАК, ЧТОБЫ С ЧИСТЕНЬКИМИ РУЧКАМИ»

Говорят, что, если бы не Андропов, а кто-то другой руководил КГБ, репрессии в стране могли принять сталинские масштабы. Это, конечно, не исключено. Находились члены политбюро, которые по каждому поводу требовали еще более жестких мер. Но масштаб и накал репрессий определялись поведением генерального секретаря. А Брежнев лишней жестокости не хотел.

Писателю Константину Михайловичу Симонову Брежнев сказал:

— Пока я жив... — И поправился: — Пока я в этом кабинете, крови не будет.

Другой человек на посту председателя КГБ, не наделенный изощренным умом Андропова, не додумался бы до такой всеобъемлющей системы идеологического контроля над обществом.

Комитет рождал не смертельный, как когда-то, но все равно страх. Партийная власть не была такой страшной. Она была более открытой, ей можно было попытаться что-то доказать. С тайной властью спорить было нельзя. Человека признавали преступником, но это делала невидимая власть. Оправдываться, возражать, доказывать свою правоту было некому и негде. КГБ никогда и ни в чем не признавался.

Виктор Гришин пишет в своих воспоминаниях:

«С приходом в Комитет государственной безопасности Ю.В. Андропов отменил все меры по демократизации и некоторой гласности в работе госбезопасности, осуществленные Н.С. Хрущевым. По существу, восстановил все, что было во время Сталина (кроме, конечно, массовых репрессий)...

Он добился восстановления управлений госбезопасности во всех городах и районах, назначения работников госбезопасности в НИИ, на предприятия и учреждения, имеющие оборонное или какое-либо другое важное значение. Органы госбезопасности были восстановлены на железнодорожном, морском и воздушном транспорте...

Вновь стали просматриваться письма людей, почта различных организаций. Восстановлена система «активистов», «информаторов», а проще доносчиков в коллективах предприятий, учреждений, по месту жительства. Опять началось прослушивание телефонных разговоров, как местных, так и междугородных».

Андропов вроде бы неплохо относился к своему бывшему подчиненному Александру Евгеньевичу Бовину. Но когда КГБ перехватил письмо Бовина, который жаловался, что вынужден тратить свой талант на службу ничтожествам (то есть в первую очередь генеральному секретарю), Юрий Владимирович поспешил доложить о письме Брежневу. Бовина выгнали из ЦК. При этом Андропов клялся, что не имеет к этому никакого отношения.

И это не единственный случай. Я знаю человека, который без объяснения причин при Брежневе был не просто снят с должности — ему вообще запретили заниматься любимым делом. Для него это был страшный удар. Он заподозрил, что это дело рук КГБ. Написал Андропову, которого знал, с просьбой объяснить: в чем причина?

Его пригласил начальник Главного управления контрразведки, заместитель председателя КГБ, пожал руку, был необыкновенно любезен и торжественно заявил:

— Юрий Владимирович просил меня передать вам, что у Комитета государственной безопасности не было, нет и, надеюсь, не будет к вам никаких претензий.

А после смерти Андропова помощник Черненко, занимавшийся этим делом, обнаружил, что виновником был КГБ, что на этого

человека составили огромное дело. Чекисты записали его разговор, в котором он с болью говорил, что ввод войск в Афганистан — преступление и что Брежнев в маразме. Андропов лично прослушал запись разговора (он делал это регулярно) и распорядился об увольнении. А потом разыграл целый спектакль, демонстрируя свою не причастность...

При этом Андропов не хотел войти в историю душителем свободы.

— Как-то из ЦК пришло представление на награждение орденами группы актеров и режиссеров, — вспоминал его помощник Игорь Сеницын. — В списке был и Юрий Петрович Любимов. Андропов написал против его фамилии — «нет». Я удивился и говорю: «Юрий Владимирович, ведь сразу же станет известно, что именно вы вычеркнули Любимова». Он сразу же зачеркнул свое «нет» и написал «согласен».

На апрельском пленуме 1973 года Брежнев, отступив от текста, сказал:

— КГБ под руководством Юрия Владимировича оказывает огромную помощь политбюро во внешней политике. Обычно думают, что КГБ — это значит только кого-то хватать и сажать. Глубоко ошибаются. КГБ — это прежде всего огромная и опасная заграничная работа. И надо обладать способностями и характером. Не каждый может не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так чтобы... с чистенькими ручками. Тут нужны большое мужество и большая преданность.

На этом пленуме Брежнев ввел Андропова в политбюро. К шестидесятилетию, в 1974-м, наградил Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

В декабре 1973 года Андропов, который, как и некоторые его предшественники, и дня не служил в армии, был произведен сразу в генерал-полковники, а через три года — в генералы армии. За звание и выслугу лет Андропов получал четыреста рублей прибавки к своим семистам министерского жалования. Правда, особых возможностей потратить деньги у него, как и у остальных членов политбюро, не было.

В 1973 году у него появился новый помощник по делам политбюро — Игорь Елисеевич Сеницын, сын бывшего сотрудника разведки, но сам — сугубо штатский человек.

— Юрий Владимирович производил тогда впечатление очень крепкого человека, — рассказывал мне Игорь Сеницын. — Он каждый день сорок минут занимался гимнастикой. Когда ехал в машине, то не забивался в глубь лимузина, а садился у окна на откидное сиденье.

Правда, уже тогда у него на письменном столе стояли два вида соков — клюквенный и лимонный, да еще бутылочка «трускавецкой» минеральной воды для почечников. Помощники знали, что у него почки барахлят, но держался он молодцом.

У него был очень напряженный график работы. Он приезжал к девяти утра и уезжал в девять вечера. Днем он час отдыхал, потом обедал и возвращался в свой кабинет, который покидал только для того, чтобы доложить срочные бумаги Брежневу, побывать в здании разведки в Ясенево или пройти процедуры в больнице. В субботу сидел с одиннадцати до шести вечера и даже в воскресенье днем приезжал на несколько часов.

Единственное развлечение, которое он себе позволял, — это ежевечерние прогулки — десять тысяч шагов, как ему советовал личный врач. Когда уходил в отпуск, то две недели проводил в Крыму, а две недели — в Минеральных Водах.

— Его состояние резко ухудшилось где-то в конце 1979 года, мне кажется после поездки в Афганистан, — продолжал Сеницын. — Он внешне изменился — очень облысела голова, кожа стала желтого цвета. И рука стала слабой — ее даже опасно было пожимать.

А за пару лет до этого что-то в нем изменилось. Первые годы, по словам Сеницына, Юрий Владимирович излагал очень интересные идеи о переустройстве страны, экономики, банковской системы, а потом — как отрезало.

Свои идеи Андропов изложил в 18-страничной записке, которую 8 января 1976 года прислал Брежневу:

«Дорогой Леонид Ильич!

Настоящий документ, подготовленный мною лично, предназначен только для Вас. Если Вы найдете в нем что-либо полезное для дела, буду очень рад, если нет — то прошу считать, что такового в природе не было».

И что же Андропов предлагал сделать? Взять на вооружение большевистскую партийность, строгую организованность и железную дисциплину. Выдвигать на партийную работу не специалистов, а профессиональных политических руководителей. А так называемые «деловые люди», писал Андропов, всякий разговор начинают с чирканья цифирьев на бумаге. И возникает вопрос: чем же такой руководитель отличается, например, от американского менеджера, для которого дело — это прежде всего расчеты, деньги, а люди — вопрос второстепенный. В наших условиях такие «деловые люди» — это де-ляги...

Вот и все идеи Юрия Владимировича...

— К каждому заседанию Политбюро, — говорил Сеницын, — я готовил ему материалы — по всем пунктам повестки дня, чтобы он мог полноценно участвовать в дискуссии. Я очень коротко писал ему, что думаю по каждому из вопросов. И где-то в 1977 году обратил внимание на то, что он словно перестал читать мои заметки — раньше они были исчерканы его замечаниями, а теперь возвращались девственно чистыми. Я спросил, что случилось. Он ответил: «Я все читаю, но зачем ты мне это пишешь?»

Хочешь, чтобы меня из политбюро выгнали?» Он стал бояться высказывать какие-то свежие мысли.

Андропов очень боялся Брежнева, но какие-то мечты о власти, конечно, лелеял.

Председателя КГБ тяжелая болезнь лишила всех иных человеческих радостей, кроме работы и наслаждения властью.

К его шестидесятилетию в здание на Лубянке было доставлено огромное количество подарков, среди которых были и уникальные, скажем дивный чешский хрусталь — презент от чехословацкого лидера Густава Гусака. Все подарки собрали в здании коллегии КГБ. Юрий Владимирович их осмотрел и оценил.

Он повернулся к заместителю по хозяйственным делам — Ардалиону Николаевичу Малыгину, бывшему заведующему сектором отдела административных органов ЦК КПСС, и сказал:

— Это подарки не мне, а моей должности. Отправь все это в спецбуфет. — То есть не утащил все на дачу или на квартиру, а поступил очень разумно и щепетильно. Такая же щепетильность у него была и в других вопросах — хозяйственных, бытовых.

ВТОРЖЕНИЕ В АФГАНИСТАН

Анатолий Сергеевич Черняев, который много лет проработал в международном отделе ЦК КПСС, пишет, что в конце 1967 года Брежнев поехал в Прагу и быстро вернулся. Рассказал своим помощникам: «Первый секретарь Новотный жалуется на членов президиума, те норовят отозвать меня в сторонку, напрашиваются на разговор чуть не ночью, кроют первого секретаря. Каждый тянет меня в свою сторону, завлекает в союзники. Зачем мне это? Говорю: «Готовьте самолет, завтра улетаем. Не хватало в их внутреннюю склоку лезть. Пусть сами разбираются». А через девять месяцев Брежнев ввел войск в ЧССР. Что же произошло?

По мнению Черняева, решающую роль сыграла информация, поступающая из Праги. Массированно и во все возрастающем масштабе она создавала впечатление, что в Чехословакии зреет предательство социализма...

Для Андропова «пражская весна» — попытка чехов и словаков построить «социализм с человеческим лицом» — была повторением венгерских событий. Действовать следовало быстро и жестко. Андропов был инициатором самых жестких и репрессивных мер, пишет Александров-Агентов. В Чехословакии Андропов сделал ставку на быстрый шоковый эффект, надеясь испугать чехов, но промахнулся: ввод войск ничего не решил.

Народ — за малым исключением — не оказал вооруженного сопротивления, но и не захотел сотрудничать с оккупационными войсками. Пришлось идти на переговоры с Александром Дубчеком и другими лидерами «пражской весны» и постепенно закручивать гайки.

Во время событий на острове Даманском в марте 1969 года у Андропова было совещание. Что делать? Как реагировать? Горячо выступали сторонники мощного удара по китайцам. Андропов был против, и его поддержал Брежнев. Обошлись без войны с Китаем, и конфликт постепенно угас.

Сама должность заставляла Андропова быть ястребом во внешней политике, подозревать окружающий мир во враждебных намерениях. В служебных документах КГБ Соединенные Штаты откровенно именовались «главным противником». КГБ находился в состоянии перманентной войны с США и с Западом в целом.

Пока Брежнев был здоров, это уравновешивалось его стремлением к разрядке, к нормальным отношениям с Западом. Когда Брежнев тяжело заболел, выпустил вожжи из рук, внешнюю и военную политику стала определять тройка — председатель КГБ Андропов, министр обороны Дмитрий Федорович Устинов и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко. Они даже на заседаниях политбюро сидели рядом: Андропов между Громыко и Устиновым.

Как ни странно, власть триумvirата была хуже, чем единоличное правление Брежнева. Уверенный в себе лидер способен пойти на уступки и компромиссы. А тут каждый из тройки стремился продемонстрировать свою непоколебимость, стойкость. Они загнали страну в жесткую конфронтацию с внешним миром.

Особенно Андропов сблизился с Устиновым, обращался к нему на «ты» и называл его Митей. Председатель КГБ своими сообщениями об агрессивных замыслах империализма помогал Устинову перекачивать в военное производство все большую часть бюджета. Когда Юрий Владимирович станет генеральным секретарем, отношения с Западом настолько ухудшатся, что заговорят об угрозе новой войны... Андропов, Устинов и примкнувший к ним Громыко и ввязались в афганскую авантюру.

Совершившие в апреле 1978 года военный переворот новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели такую сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой советские руководители в Москве имели весьма приблизительное представление.

Правящая партия была расколота на две фракции — «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Лидеры обеих фракций ненавидели друг друга и не могли поделить власть. Эта вражда в значительной степени была порождена личным соперничеством между двумя вождями — Нур Мухаммедом Тараки («Хальк») и Бабраком Кармалем («Парчам»). Тараки желал быть единоличным хозяином страны, а Кармаль не соглашался на роль второго человека. Тем более, что вторым фактически становился Хафизулла Амин, которого продвигал Тараки.

Вскоре Бабрак Кармаль был назначен послом в Чехословакию. Одновременно с ним в разные страны уехали послами еще пять

видных деятелей фракции «Парчам», в том числе Наджибулла, бывший президент, который тогда отправился в Тегеран. В ночь перед отъездом Бабрак собрал у себя лидеров фракции и сказал им:
— Я еще вернусь. И под красным флагом.

Парчамисты решили вновь уйти в подполье. Фактически на этом ночном совещании речь шла о подготовке «Парчам» к захвату власти. Халькисты узнали о том, что произошло. Многих парчамистов сняли с высоких должностей, арестовали. Из армии выгнали чуть ли не всех командиров-парчамистов.

Но с фракцией «Парчам» работало представительство КГБ. Между советниками в Афганистане не было единства. Партийные и военные советники считали, что надо работать с фракцией «Хальк», которая фактически стоит у власти. Представители КГБ сделали ставку на фракцию «Парчам», которая охотно шла на контакт и казалась легко управляемой.

Сотрудники резидентуры внешней разведки КГБ установили контакты именно с парчамистами, которые отчаянно пытались завоевать расположение Москвы. Сотрудники КГБ увидели в этой интриге шанс: уверенные в своих силах халькисты ведут себя самостоятельно, а парчамисты готовы подчиняться Москве во всем. Значит, на парчамистов и на их лидера Бабрака Кармалья и надо делать ставку.

Когда Бабрак Кармаль уехал, начал зреть новый конфликт — между Тараки и Амином.

Первоначально они были заодно. Амин вел себя как преданный помощник и ученик Тараки. Когда он выступал на совещаниях, то всегда говорил как бы от имени Тараки.

В практической работе Тараки был беспомощным. Амин, напротив, оказался прекрасным организатором. Амин, физически крепкий, решительный, упрямый и жестокий, обладал огромной работоспособностью и сильной волей.

Тараки называл Амина «любимым и выдающимся товарищем» и с удовольствием передавал ему все дела. Тараки не любил и не хотел работать. Тараки славили как живое божество, и ему это нравилось. Тараки царствовал, Амин правил. И он постепенно отстранял Тараки от руководства государством, армией и партией. Многим советским представителям в Кабуле казалось естественным, что власть в стране переходит в руки Амина, ведь Тараки не способен руководить государством.

— Когда я был в Кабуле, Тараки и Амин были едины — водой не разольешь, — говорит Валерий Харазов, который руководил первой группой партийных советников в Кабуле. — Они взяли власть, они руководили страной. А парчамистов они обливали грязью. Причем Амин тянул весь воз работы на себе. Он занимался партийными делами, армией, кадрами. А потом начались интриги. Прежде всего в нашем союзническом аппарате. Тараки и Амина стравили...

— А у вас было ощущение, что Амин плохо относится к Советскому Союзу, что он симпатизирует Соединенным Штатам? — спра-

шивал я Харазова. — Ведь потом это утверждение станет главным объяснением, почему убили Амина и заменили его Кармалем.

— Амин постоянно говорил о своих дружеских чувствах к Советскому Союзу. Слухи о том, что Амин — агент ЦРУ, ходили и при нас. Основывались они на том, что он недолго учился в США и был там руководителем землячества афганцев. Но ни тогда, ни сейчас, через двадцать лет после его устранения, не найдено никаких подтверждений того, что он был агентом ЦРУ.

Когда Амина убили, а с ним погибли двое его сыновей, вдова с дочками и младшим сыном поехала в Советский Союз, хотя ей предложили любую страну на выбор. Но она сказала: «Мой муж был другом Советского Союза, и я поеду только в Советский Союз...»

Между афганскими лидерами был не политический конфликт, а личный, это была война амбиций. Ей воспользовались наши советники, принадлежавшие к разным ведомствам. Ведомства тоже конкурировали между собой.

— Отношение к русским было тогда прекрасным, — вспоминает Валерий Харазов. — «Шурави» считались друзьями. Незнакомые люди прямо на улице приглашали нас в гости. Но все это было до ввода наших войск. После ввода войск у афганцев коренным образом изменилось отношение к русскому человеку.

Хотя недовольство новым режимом проявилось довольно быстро. В ответ начались массовые аресты противников новой власти и потенциальных противников. Хватали многих — часто без каких-либо оснований. Арестовывали обычно вечером, допрашивали ночью, а наутро уже расстреливали. Руководил кампанией репрессий Хафизулла Амин.

Использование советского опыта накладывалось на афганские традиции — устранять предшественников и соперников. Разве что идейной борьбы в Афганистане не было, просто уничтожали оппонентов.

Один из руководителей международного отдела ЦК КПСС говорил удивленному Харазову:

— Ну что ты хочешь? Это же Восток! Там такие традиции. Когда приходит новое руководство, оно прежде всего лишает жизни своих предшественников.

В Москве спокойно относились к этим традициям, пока их жертвой не пал Тараки, которому чисто по-человечески симпатизировал сам Брежнев...

Тараки первоначально был настроен оптимистически.

Революция далась очень легко. Молодые военные взяли дворец, уничтожили главу правительства Дауда и его окружение, и все — власть у них в руках. Это вдохновило Тараки. Он был уверен, что и дальше все будет хорошо, никаких осложнений не возникнет. Тем более, что Афганистану помогает Советский Союз. Но все пошло иначе.

Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям. Афганцы не спешили становиться марксистами. Очень быстро сопротивление стало вооруженным. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части гератского гарнизона, был убит один из наших военных советников.

Тараки упрямил Москву принять его. Он прилетел и долго уговаривал советское руководство ввести войска. Тогда ему отказали. Видя, что происходит, Амин стал действовать активнее. Он считал, что Тараки не в состоянии удержать власть.

Сначала министра обороны в Афганистане не было, курировал министерство Амин, но он был занят тысячьо дел. Потом назначили министром активного участника революции полковника Ватанджара. Генерал Василий Заплатин, который был советником начальника Главного политического управления афганской армии, считает, эта ноша недавнему командиру батальона оказалась не по плечу. Однако Тараки очень любил Ватанджара, который принадлежал к так называемой «группе четырех», которая объединилась против Амина.

Помимо Ватанджара (потом он стал министром внутренних дел) в нее входили руководитель госбезопасности Сарвари, министр связи Гулябзой и министр по делам границ Маздурьяр.

По мнению генерала Заплатина и других наших военных советников, «группа четырех» — это были просто молодые ребята, которые, взяв власть, решили, что теперь они имеют право расслабиться, отдохнуть и погулять.

— А дело страдало, — говорит Заплатин. — Они гуляют, Тараки их поощряет, прощает им выпивки и загулы, а Амин работает и пытается заставить их тоже работать. Они жалуются Тараки на Амина, обвиняя Амина в разных грехах. Вот с чего началась междоусобица.

А за Сарвари, министром госбезопасности Афганистана, стояло представительство КГБ; это был их человек.

Полковник Александр Кузнецов много лет проработал в Афганистане военным переводчиком, был там и во время апрельской революции. Он вспоминает:

— Амин, конечно, не был трезвенником, но считал, что в военное время нельзя пить, гулять, ходить по девочкам. А наши органы как работают? С кем-то выпить, закусить и в процессе застолья спросить о чем-то важном.

Но с Амином так работать было нельзя, зато с «четверкой» можно. Они и стали лучшими друзьями сотрудников КГБ.

Информация «группы четырех» пошла по каналам КГБ в Москву. Их оценки будут определять отношение советских лидеров к тому, что происходит в Афганистане. «Четверка» старалась посоветовать Тараки с Амином, надеясь отстранить Амина от власти. А тот оказался хитрее.

Потом, когда Амин свергнет Тараки, он попытается разделаться с «четверкой». Они обратятся за помощью в советское посольство. Полковник внешней разведки Александр Морозов, который был в те годы сотрудником резидентуры в Кабуле, рассказывал мне, с какими приключениями КГБ тайно вывез всех четверых в Советский Союз...

Противоречия между представительством КГБ и военными советниками в Кабуле дошли до предела.

— Вы пытались как-то урегулировать свои разногласия с представителями КГБ? — спросил я генерала Заплатина. — Ведь вы же видели, что у вас точки зрения расходятся по принципиальным вопросам.

— Разговоры у нас были, — ответил Заплатин. — Когда представительство КГБ возглавил Борис Семенович Иванов, взаимодействие стало полегче. Он человек трезвомыслящий. И с ним можно было говорить. А с его предшественником труднее было — прежде всего потому, что я его редко видел трезвым.

Генерала Заплатина злило то, что днем, в рабочее время, руководители представительства госбезопасности вольготно располагались в бане, выпивали, закусывали.

— Как понять логику представителей КГБ? — спросил я Заплатина. — Они считали Амина неуправляемым, полагали, что надо посадить в Кабуле своего человека, и все пойдет как по маслу, так, что ли?

— Они делали ставку на Бабрака Кармаля, — считает генерал Заплатин, — и были уверены, что необходимо привести его к власти. А для этого придется убрать Амина. Бабрак, считали они, сможет найти общий язык с Тараки. Почему им нравился Бабрак? Он — легко управляемый человек. Амин может и не согласиться с мнением советских представителей, проводить свою линию. Но он не был пьяницей, как Бабрак. Даже по одной этой причине Бабрака Кармаля нельзя было допускать к власти.

Противоречия между военными советниками и аппаратом представительства КГБ сохранялись все годы афганской эпопеи. Генерал Александр Ляховский, который много лет прослужил в Кабуле, вспоминает:

— Уже после ввода наших войск ввели жесткое правило: из Афганистана в Москву отправляли только согласованную информацию, которую подписывали посол, представитель КГБ и руководитель оперативной группы министерства обороны. А представительство КГБ все равно потом посылало свою телеграмму, часто не совпадающую с согласованной. Когда наша командировка заканчивалась, заехали в представительство КГБ попрощаться: «Спасибо за совместную работу». Один из них сказал: «Да вы и не знаете, сколько мы вам пакостей подстроили...»

Наши военные советники рассказывают, что «группа четырех», которая перешла на нелегальное положение, даже пыталась под-

нять восстание в армии против Амина — с помощью советских чекистов.

Заплатин вспоминает, как 14 октября 1979 года вспыхнул мятеж в 7-й пехотной дивизии и как он поднял танковую бригаду, чтобы его подавить.

После подавления мятежа Заплатин поехал в посольство, чтобы рассказать об операции. В приемной посла сидел один из работников посольства и буквально плакал. На недоуменный вопрос, что случилось, Пузанов ответил, что чекист льет слезы по поводу неудавшегося мятежа. Вот так «дружно» трудился советнический аппарат в Афганистане.

СПЕЦОПЕРАЦИЯ В КАБУЛЕ

Осенью 1979 года Тараки летал на Кубу. На обратном пути остановился в Москве. С ним беседовал Леонид Ильич Брежнев, плохо отзывался об Амине, говорил, что от этого человека надо избавиться. Тараки согласился. Но как это сделать?

Председатель КГБ Юрий Андропов успокоил Тараки: «Когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет...» Но не получилось. Амина в общей сложности пытались убить пять раз. Успешной оказалась только последняя попытка. Два раза его хотели застрелить, еще два раза отравить.

Генерал Ляховский рассказывал мне о том, как два советских снайпера из отряда «Зенит» подстерегали президента Амина на дороге, по которой он ездил на работу. Но акция не удалась, потому что кортеж проносился с огромной скоростью. С отравлением тоже ничего не получилось.

Стакан кока-колы с отравой вместо него выпил племянник — Ассадула Амин, шеф контрразведки, и тут же в тяжелейшем состоянии был отправлен в Москву. Здесь его вылечили, потом посадили в «Лефортово», потому что у власти уже был Бабрак Кармаль. Его пытали, чтобы заставить дать показания против Амина. Он проявил твердость и ничего не сказал. Его отправили в Афганистан, а там его казнили...

Когда Тараки вышел из самолета и увидел Амина, которого уже не должно было быть в живых, он был потрясен. Но два врага обнялись как ни в чем не бывало.

Амина попытались убить еще раз — на сей раз руками самих афганцев.

14 сентября советский посол Пузанов приехал к Тараки и пригласил туда Амина. Тот ехать не хотел. И был прав в своих подозрениях. Но советскому послу отказать не мог. Во дворце Тараки в Амина стреляли, но он остался жив и убежал.

Весь тот вечер и ночь между Тараки и Амином шла борьба. Тараки приказал армии уничтожить Амина. Но войска кабульского

гарнизона в целом остались на стороне Амина. Наши советники тоже позаботились о том, чтобы войска не покинули казарм. Два вертолета «Ми-24» поднялись в воздух, чтобы обстрелять ракетами здание министерства обороны, где сидел Амин, но наши советники сумели их посадить, потому что в здании было полно советских офицеров.

В Москве не думали, что так произойдет, и действовали крайне нерешительно. Хотели отправить отряд спецназа охранять Тараки, но в последний момент приказ отменили. Отряд «Зенит» ждал приказа взять штурмом резиденцию Амина и захватить его. Но приказа не последовало...

На следующий день Тараки был изолирован. 16 сентября в здании министерства обороны прошло заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК НДПА. Тараки потерял должности председателя Революционного совета и генерального секретаря. Оба поста достались Амину. Первым делом он взялся уничтожать своих противников — расстрелял несколько тысяч человек.

А ведь представительство КГБ сообщало в Москву, что Тараки — это сила и устранить Амина не составит труда. Получилось все наоборот. Теперь уже представительство КГБ должно было во что бы то ни стало свергнуть Амина.

Когда Тараки задушили, собственная судьба Амина была решена. Брежнев счел это личным оскорблением: он гарантировал безопасность Тараки, а его убили.

— Что скажут в других странах? — переживал Брежнев. — Разве можно верить Брежневу, если его заверения в поддержке и защите остаются пустыми словами?

Леонид Ильич санкционировал спецоперацию в Кабуле.

В КГБ сразу же придумали версию, что Амин — агент ЦРУ. Андропов приказал доставить Бабрака Кармала в Москву. И началась переброска наших спецподразделений в Афганистан. О спецоперации не поставили в известность ни военных советников, ни даже посла.

10 декабря Заплатину позвонили из Москвы: «Ваша дочь просит о немедленной встрече с вами, возвращайтесь». Он тут же вылетел в Москву. Разумеется, его дочь ни к кому не обращалась. Заплатина убрали из Кабула, потому что он считал необходимым сотрудничать с Амином. А в Москве приняли иное решение.

Я спрашивал генерала Заплатина:

— Представительство военных и КГБ были вроде как на равных. Но вы не сумели убедить Москву в своей правоте, а сотрудники КГБ смогли. Они были влиятельнее?

— Конечно, — ответил Заплатин. — Оценка политической ситуации в стране — их компетенция. Мне министр обороны на последней беседе именно это пытался втолковать.

Утром Заплатина вызвали к министру, но Устинов уже стоял в шинели, уезжал в Кремль, сказал: «Зайдите потом». В ожидании ми-

нистра Заплатин два часа говорил с начальником Генерального штаба Огарковым. Николай Васильевич спрашивал: не настало ли время ввести войска в Афганистан, чтобы спасти страну? Заплатин твердо отвечал: нельзя, тогда мы втянемся в чужую гражданскую войну.

После заседания политбюро Устинов вернулся и вызвал к себе опять Огаркова, Заплатина и начальника Главного политуправления генерала Епишева.

Огарков сказал министру:

— Товарищ Заплатин остается при своем мнении.

— Почему? — удивился Устинов. — Вы напрасно пытаетесь отстаивать свою позицию. Вот почитайте, что представительство КГБ сообщает о положении в Афганистане.

В шифровке говорилось, что афганская армия развалилась, а Амин находится на грани краха. Это была та самая телеграмма, которую Заплатин отказался подписать в Кабуле.

Заплатин прочитал шифровку и твердо сказал:

— Товарищ министр, это не соответствует действительности. Я знаю, от кого эта информация поступает в КГБ.

Устинов сказал:

— Ты изучаешь тамошнюю обстановку вроде как попутно. А они головой отвечают за каждое слово.

— Понимаю, — кивнул Заплатин. — Если бы была трезвая голова, все было бы правильно, а когда голова пьяная, тогда...

Генерал думал, что министр выгонит его из кабинета. Устинов посмотрел на Заплатина, на Епишева, на Огаркова и как-то задумчиво сказал:

— Но уже поздно.

Именно в тот день на заседании политбюро было принято окончательное решение ввести советские войска в Афганистан.

По словам Фалина, Устинов обещал управиться в Афганистане за несколько месяцев:

— В Афганистане нет военного противника, который в состоянии нам противостоять.

Генерал армии Махмут Ахметович Гареев описывает, как на заседании политбюро начальник Генштаба Огарков высказался против ввода советских войск в Афганистан, заявил, что такая акция чревата очень большими внешнеполитическими осложнениями для Советского Союза.

Андропов оборвал маршала:

— У нас есть кому заниматься политикой. Вам надо думать о военной стороне дела, как лучше выполнить поставленную вам задачу.

На заседании политбюро 6 декабря 1979 года было принято решение согласиться с предложением Андропова и начальника генерального штаба Огаркова отправить «для охраны резиденции Амина» специальный отряд ГРУ Генштаба «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежность к Вооруженным Силам».

Этот батальон и взял потом штурмом дворец Амина, убив его самого, и его семью, и советского врача, и вообще всех, кто там находился...

Предполагалось, что Хафизулла Амин сам заявит о том, что по его приглашению советские войска входят в Афганистан, а уже потом его уберут. С пропагандистской точки зрения так было бы правильнее. Уже объявили, что Амин выступит по телевидению. Бабрак Кармаль, находившийся под охраной офицеров Девятого управления КГБ, ждал своего часа.

Но КГБ поторопился. Через поваров в президентском дворце Амину дали отравленную пищу. Выступить по телевидению он уже не смог. Но прежде чем Амин потерял сознание, он попросил советского посла прислать врачей — своим не доверял. Наш посол и не подозревал, что КГБ проводит за его спиной спецоперацию в Кабуле. Советские врачи спасли президента только для того, чтобы его через несколько часов расстреляли спецназовцы. Они же в горячке боя убили и одного из советских врачей.

Спецназ КГБ вместе с десанниками штурмом взяли дворец Амина. При этом было убито большое количество афганцев, которые, умирая, не могли поверить, что их убивают лучшие друзья. До последней секунды не верил в это и президент Амин. Его убили вместе с сыновьями.

Полковник Кузнецов рассказывал мне:

— Я находился в ту ночь на узле связи. Там же был представитель КГБ генерал Иванов. Когда он получил сообщение о том, что Амина больше нет, он меня расцеловал: все, мы победили!

31 декабря 1979 года Кирпиченко и начальник нелегальной разведки КГБ Юрий Иванович Дроздов доложили Андропову об успешно проведенной операции. Андропов обещал всех награждать.

Андропов в Афганистане попался в ловушку своего ведомства, которое соблазнило его простотой решения проблемы: убрать Амина, доставить в Кабул своего человека Кармаля и поставить его у власти. Тайные операции чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом...

Советские войска ввели в Афганистан, когда Брежнев был уже совсем болен и оставался лишь номинальным главой государства. Если бы Брежнев был в порядке, он, скорее всего, не дал бы Андропову, Устинову и Громыко втянуть страну в афганскую авантюру. Как выразился Валентин Фалин, «все дела обделывались за спиной генерального». Точнее было бы сказать, что генеральный секретарь лишился способности трезво оценивать ситуацию. По словам Фалина, Леонид Ильич «переживал упадок разрядки своего любимого внешнеполитического детища, но ничего поделать уже не мог. Если бы даже захотел».

Когда Андропов станет генеральным секретарем, он прикажет шире развернуть атеистическую работу, потому что в результате вторжения в Афганистан выросла роль исламского духовенства.

В апреле 1983 года ЦК КПСС примет постановление «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства». Но это уже не поможет. Те, кто ввел войска в Афганистан, своими руками оттолкнули мусульманские народы Советского Союза и непосредственно содействовали возрождению религиозных чувств и стремлению к государственной самостоятельности.

СМЕРТЬ СУСЛОВА

Некоторые действующие лица событий того времени полагают, что Андропов пытался ускорить свой приход к власти. Юрий Владимирович сам был серьезно болен и боялся, что не дожидется, пока Леонид Ильич уступит ему место естественным путем.

По мнению сторонников этой версии, Андропов пытался скомпрометировать и самого Брежнева, и его окружение. Поэтому Юрий Владимирович позаботился о том, чтобы по стране пошли слухи о коррупции в правящей семье. А слухи эти вертелись вокруг дочери генерального секретаря, Галины Леонидовны Брежневой, чьи любовные похождения и близкие отношения с некоторыми сомнительными персонажами активно обсуждались в ту пору в московском обществе.

Теперь уже известно, что никакого «дела Галины Брежневой» не существовало. Но она действительно была знакома с некоторыми людьми, попавшими в поле зрения правоохранительных органов.

Бывший член политбюро академик Александр Яковлев говорил мне:

— Брежнев побаивался Андропова. И справедливо: Андропов плел против него интриги. Мне известно, что Брежнев несколько раз поручал Суслову его одернуть.

— Какие интриги вы имеете в виду?

— Андропов был трусоватый человек. Он пытался укунить Брежнева через семью. Позволил информации, порочащей семью генерального секретаря, гулять по стране. Это компрометировало Брежнева...

— Возможно ли, что Андропов допустил сознательную утечку информации о темных делишках брежневской семьи, чтобы скомпрометировать Леонида Ильича?

— Андропов был человек страшно осторожный, — считает бывший председатель КГБ РСФСР генерал Виктор Иваненко. — Ни на какие опасные мероприятия против высшего руководства он бы никогда не пошел. Это не в его характере. Он осаживал ретивых подчиненных, которые призывали активно заняться высши-

ми партийными чиновниками. А к Брежневу он и вовсе относился с пиететом.

Более того, Юрий Владимирович робел перед Брежневым. Однажды он заговорил с Брежневым о том, что муж медсестры, которая ухаживает за генеральным секретарем, слишком много болтает, поэтому, может быть, есть смысл сменить медсестру? Между Брежневым и медсестрой возникли отношения, выходящие за рамки служебных, и об этом стало широко известно.

Брежнев жестко ответил Андропову:

— Знаешь, Юрий, это моя проблема и прошу больше ее никогда не затрагивать.

Об этой беседе стало известно лишь потому, что огорченный Андропов пересказал ее академику Чазову, начальнику Четвертого главного управления при министерстве здравоохранения СССР, объясняя, почему он не смеет вести с генеральным секретарем разговоры на неприятные темы.

В эти последние брежневские годы у Андропова было сложное отношение к Леониду Ильичу.

Однажды на заседании политбюро тяжело больной Брежнев отключился, потерял нить обсуждения. После политбюро Андропов сказал Горбачеву, который уже был переведен в Москву:

— Знаешь, Михаил, надо делать все, чтобы и в этом положении поддерживать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности.

Андропов полностью зависел от поддержки Брежнева, пишет академик Чазов. Он понимал, что один из его главных недостатков — отрыв от партийных секретарей. В этом кругу — в отличие от Кириленко или Черненко — у него не было достаточной опоры. А он отлично понимал, какой властью обладают эти люди. Он сознавал, что его время еще не пришло, и потому делал все возможное для сохранения на посту генерального секретаря дряхлого, но удобного для него Брежнева.

Андропов искал возможности привлечь на свою сторону молодых партийных секретарей, поэтому сделал все возможное для того, чтобы лично известный ему Михаил Сергеевич Горбачев переехал из Ставрополя в Москву и занял пост секретаря ЦК КПСС.

Но одновременно Андропов понимал, что его время уходит с катастрофической быстротой — он слишком болен, чтобы ждать слишком долго. Юрий Владимирович готовился к тому, что произойдет после ухода Брежнева. Объективно он был заинтересован в том, чтобы возможные конкуренты из брежневского окружения были надежно скомпрометированы.

Андропов наладил доверительные отношения с академиком Чазовым, который лучше всех был осведомлен о состоянии здоровья и Брежнева, и всех остальных членов политбюро.

Время от времени он встречался с Чазовым — или у себя в кабинете, или на конспиративной квартире, которая находилась в одном

из старых домов неподалеку от Театра сатиры. «Разговор шел в основном о состоянии здоровья Брежнева, — вспоминает Чазов, — наших шагах в связи с его болезнью, обстановке в верхних эшелонах власти. Умный и дальновидный политик, с аналитическим складом ума, Андропов, как шахматист, проигрывал возможные варианты поведения тех или иных политических деятелей».

Юрий Владимирович мечтал поскорее вернуться из КГБ в аппарат ЦК КПСС, что открыло бы ему дорогу к должности генерального секретаря.

Андропова беспокоило «разгоравшееся соперничество» между ним и Черненко. По мере того как Брежнев слабел, Черненко становился для него все более близким человеком. Константин Устинович, возглавляя общий отдел ЦК, контролировал всю работу партийного аппарата. Он не только информировал Брежнева обо всем, что происходит, но и создавал иллюзию напряженной работы генерального секретаря. Брежнев в последние годы так доверял Черненко, что подписывал принесенные им бумаги, не вникая в их суть.

Правда, ситуация изменилась, когда 25 января 1982 года умер Михаил Андреевич Сулов, который был секретарем ЦК тридцать пять лет.

Пока Сулов сидел на Старой площади, Андропову не было хода наверх. Сулов не любил Андропова. Не любил главного чекиста и другие члены политбюро, кроме, пожалуй, министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова. Погубить чью-то карьеру председатель КГБ мог запросто. Помочь — нет.

А теперь освободился кабинет номер два на пятом этаже в первом подъезде основного здания ЦК КПСС. На этом этаже только два кабинета — генерального секретаря и второго человека в партии. Все ждали, кто его займет. Разные были кандидатуры. Брежнев неожиданно для многих выбрал Андропова.

Помощник генерального секретаря Андрей Александров-Агентов вспоминал:

«Через день-два после внезапного заболевания Сулова в начале 1982 года Леонид Ильич отвел меня в дальний угол своей приемной в ЦК и, понизив голос, сказал:

— Мне звонил Чазов. Сулов скоро умрет. Я думаю, на его место перевести в ЦК Андропова. Ведь правда же Юрка сильнее Черненко — эрудированный, творчески мыслящий человек?»

Интересно, почему Брежнев отвел своего помощника в угол? Не хотел, чтобы разговор слышали чужие люди? Предполагал, что и его прослушивают? Кто бы это мог быть? Генерал-полковник Дмитрий Волкогонов, который после 1991 года был допущен к самым секретным материалам политбюро, уверял, что это делал Черненко, что «в его кабинете находилась аппаратура, с помощью которой можно было прослушивать разговоры самых высоких чиновников на Старой площади, в том числе и располагавшихся на пятом этаже основного здания ЦК...»

Брежнев почему-то медлил с окончательным решением. Андропов переживал, думая, что это интриги Черненко.

Академик Чазов даже поинтересовался у Андропова, отчего поддержка?

— А вы что думаете, меня с радостью ждут в ЦК? — огорченно ответил Андропов. — Кириленко мне однажды сказал: «Если ты придешь в ЦК, то ты, глядишь, всех нас разгонишь».

И оказался прав: Андропов, став генеральным секретарем, помня о старых обидах, первым отправил на пенсию члена политбюро Андрея Павловича Кириленко, к тому времени тяжело больного человека. Впрочем, Андропов был немногим здоровее...

Бывший начальник Московского управления КГБ генерал Виктор Алидин вспоминает, что они с Андроповым иногда говорили о плохом здоровье Брежнева.

— Леонид Ильич не может работать в полную силу, он уже ставил вопрос об освобождении его от руководящих обязанностей, а заменить его некем, — заметил однажды Андропов.

— А почему бы вам, Юрий Владимирович, не взять на себя эту роль, у вас большой опыт партийной и государственной работы, — сказал Алидин.

— Да, но я слабо знаю работу промышленности, — ответил Юрий Владимирович.

— Думаю, что те, кто сейчас занимается промышленностью в ЦК, навряд ли знают ее больше вас, — возразил Алидин.

Тогда Андропов пересказал генералу разговор Брежнева с болгарским лидером Тодором Живковым. Тот приезжал советоваться.

— Я думаю заменить двух членов политбюро болгарской компартии в связи с преклонным возрастом и слабой работоспособностью. Как вы на это смотрите, Леонид Ильич? — спросил Живков.

— Я бы этого не делал, — откровенно ответил Брежнев. — Чем они вам мешают? Новые молодые члены политбюро будут создавать беспокойную обстановку. Зачем вам это?..

— Как видите, нет желания менять обстановку и в нашем политбюро, — закончил разговор Андропов.

В начале 1982 года генерал Алидин узнал, что Андропов болен и лежит в Центральной клинической больнице. Хотел навестить его, но охранники сказали, что председатель КГБ плохо себя чувствует. Через некоторое время Андропов вышел на работу, пригласил Алидина.

Генерал вспоминает: «Мы встретились, обнялись и расцеловались. Он рассказал мне, что был в Афганистане, где встречался с местными руководителями. Там тоже принято целоваться при встрече, и он заразился оспой. В тяжелом состоянии его доставили в Москву. Несколько дней он находился без сознания... Вид Андропова не внушал оптимизма. Он выглядел как-то понуро, лицо осело, былой энергии как не бывало».

Предложение перейти в ЦК вызвало у Юрия Владимировича смешанную реакцию. Он привык к КГБ, боялся лишиться реальной вла-

сти, потому что официальной должности второго секретаря ЦК в партии не было. А Брежнев не уточнил, каким будет объем его полномочий, действительно ли он хочет, чтобы Андропов заменил Суслова, или же ему нужен просто еще один секретарь ЦК.

Андропов доверительно сказал Алидину:

— Виктор Иванович, вот мне предлагают идти работать секретарем ЦК. Что толку, что я там буду бумаги носить по коридорам? Здесь же я больше пользы принесу.

«Для меня этот разговор был неожиданным, — вспоминает генерал Алидин. — Я не представлял себе, что у нас когда-нибудь будет другой руководитель. Посочувствовав Юрию Владимировичу, я сказал, что, по-моему, ему не следовало бы принимать такое предложение.

Тревога охватила меня. Стало ясно, что между Брежневым и Андроповым залегла тень недоверия. По-видимому, генсек не считал его своим будущим преемником. В ЦК была вакантная должность второго секретаря, но Андропову предложили всего лишь секретаря...»

БРЕЖНЕВ И ЩЕРБИЦКИЙ

Примерно в это время между Брежневым и первым секретарем ЦК Компартии Украины Владимиром Васильевичем Щербицким состоялся секретный разговор. Причем Брежнев не пригласил Владимира Васильевича в Москву, а сам неожиданно отправился в Киев.

Генерал Алидин вспоминает: «В начале мая 1982 года Леонид Ильич в большой тайне вылетел на несколько часов в Киев. Это мне стало известно от начальника подразделения управления, оперативно обслуживающего Внуковский аэропорт. Я, естественно, доложил об этом Андропову».

Юрий Владимирович был очень встревожен, понимая, что может стоять за такой поездкой.

Владимир Васильевич Щербицкий принадлежал к числу любимцев Брежнева. Щербицкий родился в Днепропетровске и многие годы там работал, поднимаясь по партийной лестнице.

Владимир Васильевич стал в 1957 году секретарем ЦК Компартии Украины, а в 1961-м — председателем Совета министров республики. Но его съел первый секретарь ЦК Украины Петр Ефимович Шелест, который был в чести у Хрущева. Щербицкого с большим понижением вернули в родной Днепропетровск.

Все изменилось после избрания Брежнева первым секретарем. Он извлек Щербицкого из ссылки, и через год, осенью 1965-го, Щербицкий вновь возглавил правительство Украины. Брежнев сразу сделал его кандидатом в члены президиума (политбюро), а в 1971 году — членом политбюро, хотя по должности ему такой высокий партийный чин не полагался.

Весной 1972 года Брежнев ловко убрал Шелеста с поста первого секретаря. Андропов тоже принял участие в этой операции.

За год до этого Андропов, который почти никогда не покидал Москвы, — он был типичным кабинетным работником, приехал на Украину. Формально — для участия в республиканском совещании КГБ. А на самом деле, чтобы прощупать Шелеста. Они встретились за городом и долго беседовали в неформальной обстановке.

«Андропов приехал явно с заданием выяснить мои мысли и позиции перед съездом партии, — записал в дневник Шелест. — Я откровенно высказал свои соображения, в том числе недостатки в стиле руководства центра. О Брежневе сказал, что его всячески надо поддерживать, но нельзя же на политбюро устраивать беспредметную говорильню, «базар» — надо начатые дела доводить до конца. Может быть, я говорил резко, но зато правду. Чувствую, что беседа с Андроповым для меня даром не пройдет».

Шелест не ошибся. Андропов нащупал уязвимое место Шелеста. Петр Ефимович, пожалуй, больше других киевских политиков любил Украину, украинский язык. Летом 1965 года всем высшим учебным заведениям было дано указание в трехмесячный срок перевести обучение на украинский.

В Москве такие жесты воспринимали настороженно, видели за этим проявление национализма и сепаратизма. А Щербицкий, как он сам говорил, стоял на «позициях Богдана Хмельницкого», то есть полностью ориентировался на Москву.

Анатолий Черняев вспоминает, как на политбюро обсуждали записку Андропова, который докладывал о документе «украинских националистов», возражавших против русификации и требовавших самостоятельности.

Брежнев недовольно говорил:

— Я общаюсь по телефону почти каждый день с Петром Ефимовичем, говорим о колбасе, пшенице, о мелиорации... А документ, который сейчас перед нами, ему и ЦК Компартии Украины известен уже шесть лет. И ни разу никто из Киева со мной речь об этом не завел, ни слова не сказал. Не было для Петра Ефимовича тут проблемы!

Во главе Украины Леонид Ильич поставил своего друга Щербицкого. Щербицкий получил две звезды Героя Социалистического Труда и значок лауреата Ленинской премии по закрытому списку, введенному для тех, кто работал на военно-промышленный комплекс. Тут инициативу проявил министр обороны Устинов. У него тоже были дружеские отношения со Щербицким.

По словам бывшего члена политбюро Вадима Медведева, у Щербицкого с генеральным секретарем были «самые тесные, доверительные отношения, при его поддержке Брежнев решал самые щекотливые вопросы».

Разговоры о преемнике Брежнева шли давно. И он сам делал намеки, а то и выражался еще более откровенно. Говорили, что однажды он прочувствованно сказал Щербицкому:

— После меня ты, Володя, станешь генеральным.

Высокий, статный Щербицкий производил приятное впечатление. Репутация у него в стране была приличная.

Когда председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин тяжело заболел, Брежнев предложил Щербицкому возглавить правительство.

Брежнев и Щербицкий вместе ездили в Кишинев. Леонид Ильич был в угнетенном состоянии, думал о том, кто станет председателем Совета министров. Поздно вечером уже в пижаме он зашел к Щербицкому:

— Володя, ты должен заменить Косыгина, больше никому.

Щербицкий отказался. Во всяком случае, так он потом рассказывал своим помощникам. Почему он не захотел возглавить союзное правительство? Вероятно, считал кресло предсовмина опасным, со всех сторон открытым для критики: вину за бедственное состояние экономики партийный аппарат ловко переваливал на правительство.

Так что же обсуждали Брежнев и Щербицкий во время тайной встречи в Киеве в мае 1982 года?

Может быть, Леонид Ильич рассказал о намерении сделать Андропова секретарем ЦК, но успокоил своего киевского друга: премником Андропов не станет?..

Для Щербицкого это был приятный, но опасный разговор. Если бы он проявил излишнюю заинтересованность в обсуждении вопроса о том, кто станет преемником генерального секретаря, то мог немедленно разонравиться Брежневу.

Словом, Брежнев долго колебался, Андропов вел борьбу за переход в ЦК и в конце концов добился своего. Правда, на это ушло несколько месяцев.

Суслов умер в январе 1982 года, Андропова избрали секретарем ЦК 24 мая.

Страна и мир гадали, что принесет с собой новый секретарь, какие идеи выдвинет. И мало кто понимал, что кабинет в ЦК КПСС занял тяжело больной человек, чье время на самом деле уже истекало.

Генерал Вадим Кирпиченко вспоминает, что Андропов угасал на глазах чекистов. Гулять он не любил, превратился в кабинетного человека. В последнее время, еще в КГБ, Андропов рассматривал дела без прежней живости. Ему трудно было читать. Он просил их читать ему вслух.

Годы работы в КГБ не пошли ему на пользу. Валентин Фалин пишет, что, «вращаясь в замкнутом, отрицательно заряженном пространстве, Андропов сильно менялся сам». В нем усилились недоверчивость, подозрительность, мнительность и мстительность.

Брежневу намекнули, что Андропов слишком болен и не в состоянии руководить страной. Леонид Ильич позвонил академику Чазову, отвечавшему за медицинское обслуживание партийно-государственной вертушки:

— Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены. Я видел, как он у меня в гостях не пьет, почти ничего не ест, говорит, что может употреблять пищу только без соли.

Чазов дипломатично ответил, что Андропов действительно тяжело болен, но лечение позволяет стабилизировать его состояние и Юрий Владимирович вполне работоспособен.

— Работает он много, — согласился Брежнев, — но вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать. Идут разговоры о том, что Андропов обречен. Ты должен четко доложить о его возможностях и его будущем.

Слова Брежнева были плохим сигналом. Здоровых людей среди членов политбюро было немного, но состояние их здоровья оставалось для всех секретом. Если же о ком-то стали говорить как о больном человеке, то ему следовало думать о переходе на покой.

Вскоре Чазову позвонил и сам Андропов. Он был очень встревожен и просил академика о помощи:

— Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Видимо, кто-то играет на моей болезни и под видом заботы хочет представить меня тяжелобольным, инвалидом. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего.

Но, возможно, генеральный секретарь уже сделал для себя какие-то выводы.

Бывший секретарь ЦК по кадрам Иван Васильевич Капитонов рассказывает, что в середине октября 1982 года его вызвал Леонид Ильич.

— Видишь это кресло? — спросил Брежнев, указывая на свое кресло. — Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого.

Эти разговоры вызвали настороженность в политбюро: выходцев с Украины московские аппаратчики опасались. Помнили, как хатовато вел себя Алексей Илларионович Кириченко, которого Хрущев взял из Киева на роль второго секретаря ЦК КПСС, но, увидев, что тот не тянет, быстро с ним расстался. Безмерно амбициозный и фантастически бесцеремонный Николай Викторович Подгорный, еще один бывший первый секретарь ЦК Компартии Украины, тоже оставил по себе плохую память, потому что позволял себе в унижительной форме разговаривать даже с членами политбюро.

Щербицкий был человеком более деликатным, знал эти настроения и старался их учитывать, постоянно спрашивал своих помощников:

— Ну а что там по этому поводу думают «московские бояре»?

Бывший член политбюро Гришин тоже считал, что Щербицкий был самым близким человеком к «Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого ге-

неральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность председателя ЦК партии. Осуществить это Л.И. Брежнев не успел. Недели за две до намечавшегося пленума ЦК он скоропостижно скончался...»

Возможно, это всего лишь версия.

В первый раз Брежнев заговорил о своем уходе на покой значительно раньше. В апреле 1979 года Брежнев вдруг сказал начальнику своей охраны Александру Рябенко:

— Хочу на отдых.

Рябенко думал, что генеральный секретарь собрался в отпуск. А выяснилось, что Брежнев завел речь об отставке. Черненко собрал политбюро. Брежнев сказал, что ему пора на пенсию. Все выступили против, единодушно твердя, что надо генеральному секретарю создать условия для работы, чтобы он больше отдыхал. Брежнев согласился остаться на своем посту.

Но настроения у Леонида Ильича, видимо, менялись.

Бывший секретарь ЦК КПСС Валентин Фалин пишет, что в одном из разговоров с Черненко Брежнев сказал ему:

— Костя, готовься принимать от меня дела.

«Не исключаю, — добавляет Фалин, — что те же слова в это же самое время слышал от него и кто-то другой. При всех дворах практикуются подобные игры. Но Черненко выделялся особой преданностью Брежневу, не давал ни малейшего повода заподозрить себя в желании подпилить ножки трона, на котором восседал немощный генеральный, и это могло перевесить».

Когда Брежнев забрал Андропова из ЦК и сделал вторым секретарем, стало ясно, что больше всего шансов стать преемником у Юрия Владимировича. Но он знал, какие авансы делались Черненко и Щербицкому, и это заставляло его дополнительно нервничать.

В реальности Леонид Ильич уходить не собирался. И о скорой смерти, как и любой нормальный человек, он не думал, поэтому его разговоры относительно преемника никто не воспринимал всерьез. Да и в его окружении всем было выгодно, чтобы он оставался на своем посту как можно дольше.

Выступление Андропова на торжественном собрании по случаю дня рождения Ленина в 1982 году, еще при Брежневе, произвело впечатление — меньше пустых фраз, чем у других, несколько неожиданных слов, например: «Мы не знаем как следует общества, в котором живем». Анатолий Черняев записал в дневнике: «Говорил банальности — но с размахом. В фойе, во время перерыва, слышались разговорчики: «Почему бы и не очередной генсек?» Андропову аплодировали больше, чем обычно. Юрий Владимирович испугался.

На заседаниях политбюро Черненко сидел рядом с Брежневым, а Андропов — через одного, то есть рядом с председателем Совета министров Тихоновым. Андропов вроде бы даже пожаловался Брежневу, что Черненко его затирает, ведет заседания секретари-

ата и политбюро. И Брежнев распорядился, чтобы это делал Андропов. Тут были особые хитрости.

Брежнев всегда боялся усиления второго секретаря, поскольку человек, ведущий секретариаты и располагающий сиреновой печатью ЦК КПСС номер два, становился важнейшей фигурой для работников центрального аппарата и местных партийных секретарей: он их назначал и снимал, отправлял в заграничные командировки и на учебу, то есть он сажал «уездных князей» на «кормление». Зависия от благорасположения второго человека, партсекретари старались демонстрировать ему лояльность.

ЧЕМОДАНЧИК С ЦИФРОВЫМ ЗАМКОМ

Академик Чазов вспоминает, как 10 ноября 1982 года ему позволил охранник Брежнева:

— Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна реанимация!

Когда Чазов приехал, то увидел, что Брежнев скончался уже несколько часов назад. Так что Чазов задумался не о медицинских проблемах. Перед ним стояла сложная задача: кому первому из сильных мира сего доложить о том, что генерального секретаря больше нет?

«Я не исключал, — вспоминает Чазов, — что телефоны прослушиваются, и все, что я скажу, станет через несколько минут достоянием либо Федорчука, либо Щелокова. Я прекрасно понимал, что прежде всего о случившемся нужно информировать Андропова. Он должен, как второй человек в партии и государстве, взять в свои руки дальнейший ход событий».

Решение Чазова было политическим. Кто первый приедет на дачу Брежнева — тот и наследник.

Андропов в этот ранний час еще не добрался до ЦК. Чазов попросил дежурного в приемной сразу же соединить Юрия Владимировича с дачей Брежнева. Когда Андропов позвонил, Чазов, ничего не объясняя, попросил его сразу приехать. Андропов не задал ни одного вопроса, но сразу понял, что произошло.

Приехав, он повел себя крайне неуверенно. «Почему-то смутился, — вспоминает Чазов, — и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокаивающими средствами, прием которых был ему запрещен врачами...»

Андропов в сопровождении Чазова зашел в спальню, чтобы попрощаться с Леонидом Ильичем. «Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева, — пишет Чазов. — Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал — о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяже-

лобальной), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал, — встать во главе партии и государства. Он вдруг заспешил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался и уехал».

Редактор газеты «Гласность» Юрий Изюмов, ссылаясь на людей, близких к семье Брежневых, пишет, что сама Виктория Петровна рассказывала, будто Андропов забрал чемоданчик, который Брежнев держал в спальне. Что же в нем было?

Виктория Петровна сама в чемоданчик не заглядывала и вспомнила только, как однажды Леонид Ильич со смехом сказал, что в нем «компромат на всех членов политбюро». То же подтвердил и зять Брежнева Юрий Чурбанов: Андропов забрал портфель Брежнева, снабженный цифровым замком, который носил охранник генерального секретаря...

Леонид Ильич действительно мог располагать полученными от того же Андропова или уже от нового председателя КГБ Федорчука материалами, компрометирующими его окружение. Но зачем ему было таскать их с собой на дачу? Скорее, в этом портфеле он просто привозил на дачу срочные бумаги с грифом секретности, чтобы вечером их полистать.

Такие же материалы получали и другие члены политбюро, но не решались выносить их за пределы цеховского кабинета.

Андропов, скорее всего, забрал эти бумаги не потому, что надеялся прибрать к рукам особый архив генерального секретаря, а повинувшись инстинкту, воспитанному пятнадцатилетней работой в КГБ: секретные документы должны лежать в сейфе...

Андропов, Громыко, Устинов и Тихонов, уединившись, решили, что генеральным станет Андропов. Ему было шестьдесят восемь лет. В нашей стране это весьма серьезный возраст — не многим удастся в такие годы сохранять энергию и динамизм для того, чтобы начать новое дело.

Назначение Андропова генеральным секретарем породило множество новых шуток. ЦК КПСС предлагали переименовать в ЧК КПСС, а Кремль — в Андрополь. Говорили, что аграрная программа у Юрия Владимировича такая: сажать всех, не дожидаясь весны, а снимать, не дожидаясь осени...

Писатель Юрий Маркович Нагибин отметил в своем дневнике назначение Андропова генеральным секретарем:

«Состоялось великое мероприятие, столь трепетно ожидавшееся всеми причастными к российской словесности. Но что-то незаметно просветления в изождавшихся душах.

Что-то непривлекателен этот новый виток нашего бытия. Он не сулит даже обманчивых надежд; недаром, вопреки обычной доверчивости советских людей к приходу новых руководителей, не возникло ни одного доброго слуха. Все ждут только зажима, роста цен, обнищания, репрессий. Никто не верит, что поезд, идущий под откос, можно вернуть на рельсы.

Угрюмо-робкая деятельность нового главы. Не того масштаба человек. Он исповедует древнее благочестие: опираться надо лишь на силу подавления. Это дело гиблое».

СТАЛИНСКИЙ МЕТАЛЛ

И по сей день не прекращаются споры о том, что намеревался совершить Андропов, если бы прожил подольше, и в каком направлении он бы повел страну. Многие поклонники Андропова уверены, что он бы провел все необходимые экономические реформы, не разрушив государства. Возможно, у них перед глазами молодой, деятельный Андропов, способный полноценно работать. В 1982 году страну возглавил человек, которого, не будь он членом политбюро, давно бы перевели на инвалидность.

Но его недуги тщательно скрывались, и даже в высшем эшелоне не подозревали, насколько он плох.

Он страдал целым букетом тяжелых заболеваний, которые заставляли его почти постоянно находиться в больнице, где ему делали мучительные процедуры.

В архивах нашли «Информацию 4-го Главного управления при Минздраве СССР о состоянии здоровья Ю.В. Андропова».

Там сказано, что в 1965—1966 годах он перенес «мелкоочаговые» инфаркты миокарда, страдает хроническим заболеванием надпочечников. Периодически переносит приступы гипертонической болезни, пневмонии, страдал хроническим колитом, артритом плюс мерцательная аритмия, опоясывающий лишай...

Юрий Владимирович давным-давно должен был бы уйти на пенсию, но в советском аппарате этого никто не делал, потому что пока ты у власти — ты человек, а вышел на пенсию — ты никто.

Физические недуги подорвали его дух. В 1982-м мы увидели на экранах телевизоров глубоко усталого человека, который с трудом исполняет свои функции.

В 1983 году политбюро трижды рассматривало вопрос «О работе работы членов политбюро, кандидатов в члены политбюро и секретарей ЦК».

Черненко доложил:

— Наше прежнее решение — ограничить время работы с 9 до 17 часов, а товарищам, имеющим возраст свыше 65 лет, предоставлять более продолжительный отпуск и один день в неделю для работы в домашних условиях — не выполняется.

Андропов говорил:

— Можно по-всякому смотреть на возрастной состав политбюро. Здесь концентрация политического опыта нашей партии, и поэтому поспешная, непродуманная замена людей не всегда может быть на пользу дела... При перенапряженном ритме мы можем потерять гораздо больше, чем приобрести... Надо установить

день каждому члену политбюро, чтобы он мог работать в домашних условиях. В выходные дни надо отдыхать.

Председатель Комитета партийного контроля Арвид Янович Пельше проявил заботу о генеральном секретаре:

— Главное, чтобы ты сам, Юрий Владимирович, точно этот режим соблюдал, берег себя и следил за собой.

Андропов с трудом мог встать из-за стола, а когда он шел, его поддерживали два охранника. Он проработал всего несколько месяцев, а потом оказался в больнице, откуда уже не вышел.

— Я шел по пятому этажу ЦК, — рассказывал журналистам Валерий Болдин, бывший помощник Горбачева. — Навстречу — Андропов. Я поздоровался. Он повернулся, и я увидел его абсолютно отрешенное лицо. Он себя так плохо чувствовал, что, по-моему, даже не понял, что я ему сказал. Было очевидно, что надолго его не хватит.

Ветеран министерства финансов Владимир Георгиевич Пансков, который в середине 90-х был министром финансов России, рассказал в газетном интервью об одном секретном эпизоде 1982 года: «В октябре 1982 года Брежнев подписал постановление ЦК и Совета министров о повышении цен на сахар, хлеб и хлебобулочные изделия. Постановление решили ввести с 1 декабря (под праздники, тем более 7 ноября, такие вещи не позволялись). Причем предусматривалась полная компенсация людям с низкой зарплатой. Повышение цен затевалось ради того, чтобы приучить сограждан к экономии».

Об этой мере знали председатель правительства Николай Тихонов, министр финансов Василий Гарбузов, будущий премьер-министр Валентин Павлов и Владимир Пансков, тогда начальник бюджетного управления министерства финансов. Не знал даже второй секретарь ЦК Андропов!

Брежнев подписал бумагу, а 10 ноября умер. Избрали генсеком Андропова. Ему, естественно, сразу доложили о постановлении. Он возмутился:

— Вы что?! Пришел новый человек и начинает с повышения цен на хлеб?..

Уже принятое решение отменили.

Когда Андропов стал руководителем страны, Николай Григорьевич Егорычев, бывший партийный руководитель Москвы, отправленный послом в Данию, написал ему личное письмо:

«Юрий Владимирович, на Западе большой интерес к вашей персоне. Все видят, как вы начали руководить страной. Но на Западе принято оценивать не только политику, но и личные качества. Я могу прислать хорошего журналиста, социал-демократа, порядочного человека. Он вас снимет где-нибудь на даче или дома (не на службе), и это пойдет по всему миру. Вас узнают как человека».

Андропов ответил личной шифротелеграммой, чего никогда не было: «Благодарю тебя, Николай, за это предложение, но не могу сейчас им воспользоваться. Может быть, попозже...»

Попозже уже не получилось.

Андропов прислал в посольство в Дании резидента из Финляндии, человека очень доверенного. Он приехал, доложил, что по делам службы. Ходит день, другой, третий. Егорычев его прямо спросил:

— Чего ты приехал?

Он говорит:

— Юрий Владимирович меня послал посмотреть, как у вас тут дела.

— Ну и что ты напишешь?

Он рассмеялся:

— Если бы я собирался плохо писать, разве бы я сказал вам, зачем приехал?

Юрий Владимирович сколачивал вокруг себя людей, хотел определить, кто ему нужен. Но не успел...

Физическая немощь и постоянные страдания — неудачный фон для реформаторской деятельности. Тем более, что готовой программы преобразования жизни, давних, выношенных планов у Андропова не было. А разработать новую программу — на это ему в любом случае не хватило бы ни сил, ни времени.

Да и какие же идеи мог предложить стране Андропов? Все это были наивные представления о порядке и дисциплине, воплотившиеся тогда в массовых облавах, которые устраивались в рабочее время в магазинах, банях и кинотеатрах, чтобы выявить прогульщиков и бездельников.

Первому секретарю ЦК Компартии Грузии Эдуарду Амвросиевичу Шеварднадзе Андропов говорил, что у Сталина в смысле наведения порядка можно было поучиться...

Георгий Шахназаров однажды заговорил с Андроповым о том, что военные расходы очень велики, стране трудно. Андропов ему ответил:

— Ты прав, нам трудно. Но мы еще по-настоящему не раскрыли и сотой доли тех резервов, какие есть в социалистическом строе. Много у нас безобразий, беспорядка, пьянства, воровства. Вот за все это взяться по-настоящему, и, я тебя уверяю, силенок у нас хватит.

А ведь положение было катастрофическим. К моменту избрания Андропова генсеком в ряде областей ввели талоны на продукты. Даже по признанию тогдашнего главы Совета министров РСФСР Виталия Ивановича Воротникова, уже невозможно стало вести огромное народное хозяйство страны старыми методами. Госплан, Госнаб, министерство финансов были не в состоянии проворачивать маховик экономического механизма. Настоятельно требовались реформы...

Увы! «Единственное, — пишет Крючков об Андропове, — в чем он, и, пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал».

По словам Михаила Горбачева, Андропов лучше других знал обстановку в стране и чем она грозит обществу. Но полагал, как

и многие: стоит взяться за кадры, наведение дисциплины — и все придет в норму. Он остро реагировал на явления идеологического характера, но равнодушен был к обсуждению причин того, что тормозит прогресс в экономике, почему глохнут реформы...

Он остерегался радикальных перемен и самостоятельных решений, боялся новых людей. У него вообще, наверное, были трудные взаимоотношения с окружающим миром. Он был пациентом для психоаналитика, да кто же решился бы предложить ему сеансы психотерапевта?

Анатолий Сергеевич Черняев, который видел не одного генерального секретаря, очень скептически оценивает Андропова:

«Никогда не испытывал пиетета к нему, не верил ни в его таланты, ни в его культурность и интеллигентность. Хотя умен, конечно, и чуть более образован, чем его коллеги.

Он дирижировал исподволь диссидентским движением, считает Черняев, чтобы в борьбе с ним демонстрировать свою верность партии и идеологии, и особенно тем, от кого могло зависеть его продвижение к заветной цели. Его ведомство постоянно подпитывало антисемитизм. Андропов руководил пропагандистской травлей Сахарова, как и Солженицына, как многих других. При нем была создана всепроникающая система слежки за населением и набрана бесчисленная армия платных сексотов во всех сферах.

Ему мы в первую очередь обязаны Афганистаном. Он подбрасывал разведанные о замыслах империализма и тем самым помогал тому, чтобы страна все глубже увязала в истощающей гонке вооружений.

Не мог я в душе положиться на человека, который на протяжении полутора десятка лет делал подлости и наносил огромный вред стране, пишет Черняев, даже если он действительно вынашивал идею потом, взойдя на вершину власти, осчастливить народ.

Ничего выдающегося он не сделал и не предложил, кроме борьбы за дисциплину и большей критики в газетах. Нелепо считать Андропова реформатором. Он лишь хотел исправить систему с помощью организационно-административных мер. Дело безнадежное. Просто всем хотелось, чтобы Андропов стал человеком, который спасет Россию...»

Еще резче пишет об Андропове академик Яковлев:

«Юрий Андропов — человек хитрый, коварный и многоопытный. Нигде толком не учился. Организатор моральных репрессий, постоянного давления на интеллигенцию через ссылки и высылки, тюрьмы и психушки. Представлял себе развитие общества как упорядочение надстройки, очищение ее от грязи, ибо уровень антисанитарии становился запредельным.

Такая позиция устраивала большинство в руководстве страной, ибо давала шанс на выживание. Она всколыхнула и надежды доверчивых тружеников, унижаемых и оскорбляемых чиновниче-

ством. В общем, Андропов становился популярен, что было немудрено на фоне Брежнева...»

Иван Капитонов, бывший секретарь ЦК по кадрам, чуть не в единственном после ухода на пенсию интервью «Правде» говорил: «Сталинский металл я ощущал лишь в голосе Андропова: он зазвучал и во внутренней политике, когда началась жесткая борьба за наведение дисциплины на производстве и общественного порядка, и во внешней: вспомните хотя бы заявления нашего руководства в пору антисоветского шабаша, начавшегося после гибели южнокорейского «Боинга».

Андропов постоянно говорил о возможности внезапного нападения со стороны США и НАТО.

Еще в конце мая 1981 года на Всесоюзном совещании руководящих работников органов и войск КГБ Андропов сказал, что главная задача нашей разведки — не просмотреть военных приготовлений противника, его подготовку к ядерному нападению.

В КГБ разработали крайне дорогостоящую систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении, которая включала контроль не только за активностью натовских штабов, но и закупками медикаментов и запасов крови для больниц и госпиталей.

Андропов видел в американском президенте Рональде Рейгане человека, готового поднять градус конфликта до прямой конфронтации, и, по существу, готовился к войне.

В то время как Рейган пытался установить личный контакт с Андроповым, чтобы обсудить пути улучшения двусторонних отношений, Андропов не верил в искренность американского президента. Это была характерная для Андропова подозрительность, воспитанная в нем долгим жизненным опытом, пишет Александр-Агентов. Юрий Владимирович даже не мог допустить, что Рейган искренне пытается совершить какие-то позитивные шаги, и едва не довел нашу страну до серьезного столкновения с Соединенными Штатами.

В августе 1983 года на даче в Крыму Андропов принимал своего последнего иностранного визитера — это был вождь Южного Йемена Али Насер Мухаммед.

«После беседы был обед. Когда он закончился, — вспоминает заместитель заведующего международным отделом Карен Брутенц, — Юрий Владимирович поднялся и пошел к двери, чтобы попрощаться с гостями. Но, едва протянув руку Мухаммеду, резко побледнел — лицо приобрело меловый оттенок — и пошатнулся. Наверное, Андропов бы упал, если бы его не поддержал и не усадил на стул один из охранников. Другой принялся поглаживать его по голове. Все это продолжалось не более минуты, потом Юрий Владимирович встал и как ни в чем не бывало попрощался с гостями...»

В Крыму Андропов почувствовал себя лучше и поехал в горы, там он простудился. Тяжкая болезнь лишила его организм иммунитета, и даже простуда превратилась в смертельную опасность. У него раз-

вился абсцесс, который оперировали, но остановить гнойный процесс не удалось.

Его жена тоже болела. Он просил каждый день его соединять по телефону с женой, даже писал ей стихи.

На ноябрь был назначен пленум ЦК, Андропов до последней минуты надеялся, что сумеет выступить. Он лежал в больнице, приглашал к себе руководителей ЦК и Совета министров, пытался работать, но он угасал на глазах, становился немногословным, замкнутым и мнительным. Андропов вдруг позвонил новому секретарю ЦК Николаю Ивановичу Рыжкову и спросил, какое материальное обеспечение ему определят, если отправят на пенсию. Рыжков был поражен и даже не знал, что ответить.

Вероятно, пишет Чазов, Андропов закралась в голову мысль, что соратники его уже списали со счетов и решил проверить их преданность. Но никто в партийном руководстве и помыслить себе не мог отправить генерального секретаря на пенсию — он оставался неприкосновенной персоной, хотя, учитывая его состояние, это было самым естественным шагом.

Бывший член политбюро Егор Кузьмич Лигачев говорил мне:

— Я встречался с ним накануне его смерти, когда шла речь о моем выдвижении секретарем ЦК. Юрий Владимирович вообще мужественный был человек. Заходишь к нему в кабинет, видишь его и чувствуешь это страдание. А он о деле говорит, ведет беседу, переговоры, заседания... А тут он пригласил меня к себе в больницу. Я страшно переживал после этой встречи, потому что я его не узнал.

Я зашел в палату, продолжал Лигачев, вижу: сидит какой-то человек. Пижама, нательная рубашка, что-то еще такое домашнее. Тут капельница, кровать. Я подумал, что это не Юрий Владимирович, а какой-то другой человек, а к Андропову меня сейчас проводят. А потом почувствовал, что это он.

Ну, он это отнес, наверное, просто на счет моего волнения. Сели. Он говорит: «Ну расскажи, как ты живешь, чем занимаешься, какие проблемы».

А я понимал, что долго докладывать не могу, потому что человек болен. Доложил кратко по работе. Потом еще минут десять—пятнадцать поговорили, чаю попили. Он сказал:

— Егор Кузьмич, решили вас дальше двигать.

Я поблагодарил и поехал.

Это было в декабре, а в феврале он ушел из жизни...

Юрий Владимирович не мог обходиться без аппарата, заменявшего почку. Каждый сеанс диализа, очищения крови, продолжался несколько часов. Это была тяжелая, выматывающая процедура. Постепенно у него отказали почки, печень, легкие. Пришлось прибегнуть к внутривенному питанию.

Охранникам пришлось возиться с ним, как с ребенком. Его носили на руках. Видел он только одним глазом. Когда читал книгу или служебную записку, дежурный охранник переворачивал ему страницы.

«Мне было больно смотреть на Андропова, лежавшего на специальном беспролежневом матрасе, малоподвижного, с потухшим взглядом и бледно-желтым цветом лица больного, у которого не работают почки, — пишет академик Чазов. — Он все меньше и меньше реагировал на окружающее, часто бывал в забытии».

У него развилась острая почечная недостаточность. Потом отказали обе почки.

В январе 1984 года трудящиеся Москвы выдвинули генерально-го секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова кандидатом в депутаты Верховного Совета.

9 февраля он умер.

14 февраля его похоронили на Красной площади. Речь на траурном митинге произнес новый генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко.

Глава 15

ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФЕДОРЧУК

В один из последних майских дней 1982 года я зашел в редакцию журнала «Пограничник», от которого несколько раз ездил в командировки на пограничные заставы. Журналисты в зеленых фуражках, сами несколько изумленные, встретили меня новой ведомственной шуткой:

— Мы теперь не просто чекисты, а федорчुकисты!

Журнал принадлежал политуправлению пограничных войск, входивших в состав КГБ СССР, но и служившие там опытные полковники и подполковники впервые услышали о Виталии Васильевиче Федорчуке, внезапно переведенном в Москву с Украины и назначенном председателем КГБ вместо Андропова.

У Андропова были уже довольно известные в узких кругах заместители. Один из них, Виктор Михайлович Чебриков, считался его правой рукой и, видимо, мог рассматриваться как наиболее вероятный преемник Юрия Владимировича.

А если генеральный секретарь не хотел продвигать кого-то из чекистского аппарата, то логично было бы назначить на Лубянку очередного политика, как это происходило все последние годы после Серова: Шелепин, Семичастный и Андропов были людьми со стороны. Но почему вдруг на ключевую должность назначается никому не ведомый киевский чекист? Чиновная Москва могла только гадать.

«ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ КЛАН»

Виталий Васильевич Федорчук родился в Житомирской области в крестьянской семье 27 декабря 1918 года. Закончил семилетку и захотел стать журналистом. В 1934 году его взяли в много-

тиражку, потом он поработал в районных газетах в Житомирской и Киевской областях. В 1936-м поступил в Киевское военное училище связи и с тех пор не снимал погоны. После училища его взяли в военную контрразведку. Он успел попасть на Халхин-Гол, где шли бои с японцами.

Образование получил позже, окончив Высшую школу КГБ.

Военная контрразведка была недреманным оком госбезопасности в войсках. Агенты иностранных разведок военным контрразведчикам попадались редко и обычно в Москве, где у агента есть возможность вступить в контакт со своими нанимателями. В армейских частях, раскиданных по всей стране, расквартированных в медвежьих углах, шпионы не попадались. Поэтому контрразведчики следили за порядком, за поведением офицеров на службе и дома — благо жилой городок рядом с частью.

Контрразведчики носили форму того рода войск, в которых служили, но за редким исключением строевые и штабные офицеры их за своих не принимали. Кому же нравится неотступно следящий за тобой контролер?

Сотрудники районного или городского отдела КГБ были известны только местному начальству и собственной агентуре. А в воинской части все знали, кто строевой командир, кто штабист, а кто особист.

Сотрудник районного или городского отдела КГБ при всем желании не в состоянии был охватить вниманием каждого жителя своего района. А у особиста круг опекаемых меньше, и он вполне мог испортить жизнь любому солдату или офицеру в своей части.

Так что служба в военной контрразведке накладывала на офицеров определенный отпечаток: они привыкли, что товарищи по службе считают их церберами и не любят.

Кроме того, суровый армейский быт и простота гарнизонных нравов лишали особистов того лоска, который присутствовал у чекистов в других оперативных управлениях, где учили умению найти подход к человеку, расположить его к себе, улыбаться и рассказывать анекдоты. Впрочем, все это не означает, что все офицеры плохо относились к сотрудникам особых отделов.

Военный разведчик генерал-майор Виталий Александрович Никольский рассказывал мне:

— Сразу после войны я служил в Австрии, и у меня был исключительно, на мой взгляд, полезный агент. Он служил в западногерманской разведке и давал прекрасный материал о создававшемся тогда бундесвере. Я ему хорошо платил. Прощаясь после каждой встречи, мы чуть ли не целовались.

Вдруг Никольского пригласил будущий председатель КГБ СССР Виталий Федорчук, тогда он был заместителем начальника военной контрразведки советских оккупационных войск в Австрии.

Федорчук сказал Никольскому:

— Ты от этого агента избавляйся немедленно. Он редкая сволочь: после каждой встречи с тобой пишет своему немецкому начальству подробную докладную и еще от себя добавляет. Выяснилось, что начальника моего агента завербовали «соседи» — разведчики из КГБ и узнали, что «мой» на самом деле ведет двойную игру. Так что Федорчук избавил меня от крупных неприятностей...

Виталий Васильевич успешно продвигался по служебной лестнице, но карьерный взлет начался, когда он подружился с другим профессиональным контрразведчиком Георгием Карповичем Циневым.

Генерал Цинев входил в могущественный при Брежневе «днепропетровский клан». В этом городе еще перед войной начинал сам Леонид Ильич. Людей, которые там с ним работали, он впоследствии расставлял на ключевые посты в партии и правительстве.

Цинев родился в 1907 году на Украине, окончил Днепропетровский металлургический институт. Диплом этого института получили также будущий глава правительства Николай Александрович Тихонов, заместитель главы правительства Игнатий Трофимович Новиков, управляющий делами ЦК КПСС Георгий Сергеевич Павлов, министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков. А в соседнем Днепродзержинске вместе с Брежневым заканчивал Металлургический институт его будущий помощник Георгий Эммануилович Цуканов. Все это были преданные Брежневу люди, его надежная команда.

После института Цинев недолго работал на заводе. Как и Брежнев, перешел на партийную работу — заведовал отделом, потом стал секретарем Днепропетровского горкома. А секретарем обкома был Леонид Ильич Брежнев.

В 1941 году они оба ушли на фронт. Цинева назначили комиссаром артиллерийского полка, потом он стал заместителем начальника политуправления Калининского фронта, начальником политотдела армии. С 1945-го работал в Союзнической комиссии по Австрии. Там же служил и Виталий Васильевич Федорчук.

Цинев закончил Военную академию Генерального штаба, но в армии не осталась. С партийно-политической работы его в 1953-м, когда МВД очищали от бериевских кадров, перевели в органы госбезопасности.

Когда Брежнев стал первым секретарем ЦК, Цинев возглавил Третье управление КГБ — органы военной контрразведки. Но с тогдашним председателем комитета, Владимиром Ефимовичем Семичастным, отношения у него не складывались. Семичастный чувствовал себя уверенно, он и по характеру был такой, и к тому же принадлежал к мощной группе «комсомольцев», которые «днепропетровцев» недолюбливали.

Владимир Ефимович рассказывал:

— У Цинева были дружки — секретарь парткома комитета и еще заведующий сектором отдела административных органов ЦК партии, который КГБ ведал. К ним примыкал Виктор Иванович Алидин, тоже брежневский человек. Он был начальником Седьмого управления — наружное наблюдение и охрана дипломатического корпуса. Алидин на меня обижен был, что я ему не давал на первый план продвинуться. А он все доказывал, что контрразведка начинается с наружного наблюдения.

Алидин ко мне с этим пришел, я его отчитал. Тогда он на партактиве выступил. Я говорю: «Не хотел я это выносить, но Виктор Иванович напросился». И под аплодисменты я ему с шуткой-прибауткой все разъяснил... Он был с большим апломбом, но к амбиции ему не хватало амуниции. Он потом стал начальником важнейшего Московского управления КГБ. Я бы его на такой ответственный пост никогда не посадил. Я знал его потолок и его способности.

Цинев возглавлял Третье управление, но не был членом коллегии, и его люди на одном совещании подняли этот вопрос.

— А у меня в кабинете, — рассказывал Семичастный, — подключены все залы для совещаний. Если идет какое-то оперативное совещание, я мог подключиться и послушать, что там говорят. Вдруг слышу, подчиненные Цинева, Федорчук в том числе, говорят, что начальник Третьего управления должен быть членом коллегии Комитета госбезопасности.

К Федорчуку я, кстати, не очень хорошо относился. Он был тогда начальником военной контрразведки в группе войск в Германии. Я приезжал к нему с инспекцией, не все там было хорошо. Потом у него сын, двадцатилетний парень, из его табельного оружия застрелился, было расследование...

Я на следующее утро пришел и выдал им на полную катушку: «Я утвердил вам план совещания, разве там значится вопрос о структурных преобразованиях в комитете? Или о комплектовании коллегии КГБ? Разве это на вашем совещании решается? Если вам нечего обсуждать, закругляйтесь и заканчивайте. А кому быть членом коллегии — это позвольте мне решать...»

Через три дня Николай Иванович Савинкин, заведующий отделом административных органов ЦК КПСС, позвонил председателю КГБ:

— Вот у вас было совещание. Вы там грубовато, жестко...

Семичастный его оборвал:

— Знаешь, ты в это не вмешивайся. Ты, наоборот, повоспитывай Цинева и других. Кому в коллегию КГБ входить — мы с тобой отвечаем за эти вопросы. А не Цинев. Кто он такой?

Буквально в тот же день Цинев пришел к Семичастному, просил прощения, что так получилось, уверял, что он ни в чем не виноват. Семичастный оправданий не принял:

— Как это — не виноват? Это ты собрал совещание. Это твои подчиненные высказывались. Почему зашла речь о таких вопросах?

Семичастный попытался избавиться от Цинева и предложил назначить его начальником Высшей школы КГБ. Тот покорно согласился. Через два дня Семичастному позвонил Брежнев:

— Володя, зачем ты выставляешь Цинева?

— Как выставляю? Я его на самостоятельную работу перевожу. А он что, к вам жаловаться приходил?

— Нет, он случайно...

— Как же случайно, Леонид Ильич? Он у вас три часа сидел на приеме.

— Откуда ты знаешь? — всерьез разозлился Брежнев.

— Леонид Ильич! Вы человек серьезный и знаете, что я за вами не слежу. Но прежде чем вам позвонить, я в приемной спрашиваю, кто у вас. Я же не могу позвонить вам, если у вас в кабинете сидит иностранец или еще кто-то, при ком наш разговор будет неуместен. Я три часа спрашивал, мне отвечали: у Леонида Ильича генерал Цинев... Значит, он мне дал согласие, а к вам побежал жаловаться. Ну как мне с ним работать?..

От Цинева Семичастный не сумел избавиться. Зато отправил подальше от Москвы другого брежневского человека в КГБ — Семена Кузьмича Цвигуна, который после войны познакомился с Брежневым в Молдавии. Семичастный назначил Цвигуна председателем КГБ Азербайджана, где недавно сам был вторым секретарем ЦК. Цвигун, менее амбициозный человек, чем Цинев, был вполне счастлив, получив самостоятельную работу. Он ходил по комитету и со значением говорил:

— Семичастный отдал мне свою республику.

Семичастный до КГБ был вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана.

А Цинев был вхож в дом Брежнева, стал другом семьи. Как выразился Семичастный, «мы с Шелепиным не были так близки, как Цинев с Брежневым». После одной зарубежной поездки Брежнев позвонил Семичастному:

— Я хотел бы вас с Сашей пригласить на обед с супругами.

— Приглашайте, не откажемся.

— Хорошо, я сейчас Шелепину тоже скажу.

Вечером Брежнев позвонил еще раз:

— Ты не будешь возражать, если на обеде и Цинев будет?

— Вы хозяин.

— Ну, он твой подчиненный, и Саша у него начальником был, — замылся Брежнев. — Может, неудобно?..

— Леонид Ильич, вы хозяин!..

— Когда мы пришли на квартиру Брежнева, — вспоминает Семичастный, — Цинев уже был там. Мы с Шелепиным первый раз у первого секретаря дома, чувствовали себя как-то официально, даже оделись соответственно. А Цинев в своей тарелке. Галя анекдоты начала рассказывать, он давай продолжать. Причем анекдоты такие... солдатские.

ГЕОРГИЙ ЦИНЕВ И СЕМЕН ЦВИГУН

После того как Семичастного сменил Андропов, Брежнев сразу предложил ему вернуть Цвигуна из Азербайджана, и Семена Кузьмича назначили заместителем председателя КГБ. Его место в Баку занял Гейдар Алиевич Алиев, который через два года возглавит Азербайджан.

Военную контрразведку преобразовали в главное управление, и Цинев стал членом коллегии, потом заместителем и, наконец, первым заместителем председателя КГБ.

Об их реальной близости к генеральному секретарю можно судить по одной мелкой детали: когда Брежнев уезжал из Москвы или возвращался в столицу, в перечне встречающих-провожающих, помимо членов политбюро и других высших чиновников обязательно значились «заместители председателя КГБ СССР С.К. Цвигун и Г.К. Цинев».

В правительственный аэропорт Внуково они ездили троим — Андропов как член политбюро, Цвигун как первый заместитель и Цинев как особо приближенный к генеральному секретарю.

Зять Брежнева Юрий Михайлович Чурбанов вспоминает, что Цвигун и Цинев часто бывали на даче у Брежнева: «Они пользовались особым расположением Леонида Ильича».

«Цвигун — рослый, несколько полноватый, с приятными чертами лица, — пишет генерал Борис Гераскин. — В действиях медлительный, сдержанный, говорил с заметным украинским акцентом... В отношениях с подчиненными нередко лукавил: в глаза говорил одно, а делал другое.

Цинев, в противоположность Цвигуну, невысокого роста, обычной внешности, всегда с наголо бритой головой. Человек живого ума, не лишенный проницательности, весьма энергичный и подвижный. В нем уживались простота, доступность и обманчивая открытость с капризностью, непредсказуемостью, восприимчивостью к сплетням, властолюбием и болезненным стремлением постоянно быть на виду... Цинев никогда ничего не забывал, глубоко тайл в себе недоброжелательство и всегда находил возможность свести личные счеты».

Николай Романович Миронов, который до своей трагической смерти руководил отделом административных органов ЦК, знал Цинева еще по Днепропетровску. Он говорил:

— Там, где появляется Цинев, обязательно возникает рой подхалимов...

Цвигун и Цинев повсюду сопровождали Андропова. Конечно, эти люди не просто так вокруг Андропова крутились, они были соглядатаями Брежнева. Каждый шаг его и вздох Леонид Ильич знал...

— Я бы поставил вопрос принципиально: или этих уберите, или я уйду, — говорил Семичастный.

Андропов такого вопроса перед Брежневым не ставил, молчал, мирился с тем, что его два заместителя пересказывают Брежневу все, что происходит в комитете.

Цинев контролировал Девятое управление КГБ (охрана политбюро) и, как говорят, ведал прослушиванием высших чинов аппарата. Они с Цвигуном следили за тем, кого принимал Андропов, и без приглашения являлись к нему в кабинет на третьем этаже с высоким потолком и бюстом Дзержинского, когда к председателю приезжал министр обороны Дмитрий Федорович Устинов или начальник Четвертого главного управления при министерстве здравоохранения академик Евгений Иванович Чазов.

Генерал Вадим Кирпиченко пишет, что присутствие Цвигуна и Цинева ставило Андропова в сложное положение. Он должен был на них оглядываться, искать к ним особые подходы, заниматься дипломатией вместо того, чтобы требовать результатов в работе. Они оба что-то постоянно докладывали лично Брежневу. Это ставило Андропова в неудобное и щекотливое положение. Иногда Андропов жаловался на условия, в которых ему приходится работать...

Но Юрий Владимирович терпел, он не позволил себе поссориться со своими опасными заместителями, напротив, постарался превратить их в друзей, чтобы избавить себя от лишних неприятностей.

Брежнев особое значение придавал кадрам госбезопасности, сам отбирал туда людей, находил время побеседовать не только с руководителями комитета, но и с членами коллегии КГБ, начальниками управлений.

Бывший начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал Виктор Алидин вспоминает, как у него возникла некая серьезная проблема, решить которую мог только генеральный секретарь. Поскольку Алидин знал Брежнева еще с тех времен, когда оба работали на Украине, он позвонил Леониду Ильичу и попросил о приеме. Тот сразу сказал:

— Приходи завтра утром часам к десяти...

Леонид Ильич встретил радушно, по-товарищески приветливо, вспоминает Алидин. Генеральный секретарь вышел из-за стола, тепло обнял гостя. Они расцеловались...

Брежнев был внимателен и откровенен. Не называя фамилий, рассказывал о сложных взаимоотношениях с некоторыми членами политбюро, которые не во всем его поддерживают. По его подсчетам, баланс сил где-то пятьдесят на пятьдесят.

— Обидно, — жаловался Брежнев, — что с некоторыми из них я долгое время работал вместе на Украине.

Алидин понял, о ком идет речь, и горячо поддержал идею увеличить состав политбюро, ввести туда свежие силы, то есть преданных Брежневу людей.

Возник разговор о «молодежной группе» Шелепина, которого к тому времени освободили от работы в аппарате ЦК, перевели в профсоюзы. Леонид Ильич сказал Алидину, что знает о «небла-

говидных действиях» этой группы, которая даже вынашивала мысль «упрятать нынешнее руководство в подземелье». Но группа эта небольшая, ее участников мало кто знает в народе, поэтому политической опасности они не представляют.

— Мы уже решили этот вопрос организационным путем, — сказал Брежнев.

Провожая Алидина, Леонид Ильич сказал:

— Виктор Иванович, если что понадобится, звони, приходи ко мне. Всегда помогу, чем могу...

В день пятидесятилетнего юбилея органов госбезопасности утром Брежнев принимал у себя всю коллегия КГБ. Председатель комитета Юрий Андропов попросил всех подчиненных надеть военную форму. Брежнев с каждым поздоровался за руку, произнес теплые слова. Подойдя к Алидину, генеральный секретарь демонстративно его обнял и сказал Андропову:

— Виктор Иванович — мой давний партийный друг.

Андропов понял, что имел в виду Брежнев. Алидин стал членом коллегии КГБ, получил погоны генерал-лейтенанта и орден Ленина. Леонид Ильич полностью доверял Андропову. Тем не менее он ввел в руководство КГБ группу генералов, которые имели прямой доступ к генеральному секретарю и докладывали ему обо всем, что происходит в комитете. Они следили за своим начальником Юрием Андроповым и друг за другом. Таким образом, Брежнев обезопасил себя от КГБ...

При этом каждому из своих верных паладинов Леонид Ильич оказывал знаки внимания.

Начальник столичного управления госбезопасности Виктор Алидин помнит день и даже час — 11.50 16 июня 1980 года, когда у него состоялся разговор с Брежневым — после того, как генеральный секретарь после охоты прислал ему знатный кусок кабанятины.

Генерал Алидин позвонил Брежневу поблагодарить за кабанятину. Брежневу было приятно:

— Я не досмотрел, какой-то период не посылал тебе «дары природы», виноват... Кабан требует стопку водки в выходной день вместе с семьей. Обязательно под кабана надо выпить.

Генерал Алидин бодро говорил:

— Леонид Ильич, мы, старая гвардия, желаем вам хорошего здоровья. Рады, когда видим вас по телевизору жизнерадостным и бодрым. Докладываю вам, что оперативная обстановка в Москве и Московской области хорошая.

Брежнев с пониманием сказал:

— Вашему аппарату трудно. Я не раз говорил Юрию Владимировичу о необходимости помогать московскому управлению. Вы на переднем крае работаете.

— Мы ощущаем большую помощь Центрального Комитета, вашу лично, Леонид Ильич! Нам много помогает Юрий Владимирович Андропов. Мы всегда в строю и с задачами справимся...

Леонид Ильич прежде всего ценил преданность.

При этом Цвигун и Цинев между собой не ладили, особенно после того, как Цвигун стал первым заместителем председателя КГБ. Это тоже устраивало Брежнева. Но Цвигун и ушел раньше, освободив Циневу кресло.

СМЕРТЬ СЕМЕНА КУЗЬМИЧА

В газетах о реальных обстоятельствах внезапной смерти первого заместителя председателя КГБ СССР, члена ЦК КПСС, генерала армии Семена Кузьмича Цвигуна, разумеется, не было ни слова.

Но поразительным образом кто-то проведаль о том, как именно ушел из жизни Семен Кузьмич, и слух о том, что один из самых доверенных людей генерального секретаря пустил себе пулю в лоб, сразу же распространился по Москве. Но почему? Люди терялись в догадках. Чуть позже пошли разговоры о том, что Цвигуну помогли расстаться с этим светом.

Самым верным доказательством того, что Цвигун ушел из жизни не совсем обычным путем, было отсутствие подписи Брежнева под некрологом первого заместителя председателя КГБ.

Центральный комитет КПСС, президиум Верховного Совета СССР и Совет министров СССР с глубоким прискорбием извещали о том, что «после тяжелой и продолжительной болезни» скончался Семен Кузьмич Цвигун. Но раз некролог не подписали Брежнев, Суслов и Кириленко, то есть все три главных руководителя партии, значит, что-то не так.

Люди, более осведомленные в нравах тогдашней Москвы, постепенно пришли к выводу, что Цвигун оказался в центре скандала вокруг дочери генерального секретаря Галины Леонидовны Брежневой. Любовные похождения Галины Леонидовны, ее близкие отношения с некоторыми сомнительными персонажами активно обсуждались в ту пору в московском обществе.

Многие решили, что это Цвигун приказал арестовать Бориса Ивановича Буряце, интимного друга Галины Брежневой. Ему было тогда двадцать девять лет, namного меньше, чем Галине.

Бориса Буряце называли «цыганом», потому что он пел в театре «Ромэн», в реальности он был молдаванином. После знакомства с Галиной Леонидовной стал солистом Большого театра. Борис Буряце вел завидно веселый образ жизни и ездил на «мерседесе», что в те годы было большой редкостью.

Бориса Буряце обвиняли в соучастии в краже бриллиантов у знаменитой дрессировщицы львов, народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда Ирины Бугримовой.

Следственная группа работала быстро, в число подозреваемых попал Борис Буряце. Его арестовали, но он успел попросить о помощи Галину Брежневую. Ее имя возникло в документах следствия.

Тогда говорили, будто следствие по делу об украденных бриллиантах и других аферах, в которых фигурировало имя Галины Брежневой, курировал сам Цвигун.

И когда ему стало ясно, что без допроса Галины Леонидовны не обойтись, Цвигун собрал все материалы о ее сомнительных связях и отправился в ЦК КПСС, ко второму секретарю ЦК Сулову. Цвигун выложил на стол все материалы и попросил разрешения на допрос Галины Леонидовны.

Михаил Андреевич пришел в бешенство и буквально выгнал из своего кабинета Цвигуна, запретив допрашивать дочь генерального секретаря. Генерал Цвигун пришел домой и застрелился. А Сулов так разнервничался, что у него случился инсульт. Его в бессознательном состоянии отвезли из ЦК в спецбольницу, где он вскоре умер...

Эта версия казалась более чем убедительной. Потом, когда арестовали и осудили мужа Галины Брежневой — бывшего первого заместителя министра внутренних дел Юрия Чурбанова — разговоры о том, что семья генерального секретаря погрязла в коррупции, получили подтверждение.

И по сей день многие писатели и историки уверены, что Цвигуна, по существу, вынудили застрелиться, потому что он посмел заняться сомнительными делишками брежневской семьи.

В жизни Семен Кузьмич вовсе не был таким смельчаком, чтобы предпринять нечто рискованное. На самостоятельную игру он был просто не способен. По мнению его сослуживцев, Цвигун не принадлежал к людям, которые решаются спорить с начальством. Напротив, он обходил острые углы. Да и зачем ему было скандалить, рисковать, если до поры до времени (пока он не заболел) все у него было хорошо? А место председателя КГБ он все равно занять бы не смог.

Семен Кузьмич Цвигун родился в 1917 году, был на одиннадцать лет моложе Брежнева. Цвигун окончил Одесский педагогический институт, работал учителем, директором школы, с 1939 года — в НКВД. В 1946 году он получил назначение в министерство государственной безопасности Молдавии, где познакомился с Леонидом Ильичем, когда тот в 1950—1952 годах работал первым секретарем в Молдавии.

Брежнев проникся к Семену Кузьмичу симпатией, которую сохранил до конца жизни.

Благодушный по характеру Цвигун никого особо не обидел, поэтому оставил по себе неплохую память.

Бывший председатель КГБ Владимир Александрович Крючков, который хорошо знал Цвигуна, вспоминает: «Цвигун отличался преданностью друзьям. Не помню случая, чтобы он отказался от какого-либо друга, не имея к этому серьезных оснований, подвел его, не протянул руку помощи. Он помнил друзей детства, юношеских лет, помнил тех, с кем работал в Молдавии, Азербайджане и Таджикистане, и когда те попадали в беду, всегда получали от него помощь и поддержку».

Семен Кузьмич увлекся литературным творчеством. Жена Цвигуна писала прозу, и он тоже стал писать — документальные книги о происках империалистических врагов, а потом романы и киносценарии под прозрачным псевдонимом С. Днепров.

Его книги немедленно выходили в свет, а сценарии быстро воплощались в полнометражные художественные фильмы. Большинство они были посвящены партизанскому движению, и самого Цвигуна стали считать видным партизаном, хотя всю войну он провел в тылу. Он служил в военной контрразведке в Сталинградской области, но еще до начала боев за город был отозван в Оренбургскую область.

В фильмах, поставленных по его сценариям, главного героя, которого Цвигун писал с себя, неизменно играл Вячеслав Тихонов. Невысокого роста, полный, Семен Кузьмич ничем не был похож на популярного артиста, кумира тех лет, но, вероятно, в мечтах он видел себя именно таким...

Цвигун (под псевдонимом «генерал-полковник С.К. Мишин») был и главным военным консультантом знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны», поставленного Татьяной Лиозновой по сценарию Юлиана Семенова, и серьезно помог съемочной группе.

Семичастный по этому поводу едко сказал:

— Если бы это при мне происходило, я бы Цвигуна вызвал и сказал: «У тебя здорово получается, иди в Союз писателей!» Зачем мне первый заместитель, который книги пишет? Я не давал согласия, когда их звали консультантами художественных фильмов. Для этого есть опытные оперативные работники, они дадут нужные советы. А замы должны работать...

Брежнева страсть Цвигуна к изящным искусствам не смущала. Он был снисходителен к мелким человеческим слабостям преданных ему людей. В Цвигуне он не сомневался.

Генерал Владимир Медведев, личный охранник Брежнева, вспоминает, как Леонид Ильич часто просил его:

— Соедини меня, Володь, с этим, как его...

— С кем?

— Ну, с писателем...

— С Цвигуном?

— Да, да.

Цвигун в конце разговора, прощаясь, говорил:

— Леонид Ильич, граница на замке!

Такая вот у него была шутка.

Брежневская когорта свято блюла интересы своего покровителя, понимая, что без него они и дня не продержатся в своих креслах. Цвигун был одним из самых преданных Брежневу людей. Никогда в жизни он не сделал бы ничего, что могло повредить Леониду Ильичу.

Теперь уже известно, что никакого «дела Галины Брежневой» не существовало. Она действительно была знакома с некоторыми

людьми, попавшими в поле зрения правоохранительных органов. Но ими занималась милиция, а не госбезопасность. Цвигун тут вовсе был ни при чем.

Так что же произошло с Цвигуном в тот январский день?

Семен Кузьмич давно и тяжело болел, у него нашли рак легкого. Сначала прогнозы врачей были оптимистическими. Евгений Чазов вспоминает: «Цвигун был удачно оперирован по поводу рака легких нашим блестящим хирургом М.И. Перельманом...» Операция прошла удачно, и, казалось, он спасен.

Но избавиться его от этой болезни врачам не удалось, раковые клетки распространялись по организму. Он сильно страдал, и состояние его ухудшалось буквально на глазах. Скрыть следы болезни было невозможно. Метастазы пошли в головной мозг, и он стал заговариваться.

Владимир Крючков вспоминает: «В последние несколько месяцев болезнь настолько серьезно поразила его организм, что были дни, когда он вообще не в состоянии был воспринимать информацию и происходящее вокруг. За две недели до самоубийства у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мое имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мой слова».

Последние месяцы Семен Кузьмич практически не работал. Никто не решался заговорить с ним об уходе на пенсию. Это мог сделать только сам генеральный секретарь. Но Брежнев, зная о плохом состоянии Цвигуна, не собирался портить ему настроение разговором о необходимости покинуть должность. Для него товарищеские отношения с преданными ему людьми были куда важнее интересов дела. Он избавлялся только от тех, кто не был ему нужен.

Не только Цвигуну позволено было до последнего оставаться на месте — член политбюро Андрей Кириленко был совсем плох и с трудом понимал, что происходит вокруг него.

Брежнев не спешил расставаться со старыми соратниками. Его, наверное, даже несколько успокаивало, что его ровесники находятся в худшей форме, чем он сам.

В минуту просветления Цвигун принял мужественное решение — прекратить свои страдания.

Семен Кузьмич застрелился в дачном поселке Усово, где жил на даче номер 43, 19 января 1982 года. Ему было шестьдесят четыре года.

В тот день Цвигун почувствовал себя получше, вызвал машину и поехал на дачу. Там они немного выпили с водителем, который выполнял функции охранника, потом вышли погулять, и Семен Кузьмич неожиданно спросил, в порядке ли у того личное оружие. Тот удивленно кивнул.

— Покажи, — приказал Цвигун.

Водитель вытащил из кобуры оружие и протянул генералу. Семен Кузьмич взял пистолет, снял его с предохранителя, загнал пат-

рон в патронник, приставил пистолет к виску и выстрелил. Это произошло в четверть пятого.

Вызванные в Усово врачи службы «Скорой помощи» из Четвертого главного управления при министерстве здравоохранения СССР составили потом подробный отчет, в подлинности которого сомневаться не приходится: «Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица».

Врачи пытались что-то сделать, проводили реанимационные мероприятия. Но через двадцать минут прекратили и констатировали смерть первого заместителя председателя КГБ СССР.

Академик Чазов вспоминает: «Днем 19 января я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей «Скорой помощи», который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна. Сообщение меня ошеломило. Я хорошо знал и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством».

Чазов позвонил Андропову и сказал, что его первый заместитель покончил с собой. Юрий Владимирович попросил Чазова об одном: ни в коем случае ничего не сообщать министерству внутренних дел. Первой на даче Цвигуна должна появиться оперативно-следственная группа КГБ.

Даже в эту минуту Андропов прежде всего подумал о том, как бы не дать лишнего козыря против себя министру внутренних дел Николаю Анисимовичу Щелокову.

Брежнев был потрясен смертью старого товарища, очень переживал, но не поставил свою подпись под некрологом самоубийцы, как священники отказываются отпевать самоубийц и велят хоронить их за оградой кладбища. По неписаной партийной этике считалось, что настоящий коммунист не имеет права покончить с собой. За попытку уйти из жизни (если она оказывалась неудачной) строго наказывали по партийной линии.

Цвигуна похоронили на Новодевичьем кладбище, неподалеку от могилы Хрущева.

МИССИЯ НА УКРАИНЕ

Георгий Карпович Цинев стал первым заместителем председателя КГБ, генералом армии, Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета, членом ЦК КПСС.

Во всем КГБ один только Цинев, разговаривая по телефону не называл себя, требуя, чтобы его узнавали по голосу. Став первым замом, он кричал и на заместителей председателя КГБ, и на про-

стых генералов. Цинева многие в комитете ненавидели, он, не задумываясь, ломал людям судьбы.

Он возглавил оперативную группу КГБ во время вторжения в Чехословакию. Цинев расположился в советском посольстве в Праге и постоянно разговаривал с Андроповым по ВЧ — узел связи оперативно развернули в посольском подвале.

Цинев же следил за «политически неблагонадежными» — не за диссидентами, а за теми государственными и партийными чиновниками, кого считали недостаточно надежными и нелояльными к Брежневу.

Цинев в 1967 году разогнал руководство Московского управления КГБ после снятия первого секретаря горкома Николая Егорычева. Брежнев убрал его с должности после смелого выступления Егорычева на пленуме ЦК, где он критиковал политику на Ближнем Востоке и бедственное состояние противоздушной обороны Москвы.

Цинев кричал на заместителя начальника управления полковника Георгия Леонидовича Котова, который до КГБ был помощником Егорычева в горкоме:

— Что вы там со своим Егорычевым задумали? Заговор против Леонида Ильича затеяли?

Котова сняли с должности, много лет он просидел в резидентуре в Канаде.

Цинев контролировал Девятое управление КГБ (охрана политбюро) и, как говорят, ведал прослушиванием высших государственных чиновников. Когда в 1982 году, после смерти Суслова, Андропов перейдет в ЦК, он будет пребывать в уверенности, что и его подслушивают.

Цинев повсюду продвигал людей из военной контрразведки. После того как лейтенант Ильин в 1969 году пытался застрелить Брежнева, начальник Ленинградского управления КГБ (Ильин был из Ленинграда) Василий Тимофеевич Шумилов был снят с должности. По совету Цинева руководителем управления сделали начальника особого отдела Ленинградского военного округа Даниила Павловича Носырева.

А на свое место в военной контрразведке Цинев посадил Виталия Васильевича Федорчука. Он проработал в Третьем главном управлении до 1970 года, когда его назначили председателем КГБ Украины.

Владимир Семичастный:

— Я думаю, его отправили в Киев, чтобы он выжил Шелеста. Это была главная задача, чтобы освободить место для Щербицкого. Я уважал Щербицкого, он был выше Шелеста по общему развитию, но в его выдвижении сыграло роль то, что он из днепропетровской компании...

Брежнев очень хотел сменить первого секретаря ЦК Украины Петра Ефимовича Шелеста и поставить на его место своего человека — Владимира Васильевича Щербицкого.

Владимир Семичастный:

— Я знаю, как уговаривали прежнего председателя КГБ Украины Виталия Федотовича Никитченко уехать из Киева. Он был очень толковый и разумный человек, до этого заведовал отделом связи и транспорта ЦК Украины. Никитченко стал первым председателем КГБ Украины еще при Серове, в 1954 году получил генеральские погоны, потом был введен в коллегию КГБ СССР. Уговаривал его сам Брежнев, который через Киев ехал куда-то в Европу, — вспоминает Семичастный. — В Киеве генерального, как всегда, встречало украинское политбюро. Но Брежнев всех отставил в сторону и двадцать минут по перрону ходил с Никитченко — уговаривал его перебраться в Москву.

Никитченко категорически отказывался. Он не хотел уезжать с Украины, он там пользовался авторитетом. А ему предложили пост начальника Высшей школы КГБ. Но Брежнев его уговорил, и в Киев сразу был назначен Федорчук. Шелеста его появление не обрадовало, но поделаться он ничего не мог.

18 июля 1970 года Шелесту позвонил Андропов, предупредил, что в Киев придет его первый заместитель Цвигун и новый председатель КГБ Украины Федорчук. Шелест сожалел об уходе Никитченко — «разумный работник, имеет свое мнение и может его отстаивать!» Надо понимать, перед московским начальством.

«Ничего хорошего я от этой перемены не жду, — записал в дневник Шелест. — Позвонил мне Андропов, что-то больно обеспокоен, все это не зря, что-то в этой замене кроется».

Первый же крупный разговор с Федорчуком состоялся буквально через два месяца после его приезда в Киев.

«Принял Федорчука, — записал в дневник Шелест. — Он начал заниматься несвойственными делами: превышением власти, контрольными функциями за советским и партийным аппаратом. Звонит утром на работу министрам и проверяет, находятся ли они на работе. Проверяет, как поставлена учеба министров и какая тематика занятий.

Открыто критикует прежнее руководство КГБ — Никитченко, его увлечение «техницизмом», мол, науку вводили, а агентуру растеряли, да и наружная служба поставлена из рук вон плохо.

Я откровенно высказал Федорчуку все и сказал, что не стоит ему лезть в дела, ему не свойственные. Надо работать, а не заниматься критиканством предшественника. По всему видно, что не понравился ему такой разговор. Думаю и уверен, что действует он не по своей инициативе — не такой он «герой». Он явно имеет «директиву» комитета, а комитет без одобрения и прямого указания и санкции Брежнева не мог пойти на такой шаг. Брежнев делает ставку на КГБ как «орудие» всесторонней информации и укрепления своего личного авторитета в партии...

За всем следят, все доносят, даже ты сам не знаешь, кто это может сделать. Установлена сплошная агентура и слежка. Как это все отвратительно!»

Федорчук попросил Шелеста подписать письмо в ЦК с просьбой увеличить штаты, «надо создавать везде городские и районные отделы... Надо строить дополнительно помещение. Дал согласие. Обсудили вопросы, где разместить специальные курсы, вечернюю школу и специальную школу кулинарии».

Штаты республиканскому комитету увеличили на 660 человек, разрешили создать райотделы в городах.

Федорчук был крайне недоволен работой своего предшественника: «Почему не было настоящей борьбы против националистов?» По его мнению, сделал вывод Шелест, борьба — это когда просто без разбора сажают в тюрьму. Федорчук заявил: «Мы работаем на Союз, мы интернационалисты, и никакой Украины в нашей работе нет».

Шелест записывал: «Федорчук очень интересуется, чем занимается ЦК и Совет министров. Научный отдел в КГБ упрядняется. Федорчук недопустимо груб с аппаратом комитета, высокомерен с товарищами по работе».

Федорчук требовал то одного исключить из Союза писателей, потому что он придерживается антисоветских взглядов, то другого не выбирать в члены-корреспонденты Академии наук, потому что он сын жандарма, требовал арестов.

На мушке КГБ оказался известный литературовед, член-корреспондент Академии наук Дмитрий Владимирович Затонский, сын расстрелянного в 1938 году одного из руководителей советской власти на Украине. Дмитрий Затонский отличался широчайшей образованностью, талантом и свободомыслием, потому стал подозревателен осведомителям КГБ. Ему стали «шить дело».

Петр Шелест был человеком жестоким. Он работал в оборонной промышленности и привык к военной дисциплине. Шелест был на редкость косным и ортодоксальным. Когда в соседней Чехословакии начался процесс обновления, получивший название «пражской весны», Брежнев не случайно включил Шелеста в состав делегации, которая вела переговоры с Александром Дубчеком и другими чехословацкими руководителями. Шелест считал чехословацких руководителей врагами социализма и требовал самых решительных мер.

Но даже Шелест не выдержал и сказал Федорчуку, что они напрасно затеяли игру вокруг Затонского. Записал в дневнике: «Сам Затонский не глупый человек, имеет свое мнение, но подчас у нас и этого довольно, чтобы попасть в крамольные».

Вскоре Щербицкий сменил Шелеста на посту первого секретаря ЦК Компартии Украины. Шелеста для виду сначала перевели в Москву заместителем председателя Совета министров СССР, но продержали всего год и освободили от всех высоких должностей, отправили на пенсию...

Новый хозяин Украины Владимир Васильевич Щербицкий, по идее, должен был испытывать симпатию к Федорчуку. В реальности он чувствовал, что и сам в определенной мере находится «под колпаком» КГБ: ни один шаг Щербицкого не оставался без внима-

ния Федорчука и Цинева. Так что Щербицкий к Федорчуку относился с настороженностью, понимая его крепкие связи в Москве. А Цинев, в свою очередь, обо всем происходящем на Украине напрямую сообщал Брежневу.

Виталий Врублевский, бывший помощник Щербицкого, в книге «Владимир Щербицкий: правда и вымысел», изданной в Киеве, пишет:

«Федорчук внимательно присматривался к окружению Владимира Васильевича и его помощникам... Несколько раз он приглашал меня вместе с женой на обед. Ведь, в свою очередь, тоже наблюдал за ним. Федорчук оказался интересным собеседником. Однако во время встречи я ни на минуту не забывал, что передо мной матерый контрразведчик. И хотя понимал: война — дело суровое, но все равно точила мысль, что на совести собеседника десятки, если не сотни расстрелянных людей. И вряд ли все они были шпионами и диверсантами.

Мысль эта не оставляла меня и тогда, когда Виталий Федорович показывал тщательно подобранную коллекцию магнитофонных кассет (в основном классической музыки), и когда приглашал выпить. А видно было, что выпить этот физически крепкий, точно налитой силой, мужик мог и умел. В беседе похвастался, что как-то, играя в бильярд, перепил самого Якубовского, командующего Киевским военным округом.

О Якубовском, двухметровом гиганте, ходили легенды. Вполне серьезно рассказывали, что, когда Якубовскому докладывали о случаях попадания в вытрезвитель офицеров, он искренне возмущался и никак не мог понять:

— Ну выпил свои восемьсот грамм. Чего шуметь? Иди себе тихонько домой...

Однажды Федорчук позвонил и предупредил, что моя фамилия попала в донесение «источника». Оказывается, мой добрый товарищ не прочь был похвастаться, что я ему протезирую (чего на самом деле не было), да еще в обществе стукача. Пришлось предупредить его, чтобы держал язык за зубами».

Этот эпизод свидетельствует не только о масштабах стукачества, но и о том, что даже партийный аппарат находился под контролем КГБ.

«Припоминается другой, более серьезный случай, — пишет Врублевский. — Опять же звонит Виталий Федорович и говорит:

— Послушай-ка, тезка (это необычное обращение меня сразу же насторожило), а где сейчас твоя благоверная Валерия?

— Как где, — отвечаю, — должно быть, дома.

— Да нет ее там. Она на твоей служебной машине укатила в Умань. И знаешь с кем? Со своей подружкой Ларисой Скорик. А та спешит на конспиративную встречу с Успенской, недавно вернувшейся из мест не столь отдаленных. Так что предупреди жену, чтобы впредь ее не использовали как прикрытые».

Жена Врублевского писала пьесы и пользовалась популярностью. Когда она приехала во Львов, «в номере гостиницы (бронированном, кстати, обкомом партии) демонстративно учинили обыск. Надежда получить компрометирующие факты не оправдалась. Но тут уж Валерия по-настоящему испугалась, поняв, что с КГБ шутки плохи. Испугалась, конечно, прежде всего за меня...»

Через два года после переезда Федорчука в Киев по всей Украине прошла волна арестов диссидентов. Многие из них после перестройки стали видными деятелями культуры, депутатами украинского парламента.

Поводом стало задержание туриста из Бельгии, которого назвали эмиссаром ООН — Организации украинских националистов. Он пытался вывезти в страну издания на украинском языке, судя по всему, совершенно безобидные.

«Федорчук начал планомерную работу по искоренению «инакомыслия» и всякой «идеологической ереси», — вспоминает Врублевский. — К этому он был хорошо подготовлен, и его тяжелую руку вскоре почувствовали многие... Снова стали печь «дела». Серьезный удар был нанесен по хельсинкскому движению, инакомыслию, национально сознательной оппозиции. Федорчук на этом «заработал» орден Ленина. Вместе с идеологическим, моральным террором, вводимым секретарем ЦК КПУ по идеологии Маланчуком репрессивные методы КГБ создавали тяжелую атмосферу...»

По мнению одного из тех, кто был тогда арестован, «власти были напуганы развитием национального движения на Украине. Они понимали, что в 1972 году невозможно было позволить себе такие массовые репрессии, как в 30-е годы, но они прибегнули к самым массовым, допустимым по меркам 70-х годов. Волна арестов коснулась большого количества людей. Вследствие арестов 1972 года национальная жизнь в Украине была парализована надолго. Это было спланировано как военная акция. Обыски проводились одновременно у всех. Акция не была полной неожиданностью после появления генерала Федорчука с его физиономией типичного карателя...»

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, который тоже был первым заместителем председателя КГБ, описывает, что в 1974 году в Киеве он встретился со Щербицким. По мнению генерала, Щербицкий отличался здравым подходом к решению вопросов, личной порядочностью. Заговорили и о болезненной тогда теме — эмиграции евреев. Щербицкий спросил Бобкова:

— Почему вы препятствуете выезду?

Бобков с удивлением ответил, что у него иное представление: именно здесь, на Украине, главным образом, и чинятся препятствия. Несмотря на личные взгляды Щербицкого, в аппарате первого секретаря ЦК Украины считали, что, открывая дорогу для выезда евреев, «мы тем самым открываем для противника источники закрытой информации».

Вскоре после его разговора со Щербицким, пишет Бобков, «КГБ Украины прислал в Москву записку с предложением резко ограничить выезд из СССР лиц еврейской национальности. Председатель КГБ Украины Федорчук, присутствовавший на этой беседе со Щербицким, явно следовал советам из Москвы, исходившим от ревностных хранителей военных тайн и мало считавшихся с нараставшими внутренними межнациональными конфликтами».

Бобков имел в виду генерала Цинева, озабоченного еврейским вопросом. Мне рассказывал один из ветеранов КГБ, как, решая вопрос о присвоении генеральского звания, Цинев озабоченно спрашивал:

— А еврейской крови в нем точно нет?

Виталий Васильевич Федорчук был человеком с определенными принципами.

Тот же Врублевский вспоминает, как уже при Горбачеве на партийном съезде в Москве «перестроившийся» партийный секретарь поливал Брежнева.

Федорчук вполголоса сказал Врублевскому:

— Вот сволочь, лучше бы он рассказал, какие он песни пел, когда Брежнев посетил их город, и какую саблю, украшенную драгоценными камнями, от имени трудящихся подсунул вождю-маразматику...

НАЙДЕШЬ ШПИОНА, ПОЕДЕШЬ В ОТПУСК

Федорчук проработал на Украине почти двенадцать лет и пользовался полным благорасположением Брежнева. Андропов не спешил представлять Федорчука к званию генерал-полковника. Брежнев напомнил Юрию Владимировичу, что пора это сделать.

И все это благодаря Циневу, который к тому времени стал первым заместителем председателя комитета. Цинев был очень доброжелателен к друзьям, но жесток на службе.

Рассказывают, как Цинев ехал с кем-то в лифте и ему почудилось, что от оперативного работника пахнет спиртным. Он дал команду его уволить. А офицер по результатам работы был один из лучших. И сколько его начальство ни старалось отстоять хорошего сотрудника, он был уволен.

При этом военная контрразведка никогда не считалась образцом добродетели. Генерал Виктор Валентинович Иваненко, который работал в инспекторском управлении КГБ, рассказывал:

— Андропов для нас был полубогом, очень уважаемым человеком. Он здорово поднял статус и влияние органов КГБ. За это его здорово уважали, хотя часто его образ мифологизируется, приукрашивается.

Начальник нашего инспекторского управления, возвращаясь от Андропова, часто кривился. Андропов тоже многие вещи спускал на

тормозах. Не хотел ссориться, избегал иногда радикальных решений, в частности по значительному оздоровлению обстановки в органах военной контрразведки.

И все-таки мы здорово почистили состав военной контрразведки. Там процветали конъюнктурщина, липачество, когда во имя статистики ломали судьбы людей. Были такие случаи, когда особисту говорили: в отпуск не пойдешь, пока не заведешь дело по шпионажу... Или не получишь благодарности, пока не проведешь пять профилактик.

Естественно, люди нажимали на перо, выдавали чистую липу. Инспекторское управление выявило в особом отделе Дальневосточного военного округа случай, когда начальник отдела и старший оперуполномоченный просто выдумали шпионскую группу, выписали задание на проведение прослушивания, сами сели под эту технику и разыграли роли. Один изображал завербованного агента, второй — иностранного шпиона. Никто даже не сравнил голоса! И на основании этого завели дело. Невинного привлекли к уголовной ответственности.

Была тогда проведена большая кампания по пересмотру таких дел. Перед многими офицерами извинились. Но какие тут извинения, если офицера Генерального штаба с большой перспективой выгнали на улицу, и он никуда устроиться не может! А курировал управление генерал Цинев...

— Это от него шло? — спросил я Иваненко.

— Видите ли, работая в КГБ, я принадлежал к другой группировке, которая враждовала с группировкой Цинева. У меня о нем мнение отрицательное.

— А сколько же было группировок внутри комитета?

— Основных три, остальные мелкие. Каждый из заместителей председателя КГБ продвигал своих, верных, близких ему людей. Все группы между собой враждовали.

— Андропов об этом знал?

— Конечно. Знал и позволял им сохраняться. Да он специально оставлял внутри комитета враждующие группировки! Ему это позволяло заставлять их конкурировать, лучше владеть ситуацией...

АНДРОПОВ БОЯЛСЯ ФЕДОРЧУКА

24 мая 1982 года Андропова избрали секретарем ЦК. Он попрощался с коллегией КГБ и перебрался на Старую площадь. Через несколько дней в газетах появилась короткая информационная заметка, в которой говорилось, что председателем Комитета государственной безопасности вместо Андропова назначен Виталий Васильевич Федорчук.

«Под руководством Федорчука очередная попытка национального возрождения была ликвидирована, — пишет Врублевский. —

Задача, поставленная Москвой перед Виталием Федоровичем, была выполнена. Убежден, что перевод Федорчука в Москву с облегчением восприняли на Украине не только творческая интеллигенция, но и лично Щербицкий. Думаю, что он не мог забыть то, что к снятию его предшественника с должности Федорчук тоже приложил руку».

Сам Федорчук рассказал в газетном интервью, как это произошло. Ему позвонил Щербицкий и произнес одну фразу:

— Не отходи от телефона.

Вскоре раздался еще один звонок — соединили с Брежневым. Он предложил стать председателем КГБ вместо уходящего в ЦК Андропова.

— Справлюсь ли? — невольно вырвалось у Федорчука.

— Справишься, — произнес Брежнев сердито. — Завтра пришлю самолет.

Через день Федорчук уже сел в кресло Андропова.

Андропов, уходя с Лубянки, предпочел бы оставить в своем кабинете Виктора Михайловича Чебрикова. Но Андропов был бесконечно осторожен, не хотел, чтобы генеральный решил, будто он проталкивает верного человека, и не назвал свою кандидатуру в разговоре с Брежневым. Более того, Брежнев прямо спросил, кого он предлагает. Андропов от ответа ушел:

— Это вопрос генерального секретаря.

Брежнев предложил Федорчука. Андропову было совершенно очевидно, что предложение исходило от Цинева. Председатель украинского КГБ не входил в число любимцев Андропова, но он не посмел не только возразить, но и выразить сомнение. Напротив, поддержал. Федорчук был назначен. Назначение это было неприятно для Андропова.

Михаил Сергеевич Горбачев вспоминает:

«Когда я спрашивал Юрия Владимировича, как работает его преемник, он нехотя отвечал:

— Знаешь, я разговариваю с ним только тогда, когда он мне звонит. Но это бывает крайне редко. Говорят, поставил под сомнение кое-какие реорганизации, которые я провел в комитете. В общем демонстрирует самостоятельность, хотя, как мне передают, очень сориентирован на руководство Украины. Но я не влезаю.

И это понятно, потому что председатель КГБ выходил прямо на генсека, да и выбор Федорчука был сделан самим Брежневым».

Может быть, Андропов был слишком мнителен, но он, видимо, полагал, что у него есть основания остерегаться своего преемника.

Бывший секретарь ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин пишет, что, «переселившись в бывший кабинет Сулова, Андропов некоторое время остерегался вести в нем, особенно вблизи телефонных аппаратов, разговоры, задевавшие персоналии.

Он даже объяснял в доверительной беседе почему: со сменой председателя КГБ новые люди пришли также и в правительствен-

ную связь. Похоже, Андропов обладал кое-какими познаниями насчет возможностей, которыми располагала эта служба для негласного снятия информации».

Перед смертью Брежнева в Москве отметили возросшую активность украинского секретаря Щербицкого. Он часто звонил и встречался с председателем КГБ СССР Федорчуком. Андропову об этом сообщали.

В аппарате знали, что Брежнев ценил и поддерживал Щербицкого, говорил, что Владимир Васильевич станет следующим генеральным секретарем. Щербицкий мог всерьез отнестись к словам генерального секретаря. А Юрий Владимирович Андропов знал, как многое в таких кадровых делах зависит от КГБ.

Федорчук проработал на Лубянке всего семь месяцев, но успел доставить своим новым подчиненным массу неприятностей. Особенно переживали в разведке, которую Андропов уважал и поддерживал. О Федорчуке рассказывали самые нелепые истории, что он требовал ходить в военной форме, а это в оперативных управлениях КГБ, по разумным соображениям, было не принято. Что он лично проверял, не опаздывают ли его заместители и начальники управлений на службу, и готов был уволить за минутную задержку... Даже если все это скорее анекдоты, чем реальные истории, репутацию он себе заработал неважную.

Генерал Вадим Кирпиченко:

— Федорчук был человек честный, строгий и законопослушный. Но его представления о работе органов госбезопасности сложились в предвоенные годы, причем знал он преимущественно военную контрразведку. Он двенадцать лет возглавлял КГБ Украины и боролся с украинским национализмом. Разведку не знал и особо ею не интересовался. Он слепо верил бумагам...

После очередного побега на Запад советского разведчика Федорчук сказал руководителям разведки, что их подчиненным не обязательно знать иностранные языки, на встречи с агентами можно ходить с переводчиком: так оно даже надежнее, вдвоем не убегут, будут контролировать друг друга. «Я сам, — поделился председатель личным опытом, — когда служил в Австрии, приглашал к себе агентов из числа австрийцев и беседы проводил через переводчиков».

Документы, которые Федорчук отправлял в ЦК, тоже рисуют его человеком весьма недалеким. Конечно, писали их подчиненные, но он же их подписывал, а то и давал указание подготовить документ такого рода:

«По поступающим в Комитет госбезопасности СССР данным, в последнее время нередко наблюдаются элементы негативного поведения отдельных категорий зрителей из числа советских граждан, присутствующих на различных международных мероприятиях в области культуры и искусства.

9 июля этого года в Большом зале Московской государственной консерватории состоялось торжественное закрытие VII Междуна-

родного конкурса имени П.И. Чайковского. В процессе награждения победителей со стороны большинства зрителей открыто проявлялась демонстративная тенденция к явно завышенной оценке некоторых зарубежных исполнителей и, прежде всего, представителей США и Великобритании, встреча которых сопровождалась продолжительными аплодисментами, доходившими порой до вызывающей нарочитости. В то же время вручение наград советским исполнителям, занявшим более высокие места, проходило в обстановке не более чем обычных приветствий...

Все чаще отмечаются факты регистрации браков деятелей советской культуры с иностранцами из капиталистических государств. Зарегистрировали браки с гражданами западных стран поэт Е. Евтушенко, кинодраматург А. Шлепянов, актриса театра им. Е. Вахтангова Л. Максакова, кинорежиссер А. Михалков-Кончаловский, киноактрисы М. Булгакова и Е. Коренева, пианист А. Гаврилов, экс-чемпион мира по шахматам Б. Спасский и другие... Покинувшие Родину вследствие заключения браков некоторые представители интеллигенции встали на путь совершения враждебных по отношению СССР действий.

Наличие семейных связей с иностранцами неминуемо приводит к пропаганде западного образа жизни и, с другой стороны, потенциально опасно возможностью утечки негативной информации за границу».

ВЫСТРЕЛ ИЗ ОХОТНИЧЬЕГО РУЖЬЯ

Почти сразу после избрания генеральным секретарем Андропов вызвал к себе Федорчука и сказал, что сейчас крайне важно укрепить министерство внутренних дел и что он будет назначен министром.

В разговоре с Федорчуком Андропов подсластил пилюлю:

— Тебе присвоим звание генерала армии, так что ни в чем тебя не ущемим.

Андропов, может быть, и вовсе бы расстался с человеком, который повел себя столь неразумно и непочтительно, но он ни с кем не хотел конфликтовать — чувствовал себя неуверенно в новой роли. Тем более, что Андропов давно ждал возможности избавиться от министра внутренних дел Николая Щелокова.

Помощники Андропова предложили перевести Щелокова председателем одной из палат Верховного Совета — пост безвластный, но приятный. Но Андропов не хотел давать ему никакой должности.

В тот же день Андропову позвонил Щелоков. Его немедленно соединили. Андропов сказал, что Щелоков будет переведен в группу генеральных инспекторов министерства обороны.

Эта группа предназначалась для маршалов и генералов армий, которым не давали никакой должности, но и не хотели обижать. Они получали высокую зарплату, за ними сохраняли все блага, машину,

адъютанта и кабинет в министерстве обороны. Называлась группа «райской». Но Николай Анисимович не успел насладиться своим новым местом. Его жизнь переломилась буквально в один день.

Бывшим министром занялись КГБ, Комитет партийного контроля и военная прокуратура.

В материалах прокуратуры, которые были представлены Андропову и Черненко, а потом попали в прессу, говорилось о том, что министр сильно злоупотреблял служебным положением, о том, что квартиры всему семейству Щелокова ремонтировали за казенный счет, о том, как новенькие «мерседесы», предназначенные для министерства, Щелоков взял себе, дочери и сыну, о том, что в руках министра оказались картины и ювелирные изделия, конфискованные у арестованных. Щелоков собирал хорошую живопись, его жена — антиквариат.

Но уголовное дело против Щелокова так и не было возбуждено, поэтому проверить подлинность выдвинутых против него обвинений невозможно.

Вероятно, часть материалов, обвиняющих Щелокова, должна восприниматься с сомнением: было приказано утопить бывшего министра, и следователи рьяно исполняли задачу.

Но очевидно и другое: Щелоков жил в развращающей атмосфере брежневского двора. Брежнев сам наслаждался жизнью и не возражал, чтобы другие следовали его примеру. Вся советская элита в те годы практически перестала работать и занялась устройством своей жизни. Высокопоставленные чиновники стали ездить за границу, посылали туда своих детей работать, приобщались к материальным достижениям современной цивилизации. В Подмоскowie строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. И Щелоков пользовался своими возможностями на полную катушку.

Тем не менее Николай Анисимович Щелоков мог бы благополучно перейти на пенсию или числиться консультантом МВД и нянчить внуков. Ведь министра рыбного хозяйства Александра Акимовича Ишкова, которого обвиняли в худших преступлениях, отпустили на пенсию, не тронули. И первого секретаря Краснодарского обкома Сергея Федоровича Медунова только лишили должности и из партии исключили. А дело Щелокова решили довести до конца. Не потому ли, что Николая Анисимовича ненавидел Юрий Владимирович Андропов?

В столкновении Щелокова и Андропова было много личного. Министр внутренних дел — жизнелюб, которому ничто человеческое не чуждо, который любит и умеет развлекаться. Председателя КГБ тяжелая болезнь лишила всех иных человеческих радостей, кроме работы и наслаждения властью.

Андропов лишился возможности наслаждаться мирскими благами и, чтобы не сожалеть о потерях, культивировал в себе равнодушные к материальному миру.

Тяга Щелокова к красивой жизни, несомненно, вызывала у Андропова презрение, если не зависть. Но решающее значение имело другое. Юрию Владимировичу не нравилось, что долгие годы рядом с ним существовал другой центр силы, не подконтрольный КГБ.

Щелоков был куда менее жестким человеком, чем Андропов.

В ноябре 1970 года Андропов предложил лишить нобелевского лауреата Александра Исаевича Солженицына советского гражданства и выслать его из страны.

Узнав об этом, Щелоков обратился к Брежневу с прямо противоположным предложением. Он писал, что Солженицын — это талантливый писатель, явление в литературе.

«При решении вопроса о Солженицыне, — считал Щелоков, — необходимо проанализировать те ошибки в отношении творческих работников, которые были допущены в прошлом. Проблему Солженицына создали неумные администраторы в литературе. В истории с Солженицыным мы повторяем те же самые грубейшие ошибки, которые мы допустили с Борисом Пастернаком. За Солженицына надо бороться, а не выбрасывать его. Бороться за Солженицына, а не против Солженицына».

Щелоков предлагал разрешить Солженицыну ездить за границу, не лишая его гражданства, а, напротив, дать в Москве квартиру.

Брежнев внимательно прочитал письмо Щелокова, возможно, с учетом его точки зрения вопрос о высылке Солженицына был отложен. Эту историю Андропов тоже запомнил Щелокову.

Он все равно добился своего. В январе 1974 года по настоянию Андропова политбюро рассматривало вопрос о Солженицыне. Председатель КГБ говорил:

— Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Это опасно, у нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов. Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны...

В феврале Солженицына арестовали, посадили в Лефортовскую тюрьму, а потом выслали в ФРГ.

В период разрядки Щелоков съездил в Хельсинки, пишет бывший генерал госбезопасности Олег Калугин, и подготовил проект протокола о сотрудничестве с финской полицией.

Андропов был возмущен: «Это либо недоразумение, либо что-нибудь похуже (политическое недомыслие). Как же можно предлагать, чтобы советская милиция — орган пролетарского государства подписывала документ о сотрудничестве с финской полицией, защищающей интересы финской буржуазии?»

Юрий Владимирович добивался, чтобы КГБ получил право «контрразведывательного обеспечения органов внутренних дел», то

есть контролировать министерство так же, как комитет контролирует Вооруженные силы.

Когда в 1966 году восстановили союзное министерство внутренних дел, то в решении политбюро не указали, что Комитет государственной безопасности берет на себя «контрразведывательное обслуживание» органов внутренних дел. Особисты получили право действовать только во внутренних войсках МВД.

Еще действовала инерция хрущевского пренебрежения органами госбезопасности, да и тогдашний председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный — в отличие от своего преемника — не был сторонником тотального контроля. Когда КГБ возглавил Андропов, он поставил вопрос о том, что министерству внутренних дел нужно помогать.

Но Щелоков, пользуясь, особыми отношениями с Брежневым, успешно отбивал атаки КГБ. Министр говорил, что министерство само в состоянии проследить за порядком в собственном хозяйстве. Однажды Щелокову даже пришлось поставить этот вопрос на коллегии МВД: может быть, нам нужна помощь товарищей из КГБ? Почти все выступили против, считая это возвращением к методам 1937 года.

Брежнев поддерживал министра. Его вполне устраивал Щелоков в качестве некоего противовеса Андропову.

Когда Брежнева не стало, Щелоков оказался в полной власти Андропова. А ему нужны были показательные дела и процессы, на примере которых новый вождь показал бы стране, как сурово он расправляется с теми, кто мешает нам жить.

Генерал Виктор Иваненко считает так:

— Вот тогда появились и «узбекское дело», и «дело Щелокова». Нужны были кричащие примеры сращивания с преступным миром, коррупции. Органы КГБ не имели права собирать материалы о партийно-советской элите, но, как у нас говорили, источнику рот не заткнешь. В сейфах складывалась оперативная информация. Наступил момент, когда спросили: у кого что есть? Выяснилось, что на Щелокова есть материал.

— Но до этого в КГБ знали, что за Щелоковым, за руководством МВД тянется какой-то преступный шлейф?

— Слухи были. Милиция занималась черновой, грязной работой. В белых перчатках там не поработаешь. Я часто работал в совместных оперативно-следственных группах и с уважением к ним относился. Вместе с тем их соприкосновение с уголовной средой, с грязью подрывало иммунитет самих органов. К началу 80-х появилась статистика, которая свидетельствовала о том, что в органах неблагополучно...

— Андропов хотел избавиться от человека, который мог влиять на Брежнева, — считает бывший член политбюро Александр Яковлев. — Власть вся была коррумпирована, почему он выбрал себе только один объект, достойный борьбы? Почему других не посмел тронуть?

Смертельно больной Андропов вскоре оказался в больнице, откуда уже не вышел. У Щелокова возникает надежда. Он обращается за помощью к Черненко, второму человеку в партии.

Николай Щелоков надеялся, что Константин Устинович не бросит его в трудную минуту, ведь они оба были брежневскими людьми. Черненко его принял, но в помощи отказал.

В июне 1983 года на пленуме Щелокова вывели из состава членов ЦК. Бывший член политбюро Виталий Иванович Воротников записал в дневнике, как это происходило. Слово на пленуме взял Черненко:

— Политбюро решило предложить пленуму вывести из ЦК Щелокова и Медунова за допущенные ошибки в работе. Щелоков в последние годы ослабил руководство МВД, встал на путь злоупотреблений в личном плане. Построил дачи для себя и своих родственников. Взял в личное пользование три легковых автомобиля, подаренных министерству иностранными фирмами. Вел себя неискренне, несамокритично. По случаю семидесятилетия поручил снять о себе фильм, на который затрачено более пятидесяти тысяч рублей. Медунов грубо нарушал партийную дисциплину. В крае получило распространение взяточничество среди руководящих работников. Располагая неопровержимыми фактами, он не принимал необходимых мер для пресечения этих явлений. С его ведома со ссылкой на депутатский статус не возбуждались дела о привлечении виновных к ответственности. Этим он скомпрометировал себя как руководитель и член ЦК...

Тайным голосованием обоих исключили из ЦК. Медунов вышел из зала, Щелокова на пленуме не было.

Удары следовали один за другим. А главное было еще впереди. Щелоков понимал, что рано или поздно его вызовут к следователям, предъявят обвинение, покажут ордер на арест, отберут документы и деньги, галстук и шнурки от ботинок и повезут в тюрьму. Такого позора он не хотел.

Указом президиума Верховного Совета СССР 6 ноября 1984 года он был лишен воинского звания «генерал армии».

12 ноября в квартире Щелокова был обыск. Изъяли 124 картины — Саврасов, Бенуа, Куинджи...

7 декабря Комитет партийного контроля решил: «За грубое нарушение партийной и государственной дисциплины, принципов подбора, расстановки руководящих кадров, злоупотребление служебным положением в корыстных целях в бытность министром внутренних дел СССР члена КПСС Щелокова Николая Анисимовича из партии исключить».

Таков был порядок, унаследованный еще со сталинских времен: сначала отобрать партбилет, потом сажать, чтобы за решеткой не оказался член партии...

12 декабря указом президиума Верховного Совета Щелоков был лишен звания Герой Социалистического Труда и всех наград, кроме полученных на войне.

Щелокову позвонили из наградного отдела президиума Верховного Совета СССР и предупредили, что надо сдать награды, которых его лишили. Таков порядок. Николай Анисимович сказал, чтобы приходили в три часа.

Он уже знал, что ордена не отдаст.

Это произошло на его даче в Серебряном Бору.

В полдень 13 декабря 1984 года Щелоков надел парадный мундир с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. На мундире было одиннадцать советских орденов, десять медалей и шестнадцать иностранных наград. Он зарядил двуствольное охотничье ружье и выстрелил себе в голову. Ему было 74 года.

Он оставил записку, адресованную генеральному секретарю Константину Устиновичу Черненко: «Прошу Вас не допустить разгула обывательской клеветы обо мне. Этим невольно будут поносить авторитет руководителей всех рангов, это испытали все до прихода незабвенного Леонида Ильича. Спасибо за все добро и прошу меня извинить. С уважением и любовью *Н. Щелоков*».

ГЕНЕРАЛ СНИМАЕТ БЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

18 декабря 1982 года «Правда» сообщила о назначении Федорчука министром внутренних дел с освобождением от обязанностей председателя КГБ. В тот же день сообщалось о присвоении ему звания генерала армии.

После ухода Щелокова Андропов, наконец, провел через политбюро решение «о контрразведывательном обеспечении МВД СССР, его органов и внутренних войск».

Генерал Виктор Иваненко вспоминает:

— Вначале работа носила характер случайный. Поступил на кого-то из МВД сигнал — проверили. Органы милиции грязь руками перекапывают каждый день, к кому-то грязь пристаёт. Такой черной работы больше нигде нет. С приходом Андропова к власти поступил приказ: «Приступить к тотальной работе».

В Третьем главном управлении КГБ было создано специальное подразделение, на местах — группы. Задача — контрразведывательное обеспечение органов внутренних дел. Конечно, контрразведкой там и не пахло. По всей стране искали хотя бы одного шпиона в милиции и не нашли. Это была борьба с коррупцией, против сращивания с преступным миром. И одновременно отражение столкновения ведомств, соперничества, борьбы за влияние, за доступ к начальству...

В 1991 году министром внутренних дел стал Виктор Павлович Баранников, который в тот момент был в числе президентских фаворитов. Он отменил эту систему. Но постепенно к ней опять вернулись...

На местах городские и областные управления госбезопасности сотрудничали с милицией.

Виктор Иваненко:

— Когда меня назначили заместителем начальника Тюменского управления КГБ, я занялся борьбой с преступностью. Это потому, что был «недогруз». Можно было, конечно, отчитываться о работе со ссыльными, о предотвращении чрезвычайных происшествий, о вербовке иностранцев и выдворении нежелательных иностранцев из области. Но хотелось интересной работы. И мы выявили организованную преступную группу. Начинали с видеобизнеса, выявления подпольных видеосалонов, где показывались порнографические фильмы, а вышли на группу криминальных авторитетов, которые контролировали юг Тюменской области и имели своих людей в органах власти, в том числе и правоохранительных.

Написали в Москву, что выявлена преступная группа. А нам новый председатель КГБ Федорчук в ответ сообщил, что в Советском Союзе нет организованной преступности. Тем не менее работали вместе с милицией и в общей сложности арестовали около 100 человек. Когда Федорчука убрали из КГБ, получили благодарность...

Виталия Васильевича Федорчука обвиняют в том, что он в МВД разогнал многих ценных работников, издавал нелепые даже по тем временам приказы «О хозяйственном обрастании», запрещающая покупать машины и садовые участки. Федорчука уважали только за одно — сам он не был хапугой.

Он требовал рано приходить в министерство, считал и субботу рабочим днем, не возражал, когда приезжали в министерство и в воскресенье.

Профессор Владимир Филиппович Некрасов рассказывал мне, как Федорчук приучал своих подчиненных к новому графику:

— Утром дежурный докладывает начальнику одного из главков: «Вас министр спрашивал». — «Когда?» — «В семь тридцать». А этот генерал-лейтенант тоже приходил пораньше, к восьми. Но тут 7.30... Однако на следующий день, когда генерал на всякий случай пришел раньше обычного, ровно в половине восьмого ему позвонил министр. И он понял, что именно с этого времени ему следует начинать рабочий день.

Самое большое обвинение, которое предъявили Федорчуку, говорит профессор Некрасов, это бездумное гонение на кадры. Он пришел с указанием Андропова провести массовую чистку министерства внутренних дел.

Помогал Федорчуку заместитель по кадрам Василий Лежепков, который до этого был начальником политуправления пограничных войск, потом заместителем председателя КГБ по кадрам.

Андропов отправил его в МВД со словами:

— Там развелось много гнили — нужно почистить.

Цифры называются разные, но при Федорчуке из органов внутренних дел было уволено около 100 тысяч человек.

Конечно, какую-то часть уволили обоснованно, замечает профессор Некрасов. Но не такое же количество! Потом пошли потоки писем, и пришлось признать, что многих уволили незаконно. Их восстановили. Скажем, в Иркутской области из 28 начальников городских и районных отделов одним махом 25 сняли. Причем делалось это не по злобе, а в стремлении навести порядок...

Юрий Владимирович распорядился укрепить кадровый состав МВД офицерами КГБ, но сотрудники госбезопасности переходили в органы внутренних дел неохотно. Андропову пришлось лично этим заниматься. Он позвонил начальнику Московского управления госбезопасности Алидину домой и попросил направить в МВД хороших чекистов:

— Работать им, имей в виду, предстоит лет пять, не меньше.

Федорчук расставил чекистов на разные посты, чтобы они навели порядок и показали, как надо работать.

Профессор Некрасов:

— В реальности чекистов в МВД перевели не так уж много. Здесь, в центре, это было человек сто пятьдесят, не больше. Пришли люди разные. Одни прижились в системе, другие не прижились. Характер работы в госбезопасности более цивилизованный, чем в МВД. Чекист несколько отдален от грязи всякой заключенных, бомжей, преступников на улицах, пьяных... Поэтому говорят, что чекист работает в белых перчатках, а МВД выполняет ассенизационные функции. Так вот, не все захотели снять белые перчатки...

Но мало кто из чекистов задержался в МВД, большинство ушло при первой возможности. Кадровые работники КГБ, пишет бывший начальник уголовного розыска страны Игорь Иванович Карпец, знали оперативную работу и следствие. Но они были воспитаны в пренебрежении к «быдлу» — милиции. Окунувшись в грязь, которую приходится чистить милиции, вынужденные на новой работе не спать, к чему они не привыкли, набивать шишки на «плохой раскрываемости», они стремились побыстрее вернуться обратно, откуда пришли...

Виктор Федорович Ерин, будущий министр внутренних дел России, в одном из газетных интервью без удовольствия вспоминал эпоху Федорчука: «Наелся этой работы досыта, очень захотелось поменять место службы».

Василий Петрович Трушин работал у Федорчука первым заместителем. Воспоминания у него остались наихудшие, как он рассказал в интервью «Московскому комсомольцу»:

«Я очень отрицательно относился к его стилю, методам работы. При Федорчуке в МВД культивировались подозрительность, наушничество, стукачество. Не успеешь что-то сказать, об этом тут же становится известно. Федорчук проверял даже меня — своего первого зама. Чего уж там говорить о сотрудниках рангом пониже. Был он человек крайне жестокий, мстительный. Однажды какая-то ма-

шина не уступила ему дорогу. Оказалось, что за рулем находился офицер милиции, инспектор ГАИ. Казалось бы, мелочь. Так нет, Федорчук разыскал этого инспектора, уволил из органов. Искалечил человеку жизнь».

Юрий Михайлович Чурбанов вспоминает, что немногие возражали новому министру. Одним из тех, кто решался на это, был Иван Федорович Шилов, начальник уголовного розыска. «В отличие от многих работников МВД, — пишет Чурбанов, — Шилов никогда не стеснялся и не боялся Федорчука, смело высказывал свою точку зрения на его работу, за что и поплатился. Федорчук освободил его от должности и назначил начальником УВД Московской области».

Рассказывают, что Федорчук, который всю жизнь провел в контрразведке, установил слежку даже за своими заместителями в министерстве внутренних дел. При Щелокове такого не было.

Федорчук обзавелся собственной агентурой. Каждый день к нему приходили люди из аппарата и докладывали, кто из замов чем занимается.

Тогдашний начальник управления связи МВД СССР полковник Геннадий Сергеевич Громцев, как профессиональный связист, сразу определил, что его телефон поставлен на подслушивание, — профессиональное ухо улавливает еле слышные щелчки подключения. Громцев предупредил жену:

— Перестань болтать по телефону всякую чепуху.

Подозрительный Федорчук полагал, что и его самого подслушивают. Раздраженный министр вызвал к себе полковника Громцева.

Тот вошел, по-армейски доложил:

— Товарищ министр, начальник управления связи полковник Громцев по вашему приказанию прибыл!

Федорчук поднял голову. Выражение лица брезгливо-раздраженное:

— Ишь какой холеный полковник. — И тут же закричал: — Бездельник! Если связь и так же будет работать, можешь сюда больше не заходить! Иди сразу в управление кадров за бегунком!

И через слово — мат.

Федорчука раздражала система внутренней связи. Когда он, нажав кнопку на пульте прямой связи, соединился с кем-то из начальников управлений, он слышал какие-то шорохи и скрипы. Он пришел к выводу, что его слушают в аппарате МВД. В реальности у МВД не было таких технических возможностей. Прослушиванием занимались только недавние подчиненные Федорчука на Лубянке. И действовали они по его указанию.

Люди знающие уверяют, что Федорчук сам слушал записи разговоров интересовавших его людей.

При Федорчуке в МВД стали процветать анонимки, доносы. Щелоков и Чурбанов анонимщиков не любили, считали, что сами знают свои кадры. Если Чурбанову приносили донос, он мог брезгливо отбросить такую бумагу:

— Помните ее хорошенько и можете сходить в туалет.

«Когда он пришел к нам, в аппарате МВД все между собой перессорились и смотрели друг на друга уже с плохо скрываемым недоверием, — вспоминает Чурбанов. — Готовились заказные анонимки!

То есть были люди, которые по указке нового министра писали анонимки на не угодных ему лиц. А кто были эти люди? Трезво мыслящие офицеры и генералы, которые имели собственную точку зрения и умели отстаивать свои позиции. С ними Федорчук и расправился...

Среди тех, с кем расправлялся Федорчук, были и такие люди, которые не выдерживали, получали инфаркты, кончали жизнь самоубийством, не в силах пережить позор и «опалу».

Возле ведомственного дома на Мосфильмовской улице, где жило много сотрудников министерства, поставили фургон с группой наружного наблюдения. Следили за тем, кто на какой машине ездит, кого подвозит, с кем утром выходит из дома, с кем возвращается с работы и когда.

При Федорчуке стали составлять списки тех, у кого есть дачи и машины и чьи родственники служат в системе МВД. Наличие дачи или машины считалось достаточным основанием для увольнения. Если находили родственника в милиции, говорили:

— Выбирайте, кто из вас уходит из системы.

Особые интеллектуалы на руководящей работе в МВД и не требовались. Но Федорчук, по словам Чурбанова, производил уж очень тягостное впечатление: «Помню, был дан небольшой ужин в честь какой-то иностранной делегации, за столом всего шесть—восемь человек, тем не менее свой тост Федорчук читал по бумажке».

Впрочем, может быть, в Чурбанове говорит обида. Когда Федорчук пришел, то работу с кадрами у первого заместителя министра Чурбанова отобрали. Федорчук всячески пытался избавиться от зятя покойного генерального секретаря.

Видя, что против него готовится дело, зять покойного генсека попросил о помощи человека, который был верным соратником Брежнева, — Черненко.

Помощник Черненко Виктор Прибытков вспоминает, как однажды ему позвонил Чурбанов — так, словно они вчера расстались, хотя виделись один раз и давно, еще в комсомольские годы. Чурбанов попросил о встрече. Прибытков пригласил:

— Приезжай. Какие разговоры...

— Я не хочу появляться на том этаже, где сидят генеральные...

— Я на шестом, а не на пятом нахожусь. Приезжай! Тут спокойно поговорим...

— Нет, давай лучше на нейтральной территории...

Они встретились у памятника героям Плевны. Чурбанов в штатском сидел на скамеечке.

— Федорчук жмет до предела, — жаловался Чурбанов. — Копают, все копают... Сил никаких нет!

Чурбанов и Прибытков ходили от памятника до входа в метро «Площадь Ногина».

— Ты скажи Константину Устиновичу, — попросил Чурбанов, — что я ни в чем не виноват... Этому Федорчуку все нейдет! Без году неделя в министерстве, а поди ж ты...

Чурбанов рассчитывал, что Черненко вступится за зятя Брежнева.

В тот же день Прибытков пересказал разговор Черненко. Тот внимательно выслушал своего помощника. Когда Прибытков договорил, Черненко раскрыл лежавшую перед ним папку с документами и сказал:

— Так, начинаем, Виктор, работать. Тут у нас вот на сегодня какие проблемы...

И ни слова о Чурбанове.

Брежнев умер, и прежние обязательства были недействительными. В середине 1985 года Чурбанова убрали из министерства на смешную должность начальника Главного управления внутренних войск по военно-научной работе, а вскоре и вовсе отправили на пенсию. Процесс над ним был самым громким в горбачевскую эпоху. Его приговорили к длительному сроку тюремного заключения. Чурбанов отсидел свой срок и вышел на свободу. Он занимается бизнесом и помогает заключенным.

УЖИН С КОПЧЕНОЙ РЫБОЙ

Федорчук считается косвенным виновником внезапного ухудшения здоровья Константина Устиновича Черненко, который был при Андропове вторым секретарем ЦК. Эту историю описал помощник Черненко Виктор Прибытков.

Летом 1983 года Черненко отправился отдыхать в Крым. Рядом в санатории проводил отпуск министр внутренних дел Виталий Васильевич Федорчук. Министр развлекался тем, что ловил ставриду и сам ее коптил. И пришел угостить Константина Устиновича рыбой собственного копчения.

«В этом визите не было ничего необычного, — пишет Прибытков, — Федорчук и Черненко давно знали друг друга. Ставрида была на удивление хороша. Свежая, жирная, чуть солоноватая. Под отварную картошечку просто объедение. Угощалась черноморским деликатесом вся семья. А ночью с Константином Устиновичем плохо. Боли в животе. Рвота. Сильное отравление. В крайне тяжелом состоянии его срочно отправляют в Москву. Все члены семьи живы и здоровы. А Константин Устинович в кремлевской реанимации».

«К несчастью, рыба оказалась недоброкачественной, — пишет академик Чазов в своей книге «Здоровье и власть». — У Черненко развилась тяжелейшая токсикоинфекция с осложнениями в виде сердечной и легочной недостаточности. Выехавшие в Крым наши ведущие специалисты вынуждены были из-за тяжести состояния срочно

его транспортировать в Москву. Состояние было настолько угрожающим, что я, да и наблюдавший его профессор-пульмонолог А.Г. Чучалин, как, впрочем, и другие специалисты, боялись за исход...»

История странная — по строжайше соблюдаемой инструкции вся пища, предназначенная для членов политбюро, проходила тщательный контроль. Специальные лаборатории подчинялись Девятому управлению КГБ. Так что же случилось — не выполнили инструкцию, подумав, что бывший председатель КГБ Федорчук отравы не принесет? Или скорее все дело в том, что Черненко просто не повезло — попался неудачный кусок, а человек он был сугубо нездоровый?..

Помощник Константина Устиновича Виктор Прибытков подозревает худшее — сознательную попытку устранить Черненко: «Сразу после того, как Горбачев добился вождеденного поста, Федорчука отстранили от дел и отправили в политическое небытие. Словно основного свидетеля спрятать старались...»

Ну, на самом деле Федорчука никуда не спрятали. Да и вся история напоминает другой миф — о смерти Цвигуна.

В своей новой книге «Рок» академик Чазов возвращается к этой истории: «Никакого злого умысла не было. Близкий и преданный ему Федорчук прислал рыбу, которая оказалась плохо прокопченной. Пищевая токсикоинфекция, которую большинство переносит без последствий, вызвала в ослабленном организме, да еще с тяжелым поражением легких, которым страдал Черненко, тяжелые последствия».

В министерстве внутренних дел Федорчук проработал чуть больше трех лет. Когда у Горбачева дошли руки до МВД, он сменил министра.

Бывший член политбюро Виталий Иванович Воротников вспоминает, что 23 января 1986 года на политбюро Горбачев вдруг поднял вопрос о замене Федорчука. Обоснование: работает пассивно, дает мало информации, и вообще надо укрепить руководство МВД.

Значительно позже Михаил Сергеевич говорил Воротникову о неблагоприятной роли Федорчука в сборе компромата на него, Горбачева. Предложение расстаться с Федорчуком политбюро одобрило.

Бывший член политбюро Егор Кузьмич Лигачев говорил мне:

— По-моему, очень сухая, бледная личность с не очень большим интеллектом. Почему он появился, я не знаю, хотя могу догадываться. Потом он быстро исчез...

Через два дня «Правда» сообщила об освобождении Федорчука от министерской должности. Его, как генерала армии, зачислили в группу генеральных инспекторов министерства обороны СССР. В 1991 году группа перестала существовать.

Увольнение Виталий Васильевич перенес тяжело. У него был обширный инсульт, недели две он лежал в беспомощности. И полностью здоровье не восстановилось. Он рано потерял обоих детей — и сына, и дочь — и остался в одиночестве.

Глава 16

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕБРИКОВ

Летом 1967 года второго секретаря Днепропетровского обкома партии Виктора Михайловича Чебрикова неожиданно вызвали в Москву, ничего не объяснив. Иван Васильевич Капитонов, секретарь ЦК по кадрам, привел приятно удивленного секретаря к Брежневу. Тот прочитал анкету Чебрикова, которая ему понравилась, как-никак выходец из Днепропетровска, задал несколько вопросов о делах в области и сказал:

— Юрия мы направили в КГБ. Нужно несколько человек, чтобы помочь ему и укрепить органы.

Брежнев подбирал Андропову команду.

21 июля постановлением Совета министров Чебриков был утвержден членом коллегии КГБ, через три дня приказом по КГБ назначен начальником управления кадров. Только формально его новый пост казался невысоким — начальник управления в одном из ведомств. В реальности главный кадровик КГБ — ключевая должность. Недаром на него выразил желание взглянуть сам Брежнев. Одновременно прислали в КГБ еще несколько партийных работников из разных областей и с разных должностей. Из них один только Чебриков добрался до Олимпа.

ГЛАВНЫЙ КАДРОВИК

Виктор Михайлович Чебриков родился в 1923 году в Днепропетровске в семье рабочего. В 1940-м поступил в знаменитый Днепропетровский металлургический институт — в эпоху Брежнева кузница высших государственных кадров.

Когда началась война, Чебриков сразу ушел на фронт рядовым. Потом окончил ускоренный курс пехотного училища и был выпущен командиром минометного взвода. Получил роту, стал начальником штаба батальона, заместителем командира батальона, комбатом. Воевал на Юго-Западном, Сталинградском, Воронежском, Степном, 1-м и 4-м Украинских фронтах. Войну закончил в Чехословакии в звании майора. Был ранен, контужен и обморожен. В 1944 году вступил в партию.

Биография очень достойная — рядом с ним на партийно-государственном Олимпе настоящих фронтовиков окажется немного.

Демобилизовавшись в 1946-м, вернулся в институт. В 1950 году получил диплом и начал работать инженером на крупнейшем в городе Днепропетровском металлургическом заводе имени Г.И. Петровского. Но уже через год его забрали на партийную работу заведующим промышленным отделом Ленинского райкома партии. Из заведующего отделом стал секретарем, потом первым секретарем райкома.

В 1955 году его вернули на Днепропетровский металлургический завод секретарем парткома. Затем он там же стал парторгом ЦК. В 1958 году Чебрикова избрали вторым секретарем горкома. Он методично — ступенька за ступенькой — поднимался по партийной лестнице. Из горкома его перевели в обком заведующим отделом, потом вернули в горком уже на роль первого секретаря. И опять повысили — сделали секретарем обкома. В 1965-м сделали уже вторым секретарем Днепропетровского обкома. Классическая карьера профессионального партийного работника.

Он был строгим, твердым, исполнительным, пунктуально соблюдающим партийные каноны работником. Опекал спортсменов, которые боролись за честь области. Рассказывают, что именно Чебриков, будучи вторым секретарем обкома, поставил футбольного гения Валерия Лобановского во главе команды «Днепр» и открыл ему дорогу в большой футбол.

Бывший охранник Чебрикова рассказал «Парламентской газете»: «Это был жесткий армейский человек. Строгий начальник. Никаких вопросов, сантиментов — только служба, устав и инструкции». Подчиненным общение с ним едва ли доставляло удовольствие.

Генерал Виктор Иваненко вспоминает:

— Чебриков скучный был человек, ни одного свежего слова от него добиться было невозможно. На совещании у него люди тосковали, выходили из его кабинета с пустой головой...

Зато начальству главный кадровик нравился. Виктор Михайлович пришелся по душе Андропову своей надежностью и исполнительностью. Чебрикова, как днепропетровца, считали брежневским человеком, на самом деле он был душой и телом предан Андропову. Он не претендовал на лидерство, не примеривался к председательскому креслу и не занимался интригами.

У других заместителей — Цвигуна и Цинева — был прямой контакт с генеральным секретарем, и они Андропову много крови попортили. Филипп Денисович Бобков — еще одна заметная фигура в КГБ — сам по себе был сильной личностью, а Чебриков никакой опасности для Андропова не представлял.

Юрий Владимирович это оценил, привик полностью на него полагаться и через год, в сентябре 1968 года, произвел его в заместители председателя. В 1971 году Чебриков стал кандидатом в члены ЦК, через десять лет — членом ЦК. Высокий партийный статус был знаком председательского расположения.

Генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко пишет, что в роли заместителя председателя КГБ Чебриков руководил разработкой оперативной техники и борьбой с диссидентством. Его усилиями для нужд комитета был создан мощный оперативно-технический комплекс. Чебриков в 1980 году получил Государственную премию по секретному списку. За что? На этот вопрос он никогда не отвечал. Люди знающие утверждают, что премию ему дали за строительство подземного пункта управления страной на случай войны.

Что касается борьбы с диссидентами, то преданные гласности документы говорят сами за себя. Вот лишь один пример.

В 1972 году заместитель председателя КГБ Чебриков доложил в ЦК, что через месяц после смерти ученого-биолога и популярного писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова, за которым, как выяснилось, следили, в его квартире сотрудники КГБ СССР произвели тринадцатичасовой обыск «с целью возможного обнаружения литературы антисоветского содержания». Улов оказался небольшим.

Чекисты, как сообщил Чебриков, изъяли частное письмо Ефремову из города Фрунзе, «носящее резко антисоветский характер» и «ряд предметов, которые могли использоваться Ефремовым в проведении противоправной деятельности».

«РЕБЯТА, Я — СВОЙ!»

После того как Цвигун застрелился, в январе 1982 года Андропов сделал Чебрикова своим первым заместителем. Переходя из КГБ в ЦК, надеялся передать Лубянку в руки Виктора Михайловича, но Брежнев поставил туда Федорчука.

Зато вскоре после смерти Брежнева, уже вечером, Чебрикову позвонил Андропов и попросил приехать. Сказал:

— Принято решение освободить Щелокова, на его место назначить Федорчука. Мы посоветовались с товарищами, общее мнение едино: рекомендовать на КГБ тебя.

Почему Андропов выбрал Чебрикова, а не, скажем, начальника разведки Владимира Александровича Крючкова, с которым работал еще с венгерских времен? Для Андропова Крючков всегда оставался помощником, которого он продвигал, выдвигал, но не представлял в такой самостоятельной роли. Чебриков был профессиональным партийным работником, его назначение вполне укладывалось в рамки кадровых канонов.

Чебриков был лично предан Андропову. Видя, что Юрий Владимирович совсем не в состоянии ходить, и понимая, что в ноябре генеральный секретарь просто не сможет подняться на трибуну мавзолея, Чебриков 11 мая 1983 года написал в ЦК записку:

«В период проведения партийно-политических мероприятий на Красной площади выход из Кремля к мавзолею В.И. Ленина осуществляется по лестнице в Сенатской башне. Разница в уровнях тротуара в Кремле и у мавзолея В.И. Ленина более 3,5 метра.

Считали бы целесообразным вместо существующей лестницы смонтировать в Сенатской башне эскалатор.

Просим рассмотреть».

28 июня решение политбюро было принято — «устройство эскалатора в мавзолее В.И. Ленина». Но эскалатор Андропову уже не понадобился — он слег...

Андропов присвоил Чебрикову звание генерала армии и сделал его кандидатом в члены Политбюро. Это произошло на пленуме ЦК 26 декабря 1983 года. На этом пленуме Андропов уже не присутствовал, он лежал в больнице, жить ему оставалось совсем немного. Чем занимался новый председатель КГБ?

В ноябре 1983 года Чебриков подписал записку в ЦК КПСС «О негативной направленности отдельных выступлений артистов эстрады»:

«В Комитет госбезопасности поступили данные, что некоторые эстрадные артисты разговорного жанра включили в последнее время в программы своих выступлений идеологически вредные и сомнительные в эстетическом отношении интермедии, в пасквильной форме пародирующие широко известные произведения советской литературы и кинематографии на военно-патриотическую тематику...

По мнению многих зрителей, такие выступления наносят ущерб делу воспитания патриотизма и гражданственности у советских людей и объективно играют на руку классовому врагу...»

Речь шла в основном о выступлениях артиста Геннадия Хазанова. Сотрудники КГБ, особенно из Пятого управления, всегда говорили, что действовали только по указанию партии. Но тут чистой воды самодетельность. Никто не поручал им оценивать выступления Хазанова. Да и разве это функция КГБ — заниматься «идеологически вредными и сомнительными в эстетическом отношении» эстрадными выступлениями? Но Чебриков, как и его предшественники, считал, что он поставлен следить за идеологической благонадежностью в любой сфере жизни.

Между прочим, на Лубянке никогда не жалели и своих, допустивших какую-нибудь ошибку, «недостойную чекиста».

— Мы были частью Комитета госбезопасности, — рассказывал мне один из ветеранов внешней разведки, — но понимали, что разведка не внутренний сыск, не тайная полиция, а цивилизованный инструмент государства. Соответственно, второй главк (контрразведка) нас не любил, поймать сотрудника Первого главного управления на пьянке было для них праздником. Иногда им это удавалось.

Как-то один из офицеров должен был отбыть в длительную зарубежную командировку под «крышей» сотрудника посольства и отмечал, как принято, отъезд вместе с мидовцами в «Славянском базаре».

А ведь еще еще в разведывательной школе предупреждали: не ходите в рестораны, где могут быть иностранцы. А он забыл... Вот сидит он со своими новыми коллегами за одним столом. Вдруг подходит человек, просит прикурить и уходит. А это оказался американец, которого вела служба наружного наблюдения КГБ.

Для наружки это был контакт иностранца с советским гражданином. По инструкции следовало провести оперативное мероприятие — выяснить, что это за человек, к которому подошел американец. Но была плохая погода, они поленились, как им положено, прово-

дить его до дома и установить адрес и имя. И поступили иначе. Притворились пьяными и у вешалки пристали к нашему сотруднику:

— Дай закурить! Ах, не дашь!

Затеяли драку и вызвали милицию. А милиция — это учреждение, где можно потребовать предъявить паспорт. Оказавшись в милиции, он предъявил не только паспорт, но и красную книжечку — удостоверение сотрудника КГБ и стал говорить:

— Да я свой, ребята! Отпустите, а то я завтра улетаю.

Наружка была счастлива. Они вызвали дежурного по КГБ, и его увезли. Выезд за границу ему закрыли, с оперативной работы убрали и еще долго долбали во всех инстанциях:

— Зачем расшифровал себя, обнаружил свою принадлежность к комитету? Надо было сказать, что работаешь в министерстве иностранных дел. Зачем потрясал удостоверением? Неужели не понимал, что порочишь честь комитета?..

НОЧЬ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ

После смерти Андропова Чебриков переориентировался на Горбачева, хотя тот еще не был генеральным и необязательно должен был им стать. Виктор Михайлович вел себя крайне осторожно — демонстрировал полную преданность новому генеральному секретарю Черненко, но, понимая, что Константин Устинович в Кремле не задержится, налаживал отношения с Горбачевым, поэтому и сохранил свою должность.

Дмитрий Федорович Устинов, министр обороны, который имел все шансы сменить Черненко, неожиданно скончался двумя месяцами ранее, в декабре 1984 года.

Наиболее вероятным кандидатом в преемники Черненко считал себя Горбачев, но знал, что лишь немногие члены политбюро хотели бы видеть его генеральным секретарем. Кто-то из сильных мира сего должен был прийти ему на помощь. Иначе кресло достанется другому.

Говорили, что на пост генерального претендовал первый секретарь Московского горкома Виктор Васильевич Гришин. Возможно. Но совершенно точно надежду возглавить страну после Черненко питал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко. Когда умер Сулов, Громыко хотел занять его место второго человека в партии. Но это кресло получил Андропов.

После смерти Андропова, Черненко и Устинова Громыко считал себя наиболее достойным кандидатом на пост руководителя партии. Но Андрея Андреевича коллеги не любили. Способность располагать к себе людей не входила в чисто его главных достоинств.

Ходят слухи, что он все же пытался сговориться с председателем Совета министров Николаем Тихоновым, который очень не любил Горбачева и старался помешать его росту.

Но союз Громыко с Тихоновым не получился.

Тихонов пытался убедить председателя КГБ в недопустимости избрания Горбачева на пост генерального секретаря. Чебрикову показалось, что Николай Александрович Тихонов сам претендовал на это место. Но председатель КГБ твердо занял сторону Горбачева и даже пересказал Михаилу Сергеевичу свой разговор с Тихоновым.

Горбачев спрашивал академика Чазова о состоянии здоровья Черненко:

— Сколько он еще может протянуть — месяц, два, полгода? Ты же понимаешь, что я должен знать ситуацию, чтобы решать, как действовать дальше.

Чазов не мог дать точного ответа. Горбачев нервничал: ему надо было заключать союз с кем-то из влиятельных членов политбюро. Но для этого нужно было выбрать правильное время.

За несколько дней до смерти у Черненко развилось сумеречное состояние. Стало ясно, что его дни сочтены. Чазов позвонил Горбачеву и предупредил, что трагическая развязка может наступить в любой момент.

Для Горбачева и его окружения наступило время действовать. Особенно активен был секретарь ЦК по кадровым делам Егор Кузьмич Лигачев. Он должен был обеспечить единодушное мнение влиятельного корпуса первых секретарей обкомов и крайкомов в пользу Горбачева. И в этот момент была окончательно заключена сделка Горбачева с Громыко: Андрей Андреевич обещал проявить инициативу и выдвинуть кандидатуру Михаила Сергеевича в обмен на пост председателя президиума Верховного Совета СССР.

Чебриков свой выбор уже сделал.

Сразу после смерти Черненко на заседании политбюро Чебриков веско сказал:

— Я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру товарища Горбачева Михаила Сергеевича на пост генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа.

Чебриков и Лигачев провели вместе с Горбачевым критически важную ночь после смерти Черненко. В зале заседаний политбюро они готовили похороны и пленум ЦК, на котором должны были избрать нового генерального секретаря. Вышли на улицу, когда уже рассвело. На пленуме Горбачева избрали под аплодисменты.

Первое время Горбачев приглашал Чебрикова на обсуждение всех самых деликатных вопросов, спрашивал его мнение, нуждался в его поддержке. Он опирался на авторитет председателя КГБ, когда, скажем, к удивлению многих членов политбюро, министром

иностранных дел был назначен бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе...

Чебриков поддерживал Горбачева, и лояльность председателя КГБ была вознаграждена.

Апрельский пленум, первый после избрания Горбачева, начался с оргвопросов. Членами политбюро Горбачев предложил избрать Чебрикова, секретаря ЦК Лигачева и будущего главу правительства Николая Ивановича Рыжкова. В 1985 году Чебриков получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Некоторые видные чекисты с неудовольствием говорили, что с приходом Чебрикова все стало делаться с оглядкой, обходя острые углы, приспособляясь к обстановке. Но поначалу все шло по накатанной колее.

В середине марта 1985 года, уже при Горбачеве, был арестован известный ныне публицист Лев Тимофеев, статьи и книги которого печатались за границей, передавались радиостанциями «Голос Америки» и «Свобода». Тимофеева приговорили к шести годам лагерей. Освободили его через год, когда перестройка действительно началась.

Летом 1985 года, накануне XII всемирного фестиваля молодежи, Чебриков, министр внутренних дел Федорчук и генеральный прокурор Рекунков обратились в ЦК с предложением «на период проведения фестиваля подвергнуть аресту в административном порядке» антисоветски настроенных граждан столицы. Горбачев 24 июля 1985 года подписал это предложение.

В январе 1986 года политбюро обсуждало вопрос «О мерах по упорядочению контактов советских должностных лиц с иностранными гражданами». Горбачев говорил:

— У нас в этом вопросе много вольницы, нарушаются элементарные правила таких контактов. Люди не докладывают о своих контактах, о содержании бесед... Нам пришлось даже убрать из ЦК двух работников, которые допускали такого рода нарушения. Это серьезные вещи. Болтунов нам надо буквально вышибать из аппарата ЦК и внешнеполитических ведомств. У нас есть данные, что противник проявляет интерес к таким лицам...

В мае 1986 года Горбачев принял участие во Всесоюзном совещании руководящего состава КГБ. Горбачева сфотографировали в президиуме совещания. Чебриков прислал снимок, написав на обороте: «Дорогому Михаилу Сергеевичу. На добрую память от верных и преданных Вам чекистов».

В октябре 1987 года на знаменитом пленуме, когда было решено снять Бориса Николаевича Ельцина с должности первого секретаря Московского горкома, Чебриков поспешил присоединиться к хору тех, кто осудил Ельцина:

— Не полюбил ты, Борис Николаевич, москвичей. Если бы любил Москву, ты никогда бы не позволил себе сегодня произнести такую речь с этой трибуны. Одно к этому подходит слово, что

это просто клевета... В это трудное время мы начинаем бездоказательные речи, мы начинаем заниматься клеветой вместо того, чтобы объединиться.

КГБ присматривал за опальным Ельциным. Чебриков информировал политбюро о том, что с ним происходит.

9 ноября 1987 года Ельцин вроде бы пытался покончить с собой в комнате отдыха в горкоме.

Член политбюро Виталий Иванович Воротников записал в дневнике: Чебриков сообщил, что «в больнице на Мичуринском проспекте, куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится начальник Четвертого главного управления академик Чазов. Что он говорит? Был порез (ножницами) левой стороны груди, но вскользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет...».

КГБ И ВЛАСТЬ

Чебриков руководил КГБ шесть лет, и первые четыре года он полностью владел полученным в наследство мощным аппаратом, который контролировал ситуацию в стране.

Генерал Валерий Павлович Воротников, однофамилец члена политбюро, возглавлял Свердловское областное, затем Красноярское краевое управление КГБ. Он рассказывал мне:

— У территориальных органов госбезопасности всегда была одна существенная проблема: местные руководители считали, что подразделения контрразведки — это «их» информационная служба. Хотя у нас был очень строгий принцип: КГБ — централизованная структура. Информация, поступающая в центр из любой точки, должна быть полной и объективной. То есть мне не сообщить центру всю правду о том, что творится на территории, самый тяжкий грех.

Система была такая. Я, продолжал Воротников, подписываю шифровку, и, если речь идет о важной информации, ее даже без подписи председателя КГБ автоматически отправляют руководителям страны. То есть руководитель области отдает себе отчет в том, что произойдет после того, как такая информация уйдет в Москву. Сразу позвонят из ЦК или из Совета министров и спросят с него за то, что случилось. Таким образом система территориальных органов КГБ позволяла высшему руководству держать в поле зрения всю страну.

Иногда местные руководители просили о чем-то не сообщать: зачем людей беспокоить? С точки зрения местной власти, чрезвычайное происшествие — пустяк. А с точки зрения центра, это очень важно. Например, прорвало трубы, снабжающие теплом рабочий поселок. Это произошло ночью. Утром уже стали восстанавливать. Я все знаю: масштабы ЧП, ход работ. Тут мне звонят и слезно про-

сят не докладывать первому секретарю Свердловского обкома Борису Николаевичу Ельцину:

— Мы уже все сделали, авария ликвидирована.

И без этого было что рассказать первому секретарю, поэтому на докладе в понедельник я об этом деле умолчал. Вернулся к себе. Через полчаса звонит телефон, и я получаю очень серьезный втык: почему не рассказал о ЧП?

— А что полагалось сообщать местным начальникам? — спросил я генерала Воротникова.

— Строгого порядка не было. Сами руководители органов должны были это решать. И все зависело от степени взаимопонимания. Вся информация, которой располагают территориальные органы, делится на две части — на ту, которая нужна для работы самих органов, и ту, которая больше касается изъядов в экономике. Часть сведений мы отдавали милиции. Отфильтрованная информация, поступающая партийным органам, открывала им глаза на какие-то внешне незаметные, неявные процессы. Процессы явные они знали лучше нас. Но вот то, что на местах пытались скрыть, а мы раскапывали, было для них важно. После распада СССР стали писать, что госбезопасность была орудием партии. Я этого не ощутил. Партийных директив — бежать туда, хватать того! — мне получать не приходилось...

Я спросил Николая Григорьевича Егорычева, бывшего первого секретаря Московского горкома партии:

— Как у вас складывались отношения с начальником управления КГБ по Москве и области?

— Я понимал, что у него есть свои инструкции — о чем он может со мной говорить, о чем не может. Я любопытства не проявлял — чем они там занимаются. Но если возникали какие-то вопросы, пожалуйста, обсуждали.

В то время в городе была очень хорошая обстановка. Кривая преступности шла вниз. Кто помнит Москву 60-х, тот знает, что по городу можно было ходить в любое время суток и не опасаться, что тебя изобьют или ограбят. Диссидентами занимался союзный КГБ. Он мне иногда что-то такое докладывал. Я говорил: «Мы этими вопросами не занимаемся. Это ЦК, там решайте эти вопросы».

— Руководитель управления КГБ мог рассказать вам что-то, чего вы не знали о городе?

— Нет, я о городе практически все знал. У меня были отличные связи с творческой интеллигенцией, учеными. То есть мне не нужна была информация КГБ. Я был в курсе всего, что делалось в Москве.

— Как тогда было заведено: при назначении на должности определенного уровня полагалось просить КГБ проверить кандидата?

— Когда мы решали эти вопросы в Москве, я никого не спрашивал, мы свои кадры хорошо знали. Мы же не брали человека с

улицы. Мы каждого знали по работе, иногда не один десяток лет. Ну какая еще нужна проверка! А вот когда посылали работать за рубеж, даже если послом, проверяли. Это и сейчас так. Когда я недавно получал новый загранпаспорт через МИД, потому что я посол в отставке, все равно полтора месяца ждал заключения госбезопасности, что мне можно выдать загранпаспорт. То есть эта система очень заскорузлая. Пора бы уже все ввести в компьютер, нажал кнопку — и все ясно. А у нас армия проверяющих: она тоже имеет семьи, всем нужна зарплата, они держатся за это.

— А не было таких случаев, когда начальник управления приходил к вам и говорил: вы такого-то выдвигаете, а у него скандалы в семье и что-то похуже?

— Никогда такого не было.

— Он боялся к вам обращаться с такими вопросами?

— У него не было необходимости обращаться. Искать в каждом: а не сидит ли в нем враг? — это же невозможно работать. Мы работали на доверии. И не было такого случая, чтобы среди нас был какой-то враг. И подозревать кого-то... Может, у него брат и пил, ну а он-то при чем?..

Я спросил Егора Кузьмича Лигачева, который много лет был первым секретарем Томского обкома, потом заведующим отделом и секретарем ЦК:

— Когда вы руководили отделом ЦК, мнение КГБ о выдвигаемой кандидатуре имело для вас значение?

— Никогда, честью вам клянусь. Никогда я не спрашивал мнения КГБ. Так сложилось, когда я работал первым секретарем. Хотя, может быть, в Томской области и надо было бы обратиться, если бы я придерживался старых правил.

— Почему?

— Там было много родственников ссыльных. Если бы я начал по такому принципу работать, мне было бы трудно подбирать кадры. Я потом иногда узнавал — вот этот сын кулака, сосланного в Сибирь. Ну и какое это имело значение? Тем более в годы войны его отец воевал, разрешили некоторым ссыльным защищать страну. А ссыльных много было, особенно в Нарымском крае. Недаром говорили: Бог создал рай, а черт — Нарымский край. В этот край ссылали начиная с декабристов, народовольцев, большевиков, кулаков...

— А разве не полагалось на тех, кто входит в номенклатуру ЦК, получить справку в КГБ?

— Нет, нет, мы этим не пользовались... Я изредка бывал на совещаниях в областном управлении КГБ. О чем я им рассказывал? О наших проблемах, делах, просил помощи. Они абсолютно не вмешивались в партийные дела. Действовали в соответствии с законом и, что мне очень нравилось, проводили профилактику. Вот выясняется: кто-то неряшлив с секретными материалами. По-настоящему можно было посадить в кузницу за потерю бдительности. Они приглашали, беседовали. И это очень хорошо действовало.

Тем более у нас в области много было сверхсекретных предприятий. Был целый закрытый город — сто десять тысяч жителей. Он назывался Томск-7, а теперь Северск. Этот город принадлежал министерству среднего машиностроения. В ту пору давал начинку для половины наших ядерных ракет. У нас было много научно-исследовательских институтов, которые наполовину, а то и на две трети занимались оборонными делами. Так что у КГБ была работа. Но делали свое дело, не вызывая ненависти.

При Андропове в центре даже присматривались к нашему начальнику управления: что-то никаких особых дел нет в Томской области. Однажды на совещании в Москве его даже покритиковали. Он приехал расстроенный:

— Вот видите, как у нас по-старому еще рассуждают: раз дел нет, значит, и работы нет.

Я ему говорю:

— Так ты гордись! Это лучше, если дел нет. А раз пошли дела, значит, мы где-то проворонили, кого-то придется посадить.

Аппарат управления госбезопасности был небольшой, но очень квалифицированный. Были, конечно, и срывы — живые люди. Увлекались бутылкой, женщинами, но редко.

— Начальник областного управления, он к вам приходил, докладывал обстановку? Что он вам рассказывал?

— Докладывал постоянно. Рассказывал о настроениях в коллективах, работающих над секретной, военной тематикой. Настроения людей в смысле быта, работы, порядка на предприятиях — это важная информация, мы из нее извлекали пользу. Бывало, не всегда люди в открытую могли говорить, а сотрудники КГБ, имея агентуру — без нее работать невозможно — знали эти настроения. Это нам помогало, мы могли не доводить дело до конфликтов.

— Вы знали, что делается у вас на секретных заводах и в институтах?

— Знал. Я, как первый секретарь, имел доступ повсюду, во все самые секретные институты, куда не всех работников обкома пускали — только первого и второго секретарей.

— Бывало ли, что к вам приходил начальник управления и говорил: вот у вас первый секретарь райкома пьет? Или вы и без него все знали?

— Без него знали. У нас был трезвый образ жизни. Наверное, потому, что Лигачев этого не терпел. Почему я был против пьянства? Чистосердечно вам скажу: не потому что, как обо мне писали, я из религиозной семьи. Чепуху всякую городили. Я знал, что те, кто пьет, они обычно за столом, за бутылкой решают кадровые вопросы. Представляете, какие решения они принимают? Тот, кто пьет, обязательно принимает подношения от подчиненных, потому что на пьянки деньги надо иметь...

— А вы твердо знали, что ваш начальник управления про вас в Москву не сообщал?

— Я думаю, нет, потому что меня не вызывали. Я никогда не ощущал, что есть какая-то информация обо мне. Наверное, мне бы сказали. Да и информировать-то не о чем было...

Николай Егорычев:

— Я был членом ЦК, членом президиума Верховного Совета СССР, но меня безбожно подслушивали — все мои телефоны. Послом отправили, тоже слушали.

Егорычев — уже в роли посла — приезжал из Дании в Москву, сидел на телефон, надо было поговорить по делам службы. Но разговаривать было невозможно: на линии треск, слушают. Тогда он возмущался, говорил:

— Вы меня слушаете? Это ваше дело. Но не мешайте работать! Сразу все прекращалось, тишина в трубке.

— Или сижу вечером, в горкоме еще, в своем кабинете, — вспоминает Егорычев. — Уже поздно, никого нет, тихо, спокойно, можно поработать... Слышу в одном углу у меня зуммер. Потом в другом углу... У моего стола. Мне кажется, это ребята из госбезопасности — им тоже не хотелось заниматься этими делами — мне подавали сигнал, показывали, где «жучки» стоят.

Утром прихожу в горком, секретарша говорит:

— Николай Григорьевич, сегодня у вас проверяли связь.

Это значит, новые «жучки» ставили.

Когда меня освобождали от должности первого секретаря, за мной нагло ходил «хвост». Я еду в гости к сестре в Тушино, там меня поджидают. Поднимаю руку. Останавливается машина, в ней два человека:

— Садитесь, Николай Григорьевич!

Откуда они меня знают?..

Я когда уехал послом, знал, что в покое не оставят. Был такой эпизод. На Седьмое ноября и на Первое мая я старших дипломатов приглашал к себе в резиденцию пообедать. Обедали, потом музыку включили, ребята решили потанцевать. И мне жена консула на ухо говорит:

— Будьте осторожны в этой комнате. Вас здесь слушают.

Я отлично понял, что это она меня не сама решила предупредить, а ее муж из контрразведки — он был парень добрый, хороший — попытался меня предостеречь.

Эта служба имела в каждом посольстве. Задача у нее следить, чтобы не было беды. Но беда все-таки случилась. В нашем посольстве был известный Олег Гордиевский, разведчик, который, как потом выяснилось, работал на англичан. Интересно, что Гордиевский старался работать хорошо. Изучал Данию, знал ее. Он вообще неглупый человек. Но у меня к нему все время было недоверие. Полковник Михаил Петрович Любимов, который стал потом резидентом, пишет, что в посольстве только посол не доверял Гордиевскому. То есть там, где надо быть внимательным, они не сумели разобраться...

— На вас давило то, что за вами следили?

— Абсолютно нет. Давит тогда, когда человек чувствует какую-то вину. Я за собой вины никогда не чувствовал. Работал честно...

Генерал Виктор Валентинович Иваненко руководил городским отделом КГБ в Нижневартовске, потом был заместителем начальника областного управления в Тюмени. Я спросил его:

— Как у вас складывались отношения с первым секретарем?

— Первый секретарь был для меня политическим руководителем. Я должен был докладывать ему обо всех происшествиях, о наиболее интересных результатах работы, о проблемах. Я был в роли подчиненного. Никаких указаний следить за ним, естественно, не было. Сбором информации о партийно-советской элите нам было запрещено заниматься. В партийных органах имела своя «контрразведка» — орготделы, которые следили за партийной моралью.

Конечно, каждый руководитель чекистского аппарата, городско-го, районного, стремился к установлению каких-то неформальных отношений с первым секретарем. Как правило, первые секретари охотно приближали к себе чекистов: мало ли чего они настучат...

Практиковались совместные поездки. Обычно первый секретарь брал с собой начальника милиции, прокурора, начальника КГБ, и в таком составе ехали. Выступали перед народом, потом могли и поохотиться — все это укрепляло личные отношения. Были редкие исключения, когда возникали острые конфликты между руководителями органов КГБ и партийными секретарями.

— В в чью пользу они решались?

— Чаще в пользу первых секретарей. На моей памяти был только один случай, когда принципиальный чекист сумел доказать свою правоту и добился снятия первого секретаря горкома. Чекист получил информацию, что хозяин города обложил поборами секретарей парткомов. Ему приходилось принимать гостей, надо было их угощать, а партийной кассой эти расходы не предусмотрены, поэтому секретари городских организаций приносили ему в «дипломате» неподотчетные деньги. Этот конфликт закончился победой сотрудника КГБ.

Это был исключительный случай. Во всех приказах говорилось, что «не подлежат проверке руководители партийных и советских органов, прокуроры, судьи». Неприкасаемые.

Нам категорически запрещалось работать с представителями партийных органов и тем более партийными лидерами других стран. Но по особому указанию, согласованному с Брежневым, Тюменскому управлению КГБ было поручено работать с первым секретарем ЦК Компартии Греции Захариадисом, который под фамилией Николаев находился в политической ссылке в городе Сургуте. И по этому делу не один выговор и не одна благодарность получены, в том числе мной...

Я спросил Егора Кузьмича Лигачева:

— У вас было ощущение, что за вами присматривают, что ваш телефон прослушивается?

— Не думал я об этом, честно скажу. Но мне говорили, что вас, Егор Кузьмич, прослушивают. Но у меня характер, что ли, такой, я не считался с этим. И на квартире, знаю наверняка, тоже прослушивали, потому что, когда власть поменялась, какую-то аппаратуру демонтировали. Наверное, прослушивали, система была такая.

— А это как-нибудь влияло на вас?

— Нет, абсолютно.

— Ну а если хотели о чем-то личном поговорить, зная, что телефон прослушивается, то что делали?

— А ничего. Никаких личных разговоров у меня не было. Сплетнями я не занимался...

А что думали руководители местных органов КГБ об отношениях с партийными органами?

Генерал Валерий Воротников:

— Есть формальные отношения и человеческие. Бывало, что по службе я должен пойти к первому секретарю и доложить ему важную информацию. Но я о нем столько всякого знаю, что докладывать ему не стану. Такое тоже бывало. Объективно нам не рекомендовали собирать информацию, касающуюся партийного руководства. Но такая информация все равно к нам попадала, таить ее мы не имели права. Мы ее сообщали в центр, и она возвращалась бумерангом.

Возникли ситуации, когда первый секретарь райкома приезжает к начальнику областного управления и просит: «Поменяйте мне начальника райотдела. У меня не складываются отношения». Бывало и наоборот, когда руководитель местного отдела просил переместить его куда-нибудь, потому что у него не складываются отношения. Но это скорее исключения.

А мелкую информацию мы старались и не вытаскивать на свет Божий. Когда кто-то от чрезмерного усердия и вытаскивал ее наверх, она там воспринималась соответственно.

Был случай. Поехал один партийный работник за границу, там расслабился, допустил какие-то вольности. В составе группы был «источник». Когда вернулись, он написал об этом. Руководитель, который компоновал информацию для обкома партии, включил в нее и это сообщение. Дошло до первого секретаря. Проверили. Оказалось, что у того партийного работника язва желудка, он вообще не пьет. Все дамы, которые входили в делегацию, написали в объяснительных записках, как он замечательно себя вел.

А потом, — продолжает генерал Воротников, — я был свидетелем неприятной сцены, когда руководитель партийной организации высказал начальнику управления КГБ, что он по этому поводу думает.

Если возникала необходимость сообщить о поведении партийного работника, то не по такому мелкому поводу. Доносы вызывали такую реакцию, что второй раз уже не хотелось этим заниматься.

— Но ведь на местах руководители были уверены, что вы обо всем докладываете в Москву.

— Мы их в этом не разуверяли. На то и кошка, чтобы мышки боялись. Может быть, они себя от этого лучше вели...

— А каким образом негативная информация о крупных партийных чиновниках попадала к председателю КГБ и что он должен был сделать в таком случае? — Я спрашивал об этом бывшего председателя КГБ Владимира Ефимовича Семичастного. — Если вам начальник областного управления сообщал, что первый секретарь пьет или завел себе другую женщину, ведет себя недостойно и так далее, как вы поступали?

— Такие вещи на бумаге не писали и даже моим заместителям не докладывали. Это обсуждалось только во время личной встречи один на один. Начальник управления должен был получить у меня разрешение прибыть в Москву для разговора по специальному вопросу или, будучи в Москве, попроситься на личный прием, все рассказать и спросить мое мнение.

— И что же?

— Я брал на заметку и говорил: посмотри дополнительно, как это будет развиваться, и доложи мне. Или, если я был уверен в том, что дело очень серьезное, шел в ЦК к Брежневу или к секретарю по кадрам Ивану Васильевичу Капитонову: посмотрите, есть сигналы... Я приехал в одну страну, со мной пять генералов. Наш посол устраивает обед, а к концу обеда он под столом. Резидент докладывает, что посол уже и на приемах появляется в таком виде. Это же позорище! Я своим накрутил хвосты: почему молчали! Это же наносит вред взаимоотношениям с этой страной...

КГБ мог заниматься сколь угодно высокими лицами, только на проведение разработки руководящего работника надо было получить санкцию в ЦК.

Основываясь на оперативных данных КГБ, Андропов объявил борьбу с коррупцией.

«УЗБЕКСКОЕ ДЕЛО»

В один из дней осени 1983 года Андропов позвонил одному из своих выдвиженцев — новому руководителю отдела организационно-партийной работы ЦК Егору Кузьмичу Лигачеву:

— Не могли бы зайти?

— Конечно, Юрий Владимирович!

Егор Кузьмич в те годы не ходил, а бегал по цеховским лестницам, перепрыгивая через две ступеньки.

Андропов дал ему особое поручение, имевшее далеко идущие последствия.

Егор Лигачев рассказывал мне:

— Андропову стало известно, что в Узбекистане неладно. А еще до этого заведующий сектором Среднеазиатских республик несколько раз говорил: неладно у нас в Узбекистане. Сотрудники сектора принесли несколько сотен писем о злоупотреблениях. Страшные письма! Я их читал несколько вечеров. Трудно было заснуть после этого. Это был настоящий крик души.

В Москву из Узбекистана шли тысячи писем с жалобами на то, что у местных начальников невозможно добиться правды, что без взятки в республике ничего не делается.

Андропов спросил у Лигачева:

— Егор Кузьмич, вы не считаете нужным проявить какой-то интерес к Узбекистану? Я давно знаю, что там происходит. Так много писем, надо этим заняться.

Лигачев сразу откликнулся:

— Мы готовы немедленно подключиться.

Андропов неожиданно сказал:

— Вы знаете что сделайте: пригласите Рашидова и поговорите с ним.

Лигачев выразительно посмотрел на Андропова. Новый генеральный секретарь понял, что смущает Лигачева: Егор Кузьмич — всего лишь заведующий отделом ЦК, а первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов — кандидат в члены политбюро, то есть небожитель. Строгий порядок взаимоотношений в партийной иерархии не позволяет заведующему отделом приглашать к себе человека, входящего в политбюро.

Но Андропов успокоил Лигачева:

— А вы не стесняйтесь. Считайте это моим поручением. Рашидов в ближайшее время зайдет к вам.

Егор Кузьмич понял, что Рашидов, который был любимцем Брежнева, больше не в фаворе.

И действительно, вскоре Шараф Рашидович появился в здании ЦК. Ему сообщили, что с ним хотел бы поговорить новичок — Лигачев. Удивленный Рашидов пришел к Лигачеву. Вошел к нему в кабинет как хозяин — что это тут какой-то завотделом решил с ним побеседовать?

А Егор Кузьмич, отбросив дипломатию, с присущим ему напором и энергией стал говорить:

— В ЦК приходят письма о безобразиях в республике. Мы пересылаем письма в ЦК Узбекистана и получаем ответ из вашего аппарата, что жалобы не подтверждаются. Ни одна не подтвердилась! Трудно в это поверить, Шараф Рашидович.

Рашидов не ожидал такого разговора. Его лицо окаменело, и он со значением спросил:

— Вы с кем разговариваете?

Но напугать Лигачева было нельзя:

— Шараф Рашидович, дело серьезное. Я разговариваю с вами по личному поручению Юрия Владимировича.

Вот тогда Рашидов присел на предложенный ему стул и стал убеждать Лигачева:

— Егор Кузьмич, в этих письмах полно наветов. Мы должны защитить наших руководителей, чтобы они могли спокойно работать и давать стране хлопок.

Лигачев выслушал его недоверчиво и твердо сказал:

— Я буду предлагать Юрию Владимировичу направить в Узбекистан комиссию ЦК для проверки всех сигналов.

Рашидов в последний раз попытался его остановить:

— Но ведь сейчас идет уборка хлопка, комиссия помешает людям работать. Страна останется без хлопка.

— Хорошо, — не стал спорить Лигачев, — уберете хлопок, тогда комиссия и придет. Мы можем подождать.

Рашидов хотел оттянуть приезд комиссии в надежде найти какую-нибудь контригру, пустить в ход старые связи, чтобы избежать проверки. Ведь прежде это ему не раз удавалось.

Но с Андроповым у Рашидова личные контакты не получились. Андропов почти не ездил по стране и не имел удовольствия насладиться хваленым гостеприимством Рашидова. Как человек, страдавший множеством недугов, Юрий Владимирович был равнодушен к дарам южной природы, которыми руководитель Узбекистана щедро одаривал товарищей по политбюро.

— Не знаю, чем завершился разговор Андропова с Рашидовым, — вспоминал тогдашний помощник генерального секретаря Андрей Михайлович Александров-Агентов, — но я сам видел, как Рашидов вышел из его кабинета бледный как бумага.

Попытки Рашидова избежать появления в Ташкенте комиссии ЦК с особыми полномочиями не удалось. Увидев, что новый генеральный секретарь не благоволит к Рашидову, переменились и сотрудники аппарата. Шараф Рашидович понимал, что выводы комиссии будут губительными для его карьеры.

Но приезда комиссии Рашидов не дождался. Он умер 31 октября 1983 года. На следующий день все газеты сообщили о том, что «скоропостижно скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, член Президиума Верховного Совета СССР дважды Герой Социалистического Труда Рашидов Шараф Рашидович».

Большой, с фотографией некролог подписали — помимо членов политбюро — вся рашидовская гвардия, основные руководители Узбекистана. Пройдет совсем немного времени, и все они не только потеряют свои высокие кресла, но и окажутся за решеткой...

У многих тогда возникло подозрение, что Рашидов умер не своей смертью. Хозяина Узбекистана ждали крупные неприятности — минимум отставка, максимум тюрьма. Его преемник на посту первого секретаря ЦК будет арестован и сядет в тюрьму. «Узбекским делом» занимался главным образом КГБ.

Шараф Рашидович, став руководителем Узбекистана в марте 1959 года, сделал ставку на выращивание хлопка и каждый год увеличивал его поставки. Хлопок был невероятно нужен стране, особенно военной промышленности. Рашидов получил две Звезды Героя Социалистического Труда, десять орденов Ленина и даже Ленинскую премию — партийные руководители, собрав все ордена, какие было можно, уже не знали, чем себя еще порадовать.

Пока Рашидов давал стране хлопок, в Москве ему разрешали править республикой так, как он считает нужным.

Он создал прочную систему личной власти, пристроил на хорошие должности всех своих родственников. Только в аппарате республиканского ЦК работало четырнадцать родственников первого секретаря. Рашидов, по существу, восстановил в республике клановую систему, которая контролировала целые области.

Сила Рашидова состояла в умении поддерживать добрые отношения с максимально большим количеством высокопоставленных чиновников в Москве. Всех, кто приезжал в республику, старались хорошо принять и улагодворить.

С пустыми руками ни один ответственный работник из Узбекистана не уезжал. Особо нужным подарки везли круглый год. Даже весной доставляли дыни и виноград, которые всю зиму заботливо хранились в подвалах.

Бывший первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Филипп Бобков пишет, что Рашидов сделал члену политбюро Андрею Кириленко царский подарок — преподнес ему для жены и дочери шубы из уникального каракуля специальной выделки.

Когда в Ташкент прилетел заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Михайлович Чурбанов, встречать его на аэродром приехал сам Рашидов. Он стоял на летном поле, ждал гостя. Сразу привез брежневского зятя завтракать в гостиницу, потом повел к себе в ЦК, рассказывал о положении в республике, был любезен и внимателен.

Еще в 1980 году начальник следственной части Прокуратуры СССР Бутурлин был командирован в Узбекистан. Его группа выявила факты преступной практики тогдашнего руководства министерства внутренних дел республики, но Шараф Рашидов убрал московских гостей.

Первые же попытки разобраться, что происходит в Узбекистане, выявили картину тотального взяточничества в партийно-государственном аппарате.

За счет чего в Узбекистане устраивались пышные приемы и дарились дорогие подарки? Партийные секретари гуляли не на свою зарплату, и на представительские расходы им тоже ничего не полагалось. В бюджете республиканской компартии была расписана каждая копейка.

Партийное руководство обкладывало данью хозяйственных руководителей, брали и наличными, и борзыми шенками. Система

поборов была вертикальной — от республиканского ЦК до сельских райкомов. Нижестоящие тащили деньги вышестоящим. Вышестоящие брали, чтобы передать еще выше. Но и себя не забывали. В такой атмосфере должности, звания, ордена и даже Золотые Звезды Героя Советского Союза тоже превратились в товар — они продавались.

Но самая крупная афера вскрылась в хлопковой промышленности. Главной причиной возникновения «узбекского дела» стали приписки хлопка-сырца. В документах значились огромные цифры будто бы собранного, но в реальности не существующего хлопка-сырца. А если хлопка в реальности меньше, чем каждый год докладывало руководство республики, значит, обманули не кого-нибудь, а само государство. Это не взятки милицейским начальникам, это уже государственное преступление.

Как потом выяснилось, государству ежегодно «продавали» около 600 тысяч тонн несуществующего хлопка — таким образом из казны крали сотни миллионов рублей. На эти деньги узбекская элита вела сладкую жизнь и охотно делилась краденым с московскими начальниками.

Со смертью Рашидова этот обман в особо крупных размерах не прекратился.

Бывший начальник управления КГБ по Москве и Московской области генерал Алидин вспоминает, что в декабре 1983 года появились оперативные данные о том, что в Москву приехали два представителя хлопковых заводов из Узбекистана.

Они пытались договориться о поставке на хлопкоперерабатывающие предприятия столицы вагонов с большой недостачей хлопка. Тем, кто готов закрыть глаза на недостачу, предлагали большую взятку.

Гостей из солнечной республики в январе 1984 года арестовали. Они дали показания о том, что в Узбекистане сложилась «практика приписок к показателям выполнения государственного плана заготовок сырья». В Ташкент отправилась оперативно-следственная группа управления КГБ по Москве. Но дело быстро вышло за рамки компетенции Московского управления. Дело передали Прокуратуре Союза.

В Ташкенте пытались остановить расследование, спустить дело на тормозах. Но Рашидов уже был мертв, а его наследники не были столь талантливы в умении завоевывать друзей.

Председателю КГБ Чебрикову, вспоминает Алидин, позвонил новый первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Инамжон Усманходжаев и попросил передать дело для дальнейшего ведения республиканской прокуратуре.

Усманходжаев говорил о том, что приближается пятидесятилетие республики, и не хотелось бы накануне юбилея позорить республику. Но в КГБ рассудили так: если дело попадет в республиканскую прокуратуру, оно будет прекращено. Поэтому Алидин и начальник

следственного управления КГБ генерал-лейтенант Александр Волков написали записку с возражениями и предложили отправить дело в союзную прокуратуру, поскольку арестованы люди не только из Узбекистана, но и из России. Чебриков согласился со своими подчиненными и дело не отдал.

Лигачев на собрании аппарата ЦК называл факты, которые потрясли даже выдавших виды партийных функционеров. Он говорил о том, что у узбекских руководителей по несколько домов и машин, что многие построили себе настоящие особняки. А в Ташкенте полмиллиона жителей живут в землянках без водопровода и канализации.

Местные партийные руководители установили полуфеодальный режим, распоряжаясь крестьянами как рабами. Милиция и прокуратура на местах были ручными, все они были тесно связаны между собой.

Расследование в Узбекистане не знало себе равных по масштабам — следователи добрались до первого секретаря ЦК, до секретарей и зампредов Совета министров республики. Вся неприкасаемая элита, секретари обкомов и райкомов, министры, милицейские генералы — один за другим оказывались на жестком стуле перед следователем.

За первым арестом последовали другие, но узбекские чиновники сориентировались, держались упорно, имущество прятали у родственников. Кроме того, следственная группа действовала по-советски, не соблюдая Уголовно-процессуального кодекса, не заботясь о формальностях. В тот момент это не имело значения. Потом все даст о себе знать.

Борьба с коррупцией была поручена республиканскому аппарату КГБ, но эта система дала сбой. Во-первых, в республиканском комитете работали родственники узбекских партийных руководителей, в том числе самого Рашидова. Во-вторых, комитет не мог действовать против партийного руководства, которое держалось сплоченно, помогая друг другу.

Председатель республиканского комитета госбезопасности генерал Мелкумов был освобожден от должности и отправлен в представительство КГБ в Чехословакию. Его предшественник генерал Эдуард Нордман — в ГДР.

Эта операция потерпела неудачу. В Узбекистане КГБ натолкнулся на спаянное сопротивление целой республики. Посланных туда эмиссаров центра ловили на ошибках и глупостях.

«Узбекское дело», по существу, закончилось провалом.

Несомненно, что республиканская верхушка чуть ли не в полном составе была коррумпированной. Но следственная группа Гдяна—Иванова часто не утруждала себя поиском доказательств, полагая, что признания обвиняемого вполне достаточно. Да еще руководители следственной группы занялись политическими играми. Кончилось все это тем, что дело осталось нерасследованным,

преступники — ненаказанными, правда — невыясненной, а рашидовская система управления республикой — нетронутой.

В независимом Узбекистане ту кампанию борьбы с коррупцией в республике вспоминают с возмущением, а Шарафа Рашидовича Рашидова считают «выдающимся сыном узбекского народа».

КОРРЕСПОНДЕНТ ПОД «КРЫШЕЙ»

Эра Горбачева началась с неприятного инцидента. В ответ на арест советского разведчика председатель КГБ Чебриков санкционировал задержание в Москве американского корреспондента Николаса Данилоффа.

Человек русского происхождения, он относился к России с глубочайшим и искренним интересом, пытался проследить интересную историю своих предков. Он не работал на американскую разведку, и на Лубянке это знали. Разразился скандал, который рисовал новое советское руководство не в лучшем свете.

КГБ убедил Горбачева, что журналиста надо арестовать, поскольку такова обычная практика — око за око, и Михаил Сергеевич согласился. Потом он, видимо, понял, что совершил ошибку.

Советские контрразведчики не верили, что американские редакторы перестали предоставлять «крышу» разведчикам. Не верили потому, что большая часть советских корреспондентов за границей были сотрудниками КГБ и в меньшей степени ГРУ.

В больших зарубежных корпунктах ТАСС и АПН им полагалось фиксированное количество мест. Что касается телевидения и радио, то здесь КГБ доставалось место или второго корреспондента, или оператора. А газетные корреспонденты — за исключением «Правды» — по большей части были разведчиками.

В журнале «Новое время» в 70—80-е годы, когда я там работал, всякий сотрудник, начиная с машинистки, знал, что из дюжины корпунктов, кажется, только два принадлежали собственно журналу. Один из них потом тоже передали КГБ.

И открывались новые корпункты тоже в зависимости от нужд комитета госбезопасности. Главный редактор писал секретную бумагу в ЦК КПСС такого содержания: просим открыть корпункт в такой-то стране, и приписывал «с КГБ СССР (в скобочках ставилась фамилия зампреда) согласовано».

Среди разведчиков были очень талантливые люди, которые прекрасно и с интересом писали. После 1991 года кое-кто из них с охотой покинул комитет и занялся журналистикой. Но были люди, не способные написать и короткой заметки. И я думал: как же они выполняют свою основную работу, если не в состоянии сформулировать свои мысли на бумаге?

Даже если «корреспондент» не присылал в редакцию ни строчки, жаловаться никто не пытался. Знаю только одного редактора

газеты, который позвонил заместителю председателя КГБ по кадрам и твердо сказал, что присланный ему разведчик по деловым качествам никуда не годится и провалит дело, потому что не справился с газетной работой.

К редактору примчался испуганный генерал, заместитель начальника разведки по кадрам, и выложил ему на стол пачку объективов:

— Выберите, кто вам по душе.

Редактор благоразумно отказался листать дела разведчиков, но попросил прислать человека, способного писать, что и было сделано...

А Николаса Данилоффа все-таки пришлось освободить, чтобы не мешать первым попыткам Советского Союза и Соединенных Штатов ослабить напряженность в своих отношениях и несколько сблизиться.

Генерал Вадим Кирпиченко пишет, что, став председателем КГБ во время перестройки, Чебриков потерял уверенность, из прежнего спокойного человека превратился в раздраженного и вспыльчивого. Освоить разведывательную информацию не мог, не в состоянии был и осмыслить международную обстановку.

Я спросил Егора Кузьмича Лигачева, какое впечатление производил Чебриков на товарищей по политбюро. Говорят, что председатель КГБ выглядел угрюмым, мрачным человеком. Это соответствует действительности?

— Ну что поделаешь, характер такой. Он был немного замкнутый, на первый взгляд несколько суровый, но спокойный, надежный человек, и мы все ему верили. Он в рот Горбачеву не смотрел. Он один из немногих, кто мог и возразить с должным тактом, попытаться убедить и провести свою линию.

— А к вам председатель КГБ заходил? Или только к генеральному секретарю?

— Я даже у них в КГБ был однажды по какому-то поводу. Но и он заходил получить поддержку по тому или иному поводу, проинформировать. А вообще-то в этих спецорганах у меня особой потребности не было. Они выходили на первого человека — такой порядок был.

— Материалы о положении в стране они вам давали?

— Безусловно. Мы получали информацию по одному и тому же вопросу от разных ведомств — от КГБ, ГРУ, МИД, ТАСС. Недостатка в информации не было. У нас была возможность сравнить, сопоставить. У меня обычно полтора-два часа уходило на изучение документов. Но было много такой информации, что невооруженным взглядом видно: хотят ублажить первое лицо или первых лиц, а не дать достоверную информацию.

— Когда вы сравнивали информацию КГБ с тем, что знали сами, какое у вас было впечатление? В органах лучше понимали, что происходит в стране?

— Нет, нового они ничего не открывали. Хотя бывали аналитические справки. Скажем, по ситуации с преступностью. Достаточно грамотные, квалифицированные документы получались.

— А генеральному давали значительно больше информации?

— Думаю, да. Хотя какой именно, я не знаю. Я не вмешивался в это дело. Ну, он получал информацию о деятельности отдельных посольств. Зачем мне это? А ему нужно: международный отдел напрямую на него выходил.

— А когда вы в период отпуска генерального секретаря его замещали, вы получали эту информацию? Или она все равно ему шла?

— Ему шла. Я не получал. Дороги расходятся...

В стране полным ходом шла перестройка, рушились все идеологические догмы, и в этот момент, в сентябре 1987 года, председатель КГБ Чебриков выступил с большим докладом на торжественном собрании, посвященном 110-летию со дня рождения Феликса Дзержинского. Что же он говорил?

«Одним из главных объектов подрывной деятельности спецслужб империалистических государств остается морально-политический потенциал нашего общества, мировоззрение советского человека...

Специальные службы империализма пытаются нащупать новые лазейки для проникновения в наше общество, оказывают целенаправленное и дифференцированное воздействие на различные группы населения СССР с целью навязать советским людям буржуазное понимание демократии, вывести процесс повышения социально-политической активности трудящихся из-под влияния партии, расколоть монолитное единство партии и народа, насадить политический и идеологический плюрализм...

Под прицелом империалистических спецслужб находятся все слои населения нашей страны... Наши противники пытаются столкнуть отдельных представителей художественной интеллигенции на позиции критиканства, демагогии и нигилизма, очернения некоторых этапов исторического развития нашего общества...»

Чебриков словно повторял старую, сохранившуюся от Андропова речь, которую в его секретариате чуть обновили и подредактировали. Его путь явно расходился с горбачевским, и это становилось очевидным.

На одном заседании политбюро вдруг зашел разговор о том, что телевидение и пресса идут «не туда». Чебриков охотно поддержал тему.

Вот отрывок из стенограммы.

«Ч е б р и к о в. Сейчас по телевидению есть одна очень популярная передача — «Двенадцатый этаж». В ней идет перепалка между молодежью и старшими поколениями. Причем, как правило, старшее поколение выглядит довольно бледно, не может дать соответствующего отпора вызывающе ведущим себя молодым интеллектуалам.

Р ы ж к о в. На мой взгляд, это опасная передача.

Чебриков. Таким вещам надо давать отпор. Я не за то, чтобы писались оды в честь прошлого или настоящего, но если мы выпустим из-под контроля литературный процесс, то получится, что за 70 лет Советской власти у нас не было ни одного светлого дня...»

Тогдашний секретарь ЦК Вадим Андреевич Медведев пишет, что выступления Чебрикова были выдержаны в обычном для руководителя КГБ стиле, который впоследствии унаследовал и Крючков, — говорить о внутренних проблемах страны через критику «замыслов нашего идеологического противника».

Член политбюро Александр Яковлев вспоминает, что в те годы он много спорил с Чебриковым: «Чебриков — спокойный, рассудительный человек, фронтовик, не очень речист, но говорил всегда по делу. Отношения у меня с ним были сложные. В личном плане — уважительные, но в характеристике диссидентского движения, его мотивов и действий мы расходились».

Горбачев попросил их объясниться. Яковлев и Чебриков встретились на конспиративной квартире КГБ и сидели до четырех утра. Яковлев говорил, что надо прекратить политические преследования — иначе демократические преобразования невозможны. Чебриков напирал на то, что есть люди, получающие от иностранных спецслужб деньги на антисоветскую деятельность.

«Из его рассуждений, — пишет Яковлев, — я уловил, хотя Виктор Михайлович и не называл фамилий, что немало людей из агентуры КГБ внедрено в демократическое движение. Единственное, что я узнал в конкретном плане, так это историю создания общества «Память» и задачи, которые ставились перед этим обществом...»

Происки врага Чебриков видел во всем.

После аварии в Чернобыле он отправил в ЦК записку:

«Правительства США, Англии и ФРГ выразили сочувствие в связи с аварией и предложили свою помощь в ликвидации ее последствий... Вместе с тем со стороны прежде всего США просматривается стремление использовать случившееся в пропагандистских целях. Американские СМИ подчеркивают, что авария на Чернобыльской АЭС является одной из крупнейших в истории атомной энергетики, что ее масштабы во много раз превышают ущерб от аварии на АЭС «Тримайлз айлэнд» в США в 1978 году, что заражены радиацией значительные площади зернопроизводящих районов Украины и бассейн реки Днепр.

На том основании, что наши реакторы, как правило, не защищены бетонными куполами, распространяется инсинуация, что советская атомная энергетика не учитывает последствий возможных аварий и опирается на низкую техническую базу. В западной пропаганде муссируются утверждения о якобы больших человеческих жертвах в результате аварии...

Комитетом государственной безопасности принимаются меры по контролю за поведением иностранных дипломатов и корреспондентов

тов, ограничению возможности сбора ими информации об аварии на ЧАЭС и срыву попыток использовать ее для раздувания антисоветской пропагандистской кампании на Западе».

Теперь, когда известны реальные масштабы чернобыльской трагедии и реальные данные о просчетах в создании реакторов этого типа, жутковато читать бодрячески-лживые записки такого рода. И это называется, КГБ снабжал руководство правдивой информацией?

Анатолий Сергеевич Черняев, бывший помощник генерального секретаря, вспоминает, как Чебриков позвонил Горбачеву с известием: Сахарова избрали в президиум Академии наук.

— Незрелая у нас академия, Михаил Сергеевич, — горестно сказал Чебриков.

Горбачев, пишет Черняев, издевался над его бдительностью. Издевался, но сохранял на высокой должности.

В сентябре 1988 года Чебриков дал большое интервью газете «Правда». В стране огромные перемены. Это, вообще говоря, уже другая страна. Понятно, что председатель КГБ мог не одобрять перемены, но он хотя бы должен был их замечать. По его словам это незаметно: «Зарубежные подрывные центры настойчиво пытаются внедрить в сознание советских людей мысль о том, что негативные явления в экономической и социальной жизни нашей страны вытекают якобы из самой сущности социалистического строя и что единственной возможностью добиться реального улучшения дел является отказ от сделанного нами исторического выбора, от социализма. Усиленно рекламируются ценности буржуазной демократии. К сожалению, находятся люди, которые, если можно так выразиться, «ключают» на эту наживку».

На вопрос корреспондентов о задачах КГБ, Чебриков отвечает так: «Усилия чекистов сосредоточены прежде всего на том, чтобы своевременно вскрывать и пресекать разведывательно-подрывную деятельность иностранных спецслужб, а также враждебные действия антисоветски, антисоциалистически настроенных лиц внутри страны, направленные на подрыв и ликвидацию существующего у нас строя».

После этого интервью не прошло и месяца, как Горбачев передвинул Чебрикова с поста председателя КГБ на уже менее значимый пост секретаря ЦК. Формальный указ президиума Верховного Совета был подписан 1 октября 1988 года.

Чебрикова поставили курировать административные и правоохранительные органы вместо Анатолия Ивановича Лукьянова, который перешел первым замом председателя в старый еще Верховный Совет СССР.

Виталий Иванович Воротников, тогда член политбюро, записал в дневник: «Я знал, что Горбачев был недоволен, что в свое время по линии МВД Федорчука, частично якобы и КГБ, шла проверка отдельных моментов его работы в Ставрополе. Горбачев с возмущением упоминал об этом. Как они могли? Значит, помнил...»

У Валерия Ивановича Болдина, бывшего помощника генерального секретаря, своя версия относительно несложившихся отношений Чебрикова и Горбачева.

По мнению Болдина, Чебриков после смерти Андропова, как послушный функционер, добросовестно служил Черненко и постоянно его информировал о расстановке сил в партии и обществе. Он звонил и Горбачеву, информировал и его, но делал это довольно поверхностно, боясь, как бы об этом не узнал Черненко. Неуверенность и сверхосторожность Чебрикова ему дорого обошлись впоследствии. После избрания Горбачев искал пути переместить его. Став секретарем ЦК, Чебриков не имел прежнего влияния и тихо угасал, лишенный связей и информации...

Егора Лигачева перевод Чебрикова в ЦК не удивил:

— Это Горбачев решил. Никаких особых объяснений не было. Надо было иметь в секретариате человека, который бы занимался вопросами административных органов, национальной политики. Достаточно был информированный, порядочный человек. Я просто поддержал. Я не видел причин не соглашаться.

Генерал Виктор Георгиевич Буданов, который в те годы руководил службой внутренней безопасности в управлении внешней контрразведки Первого главного управления КГБ, говорил:

— У Чебрикова я бывал не один раз в связи с тем, что он занимался вопросами безопасности разведки. Он меня принимал, я знакомил его с результатами работы. Чебриков мне вручал орден. Чебриков был более формальный человек, чем Андропов. Чебриков — это воспитанный ЦК истукан. Определенное выражение лица, лошность, шляпа с полями — образ профессионального сотрудника партийного аппарата.

— Но он понимал работу комитета?

— Да не надо быть профессионалом по этой части! Надо просто иметь хороших заместителей и тех, кто тебе докладывает и что-то рекомендует.

Почему все же Горбачев избавился от Чебрикова?

Первое время генеральный секретарь дорожил надежным и неамбициозным председателем КГБ, унаследованным от Андропова. Но потом увидел, что Чебриков не только внутренне сопротивляется духу перемен, но и не очень годится на эту роль. Молчаливый, строгий и немногословный Чебриков казался, наверное, человеком, который более всего боится сказать лишнего. Потом, видимо, выяснилось, что ему, возможно, просто нечего сказать.

Горбачеву был нужен человек с более широким кругозором, более гибкий и готовый ему помочь. Вот он и сменил Чебрикова на другого андроповского человека — Владимира Александровича Крючкова, о чем потом горько пожалеет.

30 сентября 1988 года на пленуме ЦК Горбачев произвел большие изменения в высшем руководстве. Отправил на пенсию Громыко, Соломенцева, Демичева, Добрынина. Поручил сельское хозяйство

Лигачеву и Никонову, международные дела — Александру Яковлеву, а идеологию — Вадиму Медведеву.

Чебриков возглавил комиссию ЦК по вопросам правовой политики, но на новой должности проработал недолго.

Ровно через год, 20 сентября 1989 года, на пленуме отправили на пенсию первого секретаря ЦК Компартии Украины Щербицкого, секретаря ЦК по сельскому хозяйству Виктора Петровича Никонова и Чебрикова.

Виталий Воротников пишет: «Я недоумевал, чем вызвана отставка Чебрикова. Спросил. Мы сидели рядом. Говорит: «Да знаешь, старые болячки фронтовые проявляются». И все. Потом я понял причину. Горбачев не забыл давних ставропольских проверок».

Но если это так, что мешало Михаилу Сергеевичу давно избавиться от неприятного ему главы госбезопасности?

Нового председателя КГБ Крючкова на этом же пленуме избрали членом политбюро. Чебриков вышел на пенсию, но не ушел на покой. Певец и депутат Государственной думы Иосиф Кобзон несколько лет назад с гордостью рассказывал, что его охраной руководит бывший председатель КГБ Чебриков.

Чебрикова люди знающие называли человеком недалеким. Но в разного рода политических играх он тем не менее не участвовал. Его сменщик Владимир Александрович Крючков с обидой пишет, что Чебриков подвел его.

Когда Крючков в 1993 году со страниц одной газеты обвинил академика Александра Николаевича Яковлева в том, что у него были недопустимые контакты с западными спецслужбами, а проще говоря, заявил, что того завербовали еще во время стажировки в США в 1960 году, Чебрикова как свидетеля тоже вызвали на допрос в генеральную прокуратуру.

Виктор Михайлович сказал, что ему на сей счет — до появления статьи Крючкова — ничего не было известно. Крючкова Виктор Чебриков не уважал.

Если бы Горбачев не сменил Чебрикова на Крючкова, августовских событий 1991-го, скорее всего, не произошло бы.

Виктор Михайлович Чебриков умер 1 июля 1999 года в возрасте семидесяти шести лет.

Часть шестая

ЭПОХА ГОРБАЧЕВА

Глава 17

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЮЧКОВ

Владимир Александрович Крючков родился в Царицыне в семье рабочего 29 февраля 1924 года, поэтому с днем рождения (в не високосный год) его поздравляли то 28 февраля, то 1 марта, кому как нравится.

На фронт будущий глава госбезопасности не попал, был нужнее в тылу. В 1941-м Крючков поступил разметчиком на завод № 221 наркомата обороны в Сталинграде — рабочие военных предприятий мобилизации не подлежали. В дни ожесточенных боев эвакуировался в Горький — на завод № 92.

В 1943-м Крючкова вернули в Сталинград, но он быстро перешел на освобожденную комсомольскую работу: его утвердили комсоргом ЦК ВЛКСМ Особой строительно-монтажной части № 25, а в 1944-м он уже первый секретарь Баррикадного райкома комсомола в Сталинграде.

В 1946 году Крючкова сделали вторым секретарем Сталинградского горкома комсомола. Школу рабочей молодежи он окончил, уже будучи секретарем райкома.

Из комсомола Крючкова взяли в районную прокуратуру. Отсутствие не только юридических знаний, но и вообще высшего образования не помешало. Но Владимир Александрович сразу поступил учиться — правда, заочно. Год он проработал следователем, и еще четыре — прокурором. В 1949 году, занимая должность прокурора Кировского района Сталинграда, он окончил Всесоюзный юридический заочный институт.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

В 1951 году по направлению Сталинградского обкома партии — тут сыграло роль его комсомольское прошлое — Крючков был отправлен в Москву учиться в Высшей дипломатической школе. Это

была высокая честь и возможность начать новую жизнь, поехать за границу.

Высшую дипломатическую школу открыли для того, чтобы готовить дипломатов не из зеленой молодежи, вчерашних школьников, а из людей с опытом, в основном вчерашних партийных работников.

Владимир Александрович с удовольствием вспоминал, как его принимали в Высшую дипломатическую школу в старом здании министерства иностранных дел на Кузнецком мосту — рядом с памятником Воровскому и с будущим новым зданием КГБ, в котором он будет работать в роли председателя.

Из всего потока один Крючков рискнул взяться за изучение очень непростого венгерского языка. Повсюду носил с собой карточки со словами, которые следовало запомнить. Выучить венгерский язык — значит проявить характер, усидчивость и упорство. Всего этого Крючкову было не занимать.

В 1954 году выпускника Высшей дипломатической школы Владимира Александровича Крюčkова приняли на работу в МИД — третьим секретарем IV европейского отдела.

Его старшего коллеги по прокурорскому прошлому Андрея Янурьевича Вышинского в министерстве уже не было. Министром вновь назначили Вячеслава Михайловича Молотова. После смерти Сталина Молотов получил назад министерский портфель вместе с порядочной порцией критики. Товарищи по президиуму ЦК называли его безнадежным начетчиком.

В МИД собрали актив, и первый заместитель министра Андрей Андреевич Громыко критиковал своего начальника, который сидел в президиуме и покорно слушал. Докладчику все аплодировали, захопал и сам Молотов, который всегда соблюдал партийную дисциплину. Молотов пытался исправиться, смягчить линию, не быть таким грубым и резким.

Крючков вспоминал, что атмосфера в министерстве менялась. Нормальным стал рабочий день. Люди чувствовали себя раскованнее, в глазах появился блеск. Но сами дипломаты все еще были низведены до положения простых клерков, от которых ничего не зависит. Им поручали только мелкие дела.

В конце лета 1955 года молодой дипломат Крючков отправился в Будапешт. Он получил назначение в советское посольство третьим секретарем. Послом был молодой партийный работник Юрий Владимирович Андропов — счастливый случай для Крюčkова. Дальше они шли по жизни вместе до самой смерти Андропова.

Пока они будут работать в Венгрии, в Москве сменятся два министра иностранных дел. Летом 1956 года Молотова уберут из МИД, в кабинете министра появится Дмитрий Трофимович Шепилов, обаятельный человек, абсолютно непохожий на своих предшественников. Он единственный министр, который ни разу ни на кого не накричал, с уважением относился к работе дипломатов, не придирался к своим подчиненным.

Но этот благоприятный климат в советском посольстве в Венгрии почувствовать не успели, потому что там началось восстание. А когда Крючков вернулся в Москву, место Шепилова в МИД уже занял Андрей Андреевич Громыко.

Венгерское восстание навсегда запомнилось Крючкову, как и Андропову. Крючков писал об этом в своей книге «Личное дело»: посольство оказалось в осаде, каждая попытка выйти из здания была сопряжена с опасностью. Он вспоминал бессонные ночи, выходы для сбора информации на обезлюдевшие улицы, тайные встречи с верными венгерскими товарищами, порой при весьма небезопасных обстоятельствах...

По мнению Крюčkова, причиной всех бед была нерешительность венгерских руководителей, да еще Анастас Микоян совершил ошибку: вытащил на политическую арену Имре Надя — «роковую фигуру»... Крючков и через много десятилетий после подавления венгерского восстания танками был уверен, что все было сделано правильно.

За работу в боевых условиях, по представлению посла, Крючков получил орден Трудового Красного Знамени. Андропов уехал в Москву в 1957 году. А Крючков остался в посольстве. Но Юрий Владимирович не забыл подающего надежды сотрудника.

Через два года он, освоившись и пустив корни на Старой площади, пригласил Крюčkова к себе: ему было приготовлено место референта в секторе Венгрии и Румынии отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Переход из МИД в ЦК был неплохим началом для карьеры. Но еще никто не подозревал, насколько блистательной будет эта карьера.

Крючков проработал с Андроповым больше четверти века, и Юрий Владимирович в нем не разочаровался. Андропов нуждался в разных людях. Но на примере Чебрикова и Крюčkова можно попытаться понять, какие качества он ценил более всего. Общим у Крюčkова и Чебрикова были исполнительность и преданность. В окружение Андропова входили более сильные фигуры, более яркие интеллектуалы. Но на первые роли он выдвигал именно Чебрикова и Крюčkова.

В 1963 году Крючков стал заведующим сектором, а в 1965-м поднялся еще на одну ступеньку и, наконец, занял ту должность, к которой он более всего был расположен, — стал помощником секретаря ЦК Андропова.

Уходя со Старой площади на Лубянку, Андропов забрал с собой свой личный аппарат. Крючков сначала получил прежнюю должность помощника, но в том же, 1967 году стал начальником секретариата председателя КГБ.

Его кабинет находился прямо напротив председательского, приемная у них была общая. Крючков всегда был под рукой, готовый

дать справку, напомнить, выполнить любое указание, проследить за движением бумаг, старательный, надежный, услужливый и безотказный исполнитель.

В КГБ Владимир Александрович Крючков проработал 24 года и 3 месяца. Из органов госбезопасности, между прочим, Крючкова уволили не после августовского путча 1991-го, когда его сняли с должности председателя КГБ и арестовали, а 4 октября 1994 года.

НЕУДАЧНОЕ НАЧАЛО

Летом 1971 года Андропов перевел Крючкова в разведку первым заместителем начальника Первого главного управления. Это был переход на большую самостоятельную работу, шаг к еще большим должностям. Но переходить в разведку Крючкову было трудно. Он вспоминал, как ему было «не по себе от мысли, что работать придется на некотором удалении» от Андропова. Крючков боготворил начальника, знал наизусть его стихи.

К тому времени они трудились вместе семнадцать лет. Крючков привык к роли первого помощника, а тут предстояло самому принимать решения. Но Владимир Александрович нашел выход. Его сотрудники быстро заметили, что он по каждой мелочи советовался с Андроповым. Крючков по характеру, образу мышления и поведению так и остался помощником.

Тогдашнего начальника разведки Александра Михайловича Сахаровского, опытного профессионала, руководство комитета хотело поменять на более молодого человека. Семичастный прочил на эту должность Леонида Митрофановича Замятина, в то время работавшего в министерстве иностранных дел (потом он стал генеральным директором ТАСС, заведующим отделом ЦК). Семичастный даже обговорил это назначение с Брежневым, и Замятина кое-кто из членов политбюро успел поздравить с новым креслом.

Но Семичастного поменяли на Андропова, и вопрос о смене начальника разведки отложили на несколько лет.

Начало службы Крючкова в разведке совпало с печальными для КГБ событиями. Едва он перебрался в новый кабинет, теперь уже страшно далекий от андроповского (разведка переехала из здания на Лубянке в только что отстроенный комплекс в Ясеневе на юго-западе Москвы), как в Англии произошел невиданный провал.

В первых числах сентября 1971 года к англичанам ушел офицер лондонской резидентуры советской разведки Олег Лялин. Это стало для англичан желанным поводом. Они давно выражали неудовольствие раздутыми штатами советских представительств в Лондоне.

Советских дипломатов в Англии было много больше, чем английских в Москве. Англичане справедливо подозревали, что настоящих дипломатов среди них немного. И верно — резидентуры КГБ

и ГРУ, военной разведки, разрослись в немалой степени за счет людей, желавших пожить в прекрасном городе Лондоне.

Генерал Виктор Георгиевич Буданов в 1971 году находился в Лондоне в своей первой заграникомандировке. Он рассказал:

— После перехода Лялина на их сторону мы знали: что-то последует, но никогда не думали, что против нас будет предпринята акция таких масштабов. В истории разведки такого не было. А меня отправили из Англии еще до официального объявления о высылке.

— Вы работали непосредственно с Лялиным?

— Не в этом дело. Беда состояла в том, что Лялин знал больше, чем хотелось бы, о моей работе. А работа у меня шла интересная. Не зря англичане меня и по сей день к себе не пускают...

— И вы взяли и уехали?

— Не я уехал, а меня отправили наши товарищи. Третьего сентября исчез Лялин. А одиннадцатого сентября я уплыл на теплоходе «Эстония». Погода была штормовая.

— А вы чувствовали особый интерес со стороны англичан? За вами следили больше обычного?

— Меня без внимания не оставляли. Бывали случаи, когда в слежке участвовали одновременно до девяти машин британской контрразведки, и мы имели возможность выявить все девять. Я работал в посольстве, но у меня не было дипломатического прикрытия, потому что в 1969 году англичане уже ограничили наш дипломатический состав, и я поехал не с дипломатическим, а со служебным паспортом. Так что был уязвим для местной контрразведки.

— Лялин занимал крупный пост в резидентуре?

— Он был рядовым оперативным сотрудником, официально работал в торгпредстве старшим инженером. Но так сложилось, что он знал об одной моей важной связи, которая довольно успешно разрабатывалась нами...

— А что послужило поводом для его ухода к англичанам?

— Позднее, когда я занялся вопросами безопасности разведки, мы работали над портретом потенциального перебежчика из нашей среды, используя и информацию, которой у нас, к сожалению, было уже очень много по этой части.

Лялин, в отличие, скажем, от Гордиевского, не был сложившимся агентом. Он был очень импульсивным человеком, много пил. А когда человек постоянно пьет, вся психическая структура подвергается изменениям. Ему свойственны неадекватная реакция, повышенная возбудимость.

Лялина задержала британская полиция за нарушение правил уличного движения. Думаю, что это был предлог. Если речь идет о сотруднике иностранного посольства, такие задержания редко происходят без участия контрразведки. Или же контрразведчики тут же ставятся в известность и подключаются.

Английская контрразведка могла знать — да наверняка знала! — о его романе с сотрудницей торгпредства, замужней женщиной...

Они его задержали и поговорили с ним, я думаю, основательно. Такие разговоры строятся по обычной схеме. Вот мы знаем, что у тебя роман на стороне. Если об этом станет известно, тебя вернут домой, уволят из КГБ, выбросят на улицу, вся карьера рухнет...

Не думаю, что он сразу принял решение. Скорее он обещал подумать. Его продержали в полиции до утра. Если бы он решился, его бы сразу отпустили. Потому что время имеет значение: нельзя, чтобы агент выпал из поля зрения своей службы, чтобы его начали искать сотрудники резидентуры.

А его продержали до утра. За ним ездил наш консул, забрал его, привез в посольство. Как назло, не оказалось на месте руководителя резидентуры человека, которого Лялин уважал. А его заместитель к нему относился предвзято — бывает, не сошлись люди характерами. Это был явно тот случай.

И заместитель резидента сказал ему то, о чем Лялина предупреждали англичане: «Ты такой-сякой, тебе здесь делать нечего, собирай вещи, в двадцать четыре часа мы тебя вернем на родину». Это было как раз то, чего делать нельзя. Даже если человек попадает в беду, даже если он оказывается на крючке, надо отнестись к нему по-человечески. Моя работа показала, что в таких ситуациях нужно больше доверия, это оправдывает себя. А после такого разговора Лялин принял окончательное решение — ах так! И ушел...

Англичане выслали из страны сто пять советских граждан. Лялин выдал всех, и резидентуру пришлось формировать заново. Англичане ввели квоты на советских работников, и направить в Лондон столько же людей, сколько там было, не удалось. Вслед за англичанами выслали большую группу разведчиков французы, а потом и некоторые другие страны.

Вины Крючкова в провале не было. Напротив, эта история открыла ему путь к креслу руководителя разведки. Генерала Сахаровского раньше времени отправили на пенсию. Начальником Первого главного управления назначили Федора Константиновича Мортина, который пришел из аппарата ЦК КПСС, но стало ясно, что это промежуточное решение.

Крючков пробыл заместителем три года — столько ему понадобилось для того, чтобы освоиться и разобраться в новом деле. А история с массовой высылкой из Англии помогла ему понять, какой ущерб его ведомству и ему лично может нанести всего один перебежчик.

ОТКРЫЛ ДИПЛОМАТ ГАЗЕТУ...

Такие массовые высылки случались и позднее. В апреле 1983 года из Франции по обвинению в шпионской деятельности в одночасье были выдворены почти полсотни советских дипломатов. Акцию одобрил тогдашний президент Франции Франсуа Миттеран. Говорят,

что он даже сам отобрал сорок семь фамилий из сотни «кандидатур», представленных ему контрразведкой.

От ответной акции Москва воздержалась. Удар был сильным, но портить особые отношения с Францией не хотелось. Когда речь шла о других странах, советские руководители не были столь снисходительны.

В 1976 году, открыв очередной номер популярной тогда «Литературной газеты», молодой пресс-атташе посольства ФРГ в СССР Эберхард Хайкен увидел свое имя. Газета сообщала, что немецкий дипломат — разведчик, укрывшийся за дипломатической неприкосновенностью.

Но Эберхард Хайкен не работал на западногерманскую разведку! И в КГБ об этом знали: ни одно посольство не в состоянии сохранить в секрете, кто настоящий дипломат, а кто замаскированный шпион. Хайкен был принесен в жертву шпионско-дипломатической игре между Москвой и Бонном.

Западногерманское телевидение сняло тогда фильм «Московские шпионы» о советских дипломатах. О его предстоящем показе в Москве знали. Одного известного советского журналиста, германиста по образованию, КГБ попросил съездить в западногерманское посольство и уведомить посла от имени советского руководства, что появление фильма на телеэкранах будет истолковано как враждебный акт. Предупредить, что будут последствия.

Немало удивленный журналист сказал, что для исполнения столь деликатной миссии ему нужно письменное поручение. Он получил из КГБ неподписанный текст, в котором говорилось: «Вам поручается побывать в посольстве ФРГ в Москве и информировать посла...»

Журналист приехал в посольство поздно вечером. Бдительный милиционер у ворот, который в те времена, сверяясь с заранее составленным списком, проверял документы каждого, кто желал войти в посольство, на сей раз, ничего не спрашивая, мгновенно пропустил посетителя, проводив его любопытным взглядом.

Посол, знавший и высоко ценивший журналиста, выслушал его со вниманием. Сказал, что передаст его слова в Бонн. Но министерство иностранных дел ФРГ не властно над телевидением. Фильм был показан. КГБ захотел испугательной жертвы. Пресс-атташе Хайкен был объявлен шпионом.

Злая ирония судьбы состояла в том, что Хайкен почти что дружил с тем самым советским журналистом, которого просили воздействовать на немцев...

Почему выбор пал именно на Эберхарда Хайкена? Почему не назвали шпионом какого-то реального сотрудника Федеральной разведывательной службы, работавшего в то время в Москве?

Такова частая практика. Вопреки распространенному мнению, контрразведка редко обращается в МИД с просьбой выслать выявленного разведчика. Куда практичнее следить за ним, определять его методы работы, связи, пытаться с ним играть. Если уж принято

решение устроить небольшой публичный скандал, то на роль жертвы подбирают человека, не имеющего отношения к разведке.

Эберхард Хайкен в любом случае должен был вернуться в Бонн, потому что истек четырехлетний срок его командировки в Москву. Дата его отъезда была известна заранее. Вот его и выбрали в жертву. КГБ и МИД СССР даже не стали торопить немецкого пресс-атташе. А раз так, то у немцев не было оснований делать ответный шаг, высылать советского дипломата. Обмен ударами состоялся.

Но каково было самому Хайкену, по которому катком проехался мстительный КГБ?

Он хотел навсегда забыть о России, заняться чем-то другим. И все же заставил себя считать эту печальную историю несчастным случаем на производстве. Хайкен провел четыре года в немецком посольстве в Вашингтоне. И все-таки вернулся к российским делам. В 1989 году он вновь приехал работать в Москву. Его назначили полномочным министром немецкого посольства в Москве — это второй после посла человек. Визу ему дали сразу. О той истории никто и никогда не заикался. Впрочем, извиниться тоже желающих не нашлось.

Работа в Советском Союзе была привлекательной для немецкого дипломата даже в 70-х, рассказывал мне Хайкен, вспоминая первую командировку.

Хайкен одолевал правдинские передовицы и все выступления генерального секретаря ЦК КПСС, учась известному только советским гражданам искусству чтения между строк.

Дипломаты понимали, что им приходится судить о жизни огромной страны лишь по немногим доступным им фрагментам. Это было время расцвета кремленологии, науки полезной, по словам Эберхарда Хайкена, в качестве подсобного инструмента, но не дающей точного ответа, оставляющей постоянное ощущение неуверенности.

Избранное общество советских германистов собиралось в старом здании посольства на Большой Грузинской — привилегия, которой очень дорожили. И не только потому, что в посольстве славно угощали. Несколько часов можно было побыть в ином, нормальном мире. О традициях посольства свидетельствует памятник графу Фридриху Вернеру фон Шуленбургу, который, как гласит надпись, «отдал жизнь за честь немецкого народа». Последний предвоенный посол в Москве участвовал в заговоре против Гитлера и был казнен.

Хайкен никогда не знал, насколько откровенны его собеседники. Выполняют ли они чье-то поручение — донести до него определенные сведения — или же по собственной инициативе пытаются помочь ему понять, что же происходит на самом деле?

Пресс-атташе и будущий полномочный министр не подозревал, что некоторым посетителям посольства очень хотелось откровенно поговорить с немцами, только они боялись, что их подслушают. На

приемах советские германисты с подозрением смотрели не на иностранцев, а на своих: кто из коллег наступит завтра о слишком долгой и откровенной беседе с дипломатом? Более сведущие гости боялись аппаратуры КГБ, установленной в посольских помещениях...

А ГДЕ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ?

В последний день марта 1978 года в здание представительства СССР при Организации Объединенных Наций приехал заместитель генерального секретаря ООН Аркадий Николаевич Шевченко. Его пригласил к себе советский представитель Олег Александрович Трояновский и передал ему шифротелеграмму из Москвы. Шевченко срочно вызывали на родину.

Эта телеграмма повергла Шевченко в панику. Он вернулся к себе в здание ООН и позвонил своему связному — офицеру Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов. Шевченко ничего не сказал жене — оставил ей записку, которую она увидит утром. Он положил в портфель снимок дочери, фотографию своей жены вместе с женой министра иностранных дел Громыко и большое групповое фото с Брежневым.

Потом спустился по пожарной лестнице, перешел через улицу и сел в ожидавшую его машину. Его спрятали в доме, принадлежавшем ЦРУ.

Советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин и представитель в ООН Олег Трояновский потребовали от американцев устроить встречу с Шевченко. Они хотели убедиться, что он действительно попросил у американцев убежища, а не похищен спецслужбами. Но это был бесполезный разговор. Два посла уговаривали его передумать, а Шевченко повторял, что он решил остаться — и точка.

После побега Шевченко Андрей Громыко раздраженно сказал председателю КГБ Юрию Андропову, что помощников у него было много и он просто не помнит такого человека Шевченко.

Контрразведчики, которые обыскали московскую квартиру Шевченко, принесли Андропову фотографии, на которых министр иностранных дел был запечатлен вместе со своим беглым помощником в домашнем интерьере.

Но это не значит, что Шевченко был близок к министру. Он был близок к сыну министра Анатолию Громыко, будущему директору академического Института Африки.

Шевченко познакомился с младшим Громыко, когда учился в МГИМО. Они вместе написали статью. После чего Шевченко взяли на работу в МИД. Аркадий Шевченко быстро сделал карьеру, в 1969 году стал одним из помощников Громыко-старшего. А до побега в течение пяти лет занимал приятную и почетную должность заместителя генерального секретаря ООН по политическим вопросам.

Шевченко попросил убежища в США за год с лишним до того, как действительно совершил побег. Ему пообещали все организовать, но попросили пока что немного поработать на американское правительство, то есть на ЦРУ.

Что именно Шевченко мог передать американцам?

Инструкции из Москвы насчет того, какую позицию занимать в ООН. Какие-то информационные материалы, которые рассылались по загранпредставительствам. Мог передать разговоры с высокопоставленными гостями из Москвы. Назвать сотрудников резидентур КГБ и военной разведки — всех, кого знал.

К главным секретам он допущен не был.

Многие годы Аркадий Шевченко прожил в страхе. Работая на ЦРУ, он смертельно боялся, что сотрудники КГБ его заподозрят, силком посадят в самолет, привезут домой и расстреляют. Он был недалеко от истины: с ним так бы и поступили, но в Москве к заподозрившему неладное резиденту почему-то не прислушались.

Тогдашний резидент советской внешней разведки в Нью-Йорке генерал Юрий Иванович Дроздов, который затем стал начальником всей нелегальной разведки, уверял позднее, что он сразу почувствовал: в советской колонии в Нью-Йорке есть шпион.

Хотя скорее резидентура обратила внимание на разгульный образ жизни Шевченко. Так советские люди себя не ведут, решили бдительные чекисты.

На первый сигнал резидента из Нью-Йорка новый начальник разведки Владимир Крючков не обратил внимания и не дал санкцию организовать немедленное возвращение Шевченко домой.

После второго послания резидента — генерал Дроздов писал, что Шевченко запил, не общается с людьми, — было все-таки решено отозвать его в Москву. Но текст телеграммы составили так неумело, что заместитель генерального секретаря испугался и ушел к американцам.

Почему Шевченко убежал? Политические мотивы предположить трудно. Не тот он был человек. Скорее ему очень понравился образ жизни заместителя генерального секретаря ООН и связанные с этой должностью почёт, привилегии и комфорт. Не хотелось ему опять возвращаться в Москву.

Видимо, что-то разладилось и в его личной жизни. Ему было сорок семь лет. Мужчины после сорока часто переживают своего рода кризис. Американцы нашли ему женщину, профессионалку. Потом она написала мемуары, из которых следовало, что она была потрясена неопытностью советского дипломата. Она поражалась, как это можно было прожить целую жизнь и не подозревать о ее радостях.

Открывшиеся радости жизни помогли Шевченко адаптироваться в США. Но, судя по всему, особенно счастливой его жизнь в Америке назвать трудно...

«Я УБИЛ БЫ ЕГО СВОИМИ РУКАМИ»

Один из советских разведчиков бежал на Запад, можно сказать, у меня на глазах. В феврале 1979 года я, еще будучи студентом МГУ, поступил на работу в журнал «Новое время», а осенью бежал наш собственный корреспондент в Японии Станислав Александрович Левченко, он же майор внешней разведки.

Ходили разные слухи. Одни говорили, что он не поладил со своим начальником — заместителем резидента, который ел его поедом. Другие уверяли, что он после Японии не хотел возвращаться к советской жизни. Сам он уже в Америке написал книгу, изложив в ней сложные религиозные и идеологические мотивы своего побега.

Наше редакционное начальство таскали на Лубянку. Редакторов укоряли за то, что они не уследили, допустили такой прокол, хотя не они выбрали себе корреспондента и не они его посылали за границу. Как всегда в таких случаях, главному редактору позвонили из КГБ и сказали: к вам придет такой-то, оформляйте его корреспондентом в Токио.

Левченко не стал обращаться к японцам, зная, что они никому не дают политического убежища, а связался с американцами. Они его сразу вывезли из Японии. Он дал громкие показания, назвав имена видных японских политиков и ведущих журналистов, работавших на Советский Союз. Они не были шпионами, поскольку не владели государственными секретами. В политике и в прессе они проводили линию, благоприятную для Москвы. Иначе говоря, принадлежали к числу «агентов влияния», о которых потом будет говорить председатель КГБ Владимир Александрович Крючков.

Левченко утверждал, что советская разведка располагала в Японии двумястами агентами. Среди них был бывший член правительства, деятели социалистической партии, несколько членов парламента и специалисты по Китаю: от резидентуры в Токио требовали во что бы то ни стало помешать сближению Японии и Китая.

По словам Левченко, советские разведчики уговорили одного члена парламента организовать депутатскую ассоциацию дружбы с Верховным Советом СССР. Он получал деньги от КГБ на издание ежемесячного журнала. Левченко также заявил, что социалистическая партия Японии субсидируется КГБ. Это делается через «фирмы друзей», которые получали выгодные контракты от советских внешнеторговых организаций, а взамен перечисляли на счете соцпартии 15—20 процентов прибыли.

Заодно Левченко рассказал, что в Японии советские разведчики передавали наличные представителю нелегальной филиппинской компартии в чемодане с двойным дном, как в плохих романах...

После бегства Левченко Крючкову пришлось полностью сменить состав резидентуры в Токио и японского отдела в центральном аппарате. Так происходило после каждого провала.

Я знал молодых разведчиков-японистов, которые благодаря этому смогли поехать в Токио на освободившиеся в резидентуре места. И я встречал опытных сотрудников японского направления советской разведки, которым бегство Левченко сломало карьеру: они лишились возможности ездить за границу, их убрали с оперативной работы, перевели на работу неинтересную. Они считали свою жизнь сломанной. Один бывший начальник Левченко сказал мне:

— Если бы он мне попался, я убил бы его собственными руками.

В 50-е годы, после очередного побега чекиста на Запад, сменявшие друг друга председатели КГБ отдавали приказ уничтожить предателя. Но совершить убийство в другой стране, да еще если человека охраняют, совсем не просто. Потом такие приказы были отменены.

Крючков предпочитал не наказывать тех разведчиков, которые провинились, но исправились. Он очень снисходительно относился к своим людям, если они, перебежав на Запад, потом возвращались. Ему было выгоднее сделать вид, что его разведчика похитили, чем признаваться, что проверенные чекисты могут запросто изменить своему долгу. Сотрудникам разведки говорили, что их не подвергнут наказанию, если они покаются.

Так поступили с сотрудником внешней разведки Виталием Юрченко, который, находясь в командировке в Италии, связался с американцами. Они вывезли его в США. Но видимо, что-то у него сложилось, потому что самым странным образом он убежал от американцев и явился в советское посольство.

Крючков предпочел сделать из него мужественного героя, выдержавшего все испытания и бежавшего из вражеского плена, хотя разведчикам это не понравилось. Они считали Юрченко предателем и не понимали, как его можно награждать и поощрять...

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ

В последних числах декабря 1974 года Брежнев согласился с предложением Андропова назначить Владимира Александровича Крюčkова начальником Первого главного управления и одновременно заместителем председателя КГБ.

Бывший начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф считает, что назначение Крюčkова начальником разведки было логичным, но не очень мудрым.

В разведке помимо Крюčkова был еще один первый заместитель — Борис Семенович Иванов, бывший резидент в Нью-Йорке, умелый профессионал, которого коллеги весьма уважали. Но Андропов по понятным причинам предпочел видеть на этом посту своего помощника. Бориса Иванова через несколько лет отправили в Афганистан.

Крючкову не хватало не столько профессионального опыта, сколько глубины понимания происходящего, да и по натуре он не был лидером, считает генерал Маркус Вольф. Крючков был доверенным помощником Андропова. А без указаний своего наставника грамотный и разумный «номер два» терялся.

Когда Маркус Вольф приезжал в Москву, Крючков всегда провожал его в комнату отдыха, наливал большую порцию виски и говорил:

— Ну, рассказывай, что происходит.

Других гостей Крючков угощал чаем или кофе. Но в любом случае он вел разговоры в мягкой форме. Он из тех, кто мягко стелет...

Юрий Михайлович Солоницын семь лет был начальником секретариата Крюčkова в разведке. Он рассказывал:

— Мы встречались каждый день, включая субботу, я приезжал к нему на дачу. Он неординарный человек. Умный, начитанный, эрудированный. Многие говорили, что он партаппаратчик, того-сего не знает. Но это ж не оперуполномоченный, это политическая должность. Впрочем, я знаю случаи, когда он мог и сломать человека в вербовочном плане...

Исключительно трудолюбивый человек. К примеру, готовили ему выступление. В разведке мощные аналитические службы. Собрали команду, она подготовила текст. Он прочитал, вроде замечаний нет, потом слушаешь выступление — совсем по-другому говорит. Значит, сам переписал.

Он человек, который думал только о работе. Приезжаешь в дачный поселок разведки. Кто-то в домино играет, кто-то в карты... Он не играл даже в шахматы. Наверное, умел, но не играл никогда.

По характеру, конечно, сложный. Нелегко с ним было работать. Немного капризный, обидчивый. Но не злопамятный. Сухость внешняя, она многих пугала. Может быть, это служба заставила быть излишне сухим, и он таким остался.

Были люди, которые с большим опытом жизненным при нем чувствовали себя неуверенно. В его приемной можно было увидеть генерала, резидента в крупной стране, у которого голос дрожит — боится к нему в кабинет зайти... В нем было что-то такое... сталинское. Не в действиях, а в манере беседовать. Не каждый выдерживал его взгляд. Может быть, работа накладывала свой отпечаток. Я видел его в других ситуациях, когда он был мягок, прост, умел угостить, сам разливал...

Он гордился разведкой, тем более что и Андропов разведку выделял... Кстати, он один из немногих, кто мог возразить Юрию Владимировичу. То есть он имел свое мнение. И высказывал, не боясь, в глаза Андропову! Я уж не говорю — Чебрикову. Андропов обижался. Это мне Владимир Александрович поведал. Вот он сказал Андропову, что такое-то дело делается неправильно. Анд-

ропов некоторое время с ним не разговаривает. Потом звонит: Володя, приезжай...

Беспорядка в разведке Крючков не допускал. У него все четко работало — секретари, дежурная служба. Он много читал — газеты, журналы, специальную информацию. Когда читал, все интересное отмечал галочками, закладками. Секретарь потом это перепечатывала. Он картотеку вел по разным проблемам. А то ведь, бывает, прочитаешь что-то интересное, а потом не можешь вспомнить, где ты это видел.

А у него все в картотеке. Выступает, берет эти карточки и начинает шпарить цитаты, цифры. Производит впечатление. Вообще-то, всю информацию, поступающую в разведку, один человек прочитать не в состоянии. Есть информационно-аналитическая служба, туда приходят все телеграммы, в том числе из министерства иностранных дел и Главного разведывательного управления генштаба — военной разведки.

Там сидят аналитики, они все это просматривают и самое интересное, важное, нужное отбирают начальнику разведки. Потом это смотрят помощники и кладут ему на стол. Есть, конечно, оперативные телеграммы, адресованные только ему. Или есть информация, которая, минуя всех, поступает в его адрес.

Дальше уже он решает: это показать председателю КГБ, это разослать членам политбюро, на основании этого сообщения подготовить специальную записку.

— А получал он информацию о состоянии внутри страны?

— Через председателя КГБ, — объяснил Юрий Солоницын. — Каждое управление комитета отправляло информацию на имя председателя, а тот писал резолюцию: «Ознакомить членов коллегии». Или персонально — товарищу Крючкову, еще кому-то...

Окружающих Крючков поражал заботой о собственном здоровье. Он каждое утро вставал без четверти шесть и час делал зарядку на улице в любую погоду, когда бы ни лег. Жил он только на даче в поселке Первого главного управления КГБ, который строили для иностранных гостей КГБ, а использовали как дачи руководства разведки.

Отпуск он брал зимой, поскольку обожал бегать на лыжах. Ходил в парилку, правда, не в русскую баню, а в сауну. Плавал в бассейне. Мало пил, предпочитал виски и пиво, но очень умеренно...

Крючков был завзятым театралом, не пропускал ни одной интересной премьеры. Я сам впервые увидел его в театре в середине 70-х. Мой отец сказал: «Смотри, вот начальник советской разведки». Невысокого роста, невыразительный человек в очках сидел где-то во втором ряду.

В августе 1991 года при обыске в квартире Крюčkова искали его записную книжку. Жена сказала, что он обходился без книжки. Он помнил все имена, фамилии, телефонные номера. Ему и компьютер не был нужен.

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

Как и весь КГБ при Андропове, внешняя разведка при Крючковой достигла в определенном смысле расцвета. Резидентуры по всему миру, большие штаты, большие агентурные сети, солидный бюджет, новая оперативная техника и конечно же особое положение разведки внутри КГБ: разведчики ощущали особое расположение Андропова.

В штаб-квартире Первого главного управления КГБ в Ясеневе у Андропова был собственный кабинет. Время от времени он приезжал в разведку и встречался не только с Крючковым, но и с другими генералами. Андропов даже состоял на учете в партийной организации разведки.

Потом, правда, Крючкова станут упрекать за то, что он увлекался большими цифрами. Разведка, как гигантский пылесос, старалась собрать максимум информации по всем странам. Скажем, даже в Зимбабве или в Малайзии крали какие-то военные документы, вербовали местных чиновников. Реальной пользы для страны было немного, но создавалось приятное ощущение полного контроля над миром.

Опытный оперативник исходит из того, что надо иметь не много агентов, но дающих ценную информацию. Крючков требовал от резидентур увеличить темпы вербовки. Брала количеством. В первую очередь по всему миру пытались вербовать американцев. Во всех резидентурах были люди, занимающиеся ГП — главным противником. Сидит наш разведчик, например, в Новой Зеландии, а работает на самом деле против американцев, то есть старается завербовать кого-то из сотрудников американского посольства или корреспондентов.

Вербовали любого американца — хоть повара в посольстве, хоть горничную военного атташе: если они сами ничего рассказать не могут, то хотя бы аппаратуру подслушивания попытаются установить.

Старательнее всего искали возможности завербовать сотрудников местной резидентуры ЦРУ. Это считалось высшим достижением. За вербовку американца давали орден. Правда, вербовка — редкая удача. За всю жизнь можно завербовать одного-двух человек, которые будут работать достаточно долго.

На чем старались зацепить? Не на неурядицах в личной жизни: пьянство и женщины сами по себе не компрометируют, это для советских разведчиков нечто подобное было опасно.

Ловили на ошибках в работе. Например, если удавалось засечь встречу американского разведчика со своим агентом. Сработали могли неудовлетворенные амбиции, обида на начальство, недовольство своей жизнью, материальные факторы. Не только советские граждане связывали с загранкомандировкой определенные материальные надежды. Сотрудникам ЦРУ тоже надо было заработать деньги на образование детей, на покупку дома и так далее...

Вербовочное предложение любому иностранцу делалось с санкции председателя КГБ. Ему подавали докладную записку, очень короткую — меньше страницы, где говорилось, что такой-то американец замечен в том-то и можно сделать ему вербовочное предложение.

Дело в том, что это вопрос еще и политический. Всегда есть опасность, что тот, кому сделано предложение, возмутится, отправится к своему послу, Советскому Союзу будет заявлена нота протеста. Не во всякий момент удобно затевать такой скандал — нельзя это делать, например, накануне встречи в верхах.

Обычно, если центр давал добро, в страну с отлично сработанными документами и безукоризненной легендой приезжал на несколько дней специальный вербовщик. Это стандартная предосторожность. Если американец поднимал скандал, то вербовщик просто уезжал из страны, а местная резидентура не страдала.

В редких случаях, если резидент давал гарантии, что скандала точно не будет, то разрешали первый разговор провести сотруднику резидентуры. Это большая честь. Если американец даст согласие, то сколько бы людей в Москве и на месте ни готовили эту операцию, лавры достанутся тому, кому американец скажет «да».

Как это делалось? Вербовщику помогали официально познакомиться с американцем и вступить с ним в разговор, чтобы он под каким-нибудь предлогом мог назначить встречу в заранее подобранном кафе.

Если американец шел к своему начальству и честно рассказывал, что русские пытаются его вербовать, то ему пожимали руку, благодарили за преданность родине... и немедленно возвращали домой. Больше в командировку его не пошлют: он расшифрован и к оперативной работе не пригоден. Или в лучшем случае новой командировки ему придется ждать несколько лет.

Если вербовка удавалась, в резидентуре устраивался маленький праздник, обычно отмечаемый московской водкой, армянским коньяком или шотландским виски. Не стоит думать, что собравшиеся в недоступном для других, за тремя замками посольском помещении разведчики так уж сильно отличаются от обычных людей.

Соглашались, разумеется, не все. Что происходило в таком случае? Скандал? Драка? Нет, обычно оба разведчика расставались вполне дружелюбно.

Некоторые из вербуемых отвечали уклончиво:

— Мне надо подумать, посоветоваться.

— С кем?

— С женой.

— Не стоит. Давайте все-таки решим сейчас.

— Тогда я не принимаю ваше предложение.

В этом случае оба разведчика вставали и прощались:

— Все это чепуха. Забудем?

— Забудем.

Но никто ничего не забывает.

Отказ работать на советскую разведку американцу в принципе ничем не грозил. Разведка никогда не стала бы его шантажировать, посылать компрометирующие материалы его начальству или предавать их гласности. В этом нет нужды.

Но такого человека уже не выпустят из виду, его личное дело будет постоянно обновляться. Разведка станет ждать: вдруг в его жизни произойдут какие-то изменения? Например, ему позарез понадобятся деньги, а взять неоткуда. Или уйдет идеализм молодости, и человек начнет на многое смотреть иначе. Тогда ему, возможно, вновь сделают предложение...

Начальнику разведки поступало огромное количество информации. Главное, какие выводы он из нее делал.

В своих воспоминаниях Крючков пишет, что «добываемые разведкой материалы говорили о подготовке стран НАТО к войне... К войне готовились и мы, хотя у нас никогда и не было намерения ее начать... Нас втягивали то в один, то в другой дорогостоящий виток гонки вооружений. Порочный круг этого бесконечного мафона все туже затягивался петлей на нашей шее».

Выходит, Крючков действительно верил, что НАТО готовится напасть на Советский Союз? И что страну кто-то насильно втягивал в гонку вооружений, а не само советское руководство, в первую очередь председатель КГБ Андропов и министр обороны Устинов, требовало отдать все силы и ресурсы армии?

При таком скудном уровне осмысления окружающей действительности никакой аппарат разведки не поможет...

Сам Крючков немало гордился одной операцией советской разведки. В августе 1974 года на Кипре произошел военный переворот, который закончился разделом острова, потому что на севере высадились турецкие войска. Президентский дворец в Никосии бомбили, и путчисты передали, что убит и сам президент — архиепископ Макариос.

Но КГБ передал по радио от имени Макариоса, что президент жив и призывает всех к борьбе с заговорщиками. Путч провалился, а Макариос, как потом выяснилось, к удивлению самих советских разведчиков, действительно выжил. Это Крючков называет успешным использованием службы «А» — «активные мероприятия». Обычно ее называют службой дезинформации...

В июне 1978 года Крючков во главе делегации КГБ впервые приехал в Афганистан. Он сыграл активную роль в афганской кампании. Потом, когда пытались установить, кто же принял решение ввести войска в Афганистан, все отказались, и получилось, что это произошло вроде как само собой.

В реальности разведка своими сообщениями из Кабула, своими оценочными материалами и прогнозами способствовала принятию решения о вторжении. Сообщения о том, что американцы намерены проникнуть в Афганистан и превратить его в форпост против

Советского Союза, версия о том, что лидер Афганистана Хафизулла Амин в реальности американский шпион, — все это работа разведки.

Однако предугадать подъем народного возмущения против советских войск разведка не смогла. Хотя сам Крючков теперь уже признал, что в апреле 1978 года в Афганистане произошел всего лишь дворцовый переворот, а вовсе не народная революция, выражающая интересы широких масс трудящихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ

После ухода Чебрикова в сентябре 1988 года Крючков был назначен на его место. 1 октября он приступил к исполнению обязанностей председателя Комитета госбезопасности.

Почему Горбачев предпочел именно Крючкова? Ему, скажем, предлагали кандидатуру Филиппа Денисовича Бобкова, бывшего начальника Пятого управления. Можно предположить, что он выбрал человека из разведки, полагая, что тот меньше руководителей внутренних подразделений КГБ станет противодействовать перестройке.

Крючкова приблизил к Горбачеву Александр Николаевич Яковлев. После смерти Андропова Крючков почувствовал себя крайне неуверенно. Он лишился опоры и стал искать, на кого опереться. Он еще при жизни Черненко поверил в судьбу Горбачева, но не знал, как подойти к нему. Он попытался сделать это через Яковлева. Александр Николаевич вспоминает, как «Крючков напористо полез ко мне в друзья, буквально подлизывался ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора».

Крючков во всех разговорах давал понять, что он именно тот человек, который нужен Горбачеву.

«Он всячески ругал Виктора Чебрикова за консерватизм, — пишет Яковлев, — утверждал, что он профессионально человек слабый, а Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душителем инакомыслящих».

Крючков упросил Яковлева познакомить его с Валерием Ивановичем Болдиным, главным помощником Горбачева, «объяснял свою просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова».

Постепенно Крючков добился своего и сменил Чебрикова.

Яковлев вспоминает, что перед уходом на пенсию Чебриков, как всегда, очень спокойно сказал ему:

— Я знаю, что ты подделжал Крючкова, но запомни — это плохой человек, ты увидишь это.

И добавил слово из разряда характеризующих — что-то близкое к негодяю.

Уже после путча на выходе из Кремлевского Дворца съездов Чебриков догнал Яковлева, похлопал по плечу и сказал:

— Ты помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

Горбачева, наверное, подкупило и такое качество Крючкова, как его безраздельная преданность хозяину, и несамостоятельность в политике. Михаил Сергеевич знал, каким верным помощником Крючков был для Андропова, и хотел обрести такого же толкового и исполнительного подручного.

Преемник Крючкова на посту начальника разведки Леонид Владимирович Шебаршин пишет: «Видимо, Крючков показался Михаилу Сергеевичу более гибким, динамичным и податливым человеком... Думается, генеральный секретарь сильно заблуждался и не заметил за мягкой манерой, внешней гибкостью и послушностью Крючкова железной воли и упрямства, способности долго, окольными путями, но все же непременно добиваться поставленной цели».

В том же году Крючков получил звание генерала армии. Через год, в октябре 1989 года, Крючков стал членом политбюро, но был им недолго, потому что изменился принцип формирования политбюро, а сам орган потерял свою важность. Горбачев ввел Крючкова в новый властный ареопаг — сделал членом Президентского совета (март 1990-го), потом Совета безопасности СССР (март 1991-го).

На посту председателя Крючков оказался в трудном положении. Его всегда недовольное лицо правителя канцелярии постепенно становилось символом, как тогда говорили, антиперестроечных сил. Ход перестройки, логика развития событий не только противоречили его личным политическим взглядам, но и прямо вели к разрушению империи КГБ.

Хотя казалось, что он еще может все.

Генерал Валерий Павлович Воротников, вспоминая те времена, говорит:

— Мы в тот период были способны творить чудеса. Был такой эпизод. В конце 80-х в Москве в метро были обнаружены два самодельных взрывных устройства. Обезвредили их умело. Началось расследование.

Даже если взрывное устройство сохранилось нетронутым, очень трудно отыскать изготовителя. След нашли благодаря экспертизе спор растений, которые были найдены внутри трубок взрывного устройства. Анализ показал, что это взрывное устройство могло быть изготовлено в одном-единственном месте Советского Союза. Это сразу сузило район поиска. Правда, найти самих изготовителей все равно было не просто, потому что это была целая республика. Тем не менее их нашли. А если бы не экспертиза, может быть, и по сей день мучились бы вопросом: кто это сделал?

— Я возглавил Пятое управление, переименованное в Управление защиты конституционного строя, — продолжает Воронников. — Нам не вменялось в обязанность разоблачать шпионов, но у нас были результаты, которыми мы очень гордились.

Например, только у нас была служба, занимавшаяся поиском авторов анонимных писем. Это кропотливая работа. Там специалисты десятилетиями готовились.

Помню случай, когда наши специалисты помогли разоблачить конкретного шпиона. В руках был всего-навсего написанный неизвестным человеком документ. Контрразведка пыталась самостоятельно его вычислить. Ничего не получилось, развели руками и обратились к нам за помощью. Наши специалисты за месяц отыскали, кто это писал...

— Почему вас перевели в Москву именно в Пятое управление? Как вы к этому отнеслись?

— Радости не было, потому что никогда не стремился работать в Москве. Когда меня пытались выдвинуть, я предлагал своих товарищей. Проработав три года в Красноярске, я получил предложение перебраться в Москву, но первым движением было отказаться. Я — начальник одного из самых крупных управлений в стране, только что получил генеральское звание. Форму еще не успел поносить, не наслаждался еще.

Но уже тогда в отношении Пятого управления выдвигались обвинения, что оно занимается политическим сыском. Шла перестройка, это звучало грозно. Желавших служить в Пятом управлении было немного. Я решил, что, если я откажусь, у руководителей комитета будет основание обвинить меня в трусости. А у меня с детства такой пунктик — я обвинений в трусости не переносу. В детстве, помню, прыгали с крыши двухэтажного дома в снег. Мне было жутко, но я прыгал первым. Видимо, эта черта и сказалась.

Только я приехал в Москву, меня отправили в первую длительную командировку по горячим точкам. На этой должности я не вылезал из командировок: полгода — Армения, полгода — Грузия, полгода — Таджикистан, периодически ездил в Узбекистан и Нагорный Карабах. Это заняло все мое время, и я даже не почувствовал, что работаю в центре.

— А что именно вы делали в горячих точках?

— Тринадцатого января 1990 года в Таджикистане начались массовые беспорядки. Час на сборы. Самолет вылетел из Внукова. Со мной оперативно-следственная группа, часть группы «А» по борьбе с терроризмом. Следом летит батальон Витебской воздушно-десантной дивизии. Поставлена конкретная задача прекратить беспорядки, найти и наказать виновных. Когда в самолете стали знакомиться, выяснилось, что в группе нет ни одного человека, который знает столицу Таджикистана.

Среди личного состава группы «А» нашли парня, который когда-то жил в Душанбе. Мы прямо на коленке стали рисовать кар-

ту, потому что задача была сразу занять стратегически важные позиции в городе. В аэропорту нас никто не встретил. Темень крошечная, погода ужасная. Мы поймали машину и поехали в республиканский КГБ. Заходим — тишина. Дежурный ничего о нас не знает.

— Где председатель?

— Спит.

— Буди.

— Нет! Через мой труп. Будить не дам.

— Еще кто есть?

— Все руководители здесь.

— Чем занимаются?

— Спят.

А уже часа три ночи. Все-таки разбудили первого заместителя председателя. Поднялись на третий этаж. Стоит на площадке пулемет, а пулеметчик спит.

Тем временем мобилизовали местное МВД. Нам дали транспорт. Когда мы сели обсуждать ситуацию, наши люди уже были сосредоточены в самых важных точках.

Это был единственный случай, когда мы полностью погасили массовые беспорядки. Было заведено семьдесят уголовных дел, и все они дошли до суда, все виновные были осуждены. Восстановили законную власть, город очистили от бандитов.

Мы подняли местное население, сформировали народное ополчение, там были и русские, и таджики, и узбеки. Все они объединились, закрыли свои районы и не пускали к себе бандитов. Тем самым мы лишили банды поддержки.

Мы создали маневренные группы — пятнадцать—двадцать человек на микроавтобусе: местные ребята из группы по борьбе с терроризмом, два-три человека из группы «А» и добровольцы из Витебской дивизии. Как только мы получали сообщения о появлении мятежников, группы выезжали и выгоняли бандитов. Пятнадцать хорошо подготовленных бойцов легко справлялись с толпой в сто человек.

Когда мы через полгода вернулись, наша работа получила высокую оценку. Мы решили поощрить людей, написали на них представления к наградам. Но руководство посчитало эту идею политически неверной: за подавление награждать не будем...

ЧЕКИСТЫ ЗА ПРИЛАВКОМ

Однако власть комитета таяла на глазах. Наступали новые времена. Крючков, как мог, пытался к ним приспособиться. На Лубянке подготовили и провели через Верховный Совет первый закон об органах государственной безопасности. Закон вступил в силу в мае 1991 года.

Глава правительства Николай Иванович Рыжков настоял на том, чтобы борьбой с организованной преступностью и коррупцией, помимо министерства внутренних дел занялся еще и КГБ.

Идея, как станет ясно позднее, не очень удачная. Специальные службы не могут искать преступников. Но Крючков тогда не сопротивлялся, он делал все, чтобы доказать нужность комитета, и стал создавать у себя соответствующие структурные подразделения.

Чекисты в сопровождении тележурналистов ходили по магазинам, проверяли, что хранится под прилавками.

И на IV съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 года Крючков с гордостью скажет, что объединенными усилиями «удалось вскрыть многочисленные факты крупных хищений и злоупотреблений, бесхозяйственности и халатности при хранении, транспортировке и реализации населению товаров народного потребления».

Председатель КГБ рассказывал депутатам, что в отделе рабочего снабжения Байкальского целлюлозно-бумажного комбината найдено 500 тонн мяса. В Туле на одной из баз обнаружено 300 тысяч пачек чая, а в Саратове — 50 тысяч банок с лососевой икрой.

Председатель КГБ не только показывал, как полезно его ведомство, но и по старой привычке утверждал, что все продовольственные проблемы — результат нераспорядительности, саботажа или спекуляции.

Через год с небольшим, после начала гайдаровских реформ, продавцы перестали припрятывать товары, напротив, они делали все, чтобы у них покупали, и как можно больше. Никакой КГБ не понадобился. Этого Крючков не понимал. Или не хотел понять.

Крючков заботился о том, чтобы все видели, что гласность распространяется и на КГБ. Он встречался с журналистами, как-то раз собрал известных женщин-журналисток, охотно позировал с ними.

Он даже приоткрыл архивы внешней разведки, позволил журналистам и писателям ознакомиться с несколькими реальными делами. Я сам получил возможность — как мне сказали, с санкции самого Крюčkова — изучить личное дело замечательной русской певицы Надежды Васильевны Плевицкой и ее мужа, бывшего генерала Белой армии Николая Владимировича Скоблина. Они оба эмигрировали после Гражданской войны и в 30-е годы работали на советскую разведку. Мне принесли три толстых тома из архива внешней разведки, и я смог их прочитать.

Вяснилось, что не все хранящееся в архиве такой уж невысказанный секрет. Впрочем, когда после распада СССР Службу внешней разведки возглавил академик Евгений Максимович Примаков, двери архива закрылись вновь. Я хотел продолжить изыскания, потому что Плевицкая и Скоблин работали вместе с другими советскими агентами. Но мне ответили, что это чудовищная тайна и раскрывать ее никак невозможно! Владимир Александрович Крючков, видимо, об этом не подозревал.

ЧЕКИСТСКО-ВОЙСКОВАЯ ОПЕРАЦИЯ В ВИЛЬНЮСЕ

В январе 1991-го произошли события, которые решили судьбу Горбачева.

В Москву прилетел первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокаявичюс. В Литве уже были две компартии. Основную возглавлял Альгирдас Бразаускас, будущий президент республики. Другую, которая сохранила верность Москве, — Бурокаявичюс. На бланке ЦК он написал шестистраничное обращение к Горбачеву с просьбой ввести в Литве президентское правление.

Бурокаявичюса привели к Валерию Болдину, который руководил президентским аппаратом. Секретари Болдина пунктуально записывали в специальный журнал всех, кто приходил к их шефу или звонил ему. 8 января его посетили:

11.43 — секретарь ЦК по военно-промышленному комплексу Олег Бакланов;

11.45 — министр внутренних дел Борис Пуго;

11.53 — министр обороны Дмитрий Язов и председатель КГБ Владимир Крючков;

12.07 — секретарь ЦК по оргвопросам Олег Шенин;

12.33 — первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокаявичюс.

Болдин, Бакланов, Пуго, Язов, Крючков, Шенин... Почти весь будущий ГКЧП собрался на Старой площади за пять дней до кровопролития в Вильнюсе. Ровно три часа продолжалась беседа с участием Бурокаявичюса.

Шенин ушел раньше, но вернулся поздно вечером. Крючков и Язов тоже ушли. Крючков потом дважды звонил Болдину и в половине десятого вечера опять приехал к нему. И Язов перезванивал. Олег Бакланов и Борис Пуго просидели у Болдина весь день до восьми вечера. Потом Пуго уехал к себе и в половине десятого еще позвонил Болдину. Бакланов поздно вечером опять пришел к Болдину и просидел у него еще три часа. Эти люди буквально не могли расстаться друг с другом.

Парламент Литвы провозгласил независимость республики, и с каждым днем Москве становилось ясно, что остановить этот процесс можно только силой.

Согласие Горбачева было необходимо для проведения военно-политической операции в Литве. Появление Бурокаявичюса должно было подкрепить аргументы Крючкова, Пуго и других: «Партия просит поддержки!» Немногочисленная партия ортодоксов действительно просила огня.

Указ о введении президентского правления в Литве Горьбачев не подписал, но события в Вильнюсе все равно начались. 10 января Горбачев потребовал от Верховного Совета Литвы восстановить на территории республики действие Конституции СССР. И в тот же день разрешил Крючкову, Язову и Пуго силой навести порядок в Вильнюсе.

Через два дня после длительных переговоров в кабинете Болдина московские газеты сообщают о создании в Литве Комитета национального спасения, который «решил взять власть в свои руки». Состав комитета держится в тайне, от его имени выступает секретарь ЦК Компартии Юозас Ермолавичюс.

Группы спецподразделений КГБ и Воздушно-десантных войск уже отправлены в Литву, а корреспондент «Правды» с возмущением передает из Вильнюса, что в городе распространяются провокационные «слухи о десантниках и переодетых военных, о приготовлениях к перевороту».

11 января внутренние войска министра Пуго захватывают Дом печати, Междугородную телефонную станцию и другие важные здания в Вильнюсе и Каунасе.

В ночь с 12-го на 13 января в Вильнюсе была проведена чекистско-войсковая операция — сотрудники отряда «Альфа» Седьмого управления КГБ, подразделения Воздушно-десантных войск и ОМОН захватили телевизионную башню и радиостанцию. Погибло тринадцать человек.

Министр внутренних дел Литвы, пытавшийся остановить кровопролитие, не мог дозвониться до Пуго. Он сумел соединиться только с Бакатиным. Вадим Викторович позвонил Горбачеву на дачу. Михаил Сергеевич сказал, что Крючков ему уже все доложил, и отругал Бакатина за то, что он преувеличивает и напрасно нервничает. Погибли один-два человека, говорить не о чем...

Но страна возмутилась: пускать в ход армию против безоружных людей — это позор!

Председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов и министр внутренних дел Пуго в один голос заявили, что они тут ни при чем. Это местная инициатива — «начальник гарнизона приказал...».

На самом деле операция в Вильнюсе готовилась давно. Крючков долго искал человека, которого можно поставить во главе Литвы, и остановил свой выбор на бывшем председателе Совета министров Литовской ССР Витаутасе Сакалаускасе.

В мире политики одно слово может перевернуть всю жизнь.

Сказал бы Сакалаускас в январе 1991-го «Да!», и сидел бы сейчас в тюрьме, как бывший первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокаявичюс, или пустил бы себе пулю в лоб, как Борис Пуго.

Но Сакалаускас не поддался соблазну и сказал тогда председателю КГБ Владимиру Крючкову и секретарю ЦК Олегу Шенину «Нет!». Он сохранил жизнь, честь и свободу.

Пять лет Витаутас Сакалаускас был председателем правительства Литвы. В конце 1989-го он понял, что в Вильнюсе скоро будет новая власть, которой он не подойдет, и попросил Москву по старой традиции подобрать ему местечко в каком-нибудь посольстве. Его отправили советником-посланником по экономическим вопросам в Мозамбик, нищее африканское государство с плохим климатом.

Пока он осваивался в Мозамбике, в Москве на его счет строились большие планы. После ареста министра обороны Язова в его бумагах нашли запись: «Не Бурокаявичюс, а Сакалаускас. Бурокаявичюс будет помогать...».

Накануне попытки государственного переворота в Литве Сакалаускаса без объяснения причин вызвали в Москву. В аэропорту его встретил сотрудник КГБ и отвез на один из конспиративных объектов Комитета госбезопасности.

Туда приехали председатель КГБ Владимир Крючков и секретарь ЦК КПСС Олег Шенин. Они предложили Сакалаускасу принять участие в Комитете национального спасения Литвы. Его обещали вновь сделать главой правительства, Миколас Бурокаявичюс был бы первым секретарем ЦК республики.

Сакалаускаса отправили в Вильнюс на военном самолете.

Но, прилетев на родину, Сакалаускас сразу понял то, что упорно не желали понимать Крючков, Пуго и все остальные: в Прибалтике люди поддерживают своих депутатов и своих министров. Он отказался от участия в аванюре.

После кровопролития в столице Литвы все ждали, как поведет себя Горбачев? Поедет в Вильнюс? Выразит соболезнование? Отмежуется от исполнителей? Накажет виновных? Или скажет: «Все правильно»?

Горбачев не делает ни того, ни другого. Он заявляет в Верховном Совете, что все происшедшее для него полная неожиданность. И тут же предлагает приостановить действие закона о печати, взять под контроль средства массовой информации. Позднее это назовут обмолвкой...

В горбачевском окружении возникло брожение. Александр Яковлев, Евгений Примаков и пресс-секретарь президента Виталий Игнатенко предложили Горбачеву немедленно вылететь в Вильнюс, возложить венки к могилам погибших, выступить в литовском парламенте. Он попросил написать проект выступления, а утром отказался лететь.

Примаков, Игнатенко и помощник президента Анатолий Сергеевич Черняев все-таки дожали Горбачева. 22 января, через неделю после событий в Вильнюсе он выступил по телевидению. Слишком поздно...

Вместо него в Прибалтику сразу отправился Борис Ельцин. Для интеллигенции это был символический жест, и тогда говорили: Горбачев опозорил честь России, а Ельцин ее спас.

Вслед за Литвой навести силой порядок предполагалось и в Латвии. Первым секретарем ЦК там был Альфред Рубикс. Латвийский ЦК взял на вооружение стратегию напряженности: вызвать в республике кризис, спровоцировать кровопролитие, дать повод для применения военной силы и отстранения от власти Верховного Совета и правительства Латвии.

6 декабря 1990 года члены президиума Вселатвийского комитета общественного спасения во главе с Рубиксом подписали обраще-

ние к президенту Горбачеву с просьбой ввести президентское правление.

Это был такой же комитет, как и тот, что в январе 1991-го попытался свергнуть законную власть в Литве, — мифическая надстройка, призванная замаскировать Компартию.

На пленуме ЦК было решено, что комитет должен взять власть в Латвии. Но во второй раз Горбачев не разрешил применять силу.

Будущие члены ГКЧП показали, какими средствами они намерены наводить порядок: танками и автоматами.

В августе 1991-го они повторят этот опыт.

В те январские дни решилась судьба не только тех тринадцати человек, которых убили в Вильнюсе. Приговор был подписан и самому Горбачеву, как президенту СССР.

СЛОЕННЫЙ ПИРОГ

Что происходило внутри Комитета госбезопасности в перестроечные годы?

Александр Кичихин, подполковник из Пятого управления:

— Я думаю, что шестьдесят—семьдесят процентов сотрудников ждали и желали серьезных перемен. В нас самих происходили перемены. Многие сотрудники в процессе работы переосмыслили свою позицию по отношению к происходящему, к тем, кого прежде считали врагами.

— Если большинство сотрудников КГБ желало перемен, то почему эти перемены не начались с Лубянки?

— Ну, понимаете, в комитет постоянно вливали партийные кадры: местных комсомольских секретарей и периферийных партийных работников. Они назначались на руководящие должности, получали хорошие деньги, переезжали в Москву. Эта категория и задавала тон в комитете.

— Какие процессы происходили в КГБ, когда начались горбачевские реформы?

— Именно тогда появились первые выступления сотрудников, рассказавших о том, что представляет собой комитет. Это были генерал Олег Калугин, полковник Ярослав Карпович, сотрудник второго главка — контрразведка — Владимир Морозов, шестьдесят четыре взбунтовавшихся сотрудника Свердловского управления КГБ. Пятое управление созрело до понимания того, что необходима полная реконструкция нашего ведомства. Ребята стали обсуждать структуру нового управления.

— Между собой или гласно?

— Обсуждали везде: и на производственных совещаниях, и на партийных собраниях. Ходили к генералу Бобкову, к генералу Ивану Павловичу Абрамову, который сменил Бобкова на посту начальника управления. Все одобряли, кивали: правильно мыслите. Потом

в ЦК приняли решение реконструировать Пятое управление, и Бобков сам написал новое положение о нашем управлении. Назвали его управлением по защите конституционного строя. Убрали наиболее одиозные направления, например отдел по борьбе с сионизмом, поставили задачу контролировать совместные предприятия в гуманитарной сфере. Но в целом это была косметическая переделка. Управление осталось прежним.

— Как вы к этому отнеслись?

— Постепенно мы стали чувствовать, что комитет включен в противодействие реформам. Начался интенсивный отток людей, особенно молодежи. Ушли бы и многие другие, но тот, кто долго проработал, вынужден был думать о пенсии. У нас, как и у военных, пенсия зависит от выслуги лет. Прослужив полтора десятка лет в КГБ, жаль было терять пенсию.

— Какие настроения царили в комитете в 1991-м, решающем году?

— По моей оценке, в комитете примерно десять процентов были профессионалами, которые в основном руководствовались своими принципами, несмотря на установки начальства. Процент пятнадцать — партийный набор, костяк комитета. Остальные — неопределившаяся публика, которая в зависимости от направления политического ветра присоединялась то к одной, то к другой стороне. Пожалуй, такое расслоение и привело к тому, что переворот в августе не удался. Заговорщики не учитывали, что комитет из монолита превратился в слоеный пирог.

— Руководители КГБ готовили своих людей к участию в августовских событиях?

— Партийный набор не надо было уговаривать: уж эти-то люди прекрасно понимали, что продолжение реформ нарушит их сытую и спокойную жизнь. А вот аморфную массу конечно же обрабатывали в нужном направлении. Несколько лет подряд им внушали, что демократы — враги.

Весной 1991 года нам стали устраивать «встречи с интересными людьми». Раньше приглашали спортсменов, космонавтов, артистов. А тут вдруг зовут всю редколлегия газеты «Советская Россия». И полный зал сотрудников КГБ встает, приветствуя их. На ура прошла встреча с известными тогда депутатами Виктором Алкснисом и Евгением Коганом, которые боролись против народных фронтов в Прибалтике. Алкснис выступал против Горбачева, и зал взорвался аплодисментами. Иначе говоря, сотрудники важнейшего правоохранительного органа приветствовали выступление против законного президента.

Председатель КГБ Владимир Крючков произнес на закрытом заседании Верховного Совета СССР большую речь, фактически направленную против реформ Горбачева. Речь не публиковали, а у нас разослали по всем подразделениям и приказали ознакомить с ней каждого сотрудника комитета.

- Что происходило в вашем управлении накануне путча?
- Тоже расслоение. В нашем управлении ребята стали открыто выходить из КПСС...

АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ

Бывший член политбюро Виталий Иванович Воротников вспоминает, как на заседании Верховного Совета СССР Крючков говорил о том, что осуществляется глобальная линия на изменение общественно-политического строя. В ряде регионов — террор и насилие. Средства массовой информации в руках антисоветских, антиконституционных сил. Всему есть предел, надо употребить власть. Президент получает подробную и своевременную информацию по всем вопросам. Без действий чрезвычайного характера сейчас уже не обойтись...

Вопрос о введении чрезвычайного положения, президентского правления активно обсуждался. Председателю КГБ это казалось совершенно необходимым. В феврале 1991 года Крючков сказал:

— Хотя Михаил Сергеевич Горбачев неоднократно подчеркивал, что это крайняя мера, мне думается, что в случае осложнения ситуации президент имеет все полномочия для ее осуществления.

17 июня 1991 года Крючков выступил на закрытом заседании Верховного Совета в поддержку чрезвычайных полномочий, которых просил премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов.

Крючков неожиданно процитировал записку «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан», отправленную его предшественником Андроповым в ЦК КПСС четырнадцатью годами ранее. Этот документ датирован 24 января 1977 года. Андропов писал:

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезориентацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу: осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферы управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство

американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи.

При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве, будет координироваться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутривполитического характера в Советском Союзе, заденет развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям.

При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлению американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемые в настоящее время американскими спецслужбами программы будут способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, прежде всего в экономике, и приведут к принятию Советским Союзом новых, западных идеалов.

Комитет государственной безопасности учитывает полученную информацию при организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель Комитета госбезопасности *Ю. Андропов*».

Для Крючкова эта архивная бумага была подтверждением его речей о том, что перестройка зашла не туда, а виновны во всем действующие по указке Запада псевдодемократы.

Но этот документ любопытен совсем не в том смысле, в каком его цитировал Крючков. Совершенно очевидно, зачем его сочинили в КГБ.

Во-первых, это одно из множества посланий, направленных на ограничение всяческих контактов с Западом, в первую очередь с США. Записка написана в январе 1977 года. Разрядка едва живая, но еще дышит.

КГБ действует в своем духе: надо еще немного закрутить гайки. Характерно упоминание о желании американцев «преподавать нам методы управления народным хозяйством». На волне разрядки стали выходить книги о современных методах управления, приглашали американских профессоров, сами ездили смотреть, как это делается в крупных компаниях, пытались чему-то научить своих директоров. КГБ и в этом усмотрел ересь.

Во-вторых, этот документ помогал объяснять неудачи в советской экономике как результат саботажа со стороны американских агентов. Такие документы ведомство госбезопасности, меняя стиль и реалии, всегда посылало в ЦК. Они создавали нужный идеологический фон для репрессий.

В-третьих, это очень саморазоблачительный документ. Как теперь уже стало известно, не было такой программы ЦРУ, не было таких американских разведчиков, которые что-то заявляли агентам КГБ, и не было единого центра, будто бы созданного для руководства агентами влияния.

А что же было? Было желание КГБ доказать свою осведомленность в американских секретах, лишний раз подчеркнуть свою нужность: кто же будет сражаться с агентами влияния, как не КГБ? И были многочисленные — и совершенно открытые, публикуемые в печати! — заявления американских политиков и ученых, в которых выражалась надежда, что знакомство нового поколения советских людей с современным уровнем развития западного общества приведет к переменам в советском обществе.

Но для этого не надо было держать мощный аппарат легальной и нелегальной разведки в Соединенных Штатах. Это все можно было прочитать в американских газетах.

Агентура влияния — такой терминологией американская разведка не пользуется. Это советское изобретение. Именно советская разведка годами, десятилетиями пыталась приобрести в разных странах агентов влияния — людей, способствующих советским интересам. Но успехи были невелики.

Когда Крючков в 1991 году, через четырнадцать лет, цитировал старую андроповскую бумагу, он должен был бы по справедливости признать полный провал КГБ и абсолютный успех ЦРУ. Если следовать логике Андропова и Крючкова, КГБ ни на шаг не продвинулся в превращении США в социалистическое государство, зато ЦРУ легко разрушило социализм в Советском Союзе.

Но этот простой анализ в 1991 году оказался не под силу многим народным депутатам, которые внимали Крючкову.

ПАКЕТ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Горбачев находился под сильным влиянием КГБ, верил Крючкову и его информации.

Помощник президента Валерий Болдин писал потом, что с особо важными документами к Горбачеву Крючков приезжал сам. Иногда почта шла Горбачеву в закрытых конвертах, которые он вскрывал лично и лишь иногда просил это сделать секретарей.

К Горбачеву шла по каналам КГБ определенная информация. Записи разговоров, в том числе телефонных, назывались «материалами технического контроля». Прослушивали всех, кто был на виду.

После провала ГКЧП новый руководитель президентского аппарата Григорий Иванович Ревенко расскажет помощникам Горбачева, что КГБ прослушивал всех, начиная с самого Горбачева, что весь Кремль утыкан «жучками» и потребуется месяц, чтобы их все извлечь.

От Горбачева в течение всего года перед путчем требовали ввести чрезвычайное положение, а он сопротивлялся, не хотел, потому что интуитивно понимал, чем это кончится. В случае успеха это перечеркнуло бы перестройку. А в случае неуспеха... Все пришло бы к тому, чем закончился путч в августе 1991 года.

Бывший министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев вспоминал, как во время визита Горбачева в Японию в 1991-м писатель Валентин Григорьевич Распутин стал говорить, что «пора употребить не только власть, но и силу для того, чтобы остановить зарвавшихся демократов, заткнуть им рот». Все ждали, что ответит Горбачев. Взгляд его стал мрачным, и он сказал хриплым голосом:

— Нет, что хотите, но крови не будет. Пока я президент, крови в стране не будет. Конечно, порядок наводить надо, и мы будем это делать, но без насилия...

Горбачев говорил о том, что в истории России слишком много было насилия, и опыт доказывает, что даже миллионы погубленных жизней не дают стабильности и порядка.

АВГУСТ БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

Если бы власть Горбачева не ослабела, Крючков ни на что бы не решился. И до него начальники госбезопасности понимали, что все руководство страны, в том числе человек номер один, фактически в их руках, потому что личная охрана, все, кто обслуживал первого человека, подчинялись председателю КГБ, получали зарплату в КГБ, служили в КГБ.

Председатель КГБ был ближе других к Горбачеву, они разговаривали каждый день, даже если президент уезжал отдыхать. Когда человек так сильно приближается к первому лицу в государстве, снабжает его информацией, предлагает варианты решений, у него создается обманчивое ощущение, что он и сам мог бы справиться со всеми этими делами, тем более раз первое лицо — такой слабак.

Крючков сохранил людей, которых привел с собой в КГБ и выдвинул Андропов. Начальник Девятого управления генерал-лейтенант Юрий Сергеевич Плеханов, сыгравший ключевую роль в блокировании Горбачева в Форосе, начинал у Андропова в ЦК КПСС дежурным секретарем в приемной.

Когда политбюро утратило свою власть, роль Крюčkова стала еще значительнее. Теперь уже над ним не было никого, кроме Горбачева, в то время как его предшественники вынуждены были считаться с влиятельными членами политбюро. Андропов боялся

и Суслова, и Кириленко, вынужден был ладить со всем политбюро. Над Крючковым был только один Горбачев.

А в руках Владимира Александровича еще вполне исправный механизм. Численность КГБ составляла почти полмиллиона человек, из них 220 тысяч пограничников, 60 тысяч — войска правительственной связи.

Шифротелеграммой 3 января 1990 года Генеральный штаб передал из подчинения Воздушно-десантных войск и главного командования Сухопутных войск в подчинение КГБ: 103-ю воздушно-десантную дивизию, 75-ю мотострелковую дивизию, 48-ю мотострелковую дивизию специального назначения, 27-й отдельный батальон специального назначения. Это была серьезная военная сила.

Возможно, последней каплей стал разговор президента России Ельцина и президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева с Горбачевым 31 июля 1991 года.

Перед отъездом Горбачева на отдых в Форос они втроем договорились снять Крючкова, а заодно и министра обороны Дмитрия Тимофеевича Язова. Считается, что эта информация стала известна Крючкову и подтолкнула его к решительным действиям.

Дальнейшее известно. В Москве был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Крючков, в руках которого находились реальные инструменты власти, играл в нем решающую роль. Но ничего у него не получилось.

Следственная бригада под руководством Генерального прокурора России потом установила, что 6 августа Крючков поручил своим сотрудникам просчитать последствия введения чрезвычайного положения в стране. 14 августа он сказал своим помощникам, что Горбачев не в состоянии адекватно оценить обстановку, у него психическое расстройство и будет вводиться чрезвычайное положение.

Крючков распорядился прослушивать все разговоры Ельцина, главы российского правительства Ивана Силаева и государственно-секретаря Геннадия Бурбулиса.

Путч начался 17 августа 1991 года, когда у Крючкова на секретном объекте КГБ на юго-западе Москвы, где есть сауна, бассейн, комнаты отдыха и хорошая кухня, собрались будущие члены ГКЧП. Они говорили о том, что введение чрезвычайного положения необходимо и нужно заставить Горбачева согласиться с этой идеей. Если не захочет, пусть откажется от своих полномочий.

Горбачев не согласился. Но он — и в этом его вина — не оставил заговорщиков. Он должен был приказать начальнику своей охраны арестовать их и попытаться немедленно вылететь в Москву. Но он, надо полагать, чисто по-человечески испугался за свою жизнь и жизнь своей семьи, да и, наверное, не верил, что его охрана выполнит такой приказ.

Горбачева изолировали в Крыму, отключили все телефоны и увезли в Москву начальника его личной охраны генерал-майора КГБ Владимира Тимофеевича Медведева.

Судьба личного охранника похожа на судьбу спортсмена, мечтающего об олимпийской медали. Он, выжимая майку, мокрую от пота, тренируется годами, чтобы в решающую минуту показать, на что он способен.

Такая минута настала для генерала 18 августа, когда члены ГКЧП явились на крымскую дачу Горбачева. Но генерал Медведев упустил свою олимпийскую медаль.

Всю жизнь его готовили к одному: в нужную минуту умереть за президента. Впрочем, умирать и не требовалось. Надо было остаться вместе со своим президентом, которому, вероятно, впервые грозила настоящая опасность. Но генерал Медведев, охотно повинувшись приказу своего начальника по девятому управлению КГБ генералу Юрию Плеханову, собрал вещички и исчез с президентской дачи.

Все его подчиненные из охраны Горбачева предпочли остаться и сохранили свою офицерскую честь...

В тот же день поздно вечером в Москве вице-президент Геннадий Иванович Янаев, премьер-министр Валентин Сергеевич Павлов и заместитель председателя Совета обороны Олег Дмитриевич Бакланов подписали печально знаменитое «Заявление Советского руководства». Там говорилось, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности и передает их Янаеву, что в отдельных местностях СССР вводится чрезвычайное положение и для управления страной создается Государственный комитет по чрезвычайному положению.

19 августа люди проснулись в стране, над которой нависла уже тень ГКЧП.

Помощник Горбачева Анатолий Сергеевич Черняев, который был вместе с президентом в Форосе, пишет, что продуманного заговора как такового не было, было намерение и расчет на то, что Горбачева можно будет втянуть в это дело. И как только Горбачев «дал отлуп», все посыпалось. ГКЧП по природе своей, по своему составу изначально не способен был «сыграть в Пиночета»!

Крючков втянул в эту авантюру министра внутренних дел Бориса Карловича Пуго, который 18 августа вернулся в Москву из отпуска. Он приехал на служебную дачу в поселке Усово. Тут его и застиг роковой звонок.

Новостка предложила взять трубку и сказать, что Бориса Карловича нет. Пуго улыбнулся и, к своему несчастью, отказался от очень разумного предложения. Звонил Крючков. Пуго, поговорив с ним, соврал семье:

— Крючков говорит, что началась гражданская война в Нагорном Карабахе. Я должен ехать.

Пуго отправился к Язову в министерство обороны, куда приехал и Крючков. Они ввели Пуго в курс дела. Тот сразу сказал: «Я с вами».

Когда все рухнет, Пуго скажет:

— Какой я дурак, что поверил Крючкову и послушал его.

На одном из заседаний ГКЧП Янаев огорченно сказал, что их никто не поддерживает. Крючков тут же ему возразил: не все так плохо.

Янаев с удивлением посмотрел на председателя КГБ:

— Мне докладывают так, как есть.

Крючков улыбнулся:

— Вот и неправильно делают. Надо докладывать то, что надо, а не то, что есть...

Но умелец он был только по части докладов начальству.

Главная проблема ГКЧП состояла в полной бездарности его организации. Штаб заговорщиков действовал чисто по-советски, то есть из рук вон плохо. И Крючков в критической ситуации оказался никуда не годным руководителем.

Я спросил бывшего начальника управления КГБ по охране конституционного строя генерала Воротникова, что он думает о своем бывшем председателе?

— Владимир Александрович — человек прежней эпохи. Тут надо говорить о проблеме отцов и детей. То, что делалось в оперативном обеспечении ГКЧП, он передоверил людям, которые недостаточно хорошо представляли себе ситуацию, обстановку и планировали меры, не адекватные этой ситуации.

Да, мы ставили вопрос о введении чрезвычайного положения. Но ввести такое положение на всей территории страны, как это сделал ГКЧП, у нас такой идеи не было. Это мог сделать только человек, не имеющий представления о том, что такое ЧП. А я работал в условиях чрезвычайного положения в Армении и знаю, что это такое.

Ереван — небольшой город, но сколько понадобилось сил, чтобы ввести там чрезвычайное положение! И все равно этот режим был достаточно дырявым. А вводить чрезвычайное положение на территории всей страны — это архиглупость. Мы бы даже не осилили введение чрезвычайного положения по всем Прибалтийским республикам. Только по одному городу, если бы этого потребовала обстановка, — в Вильнюсе или Таллине.

«Горько и обидно, — говорил генерал Воротников, — что к разработке этих планов не было подключено наше управление, которое более всего владело политической информацией и ситуацией на местах, да и в Москве тоже. Я думаю, что, если бы эти мероприятия разрабатывали мы, удалось бы избежать многих ошибок. Более того, ГКЧП в таком виде, как он был создан, просто бы не существовал...»

Председатель КГБ РСФСР Виктор Иваненко:

— Ему мешали верность догматической идее, нежелание воспринимать необходимость перемен и канцелярский стиль мышления. У нас с ним бывали разговоры, я пытался подтолкнуть его к союзу с Ельциным. Но он, видимо, больше меня знал и понимал, что Ельцин с ним на союз не пойдет...

— А какое мнение о Крючкове у бывшего члена политбюро Егора Кузьмича Лигачева?

— Я уважаю Владимира Александровича за его интеллект. За аналитический ум. Он умел анализировать. Единственный его недостаток — не было решительности.

— То есть он слишком мягок, с вашей точки зрения?

— Да, как ни странно. Может быть, не слишком мягкий, но ему не хватало воли и характера.

— Он привык жить за спиной Андропова, и ему не хватало самостоятельности. Вы это имели в виду?

— Да, эти качества — воля, характер, самостоятельность — приобретаются на самостоятельной работе. Когда есть возможность проявить себя...

СЕРАЯ МЫШЬ НА ПОЛЕ БОЯ

Крюčkова всегда считали бледной тенью своего начальника и покровителя Юрия Андропова.

Серая мышь, исполнительный помощник, гений канцелярии, в особой атмосфере тайной полиции Крючков чувствовал себя как рыба в воде. Умение выполнять приказы сделало Крюčkова необходимым сначала Андропову, затем его преемникам.

В Крючкове видели незаметного и неамбициозного исполнителя, готового выполнить любой приказ. Мастера на все руки. Таким он и был. Приказали убить афганского лидера Хафизулла Амина — выполнил. Приказали обеспечить вывод советских войск из Афганистана — он с той же энергией взялся за новое задание на пару с тогдашним министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, который высоко оценил служебное рвение председателя КГБ.

Сидя на своих досье, как Скупой рыцарь на мешках с золотом, Крючков начал мнить себя самостоятельным политиком, одним из вождей. Наступил момент, когда Владимиру Крючкову надоела роль безмолвного исполнителя. Феноменальная память и фантастическая осведомленность о том, что происходит в стране, только подогревали тщательно скрываемое честолюбие.

Как выразился глава российского правительства Иван Степанович Силаев, быстрый взлет вскружил Крючкову голову.

Горбачев пребывал в блаженной уверенности, что вознесенный на высокий пост председатель КГБ будет вечно хранить ему верность. А Крючков считал, что его заставили слишком долго ждать и что он достоин большей роли.

С ним произошло то, что случается со слугой, который днем разнашивает туфли для господина, а ночью тайно их примеряет. Изо дня в день он докладывал Горбачеву секреты своих досье и постоянно исполнялся презрения к хозяину: тот все заглывал,

но ничего не предпринимал. Значит, Горбачев слаб. Почему бы в таком случае не заменить его?

«Крючков, — сказано в одной из книг Ельцина, — как бы шел на польский вариант. Он исходил из прецедентов, созданных в социалистических странах. Условно говоря, однажды он посмотрел на себя в зеркало и сказал: да, я гожусь на роль Ярузельского, который стал на многие годы главой государства. Пожилой военный, в очках, с тихим голосом, который спокойно и твердо вывел страну из тупика».

Крючков считал себя сильной личностью и решил проверить свои способности на деле. И с треском провалился в августе 1991-го. Серая мышь не может стать львом. Гений канцелярии ни на что не годится на поле боя...

На обратном пути из Фороса председатель КГБ был арестован. Генерал КГБ Александр Николаевич Стерлигов, в тот момент работавший в российском правительстве, в интервью «Известиям» рассказал, что в самолете он специально сел рядом с Крючковым.

Председатель КГБ делал вид, что хочет задремать. Когда самолет сел во Внукове, все стали выходить. Крючкову выйти не разрешили. Его обыскали и вывели по запасному трапу. Генеральный прокурор России Валентин Георгиевич Степанков объявил председателю КГБ, что он арестован. Крючков обреченно сказал:

— Теперь комитету конец.

В определенном смысле он был прав. Если бы он не устроил эту авантюру, возможно, и СССР бы не распался, и КГБ сохранился бы как единый организм.

22 августа, сразу после ареста, Крючков написал Горбачеву письмо. Это послание сильно отличается от тех интервью, которые Крючков потом станет давать оппозиционной печати, от его многочисленных статей и двухтомника воспоминаний. Это первое письмо, пожалуй, было искренним:

«Лично!

Президенту СССР товарищу М. С. Горбачеву

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Пока числюсь в задержанных по подозрению в измене Родине, выразившейся в заговоре с целью захвата власти и осуществлении его. Завтра может быть арест и тюремное задержание и далее по логике.

Очень надеялся на обещанный Вами разговор, но он не состоялся. А сказать есть чего!

Какой позор — измена Родине! Не буду сейчас писать Вам более подробное письмо, в нем ведь не скажешь, что надо. Прошу разговора краткого, но важного, поверьте.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме? Одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере

пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно!

Вчера послушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили! По-прежнему с глубоким человеческим уважением.

В. Крючков».

Это был единственный случай, когда ошеломленный полным провалом своей идеи и арестом Крючков признал, что ему стыдно, что он уважает Горбачева и что он заслужил те оценки, которые ему дали.

25 августа 1991 года из следственного изолятора «Матросская Тишина» Крючков написал еще одно письмо Горбачеву:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Огромное чувство стыда — тяжелого, давящего, неотступного — терзает постоянно. Позвольте объяснить Вам буквально несколько моментов.

Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние. Какая все-таки жестокая штука эта политика! Будь она неладна...

Короткие сообщения о Вашем пребывании в Крыму, переживаниях за страну, Вашей выдержке (а чего это стоило Вам!) высвечивали Ваш образ. Я будто ощущал Ваш взгляд. Тяжело вспоминать об этом.

За эти боль и страдания в чисто человеческом плане прошу прощения... Понимаю реальности, в частности мое положение заключенного, и на встречу питаю весьма слабую надежду. Но прошу Вас подумать о встрече и разговоре со мной Вашего личного представителя.

С глубоким уважением и надеждами...»

Днем раньше Крючков написал письмо Бакатину:

«Уважаемый Вадим Викторович!

Обращаясь к Вам как к председателю Комитета госбезопасности СССР и через Вас, если сочтете возможным довести до сведения, к коллективу КГБ со словами глубокого раскаяния и безмерного переживания по поводу трагических августовских событий в нашей стране и той роли, которую я сыграл. Какими бы намерениями ни руководствовались организаторы государственного переворота, они совершили преступление...

Осознаю, что своими преступными действиями нанес огромный ущерб своей Отчизне... Комитет госбезопасности ввергнут по моей вине в сложнейшую и тяжелую ситуацию... Очевидно, что необходимые по глубине и масштабам перемены в работе органов госбезопасности по существу и по форме еще впереди...»

Потом и Крючков, и другие участники путча придут в себя, увидят, что им ничего не угрожает, и будут говорить, что они ничего, собственно, не сделали. Но в реальности действия ГКЧП были вполне серьезными.

Они отстранили от власти законного президента, ввели цензуру средств массовой информации и объявили в Москве комендантский час. Увидев, что в Москве у них ничего не получается, они просто не решились на военную акцию. Но надо помнить, что накануне путча в Вильнюсе и Риге в ход пошло оружие, когда КГБ и спецчасти армии пытались навести порядок. Но Крючков оказался недостаточно уверенным в себе и самостоятельным человеком, он своих целей не добился.

Генерал Валерий Воротников рассказывал:

— В дни ГКЧП одна из первых задач, поставленных передо мной, состояла в том, чтобы направить оперативные группы в страны Прибалтики. Правда, задачу поставили достаточно аморфно, цель мне не разъяснили, но мы не очень-то и задавали вопросы. Местные комитеты госбезопасности уже тогда были поражены национализмом, информации оттуда шло мало, и мы смотрели на нее сквозь призму ситуации в самих республиках.

Мы отправили туда группы, сказав им, чтобы они взаимодействовали с военной контрразведкой и сообщали нам, что происходит. Группы я сформировал очень легко, отправил девяносто человек. Ни один не отказался, хотя могли бы найти какие-то причины: положение не военное. Но все выполнили свой долг, хотя это уже было небезопасно.

Что касается ГКЧП, то оперативный состав, хотя и не понимал каких-то действий, предпринимаемых сверху, все конкретные указания выполнял. Потом, когда меня уже допрашивали по всяким уголовным делам в связи с ГКЧП и ребят допрашивали, которых я послал, все они приходили ко мне и говорили, что они ни в чем не раскаиваются и готовы выполнить любое указание руководства, которое не расходится с их пониманием справедливости и долга. Наши люди до последнего момента были готовы выполнить многие задачи. И это не красивые слова...

Попытка путча радикально изменила настроения людей. Даже те, кто еще сомневался, решительно встали на сторону Бориса Ельцина, новой российской власти, увидев в политике Белого дома надежду на нормальную жизнь. А союзные республики побежали из Советского Союза, испугавшись, что такой путч не последний. Августовские события были одной из причин распада СССР, хотя никто из путчистов этого не признает.

В «Матросской Тишине» Крючков изменился, похудел и сразу постарел. Он тяжело болел. Следствие и подготовка к суду шли долго.

В январе 1993 года заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда генерал-майор юстиции Алексей Уколов изменил меру пресечения обвиняемым по делу ГКЧП на подписку о невыезде, и все отправились домой.

Правда, в мае Генеральная прокуратура обратилась в Верховный суд с просьбой заключить под стражу Крючкова, Лукьянова и Янае-

ва, которые были освобождены из-под стражи по состоянию здоровья, но «начали активно заниматься политической деятельностью, дестабилизируя обстановку в обществе... Последняя из демонстраций с их участием прошла в Москве 1 мая и закончилась массовыми беспорядками».

Однако все остались на свободе.

В апреле 1993 года начался процесс по делу ГКЧП.

Но суд все никак не получался. Председатель суда генерал Уколов решил, что Генеральный прокурор Валентин Георгиевич Степанков и его заместитель Евгений Кузьмич Лисов грубо нарушили закон, поэтому попросил Верховный Совет назначить независимых государственных обвинителей. Верховный Совет отказался это сделать. Процесс возобновился.

Крючкова обвиняли по статье 64 (измена Родине) и статье 260 (злоупотребление властью) Уголовного кодекса РСФСР. Крючков доказывал, что в августе 1991 года он выполнял свой долг как руководитель КГБ СССР, оберегая территориальную целостность и безопасность Родины. Тем более, что Комитет госбезопасности получал достоверную информацию о том, что из-за рубежа готовится развал Советского Союза.

23 февраля 1994 года новая Государственная дума приняла закон об амнистии. Крючков, как и другие обвиняемые по делу ГКЧП, вернулся домой. Формально, согласившись на амнистию, он признал свою вину. На самом деле виноватым он себя не чувствовал. Напротив, чем дальше, тем более Крючков считал себя героем.

Михаил Сергеевич Горбачев высказался по этому поводу в интервью газете «Труд»:

«Я помню, какие покаянные письма они мне писали в первые дни после ареста в августе 1991-го. Никогда не забуду и то, что они говорили с тем же вдохновением и искренней патетикой некоторое время спустя в зале суда. Прямо противоположное. Это, знаете, какая-то абсолютная бессовестность, этакая этическая стерилизованность. Хотя я-то знал, как никто другой, почему эта трусливая публика отважилась пойти на путч. На Родину им было абсолютно наплевать. Их волновало другое: с подписанием союзного договора они могли реально потерять гигантскую, практически никем не контролируемую власть. Вам теперь даже трудно себе представить, какие силы находились под командованием министра обороны Язова. А знаете ли вы, что годовой бюджет КГБ СССР, который возглавлял тогда Крючков, составлял три с половиной миллиарда рублей? И это были практически безотчетные деньги. Вот с чем им пришлось бы проститься. Они-то это прекрасно понимали. Но при этом говорили высокие слова о родине, об экономической катастрофе, об угрозе национальной безопасности...»

Первое время после выхода на свободу Владимир Александрович Крючков сосредоточился на борьбе с бывшим товарищем по политбюро академиком Александром Николаевичем Яковлевым.

Для Крючкова Яковлев просто олицетворение мирового зла. Крючков стал рассказывать, что в свое время получил непроверенные данные о том, будто Яковлева давно завербовали американцы. Российская прокуратура проверяла это заявление, допрашивались Горбачев, Бакатин, Чебриков, сотрудники внешней разведки, были истребованы материалы из архивов. Коллеги-чекисты не подтвердили слова Крючкова, и документов никаких не оказалось.

Владимир Александрович так долго рассказывал о том, как завербовали Яковлева, что, наверное, даже сам в это поверил. Но верит только он сам. Даже бывшие коллеги по КГБ над этим смеются. Не зная, как еще уязвить академика, Крючков написал: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру нашей победой в Великой Отечественной войне».

Он, видимо, не отдавал себе отчета в том, что писал. Сам Крючков войну удачно провел на комсомольской работе в тылу. Александр Николаевич Яковлев пошел на фронт добровольцем, стал морским десантником, воевал на передовой, в бою был тяжело ранен и на всю жизнь остался инвалидом.

Крючков с помощью бывших коллег выпустил двухтомник воспоминаний под названием «Личное дело» — очень скучный, каким, вероятно, является и сам автор.

Глава 18

ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ БАКАТИН

Назначенный председателем КГБ, Вадим Викторович Бакатин первым делом распорядился уволить своего собственного сына, служившего в госбезопасности. Но обвинение в семейственности, которого он боялся, ничто в сравнении с обвинительным реестром, предъявленным ему чекистами. Они называют его предателем. Вадим Бакатин, вероятно, был самым ненавидимым в госбезопасности начальником. Хотя он, пожалуй, самый интересный человек в плеяде хозяев Лубянки и, скорее всего, самый порядочный.

ХОЗЯИН ОБЛАСТИ

Последний председатель КГБ Вадим Викторович Бакатин родился в 1937 году в шахтерском городе Киселевске, Кемеровской области. Отец был маркшейдером, мать — врачом.

Он с детства неплохо рисовал, и у него возникла мысль поступить в художественное училище, но туда надо было сдавать экзамены. А в другие институты серебряного медалиста Бакатина брали без экзаменов. Он выбрал Новосибирский инженерно-строительный институт имени В.В. Куйбышева.

Тринадцать лет он провел на стройках в родном Кемерове. Работал в тресте «Кемеровохимстрой». Прошел весь тернистый путь: мастер, прораб, начальник участка, главный инженер. В среднем каждые два года его повышали: он сразу показал себя хватким и волевым администратором, умеющим добиваться своей цели. В 1973 году его с должности главного инженера домостроительного комбината взяли на партийную работу.

Бакатин любил рассказывать, как его в сапогах и в ватнике привезли в кабинет первого секретаря горкома. Тот пожал руку молодому строителю и сказал: будем рекомендовать вас на партийную работу. Бакатина избрали сразу вторым секретарем горкома. Через два года взяли в обком заведующим отделом строительства. Еще через два года избрали секретарем Кемеровского обкома. Люди знающие говорят, что хозяином он был удачным и в области на него не жаловались.

Каждое воскресенье он играл в теннис, в футбол и хоккей. В свободное время писал маслом, обычно пейзажи, картины раздавал друзьям.

В 1983 году Бакатин заметил нового главного кадровика ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачев. Он искал по всей стране деловых, напористых, с перспективой, партийных секретарей и забирая в Москву в особую группу инспекторов орготдела ЦК — на вырост. Формально небольшая группа инспекторов проверяла работу различных парторганизаций, фактически им предоставлялась возможность познакомиться с работой центральных органов власти, расширить свой кругозор перед новым крупным назначением.

Бакатин иногда напускал на себя ложную скромность, рассказывая, как трудно было ему, провинциалу, в сорок пять лет попавшему в Москву, освоиться среди столичной публики, этих почти небожителей. Но себе-то Бакатин всегда цену знал...

Два года он работал инспектором ЦК КПСС и заодно закончил Академию общественных наук. Этот диплом предназначался для анкеты. Высшее политическое образование и придумали для молодых честолюбивых партийных секретарей.

В марте 1985 года Бакатин вызвал Лигачев:

— Мы решили просить тебя возглавить партийную организацию Кировской области. Область самая крупная и самая отсталая в Нечерноземье. Ее надо вытаскивать. Мы тебе доверяем. А сейчас пошли к Михаилу Сергеевичу.

Горбачев сказал, что Бакатин — первый, кого он благословляет на ответственную партийную работу. Добавил:

— Единственный совет — работай спокойно, не нервничай, не суетись, все будет нормально. Надо будет — поможем.

А через два года Бакатина попросили вернуться в родное Кемерово — уже хозяином области. Кемерово — это Кузнецкий угольный бассейн, проблемы которого к концу 80-х годов невероятно обострились. Бакатин, не чуждый новым веяниям, поддержал по-

пытки найти новую формулу жизни Кузбасса, но тут, в октябре 1988-го, его забрали в Москву. Уже когда он уехал, летом 1989 года, началась громкая по тем временам забастовка шахтеров. Она могла губительно сказаться на политической карьере Бакатина, но он уже был министром внутренних дел.

От этой должности Вадим Викторович отказывался, говорил, что работы этой не знает. Но Горбачев уже все решил:

— Поможем, не боги горшки обжигают.

Представлять Бакатина в МВД 24 октября проехал секретарь ЦК Виктор Чебриков. Он напутствовал нового министра кратко:

— Не спеши высказываться. Побольше молчи. А главное — не спеши с реорганизацией. Система МВД — огромная, громоздкая. Чтобы войти в нее, потребуется не менее двух лет.

Бакатин начал с того, что закрыл спецлифт, на котором возили только министра.

31 октября Горбачев произвел Вадима Викторовича в генерал-лейтенанты, но форму он надевал раз в год — только в День милиции.

В роли министра Бакатину пришлось заняться «мокрым» делом, приключившимся с Ельциным 28 сентября 1989 года в подмосковном дачном поселке. Эта история была опасной не только для самого Ельцина, но и для Бакатина.

ПРЫЖОК С МОСТА

Осенью 1989 года по Москве поползли неясные слухи о покушении на Ельцина. Такая была атмосфера в обществе, что многие поверили: народного любимца пытались убить.

В «Московских новостях» появилось сообщение: «На протяжении нескольких дней в редакции раздаются звонки читателей: правда ли, что на Бориса Ельцина было совершено хулиганское нападение и он находится в тяжелом состоянии?»

Журналисты позвонили самому Ельцину домой. Он ответил:

— Сейчас я немного приболел, видимо в Америке простудился, и теперь вот вынужден сидеть дома.

Вслед за этим выступила «Комсомольская правда»: «В редакции раздаются многочисленные звонки: почему Ельцина нет на сессии? Ходят слухи, что кто-то сбросил его в реку...»

Мы позвонили Борису Николаевичу домой. Вот что он ответил:

— Чуть ли не каждую неделю до меня доходят такие слухи: то у меня инсульт, то я попал в автомобильную катастрофу и даже что меня убили. Но все это, конечно, слухи, не более. На самом деле со мной все нормально. В поездке по Америке я, вероятно, простудился и сейчас приболел. Но температура уже спала. Лечащий врач сказал, что с 16 октября могу приступить к работе. Так что в понедельник буду участвовать в работе сессии Верховного Совета СССР».

Но вскоре стало ясно, что дело не в простуде.

Эта загадочная история случилась поздно вечером 28 сентября 1989 года в подмосковном дачном поселке Успенское.

В тот день Ельцин в Раменках встречался со своими избирателями. Вместе с ним был Михаил Полторанин, тоже избранный депутатом. Ельцин рассказывал о поездке в США, потом уехал в Успенское на служебной «Волге» с новым водителем.

На допросе командир отделения по охране спецдач Одинцовского райотдела внутренних дел сообщит: «С целью проверки несения службы милиционерами я позвонил по телефону на проходную Успенских дач, где несли службу милиционеры Костиков и Макеев. Трубку снял Костиков. На мой вопрос: как дела? — он ответил, что все хорошо и что «выловили Ельцина». Я посчитал, что это шутка, но все-таки решил съездить и проверить, что произошло...»

Сам Борис Николаевич позднее описывал историю так: «Ехал к старому свердловскому другу. Недалеко от дома отпустил машину. Прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке. Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него несколько метров. От холода меня трясло».

Промокший Ельцин добрался до поста охраны и заявил, что это было покушение на его жизнь. Попросил сообщить ему домой. Дочь президента Татьяна Дьяченко бросилась звонить Александру Коржакову:

— Папу сбросили с моста... У Николиной горы, прямо в реку. Он сейчас на посту охраны лежит в ужасном состоянии. Надо что-то делать!

Первая мысль Коржакова: значит, Горбачев все-таки решил разделиться с опасным конкурентом... Опытный Коржаков прихватил бутылку самогона, теплые носки, свитер и на своей «Ниве» погнал в Успенское. За превышение скорости его остановил инспектор ГАИ. Коржаков представился и объяснил:

— Ельцина в реку бросили.

Инспектор козырнул и с неподдельным сочувствием в голосе ответил:

— Давай гони.

«К Борису Николаевичу тогда относились с любовью и надеждой, — вспоминает Коржаков. — Примчался я к посту в Успенском и увидел жалкую картину.

Борис Николаевич лежал на лавке в милицейской будке неподвижно, в одних мокрых белых трусах. Растерянные милиционеры накрыли его бушлатом, а рядом с лавкой поставили обогреватель. Но тело Ельцина было непривычно синим, будто его специально чернили облили».

Увидев своего верного телохранителя, Борис Николаевич, по словам Коржакова, заплакал:

— Саша, смотрите, что со мной сделали...

Коржаков заставил его выпить стакан самогона, затем растер и передел в теплое: «Мокрый костюм Ельцина висел на гвозде. Я заметил на одежде следы крови и остатки речной травы. Его пребывание в воде сомнений не вызывало».

Ельцин рассказал Коржакову:

«Он шел на дачу пешком от перекрестка, где его высадила служебная машина, мирно, в хорошем настроении — хотел зайти в гости к приятелям Башиловым. Вдруг резко затормозили «Жигули» красного цвета. Из машины выскочили четверо здоровяков. Они набросили мешок на голову Борису Николаевичу и, словно овцу, запихнули его в салон. Он приготовился к жестокой расправе — думал, что сейчас завезут в лес и убьют. Но похитители поступили проще — сбросили человека с моста в речку и уехали».

Коржаков теперь уверяет, что ему в этом рассказе все показалось странным:

«Если бы Ельцина действительно хотели убить, то для надежности мероприятия перед броском обязательно стукнули бы по голове...

Спросил:

— Мешок завязали?

— Да.

Оказывается, уже в воде Борис Николаевич попытался развязать мешок, когда почувствовал, что тонет.

Эта информация озадачила меня еще больше — странные здоровяки попались, мешка на голове завязать не могут».

Ближайший помощник Ельцина Лев Суханов о происшедшем узнал с опозданием.

«Когда утром я приехал в гостиницу «Москва», — вспоминал Суханов, — и не встретил там Ельцина, позвонил ему домой. Ответила супруга: Борис Николаевич, мол, болен — температура, слабость... Словом, на работе его не будет и мне нужно незамедлительно ехать к ним домой. Застал его в постели с высокой температурой...

Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком. Я подумал, что если бы с ним был его старый водитель Валентин Николаевич, то ничего не случилось бы. Он бы его одного просто не отпустил.

Хоть какую-то информацию дала Наина Иосифовна: «Мы все переволновались... Он позвонил где-то в половине первого ночи и сказал, что находится на каком-то КПП... И мы поехали на машине за ним...» То есть поехали Наина Иосифовна и муж дочери Тани. И действительно, Бориса Николаевича они застали на КПП правительственных дач — мокрого, в компании двух милиционеров, словные отпайвали его горячим чаем.

Со слов самого шефа, события в тот вечер развивались следующим образом. Когда он вышел из машины, то направился пешком

в сторону дачи бывшего председателя Госстроя Башилова. Они оба из Свердловска, и оба любители попариться.

И в тот момент, когда он находился недалеко от проходной, на него что-то накинули и «не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом...». 28 сентября погода в Москве стояла холодная, ни одна машина его не подобрала, и тогда он отправился на КПП, где его приютили два милиционера...»

Однако на следующий день неожиданно для всех Ельцин позвонил министру внутренних дел Вадиму Бакатину, просил не проводить расследования, отозвал свое устное заявление насчет покушения.

Уже было поздно. Милиционеры доложили о случившемся начальству. Следственное управление Главного управления внутренних дел Мособлисполкома возбудило уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных статьями 15 («покушение на преступление») и 103 («умышленное убийство») Уголовного кодекса РСФСР.

К помощнику Ельцина Суханову приходил следователь, водителя служебной автомашины, который отвозил Бориса Николаевича в Успенское, вызывали на допрос, но Ельцин сам поговорил со следователем и потребовал прекратить расследование. В аппарате Ельцина сочли «дело о покушении» закрытым.

Но 4 октября на заседании политбюро Горбачев рассказал товарищам всю эту историю. Ельцин просил не придавать этому факту огласку, сказал Горбачев, но надо разобраться. И поручил это министру внутренних дел Вадиму Бакатину.

Через несколько дней министр доложил Горбачеву, что расследование следует прекратить:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б.Н. докладываю.

6 октября заместитель начальника Следственного управления ГУВД Мособлисполкома т. Ануфриев А.Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б.Н. по телефону. Тов. Ельцин заявил: «Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т. к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле».

С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело подлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б.Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения.

Министр внутренних дел СССР *В. Бакатин*».

Однако Горбачев не хотел упускать случая показать, в каком неприглядном положении оказался Борис Николаевич. Бакатин получил приказ довести дело до конца.

Через десять дней на узком совещании Горбачев сказал, что министр внутренних дел уточнил истинные факты «мокрого дела». Учитывая, что пошли депутатские запросы, предложил — не скрывать и информировать президиум и сессию Верховного Совета СССР.

В уголовном деле события той ночи выглядят так:

«28 сентября 1989 года около 23 часов, на проходную дачного поселка Успенское Совета Министров СССР, расположенного на территории Одинцовского района Московской области, обратился Ельцин Б.Н. и сообщил находившимся там сотрудникам милиции Костикову В.И. и Макееву А.Я., что на него совершено нападение неизвестными лицами, которые закрыли ему лицо, увезли на автомашине к водоему и сбросили его в воду, создав реальную угрозу для жизни».

Дежурный милиционер на допросе показал:

«28 сентября в 23 часа 15 мин. совместно с сержантом милиции Макеевым я находился на проходной госдач Успенское. Вовнутрь помещения со стороны улицы зашел народный депутат Ельцин Б.Н., одетый в костюм темного цвета, светлую рубашку. Одежда была совершенно мокрая, с нее капала вода. Мы помогли ему снять пиджак, ботинки, напоили горячим чаем. Он выпил чашки 3—4.

На вопрос, что с ним случилось, т. Ельцин рассказал следующее. После выступления в Москве, в ДК «Высотник» в Раменках, он на служебной машине приехал на дачу № 38 в гости. Машину отпустил на перекрестке Рублевского шоссе и 1-го Успенского шоссе. Поздоровался с инспектором 7-го ГАИ и пешком направился в сторону дачного поселка. Сзади неожиданно подъехала какая-то машина, неизвестные силой усадили его в салон, натянули на голову какой-то предмет, а затем куда-то повезли и выбросили с моста в Москву-реку.

По его словам, он несколько раз отталкивался от дна, прежде чем выбрался на берег. Отлежавшись около часа на берегу, т. Ельцин добрался до проходной. Он попросил позвонить на дачу № 38. На первый звонок ответила женщина и сказала, что ошиблись номером. Второй звонок остался без ответа».

На даче № 38 той ночью хозяева отсутствовали. Там находилась только сестра-хозяйка, которую потом допросили как свидетельницу. Она рассказала, что рано легла спать, дверь была тщательно заперта и никто к ней не стучался.

Вывод криминалистов: «Ельцин не мог быть сброшен в воду (по характеру местности и конструкции близлежащих мостов), так как в этом случае, по мнению специалистов, он получил бы серьезную травму, а на его одежде должны были остаться следы водной растительности, илестых образований, которые, по показаниям свидетелей, отсутствовали».

16 октября после обеда Горбачев проводил заседание президиума Верховного Совета СССР. Он пригласил министра внутренних дел Бакатина и попросил доложить о результатах расследования.

Бакатин сказал, что было устное заявление Бориса Николаевича Ельцина представителям милиции о покушении:

— Но никто — ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста около пятнадцати метров), ни время происшествия — его версию не подтверждают.

Борис Николаевич, как член президиума Верховного Совета, участвовал в заседании. Его попросили объясниться. По словам присутствовавших, мрачный Ельцин «говорил коротко, сбивчиво. «Это была шутка. Мало ли что бывает. Это моя частная жизнь. Но попытки угроз и шантажа в мой адрес были»...»

На вопросы членов президиума отвечать отказался.

В четыре часа открылось совместное заседание палат Верховного Совета СССР.

Горбачев сказал, что по Москве распространяются слухи о якобы имевшем место покушении на Ельцина, этот вопрос уже разбирал президиум Верховного Совета и решил ничего от депутатов не скрывать. И Михаил Сергеевич опять предоставил слово Бакатину, который повторил все заново только с большим количеством деталей.

В окружении Ельцина были весьма раздосадованы выступлением Бакатина, которого просили закрыть расследование.

Лев Суханов вспоминал: «Да, к сожалению, слова он не сдержал и на сессии о «факте покушения» рассказал в своей интерпретации. Вы, наверное, помните, как у него тогда дрожали руки и голос, и вообще министр чувствовал себя весьма неуверенно. Конечно же ему было неловко выходить на трибуну и говорить вещи, которые ему несвойственны. Кстати, Борис Николаевич не изменил к Бакатину своего отношения и до сих пор воспринимает его как порядочного человека...»

Ельцин опять сказал всего несколько слов:

— Претензий к министерству внутренних дел у меня нет. Никакого нападения не было. Никаких заявлений я не делал. Это мое частное дело.

Выслушив Бориса Николаевича, Горбачев с непроницаемым лицом заключил:

— Принять к сведению, что никакого покушения не было. Пошутил. Все.

Михаил Сергеевич явно был доволен исходом этой истории. Его соперник оказался в дурацком положении.

Но против ожиданий Горбачева в глазах широкой публики «мокрое дело» Борису Николаевичу несколько не повредило. Такие были настроения: что бы ни делал Ельцин, все шло ему в плюс.

Сторонники Ельцина уверенно говорили о травле, а Борис Николаевич сделал заявление для прессы:

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М.С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мою честь и достоинство.

Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр внутренних дел товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет.

Новый политический фарс, разыгранный М.С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы...»

В Москве это заявление никто не опубликовал. Напечатала только популярная в те времена рижская газета «Советская молодежь», которая годом раньше осмелилась поместить первое интервью с Борисом Николаевичем.

«Мокрое дело» так и осталось загадкой, хотя оно и в самом деле никак не повредило Ельцину, который пользовался безоглядной любовью граждан.

«Пересуды шли разные, — вспоминал Лев Суханов. — Лично я слышал до полусотни различных версий «покушения», в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже пришельцы с летающих тарелок...

Иначе говоря, никто не опроверг версию Б.Н. Ельцина о покушении на него, равно как никто и не подтвердил ее на все сто процентов. Потом по Москве ходили слухи, что одного из двух милиционеров, бывших на КПП вечером 28 сентября, уже нет в живых...»

Председатель комиссии Верховного Совета СССР по этике Анатолий Денисов проводил свое расследование и уверял позднее, что Ельцин поехал на дачу к знакомой. Там появился еще один мужчина. Они подрались, и Ельцин оказался в воде.

Много раз спрашивали Бакатина, что же тогда, собственно, произошло с будущим президентом России? «Вы-то знаете, раскройте секрет». Но Бакатин никому и ничего не сказал...

ИСТОРИЯ РИЖСКОГО ОМОНА

Хозяйство Бакатину досталось беспокойное. Помимо обычных проблем с преступностью, навалились национальные конфликты, массовые беспорядки то в одном конце страны, то в другом. МВД

превратилось в пожарное ведомство, пытающееся погасить эти конфликты.

На посту министра Вадим Викторович утверждал себя твердой рукой. Он сам потом признавал в интервью, что в МВД его боялись: «Я не хочу, знаете, ложной скромности, что ли. Я жесткий человек, даже, наверное, очень жесткий; я гонял это МВД как сидоровых коз».

Но это с подчиненными, в министерстве. Наводить жесткий порядок по всей стране он отказывался, повторял — «буду действовать в рамках закона»: «Кто бы мне ни советовал, вот, мол, надо стукнуть кулаком по столу, и тогда преступность сразу исчезнет, возобладают дисциплина и порядок, я глубоко убежден: это опасная утопия, пустая иллюзия. Практика показывает: ни жесткие меры, ни даже террор не снижают уровня преступности. Скорее, приводят к обратным результатам».

Видя, что происходит в стране, где все республики требовали самостоятельности, Бакатин считал, что в этих требованиях много разумного. Почему он, сидя в Москве, должен решать, сколько участков милиционеров нужно в Риге или на Сахалине? Он счел своим долгом развязать руки республиканским МВД. Бакатин подписал договор с Эстонией, сделав министерство внутренних дел республики фактически самостоятельным. Бакатин готовил такие же документы с Литвой, Латвией, Молдавией, РСФСР и потом жалел, что не довел дело до конца.

Бакатин считал, что структуру МВД придется радикально изменить, раз республики получают самостоятельность. Республиканские министерства получают самостоятельность, а союзное — берет на себя функции «внутреннего Интерпола», отвечает за транспортную милицию, за охрану атомных объектов, за подготовку высших кадров.

Вадим Бакатин создал отряды милиции особого назначения (ОМОНЫ). Он увидел, что нищая, коррумпированная милиция не подготовлена к борьбе с реальной преступностью. ОМОНЫ должны были стать островками профессионализма. Предполагалась и другая задача — разгон несанкционированных демонстраций, подавление массовых беспорядков. Все это создавало ОМОНам особое положение — милиция внутри милиции.

В Риге в отряд подбирали молодых и крепких милиционеров, в основном из патрульно-постовой службы, из тех, кто привык полагаться на силу мускулов. Завербовались в отряд и несколько «афганцев», среди них капитан Чеслав Млынник, будущий командир отряда.

Для них ОМОН стал желанным продолжением прошлой жизни. У них снова в руках было оружие. Правда, врага еще предстояло найти.

ОМОН был сформирован по приказу министра внутренних дел Латвии 1 декабря 1988 года. Численность — 148 человек, из них 20 офицеров.

Получив почти полную самостоятельность, ОМОН не знал обычных для милиции проблем и мог сам выбирать себе занятие. Скажем, по своей инициативе занялся борьбой с нелегальной торговлей спиртным — родом преступности, широко распространившимся из-за антиалкогольного законодательства.

Омоновцы расправлялись с торговцами на месте: забирали у них деньги и спиртное, действовали кулаками, дубинками и прикладами. Жаловаться торговцы не смели. Омоновцы сделали для себя вывод: они сами могут выполнять функции «неповоротливой» прокуратуры и «слишком мягкого» суда.

В первый год своей деятельности твердость и решительность ОМОНа многим нравились. Выгодно отличающиеся от своих коллег по милиции, умелые, крепкие парни вселяли в рижан уверенность. Мелкие прегрешения таким замечательным ребятам можно было простить.

Главная причина всех последующих событий состоит в том, что рижский ОМОН был создан в Латвийской Советской Социалистической Республике, а она в мае 1990 года фактически перестала существовать. Москва не хотела признавать независимость Латвии, Литвы и Эстонии и спровоцировала тяжелую политическую борьбу в республике.

Крючковский КГБ снабжал президента Горбачева разведсводками, из которых следовало, что за всеми процессами в Прибалтике стоит агентура ЦРУ. Прессу те же источники снабжали «достоверной информацией» о прибалтийских боевиках, которые будто бы располагают большими запасами оружия.

В Латвии установилось опасное двоевластие. С одной стороны, законно избранный парламент и сформированное им правительство. С другой — антиправительственная коалиция: Компартия, Интердвижение, Прибалтийский военный округ (его штаб находился в Риге), структуры КГБ.

Первоначально ОМОН поддержал новую власть. 15 мая 1990 года он стал героем в глазах латышского народа. В этот день Прибалтийский военный округ в первый раз попытался свергнуть законно избранную власть. Офицеры штаба округа и переодетые в штатское курсанты военных училищ штурмовали здание латвийского парламента. Я был в тот день в Риге у здания парламента и видел толпу военных, заполонивших центр города.

Когда офицеры стали ломиться в двери парламента, власти вызвали ОМОН. «Черные береты» с нескрываемым удовольствием прошлись дубинками по головам полковников и майоров. Штурм был отбит. Омоновцы чувствовали себя героями и ждали заслуженного вознаграждения. Но его не последовало.

Омоновцами командовал министр внутренних дел республики Бруно Штейнбрик, бывший генерал из КГБ. Он недолго возглавлял Главное управление уголовного розыска в союзном министерстве в Москве, но чувствовал себя там неуютно и с удо-

вольствием вернулся в Ригу на должность республиканского министра.

Но новая власть не сумела или не захотела поладить с ОМОНОм. Бруно Штейнбрика, который умел находить с омовцами общий язык, убрали. Назначили нового министра — Алоиза Вазниса, бывшего начальника уголовного розыска республики, одного из лучших розыскников в стране.

Вазнис стал одной из жертв чистки, устроенной Федорчуком в бытность министром внутренних дел: его тогда сняли с должности. Бруно Штейнбрик вернул Вазниса на прежнее место, не подозревая, что готовит себе смену.

Сычрик Вазнис больше устраивал новую власть, чем чекист Штейнбрик. Но омовцы встретили его в штыки.

Вазнис, соответственно, рассматривал рижскую милицию как цитадель оппозиции. В Риге латышей было меньше половины, а в рижской милиции и того меньше — примерно пятая часть. На эту службу вербовали молодых солдат со всей страны, обещая жилье в одном из самых престижных городов страны.

Объявление независимости Латвии оказалось для стражей порядка неприятным сюрпризом. Малый стаж рижской жизни не гарантировал им получения гражданства, латышского языка они не знали, перспектива служебного роста стала весьма проблематичной.

Министр Вазнис не поехал на базу ОМОНа, где его ждали, вместо этого он нанес «черным беретам» чувствительный удар. Прежний министр разрешил им открыть кооператив «Викинг», который брал на себя охрану ресторанов, кооперативов и отдельных лиц, которым это было по карману. Рижские омовцы сразу поняли, что значительно приятнее за деньги охранять тех, кого в противном случае, возможно, пришлось бы ловить.

Министр Вазнис запретил своим подчиненным работать в кооперативах. Командир отряда подполковник Эдгар Лымарь отказался подчиняться новому министру и через газету Компартии «Советская Латвия» заявил, что будет выполнять только те приказы, которые не противоречат Конституции СССР и Конституции Латвийской ССР.

Правительство и ОМОН стали врагами.

Когда новый парламент Латвии назначил нового прокурора, омовцы выставили посты у здания прокуратуры и не пустили его в здание. Так в Риге появились две прокуратуры: Латвийской Республики и Латвийской ССР. Занятые борьбой друг с другом, они мало досаждали преступникам.

Министр Вазнис запретил выдавать взбунтовавшемуся ОМОНу положенную ему амуницию и горячее, написал письмо в Москву с требованием расформировать отряд.

В начале октября 1990 года ОМОН переподчинили 42-й дивизии внутренних войск. От министра внутренних дел СССР Вадима Бакатина потребовали «учесть нарастание сепаратистских настрое-

ний в Прибалтике и сохранить там ребят, верных Советской власти». Позднее Бакатин будет раскаиваться в том, что пошел на поводу у первого секретаря ЦК Компартии Латвии Альфредса Петровича Рубикса и сохранил ОМОН...

Приказы из Москвы омовцам передавал подполковник Гончаренко. После 1991 года он нашел убежище в Приднестровье, где под другой фамилией был назначен заместителем министра внутренних дел непризнанной Приднестровской Молдавской республики. Еще один рижский милиционер — и тоже под другой фамилией — стал там министром безопасности. В Приднестровье бежала большая группа рижских омовцев, которым там выдали новые документы. Осенью 1993 года они с оружием в руках приехали в Москву, чтобы воевать против Ельцина...

В конце 1990 года Бакатина убрали из министерства внутренних дел. Его место занял Борис Карлович Пуго, который был председателем КГБ Латвии, а затем первым секретарем ЦК Компартии республики. Горбачев сменил преданного себе человека на того, кто предаст его при первой возможности...

Год с небольшим — от провозглашения независимости Латвии до ее признания Москвой — ОМОН был в каком-то смысле хозяином Риги. Его использовали для психологического террора против новой власти. Именно омовцы стали для латышей олицетворением политики Москвы.

Омовцы катались по городу, задерживали «подозрительных», без суда и следствия разбирались с «виновными», врываются в рестораны, иногда стреляли, куражились.

Бывший сотрудник ОМОНа Герман Глазер рассказывал на пресс-конференции:

— Командир отряда Млынник готовил бойцов к тому, чтобы «покончить с фашизмом в Латвии и поставить здесь наместника Президента СССР...»

Бакатин, пока был министром, ставил вопрос так: или пусть рижский ОМОН подчиняется республике, или его надо расформировать. Пуго превратил ОМОН в боевой отряд латвийской Компартии. По его приказу ОМОН занял Дом печати, где находились редакции всех республиканских газет и журналов.

— Так вам будет спокойнее работать, — издевательски говорили они журналистам.

Особое усердие при захвате Дома печати проявил старший лейтенант Александр Кузьмин. У него были свои счеты с журналистами. Газета «Советская молодежь» красочно описала, как омовцы гуляли в ресторане «Соната». Началась пьяная драка, одному из своих противников лейтенант Кузьмин прострелил ногу, другому попал в живот...

КГБ и министерство обороны не смогли получить у Горбачева санкцию на введение в Прибалтике чрезвычайного положения, поэтому пытались спровоцировать балтийские правительства на при-

менение силы. Нужен был предлог для разгона парламента и правительства.

В январе 1991 года ОМОН пытался установить свои порядки в Риге. Отряд взял штурмом здание министерства внутренних дел республики. При этом погибли четыре человека — двое милиционеров, оператор киностудии и случайный прохожий. Омоновцы считали себя хозяевами города. Они говорили:

— Да, мы профессионалы-наемники, но мы живем по законам справедливости.

После этих событий они ощутили ненависть целого города. Теперь они постоянно боялись нападения. На базе два-три раза в ночь объявлялась боевая тревога. Строили дзоты, баррикады из мешков с песком.

После провала августовского путча 1991-го для них все кончилось. Через неделю они бежали из Латвии. Они уезжали на трех бронетранспортерах, на которых было написано: «Мы еще вернемся». Прикрывая отход, омоновцы бросили несколько дымовых шашек. Но никто не пытался помешать им уехать.

КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ

Поведение Бакатина вызывало гнев сторонников консервативной линии. Бакатин к тому же охотно беседовал с журналистами, говорил откровенно, резко. На Горбачева давили, требуя заменить Бакатина. И Горбачев, как выразился сам Вадим Викторович, струсил и сдал министра.

Накануне ноябрьской демонстрации 1990 года Горбачев приказал министру внутренних дел Вадиму Бакатину сделать так, чтобы не было никаких альтернативных демонстраций.

Бакатин доложил, что запрещать демонстрации нельзя — нет у него такого права. Его ответ присутствовавшим не понравился. Председатель КГБ Владимир Крючков потребовал продемонстрировать силу.

Бакатин сказал ему:

— Вот и покажите. Кто хочет запрещать, пусть свой запрет сам и реализует. Милиция этим заниматься не будет.

Горбачев взорвался, обвинил Бакатина в трусости. После совещания Бакатин подошел к Горбачеву, спросил:

— Кому сдавать дела?

Горбачев, не глядя, ответил:

— Продолжай работать! Я скажу, когда сдавать.

Спор на совещании у президента был лишь эпизодом.

Отставки Бакатина с поста министра внутренних дел добивались руководители КГБ, а также лидеры Компартий Украины, Белоруссии и особенно Прибалтийских республик. Они требовали жестких мер против новой власти в республиках, а Бакатин исходил из того,

что не надо портить отношения с Литвой, Латвией и Эстонией, потом легче будет с ними ладить.

1 декабря Горбачев подписал указ об отставке Бакатина, пригласил его:

— Ну вот, как мы говорили с тобой, теперь время пришло. Тебе надо уйти с этой работы.

Бакатин был к этому готов:

— Вы правы, Михаил Сергеевич, вы меня сюда поставили, вы вправе меня убрать. Если бы я был кадровым милиционером, прошел бы всю жизнь до генерала, то это — крушение моей жизни. Я вас не устраиваю, вы меня можете убрать. Но это ошибка.

Горбачев не хотел развивать эту тему:

— Все, вопрос решен.

Новым министром Горбачев назначил Пуго, его первым заместителем — генерала Бориса Всеволодовича Громова.

3 декабря, в понедельник, глава правительства Николай Рыжков приехал в МВД вместе с Пуго, представил нового министра. Бакатин и Пуго просидели вдвоем с часу до шести вечера. Потом Бакатин собрал руководящий состав министерства и попрощался. Сказал так:

— Я власть уважаю, поэтому так же отношусь и к указу президента о моем смещении с поста министра. Хотя сам я никаких заявлений не писал. Более того, такой акт безотносительно к личности (Бакатина или кого-то другого) считаю при данной обстановке в стране неправильным...

Но Горбачев не хотел терять Бакатина и оставил его при себе в качестве члена Президентского совета. Он сидел в Кремле на третьем этаже — рядом с Горбачевым.

Бывший помощник президента Георгий Хосроевич Шахназаров вспоминает не без иронии:

— Бакатин, Примаков, Ревенко маялись бездельем и только после долгих препирательств с Болдыным получили кабинеты. Да и потом им приходилось в основном ждать, пока президент даст поручение, а в оставшееся время навещать друг друга и сетовать на никчемность своего положения. Кто-то тогда сострил: «Что такое член Президентского совета? Это безработный с президентским окладом».

В словах Шахназарова кроется, похоже, некая ревность — почему одни люди в окружении Горбачева оставались в чиновничьей должности помощников, а других, которым и заняться вроде как нечем, вознесли в члены Президентского совета?

Президентский совет Горбачев вскоре распустил. Вместо него в марте 1991 года создал новую структуру — Совет безопасности, своего рода политбюро. Включил в него и Вадима Бакатина. Совет безопасности тоже оказался декоративным органом. Положение о Совете безопасности, которое Примаков и Бакатин написали и передали вице-президенту Янаеву, чтобы он доложил Горбачеву, так и осталось у Янаева.

Но время от времени Горбачев давал Бакатину отдельные поручения. На этой почве у него вышел конфликт с новым министром Борисом Пуго. Вадим Викторович побывал в дивизии имени Дзержинского внутренних войск МВД СССР, не предупредив Пуго. Тот выразил недовольство.

Бакатин попросил командующего внутренними войсками генерала Юрия Шаталина подготовить справку о действиях внутренних войск в Нагорном Карабахе. Пуго запретил Шаталину давать какую-либо информацию Бакатину. У бывшего министра и его премника состоялся неприятный разговор.

Пуго твердо сказал Бакатину:

— Если я правильно понял Михаила Сергеевича, вы в наши дела не вмешиваетесь.

В апреле 1991 года Бакатин пригласил к себе командующего внутренними войсками Шаталина, чтобы расспросить его о положении в Южной Осетии. Но Пуго и вовсе запретил генералу приходить к Бакатину.

Бакатин обратился с возмущенным письмом к Горбачеву:

«Это уже второй подобный случай. После первого Б.К. Пуго дал понять, что действует с Вашего согласия. Я не намерен дважды объясняться с ним по одному и тому же вопросу и прошу Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, либо указать товарищу Пуго на недопустимость его поведения, мешающего делу, и порекомендовать впредь подобных случаев не допускать, либо, если Вы считаете, что он прав, прошу освободить меня от обязанностей члена Совета безопасности СССР, потому что в этом случае у меня не остается абсолютно никаких возможностей (при отсутствии информации, аппарата и прав) для того, чтобы их хоть каким-то образом исполнять».

Горбачев мягко сказал Бакатину:

— Работай. Борис Карлович не прав. Я скажу ему...

Видя, что Бакатин тоскует без реального дела, Горбачев предложил ему место первого заместителя премьер-министра. Но Совет Федерации с кандидатурой Бакатина не согласился.

Тогда его хотели назначить просто заместителем главы правительства — курировать отраслевые министерства. Тут уж Бакатин сам отказался. Сказал, что он в этих сферах дилетант. Но скорее всего, он просто не хотел принимать малозначущую должность.

Работая в Совете безопасности, он написал заявление начальнику Девятого управления КГБ Плеханову, что отказывается от охраны.

Вадим Бакатин находился в расцвете сил, жаждал активной политической деятельности и видел себя на первых ролях. Он был человеком известным, заметным, хотя, возможно, переоценивал степень своей популярности.

Бакатин представлялся человеком самоуверенным, несколько кокетливым, не забывающим о том, что он нравится женщинам. Он показал себя дельным администратором и порядочным чело-

веком и явно заслуживал более заметной работы, чем неопределенное членство в Совете безопасности, хотя, с другой стороны, для чего-то большего ему явно не хватало образа самостоятельного политика. Он все же выставил свою кандидатуру на первых президентских выборах в России в июне 1991 года, став соперником Ельцина.

Считается, что Ельцин собирался пригласить Бакатина на роль вице-президента. Но Вадим Викторович отказался — то ли потому, что всерьез верил в свою победу, то ли выполнял просьбу Горбачева, который мечтал провалить Ельцина и надеялся, что Бакатин оттянет ельцинские голоса.

Конфиденциально переговорить с Бакатиным было поручено депутату Сергею Вадимовичу Степашину. Он спросил Бакатина:

— Как бы вы отнеслись к предложению Ельцина идти с ним на выборы в качестве вице-президента?

Бакатин попросил поблагодарить Бориса Николаевича и сказать, что думать на эту тему уже не имеет смысла — он только что подал заявление в избирком с просьбой зарегистрировать его кандидатуру.

Бакатин сделал большую ошибку. И для него, и для всех было бы лучше, если бы он в 1991-м стал вице-президентом России. Скорее всего, страна избежала бы трагических событий октября 1993 года...

Пресса и телевидение поддерживали Бакатина, о нем доброжелательно писали и говорили. В лагере Ельцина за ним ревниво следили и были обижены на то, что он посмел конкурировать с Борисом Николаевичем.

А после подсчета голосов выяснилось, что из всех кандидатов Бакатин собрал наименьшее количество голосов — всего 3,42 процента.

Специалисты считают, что на выборах Бакатин сделал много ошибок. Отказался от помощи первых профессионалов, которые занимались имиджем политиков. Запретил выпускать пропагандистские листовки и плакаты. Неудачно выступал, речи у него получались слишком длинными и академическими.

Одни избиратели, глядя на послужной список кандидата, воспринимали его как партаппаратчика, хотя, по сути, он им и не был. Другим Бакатин казался нерешительным человеком с расплывчатой программой. Кандидатом в вице-президенты он предложил Рамазана Хаджимуратовича Абдулатипова, который отнюдь не у всех вызывает симпатию.

Олег Максимович Попцов, первый руководитель российского телевидения, считает, что сам Бакатин вел предвыборную президентскую кампанию вяло. Против него работал убывающий авторитет Горбачева. Назвав в качестве вице-президента Абдулатипова, Бакатин не помирился с правоверными коммунистами и оттолкнул от себя либеральное крыло...

Но его главная проблема состояла в том, что те люди, которые в принципе симпатизировали Бакатину, все-таки проголосовали за Ельцина. А противники Ельцина, естественно, не хотели поддерживать Бакатина.

ПОСЛЕДНИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

В дни августовского путча 1991 года Бакатин повел себя лояльно к президенту Горбачеву, не захотел сотрудничать с ГКЧП, написал заявление с отказом от исполнения своих обязанностей члена Совета безопасности. Затем подписал другое заявление вместе с Примаковым, выражая протест против ГКЧП:

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М.С. Горбачев здоров.

Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

Бакатин звонил министру обороны Язову с просьбой не штурмовать Белый дом. И наконец, вместе с представителями российской власти полетел к Горбачеву в Форос. Его твердость была вознаграждена.

Председатель КГБ Владимир Александрович Крючков был арестован вечером 21 августа.

22 августа в полдень Горбачев вызвал в Кремль начальника разведки и заместителя председателя КГБ Леонида Владимировича Шебаршина и назначил его временно исполняющим обязанности председателя КГБ.

Леонид Шебаршин — один из самых известных разведчиков. В 1958 году окончил Институт международных отношений, и его взяли в министерство иностранных дел. Он сразу поехал в Пакистан. Начинать с должности помощника и переводчика посла, которым был известный дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица. Под его крылом Шебаршин быстро получил повышение — атташе, третий секретарь. Осенью 1962 года он вернулся в Москву, стал работать в центральном аппарате МИД — референтом в отделе Юго-Восточной Азии. И почти сразу его пригласили в КГБ.

Он принял это предложение с удовольствием. Закончил разведшколу и начал службу в Первом главном управлении КГБ. В декабре 1964-го он вновь отправился в Пакистан, теперь уже в роли помощника резидента. После возвращения из командировки летом 1968 года прошел годичные курсы усовершенствования при Первом главном управлении КГБ, что необходимо было для служебного ро-

ста. Два года в Москве, и он отправляется заместителем резидента в Индию — главный форпост советской разведки на Востоке. Там была огромная резидентура, на которую не жалели денег, потому что в Индии можно делать то, что непозволительно в любой другой стране.

В 1969 году в Иерусалиме загорелась мусульманская мечеть Аль-Акса. В мусульманском мире вину возложили на Израиль, советская пропаганда рада обличать сионистский режим.

Андропов написал секретную записку Брежневу:

«Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969—1971 годах.

Просим рассмотреть».

Брежнев написал: «Согласиться».

Леонид Шебаршин проработал в Индии шесть лет и добился очевидных успехов. В апреле 1977 года он приступил к работе в Ясенево заместителем начальника отдела, а в мае 1978-го был назначен резидентом в Иране. Он руководил советской разведкой в Иране в самый сложный период исламской революции.

Его пребывание в Тегеране омрачил побег сотрудника резидентуры Кузичкина. Обычно за побег подчиненного сурово наказывают. Но обошлось. Он прослужил в Тегеране четыре года, вернулся весной 1983 года. Несколько месяцев проработал заместителем начальника отдела, а осенью стал заместителем начальника информационного управления разведки.

В апреле 1987 года Крючков сделал Шебаршина своим заместителем. А в январе 1989-го, возглавив КГБ, Крючков передал Шебаршину свой кабинет и всю советскую разведку.

Достаточно молодой для своей высокой должности, Леонид Владимирович мог еще долго оставаться на своем посту. Участия в августовском путче 1991 года Шебаршин не принимал. Председатель КГБ Владимир Крючков таланты Шебаршина ценил, но у него были люди и поближе — их он и втянул в путч.

Леонид Шебаршин после ареста Крючкова ровно одни сутки — с полудня 22 августа до двух часов дня 23 августа — возглавлял КГБ. Шебаршин успел только подписать приказ о департизации КГБ, и парткомы в комитете прекратили свою деятельность. Но на должность постоянного хозяина Лубянки он не годился, потому что после путча стало ясно, что КГБ должен быть если не разрушен, то преобразован в нечто новое, не представляющее опасности для страны. Кроме того, союзные республики требовали поделить госбезопасность, чтобы создать собственную разведку...

В пятницу, 23 августа, председателем КГБ был назначен Вадим Викторович Бакатин.

Его пригласили в кабинет Горбачева в Кремле, где сидели президенты союзных республик. Горбачев сказал:

— Вот мы тут все вместе решили предложить вам возглавить Комитет государственной безопасности.

Бакатин предложил вместо себя академика Юрия Рыжова, который в Верховном Совете СССР возглавлял комитет по безопасности. Рыжов, человек порядочный и прогрессивный, пользовался уважением. Но на Лубянку хотели отправить человека более жесткого и решительного. Бакатину президенты объяснили, что КГБ в нынешнем виде должен перестать существовать. Ельцин никогда не любил госбезопасность, а Горбачев в дни путча убедился, как опасно это ведомство.

Вадим Викторович поехал на площадь Дзержинского принимать дела и проводить первое совещание коллегии комитета. Академик Рыжов вскоре стал послом во Франции. Начальник разведки Шебаршин вернулся к себе в Ясенево.

В три часа дня 23 августа Бакатин в первый раз приехал в новое здание КГБ на площади Дзержинского. На площади шел митинг. А чекисты — десятки тысяч хорошо подготовленных и вооруженных людей — испуганно замерли в своих кабинетах, боясь, что толпа ворвется в здание и их всех выгонят, как выгнали сотрудников ЦК КПСС со Старой площади. Но обошлось — снесли только памятник Дзержинскому и со старого здания сняли памятную доску, посвященную Андропову.

На штурм КГБ, как это произошло в Берлине в январе 1990 года, когда берлинцы ворвались в главное здание министерства государственной безопасности ГДР, толпа не решилась. Да и чекисты не решились выйти из здания и защитить своих кумиров — толпа была совсем небольшой.

Генерал-лейтенант Шебаршин, как и все остальные заместители председателя КГБ, по указанию Горбачева написал подробную справку о том, что он делал в дни путча. Это была формальность. Лично Шебаршина ни в чем не винили. Единственное, что он сделал, — разослал во все заграничные резидентуры разведки документы ГКЧП.

Подчиненные ему спецназовцы, которых на случай войны готовили к диверсионным действиям в тылу противника, так называемый Отдельный учебный центр Первого главного управления, в штурме Белого дома участвовать отказались.

Но особого доверия к Шебаршину тоже не было — все-таки его назначил Крючков, путчист номер один, который к тому времени сидел в «Матросской Тишине».

25 августа, в воскресенье утром, Шебаршин написал новому председателю КГБ Вадиму Бакатину первый рапорт:

«19—21 августа с. г. я оказался не в состоянии дать правильную оценку действий Крючкова и других участников заговора и не сумел правильно ориентировать личный состав Первого главного управления — людей честных, дисциплинированных, преданных Родине.

Прошу освободить меня... и уволить...»

Рапорт остался без внимания. У Бакатина были неотложные проблемы, разведка к их числу не относилась. Шебаршин сразу сказал, что он сторонник выделения разведки в самостоятельную службу, чтобы избавиться от «хвоста» КГБ. Бакатин с ним согласился. Однако стать первым главой независимой разведывательной службы Шебаршину было не суждено.

Между Бакатиным и Шебаршиным возникла личная неприязнь. Они были схожи характерами — самоуверенные, резкие и не уважали друг друга.

Через три недели, в середине сентября, новое руководство КГБ назначило Шебаршину, против его желания, первого заместителя — полковника Владимира Михайловича Рожкова. Шебаршин возмутился и 18 сентября позвонил Бакатину. Бакатин недовольно ответил:

— Где вы были раньше? Я уже приказ подписал.

После короткого разговора на повышенных тонах Шебаршин сказал, что дальше так работать не может и просит освободить его от должности. Он, вероятно, рассчитывал, что новый председатель пойдет на попятный. Но разозлившийся Бакатин решил, что его шантажируют, и возражать против отставки Шебаршина не стал.

В результате Шебаршин написал председателю КГБ новый рапорт:

«Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен N.

Решение об этом назначении было принято в обход Первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли возможным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. N.

В прошлом, как Вам известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в Первое главное управление КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме — на основе личных связей, без учета деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования.

Судя по тону Вашего разговора со мной по телефону 18 сентября с. г., Вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Этот рапорт был принят. Генерал-лейтенант Шебаршин в пятьдесят шесть лет стал пенсионером.

Евгений Максимович Примаков, который вскоре занял его место, предложил Шебаршину вернуться первым замом, считая, что такой опытный человек должен продолжить работу в разведке. Но Леонид Владимирович отказался: ему не хотелось возвращаться в Ясенево вторым человеком — после того как он столько лет был там хозяином.

А полковника Рожкова, из-за которого ушел Шебаршин, обходительный Примаков переместил на должность простого заместителя, а потом отправил представителем Службы внешней разведки в Федеративную Республику Германию, где тот — уже в звании генерал-лейтенанта — служил до своей смерти в 1996 году.

КОНЕЦ ПЯТОГО УПРАВЛЕНИЯ

Вадим Бакатин занялся преобразованием Комитета госбезопасности, который просуществовал 37 лет.

Сразу же было решено, что Комитет государственной безопасности, этот монстр, будет демонтирован, рассказывал мне Бакатин. Надо было это сделать хотя бы для того, чтобы сохранить разведку. Ведь в то время президенты всех республик претендовали на наследство СССР, хотя Советский Союз еще существовал. Разведка все-таки была сразу выделена за скобки. Она осталась единой, обслуживающей все республики. А остальную часть комитета делили. Происходило перетаскивание людей из кабинетов в кабинеты...

Когда Бакатина назначили председателем Комитета государственной безопасности СССР, обсуждались разные планы — от радикальной идеи распустить КГБ и создать совершенно новую спецслужбу с ограниченными функциями до осторожного предложения ограничиться косметической реформой комитета. Бакатин выбрал нечто среднее.

— Спецслужбы в такой период очень нужны, — говорил Бакатин. — Все мы наполовину в социализме, наполовину в капитализме. Выгнать старых профессионалов — значит разведку ликвидировать. Только если кому-то идеология мешает служить государству, тогда от него надо избавиться...

Вадим Викторович, по существу, спас ведомство госбезопасности, хотя его называют разрушителем КГБ.

Бакатин передал войска КГБ министерству обороны. Это были те несколько дивизий, которые с дальним прицелом на случай чрезвычайного положения забрал у армии его предшественник Крючков.

Пограничные войска тоже вышли из КГБ, был создан самостоятельный Комитет по охране государственной границы. После распада СССР Ельцин включил пограничников в состав Министерства безопасности России, а в 1993 году они опять получили самостоятельность, и была образована Федеральная пограничная служба.

Службу охраны — бывшее Девятое управление, которое заботилось о членах политбюро, подчинили непосредственно Горбачеву. Больше председатель КГБ не мог арестовать президента. При Ельцине были созданы два ведомства — Служба безопасности президента (ее возглавлял всесильный до своего падения генерал Александр Коржаков) и Главное управление охраны, которое охраняло осталь-

ных государственных чиновников. Затем обе службы объединили в единую Федеральную службу охраны Российской Федерации.

Управление правительственной связи, Восьмое главное управление (обеспечение безопасности собственных секретных переговоров и расшифровка чужих) и Шестнадцатое управление (перехват радио- и телефонных переговоров) тоже изъяли из состава КГБ и объединили в Комитет правительственной связи при Президенте СССР. Теперь председатель КГБ ни у кого не мог отключить связь. И главное, информация, получаемая радиоэлектронной разведкой, пошла президенту напрямую, а не через Председателя КГБ. С 1993 года это ведомство называется ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте России.

Бакатин упразднил бывшее пятое управление, которое занималось политическим сыском, слежкой за интеллигенцией, церковью, национальными движениями. Он заявил:

— Слежка, или политический сыск, или надзор по политическим мотивам, прекращены полностью, за это я могу ручаться.

Такие слова значили многое. Но Бакатин ненадолго задержится на Лубянке.

Между прочим, в архиве КГБ Бакатину нашли дело его деда, работавшего на элеваторе. Александра Петровича Бакатина обвинили в том, что он работал на японскую разведку, участвовал в кадетско-монархической повстанческой организации и хотел взорвать элеватор, и расстреляли в 1937 году.

Министр обороны маршал Евгений Иванович Шапошников просил передать в министерство обороны Третье главное управление КГБ — военную контрразведку. Вадим Бакатин согласился было, но быстро передумал. В Кремле не захотели, чтобы армейская контрразведка стала карманным ведомством министерства обороны. Контроль над армией остался в руках начальника госбезопасности.

Но от контроля над милицией органы госбезопасности временно вынуждены были отказаться — по требованию министра внутренних дел Виктора Павловича Баранникова.

«УВЕДИТЕ АРЕСТОВАННОГО!»

Осенью 1991 года я разговаривал с популярным тогда политиком, народным депутатом СССР Аркадием Николаевичем Мурашевым, молодым и жизнерадостным человеком. Его только что назначили начальником Главного управления внутренних дел Москвы. Я спросил Мурашева:

— Раньше милиция контролировалась сотрудниками госбезопасности, люди КГБ были внутри милицейского аппарата. Как сейчас складываются отношения с комитетом?

— Людей КГБ у нас забрали, — рассказал мне Мурашев. — Отношения с госбезопасностью у нас сейчас хорошие, рабочие, и мы в свою очередь расформировали подразделение, которое действовало против КГБ. Да работникам КГБ вовсе нечего делать, они переключаются на борьбу с преступностью...

Это сейчас ясно, как наивен был Аркадий Мурашев, а тогда вопрос «Какие спецслужбы нужны стране и что они должны делать?» еще не был решен.

После Мурашева я беседовал с тогдашним начальником московской госбезопасности Евгением Вадимовичем Савостьяновым. Человек науки, он был таким же чужаком для КГБ, как Мурашев для МВД. Савостьянова потом снимут с должности по требованию генерала Коржакова, а после увольнения Коржакова возьмут в администрацию президента заниматься силовыми структурами.

В каждом учреждении шутят по-своему.

— Введите арестованного! — Этими словами дежурный адъютант с синими петлицами офицера госбезопасности разрешил сотруднику пресс-бюро пропустить меня к своему начальнику, который сидел в огромном полутемном кабинете.

Поднявшийся мне навстречу человек с седеющей бородкой и очаровательной улыбкой, научный работник по профессии, был символом перемен, наступивших в этом стеклобетонном здании без вывески.

Я спросил Савостьянова:

— Ваш друг и единомышленник Аркадий Мурашев уверен, что вашему ведомству попросту нечего делать. Вы согласны с вашим другом?

Ехидный вопрос не произвел никакого впечатления. Савостьянов ответил:

— Для нашей организации должно быть типичным, что люди со стороны не подозревают о том, чем мы тут занимаемся.

— А чем же?

— У нас есть официально сформулированные задачи: разведка, контрразведка, информационно-аналитическая работа, борьба с терроризмом. Что касается борьбы с преступностью, то, на мой взгляд, нам незачем за это браться. Это могло бы делать МВД. Зато нам следовало бы заниматься внутренней политической разведкой. Думаю, пройдет период кокетливых полупризнаний, и нам прямо скажут: как и в других государствах, нужно следить за политической температурой в обществе, знать, в каких слоях общества назревают настроения в пользу насильственного свержения правящих структур, изменения конституционного строя.

— А что делает ваша агентура?

— Агентура фактически заброшена, или, скажем так, законсервирована.

— Как вы себя чувствуете на заседаниях, усаживаясь за стол вместе с людьми, которые лет двадцать прослужили в этом ведомстве?

— Я себя чувствую человеком, который понимает, о чем идет речь, и в состоянии изложить свою точку зрения. Со свойственной мне нескромностью должен заметить, что она часто разделяется другими.

— А вам не кажется, что здесь существует каста, которая пока вынуждена терпеть ваше присутствие, но на самом деле они предпочли бы поговорить без вас?

— То, что какие-то вопросы им хотелось бы обсудить без меня, это совершенно нормально. Но серьезного отчуждения я не замечаю.

— Вы не боитесь, что вам подставят ножку?

— Если бы мне хотели подставить ножку, вытолкнуть, давно уже могли бы это сделать.

— Вы считаете, что контролируете свое ведомство? Вы знаете, как настроены ваши подчиненные?

— Основные настроения мне известны. Если вы думаете, что люди, работающие здесь, были бесконечно преданы коммунистическому режиму, то вы ошибаетесь. Они были хорошо осведомлены. Многие видели, многие знали, многое понимали. Не надо представлять их идиотами, которые...

— Это вовсе не идиотизм. Это просто органическое или ведомственное неприятие свободомыслия.

— Такие люди есть. Мне приходится с ними сталкиваться.

— Вы стараетесь избавиться от них?

— Ни от кого я не пытаюсь избавиться. Можно было бы всех разогнать, как в семнадцатом, а потом опять набирать профессионалов. Мы пошли по другому пути: поставили перед теми же людьми новые задачи...

Разговор закончился. Дежурный адъютант глянул на меня и снял трубку телефона внутренней связи:

— Уведите арестованного...

Главная задача, которую ставили перед собой Бакатин и узкий круг его единомышленников, — сделать ведомство госбезопасности безопасным для общества, не меняя чекистский аппарат. Вероятно, они были слишком наивны.

Думали, что Бакатин пришел надолго, сулили ему бурную политическую карьеру. Вадима Викторовича тогда считали очень влиятельным политиком. Он был на виду, страна следила за каждым его шагом, газеты цитировали любое выступление.

Вадим Бакатин, придя в КГБ, отказался от присвоения очередного воинского звания — генерал-полковник — и остался генерал-лейтенантом (звание, полученное в министерстве внутренних дел), хотя на этой должности мог быстро стать генералом армии, что и делали его предшественники и преемники.

Но Бакатин продержался в КГБ очень недолго.

Как он сам говорил, пришел чужак в закрытую корпорацию. Подчиненные встретили его с трудно скрываемым раздражением.

Доктор исторических наук Вячеслав Алексеевич Никонов был помощником Бакатина в КГБ. Он вспоминает:

— Некоторые его приказы не выполнялись. Вообще в КГБ к людям со стороны относятся с большим недоверием. Кроме того, в КГБ не любят милицейских, а Бакатин был до этого министром внутренних дел. У чекистов было ощущение, что Бакатин на Лубянке не удержится, и уж слишком раскрываться перед ним они не хотели...

А еще он действовал крайне жестко, и его просто возненавидели. Как мне говорил один из его сотрудников, Бакатин — очень резкий человек, бесконечно требовательный и постоянно недовольный подчиненными. Он кричал на подчиненных, матерился, работать с ним было трудно. Ему можно было возразить, переубедить — никогда... Сам о себе он говорил: «У меня скверный характер». В интервью «Литературной газете» он признал: «Конечно, от обкома у меня осталась нетерпимость к другой точке зрения, неумение выслушать. Ну а грубость — это уже от стройки».

Грубых начальников в КГБ видали. Тут дело было в другом. Бакатин говорил: «Традиции чекизма надо искоренить, чекизм как идеология должен перестать существовать. Мы должны руководствоваться законом, а не идеологией». Можно представить себе, какую это вызывало реакцию в комитете.

Он очень невысоко оценил КГБ, чем, вероятно, сильно обидел его сотрудников: «Я раньше всегда удивлялся, что Крючкову на любую сессию или совещание чемоданами тащили бумаги и он сидел и что-то такое с ними делал... Когда я сам увидел эти бумаги, то с удивлением обнаружил, что почти все эти бумаги пустые, то, что нормальный человек мог узнать еще день назад из газет».

Вячеслав Никонов:

— Бакатин изумился тому, какое количество ненужных бумаг ему идет. Поступало много рутинной информации. Значительная часть донесений разведки содержала в себе реакцию Запада на те или иные выступления советских лидеров или западные оценки происходящего у нас внутри страны. Говорить о том, что на стол председателя КГБ стекалась сверхценная информация, не приходилось...

Зато КГБ преуспел в другом. В интервью немецкому журналу «Штерн» Бакатин говорил: «То, что наша экономика сегодня истощена и почти разрушена в результате неуклонной гонки вооружений, объясняется информационной политикой секретных служб. Они всегда утверждали, что мы отстаем в военном отношении...»

Бакатин говорил мне, что он думает о КГБ:

— В контрразведке тогда шли бесконечные дискуссии о чекизме и чекистских традициях. Плюс ведомственные склоки. И при этом не могли понять, что деятели ГКЧП сами все развалили. Разве может спецслужба так плохо спланировать даже путч? КГБ все проморгал — государство развалилось, а они не заметили. КГБ и не спецслужба вовсе. Потом, когда чеченская война началась, чекист-

тов ругали: Дудаева поймать не могут! Да они не приучены ловить, не готовы к такой работе, какой профессиональные спецслужбы должны заниматься. Их работа была следить, что какой профессор где говорит. Или гадить ЦРУ в какой-нибудь африканской стране...

АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛГОСТРОЙ В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ

Чекисты возненавидели Бакатина после знаменитой истории с американским посольством.

В реальности скандал разгорелся задолго до назначения Бакатина в КГБ — в августе 1985 года, когда американцы заявили, что строящееся в Москве новое здание посольства Соединенных Штатов шпиговано подслушивающими устройствами.

В почти готовом здании были прекращены все работы. Советских рабочих, которые ударно трудились на американской стройке, изгнали с территории посольства.

Американская служба безопасности выяснила, что советские мастера начинили стены таким количеством подслушивающих устройств, что здание превратилось в один большой микрофон. Сенат США пришел к выводу, что «это самая масштабная, самая сложная и умело проведенная разведывательная операция в истории». Эту операцию следовало бы назвать и самой бессмысленной, поскольку деньги были потрачены зря...

Посольство Соединенных Штатов давно нуждалось в улучшении жилищных условий. Советское посольство в Вашингтоне тоже жаждало того же. Беседы о новом здании американцы начали вести с советскими чиновниками еще в 60-х годах. Решение было принято при президенте Ричарде Никсоне, который дважды приезжал в Москву и провозгласил вместе с Брежневым политику разрядки.

Для нового здания советского посольства нашли неплохое местечко в Вашингтоне. А американцы получили право расширить свой городок. Смету на строительство составили в 72 миллиона долларов. За шесть лет успели израсходовать 23 миллиона. Строительство началось в конце 1979 года. Операция КГБ СССР по оснащению нового здания посольства подслушивающей системой — тремя годами ранее, в 1976-м.

По взаимной договоренности несущие конструкции, стены, перекрытия сооружались из местных материалов. Облицовочные материалы и все, что необходимо для внутренней отделки, а также лифты, электрооборудование, оконные стекла и рамы американцы доставили с родины. Строили здание в основном советские рабочие, хотя некоторые специалисты и предупреждали правительство США, что это опасно.

Но государственный департамент торопился с завершением строительства. Всего несколько офицеров безопасности следили за рабочими и проверяли строительные материалы. Американские

спецслужбы высокомерно полагали, что сумеют легко обнаружить и демонтировать все подслушивающие устройства. Они недооценили научно-технический уровень советских коллег.

Большая часть подслушивающих устройств, как выяснилось позднее, была вмонтирована в бетонные плиты еще на заводе. КГБ использовал технику, которой не было у США. В стенах здания находились микрофоны такой чувствительности, что они записывали даже шепот. Советские агенты умудрились встроить подслушивающие устройства и в пишущие машинки, чтобы можно было расшифровать их дробь и понять, какой текст печатается.

Американцы смиренно признали, что российские спецслужбы на этом направлении обставили и европейцев, и самих американцев. «В искусстве подслушивания русские обошли всех», — утверждали американцы.

Советская спецтехника была снабжена собственным источником энергии, что позволяло электронике передавать каждое слово, произнесенное в здании посольства. Батареи, которые обеспечивали работу подслушивающих устройств, в основном уже истощились. Впрочем, говорили, что некоторые из них будут работать и в XXI веке.

Американские контрразведчики пришли к выводу, что практически невозможно избавить здание от подслушивающих устройств. Президент Рональд Рейган рекомендовал снести здание и построить новое. Но американские конгрессмены и сенаторы пришли к выводу, что США это не по карману.

В декабре 1991 года Вадим Бакатин сделал шаг, казавшийся невысказанным: передал американцам «техническую документацию средств специальной техники для съема информации».

Бакатин считал, что это докажет готовность Москвы к партнерству с Соединенными Штатами. Он объяснил, что 95 процентов всей подслушивающей системы американцы уже выявили сами. Он принял это решение не в одиночку, а спросив мнение технических подразделений КГБ.

Бакатин написал письмо президенту СССР. Горбачев наложил резолюцию: «Решите этот вопрос совместно с Панкиным».

И министр иностранных дел СССР Борис Дмитриевич Панкин, и сменивший его в ноябре 1991 года Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, и министр иностранных дел России Андрей Владимирович Козырев — все были «за».

Бакатин на всякий случай позвонил еще и Ельцину. Тот сказал: — Действуйте.

Но телефонный разговор к делу не подошьешь. Тут Бакатин допустил ошибку. Санкцию двух президентов он получил, а оправдательным документом не обзавелся, поэтому время от времени его вызывали в прокуратуру: есть люди, вознамерившиеся во что бы то ни стало сказать Бакатина... Рвение прокуратуры несколько сдерживал Юрий Скуратов, который был у Бакатина в КГБ советником. Перед уходом из прокуратуры Скуратов прекратил уголовное дело против Бакатина...

Но самое удивительное состояло в том, что американцы не поверили в искренность Вадима Бакатина. Они априори исходили из того, что всю правду им конечно же не скажут.

Десять лет продолжались слушания в конгрессе, готовились экспертные заключения, заседали правительственные ведомства. Это стоило десятков миллионов долларов. Столько же ушло на поддержание незавершенного строительства в порядке и на выяснение, сколько же в здании «жучков».

Учитывая соображения безопасности и финансовые проблемы, государственный департамент решил сохранить недостроенное здание посольства США — грандиозный памятник находчивости советских спецслужб и высокомерию американских. Здание не снесли, а достроили. Перестройка обошлась в 240 миллионов долларов. Это в четыре раза дороже первоначальной стоимости, но забота о безопасности требует жертв.

Когда в Вашингтоне наконец решили судьбу пустого и мрачного здания из красного кирпича, которое столько лет стоит в центре Москвы без всякого толка, я спросил в пресс-службе посольства, нельзя ли побывать на заброшенной стройке. Это было поздней весной 1996 года. Мне разрешили, но приставили ко мне мило улыбающуюся хрупкую барышню с большим револьвером в черной кобуре.

Она провела меня вокруг здания, бдительно следя за тем, чтобы я не переступил через невидимую черту: подходить близко к зданию иностранцам запрещалось. Барышня состояла во внутренней охране посольства, которую несет секретная служба США, подчиняющаяся по традиции министерству финансов и охраняющая президента и других высокопоставленных лиц.

Я поинтересовался потом в пресс-службе посольства, действительно ли милая барышня принадлежит к оперативному составу или она все же работает с бумагами, а револьвер носит по обязанности. В пресс-службе мне сообщили, что в обычные дни барышня не расстается с любимым автоматом, который на сей раз оставила в сейфе, чтобы меня не испугать.

На задворках заброшенного здания играли дети сотрудников посольства, молодые мамы прогуливались с колясками. Все как и в любом другом московском дворе, только чисто и никто ни на кого не кричит.

На пыльных стеклах заброшенного здания крупными буквами было написано: «Боже, благослови Америку». Много лет к зданию никто не прикасался — за исключением американских контрразведчиков, которые с помощью радиоизотопных томографов с кобальтовой пушкой изучали новейшие образцы советской подслушивающей техники.

Вашингтонская архитектурная фирма предложила подходящий проект. Рабочие ободрали фасад, снесли два верхних этажа и надстроили четыре новых, уже свободных от подслушивающих устройств. Здание стало десятиэтажным — на два этажа выше, чем предполагалось первоначальным проектом.

На верхних этажах гарантируется полная секретность переговоров. Там и разместились кабинеты посла и других старших дипломатов. Нижние этажи сохранились, а с ними, видимо, и подслушивающие устройства, но на этих этажах ничего секретного не обсуждают.

Российских рабочих на сей раз не позвали и российскими строительными материалами тоже не воспользовались. Переделывали здание американцы, получившие специальный допуск к сведениям высшей категории секретности, то есть абсолютно благонадежные, и только из американских же строительных материалов, которые тоже проверены специалистами. Все, что понадобилось для посольства, включая строительные механизмы, доставлялось в Россию морем.

Российские и московские власти согласились на перестройку здания в соответствии со специальным соглашением, которое было подписано в 1992 году. Поэтому данные о строительстве не были предоставлены, как это делается обычно, московским архитекторам. Государственный департамент держит в секрете поэтажный план здания.

Американцы не сомневаются, что российская контрразведка тщательно изучила проект перестройки посольского здания и ищет пути проникновения внутрь, чтобы запустить туда «жучки» нового поколения: ведь за прошедшие годы подслушивающие устройства стали еще чувствительнее и миниатюрнее.

Они уверены также и в том, что в старой православной церкви на противоположной стороне улицы разместился «обслуживающий» посольство пост российской контрразведки.

Таким образом, руководителям российского правительства сменили вид из окна. Из Белого дома они теперь любят новеньким зданием американского посольства. Правда, вполне возможно, что они сталкиваются с не менее внимательными взглядами американских дипломатов, которые, правда, уверяли меня, что намерены любоваться исключительно привольным столичным видом и Москвой-рекой.

Бакатина из-за этой истории его бывшие подчиненные называют предателем. Вадим Бакатин говорил мне, что не сожалеет о передаче информации о посольстве американцам: это был правильный шаг. Но он признает, что был, пожалуй, наивен в отношении Запада, смотрел на мир через розовые очки.

ПРОЩАЙ, КГБ

Став председателем КГБ, Бакатин видел, что надо ладить с республиками. В интервью, опубликованном в газете «Труд», он говорил: «Мы станем чем-то вроде агентства, которое обслуживает интересы всех республик, желающих войти в Союз».

28 ноября 1991 года президент Горбачев подписал один из последних своих указов — «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности».

Службу возглавил Вадим Бакатин. В коллегию МСБ вошли руководители КГБ союзных республик, с каждой из которых был заключен договор о сотрудничестве. Бакатин должен был координировать деятельность органов госбезопасности союзных республик и заняться борьбой с наиболее опасными видами экономических преступлений. Межреспубликанская служба безопасности должна была стать чем-то вроде американского ФБР.

Вадим Бакатин возглавлял комитет с 23 августа. 3 декабря 1991 года КГБ прекратил свое существование. В этот день Верховный Совет СССР принял закон «О реорганизации органов государственной безопасности», а Горбачев сразу же его подписал.

Этот закон формально упразднял КГБ СССР и подтверждал создание на его базе двух ведомств — Межреспубликанской службы безопасности (Бакатин) и Центральной службы разведки СССР (Примаков).

Но союзные законы и указы Горбачева уже не имели практического значения, а через несколько дней после встречи в Беловежской Пуще президентов России — Бориса Ельцина, Украины — Леонида Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Шушкевича утратили и юридический смысл.

8 декабря в Беловежской Пуще Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали соглашение о создании Содружества независимых государств, и нужда в Межреспубликанской службе безопасности тоже исчезла. Каждая республика обзаводилась собственной специальной службой.

Я спросил Вячеслава Никонова:

— Бакатин знал, что готовится встреча в Беловежской Пуще?

— Он знал о подготовке беловежского соглашения. У Ельцина и его команды были большие опасения, что КГБ постарается в последний момент каким-то образом сорвать встречу. К Бакатину приходили эмиссары, чтобы удостовериться, что он не попытается арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича в Беловежской Пуще.

— А такая мысль возникала на Лубянке?

— В тот период было очевидно, что реальная власть уже принадлежит не союзным структурам, а республикам. Попытка арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича могла бы закончиться самым чудовищным образом...

Ельцин и его окружение тревожились: не попытается ли Горбачев в последний момент сохранить власть силой?

Министр внутренних дел Виктор Баранников был человеком Ельцина. Министр обороны маршал Евгений Шапошников поспешил присягнуть Ельцину на верность. А как себя поведут руководители спецслужб Бакатин и Примаков, это беспокоило российскую власть.

9 декабря 1991 года Примакова без объяснения причин попросили приехать из Ясенева на Лубянку. В кабинете Бакатина глава российской госбезопасности Виктор Иваненко передал им обоим пожелание российского правительства быть благоразумными, то

есть не сопротивляться неизбежному распаду Советского Союза и переходу власти к Ельцину.

Но после Беловежской Пуши Ельцин все же избегал встречи с Горбачевым. Михаил Сергеевич рассказывал своему пресс-секретарю Андрею Грачеву:

— Ельцин перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему сказал: «Ты что, с ума сошел?» Он говорит: «Может, не я, а кто-то еще...»

После путча местные органы госбезопасности фактически подчинялись КГБ РСФСР.

Российский республиканский комитет госбезопасности появился 6 мая 1991 года, когда председатель КГБ Крючков и председатель Верховного Совета РСФСР России Ельцин подписали совместный протокол. Крючков говорил тогда: «Отсутствие КГБ РСФСР не соответствовало системе федеративного устройства нашего государства, и в новых условиях его создание отвечает объективным потребностям нашего общества».

Первым председателем российского КГБ стал произведенный в генералы Виктор Валентинович Иваненко, до этого заместитель начальника инспекторского управления КГБ СССР.

Он принадлежал к молодому поколению чекистов, которые не хотели столкновения с российской властью, не хотели бороться с собственным народом. Виктор Иваненко рассказывал:

— Ельцину нужен был «троянский конь» на Лубянке, чтобы парализовать работу КГБ против российского руководства. А Крючков хотел затеять игру с Ельциным и получать какую-то информацию из его окружения...

Виктору Иваненко вручили новое удостоверение, подписанное Крючковым. Ему выделили несколько кабинетов и восемь подчиненных, и он приступил к формированию КГБ РСФСР. Но после того, как Иваненко высказался за департизацию органов госбезопасности, он превратился на Лубянке в парию.

Республиканский комитет существовал только на бумаге. В комитете состояло несколько десятков человек, никакой власти у них не было, все областные управления по-прежнему подчинялись союзному КГБ.

Ельцин предложил Крючкову провести всероссийское совещание представителей территориальных органов КГБ. Крючков согласился. Совещание состоялось в июле 1991 года. С докладом выступил Иваненко. Он вспоминает:

— Многие выступавшие поддержали создание КГБ РСФСР. Они говорили, что надо сотрудничать, надо заниматься профессиональными заботами, а не играть в политические игры. Но на Лубянке я и мои сотрудники были в изоляции, поэтому мы не смогли ничего узнать о готовящемся путче.

4 сентября Бакатин издал приказ, которым передал российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России.

За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов.

Президент России Борис Ельцин 26 ноября подписал Указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности России. Его возглавил Иваненко. Ему достались все наиболее жизнеспособные подразделения КГБ, включая службу наружного наблюдения и управление оперативной техники.

Но Ельцин все же относился к Иваненко с недоверием. И в окружении президента России были очевидные фавориты, которые в штыхы встретили чужака.

Виктор Иваненко:

— Министр внутренних дел Виктор Павлович Баранников внушал президенту: «Органы КГБ против вас работали, а милиция — это ваша опора». В этой ситуации я был обречен на неуспех. Сначала Борис Николаевич принимал меня с докладом каждую неделю. Потом пробиваться к президенту стало труднее. Когда возникла проблема Чечни, я три дня не мог связаться с Ельциным по ВЧ: он отдыхал в Сочи, меня не соединяли...

В январе 1992 года Борис Ельцин подписал Указ об образовании Министерства безопасности Российской Федерации на базе упраздненных Агентства федеральной безопасности РСФСР и Межреспубликанской службы безопасности. Министром безопасности стал Виктор Павлович Баранников. Виктору Иваненко пришлось уйти.

А судьба Бакатина решилась месяцем раньше.

23 декабря Ельцин в последний раз пригласил к себе Бакатина. Желая подсластить пилюлю, предложил последнему председателю КГБ дипломатическую работу. Сказал:

— Выбирай себе место. Кроме Америки.

Бакатин ответил, что ему надо разобраться, подумать, неудобно из команды Горбачева сразу перескакивать в команду Ельцина. Борис Николаевич пожал плечами: была бы честь предложена...

24 декабря Бакатин собрал вещи и покинул Лубянку за день до отставки Горбачева. Политическая карьера Вадима Бакатина закончилась. Он руководил КГБ сто семь дней, меньше, чем Федорчук. К облегчению чекистов, правительство отправило его на пенсию в пятьдесят пять лет. Чекисты не оценили того, что в реальности Бакатин спас все, что можно было спасти в тот момент, когда общество требовало снести Лубянку. Органы госбезопасности сохранились.

В августе 1992 года Бакатин через своего преемника Баранникова обратился к Ельцину с просьбой подыскать ему работу. Ответа не последовало.

Вадим Викторович Бакатин мог бы остаться в политике. Но он слишком гордый человек. Не смог переломить себя и попроситься на прием. Ждал, когда, условно говоря, придут и поклонятся в ножки: приходи, батюшка, выручи нас. Никто не пришел. Но Бакатин принадлежит к числу людей, которые стараются не сожалеть о том, что сделано.

Часть седьмая

ЭПОХА ЕЛЬЦИНА

Глава 19

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ БАРАННИКОВ

В ельцинской России госбезопасность потеряла то место, ту силу и влияние, которые она имела в стране с 1917 года. Исчез страх перед ведомством на Лубянке. Многие люди жили, не задумываясь над тем, существует ли оно и чем, собственно, занимается.

Это результат не одних только демократических преобразований в обществе. Ельцин в определенном смысле был похож на Хрущева: он недолго любил госбезопасность и не доверял ей. Вероятно, на него повлияли те годы, когда он, лидер оппозиции, находился под неусыпным контролем КГБ.

«ЗАЧЕМ ТЕБЕ ПИСТОЛЕТ?»

Например, в 1989 году Борис Ельцин, тогда еще опальный политик, рассказывал о том, что сотрудники спецслужб угрожают ему убийством:

— Ко мне явились агенты КГБ, предъявили свои удостоверения и стали рассказывать спокойно, обстоятельно, доверительно, что со мной может случиться через неделю. Никаких покушений с топором или пистолетом, никаких отравлений или подстроенных аварий. Мы живем в век научно-технической революции: скажем, идете вы в толпе как ни в чем не бывало, а на вас издали направляют приборчик с особым импульсом. Сердце останавливается. Если рядом не окажется «скорой помощи» с реанимационной командой — все, конец...

И, уже став президентом, к руководителям госбезопасности, которые теперь подчинялись ему одному, Борис Николаевич все равно относился достаточно холодно. Пожалуй, только одного Виктора Павловича Баранникова он к себе приблизил. И последующее разочарование в нем только укрепило Ельцина в мысли, что этих людей надо держать на расстоянии и не слишком доверять их словам.

Ельцин не без оснований считал, что обитатели комплекса зданий на Лубянской площади в большинстве своем не принадлежат к числу его поклонников и сторонников его реформ. Держать их под контролем — на большее Ельцин и не рассчитывал.

Виктор Павлович Баранников считался близким и доверенным человеком президента. Любимого министра Ельцин за три года произвел из генерал-майора милиции в генерала армии. Такого взлета и в войну не знали самые талантливые военачальники. Но карьера Баранникова была и невероятно короткой. Летом 1990 года он стал министром внутренних дел России, а уже летом 1993-го был отстранен от должности.

Виктор Баранников родился в Приморском крае в 1940 году. Отец погиб, воспитывала его мать. Семья переехала в Елабугу, где после школы Виктор Павлович работал токарем на Елабужском механическом заводе. В 1961-м его взяли в органы внутренних дел, послали в Елабужскую специальную среднюю школу милиции.

Профессор Владимир Некрасов рассказывал мне:

— Виктор Павлович учился в Культпросветучилище, то есть у него был общительный нрав, что в жизни ему здорово помогало. Начинать с самого низа. В МВД высоко ценится, если министр знает, что в жизни почем. Он поработал и участковым, и начальником отделения, и начальником городского отдела в подмосковных Мытищах, затем в Челябинске.

В 1969-м он окончил свердловский филиал Московской высшей школы МВД и со временем оказался в Москве.

В Главном управлении МВД по борьбе с хищениями социалистической собственности Баранников заведовал 7-м, валютным, отделом. В 1988 году его назначили первым заместителем министра внутренних дел Азербайджана. А Виктора Федоровича Ерина, тоже будущего российского министра, послали на ту же должность в Армению.

Ерин вспоминал: «Я в Армении, Баранников в Азербайджане. Обстановка накаленная. Если я снимаю трубку ВЧ, звоню в Баку, то знаю, что даже в три часа ночи он сидит на рабочем месте! И мы все обсуждаем».

Это были самые сложные годы, когда из-за проблемы Нагорного Карабаха стала литься кровь. В Азербайджане Баранников показал себя мужественным человеком, способным выйти к разъяренной толпе и ее успокоить...

В 1990 году его вернули в Москву — первым заместителем министра внутренних дел РСФСР. А тут председателем Верховного Совета России избрали Бориса Ельцина.

В первом ельцинском правительстве России, которое возглавлял Иван Степанович Силаев, Виктор Баранников стал министром внутренних дел.

Иван Силаев вспоминает:

— Мы пригласили ученых из трех крупнейших академических институтов. Они придирчиво изучали личные качества каждого кандидата в министры, потом представляли мне свои выводы. У Баранникова были конкуренты, но тем не менее эта «команда эрудитов» его кандидатуру одобрила, и Ельцин назначение поддержал.

— И сомнений в тот момент Баранников у вас не вызывал?

— Нет. Его, знаете ли, подвела эмоциональность. Баранников, при его должности, был человеком все-таки очень эмоциональным. И где-то он, я бы сказал, сломался, поэтому и присоединился к Хасбулатову и Руцкому в октябре 1993-го...

Баранников в роли министра внутренних дел РСФСР проявил себя верным Ельцину человеком. Отстаивая интересы новой российской власти, вступил в конфронтацию с союзным министром Борисом Карловичем Пуго. Во время августовского путча 1991 года Баранников не подчинился ГКЧП и приказал подчиненным ему частям ОМОНа и курсантам милицейских училищ двинуться на помощь Белому дому.

После провала августовского путча Баранникова вызвал Горбачев:

— Президенты союзных республик просят вас возглавить союзный МВД.

Баранников стал последним министром внутренних дел СССР — вместо покончившего с собой Бориса Карловича Пуго. Сам Баранников рассказывал, что сразу же после назначения он отправил две бригады в Вильнюс и в Ригу, чтобы разобраться с местными ОМОНами. Их деятельность была прекращена.

В декабре, с распадом Советского Союза, исчезла и его должность союзного министра. Но Ельцин связывал с Баранниковым далеко идущие планы. Он высоко ценил Виктора Павловича, доверял ему. А председатель КГБ РСФСР Виктор Валентинович Иваненко, наоборот, казался президенту чужаком, да еще и слишком самостоятельным.

Принимая Иваненко в ноябре 1991 года, Ельцин ему сказал:

— Я принял решение слить органы госбезопасности с министерством внутренних дел.

Иваненко ответил, что этого делать нельзя. Услышав такое, Ельцин резко встал:

— Ну, если вы не хотите соглашаться с этим предложением, то мы поищем другого человека.

19 декабря, накануне Дня чекиста, отправляясь в Италию, Ельцин подписал указ «Об образовании министерства безопасности и внутренних дел» на базе МВД СССР, МВД РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности (так тогда уже назывался КГБ СССР) и Агентства федеральной безопасности РСФСР (бывший КГБ РСФСР). Министром был назначен Виктор Баранников.

Против этого указа восстали демократические депутаты, боясь создания нового монстра, который погубит только что обретенные свободы. Хотя в реальности такое объединение скорее было бы гу-

бительным для органов госбезопасности. Чекисты растворились бы в миллионной армии милиционеров.

Конституционный суд в январе 1992 года отменил президентский указ. Но в министерство внутренних дел Баранников уже не вернулся, он остался на Лубянке. Несколько дней его должность называлась так — генеральный директор Агентства федеральной безопасности Российской Федерации.

15 января Ельцин подписал новый указ — о создании министерства безопасности. Это был прежний КГБ в усеченном виде. Новое министерство состояло из управлений контрразведки, военной контрразведки, экономической безопасности, по борьбе с контрабандой и коррупцией, с терроризмом, научно-технического, пограничных войск и служб собственной безопасности. Личный состав министерства составлял тогда примерно 140 тысяч человек.

Служившие с Баранниковым поминают бывшего министра хорошим словом: он чисток не устраивал, прибавил зарплату, быстро вписался в новое ведомство — словом, стал для чекистов своим. А уж президенту он просто нравился.

Вячеслав Васильевич Костиков, бывший пресс-секретарь президента, пишет, что Ельцина связывал с Баранниковым весь набор кажущейся закадычной дружбы: и застолья, и охота, и игра в домино, и совместные поездки на дачу. Виктор Павлович умел все, чему учит комсомольская школа: выпить и закусить, побалагурить, позабавить начальство анекдотом. Он был доброжелателен, легко подхватывал шутку.

Однажды Костиков попросил Баранникова выдать ему пистолет, потому что все другие помощники президента имели оружие с августа 1991-го.

— Зачем тебе пистолет, дорогой? — спросил пресс-секретаря министр безопасности. — Скажи, кто мешает...

И весело рассмеялся. Такие были шутки.

МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ И ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ

А между тем ситуация была очень опасная. Между президентом и съездом народных депутатов разгорелась настоящая война. Председатель Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов и депутаты пытались путем внесения поправок в Конституцию получить всю власть в стране, подчинить себе правительство, а президента сделать чисто номинальной фигурой. Эта война властей парализовала экономические реформы.

1 декабря 1992 года открылся съезд народных депутатов. Депутаты намеревались навязать президенту свою волю.

Но попытка принять поправки к Конституции, ограничивающие права президента, не удалась. Нужно было собрать две трети голосов, и не хватило буквально одного голоса.

Президент на съезде обвинил Хасбулатова в том, что председатель Верховного Совета стал орудием реакционных сил, что созданы невыносимые условия для работы президента и правительства, депутаты блокируют реформы. Единственный путь — провести референдум.

— И над съездом, и над президентом есть один судья — народ, — говорил Ельцин. — Вижу поэтому выход из глубочайшего кризиса власти только в одном — во всенародном референдуме. Я предлагаю съезду принять решение о назначении всенародного референдума на январь 1993 года со следующей формулировкой: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации — нынешнему составу съезда, Верховному Совету или президенту?»

Ельцин сказал, что обратится к народу, и предложил своим сторонникам покинуть зал. Никто из депутатов, сторонников президента, не был предупрежден, они не знали, как им поступить, и ушли немногие. А замысел состоял в том, чтобы оставить съезд без кворума, необходимого для принятия решений.

Оппозицию чуть испугали, не более. Съезд мог продолжать работу. Разъяренные депутаты вызвали к себе Генерального прокурора и министров обороны, внутренних дел и безопасности и потребовали от них ответа — с кем они, с президентом или с депутатами? Павел Грачев и Виктор Ерин бормотали что-то невнятное. Многим казалось, что министр безопасности Виктор Баранников склоняется на сторону съезда. Возможно, он решил, что шансы депутатов предпочтительнее.

Все обратили внимание на слова Баранникова о том, что «особенно коррумпированы министерство внешних экономических связей, министерство иностранных дел, московская и петербургская мэрии». Министр иностранных дел Андрей Козырев, московский мэр Юрий Лужков и питерский мэр Анатолий Собчак были верными соратниками президента.

Баранников говорил депутатам разумные вещи: граждане России «уже до предела натерпелись и устали от конфронтации властей», что «страна в мирное время живет словно в военном положении, и, чем дольше будет длиться противостояние властей, тем больше мы будем подрывать обороноспособность и безопасность страны». Баранников также заявил, что «министерство безопасности, его личный состав и пограничные войска живут и действуют в строгом соответствии с Конституцией и законами России, обстановка в России нормальная, контролируемая».

В контексте того времени эти правильные слова означали, что министр не одобряет намерений президента Ельцина пойти на крайние меры, лишь бы покончить с двоевластием.

В те месяцы многие были уверены, что дни Бориса Ельцина как президента сочтены и он, видимо, скоро уйдет. Возникло ощущение, что он утратил власть над страной и за пределами Кремля ему больше никто не подчиняется.

Когда стало ясно, что Верховный Совет прибирает к рукам все больше власти, Борис Ельцин обнаружил, что у него очень мало друзей. Его атаковали со всех сторон не только крепнущая оппозиция, но и недавние союзники.

Большинству казалось, что, когда Ельцину в ближайшем будущем придется уйти, его сменит вице-президент Александр Руцкой. Более проникательные люди видели, что на роль первого человека в стране претендует Хасбулатов.

Годом раньше никому и в голову не могло прийти, что верный Руслан, которого Борис Николаевич сделал председателем Верховного Совета, пойдет против президента. Что же произошло с самым горячим сторонником Ельцина?

Размовки между Борисом Николаевичем и Русланом Имрановичем начались достаточно быстро. Причины были самые тривиальные: один обижался, что его недооценивают, обделяют вниманием, отодвигают в сторону. Другой подозрительно косился на слишком амбициозного и самостоятельного соратника, который тянул на себя одеяло.

Свою роль сыграло и окружение Ельцина, которое следило за тем, чтобы никто не приобрел слишком большого влияния на президента.

Возможно, Хасбулатов и сам не сразу поверил, что сумеет загнать Ельцина в угол. Но шаг за шагом он переигрывал президентскую команду, допустившую nepозволительное количество ошибок. Он научился командовать депутатами. Многие из них его не любили, но поддерживали, потому что нуждались в нем в борьбе за выживание.

Вождя антипрезидентских сил Руслана Хасбулатова глупо было недооценивать. Олег Попцов в книге «Хроника времен «царя Бориса» довольно точно воспроизвел умонастроения председателя Верховного Совета: «Он готов уйти и понимает, что рассчитывать ему, чеченцу, на президентский пост нелепо... Но он должен доказать президенту, что тот совершил пагубную ошибку, не оценив хасбулатовской верности. Он гордый человек и не простит подобной неблагодарности. И еще, он докажет президенту пагубность его выбора, что тот позволил Бурбулису, Полторанину, Шумейко оттеснить Хасбулатова. Он не просто сведет с ними счеты, не просто превратит их в политические трупы, он их доведет до скамьи подсудимых и докажет президенту, что он оставил свой выбор на преступниках... Кровная месть, отмщение — вот суть его поступков».

25 апреля 1993 года на всероссийском референдуме Ельцин получил мощный мандат доверия, свидетельствовавший о полной поддержке его курса. Уже тогда ждали указа о роспуске съезда и назначении новых выборов. Но Ельцин медлил.

Его противники увидели в этом проявление слабости. Исход войны казался неясным. Многие думали, что победят Хасбулатов

и депутаты. На их сторону встал обиженный Ельциным вице-президент Александр Владимирович Руцкой.

Хасбулатов пытался установить контакты и с министерством безопасности. В стане президента забеспокоились: верен ли Баранников президенту?

Сергей Николаевич Юшенков, который тогда был депутатом Верховного Совета, рассказывал:

— Я первоначально воспринимал Баранникова как человека, который полностью предан Ельцину. Но после референдума, на съезде в марте 1993-го, когда депутаты потребовали от силовиков присяги на верность, в выступлении Баранникова прозвучали такие двусмысленные нотки, которые депутаты сразу уловили и даже ему похлопали...

Виктор Баранников, выступая, говорил, что ставит перед министерством несколько основных задач: защита от внешней угрозы, от попытки превратить Россию в сырьевой придаток развитых стран; борьба с коррупцией и борьба с политическими экстремистами.

В окружении президента Баранникова обвиняли в том, что с политическим экстремизмом он как раз и не борется.

Исполнявший в 1992 году обязанности премьер-министра Егор Тимурович Гайдар говорит, что он не был уверен в надежности работы министерства безопасности. Он пытался получить от Баранникова сведения о коррупции в правительственном аппарате, но ничего не получил. Думал, что, по крайней мере, такая информация идет к президенту. Понял, что и у Ельцина такой информации нет. Зато секретные правительственные документы попадали в коммунистические и нацистские газеты. Если министерство безопасности и работало, то не на правительство и не на президента, считает Гайдар.

Но президент по-прежнему доверял Баранникову.

Костиков вспоминает, как разговаривал с Баранниковым после очередной антипрезидентской провокации в Москве, и выяснилось, что Баранников был не в курсе. Президент давал указание закрыть откровенно фашистские издания. Министр отвечал, что нет необходимой юридической базы. Президент требовал от Баранникова навести порядок, но ничего не происходило...

Судя по всему, Ельцина поставили в известность о том, что министр безопасности ведет двойную игру, что он установил тесные связи с оппозицией и заматался между двумя центрами власти.

Скорее всего, полагает бывший пресс-секретарь президента Костиков, Ельцину принесли агентурные данные о контактах Баранникова с непримиримой оппозицией. По словам Костикова, президент умел ставить дело выше «рюмочных» отношений. Когда министр безопасности переступил некую черту, прежняя дружба его не спасла.

Сергей Юшенков:

— Демократические депутаты требовали убрать Баранникова с должности. Ельцин нам отвечал: «Это все наветы. Он преданный

делу человек». Мы приехали к Борису Николаевичу на Валдай, где он отдыхал. Мы ему стали говорить, что его ждет противостояние с Верховным Советом и что с таким министром безопасности он эту схватку проиграет, потому что Баранников уже работает с руководством Верховного Совета...

Настал момент, когда Ельцин понял, что ему надо расстаться с министром. Нужен было только повод. Поводом для снятия Баранникова послужили обвинения в коррупции.

ПОЕЗДКА В ШВЕЙЦАРИЮ

В 1993 году такие обвинения стали надежным средством сведения политических счетов.

Накануне апрельского референдума в Верховный Совет приехал вице-президент Руцкой, потребовал обеспечить прямую трансляцию его выступления по телевидению и обвинил президентскую команду в коррупции. Он утверждал, что собрал одиннадцать чемоданов документов, которые свидетельствуют против Шумейко, Полторанина, Чубайса, Бурбулиса.

В этой борьбе прокуратура во главе с Генеральным прокурором Валентином Степанковым была на стороне Верховного Совета. Против вице-премьеров Владимира Шумейко и Михаила Полторанина возбудили уголовные дела.

Самого Руцкого тоже обвинили в коррупции.

Евгений Савостьянов, который в те годы возглавлял Московское управление министерства безопасности, рассказывал:

— С одной стороны, нельзя было дать парламентской группе захватить инициативу в борьбе коррупцией, а с другой — следовало избавить силовые ведомства от людей, которые симпатизировали противникам президента. Так появился на свет некий документ (трастовый договор), обличавший Руцкого в коррупции.

— Под этой интригой была какая-то реальная основа?

— В таких случаях всегда есть и правда, и ложь. Насколько я могу судить, трастовый договор — это была выдумка. Когда я увидел эту бумагу, я сразу выразил сомнение и сказал, что надо быть очень осторожным в ее использовании...

На борьбу с Руцким был мобилизован адвокат Андрей Макаров. Известным он стал после того, как защищал брежневского зятя Юрия Чурбанова. Его назначили начальником Управления обеспечения деятельности Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией.

Вскоре комиссия передала документы, касающиеся вице-президента Руцкого, прокурору Москвы Пономареву.

Руцкого обвиняли в том, что он покровительствовал фонду «Возрождение», который заключил контракт с одной иностранной фирмой на поставку в страну детского питания для отдаленных районов

России. Руцкой осенью 1991 года поставил резолюцию: «Прошу изыскать возможности по реализации данного контракта». Двадцать миллионов долларов перевели на счет маленькой иностранной фирмы, а детское питание в Россию так и не поступило.

Когда создавался фонд «Возрождение», Руцкой говорил, что задачей фонда станет социальная защита малоимущих слоев населения. Получилась же обычная коммерческая структура, которая брала деньги у государства и крутила их.

Руцкому поставили в вину и тесные отношения с сомнительным бизнесменом Борисом Иосифовичем Бирштейном, который в Швейцарии основал компанию «Сеабеко» — она занималась посредническими операциями по вывозу сырья из России и других республик. Дружба с Бирштейном и погубила Баранникова.

Это была сложная интрига, в которой ключевую роль играл адвокат Дмитрий Якубовский, согласившийся помочь президентской команде.

Тогдашний руководитель президентской администрации Сергей Филатов рассказывал потом журналистам:

«Приехал из-за рубежа Андрей Караулов, позвонил мне и попросил о встрече. Сказал, что виделся в Канаде с Якубовским, тот понимает игру некоторых и имеет на них серьезные документы. Было названо несколько фамилий, в том числе и Руцкого. Документы Якубовский готов был отдать при условии, если Борис Николаевич или я дадим ему такое поручение. Я согласился.

За рубежом направились Ильюшенко и Караулов. Они подтвердили, что имеется большое количество документов, но могут сказать о них только при встрече. Они привезли с собой оригиналы документов о покупках, которые делал Бирштейн женам Баранникова и Дунаева (первого заместителя министра внутренних дел) за рубежом и в Москве...

Когда я сказал Борису Николаевичу, что привезли такие документы, он изменился в лице. Результаты проверки подтвердили их подлинность. Решение президента было бескомпромиссным — Баранников и Дунаев были освобождены от занимаемых должностей».

В книге Ельцина говорится о том, что жены Баранникова и Дунаева в Швейцарии «килограммами, авоськами скупали и сгребали духи, шубы, часы и прочее, и прочее. Всего на сумму более чем 300 тысяч долларов».

Борис Иосифович Бирштейн, весьма сомнительная фигура, действительно часто бывал на даче Баранникова.

Генерал Виктор Иваненко рассказывал:

— Баранников мне представлялся разумным человеком со здравым смыслом. Но он был подвержен чужому влиянию. Человек слаб... Он попал в капкан с Бирштейном. Этого бизнесмена и ко мне подводили: дескать, миллионер желает сотрудничать с органами госбезопасности России, оказывать помощь. А взамен просит о помощи здесь. Я его сразу спросил: «А чем вы можете помочь?» Ответ у

Бирштейна был готов: «Я создам для вас фонд за рубежом, а вы этими деньгами будете оплачивать своих агентов». Для дилетанта это, может быть, звучало заманчиво, но профессионалу понятно, что таким фондом разведка никак не может воспользоваться. Это была наживка для дилетантов. И мы на сем расстались. Видимо, с этим же предложением его свели с Баранниковым, и Виктор Павлович проглотил наживку...

Владимир Филиппович Шумейко, который тогда был первым вице-премьером, позднее расскажет, как в 1992 году на даче под Москвой Баранников познакомил его со швейцарским бизнесменом Борисом Бирштейном. Речь шла о создании акционерного общества «Русь», сфера деятельности которого — экспорт и импорт металлов.

Баранников вроде бы сказал Шумейко:

— Не сомневайся, это все согласовано. За границей всегда создаются фирмы, которые используют наши спецслужбы. Им же из бюджета деньги не выделяют. А тебе Бирштейн счет откроет за границей.

Шумейко от этого всего благоразумно отказался...

В Кремле исходили из того, что Баранников попал в финансовую зависимость от Бирштейна, хотя подозрения в коррупции были лишь поводом. В принципе Ельцин снисходительно относился к человеческим слабостям своего окружения.

Ельцин отправил Баранникова в отставку 18 июля, сразу после гибели российских пограничников на таджикско-афганской границе. В печати фигурировала такая формулировка: «За нарушение этических норм и утрату контроля за действиями российских погранвойск на таджикско-афганской границе». Баранников прослужил на Лубянке год и пять месяцев.

Его увольнение стало громкой политической сенсацией и застало непримиримую оппозицию врасплох. Похоже, антипрезидентская команда связывала свои надежды с присутствием Виктора Павловича на Лубянке.

Депутат Сергей Юшенков специально выступил на пресс-конференции:

«Сохранять на этой должности Виктора Баранникова было невозможно. В последнее время министерство стало фактически смыкаться с консервативным крылом Верховного Совета. Под руководством Баранникова отдельные структуры министерства стали специализироваться на политическом сыске.

И в то же время мы видим бессилие министерства безопасности в борьбе с захлестнувшей Россию преступностью, коррупцией. Министерство фактически потворствует разжиганию национальной розни, пропаганде фашистских, националистических идей. Ну и в конце концов, совершенно недопустимо использование на таком посту служебного положения. Министр безопасности должен быть кристально чист...»

Баранников покинул здание на Лубянке, но, как выяснилось, из политики не ушел.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Противостояние властей все усиливалось. 21 сентября 1993 года появился указ президента № 1400 о роспуске съезда народных депутатов и назначении новых выборов. Указ нарушал Конституцию. Но и депутаты постоянно меняли ее. Это был бесконечный конституционный кризис, из которого надо было найти какой-то выход.

Часть депутатов не подчинилась указу. Они собрались в Белом доме, проголосовали за отстранение Ельцина от поста президента и утвердили новым президентом Александра Руцкого, который изъявил готовность руководить страной.

Хасбулатов позвонил Баранникову домой, пригласил приехать в Белый дом, помочь. Виктор Павлович сначала отказался, потом все-таки решился.

Телевизионные камеры запечатлели эту сцену: в ночной темноте в свете фар возник Баранников в кожаном пальто и вошел в Белый дом. Почему он это сделал? Его переполняла обида на президента Ельцина? А может быть, поверил, что Хасбулатов с Руцким победят и он вернется на Лубянку? Его самого спросить об этом теперь уже невозможно...

22 сентября в два часа ночи в Белом доме Руцкой огласил список сформированного им правительства. Министром безопасности он назначил Баранникова. Вместе с Баранниковым и его бывшим заместителем по министерству внутренних дел Андреем Федоровичем Дунаевым в Белый дом пришли два десятка бывших сотрудников госбезопасности. Верность чекистов присяге и приказу оказалась сильнее идеологических предпочтений.

Рассказывают, что Баранников с мандатом от Руцкого приехал на Лубянку, в свое бывшее министерство, но его не пустили. Только по телефону он смог поговорить со своим сменщиком, генералом Николаем Голушко. Разговор не получился.

Баранников участвовал в переговорах с президентской стороной и вроде бы в частном разговоре признал, что связался с обреченным делом и что из Белого дома надо уходить. Поэтому Евгений Савостьянов на пресс-конференции сказал, что знает Баранникова как здравомыслящего человека, который сам говорит: его главная задача — не допустить применения оружия.

3—4 октября в Москве пролилась кровь.

Выплеснувшаяся из Белого дома вооруженная толпа захватила сначала здание мэрии, потом попыталась взять телецентр «Останкино». На следующее утро войска обстреляли Белый дом и подавили мятеж.

5 октября Баранникова арестовали, как активного участника мятежа. Указом президента генерал армии Баранников был уволен с военной службы. 7 октября ему предъявили обвинение по статье 79 Уголовного кодекса («организация общественных беспорядков, по-

влекших за собой тяжкие последствия»). Генеральный прокурор Алексей Иванович Казанник подписал санкцию на арест.

Содержали Виктора Павловича в следственном изоляторе в Лефортове. Он стал болеть, у него прихватывало сердце, он очень плохо себя чувствовал. Его адвокат Дмитрий Давидович Штейнберг настоял на проведении полного медицинского обследования и после этого обратился напрямую к генеральному прокурору Казаннику.

В феврале 1994 года из-за плохого состояния здоровья Баранникова Казанник, человек очень либеральный, изменил ему меру пресечения: он был освобожден от содержания под стражей, с него взяты подписку о невыезде и положили в больницу.

Процесс по делу об участниках событий в октябре 1993-го не состоялся, потому что Государственная дума объявила амнистию, всех обвиняемых освободили и уголовное дело прекратили.

Но Виктора Баранникова Генеральная прокуратура не захотела отпустить просто так. Против него и бывшего заместителя министра внутренних дел России Андрея Дунаева были возбуждены новые уголовные дела. Их обвинили в получении взяток и злоупотреблении властью. Одновременно уголовные дела по статье 78 Уголовного кодекса России (контрабанда) были возбуждены и в отношении их жен.

Баранников продолжал болеть. Ему предлагали сделать операцию на сердце. Он отказался, потому что побаивался врачей, даже однажды сказал своему адвокату, что его хотят «убрать через операцию»...

22 июля 1995 года Виктор Павлович скоропостижно скончался. Читал на даче газеты и вдруг упал. Долго не могли вызвать «скорую помощь». Из Москвы машины не отправляют, а областная приехала слишком поздно. Врачи констатировали смерть. Ему не было и пятидесяти пяти лет. Есть люди, которые полагают, что Баранникова убили. Но фактов, подтверждающих эту версию, не существует. Да и непонятно, кому мог помешать теперь уже бывший министр безопасности, который сломал себе карьеру, сделав неверный политический выбор.

Глава 20

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛУШКО

Одной из кандидатур на пост министра безопасности вместо Баранникова был близкий тогда к президенту журналист Михаил Никифорович Полторанин, в прошлом редактор «Московской правды», депутат, министр печати и информации, вице-премьер правительства России. Он рассказал о сделанном ему предложении главе Российского телевидения Олегу Максимовичу Попцову. Тот пишет: «Я вдруг увидел Полторанина в генеральской форме, и мне стало слегка не по себе».

В хорошо освещенном богатом кабинете как бы разом пригас свет, и в голосе похотывающего Михаила Никифоровича послышались злоеющие нотки».

Но 28 июля 1993 года кресло министра безопасности занял кадровый чекист Николай Михайлович Голушко. Сначала он исполнял обязанности хозяина Лубянки, потом стал полноценным министром.

МИНИСТР И ОППОЗИЦИЯ

Я познакомился с ним летом 1989 года, когда к нам в редакцию журнала «Новое время» пришел тогдашний председатель КГБ Украины, народный депутат СССР генерал-лейтенант Николай Голушко. Он подробно рассказывал о себе и произвел очень неплохое впечатление.

Голушко родился в июне 1937 года в селе Андреевка Кокчетавской области Казахстана: его семья уехала с Украины в годы столыпинской реформы. В 1959 году окончил юридический факультет Томского университета, четыре года трудился в прокуратуре, откуда его взяли в КГБ.

С 1963 года он семь лет работал оперуполномоченным 2-го отдела (контрразведка) управления КГБ по Кемеровской области. В 1971-м с повышением перешел в 5-й отдел (борьба с идеологическими диверсиями). В 1974-м его перевели в Москву, в центральный аппарат КГБ. Три года, с 1984-го по 1987-й, он служил первым заместителем начальника секретариата КГБ СССР и начальником дежурной службы комитета.

В 1987 году Голушко получил крупное повышение и уехал в Киев председателем республиканского КГБ. Украинец по паспорту, он говорил и читал по-украински, но все-таки вырос вдали от Украины, поэтому после перевода в Киев стал, как он рассказывал, изучать украинский литературный язык.

В том разговоре Голушко выражался очень определенно:

— Я пришел на работу в КГБ в период «оттепели». Нынешнее поколение не имеет ничего общего с той репрессивной организацией, которая творила беззаконие в годы культа. Мы мундиры инквизиторов из НКВД не примеряли...

Видя, что Советский Союз распадается, он предпочел заблаговременно перебраться в Москву. Его взял Вадим Бакатин. Голушко много лет работал в Кемерове, родном городе Бакатина. В ноябре 1991-го он получил должность начальника секретариата КГБ.

Спокойный, рассудительный и деловой, Голушко понравился и Баранникову. Он сделал Голушко заместителем министра безопасности. В июне 1992 года распоряжением президента Николай Михайлович был произведен в первые заместители министра, а вскоре пересел в главный кабинет на Лубянке.

Став министром, Голушко говорил, что ставит перед собой задачу «активно воздействовать на политические партии и движения, деятельность которых угрожает безопасности страны».

Но бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков вспоминает, что в Кремле Николаем Голушко были не очень довольны. Министр не демонстрировал особого рвения в поддержке президента и держался в стороне от политических баталий.

Ельцин подписал указ о закрытии оппозиционных «Правды», «Советской России», «Дня». Но указ не действовал.

С разрешения президента Костиков направил запрос министру безопасности:

«Николай Михайлович!

В нарушение Указа Президента газета «День» вновь в открытую распространяется в Москве, меняя название и типографию. Теперь это газета «Завтра». Неужели у Вас нет возможности заставить выполнять решения Президента?»

«Более всего меня поразило то, — пишет Костиков, — что Голушко, позвонив мне по поводу записки на следующий день, стал расспрашивать, где газета печатается и где ее можно купить. Поразительная информированность для министра безопасности!»

По мнению Костикова, министерство безопасности вводило президента в заблуждение. В справке о деятельности объединений и партий непримиримой оппозиции, подготовленной министерством безопасности для администрации президента накануне октябрьских событий, утверждалось, что, «по имеющейся информации, функционирование указанных организаций фактически парализовано». В этой справке не говорилось ни о партии Жириновского, ни о коммунистах, которые через несколько месяцев победят на выборах в Государственную думу...

УКАЗ № 1400

В конце концов Ельцин решился сделать то, к чему его долго призывали. Его помощники говорили мне потом, что они готовили юридически безукоризненный способ распустить съезд народных депутатов, но Ельцин, по своему обыкновению, не захотел ждать. Впрочем, есть и другая точка зрения: он слишком долго ждал. А двоевластие буквально разрушало страну. Никто не работал, все ждали, чем кончится противоборство президента и депутатов.

Предполагалось распустить Съезд народных депутатов 19 сентября, в воскресенье. Сразу после телеобращения в восемь вечера части дивизии имени Дзержинского должны были взять под контроль Белый дом, где в выходной день нет депутатов.

Собрались в узком кругу: президент, премьер-министр, министр внутренних дел Виктор Ерин, министр безопасности Николай Го-

лушко, Коржаков и начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков. Все согласились с идеей президента, кроме Филатова. Он еще раз попросил слова:

— Можно мне высказаться?

Президент резко отмахнулся:

— Ваше мнение мне известно.

Филатов почувствовал, что Ельцин просто накален. Это был единственный случай, когда он не захотел выслушать руководителя своей администрации. Филатов уверен, что, если бы президент не знал, что именно он услышит, то выслушал бы обязательно... Единственное, что удалось тогда сделать, — перенести роспуск съезда с 19 сентября на 21-е, чтобы не было ассоциации с 19 августа.

Ельцин согласился отложить начало операции, потому что выяснилось, что Хасбулатов и Руцкой каким-то образом узнали, что их ждет в воскресенье. Элемент внезапности был утерян.

Но 18 сентября на совещании руководителей советов всех уровней Руслан Хасбулатов публично оскорбил президента. Он сказал:

— Если большой дядя говорит, что позволительно выпивать стакан водки, то многие находят, что в этом ничего нет, мол, наш мужик. Но если так, то пусть мужик мужиком и остается и занимается мужицким делом. А наш президент под «этим делом» (председатель Верховного Совета многозначительно шелкнул себя по горлу) любой указ подпишет.

Слова Хасбулатова превратились в *casus belli* — формальный повод для объявления войны.

21 сентября 1993 года президент подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе». Ельцин распускал Съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначал на 12 декабря 1993 года выборы в новый представительный орган — Федеральное собрание. Действие Конституции в части, противоречащей тексту указа, «прекращалось».

Запись выступления президента осуществили заранее, но кассету забрали и вернули тележурналистам за два часа до трансляции. В восемь вечера указ передали по телевидению и радио. Правительство поддержало президента, хотя настроение у всех было мрачное, подавленное.

Всем членам правительства назначили личную охрану, в министерских приемных появились омоновцы с автоматами.

Хасбулатов и Руцкой ожидали появления указа. Хасбулатов собрал в Белом доме депутатов. Они считали, что теперь Ельцину конец, что народ возмущен президентом и поддерживает Верховный Совет. Руслан Иманович действительно полагал, что он популярен в народе, а Ельцин людям надоел.

23 сентября поздно вечером депутаты объявили президентские полномочия Ельцина прекращенными и поручили исполнение обязанностей президента Александру Руцкому. Правомерность такого решения подтвердил большинством голосов Конституционный суд.

В начале первого ночи Хасбулатов открыл внеочередную сессию Верховного Совета и обратился к Руцкому:

— Александр Владимирович, прошу вас занять ваше место.

Руцкой с видимым удовольствием уселся на место президента.

Но региональные администрации заняли сторону президента, считая, что он сильнее. В четверг 24 сентября в Москву приехали руководители стран СНГ и единодушно поддержали курс президента России. Борис Ельцин успокоился — реакция в мире была благоприятной. В нем по-прежнему видели гаранта демократии, вынужденного распустить парламент, чтобы провести новые выборы.

Ельцин подписал указ «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 гг.». Депутатам, которые соглашались подчиниться указу и сложить с себя полномочия, то есть перейти на президентскую сторону, подбирали работу в правительстве.

А что делать с теми, кто не желал покидать Белый дом? В Кремле решили подождать: долго они там не просидят. Пассивная позиция власти была ошибкой. Она привела к кровопролитию в Москве. Помимо депутатов в эту игру вступили совсем другие люди.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

В Белый дом со всей страны стекались люди, почувствовавшие запах пороха и крови. Приднестровские боевики, бывшие «афганцы» и рижские омоновцы. В Белом доме собралось несколько десятков отставных военных. Заметную роль играл Союз офицеров во главе с подполковником Станиславом Тереховым.

23 сентября в начале десятого вечера восемь вооруженных автоматами боевиков из Союза офицеров проникли в здание бывшего штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Они обезоружили охрану. Туда отправили отряд ОМОНа, боевики бежали. В перестрелке погибли капитан милиции и женщина, которая случайно подошла к окну.

24 сентября вокруг Белого дома установили более жесткое оцепление. Выйти из него можно было. Но назад никого не пускали. Отключили воду, электричество и отопление. Милицейское охранение вокруг Белого дома было без оружия. Да и способна ли была столичная милиция выполнить столь сложное задание?

3 октября, в воскресенье, Ельцин провел совещание. Руководители спецслужб говорили, что ситуация представляется стабильной. Впоследствии министр безопасности Голушко объяснил эту ошибку собственного ведомства, которая привела к гибели десятков людей, тем, что «никто не рассчитывал на подобное безрассудство этих лиц».

Когда министры в отличном расположении духа разбегались по дачам, в столице вспыхнул вооруженный мятеж. Люди Виктора Ампилова перегородили Садовое кольцо, стали строить баррикады.

Началась стрельба. Руцкой призвал толпу идти на мэрию — «Там у них гнездо» и захватить «Останкино» — «Нам нужен эфир!»

Автобусы с вооруженными людьми под командованием отставного генерала Макашова двинулись в сторону Останкина, чтобы взять телецентр и выйти в эфир. Если бы это удалось и на телеэкранах появился Руцкой в роли нового президента, это могло бы изменить настроения в стране. Люди в большинстве своем предпочитают присоединиться к победителю.

Когда прервалась телепрограмма, Хасбулатов был уверен, что это победа. Он радовался от души:

— Теперь мы выиграли. Мэрия взята. «Останкино» тоже. Штурм Кремля — дело нескольких часов. Сейчас сюда подходят верные нам войска. Оккупационный режим пал.

Можно предположить, что решительных людей, готовых к организованному применению силы, в Москве было всего несколько сот человек. Еще столько же осенью прибыло в столицу, почуяв запах крови. Этого количества оказалось вполне достаточно для того, чтобы терроризировать целую страну. Министерство на Лубянке, созданное для того, чтобы обеспечивать безопасность государства, замерло и старалось о себе не напоминать.

Потом министр Голушко будет объяснять, что неверно причислять органы госбезопасности к силовым ведомствам, потому что собственных военных подразделений у него нет.

— По этой причине во время массовых беспорядков в Москве даже для усиления охраны собственных зданий пришлось задействовать офицеров, которые должны были заниматься оперативной деятельностью, — пояснил Голушко.

Какая в тот момент была более важная оперативная деятельность, чем наведение порядка в Москве? И что делали в этот момент десятки тысяч хорошо подготовленных и вооруженных оперативников? А курсанты пограничного училища, которых готовят к действиям в экстремальных условиях? Неизвестно. Они даже не попытались остановить бандитов, которые едва не захватили столицу.

Никто из москвичей не знал, что происходит. Казалось, город погружается в хаос. Все спрашивали друг друга: где же президент и премьер-министр? Почему они молчат?

До сих пор не очень ясно, что именно происходило с Борисом Николаевичем той ночью. Коржаков уверяет, что Ельцин той ночью спал. Некоторые говорят, что президент был несколько не в форме, потому что в выходной день успел расслабиться...

Ельцину написали текст для короткого выступления, но он плохо выглядел. Первый помощник Илюшин и пресс-секретарь Костиков отговорили его выступить

— Этого нельзя делать, — сказал Илюшин. — У вас такое лицо, что москвичи подумают бог весть что...

Между тем вооруженные группы, отправленные из Белого дома, распространились по всему городу. Милиция не смогла противосто-

ять мятежникам. Она словно исчезла с улиц города, оставив его в полное распоряжение вооруженной шпаны. Министр обороны Грачев уверял Ельцина, что войска в Москве, но на улицах они не появились.

Страх мгновенно распространился по городу. В какой-то момент казалось, что все кончено: власть в руках мятежников.

В здании правительства сотрудники аппарата были в ужасе, вспоминает Егор Гайдар. Один буквально кричал:

— Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перережут!

Потом Ельцина будут подозревать в том, что он нарочно демонстрировал бессилие, чтобы надежнее заманить мятежников в ловушку и получить возможность расстрелять Белый дом.

Но едва ли он был способен в тот момент на такие хитроумные ходы. Причиной трагических событий стала прежде всего беспомощность спецслужб и их неспособность предугадать следующий шаг мятежников.

Накануне кровопролития руководство министерства внутренних дел обратилось в оперативный штаб, которым руководил первый вице-премьер Олег Сосковец, с просьбой подкрепить милицию, которая стояла в оцеплении вокруг Белого дома, войсками. Милиция, естественно, разложилась в общении с белодомовцами. Но Сосковец отнесся к этой просьбе равнодушно.

Первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин доложил о тревожной ситуации министру обороны Грачеву. Тот тем более не хотел заниматься чужим делом. Тут проявилось извечное противоречие между армией и министерством внутренних дел: никто не хочет таскать каштаны из огня вместо других.

Почему войска вели себя так вяло и так поздно вступили в город?

Ночью в здание министерства обороны приехал глава правительства Черномырдин, затем появился Ельцин. Вместе с ним были начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков, главный президентский телохранитель Коржаков со своим заместителем. Грачев до последнего не хотел влезать в это дело. Надеялся, что МВД само справится.

Ельцину пришлось отдать Грачеву письменный приказ подавить мятеж.

Безжалостное государство лучше бессильного? Стрелять или не стрелять — это был тяжкий выбор. Бессильное государство лучше безжалостного, считают последовательные либералы. Соображения гуманности исключают жестокость. У государства нет цели важнее, чем сохранение жизни человека.

Есть противоположная точка зрения: безжалостное к террористам государство лучше бессильного, неспособного справиться с террором. Ведь обязанность государства состоит в обеспечении безопасности всего общества как целого.

Переговоры с боевиками и выполнение их требований невозможны. Государство не может позволить им шантажировать себя, дать им возможность подорвать политику реформ. Поэтому государству приходится быть сильным и безжалостным.

Вопрос состоял в том, что понимать под силой государства.

Для вставших под команду генерала Макашова боевиков достаточно сильной рукой мог быть только их собственный главарь, готовый на бунт, бессмысленный и беспощадный.

На самом деле сильное государство — это правовое государство, принявшее необходимые законы и создавшее службы, способные эти законы исполнять. В осенние дни стало совершенно очевидно, что до этого России еще далеко. Наша милиция была не способна защитить ни нас, ни себя.

Ночью войска вошли в город.

МЯТЕЖ ПОДАВЛЕН

Утром 4 октября президент выступил по радио России:

— Я обращаюсь к гражданам России. Вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки... В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения... Чтобы восстановить порядок, спокойствие и мир, в Москву входят войска.

По Белому дому было выпущено двенадцать снарядов — десять болванок, два зажигательных. Этого оказалось достаточно для подавления мятежа.

Когда началась стрельба, Руцкой взывал из Белого дома:

— Я умоляю боевых товарищей! Кто меня слышит! Немедленно на помощь к зданию Верховного Совета! Если слышат меня летчики! Поднимайте боевые машины!

Потом по радиотелефону связался с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным:

— Они бьют из танков, из танков. Танки перестраиваются и выходят на огневые позиции. Валера, звони в посольства... Они не оставят нас здесь в живых. Ты же верующий, е... твою мать...

Те, кто под командованием отставного генерала Макашова захватили мэрию и пытались взять «Останкино», были искренне возмущены тем, что в них тоже стали стрелять.

Никто из них не представлял, зачем они, собственно, все это затеяли. У них не было ни программы, ни соображений, что делать потом. То, чего желали коммунисты, никак не могло нравиться сторонникам монархии, и так далее. Непонятно, что их объединило, кроме слепой ненависти и безумной агрессивности.

Евгений Савостьянов, бывший начальник Московского управления министерства безопасности, рассказывал мне:

— В октябре 1993-го в Москве был вооруженный мятеж. Когда говорят, что войска расстреляли парламент, то я прошу обратить внимание на два обстоятельства. Не погиб ни один депутат парламента и ни один сотрудник аппарата Верховного Совета! А кто же погиб? Случайные прохожие, работники правоохранительных органов, павшие от руки бандитов, и вооруженные бандиты, засевшие в Белом доме и пытавшиеся нападать на объекты в Москве и чуть не устроившие в России гражданскую войну.

В Белый дом стала стекаться братва, бандиты, — вспоминал Савостьянов. — Приехали ребята из Приднестровья, из Русского национального единства. Когда группа Терехова напала на штаб войск СНГ, это уже был открытый вооруженный мятеж. Тактика мятежников была очевидной — разжигать очаги восстания по всему городу, чтобы в городе начался хаос.

События, которые начались 4 октября, могли привести к гражданской войне. Призывы Руцкого, Хасбулатова и других к армии переходить на сторону съезда народных депутатов могли возыметь силу, поэтому мятеж надо было подавить.

— Почему же министерство безопасности не сумело предотвратить кровопролитие? — спросил я Савостьянова.

— Министерство безопасности не располагало тогда силовыми структурами. Да еще огромную роль сыграла смена эпох. Прежняя агентура КГБ оказалась бесполезной. Все в обществе изменилось. А создать новую агентуру — для этого нужно много времени...

После подавления мятежа было задержано 6580 человек, потом их всех быстро выпустили, осталось человек двадцать.

Ходили слухи о том, что на стадионе «Асморал» (бывший «Красная пресня») ОМОН расстрелял 6 тысяч участников обороны Белого дома. Эти слухи ничем не подтверждаются.

Генеральная прокуратура потом сообщит, что 3—4 октября 1993 года около Белого дома, у здания московской мэрии и в районе телецентра «Останкино» погибло или впоследствии скончалось от ран 123 человека.

7 октября 1993 года в память о погибших Ельцин объявил общенациональный траур. Президент подписал указ о Конституционном суде, который, по его словам, «дважды в 1993 году ставил страну на грань гражданской войны» и сыграл «пособническую роль» в событиях 3—4 октября. Ельцин предложил не проводить заседания суда до принятия новой Конституции.

События осени 1993 года стали поворотными в истории современной России. Страна стояла на пороге гражданской войны. Ельцин сделал то, что приветствовали одни и проклинали другие. Он нарушил Конституцию, чтобы принять другую. Он решил тяжелый политический кризис силовыми средствами.

После октябрьских событий Ельцин стал полноправным хозяином в стране. Отношение к нему мгновенно изменилось. Изменился и он сам. Он не воспользовался своей победой, чтобы стать дикта-

тором. Он провел всеобщие выборы и получил Государственную думу, которая его не жаловала. Но после осени 1993 года в стране наступила политическая стабилизация. И до конца ельцинской эпохи уже не было ни мятежей, ни путчей, ни схваток воинствующей оппозиции с органами правопорядка.

В интервью «Московскому комсомольцу» Голушко рассказывал о событиях октября 1993 года: «Фактически мы не имели никакой серьезной разработки. И я, например, искренне считал, что рано или поздно ситуацию удастся разрешить без применения силы. Если бы Руцкой с Макашовым не повели толпу на «Останкино», все бы так и произошло. Как непосредственный участник событий могу сказать, что и президент до последнего не желал доводить дело до кровопролития».

За участие в октябрьских событиях 1993-го Николай Михайлович получил орден «За личное мужество». Но этот орден был скорее знаком президентского недовольства недостаточной активностью чекистов, потому что более активно действовавший министр внутренних дел Виктор Ерин получил Золотую Звезду Героя России. Уже в начале декабря распространились слухи о том, что в аппарате президента готовится указ о снятии Голушко.

Недовольство Ельцина быстро приняло организационные формы. 22 декабря, сразу же после Дня чекиста, президент упразднил министерство безопасности и приказал создать новое ведомство — Федеральную службу контрразведки с более ограниченными возможностями и полномочиями. Пограничные войска не вошли в состав нового органа, а стали самостоятельной службой. Следственный аппарат передали министерству внутренних дел.

Директором Федеральной службы контрразведки Ельцин оставил Николая Голушко, а его первым заместителем — Сергея Вадимовича Степашина. Голушко не только не был автором этой идеи, но и выразил свои сомнения, сказав, что в чистом виде контрразведки недостаточно для обеспечения безопасности государства. Но Ельцин уже принял решение и в присутствии Голушко подписал указ.

26 января 1994 года состоялось первое заседание комиссии, занимающейся аттестацией сотрудников бывшего министерства безопасности. Комиссия состояла из заместителя секретаря Совета безопасности Владимира Рубанова, помощника президента по национальной безопасности Юрия Батурина, Николая Голушко, уполномоченного по правам человека в Государственной думе Сергея Ковалева. Возглавил комиссию секретарь Совета безопасности Олег Лобов.

Комиссия провела аттестацию сотрудников, занимавших генеральские должности. Аттестацией остальных сотрудников Федеральной службы контрразведки занималась ведомственная комиссия во главе с Голушко.

Но в роли директора новой службы Голушко продержался недолго. Через два месяца, в конце февраля 1994 года, Государственная

дума приняла постановление «Об амнистии за некоторые преступления, совершенные в сфере политической и хозяйственной деятельности».

Постановление предписывало прекратить все дела в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности в связи с событиями августа 1991-го и осени 1993-го.

Ельцин был возмущен. Он считал, что путчисты должны быть наказаны.

Генеральный прокурор Алексей Казанник подал в отставку и назвал постановление Госдумы об амнистии «позорнейшей страницей в истории русского парламентаризма». Однако решение Думы Генеральный прокурор выполнил и разрешил всех выпустить. Кремль попросил Голушко не торопиться отпускать из «Лефортова» Руцкого, Хасбулатова и других: президент намеревался оспорить решение Думы. Но Голушко всех отпустил.

Николай Голушко в интервью рассказывал, как разворачивались события: «Состоялся разговор по прямой связи с президентом. Я пытался объяснить, что и прокуратура, и органы безопасности действовали по всем правилам, что решение Думы можно обжаловать, но не подчиняться ему нельзя. В ответ на некоторые упреки я ответил Борису Николаевичу, что он ругает меня за то, что я не нарушил закон. И попросил назначить нового руководителя Федеральной службы контрразведки. Через полчаса за моим рапортом приехали из Кремля».

Вячеслав Костиков пишет, что президент сказал: «Голушко предал меня. Я отдал ему прямое указание никого из «Лефортова» не выпускать до выяснения обстоятельств. Он приказа не выполнил».

Ельцин взял проект указа об увольнении Голушко, вычеркнул слова «по личной просьбе» и подписал. 28 февраля 1994 года Николай Михайлович был освобожден от должности в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья.

Евгений Савостьянов говорил мне:

— Думаю, что Николай Михайлович сам хотел уйти. Ему это место со сложными политическими интригами самому надоело.

Голушко, уйдя в отставку, политикой не занялся и даже интервью старается не давать.

Глава 21

СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ СТЕПАШИН

Сергей Степашин однажды произнес ключевую фразу: «Я пришел с этим президентом, я с ним и уйду». После ухода Ельцина в отставку Степашин за ним не последовал, политику и государственную службу он, разумеется, не оставил. Но тогда фраза, казавшаяся абсолютно искренней, произвела сильное впечатление. Хотя одна только искренняя преданность Борису Николаевичу Ельцину не помогла бы Степа-

шину сделать столь блистательную карьеру и украсить свой послужной список креслом премьер-министра.

Сергея Вадимовича называют непотопляемым аппаратчиком и беспринципным конформистом, у которого нет собственных взглядов и которому все равно, чем руководить, лишь бы руководить. Степашин отвечает, что он, во-первых, не аппаратчик и не карьерист, а профессиональный государственный служащий; во-вторых, он всегда отстаивает свою точку зрения; в-третьих, после трагических событий в Буденновске в 1995 году он сам подал в отставку с поста директора Федеральной службы безопасности и четыре месяца вообще сидел без работы.

Степашина высокомерно именовали пожарным, и был момент, когда с некоторым испугом говорили, что впервые в России главой правительства стал генерал. Испуг, впрочем, был недолгим. Когда генерала Степашина сменил полковник Путин, это многим в стране понравилось.

Сергей Вадимович Степашин, хотя он большую часть жизни носил форму, не военный человек и не пожарный. Степашин по специальности офицер-политработник, а по профессии преподаватель истории КПСС. Этому предмету он учил будущих офицеров внутренних войск.

Его кандидатская диссертация посвящена принципам партийного руководства, а не пожарному делу, вполне, кстати, уважаемому занятию.

Что касается его личных качеств, то он невозмутимый, выдержанный, умеренный и аккуратный человек. Очень хладнокровен. Способен самостоятельно принимать решения и умеет держать удар. Как выразился один из его коллег, во время событий в Чечне мужество Степашина граничило с безрассудством.

ОН СПАС ЛУБЯНКУ

Он родился в марте 1952 года в Порт-Артуре. Отец военный моряк, мать врач-психиатр. Вырос он в Ленинграде.

В 1973 году окончил Высшее политическое училище МВД (специальность офицер-политработник), в 1981-м Военно-политическую академию имени В.И. Ленина (теперь Гуманитарная военная академия) по специальности «Педагогика» и в 1986-м аспирантуру академии. Семь лет служил во внутренних войсках, затем преподавал в родном училище.

В истории страны был миг, когда практически любой человек, если он наделен какими-то талантами, мог попытаться счастья на политическом поприще. И Степашин не упустил своего шанса. В ноябре 1989 года он выступил на одном из первых митингов на Дворцовой площади в Ленинграде. Вот тогда на него и обратили внимание. Кандидатом в народные депутаты РСФСР по Красносельскому территориальному округу № 112 его выдвинул коллектив

родного училища. В начале 1990 года он — полковник МВД! — выиграл выборы в Ленинграде и стал народным депутатом РСФСР.

В Верховном Совете были и другие военные, но именно он очень быстро возглавил важнейший парламентский комитет по обороне и безопасности, стал членом президиума Верховного Совета и, следовательно, почти каждый день общался с Ельциным. Он твердо поддерживал Ельцина, и Ельцин обратил на него внимание. При этом Степашин замечательно ладил с людьми разных политических взглядов. Это тоже своего рода талант.

После августовского путча 1991 года он возглавлял комиссию по изучению деятельности КГБ. Ее материалы до сих пор не преданы гласности. Тогда были разные точки зрения на будущее госбезопасности. Многие предлагали вообще ликвидировать это опасное ведомство и создать совершенно новую службу из новых людей и на новых принципах.

Степашин поддержал иную точку зрения: КГБ не уничтожать, а расчлнить и модернизировать. Фактически он вместе с Бакатиным спас Лубянку. Тогда же он, сохраняя свой пост в парламенте, получил назначение начальником Ленинградского управления госбезопасности.

Владимир Путин рассказывал потом, что ему не понравилось это решение председателя Ленсовета Анатолия Собчака: Степашин — милиционер, к органам безопасности отношения не имел. Но, признал Путин, «Степашин повел себя совершенно неожиданно. Фактически он своим демократическим авторитетом прикрыл спецслужбы Ленинграда».

Сам Сергей Владимович старался всеми силами показать, что это уже не старый КГБ.

Когда в октябре 1999 года на кладбище поселка Комарово хоронили академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, Степашин напомнил журналистам, что он разрешил выдать Лихачеву его личное дело из архива КГБ. Выдающийся ученый, которого многие называли совестью народа, всю жизнь находился под присмотром госбезопасности.

Получив свое личное дело, Лихачев с горечью сказал Степашину: — Лучше бы вы этого не делали. Я узнал, сколько людей, которых я считал своими друзьями, писали на меня доносы...

Когда осенью 1993 года Ельцин своим указом распустил Верховный Совет, Степашин одним из первых депутатов демонстративно подчинился президентскому указу и сложил с себя парламентские полномочия. В награду он немедленно стал первым заместителем главы Федеральной службы контрразведки. А после увольнения Голушко возглавил госбезопасность.

Потом Сергей Степашин рассказывал Олегу Попцову, руководителю Российского телевидения, что последовало за его назначением:

— Меня принял Коржаков. Мы обсудили кое-какие проблемы. Было ясно, что Коржаков прощупывает меня. Его интересовали

масштабы моей послушности. Происходил некий ритуал моего посвящения. Еще до того мне уже грозили пальчиком, смотри, мол, чтоб ни-ни... Я многое знал, но ощущение удушливости, которое мне пришлось испытать при этом разговоре, было явственным и противным.

Но Сергей Вадимович стерпел, не возмутился.

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Степашин провел чистку ведомства, которым президент был недоволен. Переаттестацию не прошел каждый десятый чекист. Численность органов госбезопасности составляла 75 тысяч человек. Зато потом Степашин восстановил утерянные полномочия этой службы, в частности вернул госбезопасности следственный аппарат и в апреле 1995 года добился преобразования контрразведки в Федеральную службу безопасности с куда большими правами и полномочиями.

Параллельно профессиональный педагог Степашин читал лекции в Академии государственной службы и в 1995 году защитил докторскую диссертацию о развитии демократии в стране. Нашел ведь время и силы, находясь на таких ответственных постах в такое сложное время... Значит, думал о будущем, понимал, что должности пожизненно не даются. И был прав.

Степашин участвовал в том самом заседании Совета безопасности, на котором было принято роковое решение о военной операции в Чечне. Цель — устранить генерала Дудаева. Война в Чечне стоила жизни десяткам тысяч людей, а Степашину чуть не погубила карьеру...

В 1994 году стало ясно, что никем не контролируемая Чечня становится питательной почвой для терроризма.

Все, кто мог, вооружились — или с оружием в руках зарабатывать на жизнь, или, напротив, защищаться от бандитов. В худшем положении оказались русские, им неоткуда было взять оружие, и они чаще всего становились жертвами уголовников.

— С самого начала было ясно, что один из субъектов Российской Федерации захвачен бандой, — рассказывал Евгений Савостьянов, который тогда был заместителем Степашина. — Борьба с Дудаевым пытались, но достаточно вспомнить, что представляла собой тогда власть в России, чтобы понять, что сделать что-либо было невозможно.

Зараза поползла по всему Северному Кавказу. Конфедерация народов Северного Кавказа превратилась в агрессивную вооруженную силу. На территории Чечни система государственной власти вообще разрушилась, там власть брали вооруженные отряды, а иногда просто банды, которые занимались похищением людей. Из Чечни потекли фальшивые банковские документы (авизовки). Болезнь стала

развиваться по худшему сценарию. То ли как раковая опухоль, которая дала метастазы сначала по всему Кавказу, потом в глубь России. То ли как острый воспалительный очаг, который отравляет весь организм в целом. Но два с лишним года никто чеченскую проблему не замечал. Все шло, как шло. Только в 1994-м стало ясно, что с Чечней надо что-то делать...

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТАНКИСТЫ

Во второй половине 1994-го Федеральная служба контрразведки предложила свой вариант решения чеченской проблемы: дать оппозиции оружие и деньги, и она сама свергнет Дудаева. Казалось, что его власть ослабла и его противники могут взять верх. И действительно — авторитет Дудаева упал. Он сумел только провозгласить независимость республики, а наладить жизнь ему было не под силу.

Но Борис Ельцин по-прежнему занимался Северным Кавказом без интереса, «по остаточному принципу». Сергей Филатов, бывший глава президентской администрации, говорил мне:

— В 1994 году можно было многое предвидеть, выработать свое мнение, но центральная власть оставалась пассивной. Инициатива шла снизу. Даже не от нас — из самой Чечни.

В Москве решили сделать ставку на антидудаевскую оппозицию. Правда, это тоже все были весьма сомнительные люди.

— Когда стали назревать оппозиционные настроения против Дудаева, — рассказывал Вадим Печенев, работавший тогда в администрации президента, — была подготовлена для президента записка, в которой рассматривались варианты выхода из кризиса. Ввод войск мы считали самым опасным вариантом, потому что это неминуемо должно было привести к сплочению вокруг Дудаева, и возникала опасность, что конфликт чисто политический, между федеральным центром и субъектом федерации, перерастет в этно-политический — между чеченцами и русскими, который вообще трудно разрешить. Эмиль Паин придумал тогда вариант двух Чечней.

Эмиль Паин, в то время заместитель руководителя Аналитического центра при президенте России, вспоминает:

— Идея была такая: одна Чечня — две системы. Чеченская Республика остается, но есть некие районы (три северных), куда поступает гуманитарная помощь. Там строятся больницы и детские сады, выдаются пенсии. Подходит время к выборам — выбирайте, что вам больше нравится. Жить без всего в независимой Чечне или жить обеспеченно в составе Федерации...

— Что касается военной помощи антидудаевской оппозиции, то она должна была носить ограниченный характер — для самообороны, а не для наступления на Грозный, — продолжает Вадим Печенев. — Документы были подготовлены и, судя по всему, одобрены

президентом. Но в конце концов выбрали худший и самый опасный вариант. Кто принимал решение, я не знаю, хотя работал в то время в администрации президента и в моем подчинении находился будущий глава Чечни Доку Завгаев.

Федеральная служба контрразведки убедила Ельцина, что можно решить чеченскую проблему руками оппозиции, вроде как без вмешательства армии: сами чеченцы наведут порядок в республике и попросят Москву взять их под свое крыло. Люди из спецслужб — мастера уговаривать. Многие политики попадали в глупое положение, поверив в их обещание обделать самое заковыристое дельце без шума и пыли...

Летом 1994 года в гостинице «Пекин» в Москве встретились видные представители чеченской диаспоры, люди, которые давно уехали из республики, но были готовы что-то сделать для сородичей. Речь шла о том, что федеральная власть намерена свергнуть режим Дудаева и призывает всех чеченцев вернуться домой и взяться за оружие, чтобы восстановить порядок на родине.

Но отряды оппозиции терпели поражение в столкновениях с войсками, верными Дудаеву. Тогда оппозиция получила от федеральной армии бронетранспортеры, вертолеты и сорок танков.

Танкистов оперативники Федеральной службы контрразведки нашли в частях Московского военного округа. Солдаты формально увольнялись из рядов Вооруженных сил, и с ними подписывали липовые контракты на «обслуживание боевой техники в экстремальных условиях». Офицерам оформляли отпуск. Контрактников доставляли на Чкаловский аэродром, оттуда они летели в Моздок (аэропорт в Северной Осетии), а дальше на вертолетах или прямо на броне их доставляли в районы, контролируемые оппозицией.

Операция была подготовлена из рук вон плохо и закончилась плачевно. Сорок танков и тысяча пехотинцев — явно недостаточные силы для захвата города.

26 ноября начался штурм Грозного. Танки легко дошли до центра города, где они были уничтожены из гранатометов. Танкисты — несчастные ребята — попали в плен и признались, что их отправила в Чечню Федеральная служба контрразведки. Чеченцы пригласили телевидение, чтобы операторы засняли признания захваченных в плен солдат и офицеров.

Министр обороны Павел Грачев публично отрекся от своих подчиненных, заявив, что такие люди, мол, не числятся в списках личного состава Вооруженных сил России. Он действовал как сговорились: утверждать, что все это работа самой чеченской оппозиции. Но получилось омерзительно: командир не может бросить своих солдат в трудной ситуации...

Солдаты федеральных сил, которых, ничего не объясняя, бросали в Чечню, не могли толком понять, ради чего они воюют на своей собственной земле. Неужели нельзя было договориться? И подозревали, что в неблагоприятной ситуации их тоже могут бросить на про-

извол судьбы. Это в значительной степени предопределило грядущее поражение в первой чеченской войне.

Директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин — в отличие от других силовых министров — не прятался тогда за чужие спины, а взял на себя ответственность за трагедию в Грозном. Он не побоялся сознаться в том, что в плен захвачены именно российские солдаты и офицеры, и сделал все от него зависящее для освобождения их из плена.

Евгений Савостьянов, который был тогда заместителем Степашина, уверял потом, что он предлагал для этой специальной операции набрать людей из других республик бывшего Советского Союза: там полно бывших военных. Тогда, дескать, не было бы таких неприятностей...

Вся эта история показала, что нельзя доверять спецслужбам и военным решение политических проблем. Они обещают все легко уладить и доводят дело до беды: использовать наемников на собственной территории нельзя, ничего хорошего выйти из этого не может.

ШТУРМ ГРОЗНОГО

А в Москве президент Ельцин испытал чудовищное унижение: ему утер нос какой-то генерал-чеченец, которого он и на порог не пускал! Борис Николаевич требовал немедленно подавить мятеж. Это была еще одна ошибка.

На том этапе можно было найти более здравый выход: располжить войска вдоль Терека, удовлетвориться контролем над теми районами, где находится антидудаевская оппозиция, и пытаться установить санитарный кордон вокруг остальной части Чечни. Это требовало медленной и методичной работы. Но душа Ельцина жаждала мести. И все вокруг уверяли президента, что задавить Дудаева несложно.

Тогда Совет безопасности принял решение о полномасштабной военной операции в Чечне. Операцию планировалось провести в две-три недели. Военные докладывали, что настоящего противника в Чечне нет и быть не может, там есть некоторое количество вооруженных бандитов — они, увидев наступающую армию, быстро разбегутся.

Главную скрипку играл министр обороны. Ведомство госбезопасности помогало военным. В те месяцы Степашин не снимал полевой формы и появлялся в компании с министром обороны Павлом Грачевым.

Грачев предложил принять командование первому заместителю командующего Сухопутными войсками генерал-полковнику Эдуарду Воробьеву. Генерал два дня изучал ситуацию и доложил министру, что операция совершенно не подготовлена. Она рассчитана на

устрашение, а не на ведение реальных боевых действий. Воробьев вскоре был отправлен в отставку.

Командовать Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике взялся генерал-лейтенант Анатолий Квашнин, нынешний начальник Генерального штаба.

Возможно, армия даже и не собиралась воевать по-настоящему. Офицеры были уверены, что, когда чеченские отряды увидят танки, они разбегутся. Именно поэтому Грачев хвастливо заявил, что с этой задачей за два часа справится один воздушно-десантный полк...

26 декабря на заседании Совета безопасности было принято решение штурмовать Грозный. Ельцин рассказал, что «первый этап с участием военных по исполнению решения Совета безопасности по наведению конституционного порядка на территории Чечни заканчивается». Те, кто знал, что там в реальности происходило, слушали президента в недоуменном молчании.

31 декабря начался штурм Грозного.

Войска действовали так, как их учили. Но они имели дело не с регулярной армией, которая должна была отступить под давлением превосходящих сил противника, а с партизанскими отрядами, а им бежать некуда. Танковые колонны прорвались к центру города, но чеченцы не прекратили сопротивления. Они методично уничтожали танк за танком.

Федеральные войска несли огромные потери.

Находившийся в те дни в Грозном Анатолий Шабад, депутат Государственной думы, рассказывал потом: «Ночью 1 января я собственными глазами наблюдал, как большое количество бронетехники в страхе панически металось с погашенными фарами по одному из районов города... 2 января на Вокзальной площади Грозного я насчитал тридцать подбитых единиц бронетехники, которые еще горели...»

Один из руководителей военной разведки потом совершенно серьезно объяснял депутатской комиссии, что штурм Грозного в ночь на 1 января был неудачным потому, что у армии были карты города 1991 года, а за это время дудаевское руководство выстроило новые опорные пункты...

Наступавшие под командованием генерала Константина Пуликовского 131-я (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада и 81-й (Самарский) мотострелковый полк были разгромлены. В плен попало больше ста человек.

Депутат Государственной думы Виктор Шейнис был среди тех, кто пытался выручить из плена солдат федеральных войск:

«Сначала привели показать нам ребяташек — захваченных в плен русских солдат. Они были совершенно деморализованы, грязные, завшивленные. Они рассказывали, что их, не говоря о том, куда и зачем они едут, посадили в эшелоны, привезли в Моздок, а из Моздока на неисправной технике (БТРах) отправили к Грозно-

му. Причем многие из них не знали друг друга. Это не были части, где уже каким-то образом люди сработались, — это были собранные с бору по сосенке солдаты...

Я считаю, что это была бойня, учиненная российским командованием. Они бросили необученных, необстрелянных, не готовых к боевым действиям солдат».

ОТКУДА ВЗЯЛСЯ БАСАЕВ?

Для Ельцина это был тяжелый удар. Когда телевидение показало несчастных солдат, взятых в плен чеченцами, президент понял, в какую неприятную историю он попал. Ельцин мог поступить двояко. Либо признать, что совершена ошибка, и приступить к поиску политического решения чеченской проблемы. Но в таком случае пролившаяся кровь, большие жертвы лишали его шансов на переизбрание... Либо сделать вид, что ничего не произошло, и приказать армии немедленно подавить сопротивление в Чечне, рассчитывая на то, что победителей не судят.

Ельцин сразу решил для себя, что он не станет признаваться в своих ошибках. Не бывает ошибающихся президентов... Началась настоящая война.

Президент Ельцин несколько раз заявлял, что военный этап операции по наведению порядка в Чечне закончен. Но бои продолжались. Боевики ушли в горы.

Каждый месяц он подписывал новый указ по Чечне. Спецслужбы пытались создать из числа оппозиционеров дееспособные органы власти, но не получалось. Во-первых, население смотрело на них как на коллаборационистов и не желало опять идти под власть Москвы. Во-вторых, сами лидеры были неудачные. Порядочные люди не располагали собственной базой поддержки в этом клановом обществе. А те, у кого были свои отряды, оказывались уголовниками.

Весной 1995 года, ведя безуспешную борьбу с партизанами, федеральные войска приступили к зачистке чеченских сел — тогда это мерзкое слово вошло в наш лексикон. Гибли мирные жители. Авиация бомбила позиции боевиков, но бомбы попадали в жилые дома. В ответ чеченцы казнили пленных офицеров и контрактников из внутренних войск.

Федеральные силы контролировали 90 процентов территории республики. Но люди из Москвы и их ставленники чувствовали себя в безопасности только на территории аэропорта Северный и в здании Дома правительства в Грозном, оба объекта хорошо охранялись. Даже между ними передвигались только на бронетранспортерах. И это не помогало — во время поездки был тяжело ранен командующий группировкой генерал Анатолий Романов.

К середине июня, через полгода после начала операции, федеральные силы заняли основные горные районы, рассекли позиции

боевиков и оттеснили их к грузинской границе. Казалось, до полной победы рукой подать. После праздничного моратория федеральная авиация возобновила бомбардировки.

В ответ Совет полевых командиров потребовал перевести войну на территорию России. Шамиль Басаев заявил, что он займется диверсионно-подрывной деятельностью — такая тактика заставит Москву сесть за стол переговоров.

На слова какого-то Басаева федеральные силы не обратили внимания. И напрасно.

Шамиль Басаев в ноябре 1991-го организовал угон самолета из Минеральных Вод в Турцию. С 1992-го командовал ротой и батальоном чеченского спецназа. Когда Абхазия начала войну против Грузии, Басаев отправился туда во главе отряда Конфедерации народов Кавказа. Он был одним из руководителей обороны Грозного.

Через несколько лет президент Ингушетии Руслан Аушев расскажет, что Шамиль Басаев, у которого руки по локоть в крови, сотрудничал с Главным разведывательным управлением Генерального штаба Российской армии. Тот же факт предал гласности Степашин. Только более осторожный Степашин не называл военную разведку, а говорил об «одной из спецслужб».

Сотрудничество Шамиля Басаева с «одной из наших спецслужб», предположительно военной разведкой, началось несколько лет назад, когда шли бои в Абхазии. Абхазцы подняли восстание против правительства, выбили грузинские войска со своей территории и создали никем не признанную республику.

Тогда многие удивлялись, как это маленькой Абхазии удалось одолеть большую Грузию? Абхазии неофициально помогали российские военные — как минимум, оружием и боевой техникой, хотя никто в этом признаваться не желает. Вот тогда на почве борьбы с общим врагом и объединились российские спецслужбы и мало кому тогда известный Шамиль Басаев.

Очень скоро он станет известен всему миру.

ТРАГЕДИЯ В БУДЕННОВСКЕ

Утром 14 июня глава правительства Виктор Степанович Черномырдин давал интервью Российскому телевидению. Когда корреспондент заговорил о том, что Дудаев обещал серию террористических актов, Черномырдин твердо ответил:

— Эти типичный блеф.

Через четыре часа после этого Шамиль Басаев с полусотней боевиков захватил больницу в Буденновске. Фактически это свидетельствовало о том, пишет Олег Попцов, что руководители МВД, ФСК и минобороны не знали ситуацию в Чечне и дезинформировали главу правительства.

14 июня 1995 года отряд Басаева захватил в городе Буденновске Ставропольского края больше полутора тысяч заложников и укрылся в здании городской больницы.

Колонна грузовиков с боевиками, которую никто не остановил, направлялась в какой-то другой город, но случайно оказалась в Буденновске. Грузовики остановились перед зданием горотдела внутренних дел и захватили его. Потом со всего города согнали в больницу заложников.

Басаев потребовал прекратить войну, вывести федеральные войска из Чечни и начать переговоры о предоставлении республике независимости. Он сразу расстрелял шесть заложников, чтобы показать серьезность своих намерений. На следующий день Басаев потребовал пропустить к нему журналистов. Власти отказались. Тогда он расстрелял еще пятерых заложников.

Штаб по освобождению заложников возглавили директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин и министр внутренних дел Виктор Ерин.

Спецподразделения контрразведки и МВД пытались штурмом взять здание больницы. Ничего не получилось, погибли около тридцати заложников.

Тогда глава правительства Виктор Черномырдин связался по телефону с Басаевым и обещал ему начать переговоры.

18 июня Черномырдин и Басаев договорились о прекращении боевых действий, Басаев и его боевики смогли уехать под прикрытием ста тридцати заложников. Погибли в общей сложности в Буденновске больше ста мирных жителей. В последний момент спецслужбы предприняли еще одну неудачную попытку остановить Басаева. Об этом через четыре года рассказал уже бывший глава правительства Виктор Черномырдин.

В автобусах, предоставленных Басаеву, установили баллоны с усыпляющим газом. Но Басаев не был наивным человеком. Он поменял водителей на своих людей. Они обнаружили баллоны. Басаев, торжествуя, вернулся домой.

Все это удалось ему, потому что специальные службы России оказались неподготовленными к серьезным антитеррористическим операциям.

Помощник президента по национальной безопасности Юрий Батулин взял несколько карт этого района и по очереди приглашал к себе главного пограничника, главного военного, главного контрразведчика, главного милиционера и просил каждого на своем экземпляре карты показать маршрут, по которому, по данным его ведомства, шла группа Басаева.

Естественно, оказалось, что все они нарисовали разные маршруты. И у каждого маршрут басаевской группы проходил так, что был вне зоны его ответственности.

Потом Батулин все эти карты положил на стол президенту. За этим последовали отставки силовых министров. К Степашину претензий было меньше всего. Но он сам подал в отставку.

Он возглавлял органы безопасности пятнадцать месяцев, с марта 1994-го по июнь 1995 года.

Степашин пришел на похороны убитых при штурме больницы бойцов, переживал, плакал и производил впечатление искреннего человека.

«Будучи человеком крайне порядочным и ранимым, — пишет Олег Попцов, — Степашин не излучал потребной профессиональной жесткости, чем всегда славилась эта служба... Подавая свой отставочный рапорт первым, Степашин исходил, как мне кажется, из двух, по нынешним временам невероятных, состояний: чести и, как ему казалось, невыполненного долга».

Сергей Вадимович говорил в интервью: «За все надо отвечать... Вот я и ответил... А других механизмов я просто не знаю... Недавно в США из-за мелочи застрелился один из руководителей военного флота... Это своеобразный кодекс чести. И я лично не позволяю себе никаких обид на своих руководителей, на президента... Каждый должен отвечать сам».

К тому времени война шла больше полугодом, а все казалось, что она где-то далеко. Захват заложников в Буденновске показал, что война очень близко, что ее пламя может опалить любого из нас. Сначала всех интересовали детали: каким образом Шамиль Басаев и его боевики беспрепятственно проникли в город? Почему наши спецслужбы не смогли им помешать?

И лишь немногие уже поняли одну очень неприятную истину. Жестокая акция в Буденновске была первым действием в террористической войне, которая объявлена России.

А мировой опыт показывает, что террористы — если они действительно готовы погибать за свое дело — часто добиваются своего. Продолжение чеченской войны отныне означало не только все новые и новые похоронки с фронта, но и гибель людей в городах России, далеко отстоящих от Чечни...

ВНОВЬ МИНИСТР

Четыре месяца Степашин сидел без работы и уже думал заняться преподаванием, благо докторская диссертация защищена. Но о нем вспомнил тогдашний первый вице-премьер Олег Сосковец и, заручившись поддержкой Виктора Черномырдина, предложил ему номенклатурную, хотя и невидную должность начальника административного департамента аппарата правительства в ранге первого заместителя министра.

Степашину поручили заниматься Чечней. Но когда Александр Лебедь в 1996 году стал секретарем Совета безопасности и помощником президента, он оставил Степашина от чеченских дел, которыми занялся сам.

В газетном интервью Степашин говорил с уважением о незамеченном опыте работы в аппарате правительства. Есть такие нюансы, тонкости, о которых; даже будучи министром, не узнаешь. Это все еще пригодится, заметил Сергей Вадимович, и не ошибся... Его опыт показывает, что никогда не надо отчаиваться.

Летом 1997 года, когда разразился скандал из-за министра юстиции Валентина Ковалева, который развлекался в бане с милыми девушками, его место отдали Степашину.

Это Путин, который работал тогда в администрации президента, предложил кандидатуру Степашина. Предварительно спросил, конечно, самого Степашина:

— Сергей, ты хочешь? Не знаю, что получится, но я готов тебя поддержать.

Степашин сказал, что хочет стать министром, потому что надоело бумажки носить.

Назначение не всем понравилось. Одна из газет писала так: «Генерал-лейтенант действующего резерва ФСБ Сергей Степашин, человек, по сути дела спровоцировавший бойню в Чечне, вместо скамьи подсудимых занял кресло министра юстиции».

Но очень быстро его деятельность стали оценивать положительно. До него министерство юстиции считалось второразрядным и незаметным. Степашин, с его административным даром и нерастроченной энергией, сразу же стал заметным. Он хотел показать, что справится с любой должностью. Министерство получило большие полномочия. В частности, он сразу добился передачи тюрем и колоний из МВД в министерство юстиции.

Он показал себя настолько деятельным и умелым администратором, что при очередной реорганизации правительства в конце апреля 1998 года стал министром внутренних дел.

Степашин оказался первым министром, которого почти не критиковали. Он вел себя активно и разумно. Расставил на ключевые должности профессионалов с большим опытом оперативной работы. Проводил масштабные операции по очистке отдельных территорий от преступных элементов и нещадно боролся с преступниками в собственном ведомстве. Возможно, это был лучший министр внутренних дел за последние годы.

И тут Ельцин еще раз к нему пригляделся и решил, что надо бы попробовать Степашина в роли премьера.

27 апреля 1999 года он был назначен первым заместителем главы правительства, оставаясь на посту министра внутренних дел. Всем стало ясно, что вскоре он заменит Примакова. Это и произошло 12 мая, когда Степашину было поручено возглавить правительство. В этот день Степашин выступал на Высших академических курсах МВД для руководящих сотрудников местных аппаратов. Он призывал своих подчиненных к смелости: «За каждым из вас стоит и министр, который никогда никого не бросит и никого не предаст».

ПРЕМЬЕР НА ТРИ МЕСЯЦА

Его назначение главой правительства произошло при очень странных обстоятельствах. Ельцин до последнего момента колебался и не знал, кого предпочесть — Степашина или министра путей сообщения Николая Емельяновича Аксененко.

Сначала Ельцин вроде бы остановился на Аксененко и даже назвал его фамилию в телефонном разговоре с председателем Государственной думы Геннадием Селезневым. А потом все-таки прислал в Думу письмо с просьбой одобрить кандидатуру Степашина. Селезневу оставалось только развести руками:

— У нашего президента семь пятниц на неделе.

Аксененко, говорят, чисто внешне приглянулся Ельцину. Он симпатизирует высоким, статным мужикам с рабочей биографией, которые так напоминают его самого в молодости. По этой причине в Кремле пользовались особым расположением Владимир Шумейко, который был вице-премьером и председателем Совета Федерации, Павел Бородин, управляющий делами президента...

Задним числом Ельцин с помощью Валентина Юмашева, написавшего ему книгу «Президентский марафон», уверяет, что взял Степашина на очень короткий срок: «Да, уже внося кандидатуру Степашина, я знал, что сниму его. И это знание тяжким грузом висело на мне. Честно говоря, чувство страшноватое... Я знаю это чувство — когда посреди разговора, посреди обычной встречи вдруг как черная тень по комнате пробежит. Предрешенность того или иного поступка, той или иной политической судьбы дает о себе знать постоянно. И ты вынужден держать эту ношу, не выпускать наружу свои мысли».

Едва ли это было так. Ельцин в ту пору подбирал себе наследника, каждому из возможных кандидатов он давал шанс. Степашин фигурировал в этом списке, и ему тоже дали шанс. Следующим в списке, надо понимать, значился Аксененко. Вот поэтому Сергей Степашин при назначении услышал мало вдохновляющее напутствие: пока побудешь премьер-министром, а потом тебя сменит Аксененко. А может быть, и не сменит, если хорошо себя проявишь... Словом, премьер-министру Степашину дали испытательный срок — три месяца.

Сам Ельцин назидательно сказал Степашину:

— Надо еще посмотреть, как у вас получится...

А в разговоре с Аксененко Ельцин, видно, произнес нечто утешительно-обещающее:

— Вы будете первым заместителем главы правительства, единственным первым замом и будете заниматься всем. Поработайте немного на этой должности, а потом...

Аксененко произвел на публику невыгодное впечатление. Он с трудом формулировал свои мысли, зато громогласно заявлял, что будет заниматься решительно всем, даже тем, что входит в обязанно-

сти главы правительства. Николай Емельянович вел себя так, словно не Степашин, а он премьер, и преспокойно отменял распоряжения главы правительства.

Скоро станет ясно, что Николай Емельянович на премьера не тянет. Но Степашин-то оказался в неудачном и неприятном для него положении. Много ли может сделать премьер-министр, если ему в затылок жарко дышит дублер и тикают часы, неумолимо отсчитывая отведенное ему время?

Степашин давно бросил курить, но когда стал главой правительства, как он сам говорит, «сорвался и выкуривал по две пачки в день».

Еще никогда общество не видело, чтобы администрация президента так откровенно командовала правительством, решала, кому быть министром, а кому нет. Именно в тот момент стало понятно, что все важнейшие кадровые решения в стране принимает узкая группа лиц, не наделенная никакими государственными полномочиями. Тогда и возник термин «Семья», обозначавший окружение Ельцина, которое обрело самостоятельность и проводило свою политику.

Да сможет ли Степашин, лишенный даже права подобрать себе заместителей, нормально работать — многие тогда задавались этим вопросом.

Борис Немцов рассказывал мне:

— Мы, когда работали в правительстве, то вместе с Чубайсом, конечно, спорили с Черномырдиным, но все-таки не претендовали на его кресло. По закону министров предлагает глава правительства. А тут дурацкая история. Если Татьяна Дьяченко хочет работать в правительстве, пусть идет...

Вместе с тем Сергей Степашин с такой легкостью прошел утверждение Думой, что далекие от кремлевских интриг люди задумались о том, каким будет его следующий политический пост. А не станет ли он баллотироваться в президенты, и заранее подсчитывали его шансы на победу...

И даже Борис Березовский заговаривал с ним о будущих президентских выборах. Степашин сказал, что пока перед собой такую задачу не ставит.

Березовский призывал его быть более решительным:

— Чего ты волнуешься? За три месяца я гориллу выберу президентом.

Сергей Степашин попытался сформировать свою партию. Придумал для нее название — «Клуб губернаторов». Почти полсотни губернаторов были готовы его поддержать.

Летом 1999 года восемнадцать губернаторов собрались в кабинете главы президентской администрации Александра Волошина и прямо сказали:

— Мы готовы «выстроиться» под Степашина, но долго ли он пробудет премьером?

Волошин, который уже знал, что вскоре произойдет, им ничего не ответил.

Общество торопилось. Примакову сулили еще более блистательное будущее, а он и года не пробыл на посту премьера. Так что и Степашин, говорили скептики, возможно, не станет последним премьер-министром президента Ельцина.

Сергей Степашин очень старался честно исполнять свои обязанности и в первые же дни успел вызвать симпатии в обществе. Когда все видели, что ему ставят палки в колеса, навязывают не очень достойных министров, это вызывало ненависть к кремлевской администрации.

Со Степашиным, искренне преданным президенту Ельцину, вели себя столь пренебрежительно, будто хотели от него отделаться. Зачем тогда назначали?

Борис Немцов говорил мне:

— Обидно, когда Степашина вынуждают говорить, что он хозяин. Это крик отчаяния. Я не понимаю, почему в Кремле топят честного человека. Можно подумать, у них в резерве есть кто-то еще...

Борис Ефимович как в воду смотрел. Степашина сменили на Владимира Путина.

Степашин продержался в Белом доме три месяца.

«ТВОЕ ВРЕМЯ ЕЩЕ НЕ ПРИШЛО»

5 августа 1999 года Ельцин вызвал к себе главу правительства. Это был, как выяснится позднее, предварительный разговор. У президента уже накопилось много замечаний к работе правительства и самого премьер-министра.

Так чем же Степашин не угодил Ельцину?

«Степашин слишком мягок, — говорится в последней книге Ельцина. — Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуются, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе...»

Вот этого никто, кроме Ельцина, не уловил: Степашину не хватает характера. Властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

Степашин говорил:

— Я не Пиночет.

Вот поэтому с ним и расстались.

На беседе президента с премьером присутствовал и Владимир Путин, тогда еще секретарь Совета безопасности и директор Федеральной службы безопасности. Учился? Постигал искусство управления правительством?

В тот день Степашин сумел, как ему показалось, переубедить президента, снять все его замечания и развеять сомнения. Разговор

с президентом, по словам самого Степашина, получился «просто замечательный».

После чего Степашин по совету президента отправился в поездку по стране. В эти дни началось вторжение чеченских боевиков под командованием Шамиля Басаева и Хоттаба в соседний Дагестан. Казалось, вот-вот запылывает весь Северный Кавказ.

В воскресенье премьер-министр прилетел в Махачкалу, оттуда позвонил президенту, получил санкцию на ведение военных действий против боевиков, прорвавшихся в Дагестан. Вернулся в боевом настроении в Москву, а на следующий день, 9 августа, в понедельник рано утром Ельцин отправил его в отставку.

На сей раз разговор был очень коротким. Эта сцена описана в «Президентском марафоне» Ельцина.

Борис Николаевич вызвал в кабинет Степашина и Волошина. Степашин сразу разволновался, покраснел.

— Сергей Вадимович, сегодня я принял решение отправить вас в отставку, — сказал Ельцин. — Буду предлагать Владимира Владимировича Думе в качестве премьер-министра. А пока прошу вас завизировать указ о назначении Путина первым вице-премьером.

— Борис Николаевич, — с трудом выговорил Степашин, — это решение... преждевременное. Я считаю, это ошибка.

— Сергей Вадимович, но президент уже принял решение, — заметил Волошин, желая поскорее избавить Ельцина от неприятных объяснений.

— Борис Николаевич, я очень вас прошу... поговорить со мной наедине.

Ельцин кивнул, и они остались один на один. Степашин говорил в основном о своей верности президенту:

— Я всегда был с вами и никогда вас не предавал.

Но Ельцин уже принял решение. На прощанье Борис Николаевич как всегда многозначительно сказал Степашину:

— Сергей Вадимович, мы с вами остаемся в одной команде.

Президент произносил эту фразу всякий раз, когда с кем-то расставался. Но увольняемый слышал ее впервые и был благодарен. Так и Степашин искренне ответил:

— Борис Николаевич, я ни в какой другой команде не состою, а с вами я остаюсь — это факт. — Добавил, как положено офицеру: — Честь имею!

Приехав в Белый дом, Степашин, прощаясь с министрами, сказал очень достойные слова. Видно было, что он никак не ожидал отставки и потрясен, сильно переживает, чрезвычайно расстроен, что он еле сдерживается, чтобы не дать волю своим эмоциям. Он рассказывал, как рано утром его вызвал президент Ельцин, поблагодарил за работу... и отправил в отставку.

При этом Степашин произнес:

— Я был, есть и буду с президентом — до конца. Я благодарен ему за то, что он меня, мальчишку, ввел в большую политику.

Уже потом разочарованный и обиженный Степашин откровенно скажет журналистам:

— Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не всё же покупается в нашей стране... Ошибка это или не ошибка, но меня просто нельзя переделывать. Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая посчитала, что в этой ситуации я не надежен.

Степашин признавался, что у него есть одна слабость как у политика:

— Я доверяю людям. За неделю до снятия ко мне в гости приезжала, как говорится, группа товарищей. Жена приготовила ужин. Все было замечательно, а потом они же меня снимали. И ведь они в тот момент уже об этом знали, понимаете? Хотя бы сказали по-дружески!.. Не пришло еще время таких, как я. В очках, да еще и улыбается... Не пришло пока. Березовский так прямо мне и сказал: «Быдлу сейчас нужен Лебедь. А твое время еще не пришло».

Борис Березовский тогда еще не знал, окажется ли Путин удачливее Степашина, и на всякий случай держал в резерве еще и Александра Лебеда.

ТРУДОУСТРОЙСТВО ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

«Впервые партия заключает союз с физическим лицом». Эту нелепую фразу в августе 1999 года Сергей Степашин произнес гордо, с серьезным лицом, и весь день ее столь же серьезно повторяли дикторы и комментаторы.

Ораторское искусство не принадлежит к числу достоинств Сергея Вадимовича. Назвав себя физическим лицом, Степашин хотел придать себе важности, сказать, что он не просто присоединяется к «Яблоку» и получает место в первой тройке уже давно существующей партии, а как бы заключает союз на равных. С одной стороны, я, Степашин, бывший премьер-министр, с другой — партия «Яблоко» в полном составе. Степашин человек хороший, этим и симпатичен, но немного наивный.

Ясно было, что Сергей Степашин в любом случае получит депутатский мандат. Точно так же было понятно, что сравнительно молодому физическому лицу, побывавшему — хоть и недолго — в роли главы правительства, второго человека в стране, вторым номером в маленькой партии будет тесновато.

Отчего же Степашин согласился на вторые роли?

Своей-то партии у него нет. Он ведь не политик, а государственный чиновник. Так что в приданое он мог принести только свое честное и популярное лицо.

Первыми лицо Степашина оценили в блоке «Правое дело», то есть Чубайс и Кириенко. Но Степашин отказался быть первым но-

мером в коалиции правых партий с очень неясными, как ему тогда казалось, шансами и предпочел более надежное «Яблоко».

Степашин в декабре 1999 года был избран депутатом, но малое число мандатов «Яблока» лишало его шансов на кресло спикера Думы или даже председателя одного из ключевых комитетов. И тогда возникла идея избрать Степашина губернатором Санкт-Петербурга, где у него сильные позиции.

Степашин уже готов был выставить свою кандидатуру и вдруг отказался. Почему?

В те несколько месяцев, когда он был премьер-министром, он проявил себя очень хорошо, завоевал симпатии, прежде всего интеллигенции. И его попытка стать губернатором Петербурга казалась совершенно естественной.

Он сам сказал, что на посту губернатора нужна более компромиссная фигура. То есть кому-то Степашин не понравился. Наверное, он имел в виду не коммунистов. На их поддержку он и не рассчитывал, да и их голос в Питере не так важен. Видимо, он имел в виду и не правых, которые готовы были его поддержать. Из этого следует, что видеть Степашина в кресле губернатора не захотела партия власти, то есть сам Путин. А ссориться с Путиным он не захотел.

Когда Степашин перестал быть главой правительства, он в сердцах сказал, что разговоры о возможности, находясь во власти, оставаться порядочным — это чепуха. Надо быть абсолютно циничным человеком. Возможно, Сергей Вадимович учится на своих ошибках...

Сергей Степашин вполне мог победить на выборах губернатора Санкт-Петербурга и стать одной из влиятельных фигур в стране с прицелом на будущее. Но это был риск, он мог и проиграть. Да и участвуя в выборах, он бы пошел против воли президента Путина. А Степашин не хочет ссориться с президентом. И он предпочел рискованной политической жизни надежное кресло председателя Счетной палаты. Это должность в ранге вице-преьера, но вице-премьеров часто меняют, а он будет сидеть в своем кресле шесть лет:

Глава 22

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ БАРСУКОВ

30 июня 1995 года Степашин ушел в отставку с поста директора ФСБ. Кресло три недели пустовало. 24 июля президент подписал указ о назначении генерал-полковника Михаила Ивановича Барсукова на пост руководителя Федеральной службы безопасности. Президент собрал коллегию ФСБ у себя в санатории «Барвиха», чтобы представить кистам нового начальника.

Тогда сгоряча писали, что на Лубянку пришел самый сильный руководитель за последние десять лет. Прогнозы оказались неудачными. Внушительная гвардейская внешность и молчаливость нового хозяина

Лубянки казались признаками внутренней силы и каких-то особых данных. При первых же действиях нового начальника госбезопасности мнение о нем изменилось.

КРЕМЛЕВСКИЙ СТОРОЖ

Михаил Иванович Барсуков родился в Липецке в 1947 году. Отец — армейский старшина, мать — повараха. Отец служил на аэродроме радистом. В школе, насколько известно, не был среди первых, зато увлекался спортом. И по всем статьям подошел самой элитной части советских Вооруженных сил. Барсуков поступил в Московское высшее военное командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Училище очень престижное, отбор в него был предельно жестким. В советские времена кремлевские курсанты охраняли мавзолей. Туристы специально приходили посмотреть на смену караула, когда курсанты картинно вышагивали по Красной площади.

Выпускники этого училища делали в армии хорошую карьеру. А Барсукова оставили служить в кремлевском полку. Кстати, у него во взводе служил сержантом Александр Васильевич Коржаков, будущий личный охранник Ельцина. Все годы Барсуков так и прослужил за кремлевской стеной — заместителем командира кремлевского полка, комендантом зданий правительства, заместителем коменданта Кремля.

За глаза Барсукова называли «сторожем». Объектом номер один в Кремле считался кабинет Ленина, который и сторожили подчиненные Барсукова...

Говорят, что Михаил Иванович прекрасно знает Кремль и был одним из инициаторов его реставрации. Барсуков заочно окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, получил генеральские погоны, но командовал только кремлевской охраной. Единственный опыт участия в реальных боевых действиях во время преследования чеченских боевиков под Первомайском оказался для него неудачным.

Зато настоящей удачей была крепкая дружба с Александром Васильевичем Коржаковым. Майор Коржаков, служивший в Девятом управлении КГБ, стал телохранителем кандидата в члены политбюро первого секретаря Московского горкома Бориса Николаевича Ельцина. В период опалы будущего президента России не бросил его, а потому со временем стал влиятельнейшей фигурой в президентском окружении.

Барсуков был старше по возрасту и по званию, но Коржаков соображал быстрее.

По рекомендации Коржакова в декабре 1991 года Барсукова назначили комендантом Кремля, а в июне 1992-го — начальником Главного управления охраны: это бывшее Девятое управление КГБ. Александр Коржаков, возглавивший личную охрану президента, формально стал его первым заместителем.

УЛЫБКА ДЖОКОНДЫ

Барсуков ведал не только охраной высших чиновников, но и заведовал государственными дачами, резиденциями, санаториями, домами отдыха, магазинами и ателье для начальства. И разумеется, как и в свое время Девятое управление КГБ, Главное управление охраны подбирало весь персонал для обслуживания начальства.

Барсуков контролировал правительственную связь. От него зависело, кому ставить первую и вторую «вертушки» — аппараты АТС-1 и АТС-2. Его ведомство и прослушивало эти телефоны. Руководитель президентской администрации Сергей Александрович Филатов рассказал в 1995 году, что Барсуков и Коржаков организовали прослушивание всех кремлевских телефонов под предлогом борьбы с коррупцией.

Бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков вспоминает, как однажды во время дружеского застолья он сказал Михаилу Барсукову:

— Ну что вы меня слушаете, мне нечего скрывать.

Михаил Иванович улыбнулся свойственной ему таинственной улыбкой Джоконды и похлопал Костикова по плечу, так ничего и не сказав. Не подтвердил, но и не стал отрицать, зная, что ему все равно не поверят...

Когда для Ельцина готовили текст послания Федеральному собранию, то рабочая группа трудилась в особняке на улице Косыгина. Ельцин туда не приезжал. Там вечером собирались его помощники, выпивали и закусывали, потому что это было бесплатно. Первый тост поднимали за Бориса Николаевича, второй — за начальника Главного управления охраны Барсукова, поскольку исходили из того, что все разговоры подслушиваются и записываются.

Газеты тогда много писали о закупках на Западе прослушивающей аппаратуры для ведомства Барсукова, о том, что штат Главного управления охраны невероятно разросся и что денег на охрану не жалеют.

Олег Попцов, создатель Российской телерадиокомпании, вспоминает, как в 1995 году главные чекисты пытались внедрить ему человека из ФСБ на роль заместителя. И кандидат на эту должность пришел знакомиться с будущим местом работы.

— Как вы себе это представляете? — спросил его Попцов.

— Я собираю своих заместителей и представляю: вот, познакомьтесь, мой новый зам. Он «оттуда»...

— Ну зачем же так?

— А как?! Вы думаете, я не знаю, что ваш брат на первый, второй, третий этап так или иначе уже просочился?..

Барсуков, как и его друг Коржаков, сопровождал Ельцина в поездках по стране. Президент приглашал его на все застолья, на охоту и рыбалку. Говорят, что Барсуков за столом мог перебить любого.

А его жена, как утверждали, стала подругой жены президента Наины Иосифовны.

Такова кремлевская традиция. Это на Западе охрана только охраняет. У нас все по-другому. Одежда и еда, мебель и выбор дачи, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи — всем занимается личная охрана.

За исключением Сталина, близость и откровенность с которым исключалась, все остальные хозяева Кремля превращали главного охранника в доверенное лицо всей семьи.

Основа влияния начальника охраны — близость к первому человеку в стране. Начальник охраны проводит со своим подопечным больше времени, чем его жена. Начальнику охраны рассказывают то, чем не делаются и с женой. Его посвящают во все семейные секреты. Он заботится о детях и внуках, спасает их от всех неприятностей и выручает из беды.

Без охранника кремлевские небожители не могли ступить и шага. В мемуарах Сергея Никитича Хрущева описана та растерянность, которая охватила семейство Хрущевых после того, как Никиту Сергеевича отправили на пенсию. Когда исчез привычный начальник охраны, Хрущевы просто не знали, как им быть.

Охранник обязан позаботиться о том, чтобы дом и дача подопечного были не хуже, чем у других высших руководителей. Должен подобрать горничных и поваров. И создать такую обстановку, чтобы молодые и красивые охранники не смущали хозяйку, а молоденькие горничные не отвлекали хозяина от государственных мыслей.

Вот парадокс: Брежнев заставлял своих охранников быть няньками и медсестрами, но личная охрана его любила. Горбачев не требовал от охраны ничего, что бы выходило за пределы их прямых служебных обязанностей, а охранники его возненавидели. И начальник охраны президента СССР генерал Медведев бросил Михаила Сергеевича одного в Форосе...

Наверное, все дело в том, что Брежнев сажал охрану за свой стол, разговаривал с ними на равных и вообще относился к ним по-отечески. А Горбачев держал своих прикрепленных на расстоянии. Горбачевы были «людьми, которые не допускают никого в свою семейную орбиту и тем более не заводят близких и дружественных отношений с другими», пишет бывший заместитель начальника Девятого управления генерал Михаил Степанович Докучаев.

Горбачева невзлюбили за то, что он не сидел тихо в машине, а вылезал, беседовал с людьми, ходил по улицам. Для службы охраны это были лишние неприятности.

Впрочем, у сменяющих друг друга хозяев Кремля есть нечто общее: нелюбовь к воронам. Первым возненавидел ворон Сталин. «Считал их слишком умными птицами и не мог понять секрета их долгожительства. Он сравнивал их с людьми, одетыми в черное. Их истошные крики, как правило, выволакивали его из нормального состояния», — вспоминает генерал Докучаев.

С тех пор начальник охраны и комендант Кремля ведут войну против пернатого племени. Ворон стреляли снайперы, орнитологи давали советы, кремлевский полк организовал соколиную охоту на ворон. Но все было бесполезно. Война с воронами в Кремле продолжается и по сей день...

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Барсуков сыграл важную роль в событиях 1993 года. Он вошел в узкий круг людей, посвященных в планы президента распустить Верховный Совет и назначить новые выборы. И Барсуков сразу предлагал приготовиться к силовому варианту. К нему не прислушались. Барсуков исходил из того, что депутаты президентскому указу о роспуске Съезда народных депутатов не подчинятся и по своей воле из Белого дома не уйдут.

Возникла и такая идея. В случае, если депутаты проголосуют за импичмент, офицеры госбезопасности прервут ход работы съезда, распылив в зале заседаний химические вещества. Приказ должен был отдать комендант Кремля Михаил Барсуков. Депутаты разбегутся, и тогда можно объявлять новые выборы.

В октябре Барсуков первым сообщил президенту о начале военного мятежа в Москве. Так, во всяком случае, следует из книги Ельцина «Записки президента»: «Кто мог знать, что завтра Белый дом станет черным? Дома все шло как обычно. Единственный день, когда я могу несколько часов побыть с семьей, воскресенье. Хотя бы в эти редкие минуты пытаюсь побыть просто мужем, отцом, дедушкой. В это воскресенье не удалось. По спецсвязи позвонил Михаил Барсуков и сообщил о резком обострении ситуации у Белого дома. Он докладывал подробности о смятых кордонах милиции, об идущем в эти секунды штурме здания мэрии, о том, что кольца вокруг Белого дома больше не существует и все вооруженные формирования крупными отрядами грозят обрушиться на город...»

Барсукову подчинялось тогда не только спецподразделение «Альфа» по борьбе с терроризмом, но и бывший спецназ внешней разведки «Вымпел». Входящие в него офицеры должны были в случае войны устраивать диверсии на территории противника. Но в решающие октябрьские дни отряд «Альфа» отказался штурмовать Белый дом. Из-за этого Барсуков потом подавал в отставку, но Ельцин рапорт не принял. Потом альфовцев все-таки уговорили.

Во время обстрела Белого дома генерал Барсуков сам участвовал в боевых действиях и лично отправил арестованных в следственный изолятор в Лефортове. Он рассказывал в газетном интервью: «Когда «Альфа» и часть «Вымпела» вошли под прикрытием бронетехники в здание, они взяли под контроль три первых этажа. Два наших офицера пошли на переговоры к Хасбулатову и Рущкому. Наши офицеры сказали, что «Альфа» уже практически введена в здание и

готова изнутри штурмовать его. Стоявший там Баранников сказал: «Ну все, надо сдаваться». После этого у всех было изъято оружие. Оружие Баранникова, два автомата и пистолет, находилось в сейфе. Хасбулатов был бледен и подавлен, у него дрожали руки. Руцкой внешне держался спокойно. Я хотел встретиться с Баранниковым. Мы в свое время были в весьма хороших, если не сказать в дружеских, отношениях. Я хотел посмотреть ему в глаза. Но раскаяния в них не увидел...»

После октябрьских событий 1993-го Ельцин с еще большим доверием относился к Барсукову.

Главное управление охраны превратилось в настоящую спецслужбу, получив право вести оперативно-розыскную работу. А самого Барсукова в начале 1995 года произвели в ранг министра и включили в состав правительства. По этому поводу Конституционный суд обратился к Ельцину, обратив его внимание на то, что Главное управление охраны может только охранять высших должностных лиц, но не имеет права ни заниматься расследованиями, ни устраивать бытовые дела государственных чиновников. Конституционный суд также был удивлен, что начальнику ГУО Барсукову дали ранг министра.

Барсуков перестал быть министром. А потом Главное управление охраны, напротив, перевели в подчинение Службе безопасности президента. Теперь уже Барсуков оказался под командой Коржакова. На их дружбе это не отразилось.

Когда Степашин подал в отставку, Коржаков уговорил Ельцина назначить директором Федеральной службы безопасности Барсукова:

— Не важно, кто там будет. Важно, чтобы это был ваш человек.

Неделю в Кремле опровергали слухи о назначении Барсукова, а потом, как водится, слухи оказались правдой.

Барсуков сразу получил погоны генерал-полковника, а в ноябре уже стал генералом армии. Это был ему подарок ко дню рождения. Ельцин, который находился в больнице, нашел в себе силы принять Барсукова и поздравить его.

На Лубянке Михаил Иванович запомнился тем, что повысил чекистам зарплату. Но больше ничего сделать не успел. Его, как и Степашина, погубила Чечня.

ТЕРРОРИСТЫ УХОДЯТ БОСИКОМ

9 января 1996 года отряды под командованием Салмана Радуева, бывшего инструктора Чечено-Ингушского обкома комсомола, напали на дагестанский город Кизляр и, захватив около двух тысяч заложников, укрепились в городской больнице.

После переговоров большинство заложников было освобождено, и отряд Радуева двинулся назад в Чечню. Но как только Ра-

дуг покинул территорию Дагестана, колонну обстреляли ракетами с вертолетов. Террористы отошли в село Первомайское и заняли круговую оборону.

Операцией командовали два генерала армии — министр внутренних дел Анатолий Куликов и директор Федеральной службы безопасности Михаил Барсуков, который прилетел туда 14 января.

Боевиков окружили со всех сторон. Туда перебросили спецподразделение по борьбе с терроризмом «Альфа», милицию, войска, танки, артиллерию и установки залпового огня «Град». Общая численность войск составила почти 2,5 тысячи человек.

Барсуков доложил Ельцину, что боевики в ловушке, каждый на прицеле у снайпера и скоро с ними будет покончено. Президент наивно повторил журналистам слова директора Федеральной службы безопасности и попал в глупое положение, потому что ничего у Барсукова не получилось.

Штурм села продолжался четыре дня. Использовали авиацию и артиллерию. Похоже, судьба заложников никого не интересовала. Первомайское было разрушено. Но генерал армии Барсуков, не имея военного опыта, не сумел организовать эту операцию, наладить взаимодействие разных частей. Потом ее участники жаловались на полную неразбериху и бестолковщину. Солдат даже не могли покормить. Но главный позор состоял в том, что большая группа боевиков во главе с самим Радуевым преспокойно бежала из окружения и догнать их не смогли...

Освободить удалось только часть заложников, остальных боевики увели с собой. Их отпустили только через месяц. В Кизляре погибло двадцать пять мирных жителей, в Первомайском шестнадцать заложников.

После возвращения из Первомайского директор ФСБ Барсуков выступил на пресс-конференции, после чего его репутация была безнадежно испорчена. Сначала Барсуков долго рассказывал, как они замечательно организовали эту операцию, а потом косноязычно объяснил, почему не удалось взять боевиков:

— Мы только одного не могли рассчитать, что с такой скоростью можно ходить по заснеженному полю и по такой вот пахотной земле, я впервые вот это встречаю, особенно когда увидел, что боевики снимали башмаки и без обуви шли, меня это тоже несколько так... потому что я не знал этого, что когда на карту, видимо, поставлена жизнь, готовы и ботинки снять, разуться и босиком, с голыми пятками бежать...

Это было одно из откровений Барсукова, над которыми смеялась вся страна. Ну что делать, если от начальника такой могущественной службы боевики босиком убегают... А дальше Михаил Иванович, видимо потеряв над собой контроль, сказал то, что многие сочли непозволительным для руководителя правоохранительного органа.

— Давайте с вами смотреть на вещи прямо и откровенно и называть их своими именами, — обращался к журналистам на пресс-

конференции Барсуков. — Кто вносит все это дело? Если один уважаемый чеченец сам говорит о своем народе, что чеченец, говорит, может только убивать. Если он не способен убивать, то он бандит, он грабит. Если он и это не способен делать, то он ворует, другого, говорит, чеченца нет...

Но после чеченской эпопеи президент его не тронул, хотя, видимо, сообразил, что поставил во главе ФСБ не того человека, который способен возглавлять госбезопасность.

ДОЛЛАРЫ В МЫШЕЛОВКЕ

Барсуков лишился своей должности из-за истории, в которую его втянул Коржаков. Они были очень близки, встречались каждый день, вместе и были уволены. Эта история произошла 19 июня 1996 года, накануне второго тура президентских выборов.

Накануне вечером генерал Коржаков подписал распоряжение о проведении «спецмероприятия» в кабинете заместителя министра финансов Германа Кузнецова в Белом доме. Кузнецов был казначеем предвыборной кампании Ельцина и имел второй кабинет в здании правительства.

Руководил операцией полковник Валерий Стрелецкий, один из подчиненных Коржакова.

В Службе безопасности президента был отдел «П», который занимался борьбой с коррупцией и другими должностными преступлениями в правительстве, и отдел «К», ведавший администрацией президента. Полковник Стрелецкий, который перешел к Коржакову из Московского уголовного розыска, возглавлял отдел «П».

Его оперативники ночью вскрыли сейф в кабинете заместителя министра и нашли там то, что и ожидали увидеть, — полмиллиона долларов в банковской упаковке. Тогда еще действовала отмененная позже статья Уголовного кодекса, запрещающая внебанковские операции с валютой.

В кабинете установили аппаратуру прослушивания, а «слухачи» устроились этажом выше. На следующий день ловушка сработала. Когда два человека в пять вечера пришли в кабинет Кузнецова за деньгами, полковник Стрелецкий довольно доложил Коржакову:

— Мышеловка захлопнулась.

Коржаков приказал действовать.

Через двадцать минут на выходе из Белого дома на втором контрольно-пропускном пункте заранее предупрежденная охрана задержала заместителя генерального директора Общественного российского телевидения Аркадия Евстафьева, бывшего пресс-секретаря Чубайса, и генерального директора компании «ОРТ-Реклама» Сергея Лисовского, организатора кампании «Голосуй или проиграешь». Самые известные артисты и музыканты ездили по стране, устраивали концерты и призывали молодежь голосовать за Ельцина.

После выборов президент собственноручно напишет на одном из предвыборных плакатов: «Сергею Лисовскому. Вы голосовали — мы выиграли. Борис Ельцин».

Лисовский держал в руках картонную коробку из-под ксероксной бумаги. Евстафьев его сопровождал.

Лисовского попросили предъявить пропуск на вынос материальных ценностей. Пропуска, естественно, не было. Вызвали понятых, вскрыли коробку. В ней лежало полмиллиона долларов наличными. Лисовского и Евстафьева повели на допрос.

Генерал Коржаков прекрасно знал и откуда брались деньги, и кому они предназначались. Все избирательные кампании в стране проводились с помощью черного нала.

Во-первых, закон, установивший очень низкий уровень средств, которые кандидат мог использовать для агитации в свою пользу, обрекал кандидатов на его нарушение. Во-вторых, неучтенные наличные деньги циркулировали во всей экономике — зачем платить налоги, если их можно не платить? В-третьих, черный нал существует во всем мире — в 1999 году в Германии разразится скандал, когда выяснится, что бывший канцлер Гельмут Коль тайно получал от промышленников наличные деньги на предвыборную кампанию.

Почему же вдруг Коржаков решил разоблачить своих коллег по предвыборному штабу Ельцина?

Как станет потом известно, Служба безопасности подбирала материалы на вето, кто окружал президента. Скажем, Коржаков плохо относился к первому помощнику президента Виктору Илюшину, и за ним велась слежка, то есть формально за женщиной, с которой Илюшин регулярно играл в теннис.

Оперативники Коржакова установили, что Илюшин вроде бы передавал ей какие-то документы, которая она просматривала в своей машине. Обнаружили и некоего гражданина Италии, который беседовал с этой женщиной до и после ее встреч с Илюшиным. Потом этот человек шел в квартиру, которая, по словам начальника отдела Службы безопасности полковника Валерия Стрелецкого, «была хорошо известна нашим спецслужбам. В ней жил... установленный разведчик ЦРУ». Но самое любопытное заключается в том, что за этой находкой ничего не последовало. Илюшин остался на своем месте.

Вероятно, такого рода оперативная информация накапливалась на всякий случай — с ее помощью можно было вывести из игры любую фигуру, даже самую крупную.

После первого тура голосования бронзовый финалист президентской гонки Александр Лебедь перешел на сторону Ельцина и получил важный пост в администрации. Это сразу изменило баланс сил вокруг Ельцина — и не в пользу Коржакова. Становилось очевидным, что после победы Ельцина во втором туре позиции Чубайса и его команды невероятно окрепнут. А позиции коржаковской команды ослабнут.

Видимо, у генерала Коржакова сдали нервы. Возможно, он увидел, что если Ельцин из предвыборных соображений убрал министра обороны Павла Грачева, то может убрать и его самого. Коржаков решил сделать предупредительный выстрел. Он вовсе не собирался устраивать публичный скандал. Он хотел получить в руки крупный козырь против Чубайса. Это была схватка за влияние на президента.

Вначале все шло по плану. Коржаков позвонил своему другу Барсукову. Михаил Иванович поручил это дело начальнику управления Федеральной службы безопасности по Москве и Московской области генералу Анатолию Трофимову. Бывшие диссиденты были потрясены его назначением — помнили, как он, тогда следователь КГБ, вел дела «антисоветчиков».

Трофимов рьяно взялся за дело. Приехал следователь, стали допрашивать Евстафьева и Лисовского. От них требовали назвать имена тех, кто распорядился этими деньгами. Хотя потом генерал Трофимов утверждал обратное:

— Никакого компромата ни на кого у них не требовали. Беседа шла в цивилизованной форме с чаем и кофе.

Но дальше произошло непредвиденное. О задержании Евстафьева и Лисовского стало известно. Считается, что тревогу подняла охрана Сергея Лисовского.

Через три часа после их задержания Чубайс уже знал, что идет допрос. Для Чубайса и его команды это была тяжкая ночь. Все могло повернуться очень печально. Во всяком случае, они исходили из худшего варианта — в ФСБ им подберут уголовную статью, сделают соучастниками хищения валютных средств, посадят. Они собрались у Березовского, в Доме приемов «Логоваза». Охрана Березовского установила, что за домом следят — предположительно сотрудники Федеральной службы безопасности. Если они и собирались что-то предпринять, руки у них были связаны — в Доме приемов появилась дочь президента Татьяна Дьяченко, возмущенная действиями Коржакова и Барсукова.

Но Чубайса недаром называют самым гениальным менеджером России. Он не струсил, не испугался, а, напротив, ринулся в бой. Коржакову не следовало тягаться с Чубайсом. Анатолий Борисович сумел безвыходную, проигрышную ситуацию обратить в свою победу.

Он позвонил директору Федеральной службы безопасности Барсукову и разговаривал с ним очень жестко, так, словно был уверен в силе своей позиции. Чубайс требовал немедленно освободить задержанных, говорил, что Барсуков с Коржаковым предали президента. Барсуков явно потерял уверенность и засомневался, а не ошибся ли Коржаков, затеяв все это.

Чубайс позвонил и начальнику столичного управления госбезопасности генералу Трофимову. Тот говорил, что вообще ничего не знает и не стоит беспокоиться...

Чубайс связался с Лебедем и Черномырдиным. Виктор Степанович не спешил определить свою позицию. А Лебедь был рад каким-то образом прищемить хвост всесильному Коржакову.

Самым сильным ходом стало решение рассказать о происшедшем по телевидению — в половине второго ночи программа на НТВ была прервана и с экстренным выпуском новостей появился Евгений Киселев. Он сказал, что арест двух представителей ельцинского предвыборного штаба Барсуковым и Коржаковым «носит провокационный характер»:

— Эта акция направлена на отмену второго тура президентских выборов. Страна находится на грани политической катастрофы.

Полковник Стрелецкий первым сообразил, что ничего не получилось, и позвонил своему начальнику Коржакову:

— Александр Васильевич, время упущено. Видимо, сделать уже ничего не удастся.

Стрелецкому позвонил Барсуков. Полковник растерянно спросил его:

— Что делать будем, Михаил Иванович?

— Сухари сушить. Давай заканчивай, задокументируй все и отпускаяй их к чертовой матери. Утром будем разбираться.

В четыре утра, оформив изъятие денег, Евстафьева и Лисовского отпустили.

ПРЕЗИДЕНТ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Чубайс успел заручиться поддержкой нового секретаря Совета безопасности Лебеда, который не симпатизировал Коржакову. Александр Лебедь, ошеломленный своим вознесением на вершину власти, едва ли понял, что случилось. Для него слишком много событий произошло в один день.

В начале пятого утра он прибыл на Старую площадь. Там его поджидали съемочные группы ОРТ и РТР.

— Единственное, чего мы за пять лет достигли, что эти выборы прошли, а второй тур собираются сорвать — это первое впечатление, — сказал Лебедь. — Но я никогда этого не допущу. К тем, кто хочет свергнуть страну в пучину кровавого хаоса, у меня нет ни малейшей жалости.

Его слова насчет того, что «любой мятеж будет подавлен, и подавлен предельно жестоко», сказанные в четыре часа ночи в объектив телекамеры, прозвучали как твердое осуждение действий Коржакова и Барсукова.

Но в конце концов, и это не имело особого значения. Все решала позиция Ельцина.

Царедворцы Коржаков и Барсуков ни у кого не вызывали симпатий. Челядь не любят. В общественном мнении они проиграли сразу. Сила их состояла в особой близости к президенту. Коржа-

ков в любую минуту мог соединиться с президентом. Другие — нет. Трубку любого президентского аппарата снимал один из людей Коржакова.

Генерал не сомневался в поддержке президента. Не может же Борис Николаевич всерьез обидеться на своего настоящего и, может быть, единственного искреннего друга. Ну, в худшем случае отругает за то, что устроили ненужный шум, не сумели все сделать чисто и аккуратно. Коржаков и не понял масштабов разразившегося в стране скандала...

В восемь утра Ельцин выслушал Коржакова и Барсукова и вполне спокойно отнесся к их объяснениям. Но Ельцину сообщили, что Чубайс, который безуспешно пытался с ним связаться, уже назначил пресс-конференцию. Понятно было, что он скажет. Ельцин мог в один день потерять и всю команду, занимавшуюся выборами, и накануне второго тура стать действующим лицом скандала, губительного для его репутации.

В десять утра в президентском кабинете появился Анатолий Чубайс. Он говорил откровенно и, как всегда, убедительно. Объяснил, что деньги предназначались артистам, которые участвуют в акции «Голосуй или проиграешь». Иного способа заплатить артистам столько, сколько они стоят, нет. Коржаков прекрасно это знал и устроил эту провокацию, чтобы убрать его, Чубайса, и других — тех, кто работает в предвыборном штабе. А может быть, и вовсе для того, чтобы сорвать выборы. И почти добился своего.

Ельцин оказался перед выбором: или он отказывается от Чубайса и его компании и в результате вполне может проиграть во втором туре. Или он убирает Коржакова и его компанию и побеждает...

На самом деле выбора у Ельцина не было. Он мог принять только одно политически правильное решение. Но это был, пожалуй, первый случай, когда расставание с одним из подчиненных далось ему непросто: Коржаков был самым близким ему человеком. В определенном отношении он был ближе жены...

Президент велел Барсукову и Коржакову писать рапорты об отставке. Коржаков рассказывал потом, что они сочинили их с улыбочками. Видимо, не верили, что это всерьез: погорячился — отойдет...

Барсуков еще успел сказать корреспондентам, что задержанию двух граждан, которые накануне пытались вынести значительную сумму валюты из Белого дома, придается излишнее значение. Его спросили, будет ли этот вопрос обсуждаться на Совете безопасности, Барсуков сказал, что Совет безопасности собирается по гораздо более важным вопросам.

Коржаков написал президенту письмо с просьбой принять их с Барсуковым и выслушать, передал через Анатолия Кузнецова, адъютанта президента. Борис Николаевич прочитал, спросил, где Коржаков? Сидит в своем кабинете в Кремле — был ответ. Президент приказал опечатать кабинет, отключить телефоны, отобрать машину и удостоверение.

ЧУБАЙС ТОРЖЕСТВУЕТ

Ельцин объявил членам Совета безопасности:

— В целях усиления и обновления команды я освободил первого заместителя председателя правительства Олега Сосковца, руководителя Федеральной службы безопасности Михаила Барсукова и руководителя Службы безопасности президента Александра Коржакова. Надо менять кадры, чтобы были свежие люди. Все время меня упрекают за Барсукова, Коржакова, Сосковца. Разве президент должен за них работать?.. Никогда такого не бывало, чтобы я работал по подсказке Коржакова... Силовые структуры надо заменить: они слишком много стали на себя брать и слишком мало отдавать.

Выступал он безумно коряво, так что многие и не поняли, что именно он хотел сказать. Коржаков даже потом с издевкой рассказывал, что мама его упрекала: надо было с президентом делиться.

А Ельцин хотел сказать простую вещь — Коржаков и его друзья перестали быть полезными, стали обузой, жили за счет президентского авторитета. А зачем ему такие помощники?

Днем Чубайс устроил знаменитую пресс-конференцию, на которой говорил об опасности военного переворота, о том, что организаторы этой провокации целились в него.

Выступал Анатолий Борисович очень красноречиво:

— Речь идет о попытке ареста двух ключевых членов избирательного штаба Ельцина. Мне бы хотелось сказать о том, что само по себе это событие является завершающей стадией достаточно длительной и тяжелой борьбы — борьбы между той частью ельцинской администрации, которая работала на победу Ельцина в демократических выборах, и той частью ельцинской администрации, которая предпочитала выход на силовые решения.

По сути дела, сегодня уже можно с очевидностью сказать, что именно господа Сосковец, Коржаков, Барсуков были лидерами той части российской власти, которая возлагала свои надежды на силовые варианты решения выборных задач в России.

Вы хорошо знаете о том, что некоторые из членов этой команды проговаривались и прямо говорили о том, что выборы в России надо переносить...

Ельцин активно приступил к обновлению своей команды. Ельцин, как вы знаете, не ограничился решением по назначению Лебеда секретарем Совета безопасности — он приступил и к решению по обновлению руководителей силовых структур. Начал это с Павла Грачева. Неудивительно, что именно в этот момент для господ Коржакова, Барсукова и их духовного отца — господина Сосковца стало очевидно, что надежд на сохранение их во власти без силовых решений не существует. С каждым днем, с каждым часом истекали последние надежды на силовое решение проблемы выборов в России.

Именно с этим я связываю ту безумную провокацию, на которую пошли эти господа в ночь со вчерашнего дня на сегодняшний, когда они сфабриковали провокацию, арестовали двух ключевых членов команды президента, работавших на выборы, добиваясь, как я полагаю, стратегических целей...

В моем представлении, три дня назад, когда Борис Ельцин назначил Лебеда секретарем Совета безопасности, был вбит последний гвоздь в крышку гроба истории российского коммунизма. Сегодня ночью и днем, когда Борис Ельцин принял решение об увольнении господ Сосковца, Барсукова и Коржакова, был вбит последний гвоздь в крышку гроба иллюзий по поводу военного переворота в российском государстве...»

Чубайса, естественно, спросили, какие деньги выносили из Белого дома его помощник Евстафьев и активный участник президентской кампании Сергей Лисовский.

Анатолий Борисович, естественно, знал, как и Коржаков с Барсуковым, что это за деньги — ими из черной кассы оплачивались услуги участников борьбы за избрание Ельцина президентом.

Но говорил Чубайс другое:

— Я глубоко убежден в том, что так называемая коробка с деньгами является одним из традиционных элементов традиционной кагэбэшной советской провокации, опыт которых в нашей стране чрезвычайно велик. Мы хорошо знаем, как российским диссидентам, да и не только им, подбрасывались валюта, деньги. А недавно были свидетелями подобной ситуации с подбрасыванием наркотиков. К сожалению, это демонстрация тех методов, которые стали почти обыденными вновь для господ Барсукова и Коржакова. И я убежден в том, что эта провокация, эта фальсификация в ближайшее время будет на официальной основе правоохранительными органами полностью развеяна...

Въедливые иностранные корреспонденты спрашивали:

— Как вы объясните заявление сегодня утром Черномырдина насчет того, что службы безопасности действовали правильно, предотвратив незаконный вынос денег, которого, как вы говорите, не было?

Чубайс был готов ко всему:

— Если вы обратили внимание, то, о чем вы говорите как о заявлении Черномырдина, в действительности является не заявлением Черномырдина, а заявлением его пресс-секретаря господина Кононова, что не совсем одно и то же... Я бы просил вас обратить на это внимание.

Чьи же это были деньги? Формально происхождение денег так и осталось загадкой. Новый Уголовный кодекс отменил ответственность за сделки с валютой, поэтому в январе 1997 года уголовное дело переквалифицировали — составом преступления были уже не незаконные валютные операции, а мошенничество. А в апреле Генеральная прокуратура и вовсе закрыло дело «за отсутствием состава преступления».

Генеральный прокурор Юрий Скуратов, как считается, не стал раскручивать это дело, чтобы не повредить президенту и его команде. Он сообщил, что не установлен «источник, из которого были получены изъятые деньги. Факт причинения кому-либо ущерба подтверждения не нашел. Не установлен и законный владелец указанной валюты».

Летом 1999-го Скуратов, уже отлученный от должности, вспоминал:

«Меня попросили, чтобы эти материалы не стали достоянием общественности, чтобы вокруг не было поднято шумихи. Да, я сделал это, но не вижу здесь никакого нарушения закона: есть тайна следствия. Если же такое обращение трактовать как просьбу притормозить расследование, этого как раз сделано не было.

Ведь Чубайс что говорил? Что это гэбэшная провокация, что денег не было, что во всем виноваты Коржаков—Барсуков. Мы сказали, что Чубайс лжет, что деньги выносились — никуда не денешься. Другое дело, что нам не удалось привлечь этих лиц к уголовной ответственности.

По многим причинам. Во-первых, не было оперативной поддержки: спецслужбы здесь ничего не сделали. Нам не удалось пройти всю цепочку, установить следственным путем собственника денег: все от них открещивались. Во-вторых, Дума введением нового Уголовного кодекса декриминализовала этот состав преступления. Конечно, если бы удалось «раскрутить» это дело, был бы большой скандал. Наверное, то, что этого не получилось, объективно помогло президенту...»

МЕСТЬ ЧУБАЙСУ

Коржаков и его люди сумели все-таки напоследок устроить Чубайсу большую неприятность. Они передали журналистам оперативную запись очень откровенного разговора Чубайса с первым помощником президента Илюшиным в «Президент-отеле». Там располагался штаб предвыборной кампании Ельцина.

Запись разговора появилась в «Московском комсомольце», затем в книге полковника Валерия Стрелецкого, который руководил той операцией в Белом доме.

В разговоре участвовал Сергей Зверев из группы «Мост», один из видных членов президентской предвыборной команды. В комнату периодически заходил Сергей Красавченко, советник президента.

Вот как шел разговор.

«И л ю ш и н. Я шефу сказал, когда вчера с ним разговаривал. Я говорю: «Борис Николаевич, вот сейчас, если захотеть, то около «Президент-отеля» можно поймать, как минимум, 15—20 человек, которые выносят спортивные сумки из нашего здания с деньгами». Он сидел с каменным лицом. Я говорю: «Потому что если мы бу-

дем перечислять деньги по неизвестным каналам, то выборы мы не сможем организовать. Поэтому у нас нет срывов сейчас пока, но организовать (неразборчиво) элементарно». — «Понимаю», — сказал президент.

Ч у б а й с. Люди — за президента, мы голову подставим. В прямом смысле слова.

И л ю ш и н. Я предлагаю так. Вы, Анатолий Борисович, с ним разговаривайте, имея в виду свои некоторые детали. Я с шефом переговорю в понедельник тоже. Уже с точки зрения общей... Я ему, во-первых, доложу, что я повстречался. Я ведь у него разрешения спросил встретиться с силовиками. Я ему скажу, что встречи состоялась, и скажу, что нужно, по нашему мнению, указание Скуратова, что этих ребят не отдавать. И защитить, естественно, контролировать действия, чтобы они не провалились все.

Ч у б а й с. Я буду... звонить в это же самое время. Физическая позиция в том, чтобы изъять у Скуратова...

И л ю ш и н. Ну ладно. Я с ним переговорю в понедельник либо по телефону, либо приеду.

Ч у б а й с. Это очень важно — будет ли он на даче или на работе. На работе я с ним свяжусь по прямому, а на даче я не свяжусь. Тогда давайте в одну точку, Виктор Васильевич. То, что вы хотели сказать... защитить ребят. ФСБ дать команду защитить, Крапивину дать команду защитить, чтобы они знали, что приказывает президент. А вот по генпрокурору просьба затребовать у него полный комплект документов для... президента.

И л ю ш и н. И хранить у себя...

Ч у б а й с. Наши товарищи делали нашу работу, брали на себя самую рискованную ее часть, подставляли свою башку...

З в е р е в. Надо задачи как бы на две части разделить: шум вокруг этого из-за выборов. И личная безопасность этих трудящихся тоже, наверно, должна быть как-то обеспечена.

И л ю ш и н. Я разговаривал на эту тему, только лишь имея в виду — до выборов. Как дальше, скажу честно, я особенно речи не вел, потому что убежден в том, что там нам всем выбираться придется самим. Большой помощи я не предлагаю.

З в е р е в. При положительных результатах выборов будут шансы выбраться.

Ч у б а й с. Но есть же простые вещи! Ну ни фигу себе! Они башку подставляют свою, а мы им сейчас скажем: «Извини, после 3-го выбирайся сам». Куда это годится?! Я не согласен с этим категорически. Люди ходят под статьей! Да, распределились так, что Илюшин, Чубайс здесь, а они там. Но мы же их туда послали! Не кто-то!

И л ю ш и н. Значит, будем действовать в этом направлении.

Ч у б а й с. Да мы головой отвечаем за это! Да как я в глаза буду смотреть?! Вы что?!

И л ю ш и н. Я согласен с такой постановкой.

Ч у б а й с. Что получится: значит, свое дело сделали, а дальше мы как бы разошлись. А дальше — ну дали тебе пять лет, ну извини, бывает, с кем не случается.

И л ю ш и н. Нет, я, может, не вел на эту тему разговор, но я полностью разделяю эту позицию, и в данном случае я, может быть, не очень верно сориентировался. Конечно же обязательно об этом продолжу разговор, в частности со Скуратовым. Это правильно.

Ч у б а й с. Есть исходный вопрос: а следует ли нам препятствовать переходу документов к Скуратову?

И л ю ш и н. А мы ничего не сможем сделать. Когда мне вчера Трофимов (начальник управления ФСБ по Москве. — *Л. М.*) позволил, он сказал, что я обязан передать документы.

Ч у б а й с. Трофимову не верю, ни одному слову вообще.

И л ю ш и н. Со Скуратовым, когда я сегодня разговаривал, я не задавал вопросов. Он сказал, что сегодня все документы будут переданы ему.

Ч у б а й с. Трофимов организовывал все лично. С Трофимовым я разговаривал в час ночи, в момент, когда все это происходило. Он мне врал, что они не знают, кто такой Лисовский, а Евстафьев, может быть, немножко задержался, но его сейчас отпустят... Трофимов по ту сторону баррикад, у меня нет никаких сомнений. Не знаю, какие у него отношения были с Барсуковым, но то, что это враг, который хотел уничтожить нас, у меня сомнений нет. По его поведению это было совершенно очевидно. У меня прямо разговор был с ним в час ночи. Было совершенно ясно, какую позицию он держит.

И л ю ш и н. Но мы не сможем воспрепятствовать передаче материалов в прокуратуру, если прокуратура их затребует.

Ч у б а й с. В прокуратуре же Илюхин (председатель комитета Думы по безопасности, один из лидеров КПРФ. — *Л. М.*) как у себя дома.

И л ю ш и н. А если я попрошу Скуратова держать у себя документы?..

(Илюхин по телефону звонит Скуратову.)

Ч у б а й с. Начните с того, что попросите его перенести передачу материалов.

И л ю ш и н. Юрий Ильич, вот какой вопрос возник: можно было бы сделать таким образом, чтобы документы, которые вам придут от Трофимова, ни к кому, кроме вас, в ближайшее время не попали? И чтобы они у вас некоторое время полежали до совета с Борисом Николаевичем, после того как вы с ними ознакомитесь лично?.. Надо именно так и сделать, потому что у нас есть сведения опасаться того, что это очень быстро перетечет, если кто-то у вас будет заниматься другой, в стан наших противников... Да, пусть это лучше полежит у вас лично, и никому не передавайте в производство. А потом подумаем, ладно? Потому что нам это нежелательно.

Ч у б а й с. Что, если вторым шагом попросить Бориса Николаевича...

И л ю ш и н. Вообще похоронить?

Ч у б а й с. Нет, затребовать у Скуратова документы себе на анализ. Затребовать полный комплект документов.

И л ю ш и н. Понимаете, у меня отношения тоже с ним такие, официальные. Я не могу сказать то, что я могу сказать любому.

Ч у б а й с. У Скуратова в принципе позиция нормальная. Но дело не в нем. В прокуратуре в целом.

И л ю ш и н. Тем более хорошо, что мы все эти дела упредили.

Ч у б а й с. Надо найти выходы на Барсукова и Коржакова и объяснить им ясно и однозначно ситуацию: либо они ведут себя по-человечески, либо будем сажать. Потому что это продолжение борьбы сейчас на острие приведет просто к...

И л ю ш и н. Они не успокоились, да?

Ч у б а й с. Вы же видите — информация проходит! Откуда же еще?..»

Прочитав в «Московском комсомольце» эту расшифровку, многие были потрясены: вот, значит, как делается большая политика? Илюшин и Чубайс оказались еще и наивными — не подумали, что их могут прослушивать.

Потом я спросил Евгения Савостьянова, который до Трофимова возглавлял столичное управление госбезопасности, а потом стал заместителем Чубайса в администрации президента: как же запись такого предельно откровенного разговора стала достоянием общности?

— Разговор в «Президент-отеле»? Это, как я считаю, яркий пример махинаций Службы безопасности президента, которая была полностью в курсе всех вопросов, без которой ни один вопрос не решался и которая одновременно пыталась собирать грязь на своих коллег. Это уже личная склонность Коржакова к интриге и стремление продвигаться ценой гибели тех, кто работает рядом с тобой...

Конечно, всю эту историю с картонной коробкой, набитой долларами, долго еще поминали с раздражением и брезгливостью. Но если вдуматься, то эти полмиллиона долларов не такая уж большая цена за демократию. Альтернативой была отмена президентских выборов, чрезвычайное положение, танки на улицах... Тогда, в 1996 году, у Ельцина был выбор. Он мог не рисковать своим положением, не мучить свое больное сердце поездками по стране и танцами с молодежью на сцене. Достаточно было прислушаться к Коржакову и отменить выборы. Ельцин мог получить все голоса даром — с помощью танков, спецназа и госбезопасности, а он старался их купить.

После увольнения личные отношения Барсукова с президентом не разрушились. Михаил Иванович, в отличие от Коржакова, разоблачительных книг не писал, интервью не давал и вообще скрывался от журналистов. В одном из очень немногих газетных интервью он сказал: «С членами семьи президента у меня были и остаются

ровные, теплые отношения. В этом плане после моей отставки ничего не изменилось и в наших контактах с семьями дочерей президента. Тем более, что мы соседи, и отношения у нас по-соседски добрые».

В сентябре 1997 года Барсуков написал рапорт с просьбой уволить его из Вооруженных сил. Президент приказал подыскать ему новое занятие. Искали, правда, целый год. Найти подобающий ему пост оказалось делом не простым. В конце концов назначили начальником управления по обслуживанию спецобъектов администрации президента (в прошлом Четырнадцатое управление КГБ). Это управление ведает бомбоубежищами и резервными пунктами управления страной в случае чрезвычайной ситуации.

В последних числах октября 1998 года в семье Барсукова произошла трагедия. Его сын Игорь, старший лейтенант Службы внешней разведки, застрелился дома из наградного пистолета. Ему было всего двадцать пять лет, он только что закончил специальное учебное заведение и начал службу.

Возможно, эта история подействовала на Ельцина, и он распорядился подыскать Барсукову место получше. В ноябре 1998 года генерал армии Михаил Иванович Барсуков был назначен начальником управления военной инспекции аппарата Совета безопасности России. Управление военной инспекции ведает использованием бюджетных денег, выделенных Вооруженным силам.

Глава 23

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ КОВАЛЕВ

20 июня 1996 года после отставки Барсукова исполняющим обязанности директора Федеральной службы безопасности был назначен генерал-полковник Николай Дмитриевич Ковалев. 9 июля его утвердили в должности.

Он родился в 1949 году в Москве. После школы работал монтером-радиостом в «Мосэнерго». Окончил Московский институт электронного машиностроения. Два года трудился по специальности — инженером в конструкторском бюро полупроводникового машиностроения.

В 1974-м его пригласили в КГБ. Начиная младшим оперуполномоченным Первомайского райотдела управления КГБ по Москве и Московской области. Потом был сотрудником пятой службы Московского управления КГБ (борьба с идеологическими диверсиями).

Ковалев занимался борьбой с западными радиостанциями, вещавшими на русском языке, следил, чтобы не было идеологических диверсий во время Московской Олимпиады 1980 года. Потом он обижался, когда сотрудников пятой службы называли «душителями свободы». Соглашался, конечно, что КГБ дажал людей по 70-й статье — «антисоветская агитация и пропаганда». Но ведь немногих же, так, несколько человек в год...

Московское управление КГБ в определенном смысле держалось самостоятельно, между столичным управлением и центральным аппаратом даже существовала конкуренция, была профессиональная ревность. Начальником московского управления долгие годы был генерал Алидин, который благодаря знакомству с Брежневым чувствовал себя более чем уверенно. Поэтому московское управление во многом работало автономно. И его линия не всегда совпадала с рекомендациями и приказами центрального аппарата.

ТАНЦЫ С МОДЖАХЕДАМИ

Два года Ковалев прослужил в Афганистане. В одном из документов, оценивающих деятельность Ковалева в Афганистане, сказано так: «В экстремальной ситуации, связанной с риском для жизни, умеет принять единственно верное решение, которое ведет к спасению жизни людей». Кадровики посчитали формулировку слишком неформальной. Ковалев начал службу в Афганистане в тот момент, когда многим офицерам стало ясно, что победить в ней невозможно и важнее всего сохранить своих солдат. Ради спасения людей можно было идти на переговоры хоть с дьяволом.

— Раз в месяц каждую из отдаленных застав надо было снабдить водой и продовольствием на месяц, — вспоминает Ковалев. — Всякий раз колонна попадала под ожесточенный обстрел моджахедов и несла потери. И всякий раз перед операцией обсуждался такой пункт — «планируемые потери». Предполагалось, что убитых может быть до двадцати человек, а раненых — около ста. То есть боевые действия еще не начались, а уже запланирована чья-то смерть... Я попросил отложить операцию на два-три дня и за это время встретился с афганскими полевыми командирами. Говорил им так: «Если вы будете в нас стрелять, нам придется подавить ваше сопротивление, у вас будут большие потери. Если же вы дадите нам пройти, то мы обещаем не расширять зону нашей ответственности, не устраивать засады и так далее». И удалось договориться. Мы провели колонну без единого выстрела. Люди остались живы.

Но попытки поладить с полевыми командирами — это не дипломатические переговоры с икрой и шампанским. Оперативная группа Ковалева занималась среди прочего вызволением советских солдат из плена:

— Однажды мы семь часов вели переговоры с руководителями одного бандформирования об освобождении нашего сержанта. Мы были вдвоем с переводчиком. И семь часов мы, разговаривая, исполняли что-то вроде танца. Моджахеды пытались поставить нас под прицел своих снайперов и пулеметчиков, а мы старались занять такую позицию, чтобы нас прикрывали спины моджахедов. И этот танец в этой напряженной обстановке со стороны выглядел, навер-

ное, нелепо. И вдруг переговоры оборвались, афганцы разбежались, и вокруг нас образовалась пустота. Переводчик говорит: «По-моему, нам конец». Я думаю о том, сумею ли сделать хотя бы один выстрел. И вдруг выводят нашего сержанта...

Сам Ковалев вполне мог и не вернуться из Афганистана. Это была служба не в тылу, а на передовой:

— Эпизод был такой. Мы шли вдвоем, вдруг выстрел снайпера — падает мой товарищ. Я часто думал потом: почему он выстрелил в него, а не в меня? Я прочитал много военной литературы и понял, что в снайпере живет охотник. Из чисто спортивного интереса он сначала выбирает цель помельче. Крупная цель — менее интересна, потому что она никуда не уйдет. Поэтому снайпер и выстрелил в моего товарища, оставив меня «на потом».

Оперативная группа, которой руководил Ковалев, ушла из Афганистана вместе с последними солдатами в 1989 году. В Москве Ковалев вернулся на прежнюю должность.

Афганистан изменил многих людей, которые прошли через ад войны. Они так и не смогли внутренне демобилизоваться и выпустить из рук оружие.

— Я к этой категории не отношусь, — решительно говорит Николай Дмитриевич. — Вернулся и с головой окунулся в новые проблемы.

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

1991 год полковник Ковалев встретил в должности начальника службы «З» — «защита конституции», так называлось бывшее пятое направление.

В первый день августовского путча Ковалев получил приказ начальника Московского управления КГБ генерал-лейтенанта Прилукова «с 19 августа до особого распоряжения организовать дежурство оперативного состава, офицеров действующего резерва на центральных площадях, железнодорожных вокзалах, в аэропортах, в окружении государственных и правительственных учреждений, на важных объектах контрразведывательного обеспечения и объектах жизнеобеспечения города».

Послеавгустовская чистка Ковалева не коснулась. Напротив, он получил повышение. При новой власти был назначен заместителем начальника столичного управления Федеральной службы контрразведки. Евгений Савостьянов, который руководил московским управлением, сделал его первым замом.

В октябре 1994 года Степашин забрал к себе Ковалева заместителем. Это произошло после того, как кадровый аппарат ФСБ провел анонимный опрос среди чекистов, и очень многие назвали Ковалева. Он курировал следственное управление и управление экономической контрразведки.

Николай Дмитриевич всегда держался в стороне от политических игр, он очень осторожный человек. Когда был заместителем у Барсукова, то предусмотрительно дистанцировался от печально знаменитого дела вокруг коробки с долларами, которую летом 1996 года пытались вынести из Белого дома. Начальник московского управления Анатолий Васильевич Трофимов взялся за это дело и потерял должность. А Ковалев стал преемником Барсукова.

— Как вас назначали?

— Меня пригласил президент. Готовый указ уже лежал у него на столе. Он сказал: «Принято решение о назначении вас директором Федеральной службы безопасности». Я поблагодарил за доверие и обещал сделать все возможное на этом посту. Президент при мне подписал указ.

По указу президента была произведена очередная реорганизация органов. Вместо тридцати четырех управлений были образованы пять департаментов: контрразведки; борьбы с терроризмом; анализа, прогноза и планирования; организационно-кадровой работы; обеспечения деятельности. В качестве самостоятельных управлений сохранились следственное управление, управление собственной безопасности, управление делами и оперативно-поисковое (служба наружного наблюдения).

И на основе управления перспективных программ появилось новое подразделение — управление разработки и пресечения деятельности преступных организаций. Оно должно было заняться борьбой с организованной преступностью: внедрение в особо опасные криминальные структуры, получение информации о готовящихся преступлениях, выявление «крестных отцов» российской мафии. Управление было полностью самостоятельным и располагало собственной службой наружного наблюдения и оперативной техникой. Брали сюда людей с опытом, преимущественно с опытом боевых действий в Афганистане и Чечне.

Ковалев уверял, что отныне управлять ведомством станет значительно легче.

— Вы каждую неделю встречались с президентом?

— Жесткого графика не было. Был еженедельный письменный доклад о положении в стране, о наиболее острых социальных вопросах, влияющих на безопасность страны. И в зависимости от своего графика президент заслушивал меня по тем или иным вопросам.

— Что представлял собой еженедельный доклад?

— Прежде всего, там был раздел, касающийся обострения обстановки в тех или иных регионах: забастовочная ситуация, невыплата зарплаты. Об этом обязательно информировали президента и правительство, чтобы можно было принять упреждающие меры. Докладывались вопросы, связанные с деятельностью иностранных разведок.

— А что вы докладывали президенту о деятельности политической оппозиции?

— Деятельность оппозиции специально никогда не выделялась. Для нас критерием было нарушение закона или стремление его нарушить. Тогда мы, используя специфические способы сбора информации, занимались такими явлениями. Мы не занимались, скажем, компартией как таковой, только ее отдельными представителями, которые нарушали закон. То же самое касается и других оппозиционных движений.

— Вам президент говорил: вот мне не нравится такая партия, узнайте, что они задумали?

— В такой постановке вопрос никогда не ставился. Президент таких задач не ставил и так не формулировал.

На первой же пресс-конференции новый директор Федеральной службы безопасности с гордостью назвал цифры задержанных за последнее время агентов иностранных разведок — 11 иностранцев и 28 российских граждан. По словам Ковалева, «со времени заброски немецкой агентуры в годы Второй мировой войны никогда не было такого количества задержанных нами шпионов».

У каждого из хозяев Лубянки был свой конек. Ковалев придумал «телефон доверия», по которому можно позвонить в ФСБ и признаться в своей шпионской деятельности. Эта идея вызвала несколько иронический отклик, но Ковалев шуток не принимал и рассказывал, что «телефон доверия», как и другие профилактические меры, уже помог «существенно снизить активность иностранных спецслужб на территории России... Результаты просто ошеломляющие, вплоть до прекращения разведдеятельности целого ряда иностранных спецслужб».

КТО ЗАСТРЕЛИЛ ПОЛКОВНИКА?

При Ковалеве произошла одна трагическая история, наделавшая много шума.

Поздно вечером 19 декабря 1997 года, накануне восьмидесятилетнего юбилея органов госбезопасности, российская контрразведка столкнулась с преступлением, которое еще недавно было для нас экзотическим.

Одинокий террорист захватил сотрудника шведского посольства в Москве. Операция по освобождению заложника произошла в ту же ночь. Дипломат не пострадал, его заменил собой полковник госбезопасности Савельев. Но в критической ситуации сотрудники подразделения по борьбе с терроризмом «Альфа» стреляли так неудачно, что прямо под прицелом телевизионных камер попали в своего коллегу полковника ФСБ Анатолия Савельева. Он умер...

Что же произошло? Судя по всему, события развивались следующим образом.

Полковнику Савельеву приказали: тяни переговоры, сейчас привезут деньги, бог с ними, пусть забирает. Но чтобы открыть сейф с

деньгами в неурочное время, следовало найти двух человек, которые должны одновременно повернуть два ключа. Но один из них оказался за городом, и связаться с ним было невозможно. Пока его привезли, пока доставили деньги, прошло много времени...

Полковник Савельев заменил собой заложника не одевшись как следует. Он был без оружия, даже без ножа. Хорошо, что хотя бы его радиотелефон был с обратной связью. Сотрудники ФСБ слышали, что происходило в машине, мучились, не зная, как передать ему оружие. А когда террорист закричал: «Забирайте его, он кончается!» — «Альфа» решила срочно выручать товарища. Оперативники устроили броуновское движение, чтобы потом следователь не установил, кто из них кто делал. А то после каждого использования «Альфы» возникало уголовное дело: и на допрос вызывали не террористов, а офицеров «Альфы»...

При Ковалеве началось еще одно громкое дело.

Сотрудники ФСБ арестовали в 1998 году Валентина Моисеева, заместителя директора второго департамента стран Азии министерства иностранных дел России. Он стал самым высокопоставленным российским дипломатом, арестованным за последние годы по обвинению в шпионаже.

Коллеги знали Валентина Моисеева как прекрасного знатока обеих Корей — и Северной, и Южной. В течение долгого времени он, как сотрудник министерства иностранных дел, тесно сотрудничал и даже дружил с советником южнокорейского посольства в Москве.

Федеральная служба безопасности заявила, что на самом деле дипломат был официальным представителем Агентства планирования национальной безопасности Южной Кореи — так именовалась тогда корейская разведка.

Валентин Моисеев был задержан в момент встречи с корейским дипломатом. После чего южнокорейский посол был приглашен в министерство иностранных дел, где от него потребовали, чтобы советник посольства покинул Россию.

В Сеуле не ожидали, что Федеральная служба безопасности поспешит предать эту историю гласности, но российская пресса получила массу информации о происшедшем.

Тогда Южная Корея объявила персоной нон грата первого секретаря российского посольства в Сеуле, из чего можно было сделать вывод, что он был резидентом российской внешней разведки, работавшим под дипломатической «крышей». В ответ Москва прибегла к еще более резким мерам. Из России попросили уехать сразу пять южнокорейских дипломатов — двух из посольства в Москве и трех сотрудников Генерального консульства во Владивостоке. Все пятеро были названы выявленными сотрудниками южнокорейской разведки.

Скандал получился слишком громким и повредил отношениям между двумя странами. ФСБ на какое-то время перестала рассказывать о количестве разоблаченных шпионов...

Какие же секреты выдал корейцам Валентин Моисеев, если из-за этой истории разгорелся такой большой скандал и чуть было не испортились отношения между двумя странами?

Газеты писали, что Моисеев был арестован в момент передачи южнокорейскому дипломату секретной информации. Это значит, что Федеральная служба безопасности заранее знала, что именно произойдет. Каким образом российская контрразведка обратила внимание на Моисеева?

Газеты написали, что служба собственной безопасности министерства иностранных дел обнаружила, что Моисеев собирает на дискете информацию, которая не нужна ему для исполнения его служебных обязанностей, и сообщила об этом в ФСБ. За Моисеевым пустили наружное наблюдение, которое установило его встречи с советником южнокорейского посольства Чо Сон У.

По некоторым сведениям, Федеральная служба безопасности следила за Моисеевым не один год.

Но если корейский дипломат на самом деле был разведчиком, то почему российского государственного чиновника просто не попросили воздержаться от таких контактов? Если Моисеев в течение долгого времени передавал корейцу важные секреты, почему его не задержали раньше, чтобы пресечь разглашение государственной тайны?

Валентин Моисеев и сотрудник южнокорейского посольства встречались открыто, ни от кого не скрывали свои контакты. В шпионских делах так не поступают.

Не сложно предположить, о чем кореец расспрашивал российского дипломата. Южные корейцы спрашивают об этом в Москве всех, кого знают, — дипломатов, ученых, журналистов. Южных корейцев волнует только одно — положение в Северной Корее. Так же, как северные корейцы заняты только Южной Кореей. И обе корейские разведки шпионят только друг за другом. Внутреннее положение в России их мало интересует.

Разведки обеих Корей давно уже выясняют отношения на территории России.

1 октября 1996 года во Владивостоке был убит работник Генерального консульства Южной Кореи. Он почему-то числился по ведомству культуры, но на самом деле работал на разведку и собирал информацию о деятельности северокорейской разведки в регионе. Южные корейцы считают, что их человека убили северные корейцы, у которых тесные связи с местными российскими властями. Поэтому убийство никогда не будет раскрыто.

Почему их не уничтожили?

— Что должно произойти, чтобы вас ночью разбудили? — спрашивал я Ковалева.

— Например, взрыв, данные о готовящемся теракте, обострение отношений на межнациональной основе. Я помню, как меня подняли с постели по поводу готовящегося взрыва на газораспределитель-

ной станции в Мытищах, нам удалось его предотвратить. А третья Москва могла лишиться газоснабжения.

Будить или не будить — это решение принимают дежурные. У нас в стране есть желание прежде всего доложить начальству, а потом прикрыться его мнением. Я с пониманием к этому относился и брал на себя ответственность.

Подчиненные должны принимать решение, зная, что руководитель никогда их не подставит. Когда началось предательство подчиненных, появилось желание подстраховаться, получить письменный приказ.

— Человек, который вас разбудил, был уверен, что вы его не отругаете?

— Не было такого случая. Этот человек выполнял свой служебный долг. Я относился к этому с пониманием.

Почему прошедший через Афганистан Николай Ковалев не избавил нас от чеченских проблем простым путем — не приказал своим людям ликвидировать командиров боевиков? Неужели это технически невозможно?

— На первом этапе политическое решение состояло в том, чтобы не обострять ситуацию, стараться ладить с чеченцами и никого не трогать.

15 июля 1997 года в Ессентуках Ковалев и руководитель Чеченской национальной службы безопасности Абу Мовсаев подписали временное соглашение между двумя спецслужбами. Договорились об обмене информацией, о сотрудничестве в борьбе с терроризмом и захватом заложников. Имелось в виду, что российские спецслужбы смогут участвовать в совместных операциях на территории Чечни. Но из этого ничего не вышло.

— Попытки поладить с чеченским руководством — это одна сторона дела, — продолжал Ковалев. — Другая состоит в том, что физическое устранение кого-то из руководителей проблему не решает. Вот вам пример — Дудаев. Разве его смерть решила чеченскую проблему? Я бы на сей счет не обольщался. Государство не должно становиться на один уровень с террористами и заниматься государственным терроризмом.

— Вы имели информацию из Чечни?

— Конечно, и регулярно ставил в известность руководство страны.

— Так почему же Федеральная служба безопасности не смогла предупредить в 1999 году взрывы в Москве и в других городах, проникновение боевиков в Дагестан?

— Ответить на этот вопрос не так просто. Видите ли, мы создали в составе ФСБ управление по разработке преступных организаций, то есть сформировали систему получения упреждающей информации о том, что происходит в Чечне.

Николай Дмитриевич по понятным причинам не захотел во время нашего разговора уточнить, что имеется в виду, но, судя по все-

му, речь шла о системе радиоэлектронной разведки, которая позволяла с высокой степенью точности следить за действиями боевиков в Чечне. Ведь каждой операции предшествует длительная подготовка — радиотелефонные переговоры, встречи, передача денег и взрывчатки. Профессионалы по ряду косвенных признаков могут понять, что именно замышляется.

— И эта система позволила нам предотвратить ряд крупных террористических акций. Есть люди, которые благодаря этому остались живы, — говорил Ковалев. — К сожалению, после моего ухода из ФСБ это управление было упразднено, и система получения информации разрушилась.

КОВАЛЕВ И БЕРЕЗОВСКИЙ

Более всего Ковалеву повредил скандал, который разгорелся, когда офицер ФСБ Александр Литвиненко заявил, что ему было приказано убить известного предпринимателя Бориса Березовского (подробнее об этом в следующей главе).

Ковалев подал иск к Борису Березовскому о защите чести и достоинства. Поводом для судебного разбирательства стало письмо исполнительного секретаря СНГ в адрес нового директора ФСБ Владимира Путина. Березовский писал Путину, что Ковалев «фактически находился в сговоре с руководителями Управления ФСБ по разработке и пресечению деятельности преступных организаций», которые поставили своей задачей убить Березовского.

Николай Дмитриевич подал на магната в суд и выиграл дело. Суд потребовал опровергнуть сведения, порочащие имя бывшего директора Федеральной службы безопасности.

— Вы не ощущали того, что и вы были предметом оперативного интереса со стороны других служб, оперативной разработки? — спрашивал я Ковалева.

— Никогда не ощущал. Что меня разрабатывать? Я в семь утра на работе, в одиннадцать вечера дома, упал, заснул, а утром вскочил и как заведенный помчался на работу. Меня разрабатывать — дело бессмысленное.

— А были попытки узнать, что происходит внутри вашего ведомства через людей, которые у вас работают?

— Это всегда было, и я к этому относился довольно спокойно. Не было в ведомстве ничего такого, что следовало было скрывать. Если какие-то сотрудники контактировали с администрацией президента и о чем-то докладывали, я к этому относился нормально. Мы ничего противоправного не делали. Служба и так работала как под рентгеном. Утечки информации постоянно шли.

— И вы не в силах были это пресечь?

— Мы неоднократно пресекали такие попытки, но это сложный процесс. Скажем, работник занимается проверкой каких-то опера-

тивных материалов. Считает, что какие-то действия государственного служащего незаконны и он коррумпирован. Допустим, чиновник подписал документ, дающий определенные льготы какой-то структуре. Одновременно с этим его сыну продают автомобиль по заниженной цене.

Наш сотрудник считает, что это коррупция в чистом виде, ее нужно пресекать. Но как доказать причинно-следственную связь между подписанием документа и покупкой сыном машины за бесценок? Практически это невозможно.

В правовом отношении ситуация заходит в тупик. Оперативный работник ощущает свое бессилие и идет по пути наименьшего сопротивления. Он хочет эту информацию любым путем реализовать — хотя бы через средства массовой информации.

ОТСТАВКА В СУББОТУ ВЕЧЕРОМ

Николай Дмитриевич Ковалев, как и Голушко, был профессионалом без крепких связей в Кремле. Этим объяснялась неустойчивость его позиций.

Слухи о грядущей отставке Ковалева распространялись постоянно. Но Ельцин неизменно заявлял:

— Нет и еще раз нет. Это слухи абсолютно необоснованные. Ковалев работает нормально, выполняет свои функции. Получаю от него регулярно информацию.

Ковалев даже был произведен в генералы армии.

Я спрашивал у Николая Дмитриевича:

— У вас бывало ощущение, что президент уже располагал информацией — из других источников — о том, что вы ему докладывали? И говорил: а вот у меня есть другие сведения?

— Неоднократно. Разделение спецслужб привело к появлению семи независимых источников информации. Президенту иногда на стол ложились семь взаимоисключающих бумаг. В этом есть и преимущество — нет монополиста в области информационного обеспечения. Но нет и органа, который бы эту информацию собирал, анализировал и давал квинтэссенцию того, что на самом деле происходит. Мы пытались создать некое разведывательное сообщество, которое бы обобщало деятельность спецслужб и выходило к президенту с единой бумагой...

— А у вас не возникало ощущения, что он чьей-то информации доверял больше, чем вашей?

— Нет, такого не было. В глубине души он, наверное, сравнивал, но виду не показывал. Президент никогда не давал повода подумать, что он не доверяет информации, которая ему докладывается.

— Президент держался сухо официально или склонен было иногда поговорить и по-человечески?

— Я всегда старался придерживаться сугубо официальных отношений. Со всеми структурами правительства и администрации. Как только выстраиваются личные отношения, можно быть уверенным в том, что объективные решения не будут приняты, что мы часто и наблюдаем.

Незадолго до отставки Ельцин в очередной раз сказал Ковалеву:

— Все нормально. Работайте спокойно.

Хотя сам Николай Дмитриевич уже знал, кому предложено его кресло.

В июле 1998 года Ковалев прилетел в Израиль по приглашению начальника разведки Моссад. С Ковалевым было восемь человек, в том числе сотрудники Службы внешней разведки и Главного разведывательного управления Генерального штаба.

Ицхак Мордехай, министр обороны, убеждал российских гостей прекратить поставки ракетных технологий Ирану. Израильцы представили Ковалеву список иранских, ливийских, индийских и северокорейских фирм, которые занимаются производством оружия массового уничтожения и потому пытаются вступить в контакт с российскими специалистами.

Российские гости признали, что некоторые компании действительно ввязались в сомнительные сделки, но уверяли, что эти попытки были пресечены. Ковалев обещал позаботиться о том, чтобы российский компаниям предписали не иметь дело с подозрительными фирмами. Это была его последняя служебная командировка в роли директора ФСБ.

Наконец наступил момент, когда слух воплотился в жизнь. 25 июля 1998 года, в субботу, отдохавший в Карелии Ельцин подписал указ об увольнении Ковалева. Премьер-министр Сергей Владиленович Кириенко тут же вернулся с указом в Москву.

Николай Ковалев узнал о своем освобождении от французских коллег. Откуда это было известно французам? Влиятельные российские люди, отдыхая во Франции, беспечно обсуждали кадровые дела по мобильным телефонам. А французы были перед Ковалевым в долгу. Он послал в Чечню оперативные группы, чтобы выручить четырех французов, похищенных боевиками. Они действовали под «крышей» одной международной организации, но в реальности были разведчиками.

Ковалев сказал тогда французам:

— Как изменился мир. Я посылаю своих людей, которые будут рисковать своими жизнями, чтобы выручить ваших людей, которые ведь являются разведчиками. Но уж вы, по крайней мере, сознайтесь, что это ваши сотрудники.

И они признали это — впервые, может быть, в истории специальных служб. Французов удалось вытащить из Чечни...

Сергей Кириенко сам приехал на Лубянку, чтобы представить нового главу Федеральной службы безопасности Владимира Влади-

мировича Путина. На сей раз этикет прощания с прежним руководителем был соблюден.

— Смена руководителя ФСБ ни в коей мере не означает недооценки той большой и важной работы, которую проделал Николай Ковалев во главе службы, — сказал Кириенко.

Он передал Ковалеву благодарность президента и добавил, что тот не должен считать происходящее снятием с должности:

— Нет никаких сомнений в том, что опыт, способности и знания Николая Дмитриевича Ковалева будут и дальше использоваться на благо России, чуть позже станет ясно как.

Той же ночью Ковалев после короткого разговора передал дела своему преемнику Владимиру Владимировичу Путину и покинул Лубянку. Он проработал в органах госбезопасности ровно двадцать пять лет.

Ковалеву потом рассказывали, что инициатива его освобождения исходила от Кириенко. Молодому премьер-министру важно было доказать свою состоятельность, показать, что он влияет на кадровую политику президента, и объяснить силовикам, что они должны к нему прислушиваться.

Кириенко предлагал Ковалеву неплохую работу в аппарате правительства — возглавить тот самый административный департамент, которым после ухода с Лубянки руководил Степашин. Сергей Степашин пересидел в этом кресле несколько лет и вновь стал министром. Ковалев это предложение отклонил, сказал Кириенко:

— Чтобы вместе работать, нужно доверие. А его нет.

Ковалев предпочел работать заместителем генерального директора научного центра в Зеленограде.

— А что произошло после отставки? — спросил я Ковалева. — Замолкают телефоны? Исчезают прежние приятели?

— Телефоны, естественно, замолчали. Их просто сразу отключили. Но так всегда происходит. Что касается людей, то я искусственно ограничил круг общения, просто отсеял всех бывших сослуживцев, чтобы не повредить людям, чтобы не говорили, будто я пытаюсь во что-то вмешиваться, на кого-то влиять. Надеюсь, люди, которые меня знают, все поймут правильно.

— Считается, что за бывшими руководителями госбезопасности на всякий случай присматривают.

— Человек, связавший себя с органами госбезопасности, должен исходить из того, что в какой-то момент его могут проверять, прослушивать. К этому надо быть готовым. Так что если есть лишние средства и время — пожалуйста, следите. Но это бессмысленное дело. Я никогда не преступал ни закон, ни присягу.

— Кто-то из бывших подчиненных вас и подслушивает.

— Проблема другая — что за тебя домысливают. Вот с кем-то встретишься, а из этого лепят какой-то политический заговор, пытаются представить, что это не просто цепь случайностей, а ло-

гическая цепочка, выстроенная в схему. Это страшно. Я всегда старался действовать на основании каких-то фактических данных и говорил: «Я буду докладывать о действиях этого человека и ни в коем случае о его мыслях или планах и намерениях».

В 1999 году Николай Ковалев баллотировался в депутаты Государственной думы. Его поддержало движение «Отечество», и он победил на выборах. В Думе он возглавил комиссию по борьбе с коррупцией.

Часть восьмая

ЭПОХА ПУТИНА

Глава 24

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН

Владимира Путина воспринимают в первую очередь как выходца из Комитета государственной безопасности. Пятнадцать лет — значительную часть сознательной жизни — он прослужил во внешней разведке. Одних это пугало: зачем нам выбирать чекиста в президенты? Другие были довольны: чекист — значит надежный и серьезный человек. Но в отношениях Путина с известным ведомством на Лубянке не все так просто.

Карьера Путина не типична, потому что он в 1991 году перешел на сторону новой власти и расстался с партийным билетом. Это был непростой выбор. Из КГБ на сломе эпох ушли многие. Уходили в бизнес, в банки, в частные службы безопасности, но не в политику и, тем более, не к демократам. А Путин работал у Анатолия Собчака, который считался врагом Комитета госбезопасности. Могло ли это понравиться товарищам Путина по ленинградскому областному управлению КГБ?

Благодаря Путину на старом здании КГБ на Лубянской площади вновь появилась памятная доска, посвященная Юрию Андропову. В 1999 году, когда отмечалось 85-летие со дня рождения Андропова, Путин возложил венок к памятнику председателю КГБ. В роли главы правительства в декабре 1999 года Путин выступал на коллегии ФСБ — по случаю дня чекиста — и сказал:

— Позвольте доложить, что прикомандированные вами к правительству сотрудники ФСБ с работой справляются.

У чекистов это вызвало бурю восторгов.

Владимир Владимирович хотел сделать приятное своим подчиненным, а может быть, и заглядить тот свой поступок — уход из КГБ. Ведь чекистов воспитывали в убеждении, что эта служба — на всю жизнь.

ПРОВЕРЕН, НАШ ТОВАРИЩ

Владимир Путин родился в Ленинграде в 1952 году. Его отец работал слесарем на заводе, был инвалидом Великой Отечественной. В ногах у него остались осколки гранаты, ноги ныли в непогоду. Мать — Мария Ивановна — пережила блокаду. До войны у них родились двое мальчиков, и оба умерли в раннем возрасте. Володя, поздний ребенок, был для родителей светом в окошке. Жили трудно, будущий президент России вырос в коммунальной квартире, где не было ни ванной, ни горячей воды.

«Вообще жизнь в Петербурге требует мужества, — считает поэт Александр Кушнер. — Во-первых, вечно мрачная власть, во-вторых, невский ветер, дождь, снег, черный декабрь, январь — расплата за белые ночи. И все то гоголевско-достоевское, что нас мучит. Иногда думаешь: прорвался бы Петр в Крым, построил бы столицу на Черном море, как было бы хорошо...»

Володя Путин — белобрысый паренек с чубчиком — запомнился одноклассникам как «нормальный пацан». Не откровенничал, в личные дела не допускал и ни с кем особо не дружил. «Жесты, ухмылочка, смех в кулачок» — это все сохранилось, рассказывали бывшие соученики корреспондентам «Комсомольской правды»: «С ним, как с Михаилом Сергеевичем Горбачевым: поговоришь час — и ни о чем...»

После восьмого класса он перешел в школу с усиленным преподаванием химии. Учился неважно — получал тройки по химии, физике, алгебре и геометрии, пока не понял, что без знаний ничего в жизни не добьешься. По характеру упрямый. На выпускном вечере поспорил с классной руководительницей, что съест поднос эклеров — двадцать штук, но съел только четырнадцать.

Некоторые убеждения, которые явно влияют на его политическую линию, у Путина сформировались уже в юные годы. Он рассказывал: «Я понял, что в любом случае — прав я или нет — надо быть сильным, чтобы иметь возможность ответить... Всегда надо быть готовым мгновенно ответить на причиненную обиду. Мгновенно!.. Если хочешь победить, то в любой драке нужно идти до конца и биться, как в последнем и самом решающем бою... В принципе это известное правило, которому меня позднее учили в Комитете госбезопасности, но усвоено оно было значительно раньше — в детских потасовках... Не надо никого пугать. Пистолет необходимо вынимать только тогда, когда вы приняли решение стрелять».

Вот об этом качестве чаще всего и вспоминают одноклассники и соседи Путина: «О последствиях драки он не размышлял: сразу бил в морду, и все». И дрался до последнего, поэтому чаще всего побеждал, и его старались не задевать.

Юному Путину хотелось быть лидером: «Желание не уступать крепким ребятам ни в чем у меня существовало... Я заранее знал, что если сейчас не начну заниматься спортом, то завтра здесь, во дворе и школе, уже не буду иметь то положение, которое было».

Сначала занялся боксом, но ему сломали нос, и он перешел на самбо, а потом взялся за дзюдо. Его друг, которого он уговорил участвовать в соревнованиях, получил травму шейных позвонков и умер. Путин сильно переживал, но спорт не бросил. Невзрачному юноше, который говорил быстро и невнятно, успехи в спорте помогли обрести уверенность в себе. Он стал мастером спорта по самбо и дзюдо, в 1976 году выиграл чемпионат города. Уже взрослым человеком он несколько раз сталкивался на улице со шпаной и дрался с ними. Однажды даже сломал при этом руку.

«Еще до того, как окончил школу, у меня возникло желание работать в разведке, — рассказывал Путин журналистам, написавшим книгу «От первого лица», — хотя это казалось недостижимым, как полет на Марс... Книги и фильмы типа «Щит и меч» сделали свое дело. Больше всего меня поражало, как малыми силами, буквально силами одного человека, можно достичь того, чего не могли сделать целые армии. Один разведчик решал судьбы тысяч людей».

Замечательный актер Донатас Банионис, сыгравший в фильме о советских разведчиках «Мертвый сезон» главную роль, рассказывал, как в 2001 году его включили в правительственную делегацию Литвы, которая ехала в Москву. В Кремле президент Валдас Адамкус представлял Путину членов делегации. Владимир Владимирович заметил, что Баниониса ему представлять не надо:

— Вы — мой «крестный отец»!

И рассказал, что пошел в разведку, посмотрев «Мертвый сезон». Девятиклассник Путин отправился в приемную управления КГБ по городу Ленинграду и Ленинградской области. Комитет госбезопасности был единственным местом в стране, где внимательно выслушивали всякого, кто пришел.

Володя Путин сказал, что хочет работать в КГБ.

— Отрадно, — ответил сотрудник приемной, — но есть несколько моментов.

— Каких?

— Во-первых, мы инициативников не берем. Во-вторых, к нам можно попасть только после армии или какого-нибудь гражданского вуза.

— После какого вуза?

— После любого!

— А предпочтительнее какой?

— Юридический!

Владимир Путин поступил на юридический факультет Ленинградского университета, где, в частности, слушал лекции профессора Анатолия Александровича Собчака, хотя и не долго. Этот человек сыграет в его жизни ключевую роль.

Однокурсникам по факультету Путин запомнился спокойным, сдержанным, умеющим владеть собой. Ничем особо не выделялся. Упорный, не пил, не курил и даже не обращал особого внимания на девочек. В конце учебы у него появился свой «запорожец» — его

мама выиграла машину в лотерею. Путиным очень нужны были деньги, но родители решили сделать любимому сыну подарок.

А на четвертом курсе сбылась его мечта. К нему обратились вербовщики из КГБ. Путин был счастлив. Журналисты потом спросят его, а не думал ли он о той репутации, которая была у госбезопасности, об участии КГБ в репрессиях?

— Честно скажу, — ответит Путин, — совершенно не думал. Я толком ничего не знал.

Не знал тот, кто не хотел знать или для кого это прошлое не имело значения...

Студенту Путину хватило осторожности не сказать вербовщикам, что он всю жизнь мечтал служить в КГБ. Кадровый аппарат подбирал людей очень тщательно. И обращались отнюдь не к тем, кто мечтал об этой работе. В КГБ, как было упомянуто, существовало такое понятие — «инициативник», когда кто-то настойчиво просил принять его на службу. К ним относились с определенной настойчивостью: еще надо выяснить подлинные мотивы стремления работать в госбезопасности, разобраться в этом человеке.

Вербовщики из КГБ приглашали к себе понравившегося студента, расспрашивали о семье, о планах, говорили, что по своим качествам он подходит для ответственной работы с языком, с людьми, но придется получить еще одно специальное образование. К концу пятого курса студент вызывался на еще одно собеседование, из которого понимал, что его жизнь, его семью и его друзей внимательно изучили.

По каким критериям кадровики КГБ в те годы отбирали для себя молодых людей?

Первое и главное — это морально-политические взгляды, преданность партии и отсутствие сомнений в правильности действий высшего руководства. Второе — семья, проверяли родственников. Если в семье есть судимые, не брали. С анкетой у Путина проблем не было. Его дед по отцовской линии когда-то был поваром на даче Сталина, следовательно, или состоял в кадрах МГБ, или, как минимум, был стократно проверен. Такие родственники, ясное дело, шли в плюс.

Кадровики предпочитали ребят из рабочих семей, полагая, что такой парень век будет благодарен КГБ за то, чего на другом поприще он бы никогда не добился: его включили в число избранных, дали квартиру, высокооплачиваемую работу и послали за границу.

Каждого будущего сотрудника КГБ проверяли не один месяц. В основном с помощью агентуры — то есть студентов, которые были осведомителями госбезопасности, выясняли взгляды, привычки, увлечения. Комитет государственной безопасности считался завидным местом. Работа в комитете сочетала в себе желанную возможность ездить за границу с надежностью армейской службы: звания и должности, во всяком случае до какого-то предела, идут как бы сами, присваиваются за выслугу лет.

Конечно, при отборе будущих чекистов учитывались личные качества — психологическая устойчивость, физическая подготовка, собранность, умение ладить с людьми, приличные оценки. Скажем, Путин занимался спортом и не пил. Однокурсникам он запомнился спокойным, сдержанным, умеющим владеть собой. Ничем особо не выделялся.

Заместитель министра юстиции Карелии Александр Рехлов, который трудился с будущим президентом России в одном студенческом строительном отряде, рассказал журналистам: «Путин ничего не пил. И не курил. На девочек даже особого внимания не обращал».

Если все было хорошо, студента-пятикурсника приглашали в учебную часть и называли номер телефона, принадлежавший куратору университета от КГБ. Студент набирал заветный номер. Его просили зайти, предлагали заполнить кучу фантастически подробных анкет (и про бабушек, и про дедушек) и велели принести две рекомендации от достойных товарищей по факультету, желательно членов партии. Без указания адресата, разумеется. Просто: «Знаю такого-то как преданного интересам партии и рекомендую его на ответственную работу».

Поначалу служба не показалась Путину особенно интересной.

— Меня оформили сначала в секретариат управления, потом в контрразведывательное подразделение, и я там проработал около пяти месяцев, — рассказывал Путин журналистам. — Подшивал дела какие-то. А через полгода отправили на учебу, на шесть месяцев, на курсы переподготовки оперативного состава. Это была ничем не примечательная школа у нас, в Ленинграде. Считалось, что база у меня есть, а нужна чисто оперативная подготовка. Я там поучился, вернулся в Питер и еще около полугода отработал в контрразведывательном подразделении.

Когда его спрашивали, чем же он там занимался, он вспомнил только о том, как в управлении занимались диссидентами. Да еще на Пасху, во время крестного хода, будущий президент следил за порядком.

Красная книжечка сотрудника КГБ была своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими. Один из приятелей Путина рассказывал другому:

— Видел его сегодня на стадионе. Когда он показывал свою книжечку, люди перед ним чуть ли не по стойке «смирно» вытягивались и честь отдавали...

На университетского выпускника Путина обратили внимание кадровики первого главного управления КГБ (внешняя разведка). Известный разведчик полковник Михаил Петрович Люблимов говорит, что город на Неве всегда был на особом положении, выпускники Ленинградского университета ценились в КГБ:

— Ленинград — это марка. Скажем, для скандинавского отдела разведки Ленинград всегда представлял особый интерес из-за близости Финляндии. Когда я был резидентом в Дании, у меня и то было двое ленинградцев с хорошей подготовкой, очень способные ребята. Так что мы использовали Ленинград значительно больше любого иного провинциального города. Скажем, больше, чем Киев.

Владимир Путин с радостью ухватился за предложение перейти в разведку. Для начала ему предстояло год учиться. Будущие разведчики проходили строгую медицинскую комиссию. Если, скажем, гланды превышали предельно допустимую для чекистов норму, приказывали удалить. После приемной комиссии — короткие военные сборы, во время которых надо было, среди прочего, прыгнуть с парашютом. А осенью уже начиналась настоящая учеба.

Учебные заведения КГБ находились в разных городах. Контрразведчиков готовили в Минске (там учился товарищ и наследник Путина на посту директора Федеральной службы безопасности Николай Платонович Патрушев), разведывательная школа находилась на окраине Москвы. Иногородние жили в общежитии — комната на двоих. Москвичей в субботу после обеда отпускали по домам. В понедельник рано утром возле определенной станции метро их ждал неприметный автобус, который вез слушателей в лесную школу.

Один из разведчиков, вспоминая годы учебы, говорил мне:

— Самое сильное впечатление на меня произвела возможность читать служебные вестники ТАСС. Право читать на русском языке то, что другим не положено, сразу создавало впечатление принадлежности к особой касте. Специальные дисциплины были безумно интересными. Изучали методы контрразведки, потому что ты должен был знать, как против тебя будут работать там. Умение вести себя, навыки получения информации. Нас учили исходить из того, что любой человек, с которым ты общаешься, — даже если он не оформлен как агент, является источником важных сведений. А если от него невозможно ничего узнать, то и не стоит терять на него время...

В ПГУ НА БЕЛОМ КОНЕ

У меня был близкий друг, который учился в этой школе — на несколько лет позже Путина. Когда его взяли в КГБ, мы по-прежнему продолжали видеться — по выходным, но разговоры наши становились все скучнее. Он мало что рассказывал о своей новой жизни, а я спрашивать не решался — понимал, что он обязан все держать в секрете.

Не очень-то ладился и разговор на более общие темы — насчет того, что происходит в стране. Брежнев еще был жив, и что тогда говорилось на московских кухнях, известно. Но мог ли я обсуждать все это с моим другом? Разумеется, я не боялся, что он донесет на

меня. Я убедился в его порядочности. Я думал о том, как бы своими разговорами не поставить его в двойственное положение.

Когда его приняли в разведшколу, он решил жениться. Начальник курса пришел к нему домой познакомиться с будущей женой чекиста. Седовласый полковник снял пальто и, потирая руки, с порога строго спросил:

— Так, где у вас книги?

Книг оказалось не так много, но, когда полковник угостился пирогами, которые все утро пекла невеста, он расчувствовался и благословил брак.

Однажды приятель пришел ко мне с женой и товарищем, с которыми вместе учился: аккуратный, неприметный молодой человек с очень внимательным взглядом. Они уже были веселые, а у меня хорошо добавили. В какой-то момент жена моего друга отвела меня в сторону и пожаловалась:

— Ты обратил внимание, что мой пьет, а этот только пригубливает? Завтра доложит куратору курса, что мой злоупотребляет алкоголем.

— Зачем? — искренне удивился я.

— Распределение близится. Завидных мест мало, а желающих много.

Все курсанты мечтали о зачислении в ПГУ, первое главное управление КГБ — внешнюю разведку. Но известно было, что всех не возьмут.

— В ПГУ нужно въезжать на белом коне, — говорил слушателям начальник курса и требовал только отличных оценок от тех, кто хочет служить в разведке.

Главный упор — помимо специальных дисциплин — делался на изучение иностранного языка. Успехи в его изучении сильно влияли на распределение. Оперативные отделы, которые занимались Северной Америкой, Западной Европой, Японией, могли выбирать и приглашали к себе тех, кто как минимум хорошо освоил язык.

В разведшколе учились год или два. Двухгодичники, получавшие полноценное языковое и страноведческое образование, с некоторой долей высокомерия относились к одноклассникам. Выпускникам присваивали следующее звание, и новоиспеченные старшие лейтенанты приступали к службе на новом поприще. Те, кому повезло, оставались в Москве — в первом главном управлении КГБ. Путин, проучившийся год, был возвращен в ленинградское управление и зачислен в первый (разведывательный) отдел. Четыре с половиной года он проработал в родном городе.

Чем занимался разведотдел ленинградского управления? Об этом писал в своей книге отставной генерал госбезопасности Олег Данилович Калугин. В 1980 году Калугина отправили в Ленинград первым заместителем начальника управления. Ленинградские коллеги показали профессиональному разведчику безнадежными провинциалами.

«Я был потрясен убожеством, — пишет Калугин, — отсутствием реальных дел и перспектив их заведения. Ни одного сигнала по шпионажу или антигосударственной деятельности. Сплетни, пересуды, жалкие потуги выдать болтунов за политических противников, доносы на сослуживцев — вот к чему сводились заботы моих подопечных... Оторванные от оперативных реалий, не имея представления о методах и тактике работы западных спецслужб, они варились в собственном соку, издерганные бесконечными понуканиями разоблачить шпионов и антисоветчиков...

Меня особенно умилял повторявшийся каждый год клич искать агентов-нелегалов, заброшенных с Запада и осевших в сельской местности для того, чтобы в день «Х», под которым подразумевался канун ядерной войны с Америкой, выступить в качестве некоей подрывной силы в тылу советских войск... Ни одного шпиона за двадцать лет управление не поймало, хотя израсходовало десятки миллионов рублей на поиски этих неуловимых фантомов...»

В перестроечные годы Олег Калугин откровенно рассказал о своей работе в КГБ. За эти смелые разоблачения краснодарцы избрали Калугина народным депутатом СССР. Времена меняются. Калугин уехал в Соединенные Штаты. Владимир Путин, уже будучи директором ФСБ, назвал своего бывшего начальника предателем. В 2002 году суд в Москве заочно приговорил Калугина к пятнадцати годам тюремного заключения...

Чем занимались офицеры разведотдела ленинградского управления?

Пытались разрабатывать иностранцев, которые попадали в город, в надежде кого-нибудь из них завербовать. Прежде всего интересовались иностранными моряками как морально нестойкими — с ними знакомились в так называемом Интерклубе, заполненном агентами КГБ. Разрабатывали советских людей, которые ездили за границу, — на предмет их зарубежных контактов.

У меня был знакомый, который примерно в те же годы работал в разведотделе КГБ одной из прибалтийских республик. Работа у него, помню, была самая что ни на есть муторная: он обходил людей, которые съездили за границу — в командировку или в туристическую поездку, и выспрашивал, что они там видели и слышали. Многие его просто выставляли за дверь, откровенно над ним посмеивались. Но он терпел, потому что была цель. И его стойкость была вознаграждена: он сумел перевестись в Москву, в центральный аппарат, а вскоре поехал за границу под журналистским прикрытием...

Владимир Путин служил, видимо, неплохо, получил майорские погоны и был отправлен в Москву на переподготовку. А потом отправился в первую и последнюю заграничную командировку — в представительство КГБ СССР в Германской Демократической Республике. Это был 1985 год.

ПРАВИЛА КОНСПИРАЦИИ — НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Молодой человек, пожелавший стать разведчиком, выбирает сферу деятельности, в которой не действуют обычные правила морали и нравственности. Задача разведчика — уговаривать других идти на преступления: ведь завербованного агента заставляют красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких, предавать друзей и родину. При этом офицер-вербовщик знает, что его агент может закончить свои дни за решеткой или даже погибнуть. Для того чтобы с чистой совестью и уверенностью в собственной правоте заставлять других преступать закон и мораль, надо, видимо, что-то изменить в себе. Циниками, как и солдатами, не рождаются, а становятся.

Специалисты уверены, что работа в разведке сама по себе часто наносит тяжелый ущерб психике разведчика. Он вынужден постоянно вести двойную жизнь. Вот почему в разведывательной школе слушателей пытаются морально вооружить, объясняя, что во имя Родины надо идти на все. Впрочем, сотрудники спецслужб — такие же люди, как и все. Среди них есть и дураки, и умные, дальновидные и недалекие, порядочные и не очень. Есть, конечно, черты, характерные именно для сотрудников спецслужб или, во всяком случае, для большинства из них.

Правила конспирации — на всю жизнь; болтунов в госбезопасности не терпят, хотя ничто человеческое и им не чуждо, и после обильных возлияний они иногда выкладывают женам то, что тем знать совсем не обязательно. Разведчики не только привыкают скрывать свое подлинное занятие, но и таят истинные эмоции, чувства и взгляды. Когда разведчик с кем-то беседует, он пытается узнать о собеседнике все, при этом ничего не сказав о себе. Он постоянно прикидывает, что вы за человек, можно ли с вами иметь дело, выясняет, какие у вас связи. Разведчик подозрителен, его так воспитывали.

Возможно, это остается на всю жизнь. Бывший помощник Ельцина Георгий Сатаров отметил, что Путин «не доверяет никому. Ельцин мог увлекаться, влюбляться, доверять, иногда незаслуженно. В Путине ощущается тотальное недоверие... Ельцин не боялся сильных людей в своем окружении. Новых масштабных фигур, выдвинутых Путиным, не видно».

В разгар кризиса вокруг НТВ весной 2001 года Путин принял одиннадцать журналистов — после того, как Светлана Сорокина обратилась к нему с телеэкрана с просьбой встретиться и поговорить. Они были давно знакомы, оба из Ленинграда, к Светлане президент относился с уважением. После разговора Сорокина, похоже, была разочарована больше других. Она, видимо, надеялась, что сумеет что-то объяснить президенту, раскрыть ему глаза, убедить, что он не прав, и натолкнулась на железную стену.

Журналисты потом говорили, что Путин делит мир на своих и чужих. И потому достучаться до него невозможно.

Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов через много лет рассказал в эфире, какая беседа состоялась у него с президентом Путиным в августе 2000 года:

«Мы довольно долго сидели после трагедии подводной лодки «Курск» и говорили про все два с половиной часа, один на один сидели. Это был такой длинный и серьезный разговор. Я тогда точно понимал, что «Эху» не жить, я шел с таким чувством, что... а-а-а, все равно. Разговор был очень серьезный, солидный и уважительный с двух сторон. И, уже перейдя на философию жизни, я спросил:

— Владимир Владимирович, а как вы расцениваете людей, которые против вас?

И он сказал приблизительно следующее:

— Люди, которые против меня, — двух типов: враги и предатели. Враги — это обычная история. С ними воюешь, потом заключаешь перемирие, потом партнерствуешь, потом опять воюешь. Любая война заканчивается миром, и твой вчерашний враг становится твоим партнером. А предатели — это те люди, которые были в твоей команде, поддерживали тебя изо всех сил, а потом, когда ты что-то не так сделал, они перебежали. И часто бьют в спину. С предателями никаких разговоров быть не может.

Я тогда решил пошутить и сказал:

— А в этой системе координат я вам кто?

Он говорит:

— Вы в этой системе координат, конечно, враг.

Это при том, что мы сидим, разговариваем два с половиной часа...»

Одного из генералов госбезопасности журналисты спросили:

— На ваш взгляд, Путин — человек Системы?

— Вне всяких сомнений. Он отлично знает правила и всегда им следует. И своих не сдает, можете не сомневаться. За это Владимира Владимировича можно только уважать.

Путин внимательно слушает, но не для того, чтобы понять точку зрения собеседника или оппонента, а потому что его этому учили. У собеседника это создает иллюзию не только внимания, но и согласия, которого в реальности нет и в помине. Путин соглашается с теми, кого считает своим. У Путина есть свое мнение, и он сопоставляет это мнение с наблюдениями за человеком, который напрасно пытается его в чем-то убедить...

Работа в разведке — это не совсем воинская служба, но все-таки что-то от военного было и в сотруднике КГБ. Разведка — это военная организация, хотя там не надо поминутно щелкать каблуками и допустима умеренная дискуссия со старшим по званию. Может быть, поэтому политологи отмечают, что Путину привычнее и приятнее иметь дело с людьми в погонах, которые не только слушают, но и слушаются, что «он действует как отец-командир, а не как лидер демократической державы. Он предпочитает командовать, а не убеждать».

Всем разведчикам присваивают воинские звания, но форму они не носят. Надевают мундир, только когда нужно сфотографироваться на удостоверение. Для этого в служебном фотоателье хранятся форменные рубашки с галстуками и несколько кителей с разными погонами. Естественно, в разведке обращаются друг к другу не по званиям, а по имени-отчеству, то есть атмосфера более демократическая, не сравнишь с другими структурами госбезопасности, особенно с контрразведкой. Атмосферу в разведке определяют и сами люди — с двумя образованиями, владеющие несколькими иностранными языками, поработавшие за рубежом. И в центральном аппарате разведки, и в зарубежных резидентурах было принято все проблемы обсуждать. Каждому офицеру предоставлялась возможность высказаться, изложить свою точку зрения, хотя последнее слово оставалось, разумеется, за руководителем.

Тем не менее и разведчики — военные. У любого разведчика развито чувство субординации, исполнительность, привычка выполнять приказы и отдавать их. Не воспитывает ли все это в человеке привычку охотнее подчиняться, чем самому принимать решения? И не испытывает ли бывший разведчик большие психологические трудности, оставшись без командира и приняв на себя всю ответственность?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Конечно, служба КГБ воспитывала в первую очередь привычку подчиняться, но люди ведь разные. Есть — исполнители от природы, есть способные к самостоятельности.

Самое страшное для разведчика — сгореть. Если офицера брали с личным и высылали из страны, на его оперативной карьере фактически ставили крест. Загранкомандировки заканчивались, как и вообще интересная работа, и до пенсии предстояло заниматься бумажной работой. В этом смысле служба в Восточной Германии, куда получил назначение молодой офицер Владимир Путин, считалась безопасной. Здесь горели только по бытовым мотивам — напивались или заводили роман с немкой.

Кстати говоря, до 1987 года руководителем представительства КГБ в ГДР был Василий Тимофеевич Шумилов, тоже питерский, бывший первый секретарь Ленинградского обкома комсомола. Но он снисхождения землякам не делал.

Путин рассказывал журналистам, как ему трудно приходилось первые месяцы в ГДР. Звонят телефоны, а он боится взять трубку, потому что вдруг не поймет, что там немцы говорят и не сможет правильно ответить... Но языковой барьер он преодолел быстро.

ЕГО ЗВАЛИ ШТАЗИ

В Санкт-Петербурге, когда Владимир Путин уже работал в мэрии у Анатолия Собчака, его за глаза ласково называли Штази — так сокращенно именовалось министерство государственной безопаснос-

ти ГДР, с которым он тесно сотрудничал во время командировки в Восточную Германию. МГБ ГДР представляло собой огромного спрута, опутавшего всю страну. После крушения социалистической ГДР открылись архивы госбезопасности, и там обнаружилось шесть миллионов досье. Желаящие имеют возможность ознакомиться со своим досье.

Долгое время в комплексе зданий на Норманенштрассе в Берлине, которые принадлежали МГБ ГДР, работала комиссия, которая разбирала архивы госбезопасности. Я побывал там, в этих серых и тусклых зданиях: низкие потолки, линолеум на полу, стандартная мебель. Стены сделаны из звукопоглощающего материала. Окна без форточек. Тоскливое место.

В огромных подвалах, где можно заблудиться, свалены тысячи мешков с документами. В последний момент, когда ГДР рушилась, офицеры МГБ пытались всю документацию уничтожить, но машины для превращения бумаг в лапшу не осилили такую кучу. Рвали вручную. Эти обрывки тоже собрали и восстанавливают их содержание.

Там же, в подвалах в наглухо закупоренных банках хранились носовые платки, которыми арестованные должны были провести у себя между ногами, чтобы потом — в случае их побега — служебные собаки, понюхав платок, могли бы отыскать их по запаху. Свет не видел более предусмотрительных людей, чем немцы из МГБ...

Мне показали знаменитую картотеку агентуры. Она была поделена между двумя помещениями, которые по соображениям безопасности размещались на разных этажах. Карточки написаны от руки или отпечатаны на машинке. Компьютеризировать это хозяйство восточные немцы не успели. На карточке, которая хранится в одном зале, записано полное имя человека, его год рождения, адрес и код. На карточке в другом зале нет фамилий — только кличка, номер и имя офицера, который с этим человеком работает. Картотека была суперсекретной. Тем, кто трудился в одном зале, не разрешали входить в другой. Поэтому они не могли знать, чью карточку держат в руках — осведомителя или того, за кем следят. Доступ к обеим карточкам — по специальному разрешению — получали офицеры-оперативники.

Сотрудников комиссии я спрашивал: что больше всего удивило при изучении архива?

— Самое поразительное, — говорили немецкие архивисты, — состоит в том, что, как правило, в досье нет ничего интересного, это макулатура, впустую потраченное время и деньги. Хотя на кого-то было досье объемом аж в сто тысяч страниц.

Толстые досье — результат работы множества офицеров госбезопасности и их помощников-осведомителей. Если человека в чем-то подозревали, его окружали множеством агентов, которые исписывали килограммы бумаги. В одном досье обнаружили по минутные отчеты о том, что происходило в доме человека, за которым следили: когда хозяин дома ночью вставал в туалет, когда

плакал маленький ребенок... А какой в этом смысл? Разве это не профанация работы?

Одна супружеская пара подала заявление на выезд из ГДР в Западную Германию. Вдруг в их доме пропали все голубые полотенца, затем они появились, а пропали зеленые, затем зеленые появились, и пропали белые. Знакомые удивленно выслушивали рассказы о таинственном исчезновении и появлении полотенец. Выяснилось, что это была операция госбезопасности — в надежде выставить уезжающих людей сумасшедшими — дескать, только сумасшедший желает уехать из ГДР...

При таком гигантском аппарате министерство государственной безопасности ГДР не справилось со своей главной и единственной задачей — оно не спасло государство от распада. Пока государственная безопасность занималась всякой чушью, ГДР исчезла с политической карты мира.

Население Восточной Германии не превышало семнадцати миллионов человек. Аппарат министерства государственной безопасности составлял сто тысяч штатных сотрудников. В нацистские времена в гестапо служило вдвое меньше, хотя население довоенной Германии было в четыре раза больше населения ГДР! А еще в ГДР имелось девяносто пять тысяч неофициальных сотрудников госбезопасности — то есть осведомителей. Такого даже в Советском Союзе не было. В некоторых немецких городах один сотрудник госбезопасности приходился на каждые двести жителей. А вот с врачами в ГДР было похуже — один на четыреста человек.

Все граждане Восточной Германии знали, что осведомители МГБ всегда рядом — в учебной аудитории, на рабочем месте, в автобусе или поезде. И совсем немногие понимали, что осведомителем может оказаться даже любимый человек. После исчезновения ГДР некоторые люди с ужасом узнали, что на них стучали собственные жены и лучшие друзья.

Стратегия МГБ состояла не столько в репрессиях, сколько в жестком контроле, в том, чтобы парализовать волю, блокировать любую несанкционированную активность. Само знание, что агенты и осведомители рядом, действовало как взгляд змеи. Люди боялись говорить откровенно. Как показал опыт МГБ, угроза террора ничуть не менее эффективна, чем сам террор. Впрочем, как и в Советском Союзе, сотрудники министерства госбезопасности ГДР время от времени бежали на Запад. В общей сложности убежали 484 немецких чекиста. Одиннадцать человек были казнены за такую попытку, из них семь человек выкрали на Западе, тайно вернули в ГДР и расстреляли.

ЛАВКА САМООБСЛУЖИВАНИЯ

Представительство КГБ СССР по координации связи с министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудни-

ки КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый.

По советским понятиям восточные немцы жили прекрасно. Счастливицам разрешалось ездить в Западный Берлин, где магазины ничем не уступали лондонским или парижским, где можно было отовариться, посидеть в пивной или посмотреть порнофильм — это экзотическое удовольствие советскому человеку еще было в новинку.

Представительство КГБ СССР, правда, находилось в унижительной материальной зависимости от немецких коллег, рассказывал мне бывший начальник информационно-аналитического отдела представительства полковник Иван Николаевич Кузьмин. Министрство госбезопасности ГДР организовало в Берлине закрытый магазин для советских чекистов. Но это заведение превратилось в «лавку самообслуживания» для самих немецких офицеров, которые обкрадывали советских братьев — выносили через черный ход лучшие продукты.

Представительство КГБ в Восточной Германии было крупнейшим аппаратом госбезопасности за рубежом. Понятно почему — там находилась группа советских войск. Ее надо было, говоря профессиональным языком, «обслуживать», то есть следить, чтобы наших офицеров там не завербовали и чтобы они не убежали на Запад.

Наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовки американцев на территории Западной Германии. Большое значение придавалось научно-технической разведке, то есть промышленному шпионажу. Во время встречи в Российской академии наук в мае 2010 года Путин вдруг вспомнил о работе в разведке:

— Когда я служил в другом ведомстве, еще в своей прошлой жизни, наступил момент — где-то в конце восьмидесятых, когда полученные специальными средствами разработки ваших коллег из-за рубежа все равно не внедрялись в экономику Советского Союза. Не было даже оборудования для того, чтобы их внедрять!

Еще одна задача — она считалась как бы второстепенной — это сбор информации о том, как ведут себя наши друзья — восточные немцы. Но этим следовало заниматься очень осторожно. Вербовать граждан социалистической страны, заниматься конспиративной деятельностью строжайше запрещалось. Запрет обходили: вербовка не оформлялась, но недостатка в источниках информации не ощущалось.

Ситуация в ГДР, правда, несколько отличалась от положения в других европейских социалистических странах (за исключением Румынии и Югославии). Министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке считал себя лучшим другом Советского Союза, но пресекал попытки товарищей по партии наладить столь же близкие

отношения с посланцами Москвы. Мильке покровительственно, а иногда пренебрежительно относился к сотрудникам советского КГБ, особенно к тем, кто не знал немецкого языка, поучал их, объяснял, как надо работать.

В последние годы существования ГДР внутри разведывательно-го аппарата представительства КГБ была сформирована оперативная группа, которая полностью сосредоточилась на анализе положения дел внутри Восточной Германии. В группу, насколько мне известно, включили разведчиков, которые не были официально представлены немцам как сотрудники КГБ — то есть те, кто работал под журналистским или коммерческим прикрытием. Впрочем, руководство разведки это никогда не подтверждало.

— Не возникло необходимости в создании такой группы, — сказал мне генерал-майор Виктор Буданов, который был первым заместителем главы представительства КГБ СССР в ГДР. — Мы делали то, что было необходимо, но никогда восточным немцам не раскрывали до конца нашу работу. Так же как и они перед нами, к сожалению. Это более всего проявилось в последние годы. Мы не обязаны были им докладывать о том, что мы делаем. Более того, был период, когда у нас возникли подозрения, что они за нами следят.

А зачем, интересно, немецкие друзья следили за своими старшими братьями, за советскими разведчиками?

— Потому что они боялись, что мы будем работать с их людьми. Понимаете ситуацию? Естественно, они всегда этого боялись и предприняли определенные меры. Не без оснований. Но то, что мы делали, это не было нарушением соглашений о статусе представительства комитета в Берлине, которые были подписаны между КГБ и МГБ.

Немцы тем не менее раздражались и в отместку подавляли советских чекистов на разных проступках. Например, если кто-то увлекался выпивкой или заводил роман на стороне, немецкие братья с удовольствием доносили об этом в советское посольство и радовались тому, что незадачливого сотрудника КГБ в двадцать четыре часа отправляли домой. Немцы присматривали не только за своими советскими коллегами, но и даже за советским послом. Этим занимался сам министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке, генерал армии и член политбюро.

Для советского посла в ГДР Вячеслава Ивановича Кочемасова это не было секретом:

— Я знал, когда меня Мильке записывал, когда перестал это делать. Вначале он следил за каждым моим шагом. Он в каждый конкретный момент знал, где я нахожусь. Еду в Вюнсдорф, в ставку нашей группы войск — он точно знал, куда и к кому я еду, сколько там пробыл, когда вернулся в Берлин. Один раз он даже похвалился тем, что он все знает обо мне. Поэтому я был с ним очень осторожен.

Это значит, что министр госбезопасности постоянно следил за советским послом?

— У него были свои методы наружного наблюдения, — усмехнулся Кочемасов. — Это сложнейшая система, дорогой мой! Надо было поискать такую разведку и контрразведку, как в ГДР.

Слежка за советским послом не смутила Москву. К восьмидесятилетию министру госбезопасности Эриху Мильке присвоили звание Героя Советского Союза. У него было шесть орденов Ленина. Мильке очень ценили в КГБ. Он начал свою карьеру в тайном военном аппарате довоенной компартии Германии. В 1931 году молодой член партии Эрих Мильке в составе боевой группы коммунистов участвовал в нападении на полицейский патруль в Берлине. Двое полицейских в звании капитана были убиты, третий — вахмистр — ранен. Мильке вывезли в Советскую Россию. С тех пор он тесно сотрудничал с НКВД.

Какое впечатление производил Мильке?

— Мильке? — переспросил Кочемасов. — Этот человек не моргнет глазом и сделает то, что нужно для интересов страны, как говорится. Это человек был крепкий...

Эрих Мильке подписал инструкцию, согласно которой хорошенькие девушки, находившиеся под опекой МГБ, должны были проверять моральную устойчивость сотрудников Совета экономической взаимопомощи, когда товарищи из социалистических стран собирались в Восточной Германии, особое внимание уделялось советским друзьям.

КО ВСЕМУ ЛИ МОЖНО ПРИВЫКНУТЬ

О Путине ходили разные слухи. Говорили, что часть своей карьеры в КГБ он даже выдавал себя за немца. Вроде бы иногда он, понизив голос, не без гордости сообщал питерским друзьям: ребята, имейте в виду — я столько лет проработал без единого провала.

В реальности Путин проработал в ГДР пять лет и вполне легально — причем даже не в центральном аппарате представительства КГБ, а в Дрездене, где находилась небольшая группа советских офицеров связи при окружном управлении госбезопасности.

Главная задача — пытаться вербовать западных бизнесменов и ученых, которые приезжали в этот город. Неизвестно, удалось ли Путину добиться больших успехов на этом направлении. Вербовка — большая удача в карьере разведчика. За вербовку американца раньше давали орден. Иногда за всю профессиональную жизнь разведчику удавалось завербовать только одного человека.

Путин приехал в Дрезден старшим оперуполномоченным, потом стал помощником начальника отдела, старшим помощником на-

чальника отдела. За что Владимира Владимировича повышали по службе?

— За конкретные результаты в работе — так это называлось, — объяснял Путин журналистам. — Они измерялись количеством реализованных единиц информации. Добывал какую-то информацию из имеющихся в твоём распоряжении источников, оформлял, направлял в инстанции и получал соответствующую оценку.

Путин говорил, что был поражен — он ехал в Восточную Германию как в европейскую страну, а понял, что ГДР «находится в состоянии, которое пережил уже много лет назад Советский Союз. Это была жестко тоталитарная страна по нашему образу и подобию, но тридцатилетней давности».

Дрезденское окружное управление МГБ располагало собственной станцией подслушивания телефонных разговоров, оборудованием для вскрытия писем. В гостиницах, где останавливались иностранцы, рядом с телефонным коммутатором находилось помещение для сотрудников госбезопасности, куда дублировались все телефонные линии гостиницы. Немецкие чекисты могли слушать разговоры своих гостей.

Начальник дрезденского окружного управления МГБ генерал-майор Хорст Бем был, по воспоминаниям, малоприятным человеком. Он без особого пиетета относился к советским офицерам связи. Тем не менее немецкие товарищи, как было положено, после нескольких лет наградили майора Путина бронзовой медалью «За заслуги перед Национальной народной армией ГДР». Указ, подписанный министром госбезопасности в феврале 1988 года, был ритуальным знаком вежливости. О подлинных успехах или неудачах офицера КГБ им знать ничего не полагалось.

После крушения ГДР генерал-майор Хорст Бем покончил с собой. Говорили, что причина — его осведомленность в особых операциях советской разведки на немецкой территории. В реальности он ушел из жизни, потому что для него, высокопоставленного офицера госбезопасности, с воссоединением Германии жизнь кончилась. Тем более что генерал Бем считался одним из самых жестких и ортодоксальных чекистов. Его прислали в Дрезден в том числе с задачей присматривать за первым секретарем окружного комитета СЕПГ Хансом Модровом.

У Модрова были хорошие отношения с Советским Союзом, что не нравилось руководству ГДР. Министерство госбезопасности следило за его контактами с советскими представителями, поэтому все происходило, как в шпионском фильме. Тогдашний советник-посланник нашего посольства в ГДР Всеволод Иванович Совва рассказывал мне, как он тайно привозил Модрова в своем автомобиле с дипломатическими номерами.

Ханс Модров не мог открыто приехать в советское посольство в Берлине, за которым следили немецкие чекисты. Он отпускал свою машину на одной из берлинских улиц и ждал, когда Совва за ним

заедет. Модрова вели в посольскую сауну, и там уже откровенно обсуждалось положение в ГДР.

Но руководители госбезопасности ГДР все равно что-то подозревали, поэтому в Дрезден прислали Хорста Бема. На посту начальника окружного управления он сменил Рольфа Маркерта, подпольщика, который при нацистах сидел в концлагере Бухенвальд. Маркерта сняли с поста руководителя окружного комитета за «недостаточную настойчивость» в работе.

При Хорсте Беме ситуация, вспоминал потом сам Модров, радикально изменилась: «Щупальца и уши МГБ можно было обнаружить повсюду... Если раньше еще поступали сведения о разоблачениях западных шпионов, то теперь вся работа госбезопасности сосредоточилась на внутренней жизни округа... Мне казалось, что Бем постоянно держит передо мной зеркало и говорит при этом: дела твои плохи, мой друг... Бем повсюду видел проявления враждебности. Если бы проявления враждебности прекратились, то Бем рухнул бы, как предмет, лишившийся опоры. Бем был заинтересован в сохранении атмосферы враждебности, которую в значительной степени создавал его аппарат».

Работа в братской ГДР требовала от советского человека сугубой осторожности. В ходу все еще был лозунг «Учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать». В реальности руководители ГДР покровительственно относились к советским коллегам, поскольку уровень жизни в ГДР был неизмеримо выше. Советский генеральный консул в Карл-Маркс-Штадте и Дрездене позволил себе критически отозваться о положении дел в ГДР. Об этом доложили генеральному секретарю Эриху Хонеккеру, тот пожаловался в Москву, и консула отозвали.

Какие качества в разведчике воспитывает такая работа за границей, когда есть опасность быть разоблаченным? Когда за тобой каждый день следят — это сильно действует на психику? Или человек ко всему может привыкнуть?

— Конечно, это действует, — говорил генерал Буданов. — Находясь за рубежом, ты постоянно вынужден помнить, что можно, чего нельзя. Но нас к этому готовили, проверяли, можем ли с этим справиться. Некоторые слушатели разведшколы видели, что им либо это не нравится, либо они не потянут работу в таких условиях, — уходили... Очень важно уметь владеть собой, регулировать свое состояние. Все сделал, как надо, вернулся домой, только тогда расслабился. Но помнишь, что и дома лишнего не говори. Правило ввел для себя такое, и живешь нормально. Но это надо уметь, конечно. И большинству удавалось. Мы умели и расслабиться, и повеселиться, и поиграть в волейбол.

В КГБ в целом и в разведке в частности шла постоянная борьба за выживание, за должности, за внимание начальства, за командировку в хорошую страну и под хорошим прикрытием... В заграничной командировке тоже было не просто. Чекисты ревностно относились

к успехам друг друга. Нравы советской колонии были малосимпатичными. Все следили друг за другом: что купил, что жена на обед приготовила, куда поехал. Лишнего шага без разрешения начальства не сделаешь.

Советские чекисты в Дрездене жили все вместе — в доме для сотрудников окружного управления МГБ ГДР. Рядом детский сад и ясли — тоже принадлежавшие госбезопасности. Вторая дочь родилась у Путиных в Дрездене. Работали в хорошо охраняемом отдельном особняке — в пяти минутах от дома. Обедать Путин приходил домой. Часть зарплаты платили в долларах, так что, когда вернулись в Ленинград, купили «Волгу».

Одно время пошли разговоры о том, что Владимир Путин чуть ли не принадлежит к числу супершпионов XX века. В реальности он был офицером на небольшой должности и в малых чинах. Путин не сделал грандиозной карьеры в разведке. Может быть, если бы сделал, то сидел бы сейчас на пенсии и копался в огороде, как очень многие, кто отличился и сделал карьеру...

В ТЕНИ СОБЧАКА

Когда коммунистическая власть в ГДР рухнула, в представительстве КГБ стали срочно сортировать бумаги, самое важное переправили в Москву — в архив, остальное уничтожали.

— Я лично сжег огромное количество материалов, — рассказывал Путин. — Мы жгли столько, что печка лопнула.

Когда восточные немцы захватывали здания министерства госбезопасности, наши чекисты испугались, что немцы разгромят и представительство КГБ в Дрездене. Позвонили в советскую группу войск, попросили прислать подмогу. Там ответили:

— Ничего не можем сделать без распоряжения из Москвы. А Москва молчит.

Потом военные все-таки приехали. Немцы разошлись.

В январе 1990 года подполковник Владимир Путин вернулся в родной город, разочарованный и уверенный, что будущего у КГБ нет и надо искать запасной аэродром. Видимо, чекистская романтика без полноценного материального подкрепления немного стоит. Путину вроде бы предложили бесперспективную должность в управлении кадров ленинградского управления. Он отказался, сказал, что найдет себе работу сам. В те времена это приветствовалось, потому что шло сокращение аппарата госбезопасности, и его перевели в действующий резерв КГБ.

Сначала он подыскал себе незавидное место помощника проректора Ленинградского университета по международным вопросам — надо было следить за иностранными студентами, аспирантами и преподавателями, выявлять среди них тех, кто представляет интерес для КГБ в смысле вербовки. Путин подумывал о защите дис-

сертации по международному частному праву, подыскал себе научного руководителя и подобрал литературу, полагая, что либо станет преподавателем, либо уйдет в бизнес.

Но тут все устроилось наилучшим образом — он перешел к Анатолию Собчаку, избранному к тому времени председателем Ленсовета. Собчак сделал его своим помощником. Председателя Ленсовета критиковали за то, что он взял на работу бывшего офицера КГБ, но Анатолий Александрович коротко отвечал:

— Он мой ученик.

Демократическим политикам тоже хотелось иметь свои спецслужбы. Собчак выступал перед сотрудниками областного управления в Большом доме на Литейном, встречался с руководителями УФСБ в бане на государственной даче на Каменном острове. Но, судя по впечатлениям питерских журналистов, чекисты мэра не полюбили.

Видимо, по рекомендации Путина начальником питерской госбезопасности стал Виктор Васильевич Черкесов, с которым они вместе учились. Это возмутило питерских правозащитников, которые прекрасно помнят, как их допрашивал Черкесов, дослужившийся до должности начальника следственной службы ленинградского областного управления КГБ.

Виктор Черкесов уверял, что за убеждения никого не сажали и вообще приговоры выносил не КГБ, а суд в соответствии с законом. И здоровых людей в психушки не помещали. Но правозащитники пишут, что он вошел в историю тем, что в 1988 году умудрился вести, возможно, последнее дело по 70-й статье Уголовного кодекса («антисоветская агитация и пропаганда») — против молодых людей, которых собирались посадить за хранение издававшегося на Западе эмигрантского журнала «Посев». Но довести дело до суда не успел.

Профессиональный чекист Виктор Черкесов решительно встал на сторону Собчака во время путча 1991 года, и Собчак не стал возражать против его назначения главой питерской госбезопасности, хотя возмущенные городские депутаты и деятели культуры отправили Ельцину письмо с просьбой убраться Черкесова. Черкесов удержался, возможно, с помощью Путина. Потом питерские газеты писали, что генерал Черкесов приобрел на Невском проспекте замечательную семикомнатную квартиру общей площадью 250 квадратных метров. Мэр ему это разрешил, составив счастье молодой семье: Виктор Черкесов женился на Наталье Чаплиной, главном редакторе популярной газеты «Час пик». Чаплина всегда поддерживала Собчака.

Питерское управление госбезопасности во главе с Черкесовым возбудило дело против капитана второго ранга Александра Никитина, который сообщил экологам о местах захоронения советских ядерных отходов. Это громкое дело закончилось оправданием Никитина.

Во время августовского путча Путин, срочно вернувшийся из отпуска, был рядом с Собчаком. 20 августа 1991 года он написал рапорт с просьбой уволить его из КГБ. Под руководством Путина сняли красный флаг с Дома политпросвещения — это было символическое событие для Ленинграда.

Путин возглавил в мэрии Комитет по внешним связям, очень влиятельный, потому что он занимался всеми внешнеэкономическими делами. К комитету у петербуржцев были претензии. Городские газеты писали, что путинский комитет выдавал лицензии на экспорт сырья и цветных металлов в обмен на поставки продовольствия, которое в город так и не попало. Впрочем, такие истории происходили тогда по всей России. А Путин проявил себя дельным администратором. Путин всегда поддерживал хорошие отношения с Анатолием Чубайсом и Егором Гайдаром, хотя, скажем, Собчак в роли мэра с ними конфликтовал.

Собчак безоговорочно доверял Владимиру Владимировичу. Десять лет Путин состоял при нем безотлучно. В марте 1994 года он стал первым заместителем мэра Петербурга, но должность председателя Комитета по внешним связям сохранил за собой. Он старался держаться в тени. Его даже называли «серым кардиналом Смольного».

Один из его коллег по Санкт-Петербургу рассказывал мне:

— Кабинет мэра находился на третьем этаже, заместители мэра разместились на втором, Путин сидел на первом — подчеркнуто скромно. Он действительно был серым кардиналом, никогда не выступался. Мы все высовывались, и нас нещадно били. А он был незаметен.

Вице-премьер и министр финансов Алексей Кудрин, еще один выходец из питерской мэрии, на вопрос — «власть изменила Путина?» — ответил так:

— На удивление он остался тех же принципов, подходов, взглядов. Такое редко бывает. Да... Не замечали мы тогда, что рядом с нами работает будущий президент.

Жизнь могла сложиться по-разному, поэтому в 1996 году в Санкт-Петербургском горном институте Владимир Путин предусмотрительно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Стратегическое планирование воспроизводства минерально-сырьевой базы региона в условиях формирования рыночных отношений» и получил степень кандидата экономических наук.

В последний год работы с Собчаком Путин возил с собой помповое ружье — видимо, ждал неприятностей. В 1996 году Путин был одним из руководителей предвыборного штаба Анатолия Собчака, но на этом посту не преуспел. Собчак потерпел поражение. Для Путина этот проигрыш со временем обернется большим выигрышем.

К Собчаку он навсегда сохранит чувство благодарности. Против бывшего петербургского мэра прокуратура завела дело по об-

винению в коррупции. Большая следственная группа, присланная из Москвы, собирала материал о взяточничестве среди чиновников питерской мэрии, что само по себе было неприятно для Путина.

Собчак попытались посадить. Но когда Анатолия Александровича уже вызвали на допрос в прокуратуре, его жена (ныне член Совета Федерации) Людмила Борисовна Нарусова, невероятно энергичная женщина, положила Собчака в больницу. Вмешался и Путин, уже будучи директором ФСБ. Получив санкцию Ельцина, Путин сам поехал в Петербург, договорился с главным врачом Военно-медицинской академии Юрием Леонидовичем Шевченко и под носом у следователей на самолете частной авиакомпании вывез Собчака за границу для лечения.

Операция ФСБ против прокуратуры, вероятно, что-то новое в истории отечественных спецслужб, Путина могли обвинить в превышении служебных полномочий или в попытке помешать правосудию. Но Собчак очевидно травили, и поступок Путина вызвал к нему симпатии.

У Анатолия Александровича действительно было больное сердце, и он рано умер. Но перед смертью он все-таки смог вернуться на родину — благодаря Путину, который не отрекся от своего бывшего профессора и начальника. Когда Собчак умер, Путин отправил спецсамолет, чтобы доставить его гроб в Санкт-Петербург, и сам, бросив все дела, приехал на похороны. Его печаль на похоронах Собчака была искренней.

КРЕМЛЕВСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Но все это произойдет потом, а 1996 год оказался трудным для Путина. Несколько лет он был большим начальником в родном городе, последние полтора месяца, когда Собчак боролся за переизбрание, фактически руководил городом, а после выборов оказался, как он сам выразился, «безработным без всяких перспектив на трудоустройство». Новым губернатором стал Владимир Анатольевич Яковлев, который работал у Собчака заместителем, курировал городское хозяйство.

Анатолий Собчак пытался пристроить своего недавнего заместителя в Министерство иностранных дел, даже звонил Примакову, просил взять Путина. Собчак не понимал, что и его самого никуда не возьмут. Полтора месяца Путины прожили на даче — пока она не сгорела.

Вспомнил о нем управляющий делами президента Павел Павлович Бородин, позвал в Москву. Сам Бородин рассказывал в газетном интервью, что когда-то Путин оказал ему услугу — когда заболела учившаяся в Петербургском университете дочь Павла Павловича. Теперь Бородин нашел ему место у себя в управлении делами.

— Я не хозяйственник, — ответил Путин. — Я бы лучше работал в администрации президента.

Бородин познакомил его с главой президентской администрации Николаем Дмитриевичем Егоровым. Тот предложил Путину место своего заместителя. Обещал на следующей неделе подписать указ у Ельцина. Обнадеженный Владимир Владимирович улетел в Питер, а тут Егорова сняли, а сменивший его новый глава президентской администрации Анатолий Чубайс просто ликвидировал эту должность.

Путин снова остался без работы. Но у него было много хороших друзей среди влиятельных питерцев, перебравшихся в Москву. Его коллега по мэрии Алексей Кудрин возглавил Главное контрольное управление президента. Он пригласил Путина и сказал, что Чубайс готов дать ему место начальника управления по связям с общественностью.

Путину работа не очень нравилась, но это была все-таки президентская администрация, и он уже согласился, но тут о нем вспомнил еще один выходец из Питера — Алексей Алексеевич Большаков, которого тогда сделали первым заместителем главы правительства. Он поговорил с тем же Бородиным: Путину надо как-то помочь. И Бородин предложил Владимиру Владимировичу кресло своего заместителя — заниматься российской собственностью за границей, и в августе 1996 года Путин приступил к работе в Москве. Он поначалу чувствовал себя не слишком уютно, а вот Людмиле Путиной Москва сразу понравилась — она, видимо, всегда хотела жить в столице.

В управлении делами он просидел всего восемь месяцев. Чубайс вернулся в правительство, и Путина все-таки взяли в президентскую администрацию. Освободилось кресло руководителя Главного контрольного управления — Алексей Кудрин ушел в правительство первым заместителем министра финансов. Со временем Путин сделает Кудрина первым вице-премьером и министром финансов. Кудрин высокого мнения о президенте. Он говорил журналистам:

— Я ушел из правительства, когда пришел Примаков и его окружение. Потом Путин стал председателем правительства — меня это сильно воодушевило. Я Путина хорошо знал. Нас было три первых зама у Собчака: нынешний губернатор Яковлев, Путин и я. Путина все представляют таким спецслужбистом. А ведь его основное образование — юридический факультет Ленинградского университета. Это человек, выросший в свободолобивом университете; абсолютно современный.

В марте 1997 года Путин возглавил Главное контрольное управление. Это, вне всякого сомнения, была полезная работа, хотя Путину она не нравилась, он даже подумывал об уходе. Но этот опыт потом окажется полезным для президента Путина. Скажем, именно в роли начальника Главного контрольного управления президента России он убедился в том, что Министерство обороны не сможет

само себя реформировать. И публично сказал об этом. Главное же состояло в том, что он попал в кремлевские коридоры, в высшую номенклатуру. Все эти люди на виду, к ним присматриваются, из них черпается резерв на выдвижение.

Летом 1997 года разразился скандал из-за министра юстиции Валентина Алексеевича Ковалева, который развлекался в бане с профессионалками и позволил заснять эти развлечения на видеопленку. Владимир Путин, который уже работал тогда в администрации президента, предложил на пост министра кандидатуру Степашина, которого хорошо знал по Ленинграду. Он сам позвонил Степашину:

— Сергей, надо встретиться.

Разговор происходил в парке возле Белого дома. Путин прямо сказал:

— Ковалев ушел. Почему бы тебе не стать министром юстиции? У тебя опыт. К тому же ты доктор юридических наук.

Степашин ответил, что с удовольствием станет министром, а то надоело бумажки носить по коридорам Белого дома. Поинтересовался:

— А как отнесется президент?

— Не знаю, что получится, — уклончиво ответил Путин, — но я готов тебя поддержать.

Через два дня Степашина вызвал Черномырдин и официально предложил возглавить Министерство юстиции.

— Мы с Путиным познакомились в 1991 году, — позже рассказывал Сергей Степашин, — когда я приехал работать в управление КГБ по Ленинграду. Путина, кстати, там все бизнесмены звали Штази. Он их отстроил за пять секунд. Не строя буквально... Для меня он в целом предсказуем. Хотя... Пусть не обижается, но я не думал, что он сможет раскрыться как публичный политик.

В мае 1998 года Путин стал первым заместителем руководителя администрации президента. Он занимался отношениями с регионами, выяснял, как используются кредиты, куда уходят деньги, получаемые губернаторами. Но на этом посту он пробыл каких-нибудь два месяца — пока его не отправили на Лубянку.

Как именно происходило его назначение в ФСБ, он сам рассказывал журналистам. Ему сказали, чтобы он поехал в аэропорт и встретил главу правительства Сергея Кириенко, который возвращался от президента, отдохнувшего в Карелии.

Кириенко вышел из самолета со словами:

— Володя, привет! Я тебя поздравляю!

— С чем?

— Указ подписан. Ты назначен директором ФСБ.

Путин говорил потом, что не очень обрадовался: «У меня не было желания второй раз входить в одну и ту же воду».

Едва ли назначение произошло так уж внезапно. О том, что Путин возглавит органы госбезопасности, заговорили чуть не за

год до того, как это назначение состоялось. Тогда полагали, что назначения Путина желает влиятельная питерская команда во главе с Чубайсом, потому что молодые реформаторы предпочитают иметь своего человека в силовых структурах. Сам же Путин в сентябре 1997 года заявил журналистам, что вопрос о переходе в ФСБ с ним «никто из руководства администрации президента и правительства не обсуждал и даже не намекал на такую возможность»...

Есть люди, которые компетентно утверждают, что с Путиным, естественно, заранее обсуждали это назначение, и узкий круг высшего руководства знал о грядущем назначении. Людмила Путина признается, что за три месяца до назначения муж ей об этом сказал.

А вот что ему не очень хотелось идти на Лубянку — это похоже на правду. Путин вел интересную и насыщенную жизнь, ездил с семьей за границу, свободно общался с иностранцами, а надо было вернуться в закрытую сферу. Тем более что ни один из предшественников хорошо с Лубянки не ушел. Да и думал, наверное, как примут человека, который в 1991 году так демонстративно ушел из КГБ?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

25 июля 1998 года Путин был утвержден директором Федеральной службы безопасности. Коллегии ФСБ его представил премьер-министр Сергей Кириенко.

— Задачи ФСБ очень серьезные, а наиболее важным сейчас является обеспечение экономической безопасности. Назначение Путина директором ФСБ не случайно, — сказал Кириенко. — Новый руководитель службы — профессиональный разведчик, имеет опыт работы в спецслужбах. Деятельность Владимира Путина в Главном контрольном управлении администрации президента помогла ему накопить знания и опыт в борьбе с экономическими преступлениями.

Новый директор сказал, что вернулся в родной дом. От генеральских погон благоразумно отказался.

— Я оставил службу в КГБ подполковником, — рассказывал Путин обозревателю «Комсомольской правды» Александру Гамову. — Когда снова перевели на Лубянку, мог практически сразу получить генерала. Но думаю, это было бы с моей стороны некорректным. В воинских коллективах есть определенная традиция: очередную звезду надо заслужить.

Став директором ФСБ, Путин серьезно сократил центральный аппарат госбезопасности и перевел в Москву на видные должности нескольких петербуржцев. Обилие питерцев на Лубянке вызвало раздражение москвичей, но Путина это не смутило. Заместителями

он назначил Виктора Черкесова, своего однокурсника по юридическому факультету Николая Патрушева и старого друга Сергея Иванова, с которым они вместе начинали службу в КГБ.

Сам Иванов говорил в интервью «Известиям»: «Познакомились мы, когда после окончания университета попали на работу в одно очень маленькое подразделение одной немаленькой организации... Подразделение занималось разведкой. Года два работали вместе, один возраст, примерно одни взгляды, иногда ироничные, по поводу там деятельности партийных организаций в органах безопасности... Занимались спортом, хотя разным: он дзюдо, я баскетболом. Были просто нормальные отношения двух молодых парней. После чего я отбыл из Ленинграда фактически навсегда, а он остался... Мы не забывали друг друга, иногда созванивались, иногда были длительные периоды провалов — когда уезжали за границу... Когда он был назначен директором ФСБ, предложил мне перейти туда на работу...»

Декларируя свои принципы, Владимир Владимирович Путин заявил, что одно только укрепление карательных органов не принесет обществу вождельного порядка, хорошо, что есть у нас гражданское общество, что существуют различные точки зрения... Эти слова произвели благоприятное впечатление.

Как объяснил Владимир Путин, ФСБ ставит перед собой три главные задачи.

— Это, прежде всего, — сказал он, — добывание упреждающей информации об угрозах безопасности страны с последующим докладом об этом президенту и правительству. Другое важное направление — оказание содействия правительству в реализации как внутренних, так и международных экономических программ. Третье — противодействие иностранным спецслужбам, предпринимаящим попытки завладеть секретами в сфере экономики, особенно в военно-промышленном комплексе.

Когда Путин возглавил Федеральную службу безопасности, на него обратили внимание в стране. Отметили, что он сохраняет хладнокровие, не выходит из себя, не повышает голоса, не допускает оплошностей. Тверд, но старается ни о ком плохо не говорить. По характеру жесткий и резкий. Очень точен и настойчив в достижении цели. С юмором и хорошей реакцией. Несколько высокомерен и чуть-чуть кокетлив.

Жена Людмила Путина впервые показалась на публике, когда пришла на похороны Раисы Горбачевой вместе с Наиной Ельциной. Жена привыкла вести себя незаметно, как положено жене сотрудника КГБ. Но говорят, что она такая же энергичная и властная, как и ее муж.

В 1994 году она попала в тяжелую автомобильную аварию, ее отвезли в больницу. Тут вмешался начальник Военно-медицинской академии Юрий Шевченко, впоследствии министр здравоохранения России. Он прислал своих хирургов и забрал Пугину к

себе. Ей сделали операцию на позвоночнике, потом у нее выявился еще и перелом основания черепа... Хорошие хирурги спасли ее. Она долго приходила в себя, но теперь переживает только из-за шрамов на шее.

Людмила Шкробнева, будущая жена Путина, выросла в Калининграде, играла в драмкружке в районном Доме пионеров, на всех школьных собраниях декламировала стихи. Она поступила в Калининградский технический институт, но ушла со второго курса, чтобы стать стюардессой. Как-то с подругой поехала в Ленинград и на выступлении Аркадия Райкина познакомилась с Путиным. Чекист Путин мог достать билеты в любой театр. Будущей жене сказал, что работает в уголовном розыске. У него действительно было — для прикрытия — удостоверение сотрудника уголовного розыска.

Людмила сразу решила, что это тот человек, который ей нужен. Она летала к нему на свидания из Калининграда. Но роман продолжался три с половиной года, прежде чем он решился сделать ей предложение. Женился он сравнительно поздно, и кадровики управления на него, наверное, посматривали косо — в КГБ не любили холостых. Людмила переехала в Ленинград и под влиянием мужа поступила на рабфак филологического факультета ЛГУ. Теща Путина Екатерина Тихоновна работала кассиром в автоколонне, тесть Александр Аврамович — на Калининградском ремонтно-механическом заводе. У Путиных двое дочерей, их назвали в честь бабушек.

ИСТОРИЯ С ЛИТВИНЕНКО

Директору ФСБ Владимиру Владимировичу Путину досталась в наследство проблема Литвиненко. Она возникла, когда подполковник госбезопасности Александр Литвиненко публично заявил, что ему приказано убить известного предпринимателя — а в ту пору и крупного государственного чиновника — Бориса Березовского. Тот занимал пост заместителя секретаря Совета безопасности, потом исполнительного секретаря СНГ.

20 марта 1998 года Литвиненко пришел к Березовскому и рассказал об этом. Березовский попросил разобраться заместителя главы президентской администрации Евгения Вадимовича Савостьянова, курировавшего силовиков. В его кремлевском кабинете подполковник Литвиненко написал заявление, в котором сообщил, что этот приказ ему в конце 1997 года отдал заместитель начальника управления по разработке и пресечению деятельности преступных организаций ФСБ капитан первого ранга Александр Петрович Камышников. Вместе с подполковником Литвиненко к Савостьянову в администрацию президента на Старую площадь пришли еще трое офицеров госбезопасности, его сослуживцы из седьмого отдела управления.

По словам Литвиненко, 27 декабря 1997 года Камышников поставил ему задачу:

— Есть люди, которых невозможно достать. Они накопили большие деньги, и добраться законными путями до них нельзя. Они всегда откупятся и уйдут от ответственности. И эти люди наносят большой ущерб государству. Вот ты, Литвиненко, знаешь Березовского? Ты и должен его ликвидировать.

13 ноября 1998 года Березовский опубликовал в газете «Коммерсант» открытое письмо Путину с требованием расследовать эту историю.

17 ноября Литвиненко с четырьмя коллегами (среди них был и бывший уже начальник седьмого отдела УРПО ФСБ Александр Иванович Гусак) устроили в «Интерфаксе» пресс-конференцию, на которой повторили, что получили приказ убить исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского, что приказ был отдан руководителями управления, которые требовали наказать «еврея, обворовавшего полстраны». На пресс-конференции офицеры говорили, что «такой приказ — не случайность в практике Федеральной службы безопасности».

В обществе по-разному отнеслись к этой истории. Немногие поверили в то, что руководители ФСБ действительно могли отдать приказ кого-то убить. Это люди опытные, прошедшие большую жизненную школу, и каждый из них понимает, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Другое дело, что в частном разговоре высокопоставленный офицер мог бросить что-то вроде:

— Убил бы ты этого Березовского! Вот бы пользу стране принес.

Александр Вальтерович Литвиненко родился в Воронеже в декабре 1962 года. Служил во внутренних войсках Министерства внутренних дел, в 1985 году окончил военное училище, получил офицерские погоны. Служил во внутренних войсках, в дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, обеспечивал перевозку ценных грузов Гохрана. Сначала лейтенанта Литвиненко пригласили в особый отдел и предложили сотрудничать. Он дал подписку и взял нехитрый псевдоним — Иван. В 1988 году его пригласили перейти в комитет госбезопасности. Он окончил Высшие курсы военной контрразведки и первоначально служил по линии третьего главного управления КГБ.

Литвиненко познакомился с Березовским, когда участвовал в расследовании реальной попытки убить Бориса Абрамовича. В июне 1994 года взорвали припаркованную возле его штаб-квартиры машину, начиненную взрывчаткой, — когда Березовский проезжал мимо. Он чудом остался жив. Литвиненко был тогда оперативным уполномоченным управления ФСБ по борьбе с терроризмом. Чуть позже он пришел на помощь Березовскому, которого подозревали в причастности к убийству популярного телеведущего Владислава Листьева. Когда к Березовскому приехали офицеры регионального управления по борьбе с организованной

преступностью и требовали, чтобы он поехал с ними на допрос, Литвиненко с оружием в руках будто бы сказал:

— Кто подойдет к Березовскому — буду стрелять!

Так, во всяком случае, описывал эту историю сам Борис Абрамович. Литвиненко действительно уговаривал милицию не увести Березовского в наручниках. Но в реальности в судьбе Березовского приняли участие более влиятельные люди. Как будто бы он дозвонился до премьер-министра Черномырдина... А начальник московского управления госбезопасности генерал Анатолий Васильевич Трофимов прислал своих людей, и милиция отступилась.

В августе 1997 года Александр Литвиненко взяли в седьмой отдел УРПО — отдел специальных задач. Литвиненко рассказывал потом, что седьмой отдел состоял из отморозков, перед которыми поставили простую задачу: воры в законе распустились, посадить их невозможно, поэтому надо их убирать внесудебными способами. Уже в эмиграции Литвиненко уверял, что его коллеги-чекисты крышевали бизнес, отработывая деньги, не останавливались ни перед чем...

Благодарный Березовский пытался продвинуть Литвиненко. Позвонил только что назначенному директором ФСБ Путину, попросил принять Литвиненко. Подполковник принес Владимиру Владимировичу самодельную схему коррупционных связей основных бандитских группировок с силовыми ведомствами. Предложил создать внутри ФСБ подчиненную лично директору группу, которая займется борьбой с коррупцией. Путин подполковника выслушал, но идеей не соблазнился.

Когда Литвиненко устроил пресс-конференцию и выступил с громкими разоблачениями системы госбезопасности, журналисты решили, что он таким образом сводит счеты с начальством, с которым у него не складывались отношения. Если это так, то рассчитал он все плохо. Действительно, было назначено служебное расследование, нескольких офицеров отстранили от работы. Путин расформировал управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций — любимое детище генерала Ковалева.

Но Главная военная прокуратура заявила, что обвинения Литвиненко в адрес руководства ФСБ не подтвердились. Зато коллеги на него сильно обиделись, предательство корпоративных интересов на Лубянке не прощают. Его уволили из органов. Припомнили старые дела. Литвиненко и его приятелей по расформированному седьмому отделу обвинили в том, что они кого-то избили при обыске, на кого-то давили, добываясь нужных показаний. Березовский взял Литвиненко в аппарат исполнительного секретариата СНГ советником отдела по вопросам безопасности департамента военного сотрудничества и безопасности. Но это Литвиненко не спасло.

25 марта 1999 года его арестовала Главная военная прокуратура по обвинению в превышении полномочий с применением насилия

при проведении следственных действий. Задержали его бывшие сослуживцы. Литвиненко уверял, что по дороге в Лефортово один из них повторял:

— Зачем ты полез на телевидение? Зачем попер против системы? Тебя же люди предупреждали. Сидел бы тихо.

Адвокаты оспорили законность ареста в суде, и в ноябре военный суд признал Литвиненко невиновным. Тогда сотрудники ФСБ арестовали его вновь. Это происходило, как в кино. 26 ноября 1999 года в зале суда — невиданное дело — появились вооруженные люди и увели Литвиненко, несмотря на возмущение судьи. Но суд 16 декабря 1999 года вновь освободил его из-под стражи под подписку о невыезде.

Осенью 2000 года бывший подполковник Литвиненко с семьей покинул Россию и через Турцию перебрался в Англию, где получил политическое убежище... Летом 2002 года его заочно судили в России и приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения. А его товарищ, другой бывший сотрудник ФСБ, участвовавший в знаменитой пресс-конференции, Михаил Трепашкин был задержан 22 октября 2003 года. Его обвинили в разглашении государственной тайны. В мае 2004 года Московский окружной военный суд приговорил его к четырем годам. Он отбывал наказание в Нижнетагильской колонии-поселении № 13 (для бывших сотрудников правоохранительных органов). В 2005 году Трепашкина условно-досрочно освободили, но дома он провел девятнадцать дней. Решение — невиданное дело! — отменили, и его вернули за решетку.

Александр Вальтерович Литвиненко в октябре 2006 года получил британское подданство. С помощью разных журналистов он написал несколько книг — «ФСБ взрывает Россию» (о причастности госбезопасности к взрыву домов в 1999 году), «Лубянская преступная группировка», «Вызываю себя на допрос». Многие утверждения Литвиненко вызвали серьезные сомнения, поскольку не подтверждались фактами, но рисовали чудовищную картину тесного сращивания спецслужб с криминальными структурами. В ноябре 2006 года он был убит в Англии при невыясненных обстоятельствах.

КАКИЕ ФИЛЬМЫ СМОТРЯТ В КРЕМЛЕ

Владимир Путин проработал в ФСБ всего год. Причем делами Лубянки он занимался еще меньше, потому что вскоре получил вторую должность — секретаря Совета безопасности, и его вовлекли в большую политику.

Наверное, все началось с того, что 2 апреля 1999 года Генеральному прокурору России Юрию Ильичу Скуратову рекомендовали подать в отставку. Но лишь много позже, когда уже закончилась не только скандальная история бывшего генерального прокурора Ску-

ратова, но и завершилась вся эта запутанная интрига, стал понятен ее истинный смысл.

В один из февральских дней 1999 года Скуратова попросил приехать в Кремль глава президентской администрации и секретарь Совета безопасности генерал Николай Бордюжа. На столе у него лежала обычная видеокассета с любительской записью сюжета, который вскоре станет знаменитым — голый человек, очень похожий на генерального прокурора, познает радости жизни под руководством опытных профессионалок. Когда появился Скуратов, Бордюжа показал ему эту кассету. Генеральный прокурор был потрясен и в тот момент, по словам Николая Николаевича, даже и не пытался отрицать, что на видеопленке запечатлен именно он.

Но как кассета попала к самому Бордюже? Запись, как выяснилось, была сделана годом ранее, в январе 1998 года. Кто ее передал в Кремль? Ну, не почтальон же ее притащил... Прежде всего следовало точно установить, кого именно снимали, то есть провести профессиональную экспертизу. Ни прокуратура, ясное дело, ни МВД в этом не участвовали. Есть только одно ведомство, которому все это под силу, — Федеральная служба безопасности.

Как же должно действовать это ведомство, получив такого рода информацию? Я спросил об этом предшественника Путина на посту директора ФСБ Николая Ковалева.

— Мы проверяем информацию, — ответил Ковалев. — Основанием для взятия человека в проверку являются признаки преступлений, находящихся в компетенции ФСБ. Если информация подтвердилась, следует доклад президенту.

Но если речь о высокопоставленном лице, разве не обязана госбезопасность немедленно, еще до окончания проверки, которая потребует времени, сообщить президенту, что у одного из высших чиновников государства возникли серьезные проблемы?

— Мы не обязаны это делать и не делаем, потому что неизвестно, чем закончится проверка, а доклад президенту повлечет за собой, если пользоваться старой терминологией, некоторое поражение в правах. К человеку будут относиться с сомнением: на него что-то есть у ФСБ. Это абсолютно неправильно и незаконно. Я всегда старался этого избежать. Вот если есть документы, подтверждающие его вину, тогда следует докладывать президенту.

Когда возникло дело Скуратова, Федеральную службу безопасности уже возглавлял Путин. Владимир Владимирович с самого начала вошел в узкий круг людей, которые принимали такие решения. Его предшественник на посту директора ФСБ Николай Ковалев не был допущен в этот круг, у него не было личных отношений ни с президентом, ни с его ближайшим окружением.

После совместного просмотра кассеты Бордюжа сказал Скуратову:

— Я даже не знаю, как себя вести, какие слова подобрать для данного момента, но в этой ситуации вам лучше уйти.

Он посоветовал генеральному прокурору написать заявление об отставке. В принципе если генеральный прокурор балуется с проститутками — за чужой счет, кстати, да еще позволяет, чтобы его фотографировали, то есть становится беззащитным перед элементарным шантажом, он конечно же должен немедленно покинуть свой пост.

Но рискнул бы Бордюжа по собственной инициативе отправлять генерального прокурора в отставку? Не было у него таких полномочий. Значит, выполнял поручение? Почему же в Кремле решили избавиться от Скуратова?

Это были очень тяжкие месяцы для Бориса Ельцина. Будущее было совершенно неясно. На ключевой должности генерального прокурора — на случай всяких непредвиденных обстоятельств — хотелось иметь надежного союзника. Скуратов тоже не знал, как сложится будущее, и держался отстраненно, поэтому в Кремле не считали, что могут на него положиться.

Но Бордюжа не справился с поручением.

Сначала, правда, обескураженный видеопросмотром Скуратов тут же, в кабинете Бордюжи, написал заявление об отставке:

«Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с большим объемом работы в последнее время резко ухудшилось состояние моего здоровья (головная боль, боли в области сердца и т. д.). С учетом этого прошу внести на рассмотрение Совета Федерации вопрос об освобождении от занимаемой должности Генерального прокурора РФ.

Просил бы рассмотреть вопрос о предоставлении мне работы с меньшим объемом».

Вернувшись домой, Скуратов решил взять тайм-аут и подумать. Он позвонил лечащему врачу и сказал, что ему нужно лечь в больницу. Для персон его ранга проблем нет — утром его ждали в Центральной клинической больнице управления делами президента.

Ельцин тем временем подписал заявление Скуратова об отставке. Но Скуратов уже отказался от своего заявления и сказал Бордюже, что остается на должности генерального прокурора. В Кремле рассчитывали, что Скуратов уйдет тихо — как в свое время министр юстиции Валентин Ковалев, которого сфотографировали во время такого же рода банных развлечений. Но министр Ковалев никому не был нужен, за него даже товарищи-коммунисты не вступились. А Скуратов перешел в контратаку, стал говорить, что его преследуют по политическим мотивам, не дают расследовать громкие коррупционные дела в президентском окружении. И у него тут же появились союзники.

17 марта Совет Федерации обсуждал вопрос об отставке Юрия Скуратова с поста генерального прокурора. Сенаторы высказались против отставки. Кремль пошел ва-банк. Ночью по Российскому каналу показали кустарно сделанный порнофильм. Видеоопленка запечатлела, как человек, похожий на генерального прокурора,

развлекается с девочками. Утром 18 марта Скуратова вызвали в Центральную клиническую больницу, где лечился Ельцин.

В палате президента присутствовали глава правительства Примаков (Борис Николаевич специально попросил его приехать) и директор Федеральной службы безопасности Путин.

Ельцин сказал Скуратову:

— В такой ситуации я с вами работать не намерен и не буду.

Путин добавил:

— Мы провели экспертизу, Борис Николаевич, кассета подлинная.

Ельцин с нажимом:

— Надо написать новое заявление об отставке.

— Но Совет Федерации же только что принял решение, — возразил Скуратов.

— Пройдет месяц. На следующем заседании Совет Федерации рассмотрит новое заявление.

Примаков сказал:

— Юрий Ильич, надо уйти. Ради интересов прокуратуры. Да и ради своих собственных интересов.

Скуратов ответил, что напишет заявление, но дату поставит другую — 5 апреля, потому что следующее заседание Совета Федерации намечено на 6 апреля. Заявление осталось у Ельцина. Скуратова отстранили от должности, перестали пускать в здание прокуратуры. Против него возбуждили уголовное дело. Но заменить его своим человеком не удалось, потому что Совет Федерации не согласился на увольнение Скуратова — губернаторы надеялись, что он выдаст важные кремлевские тайны.

Ничего важного он не поведал, чем напомнил незабвенных Гдяна и Иванова. Страна жаждала разоблачений, даже требовала их, но ни знаменитые в прошлом следователи, ни отставленный генпрокурор так ничего и не рассказали. Но скандал, крайне болезненный для Бориса Ельцина, разразился. Ответственность за провал операции со Скуратовым возложили на Николая Бордюжу. В апреле 1999 года его отправили в отставку. Так, по существу, завершилась многообещающая карьера человека, на которого в окружении Бориса Ельцина делали очень крупную ставку.

ОФИЦЕРСКИЙ СМОТР

Последние месяцы 1998 и начало 1999 года были временем отчаяния и тревоги в жизни обитателей Кремля. Стало ясно, что президент Ельцин настолько тяжело болен, что неизвестно, сколько времени он продержится.

История болезни Бориса Ельцина остается тайной. Но академик Чазов, руководитель кардиологического центра, в котором Ельцину делали операцию, пишет, что у Бориса Николаевича было пять

инфарктов и шестой мог стать смертельным. Академик Чазов считает, что здоровье Ельцина было подорвано не только физическими и эмоциональными перегрузками, но и злоупотреблением горячительными напитками, а также неумеренным приемом успокаивающих и снотворных препаратов.

В октябре 1998 года Борис Николаевич полетел в Узбекистан и Казахстан. Но чувствовал себя очень плохо. Прямо под прицелом телевизионных камер в аэропорту он едва не упал. Его удержал Ислам Каримов, президент Узбекистана. Поездку свернули, и президент досрочно вернулся в Москву. Врачи сообщили, что президент страдает трахеобронхитом с высокой температурой. Но по Москве поползли слухи, что президент совсем плох.

И мысль: кто придет после него? И как он себя поведет? — не покидала ни самого Ельцина, ни его окружение. Ведь тогда сильны были позиции тех, кто говорил, что Ельцина надо судить за развал страны. И в устах некоторых политиков это звучало угрожающе.

В какой-то момент Ельцин, кажется, даже был готов передать государство Примакову. Через две недели после назначения Евгения Максимовича главой правительства президент вдруг многозначительно и доверительно заговорил с ним:

— Давайте думать о стратегических вопросах. Я мыслю вас на самом высшем посту в государстве!

Примаков благоразумно отказался развивать эту тему. Да и Ельцин быстро понял, что Примаков слишком самостоятелен. Идея подыскать преемника самому казалась самой разумной. Но кого выбрать? Эскизный портрет преемника набросать несложно: молодой, энергичный, располагающий к себе, желательно из военных и из тех, кто в политике недавно и еще не успел примелькаться. Такие качества, как преданность и надежность, обязательны. Он должен сохранить верность своему крестному отцу в политике и после того, как сменит его в Кремле.

Вот первым на этот пост и опробовали Николая Николаевича Бордюжу. Казалось, он подходит идеально. Из военной семьи, сам военный. Двадцать лет прослужил в КГБ, потом в ФАПСИ — Федеральном агентстве правительственной связи и информации, и в пограничных войсках.

Дорогу наверх ему очистил генерал армии Андрей Николаев, который, не согласившись с Ельциным, по принципиальным соображениям ушел в отставку с поста начальника Федеральной пограничной службы. Вместо Николаева назначили Бордюжу. Он стал регулярно приходить в Кремль и многих буквально очаровал. Худощавый, подтянутый, улыбчивый — военная косточка, спокойный, внимательный, умеет ладить с людьми. Чем не кандидат в преемники?

В сентябре 1998 года его сделали секретарем Совета безопасности, а через четыре месяца поставили во главе президентской

администрации. Такой концентрации власти не было ни у кого из кремлевских администраторов. Даже у Анатолия Чубайса, когда он возглавлял президентский аппарат, потому что ему приходилось вести незримую войну с секретарем Совета безопасности Александром Лебедем. А Бордюжа стал одновременно и Чубайсом, и Лебедем.

Но исполнительный и доброжелательный офицер оказался непригодным к этой работе. Он не только не разобрался в сложнейших кремлевских интригах, но и не проявил к ним интереса. Он совершенно не понял, чего от него ждут. Бордюжа, условно говоря, был Путиным номер один. Но Бордюжа подкачал. У него не оказалось лидерских качеств, которые сразу же проявились у Путина. Не проявил генерал и других искомым качеств — беспредельных жесткости и твердости. Ельцин в Бордюже разочаровался.

К тому же Николай Николаевич имел несчастье тесно сотрудничать с Примаковым, которого в Кремле многие ненавидели и боялись. О контактах Примакова и Бордюжи соответствующим образом докладывали президенту Ельцину.

Бордюжа занимал в Кремле две должности. Сначала его освободили от обязанностей руководителя президентской администрации. Этот пост получил широко известный в узких кругах экономист Александр Стальевич Волошин. На него обратили внимание в Кремле после августовского финансового кризиса.

Татьяна Дьяченко, дочь Ельцина, в газетном интервью говорила о Волошине: «На работе он напоминает какую-то сложную, хорошо отлаженную, не знающую усталости машину. Я иногда просто не понимала, как он выдерживает. Вот идет подготовка послания президента к Федеральному собранию: папа звонит в два часа ночи, в четыре ночи, когда угодно — и он бодрым голосом отвечает. Волошин до двух ночи непрерывно работал, в четыре его папа поднимал, давал задания, а в восемь утра он уже снова на работе».

Когда Бордюжа не справился со своим последним поручением — убрать генерального прокурора, он потерял и вторую должность — секретаря Совета безопасности. В этом кабинете его сменил директор ФСБ Владимир Путин.

Против привычных в бюрократическом мире правил, он публично произнес, что отставленный от должности его предшественник Бордюжа хороший товарищ.

Борис Березовский рассказывал журналистам:

— Когда для меня наступили худшие времена, когда Примаков пытался меня посадить, когда люди разбежались, когда я вечером приходил в театр и люди веером рассыпались в разные стороны, то Путин просто пришел на день рождения моей жены. Я его не приглашал — собственно, как и не пригласил других своих друзей, которые работают во власти. Я его спросил, зачем он это сделал. Он

сказал: «Я сделал это специально», — а он был тогда директором ФСБ. Таким образом, у меня нет сомнений, что Путин верен тем людям, которых он считает своими товарищами или друзьями.

Возможно, Борис Березовский сгустил краски, описывая свое положение. Примаков действительно плохо к нему относился, но он не был президентом. А окружение Ельцина по-прежнему благоволило к Березовскому. Ему как хозяину ОРТ еще предстояло сыграть немалую роль в избирательной кампании «Единства» и самого Путина. Так что Владимир Владимирович не сильно рисковал, навестив Березовского. Скорее наоборот — он навещал человека, к которому прислушивались в ельцинском окружении, где именно в тот момент настойчиво искали преемника Борису Николаевичу.

Евгений Максимович Примаков, в свою очередь, с удовольствием вспоминает, что, когда его убрали с поста премьер-министра, многие из тех, кто именовал себя его друзьями, перестали ему звонить, а Путин привез к нему на дачу всю коллегия Федеральной службы безопасности.

ПОЛУФИНАЛ КРЕМЛЕВСКОГО КУБКА

Угол поиска у Ельцина сузился. Борис Николаевич подбирал людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Степашин, офицер Путин. Время уходит катастрофически быстро, а окончательный выбор все еще не сделан. В полуфинал выходят двое — генерал Степашин и путейский генерал Аксененко, министр железнодорожного транспорта. У каждого свои достоинства.

Сергей Степашин тоже военный человек, достаточно молод, предан Ельцину, надежен. Известно, что он своих не выдает. Николай Емельянович Аксененко — новый человек, и это плюс. Он всю жизнь проработал на железной дороге, чистый хозяйственник. Политикой не занимался, ни в депутаты, ни в губернаторы не баллотировался. Отправляя Примакова в отставку, Ельцин никак не мог решить, кого поставить взамен — Степашина или Аксененко? В последний момент все-таки выбрал Степашина, Аксененко сделал дублером, но с перспективой. Впрочем, скоро стало ясно, что Николай Емельянович на главу правительства не тянет. Но и премьерство Степашина было недолгим, хотя вначале он строил далеко идущие планы.

Ни сам Сергей Вадимович, ни даже очень искушенные политики не подозревали, что замена ему уже найдена. Скоро станет ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся. Он нашел того, кого столько времени искал. История, которая началась с увольнения генерального прокурора, завершилась. Множество людей, которые мечтали стать президентом, остались у разбитого корыта. Впервые главой России стал человек, который этого совершенно не ожидал.

И Бордюжа, и Степашин были искренне расстроены и потрясены тем, что с ними так обошлись. Они, видимо, не понимали, что механизмы власти не знают никаких человеческих чувств. Действует только один принцип — политической целесообразности. Как только человек перестает быть нужным, с ним расстаются без колебаний и даже не говорят на прощание спасибо.

Рано утром 5 августа Ельцин вызвал к себе Путина:

— Я принял решение, Владимир Владимирович, и предлагаю вам пост премьер-министра. Вы примерно представляете, почему я вынужден отставить вашего предшественника. Я знаю, что Степашин ваш друг, тоже петербуржец, но сейчас нужно думать о другом. Ваша позиция должна быть твердой.

— На кого будем опираться на выборах? — деловито поинтересовался Путин.

— Не знаю, — ответил Ельцин, — будем строить новую партию. Но главное — ваш собственный политический ресурс, ваш образ.

У Путина был опыт политической борьбы в Санкт-Петербурге. Неудачный. Его шеф, Анатолий Собчак, проиграл выборы. Путин признался:

— Предвыборной борьбы не люблю. Очень. Не умею ею заниматься и не люблю.

— А вам не придется этим заниматься, — утешил его Ельцин. — Главное — ваша воля, уверенность в себе. Вы готовы?

— Буду работать там, куда назначите, — сказал Путин.

Президент сказал Владимиру Владимировичу, что ему придется не просто сменить нерешительного Степашина, но и действовать предельно жестко.

Путин, как говорится в книге «Президентский марафон», понравился Ельцину «холодным взглядом и военной точностью формулировок». Владимир Владимирович — в отличие от своего предшественника — не смущался и не краснел, было ощущение, что он «готов абсолютно ко всему в жизни, причем ответит на любой вызов ясно и четко».

9 августа 1999 года Борис Ельцин своим указом ввел в состав кабинета министров должность третьего первого заместителя премьер-министра, назначил на этот пост Владимира Путина, поручил ему временно исполнять обязанности главы правительства и отправил в Думу письмо с просьбой дать согласие на назначение Путина главой правительства. Путин стал третьим подряд — после Примакова и Степашина — руководителем спецслужб, добравшимся до кресла главы правительства.

За три дня до назначения в правительство Путин похоронил отца — Владимира Спиридоновича. Путин-старший почти два года провел в онкологической больнице. Они легли в больницу одновременно с женой, но Мария Ивановна быстро умерла. Владимира Спиридоновича лечили от радикулита, а оказалось, что он поражен раком, который уже дал метастазы. Онкологи продлили

ему жизнь на полтора года. Он вновь смог ходить. Сын прилетал к нему почти каждую неделю, навещал. Но Владимир Спиридонович так и не успел порадоваться за сына... Родителей Путина похоронили на Серафимовском кладбище, где потом найдут вечное упокоение моряки затонувшей подводной лодки «Курск».

Несмотря на смерть отца, Владимир Владимирович в первый премьерский день держался спокойно. Выступая по телевидению по случаю назначения Путина премьер-министром, Ельцин говорил:

— Ровно через год будут президентские выборы. И сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор Федеральной службы безопасности Владимир Владимирович Путин...

Слова Ельцина и назначение Путина всерьез никто не воспринимал. Казалось: пришел еще один калиф на час. В окружении Ельцина думали иначе. В конце августа 1999 года Наина Иосифовна рассказывала корреспондентам:

— Сейчас это назначение трудно объяснить, но пройдет некоторое время, и все поймут, что решение было правильным.

Когда Путин возглавил правительство, и закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не подозревали.

Публику сразу оповестили, что Путин — прихожанин храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. В отличие от Ельцина он осеняет себя крестным знамением, знает, как вести себя в церкви. После назначения премьер-министром Путин стал часто приезжать к патриарху. 31 декабря 1999 года Алексей II с амвона храма Христа Спасителя призвал «молитвенно поддержать Владимира Владимировича».

О политике судят не только по словам, но и по тому, как он действует в той или иной ситуации. А политическая карьера Путина по существу началась летом 1999 года. Если бы не чеченская война, Путина, возможно, считали бы промежуточным премьером. Но в военной ситуации его напор и решительность выгодно контрастировали с вялостью его предшественников.

Взрывы в Москве и в других городах напугали людей. И вдруг появился защитник, который излучал уверенность, который обещал наказать преступников и начал действовать жестоко и беспощадно. Он олицетворял власть, которая не страшится угроз, не боится проблем, а берется их решать, не огорчается, не кричит, не жалуется на трудности, а работает и все успевает.

Жесткость и решительность Путина оказались как нельзя кстати. В начале сентября 1999 года, судя по опросам общественного мнения, за Путина готов был голосовать всего один процент. Через два месяца — больше тридцати процентов.

Все считали, что его репутация и его политическое будущее во многом зависели от итогов второй чеченской кампании. Премьер-министру победоносная операция в Чечне нужна была не меньше, чем Борису Ельцину накануне предыдущих президентских выборов. Но думали, что неудача в Чечне, новый крупный теракт, кровопролитие, необходимость остановить наступление на позиции боевиков из-за плохой погоды и перейти к позиционной войне окажутся губительными для репутации кандидата в президенты. Потом станет ясно, что люди готовы проголосовать за Путина не только из-за Чечни. А тогда, похоже, и сам Владимир Владимирович был потрясен внезапным ростом своей популярности в народе. Многим казалось, что рост его рейтинга скоро остановится, потому что в стране не так много любителей казарменно-туалетной лексики.

Даже те, кто работал с Путиным не один год, говорят, что совершенно его не знают, — он не раскрывается, он вещь в себе. Сила Путина оказалась даже в том, что никто ничего о нем не знал. Он был человеком без прошлого, человеком, вышедшим из тени. И это оказалось неоспоримым преимуществом на выборах.

За полтора месяца до ухода в отставку Ельцин сказал журналистам о Путине:

— С каждым днем я больше и больше убеждаюсь, что это единственный вариант для России, наиболее приемлемый... Он может, будучи президентом, повести Россию за собой. Поэтому моя поддержка его личной кандидатуры была и есть, мало того — она не только остается, убежденность моя нарастает с каждым днем. Вы посмотрите на его действия, вы проанализируйте его поступки: насколько они логичны, умны, сильны...

Наина Иосифовна Ельцина сказала о Путине короче:

— Когда его ближе узнаешь, он просто очаровывает.

Глава 25

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ПАТРУШЕВ

Уходя в правительство, Путин оставил на Лубянке своего человека — Николая Платоновича Патрушева. Владимир Владимирович сказал, что Патрушев принадлежит к числу людей, которым он безусловно доверяет.

И все сразу обратили внимание на личную преданность нового директора ФСБ Путину. Владимир Владимирович был еще главой правительства, а уже Патрушев повсюду сопровождал его, хотя обычно руководители госбезопасности с премьер-министрами держатся, конечно, корректно и любезно, а подчиняются все-таки только президенту. Но тут был особый случай. Николай Платонович вместе с Путиным в новогоднюю ночь полетел в Чечню, чтобы наградить орденами и охотничьими ножами отличившихся в боях офицеров.

Николай Патрушев родился в 1951 году. Журналисты выяснили, что в Ленинграде он учился в школе № 211, сидел за одной партой с Борисом Вячеславовичем Грызловым, будущим министром внутренних дел и председателем Государственной думы. В том же классе учился и будущий заместитель Патрушева в ФСБ Сергей Михайлович Смирнов.

Одноклассники запомнили Николая Платоновича как неплохого спортсмена, спокойного по характеру, но не яркого. В 1974 году он окончил Ленинградский кораблестроительный институт, и его сразу пригласили в комитет госбезопасности. Профессиональную подготовку он прошел на Высших курсах КГБ СССР в Минске.

Это учебное заведение с давними традициями, его создали еще в 1946 году во Львове. В декабре 1954 года специальную школу № 302 перебазировали в Могилев. Тогда оперативных работников учили два года. Могилевская школа № 302 и Высшая школа КГБ имени Ф.Э. Дзержинского стали единственными учебными заведениями, которые готовили кадры для территориальных органов госбезопасности. В 1961 году спецшколу № 302 перебазировали в Минск, в 1964 году преобразовали в высшие курсы по подготовке оперативного состава. Принимали на курсы тех, кто уже получил высшее образование, и учили год.

Считалось, что по уровню подготовки минские курсы не уступают Высшей школе КГБ. Помимо Патрушева курсы закончили многие руководители спецслужб не только России, но и Украины, Армении, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана... В семидесятых годах делали упор на практической подготовке. Устраивали на трассе Минск—Брест показательные занятия: методика слежки за иностранцами, выявление среди них агентов иностранных спецслужб.

В ленинградском управлении госбезопасности, как рассказывают, Патрушев познакомился с Путиным. Карьера в органах госбезопасности сложилась у Николая Платоновича вполне успешно. Еще при советской власти он стал начальником Петроградского райотдела УКГБ по Ленинградской области. В 1992—1994 годах возглавлял управление Федеральной службы контрразведки по Карелии, затем был переведен в Москву на пост начальника организационно-инспекторского управления департамента организационно-кадровой работы Федеральной службы безопасности.

В 1998 году начался его кадровый взлет. Путин, который стал первым заместителем главы президентской администрации, рекомендовал Патрушева на свою прежнюю должность начальника Главного контрольного управления президента. Но Николай Платонович не успел поработать в президентской администрации. Путин буквально через два месяца стал директором ФСБ и забрал Патрушева к себе, назначил его заместителем директора и началь-

ником важнейшего департамента экономической безопасности — это контроль за тем, что происходит в российском бизнесе.

В начале 1999 года Николай Платонович уже стал первым заместителем директора ФСБ и фактически руководил всей службой, потому что Путин больше времени проводил в Кремле, получив пост секретаря Совета безопасности. Когда Ельцин поручил Путину возглавить правительство, тот договорился с Борисом Николаевичем, что оставит вместо себя на Лубянке Патрушева.

Еще несколько близких знакомых Путина заняли видные посты в рядах госбезопасности. Заместителем директора ФСБ стал генерал Александр Григорьев, друг президента со студенческих лет, их общая фотография помещена в книге Владимира Путина «От первого лица». Потом Григорьев был переведен в родной Ленинград начальником управления. Но вскоре неожиданно покинул эту должность — говорят, он не поладил с еще более близким в ту пору к Путину человеком — Виктором Черкесовым. В том конфликте президент встал на сторону Черкесова. Александр Григорьев, в январе 2001 года уволенный из ФСБ, без должности не остался. В июле 2001 года его назначили генеральным директором Российского агентства по государственным резервам.

Григорьева в Северной столице сменил другой представитель сплоченной питерской команды — генерал-лейтенант Сергей Смирнов. До этого он возглавлял управление собственной безопасности Федеральной службы безопасности. Это управление занимается только серьезными делами. Сравнительно мелкие проступки разбирают управление кадров и инспекция по личному составу в инспекторском управлении ФСБ, которое по указанию директора проводит служебное разбирательство. Чекисты тоже теряют оружие, попадают в дорожно-транспортные происшествия или даже ввязываются в драки... Генерал Смирнов говорил журналистам, что наибольшую опасность представляют попытки коммерческих структур подкупить офицеров госбезопасности. Он полагал, что этим пользуются иностранные разведки, которые внедряют в коммерческие структуры своих людей, а уж те умело выманивают информацию из сотрудников Федеральной службы безопасности.

Статс-секретарем и заместителем директора ФСБ был назначен Владимир Шульц. Он в 1972 году окончил Ленинградский университет, доктор философских наук, профессор. В госбезопасности служил с 1992 года в должности заместителя начальника питерского управления, потом возглавил Академию ФСБ.

Начальником Федеральной службы охраны стал еще один выходец из Питера — Евгений Алексеевич Муров. Он сначала служил в разведке, а в 1992 году сменил стезю и перешел в контрразведку. Работал в Санкт-Петербурге, возглавлял райотделы, вырос до заместителя начальника областного управления. После его назначения на пост главного охранника журналисты заговорили о том, что Путин повсюду расставляет лично известных ему людей.

— Да, у Владимира Владимировича очень много знакомых и приятелей, — ответил Евгений Муров. — И тем не менее в свою команду он берет только тех людей, которых знает как профессионалов.

ЗАГАДОЧНЫЕ ВЗРЫВЫ

Это было время серьезной политической борьбы. В начале осени 1999 года объединились разные силы — администрация президента и некоторые олигархи; их интересы совпали: во что бы то ни стало не допустить победы на выборах Примакова и Лужкова. Стратегия была разработана такая: во-первых, разрушить репутацию обоих политиков в глазах общественного мнения, во-вторых, сформировать новую политическую партию, способную составить конкуренцию предвыборному блоку «Отечество — вся Россия».

Большая группа стоящих у власти и распоряжающихся большими деньгами людей считала, что победа Примакова и Лужкова может стоить им не только власти и положения, но и свободы. Зажатые в угол, они дрались отчаянно. Пустили в ход административный ресурс. Поскольку жена московского мэра Елена Батурина занимается бизнесом, то принялись за нее. Московские прокуроры и чекисты, надо понимать, к этому не захотели иметь отношения. Нашли более исполнительных людей во Владимире, где Елена Батурина имела свои деловые интересы.

Летом 1999 года по указанию владимирского прокурора сотрудники областного управления Федеральной службы безопасности, расследуя дело о незаконном переводе денег за границу, занялись и компанией «Интеко», которую возглавляла жена московского мэра. В офис компании явились чекисты, забрали документы. Об этом рассказали по телевидению: жена Лужкова подозревается в незаконном вывозе денег за границу!..

Разразился скандал. Юрий Лужков оказался не готов к обвинениям против его жены. Он стал возмущаться, оправдываться, объясняться, и это еще больше повредило ему в общественном мнении. К этому времени Юрий Михайлович уже заявил о своем участии в предвыборной борьбе, и инициатива владимирских чекистов была воспринята как ответный удар, хотя на Лубянке это отрицали. «Дело Елены Батуриной» со временем оказалось полной липой, ничего противозаконного она не совершала, но ущерб репутации Лужкова был нанесен серьезный.

Назначение Патрушева совпало с началом второй чеченской войны.

Вторжение чеченских боевиков в Дагестан готовилось несколько месяцев, если не лет. Военные потом возмущались поведением местных властей, которые ничего не замечали. Удивлялись, как это Федеральная служба безопасности проморгала подготовку вторже-

ния в Дагестан? Но в горячке тех дней эти вопросы так и остались без ответа.

Осенью 1999 года ответную военную операцию против Чечни поддержали почти все политические силы в стране. Когда проникшие в Дагестан боевики были уже почти уничтожены, в Москве и в других городах прозвучали взрывы. Начали со столицы. 9 сентября взорвали жилой дом на улице Гурьянова, 13 сентября — на Каширском шоссе, 16 сентября — в Волгодонске. Это были хорошо подготовленные террористические акты. Погибло несколько сот человек. С первой же минуты все исходило из того, что это дело рук чеченских боевиков.

И работники ФСБ постоянно повторяли: «У нас не возникает сомнений, что организовали эти взрывы чеченские полевые командиры». Да, сомнений вроде бы ни у кого не было. Но личная убежденность — это не доказательство для суда. Все ждали, что ФСБ достаточно быстро сумеет раскрыть эти варварские преступления и назвать имена организаторов и исполнителей. Тут явно действовали профессионалы. Эти взрывы не были ответом на поражение боевиков в Дагестане. Взрывы готовились загодя. Когда один теракт следует за другим, это и есть классическая стратегия напряженности. Это попытка запугать целую страну.

Из всех видов терроризма мы столкнулись с худшим. Вести борьбу с исламским экстремизмом невероятно трудно, добиться настоящего успеха и полностью себя обезопасить практически невозможно. Террористические группы исламистов во всем мире считаются очень трудным объектом для агентурного проникновения. Это тесно связанные между собой кланы численностью в несколько сотен человек, из них лишь немногие посвящены в планы террора.

Кто-то разрабатывает такие операции — надо знать, что и как взрывать. Кто-то вербует и обучает боевиков. Кто-то предоставляет большое количество взрывчатки и умело собирает взрывное устройство. Кто-то снабжает группу поддельными, но надежными документами. Кто-то обеспечивает им поддержку — доставляет в город, снимает квартиры, предоставляет машины — угнанные или с фальшивыми номерами.

Тогда возник резонный вопрос: почему же ФСБ при таком огромном и разветвленном аппарате не смогла предупредить эти страшные взрывы, которые унесли столько жизней? Удивляло и то, что проходил месяц за месяцем, а организаторы и исполнители террористических актов в Москве и других городах продолжали гулять на свободе. По этому делу кого-то из боевиков арестовали, но какие они дали показания, что удалось выяснить, опять же оставалось неизвестным.

В районе Урус-Мартана наступающие федеральные войска обнаружили тренировочный лагерь боевиков по подготовке террористов. Там был полигон, на котором испытывались самодельные взрывные

устройства. Нашли также оборудование для изготовления самодельной взрывчатой смеси из аммиачной селитры и алюминиевого порошка. Как будто бы именно такое вещество было использовано осенью 1999 года при взрывах в Москве. Правда, нам не рассказали, каков был результат экспертизы этих веществ. Подтвердилась или не подтвердилась версия о том, что такую взрывчатку готовили именно чеченцы?

А в отсутствие достоверной информации ходили самые безумные слухи. В том числе писали о том, что эти взрывы были провокацией, организованной для того, чтобы получить предлог для нанесения удара по Чечне и тем самым обеспечить избрание Владимира Путина президентом. Рассказывали о том, что есть люди, которые знают правду. Среди них будто бы и Борис Березовский, поэтому его не тронули, когда владельца НТВ Владимира Гусинского пытались посадить...

Предположение о том, что взрывы на самом деле были провокацией органов безопасности, — чудовищное. Но законы, которым повинуются массовое сознание, известны: пока не будет проведено полное расследование и не состоится открытый и гласный суд, люди могут предполагать все, что угодно. Впоследствии стало известно, что дома взрывали не чеченские боевики, а участники подпольных исламистских организаций Карачаево-Черкесии.

РЯЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Руководители ФСБ рассказывали о сотнях, если не о тысячах иностранных наемников в Чечне. Но этих неуловимых иностранцев никак не удавалось взять в плен. По простой причине: войну с той стороны — за малым исключением — вели не наемники-чужеземцы, а наши сограждане с такими же паспортами, как у нас всех.

ФСБ утверждала, что располагает оперативными данными об иностранной помощи, которая поступает чеченским боевикам. Слова «оперативные данные» действуют магически. Но профессионалы знают: оперативные материалы — всего лишь повод для проведения проверки, которая может подтвердить, а может и опровергнуть полученные оперативным путем данные. Ведомство госбезопасности жаловалось на то, что официальные ответы иностранных государств на все запросы звучат так: наша страна помощи террористам не оказывает. А ФСБ уверенно говорила, что знает и конкретных людей, и зарубежные организации, которые помогают чеченцам, и даже номера банковских счетов, по которым деньги поступают полевым командирам.

Но отчего же в таком случае эти данные так и не были обнародованы? Может быть, потому что в реальности и деньги, и оружие у чеченских боевиков — российского происхождения? Лучше бы на Лубянке проанализировали и сообщили, как именно все

эти годы Чечня умудрялась получать российское оружие и российские деньги.

Симпатии арабского мира к единоверцам в Чечне очевидны. Но сколько именно арабов реально участвовало в событиях в Чечне, неизвестно. 25 апреля 2002 года второй канал российского телевидения получил от Федеральной службы безопасности видеокассету с изображением мертвого иорданца Хаттаба по прозвищу Черный Араб. Это было четвертое сообщение о его смерти, но на сей раз точное. Он не выходил в эфир последние месяцы, чтобы его не запеленговали. Связь с подручными держал через доверенных людей. Чекисты одного из них завербовали, и он принес Хаттабу письмо, отравленное ядом из спецлаборатории. Яд вызвал остановку сердца...

В конце 1999 года руководители департамента ФСБ по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом оценили работу своего департамента как неудовлетворительную. Признали, что не смогли предотвратить террористические акты в Москве и других городах. В результате погибло триста пять человек.

Но так и неизвестно, была ли проведена необходимая работа над ошибками? Бывший директор ФСБ Николай Ковалев, избранный депутатом Государственной думы, рассказывал, что он создал управление, которое, в частности, с помощью средств радиоэлектронной разведки следило за активностью боевиков на территории Чечни и могло предупредить теракты. Когда Ковалева сместили и назначили директором ФСБ Путина, а его первым заместителем Патрушева, управление было расформировано. Так и осталось неизвестным, что по этому поводу думают действующие руководители ФСБ.

Единственное, что доподлинно известно о работе ФСБ после взрывов, — это желание чекистов научить страну бдительности. Закончилось это дикой историей в Рязани, где тоже обнаружили взрывчатку, и жители целого дома — женщины, дети, старики — всю ночь провели на улице в ожидании взрыва. А на следующий день руководители ведомства госбезопасности заявили, что это были учения и вместо взрывчатки заложено безобидное вещество. Чекисты решили проверить, хорошо ли работают их коллеги-милиционеры...

Никто из замечательных чекистов не подумал о том, что эта страшная ночь в ожидании взрыва означала для жителей того дома в Рязани, для женщин, для детей, для стариков. Тогда говорили, что чиновникам, которым наплевать на людей, не место на государственной службе. Однако ФСБ продолжала настаивать, что такого рода учения необходимы для того, чтобы поддерживать в народе дух бдительности. Рязанская история послужила поводом для нового всплеска слухов о том, что взрывы — это провокация. Пошли разговоры о том, что в Рязани все-таки была заложена настоящая взрывчатка...

В январе 2001 года Путин передал Николаю Патрушеву руководство всеми операциями в Чечне, исходя из того, что военные свою задачу выполнили. Президент поручил директору ФСБ к 15 мая доложить о достигнутых результатах. Комментарии тогда были разные. Одни утверждали, что это означает укрепление позиций Патрушева. Другие, напротив, отмечали опасность этого поручения: отныне именно Патрушев отвечает за каждую смерть, за каждый теракт в Чечне.

Российские части в Чечне оказались на положении оккупационных войск, которым стреляли в спину. Боевики рассеялись, переоделись в гражданское, спрятали оружие, но сражаться не перестали. 15 мая 2001 года миновало, но ситуация в Чечне, пожалуй, только ухудшилась: летом боевые действия на Кавказе всегда ведутся активнее, чем в зимний период. 11 июля 2001 года Путин сделал Николая Платоновича генералом армии. Это был подарок к пятидесятилетнему юбилею.

Патрушев встретился с журналистами и попытался ответить на вопрос, почему его подчиненные до сих не добрались до основных руководителей боевиков Хаттаба и Шамиля Басаева.

— Уничтожить Басаева или Хаттаба мы способны и сегодня, но это чревато большими потерями с нашей стороны, — уверенно сказал директор ФСБ. — Я думаю, что это будет неоправданно большой платой за их поимку. Сейчас мы активно нейтрализуем руководителей среднего звена. Тем самым сводим наши потери к минимуму.

Журналисты настаивали: говорят, мол, что вы по каким-то причинам не желаете ликвидировать командиров боевиков.

— Мы хотим и можем это сделать, — повторил Патрушев. — Но совершенно естественно желание сберечь своих людей. Основные лидеры боевиков прячутся в хорошо знакомой им труднодоступной гористой местности, подступы к которой заминированы...

Пройдет несколько лет, прежде чем чекисты доберутся до главных фигур вооруженного подполья. Оперативным штабом по руководству антитеррористической операцией в Чечне руководил вице-адмирал Герман Алексеевич Угрюмов, заместитель директора ФСБ и директор 2-го департамента (по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом). Он был начальником управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту, заместителем начальника управления военной контрразведки. 31 мая 2001 года он скончался от острой сердечной недостаточности прямо на своем рабочем месте в Ханкале.

Надеялись, что чекисты прекратят тотальные зачистки с применением авиации и артиллерии, вместо этого поймают или уничтожат главарей бандитов — и тогда, возможно, накал войны спадет. Но характер войны не изменился. В ответ на каждый террористический акт следовал массированный войсковой удар, что, в свою очередь, приводило в ряды боевиков все новых чеченцев.

В Прибалтике и Западной Украине после Второй мировой войны — то есть при сталинском тотальном контроле! — органам госбезопасности понадобилось лет семь-восемь, чтобы ликвидировать националистическое подполье. Поэтому специалисты сулили тогда еще немало лет активных боевых действий в Чечне. Но при этом мало кто вспоминал, что подавление националистического повстанческого движения в Западной Украине и в Прибалтийских республиках по существу мало что изменило. При первой же возможности эти республики отсоединились от России.

ЗАЛОЖНИКИ НА ДУБРОВКЕ

23 октября 2002 года чеченские боевики нанесли удар в самой Москве. Поверить в это невозможно, но сорок вооруженных террористов с запасом взрывчатки на автобусе преспокойно проехали по столице России. Как потом установят, многие из них имели фальшивые паспорта, выданные в Карачаево-Черкесии на имена давно умерших людей. Как им это удалось, так и останется невыясненным.

Никто не помешал банде Мовсара Бараева захватить Театральный центр на Дубровке, когда там шел музыкальный спектакль «Норд-ост». Зрители поначалу подумали, что это часть постановки... Заложниками оказались 912 человек.

Сразу после захвата театрального центра спецназ ФСБ «Альфа» и «Вымпел» блокировали здание. Милицейский СОБР установил внешнее кольцо. Подтянули еще и солдат внутренних войск на бронетранспортерах. Тем временем боевики Мовсара Бараева заминировали зрительный зал и передали свое требование — в три дня вывести федеральные войска из Чечни.

Ответственность за теракт взял на себя Шамиль Басаев. Похоже, он хотел повторить успех Буденовска: заставить власть вступить с ним в переговоры и чего-то добиться. Мовсар Бараев требовал, чтобы к нему пришли известная журналистка Анна Политковская (через нескольких лет она будет убита), тогдашние депутаты Государственной думы Григорий Явлинский, Ирина Хакамада, Борис Немцов. Угрожал, что в противном случае взорвет здание вместе с заложниками. И действительно по всему залу сидели женщины с взрывчаткой.

Бараев отпустил нескольких детей с Иосифом Кобзоном. Похоже, Бараев не собирался умирать вместе со своими девушками. Скорее, он рассчитывал на победу: власть примет его требования, и боевики торжественно покинут Москву. Его боевики застрелили нескольких человек, но меньше, чем это обычно делают террористы в таких случаях...

Президент Путин поручил вести переговоры своему полномочному представителю в Южном федеральном округе генералу Вик-

тору Казанцеву. Но переговоры не состоялись. Никто и не собирался их вести. Готовились к штурму. Оперативный штаб возглавил заместитель директора ФСБ Владимир Проничев. Власти просили телевидение не показывать эмоциональные интервью с родственниками заложников, которые требовали переговоров.

Но штурм откладывали и откладывали. За это время заложники слабели — без еды, сна, свежего воздуха. Находясь между жизнью и смертью, они страдали от тяжелого стресса. Это сыграет роковую роль во время штурма.

Утром 26 октября начали операцию. Для начала чекисты пустили газ, который выводит человека из строя. Предполагалось, что таким образом удастся, во-первых, помешать террористам привести в исполнение свою угрозу и взорвать здание, во-вторых, избежать излишнего кровопролития. «Альфа» и «Вымпел» взяли театральный центр штурмом. Они за несколько минут уничтожили всех террористов и разминировали зал. Первый этап операции прошел почти идеально.

Телевидение показало труп застреленного Мовсара Бараева, рядом — бутылка коньяка. Выяснилось, что бутылку принесли и поставили уже после того, как главарь банды был убит. Множество шприцев тоже трактовали как признак наркомании террористов. Потом, впрочем, говорили, что использованные шприцы оставили спецназовцы — они кололи заложникам противоядие.

Террористы не взорвали себя вместе с заложниками. Возможно, они и не пытались. Хотя у боевиков было примерно десять—пятнадцать минут, пока газ распространялся по зданию.

Такой газ использовала советская госбезопасность еще со времен борьбы против украинских националистов, которые прятались в схронах, подземных бункерах. Найти бункер было проще зимой. На восходе или на закате можно было заметить струйку теплого воздуха, который выходит из вентиляционного отверстия. Туда вставляли тонкий и гибкий шланг и открывали вентиль баллона со спецпрепаратом «Тайфун» — усыпляющим газом мгновенного действия. Более современная модификация была использована на Дубровке в октябре 2002 года. Формула газа осталась секретной. Писали, что это был фентанил — сильнейший обезболивающий препарат с очень опасными побочными эффектами. Он угнетает дыхание.

Руководители оперативного штаба тщательно продумали, как уничтожить террористов, но не как спасти заложников, которые тоже наглотались газа и потеряли сознание. Одна из заложниц рассказывала, что пришла в себя уже в автобусе, увидела людей в камуфляжной форме и решила, что террористы их куда-то везут. Только потом поняла, что это свои.

Но в себя пришли не все. Из 912 заложников 114 погибли, еще 16 умерли позже в больницах, потому что вовремя не получили медицинской помощи. Врачи не знали, какой газ был применен,

какие препараты нужны, чтобы спасти людей, кареты скорой помощи не могли подъехать. Директор Московской службы спасения Александр Шабалов рассказывал «Новой газете»: спасателей не предупредили, что применили газ, поэтому они запаслись бинтами и жгутами, думали, что придется иметь дело с огнестрельными ранениями и минно-взрывными травмами. Не готовились спасать людей, отравленных газом. Сами были без индивидуальных средств защиты и тоже отравились.

«Первое впечатление было, что мы вошли в зал мертвых, — вспоминал Шабалов. — Никакого движения, все с опущенными головами, в неестественных позах, террористки с огнестрельными ранами, кровь. Если бы не крик спецназовцев: «Быстрее! Они все живые! Выноси, выноси!» — люди бы просто не поняли сразу, что надо делать. Даже врачам сначала показалось, что все мертвы, — пульс у пострадавших не прощупывался».

Сотрудники спецслужб делали, что могли, — после штурма сами вытаскивали заложников, делали искусственное дыхание. Стало ясно, что нужны инъекции налоксона — этот препарат используют для вывода из наркотического отравления. Кому вовремя ввели налоксон — те приходили в сознание. Но препарата не хватало.

«Блестящее проведение первой фазы операции, — констатирует Шабалов, — и абсолютная беспомощность, неорганизованность второй. Просто бардак. Время было упущено, преступно растранижено...»

А ведь есть мировой опыт. Организация медицинской помощи заложникам является обязательной частью плана контртеррористической операции. Когда в 1976 году израильский спецназ отправился в Энтеббе освобождать захваченных палестинскими террористами заложников, то один из самолетов представлял собой летающий госпиталь. Вместе со спецназом отправили врачей, опытных хирургов, способных оперировать в полевых условиях. Снабдили их запасом плазмы и крови — всех групп крови, которые были у бойцов атакующей группы. Хотели на всякий случай взять и кровь для всех заложников — в соответствии со списком пассажиров захваченного террористами самолета, но от этой мысли отказались, потому что это привлекло бы к себе внимание, а подготовку операции надо было сохранить в тайне.

В Москве ничто не мешало продумать медицинскую часть плана. Подготовить пути подъезда для карет скорой помощи, запастись необходимыми препаратами и сразу же информировать медиков, что именно им следует делать...

После трагедии на Дубровке расследования не провели, поэтому осталось неизвестным, и каким образом боевики оказались в Москве и почему не подумали о том, как спасти заложников — после операции.

Боевики ничего не добились. В ноябре 2002 года Путин, выступая перед представителями чеченской общественности, говорил:

— Фактически, идеи ваххабизма были использованы для превращения Чечни в плацдарм международного терроризма — для последующих амбициозных планов нападения на братский Дагестан, создания средневекового халифата от Черного до Каспийского моря, который должен включать в себя не только весь Северный Кавказ, но и часть Краснодарского и Ставропольского краев. Но и это еще не все. Затем неизбежно последуют попытки раскачать обстановку в многонациональном Поволжье России. Все это рассчитано на то, чтобы направить развитие ситуации в нашей стране по югославскому сценарию.

Путин обещал, что не пойдет на компромисс с боевиками:

— Не выйдет. Ответственно заявляю: второго Хасавюрта не будет.

Осенью 2003 года в Чечне провели выборы, их выиграл бывший муфтий Ахмад Кадыров, который в первую чеченскую войну был на стороне сепаратистов. Он вовремя перешел на сторону федеральных сил, но его взгляды, судя по всему, остались прежними. Кадыров был поклонником иракского президента Саддама Хусейна. Во время войны в Ираке глава администрации Чечни говорил:

— Это изначально несправедливая война против народа. Хотя вокруг Ирака скопились значительные военные силы, и можно разбомбить и уничтожить города, но народ победить нельзя. Чеченский народ будет молиться за иракский народ.

Кадыров напомнил, что он бывал в Багдаде и встречался с Саддамом Хусейном:

— Он производит впечатление грамотного политика, владеющего ситуацией в мире, а не агрессора или диктатора.

Президента Чечни Ахмада Кадырова убили 9 мая 2004 года, во время празднования годовщины Победы — взорвали на стадионе в Грозном, когда он принимал военный парад. Наличие мощных служб безопасности (федеральных и собственных) его не спасло. Ахмад Кадыров стал жертвой очень умело подготовленного теракта, что еще раз подтвердило: в определенном смысле террористы всегда обладают преимуществом первого удара, в их руках инициатива, они выбирают время и место преступления.

Вскоре республику возглавил его сын Рамзан Кадыров, которому Путин присвоил звание Героя России. В 2003 году закрытым указом «Золотую Звезду» Героя получил и Николай Платонович Патрушев.

СМЕРТЬ ДЕТЕЙ В БЕСЛАНЕ

А Северный Кавказ не позволял забыть о себе. В 2003 году в Москве появились женщины-боевики. 5 июля две смертницы подорвали себя на аэродроме в Тушине, где проходил рок-фестиваль «Крылья». Погибли шестнадцать человек. Ответственность взял на себя Шамиль Басаев. 9 июля на 1-й Тверской-Ямской задержали

женщину-смертницу, которая не сумела себя взорвать. Но при обезвреживании бомбы погиб сотрудник ФСБ. 9 декабря 2003 года смертница взорвала себя у гостиницы «Националь», шесть человек погибли. Опять Басаев с гордостью объявил, что теракт — его рук дело.

6 февраля 2004 года взорвали поезд в московском метро между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая». Погиб сорок один человек. Ответственность взяли на себя боевики «карачаевского джамаата». Еще одна смертница подорвала себя около станции метро «Рижская», погибли восемь человек.

В ночь на 22 июня 2004 года в столице Ингушетии боевики попытались захватить республиканское Министерство внутренних дел. Погибли сорок сотрудников правоохранительных органов, в том числе исполняющий обязанности министра и его заместитель. Боевики похитили большое количество оружия.

1 сентября 2004 года три десятка боевиков, посланных Басаевым, захватили школу № 1 в североосетинском городе Беслан. Заложниками оказались более тысячи детей и их преподавателей. За неделю до этого в Северной Осетии заседала республиканская анти-террористическая комиссия, приехали полномочный представитель президента в Южном федеральном округе, командующий внутренними войсками, заместитель министра внутренних дел, заместитель генерального прокурора... Приняли решение: сотрудникам силовых ведомств на сопредельных с Чечней территориях до конца августа нести службу в усиленном режиме. Но снова никто не сумел помешать боевикам.

В отличие от группы Мовсара Бараева боевики, засевшие в школе, начали с расстрелов. Детей и учителей держали в нечеловечески тяжелых условиях. Обезумевшие от горя родители вооружились, чем могли, и требовали немедленно освободить детей. События вырвались из-под контроля. 3 сентября в час дня в здании захваченной школы раздались взрывы. Армейский спецназ и подразделения ФСБ пошли на штурм. В ходе боя погибли триста тридцать человек, из них более ста — дети.

У матерей, которые потеряли детей, было много вопросов. Они требовали наказать виновных. Говорили, что решение штурмовать школу было неверным, что недопустимо отдавать приказ танкам стрелять — начался пожар и погибли дети. Комиссия парламента Северной Осетии пришла к выводу, что взрыв и пожар в школе стали результатом применения федеральными силами огнеметов «Шмель» и что дети гибли от танковых выстрелов. Военные категорически отвергли такое предположение.

Всех боевиков — тридцать одного человека — убили. Единственного оставшегося в живых судили во Владикавказе. В Москве заседал Совет безопасности. Совет Федерации и Государственная дума назначили совместную комиссию разбирать происшедшее в Беслане.

22 декабря 2006 года, под Новый год, вице-спикер Совета Федерации Александр Порфирьевич Торшин представил окончательный доклад парламентской комиссии. В докладе говорится, что силовые подразделения школу не штурмовали, а только лишь бросились спасать детей. Федеральные силы из тяжелого оружия по школе стреляли только после того, как там остались одни террористы.

— Оценивая действия руководителей федеральных органов государственной власти, — сказал Александр Торшин, — парламентская комиссия пришла к выводу, что они были адекватны сложившейся ситуации. Оперативный штаб действовал с соблюдением требований федерального законодательства и ведомственных нормативных актов. При трагическом развитии ситуации были приняты все возможные меры, направленные на сохранение жизни людей.

Парламентская комиссия выявила недостатки в работе милиции Северной Осетии и Ингушетии и оперативного штаба, руководившего контртеррористической операцией:

«Не была должным образом организована работа по обобщению данных об изменениях обстановки и действиях террористов, по своевременному оформлению всех распоряжений руководителя штаба. Кроме того, начальник управления УФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев выполнял функции, несвойственные руководителю оперативного штаба: лично сопровождал до школы для переговоров с террористами Руслана Аушева; лично проводил до первого кольца оцепления сотрудников МЧС России, выделенных для эвакуации убитых заложников; взаимодействовал от имени штаба со СМИ и выступал с заявлениями перед населением...

Заседания оперативного штаба фактически не проводились, работа шла путем рабочих контактов руководителя и членов штаба с представителями ведомств, принимавших участие в контртеррористической операции».

Начальник североосетинского управления госбезопасности генерал Валерий Александрович Андреев и руководство республиканского Министерства внутренних дел — единственные, кто лишился своей должности. И еще ушел в отставку президент Северной Осетии Александр Сергеевич Дзасохов. Но у многих осталось ощущение, что причины бесланской трагедии так и остались неисследованы.

Журналисты писали о том, что ни ФСБ, ни милиция не смогли предотвратить теракт. Боевикам вновь удалось беспрепятственно проехать по городу и захватить школу. И власть обиделась на журналистов. Потерял работу главный редактор газеты «Известия» Раф Шакиров, который посвятил очередной номер бесланской трагедии. Рвущие душу фотографии убитых детей власти не понравились: зачем об этом напоминать?

Вот странное впечатление — для многих журналист словно опаснее террористов. Уверяют, что террористы убивают только в расчете на журналистов: уж те постараются и сделают за терро-

ристов всю работу — напугают страну до смерти. Получается, что журналисты, которые пишут о терактах, о террористах, о том, как некомпетентно и неумело с ними сражаются, исполняют заказ преступников.

Забыли, что убивали императора, губернаторов и министров в старой России, задолго до появления телевидения? Первые исламские террористы появились в одиннадцатом веке. Они уже тогда уничтожали христиан и своих единоверцев, если считали их плохими мусульманами. А тогда и газет не было. Даже если запретить телевидению упоминать о терактах, боевики все равно будут убивать. Конечно, современные средства массовой информации рассказывают о теракте всему миру. Но они же и бьют тревогу, и помогают понять масштабы бедствия, и подталкивают к поискам средств борьбы против террористов.

Не знаю ни одного случая, когда бы во время теракта кто-то пострадал по вине журналистов. В «Норд-осте» и в Беслане погибли люди, которых можно было спасти, если бы не плохая работа чиновников и сотрудников спецслужб. Отчего же никто не предлагает принять закон, который как-то ограничил бы их способность своей глупостью, равнодушием и некомпетентностью губить людей? Зато отбоя нет от требований изменить закон о печати и вообще всячески ограничить журналистов в исполнении ими профессионального долга.

По существу, людей натравливают на средства массовой информации. Телевидение врет, газеты исполняют заказ тайных сил... Но ни один журналист не врет так, как врут чиновники, и с такими губительными для страны последствиями! Вранье по приказу начальства едва не оказалось роковым для заложников в Беслане. Когда число заложников занизили в десять раз, террористы обозлились и грозили немедленно расстрелять «лишних»...

Поведение журналиста в момент совершения теракта регулируется нормами, принятыми самим журналистским сообществом. Эти правила диктуются здравым смыслом и профессиональным долгом. Необходимо и нормальное сотрудничество со штабом по освобождению заложников, когда журналисты ставят штаб в известность о своих действиях, а штаб дает ту информацию, которая необходима. Но стремление власти, спецслужб ограничить действия журналистов идет не на пользу, а во вред. По двум причинам.

Во-первых, страна, которая с ужасом, страхом и содроганием следит за происходящим, нуждается в реальной информации. Ее отсутствие приводит к пагубным последствиям. «Норд-ост» и Беслан это подтвердили.

Во-вторых, присутствие свободно работающих журналистов спасает власть и спецслужбы от непоправимых ошибок. Никто так и не ответил на вопрос: чья вина в том, что освобожденных в «Норд-осте» заложников не спасли? Если бы разобрался, как это произошло, если бы назвали имена чиновников, которые прояви-

ли преступную халатность, то в следующий раз такое бы не произошло.

Да, стратегия террористов основана на возможности внезапно нанести удар там, где никто этого не ждет. Страх перед террористами основан именно на том, что никто не знает, где и когда они нанесут удар в следующий раз. Поэтому главная задача в борьбе с террористами — лишить их возможности наносить неожиданные удары. Но как этого добиться? Только высокопрофессиональной работой.

Никакая власть не хочет, чтобы люди знали о ее ошибках, промахах, некомпетентности и непрофессионализме. И если нет независимого от власти телевидения, которое покажет, что происходит в стране, то страна ничего и не узнает. Когда у человека есть два глаза, он даже не подозревает, что этот оптический плюрализм позволяет ему видеть мир таким, какой он есть. Те, кто в силу несчастного случая лишился одного глаза, знают, как мгновенно и безнадежно искажается мир.

Но ведомственный интерес торжествует над государственным. В июне 2010 года правительство внесло в Госдуму поправки к закону «О государственной тайне». Сопроводительная записка ФСБ начинается оруэлловским призывом к гласности, к отмене ненужного засекречивания, что «приводит к необоснованному засекречиванию материалов». А дальше следует перечисление новых ограничений...

Предлагается запретить данные «о защищенности критически важных объектов и потенциально опасных объектов инфраструктуры Российской Федерации от террористических и диверсионных актов». Таким объектом может быть что угодно. Так вообще ни о чем писать нельзя?

Запрещается рассказывать «о формах, методах и условиях организации и планирования террористической деятельности» и даже об уже происшедших терактах, анализировать, как они стали возможны, какие ошибки привели к гибели людей. Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов заметил: после принятия поправка нельзя будет написать о том, что камеры наружного наблюдения в Москве оказались, как выяснилось после терактов в метро, просто муляжами...

Теракт в Беслане имел большие политические последствия. Отменили выборы губернаторов и выборы депутатов Государственной думы по мажоритарным округам. В сентябре 2004 года на сей счет высказался даже ушедший в отставку Борис Николаевич Ельцин — в газете «Московские новости», которую редактировал тогда Евгений Киселев. Редакция просила Ельцина поделиться мнением о последствиях трагедии в Беслане и отмене губернаторских выборов. Борис Николаевич ответил:

«Я уже говорил, что, уйдя из публичной политики, не собираюсь давать политические комментарии и обсуждать действия тех,

кто пришел после меня: президента страны, лидеров партий, депутатов, политиков. У меня есть возможность те соображения, те мысли, которые волнуют меня, высказать лично Владимиру Владимировичу Путину...

Но я твердо верю, что меры, на которые после Беслана пойдет руководство страны, будут лежать в русле тех демократических свобод, которые стали ценнейшим достижением России за это последнее десятилетие. Мы не позволим себе отказаться от буквы, а главное — от духа той Конституции, которую приняла вся страна на всенародном референдуме в 1993 году. Хотя бы только потому, что удушение свобод, свертывание демократических прав — это и есть в том числе победа террористов».

Резкий тон первого президента был воспринят как несогласие с политическими шагами Путина, как предостережение ему. Но больше таких резких слов Ельцин себе не позволял...

МАСХАДОВ И БАСАЕВ ЛИКВИДИРОВАНЫ

8 марта 2005 года чекистам удалось добраться до Аслана Масхадова. Он свободно перемещался с телохранителями по селениям, где у него были родственники. И только последние полгода своей жизни безвыездно находился в доме № 2 по улице Суворова в селении Толстой-Юрт Грозненского сельского района Чечни. Втроем с охранниками они сидели в тесном подвале, наверх поднимались для совершения намаза — на рассвете и вечером. Целый день он проводил у компьютера.

Масхадов все еще ощущал себя президентом Ичкерии. Надеясь, что Москва вступит с ним в мирные переговоры. 14 января 2005 года объявил о прекращении военных действий. У него побывал Шамиль Басаев — причем он приехал один, без охраны. Они провели вместе несколько дней. Как будто бы Масхадов добивался от Басаева прекращения активных действий. Впрочем, в чеченском подполье Масхадову мало кто подчинялся. Масхадова навестил и его будущий преемник Абдул-Халим Сайдудлаев. Он тоже пришел и ушел незамеченным.

Похоже, Аслан Масхадов со временем утратил бдительность. Звонить по мобильному телефону он, конечно, не решался, объяснил одному из охранников:

— Мой голос знает весь мир, меня сразу вычислят.

Но активно посылал СМС-сообщения, которые и обратили на себя внимание оперативных работников. Для его захвата прилетел из Москвы спецназ Федеральной службы безопасности. 8 марта 2005 года примерно в девять утра они ворвались в дом на улице Суворова. Довольно быстро обнаружили подвал, где укрывался бывший президент Чечни. Спецназовцы взорвали вход. По одной версии, Масхадов погиб при взрыве, по другой — попросил телохра-

нителей застрелить его, чтобы он не попал в плен. Его охрану вывели живой.

Патрушев обещал десять миллионов долларов или триста миллионов рублей за сведения, которые помогут отыскать Аслана Масхадова и Шамиля Басаева. В ФСБ сообщили, что деньги выплачены чеченцам, которые вывели силовиков на след Аслана Масхадова. «В органы ФСБ обратились граждане, которые сообщили необходимые сведения, — сообщил Центр общественных связей ФСБ. — Это способствовало установлению точного местонахождения международного террориста и лидера бандформирований Чеченской Республики Аслана Масхадова, а также проведению спецоперации».

Преемника Масхадова Абдул-Халима Сайдуллаева ликвидировали через год, 17 июня 2006 года. Об уничтожении Шамиля Басаева меньше чем через месяц, 10 июля, Патрушев рапортовал лично президенту Путину:

— Сегодня ночью в Ингушетии была проведена спецоперация, о подготовке которой я вам докладывал ранее. Это стало возможным благодаря тому, что были созданы оперативные позиции за рубежом. Прежде всего в тех странах, в которых собиралось оружие и в последующем доставлялось к нам, в Россию, для совершения терактов.

О том, как именно убрали Шамиля Басаева, ходили разные слухи. Но главное, что его преступная деятельность закончилась. Одно время Басаевым в Чечне было принято восхищаться как героем национально-освободительной борьбы. Но в последние годы его сильно не любили, потому что басаевская жестокость и убийства мирных людей компрометировали всю республику. Смерть Басаева вызвала у многих чеченцев чувство облегчения.

16 февраля 2006 года был опубликован указ президента Путина «О мерах по противодействию терроризму». В соответствии с указом образовали Национальный антитеррористический комитет. Его председателем назначили Патрушева. В состав комитета вошли руководители силовых ведомств, министерств и даже Федерального Собрания. Патрушев отметил, что члены Национального антитеррористического комитета не вправе перепоручать участие в работе комитета своим заместителям:

— Вводится персональная ответственность высших должностных лиц за порученные им участки работы в рамках деятельности комитета.

Указ превратил ФСБ в суперминистерство, которое стоит над всеми органами власти. Решения антитеррористического комитета обязательны для всех федеральных ведомств. Образовали антитеррористические комиссии и в субъектах федерации, распоряжения комиссий обязательны для органов местного самоуправления.

Российские граждане становились жертвами радикальных исламистов и за границей. 3 июля 2006 года в Багдаде в четырехстах метрах от российского посольства две машины блокировали

автомобиль, в котором находились наши дипломаты. Иракские боевики открыли огонь на поражение. Одного из сотрудников посольства убили на месте, четверых пересадили в свои машины и увезли.

Через две недели, 19 июня, организация «Совет моджахедов Шуры» (ячейка «Аль-Кайды» в Ираке) взяла на себя ответственность за похищение российских дипломатов: «Для нас каждый мусульманин в мире брат, ради него мы жертвуем своими жизнями. Мы не забыли, что терпят мусульмане от русского правительства. Совет моджахедов отказывается признавать так называемый «дипломатический иммунитет» русских шпионов. Шариатский суд требует от русского правительства в течение 48 часов вывести войска из Чечни и освободить мусульманских женщин и мужчин из русских тюрем».

21 июня, через час после истечения срока ультиматума, появилось сообщение о казни заложников. 25 июня «Аль-Кайда» распространила видеозапись казни. Сначала четыре российских дипломата по очереди, глядя в камеру, называют свои имена, должности, семейное положение. Потом двое палачей в масках отрубают головы заложникам. Одному выстрелили в голову.

28 июня президент Путин потребовал от российских спецслужб отомстить — найти и уничтожить убийц российских дипломатов. 30 июня Патрушев объявил, что Национальный антитеррористический комитет заплатит десять миллионов долларов за информацию, которая поможет найти убийц.

4 июля Путин обратился в Совет Федерации с просьбой дать ему право использовать вооруженные силы и спецназ для борьбы с террористами за рубежом. Это подвело законную основу для приказа найти и уничтожить боевиков, которые убили российских дипломатов. Из закона «О противодействии терроризму» убрали часть пятую статьи десятой, которая требовала от президента информировать Совет Федерации о деталях предстоящей операции.

7 июля Совет Федерации одобрил уже принятые Государственной думой законопроекты «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и «О противодействии терроризму». Президент получил право использовать вооруженные силы и спецслужбы для уничтожения террористов за пределами территории России. Министр обороны Сергей Борисович Иванов уверенно сказал, что поиск убийц наших дипломатов уже ведется:

— Что касается постановки задач и приказов, то они давно отданы, и вся система работает.

Операции за рубежом, насколько известно, возобновились в феврале 2004 года, когда в Катаре взорвали бывшего президента

Ичкерии Зелимхана Яндарбиева. Местная полиция арестовала троих российских граждан. Одного из них — первого секретаря посольства, обладающего дипломатическим иммунитетом, отпустили. Двоих судили и приговорили к пожизненному заключению. В декабре 2004 года обоих вернули на территорию России. Считается, что они служили в Главном разведывательном управлении Генерального штаба.

Но поиск убийц российских дипломатов в Ираке оказался более трудным делом. Судя по всему, их было семеро. Помогли американцы. 19 декабря 2006 года они захватили Омара Абдаллу Дада по кличке Паук. Следствие установило, что он казнил одного из наших ребят. Боевик по глупости сохранил видеопленку и фотографии, запечатлевшие его «подвиг». Багдадский суд приговорил его к смертной казни. Год спустя американские военные ликвидировали еще одного из убийц.

НАШИ НЕОДВОРЯНЕ

Но Северный Кавказ, пожалуй, единственное огорчение для нынешних чекистов. Николай Патрушев возглавил ФСБ в счастливое для чекистов время, когда их положение в обществе стало меняться.

Борис Ельцин до конца своего президентского правления сохранил в себе недоверие к органам госбезопасности. Кроме того, он твердо усвоил несколько важных демократических принципов. Он так и не захотел стать диктатором, даже не пытался. Средства массовой информации годами буквально обливали его помоями. А он решил для себя, что свобода печати должна сохраниться, и ни один журналист его не боялся. Разносить президента было безопаснее, чем любого чиновника в стране. При Путине все стало меняться. Журналисты, интеллигенция вновь ощутили давление государственного аппарата, который не терпит критики и оппозиции. К чекистам вернулось ощущение собственной значимости.

В интервью «Комсомольской правде» Николай Патрушев говорил:

— Когда мне приходится вручать нашим ребятам правительственные награды, я внимательно вглядываюсь в их лица. Высоколобые интеллектуалы-аналитики, широкоплечие обветренные бойцы спецназа, молчаливые взрывотехники, строгие следователи, сдержанные опера-контрразведчики... Внешне они разные, но есть одно важное качество, объединяющее их, — это служивые люди, если угодно, современные неодворяне.

Формула смутила. Если чекисты — неодворяне, то кто же остальные граждане?..

Чекисты-неодворяне занимали все более заметные места в жизни страны, получали депутатские мандаты и губернаторские крес-

ла. Сменив популярного, но слишком самостоятельного, по мнению федеральных чиновников, боевого офицера и Героя Советского Союза Руслана Аушева, генерал Мурат Зязиков стал президентом Ингушетии. Начальники воронежского управления госбезопасности генерал Владимир Кулаков и смоленского управления генерал Виктор Маслов — губернаторами своих областей.

— Понимаете, чекисты всегда считали себя избранными, — объяснял генерал Кулаков журналистам. — Уж не знаю, кем именно — Богом, партией или людьми, — но этой избранностью мы дорожили. Особые отношения внутри Системы передавались из поколения в поколение. В девяностых годах по спецслужбам был нанесен решительный удар, и все эти понятия девальвировались, но сейчас прежние ценности восстанавливаются.

В начале мая 2005 года Путин вручал награды. Орден «За военные заслуги» получил депутат Государственной думы Игорь Баринов, в прошлом подполковник госбезопасности. Получив награду, отрапортовал:

— Благодарю за награду. Внедрение в Госдуму прошло успешно.

Наверное, он вспомнил шутку самого Путина, который в роли главы правительства пришел в ФСБ и произнес то же самое. А может, и не шутил: подполковник госбезопасности считает себя в Думе представителем не избирателей, а Лубянки?..

Давление чекистов ощутили прежде всего ученые. Людей, которые тесно сотрудничали с иностранными коллегами, обвиняли в разглашении секретных сведений, хотя они, как правило, не имели доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, не давали подписки о неразглашении и даже не знали, что, собственно, является тайной. Это было воспринято как желание сократить широкое общение с внешним миром.

Тогдашний председатель думского комитета по безопасности генерал-лейтенант Александр Иванович Гуров, в прошлом сам силовик, в мае 2001 года с возмущением говорил о том, что силовые ведомства России возрождают в стране позорный дух доносительства и стукачества.

Президиум Академии наук издал, как в советские времена, инструкцию, которая требует от ученых сообщать о своих контактах с иностранцами и отчитываться после поездок за границу.

«Оправилась и подмяла под себя все живое российская бюрократия, — писал поэт Дмитрий Сухарев. — Что такое центральный аппарат Академии наук? Это то же самое, что когда-то секретариат Союза писателей, то есть филиал КГБ. Чтобы их не разогнали, они на какое-то время затаились. Но теперь им бояться нечего.... Они уже восстановили в академических институтах первые отделы. Восстановили тот стиль жизни, от которого мы успели отвыкнуть... Мы уперлись в спины наших давних знакомцев и соглядатаев, наших вечных кураторов... Для репрессий и чисток нужна только политическая воля. Я могу только уповать, что этой воли у них уже нет».

Ведомство госбезопасности возбудило несколько громких дел против ученых, что сильно напугало научную общественность.

Профессор Владимир Николаевич Сойфер заведовал лабораторией ядерной океанологии Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук. Нагрянувшие с проверкой в институт чекисты обнаружили в его сейфе ксерокопии документов службы радиационной, химической и биологической защиты и гидрографии Тихоокеанского флота с грифом «для служебного пользования», которые по правилам должны после окончания рабочего дня славаться в первый отдел института. Чекисты констатировали, что профессор Сойфер создает «угрозу государственной и военной безопасности». Они опечатали лабораторию. Руководители института были поражены. Объясняли:

— Действительно, некоторые документы лежали не в тех папках и не на тех местах. Но это служебный проступок, не более.

Далее последовал обыск в квартире известного ученого-океанолога, где обнаружили «документы с признаками грифа секретности». Профессор Сойфер признал, что нарушил правила хранения документации, но доказывал, что документы признаны секретными совершенно необоснованно. Президиум Дальневосточного отделения Российской академии наук назначил экспертную комиссию. Она пришла к выводу, что Сойфер не держал дома материалов, представляющих государственную тайну.

Профессор Владимир Сойфер изучал радиоактивное загрязнение море и океанов, в частности последствия аварии на атомной подводной лодке в бухте Чажма, когда погибли одиннадцать человек и заражению подверглась немалая часть акватории Японского моря.

Его брат, профессор Валерий Сойфер, живет в США и заведует лабораторией молекулярной генетики в университете в штате Вирджиния. Брат-эмигрант, возможно, и вызвал пристальный интерес к Владимиру Николаевичу. Сам он предположил, что дело против него возбудили по другой причине: хотели отстранить от участия в радиологической и экологической экспертизе бухты Чажма, где намеревались создать нефтеперерабатывающее предприятие. Работа профессора Сойфера могла помешать коммерческим замыслам...

Владимир Сойфер подал в суд на местное управление ФСБ. Суд признал незаконным проведение обыска в его квартире, изъятие материалов научных разработок, а также его заграничного паспорта. Начальник следственного отдела управления ФСБ по Приморскому краю подписал уведомление, адресованное профессору Сойферу, о том, что его уголовное дело, начатое в июле 1999 года, закрыто в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Сойфера подвели под амнистию — это был удачный для ФСБ выход: ты виноват, но тебя простили. Профессор отказался принять амнистию и через суд добился ее отмены.

После этого полгода в управлении ФСБ думали, что делать, как выкрутиться из глупой истории. Но извиняться не стали... Скандал получился громким. Возмутилась научная общественность, экологи, правозащитники, журналисты. Но кто из оперативных работников был наказан? Как компенсирован ущерб, причиненный ученому, которого на всю страну назвали преступником, шпионом? И как сделать, чтобы такие липовые дела больше не возникали? Владимир Сойфер писал, что его делом руководил тогдашний начальник УФСБ по Приморскому краю Сергей Владимирович Веревкин-Рохальский. Генерала перевели в Москву, он стал заместителем министра по налогам и сборам. Завершил карьеру генерал-лейтенант Веревкин-Рохальский на посту руководителя Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям.

В Институте США и Канады кандидат исторических наук Игорь Сутягин заведовал сектором военно-технической и военно-экономической политики. В октябре 1999 года его арестовали. Чекисты обвинили Сутягина в сотрудничестве с агентами американской разведки, работавшими под прикрытием британской консалтинговой фирмы. Приговор был вынесен только в апреле 2004 года. Московский городской суд приговорил Сутягина к пятнадцати годам тюремного заключения за то, что он «собрал из открытых печатных изданий, а также иных не установленных следствием источников аналитические сведения о России, составляющие государственную тайну». Возражения коллег-ученых и защиты — сведения, полученные из открытых источников, не могут составлять государственную тайну, — не возымели действия.

Судьба Игоря Сутягина решилась самым неожиданным и драматическим образом, когда в июле 2010 года Федеральное бюро расследований министерства юстиции США сообщило о раскрытии целой российской разведывательной сети. Арестованным повезло; их не стали судить. ЦРУ сразу же предложило Службе внешней разведки обмен.

Первым в списке значился Игорь Сутягин. Из колонии его этапировали в Москву и поместили в следственном изоляторе Лефортова. Адвокату и родным он рассказал, что от него потребовали подписать признание, что он виновен, и намекнули: откажется — жизнь в колонии станет очень плохой. За три года до этого ему отказали в помиловании. За три месяца до этого — в условно-досрочном освобождении... И еще ему объяснили, что, если кто-то из участников этой операции откажется, обмен не состоится. Он согласился.

Помимо Сутягина президент Дмитрий Медведев помиловал и разрешил выпустить на свободу и за границу бывшего полковника военной разведки Сергея Скрипаля, обвиненного в работе на британскую разведку, бывшего полковника СВР Александра Запорожского и бывшего майора КГБ Геннадия Василенко, признанных виновными в шпионаже в пользу Соединенных Штатов.

Всех четверых самолетом Министерства по делам чрезвычайных ситуаций доставили в Вену, где произошел самый грандиозный шпионский обмен последнего времени.

Сутягина и Скрипаля переправили в Лондон, Запорожского и Василенко доставили на американскую территорию. А самолет МЧС увез в Россию наших разведчиков: суд в Нью-Йорке приговорил их к одиннадцати дням заключения, которые они фактически отбыли, конфискации имущества и высылке из США.

Эта история оставила двойственное впечатление. Вытащили из тюремной камеры своих людей — это прекрасно. Разведчики должны знать, что их не бросят в беде... Но обычно выручают своих, отпуская чужих. В данном случае обменяли русских на русских, как это происходило в советские времена, когда Запад спасал диссидентов и политзаключенных. Но ведь теперь другие времена!

В СССР высланных из страны одновременно лишали гражданства. Конституция современной России это запрещает. Теоретически Игорь Сутягин и другие могут преспокойно вернуться в Россию. Какими глазами будут смотреть на них контрразведчики, которые вели их дела? И еще одно соображение, важное для сотрудников ФСБ: не появится ли у потенциальных агентов иностранных разведок уверенность в том, что шпионить теперь не так уж страшно — вытащат?

В январе 2005 года в передаче технологий двойного назначения Южной Кореи обвинили директора башкирского Института проблем сверхпластичности металлов РАН Оскара Кайбышева. Поводом стал контракт его института с южнокорейской фирмой на испытания колесных дисков для автомобилей. Коллеги пришли ему на защиту и доказали, что секретов он не выдавал. Тогда Кайбышева обвинили в злоупотреблении служебным положением, присвоении казенных средств, растрате и в августе 2006 года приговорили к шести годам условно.

Директор Института химической кинетики и горения Сибирского отделения Российской академии наук профессор и доктор физико-математических наук Сергей Дзюба рассказал, как в 2004 году к нему пришли два офицера ФСБ (он назвал реальные имена, один из них — официальный куратор института) и фактически пытались его завербовать, обещав взамен любую помощь:

— Вы знаете, у нашей службы такие огромные возможности, что мы можем каждого скрутить в бараний рог. Назовите имена, и мы вам поможем...

Директор отклонил обещанную помощь в «скручивании в бараний рог». 26 февраля 2006 года следственный отдел управления ФСБ по Новосибирской области возбудил против его подчиненного — заведующего лабораторией кинетики процессов горения профессора Олега Коробейникова — дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 283-й Уголовного кодекса

(разглашение государственной тайны). Чекисты считали, что Коробейников, выполняя работу по американскому гранту, передал Пентагону сведения о составе твердого ракетного топлива.

Коллеги удивились: профессор занимается фундаментальными исследованиями, результатами которых обмениваются ученые всех стран. Все результаты работы лаборатории предавались гласности. Тогда чекисты уточнили: профессор передал американцам секреты нового ракетного топлива и представили заключение 8-го управления Генштаба о том, что отчеты по контракту с американцами содержат сведения, составляющие государственную тайну.

Ученые объяснили, что в лаборатории работали с так называемым модельным топливом, которое не использовалось в России. Повторная экспертиза это доказала. Через год обвинение сняли. 25 мая 2007 года дело прекратили «за отсутствием состава преступления». Профессор Коробейников потребовал извинений. 31 июля прокуратура Новосибирской области извинилась перед ученым за моральный вред, причиненный ему возбуждением уголовного дела о разглашении государственной тайны. Новосибирские чекисты извинений не принесли.

Директор института Сергей Дзюба считает, что профессор Коробейников «попал в отработку спецслужбами сформировавшейся где-то наверху точки зрения, что раз российские ученые получают иностранные гранты, значит, они работают не на нашу страну, а на западные державы».

Самого директора института сомнительные люди одолевали заманчивыми предложениями поработать за хорошие деньги на иностранцев. Директор предположил, что это элементарная подстава, желание поймать его на крючок. Он пожаловался президенту Путину. Ученого принял начальник областного управления ФСБ, за выходку одного из своих подчиненных извинился. Относительно странных людей с их предложениями сказал: это иностранные спецслужбы работали...

Такие истории пугают ученых, они опасаются контактов с иностранными коллегами, а изолированность от мировой науки опасна.

— Рассказанное Сергеем Дзюбой — не уникальный случай, — считает известный ученый академик Юрий Алексеевич Рыжов. — Занимаясь правозащитой так называемых «ученых-шпионов», мы подобных фактов собрали много. Если на старте двухтысячных нам удавалось хоть кого-то отстоять, то начиная с 2004 года люди садились в тюрьму на сроки, которые не дают даже серийным убийцам. Чекисты демократической России регулярно сообщают о сотнях обезвреженных иностранных агентов, подкрадывающихся к нашей науке. Ну, это же бред. Советские кагэбешники мне говорили, что, если в год они ловили трех-четыре настоящих шпионов, это был рекорд.

В декабре 2006 года на встрече с руководителями средств массовой информации Николай Патрушев сообщил:

— В этом году по отношению к России зафиксирована активность порядка сорока иностранных спецслужб, пресечена деятельность 27 кадровых сотрудников и 89 агентов иностранных спецслужб. Из них с поличным захвачены один кадровый сотрудник и восемь агентов. Еще 21 иностранец, причастный к деятельности спецслужб, выдворен из страны.

Самой громкой была история с британскими дипломатами, которых обвинили в шпионаже. Патрушев рассказывал журналистам:

— Нами разоблачены сотрудники британской резидентуры в Москве, проводившие разведывательные акции под дипломатическим прикрытием. Это второй секретарь политического отдела посольства Великобритании Марк Доу, секретари-архивисты Кристофер Пирт и Эндрю Флеминг. Установлена также причастность к шпионской деятельности и помощника официального представителя МИ-6 в России Пола Кромптона. По факту обнаружения в Москве шпионского электронного устройства ближней агентурной радиосвязи следственным управлением ФСБ возбуждено уголовное дело по статье «Шпионаж», в рамках которого проводятся соответствующие следственные и оперативно-разыскные мероприятия...

Самым любопытным было решение не высылать выявленных британских разведчиков. Официальное объяснение: пусть, если захотят, работают под нашим контролем, а то пришлют новых, поумнее.

Специалисты пришли к выводу, что эта история имеет другой смысл. Патрушев стал чаще говорить о том, что иностранные шпионы используют международные фонды и неправительственные организации. И поминал при этом того самого британского дипломата Марка Доу, которого чекисты называли кадровым разведчиком-агентурником, но не объявили персоной нон грата.

— В арсенале иностранных спецслужб, — объяснял Патрушев, — есть практика использования неправительственных организаций как для добывания разведывательной информации, так и в качестве инструмента оказания скрытого влияния на политические процессы. Существует также угроза финансирования фактически подрывной деятельности против России через возможности отдельных иностранных неправительственных организаций.

На Кремль произвели впечатление «цветные революции» на Украине и в Грузии, когда президентами на волне народного возмущения стали Виктор Ющенко и Михаил Саакашвили. Многих в России напугал внезапный взрыв недовольства украинцев и грузин против коррупции, наглого манипулирования властью, фальсификации выборов. Несколько лет нас убеждали в том, что политические перемены в этих странах произошли на иностранные деньги.

Разговоры о засевших повсюду шпионах находят отклик. На расширенном заседании коллегии Главного управления внутрен-

них дел по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, где присутствовали губернатор Валентина Матвиенко и полномочный представитель президента Илья Клебанов, начальник главка генерал-майор Владислав Пиотровский говорил о задачах милиции на предстоящих выборах в муниципальные органы власти. Генерал предупредил:

— Ожидается активизация деятельности правозащитных и общественных организаций, через которые иностранными спецслужбами финансируется экстремистская деятельность.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Николай Платонович Патрушев избегает публичности, редко дает интервью и старается о себе ничего не рассказывать. Известно, что он любит охоту, рыбалку и волейбол. 11 июля 2005 года патриарх Московский и всея Руси Алексей II освятил храм Святого великомученика и целителя Пантелеимона при Центральном клиническом госпитале ФСБ и наградил Патрушева орденом Святого благоверного князя Димитрия Донского I степени за вклад в развитие сотрудничества с церковью.

Старший сын Патрушева Дмитрий четыре года работал в Внешторгбанке. В мае 2010 года Дмитрий Николаевич стал председателем правления Россельхозбанка. Это было заметное назначение, потому что речь идет о третьем по значению банке в стране, важнейшем кредиторе отечественного сельского хозяйства. Дмитрию Патрушеву к моменту назначения не исполнилось и тридцати трех лет. Его предшественник, возглавлявший банк с момента создания, уволился по собственному желанию.

Младший сын, Андрей Патрушев, закончил академию ФСБ. По сведениям газеты «Коммерсант», Андрей Патрушев некоторое время трудился по специальности на Лубянке — заместителем начальника 9-го (нефтяного) отдела в управлении «П» («Промышленность»). В сентябре 2006 года капитан Андрей Патрушев был назначен советником председателя совета директоров «Роснефти» вице-преьера Игоря Ивановича Сечина, одного из самых близких к Путину людей. В апреле 2007 года Андрей Николаевич, которому было тогда двадцать шесть лет, удостоился ордена Почета «за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу». Патрушев-младший проработал в «Роснефти» к моменту награждения семь месяцев.

Орденом Дружбы президент Путин наградил брата директора ФСБ Виктора Платоновича Патрушева, который работает в крупнейшем сотовом операторе — компании «МегаФон» (два его сына успешные бизнесмены в Санкт-Петербурге). Виктор Патрушев вместе с братом участвовал в январе 2007 года в экспедиции на Южный полюс, которой руководил заместитель председателя Государ-

ственной думы Артур Чилингаров. На двух вертолетах Ми-8, которые принадлежат ФСБ, они совершили посадку в Антарктиде, привезли полярникам подарки и почту, водрузили на Южном полюсе российский флаг. Незадолго до антарктического путешествия, в ноябре 2006 года, Виктор Патрушев получил орден Почета за заслуги в развитии физкультуры и спорта в качестве советника председателя петербургского общества «Динамо».

Годом позже, 6 января 2008 года, сам Николай Патрушев участвовал в высадке группы сотрудников Центра специального назначения ФСБ на вершине горы Эльбрус. Это было частью учений спецназа и авиации ФСБ — антитеррористические действия в условиях зимнего высокогорья.

Уже после перехода Патрушева в Совет безопасности на официальном сайте появились сведения об имуществе и доходах Патрушева. В 2008 году он заработал 3 миллиона 341 тысячу рублей. Его жена — 348 тысяч рублей. Он пользуется дачей площадью 265 квадратных метров. Жена — квартирой площадью 239 квадратных метров. Газета «Коммерсант» обратила внимание на то, что, по данным столичного управления Федеральной регистрационной службы, среди самых крупных землевладельцев в чудесном дачном местечке Серебряный Бор значится жена секретаря Совета безопасности Елена Патрушева. Неподалеку расположилось владение главы нефтяной компании ЛУКОЙЛ Вагита Аликперова, ему принадлежит почти целый гектар, Елене Патрушевой — вдвое меньше. Оценщики уверяют, что сотка земли в Серебряном Бору стоит от 120 до 260 тысяч долларов...

В конце января 2008 года президент Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности. Он отметил, что «последние несколько лет стали этапом не только возрождения, но и качественного развития и укрепления службы». Сказал, что удалось полностью восстановить ее оперативный, аналитический и боевой потенциал: «успешно завершены структурные и организационно-штатные преобразования, стабилизирован кадровый состав». Это было признание заслуг Патрушева.

Владимир Путин призвал чекистов:

— Необходимо усилить работу по своевременному получению информации о попытках вмешательства в наши внутренние дела. Это особенно важно в период идущих сейчас выборов президента Российской Федерации. Наша страна — суверенное государство, и мы не допустим, чтобы ход избирательной кампании кем-либо корректировался извне.

Опасения Владимира Владимировича оказались напрасными. В Кремле его сменил Дмитрий Анатольевич Медведев. Новый президент России назначил нового директора Федеральной службы безопасности. Причина кадровых перемен на Лубянке широкой общественности осталась неизвестной. Патрушева перебросили в Совет безопасности. Когда-то эту должность занимал сам Путин,

но в негласной табели о рангах пост главы ведомства госбезопасности все-таки значительно выше...

Представляя коллегии Федеральной службы безопасности нового директора, президент Медведев одобрительно отозвался и о Николае Платоновиче Патрушеве:

— Это были не самые легкие годы, но он с честью справился со всеми задачами.

Глава 26

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ БОРТНИКОВ

Директором Федеральной службы безопасности 12 мая 2008 года, всего через пять дней после инаугурации, президент Дмитрий Медведев утвердил Александра Васильевича Бортникова. Высшее воинское звание генерала армии новый директор уже получил — за полтора года до того, 20 декабря 2006 года.

«Задолго до назначения Александра Бортникова директором ФСБ, — писала «Новая газета», — наши источники сообщали о том, что он является человеком Дмитрия Медведева и проводит с ним частые встречи, минуя своего непосредственного руководителя, теперь уже бывшего чекиста Николая Патрушева...»

Александр Бортников считается питерским человеком, хотя он родился 15 ноября 1951 года в Перми. Но учился он в Ленинграде. В 1973 году окончил Институт инженеров железнодорожного транспорта имени академика В.Н. Образцова, один из старейших в Северной Пальмире. Получив диплом, работал по специальности в Гатчине. Но не долго. В 1975 году его пригласили в КГБ, после годичных курсов он служил в управлении КГБ по Ленинградской области.

Газета «Известия» напомнила о его участии в одной громкой операции. В 1983 году ленинградские чекисты задержали сотрудника Научно-исследовательского института Арктики и Атлантики Юрия Павлова, которого обвинили в работе на ЦРУ. На допросе тот сказал, что работает с ним сотрудник генерального консульства США в Ленинграде Лон Аугустенборг. Ему Павлов должен был передать чертежи атомных подводных лодок. Тайник был оборудован на обочине Приморского шоссе под Ленинградом, по которому иностранные дипломаты ездили на дачу. Подполковник Александр Бортников был начальником отделения. Он с группой захвата засел в яме, которую тщательно замаскировали. Вышла из машины жена дипломата с ребенком на руках. Она, как рассказывали чекисты, для маскировки уронила на тайник детское одеяльце, и тут из ямы выскочили люди Бортникова...

Александр Васильевич дослужился до высокой должности заместителя начальника управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по контрразведывательным операциям. Он получил самостоятельность, когда его начальника Сергея Михайловича Смир-

нова перевели в Москву первым заместителем директора ФСБ. В июне 2003 года генерал-майор Бортников стал начальником питерского управления госбезопасности. Он занимался расследованием убийства депутата Государственной думы Галины Васильевны Старовойтовой. Александр Бортников предупреждал тогда, что самая трудная задача — установить заказчика. И действительно — исполнителей нашли и осудили, а заказчик пока на свободе.

Старшим питерским чекистом Бортников оставался недолго. 2 марта 2004 года его перевели в Москву — заместителем директора ФСБ и начальником департамента экономической безопасности. Эта должность освободилась после того, как с Лубянки убрали генерал-полковника Юрия Евгеньевича Заостровцева. С именем этого человека связана довольно громкая история, определившая судьбу многих руководителей госбезопасности.

ВОЙНА СПЕЦСЛУЖБ

Журналисты составили весьма любопытную биографию Юрия Заостровцева. Профессиональный чекист, он до 1993 года служил на Лубянке. Последняя должность — начальник управления по борьбе с контрабандой и коррупцией. Неожиданно в звании полковника уволился и перешел в банковский бизнес. Возглавил службу безопасности и охраны Тверьуниверсалбанка, которым руководил бывший глава советского правительства Николай Иванович Рыжков. Через три года Заостровцев ушел — в компанию «Медокс», которая входила в группу «Сибирский алюминий», и сам основал несколько частных охранных предприятий. Так что Юрий Евгеньевич на личном опыте познакомился с нравами делового мира того времени, которое любят называть «лихими девяностыми».

Не так уж часто людей, ушедших в бизнес, возвращают на Лубянку. Считается, что собственные коммерческие интересы, работа в охранных предприятиях (не самая законопослушная часть отечественного бизнеса) мешают чекистской работе. Но о Юрии Заостровцеве вспомнил Патрушев, его бывший начальник по карельскому управлению госбезопасности. Пока Николай Иванович — очень недолго — руководил главным контрольным управлением президента, он в июле 1998 года успел взять к себе Заостровцева начальником отдела. А в ноябре 1998 года первый заместитель директора ФСБ Патрушев вернул полковника Заостровцева в кадры.

В центральном аппарате ФСБ Юрий Евгеньевич возглавил управление по контрразведывательному обеспечению финансово-банковской сферы, а затем получил повышение — стал руководителем департамента экономической контрразведки. В те годы, когда государственный аппарат возвращал себе контроль над экономикой, роль этой структуры была невероятно высока.

Общественность услышала его имя, когда началось печально знаменитое дело «Трех китов». В августе 2000 года таможенники задержали незаконно ввезенную партию импортной мебели. История была рутинной, но брат одного из участников сделки, Евгений Жуков, руководил секретариатом заместителя директора ФСБ Заостровцева, который отвечал за экономическую безопасность...

«Имел или нет генерал-полковник Заостровцев причастность к контрабандным делам, — осторожно пишет депутат Государственной думы и журналист Александр Хинштейн, — установить так и не удалось». Но в историю «Трех китов» вовлеклись серьезные ведомства и влиятельные люди. Таможенников поддержало Министерство внутренних дел. Сформировали совместную оперативно-следственную группу МВД и государственного таможенного комитета.

А владелец «Трех китов» Сергей Зуев и его партнеры вроде бы стали искать людей в прокуратуре. В ноябре 2002 года Генеральная прокуратура изъяла дело и тут же его прекратила. Несколько томов с важными доказательствами потерялись. А в декабре прокуратура еще и возбудила дело против самих таможенников и следователя из следственного комитета МВД Павла Зайцева «за превышение полномочий».

Началась настоящая война спецслужб. А в обществе возник громкий скандал. Вмешался президент Путин. Надо понимать, он искал человека со стороны, которому можно было бы доверить это непростое дело. Попросил по старой памяти Виктора Черксова, в ту пору полномочного представителя президента в Северо-Западном округе (включающем Санкт-Петербург), найти независимого следователя. Тот рекомендовал следователя питерской прокуратуры Владимира Лоскутова.

Путин поручил ему провести следствие. Владельца «Трех китов» Сергея Зуева и еще нескольких человек арестовали. Заместителя генерального прокурора, который санкционировал прекращение контрабандного дела, уволили. Открылась весьма неприглядная картина массовой коррупции, в том числе среди чекистов.

«Высшие чины прокуратуры, МВД, ФСБ, Федеральной таможенной службы, члены парламента оказались вовлечены в громадный преступный промысел, — пишет депутат Хинштейн. — Ежемесячно казна недосчитывалась миллиардов долларов... Черкизон был основным местом реализации контрабанды, поступавшей из Китая по каналу, «крышевавшемуся» высокопоставленными сотрудниками ФСБ и МВД».

В отставку отправили два десятка высокопоставленных чиновников, в том числе нескольких высших офицеров ФСБ. Считается, что расстались с теми, кто мешал следствию или сам был причастен к контрабанде. Юрий Евгеньевич Заостровцев пострадал не сильно, ему в начале 2004 года присвоили звание генерал-полковника, пе-

ревели в действующий резерв ФСБ и сделали вице-президентом Внешэкономбанка, где он трудился до лета 2007 года. Газеты писали, что после ухода из банка он занялся лесным бизнесом...

Место Заостровцева занял человек со стороны — Александр Бортников. Правда, через несколько месяцев Путин подписал указ о реорганизации ФСБ: число заместителей директора сократилось с одиннадцати до четырех, а вместо департаментов и управлений образовали восемь служб. После реорганизации в июле 2004 года генерал-лейтенант Бортников перестал быть заместителем директора, но остался руководителем Службы экономической безопасности ФСБ. Это расценили как потерю важной позиции, как свидетельство не слишком хорошего к нему отношения со стороны высшего начальства. Возможно, это было неверное предположение. Зато он получил звание генерал-полковника.

Два громких дела — «Три кита» и о контрабанде китайских товаров в адрес воинской части, которая обслуживала хозяйственное управление ФСБ, — привели к заметным отставкам. Считается, что из-за этого скандала ушли два заместителя Патрушева — генерал-полковники Владимир Гаврилович Анисимов (тоже служил в госбезопасности Карелии) и Сергей Владимирович Шишин. Сам Бортников остался вне подозрений. Его имя не связывали с громкими и малосимпатичными делами, которые сломали судьбы видных чекистов.

Но конфликт продолжался. Весной 2006 года следователь Лоскутов сумел доложить Путину: следственная бригада не работает, ему самому угрожают. Считается, что в результате потерял кресло генеральный прокурор Владимир Васильевич Устинов. А президент еще раз попросил помочь Виктора Черкесова, которого в марте 2003 года перевел в Москву и поставил во главе нового, но сравнительно небольшого ведомства — Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. В результате генерал-полковник госбезопасности Черкесов стал еще и генералом полиции.

Виктор Васильевич Черкесов уверенно вступил в эту опасную игру. Аппарат Госнарконтроля помогал следователям: говоря профессиональным языком, вел оперативное сопровождение дела «Трех китов». Это столкнуло Черкесова с его бывшими коллегами по ведомству госбезопасности. В конкуренции с другими силовиками он явно стал проигрывать.

Личное покровительство Путина и помощь Черкесова не помогли следствию. В 2007 году Владимира Лоскутова вернули в Питер. Два других следователя сами оказались под следствием. А Черкесову ответили тем, что возбудили дело против его подчиненного — генерал-лейтенанта Александра Арсеньевича Бульбова, начальника департамента оперативного обеспечения Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Задержали также бывшего заместителя начальника службы безопасности Госнарконтроля Юрия Гевала и двоих оперативных работников.

Генерала Бульбова 2 октября 2007 года задержали прямо на трапе самолета в аэропорту Домодедово. Следственный комитет при прокуратуре обвинил генерала в незаконном прослушивании телефонных разговоров, взятках и злоупотреблении полномочиями. По данным следствия, генерал контролировал деятельность частных охранных предприятий. Полученными от них деньгами — за организацию незаконных действий — делился с заместителем начальника управления специальных технических мероприятий ГУВД Москвы Михаилом Яныкиным, тоже арестованным.

Руководство Госнарконтроля просило выпустить генерала под свое поручительство, однако Бульбова держали в предварительном заключении два с половиной года. Но Генеральная прокуратура отказалась утверждать обвинительное заключение. Бульбов заявил в зале суда, что его арест — месть ФСБ за его участие в расследовании контрабандных дел.

В «Известиях» появился подробный рассказ об имуществе арестованного генерала. Список недвижимости семьи Бульбовых впечатлял — квартиры и дома в Москве и Подмосковье, а также туристический комплекс, гостевой дом, кафе на знаменитой Куршской косе. Напрашивался вопрос: откуда деньги?

Кадровый офицер госбезопасности Александр Бульбов был в октябре 1993 года арестован в Белом доме по обвинению в участии в массовых беспорядках. Но его амнистировали вместе со всеми участниками событий той осени и восстановили в кадрах Федеральной службы контрразведки. Но продолжить службу он не захотел, уволился и ушел в бизнес. Как и генерал Юрий Заостровцев, основал несколько частных охранных фирм. Бизнес, надо понимать, оказался успешным и позволил обзавестись дорогостоящей недвижимостью. В 2000 году Бульбова взял к себе в аппарат Черкесов, в ту пору полпред президента в Северо-Западном федеральном округе. Потом перевел в наркоконтроль.

После ареста Бульбова вечером 8 октября 2007 года президент Путин неожиданно приехал в ФСБ. Все восприняли это как поддержку Патрушева. 9 октября «Коммерсант» поместил большую статью Черкесова о междоусобной войне спецслужб под названием «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

Виктор Черкесов напомнил, что его подчиненные, которых арестовали, по поручению Генеральной прокуратуры участвовали в расследовании дел о «Трех китах» и контрабанде китайского трикотажа. Выходит, они виновны в том, что исполняли свой долг? Черкесов обещал: «Честные люди, наши товарищи по оружию, попавшие в беду, должны быть уверены, что мы их будем отстаивать до конца».

Черкесов напомнил, что именно чекисты удержали страну «от окончательного падения и в этом историческая заслуга президента Путина», поэтому так опасно критиковать «чекистский крюк», на котором держится страна. Но в чекистской корпорации, призывал

Черкесов, должны соблюдаться определенные законы: «Те, кто обнаруживает, что его подлинное призвание — это бизнес, должны уйти в другую среду. Не пытаться оставаться одновременно и торговцем, и воином. Так не бывает. Либо-либо».

Иначе говоря, один из самых информированных людей в стране открыто обвинил своих коллег по спецслужбам в незаконной коммерческой деятельности, в крышевании бизнеса, в использовании своего положения для зарабатывания больших денег. Война силовых ведомств из-за «Трех китов» открыла общественности то, о чем многие и так подозревали, но не имели доказательств. Слова генерала Черкесова — более чем авторитетное свидетельство.

Поначалу бизнесмены с радостью нанимали бывших силовиков, надеясь на их связи, или напрямую обращались к действующим офицерам различных ведомств, чтобы одолеть конкурентов — различными способами, включая заведение уголовных дел. Со временем стало ясно, что без людей, принадлежащих к корпорации спецслужб, дела вообще не делаются. В мире бизнеса возник страх, что в любую минуту люди в погонах заберут успешный бизнес. А предприниматели в погонах стали процветать и получать прекрасный доход.

Широкой публике осталось неизвестным, что заставило опытного Виктора Васильевича вынести спор с коллегами-чекистами на всеобщее обозрение. Отчаяние? Утратил доступ к первому человеку в стране и попытался хотя бы таким образом привлечь его внимание к сложной ситуации, в которую попал? Теперь все зависело от реакции Путина. Корреспондент «Коммерсанта» прямо спросил президента, что он думает о статье Черкесова?

Владимир Владимирович явно был недоволен:

— Я бы на месте людей, которые защищают честь мундира, не стал обвинять в ответ всех подряд, особенно через средства массовой информации. Выносить такого рода проблемы в средства массовой информации считаю некорректным. Если кто-то действует таким образом, предъявляет такого рода претензии о войне спецслужб, сам сначала должен быть безупречным.

Стало ясно, что Виктор Васильевич Черкесов не нашел понимания у президента.

Они оба — и Черкесов, и Патрушев — покинули свои посты сразу после избрания президента Медведева. Считается, что одновременная отставка Черкесова и Патрушева подвела черту под «войной спецслужб». Разница состоит в том, что Патрушев занял заметный пост секретаря Совета безопасности. Черкесову же подобрали заведомо обреченное дело — поручили возглавить новое Федеральное агентство по поставкам вооружений, военной и спецтехники (Рособоронпоставка). Это агентство так и не заработало, а в 2010 году его статус понизили и переподчинили более удачливому чиновнику — министру обороны Анатолию Эдуардовичу Сердюкову. Чер-

кесов потерял должность руководителя агентства указом президента Медведева в июне 2010 года.

В том же году закончилось знаковое дело «Трех китов». Бывшего владельца мебельных центров «Гранд» и «Три кита» Сергея Зуева приговорили к восьми годам лишения свободы, вместе с ним получили срок еще восемь человек.

Александр Бортников остался в стороне от этой междоусобной войны. Ему уже давно сулили большое повышение. Летом 2007 года ушел с поста секретаря Совета безопасности профессиональный дипломат Игорь Сергеевич Иванов. На его место прочили Бортникова. Но занял это кресло Патрушев. А Бортников добрался до высшего в чекистской иерархии поста.

Александр Васильевич еще менее публичный человек, чем его предшественник. Известно, что его сын Денис окончил в Санкт-Петербурге университет экономики и финансов. Служил в Промышленно-строительном банке — его владелец банкир Владимир Игоревич Коган, считающийся близким к Путину (в этом банке работал руководитель аппарата президента Медведева — Сергей Евгеньевич Нарышкин). Затем перешел во Внешторгбанк, в ноябре 2007 года стал заместителем председателя правления «ВТБ Северо-Запад».

В силу прежней работы Александр Бортников знает об экономической жизни страны все. И вот что любопытно. Специалисты обратили внимание: после назначения Бортникова ФСБ меньше вмешивается в экономические дела. Возможно, большой бизнес уже и так перенасыщен выходцами из госбезопасности.

ШПИОНЫ ГРУЗИНСКИЕ И УКРАИНСКИЕ

Федеральная служба безопасности оказалась вовлечена в серьезный конфликт России с Грузией и с Украиной (пока президентом был Виктор Андреевич Ющенко). Нараставшее несколько лет жестокое противостояние с Тбилиси закончилось настоящей пятидневной войной в августе 2008 года. Обстоятельства ее возникновения еще нуждаются в изучении. Бесконечные перестрелки между грузинскими солдатами и южноосетинскими ополченцами не могли не привести к настоящей трагедии. После обстрела столицы Южной Осетии грузинскими войсками Российская армия нанесла ответный удар, вступила на территорию Грузии и практически разгромила ее вооруженные силы. Затем Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии.

11 сентября 2008 года глава правительства Путин принимал журналистов и политологов из разных стран в Сочи, где отдыхал. Корреспондент британской газеты «Гардиан» Джонатан Стил спросил Владимира Владимировича, почему Россия повела себя агрессивно и неадекватно в Грузии:

— Казалось, это была не политика защиты, а политика реванша.

— Нам что, оставалось утереть кровавые сопли и склонить голову? — возразил Путин. — Что вы хотели, чтобы мы там педеростным ножичком размахивали? А что такое адекватное применение силы, когда против нас используют танки, тяжелую артиллерию, мы что, из рогатки должны стрелять? Те, кто затеял, должны были понимать, что получают по морде по полной программе...

Президент Дмитрий Медведев рассказал подробнее, как все произошло:

— Я был в отпуске. Ночью позвонил министр обороны: «Грузины передали южным осетинам, что собираются начать войну»... Я думал, может, это очередная провокация. И пока грузинские войска двигались к территории Южной Осетии, я никаких решений не принимал, надеясь, что у этих придурков хватит все-таки ума остановиться в какой-то момент. Не хватило... Мы на самом деле терпели до тех пор, пока они не начали ракетный и артиллерийский обстрел города, не начали шарашить из орудий по домам, стрелять в миротворцев. Только после этого мне пришлось отдать указание о том, чтобы ответить... Последний раз, когда я с Бушем разговаривал по телефону, а это было в период активной фазы нашей военной операции, я ему сказал, что «в этой ситуации ты бы сделал то же самое, только, может быть, более жестко». Он не стал со мной спорить. Это означает, что реакция на такую ситуацию практически у любого государства, которое ценит жизни своих граждан и проводит самостоятельную внешнюю политику, была бы приблизительно одинакова. Другое дело, что этой реакции не ожидали от России и активно создавали у грузинской стороны ощущение: «Делайте что хотите, русские не сунутся, это не в их интересах...» Явный внешнеполитический просчет. Ошибка дипломатическая со стороны США, со стороны Грузии, хотя со стороны Грузии это еще и преступление... Когда я разговаривал с Бушем, он мне сказал: «А зачем тебе все это надо? Ты же молодой президент с либеральным бэкграундом. Зачем?» Мне это вообще не надо, но есть ситуации, когда имидж — ничто, а реальные действия — все... Помню, как у нас развивались отношения с Саакашвили. Он крутился, все время говорил: «Давайте встретимся, я в Сочи приеду»... Через некоторое время приехала в Грузию Госсекретарь Кондолиза Райс, и мальчишка как подменили. Звонить перестал, говорит: «В Сочи встреча не нужна, может, в конце года». Начал готовиться к войне... Там стоит во главе государства человек абсолютно непредсказуемый, отягощенный массой патологий, находящийся в несбалансированном состоянии психическом. Вы меня извините, но употребляющий наркотические средства, о чем известно западным журналистам....

Президент Медведев пригласил директора ФСБ Бортникова:

— Александр Васильевич, я хотел бы, чтобы вы мне доложили о ситуации на Северном Кавказе, о том, как обеспечивается там бе-

зопасность российских граждан, какие сейчас проблемы с террористической угрозой, особенно имея в виду агрессию, которую связала грузинская сторона в отношении Южной Осетии.

— Мы располагаем информацией, — сообщил директор ФСБ, — о том, что со стороны близлежащих государств на территорию Дагестана переброшена группа боевиков — это иностранные наемники. Мы отрабатываем эту группу совместно с нашими партнерами из стран СНГ. По нашим данным, грузинские спецслужбы в преддверии совершения акта агрессии в Южной Осетии вели активную разведывательную деятельность как на территории этой республики, так и в приграничных районах Российской Федерации. В настоящее время нами задержано девять агентов грузинских спецслужб, которые вели разведку воинских объектов и готовили террористические акты, в том числе и на территории Российской Федерации. Эта агентура дает признательные показания, работа ведется в рамках уголовных дел. Также задержан один из сотрудников спецслужб Грузии — с ним мы работаем в настоящее время, используя процессуальные действия, — который нелегально находился на территории Российской Федерации и руководил этой агентурой...

20 августа 2008 года Центр общественных связей ФСБ сообщил, что обвинение по статье 275-й Уголовного кодекса («государственная измена») предъявлено офицеру Российской армии Михаилу Хачидзе, который служил в одной из частей Северо-Кавказского военного округа: «...по заданию грузинской разведки занимался сбором секретных сведений в отношении российских вооруженных сил, боеготовности воинских частей, а также данных на своих сослуживцев».

В конце апреля 2009 года газеты рассказали, что ФСБ выявила в Сочи еще одного грузинского шпиона. Некий Мамука Майсурадзе приехал в Сочи в середине 2007 года с украинским паспортом, в следующем году открыл интернет-кафе. Платил налоги, каждые три месяца покидал страну, как положено, продлевал визу и возвращался.

В ФСБ сообщили, что навредить России Майсурадзе не успел. Но признался, что в Сочи был отправлен Специальной службой внешней разведки Грузии «с целью сбора информации об общественно-политической ситуации в регионе, а также о ходе подготовки проведения Олимпиады-2014». Сдал всех, кто помог ему легализоваться и кто сотрудничает с грузинской разведкой. После этого его просто выслали.

История произвела странное впечатление. Если ФСБ выявила людей, которые работают на иностранную разведку, почему против них не возбудили уголовное дело и отпустили Майсурадзе, который на суде мог быть свидетелем обвинения? Сам Майсурадзе рассказал в Тбилиси, что в Сочи его задерживала милиция, а не ФСБ. Потом его освободили, и он продолжал работать. А когда в очередной раз поехал в Тбилиси, узнал, что он шпион...

Во время августовской войны на Северном Кавказе украинский президент Виктор Ющенко фактически поддержал Михаила Саакашвили. Следственный комитет при прокуратуре России заявил, что в период августовской войны Украина помогала Грузии: «Получена информация о том, что на стороне грузинских вооруженных формирований в вооруженной агрессии в отношении Республики Южная Осетия принимали участие военнослужащие регулярных воинских подразделений министерства обороны Украины, а также не менее 200 членов украинской националистической организации УНА-УНСО...»

Это было уже серьезное обвинение.

В августе 2009 года Дмитрий Медведев отправил Виктору Ющенко беспрецедентное по резкости послание:

«То, что мы наблюдаем в годы Вашего президентства, нельзя воспринимать иначе, как отход украинской стороны от принципов дружбы и партнерства с Россией, закрепленных в Договоре 1997 года. Во время варварского нападения режима Саакашвили на Южную Осетию Украина заняла антироссийскую позицию. Те в Киеве, кто поставлял вооружения грузинской армии и, кстати, не намерен прекращать делать это и сейчас, полностью разделяют с Тбилиси ответственность за совершенные преступления.

Обращает внимание упрямое продолжение украинским руководством курса на вступление в НАТО, против которого выступают многие граждане страны. В качестве «аргумента» используются намеки на «российскую угрозу» безопасности Украины, которой, как Вы прекрасно знаете, нет и быть не может...

Российско-украинские отношения подвергаются испытаниям и в результате взятой Вашей администрацией линии на пересмотр общей истории, героизацию нацистских пособников, возвеличивание роли радикал-националистов, навязывание международному сообществу националистически окрашенных трактовок массового голода в СССР в 1932—1933 годах как «геноцида украинского народа»...»

Дмитрий Медведев назвал действия украинской власти антироссийскими и заявил, что откладывает приезд нового российского посла в Киев. Это было равнозначно отзыву посла. Главным обвинением была позиция руководства Украины во время августовской войны: «Именно из украинского оружия убивали мирных жителей и российских миротворцев».

Глава секретариата президента Украины Вера Ульянченко первой ответила на послание Медведева: «Агрессивная тональность обращения российского лидера, в сущности, касается не Виктора Андреевича Ющенко и его политики, а всего нашего государства и всего украинского народа».

Сам Ющенко 13 августа 2009 года отверг обвинения и предложил решить все проблемы за столом переговоров: «Внимательно ознакомился с Вашим письмом от 6 августа. Буду откровенен, очень разочарован его недружественным характером. Готовность

вести диалог я подтверждал в течение последнего года по меньшей мере трижды в своих письмах в Ваш адрес. Этот призыв остается актуальным и сегодня».

Украинские политики поразились небывало жесткими выражениями российского президента. Украинские журналисты отмечали «гнетущую атмосферу напряженности, вражды, даже ненависти». Градус противостояния достиг пугающей отметки.

В августе 2009 года Виктор Ющенко в интервью украинским журналистам сказал:

— Я бы исключил любые шаги, которые можно назвать военными. Сегодня пугать оружием или агрессией — это очень примитивное поведение. Украина не потеряет государственность. Миллионы людей встанут, чтобы этого не допустить...

20 ноября 2009 года ночью в Ялте Владимир Путин и председатель правительства Украины Юлия Тимошенко провели совместную пресс-конференцию. Путина спросили, что он думает о визите на Украину президента Грузии Михаила Саакашвили. По словам спецкора «Коммерсанта» Андрея Колесникова, Путин медленно подбирал слова:

— Бойцы вспоминали минувшие дни... и битвы, что вместе продули они... Что можно посоветовать и порекомендовать? Двум президентам лучше проводить ужин — если они будут ужинать — без галстуков. Галстуки нынче в цене — не ровен час... Ну, вы меня понимаете... Слопает гость у Ющенко галстук!

Это был намек на известную видеозапись, где президент Михаил Саакашвили в волнении жует свой галстук.

Столкнулись между собой и спецслужбы наших стран. В декабре 2009 года украинские власти потребовали, чтобы девятнадцать сотрудников Особого отдела ФСБ на Черноморском флоте вернулись домой. Офицеров российской военной контрразведки Киев подозревал в том, что они ведут в Крыму подрывную работу против украинской государственности.

— Мы создали мощное контрразведывательное подразделение, работающее в Симферополе, Севастополе, в других городах Крыма, — говорил тогдашний глава Службы безопасности Украины Валентин Наливайченко. — Украина сама может обеспечить безопасность Черноморского флота России, подразумевая весь комплекс возможных угроз.

Через месяц, 27 января 2010 года, в Одесской области сотрудники Службы безопасности Украины задержали четырех офицеров ФСБ. Сообщили, что один из них приехал из Москвы, чтобы встретиться с агентом-украинцем. Еще трое — из оперативной группы российских войск, расположенной в Приднестровском районе Молдовы, — осуществляли прикрытие контакта с агентом. Вроде бы руководил операцией начальник отдела военной контрразведки российской оперативной группы, но он сидел в отдельной машине и вовремя уехал.

Валентин Наливайченко поведал на пресс-конференции, что у арестованных российских офицеров найдено шпионское оборудование и две тысячи долларов, которыми они собирались вознаградить своего агента. Трех офицеров отпустили, запретив им въезжать на территорию Украины в течение пяти лет. Полковника, прибывшего из Москвы, этапировали в Киев.

Центр общественных связей ФСБ России сообщил, что события развивались иначе. Руслана Анатольевича Пилипенко, сотрудника главного управления разведки министерства обороны Украины, в октябре 2009 года засекли в Тирасполе (административная столица Приднестровья), где он занимался шпионажем на российском военном объекте. После задержания Пилипенко согласился представить информацию о враждебной деятельности против России. Но, видимо, вернувшись на Украину, передумал и обо всем доложил своему начальству. Украинские контрразведчики превратили его в агента-двойника, который помог заманить в ловушку сотрудников Федеральной службы безопасности России.

Украинские журналисты сообщали, что Александр Бортников обратился к Валентину Наливайченко с требованием немедленно освободить арестованного полковника ФСБ. Но проблема решилась только после смены власти на Украине. Новый президент Виктор Федорович Янукович сменил руководство ведомства госбезопасности. И новый глава СБУ Валерий Хорошковский изменил приоритеты своего ведомства.

19 мая 2010 года руководители Службы безопасности Украины и Федеральной службы безопасности договорились возобновить сотрудничество, прекратившееся при Ющенко. Считается, что в июне 2010 года департамент контрразведки СБУ перестал работать против ФСБ. Прежде всего решилась судьба военных контрразведчиков на российском Черноморском флоте, который базируется в Севастополе.

— Мы с коллегами из СБУ, — рассказал Бортников, — договорились о возвращении наших военных контрразведчиков в Севастополь.

Но Валерий Хорошковский в Киеве предупредил:

— Если сотрудники ФСБ будут выходить за пределы законодательного поля Украины, у нас есть все способы и средства для противодействия.

ПРЕЗИДЕНТ ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ

В марте 2009 года президент Чечни Рамзан Кадыров сказал, что в республике пора отменять режим контртеррористической операции. Властный руководитель республики желал сосредоточить в своих руках все рычаги управления. Президент Медведев поручил Александру Бортникову рассмотреть этот вопрос. ФСБ не

радовало сокращение полномочий оперативного аппарата в Чечне. Однако 16 апреля Медведев распорядился отменить режим. Поручение президента было выполнено. Но Северный Кавказ не стал безопасной зоной.

26 июля смертник взорвал себя перед театральным центром в Грозном. Видимо, боевики надеялись уничтожить Рамзана Кадырова, который собирался побывать в театре. Но погибли четыре офицера милиции и двое прохожих.

А вот президент Ингушетии едва не стал жертвой террористов. Юнус-Бека Евкурова пытались убить 22 июня 2009 года, в понедельник утром. В 8.30 утра президентский кортеж (четыре машины) направлялся из Назрани по трассе «Кавказ» в столицу республики Магас. Смертник, сидевший в начиненной взрывчаткой машине «тойота камри», атаковал кортеж президента. На месте взрыва образовалась огромная воронка, в домах по соседству вылетели стекла и двери. Бронированный «мерседес-221» сгорел. Президентский водитель Рамзан Евкуров погиб, пассажиров — начальника охраны Увайса Евкурова (они все родственники) и самого президента — выбросило из машины. Еще четыре охранника с ранениями попали в больницу, один из них скончался в больнице.

Президент Ингушетии чудом выжил. Он получил тяжелые ранения, санитарным самолетом Министерства по чрезвычайным ситуациям его эвакуировали в Москву и положили в Институт хирургии имени А.В. Вишневского.

Генерал-майор Юнус-Бек Баматгиреевич Евкуров стал президентом Ингушетии меньше чем за год до покушения, 31 октября 2008 года. Он родился в 1963 году в Пригородном районе, окончил Рязанское военно-воздушное командное училище, Академию имени М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба, то есть получил полноценное военное образование, открывавшее ему путь к высокой армейской карьере. Он получил звание Героя России и дослужился до должности заместителя начальника разведывательного управления Приволжско-Уральского военного округа.

Попытку убить президента Ингушетии директор ФСБ Бортников счел ответом на решительные действия силовых ведомств:

— После вступления Евкурова в должность произошла активизация деятельности по противодействию подполью. За последнее время проведено большое количество успешных спецопераций, в том числе с привлечением местных правоохранительных органов... Активность со стороны ингушской и чеченской милиции практически загнала бандитов в труднодоступные районы Ингушетии и Чечни. Естественно, бандподполье стало активно противодействовать и огрызаться...

Останки смертника — биоматериал — отправили на генную экспертизу. Выяснилось, что машина смертника была угнана, номера украдены. Следствие пришло к выводу, что покушение на президента Евкурова организовал боевик по кличке Магас (он же Али

Тазиев, бывший сержант отдела вневедомственной охраны ГУВД Назрани). 22 июня 2004 года Магас помог Шамилю Басаеву атаковать Ингушетию. С тех пор Магас был организатором чуть ли не всех крупнейших терактов на территории республики.

Утром 17 августа 2009 года смертник на «газели» въехал в Назрани во двор горотдела внутренних дел. Двадцать пять человек погибли. Только в июне 2010 года сотрудники ФСБ взяли Магаса...

А весной 2010 года боевики вновь добрались до Москвы. Это произошло утром в понедельник 29 марта. В 7.52 поезд, который шел от станции «Юго-Западная», остановился на «Лубянке». Взрыв произошел в тот момент, когда двери уже стали закрываться. А через сорок минут еще один — на станции «Парк культуры». Многие москвичи задавались потом вопросом: отчего же власти после первого взрыва не предупредили людей: сидите дома? А если бы взрывов было не два, а больше?

Все поразились тому, что после взрывов российское телевидение непозволительно долго молчало — когда москвичи обрывали телефоны, пытаясь выяснить, что же происходит в городе. Профессионально работал только канал «Евроньюс». Уже и когда стало известно о числе погибших, телеканалы не изменили сетку вещания, продолжали транслировать развлекательные шоу, фильмы и сериалы.

«Большой террор вернулся в Москву после шестилетнего перерыва, — писал «Московский комсомолец». — Москвичам придется возвращаться на войну, думать о войне, жить в войне. Но для того, чтобы ее выиграть, люди должны рассчитывать только на себя, потому что власть не способна их защитить».

«Люди в погонах, — считает депутат Государственной думы Александр Хинштейн, — настолько погрязли в коррупции и интригах, что у них просто нет времени заниматься своей основной работой. Терапевтическими мерами эту болезнь уже не вылечить, нужно хирургическое вмешательство. Мы уже привыкли, что никто из генералов у нас никогда и на за что не отвечает. Никто по гамбургскому счету не ответил за взрывы в московском метро в 2004 году. За теракты в самолетах. За Беслан. За два подрыва «Невского экспресса». Не ответит — я почти уверен — и за преступления нынешнее».

По обвинению во взрыве поезда «Невский экспресс» арестовали двоих питерских анархистов, потом их отпустили. Возникли новые подозреваемые — на сей раз из Ингушетии. Следствие шло полтора года, но Генпрокуратура отказалась утверждать обвинение. Потом заявили, что подрыв «Невского экспресса» — дело рук боевика Саида Бурятского, но уже после того, как он был 2 марта 2010 года ликвидирован в Ингушетии. 6 марта Бортников доложил об успехе президенту Медведеву.

Настоящее имя Саида Бурятского — Александр Тихомиров. Сын русской и бурята, он вырос в Улан-Удэ. Учился в медресе и в му-

сульманском университете Аль-Азхар в Каире. Когда в 2005 году вернулся в Россию, то именовал себя иначе — Саид Абу Саад аль-Бурьяти. Первоначально произносил проповеди, напирая на необходимость джихада против неверных. В мае 2008 года перешел от слов к делу, отправился на Северный Кавказ и вступил в отряд Доку Умарова, который назвал себя эмиром «Имамата Кавказ». Его отряд располагался на границе Ингушетии и Чечни. В мае 2009 года лагерь обстреляли ракетами, но Доку Умаров и Саид выжили. Саид Бурятский специализировался на подготовке смертников.

В среду, 31 марта 2010 года, продолжились теракты, совершенные смертниками. Два террориста взорвали себя в Кизляре (небольшой город в Дагестане, рядом с Чечней, считается перевалочной базой для террористов, направляющихся в Москву). Сначала подорвали машину с грузом взрывчатки. Когда приехала милиция, пожарные и врачи, взорвал себя затесавшийся в толпу второй смертник в милицейском кителе. Погибли двенадцать человек, в основном милиционеры, в том числе начальник городского отдела внутренних дел, было много раненых.

ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

После серии терактов полпред президента на Северном Кавказе Александр Хлопонин и руководители северокавказских республик настоятельно попросили Дмитрия Медведева информировать их о «внешней угрозе», о «противниках» России, о «внешнем факторе», с которым связан экстремизм. Они хотят черпать эту информацию не из газет, а получать сводки спецслужб. Иначе говоря, наши политики видят иностранный след. Чей?

Секретарь Совета безопасности Николай Патрушев обмолвился о «грузинском следе». Эта версия продолжения не имела. Руководитель Ингушетии не так давно втолковывал известному журналисту, что он-то хорошо понимает, кто в реальности стоит за терактами, кто пытается «дестабилизировать, не дать возможности возродиться России до былой державы»: это США, Великобритания, Израиль.

Возникает вопрос: официальные лица говорят то, что считают нужным, или что думают? Похоже, нет оснований сомневаться в искренности этих слов. Руководитель Ингушетии — недавний военный разведчик, для людей его профессии главный противник — Соединенные Штаты. В неофициальной обстановке, в частных беседах аналитики силовых ведомств повторяют, что им прекрасно известно, кто на самом деле стоит за всеми терактами против нашей страны: это конечно же американцы.

В отношениях с западными странами у России есть серьезные проблемы. Но список государств, которые многие годы так или иначе помогают террористам, известен. Это вовсе не Соединенные

Штаты, не Англия и не Израиль. Это ближневосточные государства, которые поощряют исламских радикалов по всему миру. В основном деньги террористам идут через благотворительные фонды. Благотворительные исламские организации — замечательное прикрытие. Одна и та же организация дала деньги на детский дом, больницу для туберкулезных больных и на два теракта...

Чеченским боевикам сочувствуют те, кто столько лет считался лучшими советскими друзьями, — арабские страны. В исламском мире не любят, когда задевают единоверцев. Контртеррористическая операция в Чечне была воспринята как попытка Москвы подавить стремление мусульманского населения к самостоятельности. В отместку боевики «Аль-Кайды» убили в 2006 году российских дипломатов в Ираке. События на Северном Кавказе — для радикальных кругов в исламском мире — это прежде всего восстание мусульман, которые желают жить по своим законам.

В своих пропагандистских материалах палестинцы называют уничтоженного Шамиля Басаева героем. Особым почетом в палестинской террористической организации ХАМАС, руководителей которой уважительно принимают в Москве, пользуется убитый иорданец Хаттаб. Ему посвящены такие слова: «О великий воин-герой, чьи глаза полны слез мечты! Аллах забрал твою жизнь в эпоху, когда все в мире извратилось, а люди потеряли разум. Ты отказался от брэнного мира и его услад во имя веры».

Всемирная исламская солидарность — не пустой звук. Ислам не признает границ, ислам безграничен. Любая страна, где исповедуется ислам, является родиной любого мусульманина. Вот почему исламисты считают возможным и необходимым приходить на помощь единоверцам по всему миру, в том числе и на Северном Кавказе.

Через несколько часов после взрывов у станции метро «Рижская» в Москве 31 августа 2004 года ответственность взяла на себя некая исламистская организация «Бригады Исламбули»: «Эта героическая акция была совершена ради поддержки чеченских мусульман. В будущем мы продолжим нашу борьбу против неверной и трусливой России, которая продолжает убийства мусульман. Русские испытуют тот же страх и те же страдания, которые они причиняли мусульманам».

Халед аль-Исламбули — лейтенант египетской армии, который убил президента Анвара Садата. Его брат, Мохаммед Шавки аль-Исламбули, стал соратником Усамы бен Ладена. Характерно, что исламские радикалы называют Россию врагом. Но «Бригады Исламбули» приписали себе чужое дело. За теракт на «Рижской» осудили своих — боевиков так называемого «карачаевского джамаата».

Президент Рамзан Кадыров уверяет, что «десять лет назад в Чечне были тысячи террористов из пятидесяти одной страны». Цифра поражает воображение, но за все эти годы появилось всего несколь-

ко сообщений об уничтоженных в Чечне иностранцах. Куда делись остальные?

Судя по сводкам ФСБ и МВД, добровольцы из арабских стран не играют сколько-нибудь заметной роли в террористическом подполье на Северном Кавказе. И сами террористы-смертники, и те, кто их готовит и отправляет убивать, — наши сограждане. И даже не всегда, как в случае с Саидом Бурятским или Павлом Косолаповым, выходцы с Северного Кавказа. Поэтому бороться с терроризмом нужно прежде всего внутри нашей страны. Но если руководитель республики твердо уверен, что террор приходит из-за границы, то единственное, что нужно, — держать границу на замке, не пускать чужих. И больше ничего не делать...

Есть ли какие-то основания полагать, что американские или вообще западные спецслужбы прямо или косвенно помогают бовикам, действующим на территории нашей страны? За два десятилетия вооруженного конфликта на Северном Кавказе не помню, чтобы наши спецслужбы — даже в моменты очень плохих отношений с теми или иными западными странами — представили какие-нибудь свидетельства этого. А всякий разумный человек понимает, что в борьбе с радикальными исламистами Соединенные Штаты и другие западные государства — лучшие союзники России.

Так почему же возникает «американский след»?

Ненависть к Америке, воспитанная советской пропагандой, укоренилась в сердцах и умах российских граждан, хотя далекая страна нисколько не виновата в несчастьях, постигших Россию в XX столетии. Современные политики охотно подогревают чувства, понимая, как увлекательны лозунги. А немалая часть нашей политической элиты просто помешалась на своей ненависти к Соединенным Штатам. Личные чувства некоторых политиков противоречат интересам государства. Слепой антиамериканизм мешает видеть реальную картину мира и ведет к непростительным ошибкам во внешней политике, отвлекает от главной задачи — модернизации экономики. Амбициозные планы экономического развития, которые строят Медведев и Путин, предполагают хорошие отношения с ведущей экономической державой Запада, а не конфронтацию.

Чем хорош для чиновников «иностраный след»? Он сразу снимает с них ответственность! Раз преступление готовилось извне, значит, они не виноваты. «Чужие» — это вообще универсальное оправдание. Милицейский начальник объясняет, что преступность в городе высокая, потому что преступники — гастролеры, приезжие: как же я их поймаю, если они сразу уезжают... Борец с наркотиками рассказывает, что вся проблема в афганском героине. Американцы в Афганистане не хотят уничтожать посевы опиумного мака. Специально травят нашу страну героином... А читаешь газеты — наши наркоманы мрут от местной гадости. И откуда у них деньги

на импортный героин? Полным-полно дешевой отравы отечественного производства.

«Иностранный след» избавляет не только от ответственности, но и от необходимости тяжело трудиться в российской глубинке и открывает чудесную возможность не вылезать из приятных загранкомандировок в комфортные западные страны. Там, на международных конференциях, как-то особенно хорошо, просто в удовольствие идет борьба с международным терроризмом, распространением наркотиков и другими несчастьями современного мира...

Президент Медведев, надо полагать, откликнется на просьбу руководителей северокавказских республик, и они станут получать разводки. Но если они вместе с силовиками увлекутся поиском «иностранного следа» в ущерб изучению положения в собственных республиках, то наши, доморощенные террористы получат возможность продолжить свою убийственную работу.

В июне 2010 года директор ФСБ Бортников заявил, что террористы планируют сорвать Олимпиаду в Сочи и даже постараются завладеть оружием массового уничтожения. До этого момента российское руководство всячески пыталось успокоить мировое общественное мнение: кавказский терроризм не мешает проведению Олимпийских игр.

МАЯТНИК ПОШЕЛ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

— Как-то, основываясь на оперативных материалах, — говорил журналистам Владимир Путин, еще будучи директором ФСБ, — я подробно рассказал Борису Николаевичу о том, как проводится предвыборная кампания в одной из соседних стран, где органы безопасности напрямую получают указания работать по оппозиции и добиваются при этом успеха. Президент меня выслушал и сказал: «Мы так работать не будем». Да, в ФСБ создано управление конституционной безопасности. Но оно «работает» не с оппозиционными партиями и движениями, а с экстремистскими — они могут быть как левого, так и правого толка...

С тех пор, видимо, многое изменилось. В число экстремистов записали весьма благонамеренных граждан, считающих своим долгом выражать несогласие с теми или иными шагами власти. На следующий день после президентских выборов, в понедельник 3 марта 2008 года, в Петербурге прошел «марш несогласных», за которым последовал концерт с участием популярного певца Юрия Шевчука. А в Москве такой же марш запретили. Тем не менее люди стали собираться, но их быстро разогнали. На следующий день корреспонденты газеты «Ведомости» отметили ключевую роль оперативных работников госбезопасности:

«Изучение оперативных съемок, которые вела ФСБ на всех маршах несогласных, видимо, не прошло даром. На углу Бульварного

кольца и Мясницкой улицы люди в штатском еще до семнадцати часов, на которые назначен был марш, заходили в «Макдоналдс», тыкали пальцами в определенных людей за столиками и говорили ОМОНу: «Этого!» И бойцы выхватывали из-за столика выявленного «несогласного»...

Люди в штатском стояли у выхода из метро, притворяясь пьяными, и громко говорили о выборах. Но в дискуссию с ними никто не вступал, и они сами стали выхватывать людей из небольшой толпы. Так и взяли лидеров коалиции «Другая Россия»...

К особенностям нашей духовной истории относится то, что понятия «интеллигент», «интеллигентный», «интеллигенция» неизменно сохраняют откровенно пренебрежительный оттенок. С этим пренебрежением к интеллекту давно следовало бы покончить, но ничего не меняется.

Настоящий интеллигент в силу самой своей природы расположен к критике. Неспособность к конформизму, стремление ставить под сомнение то, что другим кажется естественным, — то есть оппозиция всему существующему свойственна интеллигенту. Это и предопределяет его конфликт с властью. Интеллигент считает своим долгом быть еретиком, идти поперек течения, говорить не то, что говорят другие, противоречить общепринятой точке зрения и вступаться за всех униженных и оскорбленных. Поэтому интеллигентов так часто в нашей истории именовали антипатриотами и космополитами.

Так было всегда. После подавления революции 1905 года Максим Горький ездил по всему миру и призывал не давать кредиты царскому правительству. Это тоже казалось кому-то страшно непатриотично. Но как должен поступать настоящий интеллигент?

Есть две линии поведения. Одна — решительно протестовать против глупых, вредных и преступных действий власти. Так поступали, скажем, Александр Солженицын и Андрей Сахаров. Другая линия — пытаться воздействовать на власть изнутри, сдерживать ее. Так поступали Александр Твардовский, когда он редактировал журнал «Новый мир», и академик Петр Капица, который постоянно писал то Сталину, то Молотову, то Хрущеву и всякий раз чего-то добивался.

Какая модель поведения правильнее?

Скажем, Твардовский, постоянно делая реверансы в сторону ЦК и цензуры, сумел все-таки превратить «Новый мир» в форпост либеральной мысли. Академик Капица, пользуясь своим авторитетом, сумел многим помочь, а будущего лауреата Нобелевской премии Льва Ландау вытащил из тюрьмы.

Но они вынуждены были держаться в определенных рамках и своим сотрудничеством придавали власти видимость респектабельности. И в этом их упрекали. Сахаров и Солженицын считали, что важнее всего следовать своим принципам, а компромисс с властью губителен. Сахаров говорил так: сделать ничего нельзя, но и молчать нельзя.

Всегда возникает вопрос, какую цену человек готов заплатить за протест. Даже скромное выражение несогласия влекло за собой лишение каких-то привилегий. За границу не пускали, орден к юбилею не давали. Говорили, что Солженицын и Сахаров многое могут себе позволить благодаря своей мировой славе. Но слава была им относительной защитой. Одного выбросили из страны, другого отправили в ссылку.

Дмитрий Шостакович, когда его спросили, зачем он подписывает мерзкие коллективные письма, которые готовились в аппарате ЦК КПСС, сухо ответил: «Я их боюсь». Но немногие так прямо признавались, что им не хватает гражданского темперамента и мужества, необходимых для инакомыслящего.

Вот такой человек, как главный создатель ядерного оружия академик Юлий Харитон, мог сделать многое, чтобы воздействовать на власть и защитить несправедливо обиженных, но не захотел. Он считал, что его работа важнее всего остального, и не мог представить себе, что он лишится этой работы, уважения и почета.

Другим искренне не нравились диссиденты. Они видели в них разрушителей государства. Талантливый физик, будущий лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов не только не поддерживал диссидентов, но и заботился о том, чтобы их не было в его институте. Президент Академии наук Мстислав Келдыш выкручивал академиком руки, чтобы они подписывали письма с осуждением Сахарова.

Ну и наконец, третьих раздражает само наличие людей, готовых рискнуть всем ради своих принципов. Им неприятно сознавать, что они на это не способны. И им психологически важно развенчать тех, кто решился на мужественный поступок. Это инстинкт душевного самосохранения. Ведь психологически крайне неприятно, когда кто-то рядом продолжает говорить правду, а ты-то уже врешь. Поэтому так хочется, чтобы те, кто еще сопротивляется, как можно скорее замолчали, а еще лучше присоединились к общему хору.

В России легче встретить святого, чем безупречно порядочного человека, шутил когда-то философ Константин Леонтьев. Столкновение с безупречно порядочным человеком обескураживает и даже злит. Кстати говоря, многие люди остереглись бы ставить свои подписи под коллективными доносами и вообще сделали бы меньше гадостей, если бы знали, что советская система рухнет и все их поступки станут известны.

«Бодался теленок с дубом» — так Солженицын назвал когда-то свою попытку противостоять государственной машине. От лобового столкновения с дубом теленку приходится несладко. И лишь немногие на это решаются — как, скажем, известные правозащитники Людмила Михайловна Алексеева и Сергей Адамович Ковалев. Они принадлежат к тому редкостному типу бескорыстных людей, которые во все времена идут наперекор господствующему мнению,

нимало не беспокоясь о своей личной судьбе. Но много ли таких людей? И можно ли от кого-нибудь требовать подобной бескомпромиссности?

В своем недовольстве государственным аппаратом либеральная интеллигенция одинока. Большинство людей удовлетворены тем, что власть вновь берет в руки все нити управления обществом. Времена наступившей после крушения советской системы свободы многим людям вовсе не принесли счастья. Необходимость решать все самому оказалась невыносимо тяжким испытанием. Раньше человек знал, что будет завтра, что будет через десять лет, мог прогнозировать. И вдруг его заставили самого думать о завтрашнем дне, как прожить. К этому не приучали. И не каждый способен, особенно в солидном возрасте, научиться это делать.

Настроения общества в эпоху Путина поменялись.

Проведенный в начале 2001 года всероссийский опрос общественного мнения показал, что семьдесят семь процентов опрошенных считают Федеральную службу безопасности необходимым для страны ведомством. Изменился сам дух времени. Люди больше не хотят радикальных перемен. Они отвергают и революции, и революционеров.

«Для революции, — говорил в интервью «Новым известиям» бывший вице-премьер профессор Евгений Ясин, — характерны хаос, ослабление государства, период всеобщего недовольства, возникающего по поводу царящего в стране беспорядка.

Поэтому рано или поздно начинается процесс послереволюционной стабилизации. Он в России начался еще при Ельцине. В каком-то смысле эти процессы неизбежны. И в этой политической стабилизации неизбежны эксцессы. Скажем, такие же процессы после Великой французской революции кончились Наполеоном, после английской революции — Кромвелем, после Октябрьской — Сталиным. Я надеюсь, что Россию сейчас подобная судьба не ожидает».

Человек отчаянно ищет точку опоры. После всего, что было пережито, после всех бурь и волнений хочется покоя. Вчера люди бунтовали против власти, сегодня ищут у нее защиты. Многие полагают, что у нас не демократия, а анархия. А с анархией надо кончать. И тут очень пригодятся люди из спецслужб, которые занимают ныне такие заметные посты в государственном аппарате.

20 декабря 2000 года в интервью «Комсомольской правде» Николай Патрушев говорил о попытке «демонизировать» бывших сотрудников госбезопасности, которые пришли во властные структуры: «Появление на Старой площади, в Кремле и в регионах людей, прошедших школу руководящей работы в структурах национальной безопасности, — жизненная необходимость влить «свежую кровь» в управленческий корпус России, стремление задействовать потенциал ответственных и организованных людей, сохранивших, несмотря ни на что, «дух государственного служения». Это не безволь-

ные идеалисты, а жесткие прагматики, понимающие логику развития международных и внутривластных событий, вызревающих противоречий и угроз. При этом они хорошо понимают невозможность возврата к старому, необходимость развития страны на основе разумного соединения либеральных и традиционных ценностей».

Не очень ясно, какие ценности Патрушев считает «традиционными»? Если имеются в виду традиционные ценности Лубянки, о которых идет речь в этой книге, то они с правами человека, с нормальной жизнью едва ли соединимы.

Некоторые люди говорили, что после долгого периода вольницы страна нуждается в строгости, в наведении порядка, вот для этого и понадобились люди с Лубянки. Главное, чтобы они не перегнули палку... Но мысль о том, что палку обязательно перегнут, что маятник исторического развития в определенном смысле пошел назад, что укрепление государства будет связано с губительным для страны ограничением прав и свобод, многим приходит в голову. Как говорил когда-то выдающийся русский историк Василий Ключевский: в России, когда государство крепнет, народ чахнет.

Разгоны митингов несогласных и аресты правозащитников стали постоянной практикой. На это уходят немалые силы и госбезопасности, и милиции. А между тем существует куда более реальная угроза обществу.

ВООРУЖЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ

Утром 17 марта 2005 года, примерно в четверть десятого, служебный автомобиль председателя правления РАО «Единые энергетические системы России» Анатолия Борисовича Чубайса поравнялся с местом закладки фугаса, который был приведен в действие с помощью дистанционного взрывателя. Чубайса и других пассажиров автомобиля спасло то, что в момент взрыва водитель взял влево, обгоняя идущую впереди машину. Взрывная волна и осколки заряда заделали автомобиль Чубайса по касательной. Потом насчитали два десятка повреждений от пуль и осколков. Но автомобиль не потерял ходовые качества, поэтому водитель не остановился, а на большой скорости поехал дальше. Террористам не повезло. Появление на дороге случайной машины спутало все карты. План операции рухнул.

Анатолий Чубайс стал жертвой травли, сознательно организованной и подогреваемой. Его назначили виновным в народных бедах. Анатолия Борисовича обвиняют в том, что он сознательно губит Россию по указке Запада.

Проводить приватизацию Чубайса назначил покойный Гайдар.

«Поздно вечером в Архангельском, — вспоминал Егор Тимурович, — я сказал Чубайсу, что хочу его видеть во главе Госкомиму-

щества, иначе говоря — чтобы он взял на себя ответственность за разработку и реализацию программы приватизации. Обычно невозмутимый Толя тяжело вздохнул и спросил меня, понимаю ли я, что он станет человеком, которого будут всю жизнь обвинять в распродаже Родины».

Упоминание фамилии Чубайса вызывает массовое помешательство. Нелюбовь к нему имеет понятные основания — его считают виновным в том, что приватизация была проведена несправедливо. Но есть и какие-то иррациональные причины для такой сильной ненависти.

Возможно, дело в том, что Чубайс — это Штольц наших дней, немец Штольц, изображенный Иваном Гончаровым в романе «Обломов» как антипод главного героя, как олицетворение западной деловитости. Автор романа скорее симпатизировал умелому, толковому Штольцу, который если берется за дело, то исполняет его. Но вот Никита Михалков в фильме «Обломов» выставил немца Штольца глубоко чуждым России человеком. А Михалков тонко чувствует дух времени и настроения людей... Поклонников у Штольца, как и у Чубайса, маловато.

Вот характерный портрет Чубайса, написанный умелой рукой:

«В Чубайсе, каким я его видел, есть что-то от властного демона, одержимого собственной волей. Взгляд у него холодный и невидящий. Чубайс смотрит сквозь человека, мимо него. Это лицо имперского наместника, князя, владетельной персоны, пребывающего над жизнью, вне ее... Мне и в голову не могло прийти заговорить с ним. Он — выражением лица, усилением воли, излучением психики — создает вокруг себя невидимое, но физически осязаемое поле отталкивания, ледяное поле отчуждения...

Я подхожу совсем близко и смотрю ему в лицо. Это лицо человека, страдающего от температуры или повышенного давления. У него мешки под глазами. Но весь облик его — высокий рост, прямая спина, черная кожаная куртка, холодное властное выражение лица — как бы отталкивает и отвергает саму мысль о его возможной слабости... Несмотря на плохое самочувствие, он не отменяет совещаний и встреч, гонит себя вперед с безжалостностью человека, умеющего не обращать внимания на собственные самочувствие и настроение...

Чубайс, похоже, никого не предупреждает о своих решениях и никого никогда не ждет. Он просто движется в страшном темпе, без остановок, не обращая внимания на ночь, погоду, самочувствие, физические возможности людей, — движется к каким-то своим, только ему понятным целям...»

Портрет получился демонический и, видимо, не совсем справедливый. Твердости характера, хладнокровию и выдержке Анатолия Борисовича можно позавидовать. Этим пользуются не только его враги, но и те, кто держит его на высоких должностях. Все они охотно выставляют его как мишень, концентрируя на нем

всеобщую ненависть. Все знают, что жаловаться или оправдываться Чубайс не станет. Считает это ниже своего достоинства.

— Меня, — вспоминал сам Чубайс, — обещали застрелить, посадить, повесить на Красной площади, выплеснуть в лицо соляную кислоту, проклясть в будущих поколениях, зарезать при выходе с работы — уж всего и не припомню. Делалось это в «теплой» личной беседе, по телефону, с трибуны в больших залах, на площадях перед разъяренными толпами, в газетах с миллионными тиражами, по телевидению... Авторами этих угроз были не кто-нибудь, а крупнейшие политические деятели страны, лидеры коммунистических и фашистских партий...

Те, кто пытался убить Чубайса, были уверены, что теракт против председателя РАО «ЕЭС России» многие сограждане сочтут справедливой мстью врагам народа. За Чубайсом охотилось вооруженное националистическое подполье.

Следствие установило, что к теракту готовились минимум полгода. Один из участников преступной группы снял квартиру в поселке Жаворонки. Из окон этой квартиры просматривался и поселок, где постоянно живет Анатолий Чубайс, и дорога, по которой он каждый день едет на работу. Другие боевики изучали его маршрут, выбирая подходящее место для нападения. Они купили два автомата Калашникова, около тысячи патронов к ним, пистолет, электродетонатор и два взрывателя, камуфляжную экипировку и шапочки с прорезями для глаз.

Место для засады на Митькинском шоссе было подготовлено заранее. На обочине дороги заложили взрывное устройство, начиненное поражающими элементами в виде гвоздей, шайб, гаек. В лесу в полусотне метров от дороги оборудовали пять лежек, устланных лапником и подстилками из полиуретана. От места закладки взрывного устройства к одной из лежек протянули провода. К соседнему Минскому шоссе протоптали дорожку для отхода. Здесь, за строительным рынком, террористов ждала машина «сааб».

Говорили, что взрывное устройство было заложено на редкость непрофессионально — так что это не настоящее покушение. Но специалисты-подрывники утверждают, что взрывное устройство было заложено правильно и очень надежно. Террористы рассчитывали, что взрыв фугаса автомобиль Чубайса если не разворотит, то как минимум заставит остановиться. Пассажирам придется выскочить из кабины, и их добьют автоматным огнем. Но остановился только автомобиль охраны; террористы его обстреляли и побежали к Минскому шоссе, где их ждала машина.

Им вновь не повезло. Рванувший с места «сааб» заметил проезжавший мимо офицер дорожно-патрульной службы. Он даже запомнил номер машины. Это позволило следствию быстро найти и арестовать троих подозреваемых в теракте. Еще двое скрылись и были объявлены в розыск. Из этих пяти четверо служили в воз-

душно-десантных войсках и спецназе. Один, дослужившийся до полковника, защитил диссертацию на тему «Новые формы применения сил спецназа при проведении контртеррористических операций».

На гражданке они пытались использовать военный опыт. Одного подозревали в том, что он взорвал человека, но суд нашел обвинение недоказанным, и он получил три года за незаконное хранение оружия и взрывчатых веществ. Другого обвиняли в участии в перестрелке в кафе, где одного человека убили и нескольких ранили. И это обвинение также осталось недоказанным. Все они читали и хранили литературу яро националистического характера, в которой говорится, что Россия оккупирована чужеземной силой и у власти наемники Запада.

Бывший полковник спецназа, которого следствие считает руководителем преступной группы, втолковывал молодежи:

— Оружие в ваших руках — это очищающая сила. И она — в вашем праве убить человека напротив. Ты знаешь, что можешь прихлопнуть врага, и очищаешься.

После ареста он писал из следственного изолятора:

«С политической точки зрения уничтожение Чубайсов, Грефов, Кудриных, Путиных не является составом преступления. Наша родина находится под иудо-интернациональной оккупацией, и все акты вооруженной борьбы есть акты национально-освободительной борьбы. Режим Путина для нас, русских, опаснее Ельцина. Те свиньи крали нагло и открыто, а нынешние путинские крысы таскают национальное богатство втихую (чекисты все-таки!).»

Для меня оккупация России инородческой властью очевидна. То, что подполковник-гауляйтер оккупированной территории называется президентом Российской Федерации, а финансовые, телевизионные, нефтяные, энергетические и другие гауляйтеры — председателями правлений, генеральными директорами или еще как-нибудь, в сути самой оккупации ничего не меняет...

Поэтому те люди, которые попытались уничтожить Чубайса, не могут быть преступниками и террористами, как не были бандитами советские партизаны в годы войны... Неудача диверсионной акции партизан по уничтожению самой одиозной фигуры российской демократии говорит о том, что Господь не допустил быстрой и безболезненной смерти Чубайса и уготовил ему и всей этой шайке другое, более тяжкое наказание. Что же, подождем».

Российское Бюро по правам человека сочло такого рода высказывания экстремистскими и обратилось в прокуратуру. Последствий это не имело. Дело о попытке убить Чубайса расследовали вполне умело и квалифицированно. Но в правоохранительных органах множество людей, которые разделяют взгляды тех, кого они арестовали.

Нашлись люди, считающие героем человека, который публично говорит, что Анатолия Чубайса нужно убить. Причем это люди вли-

ятельные и денежные. Они мобилизовали силы и средства для того, чтобы дважды выдвинуть в Государственную думу человека, обвиняемого в попытке совершить убийство. Никто из них не принял расчет то обстоятельство, что, если бы теракт удался, погиб бы не только Чубайс, но и другие невинные люди, те, кто ехал с ним в машине, начиная с водителя.

Вдохновители и заказчики теракта так и не были найдены. Или не названы. Те, кого следствие считает участниками теракта, — это бывшие офицеры (некоторые с сомнительным прошлым), придерживающиеся агрессивно-националистических взглядов. Что такое наши сегодняшние ультранационалисты? Это бесконечные разговоры о ненавистном Западе, ненависть и злоба к окружающему миру. Они озабочены еврейской темой и заняты борьбой если не с всемирным еврейством, то, как минимум, с сионизмом и масонством.

Осенью 1994 года председатель Государственного комитета по делам печати Борис Сергеевич Миронов громогласно заявил: «Если русский национализм — это фашизм, тогда я — фашист». Он был освобожден от должности. Но ведь когда этот человек в ранге министра говорил нечто подобное, то рассчитывал, что его поддержат. И не ошибся. Его объявили в розыск по обвинению в разжигании межнациональной розни. Борис Миронов исчез. Его долго не могли найти, а потом, задержав, быстро отпустили. Его сына, работавшего в аппарате фракции «Родина» в Государственной думе, прокуратура назвала соучастником попытки убить Чубайса.

У экстремистских организаций пока нет серьезных лидеров. Но это вовсе не означает, что все эти фашистские, полуфашистские, радикально-националистические группы рассыплются и исчезнут сами по себе. В ожидании умелого лидера, который придаст им вес в стране, они занялись террором.

В нашей стране существует мощная система госбезопасности с разветвленной агентурной сетью. Коллеги-журналисты, занимающиеся правоохранительной тематикой, говорят, что своими глазами видели оперативную съемку различных националистических боевых групп, которые не только избивают и убивают иностранцев в России, но и готовятся к более крупным делам. Осваивают боевые искусства, стрелковое оружие, взрывные работы и клянутся свергнуть «антинародное правительство». На вопрос оперативному работнику «Почему же вы их не прихлопнете?» следовал стереотипный ответ: «Нет команды». Иногда возникало ощущение, что скинхедов фактически защищают: неплохие ребята, патриотично настроены, нам такие нужны...

После покушения на Чубайса возник вопрос: каков масштаб этого подполья?

По словам министра внутренних дел Рашида Нургалиева, на оперативно-профилактический учет поставлено больше пяти тысяч человек. Министр признал, что «неформальные молодежные группировки представляют серьезную угрозу для безопасности страны».

Еще бы! Пять тысяч поставленных на учет — это целая армия. В Чечне боевиков значительно меньше.

Владислав Сурков, первый заместитель руководителя президентской администрации, выступая перед активистами партии «Единая Россия», очень откровенно говорил о влиятельной группе в российском истеблишменте: это люди, которые называют себя патриотами, а в реальности «это почти нацисты».

Вот что интересно. Вооруженное подполье ненавидит не только евреев или выходцев с Кавказа, но и Владимира Путина. Эти люди открыто заявляют о своей ненависти к нему, кричат, что Путин уничтожает русский народ, и остаются на свободе.

Выступая на заседании коллегии Министерства внутренних дел, Путин говорил:

— Деятельность экстремистских группировок становится все более агрессивной, приобретает жесткие формы. Правоохранительные органы недооценили опасность всплеска преступлений на почве ксенофобии, расовой, национальной и религиозной неприязни.

Но в конце концов, это чиновники решают: какие указания исполнять, а какие можно пропустить мимо ушей. Аппарат пронизан людьми, которые сами зачитываются мерзкой антисемитской и антигосударственной литературой, той самой, что вдохновила группу террористов, пытавшихся убить Анатолия Чубайса.

МИЛИЦИЯ ПОД КОЛПАКОМ?

В последние годы Федеральная служба безопасности в значительной степени восстановила свои позиции в государстве, утраченные в годы перестройки, распада Советского Союза и формирования Российской Федерации.

— Федеральная служба безопасности, — говорил Владимир Путин еще в ту пору, когда сам руководил ведомством госбезопасности, — сама по себе системообразующая структура, которая с помощью специальных сил и средств изнутри контролирует практически все силовые ведомства.

«Функции органов безопасности в войсках, — отмечал генерал армии Сергей Смирнов, первый заместитель директора ФСБ, а в прошлом начальник Бортникова в питерском управлении, — несколько шире, чем функции других контрразведывательных подразделений ФСБ, поскольку в вооруженных силах нет своих спецслужб, которые бы занимались оперативно-разыскной деятельностью в интересах борьбы с преступлениями, не относящимися к компетенции ФСБ. Вот почему в армии и на флоте к мнению представителей контрразведки прислушиваются, например, при решении вопросов расстановки военных кадров...»

Ведомство госбезопасности контролирует и органы внутренних дел. То и дело появляются сообщения о задержании силами ФСБ

милиционеров, занимающихся незаконным промыслом, в том числе — по частным заказам коммерсантов — незаконной слежкой и прослушиванием телефонных разговоров. Почему же «оперативное обслуживание» чекистами органов внутренних дел не спасает общество от милиционеров-преступников?

А милицееское сообщество обижено. Уверено, что сообщения о преступлениях, каждодневно совершаемых милиционерами, — кампания по дискредитации Министерства внутренних дел. Начальник столичного ГУВД генерал Владимир Александрович Колокольцев презрительно отозвался о российской прессе: ведет себя, как западные журналисты во время холодной войны, которые рылись у нас на помойках, выискивая недостатки. Господи, оказывается, генерал Колокольцев всерьез воспринимал эти плоские и примитивные карикатуры в советской печати...

Обижены генералы, конечно, и на майора Дениса Евсюкова, который убил двоих и ранил семерых, — за то, что дал повод. Евсюков уже осознал, в чем он виноват: извинился перед министром внутренних дел, перед своим руководством... Но уже поздно. Бывший начальник московской милиции генерал-полковник Владимир Пронин, приехав на место преступления, спросил Евсюкова: «Что же ты не застрелился?..» Говорю ему: а если у тебя такая возможность будет?» Как, кстати, такое «приглашение» к самоубийству называется на языке Уголовного кодекса?..

Генеральская логика понятна: покончил бы майор с собой, не было бы процесса и выяснения того, как человек с задатками серийного убийцы мог успешно продвигаться по карьерной лестнице. Интересно было услышать от генерала Пронина и оценку самого процесса: «шоу с адвокатами и СМИ». Так, оказывается, милицееские начальники воспринимают суд... Но в первую очередь генералы обиделись на власть, разрешившую изо дня в день говорить о милицееских преступлениях.

Обыкновенно нам рассказывают о талантливых и бескорыстных сыщиках, блистательных профессионалах. Но мы их не знаем и не видим. Они явное меньшинство. Мы сталкиваемся в повседневной жизни с совсем другими людьми. Офицер милиции выхватывает пистолет и убивает ни в чем не повинных граждан, другой подбрасывает наркотики, чтобы был повод для ареста, третий на допросе пытается подозреваемого до смерти, четвертый вообще промышляет грабежами. Причина, по мнению руководителей МВД, в том, что платят милиционерам мало и они не в силах отказаться от взятки, когда ее предлагают. Вообще-то у нас в стране многие получают маленькую зарплату, с трудом сводят концы с концами. Но при этом не берут взятки, не воруют и не убивают.

Почему так много преступников оказывается именно среди милиционеров? Что, изначально вербуют людей с порочными наклонностями? Или сама служба построена так, что у человека формируется не интерес к работе, а, напротив, стойкая ненависть к своему

делу и стремление воспользоваться своей должностью, чтобы заработать?

Ревнивый муж, оскорбленный мужчина может ударить обидчика. Но если человек методично убивает одного за другим, если он пытается свою жертву, то мы имеем дело с патологическими отклонениями. Эти наклонности не могли не проявляться и прежде. Вот в чем главный вопрос: никто ничего не замечал? Или же, напротив, люди с этими качествами и находят себя в милиции? Неужели оперативные работники ФСБ не в состоянии их выявить и убрать со службы?

Не знаю, проводилось ли комплексное социопсихологическое обследование молодежи, которая приходит в милицию. По собственному опыту каждый из нас может сказать: молодой человек идет в милицию не для того, чтобы служить закону. Форма и оружие открывают широкие возможности. Просить ничего не надо, сами придут и все предложат. Лакомое место для тех, кто умеет извлекать пользу из своего положения. Во-первых, это сравнительно легкий способ зарабатывания денег. Во-вторых, можно удовлетворить страсть к власти над людьми. Разве входящих в правоохранительные органы молодых людей учат защищать и охранять граждан? Разве, отправляя патрулировать город, говорят: помогайте людям, оберегайте их от неприятностей, спасайте от преступников? Учат их совсем другому: хватать и разгонять, сажать и наказывать.

Думаю, что пагубную роль сыграла и отправка милиционеров на Северный Кавказ. Не только ОМОНЫ, но и обычные милиционеры вахтовым методом годами проходили через эти горячие точки. Кому-то кажется, что этот опыт идет милиции на пользу. Но задача милиционера отличается от задачи военного или чекиста. Милиционера должны учить тому, как защищать людей, как им помогать. Чеченский опыт дает совсем другое. Он учит подозревать решительно всех — от мала до велика, он учит видеть во всех, кто тебя окружает, врага: и если хочешь уцелеть, должен выстрелить первым.

Как с таким опытом может работать милиционер в российском городе? Люди, среди которых он находится, не являются врагами. В большинстве своем это нормальные, законопослушные граждане, которым нужна помощь милиционера. В крайнем случае он имеет дело с подозреваемыми, с теми, кого требуется задержать, чтобы он предстал перед правосудием. Но его учили другому — гранату в окно, очередь из автомата, а потом уже смотреть, кто там в комнате...

Есть ли выход? Конечно есть. На Кавказе пусть действуют спецслужбы. Это их удел. А милиция должна заниматься своим делом. Вообще надо освободить милицию от того, что ее разлагает. Если милиционеру поручают проверять документы у людей неславянской внешности, то всякий понимает, чем это заканчивается: отъемом

денег и мобильных телефонов. Пострадавшая сторона — не приезд, а все мы: милиционера просто толкают на преступный путь.

И что совершенно очевидно — не обойтись без смены командного состава. Меньше всего заинтересовано в переменах милицееское начальство. Генералы не хотят, чтобы их подчиненные перестали крышевать бизнес: они же в доле! Генералы против того, чтобы их людей сурово наказывали — а то испугаются и перестанут приносить деньги. Кто сомневается в том, что милицееские начальники встроены в систему всеобщей коррупции? Рядовой милиционер же все видит. Если генерал построил замечательный особняк и вся его семья ездит на «мерседесах» и «вольво», отчего же подчиненному нельзя получить свою долю? И он получает! Остается непонятным, почему это не видят сотрудники оперативных подразделений ФСБ, которые должны контролировать милицию? А если видят, почему все это продолжается?

Если твердо ограничить милицию ее непосредственными обязанностями, тогда и отбор нужно производить так же скрупулезно, как в спецслужбе. В ФСБ кандидата проверяют иногда целый год, беседуя с ним, определяя его характер и наклонности, используют детектор лжи, подключают профессиональных психологов. И это тоже не гарантирует от ошибки, но все же: людей с очевидно патологическими наклонностями, прирожденных преступников можно отсеять.

Скажут: Федеральная служба безопасности вербует сравнительно немного людей, поэтому у ее кадровиков есть время и ресурсы для тщательной проверки, а в милицию берут сотни тысяч. Стражей порядка катастрофически не хватает, и выбирать не приходится... Но ведь не нужно же такое количество людей в мышинных мундирчиках, которые бродят по городу, болтают по мобильному телефону, с тоской (а то и с ненавистью!) глядя на окружающий мир. Надо брать в милицию меньше людей и проверять их так, как проверяют в ФСБ.

ВЛАСТЬ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВЛАСТИ

Законопроект, наделяющий Федеральную службу безопасности дополнительными полномочиями, летом 2010 года легко был принят в первом чтении, несмотря на то что Владимир Петрович Лукин, уполномоченный по правам человека, представил официальное отрицательное заключение и на слушаниях в Думе назвал его «одним из самых опасных».

Заметим: Лукин — не правозащитник-общественник, а высший — в этой сфере — государственный чиновник. Если он высказывает такое мнение, законопроект должен быть отозван. Либо переработан, либо похоронен. Иначе в чем смысл его должности? Но, похоже, государственный механизм не работает. Пожалуй,

именно об этом свидетельствует само появление законопроекта, который ведомство упорно проталкивало несколько лет и в конце концов одолело сопротивление аппарата правительства. Даже Московская городская дума обнаружила в законопроекте массу «несуразностей» и до голосования в Государственной думе пыталась обратить на это внимание ФСБ, но безуспешно. Надо отдать должное мощной пробивной силе ведомства госбезопасности...

В чем смысл полномочий, которыми желает обрести ФСБ? Оперативные работники получают право: вызвать любого человека, если считают, что он намерен (!) совершить противоправное действие (то есть речь идет о людях, которые никакого преступления не совершили!), вынести ему предупреждение (за несовершенное преступление!), а в случае неподчинения наказать лишением свободы (без суда!).

Говорят, что закон необходим для превентивных действий: остановить радикалов и экстремистов раньше, чем они перейдут от слов к делу и совершат преступление.

Мы не одни на этой земле. Во время съемок фильма в ФРГ я беседовал с руководителями отдела по борьбе с экстремизмом ведомства по охране конституции (немецкая контрразведка). Как работают немцы? Оперативные работники собирают печатные материалы левых и правых радикалов, ходят на все их собрания. Если ведомство приходит к выводу, что в деятельности группы есть признаки тяготения к экстремизму, к насильственным действиям, начинается полноценная работа путем вербовки агенты, тайного наблюдения, секретного фотографирования, подслушивания телефонных переговоров и перлюстрации переписки. Правомерность каждой такой операции изучается специальной комиссией бундестага... Если агентурная работа показывает, что деятельность группы противоречит конституции, материалы передают министерству юстиции, и ее запрещают. Если выясняется, что кто-то совершил уголовно наказуемое деяние, то материалы передаются полиции для привлечения к суду.

Ведомство по охране конституции ФРГ не имеет права проводить аресты, обыски и вести следствие. Немецкое общество не хочет искушать всевластием даже самых преданных своих защитников. Правы немцы или не правы? Надо судить по результату: террористическая деятельность левых и правых радикалов в стране практически подавлена. Поезда или автомобили с губернаторами, как у нас, в Германии не взрывают...

На слушаниях в Думе депутаты — бывшие сотрудники прокуратуры и КГБ — говорили, что для борьбы с террористами и вообще со всеми, кто нарушает закон, у правоохранительных органов достаточно полномочий. Выявили экстремиста, который призывает убивать или взрывать, — передайте дело в прокуратуру!

С тех пор как земледельческие племена отделились от скотоводческих, в мире нарастает разделение труда. В сфере, о кото-

рой мы говорим, одни ведут оперативную работу, другие — следствие, третьи поддерживают обвинение в суде, четвертые выносят приговор, пятые его исполняют. Законопроект, на котором настаивает ФСБ, — архаичен, возвращает общество к давним временам, когда чекисты сами решали, кто виноват, и определяли меру наказания.

Нет смысла лукавить. Пояснительная записка к законопроекту начинается со слов: «Отдельные средства массовой информации, как печатные, так и электронные, открыто способствуют формированию негативных процессов в духовной сфере». Это точно объясняет смысл усилий ФСБ. Ведомство госбезопасности подбирает инструменты, позволяющие вернуть влияние, утраченное при смене политического строя. Сейчас ведомство не может, как прежде, помешать выезду за границу, на кадровые назначения накладывает вето только в государственном аппарате... Если закон примут, появится еще один мощный инструмент власти.

Владимир Лукин отметил в Думе, что законопроект ставит в неудобное положение руководителей нашего государства: выходит, они говорят одно, а делают совсем другое. Подобные законы нигде, за исключением таких стран, как Северная Корея или Куба, не принимаются. Ведомственный интерес вновь берет верх над государственным?

Новый законопроект дополняет уже принятое законодательство о борьбе с экстремизмом. Сошлюсь на мнение очень компетентного и уважаемого мной человека — одного из героев этой книги, бывшего директора ФСБ генерал-полковника Николая Голушко. «Недавно в судопроизводство, — пишет Голушко, — была введена уголовная ответственность за различные формы экстремизма. Поверьте моему профессиональному чутью, — применение этих норм Уголовного кодекса принесет больше несчастий, чем существовавшая ответственность за клевету на советский государственный и общественный строй».

Такой опытный специалист, как генерал Голушко, понимает, что подобные законы толкают оперативного работника на старый путь — выявлять людей, которые позволяют себе критиковать власть, федеральную или местную, и затыкать им рот.

Совет по правам человека при президенте России (председатель Элла Памфилова) обратился к Дмитрию Медведеву с просьбой остановить принятие законопроекта, расширяющего полномочия ФСБ: «Такого рода возрождение худших и незаконных практик тоталитарного государства с целью посеять страх и недоверие в людях не может быть воспринято обществом иначе как легитимизация подавления гражданских свобод и инакомыслия».

Когда-то так называемая «профилактика» была большим прогрессом. Выяснилось, что за «сомнительные» разговоры можно и не сажать. Или, как минимум, сажать не сразу. Но ведь все равно творили преступление — наказывали за высказывание своего мнения!

Выжигали инакомыслие. Пока, наконец, ставший генеральным секретарем Михаил Сергеевич Горбачев не возмутился:

— Слушайте, они же сидят за то, что я сейчас говорю на политбюро!

Но на Лубянке по-прежнему исходят из того, что главная опасность проистекает от идеологической эрозии, поэтому нужны инструменты контроля над духовным состоянием общества. Это откровенно объяснил один из генералов ФСБ: «По ряду объективных, связанных с фундаментальными особенностями России причин в ней всегда особое внимание уделялось защите государства от «внутренней крамолы», то есть, говоря современным языком, от угроз безопасности в социально-политической сфере, ибо «внутренняя крамола» для России всегда была страшнее любого военного вторжения».

Борьба с крамолы — это не борьба с терроризмом или с экстремизмом. Это попытка влиять на умонастроения в обществе, управлять обществом. Это уже чистая политика, что выходит за пределы компетенции спецслужб! Принятие закона будет означать, что немалая власть перетекает от политического руководства к спецслужбам. И руководство страны не возражает? Что это означает? Политики сознательно отказываются от своих полномочий?

В нашей стране взаимоотношения между политической властью и госбезопасностью всегда складывались сложно. Сталин боялся усиления полномочий чекистов. Каждые два-три года менял команду на Лубянке (в основном расстреливал), бесконечно тасовал чекистов, не давая им укрепиться на своих постах. Советские политики боялись ведомства, которое сами же создали. Назначая председателем КГБ Александра Шелепина, бывшего руководителя комсомола, человека со стороны, Хрущев сказал ему:

— У меня к вам еще просьба — сделайте все, чтобы меня не подслушивали.

Никита Сергеевич требовал не только от центрального аппарата, но и от местных органов КГБ отчитываться перед партийными комитетами. Обкомы и крайкомы могли попросить ЦК убрать не понравившегося им руководителя управления госбезопасности.

Политических работников постоянно переводили на Лубянку, а вот офицеров КГБ первыми секретарями обкомов и председателями облисполкомов не делали и в ЦК не брали. Это считалось невозможным. Было одно исключение — Гейдар Алиев. По одной причине: в Азербайджане нужно было во что бы то ни стало подавить коррупцию. Борис Пуго в Латвии или Гиви Гумбаридзе в Грузии тоже стали первыми секретарями республиканских ЦК с должности председателя республиканского КГБ, но они оба не были профессиональными чекистами, а всю жизнь провели на партийно-комсомольской работе...

А вот усиление роли госбезопасности накануне перестройки свидетельствовало об ослаблении политической власти, ее дряблости,

нежелании и неспособности руководить страной. Это стало заметно в начале восьмидесятых, когда больной Брежнев буквально бежал из Кремля, чтобы избавиться себя от всех проблем.

Но сейчас у власти сравнительно молодые и физически крепкие люди. Не похоже, чтобы они собирались на покой. Так что же означает готовность перепоручить госбезопасности политическую работу? Желание оградить себя от неприятностей, перевалить на других неприятную работу?

Помню впечатления от командировки в Иркутск. Иркутяне только и говорили что о проигрыше «Единой России» на выборах мэров Иркутска и Братска, предсказывали поражение партии власти и в Ангарске. Анализ выборов выявил непрофессионализм, откровенную слабость проигравшей команды, которая до момента объявления итогов голосования пребывала в приятной уверенности, что победа у нее в кармане. Местная власть проявила редкостное нежелание понять степень отчаяния людей, у которых нет и не будет работы, и что-то для них сделать.

Но конечно же проще увидеть в политических неудачах заговор, происки экстремистов. Вот и возникает соблазн поручить политику чекистам. Снять с себя эту обузу. Но без повседневной тренировки политические мускулы дрябнут. Теряется хватка, утрачивается умение справляться со сложными проблемами, способность выдерживать стрессы. Если политики желают въехать в рай на чужом горбу, сами возиться не хотят, а говорят подчиненным: «Вы действуйте, а я подожду в сторонке», то, как правило, подчиненные рано или поздно приходят к выводу, что они справятся и сами. И забирают политическую власть.

Приложение

ХОЗЯЕВА ЛУБЯНКИ

Дзержинский Феликс Эдмундович — председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) с декабря 1917 г. по февраль 1922 г., председатель Государственного политического управления при НКВД РСФСР (ГПУ) с февраля 1922 г. по ноябрь 1923 г., председатель Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ) с ноября 1923 г. по июль 1926 г.

Менжинский Вячеслав Рудольфович — председатель ОГПУ с июля 1926 г. по май 1934 г.

Ягода Генрих Григорьевич — народный комиссар внутренних дел с июля 1934 г. по сентябрь 1936 г.

Ежов Николай Иванович — нарком внутренних дел с сентября 1936 г. по ноябрь 1938 г.

Берия Лаврентий Павлович — нарком внутренних дел с ноября 1938 г. по декабрь 1945 г., министр внутренних дел с 5 марта по 26 июня 1953 г.

Меркулов Всеволод Николаевич — нарком государственной безопасности с февраля по июль 1941 г. и с апреля 1943 г. по март 1946 г., министр государственной безопасности с марта по май 1946 г.

Абакумов Виктор Семенович — министр госбезопасности с мая 1946 г. по июль 1951 г.

Круглов Сергей Никифорович — нарком внутренних дел с декабря 1945 г. по март 1946 г., министр внутренних дел с марта 1946 г. по март 1953 г. и с июня 1953 г. по январь 1956 г.

Игнатьев Семен Денисович — министр госбезопасности с августа 1951 г. по март 1953 г.

Серов Иван Александрович — председатель КГБ при Совете министров СССР с марта 1954 г. по декабрь 1958 г.

Шелепин Александр Николаевич — председатель КГБ с декабря 1958 г. по ноябрь 1961 г.

Семичастный Владимир Ефимович — председатель КГБ с ноября 1961 г. по май 1967 г.

Андропов Юрий Владимирович — председатель КГБ с мая 1967 г. по май 1982 г.

Федорчук Виталий Васильевич — председатель КГБ с мая по декабрь 1982 г.

Чебриков Виктор Михайлович — председатель КГБ с декабря 1982 г. по октябрь 1988 г.

Крючков Владимир Александрович — председатель КГБ с октября 1988 г. по август 1991 г.

Бакатин Вадим Викторович — председатель КГБ с августа по октябрь 1991 г., директор Межреспубликанской службы безопасности с октября по декабрь 1991 г.

Баранников Виктор Павлович — генеральный директор Агентства федеральной безопасности в январе 1992 г., министр безопасности с января 1992 г. по июль 1993 г.

Голушко Николай Михайлович — министр безопасности с июля по декабрь 1993 г., директор Федеральной службы контрразведки с декабря 1993 г. по февраль 1994 г.

Степаншин Сергей Вадимович — директор Федеральной службы контрразведки с марта 1994 г. по апрель 1995 г., директор Федеральной службы безопасности в апреле—июне 1995 г.

Барсуков Михаил Иванович — директор ФСБ с июня 1995 г. по июнь 1996 г.

Ковалев Николай Дмитриевич — директор ФСБ с июня 1996 г. по июль 1998 г.

Путин Владимир Владимирович — директор ФСБ с июля 1998 г. по август 1999 г.

Патрушев Николай Платонович — директор ФСБ с августа 1999 г. по май 2008 г.

Бортников Александр Васильевич — директор ФСБ с мая 2008 г.

Содержание

От автора 3

Часть первая ЭПОХА ДЗЕРЖИНСКОГО

Глава 1. ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ ДЗЕРЖИНСКИЙ 5
Глава 2. ВЯЧЕСЛАВ РУДОЛЬФОВИЧ МЕНЖИНСКИЙ 49

Часть вторая БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

Глава 3. ГЕНРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯГОДА 93
Глава 4. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ 139
Глава 5. ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ 191
Глава 6. ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ МЕРКУЛОВ 234

Часть третья СТАЛИНСКИЙ ЗАКАТ

Глава 7. ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ АБАКУМОВ 282
Глава 8. СЕМЕН ДЕНИСОВИЧ ИГНАТЬЕВ 332
Глава 9. ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ:
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ 365

Часть четвертая ЭПОХА ХРУЩЕВА

Глава 10. СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ КРУГЛОВ 399
Глава 11. ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ 427
Глава 12. АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ШЕЛЕПИН 480
Глава 13. ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ СЕМИЧАСТНЫЙ 512

Часть пятая
ЭПОХА БРЕЖНЕВА

Глава 14. ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ	549
Глава 15. ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФЕДОРЧУК	612
Глава 16. ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕБРИКОВ	646

Часть шестая
ЭПОХА ГОРБАЧЕВА

Глава 17. ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЮЧКОВ.....	673
Глава 18. ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ БАКАТИН.....	712

Часть седьмая
ЭПОХА ЕЛЬЦИНА

Глава 19. ВИКТОР ПАВЛОВИЧ БАРАННИКОВ	745
Глава 20. НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛУШКО.....	756
Глава 21. СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ СТЕПАШИН	766
Глава 22. МИХАИЛ ИВАНОВИЧ БАРСУКОВ	784
Глава 23. НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ КОВАЛЕВ	802

Часть восьмая
ЭПОХА ПУТИНА

Глава 24. ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН	815
Глава 25. НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ ПАТРУШЕВ	853
Глава 26. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ БОРТНИКОВ	881

Приложение	915
------------------	-----

Млечин Леонид Михайлович
КГБ
Председатели органов госбезопасности
Рассекреченные судьбы
Издание четвертое, дополненное

Ответственный за выпуск *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.Н. Должикова*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 12.08.2011.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,5.
Уч.-изд. л. 61,61 + вклейка = 62,67.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 7443.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

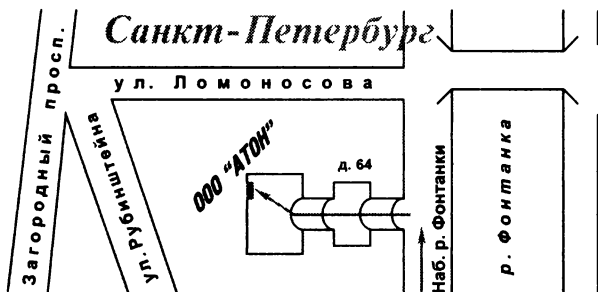

Москва – ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел – тел. (495) 684-49-68; пн–пт – 10.00–19.00, сб – 10.00–17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону – Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн–пт – 9.00–18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН». Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 575-52-80, (812) 575-52-81. Пн–пт – 9.00–18.30; сб, вскр – выходной. E-mail: aton@peterlink.ru

Портреты руководителей ведомства госбезопасности с 1917 года и по наше время — это одна из самых популярных, удачных и часто переиздающихся книг Леонида Млечина.

Таинственные хозяева Лубянки неизменно привлекают наш интерес. Среди них были фигуры яркие и посредственности, люди, поистине определявшие политику страны, и простые исполнители приказов высшей власти. Каждого пятого из них расстреляли. Но двое — Юрий Андропов и Владимир Путин — стали руководителями нашего государства.

Чекисты — закрытая и очень влиятельная корпорация. Многие люди с Лубянки уверены, что на чекистах и держится страна. Какую роль органы госбезопасности играли в истории нашей страны? Виновны ли они в драмах и трагедиях России XX столетия? Что происходит на Лубянке в наши дни? Об этом в новом, переработанном издании книги Леонида Млечина.

ISBN 978-5-227-03135-8

ЦЕНТРОЛИГРАФ®